VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

30 к.

ИЗ ГЕОГРАФГИЗ 1948

Г. Е. ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО
ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

Г. Е. ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
В
ЗАПАДНЫЙ
КИТАЙ

91
Г-90

Г. Е. ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

Библиотека
10987

ОГИЗ
Государственное Издательство
Географической литературы
МОСКВА · 1948

Издание второе сокращенное.
Под редакцией А. Г. ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО.

Г. Е. Грумм-Гржимайло.

ОТ РЕДАКТОРА

«Описание путешествия в Западный Китай» является отчетным трудом Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло, в котором автор изложил результаты своего большого путешествия в Центральную Азию, предпринятого им в 1889—1890 годах по поручению Русского Географического общества. Этот труд был издан в первом издании в трех томах, печатавшихся в течение 1896—1907 годов.

«Описание» путешествия было не первым научным произведением Григория Ефимовича. Будучи еще на первом курсе естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета, он принял участие в работе по борьбе с филлоксерой в Крыму и употребил лето 1881 года на изучение крымской лепидоптерологической фауны. Результатом этих исследований явился первый печатный труд Григория Ефимовича «Несколько слов о чешуекрылых Крыма» (1881). В 1882 году он посетил в тех же зоогеографических целях бассейн Днестра в пределах Авратынского нагорья и северной Бессарабии. В 1883 году исследованиями был охвачен бассейн средней Волги, а в 1884 году, уже после окончания университета, он впервые проник в припамирские страны. Памир надолго приковал к себе внимание путешественника. На изучение этой высокогорной страны и ее лепидоптерологической фауны он употребил четыре года (1884—1887), изложив результаты своих исследований в работах «Памир и его лепидоптерологическая фауна» (1890) и «Очерк припамирских стран» (1886).

Во втором труде Григорий Ефимович дал описание наиболее характерных для припамирских стран физико-географических областей.

В 1894 году Грумм-Гржимайло выпустил в свет обширную монографию «Описание Амурской области».

Таким образом, ко времени выхода из печати в 1896 году первого тома «Описания путешествия в Западный Китай». Г. Е. Грумм-Гржимайло был уже хорошо известен в научном мире. Однако этот труд явился наиболее крупным из его работ. Напомним вкратце историю снаряжения и основные результаты экспедиции, описанной путешественником в переиздаваемой ныне книге.

В 1888 году Географическое общество лишилось самого выдающегося члена — Николая Михайловича Пржевальского, скончавшегося 20 октября в Пишпеке, накануне предпринятой им пятой экспедиции в Центральную Азию. Экспедиция Грумм-Гржимайло должна была, как и направленные тогда же в Центральную Азию экспедиции М. В. Певцова и затем Г. Н. Потанина, продолжить дело Пржевальского.

Четыре путешествия Пржевальского и три путешествия Потанина в Центральную Азию открыли миру многие области из неизведанных доселе стран внутри материка Азии, но не смогли полностью снять все «белые пятна» с карты обширных внутриазиатских пространств и объяснить их орографию, геологическое прошлое, флору, фауну, наконец изучить их население. После этих экспедиций оставалась неисследованной большая часть Восточного Тянь-шаня, оставались загадочными и горная группа Богдо-ола, а также территория к югу от последней до Лоб-нора, наконец весь почти Нань-шань, так как Пржевальскому удалось лишь раз пересечь последний в 1876 году, а Потанин соприкоснулся своими маршрутами лишь с северо-восточной его окраиной. Немногочисленные иностранные экспедиции мало чем дополнили научные наблюдения русских путешественников.

В проработке маршрута экспедиции Грумм-Гржимайло в Центральную Азию приняли самое деятельное участие П. П. Семенов-Тян-Шанский, известный картограф А. А. Большев и участвовавший в тангуто-тибетской экспедиции Потанина в 1884—1886 годах в качестве топографа А. И. Скасси. Из этого мы видим, с какой тщательностью приступило Географическое общество к продумыванию заданий для новой экспедиции. Этим обстоятельством и следует объяснить тот факт, что экспедиция Грумм-Гржимайло из 7 250 км пройденного пути 6 000 км прошла по местностям, еще никем из европейцев не посещенным.

Из предисловия Грумм-Гржимайло к «Описанию» своего путешествия читатель увидит, что научная работа в период этой экспедиции лежала всецело на двух братьях Грумм-Гржимайло.

В пределах Восточного Тянь-шаня экспедицией был открыт в месте смыкания хребтов Боро-хоро и Урумчиского с главным хребтом Тянь-шаня многовершинный горный узел Дос-мёген-ола (6 100 м) и описаны многие реки, сбегающие с его вершин. Читатель найдет в его книге яркое описание этих рек и, в частности, реки Хусты, которая протекает в таком глубоком и длинном каньоне и с такой стремительностью, что никакие переправы через нее невозможны. Хребты, составляющие Восточный Тянь-шань, согласно описанию путешественника, очень однородны по своему габитусу. В «Описании» подчеркивается их большая абсолютная высота, сильная крутизна склонов, бедная однородная растительность, состоящая в верхнем поясе из альпийских лугов, ниже сменяющихся зоной хвойных лесов, а еще ниже злаковыми лугами, которые по мере спуска в свою очередь переходят у подошвы гор в равнину, сплошь усеянную валунами и галькой, а местами, при наличии воды и населения, в культурные участки — оазисы. Главной причиной, почему северные склоны Восточного Тянь-шаня покрыты лесами, в то время как на южных наблюдается наличие степей, Грумм-Гржимайло объясняет влиянием местных климатических условий, выражающихся в отсутствии на южных склонах достаточной влаги в связи с невозможностью доступа туда влажных ветров и наличием большой испаряемости.

Братья Грумм-Гржимайло явились первыми исследователями горного массива Богдо-ола, достигающего в высоту 4 285 м и поднимающегося ввысь в виде трех громадных шатров, покрытых вечными снегами. С севера горные складки этого массива прикрыты рыхлыми галечными образованиями, из-под которых выступают палеозойские цветные глины, песчаники и метаморфические сланцы, кварцит и филлит; вершины хребта состоят из мелафира, вулканических туфов и брекчий. По определению экспедиции, границы вечных снегов на северных склонах достигают 3 700 м, а на южных поднимаются до 4 000—4 200 м. У подножья горной группы Богдо-ола экспедицией было открыто горное озеро и установлено его моренное происхождение.

В южной Джунгарии братья Грумм-Гржимайло предприняли весьма удачную охоту на дикую лошадь, давшую в конечном итоге четыре прекрасных экземпляра этого редкого животного. Они были первыми европейцами, наблюдавшими и бившими дикую лошадь.

После спуска с гор Богдо-ола в Турфанскую область экспедицией Грумм-Гржимайло была открыта ставшая потом столь известной Люкчунская впадина, лежащая ниже уровня моря на 130 м. Это географическое открытие в центре азиатского материка вызвало огромный интерес в научном мире. Русское Географическое общество не замедлило воспользоваться снаряженной в 1893 году в глубь Азии экспедицией под начальством В. И. Роборовского, чтобы возложить на нее, во-первых, организацию в этой впадине правильной метеорологической станции и, во-вторых, производство особых нивелировок для выяснения пределов впадины и самых низких ее пунктов.

Придавал огромное научное значение открытию Люкчунской впадины и проводимых в ней систематических метеорологических наблюдений и наш знаменитый климатолог А. И. Воейков.

Двухлетняя работа Люкчунской метеорологической станции полностью оправдала возлагавшиеся на нее надежды. В Люкчунской впадине, как оказалось, годовой ход давления (т. е. разность между средними месячными давлений в июле и январе) равняется почти 30 мм — величина крайняя для всего земного шара. В декабре, в январе и в феврале максимум давления в Азии находился в центре контингента. Суточные колебания в этом центре оказались столь же велики. Температура летних месяцев оказалась очень большой: в среднем для июля она может быть приравнена лишь к Сахаре; предельная высокая в 48° явилась также наибольшей для всей Азии. По сухости и по бедности осадков Люкчунская впадина представляла также крайность.

Таким образом, наука приобрела сведения, относящиеся до метеорологии пункта, который несомненно обладает наибольшей континентальностью на всем земном шаре и не требует никаких приведений, так как находится почти на уровне моря [*].

Другим крупным научным достижением экспедиции явилось установление отсутствия Хамийской пустыни, обозначавшейся до

---

[*] Подробнее см. «Метеорологические наблюдения, произведенные с октября 1893 г. по октябрь 1895 г. на станции Люкчун в Турфане», 1899.

того времени на всех географических картах в качестве песчаной пустыни, простирающейся к югу от Хами до магистральной дороги и до Лоб-нора; в действительности на этом пространстве, как установили братья Грумм-Гржимайло, — горная страна Бэй-шань, достигающая высоты 2 700—3 000 м абсолютного поднятия, а к югу от нее и до Лоб-нора — равнина, покрытая степной растительностью.

Это открытие, интересное уже как важный элемент орографии и строения Центральной Азии, имело еще и другое значение. Исследования в Бэй-шане впервые поколебали господствовавшее в то время в науке представление о существовании в третичную эпоху в Центральной Азии обширного Ханхайского моря. Экспедиция Г. Е. Грумм-Гржимайло доказала тогда, что Бэй-шань — очень древняя горная страна. Отсутствие морских отложений экспедиция установила и в пределах Турфанской области, а равным образом и в южной Джунгарии. Конечно, полностью опровергнуть гипотезу о Ханхае, высказанную еще Рихтгофеном, Грумм-Гржимайло не смог за неимением достаточных к тому оснований; он лишь значительно суживал границы этого предполагавшегося тогда третичного морского бассейна и высказывался за то, что если пустыня Такла-макан и представляла собой некогда дно крупного водного бассейна, то последний никогда не составлял единого целого с морем к востоку от Бэй-шаня в пределах современной монгольской Гоби и соединялся с последним лишь узким Янь-дунским протоком.

Новейшие исследования показали, что море Хан-хай в Центральной Азии вообще не существовало, а отложения, содержащие пласты угля, относятся к более древним — юрским отложениям и что они были не морскими, а озерными и наземными. Это следует учитывать читателю при чтении книги [*].

Переходя к оценке прочих достижений экспедиции Грумм-Гржимайло, следует указать, что, кроме отмеченных географических открытий, очень ценной представилась съемка, проведенная путешественниками в пятиверстном масштабе на протяжении 7 250 км. По всему пройденному пути экспедицией были сделаны

---

[*] Читателю следует иметь в виду и то, что высказываемые на многих страницах книги неправильные соображения автора в пользу гипотезы о прогрессивном иссушении климата в Центральной Азии опровергнуты теперь советскими учеными и прежде всего академиком Л. С. Бергом. (Прим. изд.).

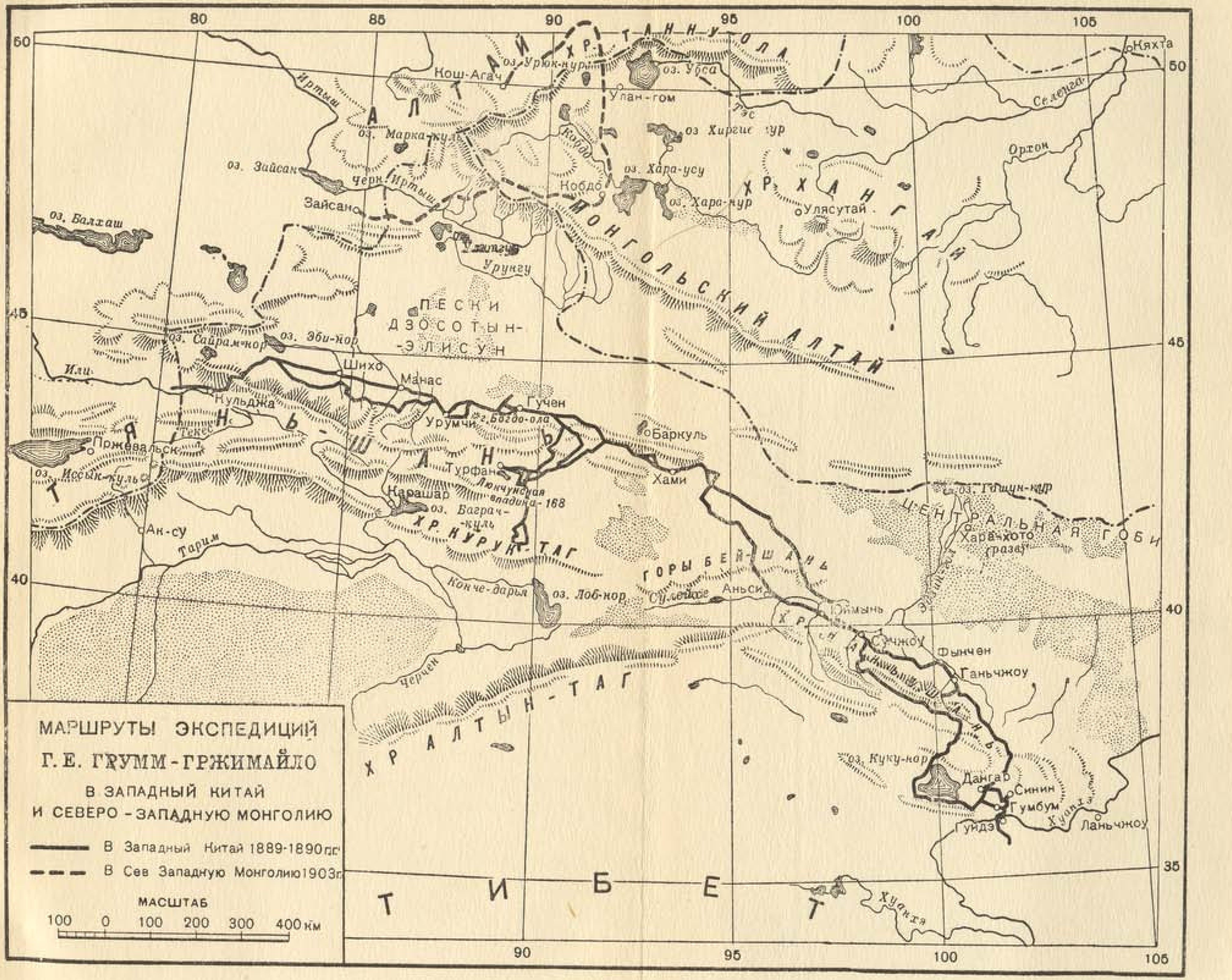
140 гипсометрических и анероидных определений и в 30 пунктах проведены наблюдения для определения географических координат. Кроме того, во время экспедиции путешественниками производились систематические метеорологические наблюдения. Собранные же экспедицией зоологические коллекции включали до 114 экземпляров крупных и средних млекопитающих и более 100 мелких, 1 150 экземпляров птиц и 400 яиц с гнездами, около 100 экземпляров рыб, 105 экземпляров пресмыкающихся и земноводных. Что касается энтомологической коллекции, то она превысила 35 000 экземпляров. Собранный гербарий составил 800 листов, а коллекция горных пород достигла 850 образцов. Кроме того, экспедицией был собран интересный этнографический материал и, наконец, были сделаны прекрасные фотографические снимки как ландшафтные, так и этнографического содержания.

Результаты центральноазиатской экспедиции братьев Грумм-Гржимайло вызвали широкое обсуждение не только на страницах отечественной научной литературы, но и в журнальной, а также в газетной прессе. Широкую известность она приобрела и за границей. Почти в каждом географическом журнале того времени мы находим отклики на эту экспедицию как в форме обзорных статей, заметок, так и в форме рефератов и рецензий на отдельные томы по мере их выхода в свет. Отклики в русской и иностранной литературе на экспедицию Грумм-Гржимайло имели своим последствием, с одной стороны, многие почетные награды для ее участников, а с другой — снаряжение в Турфанскую область значительных экспедиций, как географических, геологических, так и археологических. Интерес археологов и востоковедов к экспедиции Грумм-Гржимайло объясняется тем, что Григорий Ефимович в своих отчетах, докладах и трудах уделял всегда значительное внимание и истории посещенных им стран и встреченным по пути развалинам древних городов и монастырей. На это обстоятельство обратил в свое время внимание проф. Д. Н. Анучин, который отметил *, что путешествие Грумм-Гржимайло вызвало организацию многочисленных экспедиций в Турфанскую область с археологическими и лингвистическими целями.

В настоящем сокращенном издании «Описания путешествия в Западный Китай», ставящем себе задачей довести до массового

---

* «Археологические экспедиции в Восточном Туркестане». «Землеведение», т. XIV, вып. 3—4, 1908, стр. 253—267.



МАРШРУТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ
Г. Е. ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО
В ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ
И СЕВЕРО-ЗАПАДНУЮ МОНГОЛИЮ

В Западный Китай 1889-1890 гг.
В Сев Западную Монголию 1903 г.
МАСШТАБ
100 0 100 200 300 400 км
80
85
90
95
100
105
50
45
40
35
Кяхта
Селенга
Орхон
АЛТАЙ
ХР. ТАННУ-ОЛА
оз. Урюк-нур
оз. Убса
Кош-Агач
Улан-гом
Тэс
оз. Хиргис-нур
Иртыш
оз. Марка-куль
Кобдо
оз. Зайсан
Черн. Иртыш
оз. Хара-усу
Нобдо
оз. Хара-нур
Улясутай
ХР. ХАНГАЙ
Зайсан
оз. Балхаш
Улюнгур
Урунгу
МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ
ПЕСКИ ДЗОСОТЫН-ЭЛИСУН
оз. Сайрам-нор
оз. Эби-нор
Или
Шихо
Манас
Гучен
Кульджа
Текес
Богдо-ола
Урумчи
ТЯНЬ-ШАНЬ
Баркуль
Пржевальск
оз. Иссык-куль
Турфан
Хами
Карашар
Люкчунская впадина -168
оз. Баграч-куль
оз. Гашун-нур
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОБИ
Ак-су
ХР. КУРУК-ТАГ
Хара-хото (разв.)
Тарим
ГОРЫ БЕЙ-ШАНЬ
Конче-дарья
оз. Лоб-нор
Сулейхэ
Аньси
Юймынь
Сучжоу
Фынчен
Эдзин-гол
ХР. НАНЬ-ШАНЬ
Ганьчжоу
Черчен
ХР. АЛТЫН-ТАГ
оз. Куку-нор
Дангар
Синин
Гумбум
Гуйдэ
Хуанхэ
Ланьчжоу
ТИБЕТ

советского читателя главным образом результаты географических исследований экспедиции Грумм-Гржимайло, читатель не найдет многих глав, посвященных автором в первом издании своим историческим изысканиям, результатам тщательного изучения им обширной литературы востоковедческого и исторического направления, критического ее анализа и сопоставления отдельных свидетельств как между собой, так и с данными, которые дает нам историческая и физическая география Центральной Азии. Опущены в настоящем издании и многочисленные сведения, сообщаемые автором в основном в примечаниях, касающиеся топонимики, истории отдельных населенных пунктов, и другие подробности, не связанные с характеристикой посещенных мест; наконец опущены и две заключительные главы в третьем томе первого издания, имеющие специальный зоогеографический интерес, а также все приложения к трем томам.

В предисловии к третьему тому «Описания путешествия», изданному в 1907 году, Григорий Ефимович отметил, что только постепенное ознакомление с литературой о Китае дало ему возможность восстановить общепринятую транскрипцию большинства географических китайских названий и что в этом отношении второй том имеет преимущества перед первым, а третий перед вторым, а прилагаемые к книге три листа карты представляют сводку всех таких исправлений. Редакция учла это указание автора и внесла в настоящем издании соответствующие исправления во все географические названия.

Необходимые изменения внесены редакцией и в единицы измерений; при этом следует отметить, что во всех случаях, когда автор приводит цифры, характеризующие расстояния, высоты, вес приближенно, редакция их переводила в метрическую систему, округляя полученные данные; в тех же случаях, когда высота, расстояние, объем были измерены автором или ему определенно известны, редакция точно проводила этот пересчет, ставя новые цифры в скобках рядом со старыми.

Карты, представляющие ценнейший документ и составленные по съемкам самого путешественника, а равно и иллюстрации, воспроизводятся в настоящем издании точно с первого издания.

Ленинград, 10 февраля 1948 г. *А. Г. Грумм-Гржимайло*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Приступая к печатанию «Описания путешествия в Западный Китай», я считаю необходимым сказать, как организовалась наша экспедиция и какими средствами располагала она для достижения результатов, судить о которых и призывается теперь читатель.

Первоначально предполагалось, что мы едем на южные склоны Памира, в Шугнан, Вахан, Читрал и Кунжут. Но уже немного спустя Совет Императорского Русского Географического общества был вынужден, по политическим и иным соображениям, предложить нам изменить этот маршрут и вместо юга избрать объектом для своих исследований Восточный Тянь-шань и Наньшань. Таким образом, нам оставалось только принять это лестное предложение и приложить все старания к тому, чтобы с успехом выполнить возложенное на нас поручение.

Средства, которыми могла располагать экспедиция, в общем не превышали 10 тысяч рублей. Персонал ее, кроме меня и брата моего, офицера лейб-гвардии 2-й Артиллерийской бригады, Михаила Ефимовича, состоял из нижеследующих лиц: артиллериста Матвея Жиляева, казаков: Ивана Комарова, Андрея Глаголева, Ивана Чуркина, Матвея Комарова, Петра Колотовкина и Михаила Фатеева, сарта Ташбалты Иссыман-Ходжаева и текесского калмыка Николая Ананьева, всего 11 человек; кроме того, на более или менее продолжительное время, в состав экспедиционного отряда входили: офицерский сын Григорий Ананьин, крещеный дунганин Давид, илийский уроженец Сарымсак и кашгарец Хассан. Отсюда видно, что вся интеллектуальная работа экспедиции лежала на моем брате и мне.

Инструменты, полученные нами, собраны были из различных учреждений. Нами были получены для производства маршрутной съемки: блок-мензула с кипрегелем (из Главного штаба) в полном порядке и две бусоли Шмалькальдера в деревянных ящиках,

также в порядке. Для определения астрономических пунктов: три столовых хронометра Тиде (два из Главного штаба, один из Географического общества), из коих один был по среднему времени, два же другие оказались звездными; круг Пистора, принадлежащий Географическому обществу, превосходной работы и точностью 10″; искусственный горизонт (из Географического общества), чугунный, с мешком для ртути, и астрономическая труба с металлическим штативом, выданная нам из Главного штаба, крайне неудовлетворительного устройства, не дозволявшая производства наблюдений над светилами выше 60° над горизонтом. Для гипсометрических измерений: не проверенный в Главной Физической обсерватории гипсотермометр № 11, вновь приобретенный для экспедиции Географическим обществом, и анероид для малых высот; последний мы заменили прекрасным анероидом Готтингера для больших высот, полученным нами от бывшего военного губернатора Закаспийской области, генерал-лейтенанта А. В. Комарова, и только что перед тем проверенным в Петербурге. Наконец, для измерения температур: два обыкновенных термометра, приобретенных в Петербурге.

Таким образом, материальные средства экспедиции ввиду широких задач, возложенных на нее, были довольно скудны. И это, конечно, следует иметь в виду при оценке результатов, достигнутых ею.

На свою экспедицию мы смотрели глазами Н. М. Пржевальского, метко называвшего свои исследования в Центральной Азии «научными рекогносцировками». До некоторой степени мы пополнили изыскания этого знаменитого путешественника; но как после него, так и после нас осталось еще много недоделанного в Центральной Азии.

При изложении хроники путешествия я старался писать возможно живее, имея в виду не только читателя, ищущего в подобного рода описаниях одни лишь положительные факты и выводы, но и читателя не со столь узкими требованиями. Вместе с тем я счел полезным пояснять описание пройденных нами местностей историческими о них справками; мне казалось, что от таких отступлений в область истории может только выиграть описание современного их состояния.

В книге читатель найдет несколько записанных мною песен; должен оговориться, что, не будучи знаком с тюркским языком, я записывал их только по слуху, перевод же делал не текстуальный, а только приблизительно точный.

Разработку собранных нами коллекций приняли на себя различные специалисты: млекопитающих — старший консерватор Зоологического музея Академии наук Е. А. Бихнер; птиц — директор этого музея, академик Ф. Д. Плеске; пресмыкающихся, гадов и рыб — доцент СПб. университета, доктор зоологии

А. М. Никольский; чешуекрылых, отделы Noctuae и Geometrae лепидоптеролог С. Н. Алфераки; отделы Rhopalocera, Sphinges и Bombyces обработаны мной; жесткокрылых — старший консерватор Зоологического музея Академии наук А. П. Семенов-Тян-Шанский; растений — директор Императорского Ботанического сада А. Ф. Баталин; горных пород — профессор Горного института И. В. Мушкетов.

Определение абсолютных высот любезно взял на себя генерал-лейтенант А. А. Тилло, обработку же метеорологического дневника — профессор А. И. Воейков.

Всем этим лицам мы приносим здесь выражение своей глубочайшей признательности.

Мне кажется, я нисколько не ошибусь, если скажу, что за последнюю четверть века не отправлялось из Петербурга ни одной сколько-нибудь значительной экспедиции, в снаряжении которой так или иначе не принимал участие наш высокочтимый вице-председатель Петр Петрович Семенов. В особенности молодые, начинающие свою, если можно так выразиться, карьеру, путешественники встречали в нем всегда самую надежную опору, самого горячего сторонника их дела. Такая почтенная деятельность Петра Петровича давно уже получила должную оценку, и здесь мне остается только лишний раз констатировать факт его самого теплого и в то же время деятельного отношения к нашей экспедиции. Я счастлив, что от имени моего брата и своего я могу сказать ему здесь самое сердечное спасибо.

Считаю своею нравственною обязанностью выразить также глубочайшую признательность Г. А. Колпаковскому, А. В. Григорьеву, А. А. Большеву и А. И. Скасси, в значительной мере содействовавших успеху нашей экспедиции.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вдоль Восточного Тянь-шаня

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ГОРОДА КУЛЬДЖИ

В середине марта 1889 г. мы выехали из Петербурга. Через три недели прибыли в г. Верный *, где и принялись за снаряжение экспедиции. Мы задержались здесь, однако, долее, чем предполагали, ввиду тех недоразумений, которые возникли по поводу назначения нам конвоя. Наконец дело уладилось, и кратчайшим путем, верхом, со сложенными на нанятые телеги вещами и гоня перед собой табун закупленных лошадей, мы выступили в Джаркент **, куда и прибыли 7 дней спустя.

Основанный в 1882 г., Джаркент в настоящее время представляет бойкий, полувоенный, полуторговый пограничный городок, показавшийся нам много симпатичнее Верного, не успевшего еще в наше время окончательно оправиться от постигшего его бедствия ***.

Выпавшие в конце апреля и в начале мая перемежавшиеся со снегом дожди, разведенная ими грязь, хмурое небо и холод, улицы в развалинах, невозможность достать в лавках самые обыденные предметы — все это в совокупности способствовало тому, что мы без сожаления покинули Верный, решившись перебраться в Джаркент, начальный пункт нашего будущего путешествия караваном. Здесь мы доканчивали свое снаряжение, лихорадочно работая по пятнадцати часов в сутки. Ограниченность наших средств не позволяла нам думать об излишествах во время пути. Мы брали самое нужное, но его набралось столько, что к купленным в Верном тридцати лошадям пришлось прикупить еще десять, да и эти, как оказалось впоследствии, с трудом подняли наш громадный багаж.

---

* Ныне город Алма-Ата, столица Казахской ССР. [Прим. ред.]

** Ныне г. Панфилов. [Прим. ред.]

*** В 1887 году г. Верный сильно пострадал от землетрясения. Как Верный, так и все остальные города и селения Семиречья снабжались товарами однажды в год, с Ирбитской ярмарки. [Прим. ред.]

Причин, побудивших нас остановиться на лошади, как вьючном животном, было не мало, но главнейшие из них следующие: лошадь много дешевле верблюда; на спинах лошади и осла производится почти все передвижение грузов в пределах Восточного Туркестана и Джунгарии; поэтому во всякое время года и повсюду здесь возможен обмен этих животных; лошадь менее прихотлива, чем верблюд, который плохо ходит в горах, боится сырости и вообще очень грузен для каравана, назначение коего — то карабкаться по узким тропинкам теснин, то брести безграничною степью; наконец, у нас был навык к лошади, выработавшийся в предыдущие мои путешествия по Средней Азии, да к тому же и средства наши не позволяли нам завести дорого стоющий обоз на верблюдах.

Утро 27 мая было еще более хлопотливое, чем все предыдущие дни. Почти все маленькое население Джаркента знало уже, что сегодня — день нашего выступления к китайской границе, и многие сочли своей непременной обязанностью заглянуть к нам на двор для того, чтобы полюбопытствовать на делаемые приготовления. Мелкие перекупщики шныряли поминутно и то и дело навязывали нам такие предметы, как канаус, меха и китайские вазы, которые теперь, менее, чем когда-либо, могли иметь для нас интерес. Русские, дунгане и таранчи все еще не переставали приводить к нам на показ давно уже нами забракованных лошадей, уходили, возвращались и, не взирая на положительный отказ, все-таки горячили своих рысаков и носились на них по прилегающим улицам. Рядовые казаки приходили прощаться со своими однополчанами, затем мешались в толпу и, как и она, оставались безучастными зрителями той хлопотливой возни, которая так хорошо знакома каждому, кто собирался хоть однажды в далекое путешествие. Несмотря однако на все эти помехи, уже к полудню мы были готовы, лошади наши оседланы, а вьюки окончательно взвешены и распределены. В четвертом часу, эшелон за эшелоном, наши вьюки уже выходили из ворот отведенного нам помещения при громких пожеланиях столпившейся публики... Путешествие началось!

Мы ночевали в небольшом таранчинском поселке Ак-кенте, расположенном всего в 12 километрах от Джаркента, и только уже на следующий день добрались до Хоргоса, в котором, как в пограничном пункте, квартировала сотня казаков 2-го полка. Тут же расположился и небольшой таранчинский поселок, имеющий невзрачный вид. Впрочем, таковы уже все здесь поселки. Край этот новый[*], таранчи же, эмигранты Илийской провинции, едва успели осесть на вновь отведенных местах и, весьма естественно, им было не до того, чтобы думать о красоте своих помещений. К тому же, как нам говорили, они едва сводят с концами концы, и большинство, повидимому, бедствует страшно.

С 12 февраля 1881 г. р. Хоргос стала границей России с Китаем. На ее дотоле пустынных берегах появились пикеты, и она вдруг приобрела такое значение, какого раньше никогда не имела. Впрочем, при описании Илийской долины нельзя было бы и так о ней умолчать: это один из значительнейших правых притоков Или. Стекая с того горного узла, который образуется схождением хребта Боро-хоро с Джунгарским Алатау, Хоргос течет диким, недоступным ущельем многие километры, после чего шумным и бурным потоком врывается в необъятную долину Или, где и продолжает еще долгое время громыхать среди им же навороченной гальки и валунов. Как и большинство других правых притоков Или, Хоргос разбивается неоднократно на рукава, которые далеко разбегаются в стороны и иногда либо пропадают в песках, либо разливаются по тростниковым займищам. Таким образом, к Хоргосскому посту он добегает уже значительно обедневшим водой; тем не менее, однако, в половодье, продолжающееся май и июнь, переправа через него здесь сопряжена с некоторой опасностью и во всяком случае не обходится без хлопот.

И действительно, когда мы на следующий день подошли к обрыву его правого берега, Хоргос представлял дикую картину разбушевавшегося потока, мутные воды которого с глухим шумом катили по дну валуны... Переправа через Хоргос отняла у нас много времени: приходилось не только возиться с вьюченьем и перевьюченьем, но и перегонять для перевозки нашего багажа дважды всех лошадей через реку. Так что, когда мы, наконец, были готовы и длинной вереницей вьюков и вершников потянулись по широкому галечному плёсу Хоргоса, то солнце стояло уже высоко и нестерпимо жгло нам шею и плечи.

Миновав два мелководных протока Хоргоса и среди них негустую поросль гребенщика, мы взобрались на крутояр его левого берега и тут только увидали прямо перед собой высокие и массивные ворота китайского пропускного поста. В воротах нас встретила толпа китайцев, которая, загородив дорогу и нам и вьюкам, потребовала от нас предъявления паспорта. С трудом убедив их оставить в покое караванных животных, мы с братом спешились и вошли в небольшую, но светлую комнату с широкими нарами на заднем плане, столом и двумя табуретами у окна.

На ее пороге нас встретил китаец, который, усадив нас на «кан»[*] и приказав подать сюда чаю, объявил, что он здесь на-

---

[*] Занят был ген. Г. А. Колпаковским в 1871 году. [Прим. ред.]

[*] Кан или канжин — необходимая принадлежность каждой китайской постройки, предназначенной для жилья; почти соответствует нарам. Это обыкновенно — низкий и широкий выступ стены, всегда глинобитный и нередко с топкой внутри. На нем спят, едят и работают. Иногда он занимает почти все помещение.

10987 X

чальник, что он давно знаком с русскими офицерами, очень их любит, а потому и задержек нам делать не станет.

Казаков, действительно, он отпустил почти тотчас же, зато нас продержал до тех пор, пока не выспросил всего, что считал наиболее интересным: откуда, куда, зачем и надолго ли едем; видели ли губернатора и т. п.

Мы терпеливо выдержали этот допрос; когда же выехали опять на дорогу, то вьюки оказались больше чем на два километра впереди. Пришлось рысью догнать лошадей.

Полотно дороги имеет здесь ширину метров восемь, но наезжена едва половина, остальное же пространство густо поросло сорными травами и в особенности обильно здесь росшей Glycirrhiza asperrima L.; по сторонам дороги — арыки, обсаженные двумя рядами молодых ив; но посадка последних тянется не очень далеко и уже, приближаясь к Чин-ча-го-дзы, деревья попадаются все реже и реже.

В Чин-ча-го-дзы мы нагнали свой караван, который с большим трудом пробирался среди телег, загромоздивших местами почти вплотную узкую улицу небольшого предместья.

Впереди слышался шум.

«Эй, иол-ат! вам говорят — иол-ат... * О чтоб!..» доносилось оттуда.

И хотя китайцы слов этого окрика вероятно не поняли, тем не менее, немного спустя, мы все же заслышали их крики, характерное цоканье, удары бича и скрип тронувшихся с места телег. Вьюки наши снова заколыхались, и мы, наконец, выбрались на простор.

В Чин-ча-го-дзы мы не заглядывали, удовольствовавшись лишь внешним обзором его потрескавшихся и местами даже обвалившихся стен.

В километре от него мы остановились на небольшом арыке, в котором только еще местами оставались лужицы грязной воды. За неимением по соседству другой, пришлось, однако, набирать в чайники эту жижицу, а затем глотать какую-то горячую шоколадного цвета муть вместо чая. Свежая вода была сюда пущена только к вечеру.

На следующий день мы поднялись одновременно с солнцем, но раннему выступлению нашему помешал визит чинчагодзинского коменданта, пожелавшего лично представить нам офицера и солдат, назначенных сопровождать нас до укрепления (импаня) Тарджи.

Этот офицер оказался крайне предупредительным. Заметив, сколько стараний мы прилагали к тому, чтобы вежливо и вместе с тем скорее отделаться от него, он вдруг обратился к нам с предложением: «делайте свои дела, а я тут в стороне полюбуюсь на работу ваших людей!» и, действительно, отошел в сторону и уселся на корточки среди кучки конвойных солдат; когда же все было готово и передовой эшелон вьюков уже запылил по дороге, он подошел к нам, крепко, по-русски, пожал наши руки и горячо пожелал нам счастливой дороги. Таких людей среди чиновников Синь-цзянской провинции мы более уже не встречали.

---

* Тюркское выражение, означающее: дай дорогу, посторонись.

Беспредельною ширью раскинулась перед нами равнина, поросшая луговыми травами и камышом. Ничего впереди, кроме густой зелени этих лугов, не было видно, но, благодаря солнцу и контрасту в окраске с почти прозрачными фиолетовыми тонами гор на краю горизонта, сколько было прелести в этой картине! Но и эти горы скоро исчезли из вида, горизонт сузился, и мы вступили в тростниковое займище. Вскоре впереди блеснула полоска воды, а затем мы уже шлепали по грязи, черными зигзагами намечавшей дорогу среди залитых водой камышей; но вот и эта полоска грязи ушла под воду, и мы точно разом очутились среди обширного пространства, покрытого мутной водой.

— Что это, разлив?

— Нет, вода спущена!..

Кем, для чего и откуда? Но сопровождавшие нас солдаты не сумели или, что вероятнее, не захотели дать нам ответ на эти вопросы.

Частью по воде, частью по грязи мы кое-как доплелись до небольшого импаня, который вместе с пригорком, на котором выстроен, казался нам островом среди безбрежного пространства камышей и воды. За импанем местность точно повысилась; стало суше, камыши поредели, и, наконец, мы выбрались на песок, далеко распространившийся своими буграми в стороны от дороги, впереди же заполонивший собою весь горизонт.

Характер этих песков тот же, что и везде в Средней Азии; только растительность показалась мне здесь немного разнообразнее; так, кроме обычных Tamarix Pallasii, Haloxylon, ammodendron, Nitraria Schoeberi, Salsola arbuscula, S. carinata, Lycium ruthenicum, Atraphaxis sp., Carex physodes и многих других, мы встретили среди них, между прочим, также и Artemisia dracunculus, Statice sp., Zygophyllum brachypterum, Peganum harmala, вившийся по тамариску Clematis, Hedysarum sp. и даже Apocynum venetum. Впрочем на флору этих песков я обратил мало внимания, увлекшись ловлей новой и весьма характерной разности Lycaena tengstroemi, другой Lycaena — L. christophi и, наконец, наиболее замечательный из тяньшанских чешуекрылых — Coenonympha mongolica Alph.

Оставив вправо от себя импань Тарджи, мы поднялись по довольно пологой покатости на лёссовое плато, густо, хотя и однообразно, поросшее двумя-тремя видами луговых злаков и составляющее первый уступ предгорий Боро-хоро. Проехав этим плато четыре километра, мы, не доезжая Суйдуна, свернули вправо к консульскому помещению, где и встретили самый радушный прием со стороны его хозяина.

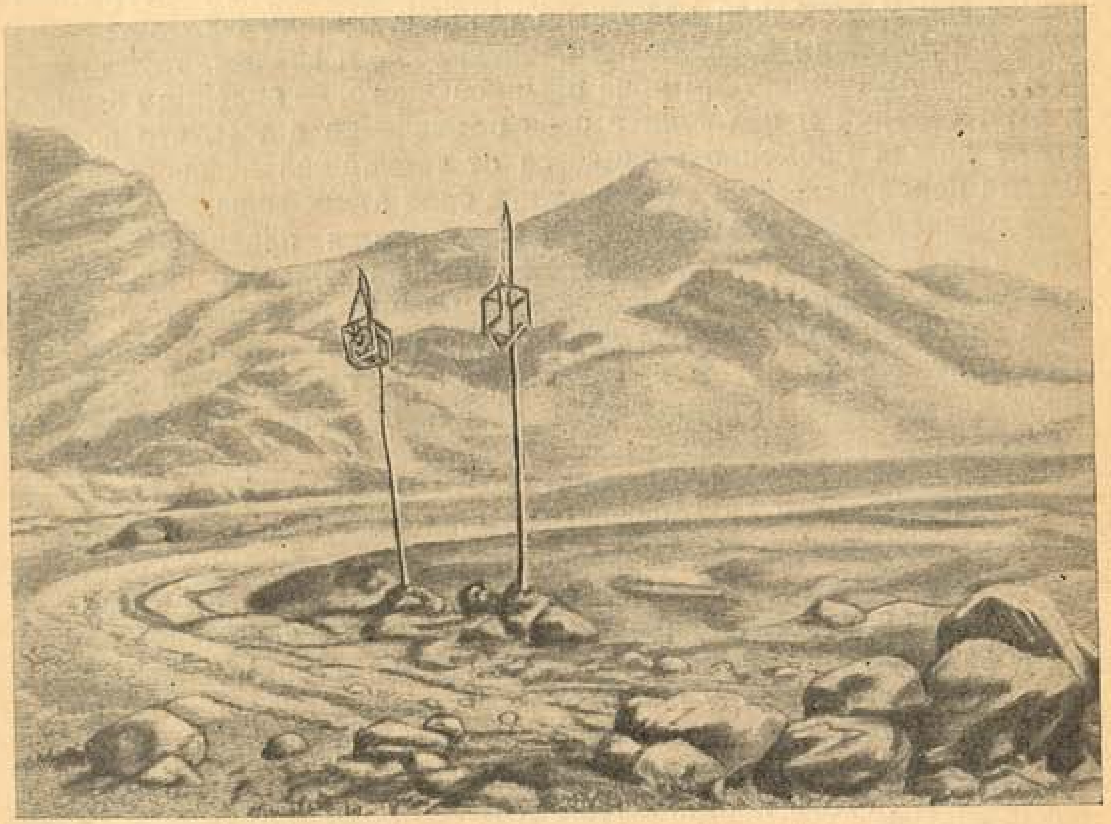
Основанный в 1762 г., Суй-дин-чэн, или, как его принято здесь называть, — Суйдун, долгое время оставался без всякой поддержки. Стены его до такой степени обветшали, что в 1883 г., когда китайское правительство решилось обратить его в резиденцию цзянь-цзюня, город пришлось заново отстраивать.

В настоящее время город Суйдун, занимающий площадь менее квадратного километра, внутри еще мало застроен. Китайский базар его не велик, жителей почти нет, и все его население составляют преимущественно чиновники, их прислуга, полицейские и солдаты собственного конвоя цзянь-цзюня. Только за его высокими стенами, в пригородах, из коих южный обнесен также стеной, высокой, но тонкой и местами уже обвалившейся, скучивается главная масса населения этого города. Базары этих предместий, почему-то называющиеся: один—таранчанским, другой—дунганским, в сущности носят один и тот же характер, ничем не отличаясь от базаров китайских: та же здесь теснота и грязь, те же открытые харчевни, те же, наконец, извозчики, развозящие в своих синих ящиках-клетках непритязательных пассажиров, и всюду так и лезущие в глаза громадные холщевые вывески с нашитыми на них китайскими иероглифами. Таранчинец здесь неприметен; над всеми же и всем доминирует китайский солдат.

Согласно с выраженным нами желанием, аудиенция у цзянь-цзюня была назначена нам на следующий день после полудня.

К двум часам в консульское помещение прибыл китаец с сообщением, что цзянь-цзюнь нас ожидает; а минут двадцать спустя мы уже въезжали, миновав предместье, в южные ворота Суйдуна. Проехав китайский базар, мы свернули вправо и, оставив в стороне какую-то пустошь, очутились перед стеной с нарисованным на ней громадным драконом. Это означало, что перед нами находится «ямынь»*, в данном же случае — помещение цзянь-цзюня.

Проехав обширный двор, в котором мы застали десятка полтора не то солдат соседнего импаня, не то чернорабочих и любопытных, мы остановились перед так называемым «да-тан», т. е. воротами, с большим пестрым навесом над ними и судейским столом посредине. Обогнув помост, на котором стоял этот стол, мы через боковые двери вступили на второй или, точнее, внутренний двор. Здесь мы застали человек тридцать прилично одетых китайцев, крайне смущенных нашим неожиданным появлением: согласно обычаю, мы должны были выслать вперед свои визитные карточки, чего мы по незнанию однако не сделали! Часть этих китайцев тотчас же бросилась во внутренние покои; другие стали тут же при нас спешно облачаться в свой официальный костюм — темносиние курмы с золотым шитьем на груди и поярковые черные шляпы с цветными, преимущественно белыми фарфоровыми шариками на них. При виде такого переполоха мы в свою очередь заметно смутились и, предоставленные самим себе, совсем не знали, что предпринять. Из этого затруднения вывел нас какой-то простоволосый китаец, указавший нам деревянную постройку, напоминавшую обширную монгольскую юрту, в которой мы и должны были обождать выхода цзянь-цзюня.



Жерди с клетками, в которых заключены головы казненных.
(рис. Г. Е. Грумм-Гржимайло)

Когда, минут через пять, нас снова выпустили на двор, там все уже было готово к приему: шпалерами выстроившиеся чиновники военного и гражданского ведомств образовали узкую улицу, в глубине которой ожидал нас, приветливо улыбаясь, пожилых лет маньчжур, который, как мы тотчас догадались, и был сам цзянь-цзюнь.

---

* Ямынь соответствует русскому — «присутственное место». В Китае существует обыкновение соединять с присутственным местом и квартиру председательствующего в нем чиновника.

Визит наш был непродолжителен. Обменявшись несколькими любезными фразами и получив обещание всеми зависящими от него мерами содействовать успеху нашей экспедиции, мы очень церемонно простились с маньчжурским генералом и в его присутствии сели на поданных нам во внутренний двор лошадей. Ночью разразилась сильная буря с дождем. Вихри налетали ежеминутно и были до такой степени сильны, что по соседству с консульским помещением повалили несколько тополей. Дождь шел в течение трех часов. Затем совершенно прояснилось, и звезды, точно омытые дождем, заблистали ярче обыкновенного, — явление обычное в этих странах и находящее себе объяснение в том, что воздух после дождя временно очищается от тончайшей лёссовой пыли, всегда переполняющей здесь нижние слои атмосферы.

Большая дорога в Кульджу разветвляется перед Суйдуном: левая ее ветвь огибает последний с севера, правая скрывается в воротах предместья и тянется затем грязным и узким коридором среди рядов открытых лавок, ларей и харчевен. Мы вышли из Суйдуна этим путем и, оставив влево пешеходный мостик, перекинутый через суйдунскую речку, перешли последнюю в брод.

Суйдунский оазис тянулся не долго; миновав несколько фанз и импань к северу от дороги, мы вышли в степь, которая пологими падями и гривами, поросшими преимущественно полынью, уходила в даль горизонта. На одиннадцатом километре от Суйдуна мы спустились в довольно глубокий лог, в котором нашли несколько зданий: пикет, постоялый двор (тань) и харчевню, вокруг которой на этот раз собралось подвод двадцать с каменным углем из столь здесь известных Готульских копей.

От пикета, в котором конвоировавшие нас китайские солдаты сменились, дорога пошла ближе к пустынным предгориям Борохоро. Растительность, гнездящаяся здесь преимущественно по рытвинам и в распадках холмов, не скрашивала ландшафта, и только чий, чувствовавший себя здесь на родной почве, раскидывая свои пышные желтые метелки, до некоторой степени оживлял эту унылую местность.

На одной из глинистых площадок, усыпанной мелкою черною галькой и, как плешь, оголенной от всякой растительности, мы издали заметили высокие жерди с мотавшимися вокруг них деревянными клетками, в которых заключены были полуистлевшие головы казненных преступников — возмутительное зрелище, к которому в Китае, впрочем, нельзя не привыкнуть *.

---

* На одной из жердин Г. Е. Грумм-Гржимайло был найден самец Prionus. Нигде далее на восток этот редкий жук экспедицией не был встречен. [Прим. ред.]

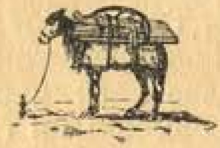
Вышеописанная унылая местность тянется до развалин города Баяндая, где в последний раз сменялись солдаты конвоя и откуда остается не более шести километров до Кульджи. Картина здесь сразу меняется: появляются всюду древесные насаждения, поля непрерывной полосой тянутся в обе стороны от дороги, многоводные арыки то и дело пересекают наш путь, поминутно встречаются люди пешком, верхом и в телегах, виднеются кое-где фанзы, мелькают дувалы * и развалины русских слобод с сохранившимися еще в некоторых постройках оконными переплетами, в которых торчали осколки стекла... **. Наконец, нам объявили: — А вот и Кульджа! — Китайцы понеслись вперед, на полном карьере свернули в тенистую аллею из тополей и круто осадили своих лошадей всего в нескольких шагах от домика русского консульства, где нас встретили с радушием, обязательным для каждого русского на этой далекой окраине.

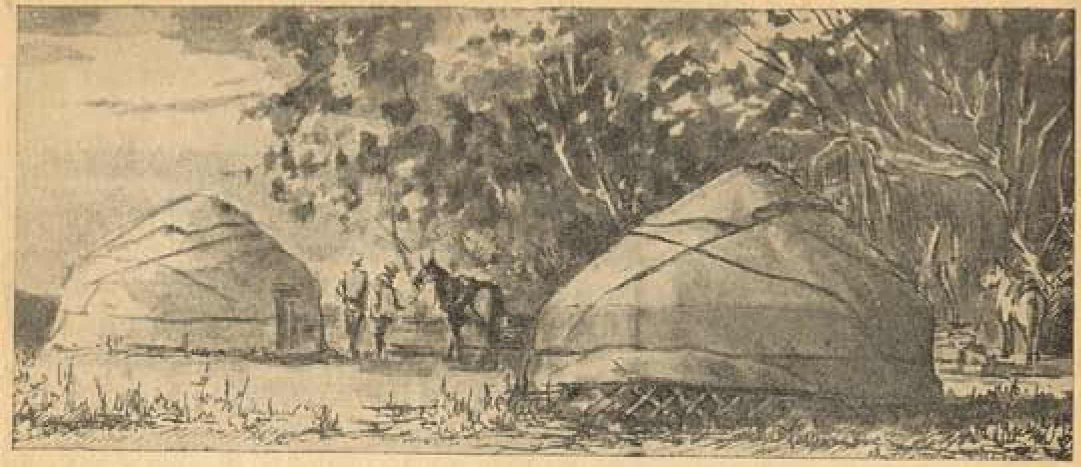
Кульджа, основанная в 1762 г., по площади, занимаемой ею, и по тому оживлению, какое замечается на всех ее базарах и к ним прилегающих улицах, производит впечатление одного из крупнейших городов китайского Притяньшанья. По всем данным, однако, в ней нет и десяти тысяч жителей. Разбросавшаяся своими предместьями, застроенная лачужками, среди которых русские домики выделяются точно яркая белая заплата на сером рубище, она производит приятное впечатление только своими садами, которые сплошь почти окружают ее отовсюду.

---

* Слово тюркское, обозначающее глинобитную ограду.

** Кульджинский район был занят русскими войсками в период 1871—1881 гг. [Прим. ред].





ГЛАВА ВТОРАЯ

В ГОРАХ БОРО-ХОРО

Избранный нами путь из Кульджи через перевал Ачал на Цзин-хэ считается самым прямым и в то же время наиболее удобным для вьючного сообщения после разработанных для колесного передвижения Талкинского и Пиликчи; тем не менее, благодаря большой воде в Боробогосуне и неразработанности обходных тропинок, этот переход через горы в Джунгарию оказался далеко не из легких.

Из Кульджи мы выступили 2 июня и, обойдя город с севера, вышли в степь. Было уже поздно, солнце заметно склонялось на запад и своими косыми лучами золотило верхи отдаленных гор, тонувших в сизом тумане. Туман этот расплывался, мало-помалу заволакивал горизонт и полупрозрачной дымкой надвигался на нас по долине, однообразие коей нарушалось только обвалившимися дувалами и бесформенными грудами глины, обозначающими былые постройки. Еще один час пути, и последние лучи заходящего солнца погасли. Наконец, уже плохо различая впереди предметы, мы миновали заброшенную деревню и аллею мощно разросшихся тополей и, пройдя еще три километра, остановились у моста через громадный арык, обсаженный по обе стороны ивами и тополями. Урочище это носит название «Таш-купрюк», что значит — каменный мост. До него от Кульджи свыше тридцати двух километров.

На следующее утро мы были неприятно поражены известием, что у трех лошадей каравана оказались намины — вероятное следствие прощальной чарочки в гостеприимной Кульдже и нашего позднего прихода на место ночлега.

Намин излечивается без всяких последствий, если он своевременно был замечен; застуженный же, обращается обыкновенно в гнойную язву, размером иногда больше ладони; такую рану вылечить скоро нельзя, в особенности в летнее время, когда нет возможности предохранить ее от червей, а потому всего практичнее больную лошадь тотчас же выменить или продать. Нечто подобное угрожало вероятно и нам, так как за ночь намины успели уже затвердеть. Тем не менее мы приняли все необходимые меры к тому, чтобы разогнать опасную опухоль. Меры эти, конечно, не привели ни к чему, и трех лошадей приходилось пометить выбывшими из каравана.

Кто путешествовал с вьюками, тот знает, что значит потерять трех лошадей где-нибудь в степи, вдали от человеческого жилья. Заменить их некем, и вот, волей-неволей, приходится придумывать новую комбинацию в распределении грузов, что всегда и мешкотно и хлопотливо. Неудивительно поэтому, что и на этот раз, вставши с рассветом, мы только в 10 часов утра тронулись с места нашей стоянки.

От Таш-купрюка к востоку страна некогда была, повидимому, столь же густо заселенной, как и ближайшая местность к Кульдже: арыки и заброшенные поля встречались нам беспрестанно. Одновременно степь принимала все более и более волнистые очертания. Наконец, пройдя почти совсем заброшенное селение, мы втянулись в предгорья Боро-хоро, сложенные здесь из рыхлых песчаников и лёссовидных и песчаных глин с прослойками гальки. Поверхность этих холмов поросла преимущественно полынью (Artemisia fragrans), среди которой кое-где мелькала столь же тусклая зелень Kochia, астрагалов, Echinospermum; впрочем, в тенистых местах и вдоль водостоков замечалась и более густая зелень Statice, Euphorbia, Achillaea, немногих злаков и ирисов.

Пройдя эту гряду, мы вышли в густо поросшую луговыми злаками долину р. Мазара, в верховьях Боро-бургасу, и остановились ниже устья ущелья последней, по соседству с селением Ураз-бай.

Здесь нас окружила толпа киргизов рода Кызай, старшина коих взялся проводить нас за перевал. Это было как нельзя более кстати, так как при его содействии нам очень скоро удалось сменить двух из заболевших у нас лошадей.

При своем устье ущелье р. Мазара узко, берега ее подымаются круто и обнажены; зато тем гуще и разнообразнее кустарная поросль на глубине, у самой реки. Тропинка то цепляется здесь по камням, высоко над бурным потоком, то сбегает к его берегам и, следуя вдоль последних, вьется среди мягкой муравы или зарослей из кустарников: барбариса, жимолости, крушины (Rhamnus cathartica), шиповника, таволги, диких яблони и абрикоса, Cotoneaster и некоторых других, увитых Clematis и изукрашенных приютившимися среди них высокими зонтичными, сложноцветными и мотыльковыми в полном цвету. Там, где стены ущелья расходятся, образуя площадку, виднеются юрты киргизов и обширные черные пятна оголенной земли, вытравленной скотом. Это ночные лежбища баранов, жеребят и телят. Выше правого притока Талда (иначе Улостай) горы расходятся амфитеатром, и ущелье расширяется в обширный цирк, служащий главным, хотя и временным, становищем для местных киргизов.

Зиму проводят они на северных, бесснежных склонах Боро-хоро, в ущельях одного из главных притоков Цзин-хэ; ранней весной перекочевывают оттуда на юг и, подымаясь со своими стадами все выше и выше вверх по Боро-бургасу, добираются, наконец, к исходу лета до прекрасных пастбищных мест по соседству с перевалом Цитерты. Впрочем, далеко не все из киргизских семей столь подвижны; некоторые, беднейшие, в течение всего лета остаются в вытравленных скотом ущельях Талды и только после уборки ячменя, небольшие запашки которого здесь виднеются всюду, покидают, наконец, мало-помалу эти места.

Несколько выше Талды сходятся обе реки, образующие реку Боро-бургасу: Джаргалы и Чон-кол.

Джаргалы мы прошли вброд. Чон-кол же нес такую массу воды, что мы не решались переправиться через этот мутный поток и, по совету проводника, стали карабкаться по тропинке его правого берега. Но это была утомительная дорога. Ущелье снова сузилось, стало каменистым, сплошные заросли кустарника совсем исчезли, но зато появился лес: береза *, рябина, ива и тополь, которые до того стесняли движение каравана, что приходилось браться за топоры и вырубать мешавшие проходу деревья, или, с помощью тех же топоров и единственной имевшейся в нашем распоряжении лопаты, громоздить в обход торчавших каменных глыб нечто вроде искусственного карниза. Такое движение вперед не могло, конечно, длиться часами, и мы были рады, когда выбрались, наконец, на площадку, поросшую сочной травой и настолько обширную, что являлась некоторая возможность разместиться на ней бивуаком.

На следующий день, пройдя еще несколько километров вверх по Чон-колу, мы оставили его вправо и, круто свернув в одно из боковых его ущелий, стали подыматься на ближайший горный отрог по узкой и скользкой тропинке, которая и вывела нас очень скоро на прекрасную «джайлау» — альпийский луг, одевающий все окрестные склоны центрального массива хребта. В некоторых впадинах здесь еще стояла снеговая вода, да и самая растительность — яркая, испещренная цветами лютиков, фиалок и первоцветов (Primula), показывала, что весна на высотах в 6 100—6 200 футов (1 860—1 890 м) только в начале. Миновав два-три лога, мы спустились в долину одного из правых притоков, Чон-кола, который, слагаясь из нескольких речек, стремительно несется отсюда в зиявшую у нас теперь позади черную щель, образованную скалами из ортоклазового порфира. Урочище это носит название Уч-табан. Роскошный луг, весело журчащие воды ручья, чудная панорама уходящих вдаль гребней гор и долин, а ближе еловый (Picea Schrenkiana Fisch.) лес, взбегающий на причудливо торчащие вверх скалы красных порфиров, — все это в совокупности произвело на нас до такой степени чарующее впечатление, что мы тотчас же решили, что это самое подходящее место для дневки; да и была пора: от Кульджи было пройдено нами чуть не сто шесть километров, из коих последние сорок пришлись на трудный путь по ущельям Боро-хоро.

7 июня, вдоволь накануне наохотившись, мы уже снова вьючились при веселой болтовне о предстоящей нам трудной дороге через перевал Цитерты. Подъем на него действительно очень крут и бежит прямой узкой щелью, по дну которой, загроможденному острым щебнем, каменными глыбами, валежником и стволами елей, сочится ручей. Несмотря на постоянное движение по этому перевалу, дороги в этой щели нет. Каждому предоставляется поэтому карабкаться, как ему вздумается, что он, конечно, и делает, беспрестанно останавливаясь, для того чтобы стереть с лица выступающую испарину и отдышаться немного... Но, несмотря на все свои трудности, перевал этот, не знаю как нашим бедным животным, но нам не показался особенно неприятным. Чистое небо, легкий свежий ветерок, всюду что-нибудь новое и необыкновенное: то величественное зрелище диких, отвесных скал метаморфических сланцев, до последнего предела сжимающих щель и придающих ей вид какого-то гигантского, но вместе с тем сырого и мрачного коридора; то, как контраст, веселый уголок альпийского луга, усыпанного цветами, всего залитого солнцем и оттененного темной каймой елового леса; то, наконец, этот лес, спустившийся в щель и загромоздивший стволами павших собратий путь до того, что среди них едва пробираешься... а затем, пожалуй, и впервые для многих из спутников наших явившаяся, наконец, возможность вполне ознакомиться с характером передвижения по самым диким горным ущельям: ведь тут, что ни говорите, новое дело, много труда, много суеты и хлопот, за которыми и не видно дороги; много таких ощущений, которых не знаешь, как передать, но которые бодрят человека вселяют в

---

* Береза сплошными насаждениями встречается только по речкам, но в вертикальных пределах весьма ограниченных; так, низший ее предел определен экспедицией Грумм-Гржимайло на абсолютной высоте 4 660 ф. (1 419 м), высший же в урочище Уч-табан, т. е. на высоте около 6 000 ф. (1 828 м) над ур. м. [Прим. ред].

душу его стремление к преодолению всяких препятствий... Не знаю, горный ли воздух действует столь возбуждающим образом, поэтическая ли обстановка страннической жизни в горах или, наконец, влияние необыкновенных красот альпийских и вообще горных ландшафтов, но факт тот, что в горах мы чувствовали себя всегда бодрыми и веселыми, и хотя подчас и слышались из нашей среды восклицания: «Ну и дорожка... будь она проклята!..», но в восклицаниях этих не проскальзывало и тени нетерпения или какой-нибудь сосредоточенной злобы именно на эту дорожку... Впоследствии, конечно, впечатления горных видов стали менее живы, к воздуху альп мы попривыкли, а потому и восклицания вроде только что приведенного между нами слышались реже; но тогда, в эти первые дни путешествия, помню, как теперь, в нас было столько энтузиазма, мы испытывали столько восторгов при виде всего проходимого, что, я думаю, будь дорога и вдвое труднее, мы бы того не заметили... Даже наш переводчик, текесский калмык, половину своей долголетней жизни проживший в горах, и тот, возбужденный весенним горным воздухом и общим оживлением, забыв свои годы, шел походкой, какой ходил разве лет двадцать назад.

Но вот, наконец, мы и на перевале Цитерты или Ачал (8 488 футов, или 2 591 м абс. выс.). Это—высокая луговая покатость, с одной стороны круто спускающаяся в ущелье как в бездонную пропасть, из тумана которой выступают поросшие еловым лесом круглые сопки, с другой — примыкающая к лесистым холмам, венчающим отрог главного кряжа. А рамкой этой картине служат отовсюду уходящие ввысь и как бы закутанные полупрозрачным туманом сизо-красные скалы центрального массива. И так и кажется, что тот кусочек земли, который стелется у нас теперь под ногами, и все эти окрестные пики, принявшие совершенно фантастическую окраску и формы, как бы взвешены в воздухе и плавают в море тумана... Картина, поражающая своим великолепием и не могшая, конечно, не произвести на нас чрезвычайного впечатления! И киргиз-проводник это заметил, но понял по-своему наш восторг. Он широко улыбнулся, обвел рукой вокруг себя, точно показывая на необъятное пространство окрестной земли, и радостно объявил: «джайлау!», что собственно значит только — пастбище, выгон; но в глазах киргиза это и есть, без сомнения, лучшая рекомендация местности...

Сделав несколько неудачных выстрелов по суркам (Arctomys dichrous), мы спустились, наконец, с перевала Ачал, сложенного, как кажется, преимущественно из метаморфических сланцев, к слиянию двух истоков реки Боростая — Кур-карагая и Тогур-су и заночевали на том месте, где некогда стоял русский казачий пикет (урочище Ачал).

Ковка на этом переходе расковавшихся лошадей отняла у нас на следующий день так много времени, что первый эшелон вьюков тронулся в дальнейший путь только в исходе восьмого часа утра. Это было уж слишком поздно, так как на сегодня нам предстоял почти немыслимый для вьюков переход — несколько менее восьмидесяти километров. Уже теперь было ясно вполне, что до Цзин-хэ, куда мы стремились, мы могли добраться в лучшем случае только через восемнадцать часов непрестанного хода; иначе сказать, что последние километры нам предстояло брести уже ночью с риском не только сбиться с пути, но и вконец подорвать силы наших вьючных животных.

— Да неужели же дорогой негде остановиться?!

— Выспрашивали мы их, ваше благородие, да орда * говорит, что негде: воды нет, корму нет, все песок да камни... настоящая, говорят, тут «гоби» ** пойдет.

— Да может быть в стороне...

— И в стороне нет ничего. Щелью дорога, а выйдем из гор, гоби, почитай, до Цзин-хэ.

К сожалению, «орда» сообщила нам совершенную правду. Мы, действительно, сразу же втянулись в дикое ущелье, сложенное из мощных толщ известняков и известковистых сланцев, по дну которого шумным потоком неслись прозрачные, как хрусталь, воды р. Боростая.

На первых, впрочем, порах ущелье это все же оживлялось довольно разнообразной кустарной и древесной растительностью, узкой лентой гнездившейся в береговых валунах и местами даже образовавшей здесь смешанные рощицы из тополей, березы и ивы, с густым подлеском из разросшихся тут же кустарников лозы, шиповника и караганы (Caragana tragacanthoides Poir), но затем серый камень заполнил решительно весь, впрочем очень здесь ограниченный, горизонт. Сперва известковисто-сланцевые, высокие, почти отвесные серые стены, затем такие же серые конгломераты, серый щебень и песок под ногами, даже ставшая дальше грязно-серой вода Боростая, — все это после вчерашних ландшафтов и ярких цветов казалось нам уже очень мертвым и однообразным. К тому же дорога становилась плохо наезженной и чересчур каменистой, мосты еле держались и были так плохи, что приходилось их настилать раньше, чем по ним по-одному проводить наших животных. А это так утомляло людей, что уж с двух часов пополудни в нашем отряде стало как-то особенно тихо и все разговоры сами собой прекратились — все с нетерпением стали уже ждать конца только что начавшейся длинной дороги... Тут же, как на зло, одна напасть стала сменяться другой: при переправе через Боростай утонул козел, взятый нами вожаком к стаду баранов, — его как-то мигом скрутило, поднесло под корягу и защемило среди каменных глыб; далее сквозь мост провалилась одна из лошадей, несшая сундуки — сундуки подмокли, лошадь же удалось вывести из реки без вреда; затем одна за другой стали расковываться наши вьючные лошади — по щебневой дороге это большая беда, так как долго ли здесь любой лошади обезножить! И едва успели мы справиться с ковкой двух лошадей, как впереди встретилась опять какая-то остановка, — на этот раз случай, едва не стоивший нам жизни вьючка. На обходе глубокой и почти вертикально спускавшейся к реке водомоины узкий карниз вдруг рухнул под первым вьючком, и лошадь только путем невероятных усилий успела удержаться на тропинке, проложенной киргизским скотом несколько выше караванной дороги. Кое-как, при помощи топора, лопаты и всего, что их могло заменить, выбрались мы, наконец, и из этой беды, но свободно вздохнули только тогда, как нарушенное движение каравана снова восстановилось.

---

* Так называли казаки всех вообще туземцев в отряде, как вошедших в постоянный его состав, так и временно служивших при караване.

** «Гоби» — монгольское слово, вошедшее во всеобщее употребление у таранчей, киргизов и китайцев для обозначения преимущественно каменистой пустыни; песчаная степь называется у таранчей «кум-гоби».

Но вот и устье ущелья! Перед нами степь, столь страстно теперь желанная, но безбрежная, каменистая степь, совершенная пустыня, если не считать тощих кустиков хвойника (Ephedra sp.) и саксаула (Haloxylon ammodendron), которые кое-где торчат в стороне от дороги. Картина очень унылая, нагнавшая на нас тем скорее тоску, что тут же мы натолкнулись на тяжелое зрелище: шест, клетка и в ней голова человеческая, — зрелище, доказывавшее нам, что мы снова приближаемся к черте китайской оседлости...

Шесть долгих часов шли мы еще этою гоби, пологими террасами понижавшейся постепенно к одной из глубочайших впадин Джунгарии — пустынному соленому Эби-нору. Мгла давно уж спустилась на землю, и теперь нам приходилось брести только ощупью, руководясь почти исключительно гулким топотом передовых лошадей. Но куда шли эти лошади и кто вел их вперед, мы этого теперь вовсе не знали, да и знать не интересовались... Измученные жаждой и голодом, а, главное, непомерной усталостью, мы сознавали инстинктивно только одно: отстать теперь от товарищей, значит — заблудиться в степи. И мне кажется, что лошадьми руководил тот же стадный инстинкт; иначе как объяснить их видимую тревогу всякий раз, как отзвук движения каравана впереди на мгновение замирал?

Давно уж в моем эшелоне все люди молчали... Да и что за беседа теперь! Не у кого даже расспросить о дороге, потому что проводники наши куда-то исчезли. С непривычки еще подолгу сидеть в седле спину у меня совсем разломило; а пешком и еще того, хуже: в темноте тропинки не видно, и вот ежеминутно сбиваешься на сторону и спотыкаешься о корявые кусты саксаула. Для примера другим, однако, бодришься и скуки ради — считаешь шаги...

— Ваше благородие! а, ведь, время-то, пожалуй, к полуночи!

— Черкни-ка спичкой... ну, нет, всего только одиннадцать!..

— Знать, еще нам много итти!..

— А что, разве устал?

Нам-то что! А вот кони стали у меня больно тянуться... Шутка ли, сколько идем!

И точно отголоском на это справедливое сетование донесся до нас какой-то неопределенный шум из переднего эшелона. Впереди вдруг блеснул огонек и погас...

— Что там такое?

— В полуверсте отсюда становище калмыцкое проводники отыскали... Сворачивать, что ль?..

— Сворачивать, конечно, сворачивать!

И вот лошади зашагали по глубокому песку. Где-то в стороне, а потом и вблизи характерным шелестом заявили о себе камыши. А вот, наконец, появились и силуэты людей, сопровождаемые оглушительным лаем собак. Они меня окружили. Кто-то им что-то сказал, и, по китайскому этикету, они немедленно преклонили предо мною колена. В то же мгновение, как по волшебству, вспыхнул старый подожженный камыш и фантастическим светом осветил и без того уже дикую картину торгоутского кочевья в песчаной степи...

Мы так были рады стоянке, что и не подумали расставлять своих юрт, а спали не раздеваясь, каждый улегшись, где и как ему показалось удобнее; однако, несмотря на усталость, мы на следующее утро проснулись неожиданно рано. Разбудили нас не столько горячие лучи солнца и поднявшийся ветерок, успевший уже набить нам в рот и нос достаточно пыли, сколько мириады мошек, мух и комаров, которые носились здесь целыми тучами. К нашему великому счастью, мы в таких массах нигде уже не встречали этих маленьких кровопийц, но зато здесь они, действительно, были неисчислимы. И это тем более было досадно, что и все остальное было здесь особенно гадко; и страшная духота, и пыль, и до омерзения грязная и теплая вода, и даже все эти окрестности — степь с барханами песку и с ее серо-зеленой растительностью: тамариском, саксаулом, кое-где перевитым Clematis, Peganum harmala multisecta, Zygophyllum brachypterum, Artemisia dracunculus, Lycium ruthenicum и частью объеденным камышом. С этой печальной обстановкой вполне гармонировали и люди — торгоуты, такие же худые, как и их скот, неизвестно чем здесь питающийся и как выносящий и подчас нестерпимый здесь зной и бездну докучливых мух... А между тем, хотя и странным, но тем не менее чрезвычайно приятным противоречием с этой убогой обителью человека виднелись здесь чуть не рядом небольшие, но все же веселящие глаз яркозеленые запашки пшеницы, ничем не защищенные и не огороженные — совершенное чудо для гоби!

Откуда же бралась здесь эта вода и почему хлеба оставляет не тронутым скот? Вот вопросы, которые мы тщетно задавали себе; торгоуты же уклонились от прямого ответа: они почему-то боялись быть откровенными даже в столь невинных вопросах. Так мы и покинули на следующий день это урочище Толи (абс. выс. 1 509 футов, или 457 м), ничего на этот счет толкового не узнавши.

К Цзин-хэ повел нас старик торгоут. Описание первых километров этого пути затруднительно. Мы сначала обогнули высокий бархан, затем шли среди густых зарослей саксаула, достигающего здесь огромных размеров, тамариска и разнолистого или пустынного тополя; наконец, спустились с отвесного обрыва в русло теперь безводной, но временами, без сомнения, текущей здесь речки, или протока и, выбравшись на противоположный его берег, снова очутились среди столь же густых порослей упомянутых выше древесных пород, в чаще которых находят себе надежный приют многочисленные фазаны (Phasianus mongolicus var. semitorquatus Sew.) и зайцы (Lepus tolai Pall.). Кроме того, в этих местах мы заметили и некоторых других птиц: сорокопутов, овсянок, воробьев и карабауров (Pterocles arenarius Pall.); но все они имели уже до такой степени обносившееся перо, что в коллекцию не годились. За первым арыком, густо поросшим камышом, осокой, Apocynum venetum и тому подобными травами, местность значительно изменилась: кое-где уже виднелись запашки, группы деревьев и одиноко растущие экземпляры карагача, тополя, джигды (Eleagnus hortensis) или ивы, полуразвалившиеся дувалы, глинобитные постройки неизвестного назначения и, наконец, целые заброшенные хозяйства. Мы, очевидно, подходили к Цзин-хэ.

Оазис оказался очень богатым водой. Последняя не только переполняла арыки, но и широко разлилась по заброшенным когда-то полям, обратив их в тростниковые займища. Не мало ее совсем непроизводительно пропадало и по дорогам, которые на значительные протяжения представляли из себя реки тихо плывшей куда-то коричневой мути. Тростник рос повсюду и местами столь густо, что заглушал даже такие кустарники, как облепиха (Hippophaë rhamnoides), шиповник и тал, и только в местах повыше его сменяла верблюжья колючка (Alhagi kirghisorum) с торчащими среди нее кустиками джингиля (Halimodendron argenteum), Calligonum и тамариска.

Не доходя до р. Цзин, мы свернули вправо и остановились на одном из арыков, прорытом несколько в стороне от дороги.

Цзин-хэ (1 200 футов, или 366 м над у. м.) расположен на правом берегу р. Цзин. Это не только значительный военный пост, но и важнейшая станция для всех караванов, идущих в Или из Джунгарии. Однако как земледельческий округ он, несмотря на обилие воды, не имеет значения. Его отовсюду стеснила пустыня, окружившая оазис рамкой песков и дресвы и тем самым положившая предел его росту. К тому же в настоящее время земледельцев здесь мало, да и те не мастера своего дела: я нигде не видал хуже, чем здесь, обработанных полей.

Зато только пустыне и обязан Цзин-хэ тем значением, какое он имеет теперь. И базар и все маленькое население его предместья со своими харчевнями и убогими постоялыми дворами живет здесь одной только жизнью — жизнью лавочки на перепутье дорог и на рубеже двух пустынь: Эби-норской на востоке и Сайрам-норской на западе. У каждого здесь поэтому только один интерес: или продать что-нибудь проезжающему или залучить его к себе на ночлег и хотя бы этим путем от него поживиться; поэтому жизнь здесь кипит, когда извоз увеличивается, и замирает, когда проезжающих мало.

Цзин-хэ населен преимущественно китайцами и таранчами; первых насчитывалось в 1889 г. до сотни семейств[*], вторых — человек на четыреста более. Таранчами заведует здесь аксакал, т. е. старшина, утвержденный в этой должности с согласия начальника укрепления и гарнизона, в руках которого сосредоточивается таким образом как военное, так и гражданское управление округом.

В Цзин-хэ мы дневали, а 13 июня уже снова выступили в пустыню под предводительством молодого торгоутского ламы, сменившего старика из Толи.

Лама оказался словоохотливым малым. Он тотчас же завязал разговор, едва мы, свернув с большой дороги, вышли в степь. «Особенных животных, ради которых вы заехали в наши края, вы здесь не найдете. Маралы и козы держатся высоко в горах, в пустыне их нет. Встречается здесь дикая лошадь, да редко, так редко, что едва ли многие из торгоутов ее видели...».

— Как дикая лошадь? Вероятно, хулан (Asinus onager)?

— Нет, не хулан, а лошадь... И так как она вас интересует, то я вам должен сказать, что нет животного по быстроте и чуткости равного ей; вот почему подкараулить ее невозможно, а догонять было бы глупостью: бег ее быстрее полета стрелы... препятствий она также не знает и двумя-тремя прыжками взбегает на крутейшие скалы... Да вот, видите вы там эту гору? Я сам был свидетелем, как однажды жеребец, испугавшись чего-то, в один миг, подобно вихрю, взлетел на вершину ее и вслед за тем скрылся за гребнем...

---

[*] Собственно «домов», «уй».

В этом тоне лама рассказывал еще много и долго и, кажется, сам искренно верил тому, что болтал. Но большинству из нас вскоре он надоел. Мы разбрелись и, подремывая на седле, шаг в шаг потащились за караваном.

В природе нет, кажется, ничего скучнее и однообразнее каменистой пустыни. Летом все блестит и дышит в ней зноем, зимой же негде укрыться от ветра. И сколько вперед ни смотри — кроме гальки, пасного неба да белесоватого тумана ничего в этой степи не увидишь... И чем дальше идешь, чем ниже склоняется солнце, тем гуще охватывает горизонт и этот обманный туман, который с каждой минутой все полнее и полнее заволакивает окрестности или же миражом озер раздражает воображение путника. Растительности здесь или вовсе нет никакой или она донельзя жалка: низкий и корявый саксаул, один или два вида хвойника (Ephedra), редко где чилига (Caragana pygmaea var. arenaria), Anabasis brevifolia, два-три Artemisia, Tribulus terrestris, Hedysarum multijugum, Tanacetum fruticulosum, Halogeton arachnoides, H. glomeratus, Kochia mollis, Calligonum mongolicum, Peganum harmala var. multisecta и немногие другие виды, преимущественно же невзрачные солянки — вот, пожалуй, и все ботаническое богатство этих пустынь, составляющих чуть не две трети всего пространства центрально-азиатских степей.

Именно такая местность расстилалась теперь перед нами, и те пятнадцать километров, что нам на сегодня предстояло ею пройти, казались нам бесконечными... Но вот, точно из-под земли выросшая, показалась впереди ярко-зеленая растительность кустарников урочища Джюс-агач*, и минуту спустя мы уже утоляли свою жажду из родника, бившего из-под корней старой, развесистой ивы. Все при этом было забыто, и мы с неподдельной радостью приветствовали это крошечное местечко, где нашли в изобилии все, в чем нуждались: тень, воду, дрова и подножный корм для наших животных...

На следующий день, едва приступлено было к седловке, как на окрестных холмах неожиданно появились небольшие стада антилоп. Это обстоятельство задержало наше выступление в путь, так как казакам во что бы то ни стало хотелось подстрелить хотя бы одну из них на обед. К сожалению, все их попытки в этом направлении кончились неудачей: каракуйрюки (Gazella subgutturosa Güld.) во-время их заметили и тут же скрылись в соседних логах и ущельях.

Почти от места нашей стоянки мы стали втягиваться в ущелье, такое же дикое и бесплодное, как и вся окрестная степь. Только

---

* У монголов — Цзю-моден, что в обоих случаях значит — «сто деревьев».

почва стала как будто более вязкой, да какие-то красноватые солянки, встречавшиеся раньше лишь изредка, стали попадаться теперь беспрестанно и иногда сплошными насаждениями, занимающими обширные площади. Чем дальше, однако, мы проникали в ущелье, тем картина становилась живее; конгломераты сменились сланцами, которые хотя и придали более дикий характер ущелью, но и обусловили бо́льшую его живописность. Оно сузилось, а одновременно появилась и зелень, которая сперва ютилась только в распадках скал, а затем, мало-помалу, появилась и в самом ущелье, гнездясь вдоль сухого русла временного ручья; это были кустарники: шиповник, облепиха, чилига, таволга (Spiraea sp.) и Halimodendron argenteum, среди которых пышно раскидывался чий (Lasiagrostis splendens), выбрасывали колосья другие злаки и ютились растения: Statice chrysocephala, St. speciosa, Sueda setigera var. piligeda, Nanophytuon erinaceum, Blitum virgatum и Sedum Kirilowi. Все таким образом указывало на близость воды и, действительно, вскоре мы увидали группу тополей и под ними крошечный ручеек, который тут же терялся в им же сюда нанесенных камнях и песке. С этого места дорога пошла косогором, затем перевалила гряду и вышла, наконец, на ковыль-

Лагерь экспедиции в урочище Джюс-агач.

ную степь, которая рядом крупных подъемов и спусков взбегала чуть не к нижней границе еловых лесов *. И это в каких-нибудь двух часах пути от знойной Эби-норской пустыни! И что за шумная жизнь в этих лесах после мертвенного затишья в этой пустыне! Сколько свисту и гаму от всех этих бесчисленных пташек, и сусликов (Spermophilus eversmanni Brandt), и сурков (Arctomys dichrous Anderson), сколько, наконец, красок, что за аромат и прохлада!..

Миновав еловый лес, мы остановились в урочище Богус-зуслуне, высота которого 9 400 футов (2 865 м) над у. м. Таким образом, сегодня мы поднялись по вертикали почти на 8 000 футов (2 440 м), сделав при этом в линейном направлении не более 26 км — две цифры, в достаточной мере характеризующие крутизну падения северных склонов Боро-хоро и красноречивее всяких слов доказывающие, с каким трудом должны были карабкаться сюда наши тяжело нагруженные лошади. Зато и

---

* П. П. Семенов-Тян-Шанский определил низший предел вертикального распространения ели для гор Центрального Тянь-шаня в 5 000 ф. (1523 м), высший же в 7.500 ф. (2285 м). В Восточном Тянь-шане цифры эти несколько выше; так низший предел проходит:

в урочище Лу-чжан	на абс. выс.	7050 ф. (2135) (по определению Грумм-Гржимайло).
в урочище Фоу-хэ	» » »	6100 ф. (1858 м) (по определению Грумм-Гржимайло).
в горах Богдо-ола, по реке Хайда-джан	» » »	6300 ф. (1910 м) (по определению Грумм-Гржимайло).
в горах Богдо-ола, по реке Хайда-джан восточнее	на абс. выс.	5500 ф. (1675 м) (по определению Певцова)
в горах Богдо-ола, еще восточнее (уроч. Бай-ян-гоу)	» » »	6000 ф. (1828 м) (по определению Грумм-Гржимайло)
в Хамийских горах — несколько выше	на абс. выс.	6000 ф. (1828 м) (по определению Пржевальского).

Что же касается высшего предела, то он подвержен значительным колебаниям; в среднем же проходит на высоте 9000 ф. (2700 м).

В Нань-шане низший предел распространения ели еще выше, чем в Восточном Тянь-шане; так по данным экспедиции Грумм-Гржимайло он проходит на абсолютной высоте:

при кумирне Ма-ти-сы (северные склоны) . .	8750 ф.	(2666 м)
у города Да-тун (южные склоны)	10000 »	(3047 м)
в урочище Казан-хэ	9500 »	(2895 м)
у кумирни Го-мань-сы	9350 »	(2850 м)
в ущелье Ласа-хэ	9400 »	(2864 м)
на южных склонах Сининских альп	10000 »	(3047 м)

Впрочем, в Нань-шане, как это мы увидим ниже, растет иной, чем в Тянь-шане, вид ели — Picea obovata.

наслаждались же они теперь созерцанием великолепных альпийских лугов, одевающих здесь все склоны отрогов главного гребня!

Едва мы поуставили свои юрты, как должны были принимать посетителей. Это были окрестные торгоуты со своим старшиной во главе, пришедшие поздравить нас с благополучным приездом в их земли и принесшие угощение: в ведерке горячий чай с солью и молоком, монгольскую водку и кислое молоко, всего в ничтожном количестве. Здешние торгоуты почти не пьют кумыса, зато умеют приготовлять особый напиток, своеобразный на вкус и напоминающий скверную водку, разбавленную водой. Вот этой-то водкой они и вздумали нас теперь угощать... Нечего делать! попробовали и отблагодарили за радушный прием старшину коекакими безделушками, которые, как изделия чужеземные, конечно, тотчас же пошли по рукам. Разговор наш, однако, не клеился, а вскоре вовсе прервался: торгоуты впредь до получения инструкций от вана (князя) или, как они здесь его называют, — уанга, наотрез отказались отвечать на наши расспросы об окрестных горах, и все, чего мы сегодня добились от них, было более или менее условное обещание дать нам проводника до следующего аула.

Вечером калмыки снова явились, на этот раз с просьбой спасти оставшийся скот от какой-то повальной болезни, которая в течение каких-нибудь двух-трех недель пустила по-миру целые семьи. К сожалению, мы были бессильны помочь этому бедствию, и все, что могли им сказать, ограничивалось советом почаще перекочевывать с места на место. Бедняки выслушали совет этот рассеянно и удалились, очевидно, совсем разочарованные в наших ветеринарных познаниях.

В урочище Богус-зуслун (9 390 футов, или 2 862 м) мы простояли два дня, экскурсируя в окрестностях и с каждого почти утеса любуясь великолепнейшим видом на озеро Эби-нор. Мне кажется, что как бы ни описывать этой чудной панорамы гор, крутыми уступами сбегающих книзу, и всех этих окутывающих пустыню мягких тонов от золотистого до голубого, среди которых ярким темносиним пятном блестит обширная водная поверхность озера Эби-нор, нет возможности невидавшему представить даже в самых общих чертах величавую красоту этой картины, которой нет равной в Европе, потому что трудно еще раз найти на земле такое дивное сочетание горных громад и безбрежной пустыни, темной зелени еловых лесов и золотистой дымки и далеких песков и, наконец, этой массы воды, своим цветом и блеском вносящей такой резкий контраст в целое море самых нежных и полупрозрачных тонов, которые могут только родиться при обширности горизонта в необъятной дали...

Окрестности Богус-зуслуна — царство чилиги «верблюжий хвост» — «тюйя-куйрюк» (Caragana nova species?), ощетинившей все ближайшие скалы и горы; она была теперь в полном цвету и выглядела чрезвычайно нарядно. Кроме этой замечательной караганы, стелющегося можжевельника, одиночных экземпляров ели и шиповника, — других кустарников, не говоря уже о деревьях, не было видно; зато ниже, в зоне еловых лесов, все ущелья поросли ими густо, но насколько разнообразно, сказать не берусь. С высоты, на которой мы находились, видно было только, что кустарные заросли узкой лентой сопровождают течение всех речек, сбегающих в пустыню с горной группы Шалуар и теряются вместе с последними в Эби-норской пустыне.

Несмотря на еще раннее для таких высот время, животная жизнь была здесь в полном разгаре; некоторые виды бабочек даже кончали свой лет, птицы сбрасывали обносившееся перо и только суслики (Spermophilus eversmanni Brandt) да сурки (Acromys dichrous And.) не начинали еще менять своей седой зимней одежды на более яркий, но менее пышный наряд. Таким образом, все заставляло нас торопиться составлением коллекций, пока не ушло еще драгоценное для каждого естествоиспытателя время, а вместе с тем спешить вперед, чтобы своевременно достигнуть районов, может быть, и не столь богатых видами, зато уже потому более интересных, что маршруты натуралистов никогда их еще не захватывали. Этими районами были альпы в верховьях Хусты (Манас) и величественная горная группа Богдо-ола, о которой до сих пор мы имели только самые поверхностные и даже прямо неверные сведения.

С самого того момента, как мы выступили из Джаркента, погода нам необыкновенно благоприятствовала. Тучки если и набегали подчас, то на несколько минут, не более; затем солнце снова выглядывало и своими жгучими лучами осушало окрестность. Но 17 октября погода вдруг изменилась. С раннего утра уже моросило, и при безветрии окрестные горы курились. А между тем именно на сегодня нам предстоял трудный перевал через горы Шалуар, о которых торгоуты рассказывали теперь очень много дурного. В этих рассказах смущала нас не столько крутизна этих гор, сколько обилие талого снега, который на перевале должен был повсеместно образовать невылазные топи. «Топи эти так там обширны, что пока с краев земля не обсохнет, через Шалуар нет дороги...» — вот в чем старался нас убедить старшина и что теперь, ввиду непогоды, действительно, озабочивало нас чрезвычайно. Выбора, однако, мы не имели; обещанные проводники своевременно прибыли, да и торгоутские лошади, на всякий случай и путем долгих переговоров, наконец, нанятые, давно уж поджидали своей очереди быть завьюченными. Отослать их обратно значило рисковать в будущем совсем остаться без них; к тому же пережидать непогоду мы не имели никаких оснований, потому что каждый лишний дождь или снег мог, очевидно, только

ухудшить, а не улучшить дорогу. Итак — в путь, и чем скорее, тем лучше!

Час спустя, действительно, мы уже выступали с места нашей стоянки. Едва мы тронулись с места, как проносившееся облако так густо окутало нас туманом, что мы перестали различать предметы даже в нескольких шагах впереди. Стало и сыро и холодно; затем снова заморосило. Поднявшийся ветер на некоторое время обдал нас дождем, а этот, постепенно усиливаясь, перешел в град и вслед затем в снег. Тем временем дорога становилась все круче и к тому же сделалась скользкой настолько, что наши лошади уже с трудом подвигались вперед. Наконец, мы увидали себя на обширной поляне, справа и слева замкнутой высокими скалами. Поляна эта, составляющая вершину перевала Шалуар, при несколько волнистой поверхности, обладает только весьма слабым уклоном в стороны спусков; почва ее, песчано-глинистая, кочковидно поросшая кипцом (Festuca sp.) и местами до крайности рыхлая, способна, повидимому, весьма быстро напитываться водой и в этих обстоятельствах набухать; если же и нижележащие породы, например, хотя бы те же белые известняки, которые щебневыми россыпями всюду выпячиваются наружу, залегают неглубоко и к тому же представляют некоторое препятствие дальнейшему просачиванию воды, то вот уж и все те условия, которые своей совокупностью могут обусловить образование если не топи, как о том сообщал нам старшина, то во всяком случае пространств настолько вязких, что переход по ним временами, может быть, и является затруднительным. И что это зачастую здесь так и бывает, доказывают, как мне кажется, едва проложенные, зато бесчисленные тропинки; очевидно, что каждый избирает себе тут то направление, которое кажется ему более, чем другое, надежным.

Высота перевала Шалуар оказалась равной 10 990 футов (3 350 м) над у. м. Таким образом, относительно нашей стоянки мы поднялись не более как на 1 600 футов (487 м), а между тем по истомленному виду наших мокрых и в грязи лошадей можно было подумать, что сегодня мы сделали невесть какую дорогу!

Спуск с перевала был уже гораздо положе; к тому же местность стала приобретать чрезвычайную живописность. Здесь мы снова вступили в зону еловых лесов, представляющую почти повсеместно в Восточном Тянь-шане такие разнообразные и эффектные сочетания кустарных зарослей, леса, диких скал и роскошных лугов, что мимо них нельзя пройти равнодушно, — так и манит остановиться у каждого ручейка, под сенью каждой группы елей, где все, чего ни пожелаешь, к вашим услугам: и чудный луг, залитый морем цветов, и вода, и топливо, и, наконец, величественный ландшафт — далекая панорама гор, громоздящихся друг на друга до пределов вечного снега и обещающих в каждом из ущелий своих пытливому натуралисту что-нибудь новое, затемняющее интересом своим все до тех пор открытое. И как-то невольно поддаешься такому соблазну и останавливаешься в приглянувшемся местечке, мало заботясь иногда даже о том, что в этот день едва пройдено несколько километров.

В урочище Умкан-гол, на речке Улан-дабан, узкой, едва ли проходимой щелью вырывающейся в Джунгарскую пустыню и образующей там к западу от пикета Ту-ду обширные тростниковые займища, мы простояли два дня, посвящая все время экскурсиям и сбору разнообразных коллекций. Этим экскурсиям в значительной, впрочем, степени мешали ветры и дожди, которые здесь то и дело сменяли друг друга.

Помимо экскурсий, немало времени поглощали у нас и дипломатические переговоры с калмыками, которые упорно стояли на своем. «Бумаги, объявляющей нам о вашем приезде сюда, мы не имеем, — говорили они; — это значит, что вы явились сюда без разрешения не только илийского цзянь-цзюня, но и нашего хана; а потому наша прямая обязанность, не содействовать вам, а мешать...».

Наша усиленная ходьба по горам не разъяснила вопроса: куда нам дальше итти? Северные контрфорсы этой части хребта Боро-хоро необыкновенно запутаны множеством узких ущелий, по которым сбегают в Эби-норскую котловину многочисленные потоки и реки. Вдобавок все горные участки здесь очень скалисты и круты, а потому очень мало доступны. Без проводников пускаться при таких обстоятельствах в путь было бы делом крайне рискованным. В самом деле, кто знает, куда ведут все эти тропинки, которые, бесконечно переплетаясь, образуют повсеместно весьма сложную сеть! Довериться одной из них — значит рисковать забраться туда, откуда один только выход — обратно, к своей прежней стоянке... Даже спуститься снова в Джунгарию каким бы то ни было из ущелий было бы для нас предприятием, почти вовсе невыполнимым: все дороги идут здесь горами и ни одна из них не бежит по ущелью — прекрасное доказательство дикости и недоступности этих последних.

Итак, волей-неволей нам приходилось настаивать на присылке проводника, а когда последний действительно к нам явился, итти туда, куда он вздумает нас повести. Впрочем, это было теперь для нас безразлично, лишь бы вели нас вперед, а не обратно; тем не менее в наших интересах скорее было держаться гребня хребта, чем спускаться в низины. А этого-то, повидимому, и нельзя было нам ни в каком случае избежать, так как в летнее время реки Оботу и Джиргалты в верховьях своих оказались совсем непроходимыми в брод. «Осенью еще возможно пройти горами в урочище Цаган-усу,—говорил нам проводник,—летом же всякое сообщение тут прекращается; ходят туда степью, через монастырь Джиргалты-цаган-сумэ». Цаган-усу — это ставка вана, родственника карашарского хана, при содействии которого мы и рассчитывали продолжать дальнейшее наше движение вдоль гребня Боро-хоро.

От урочища Умкан-гол мы некоторое время шли нагорьями вниз по течению р. Убан-дабан; затем, миновав зону еловых лесов, до пересекавшего нам дорогу ущелья речки Шангын-дабан шли весьма пересеченной местностью, представлявшей из себя роскошнейший луг, вернее степь с примесью луговых трав и цветов. За речкой Шангын-дабан, протекающей в узком и глубоко врезанном ложе, вся местность приняла равнинный характер, а растительность все более и более становилась степной. Тут мы потеряли тропинку и шли, повидимому, совсем наугад, придерживаясь, однако, все время северо-восточного направления. Но, очевидно, проводник хорошо знал дорогу, потому что мы вдруг очутились на краю глубокого яра, в том самом месте, где снова намечалась тропинка, бесчисленными изгибами сбегавшая на громадную глубину. Опять очень трудный спуск с высоты по необыкновенно узкой и местами совсем размытой тропинке!

Дно ущелья — серый песок и мелкая галька, во всех направлениях изборожденные следами весенних потоков; стены — все тот же метаморфический сланец. Растительность скудная, но крайне разнообразная: карагана, барбарис, таволга, жимолость, хвойник и другие кустарники, которые то образуют здесь заросли, то растут в одиночку; из луговых трав не осталось здесь уже и следа; их сменили чий (Lasiagrostis splendens), различные злаки, какой-то высокий Allium, полынь, астрагалы, ирис, Statice speciosa и S. chrysocephala, Blithum virgatum и многие другие растения, характеризующие флору каменистых ущелий.

Едва мы спустились в ущелье, как впереди раздались выстрелы, стократным эхом повторившиеся в горах. Это стрелял казак Колотовкин, с двух пуль положивший на месте хулана. Это был старый жеребец, совершенно изборожденный шрамами, полученными им, без сомнения, в прежних боях за преобладание в табуне. Изгнанный более сильным противником, он бродил теперь в одиночестве и, вероятно, вскоре стал бы добычей волков, если бы раньше времени не нарвался на пулю ловкого казака.

Яром мы спускались километров восемь, затем вышли на речку Юдна-гол и заночевали на площадке, поросшей полынью-чернобыльником (Artemisia vulgaris), верблюжьей колючкой и овсюком (Bromus sp.), так что лошадям нашим пришлось бы оставаться совсем без еды, если бы не кусты лозняка, росшего по берегу речки, и не узкая ленточка луговых трав, укрывавшихся в их тени.

Встали рано и тронулись снова в дорогу. Оставив позади себя Юдна-гол и пройдя горами не более полукилометра, мы вдруг очутились в безбрежной пустыне... Только здесь эта пустыня казалась не столь мертвенной и оживлялась довольно разнообразной растительностью, среди которой преобладали: чернобыльник, карагана, хвойник, саксаул и Eurotia ceratoides, на этот раз изукрашенные, точно плодами, красивыми, блестящими жуками из рода Julodis. Но в общем это была все же чрезвычайно скучная и монотонная местность, всю завлекательную сторону которой составляли только многочисленные здесь табуны пугливо озиравшихся на нас хуланов и стада антилоп (Gazella subguturosa), при каждом выстреле, как вихрь, уносившихся вдаль. Здесь мы круто свернули к востоку и вдоль горной окраины шли до Оботу, которая подобно всем прочим рекам Южной Джунгарии, течет в глубочайшем русле, вырытом ею в мощных дилювиальных наносах глины и гальки, сплотившихся в рыхлый конгломерат. Яр, впрочем, становится издалека уже видным, причем бывает, однако, трудно определить, что это такое: невысокая ли гряда впереди или противоположный берег оврага. Вода же реки обнаруживается только тогда, когда подходишь к самому яру, глубина которого у некоторых из них, например, у Куйтуна, очень значительна.

Спустивши караван наш к Оботу, торгоут отказался указать нам на брод. «Вы видите, какая вода... утонет кто, так свалите вину на меня...».

Делать нечего! Пришлось разыскивать брод нам самим. К счастью, поиски были не долги. Шагах в двухстах выше река разбивалась на рукава, из коих только два крайних оказались глубокими. Через них лошадей перевели в одиночку.

За Оботу раскинулась снова пустыня, но еще более каменистая и безотрадная. Ею мы прошли километров пятнадцать и остановились в урочище Муткым-бах, самом западном из группы оазисов, имеющих своим центром селеньице Хонтоху, населенное таранчами, китайцами и торгоутами. Здесь мы дневали.

* * *

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПО ТОРГОУТСКИМ КОЧЕВЬЯМ

От урочища Муткым-бах до монастыря Джиргалты-цаган-сумэ километров двадцать восемь. Дорога тянется все время глинистой степью со следами старых арыков, среди которых многие, повидимому, давно уж заброшены. Изредка также попадаются здесь и пашни, по соседству с которыми виднеются группы карагачей (Ulmus sp.) и развалины прежних построек. Но вообще всех этих следов былой культуры так мало, что они не нарушают общего характера этой степи. Тамариск, саксаул, изредка пустынный тополь (Populus diversifolia) и обычная в подобных случаях свита сопровождающих их растений образуют здесь местами густейшие заросли, которые, однако, быстро редеют в сторону бывших оседлостей; там сменяют их карагачи, осокори, ива и из трав — лебеда, Apocynum venetum и множество других сорных трав и растений, которые вперемежку с камышом покрывают все места, когда-то занятые полями. Среди подобных-то зарослей, в которых в смеси с представителями пустынной флоры росли карагачи и высокий камыш, расположился и небольшой монастырь Джиргалты-цаган-сумэ — зимнее убежище лам, теперь откочевавших вместе с прочими торгоутами в ближайшие горы.

Едва передовой эшелон наших вьюков поравнялся со стеной главного здания, как из ворот выбежал китаец и следом за ним человек пять торгоутов. Вид русских их вовсе не удивил. Казалось, они даже готовились к этой встрече и теперь, сообща бросившись к лошадям, сделали попытку их задержать. Завязалась борьба, торгоуты были отброшены и, отступив к воротам, продолжали браниться.

— Что тут за шум, Николай?

— Да вот — не хотят нас дальше пускать!

Так как и мне китаец отказался объяснить толком причины, вызвавшие его и подведомственных ему торгоутов к столь энергичному образу действий, то мы, не задерживаясь здесь долее, продолжали свой путь. Этим дело однако не кончилось, и полчаса спустя нас нагнала уже целая толпа торгоутов, которая хотя и вела себя чинно, но довольно настойчиво потребовала от нас остановиться и не итти далее до получения на то разрешения от торгоутских властей. Впрочем, нас утешали, что разрешение это должно последовать не позже завтрашнего утра... Делать нечего! — пришлось уступить, и мы спустились по круче на плёс р. Джиргалты, где и остановились на песке старого ее русла.

Но стоянка эта была одной из самых для нас неприятных. Полное почти отсутствие корма и дров, крупная галька, навороченная в беспорядке повсюду, и в довершение всего налетевшая буря с дождем, чуть не опрокинувшая юрты и далеко разметавшая наши вещи, а затем и пропажа баранов, которых мы чуть не до полуночи проискали совсем напрасно, — все это заставляло нас не раз пенять на себя за обнаруженную нами сговорчивость, так что на следующее утро, т. е. 24 июня, с твердым намерением в тот же день добраться до ставки уанга, мы с рассветом тронулись в путь.

Ставка, против всякого ожидания, оказалась близехонько, всего километрах в двенадцати от места нашей стоянки на р. Джиргалты, в долине маленькой речки Цаган-усу, ее притока. Несмотря на значительность, площадка, на которой уанг устроил свою летовку, была настолько застроена всевозможными глинобитными сооружениями, здесь скучилось столько юрт и толпилось, несмотря на проливень, столько народа, что мы только с трудом подыскали себе достаточно удобное место для стойбища.

Уанг встретил нас очень радушно, и едва мы устроились, как к нам уж явилось посольство: людям нашим принесли дамбы с соленым чаем и маслом, китайский на пару сваренный хлеб (мянтау), масло и кислое молоко (арык); нас же приглашали на «чашку чая» в помещение вана.

Помещение это издали казалось оригинальным и в окружающей его обстановке даже красивым. Фасад обращен был к реке, в долину которой спускались также, во-первых, обе лестницы, одна над другой, а во-вторых, и оба наката из глины и валунов. Само здание, сложенное частью из камня, частью же из еловых досок и кирпича, было невелико, зато пестрело ярким рисунком. Сзади оно примыкало к стене, окружавшей целую группу мазанок: тут, повидимому, помещалась канцелярия вана, а может быть и часть военных чинов, входящих в состав торгоутского знамени. И глиняные накаты, и обе лестницы представляли такие сооружения, которые лучше всяких слов доказывали каждому посетителю, что калмыки плохие строители. Действительно, взобраться по ним в сырую погоду, пожалуй, было даже труднее, чем на соседнюю гору, которая из долины Цаган-усу подымается непосредственно в снежную область. Тем не менее мы благополучно одолели это препятствие и очутились на крытой площадке, где нас встретил уанг, еще молодой человек, пухлый, белый, но вместе с тем и весьма симпатичный. Одет он был в черную атласную курму (чан-гуа), атласное зеленовато-желтое подкафтанье и черную атласную же китайскую шапочку без всяких атрибутов княжеского достоинства, что, согласно китайскому этикету, должно было, без сомнения, означать, что он принимает нас не как официальное лицо, а как хлебосольный хозяин своих случайных гостей. После первых же приветствий он усадил нас вокруг стола, который занимал чуть не целую половину приемной. Кроме китайской неважной картины, никаких других украшений эта приемная не имела. Такая же простота обстановки замечалась и в соседних двух комнатах, освещенных китайскими окнами и заставленных простыми деревянными табуретами, дамбами и тому подобными предметами домашнего обихода. Из этих двух комнат, вместе с приемной составлявших передний фасад всего здания, имелись двери во внутренние покои, но назначение и убранство последних остались нам, конечно, вполне неизвестными. Свита уанга, человек двадцать лам и наши казаки поместились частью тут же, в приемной, частью же на веранде, единственным украшением которой было громадное и, как кажется, довольно пестрое знамя. Таким образом, мы должны были сначала пить чай, а затем и обедать у всех на виду и заранее мириться с мыслью служить предметом наблюдения для толпы торгоутов, которые не пропускали ни одного нашего движения незамеченным и с необыкновенным любопытством заглядывали нам в рот каждый раз, как мы подносили к нему ложку с каким-нибудь супом или иным произведением кухни торгоутского вана. Впрочем, все эти господа вели себя очень чинно и вообще уменьем держать себя нас несказанно удивили. За обедом, поданным вслед за чаем и состоявшим, как кажется, из семи блюд, сервированных на китайский лад, мы успели сговориться о всем, что в данную минуту интересовало нас наиболее: ван согласился дать нам проводника до перевала Куйтун и разрешил приобрести у окрестных торгоутов меною или покупкой лошадей, баранов, арканы, войлоки и другие предметы обихода, в которых мы стали уже ощущать недостаток.

Уладив эти вопросы, мы, как это ни странно в такой дикой глуши, заговорили о музыке. Ван заставил лам петь нам духовные гимны соло и хором, и ламы пели долго, с увлечением, до совершенного изнеможения и сипоты.

Пение буддийских гимнов под аккомпанемент духовых инструментов поражает европейское ухо своей необычностью; вот почему и положить его на ноты в высшей степени трудно. Это вполне испытал мой брат, когда вздумал записать музыку одного из пропетых нам гимнов. «Вообще, — пишет он в своем дневнике, —

как хоровое, так и пение соло исполняется в темпе adagio, largo и lento, причем для инструментов допускается более обширный регистр, чем для голоса. Ламы-торгоуты при богослужении употребляют инструменты хотя и одного типа, но так устроенные, что вместе они обладают весьма обширным объемом и разнообразием звуков, допускающим оркестровку; в пении же преобладает почти исключительно низкий регистр. При этом не лишне заметить, что и вообще наиболее приятным для слуха торгоутов служит звук басовой, почему они и стремятся в пении достичь звуков контроктавных. Я играл им на корнете с пистонами: нежные и крикливые высокие ноты производили на них неприятное впечатление и, наоборот, густые и низкие, взятые piano и доведенные до fortissimo, приводили их в совершенный восторг».

«Нам пришлось слышать игру и пение лам, считавшихся виртуозами. Пели, например, двое лам, оба басы. Один из них, имевший более низкий диапазон голоса, пел простую гамму от верхней до нижней ноты, второй ему вторил в терцию; кроме того, первый допускал в своей гамме бóльшие или меньшие интервалы, переходя же от верхних нот к низким, в промежутках не вставлял форшлягов, хотя и допускал последние при обратном ходе; второй пел без форшлягов. Пение оценивается, во-первых, по тому, какая из нижних нот доступна певцу, а во-вторых, по тому, с какою легкостью он переходит от верхней ноты своего регистра к низшей без форшлягов и с ними».

Инструменты у торгоутских лам исключительно духовые, деревянные, если не считать тимпанов. Они напоминают гобой, но с значительно более широким раструбом и отсутствием клавишей, замененных дырочками. Сработаны они весьма тщательно и отделаны серебром весьма изящной чеканки. Получаются из Тибета и, по уверению вана, стоят значительных денег. Для игры на конец такого гобоя надевается металлический мундштук, имеющий вид пустотелой серебряной обоймы с пазиком, в который вставляется тонкая пластинка из тростника, что в целом уподобляет его отчасти кларнетному мундштуку. Колебание воздуха получается вследствие сотрясения тростниковой пластинки при прохождении струи между ею и серебряной обоймой. Мы видели подобные инструменты трех размеров: в 1 м с шириной раструба в 35 см, в 90 см и, наконец, в 70 см с пропорциональными раструбами. Звук этого инструмента мелодический, но вместе с тем производит впечатление, точно возникает где-то в пространстве, в значительном от вас отдалении; из европейских инструментов он всего скорее напоминает звук медного альта и басовой валторны (в зависимости от объема инструмента). Резкие и дребезжащие ноты издаются им при надавливании зубами на тростниковую пластинку. В горах же, где расположена была кумирня торгоутов, прекрасная игра на двух инструментах напоминала дуэт двух

альпийских рожков. «Мелодии, — замечает мой брат, — я не запомнил, да к тому же это и трудно, так как, повидимому, определенной мелодии у них нет, и всего чаще случается так, что один из играющих фантазирует тут же, а другой ему вторит».

Между тем настало время прощаться с гостеприимным хозяином. Поблагодарив его за любезный прием и угощение, мы, в сопровождении толпы лам, спустились с вышеупомянутой лестницы и, эскортируемые десятком торгоутских наездников, вернулись в свой лагерь.

Минут десять спустя к нам еще раз явились от вана и на этот раз уже с тем, чтобы представить подарки: двух баранов, кирпич монгольского чая, пятьдесят джинов муки и кожаную флягу с калмыцкой водкой — «молым-арки». С своей стороны мы не замедлили его отдарить, пославши бинокль, серебряный эмалированный, очень массивный браслет и прекрасный перочинный нож о четырех лезвиях. Бинокль ему не понравился, и он вернул его обратно с просьбой обменять на большой охотничий нож, который успели у нас подсмотреть некоторые из лиц его свиты. Мы согласились, не желая раздражать вана отказом; но эта уступка разожгла только аппетиты торгоутских чиновников, которые заявили себя вскоре самыми бесстыдными попрошайками; в особенности же в этом отношении отличился глава ламайского духовенства, которого нам здесь называли «гэскюй»: он дважды присылал к нам депутацию, не просившую даже, а требовавшую подарков этому господину. И когда мы ему отослали в подарок шерстяной красной материи, то взамен получили только упреки в неумении отличить простого ламу от такого лица, как гэскюй, которому никогда еще не приходилось получать столь несоответствующих его сану подарков.

На следующее утро ван прислал на продажу своих лошадей, но назначил за них до такой степени ни с чем несообразные цены, что мы решились отослать их обратно. Конечно, подобный поступок не мог понравиться вану, тем не менее, час спустя, он уже сидел среди нас, в нашей юрте, и, как ни в чем не бывало, весело болтал, просматривая картинки в книге Пржевальского.

Он явился к нам не один. Его сопровождали: малолетний сын его, дядька последнего, младший брат — лама и значительная свита, которая, желая присутствовать при нашей беседе, главнейшим же образом видеть те вещи, которые расхваливал ван, наваливалась на косяки дверей и киряги нашей юрты с такой силой, что даже ван почел подобную назойливость неприличной. Его приказа убраться подальше послушались.

Ван просидел у нас долго. Особенно заинтересовали его съемочные инструменты и карты: «Ни у кого из китайских чиновников не видел я таких роскошнейших карт! Вы, без сомнения, лучше знаете нашу страну, чем даже мы сами!? К чему же в таком случае послужат вам наши проводники?» И когда мы объяснили, то хотя он и казался не совсем удовлетворенным нашим ответом, тем не менее, прощаясь, все же заметил: «Я надеюсь, что в пределах торгоутских земель вы ни в чем нуждаться не будете; по крайней мере мною отданы в этом смысле самые точные приказания».

Нечего и говорить, что обещания эти мы сочли важным залогом будущего успеха и весь остальной день провели в самом радужном настроении. К тому же и лошади и целые партии баранов куплены были нами по весьма сходной цене.

Однако к утру выяснилось, что рассчитывать нам на торгоутскую помощь в отношении проводников не приходится. Тогда решено было: на следующий день, переправившись через Джиргалты, итти до первых китайских поселений, где и попытаться найти проводников на перевал через горы Боро-хоро.

Остаток дня мы употребили на осмотр так называемой здесь «горящей горы», находившейся всего в трех километрах к востоку от нашей стоянки.

Дым каменноугольного пожара в горах бассейна р. Джиргалты хорошо виден даже с Бэй-лу, но оттуда кажется, что дымит где-то высоко в горах, между тем как на самом деле источник этого дыма находится в предгориях Боро-хоро, в угленосных пластах, слагающих наружные складки всего Восточного Тянь-шаня от р. Джиргалты до меридиана перевала Буйлук в горах Богдо-ола. Так как нам не раз еще в дальнейшем нашем пути придется посещать месторождения каменного угля как на северных склонах сказанной части Тянь-шаня, так и на южных его склонах, то я теперь же замечу, что все месторождения каменного угля в пределах Восточного Тянь-шаня находятся или в его окрайних горах, более или менее далеко отстоящих от основной массы хребта и при этом всегда почти невысоких, или же в каменистых пустынях, примыкающих к нему с обеих сторон, т. е. с юга и севера; так, например, каменноугольные залежи известны к северо-востоку от Гучэна и в некоторых других пунктах центральной Джунгарии; не менее также известны месторождения ископаемого угля и к югу от так называемой «Южной дороги»—Нань-лу. Следует также заметить, что где бы в пределах Восточного Тянь-шаня от Кульджи до Хами ни встретился каменный уголь, условия его залегания одинаковы: так, например, про Турачинское месторождение каменного угля (в пределах Хамийского приставства) можно сказать то же, что проф. И. В. Мушкетов писал про илийские копи: «Залежи угленосных пород образуют холмистые, лишенные всякой растительности, безводные предгория, представляющие перемежающие пласты белых, желтоватых песчаников, углистых сланцев с подчиненными пластами каменного угля и гнездами бурого железняка» [1]. Только железистых конгломератов я здесь не нашел, зато последние оказались прекрасно развитыми в горах урочища Фоу-хэ (к западу от р. Манаса) и Джиргалты.

Мы вернулись в наш лагерь, когда уж почти совсем стемнело, и так как за время нашего отсутствия от имени вана никто не являлся, то мы и порешили — вставши завтра пораньше, итти на Шихо.

Река Джиргалты, через которую нам предстояло переправляться, не меньше Оботу и, как и эта последняя, проложила себе глубокое ложе в дилювиальных наносах. В том месте, где мы на нее вышли, она образует множество перекатов, бурля между крупной галькой и валунами. Пока вьюки спускались по береговым террасам, я решил испробовать реку. С противоположного берега мне что-то кричали калмыки и даже махали руками, но понять из всех этих движений и криков, за шумом реки, я ничего не мог, а потому, выбрав место, которое показалось мне мельче, ринулся в воду, и, хотя с трудом, но благополучно добрался до противоположного берега; столь же благополучно вслед за мной переправились сюда и вьюки.

Справа из р. Джиргалты выведены были значительные арыки, орошавшие много километров ниже китайские пашни. Все они оказались глубокими, и переправа через них весьма затруднительной. Едва, однако, справились мы с последней канавой, как от прохожих китайцев узнали, что все понесенные нами труды были совсем напрасны, так как всего каких-нибудь полкилометра ниже имелся мост через Джиргалты. Торгоуты встретили нас также целым рядом вопросов по поводу трудной, но вполне бесцельной переправы через бурную реку, и тут же сочли долгом своим сообщить, что ван уже выслал нам вслед двух важных чиновников с поручением извиниться за вчерашнее недоразумение. Действительно, нас вскоре стало нагонять облачко пыли, которое быстро росло и, наконец, выделило из себя группу всадников, бежавших полною рысью. То были торгоутские власти. Старший из них, господин с красным шариком и павлиньим пером на форменной шляпе, поравнявшись с нами, соскочил с лошади и, низко кланяясь, обратился к нам с речью, которую Николай коротко перевел: «просит остановиться». И когда мы остановились, то Николай продолжал: «а теперь просит сесть на коврик и выкурить трубку табаку». Торгоут, действительно, закурил, мы же терпеливо ждали что будет. Наконец, обратившись всей фигурой своей к Николаю, он начал. Говорил долго и убедительно.

Выяснилось, что в проводники нам назначен офицер, сопровождавший этого сановника.

От Джиргалты на восток некоторое время дорога шла по равнине; затем равнина эта стала принимать все более и более волнистые очертания, и мы снова втянулись в гористую местность с совершенно степною растительностью: чий, таволга и чилига сопровождали здесь каждую рытвину, каждое русло хотя бы временного потока, а злаки, уже успевшие местами значительно пожелтеть, одевали все склоны окрайних холмов. Подобный характер местности, который разнообразился только причудливыми обрывами красной глины, из которой слагались здесь многие холмы и гривы, сопровождал нас вплоть до урочища Баин-гол, узкой долины, орошенной горным ручьем, по берегам которого то там, то здесь мелькали группы тополевых деревьев (осокорей). За этим ущельем потянулась снова равнина, частью уже распаханная торгоутами, частью густо поросшая диким овсом, который, очевидно, заглушил здесь добрую половину бывших посевов. Степь окончательно здесь исчезла и сменилась лугами, которые простирались отсюда километров на пять к самым горам. И в то время как там, у Джиргалты, все было желто и тускло, здесь, наоборот, все блистало молодостью, свежестью и яркими переливами зеленых красок...

Я давно уже ехал один. Брат остался позади, чтобы настрелять птиц для коллекций, а мой неизменный спутник — джигит Ташбалта — умчался вперед и, вероятно, вел теперь одну из связок вьюков, оживленно подшучивая над Николаем или же, в свою очередь, сделавшись предметом казачьих острот. Широкая сначала дорога свелась теперь на еле-еле наезженную тропу, вследствие чего следы прошедших вьюков начали сбиваться то в ту, то в другую сторону, а потом и совсем затерялись в следах, видимо, долго бродившего здесь торгоутского табуна. Я осмотрелся кругом. Слева от меня тянулась на север такая равнина, что и конца края ей не видать, а справа та же долина добегала до гор, охватывала их своими узкими изумрудно-зелеными языками и исчезала под темными сводами еловых лесов, которые спускались сюда из подоблачной выси снегового хребта. Только часть пиков последнего была мне видна. Остальные гиганты, точно хмурясь на что-то, оделись в белесоватую дымку набежавших на них облаков и, скучив вокруг себя эти последние, одни являлись нарушителями и блеска и какой-то лучезарности всей этой картины, в которой изо всех уголков так и веяло простором, светом и радостью.

Я въехал на соседний бугор, и как на ладони представились мне и стойбища торгоутов, не скученные тут в аулы, но разбросанные на значительном протяжении, и их табуны и стада, и, наконец, наш караван, несколько звеньев которого уже успели, впрочем, скрыться в лощине.

Пройдя отсюда еще несколько километров и вдоволь налюбовавшись на живописные лога, которые нам пришлось пересечь, мы остановились, наконец, в урочище Цзян-цзюнь-гол, по соседству со ставкой торгоутского князя Наин-бэйсэ.

Наин-бэйсэ, старик лет под семьдесят, принял нас очень радушно и в течение следующего дня побывал у нас несколько раз. Он одевался очень бедно и ел очень плохо, хотя в общем и не производил впечатления человека скупого. Сверх всякого ожидания он ни только ничего у нас не выпрашивал, но даже, повидимому, стеснялся принять от нас и те безделушки, которые мы решились ему отослать. «Вы ведь проезжие люди, — говорил он, — и должны беречь свои вещи, а не раздавать их тем, кто, как мы, всю свою жизнь проводит на одном месте».

29 июня мы тронулись отсюда в полной уверенности, что сегодня же мы и доберемся, наконец, до перевала Куйтун; однако расчеты наши оказались ошибочными. Под различными предлогами торгоуты сумели увлечь нас сначала очень далеко на восток, а потом неожиданно сообщили, что перевала Куйтуна они вовсе не знают, а что если между Джунгарией и Юлдусом и имеются вообще перевалы, под другими, однако, названиями, то все они доступны только осенью и весной, а не теперь, когда в сбегающих с них потоках так много воды. Впрочем я забегаю вперед...

От Цзян-цзюн-гола дорога продолжала бежать местностью чрезвычайно гористой, хотя и с таким характером растительности, который все ближе и ближе походил к степному. Тополевые рощицы и луговые площадки мелькали, впрочем, еще кое-где в узких долинах небольших горных ручьев Тосту-гола и других, придавая им чрезвычайную живописность.

Долина р. Куйтуна, вернее русло ее, не широко и лежит на несколько сот метров ниже уровня соседней равнины, которая километров на пять от крайних горных отрогов протянулась к этой реке. Верхняя береговая терраса, местами очень явственно выраженная, узка и углублена в общем весьма незначительно; зато вторая обрывается круто и на такую значительную глубину, какой не имеют ни одна из рек южной Джунгарии. Русло Куйтуна вырыто в мощных дилювиальных наносах песку и гальки, слежавшихся здесь в настолько плотный конгломерат, что края обоих террас ниспадают к плёсу целым рядом отвесных и круглых башен или колонн, придающих причудливый вид всему этому узкому коридору, на дне которого шумят отдельные рукава мощной в летнее время реки. Почва этой равнины, еле-еле прикрытая растениями полынной формации, представляет только слегка разрыхленный верхний горизонт конгломератных толщ.

Мы спустились к Куйтуну по водостоку, переправились через него с громадным трудом и с еще бóльшим трудом выбрались по крутейшему подъему снова в степь. Было уж поздно. Пройдя сегодня более тридцати километров, мы почувствовали себя утомленными; тогда нам объявили, что ночлег наш предполагается устроить в урочище Бай-ян-гоу, находящемся всего в каких-нибудь трех километрах от места нашей переправы через р. Куйтун. Действительно, мы достигли названного урочища менее чем через час.

Бай-ян-гоу лежит в устье ущелья несколько ниже крошечного поселка при китайском пикете, который выстроен здесь для охраны табунов, принадлежавших конной лянзе в Кур-кара-усу. Окружающие его горы составляют последние уступы коротких северных контрфорсов Боро-хоро; они не высоки, состоят преимущественно из красноватых песчанистых глин и покрыты степною растительностью. Как и все почти ущелья этой части Тянь-шаня, байянгоуская щель имеет чрезвычайно крутое падение; так что едва мы на следующий день частью ею, частью отрогами прошли несколько километров, как уже очутились среди еловых лесов и той обстановки, которая присуща этим горам в пределах упомянутой зоны.

День был облачный, но солнце выглядывало часто, ярким светом освещало два-три отрога, придавало на мгновение всему ландшафту оригинальный, но живой колорит, а затем снова скрывалось для того, чтобы бросить сноп лучей своих куда-нибудь в сторону. И от этой беспрестанной смены света и тени, пробегавших, чередуясь, по всему горизонту в причудливых очертаниях, все эти горы становились еще более фантастическими, чем были в действительности. Перебираясь с увала на увал, но все время держась гребня одного из главных отрогов хребта, мы имели параллельно себе другой такой же главный отрог, отделенный от нашего падью, глубина которой исчезала в тумане. И туман этот, клубами подымаясь наверх и густой пеленой затягивая побочные пади, казался нам какой-то странной средой, в которой точно плавали все эти сопки, то на время погружавшиеся в совершенную темноту, то снова всплывавшие на свет. За одним из увалов, оказавшимся выше всех пройденных, описанная картина гор еще более усложнилась: весь южный горизонт заслонили теперь грандиозные пики, сверху донизу одетые снегом... Но этой величественной панорамой гор нам суждено было наслаждаться недолго: набежали новые тучи, туман охватил нас отовсюду, и крупные капли дождя вдруг усиленно забарабанили по широким листьям придорожных растений.

На станцию Адона-булук мы добрались совсем измокшими. Но дождь не переставал лить и в течение всего того времени, пока мы устраивали свой лагерь и ставили юрты; к вечеру же тучи сбежали и совершенно прояснело.

В Адоне-булук мы едва не остались на дневку. Увлекшись охотой, Григорий Ананьин потерял наши следы, заблудился и ночевал на китайском пикете, в самой вершине байянгоуской щели. Догнав нас только на следующий день часу в девятом утра, он принес нам важную весть: дорога на перевал через горы Боро-хоро шла по щели Бай-ян-гоу, иными словами — оставлена нами на целый переход позади.

Мы позвали проводника торгоута. Но тот самым решительным образом отрицал это известие и выразил удивление, как Ананьин, ни слова не знавший по-калмыцки или китайски, мог объясниться с китайцем.

— Мы говорили по-тюркски...

— По-тюркски?.. Я первый раз слышу о китайце, говорящем по-тюркски... А впрочем, если вы больше верите ему — идите назад, а меня отпустите...

Мы колебались, но в конце концов последовали за торгоутом.

Мы круто спустились по узкому водостоку к крупной речке Итхана-анчха, перешли ее по прекрасному, китайской архитектуры бревенчатому мосту, поднялись на широкую береговую террасу, прошли ее поперек и узкою щелью, густо поросшей лесом из ели, рябины, тополя, дикой яблони и крушины и разнообразным кустарником вышли на обширнейшие луга, слегка всхолмленные продольными рядами, принимавшими ближе к хребту характер уже резко выраженных и крутобедрых отрогов.

Горы Боро-хоро и их продолжение — Ирень-хабырга, отличающиеся необыкновенно крутым падением к северу, обилием всяких водостоков и щелей, представляют хребет, редкий в Центральной Азии по своей красоте. Обилие скал, множество живописнейших и вместе с тем диких ущелий, пышная растительность, сплошные еловые леса, наконец, множество речек и рек, бешеными потоками сбегающих вниз, в пустыню, и над всем этим блещущие своими вечными снегами седые колоссы — все это местами образует такие дивные сочетания самых чарующих эффектов, от которых с трудом отрывается глаз. Уже Итхана-анчха, шумным потоком несшаяся в узких щеках, поразила нас красотой открывшейся из них панорамы гор; не менее красива была долина и следующей р. Уласта, оживленная рощами тополей и юртами торгоутских кочевий; но всего великолепнее была долина третьей реки — Пичкана-анчха, как и Уласта по выходе из гор впадающей в Итхана.

Левый берег ее луговой и настолько высок, что под его отвесною кручей плёс реки кажется неширокою серою лентой, перерезанной зигзагами незначительной струйки воды, местами взбитой в белую пену; деревья же, сопровождающие течение этой реки — лилипутами. Падение террас противоположного берега гораздо положе; местами они совсем размыты, сливаются между собой и береговыми нагорьями и образуют вместе с последними как бы один могучий горный отрог, сверху донизу одетый еловым лесом и роскошною луговою растительностью, среди которой Cotyledon thyrsiflora и Ziziphora clinopodioides var. canescens сплошными насаждениями занимают обширные площади. Оттого-то правый берег Пичкана-анчха и кажется выше, чем левый. Темносерые известняковые скалы в том месте, где мы спустились к реке, сжимают до крайности и без того уже крайне узкое ее русло, так что, спустившись на плёс, кажется, точно за пределами этих природных ворот нет ничего кроме колоссальных снежных вершин главного кряжа. Вообще спуск к реке очень крут, подъем длинен и утомителен. Дорожка бежит здесь сначала зигзагом в лесу, затем среди кустарных зарослей и, наконец, взбегает на луг, который от берегового откоса тянется еще на несколько километров на восток. Этот луг, ограниченный с севера глинисто-песчаной грядой, а с юга еловыми лесами, спускающимися с отрогов Ирень-хабырга, и есть так называемое урочище Лу-чжан — крайний восточный пункт торгоутских кочевий ведомства Наинбейсэ.

Хотя тяньшанские торгоуты нигде не казались нам богачами, но в сравнении с ними лучжанцы выглядели совсем нищими; даже у старшины юрта оказалась дырявой, обстановка убогой, дети в рваных и донельзя грязных халатах.

В урочище Лу-чжан (7 080 футов или 2 157 м) мы простояли три дня, предпринимая поездки к подножию снеговых вершин, в зоны альпийскую и каменных осыпей (9 000—9 500 футов или 2 740—2 755 м), охотясь и коллектируя с большим прилежанием, и, в конце концов, остались вполне довольны своим здесь пребыванием, хотя дожди, выпадавшие ежедневно, нам чрезвычайно мешали. Не повезло нам только на маральей охоте. Олень этот (Cervus maral) так здесь напуган, что убить его можно только случайно; усиленная же наша стрельба по птицам (Nucifraga caryocatactes L., Carduelis carduelis var. major Tacz., Parus cyanus var. tianschanicus Menzb., Picoides tridactylus L., Tetraogallus himalayensis Gray и др.), барсукам и суркам давно уже должна была предупредить осторожного зверя о прибытии в его родные леса заклятого врага — человека.

На лунчжанских лугах все больше бросались в глаза земляника (Fragaria vesca) и Geranium collinum var. glandulosum, а в низинах высокое зонтичное (Cotyledon?); но, конечно, не было недостатка и в других растениях, из коих назову: Viola tricolor, Dianthus superbus, Vicia sepium, Potentilla sp.?, Sedum sp., Myosotis sylvatica, Galium borealis, Ziziphora clinopodioides var. canescens, Malva sp.?, Platago lanceolata, и на более сухих местах полынь, различные представители рода Poa, Avena sp., Achillaea sp. и другие.

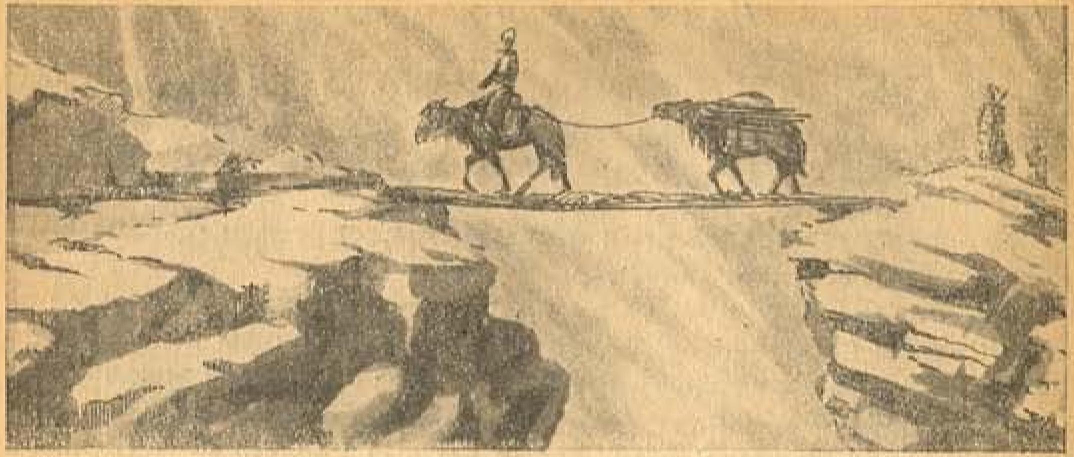
На второй день пребывания нашего в урочище Лу-чжан к нам явился сопровождавший нас из урочища Цзян-цзюнь-гол офицер торгоутской милиции и объявил, что неотложные дела отзывают его обратно в ставку Наина-бэйсэ, почему он и сдает нас местному старшине. На наш вопрос последнему, знает ли он, куда ему следует нас вести, старшина покорно заметил:

Окрестная страна вдоль и поперек мне знакома. Поеду — куда захотите...

Удовольствовавшись этим ответом, мы отпустили от себя офицера, одарив его, как могли.

5 июля мы покинули нашу стоянку в Лу-чжане. Уже в этом урочище мы обратили внимание на глубокие шурфы и ямы, которые вырыты были вдоль того ключа, на котором мы расположили свой бивуак; по речке же Алтын-голу, в долину которой мы спустились с лучжанского луга, такие шурфы оказались чуть не на каждом шагу. Торгоуты нам сообщили, что это — работа китайцев, которые с незапамятных времен повсюду копали здесь золото, но в последнее время совсем забросили это дело по его малой доходности. Впрочем, китайцы рассказывали нам об этом немного иначе: во время мусульманского восстания залотоискатели частью разбежались, частью попали в руки дунган и погибли; с замирением же края, хотя в эти места и явились новые поселенцы, но за добычу золота они еще не брались.

Речка Алтын-гол, что в переводе означает «Золотая река», течет в узкой долине, ограниченной невысокими и отлогими грядами, сложенными из песчанистых глин с значительным содержанием щебня и гальки и поросшими по преимуществу злаками, чием (Lasiagrostis splendens), полынью, скабиозами и другими степными растениями. Насколько безжизненными и бесцветными кажутся эти гряды, покрытые пожелтевшей уже и блеклой растительностью, настолько же привлекательной является долина этой реки, поросшая лесом, преимущественно из тополей, в тени которых приютились многочисленные кустарники. Тенью этого леса, вернее—парка, разведенного самою природой, пришлось нам пользоваться, впрочем, недолго. Река круто уклонилась на север, мы же должны были свернуть на восток. Пройдя от этого сворота всего только несколько километров, мы вдруг увидели на горных склонах плантации мака и уже пожелтевшие поля пшеницы и проса. Очевидно, мы подходили к китайскому поселению...



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ПОИСКАХ ПЕРЕВАЛА ЧЕРЕЗ ТЯНЬ-ШАНЬ

Старшина и сопровождавшие его торгоуты, доведя нас до упомянутых выше полей, приостановили своих лошадей и объявили: «Здесь земля наша кончилась, а дальше идите, как знаете!..».

— Но вы же обязались провести нас до перевала через Борохоро?!

— Сколько здесь ни живем, а о таком и не слыхивали!.. Но мы обещались довести вас до китайских властей и, как видите, исполнили свое обещание!..

Это была наглая ложь, да и фигура говоривших выражала столько наглости и бесстыдства, что единственным ответом им могло быть только предложение немедленно удалиться. Прогнав проводников, мы остались одни среди плантаций мака и полей ячменя и пшеницы. Несколько дальше показались сбитые из глины заборы, какие-то полуразвалившиеся строения, а, наконец, и все селение Бортунгэ.

Благодаря отсутствию проточной воды, которая вся была разобрана на поливку полей, мы некоторое время не знали, где приютиться хотя бы только до завтрашнего утра. Сбежавшиеся китайцы наперерыв предлагали нам чудовищных размеров редиску, яйца и хлеб, но относились безучастно к нашим расспросам о воде. Наконец, выискался один, который решился указать нам превосходное место, где мы, по его уверению, можем найти в изобилии все то, что нам нужно.

Вслед за ним мы побрели вон из селения, свернули в сторону от дороги и пошли среди камышей. Камыши кончились, и мы увидали перед собой крошечный пруд стоячей, зацветшей воды, с одного края взбаламученной стадом тут же валявшихся китайских свиней; это был даже не пруд, а скорее грязная лужа...

— Послушай, любезный, да разве возможно пить эту воду?

Вопрос этот, однако, был лишним, потому что один из китайских мальчуганов, целой гурьбой бежавших за нами, тут же демонстрировал способ, каким пользуется местное население для утоления своей жажды. Он поднял рубашку, прыгнул в воду и принялся пить ее точь в точь так же, как и наша собака, уже самодовольно расхаживавшая теперь в этой луже.

— Да неужели же у вас здесь нет иной воды, кроме этой?..

— У нас есть речка... Да вы не беспокойтесь, вам ведь и этой воды хватит с избытком!..

Едва растолковали китайцам, что не в количестве дело, а в качестве. Но это только распотешило многих из них, на лицах же других мы ясно прочли себе осуждение.

Когда мы уже собирались продолжать путь наш дальше, к нам вдруг протолкался весьма прилично одетый китаец и объявил, что возникшее затруднение легко устранить, так как в любой из арыков можно немедленно же пустить проточную воду.

— И вы это сделаете?

— Я уже отдал соответствующие распоряжения.

Со стороны китайцев это было очень любезно, и мы не замедлили, разумеется, выразить им живейшую свою благодарность. Вода, однако, прибыла к нам не ранее, как часа через два, да и то пустили ее не местные жители, а наши казаки.

На следующее утро мы потянулись селением Бортунгэ. Было девять часов. На небе ни облачка, в воздухе тишь и необыкновенная духота, окрестности — волнистая глинисто-песчаная степь, покрытая густой, но уже пожелтелой травой: блеклые краски, скучный ландшафт! А вдали фиолетовые массивы гор, увенчанные снегами, — соединение стольких контрастов с этой унылою местностью... И под влиянием зноя и пыли все эти столь обычные там дикие скалы или густые ельники, перерезанные ручьями и полные прохлады и тени, рисовались воображению нашему вдвое заманчивее, чем, может быть, были в действительности...

Передний эшелон наших вьюков стал вдруг быстро спускаться, но куда — с того места, где я тогда находился, еще не было видно.

— Хоргос!

— А!.. наконец-то!.. — и я рысью пустился обгонять беспощадно пыливших вьючков.

Хоргос, как и большинство пройденных до сих пор рек южной Джунгарии, вырыл себе глубокое и обширное ложе в послетретичных конгломератах. Смотришь сверху: точно ручьи, сплетаясь и разбиваясь на рукава, бегут по каменистому руслу, а спустишься вниз — ревет бездна потоков, несущих громаду мутной воды... И счастье еще, что последняя разбросалась, а протекай она здесь одной только трубой, пожалуй, не всегда была бы даже возможна и переправа через нее.

На противоположном, еще более крутом берегу одиноко ютилась какая-то китайская фанза — начало поселка, заслоненного от большой дороги цепью глинисто-песчаных бугров. Тут же, только спиной к этим постройкам, расположилась и лавочка, в которой какой-то предприимчивый китаец бойко торговал всяким мелким товаром. Завидя нас, он вышел из-за прилавка и с большой развязностью стал приглашать нас на чашку горячего чая.

Предложение было соблазнительно, и мы на него согласились. И хотя китаец вместо обещанного чая розлил нам в чашки какую-то горьковатую и затхлую гадость, мы выпили ее с удовольствием...

На наш вопрос относительно перевалов через горы, этот китаец сообщил, что небольшие партии калмыков ежегодно приходят сюда ранней весной из-за гор, спускаясь по речке Улан-усу.

Мы решили воспользоваться этим указанием и пойти по указанной нам тропе, своротив сюда же и ушедших далеко вперед наших вьюков.

Дорожка побежала сначала логом, потом стала огибать бугор за бугром из лёссоподобной глины, с примесью гальки и, наконец, совсем затерялась в плантациях мака. Кое-как мы выбрались к задворкам селения Ню-цзюань-цзы, но произвели здесь своим появлением страшный переполох: собаки залаяли, двери захлопали, и все, что в селении, кажется, только было живого, куда-то мигом запряталось...

Мы прибавили ходу и вскоре втянулись в ущелье, в котором и заночевали у опушки елового леса.

От места нашей стоянки дорога круто взвивалась по косогору. Все выше и выше... Наконец, мы на гребне отрога. Впереди громадные скалы голого камня, справа и слева глубочайшие щели, поросшие лесом. Дорожка кончилась, и последние следы ее затерялись в траве чуть не по пояс. Куда же теперь? Неужели возвращаться обратно в селение Ню-цзюань-цзы?...

— Нет, уж лучше спускаться вон этим логом... Куда-нибудь да выйдем же мы, наконец!

И мы стали спускаться. Вьючных лошадей пришлось разобрать по рукам, а верховых погнали пустыми. Щеки оврага целиком состояли из спекшихся на солнце глинисто-песчаных крутейших откосов, по которым лошадям нашим приходилось буквально сползать, рискуя при этом ежеминутно сорваться. А затем, когда мы сползли с этой кручи, внизу мы встретили новое затруднение: чащу ели и всевозможных кустарников, пробираться через которую с вьюками дело вовсе не шуточное. Но, наконец, и с этой задачей мы справились и вышли на луг, который пересекала во всю его ширь большая арбяная дорога.

— А вон и калмыки!

Вьюки были брошены, и все мы, кто был только свободен, поскакали к аулу. Но мы там никого не нашли, кроме двух-трех подростков, пугливо озиравшихся на незнакомых пришельцев. Они до такой степени были поражены появлением нашим, что на первых порах, очевидно, даже не знали, на что им решиться; но, наконец, сочли за лучшее испугаться, бросились в юрту и забились там между кошами.

Мы хотели уже было броситься на розыски взрослых, когда вдруг они сами точно из земли выросли перед нами.

— Мы видели, — говорили они, — как вы подъехали к нашим юртам, и поспешили сюда... Хотя мы и бедные люди, но все же предлагаем вам войти в наши жилища и подкрепить свои силы...

— Спасибо, но мы же очень спешим...

— Но откуда же вы приехали к нам и где остались почтенные ваши семейства?

— Мы, как видите, русские... ваши земли нам незнакомы, и мы заблудились. Покажите же, как пройти нам на перевал через этот хребет...

— На перевал? Но вы ни через один из перевалов теперь не пройдете! Здесь дикие горы, плохие дороги, снег на перевалах повсюду глубокий, но в это время года уже рыхлый настолько, что нет ни малейшей возможности пробраться через него...

— Но как же нас уверяли китайцы, что есть хороший перевал в верховьях речки Улан?

— Ах, что знают китайцы! Перевал там действительно есть, но как вы теперь до него доберетесь? Улан-усу вброд ведь летом вовсе непроходим...

— Однако мы хотим попытаться... Пусть только кто-нибудь из вас нас проводит...

Но на это предложение они ответили отказом. Как можно! Они разве свободные люди? Они работники-дровосеки, закабаленные китайцами и обязанные к сроку доставить значительную партию леса в Манас... Но указать дорогу в долину р. Улан-усу они могут и не отказываются... И они действительно ее указали, а двое из них даже проводили нас с километр.

— А та арбяная дорога куда же пошла?..

— Да никуда. Она вон здесь, много, если в полуверсте и кончается. Это — лесная дорога: по ней мы лес в Манас возим...

Простившись с калмыками, мы двинулись в указанном направлении и, пройдя не более восьми километров среди высоких глинистых и песчаниковых холмов, кое-где прикрытых еще зелеными злаками и в распадах густо заросших кустами таволги (Spiraea sp.) и караганы (Caragana tragacanthoides), выбрались, наконец, без особенных затруднений в долину Улан-усу, т. е. «Красной реки», которая как бы в противоречие с данным ей монголами прозвищем несла теперь воды столь же чистые, как кристалл.

Переправившись через нее без труда и вдоволь по этому случаю насмеявшись над неудачной выдумкой торгоутов испугать нас этой мелкой водой, мы раскинули свой бивуак на прелестной лужайке, окруженной скалами, лесом и крутой излучиной Улан-усу. Для того, однако, чтобы без проводника пуститься вперед, надо было хоть в общих чертах познакомиться с характером предстоящего движения по ущелью, и мы решились исследовать его в тот же день...

С этой целью и были нами посланы вверх по реке казаки Комаров и Глаголев. Они проездили часов шесть и вернулись, когда была уже темная ночь. Но пока они ездили, а некоторые из нас экскурсировали в окрестных горах, на бивуаке у нас вот что происходило.

Едва мы принялись было за послеобеденный чай, как из-за леса показалось несколько всадников. Они спешились и приблизились к нашим юртам.

— А, торгоуты! Добро пожаловать... вы куда?

— К вам.

— Опять к нам? Да что вам нужно от нас?

Торгоуты замялись, потом отвели в сторону Николая и стали ему что-то настойчиво и с жаром внушать.

Оказывается, что торгоуты, живущие в этих горах, испугались, узнав что русские намерены итти вверх по р. Улан-усу. Это ведь для всего отряда верная гибель! И кто же тогда будет в ответе? Никто, как только они, торгоуты... Лучше не доверяться этой реке. И теперь уж в вершинах своих она местами непроходима, но что же будет впоследствии, через несколько дней, когда вода в ней пойдет очень заметно на прибыль? И это не все. За перевалом протекает другая река, которую в низовьях называют Манас, а в верховьях Хуста: это громадный поток, через который, и то только в истоках, переправляются случайно ранней весной, обыкновенно же в то еще время, когда воды ее скованы льдом. «Что же будет, — добавляли в ужасе торгоуты, — если вы теперь же достигнете берегов этой реки? А то, что вы попадете в каменный ящик, из которого нет выхода ни взад, ни вперед... Страшное положение и в перспективе голодная смерть!».

Торгоуты столько раз нас обманывали, что мы давно перестали им верить. Не поверили и теперь, а подумали: «Лгут, конечно! Верно снова хотят, чтобы мы уклонились с прямого пути. Уж подождем лучше наших казаков да выслушаем раньше, что скажут они».

И дождались, наконец, и наговорили они нам порядочно ужасов.

— А не верите, ваше благородие, наведайтесь сами!

— Да неужто же нет обхода нигде?

— Может и есть, да где их было сегодня искать?! К тому же и ту тропинку, по которой мы ехали, пожалуй, что вовсе за тропинку и почесть невозможно... а что уж месяца два, как ею не ездил никто, то верьте совести, верно!

Решено было на следующий день самим исследовать как можно дальше ущелье. Но все же на душе стало грустно. Приходилось, повидимому, окончательно расстаться с надеждой попасть на южные склоны Боро-хоро.

А ночь, между тем, тихая и прекрасная, уже давно успела раскинуть над нами свой темный шатер. Из-за елового леса и скал, которые приняли при этом очертания совсем фантастические, нам был виден далеко не весь небосклон, но какими мириадами звезд блестела и эта частица его, и как ярко освещалась она еще пока незримой луной, которая того и гляди должна была уже выглянуть из-за каменного колосса, в своей тени запрятавшего и нас с нашей крошечной луговиной и добрую половину противоположного нагорного берега речки. Зато выше последний ясно рисовался нам своими прихотливыми формами, напоминающими развалины какого-нибудь былого замка гигантов. Тишина в воздухе невозмутимая, и только вода шумит и рокочет, явственно ворочая на пути своем гальку, да еще нет-нет, да и пронесется над нами издалека какой-то странный звук, не то крик филина, не то не весть что... Дикое место! Но зато же ясно и чувствуется, что все, что ни есть кругом все — девственная природа, до которой еще не успела коснуться рука человека... И это — отрадное чувство!..

На следующий день, едва отъехали мы несколько сот метров от нашего бивуака, как уже Комаров нашел нужным предупредить:

— Переправа!

— Как, уже?!

Мы бухнулись в воду и совсем неожиданно зачерпнули в голенища воды.

— Ого, глубоко!

Но нас дальше ждал новый сюрприз.

Река неслась со страшной стремительностью, билась среди валунов и, обдавая их то и дело клочьями пены и миллионами брызг, уносилась вдаль сплошной белой пеной... А несколько выше, стеной в полтора-два метра, из-под загромоздившего русло реки бурелома выбивались мощные струи воды, разбивавшиеся о каменные твердыни со стоном и ревом, наполнявшим всю эту щель до того, что в двух шагах уже ничего не было слышно... И сырость, и этот шум, и царившая здесь полутьма, которую рассекал один только солнечный луч, упавший в реку откуда-то с высоты и в ней утонувший, и все эти скалы, словно щетиной поросшие ельником, и, наконец, эти валуны, отшлифованные водой и теперь влажные от тумана, — все это производило на нас какое-то странное впечатление: не то содрогалась душа от восторга, не то от какого-то страха... Да, глухое, дикое место! И представьте же себе теперь изумление наше, когда тропинка, добежав до водопада, круто свернула к нему и на наших глазах ушла под пенящуюся поверхность воды.

— Да неужели же здесь переправа?

— Здесь... под гребнем воды.

Жутко, даже очень жутко, но... что же поделаешь? Главное, надо помнить всегда, что колебания в таких случаях очень опасны. Неуверенность седока живо передается и лошади, и тогда хоть возвращайся назад! Она будет трусить, а если и добьешься нагайкой до того, что она, наконец, ринется в воду, то зашагает так робко, что и не такая струя собьет ее в камни...

Более или менее благополучно мы проехали еще шесть таких переправ, все в том же роде. Две из них удалось обойти, через остальные придумали способ перевести вьючных лошадей и баранов и, довольные своей поездкой, вернулись обратно.

— Завтра чем свет к перевалу!

Приказание отдано, но мы не могли скрыть от себя, что идем на-авось. Впрочем, мы имели свой план. За восьмой переправой мы отыскали прекрасное место для стойбища. Здесь остановимся на день, думали мы, изучим ущелье еще километров на десять выше, перетащимся, может быть, и туда, а там, вероятно, будет уже недалеко и до перевала...

— Вечером вторично явились к ним торгоуты.

— Ну что же, все-таки едете?

— Едем...

— А далеко уезжали сегодня вверх по реке?

— Да, до ключа, что впадает в Улан.

— Далеко... Должно быть, хорошие у вас кони... а наши такой дороги не сделают... Ну, что ж, желаем вам успеха!..

Искренний тон последнего пожелания нас очень встревожил: «Неужели же правда все то, что они говорили нам о предстоящей дороге?»

О том, как на следующий день переправились мы через Улан-усу, можно составить себе понятие по следующей картине.

Глухой рев реки все покрывал... Слышен был только говор ближайших, да изредка доносился сюда громкий крик Глаголева, могучая, почти нагая фигура которого отчетливо рисовалась на каменной глыбе, выше других торчавшей над бурною поверхностью пенящегося потока:

— Лови!

И вслед затем взвивался аркан, расходящеюся спиралью проносился над водопадом и попадал в руки другого казака, который в одной рубашке бесстрашно балансировал на стволе старой ели,

сильно накренившейся над клокотавшей пучиной. Конец его привязывался к вьюку, завьюченному чуть не к самой спине, раздавалась команда: «айда! пошел!» — и вслед за тем юркий, худощавый Григорий, с головы до ног уже мокрый, но в лихо набок заломленном картузе, уже несколько раз погружавшийся вместе с своей лошадью в воду, отводил на правый берег едва справлявшегося с потоком вьючка.

Он ликовал, и вся его фигура, казалось, нам говорила: «Каков, в самом деле, я молодец!» Да, и действительно молодец! Другие по разу и по два проводили по гребню водопада вьюков, он же один свел их двенадцать... И мы хвалили его: «Ай да молодчина, Григорий!»

Но в силу, вероятно, этих похвал он стал вскоре даже с некоторым пренебрежением посматривать как на тех, кто с ног до головы не был столь же мокрым, как он, так и на тех, кто вертелся и с делом, и без дела между вьюков. В особенности же доставалось от него Давыдке-дунганину и переводчику Николаю.

— Ну, ты, кошма, подавай, что ли, вьюков! Ну, ты, орда, держи, что ли лошадь! — сыпал он и вправо и влево, и ему и держали и подавали... Он некоторым образом чувствовал себя на положении героя, а потому суетился, приказывал и вообще изо всех сил старался держать персону свою на виду. Наконец, Ташбалте он примелькался.

— Ты чего раскомандовался тут! Пошел вон, и без тебя здесь все обойдется!..

Ташбалта Ходжаев — ветеран всех моих путешествий; подобная переправа ему, разумеется, не новость, но он смотрит на нее, как на серьезное дело, а не ищет в ней только забавы или, тем более, предлога выказать свое молодечество.

Николай и Давид тотчас же примкнули к Ходжаеву.

Чтобы помирить враждовавших, я отправил Григория к тому месту, где переправляли баранов. Он пригорюнился было сначала, но, взглянув вперед, просиял. Действительно, я посылал его на забавное дело! Там вязали поперек тела баранов и, несмотря на отчаянное сопротивление с их стороны, подтаскивали к воде и с размаха бросали в пену потока... Течение тотчас же, разумеется, уносило несчастных вперед, но благодаря аркану, они всякий раз неизменно добирались до камней противоположного берега, где уже их и встречали две спасительные руки человека. Картина обычная, но доставившая Григорию необычное наслаждение. Роль зрителя он тотчас же переменил на роль главного действующего лица, и ни один баран уже не мог миновать его рук...

Когда все лошади стояли уже на правом берегу Улан-усу, я с казаком Глаголевым уехал вперед, а брат остался с вьюками, взяв на себя присмотр и руководство дальнейшим движением каравана вверх по реке. За третьим бродом мы, в свою очередь, с Глаголевым разделились: я еще раз переправился через поток, а он остался на месте, потому что каждому из нас приходилось расчищать и исправлять свой участок дороги.

Немало, должно быть, прошло уже времени, метров двадцать-сорок просеки ширилось уже у меня за спиной, а наших вьюков все еще не видать... Что бы такое?! И я направился к берегу.

Каково же было мое изумление, когда на противоположной стороне я застал такую картину.

Повидимому, уже весь караван там столпился. Бегали, суетились, одни почему-то крупными фестонами развешивали по ближним деревьям штуки пестрых ситцев и кумача, взятых в целях обмена на баранов; другие несли в чащу леса сундуки и мешки или уводили туда же уже развьюченных лошадей... Два казака прибежали, схватили арканы и опять убежали. И оттуда, куда убежали, раздался выстрел, гулко отозвавшийся среди скал.

— Что там такое?

Но меня не слыхали... Я бросился к лошади и тут только заметил впервые, что сталось с рекой...

Несколько часов тому назад совершенно прозрачные воды «Красной реки» окрасились теперь действительно в этот цвет, но одновременно с этим и поднялись настолько значительно, что залили даже все камни, служившие нам раньше указателем брода.

Положение становилось опасным, и медлить было нельзя... Я въехал в дико ревущий поток... Что было со мной вслед затем, описать трудно. Я испытал чувство, которое должен был бы, как мне кажется, испытать человек, низвергнутый в пропасть, с тою, впрочем, существенной разницей, что одновременно я принимал и холодный душ. Когда я очнулся от неожиданности, я увидел себя среди клокочущей пены и торчащих отовсюду каменных глыб. Мне казалось, что я нахожусь на вершине наклонной плоскости, с которой с чрезмерной быстротой я несусь куда-то вниз, в какую-то черную щель, где опять-таки ничего, кроме белой пены и черных вершин валунов, не видать... И странно! В этот серьезный момент я не ощущал ничего: ни испуга, ни стремления выбраться так или иначе из опасного положения... Еще помню один только момент: меня точно метнуло вокруг черной скалы, и тут же я как-то сразу и понял, что нахожусь уже вне всякой опасности: лошадь ощутила под ногами твердую почву, и одним прыжком выскочила на камни... Еще одно усилие, и мы оба были на берегу... но, к сожалению, не на том, где находились наши вьюки...

Все рассказанное длилось один только миг, вот почему и люди наши, хотя и видели мое приключение, но не успели сообразить даже, чем и как мне помочь. Они на все лады махали руками, указывали на что-то и силились перекричать рев потока, но, увы! совсем напрасно, так как до меня едва доносились бессмысленные: ук, ук!..

Выбравшись на тропинку, я еще раз попробовал переправиться, взял много выше и с грехом пополам добрался-таки до своих.

— Слава тебе, господи! А мы уже думали...

— Да у вас-то тут что?! Брат где?..

— И у нас-то не вовсе, чтоб ладно... Трое лошадей в воду свалилось... едва спасли, а уж вещи все подмокли. А что сталось с папиросами, да и с прочими всеми вещами, хоть не рассказывай!.. А одну лошадь, Чуркинова гнедка, пристрелили... Должно, ногой попал в камни и то ли вывихнул ее, то ли сломал, а только уж тронуться с места не мог... Его благородие, должно, и по сей поры еще там...

Так закончился первый переход наш вверх по р. Улан-усу, — предсказания торгоутов сбывались.

Вечером пошел дождь, и мы, забравшись в казачью юрту, сообща обсуждали вопрос: продолжать ли движение наше вверх по реке или, пока не поздно, вернуться назад?

Решили, несмотря ни на что, итти к перевалу, но прежде всего обстоятельно изучить ущелье еще на несколько километров впереди. С этой целью я, Григорий и три казака должны были назавтра чуть свет тронуться в путь.

Проехав несколько переправ, мы достигли, наконец, того места, где река каскадом выбивается из щели. Комаров сунулся было в реку, но водой его тотчас же сбило с седла, и оба, казак и лошадь, едва выбрались затем на берег.

— Надо искать, ребята, обхода... С вьюками здесь все равно не пройти...

— Где уж с вьюками!..

Поручив лошадей наших Григорию, вдвоем с казаком Чуркиным мы полезли на соседнюю гору. Лиственный лес кончился, и мы уперлись в скалу. Здесь было сыро, росли бурьян и крапива. Еще выше — мох, а там обрыв скалы и площадка...

— Ну, здесь также с вьюками не проберешься!

Однако все же мы полезли вперед, так как я хотел, по крайней мере, познакомиться с характером гор и засечь некоторые из выдающихся вершин этих последних.

Камень обнажился повсюду. Гольцы были донельзя крутые, и мы вынуждены были пользоваться самыми ничтожными выступами камня, чтобы хоть несколько подвигаться вперед. В конце концов мы все же, однако, выбрались на вершину отрога, с которого хотя и раскрывалась широкая панорама гор, но, к сожалению, только на запад, а восток попрежнему все еще оставался скрытым за соседним отрогом. Подозревай я тогда, какие громадные скопления снега маскирует он, я, без сомнения, не пожалел бы трудов, спустился бы в падь и поднялся бы на противоположную гору, но теперь я почел это излишним. И без того мы употребили на подъем больше часа, вышли за верхний горизонт ельников и достигли зоны ползучего можжевельника. Река казалась отсюда узкой белеющей ленточкой, замкнутой в скалистых черных щеках, выше которых, куда ни взгляни, торчал ельник, который сплошным лесом одевал все сопки вплоть до горизонта гольцов. Изумрудными змейками луговин, устилающих пади, делился этот лес на участки, и каждый участок представлял из себя ощетинившийся конус, тесно прижавшийся к каменному валу, сложенному, по всему видно, из таких же метаморфических пород, как и все окрестные горы. Километра два впереди р. Улан-усу круто поворачивала на юго-восток, и её долины нам отсюда было уже вовсе не видно; зато был хорошо виден ее главный приток, который сбегал с снеговых полей, подпертых, точно барьером морены, узким поясом крупных осыпей, среди которых то там, то здесь струились ручьи.

Думая сколько-нибудь выгадать при спуске, мы взяли правее, но вскоре раскаялись. На первых порах все еще шло хорошо. Кое-как мы даже спустились с отвесной скалы, но затем уже выбрались на такую площадку, откуда не было выхода. Впереди пропасть, позади и с обеих сторон — каменные откосы, по которым спуститься еще была хоть какая-нибудь возможность, но взобраться на которые — никакой. Чуркину, впрочем, как-то еще удалось, буквально обхватив руками и ногами каменную глыбу, проползти на соседний выступ скалы, но я чувствовал, что подобный эксперимент будет мне не по силам, что я оборвусь непременно, и колебался... Но другого выхода не было, и я, что делать, решился...

— Сюда, сюда ногу, правей, правей!..

Конвульсивно ухватившись руками за какой-то выступ скалы, я повис над бездной, тщетно пытаясь найти на гладкой поверхности камня хоть какой-нибудь упор для ноги. Наконец, последний нашелся, но зато правая нога так и осталась у меня на весу... Я распластался на камне и не имел силы перекинуть руки вперед.

— Теперь хватайтесь за куст!

Я видел этот куст, жалкий и почти высохший можжевельник, торчащий из ближайшей щели, но не мог до него дотянуться... Но вот и это кое-как удалось... Доверившись крепости деревца, я опять повис в воздухе, делая тщетные усилия отыскать ногами новый выступ скалы.

— Правей, правей!.. Скорее!.. Смотрите, куст!..

Куст, действительно, медленно вылезал из щели. Очевидно, его корни не могли выдержать моей тяжести... Я этого не видел, а чувствовал... И при одном этом сознании у меня потемнело в глазах. Я выпустил куст из левой руки и стал ею машинально хвататься за всевозможные выпуклости скалы; я ухватился за что-то колючее и, несмотря на острую боль, сжал это нечто в руке. Затем еще несколько усилий ногами, и я уже был вне опасности...

— Уф! Чуть было не сорвался!..

Оглядевшись на новой площадке, мы поняли, что из огня да попали в полымя: последняя также кончалась обрывом, а сзади упиралась в скалу. На наше счастье, однако, на скалу навалилась старая ель, с которой время не только успело уже содрать всю кору, но и окрасить ее в густой серый цвет. Доверившись вполне ее крепости, мы спустились по ней и вскоре очутились снова в еловом лесу, путь по которому уже не представлял никаких затруднений.

Григория мы застали внизу одного, казаки же, нас не дождавшись, переправились где-то ниже и уехали на перевал.

Они вернулись тоже не с радостными вестями: «Лезли мы, лезли, бросили, наконец, лошадей и, прыгая с камня на камень, прошли эдак с километр, но все же до перевала не добрались и вернулись...».

Решение наше выбраться на южные склоны Тянь-шаня, таким образом, оказалось неосуществимым, и мы повернули назад...

11 июля мы прибыли на место первой своей стоянки в устье ущелья р. Улан-усу, а 12-го и вовсе расстались с этой последней, свернув у стойбища маньчжурских солдат, пасших здесь казенный табун, опять на восток. Здесь мы снова вступили в холмистую местность, поросшую луговыми травами и среди них сплошными насаждениями клубники (Fragaria collina) и земляники (Fr. vesca), — факт, интересный в том отношении, что указывает на вероятное отступление лесов в этой части Тянь-шаня. На одном из пригорков мы вдруг увидали силуэт рослого кара-куйрюка. Кара-куйрюк и здесь, столь высоко в горах, какое необычное в самом деле явление! Конечно, попытка свалить его из винтовки на расстоянии многих сотен шагов окончилась неудачей, но эпизод этот, тем не менее, возбудил столь оживленные толки, что мы не заметили даже, как добрались, обогнув глубокую и широкую падь, в которой еще раз натолкнулись на маньчжурский табун, до полей, засеянных маком.

Дальше мы свернули в горы, и очень скоро, вдоль речки Фоу-хэ, добрались до нижнего предела ельников (5 952 фута, или 1 812 м над у. м.), где и остановились. Менее чем в полукилометре от нашего бивуака были юрты калмыков. Оказалось, что это были семьи охотников на маралов, перебравшиеся сюда еще ранней весной из-за Тянь-шаня, с Юлдусов и из окрестностей Карашара.

Несмотря на систематическое избиение маралов самцов ради пантов, их еще очень много в этих лесах. Чуть не из-под Урумчи до Хоргоса северные склоны гор, в пределах лесной зоны, почти вовсе не заселены; вероятно, только это пока и спасает их здесь от полного истребления, какому они подверглись уже в Хамийских горах и к западу отсюда, за Куйтуном и Джиргалты.

Самим нам не удалось однако здесь хорошо поохотиться. Незнакомство ли с обычаями оленя, неумелость ли наших охотников, но только они каждый раз возвращались с пустыми руками. При наличии густого кустарника, высокой травы, леса в полной листве — не легко было найти здесь марала, а еще мудренее было к нему подойти...

Воспользовавшись тем, что торгоуты повадились к нам ходить, мы сделали попытку сговорить кого-либо из них поступить к нам за хорошую плату в проводники; но они наотрез отказались: «китайцев боимся», — говорили они...

Ввиду этого пришлось ехать к китайскому старшине в упомянутый выше поселок Ши-цюань-цзы. Вопреки торгоутским рассказам, старшина этот оказался добродушнейшим человеком. Он очень сердечно отнесся ко всем нашим нуждам, помог заказать четыре сотни китайских паровых хлебцев (мянь-тау) и отыскать проводника через Манас. Совершенно успокоенные за дальнейшую судьбу нашего движения на восток, вернулись мы на нашу стоянку и на следующий же день выступили по направлению к упомянутой выше реке.

Дорога сначала шла вниз по речке Фоу-хэ. Бесчисленные извилины этой последней, мягкая мурава ее берегов, группы тополей, кустарник и серые глыбы камней, отделившиеся от остального массива, кое-где сужающие долину этой речки, — все это местами представляло такое красивое сочетание между собою, что местность эту по всей справедливости следует отнести к числу живописнейших в Восточном Тянь-шане. Долина Фоу-хэ очень оживлена, благодаря каменноугольным ломкам, находящимся километрах в двух выше поселка Ши-цюань-цзы. Каменный уголь выступает здесь жилами мощностью до полутора метров среди углисто-известковистых сланцев и железисто-кварцевых конгломератов, прорванных кварцитом. Однако почти вертикальное простирание этих жил крайне затрудняет работу китайцам.

Селение Ши-цюань-цзы невелико, очень разбросано и окружено значительною площадью культурных земель. Базар в нем небольшой, но он так живописно приютился под сенью громадных деревьев и среди быстро текущих ручейков прозрачной воды, что невольно забываешь здесь невзрачность окрестных построек. Вьюки должны быть теперь уже далеко! Мы рысью выехали из селения и, для сокращения пути, межами выбрались на дорогу, которая, не доходя Ши-цюань-цзы, оставила долину Фоу-хэ и свернула к горам. Мы догнали свой караван, впрочем, нескоро, хотя увидели его при первом же подъеме его на высокий увал, служащий восточной гранью до-нельзя расширившейся здесь долине Фоу-хэ. Со следующего увала, на юге, совсем неожиданно открылся вид на гигантскую группу снежных колоссов, которую калмыки назвали нам Дос-мёген-ола. Это было величественное, редкое зрелище! Ничего, кроме зеленых гор и долин, которые далеко уходили вдаль, сливаясь там в одно зеленое поле, и непосредственно над ними пять снежных гигантов, отчетливо рисовавшихся на темноголубом фоне ясного неба! Но нам некогда было долго любоваться этой картиной: следовало спешить, чтобы где-нибудь не сбиться с пути, так как тропинки в этой холмистой местности разбегались во всех направлениях. Спустившись под гору, мы миновали поле, плантацию мака и фанзу; затем дорога повела нас из лога в лог, пока не вывела, наконец, к ключику горько-соленой воды, струившемуся в овраге, обросшем лозой, шиповником и другими кустарниками. Вдоль этого ключика, по тропинке, едва намеченной на спекшихся глинисто-песчаных откосах ущелья, мы и спустились к Манасу.

Глухой гул известил нас о близости громадного потока воды; но гул этот шел точно из-под земли, и, только подъехав уже к обрыву второй террасы и заглянув в него, мы увидели, наконец, глубоко внизу, в узком каньоне, с шумом, от которого, казалось, содрогались и соседние скалы, катящиеся валы вспененной серой воды. Это и была Хуста (Хосутай), в низовьях — Манас.

Полковник Галкин, совершивший весьма трудное путешествие по горам Восточного Тянь-шаня и посетивший истоки Хусты, дает живую характеристику этой местности [2]. Сравнивая ее с тем, что сообщалось мною об этой, вероятно, самой дикой и недоступной части Небесных гор в письме из Хами [3], нетрудно подметить почти полное тождество этих двух описаний, хотя, конечно, отчета полковника Галкина я в то время еще вовсе не знал. Это дает мне смелость предполагать, что собранные нами сведения о Дос-мёген и прилегающей горной стране заслуживают доверия.

Прилагаемая здесь карта в точности воспроизводит северные склоны Тянь-шаня в том виде, как изображает их брат. Но в той их части, которая вычерчивалась им на основании расспросных данных и немногих засечек, а именно в горах верховий Хусты, может быть, вкралась ошибка, которую я и не считаю себя вправе обойти совершенным молчанием.

С окрайних холмов долины Фоу-хэ, как уже знает читатель, мы видели непосредственно над зеленым нагорьем подымавшуюся горную группу из пяти колоссальных пиков. Эту горную группу нам назвали Дос-мёген-ола. Чем дальше, однако, подвигались мы на восток, тем длиннее и длиннее становилась цепь снеговых пиков, пока, наконец, мы совсем не потеряли из виду Дос-мёген, как бы затерявшуюся в море ослепительно блиставшего снега, венчавшего все горы на южной стороне горизонта. Из этого я заключаю, что вся масса гор верховий Хусты представляет редкое по своей высоте и в системе Тянь-шаня поднятие, может быть, короткий кряж, высшие точки которого приходятся однако на ту его часть, которую впервые увидали мы еще из долины Фоу-хэ.

По нашему определению, такие точки находятся к западу от прорыва этого кряжа р. Хустой, иными словами, последняя как бы омывает подошву этого колоссального вздутия — факт тем более возможный, что подобных же примеров Памирское и Тянь-шаньское нагорья представляют немало. Полковник Галкин пишет, что высшие точки того вздутия, на котором зарождается упомянутая выше река, находятся километрах в тридцати пяти к северу от перевала Одон-куре (Адункар наших карт). А так как Дос-мёген и в изображении калмыков представляется горой, с южных склонов которой берут начало Каш и Хуста, то, казалось бы, нет причин сомневаться в нашей ошибке, с одной стороны, и в точности орографической картины, изображаемой полковником Галкиным — с другой. И однако она едва ли верна, и вот почему. Те же калмыки, которые сообщали нам столь отчетливые сведения о верховьях Хусты, между прочим в таких выражениях характеризовали Дос-мёген: это величайшая из калмыцких гор, с которой к северу текут реки: Хоргос, Улан-усу и Хунунь-сала — левый, наибольший приток Манасской реки. Из этого следует, что Дос-мёген в представлении калмыков является кряжем, который тянется от истоков Каша до прорыва через горы Хусты и, неся массы снега, в то же время имеет значительное понижение в истоках Улан-усу, где через него и пролегает единственный перевал к северу из котловины верхней Хусты. Что же касается до вопроса, где находятся наивысшие точки этого вздутия, то и в этом случае нельзя не заметить, что полковник Галкин мог легко ошибиться в определении относительной высоты снеговых исполинов именно потому, что путь его непосредственно пролегал вдоль подошвы последних.

Сводя же все вышесказанное, я думаю, что долины верхнего Каша и верхней Хусты изображаются на наших картах не совсем верно: они должны быть несколько сужены отнесением восточного конца Ирень-хабырга к югу и в зависимости от этого выпрямлением Дос-мёген-ола.

Полковнику Галкину не осталось вполне безызвестным название Дос-мёген; только он приурочивает его к горной стране, лежащей на восток от долины Хусты, между Абдур-чолоном и урочищем Хотук-бий, что видно из нижеследующего: «К возвышенностям Абдур-чолон, — пишет этот отважный путешественник, — примыкают на востоке возвышенности Дош, принадлежащие уже к Богдосским горам. В урочище Хотук-бий Богдосские горы несколько понижаются, резкие контуры сглаживаются, долины расширяются и обращаются в роскошные альпийские луга, которые привлекают в летние месяцы значительное число торгоутов с их многочисленными стадами. К западу от Хотук-бий горы снова становятся более разорванными, альпийские луга заменяются мало-помалу каменистыми россыпями, которые особенно развиваются в горах Дош, лежащих в верховьях Балгинтая и примыкающих к описанным уже Абдур-чолонским возвышенностям [4]. Я затрудняюсь помирить это противоречие.

Хуста берет начало с фирновых полей, сползающих с южного склона Дос-мёген-ола. Сперва она течет на восток, затем круто поворачивает на север, прорывая хребет по ущелью, отвесные стены которого имеют превышения до 3 000 футов (914 м) над долиной реки [5]. Выше этого грандиозного прорыва долина Хусты, согласно с описанием торгоутов, представляет каменный ящик, замкнутый отовсюду высочайшими скалами, через которые все известные перевалы, за исключением Кельдынского (Дунде-Кельде) на юге и Улан-усу на севере, высоки и очень мало доступны. Узкая полоска лугов тянется здесь кое-где только возле воды; затем корма имеются только местами в побочных ущельях — все же остальное пространство сплошь покрыто осыпями, крупными обломками скал, снегом и льдом; дожди и снег здесь очень часты; вообще же, по словам торгоутов, вся долина имеет дикий и угрюмый характер, почему и посещается в исключительных только случаях, да и то преимущественно одними охотниками.

Независимо от того, ошибочно или нет помещаем мы горную группу Дос-мёген столь близко к повороту Хусты и под этим или другим именем станут в будущем известны горы ее верховий, теперь уже для меня несомненно, что с переходом через Улан-усу в бассейн Манасской реки мы оставили за собой хребет Ирень-хабурга и вступили в предгорья другого столь же самостоятельного звена Небесных гор; а потому вполне своевременно бросить ретроспективный взгляд на пройденное пространство и в коротеньком очерке объединить все вышесказанное об этих горах.

При короткости обоих своих заложений хребет Ирень-хабурга — Боро-хоро очень высок; а это и обусловливает все дальнейшие особенности этих гор.

Бесчисленные остроконечные пики хребта Ирень-хабурга и ослепительно между ними блестящие снеговые долины, чередуясь до бесконечности, занимают весь юг горизонта и на окраинах его мало-помалу сливаются с фиолетовыми тонами необъятной дали. На громадном протяжении он совершенно однообразен, и гребень его, выходя всеми своими точками за пределы вечного снега, нигде не представляет ни особенно выдающихся пиков, ни особенно значительных седловин. Это однообразие в очертании гребня нарушается только на крайнем востоке в верховьях Куйтуна, где зубчатость хребта наиболее глубока, и на меридиане Ачала, где кряж расплывается, понижаясь в то же время довольно значительно.

Такой внешний вид хребта уже достаточно определяет его малодоступность, столь полно сказавшуюся и при неоднократных наших попытках добраться до гребня.

Вообще как горы Боро-хоро, так и дальнейшее восточное его продолжение — Ирень-хабурга, представляют сочетание высочайших скал и глубоких ущелий, по дну которых не имеется почти вовсе путей: так узки они и так полно загромождены всевозможными обломками скал; поэтому все тропинки лепятся здесь вдоль гребней отрогов и часто сбегают книзу, на север, к подошве предгорий, обходя тем глубокую щель, в которую спуск невозможен. Я не знаю, конечно, что мешало торгоутам указать нам перевалы через Боро-хоро, но думаю, что одной из причин была малая доступность последних. Впоследствии от одного илийского уроженца, хорошо, по его словам, знакомого с долиной Каша, нам довелось слышать, что самым восточным из доступных вьючному движению перевалов через Боро-хоро следует считать Мынгэтэ; далее же к востоку имеются только охотничьи тропы, по которым сообщение в разгар лета совсем прекращается. Так ли это в действительности, конечно, я утверждать не берусь; припоминаю, однако, рассказ торгоута, уверявшего нас, что карашарские охотники на маралов потому и перебираются на северные склоны Боро-хоро со своими семьями, что только осенью получают возможность вернуться в свои родные кочевья на р. Хайду-гол.

Неприступности Боро-хоро немало способствуют также стекающие с него реки и покрывающие его ельники.

Речных долин в этой горной цепи вовсе не существует; в верховьях они заменяются щелями, недоступными даже и пешему, в среднем течении каньонами, стены которых, как мы уже видели, слагаются из рыхлых дилювиальных конгломератов. И несмотря на то, что неразвитые предгория Боро-хоро не позволяют образоваться здесь значительным рекам, каждая из них тем не менее только в редких случаях имеет удобные броды. Высокое падение воды обращает их в стремительные потоки, бурлящие на всех переборах или несущиеся пенистым каскадом среди ими же навороченных каменных глыб и бурелома, а это и делает переправу через них всегда почти затруднительной, если только не вполне невозможной.

Изборожденный ущельями, чрезвычайно крутой гребень Боро-хоро даже много ниже линии вечного снега лишен еще сплошного растительного покрова; замечательно также отсутствие здесь сплошных осыпей, хотя щебень и крупные обломки нередко на значительные протяжения покрывают щеки и днища ущелий, по которым капля по капле струится снеговая вода. Из-за крутизны стен тут еще негде укорениться растительности; зато тем пышнее развивается она ниже, на предгорьях и более покатых склонах хребта, которые как бы подпирают осевой скалистый массив. Последний исчезает под лугом только к западу от р. Джиргалты, т. е. в местах наибольшего понижения хребта. Где только образовалась площадка или не слишком крутой склон, там появилась и ель. Ель сплошными лесами одевает Боро-хоро в пределах от 9 000 до 6 000 футов (от 2 743 до 1 828 м) и вместе с лугами составляет господствующую здесь формацию. По отсутствию подлеска, по сухости лесной почвы еловые леса эти всего ближе напоминают растущие по суходолам боровые ельники средней России; вместе с тем однако они представляют и некоторые отличия, вызванные более сухим климатом нагорной Азии: ягодники, папоротники и грибы здесь совсем отсутствуют, мох же покрывает почву только в редких, самых тенистых и влажных местах и притом исключительно обращенных на север. Всего больше моховых пространств мы встретили в верхней части ущелья р. Улан-усу. Тяньшанская ель вообще редко спускается в лога и на дно ущелий, где зато пышно разрастаются разнообразный кустарник и травы, так что в горах Боро-хоро вовсе не редки ландшафты, вся оригинальность коих заключается в длинной цепи обросших елью конусообразных возвышенностей, опоясанных узкою лентой изумрудных лугов.

Лесов лиственных пород в горах Боро-хоро мы не встретили. Смешанно же с елью тополь, ива, береза, рябина, карагач (Ulmus campestris) и крушина растут почти повсеместно в ущельях. Ниже однако предельного распространения ели в долинах рек всего чаще попадается тополь, который нередко и образует тенистые рощи, далее к низу переходящие в урему. На восток от р. Манаса, как мы ниже увидим, все долины рек до выхода их из предгорий густо поросли лиственным лесом; здесь же подобные случаи редки. Вообще в горах Боро-хоро наблюдается постепенное вертикальное поднятие предела формации полынной степи от востока на запад, т. е. навстречу наиболее влажным северо-западным ветрам — факт, конечно, не лишенный значения и объясняющийся как кажется, орографией этой части Джунгарии. В горах Богдо-ола, к востоку от Урумчи, мы наблюдаем совсем обратное явление: луговой пояс, очень широкий на западе, постепенно все более и более суживается к Хамийским горам. Таким образом изгиб, образуемый Тянь-шанем у Урумчи, служит как бы главным приемником осадков, проносимых в Джунгарию северо-западными ветрами. Степной характер растительности и даже до некоторой степени пустынность западной части гор Боро-хоро объясняется также близостью высокого Джунгарского Ала-тау, заслоняющего ее от влияния упомянутых выше ветров в такой мере, что, судя по флоре, она стоит ближе к горам северных уступов Памира, чем к более восточной части того же хребта. Вообще с формацией полынной степи мы очень редко встречаемся в этих горах; небольшими клочками встречается она на южных склонах боковых отрогов, да ниже 5 000 футов (1 520 м) представители ее редкими насаждениями покрывают долины рек и прибрежные холмы. Альпийские луга занимают также лишь небольшие площадки в этих горах, что объясняется тем, что гольцы весьма часто подымаются здесь непосредственно из зоны елового леса. Таким образом, эта часть Тянь-шаня отличается прежде всего крайним однообразием своей флоры, не остающейся без влияния и на состав фауны, крайне бедной видами и к тому же малооригинальной.

Полковник Галкин пишет, что в верховьях Каша Боро-хоро слагают граниты и глинистые сланцы[6]; проф. И. В. Мушкетов также упоминает о выходах красных слоистых гранитосиенитов в ущелье речки Талти[7]. Наконец, по ущелью Боро-бургасу мы всюду находили скалы фельзитового порфира, местами сильно разрушенного. Все это заставляет предполагать, что южные склоны этого хребта, в противоположность северным, очень богаты выходами массивных пород, к которым, кроме вышеупомянутых, следует также присоединить диоритовые и миндалекаменные породы[8].

На северных склонах Боро-хоро, кроме упомянутого выше одного только сомнительного случая нахождения кристаллической породы в долине р. Улан-усу, мы не встречали массивных пород: здесь преобладали каменноугольные известняки, филлиты и метаморфические сланцы, которые слагали всюду, где он только был нам доступен, гребень хребта и при этом обнаруживали сильно выраженную складчатость. Таким образом, характеристика И. В. Мушкетова: «Боро-хоро (Ирень-хабарга) преимущественно хребет метаморфический»[9] вполне подтвердилась и нашими здесь исследованиями.

Южный склон Боро-хоро короче северного; связывая это обстоятельство с обнажающимися на них повсеместно массивными породами, следует думать, что налегавшие на них некогда осадочные породы частью смыты водами Каша.

Как с юга, так и с севера на этот основной массив налегают местами сильно размытые отложения юрской и третичной формаций, которые только однажды сложились в средней высоты горы, а именно вдоль речки Фоу-хэ, где, вопреки общему правилу, юрские железисто-кварцевые конгломераты и углисто-известковистые сланцы с прослойками каменного угля обнаруживают крутое падение.

К ним всюду примыкают новейшие отложения — лёсс и конгломерат, обнаруживающий в сечениях его реками горизонтальное напластование.

Все, что нам удалось узнать о минеральных богатствах Боро-хоро, изложено уже в своем месте; мне остается только добавить, что в горах, образующих левую окраину долины р. Улан-усу, когда-то добывалось китайцами серебро; ныне рудник этот заброшен, и проводника к нему найти мы уже не могли.

* * *

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТ РЕКИ МАНАС ДО УРУМЧИ

Спустившись с двух террас, крутыми ярами обрывавшихся к руслу реки, мы очутились на небольшой и узкой скалистой площадке, возвышавшейся метров на двенадцать над Манасом. С этой площадки перекинут был мост через реку[*], но до такой степени узкий и к тому же столь нелепо упиравшийся в противоположный выступ скалы, что с навьюченной лошадью, которой пришлось бы сделать прыжок, чтобы выбраться на тропинку, нам казалось немыслимым его перейти. Вот почему мы и заночевали здесь, отложив до утра переноску на противоположный берег своего багажа.

Пока мы развьючивались, солнце успело уже закатиться за окрестные высокие скалы. Стало быстро темнеть, а вместе с наступавшей темнотой все явственнее обозначалась и необычность окружающей нас обстановки. В самом деле дикое и оригинальное место! Отвесные стены стеснили нас в узком коридоре, среди которого, точно в бездонном провале, с ревом несутся валы белой пены. Еще оглушительнее в ночную пору доносится сюда этот рев, еще таинственнее кажется щель, все детали которой теперь уж исчезли в окружающей мгле. Жутко!.. И засыпая на скалистом карнизе, как-то инстинктивно подбираешь под себя ноги, подальше от зияющей бездны, на дне которой зловеще блестит и волнуется белая грива яростно бьющегося о стены потока.

Переход по мосту через Манас мы совершали так: переносили вьюк, переводили вслед затем лошадь и, завьючив ее, уводили по крутой и узкой тропе на широкую площадку правого берега. При всем том не обошлось без несчастного случая. Одна из наших лошадей, только что завьюченная кухней и мягкой рухлядью, не дождалась своей очереди быть уведенной наверх и, испугавшись подходившего к ней китайца, рванулась в сторону, сорвалась с тропинки и упала в поток с высоты чуть ли не тридцати двух метров! Общий крик и беспорядочная беготня вдоль берега—вот первые наши движения; а затем нам оставалось только смотреть на отчаянные усилия несчастного животного выбраться на берег. Впрочем мы были свидетелями этой агонии одно только мгновение. Лошадь почти тотчас же скрылась за поворотом реки; когда же мы взбежали на бугор, с которого река открывалась метров на четыреста двадцать вперед, то на поверхности Манаса уже ничего, кроме клокотавшей пены, не было видно.

---

[*] Мост этот построен по общему типу всех подобных сооружений в горах Центральной Азии: четыре жердины, закрепленные в концах тяжестью наваленных на них валунов, образуют основу его; полотном же служат валежник, земля, редко — доски, плоские камни; перил они не имеют. Ширина Манасского моста не превышала метра, длина двух — двух с половиною метров.

За исключением Или и, может быть, Чу, Хуста самая большая из рек, сбегающих с северных склонов Тянь-шаня; разливаясь у города Манаса на несколько многоводных рукавов, из коих один вовсе непроходим в брод, Хуста здесь несется одной трубой и при этом в каньоне, вымытом в коренной породе и имеющем в поперечнике не более шести с половиной метров. Сила ее течения здесь такова, что полупудовый камень, брошенный с высоты 13 м, делает несколько рикошетов прежде чем погрузиться на дно; медный котел, слетевший вместе с лошадью в реку, долгое время мелькал в пене потока, не погружаясь в него. В связи с неприступностью берегов такая стремительность воды исключала, конечно, возможность спасения даже в том случае, если бы лошадь и не получала при падении никаких повреждений. Тем не менее, в надежде на случай, казаки спускались по водомоинам, думая найти если не ее, то часть погибших вещей где-нибудь среди скал; поиски эти, однако, не привели ни к чему: лошадь и все, что было на ней, исчезло бесследно.

От моста тропинка крутыми зигзагами вывела нас на террасу, расположенную метров на сто пятьдесят выше современного уровня Манаса. С нее реки уже не было видно, да и шум последней доносился сюда только изредка, в местах прорыва ее водостоками.

В воздухе была тишь, солнце палило. Ни деревца, ни кустарника, в тени которого хотя бы на минуту можно было укрыться. Совершенно оголенные глинисто-песчаные горы, стоявшие у нас вправо, отражали свет с такой силой, что на них было больно смотреть. И при этом ни одной струйки воды, ни одной сочной травки, которая хотя бы несколько могла утолить жажду наших вьючных животных. Бараны изнемогали, лошади еле плелись, и даже наш черный понтер «Васька», уроженец г. Ашхабада, и тот отказывался дальше итти, улегшись в тени торчавшей из-под земли плоской глыбы песчаника. Его пришлось взять на седло.

Минуты тянулись попрежнему долго. Вот уже и целых два часа мы в дороге... В караване уныло и тихо... Вдруг позади послышался выстрел, гулко пронесшийся по долине. Осмотрелись: наши были все налицо. Приостановились и стали озираться назад; туда же, забыв свою жажду, понесся и Васька. Нашему недоумению положен был впрочем скоро конец. Из оврага показались почти тотчас же два всадника, которые крупной рысью направились в нашу сторону. Это были торгоутские охотники из Фоу-хэ, догонявшие нас с тем, чтобы наняться в проводники, и теперь, больше ради забавы, стрелявшие по встреченным ими кара-куйрюкам. Приключение это нас несколько оживило. К тому же и тропинка вдруг свернула к горам, по ту сторону коих должен был пробегать ручей Лао-цао-гоу. Действительно, едва поднялись мы на перевал, как впереди увидели широкую полосу луга и камыши, а дальше — тополевую рощу, юрты, табуны лошадей, стада баранов и людей в ослепительно белых одеждах.

«Это русские... татары...» пронеслось у нас в карване.

И мы не ошиблись — это были сергиопольские купцы, оптовые торговцы скотом.

Гуртовщики встретили нас очень радушно. Они не замедлили принести нам два ведра кумыса, и мы этот день, оставивший по себе столь грустные воспоминания, закончили в интересной беседе с бывалыми в Китае людьми.

Между прочим они нам сообщили, что верховья ручья Лао-цао-гоу пользуются у охотников хорошей славой, и мой брат решился на следующий же день, пользуясь дневкой, попытать там свое счастье. Но он вернулся ни с чем, хотя не только видел медвежьи лежанки и во множестве маральи следы, но и стрелял по маралу. К сожалению, раненого зверя ни он, ни его товарищи по охоте — казаки Колотовкин и Иван Комаров, настичь не могли: лес был густой, а собаки они с собой почему-то не взяли.

12 июля мы покинули нашу прекрасную стоянку на берегу р. Лао-цао-гоу и всю станцию шли горами. С первых же шагов нам пришлось взбираться на высокий отрог, служивший водоразделом вышеупомянутому ручью Лао-цао-гоу и Да-бянь-гоу — красивой речонке, текущей карагачевым и тополевым лесом в глубокой долине. Подъем на противоположный склон этой долины был также в высшей степени крут, но горы казались здесь уже не столь оголенными и красная глинистая их почва красиво гармонировала со свежей зеленью различных кустарников и трав полынной формации.

Следующая, параллельная предыдущим, лесная долина принадлежит р. Сяо-бянь-гоу. Пройдя вниз по течению этой последней километров около двух, мы снова наткнулись на «кош» * зайсанских татар. Напившись здесь кумысу, мы поднялись на

---

* «Кош» — войлочная палатка; но иногда так называется и становище, бивуак, независимо от того, из каких временных жилищ он составлен.

высоты ее правого берега и километров около двадцати шли холмистою местностью, встречая на пути прелестные луговины и горные покатости, поросшие сочной травой. Остановились на берегу значительной речки Син-га-хэ, в тополевом лесу, у устья того водостока, по которому спустились в долину этой реки.

Син-га-хэ, приняв в себя Да-бянь-гоу и Сяо-бянь-гоу, впадает справа в Манас. Долина ее некогда пользовалась известностью, благодаря богатым золотым приискам, находившимся на правом ее берегу; ныне же прииски эти заброшены, мосты развалились, и дороги, некогда торные, превратились в узкие тропы.

На следующий день мы продолжали свой путь. Сначала шли вверх по р. Син-га-хэ, затем оставили ее вправо и выбрались на крутой горный отрог, справа окаймляющий долину реки. С него мы спустились в высшей степени оригинальную солончаковую котловину, окруженную высокими и крутыми обрывами цветных глин. Миновав и ее, мы за ближайшим увалом увидали китайский поселок Гуан-гао. Закупив здесь весь имевшийся в наличности хлеб (мянь-тоу), мы тронулись далее и, пройдя километров пять плантациями мака и хлебными полями, очутились на краю глубочайшего обрыва в долину р. Сань-дао-хэ, поросшую сплошным лесом вековых тополей, карагачей, берез, ив и рябин, с подлеском из всевозможных кустарников. Река Сань-дао-хэ многоводнее Син-га-хэ, но впадает ли она, как последняя, в Манасскую реку или расходится по полям — осталось нам неизвестным. Последнее однако всего вероятнее, так как низовья этой реки, как нам говорили, очень густо заселены, да и в среднем ее течении от нее то и дело отходят арыки. Пройдя вниз по р. Сань-дао-хэ около десяти километров, мы остановились на красивой лужайке в тени высоких деревьев, среди которых, разбившись на рукава, громыхала река. Любоваться местностью, однако, совсем не пришлось: налетевшие с запада тучи разразились дождем, который вскоре и затянул белесоватой пеленой все окрестности.

Утро следующего дня наступило столь же дождливое. Под дождем стали и вьючиться. К этой неприятности вскоре присоединилась другая: проводник калмык отказался нас дальше вести. «Торгоуту охотнику нет места среди поселений китайцев, — говорил он нам между прочим, — там я столь же чужой, как и вы, а потому и полезен вам быть едва ли могу».

Итак, мы снова без проводника и на сей раз уж надолго.

Сань-дао-хэ в это время года оказалась непроходимою в брод, а потому нам пришлось вернуться к мосту, оставшемуся у нас в двух километрах позади.

Долина ее живописна, но густой туман, заволакивавший окрестности, значительно скрадывал ее прелесть; впрочем, нам было не до ландшафтов. Глинистая дорога, вследствие проливного дождя, совсем размякла; к тому же, пройдя мост, мы очутились

среди китайских пашен, которые местами суживали дорогу до такой степени, что мы то и дело сбивались с нее на межник. Подобное блуждание из стороны в сторону и при этом нередко по вязкой целине казалось нам теперь тем более утомительным, что на сегодня все обещало нам большой переход. Действительно, в узкой долине правого берега р. Сань-дао-хэ негде было остановиться: вся она была перепахана или занята под постройки различного назначения. На неоднократные наши вопросы, обращенные к местным жителям по этому поводу, те также видимо затруднялись ответом и, пожимая плечами, посылали нас дальше: «Здесь же, сами видите, негде остановиться!» И мы шли вперед, шли часами, но картина местности продолжала оставаться все той же. Наконец, пологий увал преградил нам дорогу. Перевалив через него и при этом обогнув глубокую рытвину, мы вышли на каменистую степь. Здесь дорога разветвлялась: левая ветвь шла вниз по реке, правая немного сворачивала к востоку. Мы выбрали последний путь, но вскоре раскаялись. Каменистая степь, довольно густо поросшая в начале растениями полынной формации, мало-помалу приобретала все более и более пустынный характер. Жилья не предвиделось, а между тем становилось уж поздно: восток заметно темнел. До заката не долго... а впереди все еще ничего... Мы колебались: не повернуть ли назад? вода есть, лошадей можно стреножить...

— Да есть-то что будут?..

— Да и тут многим не поживишься!..

Но на наше счастье на темном фоне ночи вдруг отчетливо обрисовались темные массы каких-то построек. Мы входили в селение Ту-ху-лу.

Едва мы, поужинав, улеглись в наскоро постланные постели, как на пороге юрты появился дежурный казак, с тревогой в голосе заявивший: «У нас несчастье — не досчитываемся трех лошадей...».

Сна, конечно, как не бывало. Накинув на себя что подвернулось, мы тотчас же выскочили на улицу, где нашли в сборе всех наших людей. Двое из них садились уж на коней с намерением объехать окрестность. Мы выслали еще трех, но, конечно, искавшие вернулись ни с чем.

— Экая темень! Ворам самое сподручное время...

Это восклицание дало толчок нашим мыслям. Нам как-то сразу стало всем ясно, что виновниками переполоха могли быть только китайцы ближайших фанз — народ грубый, и пользующийся вообще столь же дурной репутацией, как и все прочее население китайских деревень по Бэй-лу. Но на этот раз подозрения наши не оправдались: две из пропавших у нас лошадей на следующее же утро были отысканы в долине речки Сань-дао-хэ, где они мирно паслись, разгуливая по хлебным полям;

что же касается третьей, то она так и не отыскалась. Очевидно, однако, что если нам и приходилось теперь винить кого-либо в этой утрате, то только самих себя за свое непозволительное доверие к лошади: «свыклись... теперь не отобьются от табуна!» — говорилось часто у нас, а на поверку и вышло иначе...

20 июля мы продолжали двигаться по направлению к Урумчи. Это была утомительная дорога. Николай уверил нас в том, что из расспросов он ознакомился настолько с предстоящим путем, что уже не боится сбиться с него. Но, как и следовало ожидать, на первом же перекрестке он ошибся во взятом им направлении. К счастью, попались китайцы, которые тотчас же указали нам нашу ошибку. Мы свернули на целину, и, согласно их указанию, вскоре действительно вышли на арбяную дорогу, которая и довела нас до ручья Тугурик, по-китайски — Ту-ху-лу, в рамках долины которого мы имели случай еще раз полюбоваться громадой снеговых гор, примыкающих с востока к описанной выше горной группе Дос-мёген.

У речки Ту-ху-лу мы вышли на еще более торный путь, сворачивавший в ущелье. Пройдя им несколько сот метров, мы вышли на новое перепутье. Направившись по той из дорог, которая шла вдоль линии окрайних холмов, мы мало-помалу втянулись в эти последние. Становилось очевидным, что мы снова шли не туда. Николай рысью взъехал на один из пригорков и вскоре стал усиленно махать оттуда руками. Свернули к нему и очутились на какой-то еле намечавшейся тропке, которая то и дело сбивалась на-нет. Николай упрямо ехал вперед, совершенно правильно рассчитав, что где-нибудь мы должны будем, наконец, выбраться к р. Хутуби.

Мы ехали безотрадною местностью. Всхолмленная, оголенная и усыпанная черною галькою (глинистый сланец и филлит), глинисто-песчаная почва, поросшая редкими кустиками полыни, Eurotia ceratoides и некоторыми солянками, неглубокие, но широкие и крутоярые рытвины, глинистые площади—днища высохших луж, теперь растрескавшиеся на неправильные многоугольники, изредка рыхлые солонцы и всюду серовато-белые выцветы соли — вот какие неприглядные картины, одна за другой, сменялись непрерывно пред нами. И при этом зной нестерпимый, лучи солнца, прожигавшие тело вплоть до костей...

Но за всем тем местность эта далеко не казалась безжизненной. Хуланы и антилопы кара-куйрюки ходили тут многочисленными стадами, ящерицы (двух родов: Phrynocephalus и Eremias) шныряли поминутно, степные куропатки (Pterocles arenarius) то и дело срывались из-под ног и стрелой уносились на север, а жаворонок заливался над головой, точно радуясь случаю выкупаться в золотых лучах палящего солнца; даже в бабочках весной здесь не могло быть недостатка, теперь же, конечно, нам осталось со-

Вверху: моренное озеро в горах Богдо-ола
Внизу: ущелье реки Манас

бирать только едва определимые остатки различных представителей рода Satyrus.

Пройдя вышеописанной местностью километров около тридцати, мы совершенно неожиданно для себя вышли снова в степь, по которой в северном направлении проходила большая арбяная дорога. Идя по ней, мы вскоре увидали массу зелени впереди. Встретившиеся нам тут китайцы объявили, что это и было селение Хутуби (Хотук-бай, или Хотук-бий).

Хутуби, как кажется, впервые упоминается в описании путешествия армянского царя Гайтона (1254 г.), которое переиначивает название этого древнего поселения в Хутайай (Khutaiyai) [10]. Затем оно же встречается на карте северо-западных и западных владений монголов, изданной в 1331 г. (Гутаба, Gu-tà-ba) [11]. Но ни монах Чань-чунь, ни другие китайские источники о нем не упоминают, из чего, как мне кажется, следует заключить, что Хутуби никогда не играл видной роли в истории этого края.

Арбяная дорога довела нас до высокого яра, омываемого р. Хутуби, но тут, в поисках более удобного спуска, свернула на северо-запад и, вытянувшись вдоль берега, терялась в бесконечной дали. Нам не хотелось делать столь значительного обхода, и мы спустились на широкий плёс Хутуби по пешеходной тропе.

Верховья р. Хутуби нам неизвестны. На основании, однако, расспросных данных полковник Галкин описывает их нам в таких выражениях [12].

От грандиозной горной цепи, известной у торгоутов под именем Богдо, отделяются по всем направлениям высокие хребты, переходящие на большом протяжении своими вершинами за линию вечного снега. Наибольшее поднятие обнаруживается между урочищем Хутуби (Хутук-бий), лежащим в верховьях реки с тем же именем, и урочищем Кара-узень, из которого вытекает р. Убрюгюн-гол, принадлежащая бассейну Алгоя. В урочище Хутуби горы понижаются, резкие контуры несколько сглаживаются, долины расширяются и обращаются в роскошные альпийские луга, которые привлекают в летние месяцы значительное число торгоутов с их многочисленными стадами.

Что в верховьях Хутуби высятся грандиозные пики, это мы видели даже отсюда; но ближайшим образом определить их высоту хотя бы по отношению к окрестным горам нам вовсе не удалось, так как только что нами пройденная холмистая местность заслоняла собой Богдосский массив.

Река Хутуби при быстром течении несла здесь столько воды, что, разбившись даже на 8—10 протоков, в некоторых из них все еще имела глубину свыше семидесяти сантиметров; впрочем, благодаря плоским берегам этих протоков и твердому и ровному грунту их дна, переправа через реку не представляла здесь никаких затруднений.

Пройдя реку и не заходя в селение, оставшееся у нас в двух километрах ниже, мы расположились на одном из арыков, выведенном из Хутуби, под сенью двух старых ив.

На следующий день мы, наконец, выбрались на Бэй-лу.

Бэй-лу в 1889 г. продолжала хранить следы долголетнего запустения, на которое обрекло ее восстание притяньшанских дунган: камыши разрослись там, где прежде были арыки, от когда-то хорошо выстроенных мостов теперь оставались одни только козлы или, в лучшем случае, полотно без перил и с ямой посередине, от многочисленных караулок — развалины или груды бесформенной глины. Полотно грунтовой дороги, когда-то приподнятое в топких и низких местах, теперь расползлось, и глубокие выбитые в нем колеи в связи с многочисленными объездами по камышам и топким солончакам ясно свидетельствовали, с какими трудностями приходится здесь ныне бороться китайской арбе. Но для нашего каравана, конечно, подобных трудностей вовсе не существовало, и мы с удовольствием приветствовали эту дорогу, как временный роздых от утомительных блужданий на-авось по каменистой пустыне.

Миновав небольшое селеньице, расположенное у заброшенного импаня Юн-фу-гоу и населенное, как кажется, только дунганами, мы вышли на хрящеватое плоскогорье, скудно поросшее тамариском и служащее водоразделом двух параллельных бассейнов — Хутуби и Сань-дао-хэ. Спускаясь с него (уклон здесь до того слаб, что еле заметен), мы увидели впереди массивные стены, вскоре оказавшиеся развалинами какого-то древнего «калмыцкого» города, почему-то известного у китайцев под именем Ян-чан-цза.

Развалины ли это джунгарского городка или, быть может, еще более древнего — уйгурского, к сожалению, осталось невыясненным. Китайцы отговаривались незнанием, местные же чань-тоу *, незнакомые с наименованиями «уйгур» и «джунгар» и постоянно смешивающие между собой эти народности, не могли дать ближайшего указания.

Следующие соображения заставляют, однако, предполагать в этих стенах развалины уйгурского городка.

На карте шведа Рената не обозначено ни одного городка, построенного джунгарами. Из дошедших до нас источников, имеющих отношение к истории джунгарского народа, также не усматривается ни одного указания на строительную деятельность джунгар. С другой же стороны известно, что уйгуры, утвердившиеся сначала в Турфане и Баркюльской долине и распространившие оттуда власть свою и на остальную Джунгарию, хотя и

---

* Под этим названием у китайцев известны тюрки Восточного Туркестана.

продолжали вести в этой последней полукочевой образ жизни, но вместе с тем строили и города: точнее, их правители возводили себе здесь резиденции, которые, как таковые, хотя и отличались небольшими размерами, но были всегда окружены массивными стенами. Это были скорее импани, чем города, и в этом, без сомнения, сказалось влияние на уйгуров соседних китайцев; от древних же жителей Турфана уйгуры, как кажется, заимствовали любовь к сводчатым сооружениям. Впрочем, встреченные нами здесь развалины оригинальностью своей архитектуры не отличались.

«Проехав Лун-тай и еще два городка, — сообщает нам даосский монах Чань-чунь[13], — 9-й луны 9-го числа мы достигли города Чан-бала (Чжан-бали), принадлежащего хой-хэ. Владетель здешний Уй-вур, в сопровождении своих родичей, вышел к нам навстречу». Армянский царь Гайтон, на своем пути от Каракорума в Западную Азию (1254 г.), прошел также через городок Джамбалек, расположенный на запад от Бишбалыка *. Не о современных ли развалинах Ян-чан-цза здесь идет речь?

Внутри стен Ян-чан-цза не сохранилось уже никаких следов прежних построек. На их месте по бесформенным кучам глины ныне разросся бурьян, да стоит одинокая фанза, хозяин которой, пользуясь водой тут же пробегающего арыка, развел бахчи арбузов и дынь.

Миновав эти развалины и пройдя с десяток арыков, выведенных из р. Сань-дао-хэ, мы остановились на небольшой полянке, среди обширных зарослей карагача, которые, как кажется, почти непрерывной и широкой полосой тянутся сюда из-под Фоукана.

24 июля — день нашего прибытия в Урумчи.

От места нашей стоянки на одном из протоков р. Сань-дао-хэ до резиденции синьцзянского губернатора считается около сорока восьми километров. В предположении добраться туда засветло мы поднялись вскоре после полуночи, вьючили лошадей в сумерках и к рассвету были готовы.

Несколько километров мы шли лесом, по дороге, обсаженной вековыми карагачами; когда же, наконец, выбрались на плёс р. Сань-дао-хэ, то были поражены единственным в мире зрелищем: мы увидали Богдо!

Нечто подобное довелось мне видеть на Памире из долины Рянг-куля. Громады Мус-таг-ата, отчетливо обрисовавшись на темносинем безоблачном небе, подымались из-за невысокой окрайней гряды куполами сплошного снега в необъятную высь. Но там суровая природа окружающей местности, главное же —

---

* Бишбалык принято, как мы ниже увидим, отождествлять с современным Урумчи. Читатель далее увидит, что подобный взгляд неверен.

отсутствие далекой перспективы придавали особый отпечаток этой величественной картине...

Богдо-ола предстала перед нами в совсем иной обстановке. На первом плане темная масса карагачевого леса; за ним фиолетовая дымка тумана, в котором сгладились и потонули очертания далеких гор, и, наконец, надо всем этим колоссальный Богдо, который отсюда, слив свои три вершины, кажется громадной трапецией — престолом, прикрытым серебристым снежным покровом... *

Плёс р. Сань-дао-хэ довольно широк и покрыт сеткой небольших протоков, текущих в плоских берегах, сложенных из мелкой гальки, гравия и песка серого цвета; только в редких случаях протоки собираются вместе и, сделав излучину, подмывают какой-либо из берегов, поросших здесь лозняком, облепихой Hippophae rhamnoides и другими кустарниками.

За р. Сань-дао-хэ мы снова шли местностью, богато орошенной как рукавами этой реки, так и многочисленными мелкими арыками, выведенными из них. Обилие леса, причудливая игра света и тени, развалины пикетов и фанз, живописно когда-то ютившихся под сенью старых карагачей, — все это выглядело настолько красиво, что мы не заметили, как прошли следующие три километра, отделяющие Сань-дао-хэ от г. Чан-цзы.

Город Чан-цзы невелик и окружен стенами, которые местами уже значительно обвалились; но предместье его довольно обширно, имеет восемь постоялых дворов (таней) и торговые ряды из нескольких десятков лавчонок и лавок. К этому предместью, не представляющему в остальном ничего замечательного и населенному, как и город, преимущественно китайцами, примыкают развалины, занимающие вдоль дороги большое пространство. Развалины эти обязаны своим происхождением событиям шестидесятых и семидесятых годов и теперь, как кажется, уже местами восстанавливаются; по крайней мере мы встретили здесь два-три семейства чань-тоу, приспособивших для жилья несколько наименее потерпевших мазанок.

За г. Чан-цзы рощицы карагача попадаются реже, а восемь километров дальше и совсем пропадают; вообще дорога хотя и продолжает итти еще культурным районом, но окружающая местность приобретает уже все более и более пустынный характер. За глубоким яром р. Катун-хэ, пересекающим дорогу на седьмом километре от Чан-цзы, пашни исчезают и только еще изредка попадающиеся здесь арыки напоминают путнику, что он идет по стране, когда-то бывшей более населенной; теперь же это глинисто-песчаная, почти лишенная растительности пустыня, по которой бродят небольшие стада кара-куйрюков.

На правом очень высоком берегу р. Катун-хэ расположился таранчинский поселок Тоу, а километров четырнадцать дальше китайский пост (импань) Да-ди-во-пу и при нем постоялый двор (тань), харчевня и лавка; не доходя последнего, вправо от дороги, виднеются развалины другого селения; наконец, между упомянутыми селениями, на пятом километре от р. Катун-хэ, стоит заброшенный ныне сторожевой пикет; но это и все, что можно отметить на этом пути.

В Да-ди-во-пу мы встретили сборище: китайские арбы, множество лошадей и людей. Это был китайский эскорт, километра на четыре отставший от мандарина, который в сопровождении только трех офицеров уехал вперед. Появление наше не произвело на солдат особого впечатления, хотя и не прошло незамеченным, что мы заключили из неоднократно долетавших до нас слов: «Русские с реки Или-хэ!».

За Да-ди-во-пу местность продолжала хранить все тот же характер глинисто-песчаной степи; но последняя не убегала уже за края горизонта, а постепенно вдвигалась в рамки, которыми служили на западе скалистые гряды гор, а на востоке зеленая полоса леса, намечавшая течение урумчиской р. Улан-бэ, или Архоту. На тридцать восьмом километре от г. Чан-цзы упомянутая гряда очень близко подступает к дороге, образуя здесь скалистые стены ущелья р. Улан-бэ. Стены эти, прикрытые коркой из спекшейся глины, казались совсем бесплодными, если не считать тощих кустиков золотарника (Caragana sp.) и полыни, ютящихся кое-где по рытвинам и в тенистых местах. Такое бесплодие в столь близком соседстве с довольно крупной рекой, сопровождаемой к тому же густыми и сплошными древесными насаждениями (тополь, тал и карагач), можно встретить только во Внутренней Азии, этой классической стране всяких контрастов. Здесь, впрочем, контраст этот обусловливался глинистой почвой окраин долины и значительным падением со склонов, способствующих быстрому скатыванию дождевых вод.

Между тем близость крупного центра оседлости становилась уже ясно заметной: пашни стали сплошными, пешие, конные, арбы и ишакчи попадались ежеминутно. Встречные, на обращенные к ним вопросы: «далеко ли до Урумчи?» уже не отвечали определением того или иного количества «ли» или «иолов» *, а только махали головой и отделывались коротким:

---

* Таким представляется он и из многих других мест на Бэй-лу, что и подало, как кажется, повод считать его за потухший вулкан. Между тем, по исследованиям экспедиции Грумм-Гржимайло, оказалось, что в сложении его принимают участие исключительно породы метаморфические, преимущественно же кремнистый сланец с выделениями роговика и кварцита.

* «Ли» — китайская мера длины, обычно принимаемая за 576 метров; «Иол» — туркестанская мера длины, приблизительно соответствующая китайской ли; впрочем, не везде: так в Турфане она равняется только трети километра.

«близко!». Действительно, вскоре появились глиняные мазанки, затем более крупные постройки, образовавшие улицу, и, наконец, мы увидали перед собой пригорок с красной кумирней (хунмяо) на нем. Последний скрывал за собой Урумчи.

Перед большим мостом, перекинутым через реку, нас встретил аксакал * и представители русского купечества в Урумчи, которые и проводили нас до луговины на левом берегу Улан-бэ — единственного места в окрестностях города, где мы могли, не стесняясь пространством, раскинуть свой бивуак. При этом нам еще раз пришлось перейти через реку, но уже вброд. В Улан-бэ оказалось воды не более, как на 70 см; зато она разливалась здесь на несколько рукавов.

---

* Так называется купеческий старшина, утверждаемый в этой должности чугучакским консулом. Правительственное жалованье его равняется 300 рублям; но доходы его, конечно, этим не ограничиваются, так как он получает не мало доброхотных даяний от местных купцов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

УРУМЧИ

Страны, служившие некогда колыбелью китайской и иранской культурам, и до сих пор еще хранят столько памятников былого, что уже по этим реликвиям легко было бы составить себе понятие о каждой из них. Вся Передняя Азия наполнена развалинами, отмеченными гением строивших их народов, и такая же масса развалин, хотя и позднейшего происхождения, переполняет Китай на восток от устья Вэй-хэ. А в промежутке на тысячи километров нет ничего, что можно было бы поставить наряду с этими величавыми памятниками седой старины. Здесь, в буквальном значении этого слова, распростерлась пустыня, но не столько в смысле бесплодных пространств, сколько по полному отсутствию в них именно таких следов былой творческой жизни народов.

Правда, сюда, на восток от Памира, некогда проникали иранцы; были времена, когда сюда же добирались с востока китайцы, но, здесь оседая, ни те, ни другие ничего прочного, ничего могущественного образовать не могли.

Участь таких колонистов всегда была очень печальна, а история мелких общин или даже государств, задолго до нашей эры уже организовавшихся на южных склонах Тянь-шаня и вдоль Кунь-луня, полна бесконечных войн и варварских опустошений. Может быть, незадолго до нашей эры Восточный Туркестан и был блестящим собранием городов, в миниатюре — древняя Бактрия; может быть, он полон был самых замечательных сооружений, но, увы! от этих времен уже ничего не осталось... Все погибло, все снесено было с лица земли теми лавинами диких номадов, которые, со времен хуннов, то и дело наводняли эту страну.

Но если так мало сохранил нам Восточный Туркестан, то еще меньшего должны ожидать мы в Джунгарии, в этой классической стране самых непредвиденных нашествий и непрестанной борьбы различных племен и народов. И, действительно, во всей Джунгарии не найдется теперь ни одного сколько-нибудь замечательного памятника древнего зодчества, ни одного пункта, с которым связывались бы легенды народа.

Значит ли это, что сооружений, оригинальных по замыслу и грандиозных по выполнению, здесь вовсе не существовало или что в свое время они были настолько разрушены, что от них уж и следа не осталось?

Первое всего вероятнее.

Хотя за два столетия до нашей эры мы застали уже в южной Джунгарии несколько владений, то живших самостоятельной жизнью, то попадавших в зависимость к воинственным чешысцам; хотя и это крошечное владение, в свою очередь, просуществовало здесь вплоть до VII столетия нашей эры, ведя в течение восьмисот лет до смешного неравную борьбу с могущественным в то время Китаем и бесчисленными ордами кочевников; хотя после этого мы застаем уже здесь военные поселения китайцев, уничтоженные, впрочем, очень скоро дулгасцами, и хотя с падением могущества дулгаского дома южная Джунгария вошла в состав вновь народившейся Уйгурской державы, окончательно павшей только под ударами джагатаидов; однако за весь этот долгий период истории южной Джунгарии нет в ней таких моментов, которые характеризовались бы особым подъемом творческих сил хотя бы одного из обитавших в ней народов.

Правда, в восточной половине южной Джунгарии находилась вторая столица Уйгурии—город Бишбалык, о котором с восторгом вспоминает Ван Янь-дэ, может быть, тождественный с знаменитым «Кушаном» магометанских писателей.

Были сделаны даже попытки приурочить Бишбалык к современному Урумчи, но только такой увлекающийся географ, как Риттер, мог серьезно отнестись к подобным попыткам. В самом деле в распоряжении ориенталистов Клапрота и Ремюза были только два указания, которые хотя несколько проливали свет на местоположение этого загадочного центра, одно время служившего средоточием трех мировых вероучений: христианского *, буддийского и магометанского. Это — маршрут хана Гулагу и описание китайского чиновника Ван Янь-дэ. Но на какие смелые комментарии к этим указаниям решились вышеупомянутые ориенталисты!

---

* Несторианская секта, распространившаяся из Ирана на территориях обоих Туркестанов и северного Китая.

Какой-то офицер из отряда хана Гулагу пишет [14], что на юг от р. Урунгу в пятистах ли * расстояния находится Бишбалык, т. е. Пятиградие. Это краткое известие пылкие ориенталисты дополняют следующими соображениями: р. Урунгу впадает в озеро Кизыль-баш (современное Улюнгур) под 46°35′ с. ш. **; предполагая, что монгольское войско перешло эту реку под 45°30′ с. ш., можно определить и положение Бишбалыка, который, стало быть, будет лежать на 500 ли или два градуса южнее; «а такое положение и совпадает вполне с положением Урумчи или нынешнего Ди-хуа-чжоу, лежащего под 43°60′ с. ш. и 87°1′ в. д. от Парижа» (sic!). Эта аргументация до такой степени малонаучна и произвольна, что не заслуживает опровержений; что же касается до описания Ван Янь-дэ, то оно совершенно категорично отвергает всякую возможность приурочивать «Северную столицу» — Бэй-тин или Бишбалык — к Урумчи. Здесь не место вступать в разбор этого интересного документа, а потому я ограничусь только одним замечанием: выехав из Турфана в Бэй-тин, Ван Янь-дэ проезжал поперек хребта, покрытого вечным снегом, а таких гор между Урумчи и Турфаном, как известно, вовсе не существует.

Как бы то ни было, но от всех этих городов в настоящее время уже ничего не осталось, и не осталось всего вероятнее потому, что и в то отдаленное время все здания в Джунгарии строились не из жженого кирпича, а сбивались из глины. По крайней мере в тех городищах, которые еще уцелели в Джунгарии, почти не встречается следов этого материала; поэтому, если за весь чуть не двухтысячный период своей исторической жизни Джунгария и произвела, действительно, в архитектурном отношении нечто самобытное, то это нечто должно было скорее всего отмечаться неуклюжестью и массивностью своих форм, а не смелостью и изяществом стиля.

Итак, былое Урумчи нам неизвестно; история же его становится достоверной только с половины XVIII столетия, когда китайцы, вырезав всех джунгар, что-то около миллиона душ обоего пола, решились заселить таким образом обезлюженную страну различными элементами, выведенными частью из городов Восточного Туркестана, частью же из внутреннего Китая. Всего больше явилось сюда дунган, этого никому неведомого и давно уже окитаившегося, хотя и исповедующего ислам, монгольского племени. Они тотчас же заняли всю долину р. Улан-бэ, где незадолго до того, при «мысе Красной горы» (Хун-шань-цзуй) успели уже вырасти города: военный с населением из маньчжур (Ган-гу) и торговый, за которым собственно и удержалось джунгарское[15] (?) название Урумчи. В 1775 г. последний уже переименован был в Ди-хуа-чжоу, т. е. стал окружным. Правительство выстроило в нем два капища, одно высшее и одно среднее училище; выросли торговые ряды и, как это заведено повсеместно в Китае, перешагнули за высокую стену и разлились по предместью.

---

* Древняя китайская «ли» была больше нынешней.

** Все данные, относящиеся к течению р. Урунгу, у Риттера не верны; в данном случае ошибка простирается почти на целый градус.

О внутренней жизни этого города нам, разумеется, ничего неизвестно. Носились слухи, что он вел обширную торговлю, был богат и имел громадное население, но слухи эти ни на чем не основаны. От России Китай отделялся в то время обширными пространствами едва заселенных земель; города Восточного Туркестана в годы дунганского восстания были истощены борьбой с китайцами, борьбой между собой; орды кочевников и в то тяжелое время были в Джунгарии, пожалуй, не многочисленнее теперешних; что же касается до оседлого населения северо-тяньшанских земель, то в начале даже XIX столетия оно не могло еще отличаться ни особенной густотой, ни тем паче зажиточностью. Откуда же в таком случае взяться было богатству и на какой почве могла здесь развиться сколько-нибудь значительная торговля?

Но годы проходили, и долгий мир не мог, разумеется, не отразиться самым благодетельным образом на жителях Урумчи: богатства постепенно в нем накоплялись, окрестные селения росли, как грибы; хотя и не крупная, но правильно поставленная и обеспеченная от внезапных перерывов торговля приносила свои барыши, и город разросся и охватил своими предместьями громадную площадь. Впрочем, мы не должны забывать, что мы в Центральной Азии, где на все существует свой особый масштаб. Город с тридцатитысячным населением уже считается там громаднейшим городом, и, вероятно, Урумчи в начале 60-х годов имел не большее население, состоявшее к тому же почти исключительно из дунган. Дунгане имели там свои улицы, базар и мечети; в их руках находилась почти вся торговля; из них набирались тогда гарнизоны не только для городов целого округа, но даже и для городов Восточного Туркестана.

Маньчжуры заснули и опустились, сидя на даровых хлебах и замкнувшись в своих городах и импанях; привилегированные китайцы, составляя здесь сословие управляющих, сравнительно благоденствовали и наживали взятками состояния, а беднота, «черный народ», еле перебивавшийся на своей родине, жил не при лучших условиях и в этой суровой стране, которая после Китая уж, конечно, не могла ему не казаться злой мачехой.

В 1885 г.[16], после подавления дунганского восстания, Урумчи был обращен в резиденцию главнозаведующего Новою Линиею, сановника Лю-цзинь-тана, и с этого важного для него момента зажил новой жизнью.

Урумчи окружен почти отовсюду горами. Они заполонили весь юг и высятся до вечноснеговых куполов и гребней... Всех ближе Лин-шань — священный Богдо — гора «счастия, долголетия и всяких чудес». Своей массой он подавляет окрестность, и «льды его и снега наподобие кристаллов отражают свет солнечный»[17]. В сравнении с ним все представляется здесь ничтожным: и эти гривы холмов, морщинами избороздивших всю местность, и речушки, бегущие тут, и, наконец, зеленые пятна селений, ютящихся между ними.

За одной из этих морщин расположился и Урумчи, по-китайски — Ди-хуа-фу, но как бессмысленно и нелепо, если принять во внимание, что мы имеем здесь перед глазами не только торговый и административный центр, но и китайскую «первоклассную крепость»!

Фортификационное дело стоит у китайцев вообще на таком низком уровне, что все подобного рода сооружения их с европейской точки зрения не заслуживают внимания. Но нигде, кажется, китайский труд и китайские деньги не затрачивались так бесцельно, как именно в Урумчи.

Длина стен этого города равняется $9^1/_2$ ли, они вытянуты в виде неправильного шестиугольника, одна из коротких сторон которого обращена к р. Улан-бэ. Эта часть стены отделана с особенной тщательностью. Здесь главные ворота, над которыми, согласно обычаю, возвышается крылатая, затейливой архитектуры, трехъярусная башня, крытая черепицей; но зато здесь же и вся масса предместья, которое в значительной степени умаляет значение таких средств защиты, как высокие стены, увенчанные зубцами, и широкий ров, облицованный в верхних своих горизонтах сырцом. Вообще со стороны реки открывается ка́зовая сторона этой стены, которая дальше, там, где щеки лощины сжимают город с обеих сторон, перестает уже импонировать своей относительной высотой. Сверху, с гребней кряжей, откуда весь город, как на ладони, они кажутся даже не более, как ничтожной оградой, да такую роль, без сомнения, они и будут играть в том случае, если подступающий неприятель будет иметь ружья, бьющие хотя бы на триста шагов.

Постройка городских стен в Китае очень своеобразна. На глинобитное основание, высотой в 0,5—1 м, накладывается хворост, который тщательно уравнивается и с наружной стороны придавливается бревном, кнутри затесанным в доску; на этот хворост наваливается месиво из глины и рубленой соломы, которое при уминке приводится в уровень с верхним горизонтом бревна, после чего последнее снимается и перекладывается на следующий ярус хвороста. Когда стена доведена до желаемой высоты, ее оштукатуривают снаружи, причем комли хворостин служат прекрасной опорой для этой последней.

Без постоянного ремонта подобное сооружение продержаться долго не может. Глина ссыхается и слеживается, появляются продольные трещины, которые размываются дождями и выдуваются ветром; острые края сглаживаются, углы обваливаются, и подобный процесс разрушения идет, прогрессивно увеличиваясь, до тех уже пор, пока вся постройка не обратится в совершенную развалину.

Но стены Урумчи только-что выстроены; они еще не успели осесть, и китайцы, указывая на них, не без гордости замечают: «Таких стен и русские не возьмут!».

Ворота китайских городов, как бы ничтожны сами по себе последние ни были, неизменно запираются к восьми часам вечера. Этот традиционный обычай вызвал необходимость располагать заезжие дома и гостиницы вне городских стен и тут же строить базары, кузни, кабаки и трактиры. Но и помимо этого надо помнить, что рост каждого китайского города имеет свои уж раз и навсегда строго узаконенные пределы: если это «фу» — то окружность его никогда не превысит $9\frac{1}{2}$ ли; если это «чжоу» * — то $7\frac{3}{4}$ ли и т. д.; поэтому все, что он не может вместить, располагается вне городских стен и со всеми вышеупомянутыми торговыми и промышленными заведениями слагает то, что называют китайским предместьем. В Синьцзянской провинции, где ни дунганам, ни иным туземцам не разрешается жить внутри городских стен, к вышеупомянутым двум элементам, образующим пригород, присоединяется еще и этот последний, настолько, однако, в количественном отношении значительный, что, пожалуй, только ему одному города Притяньшанья и обязаны своим необычным характером: вне стен — шум, толпа и движение, а внутри — безмолвие и пустыри, среди коих то там, то здесь мелькают жилые строения, ряды лавок, кумирни, казенные здания...

Урумчи не представляет исключения из этого правила, и если общую численность его населения определить в тридцать тысяч, то две трети последнего, без сомнения, придутся на пригород, который, однако, далеко еще не окончил своего роста: выгодное географическое положение города сделало его торговым центром всего Хэнти ** и складочным местом для русских товаров, расходящихся отсюда чуть не по всему Притяньшанью.

Жизнь такого города, как Урумчи, своеобразна и интересна. Конечно, многое от меня, как путешественника, могло ускольз-

---

* Слово «фу» прибавляется китайцами к собственным географическим названиям в тех случаях, когда речь идет об областном центре («фу» — это область); слово «чжоу», означающее понятие «округ», соответственно прибавляется к названиям окружных центров. (Ред.)

** В состав области Хэнти входили округа: Турфанский, Баркюльский и Урумчиский. [Прим. ред.]

нуть, многое в ней осталось неясным, но за всем тем я все же считаю не лишним свести в связное целое все то, что мне удалось в ней подметить.

Ночь. На востоке чуть брезжит. Урумчи еще спит, но предместье проснулось. На широком дворе китайского таня * блуждают огни. Оттуда слышатся уже голоса, доносится скрип журавля **, призывное ржание коней. Для привычного уха в этом шуме все ясно: так сбирается караван. И действительно, немного спустя фургоны точно срываются с места и с шумом и грохотом выкатываются на улицу.

Громко стучат о твердую землю колеса, содрогается весь корпус китайских телег и стоном несется на улицу. Тишина ночи нарушена: чувствуется, что начинается день...

И стоит только двинуться в путь одному каравану — это точно сигнал, подымающий всех — десяток ворот выпускают такие же караваны телег или громоздко завьюченных лошадей... Все это грохочет и звенит бубенцами, а резкие удары длинных бичей и неумолкаемые китайские «цо, цо!.. цо, цо, ух!..» и тюркские «тыр... тыр...» придают какой-то своеобразный оттенок этому ночному движению среди темных силуэтов домов и навесов...

Но вот уж кое-где задымились и отдушины топок, сразу разнесшие по всему пригороду едкий дым каменного угля и сжигаемого полусырым назема и всяких отбросов; впоследствии к дыму присоединился и чад — неминуемый спутник всякой китайской стряпни, и улица мало-помалу стала приобретать ту отвратительную атмосферу, которая так характеризует каждое местечко в Китае.

Очевидно, что многочисленные харчевни уже начали свою раннюю деятельность: там варят лапшу и изготовляют «мяньтоу», необходимые элементы утреннего завтрака простого народа, который обыкновенно чуть свет высыпает на улицу.

Рассвело... Потягиваясь, выползли из своих нор сидельцы и мелкие торгаши, открыли лари и заняли свои обычные места у разложенных рядом кучек товара. Кашгарец-мясник (касаб) повесил на крюк тушу только что зарезанного барана и горкой на особом столике уложил легкие, сердце, печенку и внутренний жир. Пробежал мальчуган с корзиной на голове и, крича во все горло: «иссык! иссык!..» ***, скрылся в переулок, ведущий на главный рынок — «Киндык». В белых матовых рубашках (куйпэк) и куцых «джаймэках» * прошла толпа турфанлыков, гоня перед собой партию ишаков с корзинками, нагруженными каменным углем. На сытой лошадке, гремя навешанными на нее бубенцами, проехал не спеша куда-то дунганин. Прошли еще какие-то личности... И народ, все прибывая, наполнил улицы пригорода... Наконец, три пушечных выстрела извещают его, что городские ворота открыты и что официальный день начался.

---

* Постоялый двор. Некоторые более богатые тани исполняют роль наших гостиниц.

** В некоторых местах, и между прочим в Урумчи, экспедицией были встречены колодцы, устроенные совершенно так же, как они устраиваются повсеместно и у нас в России.

*** «Иссык» — тюркское слово, значит «горячий», но в этом окрике всякий узнает продавца лепешек.

В первые часы дня обыкновенно всего люднее конный базар. Какого народа здесь только нет! Площадь небольшая, примыкающая к лесным рядам, всегда чуть не наполовину занятая возами с соломой и сеном, а толпится здесь своего и пришлого люда так много, что продавцам решительно негде выказать достоинства приведенных сюда лошадей.

Вот жмется к сторонке кучка карашарских калмыков. Они здесь редкие гости и, может быть, на этом базаре появились впервые. Их понимают плохо, а они и того хуже, но это вовсе не помешало толпе из лиц всевозможных национальностей окружить их сплошным кольцом страстно жестикулирующих и о чем-то неистово кричащих. Это — добровольные маклера, без вмешательства которых не совершается здесь ни одна купля или продажа...

Карашарка, прямой потомок знаменитых некогда баркюльских лошадок, пользуется и поднесь еще вполне ею заслуженной славой; вот почему пригон их на любой из базаров Хэнти составляет уже событие дня и собирает сюда богачей и любителей чуть ли не со всех концов города. Цены на них стоят обыкновенно очень высокие, а так как торгоуты в городах спускают с себя свою обычную суровость и надменность и являются именно теми простаками, которых всего легче остричь, то местные маклера (далялы), в надежде на порядочный магарыч (черинка), изловчаются всячески, чтобы не выпустить из рук выгодную продажу. Завязываются ссоры, подчас потасовки, более ловкие врываются между торгующимися, убеждают их притти скорее к соглашению, шумят и ругаются, если торг почему-либо затягивается, десятки раз поочередно запускают руки в рукава продавца и покупателя и потом дерут черинка с того и другого. Иногда старания даляла не приводят ни к чему именно потому только, что его же более ловкий коллега мешается в сделку и, узнав заявленную цену, внушительно замечает: «так продешевить лошадь нельзя; я знаю покупателя, который даст тебе за нее много дороже...». Одураченный торгоут прекращает торг, а разочарованные далял и покупатель неистово набрасываются на смутьяна, который, разумеется, готов на все и дает ловкий отпор.

---

* Верхняя часть одежды вроде кофты; шьется обыкновенно из цветной материи и подбивается ватой.

Шум и гам конских базаров, впрочем, хорошо известны каждому, кто хоть раз посетил города Центральной Азии. Говорят, обычай маклерства вызван исламом, но это едва ли верно: маклерство в ходу и в Китае и, как кажется, вовсе не чуждо монголам. Но откуда бы ни пришел этот обычай, он во всяком случае не сулит ни продавцу, ни покупателю ничего доброго, так как является не пособником, а всего скорее тормозом сделки: или продешевишь, или не досмотришь и купишь вовсе не то, в чем нуждаешься.

Но вот, наконец, торг состоялся. В городах Русского Туркестана для того, чтобы оформить его, достаточно одного заявления базарному аксакалу; в Китае же отправляются для этого в ямынь, где и уплачивают за каждое удостоверение по два цена *. Но далял тут, очевидно, более уж не нужен: он получил свою «черинка», давно уж юркнул в толпу и, вероятно, взглядом хищника высматривает теперь в толпе новую жертву...

К полудню конный базар обыкновенно пустеет. Толпа мало-помалу отливает в «Киндык» и разбредается по бесчисленным здесь трактирам, в которых, согласно с китайским обычаем, и заканчивает всевозможные сделки.

Китайский трактир — открытое помещение под навесом (пэн). Оно не блестит ни чистотой, ни комфортом: квадратные, а иногда, как у дунган, и длинные, насквозь промасленные столы, такие же скамейки и табуреты, — вот и вся его утварь; смрад и едкий чад — обычная в нем атмосфера; копоть на всем и повсюду; если что-нибудь подают, то подают до отвращения грязно... Да как же о чистоте тут и думать, когда с улицы несет сюда беспрепятственно пыль, а в непогоду, когда «Киндык» обращается в сплошную клоаку вонючей грязи, каждый проезжий обдает посетителя дождем брызг и комьями грязи! Публика же этих трактиров относится к окружающей ее грязи довольно безучастно.

Эта публика в высшей степени разнообразная, всего же более голытьбы. Есть завсегдатаи, которые, кажется, на то только и существуют, чтобы украшать собой такие чертоги. Среди этих субъектов, как свежая и яркая заплата на просаленном полотне, виднеются иногда и довольно прилично одетые господа. Но таков уж обычай! Еда — это своего рода культ для китайцев; под покровом трактира в Китае исчезают все различия между людьми.

Туркестанцы трактиров не держат; что же касается до дунган, то харчевни последних внешним видом своим почти вовсе не отличаются от китайских; зато подают там много опрятнее, да и кухня у них совсем другая.

---

* «Цен» — старая китайская денежная мера, равная примерно 20 копейкам. За ишаков и баранов взимается пошлина меньше. Какой процент кроме того берется в пользу казны в городе Урумчи, мне неизвестно (данные, имеющиеся в моем распоряжении, относятся к городу Гучэну). Казенная пошлина по-тюркски называется «бадж».

Китайцы, как известно, едят решительно все, начиная с ужей и саранчи[18] и кончая ослятиной и мясом собаки; зато не выносят ничего молочного и не любят говядины. Дунгане, наоборот, хотя в способах приготовления пищи и подражают китайцам, но едят только то, что не запрещено мусульманским законом. Вот почему за дунганским обедом вы найдете ту же смену блюд, что и за китайским: то же обилие проквашенных овощей (сянь-цай), те же в высшей степени разнообразные соусы и рис напоследок, но все это исключительно из баранины, говядины или птицы.

Много времени уделяет китаец трактиру, но еще больше базару и улице. Оттого на последних всегда такое движение и такая масса снующего люда. Это многолюдство производит ошеломляющее впечатление на иностранца, который, видя себя в подобии муравейника, получает зачастую совсем ложное представление о населенности города.

Домашняя обстановка китайца вовсе не приноровлена к тихой жизни в семейном кругу. В самом деле, в Китае наблюдается то же, что и в других государствах, где социальные условия принижают женщину до степени рабы и наложницы: рознь в интересах супругов и отсутствие нравственных уз между ними.

Вся деятельность мужской его половины вращается обыкновенно вне сферы домашнего очага... Чуть свет — и китаец уже толкается где-нибудь на базаре или работает тут же, в какой-нибудь каморе, которая для него одновременно решительно все, что хотите: и приемная, и лавка, и мастерская, одинаково доступная всем, за исключением, впрочем, той, которая, по нашим понятиям, должна была бы стоять всего ближе к ее обладателю...

Вот почему китайские базары так шумны, а прилегающие к ним улицы людны.

Но пройдите один-два квартала, и вас невольно поразит господствующая кругом тишина и как будто даже пустынность: на улице ни души, и только из-за оград доносятся изредка сюда голоса, свидетельствующие, что не все еще умерло здесь по соседству...

И такими контрастами с окрестностями отмечены в Китае не одни только базарные улицы городов, но и все магистральные и второстепенные, водяные и сухопутные пути сообщения: на них вереницы людей и животных, а на десятки километров в стороны ни души...

И я думаю, что это потому происходит, что в Китае рук много, а труд и время ставятся там ни во что. Китаец в постоянном движении и подчас ради таких минимальных выгод, которые показались бы просто смешными в Европе. Пусть находятся чудаки, вроде некоего сановника Чэн-ци-туна, вычисляющие, что средний

Вверху: вершина Богдо-ола

Внизу: кумирня на берегу озера в горах Богдо-ола

достаток китайской семьи простирается до 60 000 рублей (sic!), мы все же не иначе можем смотреть на Китай, как на обширное царство пролетариев. В массе своей земледельцы, они выделяют все же громадный процент неимущих, которые в поисках заработка направляются прежде всего на большие пути. Масса народа: сельчане, не знающие, на что убить свой досуг, прасолы и торговцы, нищие и солдаты, погонщики мулов, наконец, извозчики, со своими бесконечными вереницами лошадей и фургонов — все это сливается в одну общую струю вечных странников и всей своей совокупностью производит впечатление громадного муравейника... Вот почему, путешествуя только по главным дорогам Китая, невольно проникаешься верой в возможность существования в нем 400 миллионов человеческих душ.

Киндыкский базар в Урумчи представляет отличную иллюстрацию ко всему вышесказанному: это труба нетолченая всякого люда, который, просто уму непостижимо, откуда сюда набрался...

Но я не люблю китайских базаров.

На всем Востоке, у тюркских племен, базар самое красивое место: здесь тоже бездна народа, но каждый туркестанец одет по возможности во все лучшее; здесь тоже повсюду проглядывают и грязь, и убожество, но все это как-то остается прикрытым халатами туркестанцев. Вы даже на первых порах положительно потеряетесь среди этой пестроты и яркости красок, в этом разнообразии лиц и костюмов...

Ничего подобного в Китае вы не увидите; если и встречаются здесь шикарные магазины, то они еще резче оттеняют безобразие соседних лавчонок. Монотонность во всем: синие громадные матовые * вывески, синие экипажи, синие одежды на богачах и на нищих... А затем эта ужасная вонь, эта ужасная грязь, эта лоснящаяся от сала оборванная толпа! Да, именно толпа, составляющая украшение всякого торжища, здесь просто ужасна!

В центре Киндыка высятся триумфальные ворота обыкновенной китайской архитектуры. Но кто и ради чего вздумал поставить здесь эти ворота — осталось нам неизвестным.

У этих ворот извозчичья биржа и главное сборище торгашей овощами. Тут же расположены и трактиры. Несколько дальше, справа — посудная лавка, слева — китайской обуви, готового платья и мелочей; еще дальше — лавка с красным товаром и рядом с ней бакалейный и гастрономический магазин, в котором непременно найдутся: лян-чжоуские окорока, низший сорт сахара (хэй-тан), пекинские варенья, печенье, средние и низшие сорта чая, соленая овощь, поддельные ласточкины гнезда и другие тому подобные предметы десерта и кухни; несколько шагов дальше — кузница, лавка с нашим среднеазиатским товаром,

---

* Мата — очень грубая местная бумажная материя, напоминающая русскую бязь.

опять трактир, кабак и громадная мастерская гробов... За ней лавка с мелочным товаром и лубочными картинами, железная лавка, богатый магазин шелковой мануфактуры; тут же серебряные, яшмовые, агатовые и реже нефритовые изделия, лабаз, красильня, какой-то закоулок с бакалейным товаром, фабрика вермишели и макарон, касса ссуд и вместе с тем меняльная лавка, и так — до ворот, при въезде в которые с одной стороны выстроена небольшая кумирня, с другой—помещение для караула.

Впереди этого ряда лавок и магазинов другой ряд — лотков и корзин, в которых виднеется всякая овощь, но главнейшим образом красный перец, черные бобы, лук и чеснок, всякие лепешки и пирожки.

Но, вероятно, толпе и этой всей снеди еще недостаточно, потому что вы всюду здесь видите шмыгающих разносчиков, которые из последних сил надрываются для того, чтобы покрыть общий гул толпы и выхвалить необыкновенные качества предлагаемого товара, каких-нибудь жареных в кунжутном масле бобов или уже почти простывших пельменей — «пьянчи».

А на улице между тем чуть не столпотворение вавилонское...

Кое-где, нагруженные углем, вязанками хвороста, снопами люцерны, всякой всячиной, толпятся ослы; шныряют одноконные извозчичьи экипажи; вереницами тянутся верховые; тяжело переваливается китайский фургон, с трудом прокладывая себе достаточно широкий путь для проезда; щелкает бич и, попадая далеко не всегда по назначению, вызывает самую отборную ругань: «черепаха!», «гнилое черепашье яйцо!».., а затем, как водится — поминанье родителей... По временам то там, то здесь слышится звук цепей... Это колодники: у одного к железному ошейнику и сзади к ноге цепями прикована тяжелая, обитая железом, дубина, не позволяющая ему ни сесть, ни нагнуться; другой сгибается под тяжестью так называемого «сельхеня» *. К ним здесь, однако, давно уже привыкли, и они своим появлением не возбуждают ничьего любопытства... Но вот слышится мелкий дребезжащий звук бубенцов: едет на сытом муле какой-то важный чиновник, предшествуемый другим с белой фарфоровой шишкой... Его появление производит сенсацию: многие ему приседают; другие, видя, что проделка их пройдет незамеченной, презрительно вам заявляют: «дюхошен!» ** и поворачивают ему свою спину... Еле проталкиваются сквозь толпу два спешащих куда-то солдата, и тут же, но только робко, сторонкой, пробирается компания «дивана», туркестанских юродивых-нищих, нечто вроде российских гусляров былых, допетровских, времен: они здесь совершенно случайно и теперь стараются выбраться незамеченными в туркестанский квартал.

Но поздно... Часы показывают четыре. Разошлись крестьяне окрестных селений, потянулись домой продавцы сена, хвороста; овощи распродались, разносчики куда-то исчезли, и Киндык стал пустеть.

Торговый день в самом деле уже на исходе. В 6 часов запираются кое-где магазины, а за час до «вань-фань», т. е. ужина, все спешат уже по домам... В сумерки Киндык даже мрачен: темные силуэты всевозможных пристроек выглядят странно, а раздуваемые ветром матовые вывески кажутся распластавшимися над головами чудовищами. Прохожие очень редки: все они вооружены громадными бумажными фонарями и в своей мягкой обуви плывут точно какие-то привидения. Единственный резкий здесь звук — трещотки караульных китайцев, но и они с полуночи перестают уже нарушать тишину ночи...

Задолго, однако, до того момента, когда окончательно замирает жизнь на Киндыке, оживает она на улице другого базара — «Думу». Это приют кутежа и разврата. И хотя и эта сторона жизни мало известного нам народа не может не возбудить в нас живейшего интереса, однако я решительно уклоняюсь от неприятной обязанности писать на подобную тему.

Но даже и «Думу» к полуночи затихает. Ночь. «Ночь, — говорят китайцы, — создана для того, чтобы спать». И правило это в точности соблюдается во всем Китае.

В начале XIX в., — пишет Риттер, — Урумчи славился своими богатейшими фабриками [19]. Но это известие совокупно с другим: «Урумчи представляет из себя первоклассную крепость» — независимо от того, откуда оно могло быть заимствовано, приходится считать вымыслом.

В самом деле в Восточном Туркестане процветают теперь, процветали, конечно, и раньше только две отрасли кустарной промышленности: шелковое производство и хлопчатобумажное дело.

Но нигде в настоящее время в окрестностях Урумчи тутовое дерево не растет, да и в Турфане, как мы ниже увидим, шелководства вовсе не существует; а потому не могло оно процветать и где-нибудь по соседству, хотя бы в южной Джунгарии, например. Еще труднее допустить существование там полвека назад хлопчатобумажных промышленных заведений: в окрестностях Урумчи хлопчатник совсем не родится, а на привозном сырье из Курли или Турфана не могло быть расчета работать. Даже обыкновенных хлебов, не говоря уже о рисе и фруктах, частью вследствие топографических условий местности, главнейшим же образом из-за отсутствия пригодных земель, ближайшие окрестности Урумчи почти вовсе не призводят: они доставляются сюда издалека; а именно — из Манаса, Фоукана, Лянь-сана и даже Токсуна; и все, чем может он похвалиться в настоящее время, это — огородные овощи, люцерна и яблоки.

---

* Это с прорезом для шеи складная доска, имеющая в длину около метра и в ширину — 75 см. Принимая в соображение, что в подобной колодке осужденный не имеет возможности ни самостоятельно есть или пить, ни спать лежа, ни, наконец, чем-нибудь заниматься, и что сроки подобного наказания сравнительно значительны (от 20 дней до 3-х месяцев), легко понять весь ужас этой утонченной пытки, к которой присуждаются люди даже за мелкие кражи.

** Урумчиский уездный начальник.

Нет, значение Урумчи имел и всегда будет иметь вовсе не потому, что представляет какие-нибудь особенно счастливые данные для развития промышленности фабричной или иной, а вследствие счастливого своего положения на месте пересечения многих путей.

Пока в Джунгарии господствовали кочевники, подобную роль попеременно играли города «Южной дороги» (Нань-лу) *, но, с падением Калмыкского царства и присоединением к Китаю обширной территории к северу от Тянь-шаня, маньчжурским императорам пришлось искать иной пункт для управления всеми землями, лежащими между Алтаем, с одной стороны, и Кунь-лунем — с другой. Выбор их пал на Ди-хуа-чжоу и не без оснований, потому что это единственный пункт в пределах Синьцзянской провинции, из которого с одинаковым удобством можно управлять и югом и севером.

Таково стратегическое значение Урумчи. Несколько меньшую роль играет он в настоящее время в политическом отношении. С улучшением, однако, путей сообщения и с проведением сюда телеграфа из окраинных городов: Чугучака, Кульджи и Кашгара, где в настоящее время по необходимости приходится содержать лиц, облеченных обширными полномочиями, власть губернатора должна будет возрасти, а с ней вместе вырастет, без сомнения, и значение этого города.

Наконец, достаточно одного взгляда на карту Западного Китая, чтобы оценить его значение в торговом отношении. Действительно, он не только занимает центральное положение среди городов китайского Притяньшанья, но и лежит на пересечении главных путей, по которым как расходятся, так и притекают товары из двух стран, непосредственно поставляющих их на Урумчиский рынок — России и Внутреннего Китая. Столь выгодное географическое его положение в связи с тем, какое занял он после того, как Лю-цзинь-тан объявил его своей резиденцией, сделали из него главный складочный пункт товаров русских, китайских и европейских.

---

* Иными словами, дорога, которая проходит вдоль южных склонов Тянь-шаня. [Прим. ред.]

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БОГДО-ОЛА

Синьцзянский губернатор (сюнь-фу) Лю-цзинь-тан был в отсутствии. Его обязанности исправлял председатель казенной палаты (фантэй) Вэй-гуань-дао. Но этот сановник, на выраженное нами желание видеть его, отвечал, что он, к сожалению, болен и принять нас не может. Тогда поспешили объявить себя больными и остальные чины, военные и гражданские, которым мы почли нужным послать свои карточки: «ньэтэй» (председатель уголовной палаты?), «даотай» (областной начальник), «чинтэй» (комендант Урумчи и главный начальник расположенных в его округе войск), «бодзядзюй» (полицмейстер) и другие, ни рангов, ни обязанностей коих нам сколько-нибудь точно определить не могли.

Отозвался желанием нас повидать только некий Гуй-жун, секретарь и драгоман, состоящий при губернаторе. Господин этот, долго живший в России и, кажется, читавший даже лекции китайского языка в С.-Петербургском университете, написал нам длиннейшее письмо, в котором на хорошем русском языке излагал свое горячее желание видеть нас у себя.

Но свиданию этому не суждено было осуществиться. В воротах города китайские солдаты напали с дубинами на сопровождавшего нас аксакала, и только своевременное вмешательство наше помогло ему ускользнуть из их рук. Конечно мы вернулись назад, а полчаса спустя у нас в лагере было уже настоящее столпотворение вавилонское: весть о побоях, нанесенных аксакалу, с изумительной быстротой распространилась по городу и сюда стеклось теперь почти все русское население города.

За что? как? в чем же, наконец, дело?!

Объяснение дикой выходки солдат, конечно, не сразу нашлось. Но, наконец, некоторые дунгане, успевшие уже повидаться с солдатами караула, принесли нам известие, что аксакалу ставилось в вину то обстоятельство, что он допустил русских с оружием (сопровождавшие нас казаки были при шашках) вступить в городские ворота. Этой же причиной объяснили скандал и посланные Гуй-жуна. Тогда мы предложили последнему, если он действительно искренне желает нас повидать, побывать у нас, когда вздумает, запросто; но китаец к нам не поехал.

Таким образом, в Урумчи нам не пришлось свидеться ни с одним из представителей местной администрации, если в числе последних не считать дюхошена—уездного начальника, с которым мы беседовали очень долго и который взялся доложить фантэю о творимых нам всюду затруднениях. Он даже явился к нам с некоторой помпой, в синих носилках, несомых четырьмя солдатами, и в сопровождении свиты, предшествуемой большим красным зонтом.

Результатом этого визита было полученное нами разрешение посетить священную гору Богдо. Закупив поэтому все, в чем нуждались, мы выступили из Урумчи по направлению к этой последней 29 июля.

Встали с рассветом, но провозились так долго с укладкой вещей, что когда первый эшелон наших вьюков тронулся наконец с места стоянки, по улицам города уже вовсе не стало проезда: с трудом миновав предместье, мы еле-еле пробились к восточным воротам.

Вот последний арык «Чимпан», выведенный из Урумчиской реки, а вот и горный увал, с которого весь город, как на ладони. Впереди, километров, может быть, на пятнадцать, потянулось плато глинисто-песчаное и пустынное, а на горизонте выросли первые складки предгорий гигантской горы.

Всегда безлюдное, плато это оживлено было теперь необычной картиной. Выстроившись в ряды, стояли здесь расцвеченные фонарями и флагами балаганы, в которых торжественно восседали кумиры...

Их было молили о дожде; когда же никакие просьбы и жертвы не помогли, с гиком и свистом выволокли вон из тенистых и прохладных кумирен на самое пекло... «Вы зазнались, господа-боги!.. В кумирнях вам хорошо и свежо, так побудьте же здесь и на себе испытайте, каково нам в эту жару быть без дождя!» Но и это энергичное распоряжение не помогло: дракон (Лун-ван) со всей своей свитой решительно отказался повиноваться китайским властям, и дождя попрежнему не было. Тогда с ними затеяли двойную игру: обратно в кумирни их не ввезли, а выстроили для них балаганы, в которых те и продолжали уже отбывать свое наказание...

Мы приблизились к этим постройкам. Из них самая большая оказалась театром: как и всюду в Китае — открытая сцена без всяких претензий на украшения. Но в эту жару даже и театр был пуст. У временных кумирен тоже не было никого: очевидно, «хошани» [*] отдыхали теперь в разбитой тут же палатке... Они выскочили, когда заслышали голоса. Пошептавшись с сопровождавшим нас аксакалом, они взяли свои инструменты — треугольник, бубны и «иерихонские» трубы и, став в ряд перед безобразно размалеванной куклой в шелковых одеяниях, заиграли свой дикий гимн во славу Лун-вана... Странное зрелище! Китайские жрецы, хотя в поношенных, но зато национальных черных костюмах и с распущенными по плечам волосами, странные и с непривычки дикие звуки не менее странных труб, разодетый в шелка истукан, курящийся перед ними фимиам и кругом пустыня и, кроме нас, никого...

Мы подали ближайшему из жрецов небольшой кусок серебра и крупной рысью пошли догонять далеко уже вперед ушедшие вьюки.

Зной нестерпимый. По сторонам скучный, желто-серый ландшафт. Изредка кое-где торчат либо полузасохшие стебли каких-то никому неизвестных растений, либо обглоданный чий (Lasiagrostis splendens). Единственный звук на этом плато — стрекот бесчисленных прямокрылых, которые при каждом шаге, как брызги, разлетаются от вас во все стороны. Но горизонт здесь все-таки не широк: отовсюду подымаются горы, которые уже заслонили гиганта. И до них, повидимому, вовсе недалеко. Но мы целых два часа уже в дороге, и эти два часа успели показаться нам вечностью. И вот, наконец, мы пришли... Мы взобрались на пологий увал и с него увидали точно иную страну.

Бесконечная панорама гор и лощин, поросших сочной, прекрасной травой, множество речек и родников, рощицы, осины [**], ели и тополя, с подсадой из разнообразных кустарников, и над всем этим одетый снегом, величественный, трехглавый Богдо!

Наш проводник свернул вправо, и мы стали подыматься лощиной, по дну которой струился ручей Лоуса-гу; сперва кое-где виднелись еще плантации мака, но затем и эти следы культуры исчезли, и мы стали нырять из одной пади в другую. Наконец, на одиннадцатом километре, спустившись в долину другого ручья Кичан-гу, узнали, что пришли на ночлег и остановились в густом карагачевом лесу, за которым виднелась одинокая фанза, окруженная плантациями мака.

На следующий день мы продолжали итти все такой же изрезанной лесными долинами местностью. Мы втянулись даже в какую-то щель, стены которой сложены были из отшлифованных плит метаморфических сланцев — совершенно дикое место! — как вдруг при выходе на лужайку нас неожиданно поразил отчаянный лай нескольких псов, понесшихся к нам навстречу. Вглядились — дымок... Но из-за тут же росших кустов жимолости и крушины ничего пока еще не было видно...

---

[*] «Хошани» — это жрецы, «бонзы» европейских писателей и японцев.

[**] Нигде, ни раньше, ни после мы в Восточном Тянь-шане осины не встретили; здесь же она являлась преобладающей древесной породой.

— Что тут такое?

— Кош зайсанских киргизов... да вот и они!

Русские киргизы — здесь? какими судьбами?!

— Аман кельды?... аман, таксыр... *

Знакомые речи и точно знакомые лица... Были ли они рады нас видеть — не знаю, но мы им непритворно обрадовались. Едва развьючились, как тотчас же завязалась самая приятельская беседа. Это были торговцы-гуртовщики, давно уже промышляющие в Джунгарии и то и дело кочующие с Иртыша на Бэй-лу и отсюда обратно. Шибко зашибают деньгу.

— Китайцы — они ведь странный народ: своих боятся, а к русским питают доверие. Ни калмыков, ни киргизов и близко к Урумчи не пускают, а русские — торгуй в нем, чем хочешь. С гурта тысячу, а не то и больше рублей наживаем... А лошади — с тех-то, пожалуй, и по пяти рублей на голову мало считать... Да теперь, впрочем, что! Раньше разве так торговали? Были деньги — солдаты стояли. А ныпче норовят уже больше в кредит... Оскудел народ, нет вовсе серебра в крае, а натурой отсюда что увезешь? Страна неустроенная, все тут — привозное, ничего своего...

И в этих немногих словах сказался ясный взгляд киргизов на бедственное положение южной Джунгарии и на ее материальную зависимость от соседей. Действительно, единственно, чем может еще в настоящее время гордиться эта страна, — это производством высших сортов опия. Но, увы, она же является и первой потребительницей его, так что даже ежегодный ввоз сюда гансуйского опия едва ли с годами может много уменьшиться.

— Ну, а что, много от вас перепадает китайским властям?

— Нет, пока что — судьба милует. Мы круглый год ведь в горах, не живем у них на глазах. Ну, а если уж дело какое, тогда без этого как же и быть?!

На этом беседа оборвалась. Где-то поблизости послышался выстрел, необыкновенно гулко пронесшийся по ущелью, покатился откуда-то щебень, и минуту спустя из-за соседней скалы появилось сияющее лицо Комарова.

— Орлят подстрелил, ваше благородие, еще трепыхаются.

Оказались оперившимися птенцами.

Занявшись птицами, мы и не заметили, как киргизы один поодному разбрелись, кто куда.

Между тем, едва пообедали, стало темнеть. До заката, разумеется, еще далеко, но в ущелье уже сумерки. Тени выросли и на противоположных скалах, все выше и выше, стал подыматься золотой пояс света. Засветились, наконец, одни только шпили, но и они вскоре погасли. В нашей яме стало вдруг и сыро, и как-то совсем неуютно. Засветились огни и вблизи них мрак точно еще больше сгустился.

— Ташбалта, Григорий, собирайтесь — пора!..

И вот, с фонарем и сетками, втроем, направились мы на обычный ночной лов вниз по ущелью. Холодно, однако, и к тому же роса: в густой траве сапоги живо намокли.

— Нет, тут ничего не поймаем; идем к осыпям...

И хоть ничего не было видно, но мы кое-как все ж-таки продрались сквозь кусты, по камням перебрались через ручеек Гань-гу и полезли на осыпь. Но и там — ничего. Раза два пролетала над головами какая-то бабочка и уже более не попадала в полосу света. А между тем совсем уж стемнело. У нас под ногами расстилалась теперь уже одна сплошная черная щель, в глубине которой не было возможности ничего разобрать; даже и та луговина, на которой стояли мы бивуаком, слилась теперь в нечто неопределенное и бесформенное с окружающими ее лесом и скалами... Огни на ней тоже погасли. Стало быть, поздно... Пора!

Мы стали спускаться. Подошли и к ручью.

— Да посвети же, Ташбалта!

— Сюда, сюда, хозяин!..

Он указал мне, вероятно, на камень, но я промахнулся и попал в воду. Ташбалта сделал какое-то неловкое движение, и фонарь погас. Спичек не оказалось, и мы уже ощупью продолжали свой путь. Когда проходили среди табуна, лошади фыркнули и шарахнулись в сторону. Но собаки узнали и стали шумно выражать свою радость. Еще несколько шагов, и мы чуть не наткнулись на юрты. У нас еще светился огонь: брат заканчивал нанесение съемки, а Матвей увертывал препарированных птиц.

Минут пять спустя наш бивуак уже спал, и только дежурный казак мурлыкал про себя какую-то песенку в ожидании скорой смены.

На следующий день мы тронулись очень рано.

Сейчас же с места нашей стоянки дорога пошла густым лесом: ель и осина. Густой подлесок и бурелом загораживали местами дорогу, и нам немало пришлось повозиться, прежде чем выбраться опять на луга. Зато, переправившись на правый берег Гань-гу, мы вздохнули свободнее: мы очутились на разработанной китайцами вьючной тропе. Всюду лежал здесь сложенный в клетки и стенки сырцовый кирпич. Куда везут и почему он здесь сложен?

— Кумирни богам своим строят, вот и везут... А старые, которые и были, все разорили дунгане...

---

* Здравыми ли прибыли?.. Здравствуй, начальник...

Однако подъем все круче и круче. Роскошнейший луг внизу, осыпи сверху и по краю последних вьется тропа.

В камнях послышался клохт улларов (Tetraogallus himalayensis Gray).

Вот, кабы их подстрелить!.. И наши охотники с разных сторон полезли на осыпь, но полчаса спустя вернулись с пустыми руками.

А между тем мы уже успели подняться на перевал и спуститься в широкую и поэтическую долину р. Ши-ма-гу. Под могучими столетними тополями, среди которых по каменистому ложу разбросалась отдельными рукавами река, стоял кош киреев.

Здесь мы застали только подростка, который поспешил предложить нам по чашке айрана *. Я, однако, не останавливался: было не до расспросов.

Все величественнее становились горы, и чем дальше, тем живописнее местность. С каждого холма рисовалась новая панорама, каждый поворот обещал иное сочетание скал, лугов и елового леса, которые чередовались с таким разнообразием, представляли такие чудные комбинации красок и форм, что положительно я не знал, куда смотреть, чем любоваться. И в то же время меня неудержимо что-то тянуло вперед, точно сердце предчувствовало, что нечто лучшее еще впереди и что это подножие «Божьего трона», действительно, дивный калейдоскоп чудных перспектив и ландшафтов.

Мы миновали долину, днище и противоположные скаты которой покрыты были на корню высохшим лесом. Какие причины вызвали образование таких громадных площадей сухостоя? Неужели пожар, и если да, то давно ли? Но спросить было не у кого. Взбираемся все выше и выше. И вот, наконец, перевал... Внизу, на страшной глубине, озеро дивного бирюзового цвета. Гигантские скалы кругом. Над ними — трехглавый Богдо.

Так вот оно где, это священное озеро, воды которого некогда покрыли останки ста тысяч святых! Так вот почему китайцы дают такое поэтическое название этим горам **, а воображение всех окрестных народов населило их своими богами!.. ***.

Вся Центральная Азия не имеет уголка более живописного и вместе с тем более таинственного и величавого. Гигантская гора, «подпирающая, — по китайскому выражению, — облака и заслоняющая собою луну и солнце» [20], и видная из пяти городов, но всего лучше из Центральной Джунгарии, откуда она, действительно, кажется «троном», или, если хотите, усеченным конусом, совсем неестественно высоко приподнявшимся из-за громады снеговых гор, вся она теперь тут, перед нами, не заслоненная вовсе предгориями... Подошву ее омывают воды озера бирюзового цвета, берега которого — дикие скалы, поросшие лесом, и выше них, с нашей стороны, изумрудные поляны и еловые рощи, напротив — осыпи пестрого камня. И все это, наконец, в узких рамках торчащих кругом горных вершин, которые только на севере рассекаются одною дикою и узкою щелью р. Хайдаджана*. Какое таинственное и дивное место! И это где же? В сердце Гобийской пустыни, которая двумя широкими рукавами охватила этот, еще неведомый европейцам, «Парнас» тюркских и монгольских народов...

Дорожка бежит высоко над западным берегом озера. Мы то и дело то круто взбираемся на откос, то спускаемся в лог. Чудные луга, залитые морем цветов (Ziziphora, Sedum, Geranium и др.); еловые рощи, скалы, разбросанные по сторонам; то полуразрушенные, то строящиеся кумирни; караваны мулов, везущих либо кирпич, либо лес, либо, наконец, громадные глиняные кувшины с водой; китайцы — рабочие и монахи — все это, то и дело, мелькает и вправо и влево от нас. На нас смотрят с удивлением, мы тоже озираемся по сторонам и все боимся чего-нибудь не пропустить, чего-нибудь не досмотреть в этом чудном уголке...

— Вот где постоять бы!

— Да, да, разумеется... Надо только выбрать получше местечко.

— Да чего выбирать! Здесь везде хорошо... вот, хоть у озера!

Но озеро все еще далеко от нас, а дорожка юлит по отрогам и то спустится вниз, то взбежит снова наверх. Наконец, вынырнув в последний раз из елового перелеска, делает крутой поворот и еще круче спускается книзу... Озеро!

Едва развьючились — к нам явилась депутация от монахов.

— Здесь нельзя стоять!

— Почему нельзя?

— Озеро это священное... Бог Та-мо-фу, что обыкновенно сидит в ледяных чертогах своих, сходит иногда сюда покататься, и тогда все озеро сверкает огнями...

— Любопытно... и вы видели эти огни?

— Видели их святые люди — подвижники, постники; а из нас их никто не видал.

— И мы, вероятно, их не увидим.

---

* «Айран» — квашеное молоко.

** Они их называют «Линь-шань» — «чудотворными горами» и «Фушеу-шань» — «горами счастия и долголетия» (Иакинф, «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. 101).

*** Тюркское название Богдо-ола — «Топатар аулиэ», то-есть горы «многих святых».

* Путешественник Мерцбахер, исследовавший горную группу Богдо-ола в 1907—1908 гг., услышал для этой реки название Да-тун, которое с тех пор и утвердилось за этой рекой на всех современных картах.

(«Die Gebirgsgruppe Bogdo-ola im Ostlichen Tian-Schan», 1916, стр. 24).

Такой оборот речи, очевидно, не понравился почтенным служителям Та-мо-фу. Они начинали сердиться.

— Здесь, слышите ли, нельзя пасти скот, нельзя охотиться, нельзя рубить лес. Место это священное; все твари, населяющие его, принадлежат Та-мо-фу. Он рассердится, если их станут избивать, их луга топтать, их леса рубить. Выстрелы из ружья и удар топора нарушат покой, который здесь царствует искони. Они призовут на вас божий гнев, и тогда вы погибли...

— А кому же принадлежат мулы, разгуливающие вон там, на лугу?

— Фантэю.

— Почему же вы их отсюда не гоните? Они ведь топчут луга.

— Мы не смеем.

— А как же вы смеете рубить здесь леса?.. Мы встречали всюду порубки.

— Это не мы, а солдаты.

— А их отчего вы не гоните?

— А как же их гнать?

— А так же, как теперь вы гоните нас.

— Но ведь они не по своей охоте... лес нужен для строящихся кумирен!..

— Вот сказали! да разве его нельзя привезти из-за гор? Кирпич ведь везете!..

Монахи переглянулись.

— Мы еще раз повторяем свое требование: уходите отсюда!

— А если мы не уйдем?..

— Мы в вас прикажем стрелять...

— А, если так, то вот что, монахи! Мы здесь останемся, а для того, чтобы обеспечить себя от случайностей... казаки! Комаров, Глаголев! скрутить этому господину руки за спину, да и пусть посидит у нас подольше в гостях!..

Это подействовало: монахи бежали, главарь их смирился и потом за все наше двухнедельное здесь пребывание был даже нашим лучшим приятелем. Его товарищи натащили картофеля, редиски, луку и других овощей; мы одарили их всех несколькими аршинами синей китайки, и мир с ними был заключен навсегда. Они даже впоследствии пренаивно сознались, что надеялись сорвать с нас приличный куш в пользу кумирни: «ведь бедняга Та-мо-фу не имеет пока даже приличной одежды!..».

Но если китайцы и отнеслись к нам добродушно, то бог Та-мо-фу отнесся иначе: нарушителям его покоя он не посылал удачи ни в чем и вскоре достиг-таки своего—выжил нас из своей прекрасной обители!

Начну по порядку.

Монахи, между прочим, нам говорили, что еще в древности бог Та-мо-фу, спустившись с престола, начертал на одной из скал, с юго-востока окаймляющих озеро, такие слова: «Люди! молитесь мне здесь, ибо место это, как ближайшее к небу, избрано мною». Но никто не мог прочесть этой надписи, пока не выискался, наконец, один почтенный старик. Существует ли и поднесь эта надпись, неизвестно: лодок здесь нет, а берегом до скалы не добраться...

Но мы попытались. В самом деле это мог быть любопытный документ — остаток хотя бы того «варварского» письма, о котором говорят китайские летописи V в.[21]. К тому же все равно нам предстояло посетить южный берег этого озера: я хотел отыскать более или менее ясные следы ледников; брату необходимо было ставить веху для того, чтобы тригонометрически определить относительную высоту хотя бы крайнего и из трех самого невысокого пика Богдо. Два дня мы употребили на поиски, исходили весь южный берег, осмотрели все скалы, а надписи не нашли!

Это была первая неудача. Затем дальше. Мы ежедневно охотились, но всегда как-то несчастливо. Подстрелишь птицу, упадет, не отыщешь в траве или кустах, а найдешь как нарочно такую, которой весь заряд угодил в голову или вышиб много пера... Неоднократно слышали рев маралоз, видели нередко косуль (Cervus capreolus), стреляли и не убили. Предпринимали специально охоту на улларов и тоже без результатов. В мире насекомых опять-таки ничего нового и интересного, а как надеялись здесь что-нибудь встретить! Думали, наконец: вот постоим, лошадей выправим. Но надежды и тут не осуществились: запретный корм не впрок, видно, пошел нашим животным! К тому же одна из них обезножила, напоровшись копытом на низко срубленный граб (Cotoneaster), у другой спинной намин разыгрался в серьезную рану. Но самым памятным событием было вынужденное бегство наше с гребня одного из главных отрогов Богдо. Еще хорошо, что все обошлось совершенно благополучно и что мы отделались только тем, что измокли да выпачкались в грязи... Вот как происходило все дело.

Надо было определить высоту снеговой линии, собрать образчики горных пород, слагающих горную группу, и образцы флоры и фауны, снять фотографии, — одним словом, хотя бы в общих чертах познакомиться с альпийской зоной хребта. День был прекрасный, небо безоблачное. С вьючными лошадями мы всемером живо добрались до перевала в долину р. Ши-ма-гу, но тут тропинка оборвалась и началось карабканье по гребню одного из отрогов хребта.

Надо отдать полную справедливость Та-мо-фу: умело выбрал он свое седалище и крепко защитил снеговые чертоги свои от любопытных взоров людей.

— Хассан, да, ведь, это разве дорога? Не понимаешь?.. Шайтан, шайтан-иол! Чортова лестница, а не дорога!..

— Ага, шайтан-иол!.. — рассмеялся Хассан и полез дальше.

Мы уже давно спешились и волокли за собой лошадей, которые, прыжками взбираясь на камни, то и дело грозили сбить нас головой или грудью с обрыва. Круча невероятная... Каменные плиты, скользкие и гладкие, на которых не знаешь как и держаться. Или и хуже того — карнизы столь узкие, что мы не переставали все время трепетать за нашего гнедка, завьюченного поверх кошей мешками с провизией и кое-какими вещами. Отдыхали только в тех местах гребня, куда добегал ельник; но и тут с лошадьми была беда: вывороченные каряги, низко растущие ветви, каменные глыбы — все это были такие препятствия, которые не легко обходились.

Озеро, которое виднелось одним своим южным концом, казалось нам на недосягаемой глубине. В самом деле, мы уже поднялись над его уровнем на высоту 3 500 футов, целого километра по вертикалу! В тех узких рамках, в которых оно было заключено, оно представлялось отсюда лазуревой каплей на дне глубочайшего каменного сосуда. Странное, единственное в своем роде, зрелище! Гигантские прибрежные скалы казались нам отсюда ничтожными валунами и частью настолько теряли свои очертания, что сливались с более высоким ярусом гор; еловые леса мелькали на них темными пятнами, отдельные же предметы совсем исчезали в той полупрозрачной мгле, которая сероватой дымкой охватывала низы. И поверх всего этого громадный голубой купол неба, и на всем снопы лучей, резкие контрасты света и тени!

Но нам было некогда останавливаться на этих подробностях эффектной картины: мы спешили вперед... Кое-как вскарабкавшись на барьер, сложенный из вертикально торчащих сланцевых плит, мы очутились по ту сторону гребня и сразу совсем в иной обстановке: о пропастях и карнизах нет и помина, впереди только луговые покатости, перерезанные глубокими ложбинами, и обычный альпийский ландшафт с его островками оголенной топкой земли — «плешинами», как обыкновенно их называют, с его бесчисленными тропами, опоясывающими холмы и бугры и уму непостижимо кем здесь проложенными, редкими цветами и все заполнившим кипцом. Здесь мы уже снова сели на лошадей и рысью погнали вперед.

Несколько километров такой местности, после всего нами виденного, показались нам монотонными, и мы оживились только тогда, когда впереди показались снова утесы, глубокие пади, леса и далекая панорама гор и долин, по которым тонкими струйками неслись речки — притоки вышеупоминавшейся Ши-ма-гу. Проехав еще несколько километров и то спускаясь в глубокие лога, то подымаясь на гребни, мы достигли, наконец, какого-то бурного ручейка, на берегу которого, по предложению Хассана, и разбили свой бивуак, вернее сказать, разостлали кошму и разложили на ней те немногие вещи, что захватили с собой. День окончили: брат за препарировкой птиц для коллекции (Fringilla montifringilla L., Accentor altaicus Brdt. и Tetraogallus himalayensis Gray), я за укладкой чешуекрылых, наловленных днем, и за ловлей ночниц.

Ночь провели скверно: мелкий дождь, туман и сырость, а над нами один только покров — хмурое небо! Проснувшись рано и согревшись за чаем, мы стали собираться в дорогу.

Кто был в горах, кто поднимался поясом осыпей до линии вечного снега, тот, без сомнения, уже знает, что за адская дорога нам предстояла. Всего лучше, разумеется, было бы нам подыматься пешком. Но подобное предприятие в данном случае было невыполнимо уже потому, что по приблизительному расчету в оба конца не могло быть менее двадцати километров; к тому же пришлось бы нагрузить себя всевозможными вещами, начиная с гипсометра и бусоли и кончая ружьями и фотографическим аппаратом; да и ходьба на абсолютной высоте в 11 000—12 000 футов (3 548—3 660 м) сама по себе уже не легка... И вот мы верхом и снова в пути.

Долина шириной сажен в сто-полтораста (213—320 м). Крутые скаты по направлению к середине, где среди валунов пенится бурный поток. То мокрый луг, на котором лошадь вязнет на каждом шагу, то осыпь, под которою журчит незримый ручей. Бурые осколки метаморфических сланцев навалены грудами; наступишь на один, и все соседи приходят в движение, грозя вам своим зловещим шуршанием. Лошадь пугается, изощряется одним махом перескочить через подобный барьер, но, сдерживаемая уздой, горячится и без толку топчется на одном месте, рискуя ежеминутно сломать себе ногу. Тягостная езда!

Впечатление, производимое такими барьерами — точно это морены. Но, нет, вы можете проследить эти гряды обломков до самых гребней; ясно, что атмосферные агенты действовали здесь более энергично, чем в других участках тех же сланцевых скал, и образовали эти странные осыпи. Чем дальше, однако, тем осыпей больше, и, наконец, они вырастают в такие высокие гряды, что нечего и думать перелезать через них с лошадьми... Но и у их подошвы оставить лошадей нельзя: здесь какая-то топь — глинистая, рыхлая почва, еле прикрытая кое-какими растениями, отовсюду струящаяся вода... И вот мы разделились: с братом и казаком Колотовкиным мы отправились дальше, а остальных послали на низ.

Перешагнув через каменный вал, мы очутились в настоящем царстве смерти и разрушения: кое-где среди камней виднелись еще лишаи, но, кроме них, ничего. Даже уллары клохтали где-то ниже и в стороне... Представьте же себе изумление наше, когда вдруг Колотовкин воскликнул:

— Капуста!

— Какая капуста? В уме ли ты, Колотовкин?

Смеется.

— Так точно! только вот достать не могу...

Что за диво? И как ни трудно было среди громадных каменных глыб добираться до Колотовкина, но добрались и в расщелине между камней увидали если и не капусту, то нечто действительно странное: громадное растение, растущее наподобие этой последней. Ничего сколько-нибудь схожего с ним мы никогда и нигде не встречали *.

— Как бы достать?!

— Я и то думал, как бы достать... да неспособно. Ишь щебень какой — крутизна!

Стали осматриваться и увидели такую же капусту и выше, и ниже в камнях. Добравшись до первой, еще более изумились: на цветке, забравшись между громадными наружными желтовато-белыми лепестками и крупным, колючим темнолиловым соцветием, сидела ночница, очевидно нечто новое замечательное... **.

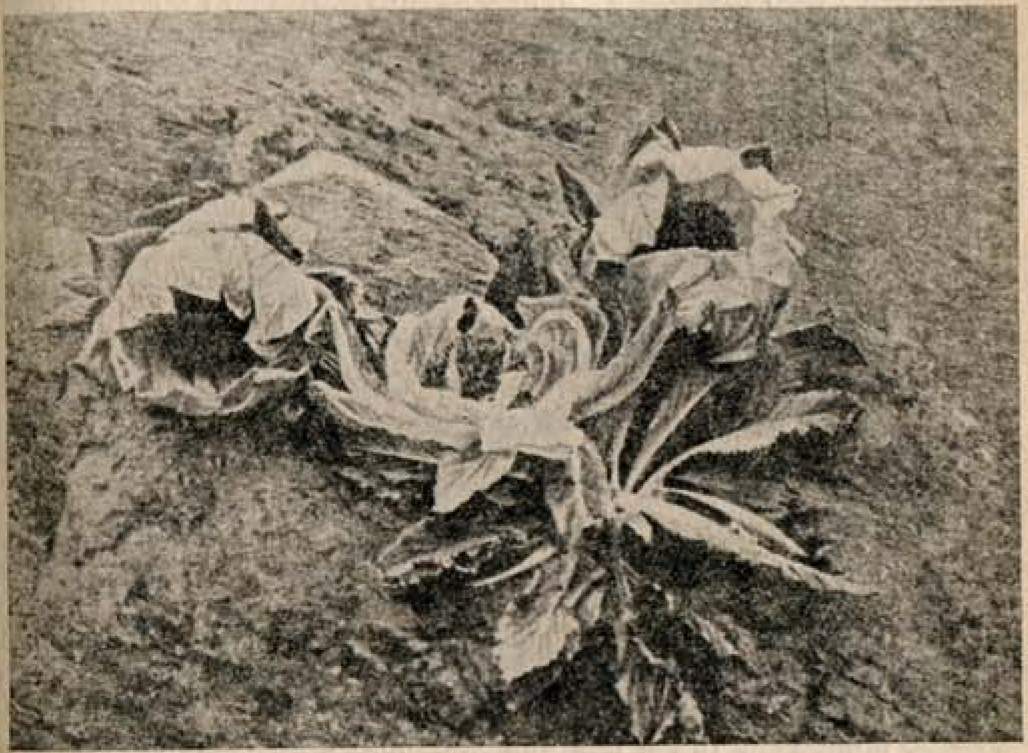
Собрав с цветов еще несколько экземпляров этой ночницы, мы полезли вперед. Подобное лазанье по осыпям не представляет решительно ничего соблазнительного: это тяжелый, рискованный труд, на который побудить может только необходимость. Выше нас крупный щебень и громадные глыбы в несколько пудов весом, по сторонам и ниже все то же. И конца, кажется, нет такому подъему... К тому же большинство этих глыб еле держится и только ждет какого-нибудь толчка, чтобы с грохотом скатиться на низ и увлечь вас за собой. И вот вы в постоянном страхе, что дадите этот толчок. Вы шагаете неуверенно и при каждом шаге, прежде чем утвердить ногу, стараетесь ощупать под собою почву. Но все зыбко, все движется, все точно живет у вас под ногами... Неприятно. А тут вдобавок еще и руки заняты всякой всячиной, и, между прочим, также и этой капустой.

Но вот, наконец, гребень! Дальше некуда лезть: площадка и снег.

Но отыскать следы старого, слоистого снега оказалось вовсе не так-то легко. Когда же на нем стали мы кипятить воду, то оказалось, что мы стоим на высоте, равной 12 080 футам (3 683 м) над уровнем моря.

Еще несколько шагов, и перед нами предстал трехглавый Богдо.

Мы были разочарованы: мы увидали перед собой три занесенных снегом конуса, не поразивших нашего воображения ни своими размерами, ни относительной высотой... Величавый образ горного колосса исчез, и на его месте мы увидали ничем особенно не выдающуюся горную группу.



Растение, встреченное в горах Богдо-ола.

Наши размышления внезапно были прерваны возгласом Колотовкина:

— Смотрите, какая туча с запада лезет!

Оглянулись и, не теряя минуты, стали спускаться. Внизу нас уже поджидали казаки, которых тоже не мало беспокоило небо. К счастью, дождем только вспрыснуло, и когда мы добрались до нашей стоянки, солнце снова выкатилось из-за туч на синий простор.

Пора спать! Но едва я закутался в одеяло, как на подушку упала первая капля дождя. Я и на подушку натянул одеяло. Но дождь усиливался, и, наконец, разразилась гроза. Я вскочил в одном белье, живо накинул на себя полушубок и достал запасный войлок, из которого и устроил род шатра над собой. Но сравнительно благоденствовал очень недолго. Вдруг вспомнил: а бусоль, а фотографический аппарат, а папка с растениями? Ведь все эти вещи и были накрыты кошмой! Полез за ними, забрал к себе все, за исключением папки, которой как ни искал, не нашел... А между тем я уже вымок, под постель также стала набираться вода. Дождь не переставал. Раскаты грома и молнии были чуть не ежесекундные... Я хотел было вытянуть ногу, но попал в какую-то лужу: оказалось, что мой шатер не покрывал постель целиком, и теперь вся вода с него собралась в складках подстилки и одеяла. Наконец, я надумал. С грехом пополам надел на себя чембары * и шведскую куртку, натянул сапоги, свернул свою постель, укутав в нее предварительно инструменты, накрыл все это войлоком, сам же побрел к казакам, которые еще накануне из сучьев лозы и своих шинелей устроили себе балаган. Но в нем было тесно. Вдобавок не хотелось будить людей, и я пристроился кое-как на корточках в уголке.

---

* Винклер на основании изучения фотографии полагает, что это растение, повидимому, Saussurea obvallata Wall., отличающаяся огромным прицветником, окружающим цветочное ложе.

Это растение, называемое иначе Aplotaxis obvallata, известно в Гималаях и на Алтае. В гербарии Ботанического института Академии Наук СССР (Ленинград) имеется экземпляр этого растения из Индии (см. Bretschneider, Hictory of european botanical discoveries in China. I—II, London, 1898, стр. 1039). [Прим. ред.]

** Она, действительно, оказалась новым видом весьма характерного, свойственного только Центральной Азии, рода Isochlora. Описана С. Н. Алфераки под именем Isochlora arctomys. [Прим. ред.]

Однако, как долго тянется ночь! Сколько ни выглядывай — темно и темно! И дождь не перестает...

Как и следовало ожидать, все поднялись, едва забрезжилось утро.

— Стоим, что ли, здесь или ехать?

— Разумеется, ехать!

— А как насчет чая, греть что ли?

Но предложивший вопрос посмотрел на всех нас, на себя, на нашу лужайку, превратившуюся чуть не в болото, и на сумрачное небо, не перестававшее поливать нас дождем, и сконфузился.

— А коли так, так и без чая доберемся до озера!

— Да, доберемся! Но каково теперь добираться! Луга, очевидно, обратились чуть не в трясину, камни стали теперь более скользки, глина размякла...

— Ну, посмотрим!.. А тут тоже стоять нельзя.

Мы поехали. Мы скользили, падали, вымокли до последней нитки, вымарались в грязи, но, наконец, все же благополучно добрались до перевала на озеро... А дома, наевшись и обсушившись и вспоминая пережитое, много смеялись над различными, теперь уже только забавными, эпизодами как этой ночи, так и нашего поспешного бегства с «Чудотворной горы». Об одном искренне сожалели: «капуста» пропала...

В заключение несколько слов как о самом озере, так и об его окрестностях. Озеро лежит на абсолютной высоте, равной 6 516 футам (1 986 м), и принадлежит к типу моренных озер. Глубина его, вероятно, очень значительна, берега круты. Оно доступно только на юге, где принимает в себя речонку, выбегающую из-под снегов Богдо-ола, и на севере, где ограждающая его древняя морена незначительно подымается над его уровнем. Рыбы в нем нет. Водяная птица тоже не держится. Убили только, вероятно, совсем случайно сюда залетевших.

Морена сложена из громадных валунов и в настоящее время представляет из себя громадный каменный вал, заросший кустарником и прекрасными травами. Озерная вода, вероятно, просачивается где-нибудь между камней, потому что с полкилометра дальше, непосредственно под мореной, выбивается несколько значительных ключей, которые, сливаясь, и образуют р. Хайдаджан. Рядом с этим озером есть еще два, но они ничтожны. Каких-нибудь иных следов существования здесь в давнопрошедшие времена ледников я не нашел.

Что же касается до геогностического строения гор, то в общих чертах оно таково. Главный массив Богдо-ола состоит из древних метаморфических сланцев, из коих преобладает кремнистый с выделением роговика и кварцита; у озера выступают глинистые сланцы (метаморфические), которые ниже становятся преобладающими; к ним прислоняются красные глины, образуя боковые уступы поперечных Хайдаджану долин: но затем они пропадают и сменяются желтым глинистым песчаником, и дальше темными, почти даже черными филлитами, от которых очень контрастно отделяются своими резкими и яркими (желтыми и кирпично-красными) цветами глинистые сланцы. Здесь горы уже заметно понижаются. Ель вполне исчезает, появляется чий. Конгломераты и примазки новейших образований совершенно маскируют основные породы, и только недалеко от выхода речки в пустыню вновь попадаются плотные песчаники, в которых вода в свое время успела выдолбить прекрасно отполированные гнезда и трубы. Затем ничего, кроме дилювиальных наносов, мы уже не встречали.

---

* Так в Туркестане называют штаны из козловой или бараньей дубленки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОПЯТЬ НА БЭЙ-ЛУ

Нашу стоянку у озера мы покинули 12 августа. Мы круто спустились с морены и втянулись в ущелье, в котором шумно бросался из стороны в сторону Хайдаджан.

Хайдаджан слагается из двух речек.

Древняя морена, ограничивающая озеро с севера, имеет поверхность крайне неровную и ближе к восточному концу рассекается глубоким логом, едва на 6 м превышающим уровень озера. Лог этот оканчивается обрывом и далее тянется глубоким рвом, стены коего представляют осыпи зеленоватой гальки и песка такого же цвета. Здесь-то и выбиваются (на разном уровне) многочисленные ключи, образующие правую вершину р. Хайдаджана. Левый же исток его берет начало в верхнем из двух маленьких озерков, упоминавшихся в предыдущей главе, после чего постепенно, хотя и очень скоро, пропадает в камнях и только уже ниже второго озерка становится снова довольно заметной речонкой. Ниже соединения своих двух истоков Хайдаджан пробивается сквозь узкую щель и хотя затем все еще продолжает течь очень стремительно, но переборов уже не имеет. Место прорыва Хайдаджана — самая дикая часть ущелья, и не будь здесь искусно проложенного пути — еще вопрос, удалось ли бы нам благополучно спуститься с морены!

Ниже морены ель перестала встречаться, и далее по ущелью росли уже только лиственные породы: тополь, ива и карагач с подлеском из разнообразных кустарников, в которых многочисленными выводками держались щеглята (Carduelis caniceps Vig.). Здесь же нам попались: Falco subbuteo L., Cerchneis tinnunculus L., ореховка (Nucifraga caryocatactes L.), дрозды

(Merula maxima Seeb., Turdus viscivorus var. hodgsoni Jerd.), трехпалый дятел (Picoides tridactylus L.) и две Motacilla (M. personata Gould. и M. melanope Pall.), водившиеся также и на берегах озера.

Миновав небольшую полянку, на которой в мазанках ютилось несколько человек китайских рабочих, изготовлявших кирпичи для строящейся кумирни, мы прошли этим ущельем еще километров пятнадцать и остановились на краю саза *, под купами старых карагачей, видимо не раз уже служивших пристанищем караванов. Было еще рано, но итти далее мы не решились, так как здесь уже всюду рос чий (Lasiagrostis splendens) — этот первый предвестник пустыни.

Действительно, на следующий день мы вышли в нее хотя и не сразу, так как первые три-четыре километра по выходе из ущелья нам пришлось брести среди фанз селения Ду-хан-чжан и окружающих его полей гаоляна **, гречихи и обыкновенного и итальянского проса; сперва это была каменистая степь, т. е. «гоби», по выражению местных жителей, поросшая тощей растительностью, преимущественно солянками (Horaninovia ulicina, Salsola sclerantha и др.), но затем эта «гоби» сменилась солончаком и глинистыми пространствами, поросшими чием. Чем дальше, однако, мы подвигались по большой дороге, на которую незадолго пред тем выбрались, тем гуще и гуще становились заросли чия, пока, наконец, мы не очутились среди словно волнующегося моря метелок этого характерного злака, залившего все окрестности и уходившего вдаль, за края горизонта. А потом чий сменился такими же зарослями жесткого низкорослого камыша, среди которого, впрочем, кое-где виднелись уже отдельные группы карагачей. Несколько километров дальше эти карагачи слились в сплошной пояс густой зелени, скрывавшей, как нам говорили, селения оазиса Эр-дао-хо-цзы.

Карагачевый лес на рыхлом солонце — явление не совсем обычное и для Внутренней Азии; и к тому же лес рослый, очевидно чувствующий себя как нельзя лучше на столь несвойственной ему почве. И каким путем он здесь народился? Остатки ли это былой культуры или человек здесь не при чем? В данном случае я склонен предполагать первое, хотя вообще считаю не лишним отметить тот факт, что карагач самое обычное дерево южной Джунгарии. Заросли его, как нам говорили, начинаясь к западу от Фоу-кана, почти непрерывной полосой, на многие десятки километров тянутся вдоль Бэй-лу, доходя здесь почти до Куйтуна. И несомненно, что именно карагачевый лес, а не саксаульный или туграковый (Populus diversifolia), рисовал Ренат на своей карте [22].

---

* «Саз» — слово киргизское, означающее мокрое место, обыкновенно вдоль проточной воды, поросшее различными осоковыми, лютиками, Hippuris vulgaris и тому подобными травами, носящими у киргиз одно собирательное название «сазлау».

** Разновидность сорго, которую туркестанцы в отличие от ак-кунака («джугара» — Sorghum cernuum) называют «кара-кунак», т. е. черный кунак. Он менее прихотлив, но качеством хуже джугары.

Впрочем, упомянутый случай встречи карагачевого леса в пустыне — не единственный в Центральной Азии. Так в «Си-ю-цзи», например, мы читаем: «Потом мы вступили в огромную полосу песка, в низменных местах коей росли ильмовые низкорослые деревья; из них большие толщиной в обхват» [23]. На что, с своей стороны, архимандрит Палладий замечает: «Ильмовые деревья и ныне изредка растут в самой пустынной части степей» [24]. Подобные же указания мы находим, наконец, и у новейших путешественников по Центральной Азии — Тимковского, Пржевальского и других.

К сожалению, эти природные лесные богатства южной Джунгарии в настоящее время беспощадно уничтожаются китайскими углепромышленниками, которые находят свой легкий промысел тем более выгодным, что цены на древесный уголь стоят в городах Притяньшанья всегда очень высокие.

Вышеописанной местностью мы ехали долго. Наконец, мы пересекли первый арык: он был сух, порос камышом и, очевидно, был уже запущен давно. Однако он все же мог предвещать нам скорый конец нашего чуть не сорокакилометрового перехода. И действительно, вскоре мы увидали развалины какого-то здания, за ними поля с колосившимся просом и, наконец, широкий арык с быстро в нем бежавшей мутной водой. Здесь мы решили остановиться, хотя окрестности — безотрадный солонец, поросший тамариском и саксаулом (Haloxylon ammodendron), и не представлял решительно ничего привлекательного. Но и то сказать — разве мы могли надеяться найти нечто лучшее в южной Джунгарии, да к тому же в августе месяце? К сожалению, нам пришлось здесь дневать, так как новая пропажа трех лошадей, на этот раз действительно уведенных у нас, вынудила нас провести в бесплодных поисках чуть не двое суток. Я даже ездил к чиновнику, управлявшему оазисом Эр-дао-хо-цзы, для предъявления ему данных для обвинения в конокрадстве одного из местных поселян, на дворе у которого мы нашли ясные отпечатки русских подков; но это не повело ни к чему: чиновник не согласился даже принять нашу жалобу к сведению, предоставив нам разделываться с похитителем по своему вкусу и усмотрению! Не следует забывать, впрочем, что Джунгария, с самого момента присоединения своего к обширной территории Китайской империи, служит местом ссылки как для провинившихся или подвергшихся опале чиновников, так и для обыкновенных преступников, а потому

случаи, подобные нашему, считаются здесь явлением настолько заурядным, что уже не обращают на себя ничьего внимания.

Положение, в котором мы очутились, оказалось тем более затруднительным, что в селении Чжан-чин-цза мы нашли одну только продажную лошадь, и вот, волей-неволей, для подъема нашего багажа нам пришлось прихватить трех быков, которые сопутствовали нам вплоть до Гучэна.

По милости этих быков 16 августа мы прошли всего только 12 км и, миновав селение Чжан-чин-цза, остановились близ небольшого пруда, на восточной окраине оазиса Эр-дао-хо-цзы.

Селение Чжан-чин-цза имеет крошечный и жалкий базар. Улицы его тесны и грязны, домишки убоги. Гарнизон, состоящий из 20 конных солдат, местится в каких-то жалких мазанках. Столь же мизерно и помещение их офицера. Зато тани здесь довольно опрятны и поместительны. Воду для питья селение получает из колодцев; для орошения же полей пользуется водой из арыков, которые в большом числе выведены из протекающей к западу от селения речки, вследствие чего последняя совсем истощена и вода в ней еле-еле сочится. Кроме китайцев, в Чжан-чин-цза живет и несколько семейств туркестанцев, как кажется, выходцев из Турфана.

17 августа, покинув оазис, мы вступили в каменистую степь. Картина давно нам знакомая: ни деревца, ни былинки... камень и камень... На несколько километров впереди виднеется широкая желтая лента пыльной дороги, и на ней ни души. Точно вымерла степь! Даже обычных обитателей подобной пустыни — вертлявых ящериц — и тех не видать! Душно...

Но вот мы приблизились к глинисто-песчаным нагорьям, и местность несколько оживилась. Появились: в кучи сложенный камень — указатель пути во время снежной метели, тощие пучки чия, кустики Eurotia ceratoides. Еще дальше показались развалины каких-то построек, среди которых одна оказалась даже приспособленной под кабак и харчевню; но, видно, пустыня эта не оправдала ожиданий предприимчивого китайца, так как на возвратном пути мы уже не нашли здесь шеста с красной тряпицей — обычной вывески таких заведений. Наконец, впереди показались ряды и отдельные группы деревьев, а вслед затем мелькнула и полоса луга. Мы прибыли на речку Ло-тай, долина которой, известная своими каменноугольными копями, оказалась изрытой норками песчанки (Gerbillus opimus Licht.), самого распространенного и обыкновенного в южной Джунгарии грызуна.

Речкой Ло-тай начиналась с запада цепь оазисов, в административном отношении подчиненных цитайскому уездному начальнику и разграниченных небольшими пустошами, тоже когда-то бывшими под культурой, но теперь почему-то оставленными. Впрочем, на восток от Гучэна степь снова начинает преобладать, так что уже за селением Му-лэй китайские поселения встречаются не иначе, как отдельными хуторами, да и то разделенными обширными пространствами волнистой степи. Наиболее богатыми и плодородными участками этой части Бэй-лу следует считать западные оазисы — Джымысар и Сань-тай, хорошо орошенные и густо поросшие лесом. В особенности богат лесом оазис Сань-тай, который, как кажется, орошается арыками, выведенными из целого ряда речек, сбегающих сюда с Тяньшанского гребня; из них речка Ло-тай крайняя с запада, а Со-ца-хэ с востока.

В километре от речки Ло-тай мы натолкнулись на развалины не то города, не то буддийского монастыря, которые я, мало в то время знакомый с историей этого края, осмотрел, к сожалению, очень поверхностно.

Всего сильнее поразили меня в этих развалинах скученность и малые размеры построек и затем отсутствие стен — этой необходимой принадлежности каждого среднеазиатского города или монастыря. Лучше других зданий этого городища сохранилась миниатюрная кумирня, сложенная из сырцового кирпича и прочно оштукатуренная внутри; во внутреннем ее дворике, когда-то тоже выложенном кирпичом, сохранился даже жертвенник курений; но вообще в архитектурном отношении кумирня эта должна была представлять много отличного от современных нам буддийских кумирен как тибетского, так и китайского типов.

Об этих развалинах мы не могли собрать каких-либо сведений. Только один чань-тоу сообщил нам, что город этот в старину назывался Цин-хо-цюань, и что народ, его населявший, были язычники, имевшие обыкновение сжигать трупы своих мертвецов (т. е. буддисты?).

Цин-хо-цюань — название ничего нам не объясняющее, и если бы случайно не удержалось здесь другого названия — Ло-тай, мы были бы в затруднении определить эпоху существования этого городка.

Ло-тай, конечно, испорченное тюрками слово Лунь-тай, о котором упоминали в своих записках как Чань-чунь [25], так и известный монгольский сановник Елюй Чутай [26].

На юг от него высится трехглавый Богдо, который в таких красноречивых выражениях описывается Чань-чунем.

«Три пика вместе вонзаются в холода облаков! Окруженные падями и уступами, четыре отвеса высятся рядом! Снеговой хребет сопределен здесь небу, и никогда не достигнет его человек! Там озеро есть: в его ледяной (зеркальной?) поверхности отражается только солнце, простым же смертным оно почти недоступно (о нем есть поверье: если смотреться в него, то лишишься рассудка). Там утес есть, неприступный и крепкий: никогда гибельный меч не обрушится на того, кто сумеет укрепиться на нем. Там скопление вод: водой выступающих ниже источников орошаются яровые поля. Да, эта славная твердыня есть первая в Северных странах, и нет человека, который сумел бы изобразить ее на картине!».

Не правда ли, как это поэтическое описание Богдо-ола оправдывается всем тем, что нам уже известно об этой горе? А тогда, имеем ли мы еще основания сомневаться и в том, что расположенные к северу от нее развалины Цин-хо-цюаня представляют остатки Лунь-тая? Но если Цин-хо-цюань—древний Лунь-тай, то Бэй-тин или Бишбалык придется искать на восток от него — вывод, к которому мы придем и при обозрении других китайских источников.

Долину Ло-тай мы покинули 19 августа. За городищем Цин-хо-цюань потянулись уже более современные развалины фанз и пикетов, обязанные своим происхождением восстанию мусульман. Они тесно примыкали к маленькому, но чистенькому базарному местечку Сань-тай, населенному китайцами и таранчами. За Сань-таем потянулись сады, настоящие аллеи из мощных карагачей и изредка ив, но затем местность стала приобретать более пустынный характер, человеческое жилье снова сменилось развалинами, и мы, наконец, вышли в глинистую степь с чахлой растительностью. Ею шли долго, пока на горизонте не вырисовывались массивные стены старого Джымысара. Нам следовало обогнуть эти стены, чтобы добраться до высоких стен нового Джымысара, городка, не имеющего ныне ни торгового, ни стратегического значения и восстановленного из развалин, всего вероятнее, по традиции.

Предместье Джымысара — узкая улица, тесно застроенная заезжими танями, лавками и ларями — кишело оборванным людом, какого, конечно немало в каждом хоть сколько-нибудь значительном городке; но здесь его было что-то особенно много. Что за народ?! Оказалось, что это были солдаты, возвращаемые на родину. С трудом и не без обоюдных препирательств, выбравшись на простор, мы, не доходя до р. Да-лан-гу, свернули несколько в сторону и остановились на берегу крошечного ручья, поразившего нас громадным количеством бывшей в нем рыбы.

В Джымысаре нам сообщили, что из него имеется прямая дорога в урочище Гашун. Но известие это оказалось ложным. По крайней мере китаец, объявивший об этом и взявшийся нас туда проводить, оказался обманщиком. Тем не менее мы остались ему благодарны, так как это отступление в сторону от большого тракта дало нам возможность посетить любопытную местность.

Из Джымысара мы направились по пути к заштатному городку Ху-бао-цзэ, о котором нам говорили, как о древнейшем из городов южной Джунгарии. Дорога шла туда среди порослей карагача, тала и тополя. Самый городок оказался почти пустым, и все его население состояло из нескольких десятков солдат, которые с грехом пополам ютились в кое-где еще уцелевших лачужках; впрочем, его ворота были исправлены и, кажется, по традиции запирались на ночь. За городом находится пруд, образованный довольно широкой плотиной, перегораживающей ключевой лог; с краев он порос камышом, в котором держится множество водяной птицы: уток, куликов, Rallus aquaticus и Vanellus cristatus; стрелять в них, однако, мы не решились, так как вместе с дикой плавала здесь и домашняя птица. За плотиной мы очутились в прекрасной аллее старых карагачей, которая и повела нас среди пашен и хуторов (фанз). Дорогой мы то и дело пересекали арыки, переполненные мутной водой; но откуда была выведена последняя, так и осталось загадкой. «Далангу, Шалангу» — путались местные жители, причем оказывалось, что Далангу то восточная, то западная из двух рек близнецов, орошающих Джымысарский оазис. Километров пять мы шли возделанными полями, с которых весь почти хлеб был уже собран; затем попали в обширные заросли высокого камыша, которые шли еще километров на двенадцать и кончались в песчаной степи, поросшей тамариском и саксаулом. Здесь колесная дорога кончалась, разбившись на веерообразно расходящиеся колеи, пропадавшие в саксаульниках; очевидно, что сюда ездили только за лесом, что, впрочем, подтвердили и попавшиеся нам навстречу китайцы. Итак, приходилось возвращаться назад в Ху-бао-цзэ.

От Ху-бао-цзэ мы шли старой, давно заброшенной дорогой в Гучэн. Последняя пробегала безграничной степью, густо поросшей высокой травой — явление редкое в Центральной Азии и замечательное для южной Джунгарии. Конечно, в эту позднюю пору поверх всего в этой степи высились вначале чий, а затем камыши, но среди них мелькали и другие растения: полынь, еще бывшая в цвету Statice Gmelini, Cynanchum acutum и др. Кое-где эту степь пересекали лога и старые русла исчезнувших речек; в особенности хорошо сохранилось русло реки, направлявшейся к Ху-бао-цзэ, но куда делась вода этой последней — иссякла ли, перехвачена ли выше арыками — осталось нам неизвестным. На пятнадцатом километре мы заметили в стороне, на краю ключевого лога, развалины каких-то построек, на двадцатом, на берегу ключевой речки Шотун, фанзу, от которой ясно стали видны и стены маньчжурского города; мы находились, однако, все еще в трех километрах от Гучэна.

Не доходя до ключевого лога, через который к городу выстроен мост, мы остановились в километре от последнего, в местности, указанной нам нашим проводником, но оказавшейся в высшей степени несимпатичной: объеденный чий, поломанный бурьян, загаженная конским пометом земля, кочкарник и болотистые пространства кругом... Но по эту сторону города мы, действительно, ничего лучшего найти не могли, за крепостью же нам сулили еще худшую обстановку.

«В правление императора Юн-Чжэн, — пишут китайцы [27], — в восьми переходах от Баркюля на запад, для связи с прочими городами, основан был пост Гучэн, в котором и оставлен генерал с одной тысячью семейных маньчжуров».

Так как событие это относится к началу сороковых годов XVIII столетия, то давность существования этого города, если, конечно, мы отбросим всякую мысль о тождестве уйгурского Кушана с современным Гучэном, окажется незначительной. Тем не менее площадь окружающих его развалин, в совокупности с вновь отстроенными городами: маньчжурским, китайским и торговым, в общем довольно обширна.

Развалины, окружающие Гучэн, относятся, во-первых, ко времени дунганского восстания, во-вторых, к такому периоду, о котором у современных жителей не сохранилось преданий. Это по преимуществу те остатки стен и зданий, в большинстве же случаев бесформенные массы глины, которые виднеются к северу от дороги. К новейшим развалинам следует отнести «Старый город» (Лао-чэн) и маньчжурский импань, взятый и разрушенный кучасцем Айдын-ходжею.

Из всех развалин частью восстановлен только Лао-чэн, в котором в настоящее время главнейшим образом селятся таранчи, как местные аборигены, так и новейшие выходцы из Турфана. Эта-то восстановленная часть Лао-чэна, примыкающая к большой дороге и представляющая два ряда ларей и лавок, и составляет предместье города, по преимуществу его торговую часть. Стены, окружающие его, совсем разрушены, ворота еле держатся, тем не менее они аккуратно запираются к 9 часам вечера — обстоятельство, заставившее местное население проложить себе объездной путь в это предместье, поперек разрушенных стен и развалин.

С восточной стороны в это предместье упирается китайский город, заново отстроенный в 1884 г.; но стены его выстроены были так плохо, что в наше время успели уже дать глубокие трещины, местами даже осыпались и вообще производили впечатление старой постройки. Они не особенно высоки и по форме представляют вытянутый прямоугольник с двумя воротами на западном и восточном концах. Главная его улица занята китайскими лавками, среди которых богатых нет вовсе; между тем мне говорили, что именно в Гучэне сосредоточены важнейшие склады китайских товаров. На эту улицу выходит и так называемый «конский базар», хотя, кроме лошадей, сюда на продажу ведут не только ишаков и каширов, но и крупный и мелкий рогатый скот и, наконец, как исключение — верблюдов. Впрочем, несмотря на то, что Гучэн ведет весьма обширную торговлю скотом, гуртовщики редко появляются на этом базаре. И это понятно, если принять в расчет поборы, взимаемые городом и казной (бадж) с торговли скотом. Вот некоторые цифры таких сборов:

	Городские бадж		В пользу маклера
Лошадь	1 цен	6% с продажной цены	1 цен
Кашир	»	6% » »	»
Бык	»	6% » »	»
Верблюд	»	6% » »	»
Осел	»	9% » »	»
Баран, коза	3 фына	1 цен с каждой головы	»
Ягненок	5 фынов	» » »	маклер получает только при оптовой продаже

Величина этих поборов получает тем большее значение, что цены на животных на гучэнском рынке вообще не особенно велики. Так в наше, например, время продавались: лошади молодые и крепкие, имеющие средний алюр, по 25—30 руб., верблюды по 35—40 руб., волы по 30—40 руб., бараны киргизской породы, отборные по 3—4 руб., средние по 2—3 руб. и т. д.

Кроме базаров, этот город вмещает еще: ямынь, помещение и канцелярию уездного начальника, казарму полицейских чинов, и, наконец, самую большую в Гучэне кумирню.

Бок-о-бок с Лао-чэном выстроен и маньчжурский импань. Этот импань рассчитан на четыре тысячи человек гарнизона, в действительности же в 1889 г. в нем содержалось: 240 человек легкой кавалерии, вооруженной холодным оружием (преимущественно бамбуковыми пиками), и 128 человек тяжелой кавалерии, вооруженной старыми немецкими пехотными пистонными ружьями с трехгранными штыками при них.

Пехотных частей не имеется вовсе в Гучэне, если не считать 120 человек полиции, подчиненной уездному начальнику, набранной из лиц различных национальностей и вооруженной очень плохими клинками (шашками).

В маньчжурском импане (мань-чене, т. е. в маньчжурском городе), кроме казарм, заново отстроены три кумирни, крошечный базар с двумя-тремя китайскими лавками, большой дом начальника маньчжурского гарнизона, конюшни и несколько фанз семейных маньчжуров.

Кроме ламоченского предместья, Гучэн имеет еще и другое, не обнесенное стенами, так называемый мусульманский квартал, расположенный в треугольнике между китайским городом, Лаочэном и арыком. Оно очень людно, постройки в нем тесны и скучены. Одна из них — дом ходжентского выходца, давно переселившегося в Китай, — служит приютом всех русско-подданных торговцев, на более или менее продолжительный срок приезжающих в этот город. На возвратном пути и мы воспользовались радушно нам здесь предложенным помещением.

Все три вышеупомянутые части Гучэна, вместе с только что описанным предместьем, едва насчитывают постоянных пять тысяч жителей, которые по национальностям, включая солдат, распределяются так: тысяча маньчжуров, около двух тысяч таранчей и столько же совокупно дунган и китайцев. Осенью, однако, Гучэн производит впечатление более многолюдного города, но причиной этому служит временный прилив сюда пришлого люда — барышников и торговцев — со всего восточного Притяньшанья, собирающихся сюда для расторжки бараньих гуртов, пригоняемых из-за Урунгу кызаями и киреями.

Окрестности Гучэна очень печальны: несколько тополей вдоль главного арыка у городского выезда, два-три карагача в хуторах к северо-западу от развалин старого города и это, пожалуй, и все по части древесной растительности. Пашен мало; зато всюду тянутся глинистые пространства, поросшие чием, или болота, образуемые множеством ключей, не имеющих стока. Ключевых балок здесь также немало, но днища их давно загажены и вытоптаны скотом, а самые ключи до такой степени загрязнены и забиты, что еле-еле сочатся, превращая ближайшие участки земли в липкие и отвратительные, зловонные массы грязи.

Гучэнская речка и арыки, проходящие по предместью, выведены из ключей, еще более обильных водой и находящихся километрах в трех к югу от города. Говорят, там попадаются обширные займища камышей, но видеть их нам не пришлось. Еще далее к югу тянется, будто бы, гоби, которая и упирается в предгорья снегового хребта. А к северу от Гучэна опять камыши, потом чий и, наконец, барханы песков.

Через эти-то пески мы и решились итти из Гучэна за дикими лошадьми, так не дававшимися нашему знаменитому здесь предшественнику Н. М. Пржевальскому.

* * *

Мы доживали последние летние дни, а потому, прежде чем приступить к описанию свыше чем полумесячной экскурсии нашей в глубь Джунгарской пустыни, постараемся сгруппировать все имеющиеся в нашем распоряжении данные для характеристики джунгарского лета.

В ночь на 24 августа термометр впервые показал ниже 0° — верный признак наступающей осени. Но приближение последней сказывалось давно, отражаясь особенно резко в мире растительном и животном.

Пожелтела степь, потемнели листья деревьев и местами уже переливали в желтый и бурый оттенки, и только берега речек, сазы и солонцы продолжали еще зеленеть, хотя уже и здесь цветущие растения попадались не часто. В мире животном приближение ее всего яснее сказывалось в подмечавшемся изо дня в день обеднении фауны видами. Правда, среди позвоночных, в Джунгарии вообще не особенно богатых своими представителями, однообразие это сказывалось не столь заметно, как среди, например, насекомых; тем не менее от нашего внимания не могло ускользнуть быстрое уменьшение, например, хищных птиц, могущее, как кажется, быть поставленным в связь с более скрытым образом жизни, которую стали вести в эту позднюю пору песчанки *, обилие коих вдоль Бэй-лу и вызывает громадное здесь скопление хищников. Из мира же насекомых всего сильнее сказывалось приближение осени на дневных бабочках и жуках. Последних, конечно, мы продолжали еще набирать во множестве, но эти сборы относились уже только к весьма немногим видам. Так, на обширном протяжении, мы находили все тех же Scarites satinus Dej., Calosoma sericeum F., Neodorcadion (nova species), Aphodius (nova species), Chrysochus aeneus Ball., Chrysochares asiaticus Pall., Deracanthus sp. (?), Cymindis picta Pall. и немногих других.

Итак, теплая пора проходила, и наступала осень, слишком короткая для того, чтобы представить постепенный переход от знойного лета к продолжительной и суровой джунгарской зиме.

В июне и июле, как припомнит читатель, мы находились в постоянном движении, то спускаясь в знойный культурный пояс Джунгарии, то взбираясь в субальпийскую зону Боро-хоро; в августе первые десять дней мы провели в горах Богдо-ола, другие десять дней на Бэй-лу. В зависимости от этого есть разница в моих метеорологических наблюдениях за сказанный промежуток времени: для августа они более полны и поучительны.

Для читателя должны быть ясны причины, вызвавшие такое различие.

---

* Со слов Н. М. Пржевальского, Е. А. Бихнер в «Научных результатах путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии» т. I, вып. 2, стр. 78, сообщает в общем довольно верно подмеченные черты из жизни этого юркого зверька. К ним мне остается добавить, что Gerbillus opimus Licht. питается не исключительно саксаулом, как это думает Н. М. Пржевальский, но и другими растениями: мы находили песчанок на глинистых буграх среди культурных земель, нередко по берегам речек, в ближайшем соседстве с коими не только не рос саксаул, но не было даже и мелких солянок: так, у речки Ло-тай мы нашли целую колонию этих песчанок на глинистом, совершенно голом бугре, окруженном мокрым лугом. Песчанка роет себе норы преимущественно в глинистых почвах, реже в песчаных (барханы между Гучэном и Гащуном). Замечательно, что Пржевальский почти в тех же местах, где мы находили только Gerbillus opimus Licht. встречал исключительно одних Gerbillus giganteus Büchner.

Ценность термометрических, как и всяких других подобных же наблюдений для данного места возрастает с их числом в течение дня, с их правильностью и продолжительностью их срока. Поэтому летучие наблюдения путешественников, не удовлетворяющие ни одному из этих условий, не могут служить базой для каких-нибудь точных выводов метеорологии и имеют значение преимущественно в качестве иллюстраций к описанию климатических особенностей страны, составленному на основании общих соображений, отрывочных данных и тому подобного мало надежного материала. Конечно, такое описание мало научно, но не бесцельно однако, так как все же знакомит нас с общими, хотя бы самыми резкими проявлениями климата описываемой страны. Но в качестве иллюстраций наблюдения эти имеют в том только случае цену, если относятся хотя бы в течение суток к одному пункту. Но что сказать о наблюдениях, веденных в таких условиях: утро в знойной Джунгарии, вечер на высоте 2 700 м абсолютного поднятия; или еще: утро на высоте 1 525—1 825 м, полдень в культурной полосе, вечер и ночь опять в субальпийской зоне? А именно в таких-то условиях мы и провели почти весь июнь и июль месяцы.

Низшая температура, которую нам пришлось наблюдать до 23 августа, была 4° С (в 4 часа утра 15 июня в урочище Богусзуслун, на абс. выс. 9 390 футов (2 862 м), и в четыре же часа утра 23 августа в Гучэне); высшая 30°,5 (в 1 час пополудни 27 июля в Урумчи). Наивысшая ночная температура, наблюдавшаяся нами, равнялась 23° (12 часов ночи 9 июня в урочище Толи), наивысшая утренняя 19° 5(4 часа утра 10 июня в урочище Толи и в 3 часа утра 26 июля в г. Урумчи); низшая полуденная вообще ни разу не спускалась ниже 19—20°, зато эта последняя цифра наблюдалась неоднократно.

При сравнении, за те же часы, температуры культурного пояса на Бэй-лу с температурой в горах на высоте, большей 2 100 м, оказывается разница в 8—10° в пользу низин; конечно, вывод этот лишь приблизительный, так как в основание его легли неодновременные наблюдения. На размер суточных амплитуд влияет, конечно, состояние неба: при большой облачности амплитуды короче, при ясном небе длиннее. Самую большую амплитуду наблюдали мы в конце августа в урочище Гашун (30°,5).

В горах на высоте больше 1 525 м безоблачные дни наблюдались как редкость, ясных до 25%, облачных до 40% и дождливых до 30%; из них четыре раза моросило в течение целых суток и одиннадцать раз дождь шел в течение неполных суток, иногда всего только час или даже и того менее. Гроза была дважды, град выпадал также два только раза, снег в надальпийской зоне выпадал три раза.

Ниже 1 525 м из 29 дней только четыре было дождливых, причем не лишне заметить, что количество выпадавшей при этом влаги было совсем ничтожно. Гроза наблюдалась всего один раз.

Сильных и притом продолжительных ветров мы не наблюдали; сильные же порывы ветра, иногда, как ураган, налетавшие на наш бивуак, случались не раз. Из ветров преобладали ветры западные, хотя в горах и не всегда возможно было уловить их направление; зачастую казалось, что со всех сторон дует, и в таких случаях как, бывало, ни расположишь юрту, все окажется она дверьми против ветра.

Суммируя все вышесказанное, казалось бы, джунгарскому лету можно дать следующую характеристику.

В джунгарской равнине зной, бесконечный горизонт *, ясное небо и тишь; только по утрам и после заката слабо дуют периодические ветры от гор и к горам (бризы). Иногда тучи налетают с бурей, и тогда температура воздуха вдруг понижается на десяток и более градусов; но вообще дождь — явление редкое в южной Джунгарии; к тому же он выпадает всегда в ничтожном количестве: выглянет солнце, и опять все сухо кругом. Часты лишь пыльные вихри, свободно разгуливающие по всему необъятному простору Джунгарской пустыни. Положение южной Джунгарии в центре Азиатского материка и широта, соответствующая широте Крыма, казалось бы, должны были вызвать в ней самые резкие колебания температуры дня и ночи; между тем в течение летних месяцев этого здесь вовсе не замечалось, и только уже в конце августа стали обнаруживаться скачки от 30° дневного тепла к ночным морозам.

В горах выше 1 800 м дождей больше; безоблачного неба почти не бывает; ветры сильнее и хотя и дуют по всем румбам, но западные все же заметно преобладают. В солнечные дни дневная температура не подымается выше 25° С в тени, ночи холодные; выше 2 100 м росы становятся обычным явлением.

Вообще в горах холодно, и мы не раз вынуждены были прибегать к своим полушубкам.

---

* Пыльная атмосфера в Южной Джунгарии, повидимому, явление исключительное. Этим, вероятно, объясняется отсутствие лёссовых толщ, вообще типического лёсса в Джунгарии, где преимущественным распространением пользуются каменистые степи и где глинисто-песчаный и глинисто-солончаковый пояс занимают лишь неширокую полосу вдоль Бэй-лу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ ДЖУНГАРИЮ ЗА ДИКИМИ ЛОШАДЬМИ

Н. М. Пржевальскому не суждено было познакомиться с дикою лошадью (Equus przewalskii Poljakow), этим интереснейшим из животных Центральной Азии. Сообщаемые им сведения о некоторых повадках ее [28], не вполне, как это мы ниже увидим, согласные с тем, что нам самим пришлось наблюдать, дают даже повод думать — не хуланов ли он принял за лошадей.

Что это не невозможно и что это ни в каком случае не может быть поставлено в упрек знаменитому исследователю Центральной Азии, явствует уже из того, что даже местные охотники — киргизы и турфанлыки — на дальнем расстоянии не берутся различить этих животных. Мало того, Equus przewalskii всей фигурой своей, мастью и ростом так напоминает хулана, что даже на близком расстоянии ее легко принять за последнего; да китайцы, а вместе с ними, как кажется, и киргизы, вообще же весь пришлый в Джунгарию элемент ее населения, и в действительности не различают их между собой.

Пржевальский замечает: «киргизы называют дикую лошадь кёртагом (а не кэртагом); суртагом же зовут джигетая (Asinus hemionus Pall.)». Это не совсем так.

Слова «кер» и «сур» — названия мастей. «Кер» значит мухортая, подвласая, иначе каурая, с большими беловатыми подпалинами. Когда масть темнее, когда навис исчерна-серый и стан издали кажется мышасто-пегим, киргизы зовут ее «сур». Таким образом и сур-тагом и кер-тагом могут быть как виды Asinus, так и дикая лошадь; хотя, действительно, Asinus onager и Equus przewalskii преимущественно кер-таги, а Asinus hemionus — сур-таги.

Китайцы всех Asinus и Equus przewalskii безразлично называют «ие-ма» или «я-ма», что значит — дикая лошадь; турфанцы Equus przewalskii называют «яуват» или «такы», но как называют они диких ослов — осталось мне неизвестным; наконец, монголы, называющие Asinus onager — хулан, имеют особое название и для дикой лошади — «такы гурасын». Таким образом, из всех народов Центральной Азии едва ли не у одних только западных монголов (торгоутов) и некоторых алтайских племен существуют различные наименования для этих животных. Не доказывает ли это, что дикая лошадь уже в исторический период не заходила за пределы современного своего распространения и что из всех кочевников Центральной Азии только западных монголов (ӭлётов) можно было бы отнести к коренным обитателям Джунгарии? Отсюда же явствует, что и все летописные сказания о существовании диких лошадей в Да-цзи и остальной Гоби относятся не к ним, а к диким ослам, населяющим и ныне все эти местности.

Как бы то ни было, все же нам первым из европейцев пришлось в действительности наблюдать, охотиться и бить этих животных. Описание этой охоты, живо написанное моим братом[29], читатель найдет ниже; теперь же я предпосылаю ему короткий обзор пройденного пути, в особенности песков, широкой полосой залегающих к северу от Гучэна.

В Гучэне от гуртовщиков-киргизов мы получили точные указания местности, где имеют обыкновение осенью держаться дикие лошади: «От Ачик-су (урочище Гашун) на восток до Сиджира — вот, где вам следует их искать», — говорили они. И мы не замедлили воспользоваться их указаниями; по их же совету мы пригласили в проводники Сарымсака, илийского уроженца, вдоль и поперек исходившего Джунгарию и восточное Притяньшанье и хорошо знакомого с гашунской дорогой. Кроме Сарымсака, к нам присоединился и некий мулла * — записной охотник и хороший стрелок, прельщенный высокой премией, обещанной нами за каждую убитую им дикую лошадь.

От Гучэна до Гашуна, по нашим соображениям, было всего около 64 км. Пройти это пространство с вьюком в один прием было трудно; а потому было решено: днем подойти к пескам, где было небольшое китайское поселье Бэй-дао-цао, тут покормить лошадей, сварить обед и, выступивши около 7 часов вечера, пройти пески ночью.

Сдав на хранение гучэнскому аксакалу бо́льшую часть нашего багажа, мы 23 августа тронулись в путь налегке и, пройдя город, за бугром, у которого дорога разделяется на-двое, вышли в степь. Перед нами развернулась выжженная солнцем равнина, уходившая в бесконечную даль и местами поросшая низкорослым камышом и чием, отдельные высокие экземпляры которого, раскинувшие наподобие дикообраза свои жесткие стебли, мелькали с обеих сторон от дороги. Этою степью до селения Бэй-дао-цао было не более двадцати километров. Бэй-дао-цао состоит из десятка дворов, имеет в центре крошечную кумирню и окружено пашнями и садами, получающими воду из соседних ключей. Монголы называют его Бутунь-цоджи.

Хотя в дальнейший путь мы стали собираться и засветло, но, пока вьючились, успело уже настолько стемнеть, что только опытный глаз Сарымсака мог еще различить дорогу; он и повел нас какими-то, ему одному ведомыми, зигзагами сперва среди камышей, беспокойно шелестевших от засвежевшего вечернего ветерка, а затем среди высоких холмов, довольно густо обросших темными массами каких-то кустарников. Это были барханы песку, поросшие здесь, как мы это заметили на обратном пути, гребенщиком (Tamarix), саксаулом (Haloxylon ammodendron), терескеном (Eurotia ceratoides) и некоторыми солянками, а в падях — пустынным тополем (Populus diversifolia) и камышом.

До нас этой дорогой проходил М. В. Певцов, и то, что он сообщает об этих песках, заслуживает особенного внимания. Песчаные, продолговатые бугры пустыни Гурбун-тунгут, — говорит он,—имеют вид кряжей, направляющихся преимущественно с северо-запада на юго-восток и часто сочленяющихся между собой второстепенными ветвями, образуя таким образом почти везде по дороге полуэллипсоидальной формы котловины, обращенные своими вершинами к северо-западу. Происхождение этих песчаных кряжей следует, как кажется, приписать выветрившимся тут же на месте невысоким гранитным кряжам, так как в котловинах изредка встречаются плитообразные обнажения желтого гранита. Эти обнажения в некоторых местах простираются до 45,5 кв. м, представляя собой плоские каменные твердыни, о которые звонко ударялись подковы лошадей, производя ночью искры. Весьма вероятно, что остовом наиболее высоких барханов с столь правильным простиранием служат остатки выветрившихся гранитных хребтов, покрытых прежде всего хрящом, потом дресвою и, наконец, сыпучим чистым кварцевым песком, от них же происшедшим и послужившим впоследствии могилою этим уже отжившим свое время остаткам[30].

Несомненно, что местность между Бэй-дао-цао и Гашуном представляет занесенную песками гряду, имеющую то же простирание, что и остальные хребты этой части Джунгарии. Но едва ли существует достаточно оснований считать эти пески за результат выветривания подстилающих их гранитов. В самом деле, условия их образования, казалось, должны были бы быть совершенно одинаковы как здесь, так и в горах Намейчю, в сложении коих, по словам того же путешественника, принимает столь видное участие сходный с гурбун-тунгутским желтый гранит, и, однако, сколько-нибудь значительных скоплений песка там не было обнаружено.

Сводя все то, что нам известно об орографическом и геоло-

---

* Так называют тюрки Восточного Туркестана каждого грамотного человека.

гическом строении внутренней Джунгарии, нельзя не притти к тому заключению, что в третичную эпоху она не представляла одного обширного водного бассейна, а распадалась на ряд внутренних морей, соединенных протоками. Западное и в то же время самое обширное из этих морей, остатком коего служит в настоящее время Эби-нор, заканчивалось к востоку двумя узкими заливами, разделенными Гурбун-тунгутской грядой. Южный из этих заливов омывал Баркюльское плоскогорье, северный же (Бортень-гоби) нешироким протоком соединялся с восточным морем, точнее, с заливом последнего, если только обе водные поверхности существовали одновременно, в чем, однако, нельзя не выразить некоторых сомнений ввиду нижеследующих соображений.

К востоку от меридиана Баркюля распространены красные, так называемые ханьхайские отложения, непосредственно выступающие на поверхность; к западу же от Гучэна подобных отложений обнаружено не было ни мною, ни другими исследователями Джунгарии [31]. Правда, к северу от Гашуна тянется, по словам М. В. Певцова, плоская возвышенность, состоящая из слоистой желтовато-розовой глины с прослойками и желваками пепельно-голубой глины [32], но глины эти ни в каком случае нельзя отождествить с ханьхайскими отложениями, а потому, если последние где и существуют в Эби-норской впадине, то остаются скрытыми под наносами позднейшей эпохи.

Как бы то ни было, но несомненно одно: Гурбун-тунгутская гряда узким мысом вдавалась некогда в самую мелкую часть Западно-Джунгарского моря, а потому, очень вероятно, служила и местом отложения дюнных песков. Что именно таково происхождение гурбун-тунгутских песков, явствует уже из того обстоятельства, что в составе его принимают участие, кроме кварца и полевого шпата, и другие горные породы, главнейшим же образом: кремний, кремнистый сланец, зеленый филлит, хлоритовый диабаз, плотные песчаники и другие, которые к тому же попадаются не только в виде зерен, но зачастую и в форме окатанной гальки.

Сделав это необходимое отступление, я перехожу теперь к прерванному рассказу, придерживаясь, по возможности, текста моего брата.

Вскоре взошла луна и своим слабым светом осветила окрестности. На тропинке, по которой мы шли, песок был неглубок; нога тонула всего сантиметров на шесть, тем не менее итти было трудно, и лошади утомлялись.

Флора песков оставалась все та же: по высоким барханам виднелись густые поросли гребенщика (Tamarix sp.) и саксаула, в падях же попрежнему росли камыш и солянки. Местность все повышалась, песок становился крупнее, попадались площадки, на которых копыта лошадей стучали так, точно по городской мостовой. Но вот часы показывают без пяти девять.

«Вьюки, стой!».

Предупрежденные люди спешат развьючить двух лошадей, на которых идут ягтаны с хронометрами. Через 5—6 минут хронометры заведены, и мы снова двигаемся в путь.

Подул свежий ветерок, люди оделись в шинели. К полуночи холод настолько усилился, что казаки один за другим стали слезать с лошадей, чтобы пройтись пешком и разогреть закоченевшие ноги.

Ночные переходы всегда тяжелы, но теперешний казался особенно утомительным: ни люди, ни лошади не успели порядком отдохнуть от дневного перехода по жаре в 30° слишком; а тут приходилось делать второй переход по крайне тяжелой дороге, к тому же при холодном северо-восточном ветре, понизившем температуру до 0°. Люди стали кутаться крепче, надели полушубки и нередко поклевывали носами.

Прошло еще часа два. Наше намерение было — пройти до половины дороги (это рассчитывали мы сделать в 5—6 часов), тут, у колодца Гурбан-кудук, покормить лошадей и, отдохнув часа четыре, двинуться далее. Но вот уже четвертый час ночи, а проводник все ведет и ведет вперед караван. По всей вероятности, в темноте он пропустил колодец, так как половина пути, по расчету, должна была уже быть давно пройдена.

Поговорив с братом, мы решили остановиться на отдых. Да и пора было: караван как-то замер в своем движении, лошади машинально передвигали ногами, а люди спали в седлах. Приказа остановиться, казалось, только и ждали; в одно мгновение вьюки были развьючены и брошены как попало; лошади сведены в кучу. Воды не было: проводник не знал, в какой стороне остался колодец. Каждый выбрал себе место по вкусу и улегся отдыхать, стараясь укрыться от ветра.

Но сон был не долог.

При свете зари оказалось, что мы ночевали далеко пройдя колодец и находились на высшей точке песчаной возвышенности. Гряда, на которой мы стояли теперь, значительно возвышалась и над Гучэном, и над Гашуном; роскошный вид открывался с нее на север и юг. Сквозь дымку зари блестели снеговые вершины Тянь-шаня, облитые золотым пурпуром восходящего солнца, подошвы же этих великанов тонули в волнах утреннего тумана. Далеко-далеко на севере смутно вырисовывались неясные очертания Алтая, затем выступали гладкие, точно облитые водою, вершины Байтык-богдо, а ближе к нам на огромном пространстве зеленели камыши урочища Гашун.

Растительность стала и гуще, и разнообразнее, чем в первой половине пути: местами чий составлял густые заросли, а встречались и участки, сплошь заросшие камышом, в ямках же густо росли солянковые растения. Бугры были изрыты грызунами, которые при нашем приближении издавали писк и быстро скрывались в норках. Нам удалось, однако, подкараулить и убить из них несколько штук, которые и оказались уже попадавшимися нам раньше песчанками (Gerbillus opimus).

С восходом солнца засуетилось и пернатое царство: выскочил откуда-то чеккан (Saxicola isabellina Cretzsch и S. deserti Tenn.), чирикнул пустынный воробей (Passer stoliczkae Hume?), и какой-то хищник быстро пронесся, не дав даже времени вскинуть ружье. Но вот раздалось знакомое карканье, кончавшееся трелью «ррр...», и со свистом пронеслась на водопой большая стая пустынных куропаток (Syrrhaptes paradoxus), за ней вторая, третья, спеша туда же, куда спешили и мы, т. е. к ключам Гашуна.

Около полудня мы вышли на поляну у пикета Хазэ, в котором содержалось несколько китайских солдат для прогона на верблюдах казенных пакетов; тут мы напились довольно скверной соленой воды. Пройдя еще три километра, наш караван остановился у солонцеватых озер Ачик-су, среди зеленой лужайки, как раз там, где водяной сток круто заворачивает с востока на север. Расставив юрты и отдохнув, мы взялись за приготовления к охоте и осмотр окрестностей, что заняло у нас все время до вечера.

В общем, местность представляла следующую картину. Около главного лога, тянувшегося с востока, местность была довольно ровная и к югу, до самых песков, покрыта кормовою травою; на этом пространстве в двух местах находились ключи, которые орошали вышеуказанное пространство. Далее к востоку, в километре от нашей стоянки, виднелось озерко весьма хорошей воды. Это была последняя вода: еще далее километра на три лог был сух и блестел кристаллами соли. Солончаковое русло, изогнувшись немного к югу, снова поворачивало на восток и входило в долину, шириною около трех километров; почва ее была до крайности слаба, так что нога, пробив верхнюю тонкую кору, проваливалась до щиколотки в глинистую порошкообразную массу. Края долины представляли несколько волнистую и твердую поверхность, покрытую крупной галькой, а местами и надутым песком; километров в 15—18 эти края смыкались и, подымаясь, уходили к юго-востоку. К северу от нашей стоянки долина была узка, русло образовывало около пятнадцати озерков, вытянутых в одну линию; тут, в густо поросших камышом лужах, находила себе приют и всевозможная водяная птица. За исключением мест, прилегающих к ключам, все пространство было удобопроходимо; покрытое порослями тамариска, камышом, а местами и тугραками (Populus diversifolia), оно представляло

довольно ровную степь, раскинувшуюся приблизительно на 68 кв. км. Степь эту мы изъездили во время поисков лошадей и вдоль и поперек. Особенность степи, которая резко бросалась в глаза, заключалась в том, что вся местность была изрезана тропинками, пробитыми животными. В промежутках и по краям тропинок следов не было заметно; местами они уширялись и образовывали как бы площадку, посреди которой лежала обыкновенно масса помета, будто нарочно собранного в пирамидальную кучу. По следам на тропинках мы не могли определить положительно, принадлежат ли они хуланам или лошадям, а равно трудно было сказать, откуда приходят животные. Поэтому мулла посоветовал нам занять линию между крайним восточным и северным озерами.

Задолго до восхода солнца, пишет мой брат далее, часов около двух ночи, мы, в числе десяти человек, вышли из лагеря и без шума пробрались к заранее выбранным местам. С напряженным вниманием вглядывался я вдаль, прислушиваясь к малейшему шороху; но все было спокойно. Изредка только раздавался писк какого-то мышонка или свист пустынного зайца (Lepus tolai). Сидеть было холодно, а мертвая тишина вокруг и слабое лунное освещение располагали к дремоте; мысли путались; чувствовалось, что засыпаешь.

На востоке заалела заря. Что-то стукнуло невдалеке... Это шла антилопа кара-куйрюк. За ней, осторожно ступая, вышла из-за куста вторая, там третья. Грациозные животные скользили как тени, чутко ко всему прислушиваясь. Они остановились недалеко, всего шагах в восьмидесяти, но стрелять было нельзя: по словам муллы, лошади боязливы и при малейшем подозрительном шуме уносятся с быстротою ветра, возвращаясь снова на водопой не ранее двух-трех дней. Почти то же писал о лошадях и Н. М. Пржевальский. Поэтому всем было воспрещено стрелять по чему бы то ни было, за исключением лошадей; мне тоже поневоле оставалось только любоваться милыми антилопами, которые на ходу пощипывали травку. Маленький козлик резвился около матери: то становился на дыбки и прыгал вверх, то, разбежавшись, выгибал шею и ударял безрогою головкой в грудь матери. Ружье, лежавшее у меня на коленях, скользнуло и ударило в ствол куста, за которым я сидел. Ветер был на меня; поэтому животные не почуяли, но все же, недоверчиво озираясь, побежали рысцой по направлению к ключам, скрываясь в туманной дали.

Солнце взошло, было шесть часов утра. Охотники стали один за другим подниматься из-за кустов, расправляя замлевшие члены. Мы собрались. Никто не видал лошадей. Только один казак стал нас уверять, что видел какого-то странного зверя, ни на что не похожего.

Трудно было составить себе понятие по этому рассказу, что за зверя видел наш молодец. Ясно было только, что за туманом он не разобрал его толком. Так животное это и осталось бы для нас загадкой. Однако, дней через шесть выяснилось, что то была антилопа сайга, или, по-местному — бургак. Казаки встретили ее в одну из дневных поездок за лошадьми — километрах в двадцати от лагеря. Оригинальное сложение этого животного, до сих пор никем из наших людей не виданного, даже и днем навело сомнение на казаков. Большинство предположило, что это должен быть больной волк; другие же — что отставший захудалый баран. Во всяком случае люди решили, что по такой падали стрелять не стоит, и упустили зверя.

На следующую ночь охота возобновилась. Охотники разошлись группами по озерам, но и эта ночь была неудачна. Однако мы не унывали. Осматривая днем водопои и тропинки, мы убедились, что лошади приходили на водопой уже после того, как были покинуты нами засадки. Подошли они с подветренной стороны, откуда мы их и не ждали. Это открытие так порадовало нас, что мы еле дождались третьей ночи. Я с Иваном Комаровым и Андреем Глаголевым заняли место около крайнего восточного озера, другие же уселись группами у северных озер. В девять часов вечера все были на местах. Выбрав себе засадку спиною к озеру перед большими зарослями, я вырезал все лишние ветки, мешавшие движениям и стрельбе. С трех сторон меня окружал высокий кустарник, и только слева была широкая долина лога, вся блестевшая от кристаллов соли; с этой стороны я ожидал лошадей. Вечер был теплый и ясный, то и дело прилетали к воде какие-то пташки; слышно было, как они шлепались в воду озерка. Пищали болотные кулики. Но по мере сгущения сумерек все затихало. Где-то недалеко пролетел громадный сыч, оглашая воздух своим замогильным криком, последним среди засыпавшей природы. Но вот послышался шорох, и по тени, скользнувшей по белой пелене лога, я узнал тихо кравшегося к воде волка.

Луна поднималась все выше и выше. Жутко было сидеть одному среди потонувших во мраке зарослей: в кустах я не мог ничего рассмотреть, не помогли и расчищенные между ними пространства. Вдруг почти над ухом позади меня раздался какой-то храп, похожий на хрюканье кабана. Мороз побежал по коже, и я, сжав в руках штуцер, стал тихо поворачиваться в сторону слышанного звука, стараясь разглядеть сквозь кусты тамариска нарушившего ночной покой. Напрасно! Все было покойно, ни одна вершинка кустов, резко выделявшихся на фоне чистого неба, не колебалась. Прошло минут пятнадцать — такой же храп, но подальше, раздался со стороны, откуда я только что отвернулся. Звук был настолько странен, что я терялся в догадках.

Так продолжалось около часу; хрюканье слышно было то ближе, то дальше. Вдруг где-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржание. Сердце радостно забилось.

«Верно пройдут мимо моей засадки», — я уселся получше.

Но время шло, ноги совсем одеревенели, а лошадей нет как нет, и ни шороха, ни звука. Прошло не менее часа томительного ожидания... Резко щелкнул на озере выстрел, и жалобный звук летевшей пули донесся до меня.

«Экая мерзость — промахнулся!» — чуть не вслух проговорил я.

Но вот второй, третий удаляющиеся выстрелы.

«Надо спешить: верно ранил и преследует».

Я выскочил из засадки, бросился к озеру и тут же наткнулся на двух казаков.

— В кого стреляли?

— Да вот, ваше благородие, в лошадей.

— Ну, а сейчас?

— Да в них же, вот они стоят.

Действительно, в трехстах шагах в указанном направлении, вытянувшись в линию, стояло семь лошадей. При свете луны они казались, как снег, белыми и стояли, не шевелясь.

— Надо к ним красться, а стрелять тут далеко.

— Да, ваше благородие, мы и то пробовали, да жеребец их уводит. Он прячется вот тут за кустом и за нами смотрит; чуть двинемся, он сейчас начнет чертить кругом и уведет табун.

— Стойте здесь, а я попробую.

И с этими словами я опустился на колени и на четвереньках пополз к табуну. Не успел я отползти и шестидесяти шагов, как с фырканьем и храпом вылетел из кустов жеребец. Казалось, это сказочная лошадь — так хорош был дикарь! Описав крутую дугу около меня, он поднялся на-дыбы, как бы желая своим свирепым видом и храпом испугать врага. Клубы пара валили из его ноздрей. Вероятно, ветер был неблагоприятный, и он меня почуял, потому что, вдруг опустившись на все четыре ноги, он снова пронесся карьером мимо меня и остановился с подветренной стороны. Тут, поднявшись на-дыбы, он с силой втянул воздух и, фыркнув, как-то визгливо заржал. Табун, стоявший цугом, мордами к нам, как по команде, повернулся кругом (причем лошадь, бывшая в голове, снова перебежала вперед) и рысью помчался от озера. Жеребец, дав отбежать табуну шагов на двести, последовал за ним, то и дело описывая направо и налево дуги, становясь на-дыбы и фыркая.

Расспросив казаков, как подошел к озеру табун, я узнал следующее. Около одиннадцати часов вечера казаки услышали шорох между мной и их засадками, потом раздался храп. Ветер был от меня к ним, поэтому они ясно слышали, что происходило в моей стороне. Жеребец, почуяв опасность, обходил мою засадку то с одной, то с другой стороны. Точно определив мое положение, он тихо удалился в сторону песков, где и раздалось, вероятно, призывное его ржание. Далеко к востоку обойдя меня и наше озеро, табун тихо приближался к нему с севера. Когда казаки заметили лошадей, жеребец шел впереди, а за ним шагах в ста табун. Почти без шума подошел жеребец к воде и стал пить. Он стоял не далее сорока шагов от Комарова и пил, оборотясь мордой к нему. Слабый стук взведенной пружины заставил лошадь приподнять голову. Казак целил в лоб, но, при всем желании, в темноте не мог найти мушку, хотя около нее и была привязана полоска бумаги. Последовал промах. Жеребец бросился к табуну и, отогнав его шагов на триста, стал шагах в ста от засадки казака. По нем-то и продолжали стрелять без успеха Комаров и Глаголев.

Наши ночные сидения на озерах продолжались еще дня три, но без удачи. Лошади подходили шагов на двести, но более приближаться не решались. Бедные животные, лишившись необходимого питья, выбивали ногами в сырых местах ямки и пили накоплявшуюся там воду.

Пришлось нам увидеть и днем этих жителей пустыни. На шестой день нашего пребывания в Гашуне прибежал дежурный казак из нашего табуна и сообщил, что километрах в трех ходят дикие лошади. Мы решили объехать табун со стороны песков. Показавшись там лошадям, этим заставить их войти в восточный рукав, где на тропах и должны были поджидать табун пешие охотники. Сказано — сделано. Поднявшись на маленький холмик, я увидал лошадей, которые спокойно паслись около песков. Ориентировавшись, я с двумя охотниками отправился к узкому месту восточного рукава, а остальные, сев на лошадей, стали объезжать табун, забирая сильно на запад.

Не успели мы занять нашей позиции, как услыхали выстрел. Очевидно, наш план был разрушен. Действительно, табунчик был обойден легко, но когда люди вышли к нему, то лошади стали двигаться параллельно цепи, стараясь прорвать ее, и налетели на казака Петра Колотовкина. Неожиданность так озадачила его, что наш перворазрядный стрелок дал промах в тридцати шагах. К довершению неудачи за мчавшимся табуном поскакала и его лошадь. Бывшие близко люди погнались за беглянкой и поймали ее только потому, что она не могла поспеть за табуном.

Интересно было видеть при этом поведение жеребца. Почуяв что-то недоброе, он фырканьем дал знать табуну; лошади мгновенно выстроились гуськом, имея впереди молодого жеребца, а жеребят посредине, между кобыл. Пока табун шел, имея сбоку охотников, жеребец держался с той же стороны, направляя табун

то голосом, то ударами копыт на избранный им путь. Когда лошади прошли сквозь цепь охотников, и за ними следом помчались люди, стараясь отбить серка, увязавшегося за табуном, жеребец стал в арьергарде. Забавно было видеть, как он понукал маленького жеребенка, который не мог поспеть за всеми на своих слабых ножках. Сперва, когда жеребенок начал отставать, кобыла старалась его подбодрить тихим ржанием, но, видя, что ничего не помогает, она отделилась от табуна, не желая, повидимому, бросать своего детища. Однако жеребец не допустил подобного беспорядка: сильно лягнув кобылу два раза, он заставил ее догнать табун, а сам принял попечение о жеребенке. Он то подталкивал его мордой, то тащил, ухвативши за холку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь в воздух.

Поймав серка, казаки вернулись в лагерь. Всем было досадно. И лошадей-то видели недалеко, и совсем они не такие недоступные, как о том нам рассказывали, а все неудачи. Причина их очевидно заключалась в том, что люди не освоились еще с охотой и терялись, когда приходилось стрелять. Мы себе составили совсем превратное понятие об осторожности диких лошадей. Это обстоятельство на три четверти уменьшало успех охоты. Мы оказывались то чересчур осторожными, когда этого вовсе не требовалось, то наоборот. Насколько дикие лошади осторожны ночью, настолько они сравнительно беспечны днем; но зато днем лошади так хорошо маскируются, что нередко, преследуя табун в 300—400 шагах, мы совсем теряли его из виду и находили только по следу.

Хорошая до того времени погода вдруг изменилась: шел даже дождь. С наступлением непогоды перестали появляться около озера и лошади. Это обстоятельство взволновало нас. Явился вопрос — совсем ли покинул табун, напуганный нашим постоянным присутствием, это урочище или только временно? Ведь лошадям, вследствие дождливой погоды, не было необходимости приходить к постоянному водопою: теперь везде была вода! Прошло два дня, небо прояснело. Мы решили перекочевать далее на восток, к соседним ключам, где была еще надежда встретиться с дикими лошадьми. К тому же нам говорили, что там вода лучше, гашунская же оказывалась крайне вредной для наших караванных животных.

И вот, часов в семь вечера, я с двумя казаками и проводником покинул лагерь. Не успели мы проехать и двенадцати километров, как впереди нас раздался храп. Оказалось, мы встретились как раз с табуном, который шел на водопой по той же тропинке, но с противоположной стороны. Почуяв нас, вожак храпом известил лошадей; те мигом повернули назад и, отбежав шагов на триста, стали. Казаки спешились и стали пробираться к табуну, где ползком, где прикрываясь кустами; я остался наблюдать и держал лошадей. Жеребец то уходил в кусты, то снова появлялся, мечась из стороны в сторону. Наконец, сообразив опасность, он перебежал на тропинку, параллельную нашей и находившуюся шагах в четырехстах, и ржанием позвал к себе табун. Лошади мигом перебежали к нему и крупною рысью направились мимо нас к Гашуну. Казаки возвратились, ругая бдительность жеребца, и мы повернули домой. На общем совете решено было — вперед ключей на ночь не занимать, а стараться подойти к табуну днем, а также дать лошадям день отдыха, чтобы усыпить их бдительность.

Наконец, наши старания увенчались успехом! Это было 1 сентября — день, который навсегда врезался у меня в памяти. В четыре часа утра дежурный казак разбудил нас и сообщил, что табун опять гуляет на прежнем месте около песков. Зная, что лошади около пяти часов начинают двигаться с пастбища в пустыню, мы живо собрались, и не прошло и получаса, как все были на конях. Двое казаков были назначены в обход табуну, остальные должны были вытянуть цепь и загородить проход в восточный рукав. До места мы ехали рысью, казаки изредка останавливались и, став на седла, высматривали, на месте ли табун. Сойдя с лошадей и спутав их, мы осторожно вытянулись линией, заняв пространство около двух километров, и каждый по своему усмотрению стал красться к табуну. Каково же было наше удивление, когда, подойдя к кустам, около которых должны были быть лошади, мы увидели, что их и след простыл.

Вглядываясь в даль, мы заметили тихо двигавшийся табун уже на первых грядах песчаной полосы, километрах в двух от нас. Очевидно, лошадей мы не испугали, иначе слышали бы их тревожное фырканье; способность их ассимилироваться с окружающей природой дала им возможность пройти мимо нас незамеченными. Неудача и этой охоты произвела на меня крайне тягостное впечатление. Не рассчитывая, чтобы погода оставалась и на завтра ясною, я решился один попробовать счастья; а именно, отыскав след табуна, увязаться за ним и нагнать его на отдыхе.

Предоставив людям продолжать охоту по своему усмотрению, я повернул прямо в восточный рукав в том предположении, что ушедший в пески табун сделает дугу и пересечет мною избранное направление. Отъехав километра три, я услышал за собою шум; оглядываюсь — вижу брата.

Очевидно, нами руководила одна и та же мысль, и оба мы одинаково досадовали на неудачи.

Я тщательно всматривался в следы по краям тропинки, пробитой дикими лошадьми, как вдруг увидал маленький следок жеребенка, который шел одиноко, пересекая нашу тропу. Я слез с лошади и, ощупав след, нашел, что он совершенно свеж. Ощупывание следа утром в песках гораздо надежнее, чем одно рассматривание: на-глаз всякий след, более четырех сантиметров глубиною, кажется совершенно свежим, наощупь же — сыроватые свежие следы имеют боковые стенки сухие, а сухие свежие следы — боковые стенки не слипшиеся, что бывает у старых сухих следов, вследствие смачивания их водою.

Итак, след табуна был найден. Очевидно, лошади шли спокойно и врассыпную. По следу мы скоро выбрались из трухлявой почвы рукава на северный твердый берег. Тут к маленькому следу присоединился большой, вероятно, принадлежавший матке. Местами попадая на твердую почву, след исчезал совершенно; тогда брат останавливался на последнем следе; я же, описывая круг, отыскивал выходной из круга след и, удостоверившись в его верности, двигался с братом дальше. Шли мы очень быстро и так были увлечены, что трудно сказать, сколько часов продолжалось выслеживание, но по некоторым признакам видно было, что мы уже от табуна недалеко и нагоняем его. Передав лошадь брату и выйдя вперед шагов на 300—400, я уже стал с большой осторожностью подыматься на бугры. Наконец, с одного из них, шагах в 800, я увидал табун в восемь лошадей, в числе их был и жеребчик.

Лошади не шли гурьбой, а придерживались одной линии. Своими движениями и видом они точь-в-точь напоминали наших домашних лошадей, когда те в жаркий день тянутся одна за другой в лесок или на водопой, или с заходом солнца идут по деревне, направляясь к своим дворам. Лениво покачиваясь, помахивая хвостами и пощипывая попадавшийся камыш, они тихо брели. Тут уж приходилось быть настороже.

Я снял сапоги, перестегнул патронташ и, улегшись, следил, когда последняя лошадь перевалит за впереди лежавший бугорок. Осторожно перебравшись ползком через гребень бугра, я поднялся на ноги, бегом добрался до следующего холма и всполз на него. Много раз я повторял этот маневр и два раза, благодаря удобному расположению бугров, я подходил сзади к табуну шагов на 100—200. Но я видел только крупы лошадей, поэтому стрелять не решался.

В один из таких моментов меня чуть не открыл жеребец; хотя он не был так бдителен, как ночью, но сохранял ту же привычку оставаться спрятавшимся в кустах и пропускать табун шагов на 200—300 вперед или выходить самому на то же расстояние перед табуном. Выползая на гребень, я так и вздрогнул, услыхав шагах в тридцати зловещее фырканье, которое, к счастью, раздалось по другую сторону гребня. Скорчившись, как возможно было, я припал к земле, боясь вздохнуть.

«Неужели все старания даром?» — мелькнуло в голове.

Я тихонько стал всматриваться в кусты, чтобы рассмотреть жеребца: о нем я мог судить только по легкому шороху, слышавшемуся спереди. Обойдя обе стороны и не почуяв опасности, он успокоился и пустился догонять табун.

Пролежав еще минут пять, я покинул холм и вернулся к брату. Мы условились, что он не будет двигаться вперед, пока не услышит выстрела; затем прискачет ко мне возможно скорее, чтобы дать лошадь, если придется догонять раненое животное.

Когда я снова вернулся на холм, то лошади были уже шагах в пятистах. Опять приходилось ползти; я уже сильно устал. Отправляясь на охоту, я не пил даже чаю и впопыхах не взял папирос, но страсть охотничья превозмогла все. Было далеко за полдень. Догнав табун еще раз, я стал искать глазами какого-нибудь холмика, к которому можно было бы незаметно подползти и, опередивши, сбоку встретить лошадей. Шагах в шестистах впереди я увидел гряду, тянувшуюся параллельно движению табуна, длиною около 200 м. Это была последняя возвышенность: впереди виднелось ровное пространство, покрытое саксаулом, тамариском и местами редким и высоким камышом. Надо было спешить. Мысленно определив тот круг, который я должен был обползти, я спустился с холма, закинул штуцерный ремень за плечи и пополз, что было сил, в обход. Жара и духота вблизи земли были ужасные, на мне не было сухой нитки, а колени и руки ныли от врезавшейся гальки. Наконец, я вполз на вершину гряды. Оказалось, лошади прошли шагах в восьмидесяти от гряды и в эту минуту были далеко впереди. «Попробуем еще раз погоняться с ними», — подумал я и снова пополз. Достигнув гребня, я увидел, наконец, лошадь в профиль. Это была вторая с конца. Без звука поднял я курки штуцера Haedge'а и, став на колено, стал выдвигаться из-за маленького куста саксаула, прикрывавшего меня. Лошадь стояла, спокойно обрывая листики камыша. Медленно подняв ружье, я приложился. Но утомление сказалось тут во всей своей силе: я с трудом держал ружье, а от волнения и усталости руки и ноги дрожали как в лихорадке. Я чувствовал, что стрелять не могу. Опустив штуцер, я припал к земле.

Прошло не более полминуты; досада на слабость и усталость просто душила меня. Я поднял голову. У камыша стояла уже последняя лошадь. «Или сейчас, или больше сегодня не удастся», — подумал я. Собрав все силы, я быстро поднялся на одно колено и приложился. Штуцер не дрожал в руках. «Левее, левее... ниже, ниже...».

Грянул выстрел, и от страху, что промах, у меня волосы стали дыбом. «Нет, вот красное пятно под самой лопаткой — попал... что же не падаешь?» — мелькнуло в голове. Вдруг лошадь рванулась и, сделав дугу, стала другим боком. Бессознательно я снова приложился и выстрелил. Лошадь упала на колени, но, быстро вскочив, ринулась вперед, то падая, то снова подымаясь.

«Скорее, скорее стрелять!» — и я судорожно вталкивал новые патроны в ружье. Между тем табун круто повернул назад. Думая, что выстрел был спереди, он сначала рысью, а потом карьером пронесся мимо меня. Боясь потерять уже раненое животное и помня крепкоранность травоядных, я уже не обращал внимания на лошадей, а то не одно бы животное осталось на месте. Я выскочил из куста и бросился к моей жертве. Все ее старания уйти были напрасны: обе лопатки были пробиты пулями, и хотя лошадь двигалась, но очень медленно. Две новых пули, из которых одна перебила хребет, покончили дело. Лошадь упала на бок и осталась неподвижной. Не могу выразить того чувства радости, которое охватило меня. Наконец-то мы добыли то, что еще в Петербурге было темой бесконечных разговоров: удалось убить животное, которое так старательно искал и не нашел знаменитый охотник и стрелок Пржевальский! Минут через десять подъехал брат.

Мы подошли к убитой лошади.

— Кто с тобой стрелял?

— Да я один.

— Удивительно быстро следовал выстрел за выстрелом; я думал, не встретил ли ты кого из людей. По правде сказать, слыша такую канонаду, я стал сомневаться в успехе, предполагая, что вы просто стараетесь хоть подшибить какую-нибудь лошадь из убегающего табуна, — говорил он, разглядывая лошадь. — Как это ты так быстро заряжал ружье?

Рассматривая раны, причиненные пулями животному, я стал сожалеть, что упустил случай и не воспользовался моментом, когда выстрел озадачил табун, и он стоял секунды две-три не шевелясь. Но мое волнение находило оправдание в том, что предмет охоты уже чересчур был редок и чрезвычайной важности.

Полюбовавшись на красивое животное, мы решили, что я останусь снимать шкуру, а брат поедет в лагерь и приведет людей, чтобы помочь мне справиться с работой. Было уже четыре часа. Я вооружился перочинным ножом, который уж не раз заменял мне препараторский скальпель, и энергично принялся за дело. Работа шла быстро, я хотел поспеть к приезду людей, даже не воображая, что от места, где была убита лошадь, до лагеря было около двенадцати километров.

Я уже вьючил шкуру и череп на свою лошадь, когда услышал почти одновременно четыре выстрела. Думая, что эти выстрелы — призывные, я ответил из штуцера тем же. Через некоторое время я увидел вдали препаратора артиллериста Жиляева, который быстро ехал ко мне.

— Ваше благородие! — закричал он, увидев меня, — казаки сейчас еще жеребца убили!

Надо было видеть его радостное лицо при этом возгласе, чтобы понять, как отражались всякие наши удачи и неудачи на людях. Полная отчужденность от родины связала нас почти родственными узами, и интересы личные становились общими.

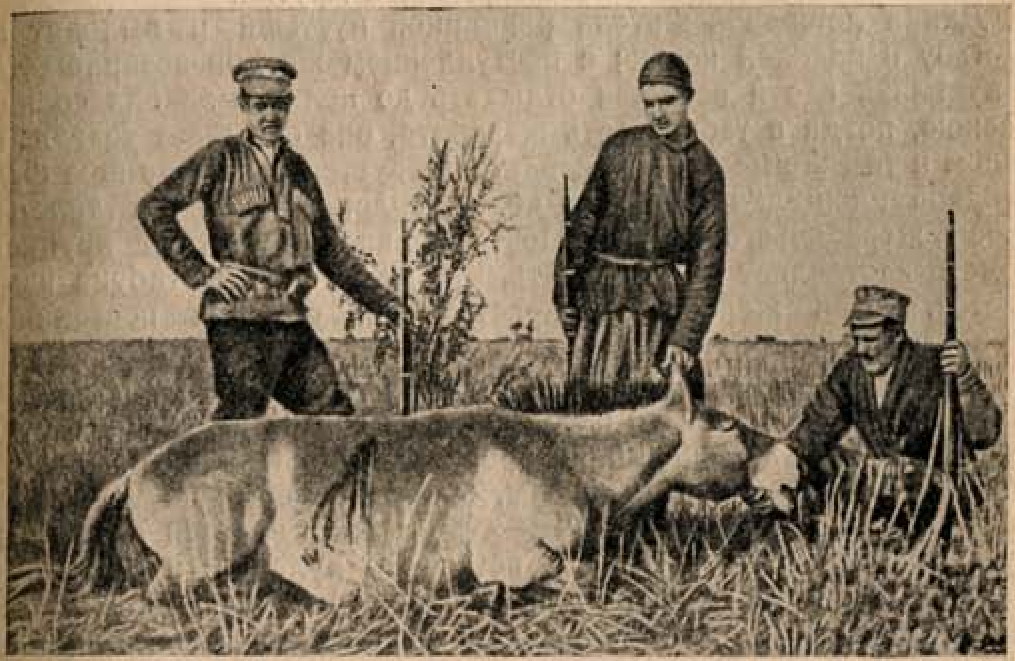
По приезде брата в лагерь известие, что лошадь, наконец, мною убита, вызвало общий восторг. Всем хотелось посмотреть и поздравить с удачей; люди даже приоделись почище, чтобы праздничным видом ознаменовать этот день. Кто-то даже флаг сделал из лоскутка и воткнул около нашей юрты. В сопровождении трех казаков и препаратора брат нашим следом пешком добирался ко мне. И вот, не доходя двух километров, один из казаков увидел табун, стоявший в кустах; некоторые лошади лежали, другие стояли. Люди тотчас же спешились, и двое, последовав моему примеру — сняв сапоги и все лишнее, поползли к табуну. Залп из двух винтовок положил на месте красавца-жеребца: одна пуля попала в висок, другая перебила шейный позвонок. Тем не менее люди, перезарядив винтовки, дали второй залп уже по лежавшему животному.

Собрав охотничьи принадлежности, закурив, наконец, папиросу и выпив воды, я поехал посмотреть второй экземпляр добычи нашей охоты.

Убитый жеребец, судя по зубам, был около десяти лет. По строению тела он имел статьи, отличающие наших алтайских лошадей, карабахов и финских лошадок, т. е. при сравнительно небольшом росте — 1 м 8 см — лошадь отличалась шириной груди и крупа, широкой, массивной и короткой шеей, тонкими и изящными, как у скаковых лошадей, ногами и широким, круглым копытом. Голова казалась несколько тяжелою сравнительно с корпусом и имела широкий, красивый лоб; линия вдоль лба к ноздрям — прямая; верхняя полная губа несколько заходила (нависала) над нижней, уши для такой массивной головы слишком малы. Хвост, хотя и не был покрыт от самой сурепицы волосами, как у нашей лошади, тем не менее был длиннее, чем у хулана. Цвет его близ сурепицы был одинаков с шерстью, покрывавшей весь корпус животного, конец же был черный. Лошадь не имела чолки, но грива ее начиналась несколько впереди ушей и шла до холки; длинные волосы приходились на середину гривы. Вообще, по бедности волос на гриве, хвосте и щетках, дикая лошадь напоминала текинскую. Оригинальной особенностью этого животного являлись жесткие, доходившие до вершка бакенбарды, шедшие по ребру нижней челюсти, начинавшиеся немного ниже ушей и соединявшиеся под мордой, не доходя до подбородка. Масть лошадей каурая летом и светло-гнедая зимой — в обоих случаях с почти белыми подпалинами. Волосы на щеках и на лбу несколько темнее, чем на остальном теле; конец морды беловат. Спинной ремень очень слабо выражен и у лошадей в зимнем уборе совсем пропадает. Ноги до бабок, а равно и грива черные.

Грива свешивается на левую сторону. Вообще шерсть короткая и гладкая, но у молодых она курчавая. На всех четырех ногах мозоли.

Показав линии разрезов кожи жеребца, я с братом поехал домой, оставив казаков и препаратора доканчивать снимание шкуры. По приезде в лагерь поздравления посыпались со всех сторон. Между тем приказано было готовить ужин, и мы устроили праздник, конечно убогий по внешности, но отличавшийся удивительным весельем. Да как было и не радоваться, когда ради дикой лошади мы и предприняли рискованную и не по нашему бюджету дорогую поездку в пески и солонцы центральной Джунгарии! К тому же эта удача с внешней стороны много могла способствовать успеху экспедиции, так как всякое дело оценивается не по количеству труда и здоровья, затраченных на него, но прежде всего по его результатам.



Дикая лошадь.

Дня через три, при помощи облавы, убили еще жеребца, вероятно по старости отбившегося от табуна и бродившего отдельно. С этого-то 18-летнего экземпляра и была снята фотография вместе с охотниками, на которых набежал несчастливец. Кроме того сопровождавшим нас охотником турфанлыком была убита кобыла, шкура которой и дополнила нашу коллекцию.

Между тем, несмотря на удачу нашей охоты, мы должны были, как можно скорее покинуть урочище Гашун, так как горько-соленая вода губительно действовала на лошадей. Мы выступили 6 сентября, взяв с собой фураж для корма лошадей. Лошади с трудом перешли пески; одну из них пришлось даже бросить, а некоторых уже без вьюков мы еле-еле дотащили до селения Бэй-дао-цао.

При дальнейшем следовании в глубь Центральной Азии нам приходилось постоянно встречать хуланов и джигетаев. Сравнивая дикую лошадь с двумя последними, мы видим следующее существенное различие в повадках тех и других.

Дикая лошадь — житель равнинной пустыни и выходит на пастьбу и водопой ночью; с наступлением же дня возвращается в пустыню, где и остается отдыхать до полного захода солнца. Весною, когда в табуне есть жеребята, она отдыхает всегда на одном и том же месте. Это свидетельствуется тем, что мною была найдена площадка около 18 кв. м, сплошь покрытая толстым слоем жеребячьего навоза. Почти полное отсутствие крупного помета заставляет предполагать, что место отдыха табуна изменяется, когда жеребята подрастают, и остается постоянным во время их малолетства.

Дикие же ослы — жители подгорных стран по преимуществу. С восходом солнца стадо их выходит из гор на пастбище и водопой, к заходу же солнца возвращается обратно в горы, где и ночует. Они предпочитают горы, покрытые степною растительностью, вообще так называемые «сырты»; но водятся также и на пустынных плоскогорьях. Мы встречали хуланов и джигетаев массами, но мест их постоянных кочевок найти не могли.

Дикие лошади ходят большею частью гуськом, особенно, когда уходят от опасности; хуланы же и джигетаи, будучи испуганы, всегда толпятся и убегают в беспорядке. Вследствие привычки лошадей ходить гуськом по всей местности Гашуна идут глубоко проторенные тропинки; между тем там, где водятся хуланы и джигетаи, мы этого не встречали, за исключением долины верховий ганьчжоуской реки (Хый-хэ) в Нань-шане. Одним из самых отличительных признаков присутствия в данном месте диких лошадей служат громадные кучи помета близ троп; на эту особенность указал нам мулла, который тотчас же, по прибытии нашем в Гашун, по этому признаку определил, что лошади были на водопое накануне.

В случае опасности жеребец дикой лошади убегает впереди в тех только случаях, когда в табуне нет жеребят; да и тогда часто отбегает в сторону и всеми движениями своими выражает крайнее беспокойство; хулан же более эгоист и мало заботится об опасности, угрожающей его гарему и подрастающему поколению.

Хулан и джигетай не ржат, а кричат, да и то весьма редко. Дикая лошадь, наоборот, ржет звонко, и ржанье это совершенно

схоже с ржаньем домашней лошади; точно так же, когда дикая лошадь сильно испугана, то ее храп и фырканье напоминают наших лошадей [*].

Неоднократно приходилось слышать, что, кроме каурых, бывают еще голубые и пегие лошади. Голубых мы совсем не видали. Пегих лошадей, нам казалось, мы видели, когда рассматривали табун с двух- или трехкилометровой дистанции; с приближением же к лошадям эта пегая окраска пропадала. Это можно объяснить, как мне кажется, световыми эффектами. Немного взъерошенная от валянья шерсть или потемневший от омертвения при линянии волос не отражают света так же сильно, как гладкая шерсть и живой волос. Поэтому такие места кажутся темными пятнами. От свойства освещения зависит, вероятно, и кажущаяся голубая окраска лошадей. Например, нам, при лунном освещении, лошади казались совершенно белыми.

Монголами делались неоднократные попытки приручать диких лошадей, но все они не имели успеха; дикая лошадь не поддается влиянию человека, дичится его и не позволяет себя утилизировать.

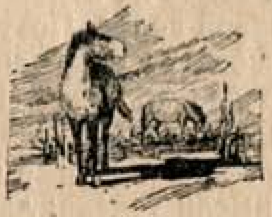
Ловят монголы лошадей весьма просто. Ко времени, когда найдя табун, они начинают его преследовать до тех пор, пока не набравшиеся еще сил жеребята, обессилев, не падают. Их тогда забирают и пускают в табун домашних лошадей.

Рассказывают, что жеребцы диких лошадей иногда уводят домашних маток с собой в пустыню, но это едва ли верно. Очень сомнительно, чтобы наших домашних животных могли удовлетворить плохой корм и соленая вода, которыми вполне довольствуются дикие лошади.

В дополнение ко всему сказанному моим братом о дикой лошади я считаю излишним писать об ее отличиях, внешних и остеологических, побудивших Полякова [33] и Черского [34] выделить это животное в подрод Equus и таким образом генетически отделить от полуослов (Hemioni), с которыми однако у Equus przewalskii так много внешнего сходства, что даже на ближайшем расстоянии их различить невозможно; я позволю себе однако привести нижеследующие слова Черского, которыми и заключаю настоящую главу: «особенности черепа Equus przewalskii в сравнении с другими, описанными до сих пор породами лошадей, обличают в нем вполне самостоятельную расу широколобой лошади»[35], иначе — лошади «восточного типа»[36], к которому ныне относятся, между прочим, нижеследующие породы: арабская, персидская, сирийская, английская, скаковая (the race-horse), киргизская, монгольская, калмыцкая, башкирская, донская, карабахская, финляндская, литовская и русская (орловские рысаки).

---

[*] Этим сведениям о дикой лошади придавал большое значение акад. В. В. Заленский, который писал: «Братьями Грумм-Гржимайло сообщены чрезвычайно ценные сведения об образе жизни дикой лошади в природе, дан и живой рассказ об охоте на них». Считая эти сведения единственными в научной литературе, он приводит их дословно при характеристике лошади Пржевальского, оставляя в стороне написанное по этому поводу самим Н. М. Пржевальским. См. «Equus przewalskii Pol.». (Научн. результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии, Отд. зоолог., т. 1 — Млекопитающие, ч. 2 — Копытные, вып. 1, СПБ. 1902, стр. 63—64). [Прим. ред.]



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГОРОД ЦИ-ТАЙ И СВЯЗАННОЕ С НИМ ПРОШЛОЕ ДЖУНГАРИИ

Из Гучэна мы выступили 12 сентября и направились большой дорогой в Чи-тэй или, правильнее, Ци-тай. Сперва мы шли местностью, поросшею чием и камышом; затем вступили в каменистую степь, поросшую хотя и скудной, но довольно разнообразной растительностью: Horaninovia ulicina, Salsola sp.?, «койкыльчой» (Ephedra sp.?) с созревшими уже красными ягодами, «джусой» (Artemisia sp.?), «терескеном» (Eurotia ceratoides), «абдрасманом» (Peganum harmala) * и другими растениями, свойственными наиболее отрадным уголкам подобной степи. Местность в общем ровная, пустынная, с блеклыми тонами и в высшей степени однообразная.

Расстояние между Гучэном и Ци-таем свыше тридцати километров, показавшихся нам бесконечными. Ни одного встречного путника, ни одного предмета, который мог бы остановить на себе наше внимание, если не считать быстрых леммингов (Eremiomys luteus Eversm. и E. lagurus Pall.), за которыми деятельно и не всегда безуспешно охотился Васька (читатель, конечно, помнит, что так звался наш пойнтер). Но вот, наконец, впереди ясно обозначилась желтоватая полоса, не то — освещенный солнцем край оврага, не то — лёссовый выступ степи, в которой мы тотчас же

---

* «Абдрасман» — у киргизов, «сырык» у туркестанцев, «ёрбун» у торгоутов — растение, играющее видную роль в семейном быту этих народов. Потанин («Очерки Северо-западной Монголии», II, стр. 133) говорит, что киргизы кладут это растение в люльку новорожденного; это не совсем так. Мать новорожденного, как только достаточно оправится, самолично окуривает этим растением зыбку младенца для ограждения его от влияния злых духов.

признали стены Ци-тая; еще один-два километра, и путь был окончен. Убогим предместьем вдоль развалившихся стен спустились мы в узкую долину речки Гангу, на берегу которой и остановились.

Ци-тай-сянь еще недавно был окружным; но теперь он заброшен и представляет грустное зрелище полного запустения. Впрочем, как кажется, он потерял свое значение не теперь. Обширное кладбище, с юга примыкающее к предместью и представляющее бесконечное множество теснящихся друг к другу надмогильных насыпей, о происхождении коих современное население Ци-тая едва ли что знает, наводит на мысль, что некогда на месте современного Ци-тая стоял город со значительным населением. Но что это был за город?

История Джунгарии вообще мало известна; но и то немногое, что дошло до нас, не получило еще систематической разработки. Я далек от желания восполнить этот пробел, но в то же время, в качестве географа, не мог отрешиться и от мысли заглянуть в прошлое этой страны, дабы при помощи исторических справок полнее оттенить то глубокое значение, какое приобретает для нас именно географическое изучение этой последней. Вот почему я ставлю себе задачей — в дальнейшем, наряду с географическим описанием современной Джунгарии, останавливаться и на тех вопросах, которые нам предлагает историческая география этой страны. Несомненно, что самым запутанным из таких вопросов является вопрос о былом местоположении Бэй-тина, впоследствии Бишбалыка; а так как Ци-тай является самым восточным из пунктов, к которым имеются основания приурочивать это древнейшее из поселений южной Джунгарии, то я и почел наиболее уместным именно в этой главе остановиться на его изучении.

«Бе-сы-ма (Бишбалык), — пишет Чань-чунь, — во времена династии Тан было Бэй-тинь-дуань-фу» [137]. То же подтверждает и сравнительный китайский географический словарь «Си-ю-тун-вен-чи» [38].

Хотя в шестой главе и сообщались уже исторические известия, произвольное толкование коих привело Клапрота и Ремюза, а вслед затем Риттера и других географов к приурочиванию Бэй-тина (Бишбалыка) к Урумчи, тем не менее будет не бесполезно еще раз остановиться на них.

Автор сочинения «Су-хун-цян-лу» таким образом выражается о местоположении Бишбалыка: он лежит в 500 ли к югу от р. Рунгу (ныне Урунгу), впадающей в озеро Кизыл-баш (ныне Улюнгур). Река Урунгу впадает в озеро Улюнгур под 47°9′, иными словами в действительности устье ее оказалось на 34′ севернее, чем это допускал Риттер [39]. Эта река только одной излучиной своей касается 46-й параллели, из чего следует, что отряд хана Гулагу не мог переправиться через нее под 45°30′ с. ш., как это предположили Клапрот и Риттер [40]. Наконец, любой из пунктов на р. Урунгу лежит от г. Урумчи в расстоянии, не меньшем 360 верст (373 км) по прямой линии и 450 верст (480 км) по известным ныне путям.

Как ни кратко описание маршрута хана Гулагу, тем не менее в общем оно довольно ясно указывает на тот путь, каким прошло через Джунгарию монгольское войско. К р. Урунгу оно вышло с северо-востока; следуя ее течением, достигло озера Улюнгур, а отсюда свернуло к городку Е-ман (Эмиль) на реке того же имени. Всего вероятнее, что через Алтай оно шло путем, разработанным незадолго перед тем Огэдаем, и вышло к р. Урунгу у подошвы горы Чукуртай. Отсюда, действительно, имеется прямой путь через Бортень-гоби на юг, но путь этот выводит не к Урумчи, а к Гучэну или Ци-таю. По данным Певцова от Урунгу до Гучэна 275 верст (293 км) [41], что, как нельзя более, соответствовало бы китайскому указанию. Из всего сказанного нельзя, таким образом, не вывести заключения, что цитированное выше место сочинения «Су-хун-цянь-лу» в связи с плохой китайской картой, находившейся в распоряжении Клапрота, привела его к ложному выводу относительно местоположения Бишбалыка.

Не останавливаясь затем на указаниях «Си-ю-тун-вен-чи», точный текст коих, к сожалению, мне неизвестен, я перехожу к разбору других литературных источников, могущих до некоторой степени разъяснить нам этот темный вопрос.

Это маршруты китайского посла Ван Янь-дэ и старца Чань-чуня, посетивших Бишбалык один в конце X-го, другой в XIII в.

Перевалив через Алтай (Цзинь-шань), Чань-чунь вышел к р. Урунгу ниже прорыва последней южного безымянного отрога Алтая (Сарыгерь?). Это доказывается даваемым им описанием пройденного пути. На пространстве четырех переходов проехав три хребта, из коих только средний и в то же время самый высокий одет хвойным лесом, мы спустились на юг и остановились на берегу значительного потока, — говорит он.

Сопоставляем это с нижеследующей выпиской из отчета Певцова [42].

Пройдя около 200 верст (213 км) вверх по р. Урунгу, мы с высокого левого берега ее долины различили в Алтае три параллельные горные цепи; в средней из них, вероятно самой высокой, отчетливо выделялась снежная группа.

От переправы через Урунгу Чань-чунь шел пустыней до песков Гурбун-тунгут, с которыми мы уже познакомились в предыдущей главе. Путь этот, вероятно, тот же, которым шел и Певцов: сперва — пустынные горы, сложенные из пестрых камней, затем отдельные «красные» сопки (у Певцова — гранит), а, наконец, и равнинная гоби, усыпанная блестящею черною галькой и представляющая совсем бесплодную и безводную степь, раскинувшуюся более чем на 200 ли (у Певцова — 72 версты, или 76,8 км) [43] в ширину. Ее принято проходить в два приема: поднявшись вечером, в течение ночи делают первую половину дороги, отдыхают здесь час-другой, а затем к полудню следующего дня добираются уже и до северной окраины песчаной полосы, где много воды и травы [44]. Это Гашун, но может быть и урочище Сы-джир, лежащее от него к востоку.

Прибыв к северной окраине песков, спутники Чань-чуня заметили на юге «как будто серебристую зарю». Это были тянь-шанские горы, вид коих привел старца в поэтический экстаз. «Издали,—восклицает он,—выглядите вы, точно солнечные лучи пронзают серебристые облака; простираясь по воздушному пространству прямой линией на тысячу ли, вы спокойно взираете оттуда на ряд городов и селений, расположенных у вашей подошвы. Вы несокрушимы во веки! Я воспеваю вас в стихах, смотря на юг, прямо на вас».

Отсюда, говорится далее, «мы проехали более ста песчаных холмов, точно плыли в ладье по огромным волнам»; и только к девяти часам утра следующего дня достигли, наконец, первого селения, населенного «хой-хэ». От старшины этого селения мы узнали, что в 300 ли к югу, по ту сторону гор Инь-шань лежит г. Хэ-чжоу (Кара-ходжа).

Конечно этим селением могло быть и Битун-цоджи (Бэй-дао-цао), но я скорее склонен отнести его далее на восток, на меридиан Ци-тая или даже Му-лэй, и вот на каком основании: отсюда на запад, в г. Бишбалык (Бе-сы-ма), Чань-чунь некоторое время шел подле речки, а такой речкой могли быть только или цитайская Гангу или Му-лэй-хэ, в низовьях которых и ныне еще виднеются следы поселений.

Покинув на следующий день это селение и проехав еще два городка, Чань-чунь прибыл наконец в Бишбалык.

Это не ясно. Не ясно же потому, что остается неизвестным, в один ли переход достиг он Бишбалыка или употребил на эту часть своего пути несколько дней. Наконец, легко может статься, что последняя его станция перед Бишбалыком была переездом всего в несколько километров по культурной полосе, примыкавшей непосредственно к городу. «Повсюду были жители, — пишет он; — пшеница только что поспела; все поля орошаются водою источников, ибо дожди здесь редки». Ясно, что местность была густо населена и что земледельцы, видневшиеся на полях, были из помянутых двух городков или селений, расположенных в ближайшем соседстве друг к другу, а вместе с тем и к г. Бишбалыку.

Впрочем, в том же путевом журнале Чань-чуня мы находим еще одно указание, дающее нам возможность точнее установить местоположение этого города. Это — его расстояние от Лунь-тая, которое, по Чань-чуню, равняется 300, Елюй-Чупаем же определяется в 200 ли [45], иначе в 85—90 верст, или 90—96 км. Такое расстояние всего более соответствовало бы Ци-таю, отстоящему от развалин Лунь-тая в 97 верстах (103 км).

Перейдем теперь к реляции Ван Янь-дэ.

Через два дня по выезде своем из Гаочана посол прибыл в Хань-цзя-чай (Хань-ду?), а через пять дней потом поднялся и на самый Цзин-лин. На перевале (это было летом) он захвачен был ливнями и буранами. На самой вершине перевала имелась высеченная на камне надпись: «Малая Снеговая Гора» (Сяо-сюе-шань). По всему перевалу лежали густые пласты снега. Проходят ими путешественники лишь закутавшись в шерстяную одежду. Через день затем посол прибыл в Бэй-тин.

Еще недавно Восточный Тянь-шань был настолько мало исследован, что Костенко в своем очерке Джунгарии, изданном в 1887 г., мог посвятить ему лишь несколько строк; тем извинительнее было Риттеру и Сан-Жульену, введенным в заблуждение Клапротом, заставить пропутешествовать Ван Янь-дэ из Турфана в Урумчи, а проф. Григорьеву из того же Турфана в г. Баркюль, на месте коего, как полагал этот ученый, и должен был находиться Бэй-тин. С тех пор, однако, Восточный Тянь-шань нам стал лучше известен. Д-р Регель, прошедший из Турфана в Урумчи [46], впервые удостоверил, что к югу от Урумчи нет вовсе снеговых гор, что дорога идет здесь по солончаковому плоскогорью, довольно круто падающему на юг, но имеющему ничтожное превышение над долиной р. Архоту. С другой стороны, наши исследования показали, что нет таких гор и по всем путям, соединяющим Турфан с Баркюльской долиной. Несомненно, что Ван Янь-дэ из Гаочана ехал прямо на север и перевалил хребет, почему-то на наших картах носящий название Эдемэк-даба, в самой высокой его части, а именно, к западу от пройденного мною перевала Буйлук. Таких перевалов, как нам говорили, имеется два: один на меридиане Гучэна (Джуван-терек), другой восточнее. Первый — снежный, причем снегом приходится итти около двух километров, второй хотя и освобождается от него на короткое время, но только на южных склонах, на северных же снег часто залеживается в лощинах.

В рассказе Ван Янь-дэ некоторое сомнение возбуждало количество показанных им дней для восхождения на перевал и спуска с него; но в этих показаниях я не вижу вовсе несоответствия. В самом деле, от Кара-ходжа до перевала Буйлук мною насчитано было 140 верст (154 км), от Буйлука же до большой дороги около 35 верст (37 км). Если принять в соображение летний зной в Турфанской долине, не позволяющий делать больших переходов, крутизну подъема на перевал, а также что уже на седьмой день Ван Янь-дэ не только прошел этот последний, но и спустился с него, то уж, конечно, нельзя назвать переходы китайского посла очень короткими.

В реляции Ван Янь-дэ мы находим и краткое описание города и его окрестностей.

У туземцев Бэй-тин носит название Илюлу (Ирлу); в нем довольно многоэтажных домов, беседок и садов. Народ понятлив, прямодушен и честен. Ловкостью обладают удивительною и превосходно выделывают посуду и утварь из золота, серебра, железа и меди. Умеют и камень «юй» обрабатывать.

Равнина Бэй-тинская тянется в длину и ширину на многие тысячи ли. В ней витает тьма коршунов, ястребов, соколов и других хищных птиц.

В горе к северу от Бэй-тина добывают нашатырь. Из горы этой постоянно подымаются клубы дыма, а по вечерам появляются на вершине ее яркие огни, как бы от факелов. Для сбора нашатыря жители надевают туфли на деревянных подошвах: кожаные тотчас прогорели бы.

Близ города есть озеро. Посол прогуливался по нем в лодке с государевым семейством. Вокруг озера раздавалась музыка.

В стране этой много лошадей. Государь, государыня, наследник престола, — все имеют свои табуны, которые и посылают пастись в обширную долину, протяжением до 100 ли.

Все эти данные о Бэй-тине очень ценны.

«Равнина Бэй-тинская тянется в длину и ширину на многие тысячи ли». К этому перевод Visdelou добавляет: «равнина эта расстилается в три стороны от города». Ясно, что городом этим не мог быть Урумчи, расположенный в лощине и с трех сторон замкнутый горами. Это был город, лежащий у северных подножий Эдемэк-даба, и ближе всего — Ци-тай, выстроенный у подошвы последнего уступа предгорий Тянь-шаня.

«В ней витает тьма коршунов, ястребов, соколов и других хищных птиц». Как это верно для южной Джунгарии к востоку от речки Ло-тая! Привлеченные легкой добычей — леммингами и песчанками — хищники собираются здесь во множестве, что составляет ныне, как составляло оно и тысячу лет назад, такую особенность местного ландшафта, которая не укрылась и от любознательного китайца.

«В горе к северу от Бэй-тина добывают нашатырь; гора эта дымит, и почва ее настолько накалена, что при ходьбе по ней кожаные подошвы прогорают...».

Конечно, здесь идет речь о той плоской возвышенности, которая с севера ограничивает Гашунскую впадину. Урочище Чичанда, к северу от Ци-тая, является единственным местом в южной Джунгарии, где наряду с каменным углем, и по настоящее время добываются аммиачные квасцы. У Певцова мы находим следующее описание той части этой горной гряды, которая лежит к северо-востоку от урочища Гашун[47]. «К востоку от кумирни простирается плоская возвышенность, поднимающаяся над равниной футов на 150 (45,7 м) и ниспадающая к ней крутым обрывом. Она имеет около 15 верст (16 км) ширины и на восток простирается на неопределенное расстояние. Эта возвышенность представляет редкое и вместе с тем загадочное явление: она состоит из слоистой желтовато-розовой глины, подвергавшейся действию весьма высокой температуры, раскалившей ее до такой степени, что она стала необыкновенно звонкой и твердой. Около обрыва лежат во множестве шлаковидные, пузырчатые куски прокаленной глины, образующие у его подошвы на всем протяжении как бы россыпь, но ни следов каменноугольного пожара, никаких других признаков, которые указывали бы на причины этого любопытного явления, мы не заметили». Если пожар каменноугольных пластов имел место девять столетий назад, то, конечно, никаких других наружных его следов, кроме прокаленной глины, и сохраниться здесь не могло.

«Близ города есть озеро...».

Надо думать, что речь идет здесь не об озере, а о пруде. Назначение таких прудов в подгорных местностях китайской Азии — служить водоемами на случай обмеления питающих их речек. Я упоминал уже о пруде близ селения Хо-бу-цзы. Другой подобного же назначения находится с восточной стороны города Ци-тая. В настоящее время он не велик, но во время Ван Янь-дэ он мог иметь и другие размеры. К тому же не следует забывать, что мы должны смотреть на такие удовольствия, как прогулка по озеру, глазами китайца. В Хами мы видели, например, громадную неуклюжую джонку Лю-цзинь-тана, которая с трудом поворачивалась в миниатюрном пруде. Сюда, как нам говорили, не раз съезжались приглашенные этого китайского сановника для того, чтобы поесть и попить под звуки оркестра, располагавшегося в этих случаях в беседке, специально для этой цели выстроенной на берегу — точь-в-точь как описано это и у китайского посла Ван Янь-дэ.

Из всего вышесказанного нельзя, как мне кажется, не вывести заключения, что древний Бэй-тин находился если не на месте современного Ци-тая, то в ближайших окрестностях этого города *.

---

* Интересно отметить, что к тому же заключению относительно местонахождения древнего Бэй-тина пришел 9 лет спустя и знаменитый французский синолог Шаванн («Les pays d'Occident d'aprés le Wei-lio» в Toung-pao», sér. 2, v. VI, 1905).

Академик Бертольд, говоря об этой новой работе французского ученого, писал: «Из сделанных Шаванном правильных замечаний можно признать новым в западно-европейской литературе, если не ошибемся, только одно, именно — указание, что город Бишбалык или Бэй-тин находился не около Урумчи, как полагали Клапрот и все европейские синологи, а в ур. Цзи-му-са, к западу от Гучэна. Это открытие, к которому автор возвращается несколько раз, для русского читателя уже не ново: оно составляет бесспорную заслугу Грумм-Гржимайло». «Записки вост. отд. И. Русск. Археол. Общ.» XV, стр. 174—175).

Подобные же строки мы находим и у проф. В. Л. Котвича (Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. общ. XXV, стр. 97). Направленная в 1914 году в Южную Джунгарию специальная экспедиция для поисков развалин Бишбалыка (Бей-тина) действительно нашла в указанном Грумм-Гржимайло месте эти развалины и даже каменную стену с китайским иероглифом «Бэй-тин» (Долбежев. В поисках развалин Бишбалыка. Зап. вост. отд. И. Русск. Археол. общ. 1915, XXIII, стр. 77—121). [Прим. ред.]

* * *

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА СЕВЕРНЫХ СКЛОНАХ ТЯНЬ-ШАНЯ

Между Ци-таем и селением Му-лэй насчитывается около 40 верст (42 км). Расстояние это мы решились пройти в два приема, почему 13 сентября и остановились на речке Ши-ма-гу, служащей восточной окраиной цитайскому оазису. Все пройденное пространство, несколько более 12 км, было сплошь обработано и изрезано арыками, в большинстве случаев до краев переполненными водой. На полях не сжатым оставался только кунак (Setaria italica var. erythrospermum), но его было мало; все же остальное пространство представляло картину сжатого поля.

От Ши-ма-гу до развалин селения Дун-чин дорога идет глинисто-песчаной степью, только в редких местах усыпанной галькой. Это, как всегда, самые бесплодные участки пустыни; разве где зеленым пятном мелькнет кустик эфедры или встретятся площадки, поросшие красноватой солянкой «кам-как».

Селение Дун-чин, расположенное на краю плоской ключевой впадины, поросшей различными злаками, представляя ныне одни только развалины, с тыла примыкает к плоской глинисто-песчаной гряде, прорванной в этом месте сухим логом, заваленным галькой. По этому-то логу и идет далее дорога на Му-лэй.

Довольно обширное селение Му-лэй, к которому отовсюду примыкают развалины отдельных фанз и поселений, расположено на правом берегу значительной речки, протекающей здесь в глубокой и широкой долине, из которой открывался чудный вид на покрытые уже в эту пору снегами вершины главного кряжа, утопавшего в сизой дали; тем резче поэтому впереди его рядами кулис выступали предгория, образовавшие своими крутыми уступами красивую рамку общей картине. Преобладающий элемент населения Му-лэй — таранчи, выходцы из Турфана. Селение грязно и бедно. Главная улица обстроена танями, лавками и ларями и переполнена всяким людом, среди которого солдаты местного гарнизона составляют все же преобладающий элемент. Селение мы миновали и, поднявшись вверх по правому протоку р. Му-лэй-хэ, остановились на прекрасной лужайке, ниже рощицы тополей.

Прельщенные прекрасной стоянкой, мы здесь дневали. День этот не прошел, однако, бесследно, и мы приобрели для коллекций: Buteo ferox, Acanthis cannabina var. fringilirostris, Petronia petronia, Emberiza leucocephala, Phylloscopus humei, Saxicola isabellina, S. deserti и других птиц, два больших экземпляра Trigonocephalus intermedius Strauch и порядочное количество жуков, из коих отмечу: Neodorcadion n. sp., Aphodius n. sp., Cymindis picta Pall., Deracanthus sp.?, Scarites salinus Dej и Adesmia sp.?.

Абсолютная высота г. Гучэна, по определению Певцова[48], равняется 2 417 футам (736 м); высота селения Му-лэй, по нашему определению, равняется 4 357 футам (1 328 м). Эти две цифры в достаточной мере указывают на быстрый подъем Джунгарской равнины по направлению к востоку. Особенно резко выражается этот подъем у Дун-чина, за которым дорога вступает уже в далеко здесь на север расплывшиеся предгория Тянь-шаня. Предгория эти не имеют, впрочем, грядового характера; наоборот, здесь скорее наблюдается массовое поднятие — плато с насаженными на него отдельными сопками. Об этом плато, которое я называю Восточно-Джунгарским плоскогорьем, подробнее будет сказано ниже; теперь же я упоминаю о нем, чтобы познакомить читателя с общим характером местности, по которой пролегал наш дальнейший маршрут.

В Му-лэй-хэ мы оставили большую дорогу и с места нашей стоянки 16 сентября направились прямым, так называемым вьючным — турфанским — путем к перевалу через Тянь-шань.

Волнистый характер местности изменился. Долины стали глубже, отдельные холмы приобрели резкие очертания. Вместе с тем кое-где стали обнажаться и коренные породы: глинистый сланец, кремень и кремнистый песчаник. Но растительность попрежнему сохраняла свой совершенно степной характер, и только в распадках холмов кое-где стал попадаться кустарник (таволга, Cotoneaster, шиповник и др.) и луговая трава. На пятнадцатом километре от Му-лэй-хэ мы вышли в долину речки Бай-ян-хэ, берущей начало с перевала Буйлук, и, следуя вверх по течению ее, достигли урочища, служащего обычным местом остановки для караванов, идущих в Турфан этим путем. Красота урочища, обилие топлива и корма и близость селения Бай-ян-хэ, в котором мы могли достать нужное нам количество фуража, побудило и нас избрать его местом для нашей стоянки, обещавшей быть продолжительной. В самом деле, отсюда моему брату предстояло совершить поездку к урочищу Джан-булак, где местные жители сулили нам богатую охоту на бургаков (Colus saiga Pall.), джигетаев (Asinus hemionus Pall.), архаров (Ovis poli Blyth.) и красных волков (Canis alpinus Pall.). На эту охоту снаряжена была целая экспедиция, состоявшая, кроме брата, из четырех лиц: казаков Ивана Комарова и Колотовкина, моего джигита Ташбалты и проводника Сарымсака. Остальные же люди, в ожидании ее возвращения, должны были заняться ремонтом предметов вьючного снаряжения и охотой на птиц, причем в первый же день были убиты: Sturnus menzbieri Sharpe, Carpodacus rhodochlamys Brdt., Emberiza leucocephala Gmel., Merula maxima и M. atrogularis Temm. Но уже после полудня погода, до того времени ясная, вдруг изменилась к худшему. Небо стало заволакивать тучами. Порывистый ветер усиливался и, наконец, перешел в настоящую бурю, чуть не сорвавшую наши юрты. Для того, чтобы спасти их, пришлось спустить войлоки, с страшной силой полоскавшие в воздухе. В 5 часов пополудни повалил снег, который шел, при температуре 0°, не переставая, в течение 10 часов кряду. Но затем небо расчистилось окончательно, потеплело, и к полудню снег лежал уже только в теневых местах и глубоких падях.

19 сентября вернулся брат с Сарымсаком. По мнению последнего, после выпавшего в горах глубокого снега дальнейшая стоянка наша в урочище Бай-ян-гоу становилась бесцельной, так как перевал Буйлук для караванного движения был теперь уже, конечно, закрыт. Таким образом, в нашем распоряжении для переезда через Тянь-шань оставался еще один только перевал — Улан-усу, к подошве которого, в урочище Джан-булак, мы и решились перебраться на следующий же день.

Нам предстоял 20 сентября утомительный переход, что-то около сорока километров, а между тем погода этому вовсе не благоприятствовала: небо затянуло серо-свинцовой пеленой, было холодно, и ветер, дувший то с севера, то с запада, все усиливался.

Мы встали с рассветом, но выступили только в девятом часу, задержанные китайцами, не успевшими доставить нам во-время закупленный у них еще накануне фураж.

За селением Бай-ян-хэ, перевалив невысокий увал, мы вступили в лабиринт логов и ущелий, стены которых сложены были преимущественно из крупно- и мелкозернистых кремнистых песчаников. Насколько возможно было судить о флоре этих ущелий по сохранившимся в них остаткам растений, она не отличалась ни особым разнообразием, ни богатством: полынь, один либо два вида Allium, Statice sp., несколько видов солянок, ковыль, чий, Peganum harmala и из кустарников низкорослый шиповник, таволга и карагана — вот, кажется, и все, что попалось нам здесь на глаза. На девятом километре мы выбрались, наконец, на простор. Это была пустынная, каменистая равнина, только в редких местах поросшая чием. Впрочем, за ручейком Соох-лэ, на берегу которого мы нашли пашни и одинокую китайскую фанзу, местность получила более плодородный характер Дорога приблизилась здесь к передовым контрфорсам хребта и, неоднократно пересекая ключевые лога, побежала по местности, поросшей кормовыми травами, среди которых кипец, чий и ковыль занимали, конечно, не последнее место. Тут нам то и дело попадались джигетаи, которые косяками в 20—30 голов безбоязненно паслись у самой дороги. Спешные выстрелы наши отгоняли их не далее, как на километр, после чего они останавливались и зорко следили за движением каравана. Конечно, стрельба наша могла иметь и лучшие результаты, имей мы возможность остановить караван или, по крайней мере, выделить из него людей для спокойной и правильной охоты на них; но, к сожалению, нам приходилось спешить, чтобы засветло добраться до урочища Джан-булак. День шел уже к концу, а мы все еще не добрались до колесной дороги в Турфан!

Но вот, наконец, и уч-тепэ — три холма, набросанные из валунов, «обо» калмыцких племен, живших некогда в этих местах. Здесь сходятся обе дороги, и тут же мягкие очертания соседних возвышенностей сменяются дикими скалами, служащими подножием основному массиву хребта. Породы, слагающие их, довольно однообразны. Преобладающей является бурый кварцит, местами прорванный хлоритовым диабазом; затем отдельными, частью разрушенными скалами, в некоторых местах даже подстилая кварцит, выступал темнозеленый кремнистый сланец; еще далее, наконец, в двух-трех местах мною замечены были выходы древних песчаников и белого кристаллического известняка. Затем так стемнело, что особенности геогностического строения гор стали сглаживаться. Вся масса гор получила однообразную фиолетово-серую окраску, которая постепенно темнела, пока, наконец, в сумерках наступавшей ночи, скалы не превратились в безобразные черные массивы без определенных очертаний и форм. Дорога, повидимому, делала повороты, обходила скалы, спускалась в поперечные долины и снова подымалась полого из них. Дул сильный, холодный северный ветер. Нестерпимо хотелось скорее остановиться, скорее добраться до пристанища и напиться горячего чая. Наконец, впереди блеснул огонек... Слышался какой-то шум, знакомые голоса...

— Колотовкин, ты?

— Так точно... А мы уж вас заждались...

— Да куда же здесь?

— А вот сюда, сюда...

Мне показалось, что я спустился в какую-то яму. Но это была нижняя терраса теперь ключевого ручья, а некогда, вероятно, значительного потока Улан-усу.

— Ну, что, как охота?

— Да потрафилось... двух джигетаев убили.

И Колотовкин с жаром завзятого охотника стал, перебивая самого себя, рассказывать о всех перипетиях этой охоты. Ему удалось положить шагов с 700 одного, а другого убили Ташбалта и Иван Комаров.

Когда на следующий день мы осмотрелись, то оказалось, что мы стоим бивуаком в широком ключевом логе, поросшем кое-где чием, камышом, осокой и некоторыми солянками. В этом логу, в двух шагах от нашей стоянки, расположен был постоялый двор и при нем небольшой пруд, на котором, к нашему удивлению, держались дикие утки — Anas boschas L. и Dafila acuta L. Весь юг заполонен был горами. Отроги их с обеих сторон опоясывали урочище Джан-булак и явственно выраженными террасами спускались в долину. Каменистая почва этих террас еще скуднее была одета растительностью, чем солончаковая почва низин, но зато дальше на север, где эти береговые террасы сменялись песчано-глинистыми откосами, травы росли гуще и, при нужде, могли служить сносным пастбищем для наших животных.

В урочище Джан-булак (абс. выс. 5 204 фута, или 1 586 м) мы простояли до октября, разъезжая по окрестностям и проводя все дни на охоте.

Здесь нам приходилось охотиться на антилопу-сайгу, горных баранов (аркаров) и джигетаев; всех этих животных мы встречали во множестве, и некоторые наблюдения наши над их нравами и жизнью, а также некоторые эпизоды из охоты на них, я считаю не бесполезным передать тут же.

Я начну с бургака.

Бургак местное, таранчинское, название антилопы-сайги; киргизы называют ее «букён». Молодого сайгака таранчи называют «уллак»: у киргизов же нет особого названия для молодого животного.

В доисторическое время животное это пользовалось огромным распространением. От берегов Черного моря и лесной полосы Литвы и южной России следы его пребывания проходят через всю Россию и Сибирь, достигая на крайнем северо-востоке последней устьев р. Лены (73° с. ш.) [49]. Еще сравнительно недавно эта антилопа встречалась повсеместно в южной России [50]; но с тех пор район распространения ее значительно сузился, и мы находим ее ныне только в степях Заволжья, в Ставропольской губернии и, наконец, в далекой Джунгарии. Здесь она держится еще большими стадами, хотя и истребляется местными жителями беспощадно.

Нрав антилопы-сайги изучить было не трудно; она водилась здесь в таком множестве, что почти ежедневно мы наталкивались то на отдельных особей, то на стада голов в пятьдесят. Это оригинальное животное с вечно опущенной головой имеет сангвинический, неспокойный характер. Оно — в постоянном движении. Шаг, повидимому, ему совсем незнаком, и даже во время пастьбы оно находится в покое только мгновениями. Каждый звук, каждое движение в степи возбуждает уже в нем подозрение; оно делает тогда несколько прыжков в сторону, встает на дыбки и с беспокойством озирается по сторонам; но и убедившись, повидимому, в отсутствии всяких поводов к тревоге, оно тем не менее не скоро успокаивается, что и проявляет ляганьем в воздухе и различными порывистыми прыжками. Если же подозрения оправдались, оно уносится вперед с невероятной быстротой, пренебрегая всякими естественными препятствиями, будь то рытвины, россыпи щебня и валунов или заросли кустарников. При всем том, несмотря на крайнюю легкость бега и быстроту движений, в них замечается какая-то угловатость: точно имеешь перед глазами субъекта, так или иначе подшибленного или же раненного в лопатку.

Антилопа-сайга — жительница степи. В Джунгарии она держится преимущественно в Зайсанской долине, вдоль рек Черного Иртыша и Урунгу и наконец в южной Джунгарии, на восток от Гучэна, т. е. в местностях с обильным травянистым покровом. Отсюда она забегает в пустыню — так, например, мы встретили ее в богатом ключами урочище Гашун — и в скалистые горы; но как там, так и здесь, она, как кажется, редкая гостья. Певцов утверждает, что он встречал ее на пустынных плоскогорьях р. Урунгу [51]. Это указание очень ценно. Оно вполне подтверждает наши наблюдения в горах восточной Джунгарии. На ночь сайга поднимается здесь в высшие горизонты гор, где находит в изобилии корм и воду; на день же, между 8 и 10 часами утра, перебирается в низины, лениво пощипывая по дороге траву. На этих-то ежедневных перекочевках сайги и основана вся система охоты местных жителей на это ценное животное. Его поджидают под каким-либо прикрытием и бьют тогда уже наверняка. Весь неуспех охоты зависит от неудачно выбранного места, а это случается нередко даже с опытными охотниками, потому что сайга, на свое счастье, не имеет обыкновения придерживаться раз избранного пути.

Мясо сайги китайцами ценится, но нам, благодаря своему странному привкусу, оно не особенно нравилось.

Аркар — тюркское название самки каменного барана, в Русском Туркестане ставшее нарицательным для всех видов рода Ovis, независимо от их пола. Самец по-тюркски — кульчжа; монголы произносят слова эти несколько иначе — аргали, кульцза.

Привезенный нами отсюда вид каменного барана оказался Ovis poli Bluth. Таким образом, Ovis poli является характернейшим животным гор Тяньшанской системы, будучи распространен от Гиндукуша и Памиров до крайней восточной оконечности Хамийских гор.

На аркаров мы охотились почти ежедневно. В поисках за ними приходилось забираться очень далеко в горы, причем случалось не раз, что охотники наши, усталые и голодные, возвращались на бивуак только к ночи. Одна из таких дальних экскурсий привела брата к открытию джунгарской колесной дороги через Тянь-шань, некогда соединявшей Хами и Ци-тай, но ныне заброшенной. Вот что он, в связи с охотничьими приключениями этого дня, рассказывает о ней.

Рано поутру, 27 сентября, в сопровождении казака Комарова и Сарымсака, я переехал в долину ручья Улан-усу и направился к горам, видневшимся на востоке. Пересекши первый отрог и пройдя около пяти километров, мы подошли к подножию гряды меридионального направления. Тут к югу открывалась долина, по которой пробегал извилистый ключ Кичи-Улан-усу, суженная в устье и расширяющаяся до 250 сажен (533 м) полтора километра выше. Глинистая почва этой долины испещрена была выцветами соли и местами довольно густо поросла осокой и камышом. Окаймляющие ее горы имели мягкие склоны, особенно западный, который кое-где представлял хорошие пастбищные места. Травянистая растительность долины была вообще довольно богата и, несмотря на позднее время, казалась еще достаточно свежей; только вдоль подножий щебневых осыпей она успела уже пожелтеть и поблекнуть, обнажив при этом плешины спекшейся глины. Выше циркообразного расширения долины скалистый массив разделил ее на два рукава, из коих левый был короток и обставлен отвесными скалами, а правый сохранял как общее направление долины, так и свойственный ей характер. Относительная высота заключающих ее гор становилась, однако, все меньшей и меньшей, рельеф их постепенно терял свою выразительность, и при дальнейшем движении казалось уже, что горы исчезли и дорога пролегает среди невысокого ряда холмов. Здесь растительность прекратилась; попадались в распадках холмов только отдельные экземпляры Brachanthemum fruticulosum DC., Cotyledon thyrsiflora Maxim., Zizyphora clinopodioides var. media Benth. и Allium sp.?. Вместе с тем появились здесь и памятники былого, относимые Сарымсаком к джунгарскому времени. Это были могильные насыпи в виде квадратов, сложенных из обросших уже лишаями камней (кэрэксуры); их было несколько десятков, и некоторые из них отличались особой величиной. Тут же попадались и прислоненные к скалам полукруглые, выложенные из камня, ограды, в один метр высотой — современные постройки, приют зимующих здесь со своими стадами баранов таранчей и киргизов.

Несколько далее долину, имевшую дотоле меридиональное направление, преградила гряда, отклонившая ее на восток. Опять появились скалистые горы, но характер их тут изменился. Вместо скал какой-то плотной породы (фельзит?), появились метаморфические сланцы — глинистый и кремнистый. Местами сланцы эти распадались на весьма тонкие пластинки, которые, в свою очередь, при малейшем усилии, рассыпались в порошок. Долина постепенно сузилась, и дно ее, будучи по краям красиво убрано кустарниковой и травянистой растительностью, точно нарочно выровненное и покрытое дресвой, казалось искусственно созданным шоссе, живописно извивавшимся среди скал. Тогда как северный ее бок представлял сплошную скалистую стену, на юге зачастую гряда прерывалась, и тогда взору представлялись мягкого очертания холмики, густо поросшие кипцом, с извивающимися между ними дорожками-водостоками, усыпанными желтоватым щебнем. Это и был, как мы ниже увидим, гребень значительно здесь понизившегося осевого Тянь-шаня.

Не проехали мы и трех километров от последнего поворота долины, как опять появились отделявшиеся от нее в стороны рукава. Одновременно горы понизились, а долина покрылась густо росшей травой, доходившей местами нам до колен. Тут, наконец, мы увидали аркаров, но, к сожалению, они заметили нас также и скрылись раньше, чем мы успели спешиться и подойти к ним на прямой выстрел. Но я и не подумал о их преследовании! Все, до сих пор виденное, поразило меня в такой мере своей неожиданностью, что на изучении местности я сосредоточил теперь все свое внимание.

При виде расстилавшихся к югу низких холмов являлся невольный вопрос: куда же, наконец, делся сопровождавший нас до сих пор могучий Богдо-олинский хребет (Эдэмэк-даба), еще к западу от Му-лэй-хэ сверкавший своими бесчисленными снеговыми вершинами? Его здесь не оказывалось; разъяснения же Сарымсака еще более смущали и волновали мой ум. По его словам, дорога, по которой мы теперь ехали, в калмыцкие (джунгарские) времена была большой арбяной дорогой, соединявшей Нань-лу и Бэй-лу. Действительно, присмотревшись, я ясно стал различать на ней следы старых колей. Влекомый интересом дальнейших открытий, я ехал все дальше и дальше, пока не достиг, наконец, точки, откуда ясно намечался спуск вниз, к дороге, соединяющей Хами и Турфан. И тут к югу хребта не было видно, и тогда как к северу возвышались отдельными массивами скалистые группы (гольцы), здесь невысокими грядами тянулись только холмы.

Чтобы рассмотреть общую картину всей окрестной горной страны, я решился подняться на одну из скалистых вершин, значительно поднимавшуюся над дном долины; подъем был нелегок, местами камень обледенел, и нога с трудом удерживалась на скользкой поверхности; но когда, наконец, я достиг своей цели, то открывшаяся взору картина вполне вознаградила за труд. Все

пространство, километров на сорок к востоку, было как на ладони и производило эффект панорамы. Понижение местности в эту сторону оказалось весьма значительным и оценивалось наглаз, примерно, в 4 000 футов (1 220 м); северные и южные склоны этого понижения образовывали как бы бока воронки, центр которой приходился на расстоянии 25 км впереди против меня, причем северное заложение отлогости было раза в четыре длиннее южного. По всей покатости ползли небольшие грядки восточного простирания с малым уклоном западного конца к северу. Не в значительном расстоянии от наиболее низкой точки котловины, закрывая горизонт на восток и северо-восток, поднимался кряж скалистых утесов, казавшийся мрачным исполином в сравнении с ничтожными горками, пересекавшими котловину. От этого горного массива тянулись и исчезали в туманной дали две гряды гор: одна восточного простирания, с блиставшими на ее вершинах белыми пятнами снега — это Карлык-таг хамийцев; другая менее высокая, вытянувшаяся на северо-северо-запад, но неясно отделявшаяся от торчавших из-за нее остроконечных вершин другого хребта, еще более отклоненного к северу, и уже кое-где покрытого пятнами снега; это — Баркюльские горы, с запада ограничивающие долину Баркюля *. Местность к северу маскировалась скалистыми отрогами, а к югу — бесплодным, заиндевевшим и усыпанным мелким щебнем, обширным (свыше 16 кв. км) полем плоской вершины, из-за которой не высовывалось ни одного пика или другой какой-либо вершины. Зато весь юго-восток был открыт, и только в эту сторону котловина имела выход, и в этом направлении далекий горизонт мешался с фиолетовыми тонами дали. Из сопоставления всего вышесказанного нельзя было не вывести заключения, что я находился на одной из выдающихся точек восточного конца Богдо-олинского хребта.

Вечерело, однако. Косые лучи заходящего солнца уже начинали золотить далекие вершины Хамийского Карлык-тага. До сумерек было уж близко, а мне хотелось осмотреть еще местность к северу от вершины, на которой я теперь находился. Следовало спешить. И вот я, еще раз осмотревшись и взяв несколько азимутов, почти бегом спустился к ожидавшим меня внизу лошадям. Отсюда мы с трудом вскарабкались на противоположный скалистый кряж и, спустившись, очутились в узком ущелье, которое, часа через два скорой езды, и вывело нас на колесную

---

* Узел, от которого в обе стороны, к востоку и западу, расходятся Баркюльские и Хамийские горы, пришлось видеть братьям Грумм-Гржимайло неоднократно; и хотя Баркюльские высоты маскировались скалистыми массами восточного простирания, тем не менее это не помешало им заметить, что обе названные цепи не образуют одной оси поднятия, но сходятся под углом, примерно, градусов в 130, между собою. [Прим. ред.]

дорогу из Пичана через перевал Улан-усу в Баркюль. На бивуак мы прибыли к 8 часам вечера.

Этой поездке предшествовала охота на аркаров, хотя также не увенчавшаяся желанным успехом, но интересная в том отношении, что брату удалось вблизи наблюдать интересного и редкого в Тянь-шане зверя — красного, или альпийского, волка (Canis alpinus Pall.).

Вот как он описывает эту охоту.

Это было в одном из боковых ущелий, открывающихся в долину Кичи-Улан-усу. Аркары спокойно паслись или лежали на пологом склоне горы, и мы, заметив их, готовы были уже приняться за их обход со стороны гор, когда вдруг внимание наше привлечено было странным животным, очевидно, тоже охотившимся на них. Расстояние между ним и нами не превышало и 300 шагов, что давало нам полную возможность следить за ним, не упуская из виду ни одного из его движений. Конечно, я признал в нем тотчас же красного волка (Canis alpinus Pall.). Мы засели за щебень и выжидали. Три аркара, подогнув под себя ноги и вытянув впереди шеи, не чуя близкой опасности, спокойно дремали на небольшом уступе скалы, круто обрывавшемся в нашу сторону стеной до 2,8 м высотой; покатый склон сбегал с него слева и в виде аппареле круто загибался под стенку. Этой-то покатостью и решился воспользоваться четвероногий охотник для того, чтобы, прикрываясь стенкой, незаметно подкрасться к дремавшим аркарам. Вытянувшись во всю длину своего тела, с прижатой к земле мордой и вытянутым хвостом, он показался нам очень крупным животным. Цвет его шерсти был однотонный — красный, только в пахах шерсть казалась немного светлее; вообще же в лежачем положении это была огромная лиса с окраской темных лисиц, каких, кстати сказать, здесь не встречается. Повернув голову в сторону аркаров, то и дело прислушиваясь, волк мерно подползал к своей жертве. Ему оставалось уже не более каких-нибудь четырех метров, и мы, нервно сжимая винтовки, готовились вот-вот вмешаться в редкую схватку, дабы захватить двойную добычу, как вдруг... сзади послышался шум и топот вскачь несущихся лошадей... И все было разом потеряно! В одно мгновение аркары были уже на ногах и в двадцати метрах от края площадки... волк огромным прыжком вскочил на уступ...

— По волку!.. прицел четыреста!..

Раздалась беспорядочная стрельба, пули ложились около зверя, но, как и всегда при нервной, спешной стрельбе, один промах сменялся другим, и зверь убежал...

Лошади, наделавшие такого переполоха, конечно, были наши. Чем-то напуганные, они бросились вверх по ущелью и, только завидя нас, пришли, наконец, в себя и остановились.

День был, очевидно, испорчен. Тем не менее мы, т. е. я и казаки Колотовкин и Иван Комаров, решили разойтись в разные стороны и еще раз попытать свое счастье — не с пустыми же руками возвращаться на бивуак!

Но все мои лазанья по горам не привели ни к чему — аркаров нигде уже не оказывалось! Вернувшись к лошадям, я застал там одного Колотовкина. Подождали, пока смерклось. Зажгли огни. Стали давать сигнальные выстрелы, стократным эхом отдававшиеся в горах. Подождали еще. Но Комарова все не было. Очевидно, он зашел далеко, но пешком, налегке, без теплой одежды. А между тем было холодно. Дул сильный северный ветер, предвещавший нам непогоду. Как быть? Оставлять ему лошадь — было опасно. Волков бродило здесь пропасть, и она могла сделаться их легкой добычей. Ждать еще? Но наступившая темнота сгладила уже давно все особенности рельефа, и если Комаров заблудился, то лишила его всякой возможности выбраться на условное место. Мы вскочили на лошадей и знакомой дорогой вернулись на бивуак. Отсюда мы выслали тотчас же разъезд, которому и удалось, наконец, при помощи сигнальных выстрелов, отыскать Комарова. Ему посчастливилось встретить аркаров. Он увязался за ними и забрел в такие горные дебри, откуда еле-еле выбрался в долину Кичи-Улан-усу, которую признал по догоравшему там костру. А тут и разъезд подоспел... Так окончился этот день, вначале посуливший так много!

Брат рассказывает еще один случай охоты на аркаров.

Солнце не золотило еще верхушек гор, когда я, в сопровождении двух казаков, выехал на охоту. Иней, устлавший низины, и сумерки утра, скрадывавшие все мелкие особенности рельефа, придавали монотонный вид ландшафту, к которому мы, впрочем, давно уже пригляделись. Было морозно, и утренний ветерок, забираясь в рукава полушубка, обдавал спину таким холодом, что поневоле приходилось ежиться. Мы ехали по давно и нам и лошадям знакомой тропинке, по направлению к урочищу Кичи-Улан-усу, и, опустив поводья, подремывали, съежившись, как могли, и далеко запрятав руки в рукава полушубка. Прошел час. Звезды стали меркнуть. Все яснее и яснее рисовались на востоке контуры гор, и вдруг там зажглась сперва одна, а потом и целая группа остроконечных верхушек. День наставал. Мы прибавили ходу и стали усиленно всматриваться по направлению видневшихся впереди грядовых скал. Вдруг на одной из них мы ясно заметили точно покосившийся на сторону крестик. Приглядевшись, мы узнали в нем сторожевого аркара. Это сразу определило место нашей охоты.

Мы уже проехали километра полтора к намеченной цели, когда вдруг, у подошвы гряды, с которой нам предстояло спуститься, мы заметили большой табун джигетаев. Посоветовавшись, мы решили брать лучше синицу, чем гоняться за журавлем, и, оставив на пригорке своих лошадей, стали то ползком, то согнувшись добираться до табуна. К сожалению, путь, избранный мной, оказался слишком открытым, и мне пришлось только издали наблюдать движения как джигетаев, так и моих товарищей по охоте.

В табуне царствовал полнейший беспорядок. Жеребцы, кобылы и жеребята шли, пощипывая редкую травку, где кто хотел, и весь табун занимал площадь чуть не в 500 кв. сажен (2 276 кв. м). Для предупреждения опасности не было принято, повидимому, никаких мер, и казаки, где ползком, где только пригнувшись. к земле, успели, не возбудив подозрения в табуне, подкрасться к нему шагов на двести. Взвились два белых дымка над камнями, табун дрогнул, шарахнулся в сторону и в беспорядке понесся вперед, где вскоре затем и исчез в утренней мгле. На покинутом им месте убитых джигетаев нигде не было видно.

— Как, неужели промах?

— Не может этого быть... выцелил ладно!

И казак был прав. Не прошли мы и трехсот шагов, как наткнулись на убитого джигетая, завалившегося между камней. Это была кобыла в прекрасной осенней шерсти.

Поручив Жиляеву, за которым «сбегал» * Колотовкин, снять шкуру с джигетая, я с казаками направился далее в горы.

Через узкую расщелину мы выбрались вскоре в котловинообразную долину, имевшую вид огромного амфитеатра. Справа возвышались крутые скалы, декорированные кустарником, слева — пологие склоны, покрытые дресвой и только местами поросшие тощей травой. Проехав некоторое время этой долиной, по руслу временного потока, мы завидели впереди более плодородный горный участок. Тут рос кипец.

Обрадовавшись возможности оставить лошадей в кормном месте, мы продолжали дальнейший путь наш пешком. Впрочем, подъем был здесь уже настолько крут, что лошадей все равно пришлось бы вести в поводу. Мы лезли к скалам, на которых, часа три назад, видели сторожевого аркара и, как всегда бывает на трудных подъемах, очень скоро разошлись довольно далеко друг от друга. Закинув штуцер за плечи, я уже решился было обогнуть большую скалу, чтобы достичь вершины горы, как вдруг, шагах в пятнадцати от себя, заметил громадные рога, поднимавшиеся из-за куста караганы. Они были загнуты почти в полтора оборота и имели между концами не менее метра. Аркар был огромный, в серой шерсти, — он успел уже, стало быть, сменять свой летний темнобурый наряд на зимний, более приноровленный к общей окраске местности в это позднее время года. Все это я рассмотрел в тот момент, когда приседал за первый же попавшийся на глаза выступ скалы. Но отсюда я и сам переставал уже видеть аркара. Место было неудачно выбрано, я полез было вперед, когда услыхал позади шаги беспечно между собою болтавших казаков. Терять времени было нечего... Я приподнялся из-за камня и увидал шагах уже в 70 от себя тихо спускавшегося аркара. Шум наверху заставил его круто повернуть голову в нашу сторону. Этим моментом я и воспользовался, чтобы приложиться и выстрелить. Я не промахнулся — кровь доказывала это — но, очевидно, попал не в «убойное место», кажется в шею, и аркар ушел для того, чтобы, может быть, через несколько же часов сделаться добычей волков.

В надежде где-нибудь отыскать раненое животное, я стал спускаться с горы. В это время я услышал странные звуки, похожие на стройные аккорды арфы, то усиливавшиеся, то замиравшие и лившиеся точно из заоблачных сфер. Сперва я подумал, не обман ли это слуха и не вводит ли меня в заблуждение жужжание какого-нибудь, летающего кругом, насекомого. Но нет, звуки усиливались, хотя и теряли в своей благозвучности от присоединившегося к ним свиста и не поддающегося определению шума. Я терялся в догадках, когда вдруг промелькнувшая надо мною тень объяснила мне их причину. Звуки эти, при быстром полете против ветра, производил своими крыльями бородач (Gypaëtus barbatus L.), с такой поспешностью несшийся, конечно, к трупу убитого нами джигетая.

Действительно, на возвратном пути мы застали их там целое общество. Уже наевшись, они сановито сидели на близ торчавших камнях в то время, как более подвижное воронье (Corvus corax L.) самодовольно расхаживало вокруг кровяного пятна или с оглушительным карканьем оспаривало друг у друга последние куски славной трапезы.

В бородачей можно было стрелять, как в мишень, и Колотовкин лихо сразил одного из них выстрелом свыше чем на полтораста шагов. Эта громадная птица была последней добычей этого дня.

Где бы ни водились горные бараны, они всюду избирают те же места — возвышенные плоскогорья с покрывающими их невысокими скалистыми грядами. Оттого-то, будучи столь многочисленными на Памирах, они уже не встречаются в западных частях Рушана и Шугнана. Нет их и во всей горной Бухаре, характеризующейся глубокими долинами и скалистыми, относительно высокими и неприступными горными кряжами. В Тянь-шане они также имеют свои излюбленные места. Это горы Кара-тау, сырты Чатыр-куля и Ат-баши, Юлдусы и Восточно-джунгарское плоскогорье. В Алтае и сибирских горах и ближе к Тянь-шаню — в Бэй-шане, западном Нань-шане и Алтын-таге — они водятся в тождественных условиях.

---

* На казачьем языке выражение это означает — съездить за кем-нибудь спешно.

Возвышенные и сухие, а потому покрытые редкими степными травами, часто совсем бесплодные, с растительностью только на сазах, широкие долины, ограниченные невысокими, но скалистыми кряжами гор, — вот их излюбленные места.

Горные бараны ночуют обыкновенно в горах, откуда в долины, на пастбище, спускаются с восходом солнца. Если их там никто не тревожит, они не возвращаются в горы ранее сумерек. Это крайне осторожные животные, но, при всем том, в них заметна и известная рассудительность: они не бросятся в бегство по первой тревоге, а постараются раньше взвесить и оценить замеченную опасность. Эта вдумчивость свидетельствует, конечно, о слабо развитых у них стадных началах. И действительно они живут в большинстве случаев небольшими товариществами, а в зрелых годах предпочитают даже жизнь бобыля. Сказанное относится, впрочем, только к самцам; самки же никогда не отделяются от стада, может быть инстинктивно сознавая, что при стаде их ягнята, к которым они чувствуют большую привязанность, будут сохраннее.

В противность изложенному, мне не раз доводилось читать, что аркаров встречали тысячными стадами; но мне всегда казалось, что в подобных сообщениях кроется какая-либо неточность наблюдений. Так, не принималось ли за одно стадо случайное скопление нескольких товариществ в какой-нибудь уединенной, богатой подножным кормом, долине? Киргизы не раз говаривали мне, например: вам следует съездить в такую-то долину, куда нередко сходятся аркары из всех окрестных ущелий. Не значит ли это, что я мог натолкнуться там и на случайное сборище аркаров в несколько сотен голов? Но правильно ли было бы назвать такое сборище стадом?

О времени течки ничего положительного мне неизвестно; во всяком случае оно должно наступать не ранее второй половины октября.

Аркары, как кажется, подвержены частым болезням, и притом нередко повальным: так, например, в зиму с 1886-го на 1887 г., на Памирах они погибали в большом числе; но какими симптомами выражалась эта, повидимому, инфекционная болезнь, местные киргизы сообщить мне не могли. Замечательно также, что в Хами нам доставлен был экземпляр аркара, добытого из гор к юго-востоку от Чинь-шеня, с отмороженными ушами.

О джигетаях (Asinus hemionus Pall.) нам сообщить почти нечего.

В Джунгарии они держатся иногда значительными табунами, которые, как мы это имели уже случай заметить, менее дисциплинированы, чем табуны диких лошадей. Характером они беззаботны и ветренны. Ничто не заставляет их быть осторожными и, полагаясь на быстроту своих ног, они, повидимому, вовсе не несут сторожевой службы. Живут в подгорных долинах, где и бродят, как кажется, без определенного плана. Ночуют, вероятно, там, где застанут их сумерки.

Урочище Джан-булак было нашей последней стоянкой на северных склонах Тянь-шаня. Вот почему я считаю уместным сказать здесь же несколько слов о короткой джунгарской осени.

Читатель помнит, конечно, что из Гучэна, направляясь на восток, мы подымались все выше и выше так:

абсолютная высота	г. Гучэна равнялась	2420	футов	(737 м)
	селения Му-лэй уже	4357	»	(1328 м)
	урочища Бай-ян-гоу, вероятно, несколько менее	5000	»	(1524 м)
и, наконец,	урочища Джан-булак	5204	»	(1586 м)

Из равнины мы попали на плоскогорье и мало-помалу втянулись в горы, где климат должен был отличаться, конечно, большей суровостью. Что разница между климатическими условиями Гучэна и Восточно-джунгарского плоскогорья действительно велика, видно из следующих показаний термометра, записанных мною в обратный путь по Джунгарии, совершенный в октябре 1890 г.

	2 ч. п/п	3 ч. п/п	5 ч. п/п	8 ч. п/п	1 ч. ночи	4 ч. утра	5 ч. утра	6 ч. утра
8 октября ст. Ту-фэй-гоу абс. выс. 5059 футов (1542 м) . . .	—	7°,5	5°	3°	0°	—1°	0°	—
9 октября ст. Да-ши-ту абс. выс. 4597 футов (1401 м)	6°,5	5°,5	2°	2°	—	0°	—	—1°
10 октября Сань-гоу-чуань-цзы абс. выс. 4554 футов (1388 м)	(в течение всего дня на 0°)				—4°	—	—	—6°
11 октября селение Му-лэй абс. выс. 4357 футов (1328 м) . . .	10°	10°	6°,5	3°	0°	2°	—	—
13 октября г. Гучэн абс. выс. 2420 футов (737 м)	—	15°	13°	5°	1°	1°	—	4°
14 октября (там же)	16°	14,5°	12°,5	6°	1°,5	0°	—	5°

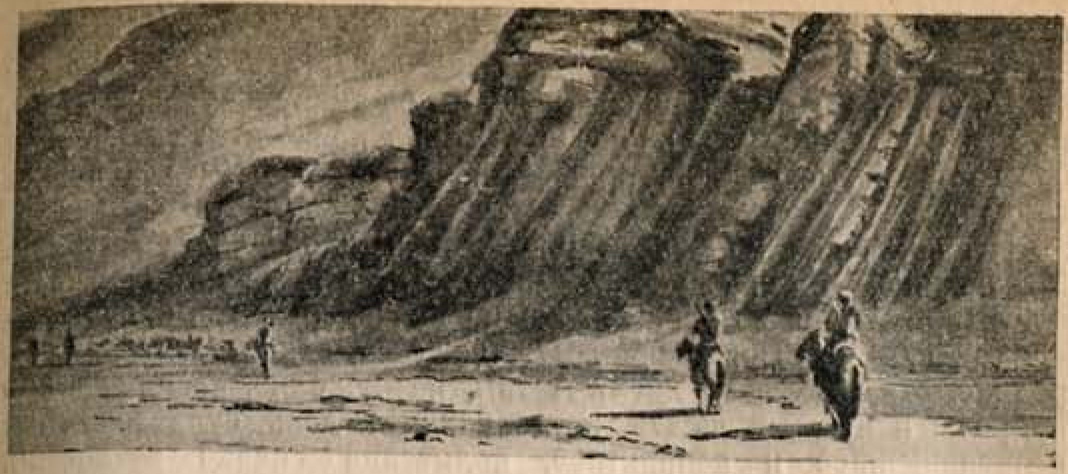
Число наблюдавшихся нами осенних дней равняется 42. Из них 22 дня мы провели в песках Гурбун-тунгут и Гучэнской равнине, остальные на Восточно-джунгарском плоскогории, западной границей коего я считаю Дунчинскую гряду плоских возвышенностей.

Всего за этот период времени совершенно безоблачных дней или с легкими перистыми облаками на краю горизонта насчитывалось 9, ясных 15 и облачных 18; из числа последних 4 с дождем и 3 со снегом. В течение всего дня, да и то с большими интервалами, снег шел только однажды, а именно 21 сентября, когда все окрестности заволокло туманом до такой степени, что даже ближайшие горы перестали быть видными; вообще же осень отличалась чрезмерной сухостью и ничтожным количеством выпадавших осадков.

Высшая температура, наблюдавшаяся нами за тот же промежуток времени, равнялась 30° в тени и 43° на солнце (28 августа, в урочище Гашун); низшая — 11,5° (в 5 часов утра, 23 сентября, в урочище Джан-булак) и —12° (в 8 часов вечера 1 октября, там же); наибольшая суточная амплитуда 30,5° (в урочище Гашун, 28 августа, при безоблачном небе), наименьшая —3° (в урочище Джан-булак, 21 сентября, при облачном небе).

Продолжительных и в то же время сильных ветров вовсе не наблюдалось; ветренных же дней мы насчитали 15. В большинстве случаев ветер дул с севера с отклонениями то к западу, то к востоку, часто с интервалами. Только однажды, а именно 17 сентября, достиг он значительной силы и, налетая вихрями с запада, чуть не опрокинул наших юрт.

Всего сказанного достаточно для того, чтобы, подтверждая слова Пржевальского, дать такую характеристику джунгарской осени: сухая, умеренно-теплая и безветренная, осень в Джунгарии, как и во всей остальной Центральной Азии, самое приятное время в году. Нет крайностей, бури и сильные ветры очень редки, осадки (дождь в равнине, снег на возвышенностях) ничтожны; облачные дни, составляющие обычное явление в подгорной полосе, в равнине явление исключительное; наоборот, там всегда ясно, тихо, тепло. Холодные дни, как и следовало ожидать, перепадают чаще в подгорной полосе Джунгарии, но там же, на высотах, и зима наступает, по нашим наблюдениям, дней на двадцать раньше, чем на Бэй-лу, к западу от Му-лэй-хэ. Впрочем, о времени наступления зимы на Бэй-лу я буду иметь еще случай говорить ниже.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ИЗ ДЖУНГАРИИ В ТУРФАН

30 сентября мы разделились. Брат со всем отрядом остался в урочище Джан-булак продолжать охоту на горных баранов, а я через упомянутый выше перевал Буйлук выехал в Турфанскую область.

Стрелка часов приближалась к пяти. Было морозно. Иней покрывал еще и оголенную землю и войлочные стены наших кибиток. Туман не туман, а словно какая-то пелена скрывала отдаленные очертания гор, и только на крайнем юго-востоке уже ярко светилась какая-то сопка. Но сюда, в наше ущелье, солнце еще не заглядывало, — вот почему здесь царствовал полумрак в то самое время, когда гребень Тянь-шаня горел всеми огнями рассвета.

— Ну, нечего медлить, ребята, пора!

Нам подвели лошадей.

— Счастливо!

— В Турфане, главное дело, Глаголев, бумаги-то не забудь... да и табак вот еще... Коли не найдешь настоящей листовки, так хоть какого ни на есть, а вези... Без курева настоящего ведь уж вон сколько сидим!

Все это мы слышали уж вдогонку, в то время, как лошади наши весело и легко вносили нас на соседнюю кручу, по которой уходила дорога на запад. Ею мы и поехали дальше, но, отъехав с километр, оглянулись... Ущелье все еще тонуло в тумане, и там, где мы рассчитывали увидеть свой лагерь, ничего уже, кроме черного пятна талой земли, не осталось, да и то еле-еле виднелось...

Впрочем, Глаголеву показалось, что он видит не только юрты, но и табун лошадей. Но Глаголев любил прихвастнуть остротой своего зрения и, говоря откровенно, на этот раз мы ему не поверили.

Итак, мы одни: я, казак Глаголев и проводник Сарымсак. Мы покинули лагерь надолго: дней на десять, на пятнадцать, и опять встретимся со своими уже не иначе, как где-нибудь на южных склонах Тянь-шаня... Что, кажется, значат в России, на родине, эти несколько дней? А там, на чужбине, среди чуждой природы и чуждых людей, когда каждый день сулит нечто и непредвиденное и неприятное, полмесяца — целая вечность!.. Один, два дня — еще ничего... Но природа, несмотря на все ее разнообразие, в особенности в горах, в конце концов все же однообразна. Одиночество начинает томить, а неизвестность тревожить. И вот уже с третьего дня тоска забирается в сердце и мало-помалу устраивается там полной хозяйкой.

Но пока что, а мы поехали бодро. К тому же и день обещал быть прекрасным и теплым. И точно: не успели мы даже въехать в яркую полосу света, выбивавшегося из-за Тянь-шаня, как уже нам пришлось снимать свои полушубки. Тем не менее, осень сказывалась теперь в полной силе в Джунгарии: таволга (Spirea) и карагана (Caragana tragacanthoides) стояли уже всюду без листьев, трава в степи пожелтела, и только сазы переливали еще во все оттенки зеленого. Где солнце, там и тепло, а где тень, там и иней, там и ледяная кора на воде...

Природа, видимо, умирала. Смерть успела уже овладеть высшими горизонтами гор, прикрыла их белым саваном и теперь тихо, но неуклонно, спускалась вниз по каждой щели и лощине, воровски, впрочем, прячась покуда и от тепла, и от света в тени темных откосов и скал, точно из опасения, что решительный бой между жизнью и ею все еще не вполне ей обеспечен.

Но мы, цари земли, привыкли созерцать эту титаническую борьбу двух стихий, столь же вечную, как мир, и, как мир, неизменную, без особенных треволнений, относясь к ней подчас даже совсем апатично, в особенности если сидим где-нибудь в тиши кабинета, у жарко натопленного камина. Но здесь, на лоне природы, лицом к лицу с этим неумолимым врагом всего живущего на земле, мы чувствовали себя далеко не царями ее и, несмотря на некоторую уверенность в себе, все же с сильным замиранием сердца посматривали на это море белоснежных пиков и куполов, через которые нам предстоит не далее, как завтра, перешагнуть...

— Так где же, ты говоришь, Сарымсак, находится наш перевал?

— Теперь его еще нам не видно... его заслоняет вон та гора.

— А как ты думаешь, снегу много на нем?

— На перевале — едва ли... Он крут, и ветер не позволит снегу на нем залежаться... Ну, а под ним может встретиться. Уж больно позднее время! Теперь разве только самый отчаянный сунется через Буйлук...

И, приравняв нас к самым отчаянным, он вдруг без дальних церемоний сунул мне в руку повод двух заводных лошадей, взмахнул нагайкой, выхватил на-скаку из чехла порученный ему бердановский штуцер и через мгновение уже крался водомоиной к широкой лужайке, видневшейся между двух невысоких холмов. Глаголев изо всех сил устремился туда же. Через минуту оба скрылись из вида, и оттуда, где скрылись, тотчас же послышались выстрелы...

— Ну, зачастили!.. бьют вдогонку, стало быть промахнулись.

Так оно и оказалось на деле. Охотники вернулись, не солоно похлебавши и, как водится, сваливая вину неуспеха один на другого... Стреляли в бургаков (Colus saiga), ранили, будто бы, нескольких, но ни одного не убили — странное, но тоже как мир вечное утешение неудачников!

Мы тронулись далее. Увал за увалом, долина — одна, как другая, все картины хорошо нам известные, столь однообразящие северные, степные склоны восточной части Тянь-шаня... Но вот, наконец, мы подошли и поближе к горам, при закате солнца миновали крошечное таранчинское поселение Бостан-су и мало-помалу втянулись в ущелье, которое должно было вывести нас к месту ночлега.

— Еще одна гора, и мы будем уже в гостях у дорги *.

И вот, наконец, мы действительно на этой, столь давно желанной горе, и под ногами у нас глубокая долина р. Бай-ян-хэ.

Здесь рубеж. Позади ширится волнистая степь, изрезанная логами и однообразная на всем своем протяжении; впереди же кулисами уходят дикие скалы, служа подножием величественным скоплениям снега, из которых смерть давно уже сложила блестящие чертоги свои и откуда и теперь доносилось до нас ее леденящее и губящее все живое дыхание.

Итак, туда, туда, стало быть, в эти чертоги, в это белое царство вечного покоя и смерти?!

Мы стали быстро спускаться, а черная щель, раскрыв теперь свой широкий зев, тотчас же и поглотила нас в своем сумраке. Черные скелеты деревьев, черный кустарник, точно щетина торчавший и справа и слева, черные глыбы камней, неизвестно с чего перегораживавшие вдруг нашу дорогу, — все это, при неверном освещении полумрака, принимало теперь такие фантастические очертания, что, будь у нас посильнее воображение, мы легко могли бы представить себе, что спускаемся в преисподнюю. В довершение всего снизу послышался сперва глухой шум, оче-

---

* Так в Турфане именуют волостных старшин.

видно, реки, а затем блеснул и самый поток, с дикими воплями рвавшийся в какую-то черную даль.

«Бай-ян-хэ!».

В самом деле, мы уже стояли на берегу этой речонки и с удивлением озирались по сторонам: дорога упиралась в реку и никуда дальше не шла. А между тем стало и сыро и холодно. Шел сухой снег. Со свистом врывался в ущелье ледяной ветер, приводил в трепет верхушки деревьев и, нашумев между скал, уносился вперед. Темень сгущалась такая, что даже на шаг впереди решительно ничего не было видно. И в то же время поток гудел под ногами и, чудилось, напевал какую-то зловещую песню.

Темнота ночи скрывала от нас его глубину, а потому последняя и казалась нам чрезвычайной. Но Сарымсак знал дорогу. Он если и остановился на берегу потока, то совершенно случайно, соображая, куда ему теперь ехать: вниз или вверх по реке. И, не сообразив ничего, ринулся в воду и был уже на том берегу, когда мы решились не отставать от него. Прошу представить себе изумление наше: Бай-ян-хэ оказалась и узкой и мелкой настолько, что вода не достигала даже стремян. Таков всегда и везде эффект темноты: самое пустое кажется страшным и самое обыкновенное чрезвычайным!

На том берегу Сарымсак сделал попытку и крикнул:

— Эй, люди дорги!

И не успел еще замереть этот окрик в пространстве, как совершилось настоящее чудо: отчаянно и на все голоса завыли собаки, и справа и слева послышалась тюркская речь, и кое-где блеснули огоньки, из коих некоторые тотчас же потухли.

Мы, сами того не подозревая, очутились среди становища монголов-магометан, остатков давно вымершего народа дöрбёт», простиравшего некогда свою власть на все степи южной Джунгарии. Вся их молодежь говорит ныне по-тюркски. В одежде своей они не сохранили ничего характерного, в пище и утвари тоже. Их сложение и облик лица напоминают калмыков, но бритые головы и большие, как смоль черные, бороды на первых порах затрудняют такое сближение. Их женщины тоже скорее уроженки любого из городов Восточного Туркестана, чем монголки или калмычки. Самая их подчиненность турфанскому вану* служит загадкой, которой не сумели мне разъяснить и сами дöрбёты. На северных склонах Тянь-шаня, между реками Да-лан-гу и Бай-ян-хэ их кочует ныне три волости.

Сарымсак в этом кругу людей был свой человек.

— Сарымсакэ?.. Сарымсак?! Қалай, якши-ма, яман-ма!.. **

— Хош кельды! Аман кульды?.. ***

---

* Т. е. князю.

** «Как поживаешь, худо ли, хорошо ли?»

*** «Добро пожаловать. Здоровым ли приехал?»

Тысяча возгласов, множество голосов, шум, гам, но ни одного лица, и совсем не знаешь, что с собою делать и куда направляться. Становилось неловко.

— Да что же, наконец, думает Сарымсак? Где он? И как смеет он нас бросать среди этих потемок?

Но Сарымсак знал, что ему делать. Я был здесь гостем почетным. Меня должен был встретить сам старшина. И этот старшина теперь наряжался.

Наконец, Сарымсак и с ним какой-то плотный бородач точно выросли рядом со мною. Я не сошел, меня приняли с лошади и с поклоном ввели в просторную юрту, где уже суетились две молодухи, расстилая новые кошмы, иоткан * и ястыки ** и раздувая огонь, тлевший посередине. В углу торчала китайская свечка и тускло освещала жилище, показавшееся мне верхом изящества и комфорта после целого дня скорой и, скажу откровенно, до нельзя меня утомившей езды.

Через час мы уже спали, плотно поужинавши лапшей и холодной дичиной и запивши все это двумя добрыми чашками кирпичного чая.

Дорога на перевал Буйлук шла вверх по речке Бай-ян-хэ. Галька и щебень, стоячий лес и бурелом, обломки скал и сугробы рыхлого снега — все это в таком нелепом беспорядке загромождало ущелье реки, что едва ли можно было придумать что-нибудь более неприятное, как быстрая езда по извилистой тропинке среди всего этого хаоса. Вдобавок, из стана монголов мы выехали еще глубокою ночью: нас торопили, так как предстоящий путь был велик, и кто определял нам его километров в шестьдесят, а кто так и во сто. Так что теперь, хотя я и ехал в хвосте, но все же принужден был огораживаться правой рукой: впереди только топот, но ни зги не видать, и я ежеминутно рисковал расшибить себе лоб о какой-нибудь низко накренившийся ствол или о слишком выдавшийся выступ скалы. Как при этих условиях Сарымсак подвигался вперед — понять было трудно, но он уверял, что различает дорогу. Это был совершеннейший вздор: он знал приблизительно ее направление и вел нас, без сомнения, наугад, в чем я и убеждался не раз, когда мы сталкивались грудь с грудью с каким-нибудь черным утесом. Тогда чиркались спички, осматривалась дорога, и оказывалось, что мы заехали не туда.

— Как же ты, Сарымсак, уверяешь, что видишь дорогу? Смотри, куда мы снова заехали!..

— Так мы сюда, может быть, и днем бы заехали... Разве, хозя'н, в этой трущобе может существовать какая-нибудь дорога?.. Река бежит — вот дорога, и где почище, там тоже дорога...

---

* Средней величины ватное одеяло.

** Плоские и длинные подушки.

«Резонно», — подумал я; но мне сейчас же стало понятно, почему мы то и дело натыкаемся то на скалы, то на бурелом, то на сплошные заросли ели... Мы, очевидно, шли не дорогой, а руслом потока, где до нас, вероятно, ходили только самые первобытные обитатели этих гор, какие-нибудь дикие гаогюйцы или тукиесцы, оставившие несомненные следы своего здесь пребывания.

Между тем стало светать, и по мере того, как все явственнее и явственнее становились предметы, мороз крепчал и ветер усиливался. Но мы почувствовали себя все же лучше, в особенности когда Сарымсак торжественно объявил, что самая худшая часть дороги осталась у нас позади... Я думаю! Теперь мы и сами уж видим, что ущелье р. Бай-ян-хэ совсем не такая трущоба, какой она нам казалась сначала: ущелье, как всякое лесное ущелье. И поезжай мы тропинкой, а не сбейся с пути в самую глушь, вероятно, наши бока и бока наших лошадей потерпели бы меньше.

Сарымсак ликовал: в самом деле, с наступлением рассвета его трудная роль вожака значительно упрощалась. Он выехал на тропинку и, несмотря на непогоду, затянул свою красивую хамийскую песню:

> Цветок над цветком наклоняется,
> Его своею росою поит...
> А я, отца первый баловень,
> Только любуюсь на красотку свою, да тоскую по ней... и т. д.

Я не знаю, какое впечатление здесь, в Петербурге, произвела бы на меня эта песня, но там, в Азии, мы все слушали ее с удовольствием! Кстати замечу, что таранчи, в особенности уроженцы Хами и Турфана, поют свои песни иначе, чем на всем остальном мусульманском Востоке. Это хотя и своеобразная, но все-таки песня, а не завывание без ритма и смысла; к тому же надо помнить, что и слушается она среди совсем иной обстановки, чем здесь. А не правда ли, в какой-нибудь беспредельной монотонной каменной пустыне, среди мерно шагающих верблюдов, наша залихватская песня если и не прозвучала бы окончательно дико, то все же оказалась бы вполне неуместной?.. И это совершенно понятно. Она явилась бы диссонансом в пустыне, где все налажено на созерцательный образ мыслей и где нет места ни живой речи, ни резким движениям. И, пожалуй, наоборот, монотонная песня пустыни показалась бы здесь и однообразной, и скучной, да, вероятно, и дикой... Ведь давно всем известно, что все понятия в этом совершеннейшем из миров относительны, и, без сомнения, музыка не составляет в этом случае исключения!

Итак, мы еще увлекались сарымсаковой песней, когда наш слух неожиданно поразили иные и совсем для этих мест странные звуки, сперва слышавшиеся издали, потом все ближе и ближе...

Точно благовест?!

— Сарымсак, ты слышишь?.. Что бы это было такое?!

— Ишакчи! *

Мы были сконфужены. Сколько раз, в продолжение частых странствий своих по дорогам Внутренней Азии, мне приходилось прислушиваться к этому «благовесту в пустыне», и теперь я его вдруг не узнал! Но, странное дело, мне почему-то казалось нелепою мысль, что «нашей дорогой» может итти караван... а между тем он действительно шел, и вскоре мы даже поровнялись с турфанцами, подгонявшими длинную вереницу ослов, очень послушно несших свою громоздкую клажу. Но как уныло гудели их несоразмерно большие колокола, и как беспомощно выглядели теперь и эти милые твари, то и дело тонувшие в рыхлом снегу, и сами турфанцы, одетые в рубище и совсем изнемогавшие от трудностей пройденного пути!

Что же станется с ними на перевале?.. И мы с сожалением всматривались в эти изможденные лица и от всего сердца приветствовали их мусульманским «аман».

— Аман, аман, таксыр! — дружно отвечали нам и погонщики, точно обрадовавшись, что не они одни попали в разряд «самых отчаянных».

Бедные! Они еще не предчувствовали тогда, какую страшную участь одному из них готовит судьба... А мы, мы тоже в то время не думали, что в их лице та же судьба шлет нам своих избавителей!

Лес кончился; впереди — царство снега и скал. Но как далеко в настоящее время ширятся пределы его — никому неизвестно.

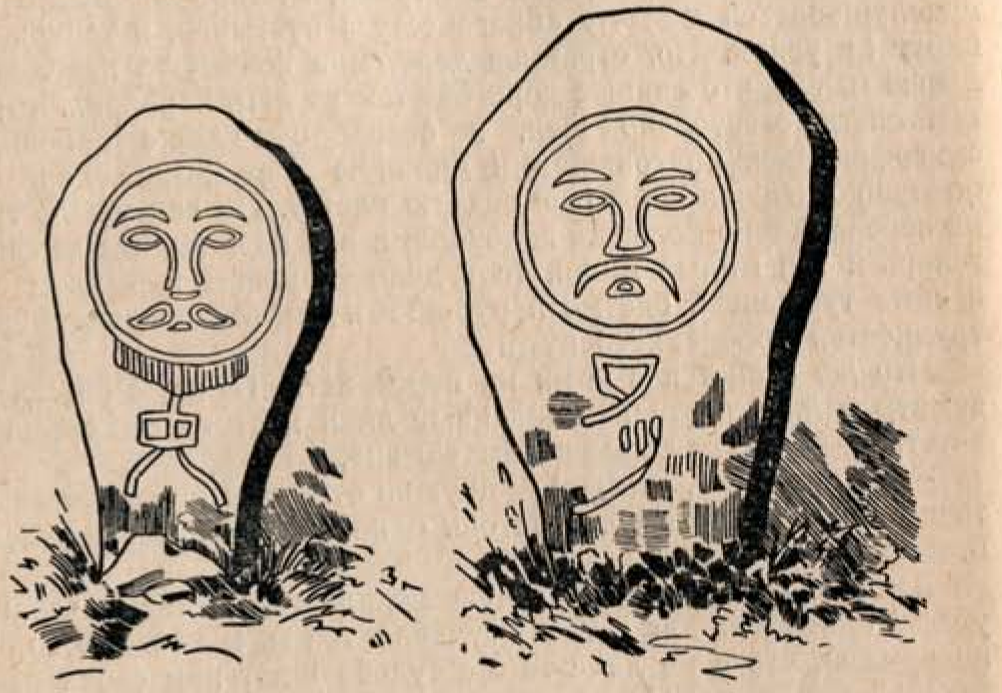
Сарымсак провел буйную молодость: он был воин и барантач. Был случай — он неожиданно разбогател и поселился в Хами. Родственник старшей жены Башир-хана, он пользовался там чрезвычайным почетом, но праздная жизнь была ему не по сердцу. Прельстившись ролью странствующего купца, он снарядил свой караван и стал разъезжать по поселкам и городам; однако скоро заметил, что и эта роль ему не к лицу. Он бросил торговлю, роздал вырученные деньги в долги и бежал на Алтай к киргизам-киреям. Много лет прожил он их вольною жизнью, не раз гонял их стада на продажу в Гучэн, в качестве главного пастуха, зимовал в глухих ущельях Тянь-шаня, но в конце концов бросил киргизов, перебрался снова в Гучэн и тут жил в качестве простого джигита у богатого ходжентского выходца, когда, вдруг, узнал, что в окрестности города прибыли русские. Сарымсак угадал в нас именно тех людей, каким и он был всю свою

---

* Погонщики ослов.

жизнь — вечных странников! — и тотчас же решился... С тех пор он не покидал нашего каравана и служил нам верой и правдой. Так вот что за человек был Сарымсак!

Но и он озирался теперь с удивлением и беспокойством при виде необъятных масс снега кругом. Его беспокойство передалось тотчас же и нам.



Каменные бабы, встреченные в горах Богдо-ола (*рис. Г. Е. Грумм-Гржимайло*).

— А что, Сарымсак, никак ты сбился с дороги?

— Н-нет... но я не могу найти каменных исписанных плит, о которых я тебе, таксыр, только что говорил... А! вот они! Поезжай вон на тот бугор, а мы с Глаголевым пока потихоньку станем взбираться на перевал... — Он что-то добавил еще, но последних его слов я уже не слыхал.

Я лез на указанный мне бугор и внимательно осматривал каждый встречный мне камень. Наконец, я наткнулся на два, стоймя поставленных, крупных осколка филлита, которым искусственно придана была сверху округлая форма. На них были отчетливо выбиты усатые лица монголов.

Это были знаменитые «бабы», каких не мало разбросано на всем обширном пространстве юга России, от границ Старой Польши до пределов Саян и Алтая; так далеко на юго-востоке их, однако, еще вовсе не находили, и в этом мы должны, без сомнения, видеть весь интерес нашей находки.

Кроме каменных баб, никаких «исписанных непонятными» буквами плит я не видал: все прикрыл здесь предательский снег! И точно его еще мало навалило кругом! Он снова пошел, и на этот раз точно сговорившийся с ним заранее ветер подхватывал массы его и нес нам прямо навстречу. Начинался настоящий буран.

Я быстро скатился с бугра, но нигде — ни впереди, ни внизу — спутников своих уже не нашел. Я пробовал крикнуть, но что в такое время мог значить крик человека? К счастью, я набрел на их след, который не успело еще вполне замести. Из всех сил устремился я по этому следу, хватаясь за него, как, вероятно, только утопающий хватается за соломинку. Рыхлый снег, в котором я утопал то и дело, до крайности измучил меня, когда вдруг, впереди я увидал нечто черное... «Не они ли?»—мелькнуло в уме. Но я тотчас же решил, что ошибся. Действительно, это был пологий выступ скалы, прикрытый мерзлой землей и черною, мелкой галькой. Здесь проходила тропинка, на которой явственно отпечатались свежие следы лошадей. Я вскочил на свою и несколько мгновений спустя находился уже снова рядом с Глаголевым и Сарымсаком.

Мы начали свой трудный подъем на Буйлук.

Не во-время налетевшая туча прошла. Небо очистилось, и солнце ослепительно заблистало на белой поверхности гор. И в природе и у нас на душе стало вдруг как-то радостно: чувствовалось, что беда миновала. Мы стали даже шутить и тут только уже спохватились, что сильно продрогли. Я на ходу посмотрел на термометр — 11° ниже нуля!

— До перевала еще далеко?

— Нет, близехонько...

Но мы шли еще целый час. Снегу здесь уже не было. Гора смерзшейся желтой и черной гальки, прорванной только в двух-трех местах выходами метаморфических сланцев, — вот что такое Буйлук.

С перевала хотя и открывается обширнейший горизонт, но смотреть было решительно не на что: в непосредственной близи только снег, да из-под него торчащие скалы, а на краях горизонта фиолетовые гребни хребтов и отрогов.

Спускаться было легко. Мы и не заметили, как вышли в узкую котловину, обставленную всюду горами, кольцо которых прерывалось только в одном месте рекой. Сперва мы было и направились в эту сторону, но вдруг Сарымсак спохватился:

— Нет, не сюда...

Мы повернули назад, завернули за какую-то щель и остановились: громадные массы снега загораживали дорогу.

Сарымсак сдал заводных лошадей казаку и поскакал назад в котловину. Полчаса спустя мы заметили его на скале: он усиленно махал нам руками.

— Вот что, таксыр, — говорил он, силясь казаться покойным, — сколько раз ни ходил я этой дорогой, но такого снега в боковых ущельях совсем не припомню. А между тем сворот на Кичик-даван приходится именно на одно из этих ущелий... Рассмотрите же их: все как один! Снег не только замел все следы нашей дороги, но и скрыл все приметы, по которым только и возможно было угадать направление.

— И ты решительно отказываешься вести нас вперед?

— Я боюсь ошибиться...

— Тогда надо назад...

Но Сарымсак указал мне на небо: солнце успело уже сделать более половины своего дневного пути и теперь ежеминутно готовилось погрузиться в надвигавшиеся с запада густые черные тучи.

— Поздно!.. буран...

— Да, но ведь и эта яма нас от бурана не спасет, а там, на перевале, все-таки снега поменьше... Если же доберемся до Байян-хэ, то там хоть в лесу приютимся!..

С этим последним доводом спутники мои согласились, и мы повернули назад своих лошадей.

— Чу?!. благовест! Неужели ишакчи?

— Ишакчи! Ишакчи!..

Мы обрадовались им, как своим избавителям. Сразу воскресла надежда и не напрасно: турфанцы указали нам Кичик-даванскую щель.

— Аман! аман! — Мы расстались вторично и, как нам теперь думалось, навсегда. Но судьба сулила иначе. Три недели спустя ишакчи нас разыскали и просили помочь умиравшему их товарищу. Но ему могла теперь помочь одна только смерть... Это был почти уже труп с совсем обезображенными конечностями...

— Что это?! Что случилось? Как дошел он до такого ужасного состояния?

— А ты помнишь, господин, как мы тогда с вами расстались? Его осел не пошел, он остался там ночевать и замерз...

……

Опять снега. Опять буран. Опять подъем и, наконец, спуск в ущелье, которое должно было вывести нас сначала в долину р. Керичин, а потом и к турфанскому поселку Кок-яр.

Солнце садилось. Но, к счастью, мы успели далеко за собой оставить снега, а тут уже нас гостеприимно приветствовал теплый воздух низин. Мы вздохнули свободнее.

— А далеко ли, Сарымсак, до Кок-яра?

— Да километров тридцать осталось...

— Как тридцать километров? Да ведь солнце уже закатилось!

— Закатилось...

Положение наше становилось трагическим.

— Послушай, Сарымсак! Да нельзя ли где-нибудь остановиться поближе... Ведь мы часов пятнадцать не ели...

— А что будем есть?

Я вспомнил, что с нами, действительно, не было решительно ничего, кроме чая и сахара, так как рассчитывали ночевать не в степи, а в селении.

— Ну, чай вскипятим, по куску хлеба найдется, а лошади, по крайней мере, отдохнут и пощиплют травы.

— Здесь «харюза» *. И травы, годной для корма скота, не растет. Здесь все сеянное, все покупное. Первое же селение и будет Кок-яр...

Мы спускались все ниже. Ночь. На небе ни облачка, и луна прекрасно освещает наш путь. Густые тени; неверное, фантастическое освещение скал, непомерно высокими и зубчатыми стенами стоящих по обе стороны от дороги; наконец, мягкий грунт этой дороги и, главное, необыкновенная тишь в воздухе — все это на время мирит нас с перспективой еще тридцатикилометровой езды... Желая, однако, сократить время, мы гоним лошадей рысью и то ныряем в густую тень, то снова выскакиваем на освещенную луною площадку. Ущелье становится у́же. Мы объезжаем какой-то каменный вал. «Морена!» — мелькнуло у меня в голове, но Сарымсак сообщает, что это остатки китайского укрепления. Мы минуем его. Ущелье снова расширяется, и горы мельчают. Впереди ясно обозначилась необъятная даль. Но мы почему-то сворачиваем на запад.

— Это куда?

— К Керичину.

Но Керичин не показывается. Ущелье опять то ширится, то снова суживается, и так без конца.

— Сарымсак, далеко ли еще?

— Не далеко.

Еще прибавили ходу, но впереди все те же картины.

— Далеко ли?

— Не знаю...

Наконец, мы въехали, как нам показалось, в ворота. Это точно природный туннель. Совершенная темень... И вдруг в этой темени мелькнули огни, послышались голоса, зашумела вода...

— Кок-яр?

— Керичин...

— А кто эти люди?

— Такие же проезжие, как и мы.

Сарымсак подъехал к этим проезжим.

— У них, таксыр, с собой нет ничего: ни хлеба, ни фуража. Надо ехать вперед. Кок-яр уже близко. Нет пяти километров.

---

* Под этим названием известна в Туркестане каменистая пустыня, расстилающаяся между Тянь-шанем и грядой Туз-тау.

Мы переехали реку, миновали рощу туграков (Populus sp.) и полезли на какую-то гору.

— Сарымсак, куда же мы лезем?

— Кок-яр за этой горой.

Луна светит попрежнему. Легко догадаться, что мы едем грядой, отличной от осевого Тянь-шаня, но ему параллельной: там метаморфические породы, здесь же глина, конгломераты, песчаники; но, как там, так и здесь совершенное бесплодие, даже больше: там хоть изредка мелькала полынь, чий, кусты караганы, может быть, другие растения; здесь же, кроме Eurotia ceratoides, ничего. Лошади тянулись к этому полукустарнику, но потом отворачивались гадливо. Становилось их до невозможности жаль.

Но зачем-нибудь горы эти да посещались людьми, и, вероятно, вовсе нередко, судя по значительному количеству колесных путей и конных тропинок. Сарымсак вспомнил, что встречал здесь не раз ишакчей, везших каменный уголь. Но теперь нам было решительно не до угля. Мы уже сбились с дороги и меняем одну тропу на другую.

Мы спустились с горы: перед нами безграничная каменистая степь — «харюза». Мы твердо верим, что стоит нам ею проехать всего каких-нибудь километра два, и перед нами блеснут в овраге воды Кок-яра. Но взамен оврага мы наткнулись на горы.

— Мы взяли слишком направо, надо левее... Эта гора примыкает к Кок-яру...

— Слышите, ваше благородие, никак это петух?..

И Глаголев, в полном убеждении, что не ослышался, взбирается на соседний бугор... Горы, горы и горы... Так на западе, а на юге безграничная каменистая степь... И на всем этом пространстве никакого следа жилья человеческого.

Сарымсак опустил голову:

— Я заблудился!..

Был первый час ночи. Почти целые сутки и мы, и лошади были совсем без еды. Но есть не хотелось. Всех мучила теперь только жажда... воды! Но где было взять эту воду?..

Мы связали своих лошадей и уселись на берегу сухой водомоины дожидаться утра...

А при первых проблесках света Сарымсак подвел мне коня и, указывая на запад, сказал с какой-то особенною грустью в голосе:

— Посмотри, господин, вон башня. Это «Бадаулет-курган», под ним поселок Кок-яр-аягэ. Мы не заблудились, но не доехали...

И потом вдруг добавил:

— Да, стар становлюсь! Пора уже думать мне и о смерти...

Когда я осмотрелся, то мне представилась такая картина. Далеко вперед, в бесконечную даль, уходила каменистая пустыня, изрезанная кое-где обросшими хвойником неглубокими и плоскими водомоинами, имевшими общее направление на юго-восток. Там общий характер местности изменялся: виднелся яр р. Керичин и большие массы зелени — поля ак-джугары (Sorghum cernuum), принадлежащие поселку Чиктым. На западе местность выглядела пустыннее, и только одна желтая масса Бадаулет-кургана подсказывала нам близость человеческого жилья.

Обрыв р. Кок-яр стал обозначаться на пятом километре, но мы ехали еще целый час, прежде чем добрались до выселка Кок-яр-аягэ, расположенного на дне глубокой и широкой долины этой реки. Выселок состоял из трех-четырех хозяйств, неизвестно чем здесь существующих, так как галечная почва речного русла была мало пригодна для земледелия. На убогих клочках, по соседству, впрочем, все же высевалась пшеница и разводились бахчи, но какого громадного труда должны они были стоить поселившимся тут земледельцам!

За час до полудня мы распростились со стариком-турфанцем, суетливо хлопотавшим около нас, переехали широкий, поросший карагачевым кустарником сай Кок-яра, с трудом взобрались на правый крутой его берег, осмотрели развалины Бадаулет-кургана, выслушали рассказ о чрезвычайной глубине находящегося там колодца и снова пустились в дорогу.

Перед нами опять харюза — каменистая степь, покрытая черной галькой, которая нестерпимо отсвечивает солнечные лучи. Ни одной былинки, куда ни взгляни! Даже Ephedra здесь не растет.

Мы в пустыне, но горизонт наш сужен миражом, который стелется впереди либо гладкой поверхностью озера, либо волнующимся туманом, принимающим самые чудные очертания. Чем ниже опускается солнце, чем резче становится разница в температуре и плотности между различными слоями атмосферы, тем ближе и ближе надвигается и на нас этот туман. Наконец, нам самим уже начинает казаться, что мы точно взвешены в воздухе и вместе с тем уголком степи, по которому бегут наши кони, плаваем в волнах эфира... Странное впечатление! Временами из этого оптического тумана выплывают какие-то гигантские фигуры людей, которые в следующее мгновение оказываются проезжими турфанлыками. «Аман, аман!» — приветствуем мы друг друга и, разминувшись, продолжаем свой путь в том же тумане.

Но вот, наконец, мы распрощались с каменистой пустыней! Мы съехали в какую-то впадину, туман перед нами рассеялся, и впереди во всю свою ширь раскинулся богатейший оазис Ханду.

Ханду окружен с севера концентрически сходящимися рядами круглых насыпей с четвероугольными, обделанными деревом, отверстиями посередине. Это—карыси, колодцы, вернее системы колодцев, соединенных между собой трубами, по которым подпочвенная вода и выводится на поверхность. Об этих замечательных гидротехнических сооружениях я буду иметь еще случай говорить ниже; здесь же замечу, что, так как карыси обеспечивают существование оазисов Турфана, то местное население относится с особенным уважением к лицам, знакомым с сооружением сих последних; в тех же исключительных случаях, когда ремонт или сооружение таких карысей обходится не без человеческой жертвы, то погибших хоронят на общественный счет и к могилам их относятся с таким же почтением, как к могилам святых.

После стольких километров бесплодной пустыни Ханду своими садами, тенистыми аллеями и по всем направлениям струящимися ручьями прозрачной воды производит чарующее впечатление. Впрочем, и при других условиях он не может не произвести подобного же впечатления на заезжего человека. Это настоящая «жемчужина» среди оазисов Востока и по своему благоустройству и богатству не имеет соперников в Центральной Азии. Побывав в Ханду, невольно уносишь оттуда такое впечатление, что в нем нет бедных и что вся община, как один человек, посвящает все свободные силы свои заботам о красоте общего обиталища.

Только центр оазиса застроен сплошным рядом домов; но даже и тут, впереди и позади их, подымают свои вершины вековые туты, ясени (Fraxinus sogdiana Bunge, «чарын» по-туземному), айланты (чулюк) и карагачи, которые в течение всего почти дня удерживают на улице тень. А от этой улицы, сходящейся с несколькими другими у центрального пруда, через который перекинут красивый, китайской архитектуры, мост, во все стороны идет сплошной лес, в котором персики, абрикосы, «нашпута» *, айва (джуджиль), гранаты (анар) и груши (альмуруд) теснятся под тень таких гигантов, как волошская орешина, карагач, платан и серебристый тополь. Вдобавок и жилища, и глинобитные стены оград местами густо оплетены здесь «сарыготом» (Clematis sp.) или красиво убраны виноградом. Но не сады, не местные опрятные постройки и не всюду бегущие ручейки привлекают здесь главное внимание путника, а поля, которые распланированы в Ханду с замечательным искусством и содержатся так, как, вероятно, нигде в другом месте; а между тем они ничем не ограждены и только линии тутовых посадок разбивают их на участки. Все улицы в Ханду также обсажены тутом, карагачем или пирамидальным тополем и отличаются поразительной чистотой, чему в значительной мере содействуют как сухость климата, так и обычай утилизировать всякие отбросы, которые в других местечках и городах выбрасываются на улицу: часть идет на топливо, а часть на изготовление компостов.

---

* Испорченное афганское «нашпати», что значит — груша. «Нашпута» — мелкая, но очень вкусная груша, как кажется, неизвестная в Русском Туркестане.

Мы прибыли в Ханду вечером, когда уже на улицах толпился народ, возвратившийся с пашен, и среди этой толпы мы не заметили ни одного оборванца: чисто вымытая рубашка (куйпэк) виднелась на богатом и бедном, которые если и различались между собой, то только большей или меньшею ценностью своего головного убора — допы или материей на джаймэке; у большинства джаймэк был крыт местной цветной бязью, а у богатеев и местных франтов — русским тиком. Хотя несомненно, что Ханду в гостях у себя видел европейцев впервые, но толпа, при нашем появлении, не обнаружила ни малейшего любопытства. Она даже как будто нас сторонилась и безучастно отнеслась к нашим расспросам: где бы мы могли пристроиться на ночь? Нам указывали то на один дом, то на другой, но там или не оказывалось хозяина, или хозяин бесцеремонно нас выпроваживал, заявляя, что принять нас у себя он не может из боязни китайских властей, которые, придравшись к случаю, выжмут из него последние соки. «Если бы, — добавлял он, — турфанский амбань уведомил нашего доргу о вашем прибытии, то любой дом мог бы служить вам пристанищем; а теперь, помимо дорги *, едва ли кто решится вас принять у себя».

— Ну, в таком случае, покажите нам дорогу к дорге!

Дорга сказался отсутствующим. Но его заместитель оказался любезнее и тотчас же отвел нам приличное помещение. «Видите ли, — говорил он дорогой, — если бы вы ближе знали в какой кабале нас держат китайцы, то не стали бы сетовать и на наше негостеприимство — своя шкура, конечно, каждому ближе».

— Да ведь вот нашлось же у тебя для нас помещение...

— Нашлось потому, что мы не знаем, что вы за люди. Боимся пересолить. А вдруг как окажется, что вы с китайского ведома здесь разъезжаете? Тогда опять ведь беда!

В удостоверение того, что так оно и есть в действительности, я показал аксакалу наш паспорт. Этого было достаточно, чтобы сразу же расположить в нашу пользу туземные власти. Хандуйцы нас тотчас же окружили, и в болтовне с ними мы незаметно провели время до ужина.

Еще подъезжая к Ханду, мы заметили на юге невысокую гряду гор; но только на следующий день, при выезде из помянутого оазиса, нам удалось разглядеть ее подробнее. Ее нам называли различно: Туз-тау и горой Иеты-кыз. Последнее название, означающее «Семь дев», приурочивалось, впрочем, как кажется, к тому только участку гряды, который возвышался на юг от Лемджина. Странным названием этим гряда обязана семи глыбам выветрившегося песчаника, венчающим вершину горы и имеющим, если смотреть на них из долины, действительно некоторое сходство с человеческими фигурами. Местное население чтит эту гору, связав с ней одно из многочисленных преданий своих; но надо иметь, действительно, не в меру пылкое воображение, чтобы в изображенных на прилагаемой фототипии глыбах песчаника видеть окаменелых по воле Аллаха девиц. Впрочем, как истые мусульмане, турфанцы и не приближаются никогда к этим причудливым скалам, будучи твердо убеждены, что смельчаку, который рискнул бы на это, грозит половое бессилие. И уж на что Сарымсак или мой джигит Ташбалта, но и те отказались сопровождать нас с братом на эту гору, когда мы снова, неделю спустя, съехались с нашим отрядом в Лемджине. Если не считать этих вершин, то гряда Туз-тау с севера представляется высоким валом, поражающим монотонностью в окраске и однообразием в контурах. Иною представляется она в поперечных долинах своих, но об этом будет сказано в своем месте.

---

* Дорга — звание, соответствующее мин-баши, т. е. волостному управителю.

Ханду отделяется от Лемджина неширокой полоской глинистой пустыни, частью лишенной вовсе растительности, частью поросшей верблюжьей колючкой (Alhagi kirghisorum), солодкой (Glycyrrhiza asperrima), Lycium ruthenicum и некоторыми солянками. Это обычное место остановки верблюжьих караванов, идущих из Лян-чжоу-фу в Карашар и далее в города Джиттышара. Один из таких караванов располагался здесь и сегодня в тот самый момент, когда мы с рассветом покидали Ханду.

Лемджин занимает обширную площадь, вытянутую километра на четыре вдоль подошвы Туз-тау; благодаря, однако, широким рукавам гальки, разбивающим ее на участки, в ней сравнительно немного земли, годной под обработку. Зато ключи и карыси дают здесь столько воды, что ее хватает даже на рисовые поля. Центр Лемджина составляет базар — несколько чистеньких китайских и дунганских лавчонок, приютившихся под сенью громадных деревьев. Здесь проходит главный тракт и сюда же сходятся все дорожки и тропы, ведущие к отдельным группам домов и хозяйств, на которые естественно распадается Лемджинская община. Но с большой дороги этих хозяйств в большинстве случаев вовсе не видно, — так густы здесь повсеместно древесные насаждения!

Западная окраина Лемджина, называемая Лемджин-кыр, ныне заброшена: постройки развалились, бывшие поля заросли верблюжьей колючкой (джантак) и другими сорными травами. Местные карыси здесь иссякли вследствие выборки подпочвенной воды слишком развившимися соседними карысными системами Су-баш и Лемджина.

За Лемджин-кыром расстилается пологая, глинистая, совсем бесплодная впадина, сохранившая все следы бывшего озера. Несколько в стороне от дороги здесь производят ломку соли. Слегка горьковатую, с значительными цветными примесями, соль выбирают на глубину 600—900 см из подпочвенных пустот, которые она и выстилает друзами довольно крупных кристаллов.

Следующее селение, расположенное в семи километрах от Лемджин-кыра и насчитывающее не менее 50 дворов, было Су-баш, названное так потому, что ключи его и обширная карысная система питают значительный оазис Туёк, расположенный по южную сторону кряжа Туз-тау. Су-баш в настоящее время слился с Сынгимом, обширным оазисом, насчитывающим до 450 дворов. Он так же, как и Лемджин, тянется узкой полоской вдоль гор и на западе отграничивается крутым обрывом отрога Туз-тау, под которым струится ключик Уртанг.

Спускаясь вниз по текущей среди высоких камышей речке Уртанг, мы втянулись в ущелье, рассекающее горы Туз-тау, и вскоре затем вышли на более многоводную речку Мултук, истоки которой находятся в ключах и карысях выше довольно значительного селения с тем же названием, расположенного по северную сторону Туз-тау и западнее вышеупомянутого отрога.

Долина р. Мултук, поросшая облепихой и лозняком, замечательна теми остатками старины, которые сохранились здесь еще с уйгурских времен: в долине заметны следы укрепления, в горах левого берега выбиты капища и монастырские кельи, в которых превосходно разрисованная штукатурка до сих пор еще не осыпалась и сохранила необыкновенную яркость красок; по выходе же из гор, где речка получает название Кара-ходжа, вдоль нее всюду виднеются развалины городов, надгробные памятники и глинобитные постройки менее определенного типа.

При выходе речки Кара-ходжа из гор расположен небольшой выселок Сынгим-аузе. Дорога здесь разветвляется: юго-восточная ветвь сворачивает в селение Кара-ходжа; юго-западная, прямо через каменистую пустыню, поросшую в изобилии Capparis spinosa («каппа»), Alhagi kirghisorum и Zollikoferia acanthoides, идет на Турфан. Мы свернули на эту последнюю, но проехали ею не более двух километров. Было уж поздно; к тому же, сделав сегодня не менее 40 км, мы имели право подумать об отдыхе. С этой целью мы оставили большую дорогу и прямиком направились к выселку Ауат, в котором, после некоторых колебаний, нам, наконец, и отвели приличное помещение.

Ауат — это небольшой, полузасыпанный песками и весьма бедный поселок, в котором мы еле-еле могли собрать достаточное количество фуража для лошадей и кое-какой провизии для себя: несчастные ауатцы, без разрешения своих хозяев, лишены были права продавать что бы то ни было в посторонние руки! И то, по просьбе продавцов, мы должны были разыграть роль каких-то бандитов, силой отымавших все то, в чем нуждались.

Проснувшись чуть свет, мы тронулись мимо развалин, приписываемых Абдулла-беку, потомку турфанских князей, полузасыпанных также песками. Пески эти местного происхождения. Некогда вся местность между Кара-ходжа и Турфаном была покрыта тростниковыми займищами, питавшимися отчасти подпочвенной водой, а отчасти и водой карысей и ключей, спускавшейся сюда в осеннее и зимнее время. С развитием, однако, подземного дренажа и образованием целого ряда выселков на линии Чильбулак — Кара-ходжа-карысь камыши исчезли. Тогда турфанцы набросились на выкорчевывание тростниковых корневищ — «чаткала», служащих им и поныне топливом. Беспощадный кетмень разрыхлил и без того уже безмерно сухую и песчаную почву турфанской долины, а ветер собрал ее в длинные, темно-серые гривы, загоняя их все дальше и дальше на запад, к Турфану, где пески уже засыпали немало культурной земли.

Дорога по этим пескам утомительна. Воды нет, несмотря на то, что мы целые километры едем над подземными трубами с проточной водой; растительности никакой; из животных — одни только ящерицы, принадлежащие к распространенным в Центральной Азии родам — Eremias и Phrynocephalus; зной до такой степени сильный, что в летнее время сообщение по этой дороге прекращается, и путники направляются из Турфана в Люкчун кружным путем через Турфан-керэ, Кош-карысь, Спюль-аксакал-карысь, Чаткал и Ходжа-Абдулла-бек-карысь.

При сходе ауатской и сынгимской дорог выстроена харчевня. Здесь же проходит и граница Турфанского оазиса — на восточной окраине пустынного, лишенного почти вовсе древесных насаждений, но зато интересного своими развалинами, относимыми к уйгурскому времени. Так, между рукавами речки Булурюкбаур, из коих восточный пробегает в шести километрах к западу от схода дорог, находятся развалины уйгурского укрепления, поражающего не размерами, но необычайной толщиной своих стен. Стены эти выведены почти в квадрат, снабжены фланкирующими башнями по углам и внутри не содержат ничего, кроме безобразных груд мусора и бесформенных возвышений. Бывшее укрепление это дает ныне приют одному только бедному турфанскому семейству, члены коего пробили себе в старых стенах ряд келий и умудрились провести сюда небольшой рукав из ближнего арыка для орошения бахчей и огорода, разведенных среди помянутых выше мусорных куч.

Проехав мимо обширного кладбища и красивой мечети, переделанной, по словам местных жителей, из христианского (несторианского) храма, мы увидали, наконец, впереди Гуан-ань-чэн — китайский Турфан. Города этого мне не пришлось посетить, но, по словам туземцев, внутренняя его распланировка, а затем и архитектура частных и казенных зданий имеют вполне шаблонный характер. Китайский базар его беден, хотя и занимает всю

главную улицу от западных к восточным воротам; последние остаются постоянно закрытыми. Он выстроен в виде прямоугольника, вытянутого вдоль большой дороги, обнесен новыми, высокими стенами с двойной защитой и башнями по углам и имеет, кроме вышеупомянутых двух главных ворот, еще ворота на юг, где одной длинной и частью крытой улицей расположилось городское предместье, населенное дунганами, китайцами и таранчами. Через это предместье, огибая городскую стену, и проходит арбяная дорога из Люкчуна в Турфан. Здесь же находится и та таможня, на обязанности коей лежит взимание ли-цзинного сбора; она тотчас же бросается в глаза своей окраской — кирпично-красными кругами на белом фоне простенков.

Против китайского города, в километре расстояния, расположен старый тарачинский Турфан, называемый иногда, в отличие от Уч-Турфана, Куня-Турфаном. Широкая грунтовая дорога, ведущая к нему, окаймлена арыками, за которыми, по обе ее стороны, виднеются пашни, засеянные ак-джугарой и кунжутом (Sesamum indicum). Самый город не велик и окружен тонкими, от времени совсем растрескавшимися, зубчатыми стенами. Зато он полон жизни, и внутри, благодаря пестрой толпе, производит приятное впечатление. Вдоль главной улицы, идущей от ворот до ворот, т. е. от востока к западу, тянутся ряды ларей и лавок; это — главный базар, центральное место которого занято высокой и красиво выстроенной китайской кумирней. Близ нее начинаются ряды с русским товаром: мануфактурой, железными изделиями, писчебумажными принадлежностями, сахаром, свечами, спичками и т. п. предметами; тут же находится и обширный караван-сарай русских купцов, которые встретили нас с почетом и отвели прекрасное помещение.

Турфанская область славится своей зеленой коринкой, хлопчатобумажными грубыми тканями (даба), фруктами и дынями, которые и служат главнейшими статьями вывоза в соседние области, а частью и далее — в застенный Китай. Но этим экспортом не занимаются турфанлыки. Они точно боятся значительных операций и давно уже передали всю оптовую, а частью и розничную, торговлю в посторонние руки. Оттого-то Турфан и пестрит самыми разнообразными лицами и костюмами, в которых турфанский национальный джаймэк играет весьма малозаметную роль. И действительно, в Турфане считается постоянных жителей всего около 5 тысяч душ: из них 10% выпадает на долю китайцев, 20% на долю дунган и 20% на долю выходцев из других округов Восточного Туркестана; пришлых же, в особенности в осеннее время, так много, что какие-нибудь полторы-две тысячи взрослых турфанцев совсем исчезают в этой толпе, которая к тому же, как наиболее деятельная часть населения, всегда на виду: на базаре или на большой дороге в окрестные города.

Турфан, как город, ничем не замечателен. Он выстроен по типу всех остальных крупных городов Туркестана и, за исключением упомянутой выше кумирни, не имеет красивых построек.

О времени его основания нам ничего неизвестно; в истории же имя это впервые упоминается в 1377 г. [52]. К половине XV в. Турфан, пользуясь слабостью смежных владений — Могулистана (Беши-балыка) и Хотана, стал усиливаться и, овладев Люкчуном и Кара-ходжа (Хо-чжоу), приобрел первенствующее положение среди мелких владений, на которые в то время распадались земли Восточного Туркестана. С 1469 г. княжество это стало называться султанством; несколько же лет спустя уже владело Хами, власть над которым упрочилась, однако, вполне не ранее 1513 г. С усилением в соседней Джунгарии союза ойратских родов значение Турфана стало падать, и уже в 1646 г. турфанский владетель вынужден был искать покровительства маньчжурского дома, что не спасло, однако, его владений от калмыцкого ига: к исходу XVII столетия, после того, как Куку-нор и Тибет уже давно находились в их власти, калмыки овладели не только Турфаном, но и всеми остальными землями Восточного Туркестана. С тем вместе существование этого княжества, как самостоятельного владения, прекратилось [53].

* * *

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПО ТУРФАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сделав все необходимые закупки, 6 октября мы выступили в обратный путь на Люкчун и Пичан, где должны были, наконец, вновь соединиться со своим караваном. Это был пренеприятный день, и для Турфана крайне редкое, почти случайное, явление: в течение почти целого дня шел мелкий дождь, а к ночи термометр показывал уже ниже 0°.

До последнего рукава речки Булурюк-баур мы ехали прежней дорогой; здесь же свернули вправо и, минуя пески, направились несколько более кружной, летней, дорогой в Кара-ходжа, через селения и выселки: Турфан-керэ, Кош-карысь, Спюль-аксакал-карысь, Чаткал, Чиль-булак, Туру-карысь, Кара-ходжа-карысь, Ходжа-Абдулла-бек-карысь и множество других, оставшихся к югу от нас и составляющих один сплошной пояс богатейшей растительности, протянувшийся отсюда далеко на восток. От поселка Абдулла-бек-карысь мы свернули на Ауат и, миновав его, остановились в базарном селении Астына, занимающем центральное положение в общине Кара-ходжа. Ночевали в двухэтажном доме, отданном за ничтожную плату в наем двум выходцам из Русского Туркестана, торгующим русской мануфактурой и другими изделиями вот уже свыше шести лет в одной только этой общине. Купцы уже были предупреждены о нашем прибытии и теперь поджидали нас с дастарханом, состоявшим из нескольких подносов с лепешками и сухими фруктами, подноса с тонкими лепестками нарезанной дыни, из плова и чая.

Едва на следующий день выехали мы из селения, окруженного, как и все почти остальные селения Турфанского округа, широким поясом садов, как уже завидели впереди развалины знаменитой резиденции идикотов Уйгурии, т. е. древнего Хочжоу. Сводчатые, изнутри оштукатуренные постройки, мощные стены, в которых, как в скалах, местные жители высекли себе сакли, круглые башни, в одном фасе трое ворот, защищенных выдвинутыми вперед стенками, — все это носило в себе не только отпечаток седой старины, но и характер, чуждый современной туркестанской или китайской архитектуре.

У Хо-чжоу дорога разветвляется; оставив туёкскую ветвь влево, мы обогнули помянутые развалины и вышли на глинистую степь, только в начале поросшую Alhagi kirghisorum, дальше же совершенно пустынную и местами усыпанную черной галькой. Но как раз здесь стали мелькать перед нами одни развалины за другими, что, конечно, свидетельствует, что некогда и тут царствовало оживление, что и сюда проводилась вода...

Прежде всего, к северу от дороги, мы увидали остатки стен недостроенной крепости времен Якуб-бека и тут же еще одно древнее укрепление *. Затем, почти до полуразрушенного дунганского поселка Ян-хэ, перед нами постоянно мелькали и справа и слева остатки стен, древние кладбища, отдельные стоящие пирамидообразные массивные надгробные памятники (ступы?) и кучи красноватой глины и кирпича, успевшие принять уже совсем бесформенные очертания. Километрах в пятнадцати мы встретили развалины кишлака и через четыре километра прибыли в селение Ян-хэ-шар, давшее название целой общине, цветущие поселения коей виднелись на юг от дороги.

Ян-хэ-шар представляет странное впечатление. Это довольно узкая улица, обставленная аккуратно выстроенными и прекрасно оштукатуренными домиками, окруженная отовсюду поясом каменистой пустыни; ни былинки кругом, ни былинки внутри, — пусто и мертво. Ян-хэ-шар был покинут дунганами после того, как со взятием Турфана Якуб-бек овладел всей областью. Из прежних его жителей, переживших события шестидесятых и семидесятых годов, остались всего одна-две семьи, да и те непонятно чем поддерживают здесь свое существование. Нас встретили здесь два дунганина и апатично проводили глазами.

— Да откуда берут они воду?

— Из колодцев.

— А чем живут?

— Дунганин с голоду не помрет...

Но ответ этот, конечно, не разъяснил нам ничего.

Между Ян-хэ и Люкчуном дорога пересекает совсем бесплодную пустыню, которую прерывает один только поселок Лянгэ; взамен того, и справа и слева виднеется непрерывный пояс зелени, который обозначает собою оазисы: на юге Ян-хэ-карысь, на севере — упоминавшийся выше Туёк.

Люкчинский оазис с запада не начинается, как большинство других мест оседлости в Турфанской области, густейшими насаждениями, а группой, частью заброшенных, хозяйств с жидкой древесной растительностью, среди которой бросаются в глаза особенно джигда (Eleagnus hortensis) и айлант. Этой беднейшей частью оазиса, получающей воду из особой системы карысей, мы ехали, впрочем, недолго и с километр дальше были уже в виду невысоких стен города.

Люкчун окружен старой, полуразвалившейся скорее оградой, чем крепостной стеной, без валганга и башен; ворота, сколоченные из довольно толстых досок, не имеют защиты. Вообще же город этот едва ли может оказать какое-либо сопротивление даже партизанскому отряду, не говоря уже о сколько-нибудь организованном враге. Внутри он тесен и грязен и все постройки его, его базар и постоялые дворы носят следы крайней бедности. Впрочем, я видел теперь только ту его часть, которая населена ремесленниками, торговцами и извозчиками; знать же, дворянство («ак-суек» — белокостные) и служилое сословие теснятся в другом его конце, ближе к дворцу князя, и тут, действительно, город выглядит наряднее, хотя в этом отношении он и значительно уступает предместью, правильнее, остальной части оазиса, поражающей богатством своей растительности, скрашивающей убожество крестьянских построек и оттеняющей азиатское, конечно, великолепие княжеских и дворянских загородных домов.

В Люкчуне мы не могли отыскать себе помещения. Постоялый двор, указанный нам, был положительно невозможен по своей грязи; частные же лица, подобно хандуйцам, из боязни перед своими властями, отказывали нам в приюте. Не зная, как быть, мы выбрались из города и направились по большой дороге, ведшей мимо обширного княжеского сада. Близ ворот этого сада, выстроенных в китайском стиле, мы повстречали двух старцев, к которым и обратились с просьбой помочь нам указанием — где искать помещения для ночлега. Узнав, что мы русские и что я чиновник, один из двух стариков, оказавшийся Богры-алям-ахуном, воскликнул: «Так, так! таковы наши порядки в Люкчуне! Негоднейшего китайца принимают там с почетом, русскому же чиновнику не находится хотя бы только сносного помещения! Ну, да пожалуйте ко мне — мне китайские прихвостни не страшны...». И старец повел нас на обширный двор, обставленный яслями, а оттуда, через ворота с нишами для прислуги, на внутренний маленький дворик, упирающийся в высокое двухэтажное здание.

«Здесь вы развьючите лошадей, а вещи сложите вот в эту кладовку», — и он открыл одну из дверей флигеля, который с трех сторон окружал дворик. «А вы, — обратился он ко мне, — пожалуйте за мной».

Через небольшую дверь мы вступили в громадной высоты зал, с окнами, находившимися на высоте восьми метров от земли, от-

---

* Первоначально Г. Е. Грумм-Гржимайло высказал предположение, что эти развалины могут относиться к стенам древнего Гаочана, однако после исследований Клеменца он отказался от этой гипотезы. [Прим. ред.]

чего в нем всегда царствовал полумрак; стены этого зала не были выбелены, пол был глиняный и неровный, мебели никакой... Пройдя зал, мы приблизились к ступеням лестницы, сбитой из глины и прислоненной к стене. Поднявшись по ней, мы очутились в роскошном павильоне с окнами, выходившими в запущенный сад. Окна эти, высокие и забранные узорчатой решеткой, запирались изнутри ставнями. Стены оштукатуренные и раскрашенные пестрым с позолотой рисунком; цветной потолок, набранный из тонких и ровных жердей и палочек, наконец, палацы и кошмы, разостланные по глинобитному полу, дополняли внешний вид и убранство этого покоя, напоминавшего мне лучшие приемные комнаты богатых горожан Русского Туркестана и Бухары.

«Вот здесь вы можете устроиться. Сюда вам сейчас принесут фрукты и чай, а я посещу вас вечером; теперь же, простите, мне недосуг». С этими словами почтенный старик удалился.

Дом, в котором мы теперь находились, был выстроен покойным ваном. Павильон служил ему приемной, мрачная зала внизу — комнатой для просителей; наконец, целый ряд комнат, находящихся под павильоном с окнами и дверьми в сад — внутренними покоями. Ныне здесь помещается медрессе. Но здание к нему не приспособлено, и алям-ахун справедливо жаловался на скупость люкчунских властей, не желающих делать грошевых затрат на необходимые переделки. Ныне покои жены вана служат для хранения груш, павильон пустует, громадный зал настолько мрачен, что заниматься в нем можно только в редкие часы дня, и вот ученики поневоле слоняются кое-где, по прежним службам и кладовым.

Вечер мы провели в беседе с муллами, которые вели ее в сдержанном тоне и обходя вопросы, непосредственно касавшиеся внутренней жизни Люкчуна. «Наша жизнь, — сказал мне в заключение Богры-алям-ахун, — вам непонятна, и то, что мы могли бы вам сказать о ней, не удовлетворило бы вашего любопытства. Хорошего, конечно, в ней мало, хвастаться нечем; но не пристало и жаловаться чужестранцам. А поживете — и сами узнаете, что здесь творится».

Еще подъезжая к Люкчуну, мы встретили таранчей, объявивших нам, что какие-то русские стоят под Пичаном; поэтому решено было, вместо того, чтобы повернуть на Лемджин, ехать в Пичан.

Мы ехали самой лучшей частью Люкчунского оазиса. Громадные деревья погружали в глубокую тень дорогу и во всех направлениях струившиеся ручьи свежей прозрачной воды. Кое-где виднелись жилые постройки, но большая часть земли все же отведена была под сады, принадлежавшие «белокостным» фамилиям. За высоким двухэтажным зданием — колоссальной сушильней винограда — древесные насаждения стали реже, появились поля джугары, которые и составили восточную окраину оазиса. Переехав окрайний арык с построенной на нем мельницей, мы, наконец, оставили его позади и очутились в каменистой пустыне, которая вдавалась острым клином между горами Кум- и Туз-тау.

Пески Кум-тау представляют явление замечательное. Они совсем бесплодны и одновременно неподвижны. Местные жители не запомнят, чтобы пески эти, передвигаясь когда-нибудь, поглощали клочки культурной земли; они даже не замечают, чтобы гребень Кум-тау изменялся заметно за последние десять лет. И хотя последнее сомнительно, тем не менее факт общей неподвижности песчаных гряд неоспоримое явление. Было время, однако, когда Кум-тау не вдавался так далеко в долину Люкчуна: Пичанская река, исчезающая ныне под горою песку, когда-то свободно бежала между Ян-булаком и Дга и впадала в другую, повидимому еще более крупную, но тоже давно уже пересохшую р. Асса. Относительная высота Кум-тау очень значительна и на глаз определяется в 450—500 футов (135—150 м). Эта громадная масса песку на крайнем северо-востоке перекидывается через Туз-тау, на юго-западе упирается в горы Чоль-тау, составляющие южную окраину Турфанской котловины. Как далеко пески эти идут на восток, в глубь страны, никому неизвестно, но, считая их древними дюнами Турфанского озера-моря, можно думать, что полоса их, вообще говоря, не особенно широка.

Не доходя до того места, где помянутая выше Пичанская река скрывается под песками Кум-тау, мы встретили развалины хутора Иски-лянгэ. Здесь дорога подходит к Туз-тау, каменистая почва пустыни сменяется глинистой и появляются первые признаки жалкой растительности: какая-то колючая трава, Nitraria Schoberi (по-местному «бёртекен»), Karelinia caspia и Zollikoferia acanthoides.

От Иски-лянгэ виднелась уже впереди сплошная масса садов, но до них все же оставалось еще не менее пяти километров. Дорога еще теснее приблизилась к подошве Туз-тау и стала пересекать одну за другой вымоины, образованные временными потоками. Наконец, впереди показалась и первая струйка воды — окрайний арык небольшого поселка Лянгэ или Шуга, расположенного при устье ущелья Пичанской реки. Это ущелье настолько просторно, сады и поля не прерывались и в нем, а затем мы проехали и целый ряд хуторов, которые, вместе со своими пашнями и садами, подымаясь террасами над широким и усыпанным галькой плёсом реки, занимали всю западную половину ущелья. Это — селение Икиришты-хана, иначе Ергун. В то же время противоположный скат ущелья представлял высокие наметы песку: это гряда Туз-тау, занесенная с востока песками — в своем роде единственная и в высшей степени оригинальная картина! Почти при северном устье ущелья дорога пересекает Пичанскую реку и, идя среди садов и хуторов левого ее берега, выводит на относительно довольно значительное плато, в центре которого мы, наконец, и увидали невысокие и почти уже совсем развалившиеся стены Пичана.

Пичан — город старый, небольшой и в высшей степени грязный; население его смешанное и в общем не превышает двух тысяч душ обоего пола; базар невелик и убог. Управляется город китайским чиновником V класса, совместно с аксакалом из коренных пичанцев. Гарнизон состоит из двух десятков солдат, обязанных нести одновременно и полицейскую службу.

В Пичане своего каравана мы не застали. Брат, не дождавшись нас в этом городе, ушел в Лемджин с тем, чтобы поджидать нас там или в Люкчуне. Итак, нам ничего другого не оставалось, как, переночевав в Пичане, возвращаться назад в Люкчун или, может быть, даже в Лемджин.

Уже вчера, когда мы собирались в путь из Люкчуна, мы были неприятно поражены холодным утренником: лужи покрылись ледяной корой; кое-где, на более сырых местах, виднелся пятнами иней. Но здесь, в Пичане, хватил уже настоящий мороз —13° С! Все арыки и широкие разливы речки замерзли, листья потемнели, и вся местность получила зимнюю физиономию. Пришлось из тюков вынуть шубы и снарядиться совсем по-зимнему.

Не доезжая люкчунской мельницы, мы узнали, что караван наш дожидается нас в Лемджине; поэтому здесь мы свернули вправо, и, миновав туз-тауские каменноугольные копи, въехали в ущелье Лемджинской реки. Ущелье это в общем сильно напоминает параллельное ему Сынгимское (Кара-ходжа), но замечательно тем, что местами стены его сложены из пестрых, вероятно юрских, глинистых песчаников — бурых, красно-бурых и голубых, которые, чередуясь между собою, образуют необыкновенно красивые ленты. Другая достопримечательность этой щели — встречающиеся вдоль дороги глыбы песчаника с высеченными на них медальонами. Рельеф этих медальонов в настоящее время до такой степени уже стерся, что о содержании их трудно составить себе ясное представление; всего вероятнее, что некоторые из этих барельефов служили изображениями групп буддийских святых.

Горы Туз-тау, которые я пересекал уже в третий раз, имеют направление, совершенно параллельное главной оси Тянь-шаня. Наибольшей ширины Туз-тау достигает к западу от р. Кара-ходжа, но этот участок гор нами исследован не был, а д-р Регель сообщает о нем слишком мало (он пересек горы Туз-тау к северу от Турфана) [54]. Таким образом, западная оконечность Туз-тау нам почти совсем неизвестна. Еще менее знаем мы о

восточном конце этих гор. За Пичанской рекой гряда исчезает под песками Кум-тау, но как далеко идет она в сказанном направлении — сказать трудно. Такой же загадкой остается отношение к ней и гор, подымающихся к востоку от Пичан-Чиктымской дороги. Таким образом, о гряде Туз-тау мы можем получить некоторое представление только по тому сравнительно, вероятно, очень незначительному участку, который находится между турфанским и пичанским меридианами. На этом протяжении Туз-тау рассекается пятью поперечными щелями: Пичанской, Лемджинской, Туёкской, Сынгимской и Булурюк-баурской. Имея в виду, что речки, пробегающие ныне по этим ущельям, получают свое начало в карысях и ключах, мы должны отнести прорыв горы Туз-тау к той отдаленной эпохе, когда стекающие с Тянь-шаня реки еще не пропадали в камнях, а несли свои воды в Люкчунскую впадину. В настоящее время мы можем еще проследить русла трех рек, сбегавших к Туз-тау. Это — Керичин, Кок-яр и Утын-аузе. Русло Керичина, проходящее к югу от Чиктыма, ныне почти заметено уже песками; руслом Кок-яра, сухим на протяжении многих километров, пичанцы воспользовались для отвода своих карысных вод; так же поступили и лемджинцы с руслом Утын-аузе. Связь Туёкской реки, прорывающей Туз-тау и собирающей свои воды, как это было уже выше объяснено, на северных склонах этой горы, в многочисленных здесь карысях и ключах, с какой-либо рекой Тянь-шаня мне не удалось проследить. Что же касается до рек Кара-ходжа и Булурюк-баур, то вершины их нам еще мало известны.

Лучший разрез Туз-тау я наблюдал именно здесь, в Лемджинской щели. Я упоминал уже о пестрых глинах, как бы скомканных в середину, к оси хребта. На них несогласно-напластованно налегают глинистые песчаники красноватого цвета с прослойками гипса и рыхлые конгломераты, состоящие из серой и черной гальки, кварцитов и кремнистых сланцев, сцементированных красной глиной. Местами каменные глыбы Туз-тау покрыты выцветом соли, и всего вероятнее, что именно этому последнему обстоятельству гора эта обязана своим названием.

Кряж Туз-тау совершенно оголен. Растительность встречается только вдоль русел вышеупомянутых речек, да и то она не отличается ни особенным разнообразием, ни пышным развитием форм. Исключение представляют только камыши р. Упранг, достигающие значительной высоты.

Дорога по Лемджинскому ущелью бежит то правым, то левым берегом речки и не раз взбирается на крутизну. Впрочем, даже для колесного движения она не представила бы существенных затруднений. Хуже всего участок дороги, примыкающий к северному устью ущелья. Здесь всюду сады, пашни и жилые постройки, заставляющие дорогу делать крутые изгибы и часто оттесняющие ее чуть ли не в самое ложе реки. Но по выходе на простор она опять расширяется и уже без всяких зигзагов идет прямо к центру Лемджина — его крошечному базару.

В километре отсюда стоит бивуаком мой брат. После десяти дней отсутствия, в течение коих я проехал около 370 км, мы, наконец, свиделись... Какая радостная минута! Сколько впечатлений для передачи, сколько расспросов!..

С места нашей стоянки в урочище Джан-булак брат выступил 2 октября и вот как описывает свой путь через Тяньшанское нагорье в Пичан и Лемджин.

Первый переход наш был короток, всего километров шестнадцать. Мы шли вдоль ручья, среди невысоких холмов, усыпанных щебнем и скрывавших от нас горные массы на западе; на юге же и востоке особенно выдающихся вершин не было. Только уже на восьмом километре стали показываться впереди остроконечные сопки. Здесь же арбяная дорога пересекла ручеек и пошла по откосам правого его берега вплоть до развалин постоялого двора, или пикета, близ которых мы и решились дневать. Торопиться нам было некуда; между тем ближе ознакомиться с этой частью тяньшанских гор казалось мне делом вовсе нелишним.

К югу от места нашей стоянки возвышались ряды горных складок, имевших простирание с запада на восток. Туда-то на следующий день я и направился. Я поднялся по пологим склонам сперва на один хребтик, потом на другой. Отсюда горизонт был уже довольно обширен, но все же я увидел здесь совсем не то, что хотел. По некоторым соображениям мне думалось, что именно отсюда я должен буду увидеть если не трехглавый Богдо-ола, то другую значительную вершину — Джуван-Терек-баш, что дало бы мне не только возможность выверить свою съемку, но и помогло бы вычерчиванию горного рельефа этой части Тянь-шаня. Между тем отсюда открылся вид на обширную группу снеговых пиков, среди которых не было никакой возможности различить упомянутые выше вершины. В то же время прямо на юге, у меня под ногами торчали высокие скалы слюдяного и хлоритово-слюдяного сланца с такими крутыми боками, что они казались иглами; между ними виднелись узкие щели, имевшие крутой наклон к югу и дно, усыпанное мелкой галькой и щебнем. На востоке уходила вдаль низкая плоская возвышенность с мягкими склонами; это поднятие я видел уже и с «калмыцкой» дороги. Взобравшись на следующую гряду, я очутился на краю глубокой долины, отделявшей меня от остроконечных сланцевых скал, и вместе с тем на водоразделе бассейнов — Турфанского и Джунгарского. Гряда эта, однако, не служит продолжением оси Тянь-шаня; последняя, как кажется, проходит южнее. По крайней мере туда переместилась вся масса хребта, и там же находятся все высшие точки этой части Тянь-шаня.

Вся местность на юг отличалась полнейшим бесплодием; только лишаи кое-где прикрывали плоские выступы скал, да из расселин между ними торчали тощие растеньица (Artemisia sp.) и уже поблекшие травки; наоборот, на северных склонах можно было встретить даже пастбищные места; там же, несмотря на позднее время, нам удалось добыть несколько экземпляров Mus wagneri Eversm. и Mus arianus Blanf.

Утром термометр показывал 10° мороза; к полудню на солнце было даже жарко, в тени же не более 4° выше нуля, а к ночи опять засвежело и при —3° подул довольно сильный ветер с северо-востока. Теплом мы воспользовались для того, чтобы подковать несколько накануне расковавшихся лошадей.

4 октября мы выступили дальше. За отсутствием проводника, не имея никакого понятия о длине предстоявшего нам перехода, мы решились итти до первой воды и травы. Но увы! травы мы вовсе не нашли на южных склонах Тянь-шаня, а вода встретилась нам не скоро.

От места нашей стоянки дорога пошла открытой долиной с едва приметным подъемом; он стал, однако, несколько круче под самым перевалом, высота которого, определенная гипсотермометром, оказалась равной 7 582 футам (2 311 м).

На перевале, который представляет из себя неглубокую седловину, выстроена маленькая китайская кумирня. Отсюда дорога спускается круто и вскоре втягивается в узкое глубокое и дикое ущелье, которым и бежит с километр. Восточный склон этого ущелья представляет сплошную скалистую стену, наоборот — западный, при большей относительной высоте, изрезан глубокими расщелинами, придающими ему подчас самые дикие и странные очертания.

В километре от перевала восточная стена обрывается, и перед путником развертывается картина безбрежной каменистой пустыни с торчащими там и сям вершинками, усыпанными черным блестевшим на солнце как-то особенно, точно кучи его облиты были жиром или нефтяным дождем. В то же время на западе все выше и выше подымали свои остроконечные вершины отвесные слюдяно-сланцевые скалы, служа разительным контрастом уходящей на восток плоской пустыне с повсюду обнажающимися последними остатками когда-то бывших здесь гор. Оригинальное место, подобного которому нам не приходилось уже встречать в Центральной Азии!

Километров на пять гигантской щеткой растянулись эти скалы, а там и они отошли в сторону, сменившись холмами с более мягкими очертаниями. Но и эти холмы тянулись недолго. Наклон дороги перестал ощущаться, почва стала вязкой, и мы мало-помалу выбрались на простор. Перед нами была харюза, уже описанная в предыдущей главе.

Здесь от нашей дороги отделилась колея, уходившая на восток (как мы потом убедились, к станции Янь-чи Хами-Турфанской дороги); здесь же впервые появилась и кое-какая растительность — эфедра и Horaninovia ulicina.

Впрочем, мы не совсем еще вышли из гор: отдельные холмики и гривы еще долго продолжали вставать в стороне от дороги; но, наконец, и эти последние отпрыски гор остались у нас позади, и мы, с востока обогнув скалистый массив, вышли в равнину, изборожденную только неглубокими водостоками и возвышенностями, сложенными из рыхлых пород. Солнце садилось. Мы прошли уже около 30 км и теперь с чувством беспредельного беспокойства озирались кругом. Но нет! Впереди, уже окутанная сумраком ночи, виднелась все та же безбрежная степь без всяких признаков какого-либо пристанища человеческого. А между тем нам еще в урочище Джан-булак говорили о ключе на южной стороне перевала. Что же, миновали мы его, не заметя, или еще не дошли до него?

Прошло еще томительных полчаса... Наконец, впереди мы заметили двух турфанцев, вьючивших нескольких ослов, как оказалось потом, мешками с пшеницей. Тут и было урочище Таш-булак — небольшой ключик, сочившийся среди зеленой лужайки в несколько квадратных метров, уже давно вытравленной и загаженной скотом.

— Далеко ли до Чиктыма?

— Иолов восемьдесят, а то и больше.

На нашу меру это составляло около 37 км. И хотя у Таш-булака кормить лошадей было нечем, но мы решились, закупив у турфанцев пшеницы, остановиться здесь на несколько часов с тем, чтобы после полуночи выступить дальше к Чиктыму. Сварив скромный ужин (при больших переходах нам редко приходилось обедать) и напившись чаю, мы улеглись кто куда, согреваемые теплым дыханием турфанской ночи. Спать пришлось, однако, недолго. Ровно в двенадцать я поднял людей, и мы, наскоро закусив, при слабом свете луны стали вьючиться. Еле-еле различали предметы...

— А как итти будем? колея-то чуть видна...

— Правь вон на эту звезду...

— Это что правее Челпана *? Ладно.

И вьюки тронулись, а я остался позади с Матвеем Жиляевым, на обязанности коего лежало освещать буссоль при съемке. Съемка ночью крайне затруднительна, и при слабом освещении приходится зачастую вести ее, руководствуясь звездами, что, однако, требует и большого внимания и возможной неподвижности инструмента; последнее достигалось при помощи палки, на

---

* Так таранчи называют Венеру.

которую устанавливалась буссоль. В момент, когда бралось направление, Матвей зажигал спичку, и я прочитывал азимут.

Утренний холодок давал себя чувствовать. Люди кутались в полушубки, а лошади по собственному почину ускорили шаг. К тому же дорога была ровная и хотя и мало заметно, но все же спускалась на юг. С восходом солнца мы увидали впереди золотистую полоску, в которой опытный глаз казака тотчас же признал камыши.

— Чиктым!

Действительно, нам оставалось не более восьми километров до этого поселения. Вот показались линии карысей, а вот, наконец, и дунганские фанзы. Наконец-то мы снова среди людей и в местности, где покупка фуража для наших, не в меру отощавших, животных не может представить никаких затруднений!

Чиктымский оазис занимает довольно обширную площадь, на которой разбросанно расположено до 35 дунганских и 5 чантуских хозяйств. Повидимому, воды ключевой и карысной здесь очень много. Под укреплением, расположенным на восточной окраине оазиса, находится даже значительное пространство стоячей воды, собирающейся из тут же бьющих ключей. А такое обилие воды, конечно, не могло не вызвать увеличения запашек, которые здесь, действительно, более значительны, чем где бы то ни было в другом месте Турфанской области. В Чиктыме возделывают те же хлеба, что и во всей стране, но хлопчатник и Sesamum indicum высеваются в малом количестве, хотя, казалось бы, последнее растение и должно было бы давать здесь завидные урожаи.

В Чиктыме мой брат дневал, затем выступил в Пичан по дороге, описание коей помещено будет ниже. Не дождавшись меня в этом городе, он двинулся мне навстречу и, не заходя в Ханду, оставшееся у него вправо, 8 октября прибыл в Лемджин. Последнюю станцию он прошел без всяких приключений по местности, которая не представляла никаких достопримечательностей: дорога шла каменистой пустыней, упиравшейся в Туз-тау и на всем этом протяжении почти лишенной растительности.

13 октября мы выступили из Лемджина по направлению к Люкчуну, в ближайших окрестностях которого и решились остановиться на поправку наших лошадей. Мы прошли населеннейшую часть Люкчуна, после чего вышли на каменистую плешь, с трех сторон окруженную садами, а на востоке примыкавшую к песчаным барханам Кум-тау. Впереди рисовалась длинная цепь гор, на западе терявшаяся вдали. Еще раньше видел я эти горы, но теперь они выступали яснее. Это Чоль-таг, что значит «пустынные горы», северный уступ обширного вздутия горной страны, протянувшейся от изгиба Тарима к Ала-шаню и восточнее Хами связавшей три горные системы: Алтай, Тянь-шань и Нань-шань.

Через эти горы, как нам говорили теперь, проходит торный путь к Лоб-нору, которым пользуются преимущественно китайские гонцы и торговцы, выменивающие там всевозможный товар на бараньи гурты. По этому же пути много развалин, в которых и до настоящего времени отыскивают различные изделия из меди и золота и роговые и глиняные футляры с исписанными непонятными буквами бумажными свертками. Но и помимо этого пути Чоль-таг изрезан тропинками, хорошо известными местным охотникам. Там встречаются высокие горы, дикие ущелья, леса, обширные тростниковые займища, и водится всякий зверь: медведи, волки, лисицы, дикие кошки (малунь), кабаны, дикие верблюды, аркары, антилопы кара-куйрюки (джейраны) и, наконец, зайцы.

Если читатель взглянет на лучшие карты, изданные до девяностого года, и познакомится с тем, что писалось о стране, расположенной между Нань-лу и Алтын-тагом, то легко поймет тот живой интерес, с которым мы внимали всем подобного рода рассказам о ней. Очевидно, нам описывали страну, некогда составлявшую владение Леу-лянь или Шаньшань, где одно время сходились главнейшие пути из Китая в Индию, Бактрию и Туркестан.

Все эти подробности о Чоль-таге мы узнали в селении Ян-булак, сады которого ограничивали с юга помянутую выше пустынную площадку с частью глинистой, частью галечной почвой. Нам хотели даже представить гонца, только что прибывшего с Лоб-нора, но, как впоследствии оказалось, его задержали в Люкчуне.

Итак перед нами лежала теперь новая площадь исследования — горы Чоль-таг. Но лошади, выведенные нами из Семиречья, для подобной поездки уже не годились, и мы решились взять туда свежих, только что приведенных мной из Турфана. Во всяком случае подобная экскурсия могла затянуться на две, даже на три недели. Вот почему решено было покинуть Ян-булак и перебраться на четыре километра к западу, в урочище Люкчун-кыр, где хотя травы были и скудные, но все же их было достаточно для прокорма наших баранов.

14 октября я отправился в Дга, окрайнее к Чоль-тагу селение, где мы могли подыскать проводника и разузнать подробнее об условиях путешествия в этих горах. Путь туда шел сначала среди полей, засеянных ак-джугарой, кунжутом и хлопчатником, а затем по глинисто-песчаной местности, изрытой глубокими промоинами и поросшей джантаком и камышом; кое-где попадались карыси и виднелись хутора, окруженные садами и пашнями и носившие в большинстве случаев имена своих владельцев. На пятнадцатом километре от Люкчун-кыра дорога вступила в пески, постелью которым местами служил кремень, настолько уже выбитый песком, что он получил вид скорее пористой, чем

плотной горной породы; пески эти имели более темную окраску, чем барханы Кум-тау, к которым мы теперь заметно приблизились, и поросли тамариском, Karelinia caspia Less., джантаком, Zollikoferia acanthoides Boiss. (еще бывшей в цвету), Salsola Kali L и другими солянками. На двадцатом километре мелькнули, наконец, впереди темнозеленые массы садов, а четверть часа спустя мы уже въезжали в небольшое селение Дга, в котором нас хотя и приняли очень радушно, но в проводнике отказали, ссылаясь на отсутствие каких-либо на сей счет распоряжений со стороны люкчунских властей. Это вызвало мою поездку в Люкчун на свидание с таджиями, в отсутствие вана управлявшими княжествами.

Свидание это могло состояться не ближе 18-го числа. Меня приняли в большой приемной княжеского дворца, внутреннее убранство коей было китайское. Да и внешний вид двухэтажного здания, а также обширного двора, с присущими всем правительственным учреждениям в Китае парадными воротами — «да-тан», посередине, представлял смешение стиля китайского с туркестанским. У этих ворот я сошел с коня и тотчас же был окружен бородачами в китайских костюмах, которые и ввели меня в упомянутую приемную, где был уже сервирован чай и обычный десерт: сахар, печенье, свежие и сухие плоды. Едва я заикнулся о причине, приведшей меня в Люкчун, как тотчас же получил разрешение брать проводников куда хочу и сколько хочу. Добившись, таким образом, главного, я, ради приличия, пробыл еще минут с пять, после чего, поблагодарив за радушный прием, удалился тем же порядком, как прибыл. На этот раз, впрочем, несколько таджи верхом проводили меня до городского предместья.

На следующий день все уже было готово, и брат, в сопровождении Ташбалты и Ивана Комарова, имея одну запасную лошадь и верблюда, нагруженного необходимейшей утварью и запасами провианта и фуража, выступил в Дга, а оттуда в пустынное нагорье Чоль-таг.

Мы распрощались надолго, может быть на две, на три недели, в течение коих на мою долю выпадала мало благодарная работа — собирание по возможности разнообразных сведений о населении Турфанской области. Сведения эти я помещаю ниже; здесь же считаю уместным, изложив описание своей поездки к развалинам Асса-шара, сказать несколько слов как о фауне позвоночных Турфана, так и об его климатических особенностях за октябрь и ноябрь месяцы, чем и закончить настоящую главу.

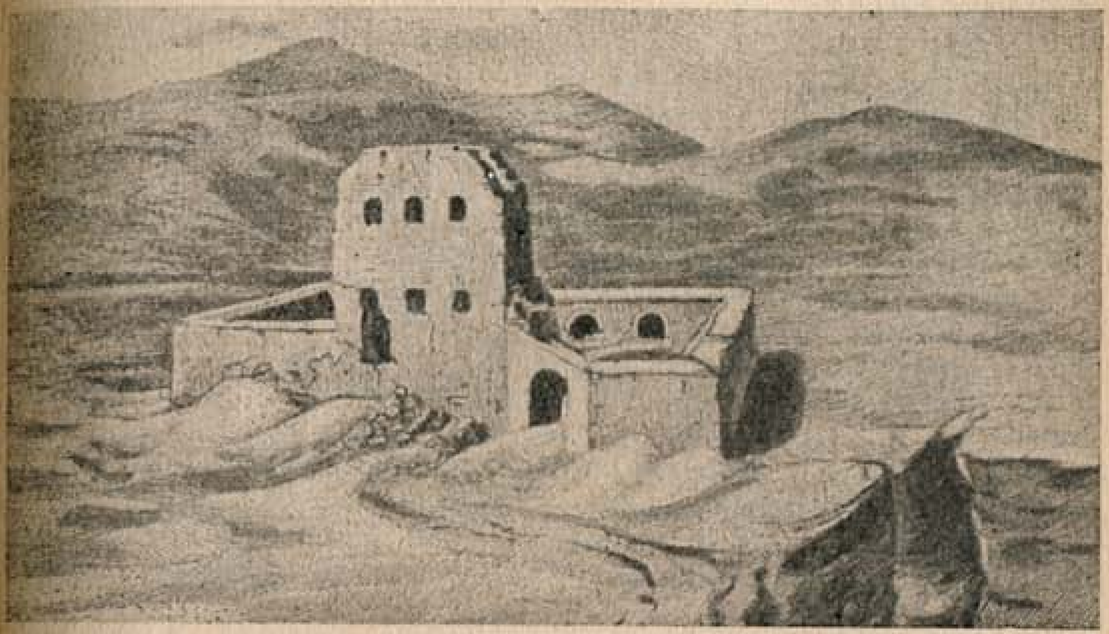
Это было уже в ноябре. Холода стояли большие, и мы не особенно охотно предпринимали какие-либо поездки в окрестности. Но тут я случайно узнал о существовании километрах в пятнадцати от нашего бивуака развалин «города» Асса-шар и решился съездить их осмотреть.

Слово «шар» ввело меня в заблуждение. Предполагая встретить здесь нечто подобное развалинам, каких так много в Турфанской области, я не захватил с собой фотографического аппарата, и хотя этот промах я и постарался впоследствии загладить изготовлением приложенных здесь рисунков, но, конечно, последние не могут претендовать на особую точность и полноту.

Из Люкчун-кыра я направился к югу и, проехав первые пять километров культурной полосой, за селением Чон-бостан вступил в область бугристых песков, поросших гребенщиком, бортекеном (Nitraria Schoberi), джантаком, чамеком (Zollikoferia acanthoides), шапом (Salsola spissa) и другими солянками. На одиннадцатом километре мы наткнулись на небольшую постройку, от которой остались одни только стены, а вскоре затем я увидел и высокую башню Асса-шара.

Асса-шар расположен на берегу сухого русла значительной речки и ныне уже наполовину засыпан песками. Высокие и толстые стены его не имеют бойниц и с внешней стороны не представляют ничего замечательного; зато изнутри в них проделаны ниши, расположенные в два яруса. Ниши эти не одинаковой величины, но все тщательно оштукатурены алебастром и выкрашены в бледнорозовый цвет; наименьшая из них все же могла бы служить спальней одному или даже двум человекам. Потолок в них выведен сводом, причем только посередине такого помещения человек среднего роста мог бы стоять, не касаясь потолка головой. Наибольшая из этих ниш находится в южной стене и имеет узкий круговой ход; без сомнения, это была небольшая кумирня, к которой приделана была и лестница — единственная лестница на всем обширном дворе Асса-шара, если не считать другой такой же лестницы, ведшей в центральное здание. Последнее значительно возвышается над стеной и, вероятно, в свое время имело несколько этажей. Верхний кончался куполом, от которого теперь остались только следы. Башня должна была быть довольно мрачной внутри, так как освещалась при помощи всего только шести небольших окон, по три на верхний и средний этаж. Впрочем, я не уверен, существовал ли еще и нижний этаж: в середине все здание завалено было мусором, снаружи к нему примыкали высокие кучи песку и обломков. Внутренние стены башни были оштукатурены алебастром, который местами сохранил еще замечательную белизну; никаких красок здесь не было видно, и единственным архитектурным украшением верхнего этажа был красивый карниз, от которого теперь остались одни только куски. В эту залу проникали снаружи через высокую и узкую дверь. От лестницы уцелело всего несколько ступеней, но и по ним не трудно составить себе понятие о былой ее неуклюжести. Внутри двора не существовало, повидимому, никаких построек; только в юго-западном углу его стоял жертвенник курений с сохранившимся на нем пеплом курительных свечей, да тут же помещалась кузница, в которой мы докопались до обломков чугуна и железной накипи. В Асса-шар вели одни только ворота, выведенные сводом и расположенные близ башни; они могли пропустить две телеги рядом.

По типу постройка Асса-шара не имеет себе подобных во всем Туркестане; всего же больше напоминает развалины Таш-рабат, находящиеся в горах к северу от озера Чатыр-куль, у подошвы перевала с тем же названием Таш-рабат.



Развалины Асса-шар с востока
(рис. Г. Е. Грумм-Гржимайло).

Из крупных млекопитающих в Турфанской области водятся: кабан (в камышовых зарослях к западу от Асса-шара), по-местному джейран (в песках вдоль Чоль-тага и в пустыне «харюза»), дикая кошка мануль (Felis manul?), лисицы и волки; зайцы попадаются очень редко. Что же касается до мелких животных, то из них нам удалось добыть только нижеследующие виды: Plecotus auritus L. (шапарюк), Gebrillus collium Sew. (ильмен-тагтаг), G. meridianus Pall., Mus wagneri Ev. и Eremiomys lagurus Pall.

Птиц, зимующих в области, оказалось немного; нам удалось заметить или добыть в коллекцию нижеследующие виды: Circus cyaneus L., Accipiter nisus L., Buteo ferox Gmel., Falco babylonicus Gurn., F. regulus Pall., Cerchneis tinnunculus L., Asio otus L., Carine bactriana Hutt., Corvus corax L., Coloeus monedula var.

collaris Drumm., C. dauricus Pall., C. neglectus Schleg., Corone corone L., Dafila acuta L., Pica caudata Ray, Podoces hendersoni Hume, Passer montanus L., Alaudula pispoletta var. seebohmi Sharpe, Tichodroma muraria L. (в горах Туз-тау), Parus cyanus var. tianschanicus Menzb, Lanius sphenocercus Cab., L. leucopterus Sew., L. homeyeri Cab., Saxicola deserti Temm., Ruticilla rufiventris Vieill., R. erythronota Ev., Merula maxima Seed. M. atrogularis Temm., Syrrhaptes paradoxus Pall., Cinclus leucogaster и Pterocles arenarius Pall.

Нет другого более знойного уголка в Центральной Азии, как Турфанская область; зависит же это от орографических особенностей этой страны. Турфан находится в котловине, глубочайшая часть которой лежит ниже уровня океана. В Притяньшанье господствуют два ветра: северо-западный, дующий преимущественно весной и летом, и северо-восточный — осенью и зимой. От первого Турфан защищен снеговым массивом Богдо-ола, второй перекатывается свободно через пониженную часть Тянь-шаня. Оттого климат Турфана очень сух и зимой сравнительно очень суров, а летом очень зноен. Крайности континентального климата здесь увеличиваются. Солнечные лучи всей своей силой накаляют горы Туз- и Кум-тау, бесплодные каменистые пространства харюзы и того пояса пустыни, который тянется вдоль южных склонов Туз-тау, и, отражаясь, значительно возвышают летнюю температуру, которая и без того высока, благодаря вечно безоблачному небу, чрезвычайной сухости воздуха и отрицательной высоте места *.

Из вышесказанного ясно, что осень в Турфане, в смысле быстрых и частых переходов от зноя к холоду и обратно, не может быть постоянной. Действительно, стоит только подуть восточному ветру, и теплые дни сменяются в Турфане тотчас же сильной стужей, которая только до некоторой степени умеряется яркими солнечными лучами. Ветер стихает — и тотчас же восстановляется прежнее тепло, которое и продолжается до первого восточного ветра. Такая быстрая смена холода и тепла замечается и зимой. Снежный покров здесь отсутствует, почва нагревается быстро и, при безветрии, столь же быстро нагревает и воздух; так, в ноябре, например, после сильных морозов наступили вдруг такие теплые дни, что термометр даже по утрам не опускался ниже 0°. Это да отсутствие снежного покрова влияют здесь и на значительность суточных амплитуд, нередко достигающих 25°. В частности, климат октября и ноября, проведенных нами в Турфанской области, отличался нижеследующими особенностями.

Из 56 дней наблюдения: безоблачных и ясных насчитывался 41 день (73%), облачных или подернутых как бы вуалью 12 (21%), пасмурных 3 (5%), из коих дождливых дней 1 (6 октября), со снегом и ветром тоже 1 (12 ноября); безветренных или с очень слабым ветром 45, ветренных 7; с сильным ветром, не переходившим, однако, в бурю, 4; северо-восточный ветер наблюдался восемь раз, северный два раза и северо-западный один раз.

Едва спустившись с Тянь-шаня, мне пришлось уже наблюдать температуру ниже 0°, а именно —3°; но затем, в течение пяти дней термометр ниже +2°,5 не опускался, причем 5-го числа минимум его показаний равнялся 9°; 6 октября задул северо-восточный ветер, пронесший над Турфаном тучи, которые, может быть, скопились над Тянь-шанем благодаря северо-западным ветрам; затем, начиная с 7-го числа до 17-го наблюдались ежедневные холодные утренники; ночью термометр нередко показывал 13° мороза, с восходом же солнца лучи его быстро вновь нагревали почву, и термометр подымался к полудню до 12—18° в тени и 20—25° на солнце. С 17-го по 21 октября чувствовалось в воздухе особенное тепло: термометр даже по утрам не опускался ниже 0°, за исключением 18 октября, когда температура понизилась до —2°,5. 21-го подул северо-восточный ветер, температура снова понизилась, а с 26-го наступили такие морозы, которые указали на конец осени и наступление зимнего сезона. С конца октября температура уже ни разу не подымалась выше 12°,5 в тени (11 ноября), зато опускалась неоднократно до —16—20° (23 ноября даже до —20°,5). Впрочем, и тут выпадали еще теплые дни; так, 12 ноября, благодаря пасмурному небу, ночь была особенно теплой, и термометр не опустился ниже 0°.

---

* Этот прогноз климатических условий Люкчунской впадины, данный Грумм-Гржимайло путем использования кратковременных наблюдений, получил дальнейшее развитие в результате двухлетней работы метеорологической станции, организованной в Люкчуне Русским Географическим обществом в 1893 году. В этой впадине, как оказалось, годовой ход давления (т. е. разность между средними месячными давлений в июле и в январе) равняется почти 30 мм — величина крайняя для всего земного шара. В декабре, в январе и в феврале максимум давления в Азии находился в центре континента. Суточные колебания в этом центре оказались столь же велики. Температура летних месяцев оказалась также очень большой: в среднем для июля она может быть приравнена к Сахаре; предельная высокая в 48° явилась тоже наибольшей для всей Азии. По сухости и бедности осадков Люкчунская впадина представила также крайность. (Метеорологические наблюдения, произведенные с октября 1893 г. по октябрь 1895 г. на станции Люкчун в Турфане. Изд. ИРГО. СПБ. 1899). [Прим. ред.]

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ТУРФАН

В Центральной Азии, без сомнения, очень много земель, богато одаренных природой, но весьма мало таких, которые возбуждали бы столь значительный интерес, как Турфан. Уже издавна писалось, что владение это обладает климатом, настолько благоприятным для земледелия, что в нем собирают две жатвы, но что, вместе с тем, лето в нем до крайности знойное, зима совсем бесснежная, а почва по преимуществу каменистая и песчаная; что песок этот на его восточных окраинах занимает даже обширное пространство земли, по которому то пересыпается подобно зыби морской, то остается неподвижно приподнятым в виде волн расходившегося было, а затем вдруг замиренного океана: это Хан-хай, т. е. Сухое море китайцев [55]; что, служа для каждого земледельца в высшей степени заманчивым уголком, производя лучшие в мире дыни и виноград, оно вместе с тем остается доступным только для тех, кто не боится ни сильнейшего ветра, ни безводья, ни, наконец, проезда по страшной «долине бесов» [56].

Но страхи эти, действительные для единичных людей, не могли остановить, разумеется, правительств соседних могущественных народов. Неудержимой волной хлынули сюда всевозможные завоеватели и, оспаривая Турфан друг у друга, разоряли его, уводили жителей в плен или заселяли ими соседние земли. Сколько кровавых событий, сколько перемен различных владычеств вынесло на себе население этой страны в первые века исторической своей жизни — и сосчитать невозможно! И китайцы, и хунны, и различные гаогюйские поколения, а затем жеужани, тукиесцы, тибетцы и, наконец, ойхоры — какая громадная смесь племен, языков, обычаев и культур! И все они не только оросили своей кровью турфанские земли, но и влили ее в жилы коренного населения этой страны — древних чешысцев. Но таково уж было и осталось свойство этой земли — никто из самых сильных завоевателей ее не посмел изменить раз в ней заведенной культуры, которая и сохранилась здесь неизменно до наших времен.

Земли Турфана, как мы это уже видели, действительно представляют из себя не более, как песчано-глинистую или даже каменистую степь, на которой вне воды вовсе нет жизни; а воды здесь немного: всего каких-нибудь три, много уж если четыре убогих ручья, и это — на громадную площадь, равную чуть не 10 тыс. кв. верстам (11 380 кв. км)! Есть от чего притти в уныние и невзыскательному номаду! А между тем именно здесь, в этой пустыне, жило и живет немалое население и стояли некогда цветущие города — ядро столь впоследствии знаменитой богатством своим Уйгурской державы. Достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что, «когда монгольские императоры нуждались в деньгах, то уйгуры им служили банкирами; так, например, при одном Угэдэе заплачено было им в счет долга 76 тысяч серебряных слитков; равным образом, когда князья и вообще сильные люди той эпохи нуждались в жемчуге и драгоценных камнях, в Уйгурию же посылали они людей своих за всем этим, как в другие места за соколами и кречетами...» [57].

В чем же кроется здесь секрет и кто те чародеи, поборовшие природу и сумевшие обратить пустыню, при посредстве сооружений, не хитрых по выполнению, но гениальных по замыслу, в цветущий оазис? Увы, мы их вовсе не знаем! История застает здесь каких-то чешысцев, без сомнения — испорченное китайцами название нам вовсе неведомого народа...

Многие ориенталисты считают их за одно из отделений уйгуров, очень рано обратившееся к культуре земли; должны заметить, что гипотеза эта не имеет за себя никаких фактических оснований. В самом деле, на чем покоятся доводы этих ученых? Птоломей упоминает о народе ойхардах; китаец Фа-сянь, подъезжая к Карашару, пишет, что прибыл в землю «Уй». Но ведь Фа-сянь был в Карашаре в 399 г., а китайские летописи упоминают о гаогюйских поколениях (уйгурах), живших в Тянь-шане, к северу от Карашара, уже в начале IV в.; в фасянево же время (между 399 и 402 гг.) совершил свой набег на Восточный Туркестан и жеу-жаньский хан Шелунь, причем встретил уже там гаогюйцев и «далеко прошел их землями» [58]. Итак, уйгуры действительно жили в IV в. в землях Восточного Туркестана; могли жить там, разумеется, и раньше, например, хотя бы в то же птоломеево время. Но что же из всего этого следует? И что общего между чешысцами — оседлым народом, и сказанными кочевниками? Если допустить даже, что последние действительно перешли к земледелию, то какое же основание имеем мы утверждать, что они сразу перешли к такому сложному полевому хозяйству, какое мы уже здесь застаем (а иного здесь никогда и быть не могло), и одновременно додумались до таких удивительных гидротехнических сооружений, которыми, без сомнения, могли бы гордиться и современные нам европейские нации?

В настоящее время, кроме Турфана, подпочвенные воды (если вообще почвой можно называть конгломератные толщи, мощностью до 76 и много более метров) утилизируются для орошения полей еще только в Иране и в местностях, прилегающих к последнему с севера, причем для вывода воды на поверхность земли применяется повсеместно совершенно одинаковое устройство сети подземных каналов. И что же, неужели эти кочевники, «ранняя отрасль уйгуров», додумались до подобного рода сооружений независимо от древних иранцев?

Таким образом, с первых же шагов нашего знакомства с Турфаном мы наталкиваемся на целый ряд фактов громадного интереса. Этот интерес поддерживается и другими сведениями, которые мы почерпаем из китайских сообщений об этой стране.

В Гаочане *, пишут они, есть область и город Хо-чжоу, что значит «огненный город»; назван же он так потому, что дождей в его окрестностях никогда не бывает, воздух сух и горяч, а камни, слагающие здесь ближние горы, огненно-красного цвета... [59]. К тому же, накаленные солнцем, последние делаются совсем нестерпимы для глаз, что, в свою очередь, оправдывает данное им название «огненных гор» (Хо-янь-шань) [60].

Еще более удивительная гора подымается к северо-западу от Турфана; она называется «Линь» и представляет совершенное чудо: нет на ней ни растений, ни деревьев, ни птиц или зверей; все ограничивается здесь группою самых красивых пестрых скал, на вершине которых находится озеро с темнофиолетовым пиком посередине и с сокрытыми в водах его волосами целой сотни тысяч лоханей; некогда грешники, они, подвизаясь на поприще добродетели, возвысились здесь до бессмертия!.. Камни, твердые, как кость, и прозрачные, как нефрит, покрывают все склоны следующей горы и почитаются за кости этих святых; другие такие же камни, торчащие из гор в виде рук и ног, считаются уже останками самого будды, который равным образом здесь стал бессмертным! [61].

Кроме этих гор есть еще не менее удивительная гора, называемая Чешы, с чудной формы красными глыбами, венчающими вершину ее, и другая — Тань-хань-шань, покрытая уже вечными снегами и льдами.

---

* Древнее наименование Турфанской области.

Нельзя сказать, чтобы эти и им подобные известия о Турфане отличались особенной ясностью, но то, что понаписали по поводу всех этих рассказов европейские их комментаторы, отличается еще большей фантастичностью.

Неправильно истолкованные китайские описания эти побудили Гумбольдта включить и Турфан в им столь излюбленную, но существовавшую только в воображении ее автора, среднеазиатскую вулканическую область, а Риттер, нисколько не подозревая «классической», как выражается проф. Мушкетов [62], ошибки этого ученого, поспешил возвестить образованному миру, что все то, что «было прежде лишь компиляцией китайских источников и гипотезой (?), возвысилось ныне до истины, благодаря великому исследователю Кордильеров, и сделалось предметом важных соображений и новых будущих исследований...», которые, сказать кстати, шаг за шагом опровергали эту «истину», подтверждая в то же время неясные только по своей краткости описания китайских географов... Как бы то ни было, но европейские ученые сделали все с своей стороны, чтобы еще сильнее заинтересовать Турфаном пытливый ум человека, и Реклю был совершенно прав, сетуя на отсутствие исследований в этой «стране различных чудес» с ее «огненным округом» (Хо-чжоу) или (?) «горой с огненным жерлом» (Хо-янь-шань), извергавшим некогда лаву, пепел и клубы дыма, с ее замечательным пиком, поднимающимся уступами, состоящими (?!) из агатовых галек, и другими естественными ее достопримечательностями...

Реклю писал эти слова уже после появления отчета Регеля об его путешествии в Турфан, сопряженном с такими затруднениями для последнего, каких не приходилось испытывать ни раньше, ни после ни одному из русских исследователей притяньшанских земель; вот почему мы должны быть в высшей степени благодарны этому отважному натуралисту и за то немногое, что сообщил он нам об этой стране. Но и это немногое так интересно, что способно возбудить любопытство в самом бесстрастном читателе, и это хотя бы уже потому, что Регель говорит нам не об удивительных природных явлениях, которым в настоящее время уже мало кто верит, а о памятниках седой старины, о городах, выстроенных до начала христианского летоисчисления, о мечетях, переделанных из церквей, о сводчатых постройках какого-то, давно забытого в Средней Азии, стиля. Подобные развалины способны всего более, разумеется, поддержать в народе память о былых временах, и, повидимому, действительно легенды о великом прошлом этой страны здесь еще многочисленны. Надо только уметь их собрать, и тогда, может быть, многое темное в этом прошлом получило бы хотя бы слабое освещение.

Если исключить чрезвычайно ограниченные исторические сведения о Турфане, заключающиеся в китайских летописях и географиях, и ничего не значащие известия, вроде, например, таких, что «нравы люкчунцев простые»[63], что вышеизложенным мы, кажется, можем вполне ограничить весь тот запас знаний, с каким мы в октябре 1889 г. вступали в эту страну. Запас небольшой, но в общем совершенно достаточный для того, чтобы побудить нас возможно шире исследовать эту сказочную область, в течение двух тысячелетий жившую уже исторической жизнью и временами игравшую весьма выдающуюся роль среди государств Внутренней Азии. К сожалению, три причины: незнание местного языка, скудные средства и враждебное отношение к экспедиции китайских властей очень скоро указали нам те границы, в пределах коих мы могли еще надеяться что-нибудь сделать...

* *
*

Громадные снеговые массы венчают хребет, с севера ограничивающий Турфанскую низменность; но и этот хребет служит только пьедесталом величественному трехглавому пику, всегда игравшему роль священной горы и божьего трона в воображении народов, когда-либо живших у подножия его.

«Та-мо-фу (Будда), избрал эту гору своим постоянным жилищем, — говорили нам бонзы *, — и это потому, что с нее очень близко до неба...».

Абсолютная высота ее, однако, менее значительна, чем например, Хан-тенгри, Мустаг-ата, Дос-мёген-ола и других памирских и тяньшанских колоссов; зато относительная — до такой степени чрезмерна, что не может не произвести подавляющего впечатления на человека: и недаром же монголы называют ее «Богдо-ола», тюрки — «Топатор-аулие», а китайцы «Чудотворной горой» (Линь-шань) или «горой счастья и долголетия» (Фу-шэу-шань).

«Снега и льды этой дивной горы сияют подобно кристаллам, а сама она столь высока, что заслоняет собою и солнце и месяц!» — так восклицает китаец[64], и восторг его нам совершенно понятен. Стоит только представить себе печальные картины, характеризующие вообще природу тех стран, которые пустынным кольцом окружают колоссальный и необыкновенно круто уходящий здесь в небо горный массив, всю эту необъятную площадь в высшей степени однообразно сменяющих друг друга совсем бесплодных центральноазиатских гор и долин для того, чтобы понять и те чувства, какие должен был испытать человек при созерцании дивной панорамы диких скал, лесов и альпийских озер, которая вдруг открывалась перед ним у подножия этого недосягаемого гиганта! «Эта гора — жилище богов!» — так подумал номад, и бог Та-мо-фу поспешил подтвердить это собственноручною надписью на одной из выдающихся в озеро скал: «Люди, молитесь мне здесь, ибо место это избрано мною!». И с тех пор гора эта, действительно, чтится людьми и со всем, что на ней, считается достоянием божиим. Впрочем, не все места на ней равно священны, так как обыкновенно только высочайший из пиков служит Та-мо-фу достойным престолом. «В своих льдистых чертогах он, однако, не всегда пребывает и, соскучившись, иногда спускается вниз для того, чтобы покататься на озере... и тогда многое необыкновенное совершается в этих горах, а все озеро блестит огоньками... Но только одни великие постники удостоиваются видеть во всей его полноте такое проявление могущества божия!..». Мы были не только не великие постники, но даже люди чуждой религии, а потому, как уже известно читателю, несмотря на самые тщательные поиски, никаких надписей на скале не нашли и путешествующего будду не видели. Впрочем, это отнюдь не помешало нам заняться всесторонним, по возможности, изучением этой чудной горной группы.

Так как читателю известны уже результаты пребывания нашего в горах Богдо-ола, то с крайнего запада мы поспешим перенестись на восток, к крутому понижению главного массива Тянь-шаня. Ничего особо величественного мы здесь не увидим, но зато много оригинального и совсем неожиданного. Вчитываясь в историю древнего чешыского владения, переименованного впоследствии в Гаочан, легко заметить, что хунны, жеужани и гаогюйцы во всякое время и без всяких, повидимому, затруднений переваливали из джунгарских степей в нынешнюю Турфанскую область, и так же легко в свою очередь сообщались между собой оба владения — Южное и Северное Чешы. Между тем все, что писалось до сих пор о Восточном Тянь-шане, рисовало последний вечноснежным, совершенно недоступным хребтом. Сказать, что оба эти факта взаимно исключали друг друга, разумеется, было нельзя; тем не менее, можно было думать, что географы, следуя Риттеру и Гумбольдту, изображали не совсем точно Восточный Тянь-шань. И подобного рода априорные заключения, как мы уже видели, получили самое полное подтверждение после наших исследований этой части хребта.

На меридиане Пичана широкая колесная дорога пролегает через Небесные горы; к западу от нее высятся в виде гигантской щетки сланцевые скалы, образующие здесь совсем невероятный по своей крутизне обрыв главной массы хребта, на востоке же расстилается площадь, всхолмленная выходами гнейсов, кристаллических известняков, сиенитов и глинистых метаморфических сланцев, которые то торчат отдельными невысокими сопками, то собираются в гряды с преобладающим направлением к северо-востоку. Это область самого сложного геологического строения и большого как политического, так и историко-географического значения. Пониженная в долинах своих до высоты несколько большей 5 тысяч футов (1 525 м), она представляет немало удобных проходов с юга на север, а потому, служа в настоящее время торговым целям, некогда играла роль именно тех ворот, через которые дикие орды кочевников вторгались в богатые культурные округа Восточного Туркестана.

---

* Т. е. хошани, китайские жрецы.

Между этими двумя крайними точками: колоссальным Богдо-ола и вышеописанным крутым понижением Тянь-шаня, последний очень высок и, переходя своим гребнем за линию вечного снега, вообще говоря, трудно доступен. Южные его склоны положе, но вместе с тем и пустыннее северных. Множество диких и бесплодных ущелий ведут в эти горы, но все они кончаются глухо. Речки, стекающие по ним, хотя и выносят свои воды в равнину, но пробегают ею недолго и почти тут же, у путника на глазах, уходят под землю; к тому же в равнины они текут в узких и глубоких долинах, в каньонах, вырытых в дилювиальных конгломератах, вследствие чего мало вообще способствуют оживлению той каменистой пустыни, которая широким поясом окружает Богдо. Это — в полном смысле этого слова мертвая степь, в которой кое-где только хвойник (Ephedra sp.?) да Eurotia ceratoides находят еще возможность существовать. Нет в природе ничего печальнее этой страны, нет местности, в которой в летний зной наблюдалось бы такое полное отсутствие жизни, как здесь...

«Даже птицы, — пишет Ван Янь-дэ[65], — собираются тогда стаями по берегам рек, а если которая-нибудь из них и вздумает полететь, то, как бы обожженная солнцем, тотчас же падает снова на землю...».

Ширина этой мертвой полосы около сорока километров. На юге она упирается в горную гряду Туз-тау, разделенную поперечными долинами на участки, из коих средний представляет значительный интерес благодаря тем оригинальным глыбам — замечательный образчик выветрившегося песчаника, которые венчают гребень горы. Местное ее название «Иеты кыз», что значит — семь девиц; связанное же с нею предание гласит приблизительно следующее:

...Когда калмыки разбили войска древнего владетеля этой страны, они пленили и семерых его дочерей; но последние не захотели сделаться женами язычников, а потому, улучив минуту, бежали из плена; когда погоня их уже настигала, они бросили внизу лошадей, взбежали на гребень горы и взмолились Аллаху о помощи, прося обратить их лучше в каменья, чем предать снова в руки презренных язычников. Аллах исполнил их просьбу, и с тех пор гора эта совсем опустела, травы повысохли, звери и птицы перевелись, люди же, и прежде ее избегавшие, теперь вовсе перестали ее посещать...

Но об этих каменных глыбах, как мы видели выше, китайцы знали уже в первые века нашей эры; уже тогда называли они этот кряж Чешы и удивлялись его «чудным вершинам»; а потому следует думать, что происхождение этой легенды, приспособленной ныне к воззрениям мусульманского мира, должно относиться ко времени появления первых оседлостей в этой земле, т. е. к такому периоду, о котором не дошло до нас ни малейших известий.

Гряда Туз-тау, протянувшаяся от запада на восток совершенно параллельно Тянь-шаню, разделяет Турфанскую низину на две половины, из коих южная, включающая глубочайшую впадину всей Внутренней Азии, в общем почти на 1200 футов (365 м) ниже северной; она-то и представляет из себя тот «огненный округ», который приводил в такое смущение всех географов, начиная с Гумбольдта и кончая цитированным выше Реклю.

«Дождей в этой стране, — пишут китайцы, — совсем не бывает; воздух же до такой степени сух и горяч, что, кажется, и небо дышит там пламенем... вот почему ее называют Хо-чжоу, что значит — огненный округ».

Из европейцев никто не посетил Турфана в летние месяцы, а потому о степени достоверности подобных рассказов мы можем судить только из расспросов туземцев, которые, впрочем, вполне подтвердили китайское описание климата этой страны. В Турфане существует даже особое выражение: «маныга кюн баши чушты», что значит буквально — «мне солнце ударило в голову»; в переносном же соответствует восклицанию — «надо мной беда стряслась!», потому что в этой «огненной» области палящие лучи солнца действительно, должны представлять тем более ужасное бедствие, что укрыться от них далеко не всегда и везде есть возможность.

Но Абель Ремюза к этим сведениям о Туз-тау присоединяет еще и другие. Он распространяется очень подробно о добыче нашатыря и говорит о «постоянном, будто бы, дыме, выходящем из недр этой горы и светящемся ночью, как факел». Если здесь нет ошибки в географическом определении места *, то известие это надо считать безусловно неверным, так как в Турфанском округе нашатырь совсем неизвестен; тем не менее оно дало Гумбольдту повод писать о проявлениях в Турфане вулканической деятельности в сравнительно еще очень недавнее время.

---

* Смешать Турфанский Хо-чжоу с местностью Хэу-тин-сянь, находившеюся к северу от Богдо-ола, и которая в иной транскрипции может писаться и Хо-тинь или Хо-чжоу (чжоу и тинь, как административные термины, часто переходят друг в друга), было для Аб. Ремюза несравненно простительнее, чем Риттеру, смешавшему тот же Хо-чжоу, с ганьсуйским городом этого имени (цит. соч. стр. 58); или хамийский хребет Бэй-шань «Белый хребет», с вулканом, или, правильнее, пиком Бэй-шань, к северу от Кучи; к тому же эта и подобные ей ошибки встречаются у комментаторов китайских историко-географических книг и географов чуть не на каждом шагу.

«Огненный округ» в общем столь же безотрадная, столь же безжизненная и бесплодная степь, как и северная половина Турфана. Сперва каменистая пустыня, дальше же на юг глинисто-песчаная степь, прикрытая невысокими грядами передвижного песка, — страна эта на всем своем протяжении производит совершенно одинаково гнетущее впечатление; и только на самом крайнем юге, у подошвы «Чоль-тага» или «пустынных гор», местность несколько оживляется площадками камыша, за которыми виднеются снова пески, но уже закрепленные свойственными только последним растениями: тамариском, верблюжьей колючкой, Peganum harmala, Salsola spissa, о которой несколько слов будет сказано ниже, и множеством им подобных представителей флоры песчаных пустынь.

Пески эти, занимающие всю отрицательную впадину Асса, получили столь же громкую, но и столь же незаслуженную известность, как и горы Туз-тау.

«Почва здесь суха и песчана, — пишет китаец; — в траве же и воде ощущается столь большой недостаток, что быки и лошади гибнут, если не запастись в достаточном количестве тем и другим; песчаные бури зачастую заживо погребают здесь людей и животных, а злые духи целый день издеваются над несчастными путниками; поперек этой пустыни протекает большая река, направляющаяся на запад и теряющаяся в сыпучем песке; цепь невысоких, как кажется, нанесенных сюда ветрами, песчаных холмов сопровождает также и русло этой реки, к северу от которой виднеется Хо-янь-шань, гора красноватого цвета; местность эту называют Хан-хай».

Клапрот «Хан-хай» переводит словами «Сухое море»; но словом «хай», как известно, китайцы обозначают не только море, но и вообще всякий водный бассейн, независимо от его характера и величины; таковы, например, Си-хай (Аральское море), Жо-хай (Иссык-куль), Ши-я-хай (Баграч-куль), Цин-хай (Куку-нор), Ли-хай (Лоб-нор) и даже Бо-хай и Юй-хай, крошечные солончаковые озера, а, может быть, и просто болота к западу от Алашаня. Поэтому, если слова «Хан-хай» мы станем переводить через сухое или, еще лучше, высохшее озеро, то китайское известие получит совсем иной смысл, чем тот, который был ему навязан пылким ориенталистом. В самом деле, впадина Асса могла еще в историческое время быть если не озером, то значительным тростниковым болотом, о чем наглядно нам повествует и одна старинная турфанская песня, начинающаяся словами: «Ауаттыке Джонгляда», что значит — «Ауатские большие камыши».

Выше мы видели, что по Хан-хаю с востока на запад некогда протекала значительная река. Ныне реки этой нет, зато сохранилось русло ее, целы и развалины буддийских монастырей, стоявших когда-то на ее берегу.

Что же это была за река и где должны мы искать истоки ее?

На эти вопросы очень трудно, к сожалению, дать сколько-нибудь определенный ответ. И это происходит главнейшим образом потому, что нам не удалось проследить древнее ее русло далее выхода последнего из гор Чоль-таг, с юга и востока ограничивающих турфанскую котловину.

В 533 км отсюда по прямой линии на восток мы пересекли сухое русло большой реки, собиравшей некогда свои воды с высот Тянь-шаня и Бэйшанских гор; еще и теперь не малое число речек направляет сюда свои воды, но последние или не добегают до главного русла, или же образуют здесь более или менее обширные болота. Вторично мы пересекли то же русло у станции Яндун, километрах в 74 ниже ее вероятных истоков, и падение в этом участке выразилось цифрой в 1500 футов (457 м). Если бы мы допустили тождественность реки котловины Асса с Яндунской рекой, то в гипсометрическом отношении гипотеза эта не встретила бы препятствий, так как на остальные 458 км ее протяжения пришлось бы не менее 2700 футов (823 м) падения. Замечу также, что дальше на запад, уже за Ляо-дуном, мы пересекли не мало сухих русел, очевидно, бывших притоков этой реки, и еще что на юг от большой дороги, между Хами и Пичаном, можно было установить целый ряд тростниковых займищ, повидимому, находящихся в некоторой связи между собою. Еще более подтверждает это предположение совокупность всех особенностей топографического рельефа этой страны: именно на параллели

Семь муллушек, построенных в память семи девиц, обращенных, согласно легенде, в камни на гребне горы Туз-тау.

Асса — Ян-дун наблюдается наибольшее понижение местности, может быть, тектоническая долина между горами Бэй-шаня и Небесным хребтом. С высот Чоглу-чай нам удалось видеть на юге громадные массы гор, разделенных, повидимому, параллельными между собою долинами; одна из них могла быть той горной тесниной, которую китайцы описывали под именем «долины бесов», другая, более южная, Яндунским протоком. Но все эти сопоставления, хотя и заставляют предполагать некогда существовавшую связь между отрицательной низменностью Асса и верховьями Яндунской реки, все же не более, как догадка... А Центральная Азия — ведь это классическая страна всевозможных неожиданностей, и весь характер ее рельефа таков, что широкие обобщения здесь станут только тогда возможны, когда топографически и геологически вся эта обширная страна детально будет известна; до тех же пор каждую гипотезу может постичь та же участь, какая постигла и все рассуждения о характерных особенностях природы последней, начиная с гипотезы Гумбольдта и кончая рихтгофенской. Если же я позволил себе обратить внимание читателя на это загадочное русло, то сделал это ввиду того первостепенного значения, какое получила бы эта река в случае решения в положительном смысле вопроса о времени ее существования. Хорошо сохранившиеся следы ее течения, прекрасно выраженные береговые террасы, развалины монастырского г. Асса на ее берегу, не говоря уже о многих отдельных постройках, полузасыпанных ныне песками, — все это как бы свидетельствует о ее недавнем существовании. Но какие же в таком случае причины способствовали не только ее обмелению, но и совершенному усыханию — общие или частные? Связаны ли они с общим для всей Центральной Азии оскудением водных бассейнов или последнее обстоятельство не имело существенного влияния на быстрое усыхание истоков этой реки? Все это, без сомнения, вопросы громадного значения, которые, однако, при настоящем уровне наших знаний природы Центральной Азии кажутся нам неразрешимыми. К тому же нельзя умолчать и о том, что множество фактов противоречат самым положительным образом существованию по крайней мере в историческое время этой реки. Достаточно вспомнить, что, кроме цитированного выше весьма неопределенного китайского указания, ни один из нам известных дорожников не упоминает об этой реке, которая, если бы в то время существовала, могла бы, без сомнения, служить самым выгодным соединительным путем между Хами и Турфаном. Но что же это, в таком случае, за река, текущая на запад? Единственная река, которая может соответствовать китайскому описанию — Пичанская, но, во-первых, она течет с севера на юг, во-вторых, она незначительна, в-третьих, по ее берегам мы нигде не видим «невысоких, наметанных ветром песчаных бугров» и, в-четвертых, наконец, она бежит поперек «Огненных гор», а потому эти последние никоим образом не могут находиться к северу от нее.

Как бы то ни было, но обзор имевшейся в нашем распоряжении литературы должен был нас привести к следующему выводу: Турфанская область так безотрадно бесплодна и при этом обладает таким убийственным климатом, что, без сомнения, ни одному номаду не могла когда-либо притти в голову мысль навсегда здесь поселиться.

Даже в том случае, если бы мы решились допустить, что котловина Асса, действительно, некогда представляла из себя обширное, если не озеро, то тростниковое займище, все же местность эта была бы для кочевника столь же мало пригодной, как и теперь: мириады насекомых и горячие испарения выгнали бы отсюда очень скоро весь скот, и тогда последний нашел бы себе верную гибель в каменистых степях харюзы или же в совсем пустынных горах южных склонов Тянь-шаня. Еще менее внимания заслуживает предположение, что некогда существовали перекочевки из южной Джунгарии в низину Асса, так как первая из названных областей изобилует прекрасными зимними пастбищами; не для чего поэтому было и предпринимать номадам столь отдаленные перекочевки на юг.

Таким образом, с некоторой долей вероятия мы должны допустить, что первые поселенцы Турфана были людьми, явившимися сюда во всеоружии знаний; они знали уже, как вызвать к жизни пустыню, и осели здесь в полной надежде, что невероятный труд их сторицей окупится громадною урожайностью почвы. И они не ошиблись... Но кто они были? Откуда явились: с запада или востока? Первое вероятнее, так как китайцы вовсе незнакомы с устройством подземной сети каналов.

Итак, все заставляет думать, что первые жители Турфана были иранцы, которые впоследствии, благодаря наплыву с востока различных народностей тюркского корня, были частью оттеснены последними к западу, частью же с ними настолько смешались, что утратили язык и свои расовые отличия. Подобное поглощение тюрками древних иранцев, начавшееся, как кажется, задолго до появления на исторической сцене хуннов или, как думает Радлов[66], «онуйгуров», не закончилось и доныне. Оно шло медленно, всего сильнее, конечно, выразилось на востоке и севере и вовсе не коснулось еще таджикского населения притоков Пянджа и верхнего Зеравшана. Но даже и на крайнем востоке, в Хами и Турфане, несмотря на сотню сменившихся затем поколений, иранская кровь все еще сказывается в типе народном; а это, конечно, не может не служить доказательством, что и эта часть Притяньшанья когда-то также была населена таджиками.

Как кажется, уже чешысцы были народом смешанного племени. В конце V в. чешысцы турфанские оттеснены были гаогюйцами к западу, в Карашар, и южное Чешы, как отдельное владение, перестало существовать. Одновременно, в нынешней Турфанской области возвысилось другое владение — Гаочан, население которого, повидимому, было смешанного характера, но в состав которого несомненно вошли и чешысцы. После различных превратностей, испытанных Гаочанским владением (с 640 г. китайская провинция Си-чжоу), оно, в исходе IX в., занято было, наконец, уйгурами (токус-уйгурами), которые и смешались здесь с коренным населением, образовав могущественное Уйгурское государство. Как отдельное владение последнее перестало существовать вслед за изгнанием монголов из Китая, а затем, к началу XV столетия, уйгуры уже далеко не составляли преобладающего элемента населения Хами и Турфана: их успели уже оттеснить на второй план пришлые с запада тюрки, явившиеся в этот край проводниками ислама. С течением времени ислам восторжествовал, и к концу XVII в. во всем восточном Притяньшанье уже не оставалось буддистов, а с тем вместе уйгуров, о которых местное население хранит еще воспоминание, что это был отличный от них народ.

Несмотря на то, что пришлые тюрки должны были оказать нивелирующее влияние на обычаи и язык, последний в Турфане сохранил еще некоторые особенности, делающие его мало понятным киргизам и таджикам Русского Туркестана.

Впрочем, отличия эти быстро сглаживаются и, по собственному сознанию местных жителей, «старых» слов остается у них все меньше и меньше.

Население Турфана исключительно земледельческое; оттого-то здесь так много селений и так мало городов. Впрочем, еще и другая причина препятствует образованию в этой стране крупных центров оседлости. Эта причина — отсутствие значительных масс проточной воды. Самые крупные из речек Турфана — это Булурюк-баур, Кара-ходжа, Лемджинская и Пичанская. На их берегах издавна существовали значительнейшие города древности, да и теперь Турфан, Люкчун и Пичан не перестали еще играть роли главных административных и торговых центров страны.

Развалины древних резиденций турфанских правителей поражают массивностью своих сводов и стен, но в общем размеры их незначительны. Это были скорее замки, чем города. Всего более таких развалин по р. Кара-ходжа, собирающей, как сообщалось выше, свои воды частью из ключей, частью из карысей в окрестностях значительного селения Мултук, и затем протекающей довольно широким ущельем поперек гряды Туз-тау, т. е. древнего Хо-янь-шаня. В этом ущелье местами еще сохранились интересные развалины буддийских кумирен и монастыря, кельи которого

целиком высечены в отвесных скалах красных песчаников; живопись, замечательная необыкновенной яркостью и свежестью своих красок, алебастровая штукатурка и даже деревянный переплет, служивший для последней основой, — все это сохранилось здесь так хорошо, точно еще недавно в монастыре кипела жизнь и отправлялось богослужение! Говорят, что развалины эти всего более пострадали в 60-х годах, когда овладевшие Турфаном дунгане разрушили здесь множество келий, вдребезги разбили изваяния идолов и сорвали со стен барельефы; но и до сих пор местное население не перестает удивляться искусной живописи жившего здесь прежде народа — «уюлгур-калмаков», как они их называют.

Против этого монастыря, на противоположном берегу реки, виднеются развалины какого-то замка, а дальше, к югу, остатки не то башен, не то надгробных памятников и других сооружений весьма древней архитектуры. Наконец, по южную сторону гор, среди обширного селения Кара-ходжа и рядом с развалинами недостроенной Якуббековской крепости, путник наталкивается на высокие стены с фланкирующими башнями, сводчатыми постройками, в которых кое-где видна еще штукатурка, обвалившимися подземельями и громадными грудами мусора и всякого отброса внутри. Пораженный не только массивностью всех этих построек, но и архитектурным их стилем, Регель пишет[67], что он невольно вообразил себя среди развалин каких-то древнегреческих или римских сооружений, но так как, прибавляет он, «ни греки, ни римляне никогда не распространяли своей власти так далеко на восток, то всего естественнее предположить, что постройки эти относятся ко времени, предшествовавшему вторжению сюда уйгуров».

Местные легенды приписывают постройку этого города какому-то мифическому царю Дакэ-Янусу. Но кто такой был этот Дакэ-Янус, этого те же легенды не разъясняют; не разъясняют сего и китайские известия об этой стране. Таким образом, хотя мы и имеем некоторое основание приравнять эти развалины к древнему Хо-чжоу (огненный город), но нет никакой возможности восстановить сколько-нибудь подробно историю этого города.

У Риттера мы читаем следующее: «разрушенный ныне Хо-чжоу лежал между упомянутым древним Ляу-чуном (Люкчун) на востоке и Турфаном на западе, в 70 ли от одного и в 30 от другого и назывался иначе Хара-хото»[68]. Известие это верно, но безусловно неверно все то, что пишется им далее об этом Хо-чжоу. Совершенно доверившись Клапроту, Риттер повторяет ошибку последнего и, смешавши названия Гао-чан с Гао-че и Гаю-гюй, волей-неволей идет далее в своих обобщениях и приравнивает Хо-чжоу к столице не только настоящих уйгуров, но и тех, что создала фантазия упомянутого выше ориенталиста. Благодаря этому Хо-чжоу является у него тождественным с Гао-чаном, Гяо-хэ-ченом и, наконец, даже с Си-чжоу. Между тем, Гяо-хэ-ченом, или «городом, охваченным рукавами реки», китайцы называли столицу Чешыского владения, переименованную сперва, как предполагает Иакинф, в Гаочан, и только впоследствии, с падением самостоятельности Гаочанского владения (640 г.), в Си-чжоу. Но Си-чжоу, с водворением в Восточном Тянь-шане уйгуров, в свою очередь переименован был в Чжоха-хото; это же монгольское имя удержалось за ним вплоть до конца XVII в., когда его заменило современное нам — Баур.

Таким образом, если верно отождествление Гяо-хэ-чена с Чжоха-хото, то следует думать, что в течение целого тысячелетия центр администрации края находился в окрестностях нынешнего Турфана, где мы и находим, действительно, не мало весьма древних развалин как стен городов, так и отдельных сооружений.

Первое известие, которое мы имеем о перемещении резиденции на восток от Турфана в Хара-хото или китайский Хо-чжоу, относится к началу X в. (913 г.); нет, однако, никакого сомнения в том, что это событие должно было состояться несколько раньше, а именно, согласно с легендой, в правление идикота (идыкота), носившего имя если не тождественное, то сходное с Дакэ-Янусом, или Такианусом, как называет его Регель.

Как бы то ни было, но время основания Хара-хото могло иметь место только в короткий промежуток между 874 и 913 годами, когда летописи Киданьского дома впервые стали упоминать о хочжоуских уйгурах. Гораздо труднее решить вопрос, какие обстоятельства вызвали падение этого города.

Хара-хото существовал еще при императорах Минской династии, но уже в это время, наряду с ним, все чаще и чаще начинает упоминаться имя другого, тогда только что возникавшего города — Турфана, которому вскоре суждено было играть столь важную роль в истории области. Целый ряд оборонительных войн, веденных государями Хара-хото против Джагатаидов, стремившихся силой оружия ввести мусульманство в стране, повидимому, были главнейшей причиной ослабления, а вслед затем и падения Хо-чжоу. С распространением в стране ислама город этот, служивший сильным оплотом буддизму, должен был потерять долю своего политического значения, населявшие же его уйгуры частью слиться с явившимися сюда с запада тюрками, частью удалиться к востоку, туда, куда не мог достигнуть не только мусульманский фанатизм, но и прозелитизм. Таким образом, Хо-чжоу, повидимому, угасал постепенно, а не прекратил своего существования вдруг, как многие другие города Восточного Туркестана; в этом, может быть, и следует искать главнейшую причину сравнительной целости его стен и прекрасного состояния развалин описанного выше монастыря.

К востоку от Хо-чжоу, кроме развалин небольшого укрепления, виднеются также развалины башен и, так здесь называемых, «калмак мазаров», т. е. уйгурских ступ. Такие же башни можно встретить в окрестностях Пичана и некоторых других селений Турфанской области; но особенно замечательны развалины монастыря Асса-шар, о котором мы уже упоминали выше не раз; его башня, стены, и ряды в два этажа расположенных келий до такой степени еще хорошо сохранились, что могут служить прекрасными образцами давно здесь забытого архитектурного стиля.

В сравнении со всеми этими величественными постройками то, что мы видим теперь в городах Турфанской области, представляется и жалким и бедным: искусство выводить своды и купола утеряно, ваяние и художество пали, уменья изготовлять прочную штукатурку более не существует; современное турфанское зодчество не имеет уже ничего оригинального, а все стены и здания выводятся по общепринятому шаблону — китайскому или общетуркестанскому. Таков регресс искусства в этой стране и, к сожалению, далеко не единственный!..

Некогда, как известно, Турфан славился не только своим военным могуществом, но и богатством; искусство турфанских ремесленников приводило в восторг даже прихотливых китайцев; библиотеки были обширны, науки и грамотность процветали, внешняя же торговля имела такое развитие, какого никогда не достигала в прочих промышленных округах Восточного Туркестана.

Ныне от всего этого более уже ничего не осталось. Мало сказать, что торговля здесь пала — ее здесь вовсе не существует. Народ обнищал и погрузился в ничтожество.

Какие же причины подготовили это, сравнительно быстрое, падение как благосостояния материального, так и умственного уровня в целом народе? Причин таких было много, но все они имеют характер более внешний, чем внутренний. Во-первых, политические невзгоды: усиление Джагатаидов на западе, стремление их подчинить себе Турфанскую область и силой привить здесь мусульманство, а затем джунгарский разгром, самая полная эксплоатация кунтайшами средств этой страны, эксплоатация, вынудившая в конце концов большую часть населения бросить родину и бежать на восток, в пределы Западного Китая; во-вторых, замена уйгурского элемента пришлым — узбекским, а буддийской религии мусульманством; наконец, события наших дней: дунганское восстание, хищническое управление китайских администраторов и их достойных сподвижников и воспитанников — ванов люкчунских, непомерные подати и, как косвенная причина, общее обеднение всех народов, населяющих Центральную Азию.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ТУРФАН

(Продолжение)

Почва Турфана издавна славилась своим плодородием. Китайцы, описывая эту страну, сообщали, что земли в ней тучные[69] и «производят все пять родов хлеба»[70], что «просо и пшеница дают там два урожая»[71] и что всевозможные плоды и самая разнообразная овощь не только родятся там в изобилии, но и отличаются превосходнейшим вкусом. Одновременно сообщались, однако, и такие факты, которые, повидимому, находились во взаимном противоречии. Так, изображая климат Турфана до крайности сухим и знойным, а почву страны бедною естественными водами и притом на всем своем протяжении каменистою и песчаною, они описывали ее в то же время густонаселенною[72] и настолько многолюдною, что, например, даже Гаочанский владетель был в состоянии одновременно выставить в поле не менее десяти тысяч регулярного войска!

Если известия эти в свое время были верны, если к тому же и площадь посева соответствовала густоте населения, то невольно рождался вопрос: из каких же источников добывалась вода, нужная как для орошения полей, так и для прочих потребностей жителей? Очевидно, что расход ее здесь был громаден, а средства на его покрытие совсем ничтожны.

Первым европейским путешественником, посетившим Турфан, был Регель. Он обратил внимание на оригинальный способ орошения турфанских полей при посредстве сети подземных каналов, но, не понявши устройства их, дал нам не вполне правильное о них представление[73].

Все речки, сбегающие с южных склонов Тянь-шаня, пропадают, как мы уже видели выше, у подошвы последнего; но дальше к югу воды их снова выступают на поверхность в виде целого ряда ничтожных ключей, слагающих пять вышеупомянутых ручьев: Булурюк, Кара-ходжа, Туёк, Лемджинскую речку и Ергун (Пичанскую речку); они пересекают гряду Туз-тау по пяти

соответственным долинам и выбегают в отрицательную низменность Асса, на северной окраине которой и разбиваются на арыки. Но воды этих ручьев в общей сложности так ничтожны, что ими могла бы воспользоваться едва двадцатая часть населения целой страны. Вот почему всю остальную потребную последнему массу воды пришлось издавна добывать при помощи замечательных гидротехнических сооружений, известных в Турфане под персидским названием «карысей». Целые оазисы, как, например, Ханду (древнее Хан-хоро), Кара-ходжа-карысь, Сынгим (древнее Билу?) и другие, своим существованием обязаны даже исключительно воде этих карысей; другие оазисы, как Турфанский, Пичанский, Туёк, Кара-ходжа, Люкчун и Мултук, только частью получают свою воду из упомянутых выше ручьев; главнейшим же образом заимствуют ее из карысей, устья коих выведены или в ключевые центры или же непосредственно в пределы культурного округа.

Устройство карысей очень простое.

В местности, известной населению неглубоким сравнительно залеганием водосодержащих слоев, роется головная «дудка», т. е. узкий и глубокий колодезь, который заканчивается в этих слоях; отступя метров восемь, много если уже десять, роется вторая такая же дудка, потом третья, четвертая, сотая, до тех пор, пока их глубина не дойдет до двух метров; тогда эти дудки, начиная с последней, от которой уже ведется арык, соединяются между собою каналом, прорезающим таким образом во всю их длину водосодержащие почвы. Ясное дело, что тогда в такую трубу устремляется вся вода этих последних, но, разумеется, в пределах, строго ограниченных ее всасывающею способностью. Для того, чтобы увеличить струю карысной воды, в магистральный канал проводятся ветви; если же нет для этого подходящих условий, то или несколько параллельных между собой карысей соединяют в один, или удлиняют его еще новыми дудками. Но последний случай встречается сравнительно редко, так как с удалением от устья карыся глубина колодцев увеличивается постепенно и, наконец, достигает того максимума, который следует считать почти что предельным; так, например, головные дудки хандуских карысей достигают в некоторых случаях глубины большей 85 м! Но на такой глубине и поддержка карыся становится уже трудной. Ремонт последнего выполняется при помощи все тех же дудок, которые раньше служили для проложения канала; потому, в свою очередь, они тщательно поддерживаются и зачастую укрепляются деревянными рамами; тем не менее обвалы в них бывают нередки, а ремонт карысей не прекращается никогда.

Все жители Турфана в большей или меньшей степени знакомы с устройством карысей, но только беднейшим его жителям приходится работать над исправлением этих последних, так как работа эта справедливо считается здесь столь же опасной, сколько и трудной. Зато жертвы катастрофы хоронятся всегда на общественный счет, а могилы их чтятся народом.

Если посмотреть на Турфанскую область с высоты птичьего полета, то бо́льшая часть поверхности ее покажется нам точно изрытой какими-то гигантскими землеройками, с тем, впрочем, отличием, что значительные кучи земли не разбросаны здесь в беспорядке, а вытянуты стройными линиями. Это и есть карыси.

В общей сложности карыси — сооружение, столь же изумительное по своей громадности, сколько и по смелости замысла. Оно все внизу, на глубине десятков метров, а потому и не импонирует на путешественника; между тем, если подсчитать сумму труда, употребленного турфанцами не только на прорытие всей этой сети подземных каналов, обеспечивающих существование многих сотен семей, но и на постоянную поддержку последних, то удивлению нашему не будет границ.

Достаточно сказать, что для орошения площади в 160 му, т. е. 8 десятин (8,7 га), в оазисе Ханду, например, требуется вода с одного карыся при наименьшей длине последнего в три километра. При такой величине карыся головной колодезь последнего может иметь глубины минимум 300 футов (90 м); принимая же в соображение, что на один километр приходится от 100 до 120 дудок, а на все протяжение от 300 до 360, при средней глубине в 150 футов (45 м) и площади сечения в 6,25 кв. футов (0,5 кв. м), получим, что для вырытия дудок потребно было выкинуть земли и гальки в круглой цифре не менее 280 тыс. куб. футов (70 тыс. куб. м); если же присоединить сюда и подземный канал длиною в три километра, то вся масса выкинутого материала значительно превысит 300 тыс. куб. футов (85 тыс. куб. м), из коих не один десяток тысяч пришелся на глубину в 35 сажен (74 м)!

В оазисе Ханду до двухсот карысей, во всей же северной части Турфанской области (харюза) их так много, что определить в точности количество их невозможно; во всяком случае число их существенно увеличено быть не может, так как, повидимому, уже в настоящее время почти весь запас подпочвенной влаги высасывается карысями сполна. Местные жители подметили даже, что увеличение числа боковых колодцев уже не увеличивает в желанной мере количества воды в магистральных каналах, а также и то, что вновь проведенный карысь или уменьшает количество воды в соседних, или же вовсе их осушает. Вместе с тем подмечено было также и периодическое колебание уровня в этих колодцах: летом оно выше, чем в зимние месяцы; это явление, весьма важное для земледельца, находится, повидимому, в прямой зависимости от летнего таяния снегов в горах Богдо-ола.

Когда среди бесплоднейших каменистых степей харюзы мы вдруг увидали оазис Ханду, то, как помнит читатель, были поражены его красотой, оживленностью и богатством. Даже лучшие места в долине Зеравшана, этой издавна прославленной «жемчужине Востока», не в состоянии выдержать сравнения с тем, что мы здесь увидали.

Это, в буквальном смысле слова, роскошнейший сад, какое-то в высшей степени благоустроенное поместье, где все дышит необычайным порядком и даже довольством. Террасовидно подымающиеся поля, засеянные кунжутом (Sesamum indicum), акджугарой (Sorghum cernuum), хлопчатником и всевозможными иными культурными растениями и огороженные только линиями древесных посадок — айлантов и тутов, производят чрезвычайное впечатление отсутствием каких бы то ни было следов потравы на них; непроницаемая тень громадных вязов и тутов, среди которых вы едете, ирригационные канавы, по которым несутся струи холодной и чистой воды, наконец, даже дорога, изумительная своей необыкновенной опрятностью, — вот первые впечатления при въезде в оазис. С каждым шагом вперед поражаешься все более и более; впереди, наконец, и селение... но это даже и не селение, а ряды ферм, утонувших в густой зелени тутовых, абрикосовых и персиковых деревьев, яблонь и груш; виноградники и плющ (Clematis sp.) дополняют очарование... Среди селения вы объезжаете пруд с перекинутым через него легким, слегка дугообразно-изогнутым мостиком китайской архитектуры; повидимому, пруд этот только в редких случаях видит солнце, — до такой степени мощны деревья, засаженные вдоль его берегов... Пруд среди каменистой пустыни, самой безжизненной из среднеазиатских пустынь! Не чудо ли это? И если вспомнить, что вся масса воды в Хандуском оазисе извлечена с глубины в 60 или даже более метров, то не правы ли мы остановиться в изумлении перед земледельцем Турфана, осилившим и пересоздавшим природу?

Когда видишь все это, то невольно приходят на память легенды о великом прошлом Восточного Туркестана. Когда-то существовало в нем одновременно до 60 отдельных владений, теперь же не наберется здесь того же числа городов и местечек. Множество последних исчезло без всяких следов былого существования, и там, где некогда они были, тянется теперь такая же безотрадная пустошь, как и турфанская харюза.

Все путешественники утверждают, что местность на восток от Хотана изобилует значительными запасами подпочвенной влаги: «стоит здесь только копнуть, — говорят они, — чтобы показалась вода». Турфан представляет несравненно худшие условия водоснабжения, и между тем мы застаем здесь всюду такие цветущие оазисы, как Ханду. Что же мешает нам думать, что и на северных склонах Кунь-луня существовали и могут существовать города, обязанные своею жизнью исключительно воде карысей? Но устройство карысей дело капризное, требующее неусыпного внимания и постоянного ремонта, а потому и значительных расходов, незнакомых другим земледельцам.

Только в Турфанской области сохранился еще вполне этот способ орошения почвы, и это, может быть, потому, что Турфан, как кажется, до 60-х годов текущего века все еще умел сохранить проблески своей прежней самостоятельности. К тому же настоящая хищническая эксплоатация этого богатого края китайцами началась только лет двадцать назад, а потому и не успела еще в корне подорвать благосостояния его жителей.

Ниже мы увидим, как беспощадна и многообразна эта эксплоатация, готовящая Турфану страшные бедствия, а теперь постараемся познакомиться и с самым предметом этой эксплоатации — уроженцем Турфана.

Вот и он перед нами. В среднем типе не столь красивый и статный, как таджик Русского Туркестана, он, однако, не менее последнего жив и подвижен. Скулы его выдаются сильнее вперед, глаза уже, но всегда выразительны, растительность на лице очень редкая. В общем телосложение его сухопарое, рост средний, грудь часто впалая. Производя впечатление физически слабого человека, он, однако, чрезвычайно вынослив, деятелен и неутомим. Мне кажется, что вся организация его приспособлена к тому именно, чтобы быть сытым при самом ничтожном количестве пищи; и действительно, трудно даже представить себе, как мало он ест! И в этом, может быть, и следует видеть тот именно якорь, который спасает турфанский народ от повального разорения. Насколько он скромен в еде, настолько же он скромен и во всем остальном. Когда-то в Турфане выделывались прекрасные вина, приводившие китайцев в непомерный восторг; с введением мусульманства искусство это было совсем забыто, и ныне турфанцы спиртных напитков, как кажется, почти вовсе не пьют. Одевается он также замечательно просто, но в то же время и очень опрятно. Одежда эта состоит из нижеследующих частей: длинной рубашки (куйпэк), сшитой из местной хлопчатобумажной материи — белой бязи (бэ̆з), и таких же штанов (дамбал), заправляемых в сапоги (пайпак) лошадиной кожи; из ватной кофты (джаймэк,) застегивающейся на левом боку и настолько широкой, что ее приходится подпоясывать кушаком (путё), для которого берется обыкновенно или кусок бязи, или 6,4 м (гезь) ситцу, и, наконец, из тюбетейки (допа), или же шапки с меховым околышем (коробӧк) общетуркестанского типа.

Более состоятельные заменяют джаймэк халатом, но последний входит в употребление только по городам, да и то преимущественно только среди людей пожилых и почтенных.

Насколько нам удалось определить характер турфанца — скромность составляет его удел; я думаю, что у некоторых она переходит даже в забитость. Турфанец терпеливо выносит тиранию китайской администрации и своего природного князя, но, может быть, это только временно бездействующий вулкан? Во всяком случае он мало напоминает прежнего жителя этой страны, непокойного и вечно с кем-нибудь да воевавшего чешысца... Он предпочитает, повидимому, мир да покой, а потому хотя и ропщет, но все же лезет в ярмо, добровольно обращаясь в батрака каждого, кому не лень наживаться на счет этого добродушного человека; поэтому, мне кажется, нет страны, где бы ростовщичество было так распространено, как именно здесь.

«Когда-то, — говорили нам старики, — мы переживали лучшие времена; тогда и народ был честнее... Воровство и обман строго наказывались, а теперь этих наказаний никто уже не боится...».

Можно легко этому верить. Сама судьба заставляет человека, попавшего в лапы ростовщика, изворачиваться, затем унижаться и, наконец, даже прибегать к недозволенным законом и совестью действиям. Подобное движение по наклонной плоскости вниз так хорошо всем известно, что о нем и распространяться долго не стоит. К тому же народ, управляемый не законами, а произволом, проходит здесь очень плохую школу нравственности; про Турфан же мы скорее, чем про какую-нибудь другую страну Востока, имеем право сказать, что закон существует здесь только для тех, кто богат.

При всем том, благодаря своей аккуратности, трудолюбию и уменью довольствоваться самым малым, турфанец еще сводит кое-как концы с концами; при поверхностном взгляде он производит впечатление даже человека зажиточного: так, всегда он опрятно одет и в таком порядке находится его крошечный дворик и прилепившиеся на краю последнего жилые покои.

Обо всех туркестанцах приходится зачастую выслушивать мнение, что это народ давно изолгавшийся и вполне лицемерный, что вероломство составляет столь же врожденное у них качество, как и себялюбие или жестокость. Мы, однако, совсем не разделяем такого крайнего взгляда и желали бы дать туркестанцу иную характеристику; вот почему мы и к турфанцам решаемся отнести те слова, которые писались почтенным академиком Миддендорфом о таджиках Русского Туркестана [74].

«Если мы с беспристрастием отнесемся к коренным чертам характера таджиков, которых частенько и жестоко ругали, то вскоре убедимся, что, кроме прекрасных наклонностей к добру и немалых дарований, таджик бесспорно отличается поэтической мягкостью души. Я вовсе не хочу отрицать больших недостатков их и пороков; но они обращаются в нечто очень малое, если обратить внимание на то, при каких условиях выработалось то здоровое ядро, которое сохранилось в них и поныне...».

Мать всегда и всюду была, без сомнения, первой воспитательницей ребенка; и вот именно дети в Турфане служат самой надежной рекомендацией для своих матерей.

В самом деле, это совершенно своеобразные дети. Сообразно со своим возрастом, они, разумеется, и бегают, и играют, и пожалуй даже шалят; но все шалости их совсем невинного свойства. Вы нигде не увидите здесь мальчугана, лазящего по деревьям, бесцельно ломающего сучья или кусты, портящего молодые побеги лозы ради свистулек или хлыстов; они не побегут вслед за вами, не швырнут в вас исподтишка камнем, зато проводят взглядами, полными любопытства и вместе с тем какой-то недетской серьезности. Подростки лет пяти-семи уже няньки грудных младенцев и, добавлю, хорошие няньки; с десяти — они уже настоящие помощники своих матерей и отцов. Одним словом, это вполне благонравные дети. Особенно поражали нас всегда их стоицизм и какая-то в их возрасте совсем для нас непонятная сила воли. Например, я, кажется, никогда не забуду впечатления, произведенного на меня одним мальчуганом лет семи или даже шести. По неосторожности, помогая матери в приготовлении хлеба, он упал в раскаленную печь. Хотя его тотчас же и вытащили, но ожоги, им полученные, охватили всю грудь, руки и ноги; через три дня все это обратилось в сплошную, гнойную язву; тогда только испуганные родители решились обратиться за помощью к русским. И надо было видеть выражение лица малютки, когда принесший его к нам отец стал сдирать присохшие к страшным его ранам лохмотья!.. С его стороны ни звука, а все мы, — казаки и я — просто оцепенели от ужаса... «Да что же это такое? Да как же это лечить?!» Молчание ребенка, чрезвычайные усилия воли, которые он, видимо, употреблял для того, чтобы не расплакаться, тронули нас до глубины души... Разумеется, мы лечили его, как умели, и через три недели имели удовольствие видеть его уже смеющимся и играющим. Но сказать ли причину, заставлявшую ребенка молчать, несмотря на невыносимую боль, которую он очевидно испытывал? Его уверили, что русские не любят крикливых детей!.. Удачный исход лечения привлек к нам множество пациентов, в особенности много детей. И все они вели себя столь же мужественно, как и первый ребенок; но первые впечатления всегда самые сильные; впоследствии же мы уж привыкли к этим маленьким стоикам.

Что взаимная любовь и постоянство и в Турфане ценятся высоко и даже, пожалуй, считаются краеугольным камнем семейного благополучия, видно, как мне кажется, из следующей, прекрасной по содержанию своему, песни, распеваемой чуть ли не в каждом семействе:

Кабы нам с тобой, как Юсуп * с Залихой,
Так же дружно жить, разлюбезная,
Милая, милая,
Сердце забилось бы радостью...
А и спросят если тебя, моя милая,
Что за люди те — Залиха и Юсуп?
Это те (отвечай), что, состарившись,
Свою любовь по белу свету развеяли...
Милая, милая!..

Уроженки Турфана скорее низкого, чем среднего роста, телосложения в большинстве случаев очень неправильного, что обусловливается длинным туловищем и развитыми тазовыми костями; впрочем, так как нет вообще правил без исключений, то и тут попадаются женщины высокого роста и пропорционального телосложения. Большинство из них предрасположено к полноте, но полные чаще встречаются на улицах городов, чем в деревне, где физический труд и частое недоедание немало, разумеется, мешают ожирению тела.

Идеал красоты турфанлык видит в женщине иранского типа, и жительницы этой страны употребляют всяческие старания к тому, чтобы хоть сколько-нибудь на них походить. Для того, чтобы казаться выше, они носят непомерно высокие каблуки; ресницы и брови подводят и тем достигают одновременно двух целей: во-первых, скрадывают широкое расстояние между глаз, а во-вторых, увеличивают как размеры последних, так и длину бровей и ресниц; низкий лоб они искусно прикрывают прической, а все лицо перестает казаться круглым и плоским, благодаря головному убору — «допа». Таким образом, монгольские черты лица они стараются по мере возможности сглаживать и на их счет развивать особенности лица иранского — немаловажное доказательство в пользу того, что первобытное население этой страны было арийское, а не тюрко-монгольское! Как представительницы и всех других рас, населяющих Внутреннюю Азию, они любят румяниться и белиться, и надо отдать им полную справедливость — весьма часто злоупотребляют и тем и другим, точь-в-точь как большинство китаянок, считающих, что появиться в народе без достаточного количества белил и румян на лице неприлично. Глаза у всех тех женщин, которых мы видели, были карие или даже темнокарие и живые; волосы черные и жесткие. Встречаются ли между ними женщины с более светлым оттенком волос, в точности мне неизвестно; судя, однако, по мужчинам, нужно думать, что да, потому что в Турфане русоволосые люди вовсе не редкость.

Одежда турфанок состоит из следующих частей: из длинной, цветной, ситцевой или кумачовой рубашки (куйпэк) и таких же

---

* Согласно легендам, Юсуп был сыном мусульманского святого Якупай Гамбара, родом из Ирана.

штанов (дамбал); из парадной шелковой (китайская фанза) рубашки (янзо-куйпэк), цветных, обыкновенно красных, гетров (чекмень-иттык), ичигов с калошами (кебис-пайпак), а зимой сапог на высоких подборах (пайпак), кофты, схожей покроем с мужской (джаймэк), шелкового халата (шаи-чапан), тюбетейки (допа), шапки, обложенной выдрой (тэльпэк), большого красного платка (яхлык) и, наконец, тоже цветного, но меньшего (личаг).

Зимой, кроме того, носится шуба, подбитая мерлушкой (копё) и крытая какой-нибудь материей, обыкновенно крашениной или полушелковым кокандским адрасом. Но, разумеется, полный комплект выше поименованного гардероба имеется только у богатых; бедные же зачастую носят мужнину шубу, гетры заменяют из цветной шерсти вязанными чулками, о шелковых же халатах и янзо-куйпэках только мечтают.

Замуж турфанки идут рано, нередко четырнадцати и даже тринадцати лет, причем сватовством заправляют всегда почти свахи, которые и играют довольно видную роль во все время празднества и обрядов, сопровождающих помолвку и брак.

К свахам обыкновенно прибегает женихова сторона. Когда невеста намечена, то свахи, которых обыкновенно две, отправляются к родным последней и завязывают разговор на желанную тему. Так как все уж догадываются, зачем явились последние, то им и дают сейчас же ответ положительный или уклончивый. В первом случае, дней через пять или шесть, свахи снова возвращаются в дом родителей невесты, но на этот раз уже приводят с собой и барана, который тут же закалывается и съедается. За трапезой помолвленная девушка объявляется невестой. По прошествии такого же промежутка времени, т. е. опять-таки дней через пять или шесть, со стороны жениха в дом нареченной отправляются для сговоров относительно калыма несколько старейших и почетнейших лиц общины; обыкновенно это аксакал, дорга и тому подобные лица. Жених, как и всюду на Востоке, обязан сделать приданое своей невесте; разговор поэтому идет только о качестве и количестве положенных обычаем вещей. Родители невесты считают своей обязанностью запросить как можно больше, давая этим понять — как высоко ценят они свою дочь. С своей стороны представители интересов жениха держат сторону последнего, выставляют на вид его небольшие достатки и просят снисхождения и всегда почти значительной сбавки. Соглашение обыкновенно наступает нескоро, так как обе стороны крепко стоят на своем; но, наконец, оно достигнуто, в дом врываются любопытные и здесь узнают от мнимо огорченных родителей, что те продешевили невесту... «Да нельзя было и не уступить — ведь посредниками явились все такие лица, которым отказать и невыгодно и опасно...». Однако тут же безбожно увеличивают количество выторгованных вещей; все это знают, но ко всему этому относятся добродушно — таков уж обычай!

Жениху среднего достатка приходится обыкновенно делать своей невесте нижеследующие предметы ее гардероба: повседневные: 1 или 2 кофты (джаймэк), 1 или 2 кумачовые рубашки (куйпэк) и 1 или 2 пары штанов (дамбал), тоже ситцевых или кумачовых; праздничные: 1 шелковый халат из кокандских материй: шаи, дуруя или атласа, 1 янзо-куйпэк, 1 чекмень-иттык и 1 яхлык — большой, обыкновенно красный, платок.

Кроме того, ичиги * с калошами, а зимой сапоги, тэльпэк и доп. Цена тэльпэка от полутора серов ** доходит до десяти, а так как головной этот убор составляет гордость каждой турфанской женщины, то совершенно понятно, что при сговорах он и возбуждает наиболее толков.

На обязанности же жениха лежит и заготовление плоских и длинных подушек из ваты (ястык), в количестве от трех до пяти, и двух ватных же одеял (иоткан), из коих одно, поменьше, играет обыкновенно роль подстилки или матраса, другое же исполняет совершенно то же назначение, что и у нас; пользуются им, однако, только зимой, в летнее же время турфанец спит или нагой, или прикрывшись халатом.

Все это обходится жениху серов в 30—35, т. е. в такую сумму, которую редкий сельчанин может выплатить сразу, а потому зачастую случается так, что изготовление приданого растягивается на месяцы и даже на годы. Разумеется, в богатых семьях подобного рода задержек обыкновенно не происходит, там даже заготовляют двойной и тройной комплект перечисленных выше вещей; но все же и тут многое зависит от уговора, и случается так, что невеста ко дню свадьбы получает только чрезмерно необходимое.

С своей стороны и родители невесты изготовляют жениху некоторые части одежды, но как число их, так и общая стоимость относительно совсем ничтожны. Рубашка, опоясок и бязевые штаны составляют обыкновенно все то, что считают необходимым перед свадьбой вручить жениху; иногда, впрочем, к этим предметам присоединяют еще сапоги и халат, но это уже не правило, а исключение.

Когда все это готово, а у бедняка — когда наступит условленный день, то в дом родителей невесты с жениховой стороны посылается «аш».***. «Аш» у бедных состоит из: 5 баранов, 5—6 крю**** пшеницы или пшеничной муки, 1 крю риса, 1 джина чаю, 2 джинов конопляного или льняного масла для освещения и 2 арб дров.

---

* Сапоги на мягкой подошве, без подборов.

** Сер или лян равен приблизительно, двум серебряным русским рублям.

*** Собственно «обед», но в данном случае только провизия для угощения гостей.

**** Крю равняется 0,1 даня; последний же, приблизительно, равен 103 литрам.

У богатых количество вышеприведенных предметов увеличивается значительно, да кроме того посылаются сласти, в качестве коих фигурируют различные сорта изюма, различные сырые или сушеные фрукты, леденцы и орехи.

Из всего этого приготовляется угощение для гостей, которые собираются пировать в доме невесты всегда спозаранку. Вся община принимает обыкновенно участие в пире; на богатых же свадьбах немало гостей прибывает и из соседних селений. Это как бы праздник для всех, и все спешат повеселиться на-славу, попеть, поплясать да кстати и пообедать на счет радушных хозяев.

В Турфане ни одна свадьба не обходится без музыкантов; к тому же последние играют скорее ради угощения, чем вознаграждения, которое, однако, всегда слагается из тех приношений, которые добровольно жертвуются не в меру развеселившимися гостями. Для сбора последних перед музыкантами ставится столик, на который устанавливается поднос с тремя лепешками. Все, что жертвуется танцующими, кладется именно на эти лепешки и потом уже делится поровну между играющими, причем существует даже такой нелепый обычай, что, если, например, играющих трое, а платок всего только один, то его разрывают на части.

Оркестр всего чаще составляется из нескольких дутаров и дапов; очень редко можно встретить здесь музыканта, играющего на сетаре и еще реже на гырджаке, равабе и янчине, которые, однако, во всеобщем употреблении у жителей Хами *. Но каков бы ни был вообще состав инструментов, единственное их назначение — аккомпанировать голосам, которые только одни и выводят мелодию.

Обыкновенно песню начинает запевало, подчас очень искусно аккомпанирующий себе на дутаре то щипком струны, то бойким выбиванием трели по кузову инструмента. Все молчат в это время, и только дутаристы поддерживают певца, да тихо-тихо гудит бубен... Но вот куплет кончен, десятки голосов выкрикивают: «яр, яр!», дутаристы усиленно бегают пальцами по струнам своего инструмента, а бубен с подвязанными к нему медными бляхами выделывает какие-то странные, точно конвульсивные движения по всем направлениям... — выходит чрезвычайно красиво и не менее лихо, чем у наших цыган.

Все плясовые мотивы турфанцев звучат несколько дико, но им никак нельзя отказать в легкости и красоте. Это совсем не то, что музыка китайцев: набор диких звуков без всякого ритма, или, в большинстве случаев, совсем для нас непонятный рев духовых инструментов бухарских оркестров. Эта музыка нам ясна: она, действительно, подмывает человека вскочить с места и броситься в плясовую...

Вызовом к началу танцев служит обыкновенно нижеследующее четверостишие, приглашающее и женщин принять участие в танцах:

Смотри же, смотри: на меня посмотри!
Не на сторону смотри, а на меня посмотри!
Ты, расцветшая подобно цветку
В ханском саду, на меня посмотри!

Едва раздаются первые слова этой, всем так хорошо знакомой, песни, как из группы молодежи выделяется уже первый танцор; быстро подбегает он к оркестру, бросает на столик деньги или торопливо выхваченный из-за пазухи платок, круто поворачивает затем в ту сторону, где столпились девицы и молодухи, коротким жестом приглашает одну из них и становится с нею посередине свободной от народа площадки. Танец начинается плавными движениями и на первых порах весьма напоминает «русскую» на мотив: «по улице мостовой»; но вскоре затем темп учащается, движения становятся нервными и быстрыми, зрители наэлектризовываются, начинают подтягивать хору, бьют в ладоши, подтопывают ногами, и, наконец, все заканчивается чуть ли не французским канканом.

Смысл этого танца совершенно ясен: в нем олицетворяется целая эпопея любви. Девушка то привлекает к себе своего поклонника, то отстраняет его и смеется ему тогда прямо в глаза; подобное заигрывание чрезвычайно возбуждает молодого ухаживателя; возбуждение его передается, наконец, и девице, которая спасает себя тогда только тем, что платком закрывает себе лицо всякий раз, когда ее возлюбленный устремляется с намерением запечатлеть на ее устах поцелуй...

Любовь по тебе меня в скелет обратила,
А ты и над скелетом все еще издеваешься!
Вся душа исстрадалась во мне
И все мысли давно уже иссякли —
Видно, по свету летать им более уж силы не стало!
Эх, кабы и мне так летать, как мысли летают!
Приделал бы я крылья себе и летал
В поисках по белу свету за красавицей,
На тебя похожей, моя ясынька!

...Но, очевидно, защита эта весьма ненадежная... Еще момент, и, без сомнения, девушка принуждена будет уступить настойчивым домогательствам избранника своего сердца... Но музыка

---

* Дутара, сетара, гырджак, раваба — струнные инструменты. Дап — бубен, янчин — инструмент, напоминающий цимбалы. [Прим. ред.]

здесь вдруг круто срывается, и возбужденные пляской танцоры расходятся в разные стороны. Большинство женщин исполняет свою роль грациозно и мило; от мужчин же танец требует слишком многого; вот почему далеко не каждый и в состоянии выполнить его безупречно: живости много, но легкости в движениях ни малейшей, а это чрезвычайно вредит общему впечатлению.

Но вот и танцам конец. Гости теснятся к выходу и разбиваются на кучки в ожидании готовящегося угощения. Домашние в суете: надо устроить стол хотя бы почетным гостям, а остальные будут, без сомнения, не так уж взыскательны, так как ведь всякий же хорошо понимает, что стен по произволу никак не раздвинешь... а потому было бы только что есть, а об остальном сами гости уж позаботятся.

Ловкими и быстрыми движениями хозяйка восстанавливает нарушенный было на канжине порядок: вдоль стен снова уложены одеяла (юткан), посередине разостлана скатерть (супра), и на ней появляются одна за другой деревянные миски с лапшой, пирожками, начиненными тыквой (кауа), с вареным мясом, рисом и с прочей стряпней; подносы (панза) с лепешками пресными и сдобными (чальпэк), изюмом, орехами, сухими фруктами, гранатами (анар) и зимними сортами дынь (мизган), а если пиршество происходит в летнее или осеннее время, то и с горами винограда, груш, «наш-пута» и прочих фруктов, которыми так богата Турфанская область. Когда все готово, вокруг супры усаживаются старики и прочие почетные гости; хозяин подает «ивриг» *, и после церемонии омовения рук все принимаются за еду.

Окончив трапезу, почетные гости расходятся, а молодежь разбивается на две группы. Молодые люди уводят с собой жениха, и кто на чем горазд — верхом на лошадях или ослах, часто по-двое на одном, уносятся на край селения, иногда в усадьбу одного из более зажиточных односельчан, часто километра за три и более, где и предаются на свободе различным юношеским забавам и играм. Так же поступают по отношению к невесте и ближайшие подруги ее.

Тем временем в доме родителей жениха все изготовляется к приему новобрачных. Если есть особая горница — устраивают ее; если нет — в общей спальне отгораживают какими-нибудь занавесками один из углов. Тут же раскладывается на-показ и все приданое, заготовленное невесте.

Молодежь съезжается сюда только вечером. К кортежу невесты присоединяются и все ее родственники, как более близкие, так и дальние, которые сообща и образуют обыкновенно шумную и многочисленную толпу. Считается вообще очень приличным,

---

* То же, что у узбеков носит название «обтоуа» — рукомойник, состоящий из кувшина и таза.

если невеста упирается и делает чрезвычайные усилия для того, чтобы не перешагнуть через порог женихова дома. Ее уговаривают и утешают песнями вроде следующей:

Гай, гай песня! Начинайся, песня!
Где только ни растут цветы,
дорогая, дорогая...
Один из них всегда уж лучше будет, чем другой,
Потому что и цветы ведь разные бывают,
дорогая, дорогая...

Совершенно так же, как люди, а потому будь же довольна и тем, кто отныне становится твоим мужем...

Когда же уговоры не помогают (а обыкновенно они не помогают), то ее сперва начинают подталкивать сзади, потом подхватывают подмышки и, наконец, берут даже на руки, после чего уже ни брыкаться, ни сопротивляться не принято; не принято также при этом и плакать, но иногда невеста действительно и искренно плачет, особенно если была баловнем своей матери. В этом последнем случае хор всегда старается заглушить всхлипывания невесты нижеследующей песней:

Что за кувшин, в котором вода вовсе не греется?
Что за девка, коли в горе слезами не заливается.

По прибытии жениха и невесты мулла прочитывает им вслух две-три молитвы, чем одновременно и заключает и благословляет их брачный союз. Затем молодая подходит к мужу, снимает с него шейный платок и всенародно целует его в губы. Этот поцелуй — знак, гостям расходиться. В горнице остаются только две свахи, на обязанности коих лежит, во-первых, разостлав малое одеяло, накрыть его чистым белым платком, а во-вторых, стеречь молодых целую ночь... Когда молодые остаются одни, то дело жены (мазом-киши) — раздеть мужа. А на утро муж забирает с собой платок и передает его свахам, которые уже и несут его для освидетельствования к свекрови. От результата этого осмотра зависит степень награды свах, которые в благоприятном случае получают обед, по большому платку и по шкуре барана.

Но на всем этом свадебное торжество далеко еще не кончается, так как веселятся вслед за тем еще целых три дня, причем сперва принимают гостей молодые, обязанные выставить «аш» в том же количестве, какое накануне подавалось в доме родителей новобрачной, а затем снова последние; в конце же концов опять молодые. Впрочем, в этих двух случаях количество «аша» уже значительно уменьшается, а на вечеринки зовутся исключительно только люди близкие или родные.

Описанные празднества сопровождают вступление в брак только девицы; если же выходит замуж разводка или вдова, то на устраиваемую вечеринку приглашаются исключительно только самые близкие родственники и знакомые, в зависимости от чего уменьшается и количество «аша» до пяти джинов мяса и одной крю муки. Приданое хотя и делается, но количество вещей гардероба невесты сокращается обыкновенно до минимума. Обычай вменяет в обязанность жениху заготовить только следующие четыре предмета: допу, шаи-чапан, джаймэк и куйпэк. Что же касается до штанов, обуви, подушек и одеял, то изготовление их лежит уже всецело на обязанности невесты.

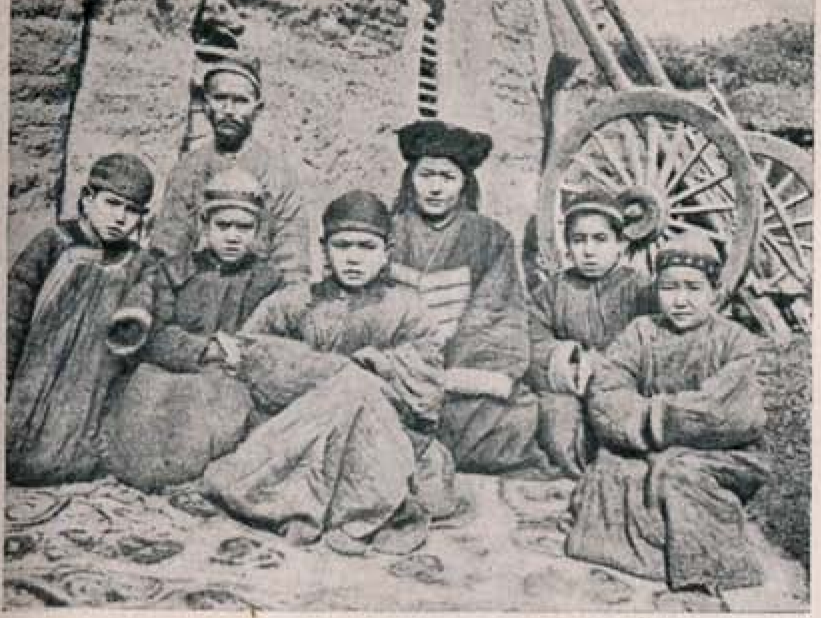
Развод в Турфане совершается часто и не обставлен никакими особенными формальностями; требуется только санкция какого-нибудь ахуна.

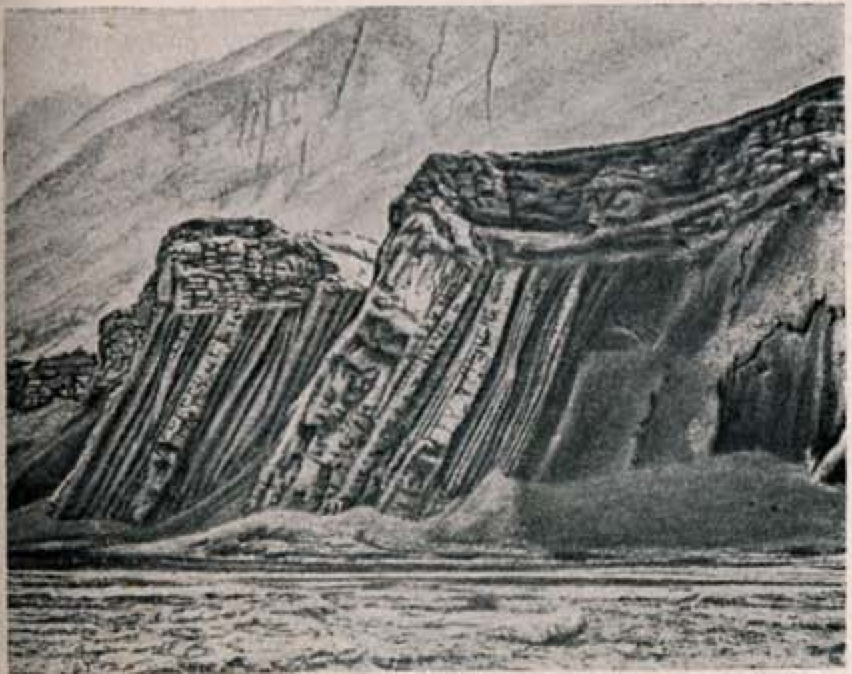
Не получая за это никакого вознаграждения и будучи, между тем, завален такими делами, в исходе которых он материально заинтересован, ахун весьма редко имеет возможность отнестись с должным вниманием ко всем обстоятельствам дела, а потому разводит всех желающих развестись при первом только о том заявлении. Самое главное затруднение представляет всегда вопрос о приданом, но и он очень быстро улаживается, так как зачастую обе стороны относятся друг к другу весьма добродушно; к тому же нередко недовольная своим супругом жена находит себе заместительницу при муже, и тогда имущественный вопрос этот разрешается полюбовным соглашением между обеими женщинами.

Если пожелавшие разойтись имеют детей, то дело решается не по шариату, а по обычаю. Муж один вправе располагать судьбой своих детей. Он или оставляет их у себя, или отдает их жене, и при этом в том даже числе, в каком ему это заблагорассудится. Однако и в последнем случае он все же обязан их содержать, выдавая в месяц на каждого по 1 крю пшеницы и 2 крю кунака. Такая выдача прекращается или со вступлением его бывшей жены во вторичный брак, или же тогда, когда дети его возмужают настолько, что в состоянии сами себя прокормить. Но примеры столь полного разрыва не часты. Обыкновенно дети, да и ближайшие родственники, побуждают разошедшихся снова сойтись, и тогда уже совместную жизнь таких парочек редко посещает вздорное желание вновь разойтись после какой-нибудь пустой перебранки.

Рождение ребенка в Турфане не празднуют. Зато когда его первый раз кладут в зыбку (бешик), то событие это стараются отпраздновать по возможности пышно. Созываются знакомые и родные, которым приготовляется соответствующее торжеству угощение: чай, сдобный хлеб (чальпэк), вареное мясо и сласти. С своей стороны и гости несут родильнице кому что по силам: живность, муку, рис, куски бязи, платки, а когда так и деньги.

У мусульман Бухары и Русского Туркестана существует обычай праздновать шестимесячный срок родильнице; в Турфане





Вверху: жители селения Татар в Хамийском оазисе

Внизу: обнажение глинистых цветных песчаников в ущелье Люкчунской реки (гора Туз-тау)

такого праздника нет. Равным образом, «сундет», т. е. обряд обрезания, хотя и празднуется в Турфане, но далеко не так торжественно, как у наших киргизов, например. Впрочем, и здесь собирается чуть ли не весь околоток, режется баран, пекутся лепешки, а затем нередко затеваются даже пляски и игры, в которых самое деятельное участие принимают всегда как сверстники мальчугана, так и сам виновник этого торжества.

* *
*

В Русском Туркестане каждая жилая постройка делится на две половины: мужскую — «ташкари» и женскую — «ичкари». В Турфане такого разделения не существует. Даже у людей среднего достатка женщины, мужчины и дети спят в одной горнице, которая в то же время служит семье и кладовой, и приемной. Это — в холодное время года, летом же редко кто спит в закрытом помещении; большинство предпочитает меститься под навесами, которые приделываются всюду, где только позволяет расположение прочих построек.

Отсутствие женской половины в домах Турфана является исключительной и, вместе с тем, древнейшей особенностью как этой страны, так и соседней с нею — Хамийской. Ничего подобного мы не видим ни в одном из мусульманских владений Внутренней Азии, а равным образом и в Китае, где господствующая религия вовсе не вызывает женского затворничества, но где последнее, тем не менее, считается краеугольным камнем прочного семейного строя.

Подтверждаю свои наблюдения выписками из старейших описателей Китая, которых нельзя упрекнуть в нерасположении к последнему:

«В домах видеть жен и дочерей их не можно, ибо они у них находятся в отделенных внутренних комнатах и, занимаясь в домах между собою своими увеселениями, живут, как невольницы; и вход к женатым людям не только посторонним, но и родным, живущим в одном с ними доме, мужчинам запрещается, почему даже отец к женатым сыновьям и старший брат к младшим входить права не имеет» [75].

«Прекрасному полу принимать участие в собрании мужчин предосудительным считается. Скрывать женский пол от посторонних есть обыкновение, общее и чиновникам и разночинцам» [76].

Наконец, подтверждением вышеприведенных цитат могут служить и выписки из статьи о Китае Чжан Цзи-дуна (Tcheng Ki-tong), которого меньше всего можем мы заподозрить в желании повредить репутации своего народа, так как все статьи его и написаны были именно с тою целью, чтобы возвысить свою родину в глазах европейцев. К сожалению, в своей слепой и часто бестактной защите всего китайского он переходит границы, подсказываемые благоразумием, и тем, разумеется, в значительной степени умаляет достоинство своих заметок, эпиграфом коих может служить латинское изречение: credere quia absurdum.

«Единственная цель заключения брака — увеличение семьи, так как процветание последней всецело зависит от ее многочисленности; отсюда предоставление выбора в брачных союзах родителям, как представителям начала власти».

«Женщины не участвуют в собрании мужчин; так установлено обычаем в видах устранения поводов к соблазну».

«Брачные обычаи Китая совсем исключают период ухаживания, так как обыкновенно девушка впервые знакомится с своим будущим мужем только в момент заключения брачного обряда».

«Воспитание мужчины и женщины совершенно различно, потому что муж, по понятиям китайского народа, есть солнце, дающее свет, а жена — луна, не имеющая своего света, но заимствующая его от солнца».

Ввиду всего вышесказанного как-то странно слышать из уст лиц, посвятивших себя специально изучению Востока, утверждения подобные тому, например, что «китайцы своих женщин не запирают»[77].

Эта вера в свободу и равноправность китайских женщин такое же заблуждение, как и многое другое из числа того, что пишется о Серединном государстве людьми или близорукими по природе, или наблюдавшими китайскую жизнь только из окон домов европейских посольств и факторий.

Как бы то ни было, но мы не без основания можем, как кажется, утверждать, что современные взаимные отношения обоих полов в землях Восточного Тянь-шаня сложились во всяком случае не под китайским влиянием, что в основании их лежит общественный строй эпохи более древней, чем эпоха первых сюда вторжений китайцев, что, вероятно, свобода, а с нею, быть может, и равноправность женщины составляли некогда даже настолько существенную особенность общественной жизни в Турфане, что последняя почти всецело здесь и до сих пор еще удержалась, сумев побороть как всемогущее влияние ислама, так и пример соседних народов; и этой бескровной победе, без сомнения, в значительной степени содействовал консерватизм народа в возведении своих жилых помещений.

Как бы ни был беден житель Турфана, но дом его непременно слагается из следующих четырех главных частей: 1) теплой горницы с обширным подтапливаемым снизу канжином, занимающим обыкновенно чуть ли не все помещение и имеющим с края круглое отверстие для котла; в благоустроенных домах для того, чтобы усилить тягу, снаружи стены выводится высокая дымовая труба, — опять особенность, до которой далеко еще не всякий

в Китае додумался; канжин этот обыкновенно устилается толстым войлоком и вдоль стен уставляется сундуками и различными иными предметами домашнего обихода; освещается эта горница, как, впрочем, и все остальные, квадратным отверстием, проделанным в потолке и закрывающимся снаружи доской; 2) летнего помещения, обыкновенно более обширной комнаты, чем предыдущая, с одним или двумя окнами, многочисленными нишами и камином; 3) внутреннего дворика с яслями, кладовками и всевозможными иными удобствами; и, наконец, наружного двора, на который выходит одна или несколько открытых площадок с навесом над ними.

Все это обносится, так же как и в домах русских таджиков, одной общей глинобитной стеной, благодаря чему и все селение, в общем, совершенно напоминает селения Туркестана, да и архитектура построек здесь та же; все же различия, какие и замечаются, сводятся на детали.

Упоминавшуюся уже выше хлебную печь делают или на этом дворе, или близ тока, который постоянно расчищается, вне ограды усадьбы, хотя весьма редко где-нибудь в поле, всего же чаще в каких-нибудь двух или трех шагах от ворот. Печь устраивается очень просто: выкапывается в один метр глубиной круглая яма, которая и вымазывается изнутри тонким слоем глины; края ее окружаются плоским, глиняным же, валиком, одновременно исполняющим два назначения: стола и ограды, высота которой обыкновенно не превышает 70 см. В построенную таким образом печь складывают сначала дрова или хворост и жгут их до тех пор, пока стенки последней не накалятся вполне. Тогда из кислого теста раскатывают лепешки, смачивают водой и лепят на накаленные стены; через минуту такой хлеб уж готов и редко оказывается вполне неудачным.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ТУРФАН

(Продолжение)

Чем беднее селение, тем шире раскидывается оно, тем обширнее площадь, занятая каждой усадьбой. Очевидно, земли здесь избыток, и ее не жалеют. И причина всему этому совершенно ясна, потому что главное богатство каждого земледельца — вода или, точнее сказать, количество орошенной водою земли; пустыри же решительно никого не прельщают и никому не нужны, а потому занимай под свою усадьбу хоть всю харюзу, никто на это слова не скажет!

Для того, чтобы разобраться в тех условиях, среди которых приходится здесь жить земледельцу, мы остановимся на такой общине, которая по достаткам своим занимает среднее место. Такой общиной и будет Ян-булак, разбитая на десяток небольших селений и отдельных хозяйств вдоль северо-восточной окраины отрицательной низменности Асса, на юг от Люкчуна.

Количество семейств этой общины мне называли различно, но в среднем можно считать, что на ста карысях живет их здесь никак не меньше трехсот. Ян-булакские карыси обильны водой и в общем в состоянии оросить каждый от 100 до 200 му земли; принимая же за среднюю норму цифру в 150 му, получим, что общее количество орошенной земли будет равно 15 000 му или 750 десятинам (818 га). В действительности же оно должно быть несколько больше, так как в промежутках между потребностью воды на поля открывается всегда возможность спускать ее на бахчи, в сады, виноградники и даже на табачные плантации. Таким образом, принимая во внимание значительную урожайность турфанских земель и двойной урожай главных хлебов — пшеницы и джугары, можно было бы с уверенностью сказать, что жители Ян-булака обставлены в материальном отношении сравнительно превосходно; совсем не то видим мы, однако, в действительности.

Каждая семья в Ян-булаке ежегодно выплачивает в китайское казначейство по 15 ланов серебра *, что на наши деньги составит до 30 рублей металлических; вся же община —4 500 ланов, или 9000 рублей металлических. Но сбор этот далеко не единственный. Ян-булак, как и все другие общины Турфана, выплачивает еще особый налог, так называемый «аш», идущий всецело на «прокормление» турфанского амбаня и других чиновников округа. В переводе на китайский язык сбор этот называется «янь-тянь», т. е. «поощрение бескорыстия».

Оклады жалованья китайских, как высших, так и низших чиновников являются настолько ничтожными, что считаются не более как номинальным вознаграждением; истинным же следует считать те побочные и давно уже узаконенные доходы каждой должности, которые называются официально «янь-тянь». Таким «поощрением бескорыстия», является, например, сумма в 20 тысяч ланов, взимаемая в пользу особы ганьсуйского генерал-губернатора (шень-гань-цзун-ду), вдобавок к двумстам ланам годового казенного его содержания; «янь-тянь» сучжоуского даотая официально определен в 5 400 ланов, не считая «янь-тяня», положенного ему по должности главного военного казначея (ин-у-чу), и т. д. Таким образом, громадный чиновничий персонал каждой провинции, каждого округа поглощает чудовищные суммы, которые в Турфане взимаются в размерах, весьма разнообразных с каждого карыся; так, например, в Ян-булаке, где карыси многоводны, каждый из них обложен 4 данями ** пшеницы и 6 данями джугары, а в Люкчун-кыре, бедном водою, 1 данем пшеницы и 2 — джугары. Но кроме этой подати натурой, турфанцы выплачивают «аш» еще и деньгами по 15 фынов с каждого сдаточного даня.

Что же может еще остаться после всех этих поборов в руках земледельца.

На каждую му *** земли высевается один ши пшеницы, что составит для всей площади янбулакских земель 15 000 ши, или 150 даней зерна; средний урожай определяется в Турфане в сам-десят; итого со всей земли собирается 1500 даней пшеницы. По уборке пшеницы земля перепахивается снова и засевается вторично уже джугарой в количестве двух ши на му; при среднем урожае тоже в сам-десят, получается 3000 даней зерна джугары; за вычетом же посевного зерна, всего 1350 даней пшеницы и 2700 даней джугары. Из этого количества зерна следует, однако, еще исключить 400 даней пшеницы и 600 даней джугары, предназначаемых для «поощрения бескорыстия» китайских чиновников. Итого в наличности у населения остается 950 даней пшеницы и 2100 даней джугары, что, при переводе зерна на деньги, дает до 6000 ланов по следующему расчету:

---

* Лан (сер) = 10 цяням = 100 фэням = 37,301 гр. серебра (или 2 металл. рублям). [Прим. ред.].

** Дань (пикуль) = 100 ши = 59,681 гр. [Прим. ред.].

*** Му — китайская мера земельной площади; му обычно принимается равной $1/16$ га. [Прим. ред.].

950 по 3 лана за дань	2850
2100 » 1,5 » » »	3150
	6000

Как было уже выше замечено, правительственный налог на Янбулакскую общину простирается до 4500 серов серебра, если же присоединить сюда и дополнительный сбор «аша», оцениваемый в 150 ланов, то в остатке получится ничтожная сумма в 1 350 ланов серебра или 4,5 лана на семью, которая и выражает собою годовой достаток всей общины.

Несмотря на всю его значительность, «янь-тянь» не оправдывает ожиданий правительства; наоборот, он приводит даже к совсем иным результатам, давая оружие в руки корыстолюбивых и безнравственных чиновников, которые под покровом закона совершают подчас неслыханные деяния, выжимая из народа все, что возможно. Впрочем, чего же и ожидать от людей, купивших свои чины и места? Так как хорошо ведь известно, что для покрытия дефицита правительство богдыхана прибегает к экстраординарной продаже должностей и чинов иногда сразу на сумму до 20 миллионов рублей металлических!

Чрезвычайные поборы, взимаемые с земледельческого населения Турфана, еще усугубляются лихоимством администрации, как китайской, так и туземной, содержание коей к тому же всецело ложится на тот же класс населения.

В примерах самых неслыханных поборов и самого бесшабашного произвола здесь, разумеется, нет недостатка. Укажу же на некоторые из них.

Первый пример.

Подъезжаем к Лемджину. Октябрь. Утренники, переходящие за 12° мороза по Цельсию. На полях все еще стоят не снятыми кунжут, хлопчатник и джугара. Листья кунжута (Sesamum indicum) и хлопчатника совсем почернели, стручья и коробочки полураскрылись, джугара осыпается...

— Отчего не снимаете вы всего этого с поля?

— Китайцы не позволяют. Мы ведь ежегодно покупаем право снимать хлеб с поля, но нынче с нас тянут так много, что мы совсем не знаем, откуда и денег достать...

— Отчего же вы не пожалуетесь? Ведь у вас все погибнет!

— И гибнет, а жаловаться все-таки некому. Года три назад ездил было Сеид-Нияз-дорга к самому Лю-цзинь-таню, истратил немало общественных денег, а что из всего этого вышло?

Другой пример.

Самая крупная речка, стекающая с Тянь-шаня на юг — Утын-аузы. Воды ее, однако, пропадают совсем бесследно в камнях, всего только несколько километров не дойдя до Лемджина. И вот одному из люкчунских таджиев пришла в голову счастливая мысль перехватить ее воду несколько выше и по каналу довести до ущелья Люкчунской реки. Грандиозное сооружение это оценено было местным населением по достоинству; а так как оно в будущем очень много сулило, то и решено было вести работы общими силами и на средства двух, наиболее в успехе предприятия заинтересованных, общин: Лемджинской и Люкчунской.

Но китайцы поняли, что постройка эта обещает им громадные барыши, и принялись за работу, вопреки даже здравому смыслу и желанию местного населения. Разумеется, выражение «принялись» не совсем точно. На сооружение это они не затратили ни копейки; зато распоряжались общественными суммами совсем бесконтрольно и в конце концов погубили все дело, так как в проведенный канал вода не пошла; а не пошла потому, что, несмотря на указания местных жителей, они повели весь канал по местности, уровень коей был выше долины реки.

Третий пример.

В Турфане шелководство до самого последнего времени было вполне неизвестно. Как это ни странно, но это так. Заботясь о благоустройстве вверенного ему края, Лю-цзин-тань решился завести в Турфане и эту отрасль промышленности, которая могла бы в значительной степени поднять платежные силы страны. Но все благие начинания китайцев обыкновенно кончаются только новым отягощением населения Восточного Туркестана, и, разумеется, данный случай не представил исключения из этого общего правила.

Из провинций Внутреннего Китая была прислана в Люкчун лучшая грена. Ее роздали населению, разбив последнее на десятки, которые и подчинены были особым десятским. Как только гусеницы завились в коконы, последние отобраны были китайцами с платою 3 тенег (30 копеек) за джин. Опыт этот показался амбаню до такой степени прибыльным, что на следующий же год к этой новой повинности привлечены были оазисы Ханду, Янбулак и Лемджин, причем на воспитателей личинок возложены были и расходы по покупке тутовых листьев. Насильно привитое занятие это возбудило в населении ропот, не перешедший в открытое возмущение только благодаря тому обстоятельству, что зачинщики своевременно были схвачены и посажены в тюрьмы.

Та же участь постигла и тех из турфанцев, которые вздумали сами заняться не только размоткой коконов, но и выделкой шелковых тканей.

Я думаю, что ввиду вышеприведенных фактов, которые выбраны из массы других, не менее того возмутительных, следует призадуматься тем, кто с легким сердцем пишет о либерализме китайского управления.

Кроме вышеупомянутого посемейного налога деньгами и «аша», турфанцы выплачивают немало и других как экстренных, так и постоянных налогов. Так, например, в пользу сборщиков податей, которые за свой труд жалованья не получают, идет значительный «перемер» зерна; насколько же значителен такой перемер, видно хотя бы из того, что в качестве такого сборщика хлеба посылается обыкновенно лицо, которое было бы желательно как-нибудь наградить; если же такого лица в виду не имеется, то временная должность эта сдается с торгов...

Здесь не знают, что такое отсрочка; и как «газначи», так и сборщики «аша» поступают во всех случаях одинаково неумолимо и беспощадно. Собственно говоря, они и не могут действовать иначе, так как подать, выплачиваемая населением, не имеет решительно никакого отношения к урожаю.

Вот почему в годину каких-нибудь бедствий турфанскому земледельцу остается один только выход — заем у ростовщика. Меня уверяли, что в Турфане семья, которая никому ничего не должна, редкое исключение, и что в кабале у ростовщиков находятся не только частные лица, но и целые волости (дорга); так, например, три восточные волости в общей сложности должны ростовщикам Люкчуна и Пичана около 120 ямб серебра! *

Затем на обязанности турфанца лежит еще даровой ремонт карысей, содержание ближайшей туземной администрации и, наконец, целый ряд весьма разнообразных, самых тяжелых и всегда беспокойных натуральных повинностей, к которым относятся: перевозка казенных транспортов от Турфана до Хами, Гучэна и Карашара, наряд рабочих на казенные постройки и казенные медные рудники и т. д.

Но как ни тяжело само по себе положение населения в таких даже богатейших округах, как Люкчун, Турфан, Пичан и Ханду, но есть уголки, где положение земледельца еще того безотраднее. К таким уголкам принадлежит, например, Ауат, запроданный чуть не с публичных торгов в частную собственность четырех лиц — трех китайцев и одного туркестанца.

---

* Ямбой называется всякий вообще слиток серебра определенной формы, но не веса. Если же ведется расчет на ямбы, то понимаются ямбы исключительно веса в 50—53 ляна, т. е. ямбы наивысшего веса. Долг этот сложился в период постройки Утын-аузыского канала.

Установив подати с семьи и с карыся, китайцы вовсе не заботятся о том, чем засеяны поля турфанцев; это логично во всех отношениях, так как только благодаря этому обстоятельству населению этой области и является кое-какая возможность сводить концы с концами. Специальному обложению подлежат только виноградники; но обложение это, по сравнению с их доходностью, должно быть признано совсем ничтожным.

Почва оазисов состоит или из лёссоподобной глины или из той же глины с песком, и только по окраинам котловины Асса попадаются участки, напоминающие собой солонец. Что же касается до типического лёсса, то его, как кажется, здесь решительно нигде нет; по крайней мере за таковой мы отказываемся принять даже те толщи красновато-желтой глины, которые составляют почву всей Булурюкской долины.

Хотя точных гипсометрических данных мы и не имеем, все же, как кажется, есть основание думать, что большинство современных оазисов Турфана расположено ниже уровня окрестных местностей. Таким образом, и почва их, являющаяся как бы вкрапленной в обширную площадь каменистых степей (дилювиальный конгломерат), может быть принята едва ли за что-нибудь иное, кроме как за озерные отложения. Пласты поваренной соли, залегающие местами на глубине 30—60 см от поверхности почвы, но всегда островками, не превышающими даже одного квадратного километра, подтверждают, повидимому, вполне это предположение.

Не будучи типическим лёссом по происхождению, почва турфанских оазисов обладает, однако, как кажется, всеми достоинствами лучшего желтозема; тем не менее мелкозем этот, залегая на конгломератах и песчаниках пластами незначительной мощности, все же не может претендовать на такую же точно феноменальную неистощимость, как лёссовые толщи бассейна р. Вэй-хэ, например, или лёссы многих местностей в Фергане. И это хорошо поняли местные жители, практикующие здесь один из интереснейших способов удобрения своих полей, вывозя на пахоту землю целин иногда в громадных количествах. Количество это определяется на-глаз, для каждого земельного участка различно, а потому я и не считаю необходимым утомлять внимание читателей какими бы то ни было цифрами и сопоставлениями. Иное дело — назем.

В России солома ценится мало, в Турфане наоборот. Вот почему турфанец и не станет никогда употреблять ее на подстилку скота. Вместе с тем последнего он держит немного, да и тот только на ночь запирается в хлев, днем же чуть не круглый год бродит по пашням и выгонам. Все это, разумеется, служит немалой помехой для образования крупных запасов назема; однако турфанец и тут приискал себе выход.

Прежде чем загонять скот свой во внутренний двор или в иное какое-нибудь предназначенное ему помещение, он подкидывает туда смесь из рубленой соломы и разрыхленной земли; последняя, благодаря значительному в ней содержанию глинозема, превращается вскоре под ногами животных в липкую грязь, которая, по уверению местных жителей, и обладает всеми свойствами лучшего тука. Земля, вбирающая в себя все животные выделения, а потому более богатая аммиачными солями, чем соломенная подстилка, меняется часто, так что к началу февраля каждый домохозяин располагает уже таким количеством удобрения, которое он может считать достаточным для своих нужд, хотя и свозит его никак не менее 50 возов на один гектар; надо иметь, однако, в виду, что почва готовится здесь не под один, а последовательно под два урожая, так как сперва засевают пшеницу, а затем джугару.

Но почва Турфана, даже помимо прямого человеческого содействия, постоянно обогащается солями в пропорциях, совершенно достаточных для того, чтобы в значительной мере пополнить убыль последних. Достигается это путем ирригации.

Большинство оросительных каналов, по вычислению проф. Шмидта для вод бассейна Аму-дарьи, успевает в год отложить на гектар более 65 килограммов фосфорно-кислой извести и до 327 килограммов калия; а это, как справедливо замечает академик Миддендорф, уже настоящий возврат. Если мы примем в соображение, что воды Аму-дарьи собираются среди снеговых полей Памира, а турфанские из недр земли, то, без сомнения, должны будем признать преимущество за последними.

Для того, чтобы совершенно покончить с вопросом об удобрении полей, я должен еще заметить, что турфанцам прекрасно также знакомы свойства как зольного удобрения, так и гуано, для получения которого в турфанских селениях содержатся даже во множестве голуби (Columba aegyptiaca); первое свозят исключительно только на плантации табака, второе — на дынные бахчи.

Так как птичий помет на всем пространстве азиатского континента, как кажется, решительно нигде не утилизируется для хозяйственных нужд, то нельзя ли предположить, что турфанцы сами собой додумались до этого интенсивного удобрителя?

В Турфане возделываются нижеследующие хлеба.

Озимая пшеница (кузлюк-будай). Высевается в конце сентября или даже в начале октября; при первых же морозах на поля спускается вода, которая и покрывает ледяной коркой всю землю. Вызревает в конце июня, а иногда и позже.

Яровая пшеница (чигилэ-будай) — безостная, тогда как кузлюк-будай с остью. Высевается в феврале, собирается в мае; после своза пшеницы с поля последнее немедленно же перепахивается под джугару. Яровая пшеница высевается в значительных количествах, озимая очень редко, да и то ввиду тех выгод, которые представляет ее посев для бедных водою хозяйств [*].

Джугара (ак-кунак — Sorghum cernuum). Высевается в начале июня, поспевает в сентябре. Наивысший урожай сам-30 (Ханду, реже Пичан). Идет на корм скоту и в умолоте — на изготовление хлеба; в последнем случае муку джугары мешают наполовину с пшеничной. Стебли джугары служат прекраснейшим кормом для скота и продаются здесь по рублю воз.

Ячмень (кылтырлык-арпа — с остью, ялангач-арпа — безостный) [**]. Высевается в ничтожных количествах, потому что требует много воды; зато в Ханду и Ленджине дает урожай сам-60, а в остальных оазисах не менее 40; поспевает в конце апреля и в начале мая, высевается же одновременно с яровой пшеницей.

Перечисленным, собственно говоря, и ограничивается разнообразие здешних хлебов, так как если здесь и высевается просо (джинджин — Setaria italica var. erythrospermum) и рис, то в таких ничтожных количествах, которые не заслуживают никакого внимания.

Но кроме хлеба в Турфане возделывают:

Хлопчатник. Хлопковые плантации довольно обширны в восточных районах этой области. Почву под него не унаваживают, воды пускают немного. Засевают 24 кг семян на гектар, получают же с него очищенного сырца около 122 кг, что по местным ценам составит около 25 рублей металлических с гектара; но, разумеется, доход этим не ограничивается, так как в распоряжении земледельца остаются еще семена, идущие на корм баранам и стоящие на месте не менее 20 копеек за 16 кг.

О достоинстве и характере волокон турфанского хлопчатника, принадлежащего, как и все среднеазиатские сорта, к виду Gossypium herbaceum L., я не стану распространяться, так как это не входит в план настоящей главы. Скажу только, что местные жители считают турфанский хлопчатник лучшим после кашгарского [***].

Табак. Благодаря значительному доходу, который приносит земледельцу посев табака, плантации последнего составляют здесь удел даже самых малых хозяйств; к сожалению, значительный процент выгод табаководства переходит всецело в карман люкчунского вана, пользующегося правом исключительной монополии в торговле этим продуктом земледелия.

---

[*] В Турфане, как и всюду в Центральной Азии и в Китае, возделывается только мягкая пшеница (Triticum vulgare). Она представлена здесь десятком разновидностей с резким преобладанием в яровых посевах разновидности pseudo-turcicum Vav. (белозерной опушенной) [Прим. ред.].

[**] По данным академика Н. И. Вавилова («Роль Центральной Азии в происхождении культурных растений», 1931), редкая культура ячменя в Синьцзяне представлена главным образом Hordeum vulgare var. pallidum Sér. [Прим. ред.]

[***] О синьцзянском хлопчатнике см., в книге А. Г. Грумм-Гржимайло «Хлопководство в Китае». Изд., ВИР. 1936. [Прим. ред.]

Табак требует только незначительного удобрения, причем зольным пользуются далеко не повсюду, и это потому, что здесь вообще распространено убеждение, что между крепостью табака и количеством последнего существует прямая зависимость, весьма, кстати сказать, невыгодная для местных табаководов, так как лучшими сортами признаются здесь наиболее слабые табаки.

Кунжут (Sesamum indicum) высевается с целью получения масличного семени. Хорошо очищенное масло довольно приятного вкуса, но в том виде, в каком его продают в городах Центральной Азии, оно издает резкий, неприятный запах, который при нагревании (стало быть, и при изготовлении на нем пищи) усиливается чрезмерно. При хорошем поливе кунжут дает баснословный урожай, доходящий до сам-200, при недостатке же в воде — едва сам-7—8. Это-то обстоятельство и служит здесь главной причиной, почему его здесь так мало сеют. Никакого специального удобрения растение это не требует, благодаря чему и есть возможность высевать его после яровой пшеницы, т. е. в начале июня.

Один ши семян продается в Люкчуне по 4 фына; десять же ши дают 13 цзиней масла, стоимостью в 6 цяней 5 фынов; принимая даже в соображение, что выжимка масла со сказанного количества семян обходится в $1^{1}/_{2}$ цяня, мы все же получим довольно высокую разницу в один цянь на каждую крю семян, не считая весьма ценных жмыхов, которая, очевидно, составляет тот барыш, который берут себе местные скупщики и торговцы.

Кроме перечисленных полевых культур, в Турфане возделываются еще кое-где люцерна и конопля. Последняя попалась мне только в Пичане. Волокна ее идут на изготовление плохих веревок «чиге-аргамчи», чем занимаются преимущественно дунгане, семя же — на приготовление масла; что же касается приготовления здесь из конопли одуряющего вещества «анаши», то об этом я не мог собрать никаких данных.

Турфан знаменит своими плодовыми и бахчевыми. И груши и яблоки его так хороши, как нигде в Туркестане; но экономическое значение для края имеют все же не они, а дыни и виноград, которые в сухом виде наполняют рынки Джунгарии, Китая и даже Восточного Туркестана, где так много своих дынь и винограда!

В Турфане мне рассказывали следующую легенду о дынях. Дыни упали на землю из рая. Одну из них успел схватить обеими руками пророк Магомет, и все десять пальцев его тотчас же отпечатались на наружной кожице дыни. От этой-то дыни и пошли лучшие в мире сорта.

Эта дыня — «ойма», зеленая дыня с зеленою мякотью, сорт, неизвестный ни в Кашгаре, ни в Фергане и совершенно исключительный по нежности, аромату и сахаристости. Однако дыни этого сорта годны только для местного употребления: перевозки они не выносят, засушенные же теряют всю свою цену. Вот почему для сушения идут здесь только зимние сорта дынь с оранжевой мякотью (мизган) и тканью хотя более грубой, но зато и более прочной.

Из всех турфанских сортов винограда экономическое значение имеет только один, известный в Самарканде под именем «ханского»; он мелкий, вовсе без косточек и слаще других.

Сушат его в особо для этого приспособленных зданиях-сушильнях. Идея последних хороша, а результат не оставляет желать ничего лучшего. Турфанцы воспользовались особенностями своего воздуха — почти феноменальною сухостью и часто весьма высокой температурой — и заставляют его пробегать быстрой горячей струей над разложенным в ряды виноградом. Достигается же это с помощью узких, но небольших отверстий, которыми сверху донизу минированы все четыре стены сушильни сравнительно с остальными постройками всегда довольно высокого, двух- и даже трехэтажного здания. В таких сушильнях сушка винограда производится весьма постепенно и к тому же в тени, а не на солнце — обстоятельство немаловажное, если желают сохранить изюму его чудный зеленый цвет, сочность внутри и сухость наружной оболочки, а каждой ягоде его — естественную многогранную форму. Люкчунский высший сорт изюма отличается необыкновенной чистотой и настолько сух на ощупь, что не оставляет на руках следов какой бы то ни было сахаристости. Но это только в Люкчуне, на местах своего приготовления, а дальше, поступая в руки торгашей, сдабривающих его низкими сортами того же изюма, водой и всяческим сором, очень быстро утрачивает все свои превосходные качества, ставящие его вне конкуренции с какими бы то ни было сортами «коринки», как в пределах всей Азии, так и в Европе.

Изюм, по общему убеждению, составляет главнейшую статью вывоза из Турфана, но подобное утверждение пока не более как голословное заявление, так как фактических к тому данных вовсе не существует. Китайцы и у себя на родине враги всякой статистики, какая же им нужда заниматься ею здесь, в Турфане, в покоренной ими стране и населенной к тому же народом, к которому они ничего вообще, кроме презрения, не чувствуют?

Из дикорастущих растений турфанец утилизирует для своих нужд, главнейшим образом, только «шап» и «джантак»; первое служит ему для получения мыла, со второго собирает он сахаристое вещество — отличный, по его мнению, суррогат китайского сахара.

«Шап» (Salsola spissa) в изобилии растет на юг от Люкчуна. С него собирают только цветы, которые и укладываются горкой над двумя крестообразно пересекающимися желобками, вырубленными в глинистой почве. Когда цветы так уложены, их зажигают. Под золой в желобках скопляется после этого быстро твердеющая на воздухе смолистая масса — «шахар», которую очищают от грязи кипячением в воде: она расплывается и осаждает постороннюю примесь. Очищенный этим путем «шахар» сливают в котел, прибавляют туда некоторое количество топленого козьего сала и щепотку гашеной извести, затем еще раз кипятят всю эту смесь и держат последнюю на большом огне до тех пор, пока вода не испарится совершенно; тогда остающуюся на дне сосуда белую массу переливают в отдельные формочки, в которых она уже и затвердевает вполне. Эта масса и есть мыло, которое каждый хозяин готовит себе по мере нужды.

«Джантак» (Alhagi camelorum Fisch., верблюжья колючка) растет повсеместно, но только в котловине Асса он обладает способностью выделять в значительных количествах особую белую, сахаристую камедь «таранджебель», собираемую крупинка по крупинке и сбиваемую затем в весьма непривлекательные по своей внешности комья, продающиеся здесь по баснословно высокой цене — 2 цяня за цзинь!

Джантак, кроме того, идет турфанцу и на топливо; впрочем, в качестве такового употребляется здесь решительно все, что только попадается под руку и имеет хотя какую-нибудь способность гореть; между прочим, например, даже «чаткал» — старые корневища камышей, росших когда-то под Ауатом. Выкорчевывание последних ведется здесь в громадных размерах и, вероятно, ему обязан своим происхождением тот песок, барханы коего надвинулись в последнее время на земли восточного предместья Турфана.

Насколько турфанец хороший земледелец и садовод, настолько же плохой он ремесленник и торговец.

Скотоводство в Турфане не развито по отсутствию выгонов; ремесла и торговля находятся в руках пришлых дунган, китайцев, андижанцев и выходцев из Кашгара, Яркенда и других городов Восточного Туркестана. Но некоторые отрасли производства он и до сих пор не выпустил еще из своих рук и в них достиг даже возможного совершенства; так, например, хлопчатобумажные его ткани (бöз) пользуются заслуженной славой и по добротности своей уступят разве только лучшим кашгарским сортам; в особенности же хороши здесь сорта, известные под именем «тортбаг» и ткущиеся из ниток, крученых из предварительно обваренной ваты: они носятся долго, очень мягки и тонки. Затем очень еще хороша турфанская армячина и всевозможные изделия из хлопка и шерсти. Но, без сомнения, самым любопытным турфанским изделием следует считать корзины, плетеные из тонких ивовых прутьев: окрашенные ниже борта фуксином, они казались нам совершенным двойником лучших эстляндских корзин. Я именно говорю — любопытным, потому что нигде в Центральной Азии, за исключением разве только некоторых провинций Внутреннего Китая, ивовых корзин не плетут, да и там общий характер этого типа работ совсем иной. Если рассмотреть столярный инструмент, находящийся в распоряжении какого-нибудь турфанца, то нельзя отказать последнему и в известной доле искусства в изделии хотя бы такого рода предметов, как, например, музыкальный инструмент. Однако, все же, несмотря на все это, Турфан сделал значительный шаг назад против того, чем была эта страна в XIII, XIV и даже еще в XVI вв., когда вся торговля Монголии находилась в руках ее предприимчивых жителей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ТРИ НЕДЕЛИ В ГОРАХ ЧОЛЬ-ТАГ

Вот как рассказывает мой брат свою экскурсию в горы Чоль-таг.

На пути в Дга мы случайно попали на свадьбу. В одном из попутных карысей (так называются здесь отдельные хутора) мы застали празднично разодетую толпу, несколько арб и множество верховых животных. Съезд этот обозначал, конечно, какое-нибудь необыкновенное событие, и нам тотчас же объяснили, что действительно, хозяин карыся празднует свадьбу своей дочери. Мы уже собирались было продолжать наш путь далее, как вдруг нас обступила толпа, настоятельно просившая нас своим присутствием осчастливить их праздник. Делать было нечего — пришлось спешиться и вмешаться в толпу. Так как было тепло, то угощение выставлено было на открытом воздухе. Тут же помещались и музыканты — балалайка (дутар) и бубен (дап). Когда нас усадили на почетном месте и придвинули к нам всевозможные яства, из толпы выступила молодая женщина, прекрасно исполнившая несколько песен под аккомпанемент инструментов и при поддержке хора, составившегося из мужских и женских голосов всей толпы. Пение это продолжалось довольно долго. Наконец, репертуар певицы был, очевидно, исчерпан: она взяла поднос, накрыла его платком и пошла обходить с ним всех присутствующих. Когда очередь дошла до меня, я вынул и положил на него кусок серебра, весом в 5 цяней. Это произвело сенсацию, чем я и поспешил воспользоваться, чтобы распроститься с радушными хозяевами.

В Дга меня уже ждали. Небольшая комнатка, примыкавшая к мечети и служившая уже однажды приютом моему брату, была чисто прибрана и устлана кошмами. Толпа, высыпавшая нам навстречу, помогла нам внести сюда наши вещи и устроиться в ней с возможным комфортом. Явился и дастархан: дыни, изюм, сдобные лепешки и чай. Мы спросили о проводнике. Тогда из толпы

Семейство туруфанцев

выступил высокий, опрятно одетый мужчина и представился: «Рахмет-ула, к вашим услугам!»

Рахмет-ула — сухощавый брюнет, лет 45, славился как первый охотник в округе. Продолговатое, с слабо развитыми скулами лицо его, с тонким, немного горбатым носом, красиво очерченными губами и небольшими ушами, носило печать мужества и благородства. Происхождением он был не турфанец. Предки его были выходцами из-за Лоб-нора, а сам он некоторое время аксакальствовал в одном из селений Сынгима, где и до сих пор еще продолжал жить его брат.

Так как цель моей поездки в горы Чоль-таг я мог объяснить не иначе, как желанием поохотиться на диких верблюдов, то очевидно, что при обсуждении маршрута предстоящего путешествия были приняты в расчет преимущественно те местности, где имели обыкновение держаться эти животные. Мне называли различные урочища, многие спорили о выгодах того или иного пути, но, наконец, на чем-то все сообща согласились, и Рахмет-ула объявил мне, что наша поездка может продолжиться дней 10 либо 12. В зависимости от этого был назначен и гонорар: 5 ланов за проводы и по 10 ланов за каждого убитого верблюда. Следующий вопрос, который предстояло нам обсудить, возбудил еще более споров. Рассчитав общий вес жизненных припасов, фуража и запасной воды, которую нам предстояло захватить с собой из селения, мы решили, в подмогу нашим вьючным животным, нанять одного или двух ишаков; но в этом-то и встретилось затруднение: никто не хотел отдавать своего ишака из боязни, конечно, его совсем потерять. Нам, нашей добросовестности, очевидно, не доверяли: опасались, что мы, облегчая своих животных, станем перегружать наемного ишака и тем надорвем его силы... Тогда мы предложили продать нам ишака с тем условием, что если он вернется обратно здрав и невредим, то деньги, уплаченные за него, нам будут возвращены, за вычетом, разумеется, тех денег, которые, по уговору, следуют за двухнедельное его пользование. На такую комбинацию согласились.

Этот день мы закончили обычным в Турфане порядком: явились музыканты, нашлись солисты; более состоятельные или тароватые нанесли дынь, и началось настоящее гульбище. В свою очередь я угощал чаем и сахаром, а затем спел несколько песен под аккомпанемент небольшой гармоники, которая случайно оказалась при нас. Пение слушали со вниманием, причем с крайним любопытством следили за движением моих пальцев по клавишам совсем им незнакомого инструмента. Разошлись по домам только во втором часу ночи; а когда мы ложились, Комаров выразил общее резюме вынесенных им из сегодняшнего дня впечатлений в таких выражениях: «Славный народ эти турфанцы! С ними так же легко ладить, как с киргизами у нас, в Семиречье. Куда китайцам до них...»

В Дга мы дневали. Задержка случилась совсем непредвиденная. В одной из ведерных жестянок, предназначенных для запасной воды, оказалась сильная течь. Как быть? С этим вопросом пришлось обратиться к собравшимся провожать нас нашим новым приятелям.

— У нас есть здесь мастер (уста)... Оружейник! Он вам это живо исправит.

Это был счастливый выход из затруднения. Оружейник явился, и хотя он действительно оказался мастером своего дела, но с нашей жестянкой все же провозился до десяти часов следующего утра.

Для того, чтобы убить как-нибудь время, я отправился в гости к Рахмету.

Домик его, как и все почти постройки в Дга, снаружи не был оштукатурен. Двор был небольшой и приходился среди целого ряда пристроек, составляющих его естественную ограду. Притворив дверь, я очутился в небольшой горнице, вроде передней, откуда другая дверь вела уже в жилое помещение, обширную, но не особенно высокую комнату, две трети которой занимал невысокий канжин. Он был устлан цыновкой и войлоком. Вдоль левой его стены стояли кованые сундуки и ларцы с хозяйским добром, а поверх их сложены были подушки и одеяла. Это была чистая часть комнаты; остальное же помещение отведено было под кухню: здесь находилась домашняя утварь, горлач (коза) с водой и дрова. В стене справа был сделан камин, а напротив вбиты колышки, на которых висело носильное платье. Наконец, по всем стенам имелись ниши, служившие для складывания всевозможной мелочи и посуды. Комната освещалась сверху, при помощи задвижного окна; но кроме того здесь имелось и другое окно, проделанное в стене, противоположной двери, и заклеенное бумагой.

Рахмета не было дома; он только что отлучился куда-то. Но я был принят его женой, которая тотчас же и пригласила меня занять место на канжине. Пока она распоряжалась посылкой за мужем и сбором дастархана, я осмотрелся кругом, причем внимание мое привлек хлопок почти желтого цвета, который, не очищенный еще от коробочек и семян, целой горой лежал вдоль одной из стен помещения. Оказалось, что это был худший сорт возделываемого в Турфане хлопчатника, шедший при пряже в основу ткани или же на подвачивание одеял и теплого носильного платья.

Кстати замечу, что хлопчатник в Дга высевается сравнительно в большом количестве и что поселок этот славится выделкой очень тонкой и прочной маты (тёрт-баг).

Рахмет принес с собой дыни. Семена лучшей из них решено было сохранить для посева, причем поступлено было так: обернув сердцевину семенами внутрь и распластав ее на ладони, ее одним взмахом прилепили к стене; семена остались при этом снаружи и, как мне объяснили, присохнув к мякоти, будут храниться так до весны.

От шурпы, т. е. мясного супа, я отказался и, выпив чашку очень хорошего молока, распрощался с гостеприимным хозяином.

В 12-м часу 20 октября мы, наконец, покинули Дга. Наш караван состоял из пяти человек, пяти лошадей, верблюда и двух ишаков, на одном из коих ехал сын Рахмета-улы. Запасы состояли из пуда баранины, 50 лепешек, 6 крю кунака, 30 дынь и 12 кг воды.

Из Дга ведут три дороги в горы Чоль-таг: восточная, через перевал Таш-уа (каменный знак) на ключ Палуан-булак (Охотничий ключ), западная, через теснину Урыльша-аузе на ключ Ильтырган, и средняя, по которой мы и направились, на тот же ключ Ильтырган, через ущелье Ильтырган-аузе.

Едва мы вышли из Дга, как очутились в совсем бесплодной, полого подымавшейся к горам Чоль-таг пустыне, рыхлая глинисто-песчаная почва которой усыпана была галькой и местами покрыта выцветами соли. Нога уходила по щиколотку, но следа почти не оставляла, чему причиной являлась крайняя сухость почвы: след затягивался мелкоземом, ссыпавшимся с его краев.

В трех километрах от селения мы пересекли широкое и глубокое русло былой реки, выносившей некогда воды с нагорья Чоль-таг в котловину Асса. О ней уже говорилось выше неоднократно, а потому здесь мы ограничимся указанием, что далеко видимое направление его оказалось юго-восточным и что на дне его, так же как и близ Асса-шара, были ясно намечены следы водяных струй. Последний факт крайне интересен. Очевидно, что если не ежегодно, то временами здесь все еще продолжают течь снеговые воды, стекающие с каких-нибудь больших высот Чольтагского нагорья, подымающихся где-нибудь невдалеке от Люкчунской котловины.

За описанным руслом общий характер местности не изменился; только уже в непосредственной близости от Ильтырган-аузе я заметил в стороне от дороги первые выходы коренных пород, издали казавшиеся яркокрасными, желтыми, белыми и зелеными мазками на общем сером фоне пустыни. Это были выходы кварца, кремня, сердолика, роговика и глинистого сланца, распавшиеся снаружи в дресву. Пройдя километра три среди этих мелькавших то справа, то слева обнажений, мы спустились, наконец, в русло водостока — устье Ильтырганского ущелья, общее направление которого было с юга на север. Первые гривки, встреченные нами на этом пути, слагались из глинистого сланца, но затем его сменил песчаник, который то выступал отвесными стенами, то пологими, мягкими склонами падал в ущелье, имевшее здесь малозаметный подъем. Это было печальное ущелье, в котором ничего, кроме песка и сероватого или желтоватого камня, не было видно... Однообразие в смене одних скал другими стало надоедать, к тому же подул встречный ветер, в воздухе засвежело, аппетит разгорался, и мы с нетерпением стали всматриваться вперед, ища места, где бы остановиться. Но таких мест не оказывалось... Наконец, когда совершенно стемнело и сон и усталость стали одолевать, мы как-то сразу решили остановиться на том самом месте, где в то мгновение находились. Но что это была за грустная стоянка! Несмотря на усиленные поиски, мы не смогли найти материала для топлива и легли спать без чая и теплого ужина; лошади наши также получили мизерную дачу, так как сытнее кормить их при отсутствии воды было опасно... К счастью, хотя и было холодно, но заправские морозы еще не наступили, и мы, укрывшись кошмами, смогли заснуть, согретые собственной теплотой.

Проснувшись, впрочем, до света и закусив куском лепешки и ломтиком дыни, тронулись дальше. Вскоре, а именно в 37 км от Дга, мы поровнялись с песчаным бугром, когда-то поросшим тамариском; ныне последний уже уничтожен, благодаря порубкам, производившимся здесь охотниками на верблюдов. Безводное урочище это носит название «Ходжа-юлгун» (юлгун — Tamarix).

Выше урочища Ходжа-юлгун ущелье раздвинулось; песчаник сменился видоизмененными плотными глинами, в одном месте выступил даже слоистый гранит, а затем, еще дальше на юг, стали попадаться кварцитовые обнажения. Но все сказанные породы уже не представляли сплошных поверхностей, наоборот, они выступали только спорадически, все же остальное пространство между ними заполнено было различными продуктами разрушения этих пород. Одновременно горы принимали все более и более мягкие очертания, а относительная их высота уменьшалась; наконец, дорога вышла из ущелья, и мы очутились на плоской вершине хребта, только кое-где всхолмленной пригорками. Пробегая среди последних, дорога круто взбежала на невысокий увал, который и оказался гребнем Чоль-тага. Абсолютная его высота в этом месте равнялась 2 958 футам (902 м).

Характер местности по обе стороны от перевала был различен. Тогда как к северу сбегал сай, все более и более стесняемый крутыми утесами, причем весь ландшафт имел дикий, горный характер и поражал своим крайним бесплодием, на юг открывался вид на обширную солончаковую долину, казавшуюся теперь, при косых лучах утреннего солнца, и отсюда, с высоты перевала, зеркальною поверхностью обширного водоема, образованного тремя, сюда сходящимися, протоками: двумя с востока и одним с запада; иллюзию довершал чий, разросшийся по окраинам солонца. Противоположный склон этой долины, далеко уходившей на западо-северо-запад, образован был невысоким увалом, за которым вставал целый ряд таких же невысоких кряжей, собиравшихся в один значительной высоты узел, скалистой массой подымавшийся километрах в сорока к западу от дороги.

Спуск с перевала был круче подъема, так что мы очень скоро добрались до солончака, на северной окраине которого и находится урочище Ачик-су, или Катар-холгун (2 667 футов или 813 м), отмеченное зарослями убогого тамариска, камыша и солянок, среди которых перепархивали воробьи (Passer stoliczkae Hume) и камышевки (Calamophilus biarmicus var. sibiricus Bp.?). Вода оказалась здесь настолько горько-соленой и затхлой, что для питья не годилась. Впрочем, может быть, при расчистке крохотного резервуара, в котором она скоплялась, она могла бы быть и более пригодной для употребления.

Обрадовавшись возможности согреть чайник и закусить, мы тотчас же принялись за работу — выламыванье из смерзшейся солончаковой глины толстых корней гребенщика. Затем, дав нашим животным по небольшой порции запасной воды и задав им корм, сами уселись за трапезу.

На ключе Ачик-су мы не рассчитывали ночевать, а потому уже вскоре после полудня тронулись в дальнейший путь.

Нам пришлось итти поперек солонца, по отвратительной дороге, представлявшей сплошной кочкарник. Местами мы огибали солончаковые топи, то, что киргизы называют «баптак», доказывающие как существование в этой долине множества ключей, так и то, что подпочвой долине Катар-холгун служат водонепроницаемые породы; местами же мы выбирались и на более сухие площадки. Несмотря на сравнительную короткость солонца, мы крайне утомились переходом через Катар-холгунскую долину и были несказанно обрадованы, когда, наконец, наша тропа стала огибать группу скалистых холмов, представлявших выходы кремнистого сланца. Тут мы свернули в устье Шальдранского ущелья, в низовьях своих представлявшего солончак, подобный только что пройденному. В этом устье мы снова нашли яркокрасные выходы сердолика, казавшиеся издали кровавым пятном на грязно-белом фоне солончака, а затем не могли не остановиться в изумлении перед оригинальными порослями гребенщика. Мы увидали колоннаду или, точнее, ряды столообразных возвышений из мелкозема (песчаной пыли и глины), достигающих в среднем двухметровой высоты и увенчанных чахлыми и невысокими кустиками тамариска; но насколько были ничтожны наружные части этого кустарника, настолько же велики и массивны были его подземные части: со всех сторон этих колонн торчали корни, иногда, в обнаженных участках, при толщине в 8—13 см, имевшие длину, равную, по крайней мере, 4 м. Существование этих колонн нелегко себе объяснить, особенно ввиду невозможности происхождение их отнести всецело к процессу выдувания... Урочище это носит название Шальдран. Здесь мы ночевали, дав лошадям по несколько глотков запасной воды и пустив их спутанными в камыши, росшие по соседству.

Урочище Шальдран мы покинули до рассвета, и, пройдя по солончаковой ложбине, имевшей трухлявую почву, несколько более полукилометра, вышли, наконец, на твердый, хрящеватый грунт пологого склона окрайней с юга гряды. Здесь нашу тропу пересек след трех верблюдов, уходивший на запад, по мнению проводника — плохое предзнаменование, так как обыкновенно в это время верблюды еще продолжают держаться в этих местах. Оставалось надеяться, что это — случайное передвижение нескольких экземпляров, не имеющее отношения к валовой перекочевке верблюдов к озеру Баграч-кулю, которая, по словам Рахмета, происходит только к весне.

Местность, по которой мы теперь шли, выглядела крайне своеобразно; на громадном протяжении виднелись здесь пятна различных цветов, точно какая-то исполинская кисть, обмакнутая поочередно в различные краски, капризно разгуливала по серому полю пустыни. Это были выходы сердолика, кварца, гранита, кристаллического известняка, зеленого филлита, слюдистого и кремнистого сланцев, до такой степени разрушенные с поверхности, что для того, чтобы добраться до куска годного в коллекцию, приходилось нередко сбрасывать дресвы сантиметров восемь и более. С каждым шагом вперед страна принимала все более и более волнистый характер; вскоре появились гряды и отдельные холмы, сложенные преимущественно из слюдистого сланца и вытянутые в цепи западного простирания, причем долины между ними отличались таким же бесплодием, как и самые горы; разве где мелькнет солянка «лу-как» или кустик «джусы» (Artemisia sp.?). Тропинки здесь не было, но Рахмет-ула, лавируя в этом мелкосопочнике, где один холм был как другой, шел не оглядываясь и, повидимому, даже не соображая дороги, точно его вела вперед какая-то невидимая рука. Это было нечто поистине изумительное! Впоследствии, однако, дело объяснилось очень просто. При своем движении вперед Рахмет-ула руководствовался особыми придорожными знаками — кое-где стоймя расставленным щебнем; должен, однако, заметить, что рассмотреть такой камень издали очень трудно и по силам разве только человеку, имеющему при необыкновенной зоркости и большой навык к пустыне.

Съемку в такой местности вести очень трудно; поэтому я обратился к проводнику с просьбой указать мне впереди, буде это, конечно, возможно, тот именно пункт, на который мы должны будем выйти. Рахмет-ула оглянулся и, выбрав холмик повыше, полез на него. Когда я вслед за ним взобрался туда же, то взору моему открылся с него обширнейший горизонт.

Казалось, что мы находились среди взволновавшегося, но вслед за тем и окаменевшего моря — так однообразно-ровны были возвышенности, уходившие на востоке и западе за край горизонта; к северу этот грядовой мелкосопочник тянулся километров на десять, к югу километров на пять, после чего его сменяла полого подымающаяся на юг, но все же несколько возволнованная равнина, ограниченная с востока и запада двумя сходящимися хребтами; между последними, километрах в 37 от нашего холмика, ясно намечался просвет — долина меридионального направления, на которую и поспешил указать мне Рахмет, как на место нашей будущей остановки. Но этим картина общего расположения гор и долин вовсе не ограничивалась. Далеко-далеко на юге, может быть, от нас в 100 км, виднелся громадный хребет, среди которого особенно явственно выдавалась группа из четырех пиков. Это был Тюге-тау, с которым нам пришлось познакомиться скорее, чем я мог это в то время предполагать.

Пройдя от урочища Шальдрана километров тридцать, мы завидели у подножия одного из пригорков небольшую и еще зеленую лужайку, по которой спокойно разгуливали три антилопы-джейрана (Gazella subgutturosa). Завидев нас, они, однако, метнулись в сторону и через мгновение скрылись.

На этой лужайке решено было сделать привал. В ожидании завтрака, приготовлявшегося при помощи дров, захваченных из Шальдрана, я отправился бродить по окрестностям. Здесь я видел норки мелких грызунов и нашел уже мертвый и поломанный экземпляр какой-то пимелии.

Дав лошадям немного воды и позавтракав, мы тронулись далее. Некоторое еще время мы шли волнистой местностью, затем, спустившись с пологого увала, очутились в виду амфитеатром сходившихся гор, невдалеке от сухого и глубокого русла реки, которая, вырвавшись из ущелья широким протоком (до 320 м шириной), омывала некогда стеснявший ее с запада скалистый массив и, приняв затем сначала западное, а потом северо-западное направление, терялась в дали. Спустившись под яр и подымаясь этим протоком, мы втянулись в сквозное ущелье, которое оказалось очень коротким и вскоре вывело нас на обширное плато или, точнее, широкую продольную долину юго-восточного простирания. Здесь мы на первых же порах натолкнулись на небольшую площадку, поросшую камышом (несмотря на позднее время, местами еще зеленевшим), среди которого в берегах, белых от соли, протекал небольшой ручеек, который тут же и уходил в землю. Вода в нем оказалась также соленой, а потому мы, не останавливая тут своего каравана, направились далее. Вскоре впереди, среди совершенно плоской равнины, мы завидели небольшое возвышение, поросшее тамариском. Оно представляло невысокие наметы песку и было отовсюду окружено частью солонцом с трухлявой почвой («сор»), частью солонцеватым кочкарником. Это вызвышение и было урочище Ильтырган (3970 футов или 1210 метров).

Здесь заранее решено было дневать; но, придя сюда и оглядевшись, Рахмет-ула заявил, что дневать здесь не стоит, так как перед нами тут жили охотники, которые, конечно, и распугали зверье. Но мы все же хотели попытать счастья, а потому я отдал приказ устраиваться на дневку; пока же люди возились на бивуаке, я, про всякий случай вскинув двустволку на плечи, направился к соседнему песчаному бугру, с которого всего легче было зачертить окрестную местность.

Вот что я с него увидал.

Ильтырган занимал площадь едва ли большую 0,8 кв. км. С краев бугры густо поросли гребенщиком, к середине же урочища, где и были выкопаны колодцы, кустарник заметно редел и сменялся травянистой растительностью: камышом, солянками, ильтерганом и некоторыми другими травами, которые настолько уж высохли, что не годились в гербарий. Оазис этот находился в равнине, которая от запада к востоку имела километров восемь и на юге, там, где кончался солонец и к пескам примешивались щебень и галька, поросла редким кустарником, который я принял за Atraphaxis. На юге возвышался хребет, который к востоку виднелся километров на шесть. Там он маскировался массовым поднятием всей площади долины с насаженными на нее невысокими холмиками и гривами. Это же массовое поднятие служило восточной окраиной описываемой равнины, которая в эту сторону была затянута почти бесплодными песками. К западу же последняя не простиралась так далеко. Здесь, уже в двух километрах от Ильтыргана, подымались горы, представлявшие, как кажется, распавшийся отрог хребта или горного узла, возвышающегося на параллели Шальдрана.

Урочище Ильтырган оказалось не столь безжизненным, как пройденные нами до сих пор местности и урочища. Кроме розовых воробьев (Passer stoliczkae) и бегавших по пескам пустынных соек (Podoces hendersoni), я заметил здесь в сумерках и других пташек, которых добыть для коллекции мне, однако, не удалось; из млекопитающих мы видели здесь зайцев (Lepus tolai) и во множестве лисиц, которые турфанцами почему-то мало преследуются. Благодаря одной из них, нам довелось даже сегодня очень вкусно поужинать... Вот как было дело.

В то время как я осматривал окрестности Ильтыргана, я со своего бугра, шагах в восьмидесяти, заметил лисицу, которая сначала рылась в песке, а затем как будто силилась вытащить из него нечто. Это меня сильно заинтриговало, но едва я сделал в ее сторону несколько шагов, как она, испуганная шумом, уже бросилась со всех ног в сторону; тогда я пошел посмотреть, над чем трудилась лисица. И представьте, читатель, мое изумление: я увидал торчащую из песков ногу джейрана! Это был, без сомнения, охотничий клад, состоявший даже, как оказалось впоследствии, из нескольких туш, сложенных, вероятно, очень недавно.

Когда я позвал своих спутников, сын Рахмета, не говоря ни слова, вытащил нож и в одно мгновение отсвежевал заднюю ногу одного из джейранов. Я запротестовал...

— Э, таксыр, — заметил тогда Рахмет, — раз лисица пронюхала клад, его уже не обережешь от нее. Все равно вернувшиеся охотники не найдут здесь ничего, кроме костей.

Тем не менее я настоял на том, чтобы закопать клад получше, но послужил ли к чему-нибудь наш труд — не знаю.

Как и предвидел Рахмет-ула, охота следующего дня была неудачной — мы все вернулись с пустыми руками. Зато чуть не случилось несчастье, которое в лучшем случае могло окончиться потерей дня и бесполезным изнурением лошадей. Когда я вернулся на бивуак, я не нашел нигде верблюда. Я обежал весь оазис, излазил все выдающиеся по своей высоте бугры, но нет — его не было! Очевидно, он убежал из оазиса.. Я дал несколько тревожных выстрелов и бросился к лошади... Я отыскал выходной след верблюда — он шел на север, к Ильтырганскому ущелью, и мне не оставалось ничего другого, как ехать туда же. Но в это время я увидал виновника переполоха, который торжественно выступал вслед за Рахметом... Оказалось, что верблюд и Рахмет повстречались; первый тотчас же бросился наутек, но имел неосторожность наступить на свой повод и остановился, чем и воспользовался турфанец.

24 октября мы покинули Ильтырган. Пройдя описанной выше долиной километров шесть в юго-юго-западном направлении, мы достигли невысокой скалистой гряды, у подошвы которой, в глубокой промоине, протекал небольшой ключ. Здесь мы заметили натянутую между двумя жердинками веревку с навязанными на нее лоскутками. «Это нарочно сделано охотниками, чтобы отпугивать джейранов от водопоя», — пояснил нам Рахмет. Здесь, за исключением редкого камыша и нескольких кустов гребенщика, ютившихся в глубине промоины, ничего не росло; вообще же все урочище, носившее название Иетын-булак, имело крайне пустынный характер.

Обогнув эту гряду, мы впереди увидали другую. Между обеими простиралась широкая (около 6 км) долина, хотя и усыпанная галькой, но с настолько мягким грунтом, что нога уходила в него. Неожиданно для себя мы вдруг очутились на краю глубокого яра, имевшего ширину не меньшую 64 м и поросшего высоким и густым камышом, среди которого виднелись кусты тамариска и чингиля (Halimodendron argenteum). Огибая его для того, чтобы спуститься к воде, которая, как оказалось впоследствии, заключалась здесь в нескольких глубоких ямах и имела слабо солоноватый вкус, я вдруг заметил внизу, в зарослях камыша, огромный экземпляр кошки, которую, вследствие однообразной ее окраски, я считаю за манюля (Felis manul). К сожалению, пока я соскакивал с лошади и вытаскивал винтовку из чехла, зверь ушел уже далеко, и, хотя я и пустил ему пулю в догонку, но, очевидно, только ранил его, а не убил наповал; манюль высоко подпрыгнул и тут же скрылся в зарослях гребенщика. Досадная неудача! К тому же я имел полное основание винить в ней Ташбалту, который зазевался, и вместо того, чтобы сунуть мне в руки винтовку, бывшую на всякий случай всегда наготове при нем, бросился ловить мою лошадь, действительно отбежавшую было на несколько шагов в сторону.

За оврагом, который к северо-западу тянулся менее чем на километр (урочище это называлось Мыль-токсун), местность приобрела волнистый характер, а грунт стал покрепче. Впереди показалась желтая полоска песков, которая довольно отчетливо выделялась на темносизом фоне подымавшегося сзади хребта. Это была неширокая (около 320 м) гряда сыпучих песков, нагнанных северо-восточным ветром, общая длина которой не превышала 4 км. Юго-восточный конец ее высоким взметом упирался в хребет, засыпав его до высоты, не меньшей 150 м, благодаря чему казалось, что песок сползает с гор и острым языком, обращенным к северо-западу, прорезывает долину. При ближайшем осмотре этой гряды оказалось, что она уже поросла местами саксаулом, шурой и другими растениями.

За полосой песков мы спустились в лог, направлявшийся отсюда на северо-запад. Он составлял естественное продолжение теснины, глубокою щелью, всего метров 10—12 шириной, прорезывавшей хребет, устье которого сложено было из метаморфического глинистого сланца, прорезанного жилами и прожилками кварца. По дну его бежал ручеек, который, впрочем, тут же, у нас на глазах, зарывался в песок.

Чрезвычайной сыростью пахнуло на нас из этой щели, и одновременно донесся шум и грохот горной речонки. Да, вода бежала здесь не еле-еле сочащейся струйкой, а настоящей речкой, бурлившей на перекатах и взбивавшейся в пену среди встреченных камней!

Появился камыш, который рос тут так густо, что мы с трудом через него пробирались; вскоре, однако, ущелье раздвинулось и на левом берегу ручья открылась лужайка, поросшая тополем, прямые, как сосна, стволы которого достигали здесь по крайней мере 20—24 м высоты, т. е. имели такой исполинский рост, какого редко достигают даже осокори (Populus nigra) в Средней и

Южной России! Лужайка покрыта была травою, свойственною всем вообще среднеазиатским «тугаям» *, и между прочим — кендырем (Apocynum sp.), тарло (Festuca sp)?., еджириком и изаном.

Когда мы въехали на эту лужайку, то взорам нашим представилась такая картина. На террасовидной площадке, усыпанной мелкой галькой и гравием, пылал огонек, у которого помещались три человеческие фигуры — очевидно, те охотники, которым мы были обязаны вкусным ужином в урочище Ильтырган; ружья на сошках и различная утварь расставлена была тут же, а трофеи их охоты — туши джейранов, аркара и шкурки лисиц развешены и распялены ниже, между деревьями; тут же на земле валялись рога, шкуры и кости; наконец, на заднем плане, под навесом скалы, виднелись лежанки и сложенные в кучки другие принадлежности вьючного снаряжения. И весь этот лагерь с его хаотическим беспорядком, причудливые скалы, высокоствольный лес, мурава и обрамленная высоким камышом речка — все это в совокупности представляло столько своеобразной прелести, в особенности после нескольких дней, проведенных нами среди монотонных ландшафтов пустыни, и было настолько ново и неожиданно, что мы не могли не приостановить на мгновение лошадей, дабы полнее насладиться созерцанием этого дивного уголка, так далеко заброшенного в пустыню.

Едва охотники нас завидели, как с обычным: аман, аман! хош курдук! хош курдук! ** бросились к нам навстречу. Тотчас же у костра появилась кошма, а затем разостлана была здесь довольно-таки засаленная супра, на которой и поставлены были мясо в деревянном корытце и дымящаяся шурпа ***. Нам радушно предложено было отведать горячего варева, которого, по уверению наших радушных хозяев, должно было хватить с избытком на всех. Это было кстати, потому что мы очень проголодались... К началу нашей трапезы подоспели еще трое охотников. Ели молча, но за чаем разговорились, причем, как и следовало ожидать, темой для разговора послужил наш приезд в эти горы и охота на местного зверя. Диких верблюдов в окрестностях нигде не оказывалось, зато вблизи нашей стоянки водились аркары (Ovis poli Blith.), во множестве джейраны и дикие кабаны, а из хищников — лисица и дикая кошка. Особенно заманчивой показалась нам охота на аркаров, почему и решено было остаться на день в этом урочище, которое носило название Торак-булак.

---

* «Тугаем» в Центральной Азии зовется часть речной долины с илистым грунтом, поросшая травой и кустарником; иногда «тугай» тянется узкой лентой вдоль русла реки, иногда является в виде небольшой площадки на ее берегу, иногда же, в особенности в низовьях рек, обнимает даже обширные площади земли.

** Что значит: милости просим, добро пожаловать!

*** «Шурпа» — это суп, отвар, из мяса, в который ничего, кроме соли не кладется.

Вставши до солнца, мы наскоро напились чаю и разбрелись во все стороны. Я с Комаровым избрали сначала путь вверх по ручью, причем местами нам приходилось продираться среди четырехметрового камыша и гигантских кустов пустынного шиповника (Rosa elasmacantha Trautv.), затем свернули в одно из восточных боковых ущелий, которым и поднялись на площадку, усыпанную галькой и гравием. Площадка эта к югу постепенно возвышалась и переходила в холмистые предгория грандиозного хребта Тюге-тау; на севере же она круто обрывалась в сторону Мыль-токсунского яра, о котором выше упоминалось. С этой стороны до гребня площадки подымались пески, которые, не образуя значительных наметов на ней, проносились далее и засыпали постепенно Торак-булакскую щель. Здесь, да и ниже в песках, мы заметили обычную для таких местностей растительность: саксаул, хвойник, джантак, Lycium, солянки и чий. Солнце встало и своими косыми лучами золотило теперь пески и стебли этих растений, среди которых послышалось чириканье пустынного воробья и мелодичный голос сойки Хендерсона. Кругом все проснулось — день наступил!

Когда я осмотрелся, мне представилось, что я стою на береговой террасе некогда существовавшего к северу значительного приводного бассейна, но как давно это было?

С восходом солнца аркары покидают горные вершины и, пасясь местами, мало-помалу спускаются к воде, после чего имеют обыкновение отдыхать под каким-либо прикрытием. Это самое удобное время для того, чтобы подойти к выслеженному животному; однако при этом требуется еще большая осторожность, чем во всякое другое время, потому что аркар, потревоженный во время сна, пугливо уносится вперед и вскоре оказывается потерянным для охотника... Зная все привычки горного барана, охотиться на него тем не менее нелегко: требуется в особенности много терпения, а затем внимание и неутомимость. Конечно, и здесь, как всегда, немаловажную роль играют удача и случай.

Едва мы осмотрелись, выбравшись на описанную выше площадку, как тотчас же заприметили вдали подымавшегося на пригорок аркара. Мы припали к камням и стали выжидать его дальнейших движений; но он продержал нас в таком положении очень долго, примерно около часа. Стоя на возвышении, он точно всматривался в даль и, может быть не доверяя покою пустыни, выжидал признаков, по которым мог бы угадать направление, откуда всего скорее ему грозила опасность; наконец, он, очевидно, на что-то решился и стал медленно спускаться с бугра на юго-юго-запад, к Торак-булакской щели. Было пора. Мы вскочили на ноги и, условившись о сигналах на случай нужды друг в друге, разошлись: Комаров пошел на юго-восток, а я взял ближе к краю ущелья и вскоре очутился среди пологих холмов, покрытых

местами дресвой, местами мелкой галькой и песком. Растительность была здесь очень скудная, и к тому же в большинстве случаев попадались экземпляры трав, либо совсем мне незнакомых, либо в таком состоянии, что определить их не представлялось возможным. Переходя с холма на холм, я уже часа четыре провел в высматривании окрестностей, каждую минуту ожидая встретиться с зверем, когда вдруг далеко впереди послышались выстрелы — один и другой... Чтобы увидать хотя бы дымок, я живо полез на ближайший бугор и в то же время услыхал впереди шорох осыпавшегося мелкого щебня: очевидно, что шел некто мне прямо навстречу... Я остановился как вкопанный... И тут явственно донеслось до меня прерывистое дыхание тяжело шагавшего зверя... Не аркар, подумалось мне, но кто же тогда? Определив примерно путь, избранный незнакомцем, я решился итти ему наперерез... Но напрасно я употреблял все старания, чтобы не быть услышанным: предательский щебень меня выдал тотчас же. Тогда я, для сокращения пути и для того, чтобы занять господствующее положение, полез на утес, составлявший вершину пригорка. Когда я был уже наверху его, меня поразила наступившая вдруг кругом тишина. Я подумал, что зверь стоит в нерешительности, а потому, взведя курки штуцера, стал осторожно выдвигаться из-за прикрытия. Но каково же было мое удивление, когда ни в логу, ни на противоположном склоне горы я не увидал виновника шума. Озираясь кругом, я невольно поднял голову и тут только, шагах в двухстах от себя, на гребне противоположной гряды, заметил настоящее чудище — громадного кабана, который пристально следил за всеми моими движениями. Неожиданная встреча эта меня положительно ошеломила. Как! Кабан здесь, в пустынных горах? Да что он здесь делает? Не теряя, впрочем, ни минуты на размышление, я пустился следом за ним, сокращая, где возможно, дорогу. Но, увы, я скоро утомился, а кабан все шел спокойно вперед и, наконец, скрылся из глаз. Я попытался было итти его следом, но и след вскоре исчез... В самом неприятном настроении духа, усталый и голодный, я уже в сумерки вернулся домой, где и застал в сборе все наше общество. Неудача была общей, и вся наша надежда была теперь на Комарова, который, как оказалось, не возвращался.

Мы отобедали. Окончательно смерклось. Часы показывали восемь... а казака все еще не было. Зная Комарова за охотника страстного и в этих случаях неосмотрительного, я стал беспокоиться не на шутку.

— Ташбалта, иди на гору и дай условные выстрелы.

Гулко пронеслись они по ущелью и отдались стократным эхом в горах, а потом опять все замерло в окрестностях бивуака, только речка тихо журчала, да нет-нет порыв ветра вдруг зашумит в ветвях высоких деревьев... Прошел еще час... Я приказал снести на гору поболее хвороста и, разложив там сигнальный костер, отпустил людей спать. Я остался один на горе... Часу в одиннадцатом, наконец, точно вырос возле меня Комаров. За спиной у него болталась голова большого аркара. Этим все объяснялось.

Появление Комарова разбудило, конечно, весь лагерь. Мигом разложен был снова костер и нагрет чайник; а за чаем вот что рассказал нам Комаров о своих похождениях.

Миновав бугор, на котором мы впервые увидали аркара, он столкнулся с последним в первой же затем лощине; но на этот раз животное ускользнуло и скрылось. Вторично он встретился с ним совсем случайно, после почти что двухчасовой ходьбы. Аркар стоял на пригорке, и при этом так близко, что Комаров решился стрелять с постоянным прицелом. Однако чистота атмосферы и ровная серая поверхность пологой долины обманули охотника, и пуля, направленная под лопатку, ударила в животное значительно ниже колена и раздробила ему кости пястья. Аркар отпрянул и перестал подпускать к себе близко охотника. Преследование длилось часами. Аркар, однако, видимо изнемогал, и это придавало энергии казаку... Тем не менее, надо было что-нибудь предпринять: солнце близилось к закату, а с наступлением темноты дело могло быть проиграно. И вот Комаров решился: для того, чтобы облегчить себе бег, он скинул с себя все лишнее; затем, поставив прицел на пятьсот шагов, он быстро направился к раненому животному. Аркар стоял на пригорке и следил за всеми его движениями. С пятисот шагов Комаров выстрелил, и животное рухнуло, делая тщетные попытки подняться... В конце концов это-таки ему удалось... Но Комаров был уже близко: две пули, посланные в догонку, докончили дело.

Почти в темноте Комаров снимал шкуру — самую драгоценную часть добычи. От мяса пришлось отказаться — аркар был не менее 82 кг весом. Захватив только заднюю ногу, он остальную часть туши завалил каменьями и поверх их, в расчете предохранить мясо от лисиц и волков, растянул свою охотничью хламиду... Костер он заметил за 2 км и был очень благодарен этому путеводному знаку.

В награду за свои труды он тут же получил от меня десять рублей.

На следующий день я направился с Рахметом верхом вверх по ущелью Торак-булак. Вода, которая так обильно текла около нашей стоянки, уже в 213 м от последней исчезала вовсе. Здесь находилась подернутая толстым слоем льда лужа, из которой и выбегал ручеек. Выше, однако, Торак-булакское русло не прерывалось. Усыпанное гравием, галькой и валунами, оно в то же время загромождено было местами с корнем вымытыми кустами, ветвями и другими обломками, полузарытыми водою в песок.

Ясно было, что временами здесь яростно бушует поток, порожденный, конечно, дружным таянием снега. Берега этого русла густо поросли камышом, древесной и кустарниковой растительностью.

К сожалению, состав этих порослей полностью определить было трудно; я, однако, заметил здесь «ргай» (Cotoneaster sp.?), шиповник двух видов (Rosa elasmacantha и другой, не столь характерный, вид), облепиху (Hippophaë rhamnoides), джигду (Eleagnus angustifolius), низкорослый карагач, «ушкит» (Lonicera с красными ягодами) и рябину (?). Что касается травянистой растительности, то она обиловала зонтичными и злаками, некоторые стебли коих, а также ближайшие кустарники, обвиты были жигунцом (Clematis sp.?); наконец, припоминаю теперь, что я видел здесь и невысокие кустики с кожистыми небольшими листочками — не один ли это из многочисленных в Центральной Азии видов рододендрона?

Полтора километра выше нашей стоянки русло стало ветвиться. Следуя главным протоком, мы свернули на восток и мало-помалу поднялись на плато, которое далее, на восток же, принимало волнистые очертания и в 5 км переходило в нагорье, изрезанное глубокими и узкими водостоками, обрывавшимися в другое ущелье меридионального направления. Не доезжая несколько до него, Рахмет вдруг соскочил с лошади и, передавая мне ее поводья, коротко заметил: «аркар!» после чего спешно развязал тряпку, прикрывавшую полку ружья, подсыпал пороху, расправил фитиль и, двигаясь чуть слышно, скрылся за ближайшим бугром. Вскоре из лощины послышался выстрел, и я увидел аркара с перешибленной задней ногой, огибавшего соседнюю гору... В то же время показался Рахмет, имевший очень сконфуженный вид.

— Рахмет, да ведь ты ранил аркара!..

— Нет... — и он отрицательно покачал головой...

— Как нет?!

И так как старик стоял на своем, то я повел его на то место, где видел раненое животное. При виде кровавого пятна он просиял и тотчас же решил итти за аркаром.

К сожалению, взобравшись на плоскогорье, мы не могли спуститься по страшной круче в ущелье и должны были несколько вернуться назад, чтобы в обход проникнуть в него. Ущелье это оказалось копией Торак-булакской щели и имело общее направление, параллельное этой последней. Здесь я снова остался при лошадях, а Рахмет отправился на поиски раненого аркара.

Не менее как через час донесся до меня, наконец, отзвук далекого выстрела. Спеша на него, я вскоре столкнулся с шедшим мне навстречу Рахметом, радостное лицо которого возвещало успех. Действительно, ему удалось уложить аркара с одного выстрела. Это была старая самка, которую мы, предварительно ободрав, с трудом сволокли к лошадям.

Ущелье, в котором мы находились, шло параллельно Торак-булакскому и имело в длину около 9 км. Спускаясь им к северу, мы с восточной его стороны вскоре встретили песчаный намет, который подымался до уровня его стен. Мне хотелось лучше познакомиться с общим характером окрестной горной страны, а потому, оставив Рахмета при лошадях, я воспользовался наметом и пешком выбрался из теснины. Но и отсюда я увидал не более того, что с окраины Торак-булакской щели.

Я увидел себя на том же плоскогорье, круто падающем на север, в сторону Мыль-токсунской впадины. К востоку оно суживалось и мало-помалу терялось на склонах хребта Тюге-тау, который к юго-западу от меня имел скалистый характер и был увенчан значительной высоты пиками и куполами. Там же, на востоке, километрах в тридцати, я заметил желтую полосу, ярко блестевшую на солнце. Это были барханы неподвижных песков, с которыми я впоследствии познакомлю читателя.

Спустившись вниз, я решил, что пора возвращаться домой, и мы рысью поехали к выходу в Мыль-токсунскую долину. Небольшой ручеек, которым мы следовали, в устье теснины образовал разлив, поросший чуть не четырехметровыми камышами. Влажная и черная, как чернозем, почва оказалась здесь изрытой кабанами и испещренной следами диких животных. К сожалению, кабанов в это время дня здесь не оказалось, и мы только напрасно переволновались от ожидания — вот-вот натолкнемся на этого зверя.

За камышами мы нашли гору песку, который, перенесясь через утес, маскировавший наподобие кувр-фаса ущелье, совсем завалил выход из последнего. С трудом переехав через песчаную гору, мы свернули к западу и, следуя краем обрыва Тюге-тауского плоскогорья, вернулись на бивуак.

Здесь мы нашли все наше маленькое общество в сборе. Охотники, перед своим выступлением в Дга, делили добычу. Весами служило им коромысло, подвешенное к сучку: к одному концу его привязан был камень, к другому, при помощи петли из полотенца, подвешивалось мясо убитых животных.

26 октября мы, наконец, распрощались: охотники направились к северу, а мы к югу, вверх по Торак-булакской теснине. Выйдя из последней, мы некоторое время шли мелкосопочником по направлению к восточному концу осевой скалистой части хребта Тюге-тау, но, не дойдя до него, круто свернули на восток, потом на север, и остановились в урочище Торак-булак (восточном), расположенном в вершине безыменного ущелья, которым еще вчера я проехал с Рахметом. В этом урочище мы также встретили тополь, шиповник, тамариск и довольно богатую травянистую растительность. Его абсолютная высота оказалась равной 4 954 футам (1 510 м).

Едва на следующий день мы выбрались из ложбины, в которую запряталось урочище восточный Торак-булак, как глазам нашим открылся широкий горизонт, на юго-восточной окраине которого возвышался гранитный Тюге-тау. Хребет этот имел совсем дикий характер и значительно возвышался над плоскогорьем, причем некоторые вершины его, может быть, имели даже около 4 000—5 000 футов (1 220—1 520 м) относительной высоты! Ниже я буду иметь еще случай говорить об отношении этого кряжа к соседним возвышенностям, теперь же замечу только, что Тюге-тау — самый высокий и в то же время самый недоступный из хребтов Чоль-тагского нагорья. Его ущелья, повидимому, бесплодны и, как кажется, редко где доступны. Впрочем, хребет этот мало известен даже турфанцам, и все, что я мог узнать от них, это что где-то близ его восточного конца имеется ключ, доступ к которому, однако, труден и возможен только для пешего. Местность, простиравшаяся между нами, массивом Тюге-тау и низкой холмистой грядой, потянувшейся от него на восток, представляла слегка волнистую равнину, усыпанную галькой и, как кажется, совсем бесплодную. Впрочем, скоро мы перестали видеть даже ближайшие окрестности: подул резкий северный ветер, небо затянулось серой пеленой, и пошел дождь пополам со снегом. К счастью, станция была небольшая, и мы, перевалив через невысокий увал, служащий здесь продолжением хребта Тюге-тау, и втянувшись в долину меридионального направления, вскоре достигли ключика, не имевшего еще никакого имени, а потому и названного Рахметом Урус-киик-урды-булак, что значит ключ, на котором русские били кииков, т. е. джейранов. Мотивом к такому названию послужило нижеследующее обстоятельство.

Не успели мы еще порядком устроиться на месте, избранном нами для бивуака, как Комаров заметил пробирающееся к воде стадо джейранов. Последовал выстрел, и один из последних пал жертвой своей излишней доверчивости к человеку, а вечером и мне удалось убить здесь второго самца антилопы.

Ключ Урус-киик-урды-булак отстоит от вершины безыменного ущелья километров на двенадцать. Он не велик, протекает не более 42 метров, имеет вполне годную для питья воду и оброс камышом. Кое-где, впрочем, росли здесь и другие виды злаков, а на более сухих местах хвойник (Ephedra sp.) и гребенщик. Его абсолютная высота равнялась 4 793 футам (1411 м).

К ночи выпал снег, а затем грянул мороз в —25°. Я проснулся от холода, причем чуть не отморозил себе всего правого бока. Случилось это вот как: в то время как другие разостлали свои подстилки прямо на землю, я забрался в заросли, намял травы и на ней разложил свою кошму. Но я жестоко прогадал. Кошма, благодаря крайне упругой растительности, вовсе не прикасалась к земле, а потому и теплота, отдаваемая ей моим телом, легко выносилась струями холодного воздуха, свободно циркулировавшего под ней. Догадавшись в чем дело, я тогда же перебрался с своей постелью на снег.

Здесь мы дневали. Рахмет хотел объехать окрестности, с тем чтобы разыскать верблюдов, мы же остались поохотиться на джейранов.

Свою засадку я устроил на берегу ручейка, заслонившись от последнего изгородью из хвойника. Снявши полушубок и улегшись на нем, я стал терпеливо поджидать антилоп, которые имеют обыкновение два раза в сутки приходить на водопой: сейчас после восхода солнца и перед его закатом. А так как оно уже показалось из-за горизонта, то, стало быть, я мог ожидать их появления ежеминутно. Но прошло немало времени, пока раздался первый шорох; на этот раз, однако, позади меня. Я оглянулся и увидал кеклика (каменную куропатку — Caccabis huckar Gray) — тоже редкую птицу в Восточном Тянь-шане. То и дело вытягивая шею вперед и осматриваясь по сторонам, эта красивая птица осторожно приближалась к ручью. Не видя, очевидно, ничего подозрительного, она взмахнула крыльями и издала крик: кекели, кекели... И точно в ответ на этот крик выглянула из камышей еще одна головка, затем другая, пока, наконец, не собралось их здесь штук до двенадцати. Последние шли гораздо смелее и даже отваживались пробегать небольшие пространства... Когда кеклики напились, они открыли на прибрежном песке настоящее гулянье и игры. Они бегали, гонялись взапуски одна за другой, полоскались в песке, чистились сами и очищали друг друга; затем, наигравшись, они успокоились, нахохлились и, подвернув головки под крылышки, стали греться на солнце. В таких наблюдениях я провел добрый час времени. Я стал уже отчаиваться в успехе нашей охоты, когда вдруг увидел впереди приближающихся к засадке джейранов. Они точно не шли, а плыли, так беззвучна была их походка!

Шагах в пятнадцати от меня они остановились, нервно помахивая своими короткими черными хвостиками и с беспокойством озираясь кругом. Простояв так несколько мгновений, они решились сделать еще шага два-три в нашу сторону и снова остановились. Очевидно, они были в страшной нерешительности... Но тишина их обманула. Приблизившись к ручью, старый самец ударил ногою по льду, и ударял ею до тех пор, пока, наконец, в трещинах льда не показалась вода. Тогда вся масса джейранов бросилась к этому месту; сильные теснили слабых. Такой беспорядок не понравился старику. Он отогнал возмужалых самцов и подпустил к воде только подростков и самок, которые пили воду с остановками и облизывая в промежутках то себя, то телят.

Тем временем остальные джейраны играли и резвились на берегу. Казалось даже, что они вовсе забыли про воду, в особенности те, что, столкнувшись лбами, стояли точно изваянные. Наконец, сперва один, потом другой, а там и целой гурьбой они кинулись к ручейку. Но и это было не более как проявление шалости. Джейраны пили мало: сделают два-три глотка и отбегут в сторону... Вообще, вследствие ли морозной погоды, вследствие ли иных каких-либо причин, но антилопы пили очень мало, — едва ли каждая больше стакана.

Наконец, когда я достаточно насладился картинкой из жизни этих милых животных, я просунул штуцер сквозь ветви хвойника и выстрелил; почти одновременно раздались еще два выстрела — то стреляли из своих засадок Комаров и джигит Ташбалта. В первое мгновение все стадо сбилось в кучу, и только старый самец остался поодаль от других. Затем они шарахнулись в сторону и как ветер понеслись к соседним пригоркам, оставив на месте двух убитых товарищей и одного сильно раненного, который делал невероятные усилия, чтобы подняться и убежать за стадом. Но это ему не удалось, и он, наравне с двумя другими, поступил в нашу коллекцию.

Рахмет, вернувшийся в сумерки из своей поездки, объявил нам, что в Заатё следует остаться на дневку, так как в окрестностях он видел недавние следы верблюдов, уходивших на юг; можно было поэтому думать, что нам еще попадется партия таких эмигрантов. Но, увы, день прошел в бесплодном выжидании по засадкам, и только уже под вечер, когда была потеряна надежда увидеть в этот день верблюдов, я позволил себе сделать выстрел по антилопе. Она ушла настолько тяжело раненной, что вызвала меня на преследование. Сверх ожидания мне пришлось за ней гнаться километра четыре, так что я уже думал было бросить преследование, когда вдруг внимание мое привлекли три лисицы, выбежавшие из-за пригорка. Свернув туда, я увидал своего джейрана еще живым и в то же время уже жестоко искусанным лисицами.

31 октября мы двинулись далее на юг. Дорога шла саем, среди зеленовато-серых холмов, состоящих из плотного диабаза; местами, однако, попадались здесь выходы и других пород, а именно: кремня, гранита и мраморовидного известняка, с поверхности сильно разрушенных и прикрытых толстым слоем дресвы (до 30 см и более). Вообще мне казалось, что мы идем местностью, особенно сильно подвергавшейся — вследствие ли свойства слагающих ее горных пород, вследствие ли других причин — действию влияний, разрушающих с поверхности горные массы.

В 5 км от урочища Заатё мы пересекли невысокую грядку, южнее которой увидали громадный (до 300 м относительной высоты) утес более темной окраски, чем окрестные возвышенности, одиноко поднимавшийся среди каменистой равнины. Обрываясь на все стороны почти отвесными стенами, на восток он спускался довольно полого, переходя там в низкую грядку, которая вскоре и терялась среди высоких скал, заполняющих здесь всю восточную часть горизонта. Как кажется, его также слагал диабаз. В 14 км мы встретили новый невысокий кряж, который, на нашем пути образовав седловину, уходил затем на восток целым рядом отдельных скалистых утесов, а на запад расплывался в увал с мягкими склонами. За ним местность приняла волнистый характер, с слабо выраженными гривками почти западно-восточного простирания. Наконец, уже на двадцатом километре, мы подошли к более значительному хребтику, с вершины которого открылся вид на громадную продольную долину, окаймленную с юга невысоким, но массивным и, повидимому, широким хребтом, который составляет здесь южную окраину Чоль-тагского нагорья и, может быть, тождествен с тем, который на наших картах носит название Курук-тага. «Дальше на юг, — говорит мне Рахмет, — нет уже гор: там тянется равнина Лоб, обильно, местами, поросшая травами». На запад хребет этот виднелся километров на сорок, становясь чем дальше, тем выше и скалистее; наоборот, северный хребет, т. е. тот, на котором я находился, еще более там понижался и, рассыпавшись мелкосопочником, с одной стороны добегал до южного хребта, замыкая тем долину, а с другой — упирался в какой-то другой, высокий и утесистый кряж. На восток кругозор был короче; все же, однако, и там, километрах в двадцати пяти, можно было разглядеть как расширение долины, так и излом хребта, который условно мы назвали Курук-тагом, сперва к югу, а потом, тотчас же, к северу; что же касается до северного хребта, то он примыкал там к каким-то скалистым высотам, составляя, может быть, только их западное, более низкое продолжение.

Спустившись в долину, я догнал своих спутников уже только в урочище Бурупту (3 500 футов, или 1 067 м). Оазис занимал площадь около двух гектаров и имел два ключа: северный с солоноватой водой и южный — с пресной. Здесь рос чий, окрестности же северного, представлявшие солончаковую впадину, поросли преимущественно камышом и тамариском. Последний был высок, раскидист и достигал в некоторых экземплярах около 13 см в диаметре.

Еще подъезжая к Бурупту, мы заметили след верблюда, который, минуя урочище, направлялся на запад, к другому, соседнему, ключу. Выследить его тотчас же взялись Ташбалта и Рахмет, которые, не дожидаясь обеда, и направились в сказанном направлении. Они вернулись в сумерки на взмыленных лошадях, крайне недовольные своей поездкой: след оказался

старым, других же признаков недавнего пребывания здесь верблюдов они не нашли.

Поездка эта, оставшаяся без результатов для целей экспедиции, имела, однако, для нас крайне тяжелые последствия. Рахмет не остерегся, и лошадь его, напившись, как была — в поту, студеной воды, опасно простудилась и к утру издохла. Эта потеря повлияла на наши планы исследования страны, развивавшиеся по мере движения нашего на юг, и побудила скрепя сердце значительно их сократить. Впрочем, этому была и другая причина: запасы наши приходили к концу, а в хлебе мы уже и теперь ощущали большой недостаток.

2 ноября мы покинули Бурупту и направились по долине к востоку. В этом направлении она, казалось, слегка повышалась; на пятнадцатом же километре ее пересек пологий увал — отрог северного хребта, который, впрочем, не достигал Курук-тага. С него нам открылся оригинальный вид на развернувшуюся перед нами картину расположения горных кряжей и долин.

Северный «Безымянный» хребет рассекался здесь в меридиональном направлении широким (до полукилометра шириной) ущельем, восточная стена которого отличалась особенной высотой. Ущелье это служило руслом протоку, который, начинаясь на северных склонах восточной части Безымянного хребта, пересекал затем долину и направлялся в прорыв южного хребта, образовавшего в этом месте ту характерную излучину, излом, о котором я выше имел уже случай упомянуть. К востоку от русла долина, которой мы шли, уклонялась несколько к северу, Безымянный же кряж, при значительной своей высоте, получал такую своеобразную конфигурацию, что на нем я считаю не лишним остановиться. Он казался двойным. Южный, и в то же время более низкий, представлял гряду кроваво-красного цвета: это были жирные глины, подостланные гранитом и, если я не перепутал образчиков, прорванные выходами красного же кристаллического известняка. Северный, отличавшийся значительной относительной высотой, подымался на плоскогорье, которое, при значительном наклоне к югу, упиралось в красную гряду. Таким образом, между последней и осевой частью всего поднятия, представлявшей мощные выходы кремня, расстилалась долина, уровень коей значительно превышал уровень той, которая залегала между описываемым Безымянным хребтом и Курук-тагом, т. е. южным хребтом. Поверхность этой долины, как оказалось впоследствии, представляла выходы почти перпендикулярно поставленных сланцев и песчаников, которые, распадаясь на тончайшие пластинки, превратили ее, выражаясь фигурально, в скребницу гигантских размеров. Наконец, в довершение этого описания, мне остается сказать несколько слов о растительности, покрывавшей эту местность в пределах моего кругозора. Прежде всего, конечно, бросались в глаза желтые полосы, сопровождавшие русло меридионального протока; это были заросли чия, камыша и каких-то кустарников, несколько редевшие по мере приближения к прорыву в южных горах. Зато там виднелись два совершенно самостоятельных желтых пятна, из коих одно, ближе к протоку, носило название Тешек-булак (копанный ключ), другое же было без имени. У подошвы красной гряды также имелся оазис, хотя пока и скрытый от нас в складках этой последней — Улан-таманта, заросший шиповником и различными злаками. Но и помимо названных урочищ, где, так сказать, концентрировалась растительность, последняя виднелась всюду в северных горах, редкими насаждениями одевая их склоны и спускаясь даже в долины.

Пройдя меридиональное русло, мы некоторое время шли вдоль красной гряды, затем пересекли ее по седловине и взобрались на вышеописанную долину, составляющую южное подгорье, точнее, террасовидный уступ Безымянного кряжа. Параллельные оси хребта, отвесные слои песчаников и кремнистых сланцев обнажались здесь в виде щетки и трещали и ломались под ногами у лошадей; вообще же поверхность этой долины, довольно однообразная по составу выступающих здесь пород, отличалась чрезвычайной пестротой окраски, которая стушевывалась только там, где гуще разрастался травянистый покров. К сожалению, ни одно из этих растений не годилось в гербарий и теперь названо быть не может. Сбегающие с хребта временные потоки не успели образовать здесь значительных промоин; в большинстве случаев нам встречались только ничтожные канавки, имевшие до 60 см ширины и не более 30 см глубины; подобный факт не покажется странным, если мы примем в соображение, что воде приходилось здесь иметь дело с твердой породой (кремень), залегающей к тому же пластами, спайность коих перпендикулярна ее течению.

По мере движения нашего на восток долина все более и более подымалась, благодаря чему и подъем на перевал через Безымянный хребет оказался мало заметным. Впрочем, мы перешли его по глубокой седловине, обставленной живописно торчащими скалами. С перевала мы увидали впереди обширный оазис, носивший название Крук-торак, или, по монгольски, Хюра-таурум, что, как нам говорили, означает в переводе «сухое место» (3 875 футов, или 1 181 м). К нему вело сухое песчаное русло, обросшее лозой (?) и гребенщиком, громадные, до 30 см в диаметре, отмершие корни которого, полузамытые в песок, торчали то там, то сям в этом русле. Мы выбрали для бивуака прекрасное местечко среди густейших кустарных зарослей и близ ручья, протекавшего тут обильной струей пресной воды.

Не доходя до красной гряды, в продольной долине, мы кое-где видели следы верблюдов; поэтому тогда же решено было со станции Крук-торак вернуться назад и попытать еще раз счастья в поисках верблюдов.

Рахмет с сыном остались при лошадях, а я с Комаровым и Ташбалтой, встав в 2 часа ночи, отправились на экскурсию. Луна ярко освещала наш путь, но в то же время и придавала фантастический характер знакомой нам местности. При резких переходах от света к тени каждый утес принимал самые дикие очертания, каждая впадина казалась бездонной пропастью. Но привычка к ночным передвижениям помогла нам счастливо добраться до спуска в долину с красной гряды, а там стало светать, и мы уже без труда разыскали урочище Улан-таманта, скрытое между холмами.

В этом урочище остался Ташбалта с лошадьми. Я же с Комаровым направились поперек долины, к прорыву в южном хребте (Курук-таге). Вскоре мы в свою очередь разделились: Комаров направился к безымянному урочищу, замеченному нами у подошвы Курук-тага, я же взял левее, на урочище Тешек-булак. Пройдя глинистую площадку, примыкавшую к красной гряде, я достиг сая, который и повел меня далее к желтому пятну, видневшемуся, пожалуй, еще километрах в семи-восьми от меня. Подойдя к одинокой скале, торчавшей среди русла временного протока, я стал ясно различать впереди, в чиевых зарослях, какое-то подозрительное движение. Я тотчас же принял все необходимые предосторожности и осторожно полез на утес. Под его прикрытием я почувствовал себя свободнее, а потому, не торопясь, в бинокль осмотрел предстоящую арену охоты во всех ее мельчайших подробностях. Ничего, достойного описания, я там не заметил. Урочище имело бугристый характер, окружено было солонцом и поросло чием, среди которого виднелся какой-то кустарник, как оказалось потом — гребенщик. В этих порослях разгуливали джейраны. Это не означало еще, что там не могло быть и верблюдов. Они, может быть, утешал я себя, лежат где-нибудь среди бугров и, пожалуй, отсюда кажутся такими же буграми... Поэтому я не уменьшал осторожности и, где пригнувшись к земле, где чуть не ползком, прошел расстояние, отделявшее меня от пригорка, возвышавшегося на самом краю Тешек-булакского оазиса. С него я еще раз осмотрел местность и на этот уже раз окончательно убедился, что в урочище верблюдов не было; на моих глазах паслись только три джейрана, стрелять по которым я и не подумал из боязни напугать верблюдов, которые каждую минуту могли еще явиться сюда. Но, увы, они не явились...

Было уже два часа пополудни, когда я решил покинуть свою обсерваторию. Джейраны были еще тут, в нескольких шагах от меня... Я успел дать по ним три выстрела. Двух убил наповал, третий ушел раненый и, конечно, стал вскоре добычей лисиц, которые, в числе двух, неизвестно откуда здесь взявшись, распустив свои хвосты, тотчас же помчались за ним.

На выстрелы явился ко мне Комаров, и мы уже вдвоем, сняв предварительно шкурки и нагрузившись мясом, побрели обратно в урочище Улан-таманта.

Наступили сумерки, когда мы прибыли к помянутому ключу, а через час мы уже садились на лошадей, чтобы к ночи добраться до бивуака.

Дувший в течение дня южный ветер почти что стих совершенно. Солнце закатилось, и наступившая ночь непроницаемой мглою окутала все окрестности. С грехом пополам мы выбрались к перевалу и рассчитывали уже, что вот-вот увидим впереди приветливый огонек, предусмотрительно разложенный Рахметом, как вдруг оказалось, что мы на ложной дороге: скалы сменялись одна другой, и мы мало-помалу втягивались в незнакомое нам ущелье... Но Ташбалта упорно стоял на своем. «Сейчас, хозя'н, приедем», — утешал он нас то и дело. Действительно, ущелье оказалось сквозным; мы выбрались на северную сторону гор и поехали саем, обросшим с краев каким-то кустарником... Но тут уже и Ташбалта понял, что мы заблудились...

— Хозя'н, надо взять немного правее...

Поехали вправо и сразу же очутились среди какого-то лабиринта скал, из которого, казалось, не было выхода. В надежде, что нас могут услышать на бивуаке, мы стали давать сигнальные выстрелы, но, увы, ответа на них не последовало. Тогда мы повернули назад, но вновь добраться хотя бы до сая, уже не могли. Было ясно, что с каждым нашим шагом вперед мы все далее и далее забираемся в горные дебри.

— Постойте, так итти дальше нельзя! Надо выждать восхода луны, а пока постараемся хотя бы выйти обратно в долину к Улан-таманта...

И я, справившись с небом, повел своих спутников на юг, поперек гор. Но это было трудное восхождение и еще более трудный спуск: высокие крутые скалы сменялись глубокими рытвинами, пока, наконец, мы не заметили впереди желтой полоски... Это и была желанная долина. Но в какой стороне приходилось искать теперь перевал: на западе или востоке? Строить какие-либо предположения было излишне, а потому мы и решились ожидать здесь рассвета...

Когда же солнце взошло, то оказалось, что мы блуждали вокруг да около перевала и провели ночь в каких-нибудь двух-трех километрах к востоку от него...

Вверх по долине, южнее Безымянного хребта, имелась прямая дорога на Палуан-булак, находящийся отсюда всего в двух переходах к востоку. Еще ночью, раздумывая о дальнейшем пути, я решился воспользоваться ею для того, чтобы в Дга выйти по

ассашарскому руслу и тем в значительной степени пополнить собранные мною данные о Чольтагском нагорье; но когда я сообщил этот план Рахмету, то встретил с его стороны самый резкий протест.

— Помилуйте,—говорил он,—мы рассчитали наши припасы на десять, много если на двенадцать дней, а, между тем, сегодня пошел уже восемнадцатый, как мы покинули Дга. Лошади изморены, все наши запасы прикончились: мы уже остались без соли, а хлеба у нас не более как на один переход... Всего не осмотришь и не изъездишь... Тут в стороне ведь еще осталось много ключей, на которых мы могли бы столкнуться с дикими верблюдами... Ехать же на Палуан-булак значит дать крюку дней, может быть, на пять.

Возразить на это было нечего, и я, скрепя сердце и досадуя на необходимость беречь деньги даже в тех случаях, когда их беречь вовсе не следовало, отдал приказ готовиться к выступлению на Ильтырган. Впрочем, мы успели здесь еще славно поохотиться, причем Ташбалте и Комарову удалось убить пять джейранов.

Когда я проснулся, Венера, предвестница близкой зари, уже ярко горела на небосклоне, по которому плавно неслись редкие облака. В воздухе было необыкновенно тепло...

— Эй, Ташбалта, Рахмет-ула, турынгыз! Челпан чикды! *

Лагерь проснулся, и, так как сборы наши были несложны, то уже в исходе второго часа ночи мы были готовы. Еще с вечера мною взяты были необходимые азимуты, а потому теперь до поры до времени я мог ехать покойно, отдаваясь всецело веселой болтовне со своими спутниками, у которых все еще не выходила из головы удача вчерашней охоты.

Выбравшись из сая, мы ехали по равнине, усыпанной мелкой галькой; по сторонам от дороги виднелись изредка невысокие вершины пологих холмов, да под ногами у лошадей шуршали кустики шуры и кам-кака. На шестом километре мы достигли гряды, на которую взято было направление. Пройдя ее, мы вышли в обширную котловину, имевшую крестообразную форму. Окружающие ее горы в общем были невысоки, хотя много выше на западе, чем на востоке; и только на севере возвышался довольно значительный кряж, который мы перешли по глубокой седловине. Повидимому, он составлял непосредственное продолжение хребта, возвышавшегося на юг от Урус-киик-урды-булака.

Крестообразная котловина имела твердый грунт и представляла плоскость, усыпанную галькой и кое-где поросшую хвойником и гребенщиком; в западном ее углу имелся небольшой ключик, название которого не было известно Рахмету.

Солнце взошло, когда мы переваливали через северный кряж, гребень которого отстоял в 17 км от урочища Крук-торак. Здесь

---

* Вставайте! Венера взошла!

перед нами вновь развернулась широкая (до 5 км шириною) долина, на западе и востоке терявшаяся вдали, на севере же ограниченная хотя и невысоким, но скалистым хребтом, который мы также перевалили по глубокой в нем седловине. Хребет этот был продолжением Тюге-тау, встреченные же нами по северную его сторону пески — теми песками, которые я видел с нагорья, обрывающегося в ущелье восточного Торак-булака. Они были закреплены гребенщиком, каким-то злаком («кемпер-чаш» — старушечий волос), кажется, Eurotia ceratoides, лукаком и другими солянками и оказались наметенными на скалистые холмики, местами еще торчавшие из под них. В 10 км от Тюге-тау песок этот становился более подвижным; он скоплялся здесь в значительных массах и местами почти засыпал невысокий кряжик северо-западного простирания, служащий северной границей их распространения.

С переходом на северную сторону гор Тюге-тау природа страны изменилась довольно резко. Растительность попадалась все реже и реже, скалы все чаще и чаще стали сменяться пологими, сильно разрушенными с поверхности грядами и холмами, и вся местность получила особый, какой-то мертвенный, отпечаток.

Спустившись с помянутого хребтика в водосток, кое-где поросший редкими кустиками солянок и носивший ясные следы протекающей в нем временами воды, мы очутились как бы в бесконечном коридоре, стены которого, образованные коренной породой, скрывали от нас особенности рельефа окрестной страны. Коридором этим мы шли вплоть до сумерек. Было невыносимо тоскливо на душе. Мы устали и очень проголодались. Считая уже не часы, а минуты, мы то и дело подгоняли своих лошадей в надежде вот-вот увидать столь желанный конец до-нельзя раздражавшего нас своей монотонностью водостока... И вдруг страшный удар грома потряс всю окрестность... Грохот слышался потом еще секунд тридцать и шел с северо-востока. Я взглянул на небо: оно было ясно, и в этой части горизонта не пробегало ни одного облачка... Я догадался, в чем дело. Это был финал многовекового акта, в котором ареной действия была какая-нибудь скалистая громада, а деятелями — атмосферные влияния, медленно, но неустанно работавшие, чтобы в конце концов сокрушить эту громаду. И вот они достигли теперь своей цели. Но, вероятно, это далеко было от нас. Сотрясения почвы мы не почувствовали, да к тому же на северо-востоке, в пределах нашего кругозора, мы не видали скалистых высот.

Из коридора в Ильтырганскую долину мы выбрались после солнечного заката; когда же, километра четыре дальше, я подходил к колодцам, часы показывали 5 часов. Таким образом, в пути мы были 14 часов, в течение коих было пройдено почти 64 км.

Напоив в последний раз своих лошадей, мы выступили из Ильтыргана в 3 часа пополуночи. Было холодно, хотя северо-восточный ветер, дувший в течение предшедшего дня, и стих к этому времени. Во втором часу дня мы прибыли в урочище Шальдран, сделав в течение 10 часов около 44 км, и, отдохнув здесь около часа, прошли и остальные 10 км, остававшиеся нам до урочища Катар-холгун. Здесь отдыхали (выражение «ночевали» было бы неподходящим) и уже в час ночи выступили в дальнейший путь. Ощупью взобрались на Чольтагский перевал, но отсюда, вместо того чтобы спускаться ущельем Ильтырган-аузе, пошли плоскогорьем, забирая все далее и далее влево. Впереди ехал Рахмет, а потому сначала я не обратил на это особого внимания, но, проехав так около часа, решил, наконец, вызвать его на объяснение.

«Рахмет, а Рахмет!» — окликнул я нашего вожака. Но он не откликнулся. Старик спал, как могут спать только одни жители степей, где нет других способов сообщения, как только верхом, — сидя в седле и держа голову совершенно прямо. Этим все объяснилось.

Без дальнейших приключений мы добрались до ассашарского русла, а там, наконец, завидели и деревья, указывавшие нам издали на местоположение Дга. Был второй час дня (расстояние от Катар-холгуна до Дга вычислено было мною в 69 км). Солнце ярко блистало на небе и приветливо освещало показавшиеся впереди постройки селения; на душе было не менее светло и как-то особенно радостно от сознания выполненной мною с успехом задачи. В самом деле, обширная территория между Турфаном и Лобом не представляла уже теперь terra incognita, нет, с этого любопытного уголка Центральной Азии спала скрывавшая ее дотоле завеса, и он предстал перед нами совсем не таким, каким рисовала его нам наша фантазия под влиянием дотоле прочитанного. Загадочная «Ташунская гоби» или «Илхума», как безбрежная равнина, частью каменистая, частью песчаная, перестала существовать, и на ее месте выросло нагорье — западный участок обширной горной страны, названной братом, в его письме из Су-чжоу, Бэй-шанем. Этот Бэй-шань, в его полном объеме, составляет всецело наше открытие, и ниже его описанию отведено будет соответственное место; теперь же я брошу ретроспективный взгляд на исследованный мною участок этой горной страны.

Конечный пункт моего исследования на юг, считая по меридиану, должен отстоять, вероятно, на величину большую 196 км; думаю так потому, что я принимал среднюю скорость движения, за вычетом остановок, равной $4^1/_2$ км; между тем эта величина, равная среднему ходу лошади под вьюком, едва ли в точности соответствовала быстроте нашего хода и, конечно, скорее меньше, чем равна действительной. Округляя вышеприведенную цифру до 200 км и полагая, что предельная полоса, виденная мною на юге, лежит на расстоянии 240 км от Дга, я думаю, что последняя лежит всего только в ста с лишним километрах к северу от Лоб-нора. В самом деле, широта Лоб-нора у селения Абдала определяется Пржевальским в 39°31′12″, а северная граница разлива в 39°57′; широта же селения Ян-булака определена мною в 42°52′36″, а так как селение Дга находится 13 км южнее последнего, то урочище Тешек-булак может лежать только на градус севернее разлива Лоб-нора.

На пути, пройденном мною, высочайшие точки нагорья лежат в хребте Тюге-тау. Горные массы подымаются здесь до относительной высоты, равной, по крайней мере, 1 220 м, и абсолютной — 2 750 м. Правда, это высшие точки нагорья; но не следует забывать, что я имел возможность исследовать только очень узкий район и что существует немало указаний в пользу того, что нагорье это довольно значительно подымается на восток; по крайней мере, все без исключения долины имели на нашем пути падение к западу, да туда же сбегали и сухие русла временно текущих здесь вод. Хребет Тюге-тау служит водоразделом. От него к югу и северу тянутся ряды кряжей, имеющих, как и Тюге-тау, преимущественно западо-северо-западное простирание и разделяющих все нагорье на соответствующее количество продольных и параллельных между собою долин, террасовидно спускающихся в обе стороны, т. е. к Лоб-нору и Люкчунской впадине. Самыми типичными и в то же время обширными из этих долин являются долины Катархолгунская и расположенная между Курук-тагом и Безымянным хребтом. Нередко такие долины пересекаются горными перемычками, в виде преимущественно массовых поднятий дна долин; в таких случаях, к востоку от последних образуются иногда котловинообразные углубления, некогда служившие дном озер, а ныне представляющие из себя солончак (например, Ильтырганская долина). Эти же неровности дна долин обусловливают гидрографические особенности Чольтагского нагорья. Большинство главнейших из протекавших здесь в былые времена рек бегут не вдоль долин, а поперек последних, пересекают на своем пути один или несколько кряжей, и уже после того сбегают на запад. В своем месте я упоминал уже о таких водостоках. Это, во-первых, *Тешек-булакский проток*. Нарождаясь на северных склонах Безымянных гор, он рассекает их меридиональным ущельем, пробегает поперек следующую затем продольную долину и, соединившись здесь с руслом, идущим *вдоль этой последней* с востока, пересекает еще один хребет — Курук-таг, после чего и выходит уже в равнину Лоб. Во-вторых, *Торак-булакские протоки*. Нарождаясь на северных склонах хребта Тюге-тау, они не бегут вдоль подошвы последнего, но срываются с террасовидного нагорья и уже отсюда бегут по долине на запад. В-третьих, наконец, *Ильтырганский проток*. Нарождаясь, равным образом, на северных склонах Тюге-тау, он бежит отсюда на северо-запад, вливается в Ильтырганскую котловину, затем прорывает еще один хребет и только тогда уходит на запад.

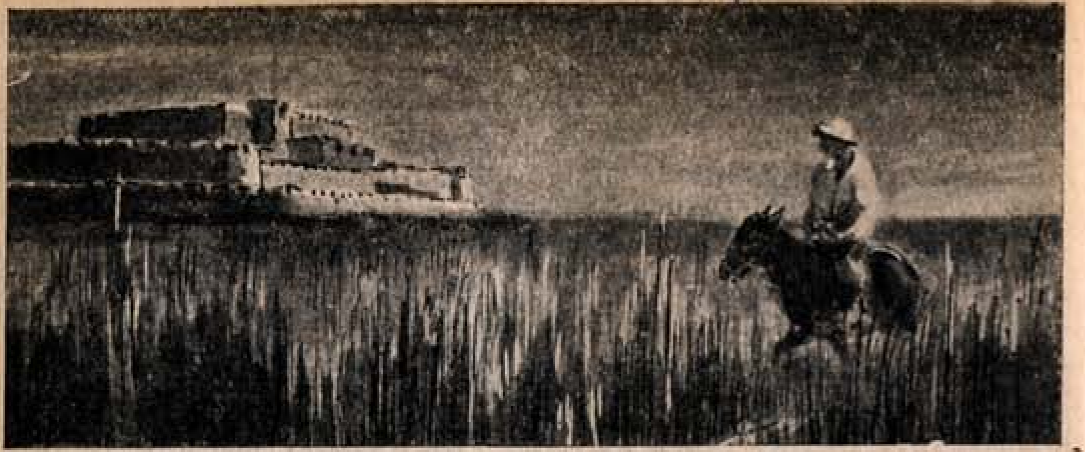
В отношении внешнего характера гор можно вообще заметить, что чем горы выше, тем они более скалисты; относительно же невысокие горы в то же время и самые пологие. Впрочем, среди последних подымаются иногда отдельные утесы, в виде значительной высоты массивов, являющихся в таком случае всегда монолитами. О геогностическом строении Чольтагских гор, конечно, сказать многого я не могу. Одно верно: все привезенные мною образчики горных пород с несомненностью доказывают их давнее происхождение; новейших же образований я вовсе не встретил на своем пути. Впрочем, подробнее вопрос этот разработан будет ниже, здесь же я ограничусь указанием, что так называемых «ханхайских» отложений я в этой части Чольтагского нагорья вовсе не встретил, из чего не может не явствовать, что в третичную эпоху это нагорье на всем своем протяжении должно было представлять материк.

За сим я приступаю к прерванному рассказу.

В Дга мы встретили очень радушный прием. Здесь распространилось, неизвестно откуда почерпнутое, известие о нашей погибели, и теперь дгинцы радовались, видя нас, в особенности же Рахмета, возвратившимися в добром здоровье. Одновременно с нами возвратились в Дга и охотники, уходившие на Палуан-булак. Они убили там верблюда, но, не подозревая, что мне нужна шкура, а не мясо, бросили последнюю у ключа. Вот что они рассказали мне про охоту на дикого верблюда.

Дикий верблюд очень чуток, но главным образом обладает острым зрением. К нему следует подходить только в те промежутки, когда он наклоняет голову к корму, и останавливаться без движения, когда он, пережевывая последний, подымает ее. Раненый верблюд редко уходит; самое же выгодное — попасть ему в ногу: тогда он не трогается с места и только кричит. Нападают на человека одни самки, защищая своих верблюжат. О возможности же приручения этих животных дгинцы сообщить мне ничего не могли, так как на их памяти подобных случаев не было.

В Дга мы ночевали, а 8 ноября, прибыли в Люкчун-кыр.



ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ В ХАМИ

18 ноября — день выступления нашего из Люкчун-кыра. Было пасмурно и холодно, дул слабый северо-восточный ветер. Вьючились при 12° мороза и, как всегда бывает после долгих стоянок, дело это не спорилось. То то, то другое оказывалось неуложенным; арканы, когда-то запрятанные в куржуны, теперь не отыскивались, чимбуров нехватало. А тут еще и люкчунцы со своими приношениями.

«Иоллук * таксыр»...

Приходилось отрываться от дела, вызывать переводчика и благодарить за подносимые на прощанье плоды (гранаты и груши), сдобный хлеб, изюм и сушеные дыни... Приехал прощаться и Сеид-Нияз-дорга... Но, наконец, все было готово, и при шумных пожеланиях провожавшей толпы мы покинули наш бивуак.

Проехав знакомой дорогой среди пустошей и полей с остатками блеклой растительности — Lycium ruthenicum, различных злаков, солянок и лебеды до предместья Люкчуна, мы шли им около 8 км и, миновав последние ряды древесных насаждений, остановились на окрайнем арыке, от которого до Пичана насчитывалось еще 30 км — расстояние, слишком значительное, чтобы успеть пройти его в тот же день. Поэтому туда мы прибыли только 19-го и, подойдя к городу, остановились против его восточных ворот, на току, только что перед тем очищенном от зерна и соломы.

Здесь мы дневали по двум причинам: во-первых, брату нужно было взять широту, во-вторых, нам следовало, перед переходом пустыней в Хами, озаботиться ремонтом и обновлением теплой одежды. Все время нас уверяли, что в Турфанской области морозы нынешнего года явление совсем случайное, что они должны будут не сегодня-завтра ослабнуть, и мы, утешаясь подобной перспективой, очень мало заботились о состоянии наших валеных сапог и полушубков, уже заметно поизносившихся, а кое-где и разошедшихся по швам. Но теперь, с переходом на северную сторону Туз-тау, стало еще холоднее. К тому же северо-восточный ветер крепчал, предвещая еще большее понижение температуры. Откладывать далее ремонт значило рисковать очень многим, и вот мы бросились на пичанский базар закупать войлочные чулки (пайпаки) и тресковые бараньи шкурки для шитья из них рукавиц и наложения заплат на худые места полушубков. Наш лагерь оживился. Нашлись тотчас же закройщики, другие взялись за иглу. Только Колотовкин не принял участия в обуявшей всех лихорадочной деятельности: охотничья страсть превозмогла в нем заботу о будущем, и он, захватив дробовик, направился в соседние сады, где убил Cerchneis tinnunculus, Parus syanus var. tianschanicus, Merula maxima и M. atrogularis; кроме того, он подшиб аляпку (Cinclus leucogaster), но она забилась под крутой берег арыка и таким образом ускользнула из его рук.

22 ноября мы сняли свой бивуак под Пичаном. Перейдя по мосту речку и миновав довольно значительную дунганскую слободу, мы еще километров шесть шли пашнями и садами. Затем вступили в каменистую степь-харюзу, имеющую здесь волнистый характер; справа даже высились какие-то скалы, слагавшиеся в невысокие гривы, слева же подымался совершенно плоский увал, с точно обрубленными краями; за ним, в отдалении, высокой стеной подымался Тянь-шань, все ущелья которого, бесплодные и белоснежные, виднелись отсюда, как на ладони. Десять километров мы шли этой пустыней, сделав пересечение нескольких старых и, вероятно, некогда часто менявшихся плёсов какой-то реки (Керичина?). Наконец, перевалив через невысокую грядку, сложенную из рыхлых пород, мы вышли к широкому логу, который, начинаясь выше Чиктыма, тянется оттуда сначала на юго-запад, а затем, в месте пересечения его нашей дорогой, круто поворачивает на юго-восток и скрывается среди гор, примыкающих к Кум- и Туз-тау. В верховьях своих, богатых ключами, он порос преимущественно камышом и Typha («куга», близ Чиктымских ключей); ниже же, т. е. уже за Чиктымским укреплением, камыши эти редеют, появляется чий, целая свита солянковых растений — Halostachys caspia Pall., Salsola kali L., S. clerantha C. A. Mej. и др., джантак, тамариск, золотарник и даже разнолистый тополь. Еще ниже, в 14 км от помянутого укрепления, лог разделан под пашни. Здесь, на второй группе ключей, находится небольшое дунганское поселение Экошар, или

---

* Запас на дорогу; от слова «иол» — дорога.

Таса. Миновав его, мы шли еще часа два то логом, то прибрежным краем каменистой пустыни, пока не достигли богатого водою таранчинского поселка Бурё-булак (Волчий ключ), в котором, за поздним временем, и остановились. Поселений с названием Бурё-булак — два: нижнее, расположенное при дороге, и верхнее в 4 км по ключу выше. Оба лежат в балке, составляющей, как кажется, одну из ветвей Чиктым-экошарского лога, среди невысоких холмов, образующих северо-западную окраину того нагорья, которое с востока ограничивает Турфанскую низменность.

Было очень холодно. В 5 часов дня термометр показывал уже 15° мороза, а к 9 часам вечера ртуть упала до —19°! Часом позже она опустилась еще на градус ниже, а к утру мороз достиг наибольшего напряжения, какое нам приходилось испытывать в Турфанской области, а именно —20,5°. Не свыкшись еще с такими холодами, мы мерзли даже под кошмами, а потому, едва забрезжило утро, весь персонал нашей экспедиции был уже у костра, торопя дежурного чаем. До Чиктымского укрепления было близко, всего каких-нибудь 4 км, так что мы прибыли туда спозаранку, кажется, даже в то время, когда еще не открывались ворота импаня. Путь к нему шел через невысокую плоскую горную грядку, сложенную из рыхлых пород.

Мы остановились, не доходя до импаня, на берегу болотины, обильной пресными и настолько теплыми ключами, что в них, несмотря на двадцатиградусные морозы, продолжали еще жить лягушки и водяные клопы (Nepa cinerea). Одновременно мы нашли в них и рыбок — Phoxinus grummi Herz. Большинство этих ключей окружено вязкой почвой, даже зимой не везде проходимой и точно инеем усыпанной кристаллами соли. Эта болотина поросла кугой, а на своих окраинах, представляющих сплошной солонец, — местами камышом, местами же чием, солянками и тамариском.

Водою этих ключей до настоящего времени не пользуются; последние бьют хотя и в головной части Чиктым-экошарского лога, но в естественной впадине, откуда без довольно серьезных канализационных работ вывести их невозможно.

Чиктымское укрепление расположено на бугре, что дало возможность китайцам обнести его тройной защитой. В настоящее время гарнизонную службу в нем несет конная лянза (ма-дуй), не досчитывающая до полного своего комплекта (125 человек) половины людей; и, несмотря на это, последние размещены в нем очень тесно; плохо и лошадям, коновязи которых находятся вне стен укрепления. К нему примыкает несколько частных построек: три таня и несколько лавок, в которых можно достать фураж, муку и кое-какие другие припасы, да и то не всегда: перед выступлением в пустыню нам нужно было запастись несколькими

данями ак-джугары; но этого количества в наличности там не оказалось, и вот мы целые два дня употребили на то, чтобы собрать по соседним хуторам требовавшееся нам количество фуража!

Мы покинули Чиктым 26 ноября. Первый переход до постоялого двора Кырк-ортун (абс. выс. 1 893 фута, или 577 м) был короток, всего 40 иолов, а по нашему расчету несколько более 13 км. К тому же сперва мы шли логом, среди густых камышей, и только вторую половину пути сделали по монотонной и почти совсем бесплодной местности — по каменистой пустыне, составляющей преобладающий ландшафт на всем пути до первых поселений Хамийского округа.

В Кырк-ортуне, расположенном близ небогатого водою ключа, сходятся два пути из Хами: колесный — кружный и вьючный — прямой. Последним ездят иногда и телеги, но случаи эти редки. О нем еще в Люкчун-кыре рассказывали мне следующее.

«В то время, когда в Кырк-ортуне только едва ощущается слабый ветер с востока, там, в ущельях, которыми бежит эта дорога, свирепствует уже настоящая буря. И никто не в силах удержаться тогда на ногах, даже арбы опрокидывает и уносит на десятки шагов! Главная опасность этого пути заключается, однако, не в этом: уложил ишаков и верблюдов, укрылся как-нибудь сам среди багажа, а стихла погода — опять продолжай себе путь! Она грозит сверху, со стороны гор, с которых ветер срывает и несет щебень иногда в таких массах, что кажется, точно идет каменный дождь! Тогда шум и грохот заглушают рев верблюдов и крик человека и наводят ужас даже на бывалых людей!»

Хассан-бай, родом кашгарец, взятый нами, как помнит читатель, из Урумчи, ходил однажды этим путем, и вот что рассказал он нам по этому поводу:

«Я шел этой дорогой еще мальчиком, лет пятнадцать назад, а потому названия станций перезабыл; однако помню, что уже в конце первой станции с южной стороны стали показываться горы, а со следующей мы шли уже в узком ущелье. Здесь, несмотря на то, что был конец лета, т. е. самое благоприятное время в году, мы должны были перенести страшную бурю. Мы пролежали целые сутки, а потом вышли к селению Лапчук».

Таким образом, рассказы современников мало чем отличаются от того, что писали про эту дорогу китайцы много столетий назад. Ее в то время называли «долиной бесов» и, как видит читатель, не без оснований к тому.

Первым путем в 1888 г. прошел англичанин Юнгхёзбэнд; второй был совсем не исследован и представлял несомненный интерес в том отношении, что, судя по описанию, пролегал по теснине, подобной, например, Каптагайской. Тем не менее нам пришлось отказаться от первоначального намерения итти этой дорогой. Помимо вышеприведенных рассказов, конечно, несколько преувеличивавших неприятности сказанного пути, нас останавливали и другие соображения: отсутствие топлива и корма на станциях, а также недоверие к познаниям Хассана, который, по его собственному признанию, прошел только однажды этой дорогой; других же проводников мы разыскать не могли. Независимо от сего, нам казалось, что наша съемка Нань-лу от Чиктыма до границ Хамийского оазиса, в связи с его описанием, должна будет представить интерес, так как путь между Хами и Пичаном не был нигде описан Юнгхёзбэндом. Все эти обстоятельства побудили нас из Кырк-ортуна свернуть на Янь-чи.

До этой станции туземцы насчитывают 140 иолов — громадное расстояние для вьючного каравана! Треть этого пути решено было пройти до рассвета, с каковою целью мы и выступили со станции Кырк-ортун уже вскоре после полуночи.

Первые 10 км мы шли щебневой пустыней, встретив только однажды развалины какой-то постройки, но затем местность стала принимать все более и более волнистый характер, а когда солнце выкатилось, наконец, на край горизонта, мы увидали, что подходим к горам. Первые увалы, как и всюду в Восточном Тяньшане, сложены были из рыхлых пород (преимущественно из гальки, сцементированной глиной), но уже на 33-м километре мы пересекли гривку, образованную выходом коренной породы, а именно кремнистого сланца; а затем, мало-помалу, мы втянулись и в узкое ущелье, стены которого образованы были теми же сланцами.

В пустыне нам попадались только по росточам редкие кустики ак-отуна (по всей видимости Atraphaxis sp.), в ущелье же, в особенности на северных его склонах, встретились и другие растения — «иермень» (Artemisia sp.), различные плохо сохранившиеся солянки, «адрасман» (Peganum harmala var.) и вдоль дороги редкий камыш. Километра за три до станции мы пересекли солончаковую котловину, поросшую камышом, а там увидали впереди и первые строения — пока только жалкие остатки покинутых зданий, но и на них мы кидали жадные взоры, до крайности утомленные длинным путем. А вот, наконец, и Янь-чи перед нами!

Я оглянулся кругом. Горы, в которые мы сегодня втянулись, захватывали все стороны горизонта и сплошным кольцом оголенных скал окружали солончаковую площадь, с края которой приютилась Янь-чи. Было совершенно ясно. Заходившее солнце еще врывалось по ущельям в долину; но тени росли очень заметно и в совсем неестественных очертаниях налезали на горы противоположного края. Мороз крепчал, ветер с северо-востока усилился. Но теперь это нас уже мало заботило — мы были у пристани.

Живо развьючены лошади, очередной казак кипятит уже чайники, а Иван Комаров, Сарымсак и старик Николай посреди двора бранятся с китайцем-хозяином. Как водится, тот за фураж и постой заломил непомерную цену, на которой настаивать будет упорно и долго, но с которой в конце концов все-таки значительно сбавит... Мы все это наперед уже знаем, а потому если и горячимся чрезмерно, то, я думаю, это происходит оттого только, что другого объекта для вымещения своего раздражения у нас не находится. А мы пришли сюда раздраженными. Бесконечная каменистая пустыня перед глазами, долгий путь, усталость и голод, а главное мороз и ветер, от которого негде укрыться, — все это в совокупности напрягло наши нервы. Лошадям нашим тоже не по себе. Бедные животные сильно подобрались: непомерная усталость видна во всей их фигуре, но, очевидно, их еще хватит на то, чтобы по своему придираться за каждую малость друг к другу — их мало успокаивают даже окрики дежурного казака! И только собаки, растянувшиеся на разбросанных войлоках, ласково виляют хвостом при нашем проходе.

Все мы очень торопимся покончить наши дела, потому что назавтра предстоит столь же большой переход — не успеем заснуть, как придется снова вставать!

— Готов ли обед?

— Какой готов, дрова не горят...

Действительно, сырые прутья караганы только дымят — даже согреться у костра невозможно! Тем не менее огонек всех привлекает к себе, и мы, мало-помалу, образуем вокруг него кольцо. Наша обыкновенная поза — сидеть на корточках с вытянутыми вперед руками: весь перед в тепле, спина же, как часть тела, менее доступная холоду, предоставляется на произвол ветрам и морозу. С наступлением холодов как-то само собой сделалось, что кухня обратилась в наш клуб. Здесь мы толковали о всем виденном и испытанном в течение дня; здесь же отдавались и приказы дежурным.

Сегодня идет беседа о завтрашнем дне. Общее резюме: если буря не стихнет, то лошади едва ли дотянутся до следующего пикета. Между тем лошади теперь единственная наша надежда, а потому и единственная наша забота. Кругом нас на многие десятки километров ширится совсем необитаемая пустыня, и только они одни обеспечивают нам благополучный через нее переход... И вот, к вящему их удовольствию, мы решаемся увеличить им дачу. А они, повидимому, уже поняли смысл нашей беседы и нетерпеливым призывным ржаньем стараются побудить нас к скорейшему приведению в исполнение принятого решения...

Но вот готов, наконец, и обед... Приведены в порядок съемки, с грехом пополам записано все, что нужно, в дневник, наступило и время завода хронометров. А через минуту все уже спит, спеша насладиться пятичасовым отдыхом... И только один из нас — дежурный казак — бродит еще некоторое время среди мирно жующих свой фураж лошадей. А небо, попрежнему, ясно. Луна узким серпом медленно пробежала из края в край по темному своду и только что скрылась. Несмотря на множество звезд, совершенно темно. Горы рисуются теперь какими-то фантастическими громадами, готовыми ежеминутно рухнуть на вас, и от этой их близости на душе становится как-то томительно-жутко... Ветер крепчает и один нарушает тишину ночи, гулко проносясь по ущельям, точно в погоне за кем-то... Мороз градусов пятнадцать, и дышать становится трудно...

После полуночи на дворе все пришло уже в движение. Гулко по мерзлой земле разнесся топот рысью на водопой убегавшего табуна. Следом слышатся какие-то крики и скрип отворяемых настеж ворот... Но вот несут чай, зажигается свечка...

— Ваше благородие, ваше благородие! Чай... вставайте!.. — будит брата Жиляев.

Я давно уж не сплю. Я ужасно прозяб, и все мои попытки согреться не повели ни к чему. А все же жаль вылезать из-под одеяла для того, чтобы приниматься за чай. Но он выпит, и мы выходим на двор.

— Вьючить, ребята!

— Да мы и так уже вьючим! — доносится издали.

Совершенно темно. Глаз должен привыкнуть для того, чтобы различать темные силуэты.

— Кто здесь?! Держите, что ли, савраску... А на соловка что сегодня вьючить-то будем? Отпусти аркан-то! Ну, тяни... у прокл...

Конец фразы не слышен. Вдруг налетевший порыв поднял тучу песку, с силой ударил им по лицу говорившего и понесся дальше...

Работали дружно. Через час-полтора тридцать вьючных животных уже были готовы, и первый их эшелон потянулся к воротам.

Янь-чи одна из самых больших станций на большой Хамитурфанской дороге. Двор ее обширен и со всех сторон обставлен кельями для проезжих. Как и всюду в Китае, обстановка этих келий вполне рассчитана на неприхотливость проезжего люда. Глинобитные стены, такой же канжин, прорез для двери, иногда для окна, в которые свободно врывается ветер — вот общий вид той грустной обители, которая имеет претензию называться танем и служит приютом для человека. Янь-чи, впрочем, опрятнее других подобных же станций и представляет ту особенность, что имеет, по азиатским понятиям, вполне приличное помещение для именитых гостей. Это совершенно отдельное здание, расположенное в глубине двора, против ворот. Оно состоит из трех высоких и больших комнат, с дверьми и окнами, забранными деревянным переплетом и оклеенными бумагой. Снаружи к нему пристроено нечто вроде крытой террасы, с которой уже две ступени и выводят на двор. Другая особенность Янь-чи — это небольшой караульный дом (пикет), прислоненный с внешней стороны к станционной ограде; в нем содержится шесть человек конных солдат, на обязанности коих лежит развозить казенную почту. Но как ни жалка сама по себе подобная станция, все же она представляет довольно надежную защиту от ветра. За воротами ее мы это тотчас же и испытали.

Это было нечто совсем невообразимое! Вся природа теперь взбунтовалась... И мне как-то невольно представилось, что возмущенный тысячевековой неподвижностью Тянь-шаня, непостоянный Борей вдруг пришел в бессмысленное на него озлобление и силится теперь приподнять и разметать всю эту громаду гор и утесов... Но усилия его тщетны, и вместо скал и каменных глыб ветер гонит только тучи песку и мелких камней и с ревом и грохотом проносит их вниз по ущельям...

Мы очень мерзли. Итти — задыхаешься, верхом — коченеешь. А впереди около 40 км пути, которые все укладываются в бесконечных зигзагах горной дороги. К нашему счастью, подъемы были пологи, а местность живописна повсюду — обстоятельство крайне важное для поддержания в человеке бодрости духа. Действительно, несмотря на невзгоды пути, как-то невольно любуешься всей этой дикой картиной, в которой и передний план и фон сложены из одного материала — почти зеленого или зеленовато-черного камня (эпидозит и хлоритовый диабаз), отовсюду выступающего на поверхность земли и в самых иногда причудливых формах. Да, куда ни взгляни — один только камень, да над головой всегда почти чистая лазурь небосклона, по которой совсем одиноко быстро проносится белое облачко. Ни воды, ни сколько-нибудь заметной растительности в горах... Настоящая пустыня кругом!

За Янь-чи потянулся солончак, поросший камышом (может быть, дно здесь еще в историческое время существовавшего озера); но он скоро был пройден; котловина вытянулась в долину, которая, постепенно поднимаясь, и вывела нас, наконец, к перевалу через невысокий кряж, сложенный из хлоритового диабаза и имеющий северо-западное простирание. Спуск с него был столь же полог, но более извилист и к тому же шел руслом временного потока, усыпанным крупными голышами. Горы здесь сблизились и образовали вскоре ущелье, только кое-где поросшее редкими кустиками Atraphaxis и караганы. В этом ущелье мы на 18 км натолкнулись на полустанок Курам-таш, состоящий из двух крошечных сарайчиков с лежанками для людей и небольшого навеса с яслями для животных. За ним горы раздвинулись, и вскоре мы вышли на обширную котловину, обставленную повсюду горами и поросшую самой разнообразной растительностью пустыни.

Вот уже несколько часов мы в дороге. Солнце встало и успело пройти более четверти небосклона. В башлыке стало душно, но теперь уже нет возможности отделаться от него. Иней и лед, сковав мне рот, вплотную притянули к сукну бороду и усы — обстоятельство, при каждом движении головы вызывающее чесотку и нестерпимую острую боль. К тому же оставаться без башлыка было немыслимо, так как если с одной стороны лица солнце и грело, то с другой его стороны термометр все еще показывал градусов 16 мороза. Вообще мы все должны были выглядеть странно, служа вешалкой овчинам и войлокам, но, кажется, я никогда не забуду комичной фигуры нашего понтера, закутанного башлыком и одетого в шубу, из которой выступали только его маленькие черные лапки: он был настолько потешен в своем оригинальном костюме, что невольно вызывал улыбку даже на суровом лице переводчика Николая. И тем не менее бедный пес поплатился сегодня: он отморозил себе левое ухо.

С наступлением дня ветер не стих и крайне затруднял наше движение. И, однако, мы шли сегодня как-то особенно скоро и и уже вскоре после полудня увидали невдалеке от себя стены пикета Отун-го-цзы. Хотя очень промерзшие и уставшие, мы не могли не вздохнуть с облегчением — два трудных перехода остались у нас позади!

Едва мы развьючились, как ушедший было за водой Колотовкин бегом вернулся назад.

— Ты чего?

— У ключа, тут, сейчас за воротами, джейраны табуном ходят...

Все казаки бросились было за ними, но тотчас же и вернулись.

— Убегли!..

Этот эпизод был единственным в этот день. Мы рано управились и рано улеглись спать, так как и на завтра нам предстоял большой переход.

Ночью в воздухе наступило затишье, но зато к утру термометр показывал уже 25° мороза. Перед восходом солнца, при слабом северном ветре, стало еще холоднее, но уже в это время мы были в движении и наблюдений не производилось.

К рассвету мы прибыли к полустанку Ци-гэ-цзин-цза, месту схода колесных дорог в Гучэн и Турфан и вьючного пути в Баркюль, и отсюда продолжали итти все тою же котловиной Отун-го-цзы, поросшей когда-то туграковым (Populus diversifolia) лесом, а ныне представляющей обширное порубище, на котором изредка попадались отдельные экземпляры этого тополя, чахлые и дуплистые; зато тем пышнее разрослись здесь обычные представители флоры пустынь: гребенщик, Lycium, Halimodendron argenteum, Caragana pygmaea var. arenaria, Tragopyrum sp.?, джантарк, камыш и реже попадавшиеся солянки, а затем какие-то Statice, Anabasis и другие, еще менее в эту пору определимые растения.

На 21-м километре от станции Отун-го-цзы солонцевато-глинистая почва котловины сменилась толщами галечника, представлявшими заметный подъем к востоку. Несколько километров такого подъема вывело нас на террасовидно-поднимающееся плато, изрезанное балками, направляющимися в сторону ущелья, которое прорывает южную горную ограду котловины. Очевидно, что если на котловину Отун-го-цзы смотреть как на дно озера, высохшего в недавнюю геологическую эпоху, то помянутое плато следует рассматривать не иначе, как берегом этого озера, сперва крутыми скачками, а затем довольно постепенно от него отступавшим.

Плато это совсем бесплодно. Я не заметил на нем остатков даже таких непритязательных растений, как некоторые Statice, терескен (Eurotia ceratoides), солянка кам-как (Horaninovia ulicina) и Atraphaxis. На востоке оно упирается в крупный отрог Тянь-шаня, имеющий западо-юго-западное простирание и по своему геогностическому составу представляющий выдающийся интерес. Мы шли сперва бесплодным ущельем, среди зеленых плотных мелкозернистых песчаников, а затем, продолжая все подыматься, очутились среди стен, сложенных из красных конгломератов (пудингов), имеющих издали сходство с гранитами и местами дающих выцветы цвета сурика. Среди этих конгломератов, образующих гребень гряды, и расположена станция Чоглучай. Здесь абсолютная высота достигает уже 4 600 футов, или 1 401 м (относительная же против высшей точки котловины — 1 500 футов, или 457 м), но дальше местность не понижается, и сквозное ущелье Чоглу-чайской гряды выводит на плоскогорье, всхолмленное выходами мелафировых порфиритов и кварцевых и фельзитовых порфиров, подстилающих цветные песчаники, которые образуют здесь гривы того же юго-восточного простирания, примыкающие к осевому гранитному массиву Тянь-шаня. Вся местность, находящаяся на восток от Чоглу-чайской гряды, изобилует гранитным щебнем, что, на первых порах, заставило меня подозревать существование здесь гранитных обнажений; на поверку оказалось, однако, что щебень этот вынесен из ущелий Тянь-шаня.

Кроме казенного, в Чоглу-чае имеется и частный тань; но оба так скверны, как только могут быть скверны тани в Китае. Мы еле-еле разместились в одном из них, причем нам самим пришлось устроиться на ночлег в какой-то полутемной норе, сложенной из обломков чоглучайского конгломерата, едва смазанных розоватой замазкой.

Когда мы уже засыпали, послышался шум на дворе. Оказалось, что хозяин таня впустил во двор три китайских фургона, владельцы коих не знали теперь, где их уставить и куда пристроить своих лошадей. Протестовать было излишне, так как съезд был велик и оба таня были уже переполнены проезжающими. К тому же в нашем было еще сравнительно более простора, чем в соседнем, казенном.

В 12 часов ночи мы были уже снова все на ногах. На сегодня нам предстоял переход, который определяли в 140—180 ли, т. е. приблизительно в 64 км. Но зато это был последний переход по пустыне, так как с приходом в Ляо-дунь, как нам говорили, мы вступали уже в пределы культурных земель, и эта мысль в значительной степени поддерживала в нас энергию, подвергавшуюся в течение последнего времени не раз тяжкому испытанию. Разве, например, можно назвать отдыхом трехчасовой сон на морозе градусов в двадцать, когда, для того, чтобы хоть сколько-нибудь обогреться, приходилось поверх полушубка и одеял накрываться тяжелым войлоком и сверх того ноги, обутые в валенки и пайпаки, окутывать еще особо ковром! Лежишь, бывало, так и не смеешь пошевелиться, ибо при этом неуклюжая и на морозе оледенелая войлочная попона неминуемо должна будет свалиться куда-нибудь на сторону, и тогда прощай снова тепло! Неловко, тяжело, душно под войлоком, пропитанным лошадиным потом и грязью, члены немеют... Но мы так уставали, что и такой сон уже считали блаженством!

Из Чоглу-чая мы выступили, когда было еще совершенно темно. Мы едва различали дорогу и соседние скалы, которые мрачными силуэтами рисовались на почти черном фоне звездного неба. Но вот мы окончательно вышли из гор, и перед нами открылась слегка волнистая каменистая пустыня, границы которой терялись в темноте ночи. Здесь стало светлее, но в то же время и значительно холоднее. Дул слабый северный ветер.

Мы шли молча, внимательно присматриваясь к дороге, чтобы не сбиться с пути. Вдруг впереди блеснул и замигал огонек, который то разгорался в громадное пламя, то снова еле-еле мерцал. Должно быть, проезжие, подумалось нам, и мы направились к огоньку, перед которым вскоре заметили скорченную и как будто даже знакомую человеческую фигуру.

— Да ведь это, господа, Николай! Николай, что ты тут делаешь?..

— Смерз... не могу...

— А бараны где? (Николай ушел часом раньше, погнав вперед наших баранов.)

— А тут...

Но «тут» их не оказывалось. Мы нагнали их уже в двух километрах отсюда: стадо шло большой дорогой, предводительствуемое джаркентцем, побывавшим с нами за Хуан-хэ и совершившим вслед за тем весь обратный наш путь, когда мы шли ускоренным маршем, делая без дневок переход в 530—740 км. Он заслуживает того, чтобы посвятить ему несколько строк. Это был удивительный баран, отличавшийся выносливостью и умом. Когда вьючился караван, он вставал и уводил за собой стадо на дорогу, по которой и шел всегда впереди со скоростью лошадиного хода. Он знал нас в лицо, узнавал по голосу и, подбежав к верховому, в ожидании подачки, подымался на задние ноги. Он был нашим общим любимцем и сослужил нам неоценимую службу, в особенности в тангутских горах, где бараны отличались особенной дикостью.

После этого эпизода мы еще довольно долго шли в темноте. Мы спустились в глубокий яр, а затем некоторое время огибали отдельные холмы и невысокие гряды, сложенные из пестрых песчаников. Когда рассвело, мы были уже на высшей точке, до которой подымается здесь дорога, откуда и увидали полустанок И-вань-цюань-цзы. Таким образом за ночь мы успели пройти 60 ли.

Окрестности И-вань-цюань-цзы представляют пустыню, всхолмленную выходами фельзитового порфира и усыпанную галькой и крупными голышами. Наносы эти не отличаются, однако, значительной мощностью, так как на дне даже неглубоких ложбин и росточей, то и дело пересекающих здесь дорогу, местами уже выступает коренная порода, а именно — помянутые выше фельзитовые порфиры. Как и всюду на южных склонах Тянь-шаня, растительность здесь убогая: бросается в глаза только Nitraria Schoberi.

У станции И-вань-цюань-цзы, где местность достигает абсолютной высоты, равной примерно 4 900 футам (1 490 м), мы подошли всего ближе к Тянь-шаню; затем круто отклонились на юг и, имея и вправо и влево от себя скалистые горы, 12 км шли дорогой, усыпанной крупной галькой. Здесь дорога оставила горы, лежавшие от нас вправо, и, повернув на восток пошла по местности, в которой галька чередовалась с глинистыми пространствами, изрезанными глубокими оврагами, поросшими гребенщиком, караганой, шиповником (Rosa elasmacantha Trautv.), джантаком, в особенности же камышом, достигавшим местами значительной высоты. Здесь нам попалась Podoces hendersoni и ушла раненной одиноко бродившая антилопа кара-куйрюк.

Описанной местностью мы прошли еще 14 км. Глина успела уже окончательно вытеснить гальку и одна слагала плоские увалы, разделявшие здесь лога. С одного из них мы, наконец, увидали Ляо-дунь. Еще 2—3 км — и путь был окончен, пустыня осталась у нас позади, и мы могли поздравить себя с благополучным окончанием тяжелого перехода.

Ляо-дунь — местечко, состоящее из импаня и прилегающей к нему китайской слободки, — составляет крайний западный пункт Хамийского приставства. С солдатами в нем едва ли наберется и 50 душ, существующих по милости и ради проходящего через него тракта. Впрочем, земледелие во сколько-нибудь значительных размерах в его окрестностях не могло бы развиться за отсутствием здесь достаточного количества пригодной земли. К тому же, как кажется, и ляодуньские ключи не особенно обильны водой.

Необходимость дать отдых животным побудила нас в Ляо-дуне дневать. К тому же, у нас накопилось много спешной работы: съемку, дневники и коллекции следовало привести в должный порядок, расковавшихся лошадей подковать, кое-какую сбрую исправить; а затем мы хотели пополнить наши коллекции охотой в окрестных балках, в которых надеялись встретить немало зимующей птицы. Но надежды наши не оправдались: кроме нескольких экземпляров Podoces hendersoni мы здесь ничего не нашли.

В ночь на 3 декабря мы, наконец, покинули убогое помещение наше в Ляо-дуне и, миновав замерзший небольшой пруд, тут же, непосредственно за последними постройками слободы, вступили в каменистую пустыню, представлявшую местами обширные россыпи крупной гальки и валунов. Дорога была отвратительной. Голыши, среди которых проложена была колея, смерзлись с подстилавшей их глиной и образовали подобие каменного кочкарника, заставлявшего на каждом шагу спотыкаться то нас, то животных. Особенно плохо приходилось здесь верблюду, который пошел очень медленно и вскоре отстал значительно от каравана. Пустыня эта оказалась не столь бесплодной, как участки ее к западу от Ляо-дуня: гребенщик рос здесь повсюду, мелькали кусты пустынного шиповника с замечательными по величине белыми плоскими шипами (Rosa elasmacantha), Caragana pygmaea и множество других кустарных и травянистых растений, которые трудно было различить в темноте.

К рассвету общий характер местности не изменился. Мы увидали себя все в той же каменистой пустыне, которая широким поясом охватывает с юга Тянь-шань. Желтая лента дороги то сбегала в ложбины и водостоки, то, извиваясь среди кучами навороченных валунов, уходила вдаль по крупному галечнику, среди которого то там, то сям виднелись жалкие остатки каких-то растений и тощий камыш. Но иногда встречались логи с хорошей растительностью и кое-какими следами культуры; это были или остатки стен и развалины хуторов, или следы давно заброшенных карысей; раза два попадались даже ключи. На одном из них, под высоким пирамидальным тополем, расположен был когда-то китайский пикет; ныне от него сохранились одни только

стены, выбеленные известкой. У другого ключа, под тенью развесистых ив, виднелся одинокий домик и при нем следы небольшого хозяйства; но домик оказался пустым, а единственное живое существо, найденное в окрестностях, был розовый дубонос (Caprodacus rhodochlamys Brdt.), перепархивавший с одного куста разросшегося здесь шиповника на другой. Близ упомянутого пикета дорога разделилась: одна ее ветвь пошла к Турачи, другая — в поселок Джигда. Так как последний расположен был в стороне от большой дороги и к тому же находился ближе к горам, у подошвы которых, в кустарных порослях, мы надеялись найти зимующих птиц, то мы и избрали его для нашей стоянки. В Джигду мы прибыли вскоре после полудня, пройдя от Ляо-дуня почти 40 км, и остановились бивуаком на площади между мечетью и домом местного аксакала, который, как и все остальные джигдинцы, оказался потомком выходцев из Курли.

Из Джигды я совершил поездку на турачинские каменноугольные копи, находящиеся от нее всего в 7 км к юго-западу.

Если ехать большой дорогой из Ляо-дуня в селение Турачи, то приходится огибать заканчивающийся к северу мысом плоский скалистый выступ почти кирпично-красного цвета. Это кварцевый порфир (витрофир), который, повидимому, подстилает группу холмов, сложенных преимущественно из кварцевого песчаника и глинистых сланцев бледных цветов: серого, голубоватого и желтоватого, кое-где с мазками кирпично-красного цвета, происходящими от окраски породы железными окислами. В этих-то холмах и добывается каменный уголь.

Каменный уголь местами обнажается уже на поверхности, местами разрабатывается на глубине нескольких метров, но не шахтами, а снятием настилающих его песчаников. Мощность угольного пласта определить было трудно — нижний горизонт громадной выемки, из которой его здесь добывали, был в мое время уже залит водой; судя, однако, по рассказам местного смотрителя, толщина пласта не превышала двух метров. В настоящее время копь эта брошена, так как в мое отсутствие (т. е. в лето 1890 г.) вода успела уже окончательно залить выемку.

С этой водой хамийский ван боролся давно, но все его попытки выкачать воду не имели успеха. При мне ее выбирали ведрами с помощью большого колеса, приводившегося в движение двумя рабочими; но подобный способ выкачивания даже турачинцами признавался неудовлетворительным.

Турачинские холмы расположены цирками. Самый обширный из таких цирков находится в трех с половиною километрах к западу от вановских копей и носит название «Таш-кесэ», т. е. каменной чаши. Каменноугольные копи Таш-кесэ считаются лучшими и богатейшими в округе и принадлежат китайскому правительству. Оно же эксплоатирует и жерновой камень, ломки которого находятся по соседству, всего в каких-нибудь 5 ли расстояния.

На пути между вановскими копями и селением Джигда я видел один только поселок. Он также носит название Турачи и состоит из нескольких хозяйств, еле перебивающихся на небольшом клочке вановской земли, в уплату за которую турачинцы обязаны работой на каменноугольных копях. К подобной же повинности привлечены и жители селения Джигды.

Из последнего мы выступили в ночь на шестое число. Пройдя чей-то сад, заросший ирисами и тюльпанами (?), мы вышли в довольно густо поросшую каким-то мелким полукустарником каменистую степь, которою и шли 10 км. Здесь галька исчезла, сменившая же ее глинисто-песчаная почва мало-помалу превратилась в то, что принято называть сухим солонцом. Одевавшая его растительность состояла из тростника, джантака, джузгана (Calligonum sp.?), Lycium sp.? (L. turcomanicum?), различных солянок (Salicornia, Salsola) и тому подобных растений, над которыми возвышались кусты шиповника (Rosa elasmacantha), гребенщика и редкие экземпляры пустынного тополя (Populus diversifolia). На 13-м километре от Джигды мы встретили первые следы культуры — одинокий полуразвалившийся хутор, а вслед за тем вступили и в селение Деваджин, оказавшееся также в развалинах и чуть не на две трети пустым. За этим селением мы вышли на большую дорогу, ведущую через Турачи на Ляо-дунь, в том ее месте, где от нее отходят ветви на Кара-тюбе и в «долину бесов». Невдалеке отсюда уже виднелись развалины городка Токучи, у китайцев и дунган — Сань-фу, Сань-пу-ли. От него уцелели одни только стены; что же касается до остальных построек, то со времен Байян-ху они все еще оставались в развалинах. Впрочем, в последнее время здесь уже стали селиться китайцы и дунгане, которые и отстроили заново несколько лавок и таней. К юго-востоку от Токучи местность должна была быть некогда густо населенной; теперь же здесь царило полное запустение. И только уже на окраине обширной долины, вообще довольно богатой проточной водой, мы встретили несколько хуторов, пашни, сады и арык, выведенный из ручья Ябешэ. Дорога покидала тут долину Ябешэ и круто подымалась на местами всхолмленное глинистое плато, полого спускавшееся к востоку. Сверх ожидания мы нашли на нем пашни и проточную родниковую воду. Проехав еще два таких же ключа, мы спустились с плато и снова увидали себя на пыльной дороге, среди рыхлых солончаков (сор), поросших обычной растительностью, преимущественно же тростником. До Астына оставалось всего несколько километров. Мы прибавили ходу и через час уже подходили к этому некогда обширному селению, насчитывающему ныне едва 40 домов.

В Астыне мы дневали в ожидании, пока Сарымсак съездит в Хами и приищет нам там приличное помещение.

Мы остановились в доме местного старшины, который поспешил отвести нам свою лучшую комнату, расположенную в глубине здания и в то же время несколько выше сеней, из которых в нее уже и вела лестница. Такое расположение горниц объясняется тем, что дом этот был выстроен на косогоре, причем одна часть его пришлась выше другой. Внутреннее убранство нашей комнаты, освещавшейся сверху, было обычным: вдоль стен были сложены подушки и одеяла; тут же стояли в ряд кованые макарьевские сундуки и ларцы; по стенам, на деревянных гвоздях, висело носильное платье; в нишах расставлена была посуда и утварь. Пол канжина, занимавшего две трети помещения, устлан был войлоком; остальная треть занята была кухней. Здесь находились: очаг с дымовым ходом, проходящим под канжином, и круглым отверстием наверху, пригнанным по величине казана, горлач с водой, дрова, метла, деревянные миски и блюда, расставленные в нишах, и прочие предметы домашнего хозяйства. Одним словом убранство было шаблонным, да другим, конечно, оно и быть не могло, принимая в соображение казовую, а может быть, и действительную бедность местного населения.

Едва мы устроились, в нашу горницу набилось пропасть народа. Все спешили познакомиться с нами и поздравить с счастливым приездом. Когда же стемнело, к нам явились и дутаристы. Составился хор, и мы закончили этот день обычным в Хами и Турфане порядком — в песнях и плясках. Между прочим нам спели нижеследующую песню:

(Мужской хор)
Как яблочко по воде плывет, с боку на бок поворачиваясь,
Так и любезная моя идет, с боку на бок переваливаясь...
О тоске, что сердце гложет молодца,
Дорогая не догадывается...

(Мужской и женский хор)
Милая, милая!

(Мужской хор)
Один цветок над другим наклоняется,
Его своею росою поит...
А мне, единственному сыну родного отца,
Смотреть издали да тосковать по любезной только приходится.

(Мужской и женский хор)
Милая, милая!

(Мужской хор)
Стану-ж я вино пить,
Во хмелю свое горе топить...

В давние времена после этого куплета действительно выпивалось вино; ныне обычай этот вывелся. Пока же мужчины пили, женский хор продолжал:

Не отпущу от себя молодца!
А и уйдет, его слезами к себе сумею вернуть!

Тут же оба хора сливались и сообща доканчивали песню:

Милая, милая!

Вот из дома богатого молодица идет,
Шубку, парчей крытую, на плечи накинувши...
С глаз своих ее я не выпущу!
Ивовым прутом согнусь да за ней пойду,
Как ивовый прут, до земли пригнусь!
Мне дела нет, что мой дом уже далеко...
Пусть остается он себе далеко,
Лишь бы сердце ее было ближе ко мне!
Меж нами
Заключено теперь условие непреложное,
А если нарушит из нас кто его,
Тот не зовись мусульманином!
Милая, милая!

Мне удалось записать здесь еще нижеследующие две песни:

Если ты разлюбила меня,
То скажи, что служит причиной тому?
Даже огнем не согреть тебе теперь моего сердца —
Вот мое тебе последнее слово!
Был бы ты мне попрежнему люб,
Не убегала бы я на улицу от тебя,
А вдали от глаз посторонних людей,
Как мотылек, увивалась бы вкруг тебя!

Ручки твои не толще золотых китайских вилочек,
А сама ты, как тополь, стройна, моя милая!
Из толпы же других женщин
Ты выделяешься, как полный месяц на небе, моя милая!

8 декабря мы, наконец, прибыли в Хами. Дорога на этом участке не представляет ничего замечательного: солончак, пыль, кое-где в рытвинах снег, два-три почти пересохших ручья, жалкая растительность всюду; слева горы и что-то тусклое, не то туман, не то пыль на всех других краях горизонта *.

Километрах в семи от Астына мы встретили поселок То-пу-ли, тоже, как и все остальные хамийские селения к западу от Комуля, полуразрушенный и пустой. Когда-то здесь была обширная казенная станция и пикет, но до 1890 г. они оставались не восстановленными. Не восстановленными из развалин оставались также и хутора, изредка видневшиеся по обе стороны от дороги. Даже подъезжая к Хами, мы влево увидали обширное поле развалин... Но эти развалины были уже сравнительно более позднего происхождения. Назывались они Лю-цзинь-ю и были остатками временного городка, служившего в семидесятых годах лагерем оккупационному отряду Лю-цзинь-таня.

Немного не доезжая Хами, нас встретил Сарымсак и старший приказчик Котельникова, А. П. Соболев, с которым мы уже были знакомы по прекрасным отзывам, неоднократно слышанным нами о нем сначала в Гучэне, а затем на всем пути от Турфана к Хами.

От него мы узнали, что для нас сговорен тань в Син-чэне и что там все уж готово к приему редких гостей.

* * *

---

* В Хами и Турфане небо и горизонт завуаливаются только в том случае, если задуют северные ветры. Обстоятельство это, как мне кажется, может быть объяснено таким образом: холодные струи северного, преимущественно же северо-восточного ветра, охлаждая в значительной мере воздух на южных склонах Тянь-шаня, вместе с тем доводят предел его насыщения водяными парами до того момента, когда из него еще не оседает иней, но когда в нем уже образуются микроскопические ледяные кристаллы, которые и носятся над землей, образуя над ней нечто сходное с мглою. Это объяснение находит себе подтверждение в том, что в мглистые дни стены здесь покрываются белым порошкообразным налетом, в котором только при помощи лупы можно рассмотреть кристаллики льда.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ХАМИ

«По своему положению Хамийский оазис весьма важен как в военном, так и в торговом отношениях. Через него пролегает главный и единственный путь сообщения из Западного Китая на города Су-чжоу и Ань-си, в Восточный Туркестан и Джунгарию. Других путей в этом направлении нет и быть не может, так как пустыня пересекается проложенною дорогою в самом узком месте на протяжении 400 км от Ань-си до Хами, да и здесь путь весьма труден по совершенному почти бесплодию местности. Справа же и слева от него расстилаются самые дикие части Гоби: к востоку песчаная пустыня уходит через Ала-шань до Желтой реки, к западу та же недоступная пустыня потянулась через Лоб-нор до верховьев Тарима.

Таким образом Хами составляет с востока, т. е. со стороны Китая, ключ ко всему Восточному Туркестану и землям притяньшанским...

Не менее важно значение оазиса Хами и в торговом отношении. Через него направляются товары, следующие из Западного Китая в Восточный Туркестан и Джунгарию, а также идущие отсюда в Западный Китай».

Таково значение Хами по словам Пржевальского. Но взгляд этот вовсе не новый. Впервые, как кажется, его высказал еще Риттер, а затем его повторяли все те, кто в своих описаниях так или иначе касался Хами. Таким образом, наш известный путешественник только подкрепил его своим авторитетным словом, устранив в то же время и всякие сомнения в его непреложности.

Между тем история этого оазиса далеко не оправдывает подобного взгляда на международное значение Хами, основанного, как кажется, на не совсем точном представлении о природе и пластике окрестной страны.

Риттер пишет [79], что Хами в один из цветущих периодов своего существования «достиг столь большого благосостояния, что уподобился даже столице» (?!). Но я не знаю такого периода. Скажу даже более. Если просмотреть историю Хами за все время его долговременного существования, то как торговое, так и политическое ничтожество этого пункта выступит особенно резко и во всяком случае настолько определенно, что в читателе уже, конечно, не останется никакого сомнения в том, что роль, которую будто бы «играл издавна этот оазис, благодаря географическому своему положению среди обширной степи», была далеко не столь заметной, как это вообще принято думать. Некоторое значение этот город приобретает только после замирения Монголии, постройки Баркюльского укрепления и падения Джунгарского царства (1758 г.). До XVIII же века, пока Баркюльская долина и остальная Джунгария находились в руках различных кочевых орд, Хами хотя иногда и управлялся самостоятельно, но всегда не надолго. Даже в правление Кань-си Хами не мог себя отстоять и был совсем разрушен джунгарами, которые обрушились сюда из соседней Баркюльской долины.

Пржевальский, останавливаясь перед вопросом, почему притяньшанские мусульмане, освободившись в начале шестидесятых годов от китайского владычества, не напрягли всех своих сил для того, чтобы утвердиться в Хами, объясняет его отсутствием в среде дунганских вождей лиц, обладавших в достаточной мере стратегическими способностями. Но это не совсем так. Дунгане, овладевшие было Хами, но дважды отбитые от Баркюля, не посмели в нем оставаться единственно из боязни быть отрезанными от Урумчи армией Цзо-цзунь-тана, которая наступала вовсе не колесной Ань-си — Куфи — Хамийской дорогой, как это думал Пржевальский, а так называемым китайским военным путем, соединяющим с Баркюлем Су-чжоу и Лянь-чжоу.

Важное стратегическое значение Баркюля вполне оценил еще император Цзянь-Лунь, выстроивший здесь не только сильное укрепление, но и оставивший в нем гарнизон из маньчжурских солдат. Если же оно ускользнуло от внимания Пржевальского, то причиной тому могло быть неполное знакомство последнего с природой страны, лежащей на юго-восток от Хами.

Нет, кажется, в Центральной Азии другой местности, которая пользовалась бы столь дурной репутацией, как именно эта часть Гобийской пустыни; а между тем в течение двух тысячелетий она служила именно той ареной, где преимущественно сталкивались несметные полчища жунов, юечжи, хуннов, сяньбийцев, жеужаней, цянов (тибетцев), шатосцев, тукиесцев и, наконец, уйгуров, которые в беспрестанной борьбе между собой и с Китаем не раз орошали потоками своей крови ее долины и горные склоны. Если бы эта часть Гоби в действительности была столь «страшной своим полным бесплодием» и «ужасающей своей дикостью», как ее нередко описывали, то каким же образом можно было бы согласовать с такой характеристикой этой страны целый ряд известий о передвижениях по ней громадных армий в сто и даже триста тысяч конных людей?!

Очевидно, что такие передвижения крупных военных отрядов возможны были только в стране, к которой только с известными оговорками следует применять термин пустыня. Не лишне также припомнить, что «Да-цзи» или «Великая дресвяная степь», т. е. та часть Гоби, которая тянется на запад от меридиана Гань-чжоу, со времен глубочайшей древности служила местом кочевий и колыбелью многих номадов и в том числе такого сильного племени, как жеужане; что во времена Сюань-Цзаня (629 г.) от Юй-мынь-гуаня была протянута сюда цепь пикетов; что до дунганского восстания существовало здесь не только китайское укрепление Мын-шуй, в окрестностях которого, на золотых приисках, работало постоянно до двух тысяч китайцев, но что и в горах Ма-дунь-шанских паслись императорские табуны под прикрытием целой лянзы китайских же конных солдат; и что, наконец, в настоящее время здесь кочует немало торгоутов и халхаских монголов.

Сказанным, само собой разумеется, не исчерпывается затронутый нами вопрос; приведенных примеров, однако, вполне достаточно для того, чтобы убедить читателя в том, что так называемая Хамийская пустыня никогда не представляла неодолимых препятствий для передвижения не только сотенных, но даже и тысячных отрядов людей; и Цзо-цзун-тан, перебросивший через нее в один прием значительный корпус китайцев и целую дивизию вспомогательного монгольского войска, доказал, конечно, что подобных препятствий она не представляет и в настоящее время.

Если с юго-востока Хамийский оазис ограничен местностью, представляющей хотя и не завидные, но все же еще возможные условия для существования человека, то дальше на запад, с понижением абсолютной высоты местности, Гоби уже приобретает действительно на больших пространствах характер настоящей пустыни. Даже склоны гор, подымающихся здесь во всех направлениях, лишены всякой растительности. Палящие лучи солнца согнали всю ее вниз, в лога и ущелья, да и там гнездится она еще далеко не везде. Это по преимуществу чиевые или тростниковые заросли, среди коих можно встретить джантак, различные солянки, а иногда и кустарники: Lycium, Nitraria, Calligonum и Tamarix; изредка небольшие пространства заняты здесь сплошными насаждениями ирисов, в других местах попадается полынь (Artemisia dracunculus, A. fasciculata, A. commutata, A. fragrans и другие виды) и некоторые другие травы, но в общем все же растительный покров этой части нагорья очень беден как видами, так и числом особей каждого из последних.

Впрочем, эта часть Бэй-шаня * нам еще менее известна, чем восточная его половина, а потому сколько-нибудь подробно останавливаться на ней мы не будем. Скажем только, что южные склоны Тянь-шаня, так тесно связанные в участке между Хами и Турфаном с горами пустыни, столь же бесплодны, как и эти последние, что и понятно, так как Тянь-шань достигает здесь абсолютной высоты, меньшей не только многих хребтов Бэй-шаня, но даже и долин между ними.

А на север отсюда, в Баркюльской долине и Южной Джунгарии, откуда доступ на юг во всякое время возможен и не затруднен никакими естественными препятствиями, расстилаются прекрасные пастбища, постоянная приманка для кочевавших здесь некогда бесчисленных орд диких номадов.

Хамийские князья никогда не были в силах укрепиться в Джунгарии или Баркюле, а потому никогда владения их и не были обеспечены от вторжения кочевников. При таком же необеспеченном положении границ это маленькое владение, несмотря даже на все выгоды географического своего положения, никогда не могло достичь той высокой степени процветания, какое навязывает ему, вероятно а priori, Риттер, а за ним и другие. Оно всегда искало защиты и опоры у сильных соседей, и не было в его истории такого момента, когда оно пользовалось бы полной самостоятельностью. В этом отношении судьбы его сходны с Турфаном, который и окреп и обогатился только под властью уйгуров, владевших помимо того и всей Джунгарией от Баркюля до Урумчи.

Таким образом, оазис этот, необеспеченный с севера, отрезанный от Турфана бесплодной страной и лежащий в стороне от проторенной веками военной китайской дороги, ни в какое время своей исторической жизни не мог претендовать на название «ключа» к Восточному Туркестану; скудное же его орошение в совокупности с невыгодными климатическими условиями заранее обрекало большинство его жителей на такое существование, при котором далеко не всегда есть возможность свести концы с концами. В совокупности все земли Хами производят хлеба очень немного; бывали даже периоды, что Хами еле-еле мог себя прокормить; а потому следует совсем отбросить мысль о сколько-нибудь значительном вывозе последнего за пределы оазиса; скотоводство хотя и процветало в нем некогда, но занимались им не масса народа, а некоторые привилегированные семейства и во главе этих последних сам князь, владевший в горах обширными пастбищами; ремесл, могущих поддержать полевое хозяйство

---

* Бэй-шань — современное китайское название для гор, лежащих на север от большой Лянь-чжоу-аньсийской дороги. Я распространил это название на всю горную область от поворота р. Тарима на юг до долины реки Эрцзин-гола.

хамийцев, здесь, как кажется, никогда не существовало, не существует их и в настоящее время; наконец, транзитный провоз товаров хотя и доставляет известные выгоды местному населению, но выгоды эти едва ли в состоянии покрыть тот материальный ущерб, который приносит этому краю его отдаленность от всех производительных центров Внутренней Азии.

Таким образом, и прошедшее Хами не блестяще, да и в будущем нет оснований ожидать для него чего-нибудь чрезвычайного, чего-нибудь такого, что сразу подняло бы благосостояние жителей этого оазиса.

История показывает, что Хами оживлялся в одном только случае: когда замешательства на западе вызывали значительное скопление китайских военных сил в этом городе. Тогда везлись сюда не только предметы военного снаряжения, но и товары мануфактурные, и гастрономические, и даже в значительных количествах рис и фураж, так как местных произведений в таких случаях обыкновенно здесь нехватало. Но уходили войска, разъезжались купцы, и Хами принимал снова свою прежнюю физиономию небогатого центрально-азиатского городка.

Хамийский оазис и теперь беден, а несколько лет тому назад он представлял повсеместно одни только груды развалин, среди которых, впрочем, уже начинал копошиться народ.

Эти же слова следует всецело отнести и к главному городу оазиса, т. е. Комулю. Китайские же города — Лоу-чэн и Син-чэн, расположенные бок-о-бок с мусульманским городом, переживали в то же время счастливый момент своей жизни: в них, в начале семидесятых годов, квартировали избалованные войска Лю-цзинь-таня, молодого генерала, стяжавшего себе очень быстро, но нельзя сказать, чтобы заслуженно, репутацию прекрасного военачальника и администратора. В городах этих местились, впрочем, только высшие офицеры и съехавшиеся сюда же чиновники — правители будущих, пока еще не завоеванных, округов; солдаты же при помощи туземного населения выстроили себе временный город, обширные развалины коего бросаются в глаза каждому, кто только въезжает западной дорогой в Хами.

Громадное скопление серебра в таком крошечном городке, каким был китайский Хами до вступления туда войск Лю-цзинь-таня, совсем пересоздало и этот город и всю окрестную местность. Здесь появились обширные заезжие тани, бесчисленные трактиры, дотоле невиданные богатейшие китайские лавки, вырос даже целый пригород, и в довершение всего, появились здесь русские люди — приказчики бийских купцов. На запад от города местность украсилась парком, разведенным по приказанию Лю-цзинь-таня, далее здесь же был выкопан пруд, и — о диво! — для него специально сколочена была лодка, на палубе которой любивший-таки кутнуть генерал задавал пиры своим подчиненным. Мы застали уже только остов этой ладьи, но все же немало подивились ее ни с чем несоразмерной величине, придававшей характер полнейшей нелепости всей этой странной затее.

За солдатами Лю-цзинь-таня явились сюда сначала мелкие торговцы, а потом и более значительные коммерсанты — представители богатейших фирм Гуй-хуа-чэна, Калгана, Лань-чжоу-фу и других городов, рассчитывавшие срывать здесь огромные барыши. Но они обманулись в расчете. В 1883 г. последние лянзы ушли на Бэй-лу, чиновный люд поразъехался, и магазины, щеголявшие своей отделкой и переполненные ценными товарами, остались без покупателей. Товар этот, как говорят, с выгодой удалось впоследствии сбыть в Урумчи, но затейливые магазины остались, и теперь там, где некогда продавались шелковые ткани, торгуют по преимуществу сальными свечами невысокого качества, гастрономическим товаром и бакалеей.

Только под Новый год мы видали на синчэнском базаре оживление и толпу; в остальное же время он поражал царившими в нем безмолвием и пустотой. Подобное же безмолвие и пустота замечались и в остальной части Син-чэна, где жилых построек оставалось в наше время немного. Даже присутственные места оказывались здесь в развалинах, а кумирни, еще блиставшие позолотой и яркими красками, носили явные следы запустения.

Между Син-чэном и помянутым выше пригородом находится так называемый «северный» город — Бэй-чэн. Он занимает небольшую площадь, обнесен полуразвалившейся стеной и как от северного предместья, так и от Син-чэна отделяется рвами, из коих южный давно уже сгладился и ныне исполняет роль улицы. Внутри он заполнен развалинами, среди которых ютятся только несколько китайских семейств.

С противоположной, т. е. южной стороны, в западном углу, к Син-чэну примыкает небольших размеров импань; он также в настоящее время необитаем и потребовал бы для своего восстановления значительного ремонта. У импаня большая дорога в Турфан разветвляется: одна ветвь ведет в западные ворота нового города, другая, и в то же время главная, проходит сначала между ним и Луо-чэном, а затем вступает в небольшое южное его предместье, которым и идет между лавок до его южных ворот, точнее, до того места, где когда-то, может быть, были эти ворота. Вообще здесь не лишне заметить, что в Син-чэне в настоящее время ворот не имеется; так что большая дорога в указанном месте непосредственно переходит в базарную улицу, которая и оканчивается в северном пригороде.

К югу от описанных двух городов с окружающими их отовсюду предместьями и несколько наискось к ним расположен старый город — Лоу-чэн. При Лю-цзинь-тане он был заново обнесен стеною, которая размерами своими значительно превышает прежнюю. Ее общая длина равняется примерно двум тысячам шагов, высота — $6^{1}/_{2}$ м; она имеет трое ворот, снабжена двойной защитой и окружена рвом, шириной в пять и глубиной в $3^{1}/_{2}$ м.

Лоу-чэн внутри так же безлюден и пуст, как Син-чэн; обширные пространства остаются в нем до сих пор не застроенными и даже такие правительственные здания, как ямынь пристава (хами-тина), поражают здесь своим убожеством и ничтожными размерами.

Матусовский в своем «Географическом обозрении Китайской империи», стр. 229, упоминает, между прочим, об основанном, будто бы, здесь «в последнее время» оружейном заводе, на котором, под руководством европейских техников, изготовляются даже ружья новейших систем для снабжения ими войск, расположенных в западных округах провинции. Известие это, однако, как кажется, лишено основания; по крайней мере в наше время ничего подобного здесь уже не было.

Мусульманский город — Комуль, по-китайски — Хой-чэн, расположен на юго-запад от Лоу-чэна и на юг от турфанского тракта. Он невелик, окружен старыми, потрескавшимися и кое-где уже обвалившимися стенами и переполнен строениями, разделенными узкими переулками. Матусовский в помянутом выше труде говорит, что город этот «весь наполнен садами, среди которых и ютятся низкие глиняные дома с плоскими крышами». Я не сказал бы того же. Правда, в Комуле попадаются кое-где деревья, имеются и сады, но в общем он все же не производит приписываемого ему впечатления.

Вановская «урда» (дворец) помещается у северных ворот города. Это двухэтажное здание, одной стороной прислоненное к городской стене, над которой и возвышается несколько, а другими выходящее на небольшой внутренний двор, обстроенный флигелями, в которых помещаются: ямынь, службы, соколиная охота и, кажется, различные кладовые. В ряд с последними выстроены здесь и парадные ворота — «да-тань», выходящие на передний двор, вымощенный булыжником, обсаженный тутовыми деревьями и настолько узкий, что напоминает скорее улицу, чем двор. В общем дворец этот представляет, однако, помещение далеко не роскошное. Открытая лестница, по которой нам пришлось подыматься во второй этаж, сложенная из косых и высоких ступеней, выглядела крайне неуклюже; следующая затем комната — с кирпичным полом, голыми небелеными стенами, без всякой мебели, полутемная и в то же время грязная, производила даже прямо неприятное впечатление; и только уже за ней мы вступили в прилично отделанную горницу, служащую князю приемной. Убранная в китайском вкусе, с картинами по стенам и ковром на полу, она выглядела довольно нарядно и, что редко замечается на востоке, казалась уютной. Впрочем, она служила приемной только зимой. В остальное же время почетных гостей принимали в садовом павильоне, выстроенном в китайском стиле и состоящем из нескольких комнат. Летом здесь, должно быть, очень хорошо, хотя сад невелик и разбит, как и все вообще сады туркестанцев, без всякого плана.

К западу от Комуля расположено фамильное кладбище хамийских ванов. Как на особую его достопримечательность указывали на усыпальницу над могилами Башир-хана и его сына. Это не особенно большое, облицованное зелеными изразцами, здание напомнило мне, конечно в миниатюре, действительно грандиозное сооружение, возведенное в нескольких километрах от Кашгара, над могилами сеида Аппака-ходжи и его потомков, еще не так давно правивших Кашгарией.

Другая достопримечательность Хами — китайская кумирня, находящаяся в одном километре к северо-востоку от Син-чэна. Это действительно красивое здание расположено среди старого парка, на берегу пруда, в котором во множестве водились дикие утки (Anas boschas и Dafila acuta).

В ожидании пекинского паспорта, который давал бы нам право дальнейшего движения в глубь Китая, о чем мы телеграммой ходатайствовали еще из Кульджи, мы простояли в Хами семь недель, живя его тихой, спокойной жизнью: охотились, писали, в часы же досуга сетовали на вынужденное бездействие.

Только однажды Хами оживился. Это было накануне китайского Нового года.

В 1890 г. китайский новый год пришелся на 10 января. Но уже за три дня, готовясь к встрече этого большого китайского праздника, все три города: Хой-чэн, Лоу-чэн и Син-чэн пришли в необычайное им всем движение. И есть от чего. В жизни китайца Новый год составляет действительное событие. Денежные расчеты, судопроизводство и даже крупные торговые сделки прекращаются на долгое время; к Новому году даются новые чины и награды; ради же Нового года освобождаются преступники, слуги получают отпуск, господа бросают обычные свои занятия и дела; одним словом, все спешат в эти дни повеселиться и отдохнуть и действительно веселятся на славу! К Новому же году оживляется и торговля. Базары переполняются различными картинами и картинками, изображающими либо богов, либо целые сцены из жизни различных героев, например, какого-нибудь «Ё-фэй» или «Шуа-жуань-гуй»; они раскупаются в массах и расклеиваются на дверях и во внутренних помещениях; с ними одновременно раскупаются и расклеиваются, с полной верой в значение их, и красные бумажки с различными пожеланиями и изречениями вроде, например: «хороший человек похож на розу», или такими, которые имеют хотя какое-нибудь отношение к деятельности хозяина. Кроме картин, различных цветных фонарей, фейерверков, хлопушек и тому подобных вещей, появляются также на базаре в обилии различные печения, сласти, свиные окорока, различные предметы китайской кухни и обихода, среди которых, к нашему удивлению, не последнее место занимают лекарства и мануфактура.

И все это раскупается чуть не нарасхват, потому что Новый год праздник столько же бедных, как и богатых: все стремятся принарядиться, украсить свой кров и в нем приготовить пир для приятелей. Последний фын серебра ставится в это время ребром, последняя ценная вещь несется в заклад, а потому канун Нового года — золотое время для китайских лавочников и ростовщиков.

Весь день 9 января прошел в удивительных хлопотах; а вечером все как бы замерло в ожидании торжества.

Морозу градусов десять. Небо совершенно чисто, и, может быть, только поэтому кажется, что и звезды сияют сегодня каким-то точно не своим, а особенным блеском; впрочем, может быть, также, что и торжественная тишина немало содействовала такому впечатлению, которое находилось в полнейшей гармонии с тем душевным настроением, под влиянием которого мы теперь находились.

Десять дней тому назад и мы встречали свой Новый год; но все старания наши ознаменовать чем-нибудь особенным этот день не увенчались успехом. Мы затерялись в громадной, совсем тогда нам чуждой, толпе, которая своим равнодушием парализовала развитие нашего праздничного веселья, наводя ежеминутно мысли наши на воспоминания об оставленной родине и далеких теперь, но не забытых и, может быть, даже сильнее теперь любимых, родных и друзьях. И вот мы всячески забавлялись, пили и ели, но проделывали все это без того оживления и радостного чувства, которые присущи веселящимся людям. Откуда же теперь это волнение? И неужели в свое время равнодушная к нам толпа увлекала нас теперь за собой, сообщив и нам свое настроение?

На улицах тихо. Всюду зажженные огни еще более сгущают в них темноту. И хоть людей пока еще тут вовсе не видно, зато присутствие их ощущается как-то невольно. Нет-нет, да и услышишь где-нибудь голос, а потом и опять тишина, которая минуту спустя хотя и нарушается снова, но уже где-нибудь вдалеке. Томительно, между тем, бежит время к полуночи... Совсем уже справившиеся китайцы мало-помалу теряют терпение и высыпают на улицу, но царствующее здесь торжественное безмолвие налагает и на них печать молчания, и вот видишь только темные движущиеся фигуры, но не узнаешь в них китайцев, — так мало в них теперь сходства с теми горластыми, привыкшими к самой энергичной жестикуляции людьми, без которых в Китае немыслимо ни одно собрание, ни одна самая ничтожная сходка.

Но вот из Лоу-чэна раздались последовательно три пушечных выстрела...

— Скорее, назад теперь... в тань! иначе раздавят...

Действительно, громадная толпа вдруг захватила целую улицу и, фантастически сверху освещенная бесчисленными огнями, ракетами и замысловатыми фонарями, быстро двинулась к нам, издавая по временам такие дикие вопли, которые покрывали собою даже оглушительные залпы китайских хлопушек.

Всю ночь напролет шумели китайцы; гремели учащенные выстрелы китайских хлопушек, взлетали ракеты, и по временам откуда-то доносились до нас отзвуки той адской какофонии, которой почему-то присвоено название музыки; а на утро те же китайцы, расфранченные во все лучшее, принимали и отдавали визиты.

С остальными же вместе и мы стали невольными участниками китайского торжества. Получивши визитные карточки от вана Шаа-Махсута, хами-тина Шэнь-гуй-хуна, чин-тэя и других наиболее важных чиновников города, мы не замедлили отвечать любезностью на любезность. Пока же происходил обмен этих скучных приветствий, люди наши проводили свое время иначе: они получили торжественное приглашение на обед к содержателю таня и, как нам показалось потом, не только поели, но и выпили у него вовсе немало во славу китайского Нового года.

Три дня шло такое веселье. Странствующая труппа китайских комедиантов успела уже обойти все богатейшие китайские семьи, и распорядитель ее заходил даже к нам предлагать свои услуги. Три дня все лавки и частные здания разукрашены были пестрыми флагами и фонарями, а люди сохраняли праздничный вид и не принимались за повседневные занятия и работы, а затем все пришло в прежнее состояние: сельские жители все разъехались, улицы опустели, и Хами вошел в свою обычную колею. Но после недавнего шума еще резче стала бросаться в глаза современная его захудалость.

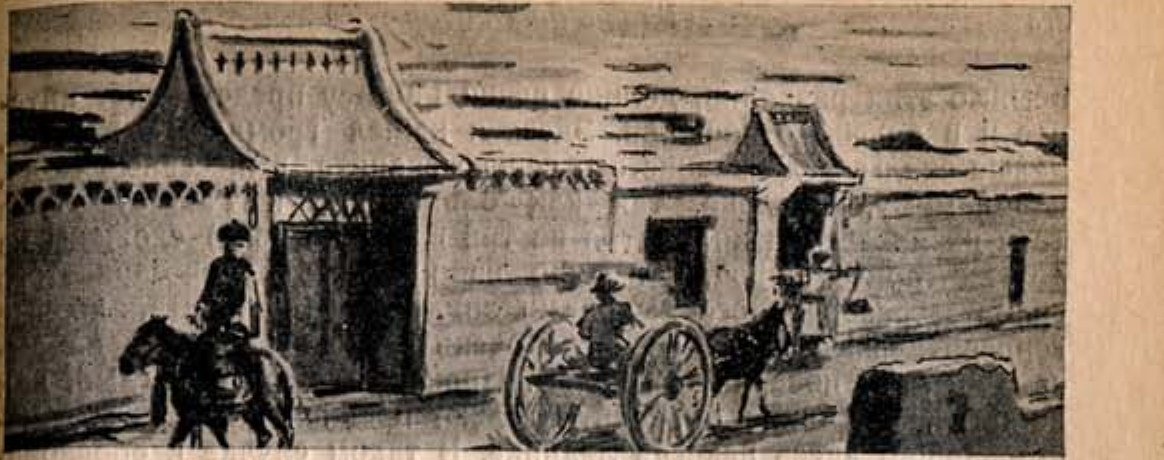
Наконец, наступил и для нас радостный день: хами-тин явился к нам лично и вручил полученный им из Пекина пакет, в котором препровождался охранный лист, выданный нам цзун-ли-ямынем. Томительное выжидание кончилось, и мы с удвоенной энергией взялись за свое снаряжение в дальнейший путь через пустыню.

Но тут нам встретилось непредвиденное препятствие: в Хами мы не могли достать сколько-нибудь порядочных лошадей за сходную цену, т. е. рублей за 30—35. А так как мы нуждались по крайней мере в 7—8 лошадях, то большая приплата за каждую могла составить сумму, слишком обременительную для нашего более чем скромного бюджета.

Отсутствие порядочных лошадей в Хами было тем более неожиданным, что оазис этот издавна славился своим коневодством. Существует даже известие, что еще в прошлом столетии он вел обширный торг лошадьми и что тогда же баркюльские клепера считались лучшими в Притяньшанье. Но, видно, с тех пор времена изменились значительно к худшему, и ныне даже табуны вана не могут похвастаться однородностью составляющих их элементов.

Верблюдов в Хами также не оказалось, и вот нам волей-неволей пришлось формировать караван из ослов. На наше счастье, в составе нашего экспедиционного отряда оказался опытный погонщик и в то же время знаток их, Хассан-бай, который горячо взялся за дело и спустя несколько дней уже успел собрать караван из 14 превосходных животных.

26 января в сопровождении А. П. Соболева и нескольких солдат, проводивших нас за город, мы выступили, наконец, из Хами.



ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПО ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ХАМИЙСКОГО КНЯЖЕСТВА

Первые 10 км мы шли селениями: Аяр на р. Аяр-гол, Саваш и Тюбеджин на р. Якка-булак, Кызыл-юлгун или Ши-цюаньцзы на р. Едыра. Здесь проходила граница культурных земель, здесь же находилась и таможня для сбора лицзина. А дальше до самого Та-шара, т. е. километров на двадцать, потянулась каменистая пустыня, по всем видимостям столь же бесплодная, как и все подобного характера местности.

Та-шар, в котором мы остановились, представляет крайне скученное селение, расположенное на берегу речки Гаиб-су, бегущей здесь в плоских берегах, среди крупного галечника и валунов. Земли, годной для пашни, по обоим ее берегам очень мало, да и то это тощий песок с очень небольшой примесью глины. Неудивительно поэтому, что урожаи здесь редки и что, наоборот, зачастую ташарцам приходится испытывать тяжелые последствия недородов. При таких условиях быта, конечно, они не могут похвалиться своими достатками; мало того, невозможно даже в Хами отыскать селение, в котором нужда сказывалась бы так явно, как здесь. И несмотря на это, ташарцы все же поразили нас своей опрятностью, своей приветливостью и готовностью услужить. Мы провели в Та-шаре три дня и с большим сожалением покинули это селение, где нас приняли с редким, даже у тюрков, радушием.

Такая долгая остановка в таком бедном селении вызвана была особыми обстоятельствами. Мы неожиданно очутились в местности глубокого интереса. Речка Гаиб-су — это Вэй-ур китайцев[80]. Названа она, вероятно, так потому, что на ее правом берегу находился некогда буддийский монастырь уйгуров. Но, помимо этих развалин, долина речки Гаиб-су представляет интерес и в другом отношении. Здесь я нашел громадные валуны, целые скалы мелкозернистого серого гранита, вынесенные сюда, повидимому, издалека, так как ближайшие к Гаиб-су утесы (а я их проследил километра на три вверх по реке) сложены из других горных пород, а именно из красного крупнозернистого гранита, разорванного выходами эпидотового диорита, черные горизонтальные жилы которого очень резко выделялись на высоте 42 м от поверхности почвы. Происхождение этих глыб, как кажется, возможно объяснить только предположением о существовавшем здесь некогда леднике. В таком случае к образованиям этого ледника я отнес бы и ряд высоких, справа сопровождавших долину, холмов, происхождение коих иначе было бы крайне загадочным. Против такого предположения говорит, однако, малая абсолютная высота местности (3 675 футов, или 1 120 м при устье ущелья).

Гаиб-су берет начало двумя истоками: один из них стекает с осевой части Хамийских гор близ Кошеты-дабана и течет затем по долине почти восточного простирания, другой стекает также с центрального массива, но направляется прямо на юг и при встрече с первым образует довольно обширную котловинообразную долину, занятую княжеской усадьбой Багдаш (6 640 футов, или 2 024 м), откуда речка поворачивает уже на юго-юго-запад и, прорвав узким ущельем южную гранитную гряду Карлык-тага, выносит свои воды в долину Та-шара. На всем своем протяжении в горах она поросла крайне разнообразной древесной и кустарной растительностью, которая при устье ущелья переходит в сплошной лес волошской орешины и абрикосовых деревьев, образующих знаменитый княжеский сад при усадьбе Ортам. Сад этот, а также кустарная поросль по речке Гаиб-су, служат прекрасным убежищем зимующей птице, которая и держится здесь в большом числе, лакомясь ягодами барбариса, плодами шиповника и боярышника, а также семенами многих растений, устилающих песчаную почву сада: Iris, Zygophyllum, Astragalus, различных злаков и т. д. Ради охоты на этих птиц мы и перебрались 30 января в усадьбу Ортам.

По выходе из Та-шара дорога бежит сюда сначала вдоль берега речки, но затем все более и более отклоняется к западу, избирая места, где галька и валуны мельче. Не доходя до ворот сада, мы заметили у дороги пирамидальную кучу камней, происхождение коей местное население считает недавним. «Это Байян-ху, покидая Ортам, велел каждому из своих воинов положить сюда камень», — поведал нам аксакал. Ограда ортамского сада сложена из валунов, почва же представляет мелкий серый песок без всякой примеси гравия, хотя валунов в нем немало. Сад обширный, но крайне запущенный. Когда-то любимая резиденция Башир-хана, усадьба эта ныне совсем не поддерживается, и деревянный превосходный дом пришел в ветхость: балки покривились, штукатурка обвалилась, мелкий орнамент из дерева частью выломан, частью сам обломался и лежит кучей в громадном полутемном зале, красиво выкрашенном и орнаментированном. В общем здание это напоминает садовый павильон Шаа-Махсута, хотя китайский стиль и не выдержан здесь столь полно, как там. Внутренние его покои приходятся на запад, где некогда имелась и веранда и небольшой цветник, приемные же комнаты на восток, т. е. в сторону обширного двора, окруженного высокой и еще хорошо сохранившейся оградой. В этом дворе имелись конюшни для лошадей, службы же помещались дальше, за вторым двором, на восток, составляя совсем отдельную слободу. Как на особую достопримечательность сада нам указали на виноградную лозу. До дунганского восстания их было здесь несколько, но когда народ отсюда бежал, они остались без укрытия и зимою повымерзли.

Между ортамским садом и гранитной грядой возвышаются развалины буддийского монастыря уйгуров, или ургыев, как их мне называли в Хами.

В общем это длинное и узкое здание, имевшее около семидесяти шагов по фасаду, обращенному к югу. Оно разделялось на пять капищ, из коих центральное было и выше и шире других. Так как передней половины и куполов недостает этим кумирням, то о размерах их можно судить не иначе, как приблизительно: в высоте, при ширине в три, наибольшая из них могла иметь около 20 м. Так как, повидимому, купола были без окон, то и в кумирнях, освещавшихся только при посредстве дверей, должен был царствовать таинственный полумрак. Как раз против не существующих уже ныне дверей помещался, как уже говорилось, главный идол, головой уходивший под купол; об этом свидетельствует до сих пор еще сохранившаяся у задней стены кирпичная кладка, на которую он должен был упираться. Внутренние стены кумирен были разрисованы по алебастру фресками и медальонами, в которых и до настоящего времени живо сохранились еще изображения ликов бесчисленных буддийских святых и богов.

Как кажется, громадное здание это стояло особняком, кельи же монахов и хозяйственные постройки должны были располагаться кругом: мы видели бесформенные массы глины в промежутке между развалинами и гранитной грядой, ряд помещений в этой последней и, наконец, остатки строений на вершине одного из упомянутых выше холмов.

В ортамских садах мы добыли для коллекции: Carine bactriana, Acanthis brevirostris, Montifringilla sordida, Carpodacus rhodochlamys, Emberiza schoeniclus, E. cia, E. godlewskii, Parus cyanus var. tianschanicus, Leptopoecile sophiae, Ampelis garrulus, Merula atrogularis, M. ruficollis, Tharraleus fulvescens и T. atrigularis. Кроме того казаком Комаровым был убит горностай (Mustela erminea L.).

31 января неожиданно погода испортилась. Подул холодный северный ветер, небо заволокло тучами, а затем повалил снег, который и накрыл пушистым ковром все окрестности. Это было тем менее кстати, что уже на следующий день нам приходилось расставаться с гостеприимным Ортамом, в котором, к сожалению, для нас не отыскалось ни сена, ни фуража.

Итак, несмотря на непогоду, мы выступили из княжеской усадьбы 1 февраля.

Пройдя по льду речку Гаиб-су, мы направились прямо на восток, вдоль гранитной гряды и по местности, усыпанной крупными голышами, среди которых торчали кусты эфедры и караганы. Это была тягостная дорога, тем более, что тропинка уже давно исчезла под снегом, и мы шли целиной, то и дело проваливаясь в ямы или спотыкаясь о занесенные снегом каменья. Таким образом мы добрались до ручья Кырчумак, который бежал здесь двумя рукавами, обросшими лозняком, карагачем и шиповником.

Кырчумак значит «вырывающийся из-под снега». В период таяния снегов речка эта обращается в бурный поток, в самый же разгар лета обыкновенно пересыхает; поэтому в ее низовьях поселений не имеется, а заведены только пашни.

За Кырчумаком дорога изменилась к лучшему. Валуны исчезли, а крупный булыжник сменился мелкой галькой. Одновременно местность стала заметно возвышаться, и уже на 18-м километре от Ортама мы пересекли горную грядку, имевшую южное простирание.

Грядка эта представляет любопытный образчик того, в какой мере атмосферные влияния могут действовать разрушительно на горные массы. Она распалась на цепи или группы холмов почти одинаковой высоты, и только одинаковость их состава и согласное простирание позволяют еще видеть в них разорванные звенья одного целого. Поверхность этих холмов покрыта толстым слоем дресвы и щебня, из-под которых только кое-где выступает еще коренная порода — темнозеленый филлит и сильно разрушенный красный или желтый крупно-зернистый гранит.

За этой грядой снега было больше. К тому же это был давно слежавшийся снег, по которому во всех направлениях шли глубокие тропы; некоторые из них успели уже подернуться льдом, другие были, очевидно, проложены очень недавно. Следуя одной из последних, мы вскоре выбрались на целину, где снег оказался более рыхлым и к тому же настолько глубоким, что лошади уходили в него чуть не по брюхо. Между тем местность заметно понижалась, и вскоре мы очутились на берегу речки Аглик, которую перешли в брод. Отсюда дорога, вследствие вязкого снега, стала еще труднее, так что мы, немало измучившись, уже только в сумерки доплелись кое-как до селения Хотун-там, пройдя в общем свыше 40 км.

В древности Хотунтамская речка была известна у китайцев под именем Нян-цы-цюань. К этому известию китайская география добавляет, что у туземцев та же речка носит название Хатун-булак (Khatun-bulak), что в обоих случаях означает «ключ женщины», иначе — «ключ ханши», так как некогда, в танские времена, здесь проживала-де ханша уйгуров[81]. Таким образом, Хотун-там оказывается поселением очень древним и притом в прежние времена, может быть, даже более значительным, чем теперь, так как, по свидетельству той же географии, здесь еще при Минах виднелись развалины древнего города.

Хотун-там стоит на ключах; даже никогда не замерзающая (в большие морозы образуются только забереги) речка Аглик питается преимущественно ключами, бьющими высоко в горах. Но имеются ли среди этих ключей и горячие, о чем сообщает помянутый выше китайский источник, мне неизвестно: от местных жителей мы о них ничего не слыхали.

Современный Хотун-там очень разбросанное селение. Только в одном месте дома скучиваются и образуют площадь и улицу; а затем отдельные хутора виднеются всюду, даже вдоль речки Аглик. В настоящее время население Хотун-тама, в общем не превышающее 350 душ обоего пола, подчиняется хамийскому вану, хотя когда-то управлялось своим наследственным беком. Последний теперь дряхлый старик, живущий тут каким-то анахоретом, без почета и власти. Он тоже явился к нам «повидать, — как он сам выразился, — на склоне дней своих русских, о которых слышал, но видеть которых не довелось». Он прошамкал затем еще что-то, но даже явившиеся к нам одновременно с ним дорга, аксакал и другие туземцы его не поняли или, может быть, сделали только вид, что его не поняли? Тогда вступил в свои права наш полиглот Николай.

— Да по-каковски же он говорит?

— Это язык наших дедов. В нем больше слов китайских и монгольских, чем тюркских; но есть и такие, которые никому непонятны...

Эти непонятные слова я хотел записать, но дорга отказался выполнить это желание.

— Перед вами старик, когда-то управлявший всем этим краем. Теперь он лишен власти, но все же помнит ее и потому ко всему относится с большим недоверием, чуя обиду даже там, где ее нет. К вам он относится уже с предубеждением: не вы, как бы следовало, посетили его, а он вас...

— Да мы даже и не подозревали о его существовании...

— Так-то так... Да ему от этого ведь не легче.

Хотунтамский уроженец отличается и речью и складом лица от остальных жителей Восточного Туркестана. В его жилах несомненно в значительной примеси течет монгольская кровь, что, впрочем, и следовало предвидеть, так как все дошедшие до нас исторические документы согласно показывают о той видной роли, какую в Хами, в доманьчжурские времена, играли монголы. Мы хотели снять с некоторых из них фотографии. Но дорга и этому воспротивился.

— Нет уж, пожалуйста! Народ наш темный, дикий... Будет говорить, что вы на них беду накликаете...

Едва мы прибыли в Хотун-там, как нас постигло большое разочарование. Должен оговориться: еще в Хами решено было итти в Су-чжоу верблюжьей дорогой через Мын-шуй. Теперь же китаец, наш проводник, вдруг заявил нам, что дальше на восток итти невозможно.

— Как? Почему?

— В горах большой снег выпал.

— Какие горы и откуда взялся там снег, когда мы до Су-чжоу должны итти песчаной пустыней?

— О, какие горы? Большие горы!.. Все скажут...

И когда «все» поддержали китайца, то было от чего призадуматься. Уж не восточным ли продолжением Тянь-шаня, о котором так много писали китайцы, придется итти? Или не составляют ли эти горы самостоятельного нагорья, подобного нагорью Чоль-таг? Во всяком случае, какой высокий географический интерес должна представлять эта местность!

— Как же быть?

— Переждать в Хотун-таме. Авось потеплеет и тогда...

Но, увы, случилось совсем наоборот: мороз крепчал с каждым днем, снег шел беспрестанно... В Хотун-таме мы простояли девять суток, и единственным занятием нашим в это время была охота на птиц.

Мы били их преимущественно в ущельи речки Аглик, куда добирались чаще всего прямым путем, следуя поперек невысоких, но скалистых предгорий хребта, сложенных из хлоритового диабаза. На четвертом километре мы достигали до гранитных масс Карлык-тага и, повернув здесь на запад, вступали в ущелье помянутой речки, которое, даже в зимней обстановке, при массах скопившегося в нем снега, отличалось поразительной красотой. Мы проследили его километров на пять вверх, до того места, где мелкозернистые серые эпидотовые и хлоритовые граниты сменяются крупнозернистыми красными, и где уже выступают ключи, образующие речку Аглик. Температура вод этих ключей не особенно высока, но все же достаточна для жизни в них водорослей, зеленая площадь которых необыкновенно контрастно выступала теперь среди окружающих ее отовсюду снегов. Главным украшением этого ущелья служит лес высоких и прямых тополей, по опушкам которого, среди обломков скал, растет самый разнообразный кустарник. Я различил здесь барбарис (с красными ягодами), шиповник, Spiraea, жимолость и лозу. К устью ущелья лес редеет, появляются площадки, поросшие чием, с одиноко стоящими среди них карагачами, барбарис исчезает и сменяется караганой. Одновременно появляются здесь и небольшие постройки, которым я не приищу подходящего названия; во всяком случае это — жилье человеческое, в котором, при самой нищенской обстановке, ютятся семьи беднейших хотунтамцев. В этом ущелье нам попались следующие птицы: Chrysomitris spinus L., Montifringilla sordida Stol., Serinus pusillus Pall., Carpodacus rhodochlamys Brdt., Certhia familiaris L., Parus cyanus var. tianshanicus Menzb., Leptopoecile sophiae Sew., Ampelis garrulus L., Ruticilla erythrogastra var. sewerzowi Lor. et Menzb., Merula atrogularis Temm., M. ruficollis Pall., Cinclus leucogaster Bp., Anorthura pallida Hume, Tharraleus fulvescens Sew., T. atrigularis Brdt., Perdix barbata Verr. et des Murs., Caccabis huckar Gray и Tetraogallus himalayensis Gray.

В Хотун-таме мы простояли девять дней. Запасы наши истощались, хлеб был давно уже съеден, да и мука приходила к концу. Нам оставалось поэтому или возвращаться обратно в Хами, или итти вперед на авось. Мы решились на последнее и, несмотря на протесты проводника, 11 февраля двумя партиями тронулись в дальнейший путь: брат повел наш караван прямой дорогой в Мор-гол, я же поехал туда кружной дорогой через Чинь-шэнь.

Когда мы выступали, небо было свинцовое. 16-ти градусный мороз и сильный ветер, дувший прямо с востока, затрудняли дыхание и вместе с тем леденили руки и ноги. Временами подымался снежный вихрь и, обдав нас ледяными иглами, несся дальше, то замирая, то снова подымая в воздух снежную пыль. Но уже к 9 часам утра улеглась непогода: небо очистилось, ветер стих, потеплело и солнце заблистало с особенной яркостью, причем и световые и тепловые лучи его отражались с чрезвычайной силой от беспредельного, как море, снегового покрова.

На первых порах мы чуть не потонули в снежных сугробах. Мы сбились с дороги и ехали напрямик к видневшимся впереди развалинам какой-то постройки. Тут мы снова выбрались на тропинку и рысью погнали вперед лошадей.

Первый встретившийся нам поселок, состоявший всего из двух-трех хозяйств, носил полутюркское, полукитайское название — Ши-ли-булак; здесь проходила граница между вановскими землями и местностью, непосредственно подчиненной китайским властям. На девятом километре мы пересекли глубокую долину реки Улота (Уласта?), которая протекает тут двумя рукавами, разделенными довольно высоким нагорьем. Река эта берет начало в вечных снегах Карлык-тага и течет по ущелью, которое, подобно Хотунтамскому, поросло прекрасным тополевым лесом. У дороги, вдоль обоих ее русел, расположены китайские поселения с одним общим именем Ардын. Еще далее на восток мы встретили речку Сузлюк-ардын, а затем дорога пошла довольно пересеченною местностью с частыми крутоярыми логами, поросшими чием, камышом и кустарником, единственными растениями, торчавшими поверх снега. Обогнув одиноко торчавший утес, мы завидели, наконец, и цель нашей поездки — город Чиньшэнь, расположенный на речке Таш-булак, выбегающей из ущелья Нарын-кол. Городок этот не велик, обнесен стеной, скорее всего напоминающей ограду какого-либо загона, и состоит из двух-трех улиц, обстроенных жалкими домишками, в которых с грехом пополам ютятся семейства дунган и китайцев. Его базар представляют счетом пять лавок, в которых можно найти лишь предметы первейшей необходимости; даже рису оказалось в них не более 15 фунтов! Зато нам сказали, что тут можно всегда иметь в изобилии мясо аркаров...

— Да откуда же вы его получаете?

— Его привозят тагчи... Хотите проехаться к ним?

И нас проводили в тань, в котором мы действительно нашли несколько бравых молодцов, поспешивших вытащить нам на показ несколько туш таких же точно аркаров, каких привез брат из своей поездки в Чоль-таг.

— Где же вы бьете этих животных?

— А вот там...

И один из тагчей указал мне пальцем на юго-восток.

— *На востоке здесь везде горы. От Шаманэ (Бая) до Мыншуя и дальше на юг нет места, где бы не было гор,* но аркары держатся преимущественно там. — И он опять указал на юго-восток.

— И далеко это отсюда?

— На хорошей лошади дня в два, пожалуй, доедете...

Мы купили у них две туши и, приказав доставить их вслед за нами в Мор-гол, выехали туда же.

К югу от Чинь-шэня подымались горы. Мы направились к ним и с первых же шагов в этом направлении почувствовали под собой крепкую почву. Действительно, снег лежал здесь тонким слоем, и уже с полкилометра дальше из-под него то там, то сям стал обнажаться гранит. Дорога шла краем Таш-булакской долины, поросшей чием и заваленной снегом. Впереди долина эта суживалась и превращалась в широкое ущелье, стены которого падали очень круто. При устье последнего мы натолкнулись на ключ, носивший название Мо-пан-цзы. Отсюда местность стала понижаться заметно, и так как в ущелье снег лежал уже только

местами, то лошади пошли очень ходко, не забывая, однако, при этом срывать по пути колосья чия, который вместе с кустами гребенщика составлял преобладающую здесь растительность. Ущелье не оказалось совсем безжизненным. Нам попалось в нем несколько штук кара-куйрюков и зайцев, в кустах то и дело шныряли пустынные сойки (Podoces hendersoni), а в горах раздавались голоса кекликов (Caccabis hukar). Но нам некогда было увлекаться охотой. Мы спешили засветло добраться до поселка Мор-гол, а до него, повидимому, еще было неблизко... Ущелье, по которому мы ехали, оказалось сквозным, и стены его сложены из одной породы — красного гранита, только в одном месте прорванного плотным хлоритовым диабазом. При выходе из гор сухое русло Таш-булака разбилось на множество росточей, а впереди перед нами развернулась необъятная равнина, на противоположном конце которой и должен был находиться Мор-гол.

— О, да ведь это еще далеко!

— Да, иолов тридцать...

Мы прибавили ходу, и, по мере того как продвигались вперед, горы стали показываться со всех краев горизонта. Вот они узкой полоской поднялись перед нами, вот впереди их мы увидали деревья, а вот, наконец, и Мор-гол!

Наш караван пришел туда задолго до нас. Он также на своем пути пересек горы, подвергшиеся уже сильному разрушению и сложенные из гранитов и сланцев. Но о них мы скажем ниже, так как этой дорогой мне пришлось возвращаться в 1890 г. Поселков с названием Мор-гол два: северный — таранчинский и южный — китайский. Оба стоят на ключах, из коих северный, менее обильный водой, носит название Ходжам-булак.

Благодаря могиле самаркандского выходца Султана-Улеми-Рахмета, схороненного на вершине Мор-голской гряды (Мазар-тага), местность эта пользуется исключительной известностью в мусульманском мире. Улеми-Рахмет был первым просветителем китайского востока, святым, стяжавшим себе громкую славу. Под старость он удалился в пустыню и умер здесь, на границе ее, окруженный своими учениками. Кажется, в 1712 г. Мор-гол подвергся нападению джунгаров, которые не оставили здесь камня на камне; еще позднее он был приписан к числу земель, отведенных под китайские поселения в Хами (к этому времени относится основание китайского Мор-гола); и наконец, выкупленный по дунганской инициативе у китайского правительства, поступил уже в ведение хамийских ванов, которые, выстроив над могилой этого святого роскошный мазар, в то же время поселили здесь и несколько семейств таранчей, обязанных, взамен других повинностей, охранять и ремонтировать это здание. Таким образом, положено было основание современному таранчинскому поселению.

Одновременно с нами в Мор-гол прибыл караван верблюдов из Су-чжоу.

— Ну, как?

— Вам не пройти... На первом переходе снег небольшой, но со второй уже станции тропинка становится глубокой и узкой. Еще дальше она совсем исчезает, и тут легко заблудиться. К тому же чем вы будете кормить лошадей? Ведь все пастбища теперь завалены снегом?

Мы составили совещание и по совету вожака каравана решили повернуть на Янь-дунь и Куфи.

* * *

В заключение этой главы я привожу некоторые климатические данные за период времени с 26 ноября 1889 г. по 13 февраля 1890 г.

Общее число дней наблюдения было 79. Из них безоблачных или подернутых легкими облаками, вообще ясных, насчитывалось 40 дней, облачных же и пасмурных — 39 дней. Дней с осадками (снегом) было всего 13, что составит на общее число облачных дней 38,2%, а на общее число дней наблюдения 16,5% — результат неожиданный, если вспомнить, что мы имеем здесь дело с местностью, лежащей чуть не в центре Азиатского материка. Впрочем, я должен оговориться: снег выпадал преимущественно только в подгорной полосе; южнее же Хами если и падал, то в столь ничтожном количестве, что уже дня через два, благодаря крайней сухости воздуха, испарялся без остатка.

Ветреных дней было 21; из них с сильным ветром, да и то дувшим порывами, насчитывалось не более трех; таких же, когда ветер усиливался до степени бури, было всего только 2 (27 и 28 ноября). В Хами и к западу от него преобладали северные ветры (СВ, ССЗ), при передвижении же нашем к востоку южные и юго-западные ветры, которые, начинаясь около 10 часов утра, дули до 3 часов пополудни и потом стихали. Я считаю их за бризы. Обширные скопления снега, лежавшего здесь, т. е. в Карлык-тагских горах, в плоскости, перпендикулярной солнечным лучам, отражали последние в воздух, который сильно согревался и восходящим столбом уносился в сторону наименее нагретых частей континента, а именно бесснежных гор Бэй-шаня; взамен же оттуда приносились сюда более холодные струи воздуха. Конечно, к весне явление должно было бы здесь измениться в обратном порядке, но нам не довелось уже быть свидетелями такой перемены.

Не могу не обратить внимание читателя еще на следующую особенность дующих здесь ветров: тогда как в Турфане северо-восточные ветры самые холодные, здесь, в Хами, они всегда приносят с собой некоторое повышение температуры. Я объясняю себе явление это разностью в абсолютной высоте возвышающихся к северу от этих местностей гор.

На пути к Хами северо-восточным ветрам приходится переваливать через вечноснеговую цепь Карлык-тага, южные склоны которой почти на 3 000 футов (914 м) превышают относительную высоту северных, из чего уж следует, что северо-восточный ветер, перевалив Карлык-таг, должен иметь в Хами температуру, несколько бо́льшую, чем в Джунгарии. Но это не все. Ветер этот, несмотря на его сухость, все-таки заключает еще некоторое количество водяных паров, которые при огромном подъеме сгущаются и выделяют скрытую теплоту; таким образом, при подъеме на Карлыктагский хребет он охлаждается в значительно меньшей степени, чем нагревается при спуске с него. Совсем иное мы видим в Турфане, на пути к которому нет сколько-нибудь значительных гор.

Наивысшая из температур, нами наблюдавшихся, равнялась +7°,5 (27 января в 7 час. дня); при этом нелишне заметить, что термометр нередко подымался выше 0° как до, так и после этой высокой температуры. Впервые он перешел на плюс еще 20 декабря (±0,5 в 1 час дня), и такой теплый день был единственным в декабре; начиная уже с 11 января, мы видим, что термометр почти постоянно подымается в полдень и в 1 час пополудни до +1°, +2°, +3°, +4° и +5°; 5° тепла мы наблюдали четыре раза в течение января — 21, 22, 23 и 29-го числа, и раз в течение февраля, а именно 12-го числа, когда суточная амплитуда достигла своего максимума, а именно 22°.

Наименьшая из наблюдавшихся нами температур равнялась —25° (29 ноября, в 5 часов утра); но, вообще говоря, термометр почти постоянно показывал минимум свыше 10°, так что зиму даже в Хами, не говоря уже о подгорной части оазиса, ни в каком случае нельзя назвать мягкой. Не раз мы испытывали морозы, достигавшие —17°, —18°, —19° и даже —21° (30 ноября в 2 часа 30 минут ночи, 1 и 5 декабря в 6 часов утра, 5 и 9 февраля в 6—6 часов 30 минут утра).

Что же касается амплитуд, то, кроме вышеупомянутой, наибольшие наблюдались 26 ноября (18°), 24 декабря (12°,5), 11 и 12 января (12°,5), 27 января (15°,5) и, наконец, 29 января (17°); но вообще, они колебались между 5° и 10°.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Поперек Бэй-шаня
и Нань-шаня
в долину
Желтой реки

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПОПЕРЕК БЭЙ-ШАНЯ

Утро 13 февраля было теплое, светлое, радостное. В 6 часов, при слабом северо-западном ветре, термометр показывал еще 13° мороза, но едва выше поднялось солнце, как лучи его стали разливать давно забытое нами тепло; в 8 часов утра подул ветерок с юга, в 9 часов термометр стоял уже на 0°, а к полудню поднялся до 6°,5.

Пройдя Мазар-таг по сквозному ущелью, мы вышли в каменистую пустыню, в которой, мало-помалу, терялось русло ключа Ходжам-булак, разбившись на несколько веерообразно расходившихся рукавов. Здесь, как и в ущелье, еще виднелась местами растительность: чахлый саксаул (Haloxylon ammodendron) и хвойник (Ephedra sp.?), но дальше и эти признаки органической жизни пустыни исчезли, и только небольшие наметы грязного снега местами разнообразили монотонный ландшафт широко раскинувшейся перед нами равнины.

Однообразие пустыни не нарушалось на всем протяжении пройденных нами в этот день 37 км. Только уже к концу пути на южном краю горизонта обозначилась черная полоска высот левого берега Яньдунского протока. В последний мы спустились по круче и очутились в глубоко врезанном, широком русле периодической реки, обставленном причудливо изваянными стенами, сложенными из красной глины, в порах коей отложилась кристаллами соль. Это русло и вывело нас к Гэ-цзы-янь-дуню, первой станции Хамийской пустыни, в столь мрачных красках описанной Пржевальским [82].

Казенный тань *, в котором мы остановились, оказался огромным, но уже пришедшим в достаточную ветхость зданием. Воды было много, хотя и не совсем хорошего качества; она добывалась из неглубоких колодцев, находившихся по соседству.

---

* Китайский «тань» всего более соответствует русскому — «заезжий двор». Кроме казенного таня в Янь-дуне имеется также четыре частных.

С вечера подул восточный ветер, который ночью усилился, нагнал тучи и вскоре перешел в снежный буран. Снег держался до 9 часов утра следующего дня и стаял, едва из-за туч выглянуло солнце. К 10 часам последние облака скрылись за горизонтом, ветер стих, и мы, пообедав наскоро, стали сбираться в дальнейший путь.

Мы выступили из Янь-дуня в час пополудни. Выбравшись на левый берег протока и миновав пикет, расположенный на пригорке, мы увидели перед собой безбрежную, слегка волнистую равнину, на которой то там, то сям подымались столообразные возвышения, сложенные из таких же ханхайских отложений — красной глины с примесью гравия и мелкой гальки, какие обнажались и в бортах яньдунского русла. Эти столообразные возвышения, показывающие прежний уровень равнины, являются конечным результатом работы господствующих здесь восточных ветров, которые, оставив на месте крупную гальку, кое-где теперь сплошным ковром устилающую вязкую, бурую почву пустыни, унесли на запад более мелкие отложения Ханхайского моря.

Когда стало смеркаться, вправо от дороги показались более значительные высоты; еще дальше одну из таких высот обогнула дорога. Одновременно копыта наших лошадей застучали по беловатым плитам кварцевого песчаника.

К 10 часам вечера подул не сильный, но неприятный встречный ветер. Мороз крепчал, темнота до такой степени усилилась, что мы еле-еле разбирали колею колесной дороги, которая, как мне казалось, шла теперь логом. Но где начался этот лог, куда направлялся и где затем кончился — это осталось невыясненным. Китайцы называют станцию Куфи также Жо-шуй, что значит мертвая река. Не имеет ли это название какого-либо отношения к пройденному логу, который мог бы, действительно, быть ложем «умершей реки», несшей когда-то свои воды к яньдунскому руслу? Наш проводник не сумел ничего на это ответить. Да к тому же он был и не в духе; он замерз в своем легком одеянии и пытливо всматривался вперед, точно ждал, что вот-вот вынырнут перед нами из темноты стены Куфи. Того же ждали и мы, не раз принимая снеговые наметы и выцветы соли за эти стены, хотя по времени знали, что конец пути не может быть еще близок. Но на этот раз расчеты наши оказались ошибочными — расстояние между Янь-дунем и Куфи оказалось почти на пять километров короче предполагавшегося.

Куфи (иначе Ку-шуй) — это небольшой оазис, полузасыпанный надвинувшимися на него с северо-востока песками; его почва представляет солончак, только кое-где поросший Lasiagrostis splendens, Lycium sp., Nitraria Schoberi, Alhagi kirghisorum и некоторыми травянистыми растениями, среди которых проворно шмыгает Podoces hendersoni, почти единственная обитательница этой части пустыни. Вода здесь солоноватая. Тани, которых три, убоги, малы и грязны. Китайская администрация не озаботилась постройкой в Куфи чего-либо приличного, и нам с грехом пополам пришлось поместиться в крошечной, закоптелой и грязной каморке с двумя отверстиями вместо окна и дверей. Кроме этих жалких построек, понятие о коих дает прилагаемая при сем фототипия, в Куфи имеется пикет с несколькими расквартированными в нем солдатами-почтарями и развалившаяся кумирня с тремя колоссальными идолами, которым нехватало голов и конечностей, отбитых еще партизанами Байян-ху.

Станция Куфи

В Куфи мы дневали ради определения координат этой важной точки пустыни.

В дальнейший путь мы выступили 16 февраля. Утро было ясное, но холодное (в 8 часов утра — 8°,5); дул средней силы северо-северо-западный ветер, который и восьмиградусный мороз делал чувствительным. Но вскоре захватывающий интерес развернувшейся перед нами картины заставил и меня позабыть все невзгоды пути и всецело отдаться изучению страны, которая проходилась многими европейскими путешественниками, но которая, тем не менее, рисовалась нам в нашем воображении совсем иной, чем оказалась в действительности. Я говорю о Бэй-шане, северные уступы которого обрывались в пустыню Куфи в 17 км к югу от станции.

О Бейшанских горах китайцы писали, что «начинаясь от Эгярцы-тага *, они простираются через песчаную степь в непрерывном ряде холмов и бугров» [83]. И еще: «Горы (Снежные) простираются от Цзя-юй-гуаня к западу в разных изворотах. Они то возвышаются или понижаются, то пресекаются или вновь продолжаются; то разделяются на отрасли или соединяются в одну

---

* Кашгарский отрог Тянь-шаня.

массу; то восходят до чрезвычайной высоты и касаются облачного неба или уравниваются в низменные гряды и окружают великое пространство. По южную сторону этих гор лежат Комуль, Пичан и другие города, по северную — Баркюль и Урумчи. Горы эти лежат за Цзя-юй-гуанем, содержат 9 тысяч ли протяжения и служат рубежом между Бэй-лу и Нань-лу» [84].

Таким образом, в представлении китайских географов Бэйшанские горы сливаются с Тянь-шанем, образуя с последним одну непрерывную горную цепь, уходящую далеко на запад, «до Западного моря».

О той же связи Тянь-шаня с Бэй-шанем говорят и другие китайские источники. В «Сан-чжоу-цзи-лио» встречается, например, следующее описание Тянь-шаня: «Еще через сто слишком ли он вдруг обрывается, скрываясь у гор Яньчи». «Песчаные степи на юг от гор Яньчи — это Сирха-гоби, называемая бесконечным Хань-хаем. Северо-тяньшанские горы, скрываясь в земле на протяжении более тысячи ли, вдруг выдвигаются за Ша-чжоу и Цзя-юй-гуанем и идут на восток под именем Ци-лянь-шань. Это так называемый южный Тянь-шань». В оде Хун-лян-цзи в честь Небесных гор говорится: «От Лян-чжоу до Или на запад земля подымается чрезвычайно высоко, небо же как бы опускается. Пересекающие это пространство и служащие гранью между Китаем и чужими краями, увенчанные снегами высокие пики и окутанные облаками гряды гор, в верхнем поясе которых не летают пернатые — это все Тяньшанские горы, у северных народов называемые Ци-лянь» [85].

Наконец, и Успенский, описывающий оазис Хами на основании китайских источников, замечает: «По китайским картам южные пределы Хами изрезаны горами, но мы не решаемся дать им какие-либо названия и определить их направление, потому что в китайских источниках, имевшихся у нас под руками, не нашлось никаких сведений об этих горах, исключая не вполне ясных указаний в дорожниках на некоторые перевалы, названия коих едва ли простираются на самые горы. Таким образом, округ Хами представляет низменное, плодородное пространство, окруженное с трех сторон горами, а на западе, по границе с Турфаном, упирающееся в песчаную и безлюдную степь» [86].

Эти китайские известия о Бэй-шане мы можем дополнить лишь весьма немногими описаниями европейских путешественников и извлечениями из дорожников русских приказчиков.

Так, Матусовский, топограф экспедиции Сосновского, сообщает нам следующее об этих горах: «От г. Ань-си-чжоу до Хами, на расстоянии около 340 верст (362 км), лежит пустынная степь Гоби. Поверхность ее представляет волнообразную местность, по которой тянутся с запада на восток гранитные уступы, между которыми проходит дорога, совершенно удобная для колесной езды. Полотно дороги всюду твердое, местами каменистое, но большею частью глинистое, усыпанное мелким щебнем. Растительность очень бедная. Все колодцы, встречающиеся на пути, находятся на незначительной глубине, но некоторые из них имеют горько-соленую воду и сернистый запах» [87].

Пржевальский пишет: «В 40 верстах (42 км) от собственно Хамийского оазиса оканчивается площадь, покрытая кое-какою растительностью и местами представляющая возможность оседлой жизни. Далее отсюда расстилается страшная пустыня Хамийская, которая залегла между Тянь-шанем с севера и Нань-шанем с юга; на западе она сливается с пустынею Лобнорскою, а на востоке с центральными частями великой Гоби. В направлении, нами пройденном, описываемая пустыня представляет в своей середине обширное вздутие (120 верст, или 127 км в поперечнике), приподнятое над уровнем моря средним числом около 5 000 футов (1 524 м) и испещренное на северной и южной окраинах двойным рукавом невысоких гор Бэй-шань. К северу от этого вздутия до самого Тянь-шаня расстилается слегка волнистая бесплодная равнина, дважды покатая: от подошвы Тянь-шаня к югу, а затем, достигнув наименьшей (2 500—2 600 футов, или 762—792 м) абс. выс. в оазисе Хами и прилегающей к нему полуплодородной площади, эта равнина снова начинает повышаться к горам Бэй-шань, недалеко от которых, близ колодца Куфи, достигает уже 3 700 футов (1 127 м) абсолютного поднятия. Точно так же, с южной стороны среднего вздутия Хамийской пустыни, от южной подошвы гор Бэй-шань потянулась к югу совершенная равнина, значительно (на 1 000 футов или 204 м) покатая до русла р. Булюнцзир, а затем, до поднятия Нань-шаня, выровненная в одинаковую абсолютную высоту 3 700 футов (1 127 м)». «Горы Бэй-шань, по словам китайцев, тянутся с запада от Карашара (составляя, быть может, продолжение Курук-тага), а на востоке соединяются с юго-восточными отрогами Тянь-шаня. По своему характеру горы Бэй-шань, за небольшими исключениями, представляют отдельные холмы или группы холмов, достигающих лишь незначительной (от 100 до 300 футов или от 30 до 91 м, редко более) относительной высоты и набросанных в беспорядке на высоком (около 5 тыс. футов, или 1 524 м абс. выс.) поднятии этой части Хамийской пустыни. Определенного гребня в описываемых горах нет, хотя общее их направление от запада к востоку. Из горных пород здесь встречен темносерый доломит, но исключительно преобладают наносные толщи глины с галькою». «Вслед за пройденными горами (северной грядой) раскидывается верст на 50 в поперечнике бесплодная равнина, к востоку и западу убегающая за горизонт. За этою равниною вновь стоят горы с таким же характером и высотой, как предыдущие.

Они также называются Бэй-шань и, вероятно, составляют южную ветвь северной группы. Дорога идет поперек этих гор на протяжении 40 верст. Попрежнему здесь везде преобладают наносы глины с галькою. Только в южной окраине, там, где горы делаются круче и выше, появляется сначала темносерый доломит, а затем глинистый сланец»[88].

Драгоценные данные о Бэй-шане собраны также Потаниным, который в своей статье «Расспросные сведения о стране между Нань-шанем, Хангаем, Хами и Утай-шанем»[89] приводит, между прочим, следующее описание пути между Хами и Юй-мынем, сообщенное ему приказчиком Ерзовским. «От Хами до Утун-казы, — говорит этот последний, — простирается степь, по которой рассеяны небольшие горки. От Утун-казы (Отун-го-цзы) дорога входит в горы. К Ешоу (Иошуй) идут ущельем. Минньшоу (Мыньшуй) прежде, повидимому, была речка; дорога подымается вверх по ее сухому руслу. До Лаванчена (Лобачэна) медленный подъем, настоящего хребта нет, но от Утунказы всё подъем. Высшая точка дороги находится между Минньшоу и Лаванченом. От Лаванчена идет спуск степью. Горы отсюда видны на западе. Ночлеги Шивунху, Орчаутун и Луцугу находятся в горах. От стоянки Урумчи 40 первых ли идут между гор, а остальные 50 ли по ровной степи, которая представляет крутой спуск к р. Мого-тун-голу».

Говоря о том же пути, другой приказчик, Васенев, пишет следующее: «Приближаясь к Мин-шую, дорога пересекает невысокий отрог, а затем идет равниной, которая постепенно переходит в долину, обставленную горами. От Мин-шуя дорога идет пространной равниной, после чего пересекает возвышенную, холмистую местность, но на 18-й версте снова выходит в равнину. От ключа Ема-чен она идет прямо на юг и пересекает глинистые холмы, по южную сторону коих имеется колодец. От этого колодца дорога проходит по отлогому перевалу и спускается к оазису Ню-чжан. Ключ Ню-чжан лежит в пространной котловине, покрытой рыхлым солончаком и травянистой растительностью. Дорога пересекает восточную часть оазиса и входит в холмистую местность; далее она идет нагорной равниной, постепенно втягивается в лощину и выходит на перевал. Отсюда дорога идет по наклонной местности верст пять, затем входит в сухое русло и, наконец, вступает в скалистые горы, при выходе из которых находится колодец Шань-ту-цзы. Отсюда дорога идет снова лощиной, постепенно суживающеюся, после чего, версты две дальше, выходит на равнину, склоняющуюся на юг. От колодца Утун-цзы дорога идет между глинистыми невысокими буграми»[90].

Вышеприведенными данными исчерпывался весь запас имевшихся

у нас сведений о Бэй-шане. Несомненно, однако, что характер некоторой определенности они получили только теперь, после наших исследований этой горной страны, до 1890 же года они годились лишь на то, чтобы, согласно с китайскими картами, заполнять белые пространства неисследованной Гоби между Нань-шанем и Тянь-шанем гадательно вычерченными горами, которые частью неопределенно заканчивались на меридиане Ань-си или Су-чжоу, частью вытягивались на восток в длинный хребет, пересекавший сыпучие пески и достигавший, под именем гор Чухун-шань, Ала-шаня.

У станции Куфи дороги расходятся: одна идет в Дунь-хуан, другая, избранная нами, в Ань-си. Последняя была наезжена и первые шесть километров бежит по рыхлой глинистой почве, редко где усыпанной галькой.

Слабый подъем местности замечается уже на седьмом километре. Здесь дорога взбирается на невысокий увал, за которым появляется и кое-какая растительность: хвойник (Ephedra) и низкорослый камыш; в том месте, где некогда стояла станция, от которой теперь остались лишь бесформенные кучи глины и сырцового кирпича, виднелись два-три кустика тамариска. Но оазис вскоре кончился, и впереди отчетливо обозначились горы. Их северные уступы образованы были выходами яркокрасного диабазового порфирита, который имел здесь почти WO простирание. Порфиритовые горы, отличаясь массивностью своих форм, в особенности к востоку от дороги, относительно были, однако, невысоки, подымаясь высшими своими точками всего лишь метров на 120 над уровнем окрестной пустыни. Впрочем, вскоре они сменились более высокими, темносерого цвета, горами, сложенными, главным образом, из кремнистых сланцев; только в немногих местах однообразие геогностического строения этих гор нарушалось выходами темных глинистых сланцев (метаморфических) и красновато-серых гранитов, хранивших следы глубокого разрушения: коренная порода оказывалась почти всюду прикрытой толстым слоем обломков — конечным продуктом выветривания ее поверхности.

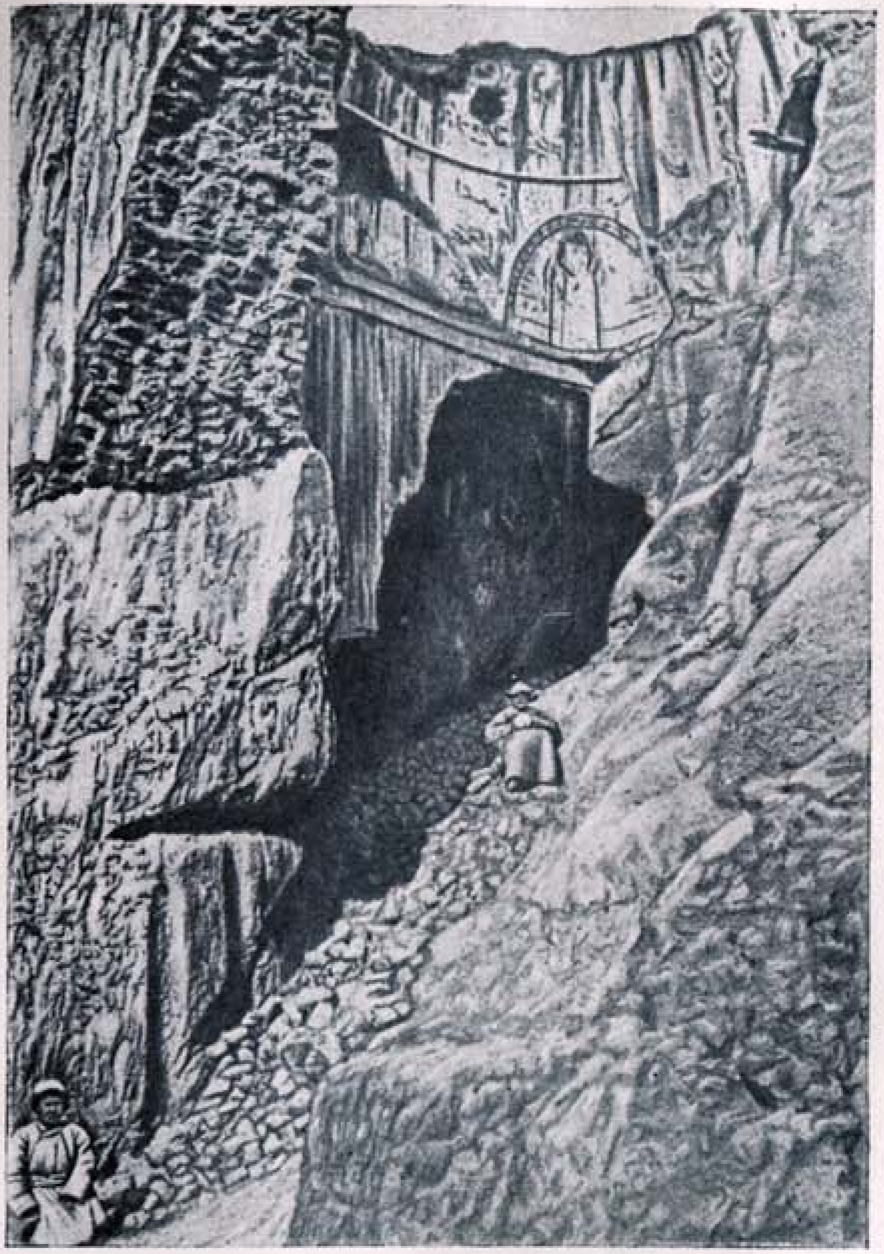
Кремнистые сланцы не образуют здесь ясно намеченного хребта. Огромные толщи его выступают на дневную поверхность в виде отдельных возвышенностей различного очертания, которые то обступают со всех сторон котловинообразные долины, то громоздятся в беспорядке, лишая наблюдателя возможности проследить главное направление их простирания. Относительная высота их вершин колеблется в довольно значительных пределах, достигая 213 м, при абсолютной высоте, приблизительно равной 5 200—5 400 футам (1 585—1 645 м). Одна из таких вершин подымается, не доходя до станции Ша-цюань-цзы, состоящей из трех частных, довольно опрятных и обширных дворов.

Сверх ожидания, несмотря на пустынный характер окрестных гор, мы нашли близ Ша-цюань-цзы довольно разнообразное пернатое население: воронов, Podoces hendersoni, Montifringilla alpicola, Otocorys elwesi, обыкновенных воробьев и затем одного какого-то хищника, может быть, Accipiter virgatus, по которому дал досадный промах казак Комаров.

Вода оказалась здесь слегка солоноватой; сено (нарубленный камыш) и хворост для топлива (карагана и гребенщик) крайне дорогими: мы платили за камыш 1 р. 20 к. за пуд, за небольшую вязку хвороста 20 коп. Ввиду этого пришлось поневоле бросить намерение остаться здесь на дневку для обследования окрестных высот, что представлялось желательным как в топографическом, так и геологическом отношениях. Сверх того нам говорили, что к востоку от станции, по дороге к мыншуйским золотым приискам, имеется несколько глухих ущелий с порядочной кустарной растительностью — посетить их, конечно, было заманчиво!

С самого момента вступления нашего в Бэйшанские горы дорога шла по твердой почве из слежавшегося хряща и щебня, на которой колеса оставляли еле заметные следы; нередко ее пересекали выходы массивных пород или сланцев, которые в таких случаях выступали обыкновенно на дневную поверхность в виде щеток, хрустевших и ломавшихся под копытами наших лошадей. Только в редких случаях дорога пролегала по солончакам, то почти обнаженным, то довольно густо поросшим разнообразными растениями пустыни, главным же образом: камышом, Artemisia sp. (fragrans?), Zygophyllum Potanini, Halogeton arachnoideus, Statice aurea, Reaumuria soongorica, Ephedra sp., Nitraria Schoberi, Tamarix sp. (Pallasii?), Haloxylon ammodendron и Caragana arenaria; еще реже взбиралась она на перевалы, которые уже самой природой приспособлены были для колесного движения. Всего лишь однажды, на перевале через хребет Да-бэнь-мяо, о котором я буду иметь случай говорить ниже, понадобились скальные работы, да и те ограничились снесением каменного откоса на протяжении всего лишь нескольких метров. Такой именно характер дороги наблюдался и на переходе от Ша-цюань-цзы к Син-син-ся, измеряемом китайцами в 90 ли, а нами в 37 км.

Сейчас за станцией Ша-цюань-цзы обнажился протеробаз, который вскоре сменился амфиболитом, высокие скалы которого громоздились по обе стороны от дороги; далее следовал кремнистый сланец, сменявшийся в свою очередь зеленовато-серым диабазом и яркозеленым хлоритовым диабазом, огромные массы которого выступили на дневную поверхность благодаря денудации, что легко заключить из сохранившихся еще кое-где следов налегания на него кремнистого сланца. Этот же кремнистый сланец, местами испещренный прожилками кварца, чередуясь далее с подстилающим его красным роговообманковым гранитом, об-



Развалины уйгурского монастыря

наруживает интенсивную складчатость, причем в настоящее время он уцелел далеко даже не во всех мульдах. Некоторые из последних производят ныне впечатление огромных, высеченных в граните, чаш, заполненных до сильно от времени зазубренных краев гравием, щебнем и еще кое-где уцелевшими скалами кремнистого сланца. Через такие зазубрины, служащие относительно крайне невысокими перевалами, пролегает дорога и, вступив в мульду, капризно бежит среди одиноко торчащих скал до противоположного ее края (крыла), где, отыскав наиболее глубокую брешь (через седло антиклинальной складки), и попадает в следующую, совершенно подобную описанной, мульду.

На 18-м километре от Ша-цюань-цзы в одной из котловин дорога пересекла солончак, поросший камышом, тамариском, Nitraria Schoberi, караганой и другими растениями пустыни, среди которого уныло поднимались развалины заброшенного пикета. Здесь же мы спугнули небольшое стадо джейранов (Gazella subgutturosa), из коих один тотчас же и поплатился жизнью за свою излишнюю доверчивость к людям. В следующей мульде мы снова встретили солончак. Миновав его, а затем и ограничивающий его с юго-востока, разъеденный временем, гранитный (все тот же роговообманковый красный гранит) барьер, мы очутились в долине почти WO простирания, на южной стороне которой поднимался значительной высоты хребет Да-бэнь-мяо, заслоненный почти на всем видимом своем протяжении крайне развитыми предгориями, слагающимися, главным образом, из гранитита. Пока мы шли среди не особенно высоких гранитовых скал, долина продолжала оставаться широкой; но затем она мало-помалу сузилась, справа и слева появились крутобокие скалы, которые, все возвышаясь, достигли, наконец, в северном крыле относительной высоты в 300 м; одновременно наносная почва из-под ног почти исчезла, дорога пошла ложем горного потока, выбитым в сплошной скале кремнисто-глинистого сланца, и, следуя им и сделав крутой поворот сначала на юг, потом на северо-восток, поставила нас здесь лицом к лицу с картиной, которую нельзя было рассчитывать встретить в центре Хамийской пустыни.

Я несколько поотстал от своих, но когда догнал их за поворотом, то помню, что первое, что меня поразило, это — столпившиеся в одну кучу люди и лошади нашего каравана.

— Что случилось?!

Ответом на этот оклик послужили два выстрела, стократным эхом пронесшиеся в горах. По дыму я тотчас же нашел казаков Комарова и Колотовкина, которые в своих полушубках едва выделялись на серожелтом фоне исполинских мраморных скал.

— По ком стреляли?

— Да, вот аркары... Убегли, чтоб им!..

Только теперь я обратил внимание на тесно обступившие нас отовсюду горы, в общем сочетании представлявшие ландшафт, который по своей дикой красоте не затерялся бы и на Памире. Относительная высота этих гор несомненно превышает 450 м; главный же материал, их слагающий, составляет бесслюдистый гнейс, который и образует ось хребта Да-бэнь-мяо. С севера на него налегают мраморы, а потом кремнисто-глинистые сланцы, которые и слагают всю массу гор в северном боку описанного ущелья.

Несмотря на произведенные здесь скальные работы, подъем на перевал через хребет с севера крут и труден для колесного движения. Дорога делает по направлению к нему крутой поворот и, миновав кумирню, от которой эти горы и получили свое название, по глубокой седловине (6 221 фут или 1 896 м) вступает на южные склоны хребта, сложенные на всем своем протяжении из сплошных масс серого роговообманкового гнейса.

Поверхность этого гнейса представляет редкий случай раздувания массивных пород. Смотря сверху, она выглядит окаменевшей морской зыбью или — еще лучше — бугристыми песками, сходство с коими дополняется кустарными растениями, приютившимися почти у каждой кочки, которые состоят из возвышений коренной породы, прикрытых сантиметров на шесть почвой из продуктов ее же поверхностного разрушения. Такую поверхность с слабым склонением к югу гнейс сохраняет километра два, после чего, без заметной постепенности, переходит в скалистые высоты, гребень коих параллелен оси главного кряжа. Эта вторая гнейсовая гряда, местами сильно разрушенная, прорезана глубокими седловинами и ущельями, в одном из которых и расположена станция Син-син-ся (6 027 футов или 1 837 м), состоящая из четырех частных и одного казенного таня. В последнем квартировали солдаты хамийского гарнизона. Оказалось, что хребет Да-бэнь-мяо служит административной границей двух военных округов — Сучжоуского и Хамийского. Воды в Син-син-ся очень много, и она хорошего качества.

В Син-син-ся мы дневали ради охоты на аркаров. Но эта охота оказалась неудачной: наши казаки аркаров не встретили; зато настреляли кекликов (Caccabis huckar). Для коллекции же были убиты: Podoces hendersoni и 25 экземпляров Montifringilla alpicola Pall., которые в большом числе слетались к станции, прельщаясь семянными коробочками в изобилии росших здесь ирисов.

Мороз при тихой погоде достигал в этих горах 21°, днем же в тени термометр показывал выше 0°.

19 февраля мы покинули Син-син-ся. Ущелье скоро кончилось, и мы вышли в узкую долину с глинистой почвой бурого цвета; отдельные холмики, видневшиеся кое-где, состояли из той же глины яснослоистого сложения с примесью песка, гравия и гнейсовой и известняковой гальки. Южную окраину этой долины, которая на востоке и западе упиралась в неясного очертания возвышенности, составляла невысокая гряда гор, носящая у китайцев название Ло-я-гу. Она слагалась из переслаивающихся кремнистых и глинистых сланцев, сменившихся далее пестрыми песчаниками и известняками, обширная свита коих заканчивалась выходами глинисто-слюдяного сланца, образующего, как кажется, дно следующей, менее широкой, долины и выступающего по южную ее сторону в целом ряде грив, сильно разрушенных в своих вершинах.

Эта долина, подобно предшествовавшей, имела глинистую почву и покрыта была возвышениями с обрывистыми краями, состоящими из значительных толщ буро-красной глины, песка и гальки, в каковых толщах я не могу признать ханьхайских отложений, несмотря на их наружное сходство с последними.

На пути между Куфи и Ань-си эти загадочные отложения красных глин встречаются только однажды, а именно в только что описанных долинах, окаймляющих с юга и севера хребет Ло-я-гу; на пути между Юй-мынь-сянем и Хами, о котором речь будет ниже, также всего лишь однажды, а именно, к югу от хребта Лу-чжа-чжин; наконец, брат на своем пути, пересекавшем западный Бэй-шань, этих отложений вовсе не видел; не видел их, как кажется, и позднейший исследователь той же части Бэй-шаня — П. К. Козлов [91].

Не считая возможным видеть в буро-красных глинах, опоясывающих и даже частью налегающих на хребты Да-бэнь-мяо и Ло-я-гу, отложения Хань-хая, я решаюсь высказать предположение, что глины эти, с примесью песка и гальки, отложились в озерах, которые еще, может быть, и в пост-плиоценовое время покрывали некоторые, незначительные, впрочем, части Бэй-шаня.

К югу от гор Ло-я-гу снег виднелся во всех углублениях: в местах защищенных он образовал даже наметы до полутора метров высотой и, должно быть, эти наметы нанесены были давно, так как успели не только слежаться, но и окраситься в розовый цвет.

За красной долиной мы вступили в выровненную местность весьма лишь незначительно приподнятую над дном этой долины. Впрочем, на-глаз даже она продолжала повышаться, всхолмленная сперва выходами глинисто-слюдяного сланца, а затем песчаников и кремнистого сланца (с выходами кварца), причем простирание свиты этих пластов было ONO при угле падения на юг около 80°. Промежутки между этими относительно невысокими, но крайне разрушенными с поверхности гривками заполняли щебень и дресва, весьма однородные по составу и заставлявшие подозревать, что они составляли некогда одно целое с подстилающей их породой. Действительно, в двух-трех местах, взятых случайно, я, сняв толщу щебня в 13 см, добирался и до коренной породы. Этот факт убеждает нас в том, что в снесении хребта, который несомненно когда-то возвышался между красной долиной и солончаковой равниной Ма-лянь-цзин-цзы повинны исключительно только атмосферные деятели.

Помянутая равнина Ма-лянь-цзин-цзы поросла густым, хотя и невысоким камышом и по своей обширности не имеет себе равных в среднем Бэй-шане. Станция расположена почти в центре этой котловины и состоит из пяти заезжих дворов и караульни, в которой квартирует несколько солдат из сучжоуского гарнизона. Воды здесь вдоволь; она прекрасного вкуса и находится на незначительной глубине.

Ночь на 20 февраля была еще довольно холодна: термометр показывал —14°,5 С; но уже в момент нашего выступления ртуть стояла на 0°, а к полудню поднялась до 5° тепла в тени, что соответствовало 15° на солнце; вместе с тем небо было совершенно ясное, а в воздухе была тишь; только временами налетал ветерок с запада и, обдав нас облаком пыли, уносил ее дальше на восток.

От станции Ма-лянь-цзин-цзы солончаком мы шли еще километра три; затем серовато-желтая глина сменилась хрящом, и мы поровнялись с огромным монолитом — горой из кварцита почти WO простирания, выглядевшей точно облитой маслом темнокоричневой массой значительной относительной высоты (не менее 1 200 футов, или 390 м при 7 200 футах или 2 194 м. абс. выс.). Одновременно дорога стала пересекать выходы кварцитов и кварца, которые тянулись на восток до встречи с такими же кварцитовыми горами, выступавшими в виде совершенно разобщенных между собою холмов. Такая местность, выровненная у дороги и заполненная горами по всем сторонам далекого горизонта, простиралась километров на десять. Судя по продолжавшим еще нам попадаться выходам кварца и кварцитов, кое-где лишь переслаивавшихся кремнистым сланцем, возвышенности, замыкавшие с востока Мя-лянь-цзин-цзыскую котловину, должны были состоять из тех же пород. На 13-м километре от станции мы, наконец, вступили в настоящие горы, которые у китайцев носят название общее со всею этой местностью и слагаются из переслаивающихся глинисто-слюдяных (филлитов), кремнистых и глинистых сланцев с частыми выходами кварца. Относительная их высота переходит во многих точках за 700—800 футов (213—243 м), но перевал через них полог и не представляет каких-либо затруднений для колесного движения. По южную сторону этих гор встают новые, но уже менее высокие; в их образовании принимают участие, главным образом, песчаники, которые переслаиваются кремнистыми сланцами. Еще далее горы исчезают, горизонт расширяется, дресва уступает место глине, кое-где поросшей тростником, и перед путником встают стены заезжих дворов, образующих

здесь целую улицу. В Да-цюани имелась даже лавочка, в которой, впрочем, нашлось не более 40 цзиней муки, но мы и этому количеству были рады, так как наши хлебные запасы приходили к концу. Вода здесь оказалась солоноватой, несмотря на то, что доставалась из колодцев на глубине восьми метров, абсолютная же высота места несколько большей, чем на предыдущей станции, а именно, равной 5 925 футам (1 806 м).

Не успел еще на следующий день последний эшелон вьюков выступить со двора станции, как ехавший вперед казак Колотовкин спешился, торопливо выхватил дробовик и выстрелил.

— В кого стрелял?

— Да, вот, хамийская птичка...

Действительно, в его руках мы увидели красивую Ampelis garrulus.

Но какими судьбами попала она сюда, в эти, столь неблагоприятные для жизни пернатых, места?

Беседуя об этой находке, мы незаметно достигли края солончака, который резко обозначался выходами мелкозернистых песчаников. Здесь еще раз наши охотники разволновались, заметив в ближайших камышах стадо кара-куйрюков (Gazella subgutturosa). Но и те их заметили и так как были проворнее людей, то и не замедлили скрыться за соседним пригорком. Тем временем караван уже втянулся в горы — предгорье хребта Ю-хан-лу, имевшего сначала NO простирание, а затем заметно отклонившегося на юг.

На первых порах везде обнажались песчаники, но затем их сменили довольно разнообразные по составу граниты, которые, не образуя высоких гор, в ширину занимали несколько километров; их поверхность местами была до такой степени разрушена, что удара по скале молотком было иногда уже достаточно для того, чтобы вызвать осыпание наружных, выветрившихся частей ее в виде небольших осколков, которые, в свою очередь, легко ломались в руках.

Едва мы вступили в эти горы, как перед нами развернулась небольшая котловина, середину которой занимал солончак. На краю последнего расположен был полустанок Сяо-цюань, который получал воду из неглубокого, но не особенно богатого водою колодца.

Отсюда местность стала довольно заметно возвышаться, а горы Ю-хан-лу принимать более дикий, скалистый характер. Граниты сменились столь распространенными в Бэй-шане кремнистыми сланцами с жилами кремня, очень скоро выклинивавшимися вглубь, а затем красными гранититами, мощные выходы которых заставляли дорогу не раз давать большие излучины. Граниты, сложив гребень хребта, который возвышался над дорогой метров на триста, вскоре понизились, образовали седловину и, выступив еще раз в южных боках последней, скрылись под круто приподнятыми толщами кремнистого сланца, который, переслаиваясь далее с известняками, образовал новый горный подъем OSO простирания. В то же время на востоке километрах в пятнадцати от дороги, ясно обозначились высоты, имевшие NNW направление, которое они сохраняли и в течение всего последующего дня до встречи с западным продолжением гор Бэй-сянь-цзы.

Еще далее на юг кремнистые сланцы исчезают; их окончательно сменяют известняки, которые, чередуясь с песчаниками, и обрываются в всхолмленную невысокими грядками котловину Хун-лю-юань, по которой протекал небольшой ключик. Здесь выстроено четыре просторных таня; в одном из них мы застали в числе других постояльцев и несколько ишакчей из Хами, которые везли на родину сырые кожи яков и гаотайский рис. Абсолютная высота этой станции оказалась еще большей, чем высота Да-цюана, и равнялась 5 975 футам (1 821 м).

Выступив на следующий день из Хун-лю-юаня, мы сразу же стали втягиваться в невысокие горы Ша-цюань, сложенные на северных своих склонах, главным образом, из песчаников и известняков. Эта свита пород налегала на несогласно с ними пластующиеся глинистые сланцы, которые далее выходили на дневную поверхность и образовывали наивысшие части сильно разрушенного хребта, подымающегося в среднем метров на 150 над полотном дороги. Пройдя эти горы, мы вступили в местность, представляющую почти выровненную поверхность гнейсов и слюдяных сланцев, переходящих в гнейс, прикрытых кое-где дресвой и щебнем, среди коего в изобилии попадалась кварцевая галька; кварц, впрочем, выклинивался на поверхность довольно часто, в особенности в области простирания гнейсов, резко выделяясь на их темном фоне в виде яркобелых пятен.

Такою местностью, обнаруживавшей заметное склонение к югу, мы шли километров десять, когда неожиданно очутились на берегу сухого русла реки, которое скалой слюдяного сланца разбивалось на два рукава, из коих южный был глубже северного, менее занесен глиной и галькой и хранил ясные следы временами текущих здесь вод. Вершина этой реки терялась вдали, но в принятом ею направлении мы заметили значительные высоты (вероятно, продолжение хребта Ю-хан-лу), позади которых подымался огромный голец, известный у монголов под именем Баин-ула.

По южную сторону сухого русла снова выступил слюдяной сланец, а дальше, на протяжении 8 км, дорога пересекала невысокие гривы чередующихся между собою глинистых сланцев и гнейсов. Наконец, мы вышли в солончаковую котловину Бай-дунь-цзы, отовсюду замкнутую горами, в которой протекал ручей, составлявшийся из ключиков и наполнявший затем два обросших

камышом пруда. Расположенная здесь станция представляла уже настоящее поселение: один казенный, два частных таня, пикет, кумирня, две-три лавочки и, наконец, еще какие-то постройки в развалинах.

На станции съезд проезжающих был настолько велик, что мы едва могли разместиться, да и то только по отбытии какого-то мандарина, который совершал свой переезд на место нового служения в сопровождении немалого числа слуг. От него мы узнали чрезвычайно встревожившее нас известие: на р. Су-лай-хэ показались полыньи, делающие переход через нее если еще и возможным, то далеко не безопасным. Как нарочно, день 22 февраля был необычайно теплым: около полудня термометр в тени поднимался до 14°, а к 9 часам вечера спустился всего лишь до —0°,5. Итак, следовало торопиться перешагнуть это последнее препятствие, отделявшее нас от полосы культурных земель вдоль северных склонов Нань-шаня.

К Су-лай-хэ мы выступили ночью. Горы, окаймляющие котловину Бай-дунь-цзы с юга, а за ними и последующие возвышенности, оказались сложенными из переслаивающихся между собою гнейсов и кристаллических (глинистых) сланцев, которые, как мы это видели выше, выступали и в горах между сухим руслом и станцией. Эта огромная свита кристаллических сланцев заканчивалась выходами песчаников, которые и служат в этом месте южной гранью Бэй-шаня.

К югу отсюда потянулась галечная пустыня, над которой, в фиолетовой мгле, уже ясно рисовался снеговой гребень Нань-шаня — обиталище духа земли (лин-цзы) Ло-ву или Гянь-ву, которого китайцы изображают чудовищем, имеющим лицо человека и тело тигра, с ожерельем из девяти человеческих голов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ДОЛИНОЙ Р. СУ-ЛАЙ-ХЭ

Последние скалистые высоты встречены были нами на девятом километре от станции Бай-дунь-цзы; отсюда же, на протяжении целых двадцати километров, потянулась равнина, представлявшая характер типичнейшей, почти вовсе лишенной растительности, каменистой пустыни. Галька только в непосредственной близости от реки сменилась глиной, поверхность коей была изрыта старицами и еще заливаемыми в половодье рукавами реки. Здесь кое-где камыш, чий (Lasiagrostis splendens), гребенщик и другие растения пустыни, а также небольшими площадками виднелись и так называемые в Туркестане «сазовые», т. е. преимущественно осоковые травы.

В сотне шагов от р. Су-лай-хэ высилась большая кумирня Лун-хуан, вход в которую стерегли два безобразных с отбитыми конечностями идола; впрочем, она производила впечатление поддерживаемого здания.

Плёс Су-лай-хэ, разбившийся на два протока, имел здесь в общей сложности до 53 м ширины, но река, судя по характеру ее весьма отлогих берегов, не могла быть особенно глубока. Китайцы нас не обманули: лед, действительно, местами отстал от берегов и кое-где дал значительные пересекающиеся между собою трещины.

Так как подо мною была самая сильная из лошадей каравана, то я и решился прежде, чем допустить переправу, лично испробовать крепость ледяного покрова. Рискованнее всего был первый прыжок через небольшой ручеек, который стремительно несся по льду у самого берега, но затем все пошло гладко, и я почти рысью выбрался на травянистую площадку левого берега Су-лай-хэ, куда вскоре собрался и весь остальной караван. Так как площадка эта была сырая, то мы поднялись выше, на следующую речную террасу, где и остановились, не доходя метров 640 до городка Ань-си.

Едва мы разбили свой лагерь, как к нам явились китайцы с предложением купить у них пару фазанов. Это были великолепные экземпляры самцов Phasianus satscheuensis Plsk.

Николай явился тотчас же на сцену.

— Спроси у них, где добыли они этих птиц.

— Да тут вот, в полукилометре отсюда, в кустарниках, около фанз, их сколько угодно.

— Ну, ребята, завтра охота!

Радости нашей не было конца.

Но радость эта была преждевременной.

В 7 часов вечера подул западный ветер, принесший тучи и холод. Погода вдруг изменилась до неузнаваемости. Еще накануне мы радовались наступлению тепла и весны, а теперь мы принуждены были вновь вынуть запрятанные уже валенки, фуфайки и другие теплые вещи. В течение последующих четырех дней, проведенных нами на стоянке у г. Ань-си, ветер менял несколько раз направления, будучи то западным, то северо-западным, то, наконец, северо-восточным. Ночью с 24 на 25 февраля дул сильнейший северо-восточный ветер, который нагнал тучи темносвинцового цвета. В час пополудни повалил снег при температуре — 2°,5 С; в 6 часов вечера к снегу присоединился сильный ветер, который свирепствовал часа три и чуть не причинил нам порядочной беды. Он застиг возвращавшихся с охоты на джейранов (Gazella subgutturosa) казаков Глаголева и Колотовкина, которые вскоре потеряли дорогу и, изнемогая от усталости, брели уже наудачу, когда вдруг заслышали сигнальные выстрелы. На радостях они выпустили в ответ последний патрон, после чего без дальнейших злоключений добрались до нашего лагеря. Пурга окончилась, но снег продолжал валить в течение всей почти ночи, так что утром нам пришлось отгребаться, точно мы находились не на краю Гобийской пустыни, а у себя на родине. Замечательно, что и в последующие дни небо оставалось пасмурным; оно несколько расчистилось только вечером 26 февраля, да и то ненадолго; вместе же с сим холод усилился, и в ночь на 27 февраля мороз достиг —24°.

Такая погода очень мешала нашей охоте; тем не менее нам все же удалось добыть здесь для коллекции несколько превосходных экземпляров Phasianus satscheuensis, которые действительно во множестве держались в кустарниковых зарослях к юго-западу от Ань-си. Сверх того нашими охотниками убито было несколько экземпляров горных куропаток (Caccabis huckar), встреченных ими у городских стен. Но всего удачнее оказалась охота на джейранов, которые держались в непосредственной близости от нашего лагеря стадами голов до двадцати и были настолько мало запуганы, что подпускали к себе нередко охотника на меру прямого выстрела. Свою стоянку на р. Су-лай-хэ мы покинули 28 февраля. Поднявшись на верхнюю террасу, поверхность коей состояла из рыхлой, пропитанной солью, песчано-глинистой почвы, мы очутились в виду городских стен.

Ань-си оказался в развалинах. Со времени разгрома его дунганским партизаном Байян-ху прошло уже восемнадцать лет, а между тем он остался почти таким же, каким его описывает Пясецкий [92].

Ань-си стоит на окраине пустыни и на главном пути, соединяющем восток и запад Китайской империи. Казалось бы, как не восстать ему из развалин? А между тем он не привлекает охотников в нем селиться; его торговые ряды попрежнему составляют ряд жалких лавчонок, в которых можно достать лишь самое необходимое; его гарнизон слаб, а чиновники смотрят на назначение их сюда, как на ссылку.

Впрочем, история показывает, что город этот, который в 1889 г. мог праздновать двухтысячный юбилей своего существования, никогда не играл видной в ней роли. Он был основан под именем Мин-ань в 111 г. до нашей эры. При Суйской династии, в 581 г., его переименовали в Чан-лэ-сянь. При Танах, когда пределы Китайской империи были отодвинуты далеко на запад и сношения с Западным краем участились, значение его возросло: он был сделан окружным и переименован в Гуа-чжоу [93]. С X в. история о нем вовсе не упоминает. Долину р. Су-лай занимали последовательно тибетцы, уйгуры и тангуты, при коих край этот совсем заглох; даже торговые и посольские караваны избирали в это время другие пути: направлявшиеся к киданям и чжурчженям шли вдоль южной подошвы Хангайских гор, направлявшиеся же к Сунам, в южный Китай — через Цайдам и мимо озера Кукунор. В XIII в. тангутов сменили монголы, при которых особенно оживилась долина р. Эцзин-гола, служившая торным путем для сообщения западных областей Китая с Кара-корумом. Продолжал ли существовать в это время Гуа-чжоу или лежал в развалинах, положительно неизвестно. Марко Поло о нем вовсе не упоминает. Столь же мало известна судьба этого города и в последующую историческую эпоху. Наконец, при императоре Цяньлуне, мы вновь слышим о нем, но уже под современным названием Ань-си-чжоу. Сперва здесь был учрежден военный пост, но после упорядочения дел в Джунгарии и постройки там целого ряда укрепленных поселений китайское правительство сочло необходимым продолжить линию последних и далее на восток за Гобийскую пустыню, до западных ворот Великой стены. Тогда-то и были построены города Ань-си (1759 г.) и Юймынь (1760 г.).

Стены Ань-си, высокие, но растрескавшиеся и уже частью осыпавшиеся, имеют почти правильную четырехугольную форму и вытянуты с северо-запада на юго-восток; в этом же направлении от ворот до ворот пересекает город и главная улица, обстроенная жалкими лачужками и мало привлекательными танями и лавками; под прямым углом к этой улице отходит другая, упирающаяся в северо-восточные, вероятно с дунганских времен заделанные, ворота. Заглянув в эту улицу, мы увидали только развалины: такие же развалины заполняли и всю южную половину Ань-си. Но что особенно нас в нем поразило — так это песок, который успел затянуть в городе многие неровности почвы. Этот песок местами, как, например, близ восточных ворот, будучи присыпан к городской стене, достигал там до высоты ее зубчатого карниза, производя впечатление типичнейшего бархана. Еще более значительные налеты песку прислонялись к наружной стороне этих стен. Здесь они успели даже порости кое-какою растительностью: у подошвы Alhagi, а выше — солянками. На этот занос песком города обратил уже внимание д-р Пясецкий, который, подъезжая в 1875 г. с востока к Ань-си, «мог разглядеть огромные сугробы песка, образовавшиеся у городских стен и достигающие высоты последних» [94]. По мнению Лочи, этот песок, главным образом, местного происхождения, освободившийся благодаря проведению в песчаных наносах Су-лай-хэ системы оросительных канав [95]. Как бы то ни было, но в настоящее время песок этот засыпает Ань-си, так что прав был Пясецкий, когда писал, что на этом примере мы воочию видим, каким путем погребаются города, «сходя со сцены и исчезая под почвою» [96].

Пройдя город, мы вышли в солончаково-глинистую равнину, кое-где вспаханную, кое-где затянутую песком, на всем же остальном пространстве поросшую чием, к которому только в немногих местах примешивалась кустарная поросль, состоящая из гребенщика, караганы и чингиля (Halimodendron argenteum). Чий ближе к реке сменялся камышом, а за рекой, которая бежала и здесь несколькими рукавами, снова виднелся чий, но уже редкими островками среди огромных пространств каменистой пустыни, заполнявшей весь северный горизонт до невысоких скалистых пригорков — южной грани Бэй-шаня. В одном месте эта пустыня перешагнула даже на южный берег реки, но здесь она скоро выклинивалась в чиевой степи.

«Весной, — пишет П. К. Козлов [97], — здесь все зелено, и ландшафт ласкает взор путешественника»; в феврале же местность эта представляется довольно унылой, и если мы не соскучились качаться в седле, то единственно только благодаря частым встречам с пешеходами-китайцами, которые длинной вереницей, с коромыслами на плечах, бодро шли по пыльной дороге.

— Куда? зачем?

— В Или-хэ... селиться... там нам дадут землю, деньги, пару волов...

И, соблазнившись такой перспективой, они шли теперь налегке, имея при себе не более пуда багажа, в далекий, неведомый край! Какая энергия!

На двенадцатом километре от Ань-си мы прошли мимо небольшого селения Нань-гань-лу, расположенного у края верхней береговой террасы р. Су-лай-хэ. Отсюда мы завидели впереди лес, который начинался довольно редкими насаждениями, но затем все более и более густел и, наконец, переходил в сплошную чащу, скрывавшую в себе целый ряд хуторов, которые то группировались у какого-нибудь арыка, образуя селение, то стояли особняком, но всегда в стороне от дороги. Этими насаждениями, состоявшими главным образом из карагачей, мы шли около пяти километров до крепостцы Сяо-вань, служащей обычным этапом для караванов, следующих этим путем. Близ нее остановились и мы и, в надежде добыть для нашей орнитологической коллекции в окрестных садах зимующих птиц, решились дневать. К сожалению, наши ожидания не оправдались в той мере, как мы этого желали. Птиц было поразительно мало, и нам, после долгих поисков, пришлось, наконец, удовольствоваться следующими видами: Astur palumbarius, Lanius borealis var. sibiricus, Ampelis garrulus и Turdus pilaris. Зато мы вдоволь наохотились здесь на сачжоуских фазанов, в чем нам усиленно помогал ретивый пойнтер Васька, получивший свое охотничье воспитание в Закаспийской области, в восьмидесятых годах еще изобиловавшей фазанами.

3 марта мы выступили дальше. Пройдя Сяо-вань, мы вышли на чиевую степь, по которой то там, то сям разбросаны были хутора и обсаженные тополями поля. Степь эта оканчивалась у покинутого пикета Са-чу-вань, к востоку от которого высилась гряда гор Сань-сянь-цзы. Хотя пустынная и в том месте, где ее пересекает дорога, невысокая, гряда эта, тем не менее, заслуживает особенного внимания, так как, служа, под именем гор Дабан-шань, передовой цепью Нань-шаня, она в этом месте уклоняется к северо-востоку, пересекает долину р. Су-лай-хэ и, выклиниваясь в пустыне, служит орографической связью Нань-шаня и Бэй-шаня, который именно в этом месте своими южными уступами всего ближе подступает к реке.

Здесь я считаю вполне уместным высказать свой взгляд на отношение Бэйшанских гор к соседним горным системам.

«В один из геологических моментов, — пишет Богданович[98], — до наступления девонского периода, точнее — средне-девонской эпохи, на месте среднего Кунь-луня, может быть, только его западной и восточной оконечностей — Мустаг-ата и восточного

Тянь-шаня — поднималась суша гнейсов и кристаллических сланцев. Древняя структура этих пород показывает, что поднятие их в среднем Кунь-луне происходило в восточно-северо-восточном направлении, т. е. в тех же направлениях, которые являются характерными для этих хребтов в настоящее время. В средне-девонскую эпоху воды моря стали наступать на эту сушу, смывая все на своем пути. К концу этой эпохи на месте среднего Кунь-луня поднимались лишь незначительные острова гнейсов и кристаллических сланцев, окруженные уже мелководным девонским морем, а севернее — в восточном Тянь-шане — глубокое море продолжало еще развиваться. В один из следующих моментов геологической жизни на месте среднего Кунь-луня, где перед тем мы видели мелководное девонское море и разрозненные острова, поднимается снова материк из отвердевших осадков этого моря. Поднятие и этой суши происходило в восточно-северо-восточном направлении. В западном Кунь-луне и Тянь-шане вокруг гнейсовых островов продолжает существовать в это время еще глубокое море, но уже не девонское, а каменноугольное. Это глубокое каменноугольное море к концу этого геологического периода стало наступать на сушу среднего Кунь-луня. Следствиями этого возобновившегося морского покрытия в среднем Кунь-луне мы видим в настоящее время значительные мелководные прибрежные осадки, слагающие поверхность северо-западного Тибета и южного склона Кунь-луня. Этим наступлением моря, которое я называю тибетской трансгрессией, закончилось и его существование. Трансгрессия эта сопровождалась, быть может, удивительнейшими по своим результатам явлениями абразии рельефа площади северо-западного Тибета; средний Кунь-лунь, быть может, представляет только остаток сложного древнего рельефа этой страны. После этой трансгрессии началось образование материка, которое на площади среднего Кунь-луня и Тянь-шаня выразилось интенсивною складчатостью однообразного уже северо-западного направления. С этой эпохи и по настоящее время вся нынешняя система Кунь-луня и Тянь-шаня подчиняется одному общему ходу материкового развития с западо-северо-западным направлением поднятий. Сбросы в северо-восточном и северо-северо-восточном направлении нарушают в третичный период однообразный ход такого развития. Ингрессивные слои юрских угленосных осадков и меловых морского характера служат единственными более или менее достоверными свидетелями дальнейшей судьбы этой суши. Части ее, с окончания тибетской трансгрессии не покрывавшиеся больше морем, пока остаются для нас немыми».

Эта широко и ясно нарисованная картина геологического прошлого части Центральной Азии дает нам те необходимые рамки, в которые легко укладываются и изложенные выше данные о геологическом строении Бэй-шаня, собранные мною в надежде передать их когда-либо для обработки специалисту-геологу. К сожалению, обстоятельства так сложились, что мне самому приходится теперь браться за непривычную работу и писать о предмете, недостаточно мне знакомом.

Мы уже видели, какое огромное распространение имеют гнейсы и полукристаллические сланцы в Бэй-шане. Можно сказать, что они-то главным образом, и слагают Бэй-шань, образуя как значительнейшие из его хребтов, так и почву котловинообразных долин между ними. Главных направлений, коими следуют хребты Бэй-шаня, а равно и Нань-шаня, два: WNW (восточно-тяньшанское) и ONO (средне-куньлунское); комбинация этих направлений в мелком масштабе дает еще третье направление OW; наконец, можно встретить и еще одно направление — NW, но реже, чем первые три [99]. Это обстоятельство указывает на то, что в Бэй-шане столкнулись два направления древнейших стяжаний Центральной Азии — куньлунское и тяньшанское. Вероятно, в каменноугольную, а, может быть, еще и в девонскую эпоху, воды моря, говоря словами Богдановича, стали наступать на эту сушу, смывая все на своем пути. Наступание это шло с юга, причем, как кажется, каменноугольное море не проникало за хребет Да-бэнь-мяо, предоставив всю северную часть Бэй-шаня действию других разрушителей — атмосферных агентов, которые, снеся на его глубины огромные толщи сланцев (главным образом кремнистых), обнажили массивные выходы гранитов, сиенитов, диоритов и диабазов, изверженных, вероятно, еще в азойский период, когда впервые намечался горный скелет Азиатского континента.

С концом каменноугольной эпохи закончился и период размыва морскими водами бэйшанских хребтов. Интенсивная складчатость каменноугольных песчаников и известняков показывает, что последние моменты роста Бэй-шаня сопровождались энергичной дислокацией, нагромоздившей хребты западо-северо-западного простирания, что доказывается тем, что гряды, в сложении коих принимают участие почти исключительно одни только осадочные образования, как, например, гряды каменноугольных песчаников к северу от кряжа Бага-Ма-цзунь-шань, имеют строго WNW простирание.

Когда закончился рост бэйшанских хребтов — определить не берусь; но что он закончился раньше, чем в горных областях, примыкающих к ним с юга и севера, это не может подлежать никакому сомнению. Главное поднятие Тянь-шаня, совершившееся в том же западно-северо-западном направлении, вознесло ханьхайские отложения на огромную высоту, превышающую 3 650 м абсолютного поднятия. Это грандиозное стяжение земной коры, всего сильнее проявившееся в области Чатыр-куля, в Тянь-шане и в Нань-шане, конечно, должно было отразиться и в периферических частях Бэй-шаня, где мы, действительно, и видим изогнутие толщ ханхайских отложений как в долине р. Эцзин-гола [100], так и на нашем пути к северу от Хой-хой-пу, где на ярусе надкаменноугольных отложений, состоящих из пестрых конгломератов, песчаников и голубовато-зеленых и бурокрасных песчанистых глин трансгрессируют ханьхайские (гобийские) формации. Эти движения земной коры могли нагромоздить новые складки и на линии хребта Лунь-шань, где мы, действительно, и видим ханхайские толщи приподнятыми на некоторую высоту, но были не в силах значительно изменить первоначального древне-куньлунского направления кряжей Чи-цзинь-шанского и Сань-сянь-цзы.

Чтобы не возвращаться еще раз к Чи-цзинь-шанским горам, я замечу, что, глубоко вдаваясь между хребтами Нань-шаня, Хань-хай заливал и всю подгорную его часть; но тогда как в области собственно Нань-шаня, где хребты достигали уже значительной относительной высоты, море это было лишь ингрессивным, здесь оно успело смыть многие неровности почвы и, между прочим, отделить Чи-цзинь-шанские высоты от остальной части Бэй-шаня, сохранив нам, однако, ясные указания на некогда существовавшую взаимную связь между ними в виде водораздельных вздутий, о которых я буду иметь случай говорить ниже подробнее.

Таким образом мы видим, что до конца нижнего яруса Ханьхая центральная часть Гоби имела общую историю развития с Нань-шанем, который не отличался от нее и орографически, представляя, подобно современному Бэй-шаню, очень сложный горный рельеф, обусловленный столкновением дислокаций по двум различным направлениям — WNW и ONO. При этом, однако, абсолютная высота всей площади Бэй-шаня была большей, чем Нань-шаня, хотя и тут многие точки и даже целые гребни подымались до высоты 8—9 тыс. футов (2 400—2 700 м).

В конце меловой эпохи Ханхайское море стало наступать с востока на Центральную Азию. Оно залило, как выше было замечено, все продольные долины Нань-шаня, но в пределах Бэй-шаня проникло лишь заливами или рукавами, из коих самый широкий совпадал с направлением нынешней Эцзинголской долины. В один из моментов существования этого моря в области Нань-шаня обнаружились грандиозные горообразовательные процессы, которые и приподняли наньшанские хребты до современной их высоты. Ханхайское море отступило, но затем оно еще раз залило предгорье Нань-шаня, смывая на своем пути вновь образовавшиеся складки из толщ, отложившихся на его же дне несколько ранее.

На северной окраине Бэй-шаня дислокационные процессы закончились еще раньше, чем на южной. Они ознаменовались грандиозными сбросами на востоке и флексурным изогнутием пластов на западе, обусловившими образование открытой нами впадины вдоль подножий Тянь-шаня. Такой сброс представляет уже Тянь-шань к западу от Чоглучайской гряды, далее же к югу ступенчатое понижение замечается в юрских угленосных кварцевых песчаниках, с которыми несогласно пластуются (например, в окрестностях Турачи) отложения Ханхайского моря. Эта дислокация сопровождалась в Бэй-шане, как и в Тянь-шане, извержениями по линиям сбросов порфиров, порфиритов и мелафиров. Каких-либо признаков поднятия Карлык-тага в эту эпоху, по крайней мере на южных его склонах, мною обнаружено не было. Его южная подошва, образованная хлоритовыми диабазами и эпидотовыми и хлоритовыми гранитами, прорезанными жилами плотного хлоритового диабаза, покрыта только аллювием; равным образом и в глубине гор я нигде не видел каких-либо следов новейших морских отложений, так как весь хребет состоит из свиты массивных пород и кристаллических и полукристаллических сланцев[101]. Впервые ханхайские отложения на пути от Карлык-тага к югу встречены южнее Морголской гряды, что, впрочем, и было уже отмечено выше.

Несмотря на позднейшую дислокацию в области Нань-шанских гор, местность, расстилающаяся вдоль северной их подошвы, успела вполне сохранить все особенности рельефа Бэй-шаня и в настоящее время представляет ряд мульд, вытянутых то в WNW—OSO направлении, то в направлении NO—SW.

Самая обширная из этих мульд — западная, вмещающая нижнее течение р. Су-лай и котловину озера Хала-чи (озера Хара-нор). На востоке она упирается в гряду Сань-сянь-цзы, которая, пересекая долину р. Су-лай-хэ, почти сливается с горами Бэй-шаня, близко подходящими здесь к руслу названной реки и вновь отклоняющимися на север, лишь немного не доходя до меридиана укрепления Чи-дао-гоу. Это отклонение невелико, и уже несколько километров дальше Бэй-шань вновь подходит к плёсу Су-лая, оставляя между собою и этим последним неширокую (от 3 до 8 км) полосу земли, в обводненных местах поросшую камышом, в остальных — лишенную всякой растительности, если не считать изредка попадающихся кустиков Eurotia ceratoides и чия. Такой рельеф местности дал мне повод писать, что не только рисуемых на наших картах озер Чин-шэн-хэ и Хуа-хай-цзы не существует в настоящее время, но что они здесь и существовать не могли. Равным образом, как мы ниже увидим, едва ли существовало к востоку от последнего, по крайней мере в историческое время, и озеро Алак-чий.

На карте д'Анвиля, изданной в 1737 г.[102], озера Чин-шэн-хэ и Хуа-хай-цзы не показаны вовсе; не показаны они и на позднее изданных — карте Гримма (1833 г.)[103], составляющей копию с

Вверху: станция Син-син-ся

Внизу: кумирня у восточных ворот Цзя-юй-гуаня карты Клапрота, и картах Иакинфа. Впервые же они появляются на китайской карте Дай-цин-и-тун-юй-ту, изданной в 1864 г., и с нее переходят уже сперва на карты Рихтгофена, а затем и на другие карты, издававшиеся в Европе, причем составителей их не смущала даже явная несообразность проведения вьючной дороги поперек значительной водной поверхности. Отсюда ясно, что фабрикация означенных озер должна быть отнесена к новейшему времени.

Относительно же озера Алак-чий вопрос стоит иначе. На карте д'Анвиля это озеро (Алак-нор) показано в устьях двух безымянных речек (Чи-ю-хэ и Ма-гэ-чэн); на карте Гримма мы имеем тут уже два озерка: Алтан-нор и Алак-нор; наконец, на картах Иакинфа безымянные озера показаны: западное при устье одного из русел Булунгира, восточное при устье р. Ма-гэ-чэн, берущей начало в ключах и болотах Чи-цзинь-ху. Это второе озеро действительно существует; его окрестности изобилуют камышовыми зарослями и до настоящего времени составляют достояние монголов — вероятных потомков чингиньцев.

Из всего вышеизложенного я делаю такой вывод.

В юаньские времена, когда расселенные в Юй-мынском округе монголы нуждались в лугах для зимовок, луга эти создавались искусственным спуском вод Булунгира на земли, уровень коих не превышал речного уровня в половодье. Вот эти-то временные водные пространства, соры, и занесены были на китайские карты в качестве постоянных озер; на картах же Иакинфа они фигурируют в виде значительной безымянной водной поверхности при устье одного из русел Булунгира. Может быть, это Хуа-хай-цзы китайского атласа Дай-цин-и-тун-юй-ту. Далее к востоку от этого периодически затопляемого пространства находилось и настоящее озеро, составляющее сток р. Ма-гэ-чэн; оно существует и поныне, хотя сократилось в своих размерах значительно; на карте Крейтнера оно носит название Па-лин-хай. Никаких же других озер к северу от большой дороги из Юй-мыня в Су-чжоу нет и, думаю, быть не могло.

К востоку от Ань-си — Дунь-хуанской мульды находится долина, которую можно было бы назвать Юй-мынской. На севере и северо-западе она ограничивается горами Сань-сянь-цзы и их продолжением—кряжем Дабан-сянь, на юге и юго-востоке—Наньшанским подгорьем и горами Чи-цзинь-шань. К востоку от этих гор находится третья мульда, имеющая почти меридиальное направление; на севере она упирается в Бэй-шань. Ее северо-западной окраиной служит плоский, еле приметный увал — несомненное продолжение западной ветви гор Чи-цзинь-шань. Прикрытый ныне толщей глины и гальки, он представляет, вероятно, абрадированные Хан-хаем выходы плотных пород, послужившие препятствием к излиянию вод Булунгира (абс. выс. уровня —

4 774 фута, или 1 455 м) в нижележащую котловину Инь-пань-фу-цзы (4 255 футов, или 1 296 м). Последующие две мульды: Су-чжоу — Гань-чжоуская и Лян-чжоуская, отовсюду ограничены горами и составляют совершенное подобие котловинообразных долин, лежащих к северу от долины р. Су-лай-хэ, т. е. уже в пределах Бэй-шаня.

Теперь я перехожу к дальнейшему описанию Принаньшанья, вдоль пройденного нами пути.

В том месте, где пересекает гряду Сань-сянь-цзы большая дорога, гряда эта имеет в ширину 8 км и разбита на три рукава скалистых пригорков, имеющих почти одинаковое превышение над уровнем долины р. Су-лай-хэ. Главную массу последних, а также почву продольных ложбин составляет мелкозернистый гнейс с выделением кварца, пересеченный в одном только месте (в центральном массиве) мощной сиенитовой жилой; на обоих склонах этой гряды гнейс прикрыт мелкозернистым, по определению Лочи[104], каменноугольным песчаником. Лочи же видел в этих горах выходы слюдяных и амфиболовых сланцев, пересеченных жилами кварцевого диорита и амфиболового гранита, но я думаю, что эти выходы находятся где-нибудь в стороне от дороги.

Спустившись с гор Сань-сянь-цзы и пройдя километра два среди поросших чием и местами занесенных снегом лёссовых бугров, мы вышли к селению Шуан-та-пу, в котором и остановились. Подобно селению Сяо-вань, Шуан-та-пу состояло из нескольких, окруженных полями, хуторов, группировавшихся вокруг небольшой крепостцы, вмещавшей, кроме казарм, крошечный базар и постоялый двор. В его окрестностях мы снова натолкнулись на сачжоуских фазанов, которые в числе восьми экземпляров и попали в нашу коллекцию.

Только переночевав в Шуан-та-пу, мы на следующий день тронулись дальше и, пройдя по льду речку Я-ма-чу, берущую начало в горах Сань-сянь-цзы, вышли на солончаково-глинистую равнину, поросшую чием и местами, на целые километры, потянутую ледяной корой, которая образовалась вследствие спуска на степь арычной воды. Кое-где лед этот успел уже растаять и развел такую грязь, что нам пришлось оставить дорогу и итти целиной. Но и здесь было не лучше. Размякшая почва сдавалась, и лошади с трудом вытягивали ноги из вязкого солонца. Наконец, отойдя от станции 5 км, мы выбрались на более твердый грунт, а затем и на дорогу, которая не замедлила вывести нас к пикету Пэнь-чжан-жань, расположенному на правом берегу речки Чуань-шу-гэ. Отсюда местность вновь получила волнистый характер: солончаковая глина сменилась лёссом, а грязь — пылью, которая при малейшем порыве ветра подымалась в воздухе и живою стеною шла нам навстречу. В один из моментов затишья мы вдруг увидели впереди себя лес. Это и были сады Булунгира, в окрестностях которого мы рассчитывали дневать. Мы выбрали заброшенный двор и под защитой его полуразрушенных стен разбили свой лагерь.

Едва мы успели устроиться и напиться чаю, как были удивлены появлением китайца, подавшего нам визитные карточки.

— От кого?

Оказалось, что их посылает нам какой-то ссыльный китайский чиновник, занимавший еще недавно важный административный пост, но, благодаря будто бы интригам, смещенный с него, лишенный всех знаков отличия, водворенный, так сказать, снова в народ и теперь доживающий свой век в захолустье по богдохановскому указу.

— Хочет вас видеть...

— Что же, милости просим!

Минут двадцать спустя показался и ссыльный — пожилой, невысокого роста китаец, который одет был разве только немного чище своего слуги. Он скромно уселся на предложенном ему почетном месте и сам начал рассказывать свою грустную повесть, из которой мы узнали, что он несказанно томится в такой глуши, какой ныне является Булунгир; что он обвинен был в злоупотреблении властью, в действительности же никакого злоупотребления не было, так как он освободил одного преступника не за взятку, а по внутреннему убеждению в его невиновности. Так как утешить его в его горе мы не могли, то и поспешили перевести нашу беседу на другие предметы. К сожалению, наш гость оказался не местным уроженцем и ничего не знал об окрестной стране. Знакомство это, тем не менее, принесло нам некоторую пользу: на следующий день он много помог нам в розыскании украденной у нас лошади, что, конечно, дало повод к новым его посещениям и даже взаимным подаркам, причем мы получили ишака и несколько пачек арбузных семячек и вермишели.

Нас он принял в кумирне, которая строилась на пожертвованные им средства. Здесь был сервирован чай и десерт, состоявший из печенья, сахара и засахаренных фруктов; прислуживали хошани. Почему он предпочел принять нас именно здесь, а не у себя на дому — мы не знали, но обстановка, в которой мы очутились, оказалась крайне оригинальной.

Небольшая кумирня представляла деревянную постройку, возведенную на высоком фундаменте, почти в уровень с полуразвалившейся стеной Булунгира. Ее фасад был открыт и обращен в сторону пустыря, заключенного в названных стенах, на противоположном конце которого виднелись небольшие мазанки, скромно ютившиеся под сенью огромных тополей; внизу стояли наши лошади и окружавшая их толпа зевак, не спускавшая глаз со стола, за которым сидели брат мой и я. Мы чувствовали себя точно на подмостках и вдобавок стеснялись в необычной для нас компании ярко размалеванных истуканов, которые обступили нас со всех сторон и в которых стоявшая внизу толпа видела изображения высших существ. Это сознание невольно связывало свободу наших движений, а тут еще резала глаза и чрезвычайная яркость, вообще балаганная внешность всей обстановки кумирни. Нечего и говорить, что мы постарались, насколько то дозволяли приличия, сократить этот визит...

Современный Булунгир представляет небольшое селение, приютившееся в северо-восточном углу обширной и высокой ограды, намечающей границы старого города, о котором китайская история упоминает еще в XV в. Говоря «старый город», я выражаюсь, впрочем, не вполне точно. Булунгир никогда не был городом в общепринятом значении этого слова; это была хырма — резиденция какого-нибудь монгольского князька, ограда, защищавшая его становище от неожиданных нападений соседей. Оттого-то пустошь, заключенная в этих стенах и не хранит следов каких-либо глинобитных построек, а самые стены не имеют, как в китайских городах, фланкирующих башен, зубцов и валганга.

В его окрестностях мы в последний раз охотились на сачжоуского фазана. Сверх того в его садах мы добыли для коллекции: Falco regulus Pall., Cerchneis tinnunculus L., Emberiza schoeniclus L., Leptopoecile sophiae Sew., Saxicola deserti Temm., S. montana Gould. и Ruticilla erythrogastra var. sewerzowi Lor. et Menzb. Впрочем, успеху этой охоты в значительной мере мешали ветры, дувшие с особенной напряженностью и притом попеременно то с востока, то с запада; 7 марта выпал даже снег — сухой, мелкий, иглистый, но пролежал недолго, скорее испарившись, чем стаяв под лучами солнца, показывавшегося лишь изредка и притом на одно лишь мгновение.

8 марта мы покинули Булунгир и вышли в степь, поросшую чием. Дорога круто отклонилась к юго-востоку и на шестом километре пересекла речку Ши-дао-гоу, на правом берегу которой виднелось небольшое селение Ши-дао. Тою же степью мы прошли еще шесть километров до следующего селения, которое расположено было на краю довольно крутого оврага, по которому протекала речка Чжу-дао-гоу. Подобный же овраг, но гораздо шире и глубже, пересекли мы и два километра дальше. По дну его протекала речка Па-дао-гоу, пользующаяся у извозчиков дурной славой, так как летом ее разливы образуют невылазные топи. Обходя последние, дорога делает здесь излучину, отклоняющую ее от плёса Булунгира километров на десять; но и эта излучина, очевидно, еще недостаточна, так как мы видели колеи, уходившие еще далее в сторону.

Овраг Па-дао-гоу, да и пройденный ранее Чжу-дао-гоу, изобилуют ключами, питающими обе эти речки, которые, несмотря на свое стремительное течение, успевают разбегаться ручейками

во всю ширь оврагов, образуя водную сеть среди густых зарослей тростника. Эти места — приволье для голенастых и плавающих, и, действительно, мы здесь видели белых цапель, черных аистов, куликов, гусей, турпанов и уток во множестве. Нечего и говорить, что это обилие водяной птицы разожгло аппетиты наших охотников, которые, сдав своих лошадей товарищам, не замедлили открыть ожесточенную пальбу, в особенности по кряковым уткам.

Они нас догнали, когда мы подходили уже к Чи-дао-гоу. Их трофеи состояли из десятка уток (Anas boschas, Dafila acuta) и одного экземпляра Nyroca ferruginea Gmel. для коллекции.

Чи-дао — такое же небольшое укрепленьице, как и Сяо-вань, но оно оказалось оставленным; равным образом покинуты были и близлежащие хутора. Только в одном из них мы нашли старика китайца, согласившегося продать нам несколько пудов камыша и просяной соломы. Чи-дао расположен на арыке, выведенном из р. Чи-дао-гоу; зимой же вода получается из колодцев: ее немного, она находится глубоко, но хорошего качества.

Речка Чи-дао-гоу протекает в 5 км к востоку от укрепления Чи-дао. Ее ложе также глубоко врезалось в почву, которая стала все более и более напоминать лёсс; все же, однако, и тут этот желтый мелкозем имел местами ясно слоистое сложение и содержал в обилии гальку и гравий. За этой речкой, к стороне Су-лай-хэ, мы увидели лес, который уходил далеко на восток и, сопровождая течение последней километров на двадцать, заканчивался на левом берегу речки Ме-дао-гоу. Таких значительных и притом сплошных древесных насаждений мы нигде более не встречали в равнинном Китае.

Пройдя ключевые речки Лю-дао-гоу и У-дао-гоу и миновав развалины импаня и нескольких хуторов, мы на 11-м километре от Чи-дао пересекли широкий, каменистый и глубоко врезанный в почву плёс р. Сы-дао-гоу — одного из рукавов, на которые разбивается по выходе из гор, в урочище Да-ба, Булунгир. Отсюда дорога вступила в лес. Иначе я не умею назвать эти обширные поросли вяза и тополя, к которым в оградах, близ многочисленных здесь хуторов, примешивалась джигда (Eleagnus hortensis), яблони и абрикосовые деревья. Среди этого леса мелькали и пашни. И когда мы спросили, как называется вся эта местность, то нам объяснили, что все пространство от р. Сы-дао-гоу до р. Ме-дао-гоу носит одно общее название Сань-дао, по имени главной водной артерии оазиса — Сань-дао-гоу, текущей через него двойным руслом и в таком же каменистом и глубоко врезанном ложе, как и р. Сы-дао-гоу. Эту реку Сань-дао-гоу мы пересекли на 14-м километре от Чи-дао; полтора километра дальше мы прошли мимо импаня и, наконец, вступили в большое базарное селение Сань-дао, расположенное на левом обрывистом берегу р. Ме-дао-гоу, составляющей восточный рукав р. Сань-дао-гоу. Через Ме-дао-гоу имеется мостик для пешеходов; телегам же предоставляется проезжать ее вброд, что не так-то легко благодаря крутому спуску к реке. Так как нам не было расчета останавливаться в тане, то мы перешли на правый берег р. Ме-дао-гоу и разбили свой бивуак в ограде заброшенного хутора, уже полузасыпанного песком.

В Сань-дао мы впервые после Хами нашли в продаже люцерну и притом по сходной цене, так как платили за сотню больших снопов три рубля на русские деньги.

Сильный ветер с северо-запада, перешедший к 8 часам утра следующего дня в бурю, задержал наше выступление в дальнейший путь до 10 часов утра, когда наступило временное затишье. Мы им воспользовались для сборов, но не успели поровняться с ближайшим импанем, в котором стояло несколько десятков солдат, как сильный порыв ветра явился предвестником новой бури. Она разыгралась несколько минут спустя. Тучи пыли неслись нам вдогонку и били нас в лицо крутящимся в воздухе песком.

— Беда, не могу вести съемку... Ничего впереди не вижу и отчаянно смерз...

Действительно, можно было пожалеть брата; но помочь ему было нечем. К тому же мы почти тут же потеряли дорогу.

— Фатеев, ведь ты идешь целиной...

— Так точно, давно уж так-то идем.

Пришлось остановить караван и послать казаков на розыски пути. Оказалось, что мы шли прямо на восток, а дорога от импаня свернула на юго-восток.

Выйдя на нее у речки Ту-дао-гоу, протекавшей в широкой долине с пологими берегами, мы без особенных приключений добрались до развалин, расположенных вдоль берега р. Эр-дао-гоу; но миновав их и пройдя эту речку, мы вновь заблудились. Буря достигла здесь наибольшей напряженности; порывы ее участились до того, что слились в непрерывный ток воздуха удивительной силы, несший пыль сплошной, непроницаемой для глаза, стеной.

— Ну, теперь нас выручит только компас!

И с этими словами брат поехал вперед. Вскоре, действительно, мы наехали на селение — группу большей частью заброшенных фанз. Под защитой их стен мы несколько оправились, да и буря стала быстро стихать.

Но где же Николай со своими баранами?

Отстав от нас где-то еще за Ту-дао-гоу, он оказался теперь впереди нас, нигде не сбившись с пути. Его вел наш джаркентец, неуклонно державшийся колеи избранной нами дороги. Нельзя было не остановиться и не приласкать этого замечательного барана, который с большим достоинством подошел на наш зов и, получив кусок хлеба, как должное за свою верную службу, столь же гордо удалился на свое обычное место—во главе бараньего стада.

За селением древесные насаждения кончились, а дальше потянулась каменистая пустыня, производящая своим видом странное впечатление, благодаря столообразным возвышениям, сложенным из гальки (главным образом, голубовато-серого кремнистого сланца), сцементированной красной глиной. Большинство этих возвышений имело от 1 до $2^{1}/_{2}$ м высоты, но попадались и обдутые ветром гривки, высотой и больше.

Каменистая почва степи, не доходя р. Та-ча-хэ, сменилась лёссовой, поросшей колючкой (Alhagi camelorum), ирисами, чием и другими травянистыми растениями. Здесь снова появились деревья, а за ними вскоре показались и высокие стены Юй-мыня.

Река Та-ча-хэ показалась мне не речным руслом, а магистральным арыком, — до того напоминала она канавообразной формой своего ложа искусственные сооружения этого типа; но если это и так, то теперь уже никто из туземцев не помнит, к какому времени следует отнести проведение этого канала. Равным образом никто из них не может сказать, кем и когда были возведены высокие и толстые стены, развалины коих почти вплотную примыкают к современным стенам Юй-мыня.

История же говорит нам следующее:

Город этот основан был в 111 г. до нашей эры и назван Юй-мынь-гуанем. В III в. нашей эры он был переименован в Гуй-цзи-цзюнь и сделан областным, но это название продержалось лишь до конца VI в., когда ему вновь возвращено было его прежнее наименование — Юй-мынь. В VIII в. им овладели тибетцы, в половине IX-го — уйгуры, с 1028 же года здесь утвердились тангуты. При Юанях его окрестности отошли под кочевья монголов, с чем вместе пало и значение Юй-мыня как административного центра; последний переместился в Чигинь, о чем сообщает нам, между прочим, и Марко Поло. В 1726 г. Чигиньский, теперь уже Чи-цзиньский, военный округ был упразднен, а земли его присоединены к округу Цзин-ни-тин, о котором мы знаем лишь то, что в его пределах находились верховья р. Булунгира. Затем, в 1760 г., последовала новая административная перемена, ознаменовавшаяся перенесением центра управления краем в современный Юй-мынь. У Иакинфа[105] мы находим, однако, указание, что город этот первоначально имел всего лишь 2 ли, т. е. не более 1066 м, в окружности, что позволяет нам думать, что помянутые развалины стен и служат остатками Юй-мыня прошлого века; когда же состоялась постройка нового Юй-мыня, этого китайские летописи не сообщают.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

БОЛЬШОЙ ДОРОГОЙ ИЗ ЮЙ-МЫНЯ В СУ-ЧЖОУ

Мы расположились бивуаком внутри старых городских стен.

Едва мы здесь устроились, как наш лагерь был наводнен большой толпой туземцев, по типу отличавшихся от прочих китайцев: они имели очень смуглый, почти бронзовый цвет кожи, сильно выдававшиеся скулы, небольшие, но прямо поставленные глаза, а некоторые из них и крупные носы, что ясно указывало на их смешанное происхождение и заметную примесь тангутской крови.

Юй-мынь — небольшой, но чистенький городок. Дома его малы и низки, но их неприглядная архитектура скрашена развесистыми тополями. Улицы узки; даже главная из них, ведущая от северо-западных ворот к ямыню и делающая здесь крутой поворот к юго-восточным воротам, не шире четырех метров и еле достаточна для проезда двух телег рядом. Вдоль этой улицы вытянуты лавки базара. Эти лавки — скорее лари, где продается товара на десяток рублей; здесь всего мало и притом все дороже, чем в Ань-си и базарном селении Сань-дао.

В Юй-мыне нет пустопорожних пространств, нет и развалин. Население, стесненное городскими стенами, скучилось внутри этих последних и, очевидно, дорожит здесь каждой пядью земли. Несмотря на эту тесноту, город оставляет по себе очень приятное впечатление. Уже подъезжая к нему, поражаешься непривычной картиной прекрасно содержанных стен; въезжаешь во внутренний, облицованный кирпичом, дворик ворот, оттуда на улицу, и везде видишь ту же, столь необычайную для китайского города, чистоту и порядок.

Юй-мынь мы покинули 12 марта.

За городом развернулась травянистая равнина, по которой небольшими островками разбросаны были окруженные деревьями хутора. Вдоль этой равнины, т. е. с юга на север, извилистым руслом, обрамленным мягкой муравой, протекала речка Кун-чан-хэ — один из протоков р. Су-лай-хэ, которая четыре километра дальше широким, каменистым ложем окаймляла с востока Юй-мыньский оазис. Теперь в реке воды почти не было, но сай хранил ясные следы высокого стояния вод в летнее время.

Правый берег Су-лай-хэ в том месте, где на него взбирается большая дорога, крут и высок, а дальше раскидывается галечная степь, ровная и пустынная на всем видимом пространстве; только изредка попадались нам на пути кустики Horaninovia ulicina, да у пикета Сань-ши-ли-чэн-цзы, на окружающих его глинисто-песчаных буграх, росла Nitraria Schoberi; встречались и птицы: Podoces hendersoni, жаворонки и чекканы; был убит даже тушканчик (Dipus sagita Pall.); но все же эти встречи были редки, и вся местность представлялась нам столь же мертвенной, как и большинство центральноазиатских каменистых пустынь.

На 22-м километре от Юй-мыня, за импанем Га-чжэ-тай, степь получила волнистые очертания; появились глинистые гривки и холмики, промежутки между коими заполнял гравий — продукт выветривания нижележащих толщ пестрых песчаников и мелкозернистых конгломератов, прорванных жилами сиенита. Эти песчаники выходили далее на дневную поверхность и, образуя гряды в 60 м относительной высоты, слагали предгория Чи-цзинь-шаня, который к северу от дороги подымался огромными скалами серого и красного гнейса, на юге же заметно понижался и, в виде невысокого увала, сложенного из тех же гнейсов, достигал предгорий Нань-шаня.

Эта гряда, в том месте, где ее пересекает дорога, образует глубокую седловину, сообщающуюся почти под прямым углом с продольной долиной р. Чи-ю-хэ. На ее берегу раскинулось селение Чи-цзинь-ся, близ которого мы и остановились, избрав для стоянки двор покинутой фанзы.

Река Чи-ю-хэ оказалась многоводной и быстрой. Как кажется, она берет начало в ключах, после чего протекает мимо местечка Чи-цзинь-пу и помянутого селения Чи-цзинь-ся и вступает в глубокое ущелье Чи-цзинь-коу, по выходе из которого орошает оазис Инь-пань-фу-цзы; остатки ее вод уходят затем далее на северо-восток и иногда добегают до болот, находящихся при устье р. Ма-гэ-чэн.

В селении Чи-цзинь-ся, имеющем до пятидесяти дворов, скученных между р. Чи-ю-хэ и высокими скалами серого гнейса, мы снова нашли люцерну и притом по цене около 10 коп. за пуд; такая дешевизна побудила на следующий день нанять телегу, нагрузить ее сеном и отправить вслед каравану. И опять с нас взяли очень дешево — что-то по фыну за каждую ли.

Когда мы, пройдя селение, вышли на мост через р. Чи-ю-хэ, перед нами открылся чудный вид на долину этой реки, могущую бесспорно считаться живописнейшим уголком во всем Принаньшанье.

Рамку картины составляют горы: голые, разноцветные, они образуют кольцо, разомкнутое лишь для того, чтобы поглотить реку, которая тут же, на глазах, исчезает, точно в пучине, в сумраке раннего утра еще царствующего в ущелье, тогда как вся котловина потянулась уже золотом и сияет от блеска первых лучей вставшего солнца. Почва котловины имеет зимой однообразную серую окраску, но теперь этот монотонный колорит скрыт в волнах оптического тумана, который придает фантастические очертания разбросанным вдоль реки фанзам, деревьям и, наконец, стенам городка Чи-цзинь-пу, кажущимся то несоразмерно большими, то точно приподнятыми над землей и висящими в воздухе.

Но эта фантастическая картина длится одно лишь мгновение. Туман поднимается выше, поглощает дома и заборы... еще виднеются вершины голых деревьев... но вот, и они уже исчезли, а вслед затем исчезли и горы, и только их неопределенные силуэты говорят еще наблюдателю, что все, что он только что видел, — не сон. Но терпение... Пройдет час, много два, выше поднимется солнце, согреет каменистую почву, и мгла рассеется, как дым...

К востоку от Чи-ю-хэ котловина имела каменистый грунт: глина, песок и щебень заполняли все впадины между складками крупно-зернистого песчаника, которые, будучи абрадированы, имели почти меридиональное простирание. Эти же песчаники, относимые Лочи к каменноугольному возрасту, слагают и горы, с востока ограничивающие Чи-цзинскую котловину. Дорога пересекает их почти под прямым углом, пролегая по сквозному ущелью, кое-где поросшему чием, камышом и свитой обыкновенно сопутствующих им растений. Это ущелье, имевшее в длину около трех километров, вывело нас в огромную, циркообразную равнину Чи-цзинь-ху, поросшую камышом и блестевшую небольшими пятнами льда — разливами во множестве здесь бьющих ключей. Пройдя ею километра два, мы завидели впереди убогую группу строений при двух маленьких и тоже убогих постоялых дворах — поселок Чи-цзинь-ху, в котором и остановились.

Котловина Чи-цзинь-ху, которую нам предстояло пересечь на следующий день, может быть еще недавно представляла дно обширного озера. Ее почва состоит из лёссоподобного мелкозема (озерного лёсса?), с примесью мелкой гальки и гравия, кое-где подернутого выцветами соли и во всех виденных мною почвенных разрезах имеющего яснослоистое, горизонтальное, сложение.

Существуют ли остатки этого озера еще и поныне? Повидимому да, так как к собственному имени котловины китайцы прибавляют и нарицательное «ху», что значит — озеро. Но утверждать я этого не хочу, так как чего-либо похожего на озеро я не видел.

Поверхность почвы котловины, благодаря кустикам Nitraria, имеет бугристый характер, но не везде; в более низких местах, в особенности, где растет камыш, она вполне выровнена; к камышу здесь кое-где присоединяются: Zygophyllum sp., Artemisia sp., Lycium ruthenicum, Caragana arenaria, в особенности же чий, достигающий кое-где двухметровой высоты.

Первым жилым местом, встреченным нами на следующий день по выходе со станции Чи-цзинь-ху, был полуразрушенный пикет Бардун (Ба-ла-дун), близ которого мы нашли две-три плохонькие мазанки, два-три дерева и небольшой участок вспаханного поля. В трех километрах от него и девяти от Чи-цзинь-ху мы прошли селением Бургацзы (Бу-лу-гэ-цзы), где бо́льшая часть домов и пикет были в развалинах; такие же развалины попались нам на глаза и в следующих селениях: Гашигунь (Ха-ши-гу), расположенном между двумя рукавами ключевой речки Гань-гоу, и Ло-то-чжэнь, мазанки которого размещались частью на краю, частью же на дне неглубокой ключевой балки.

За селением Ло-то местность получила волнистый характер, и вскоре мы вышли на многоводную и быструю речку Ма-гэ-чэн, о которой уже не раз говорилось выше и с которой мы будем иметь еще случай познакомиться поближе. Правый берег ее был высок и обрывист и, без сомнения, когда-то служил берегом исчезнувшему озеру Чи-цзинь-ху. Отсюда страна получила иной характер: позади оставалась равнина, здесь же вставали за холмами холмы, все выше и выше, сложенные исключительно из гальки, местами очень крупной, сцементированной у р. Ма-гэ-чэн желтовато-красной, а далее к востоку серовато-желтой глиной. Холмы эти были совсем бесплодны, и только в логах, часто ключевых, ютилась кое-какая растительность. Все ключи текли на север, но достигали ли они р. Ма-гэ-чэн или постепенно терялись в рыхлой почве своих русел, этого проследить мы не могли. Самый значительный из них называется Чан-шуй, другие же, как кажется, безымянны. Наконец, на седьмом километре от р. Ма-гэ-чэн мы достигли станции — обильного родниковой водой лога, в котором расположилось селение Хой-хой-пу.

Местные жители мне передавали, что поселение это очень древнее, и что в нем искони жили мусульмане, пришедшие с запада. Эта легенда дала мне повод одно время думать, не Куюй ли это XV столетия? Должен, однако, заметить, что китайские известия об этом последнем городе противоречат такому предположению. Как бы то ни было, были ли первоначальные жители Хой-хой-пу выходцами из Хами или не были ими, но к шестидесятым годам нынешнего столетия они успели уже вполне окитаиться и слиться с приселявшимися к ним дунганами, тоже окитаившимися тюрками. Когда вспыхнуло восстание мусульман в Китае, население Хой-хой-пу примкнуло к нему, за что и поплатилось впоследствии, когда армия Цзо-цзун-тана перешла за Великую стену.

Хой-хой-пу не был взят приступом: жители покинули его добровольно и своевременно; тем не менее китайцы не оставили в нем камня на камне. До этого прискорбного события Хой-хой-пу был обнесен стеной и вмещал несколько сотен семейств, существовавших, главным образом, горным промыслом. Ныне селение это почти пусто; переживших грозные события шестидесятых и начала семидесятых годов осталось немного; да и те предпочитают почему-то селиться вне ограды, поближе к ключам, осененным огромными тополями. В них все еще не остыла любовь к горному делу, но пока они занимаются только ломкой жернового камня, да батрачат на каменноугольных копях за Цзя-юй-гуанем.

15 марта мы выступили из Хой-хой-пу.

Путь наш пролегал по каменистой степи, имевшей слабый наклон к востоку и довольно заметное падение на север, куда сбегали и все пересекавшие нам дорогу ключевые логи и сухие, но неглубокие раздолы, сливавшиеся там в одно безводное русло: это русло, огибая высокие скалы Хэй-шаня (Бэй-шаня, По-шаня у Крейтнера, Цзя-юй-гуань-шаня у Обручева), выходило затем в широкую долину р. Тао-лай.

На седьмом километре от Хой-хой-пу мы прошли мимо укрепления Хун-шань-цзя; еще дальше мы поровнялись с развалинами укрепления Бай-лянь-сы и, наконец, увидели перед собой невысокие, но заново отделанные стены крепостцы Шуан-цзин-цзы, о которой упоминает и китайский дорожник прошлого века. Вблизи стен этой крепостцы какой-то предприимчивый китаец держал харчевню, в которой за небольшую плату можно было получать чай, водку и несколько незатейливых блюд. Несколько поодаль высились неизвестно по какому поводу выстроенные триумфальные ворота (пай-лоу) обычной китайской архитектуры, и тут же рядом утверждена была деревянная доска, на которой с одной стороны надпись гласила: «граница Юй-мыньского уезда», а с другой: «граница Су-чжоуского уезда». Отсюда уже считалось 40 ли до Великой стены, которые мы и сделали в сообществе с нагнавшим нас дунганином, ехавшим на прекрасном, увешанном, согласно китайскому обычаю, бубенчиками коне.

Он спешил в г. Су-чжоу, где у него были дела.

— А как вам, дунганам, здесь ныне живется?

— Да ничего...

— Притесняют вас китайцы?

— Нет, они нас боятся... Стесняют, впрочем, где могут. Вот и в Су-чжоу нас не пускают...

— Но вы же вот едете.

— Остановлюсь в предместье, а там куплю пропуск и в город...

Дорога бежит все тою же, изрезанною оврагами, каменистою, бесплодною степью. Горы с юга все ближе и ближе подходят к дороге и, наконец, круто поворачивая на север, почти смыкаются с горным массивом Хэй-шаня. На оставшийся просвет нам указали, как на местоположение Цзя-юй-гуаня. Действительно, мы вскоре увидели там ее крылатые башни. А вот, наконец, и самая крепость...

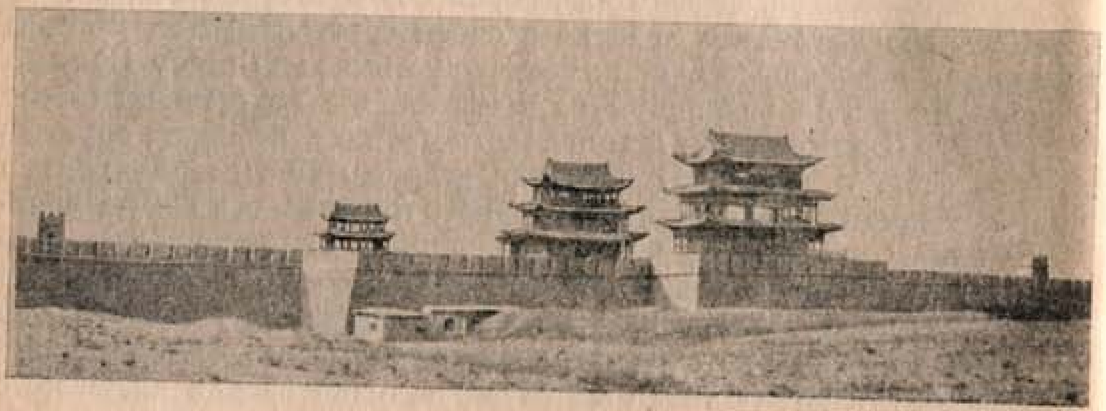
Сероватое небо, серые горы, серая почва и серые стены... Но как все это выглядело красиво в своем сочетании! Как изящны были эти деревянные башни, венчавшие высокую стену Цзя-юй-гуаня! Во всем пройденном нами Китае мы не встречали стен выше и массивнее этих. Но, подъезжая к ним, невольно спрашиваешь себя: к чему они? Неужели китайцы еще не поняли, что при дальности современного орудийного и ружейного боя по меньшей мере бесцельны укрепления, подобные Цзя-юй-гуаню, который распланирован таким образом, что с соседних высот легко обстреливается вся его внутренность? Или рутина так глубоко въелась в природу китайца, что делает его слепым ко всему окружающему? Как бы то ни было, но с точки зрения китайского военного искусства, закончившего свое развитие в эпоху существования лучного боя и фитильного гладкоствольного ружья (эта эпоха не пережита еще, впрочем, западным Китаем и до настоящего времени), Цзя-юй-гуань представляет неприступную твердыню, в особенности с запада, куда крепость обращена фасом.

Отсюда ворот крепости не видно; их защищает естественное возвышение, сложенное из глины и гальки. Только обогнув последнее, дорога вступает в ворота Цзя-юй-гуаня, миновать которые нет возможности каравану; или иначе надо избрать кружный путь на Инь-пань-фу-цзы и Цзинь-та-сы.

Ворота — самая слабая сторона китайских укреплений — здесь массивны и окованы железом, но подвешены не снаружи, как обыкновенно, а внутри стенного проема, имеющего значительную глубину и высоту. Из этого проема дорога вступает в почти квадратный двор, в котором помещается караульня с обычной арматурой и таможенный пост, а затем сворачивает вправо и, минуя ворота в крепость, обходит последнюю по довольно узкому коридору между двух стен, наружной и собственно крепостной, заново оштукатуренных и имеющих не менее 10 м высоты. Этот коридор-улица выходит к южным воротам крепости, при повороте к которым выстроена изящная кумирня, посвященная богу войны — Гуан-ди.

Итак, стены Цзя-юй-гуаня великолепны. Но если пробраться через внутренние ворота в самую крепость, то нельзя не поразиться господствующим там запустением.

Правительство озаботилось постройкой стен, кумирен и ямыней, предоставив остальное частной инициативе; эта же последняя выразилась в возведении лачуг, которые так ужасно дисгармонируют с опоясывающей их величественной постройкой. Впрочем, кто же и захочет селиться в крепости! Офицерство, чиновники? И тех и других немного в Цзя-юй-гуани, да к тому же все они имеют казенные помещения. Богатые купцы? Но их, во-первых, здесь нет, а во-вторых, если бы они и были, то какой же торговец решился бы связать свои действия часами открытия и запора крепостных ворот? И вот, какие и были здесь купцы, те выселились в предместье — шумное, людное, но небольшое и поразительно грязное. Грязное даже зимой! Что же делается здесь летом?



Цзя-юй-гуань.

Миновав предместье, мы поровнялись с новой крепостной стеной, имевшей метров пять высоты. Это — импань. Здесь квартирует цзяюйгуанский гарнизон; в крепости же живет не более сотни солдат.

От импаня дорога спустилась вниз, к речке Туй-па-хэ, не доходя которой, в постоялом дворе, мы и остановились.

Цзя-юй-гуань только западные ворота Великой стены. Где же эта стена, столь прославленная Ван-ли-чан-чэн? Осмотревшись, мы увидели, что она осталась у нас позади, примыкая к восточной стене крепости и протягиваясь отсюда невысоким глинобитным валом с одной стороны до предгорий Нань-шаня, с другой — вдоль подошвы Бэй-шаня (Хэй-шаня) до р. Тао-лай, где она и изменяет свое северо-восточное направление на восточное.

Не успели мы как следует устроиться, как нам доложили:

— Чиновники едут!

На двор, действительно, въезжали в форменных шляпах два китайца, из коих один имел прозрачный синий шарик, а другой — хрустальный белый. Это были почтенные старики, к которым мы и поспешили выйти навстречу. Поздоровавшись, мы уселись пить чай; но говорили о пустяках, так как наши посетители оказались весьма сдержанными и на все наши даже пустые вопросы давали лишь уклончивые ответы. Они к нам приехали для того, чтобы визировать охранный лист, а не для того, чтобы давать разъяснения географического и статистического характера!

В этот день солнце грело сильно, и термометр поднялся в тени до 3°. На солнечном припеке летали мухи. Это были первые из виденных нами насекомых.

16 марта мы, наконец, выступили в г. Су-чжоу и до самых почти стен последнего шли каменистой пустыней вдоль р. Тао-лай, одной из главных в системе рек, составляющих Эцзин-гол. О ней китайские известия говорят нам следующее.

Река Тао-лай-хэ (Заячья река) вытекает из долины Тао-лай-чуань, находящейся от г. Су-чжоу в 400 ли расстояния к юго-юго-западу, среди Южных гор (Нань-шаня). Длина этой долины от востока к западу 200 слишком ли, а ширина с юга на север где 50, где 60 ли — неодинаково. Посреди долины протекает Тао-лай, составляющаяся из трех речек. Одна из них называется Хату-барху и впадает в Тао-лай с запада, другая, имеющая два истока и называемая Бага-Эцзинэй, сливается с последней, приходя с юго-востока. По обоим берегам реки раскидываются превосходные луга, составляющие государственную собственность. Здесь расположено девять пастбищ, отстоящих одно от другого на 3, 4, 5, 6 и 10 ли.

К югу от долины Тао-лай-чуань, за пограничным столбом, находится обширная местность Су-лэ (Су-лай), где кочуют кукунорские монголы. К востоку Тао-лай-чуань граничит с Е-ма-чуань (т. е. долиной верховий Хый-хэ, с которой сообщается через Басытун или Бастан), к западу с горами Цин-тоу-шань. Горы, окружающие эту долину, в древности были известны под именем Хун-лу-шань и Би-юй-шань, а р. Тао-лай при Ханях называлась Ху-цань-шуй или короче — Цань-шуй. По выходе из гор она принимает сначала западное направление, а потом неуклонно течет к северо-востоку; обходя г. Су-чжоу с запада, она вскоре (у Ся-гу-чэна) соединяется с р. Хун-шуй-хэ, вытекающей также из Нань-шаня, к востоку от Тао-лай. Ся-гу-чен находится в 45 ли к северо-востоку от г. Су-чжоу; отсюда Тао-лай выходит за Великую стену и через 50 ли проходит к западу от Цзинь-та-сы. К северо-востоку от Цзинь-та-сы Тао-лай сливается с Хэй-хэ, в древности Чжан-е, после чего, под именем Эцзин-гола, течет прямо на север, где и образует озеро Эцзин (Гашиун-нор, в древности Цзюй-янь-чи). По долине р. Тао-лай проходит большая дорога на Куку-нор.

Точность этого описания вполне подтверждается топографическими работами, произведенными в среднем Нань-шане членами последней экспедиции Роборовского; с своей же стороны я могу добавить к нему весьма немногое.

Огромной высоты хребет, ограничивающий с севера долину верховий р. Тао-лай, носит название Ихур, в китайской переделке И-ху-лу-шань; с него собирают свои воды величайшие из рек этой части Кунь-луня: Да-тун, Хый-хэ и Тао-лай, о чем мне доведется еще говорить ниже.

По выходе из гор р. Тао-лай, всего лишь несколько километров не доходя до Цзя-юй-гуаня, разливается, образуя кочковатое болото, которое и дает начало речке Туй-па-хэ.

Монголы называют эту реку также Бодай, а китайцы Бэй-хэ, что значит «Северная река», так как она, действительно, протекает к северу от г. Су-чжоу.

Долина реки Тао-лай вдоль дороги имеет мало привлекательного: монотонная каменистая степь, ограниченная к югу пустынными холмами и к северу полосой древесных насаждений, скрывающей ряд хуторов, разнообразилась только сторожевыми башнями (янь-дай), попадавшимися через каждые пять ли.

На девятом километре мы пересекли один из рукавов р. Тао-лай, на 15-м прошли мимо харчевни, а там перед нами развернулось и широкое снеговое поле плёса сучжоуской реки, бурно несшей свои мутные воды среди затянутых еще льдом берегов. Лошади прошли ее прекрасно, но за ишаков и баранов мы опасались. Тем не менее все обошлось благополучно. Джаркентец, уже всего наглядевшийся на пути, не задумываясь бросился в воду и увлек за собою все стадо, которое сомкнутой массой хорошо справилось и с шугой и с бурным течением р. Тао-лая. Пройдя ее, мы остановились на кочковатой солончаковой равнине, густо поросшей осоковыми травами, у развалин какой-то постройки, от которой до города считалось еще немного более одной ли.

Час же спустя, сидя за чаем, мы вдруг услыхали окрик на русском языке, но с сильным иностранным акцентом: — здорово, ребятушки!

Это был Сплингард, бельгиец, дослужившийся на китайской службе до генеральского чина. Мы живо перезнакомились и вечером, как старые приятели, уже весело беседовали у него на дому, в кругу его многочисленной семьи, состоявшей из жены, младшего сына и девяти дочерей. Его жена, китаянка, уроженка Калгана, и старшие дочери ни слова не понимали ни на одном из европейских языков; сам Сплингард плохо говорил по-французски, еще хуже по-немецки, тем не менее мы отлично понимали друг друга, пустив в ход мимику и жестикуляцию. Сплингард жил вне городской стены, на окраине предместья, занимая весь ямынь — обширное помещение с тремя дворами, несколькими приемными и особыми внутренними покоями. Я опишу это

помещение, так как оно представляет тип домов, занимаемых в Китае чиновниками, ведающими отдельную часть.

Ямынь находился несколько в стороне от дороги. Его издали было видно по двум исписанным китайскими иероглифами флагам, между которыми находилась стенка — щит с нарисованным на нем мифическим зверем «тан». Этот рисунок, составляющий вывеску всякого присутственного места в Китае, имеет символическое значение.

Благодаря четырем талисманам, которыми он владеет, ни одна из окружающих его стихий: огонь, вода и воздух, не страшны тану. Но обладая всем, он все же томится желанием проглотить солнце. С разинутой пастью стоит он перед ним, испытывая танталовы муки, потому что, увы! одна только попытка схватить солнце должна повлечь за собой потерю талисманов и смерть самую ужасную, какую только может представить себе человеческое воображение. Это аполог по адресу мандаринов: всемогущий, но все же недовольный своей судьбой тан — это он, мандарин, тогда как солнце, разливающее во вселенной свет и добро, — император.

Против «тана» находятся главные ворота в ямынь. К ним с обеих сторон примыкают караульные комнаты со стенами из сырцового кирпича, оштукатуренными глиной и выбеленными известкой. Каждая комната снабжена каном и освещается круглым окном, забранным деревянным фасонным переплетом, выкрашенным в красный цвет. Эти две караульные комнаты и ворота подведены под одну общую двускатную и притом вогнутую крышу, крытую черепицей, с коньками на углах и на верхнем ребре. Крыша образует навес, украшенный деревянной резьбой и упирающийся на деревянные же колонки, исписанные иероглифами (дуй-лянь) и зачастую служащие для наклейки правительственных сообщений. Ворота, двустворчатые и деревянные, приходятся в линию с внешней стеной постройки. Они загрунтованы белой краской, на которой нарисованы фигуры грозных воинов. По поводу последних Сплингард, смеясь, заметил:

— Это мои единственные сторожа. И, надо отдать им справедливость, они так хорошо исполняют эту обязанность, что я не нуждаюсь в найме других, и обе караульни вечно пустуют.

В действительности же страшные фигуры эти изображают духов — покровителей дома (мынь-шань).

За этими воротами следует дворик, вымощенный кирпичом только посередине. Эта дорожка ведет к главному корпусу здания с такой же крышей и с таким же, украшенным деревянным орнаментом, навесом, как только что описанные, но только, конечно, в большем масштабе. Двери, на этот раз без живописи, но зато до половины резные, вводят посетителя в сквозной коридор (го-дан), из которого вправо и влево имеются двери в приемные комнаты, служащие в то же время и присутственным местом. Эти приемные обставлены очень просто. Против двери возвышается широкий, обтянутый красной материей кан, вдоль же стен расставлены табуреты и столики, на которых разложены книги — свод китайских законов и постановлений. Единственным украшением этих огромных, плохо оштукатуренных и выстланных сырцовым кирпичом комнат являются свитки с изречениями китайских философов и мудрецов, развешанные против кана, по обеим сторонам входной двери.

Дальше этого здания посторонние не допускаются. Дверь гэдана, выводящую на внутренний двор, кроме хозяина, имеют право открывать только члены семьи, ближайшие родственники и, конечно, слуги; но для того, чтобы нескромный глаз все же не проникал через запретную дверь, против нее во внутреннем дворе воздвигается стенка-щит (бинь-фын), обыкновенно покрытая вычурною живописью или надписями.

Внутренний двор вполне напоминает передний, с тем, однако, отличием, что здесь имеются флигеля (сян-фан), там же — высокие стены, отделяющие от двора конюшни, сараи и службы. В этих флигелях, выстроенных по типу, общему для всех китайских жилых покоев (фан), помещаются обыкновенно прислуга, кухня, склады рухляди и т. д., иногда же и дети. Что касается до заднего корпуса, то хотя своим внешним видом он и не разнится от центрального, но по внутренней распланировке комнат очень часто (в многочисленных семьях) представляет существенные отличия. Так, например, в доме Сплингарда имелась продольная перегородка, делящая его на две части, из коих каждая, в свою очередь, делилась на четыре. У китайцев даже среди этих комнат имеется всегда одна, исполняющая назначение приемной, в которой, в известные дни, перед таблицею предков, хранимой в особых шкапчиках, собирается для жертвоприношений вся семья. Она называется дан-ву, в отличие от всех остальных комнат — чжань-фан, в которых семья размещается не так, как удобнее, а в известном порядке, предписываемом обычаем. Конечно, Сплингард не следовал этому обычаю и из угловой комнаты устроил нечто вроде мастерской, «дан-ву» обратил в столовую и т. д.

Комнаты его старших дочерей, наполовину занятые канами, устланные коврами, были заполнены сундуками и увешаны свитками с изречениями, причем иероглифы на некоторых из них были искусно скомпанованы из цветов и листьев.

Рядом с описанным у Сплингарда было еще и другое помещение, выстроенное по несколько иному плану и обращенное фасадом к винограднику. Большая приемная зала была здесь украшена китайскими картинами и вообще имела более уютный вид, чем мрачная официальная приемная главного корпуса. Это была его «ву-цзё», т. е. приемная для лиц, являвшихся к нему не по служебным делам.

В этой именно приемной даотай отдал нам сначала визит, а потом устроил в нашу честь и обед, на который пригласил лишь своих интимных друзей. По объяснению Сплингарда, это была очень удачная комбинация, освобождавшая даотая от необходимости звать на обед весь официальный Су-чжоу, а так как именно официальный Китай нас всего менее интересовал, то мы и не задавались целью проверить, насколько было искренним это объяснение Сплингарда.

Благодаря любезности последнего, мы имели возможность видеть китайский театр у него на дому.

Театр возник в Китае с незапамятных времен. Происхождение его такое же, как и на западе. И китайцы начали с того, что воспевали своих богов и героев, которым в уста влагали высокопарные речи и благородные мысли, кончили же тем, чем кончили европейцы — циничными фарсами. Зародившись у алтарей, драматические произведения запада перешли сначала на паперть, затем на церковный двор и, наконец, на улицу, после чего, преобразившись окончательно, вызвали нападки со стороны своих прежних творцов — служителей церкви. Ту же судьбу испытал театр и в Небесной империи, где уже Конфуций (или ученики его?) воздвиг на него гонение, объявив проповедуемые с подмостков идеи не только противными здравому смыслу, но и безнравственными.

Императоры — последователи Конфуция — отнеслись к нему еще строже: актеры были объявлены вне закона, а профессия их приравнена к профессии палача, т. е. к самой позорной в Китае. Тем не менее театр там не исчез. Зародившийся при храме, вероятно, в эпоху существования шаманизма в Китае, он нашел приют и защиту у даосов, а затем и у буддистов, которые и поныне гостеприимно открывают ворота своих кумирен и монастырей странствующей труппе актеров. Замечательно, что в Китае еще до сих пор сохранился обычай приглашать актеров по обету, например, в случае исцеления от тяжкой болезни, выигрыша судебного процесса, получения крупного наследства, повышения по должности и т. д., что ясно указывает на объясненное выше происхождение китайской драмы.

Гонения на театр в Китае, не успев убить его окончательно, остановили, однако, его развитие. Лучшие китайские беллетристы стали пренебрегать драмой, декоративное искусство, связанное временными подмостками, не могло выйти из своего младенческого состояния. Зато костюмы в исторических пьесах заслуживают самого детального изучения этнографов и историков, оставшись, повидимому, точными воспроизведениями китайских одеяний, прически и головных уборов прежних эпох.

Конечно, и тут есть условности; так, например, лица изменников и разбойников должны быть непременно разрисованы яркими красками, придающими им страшный вид, причем носы, как это видно и на прилагаемых фототипиях, почему-то обязательно должны быть вымазаны белилами; равным образом воины и герои появляются на сцене не иначе, как в масках, которые должны наводить ужас на врагов; статистам не полагается иметь костюмов, отвечающих той эпохе, к которой действие относится, и т. д.

Китайский театр.

Изучая историческую драму, нельзя не притти к заключению, что почти каждая эпоха китайской истории вносила значительные реформы в китайское одеяние. Так, в эпоху династии Хань (с 206 г. до нашей эры и по 22 г. нашей эры) высшие чины государства поверх исподнего платья одевали два шелковых татарского покроя кафтана: нижний доходил до колен и даже еще ниже — до икр (род чекменя) и застегивался слева направо, почему и был вышит только по вороту и левому борту; верхний был короче, доходил только до бедер, имел расшитые шелками и золотом лацканы и носился то нараспашку, то подпоясывался широким шелковым шарфом с бахромой; шарф этот составлял непременную часть одежды и когда не подпоясывался им верхний кафтан, то подпоясывался нижний. Воины брили подбородки и носили только усы.

В Танские времена (618—907 гг.) мы видим уже вместо кафтанов с узкими рукавами широкие халаты с широкими рукавами, покроем своим напоминающие рясу наших священнослужителей; обыкновенно они были богато расшиты шелками и золотом и подпоясывались по животу кушаками с металлическими (золотыми и серебряными) бляхами и такими же застежками. Евнухи (и вообще прислуга) имели в эту же эпоху покрой платья иной. Это были тоже халаты с широкими рукавами, но они не застегивались вплотную слева направо, начиная от ворота до пояса, а имели обе полы одинаковые, которые запахивались одна на другую, подобно современным халатам туркестанцев. Прислуга в это время не носила ни бороды, ни усов; усов не носили и высшие сановники государства, но зато они отпускали козлиные бороды и пряди волос от висков, подбривая одновременно щеки.

Китайский театр.

Таким образом, мы видим, что до конца Танской эпохи платье китайцев отличалось весьма мало от платья других среднеазиатских народов, почему становятся понятными и беспрестанные посылки в дар князьям соседних кочевых орд почетных халатов.

У китайских историков мы находим следующие два любопытных указа, относящиеся ко времени правления Суйской династии (581—618 гг.).

Гаочанский владетель, вернувшись из Китая, объявил своим подданным: «Мы до сего времени, обитая на пустынных пределах, заплетали косы и носили левую полу наверху. Ныне дом Суй единодержавствует, и вселенная соединена в одно царство. Я уже принял обычаи просвещенного народа; подданным моим также надлежит расплести косы и уничтожить левую полу». Император, узнав об этом, издал следующий указ: «Владетель Кюй Бо-я прежде, по причине многих трудных обстоятельств, одевался по-тукиэски. Но с того времени, как наш дом Суй утвердил единодержавие во вселенной, Бо-я, преодолев препятствия, перешел пески и явился к нашему двору с дарами; уничтожил левую полу и распустил крылья на кафтане, отменил кочевые обыкновения и принял китайские. И так должно наградить его одеянием и шляпою и снабдить образцами для покроя».

Мне не случилось видеть китайские костюмы VI и VII вв., но из этих указов видно, что главнейшая разница между одеянием гаочанцев (а стало быть, и одеянием тукиэсцев) и китайским заключалась, во-первых, в отсутствии на парадных кафтанах гаочанцев крыльев, этого своеобразного украшения китайских парадных одеяний, введенного, как кажется, с начала нашей эры и неизменно продержавшегося до XIV столетия, и, во-вторых, в том, что у них запахивалась правая пола кафтана, а у других — наоборот. Нет ли тут, однако, какой-либо ошибки? В Турфане и до сих пор еще народ запахивает свои джаймэки и халаты справа налево, между тем как в Китае я не знаю времени, когда бы верхняя часть одежды застегивалась на эту сторону.

В эпоху Сунов впервые появляется короткая, так называемая «конная» курма (ма-гуа-цзы), но только в северном Китае, где властвовали сначала кидане, а затем чжурчжени; в южном же Китае продолжал удерживаться халат, обыкновенно книзу от пояса расшивавшийся характерным рисунком — косыми цветными с золотом полосами, поверх которого одевался с широкими рукавами полукафтан, стягивавшийся поясом с пышным бантом и длинными кистями, ниспадавшими вдоль левого бока.

Костюм китайца времен династии Мин хорошо виден на прилагаемой фототипии.

Не менее разнообразные одеяния женщин, их головные уборы, а также головные уборы мужчин, но я на них не останавливаюсь, так как мои записи ограничиваются лишь вышеизложенным.

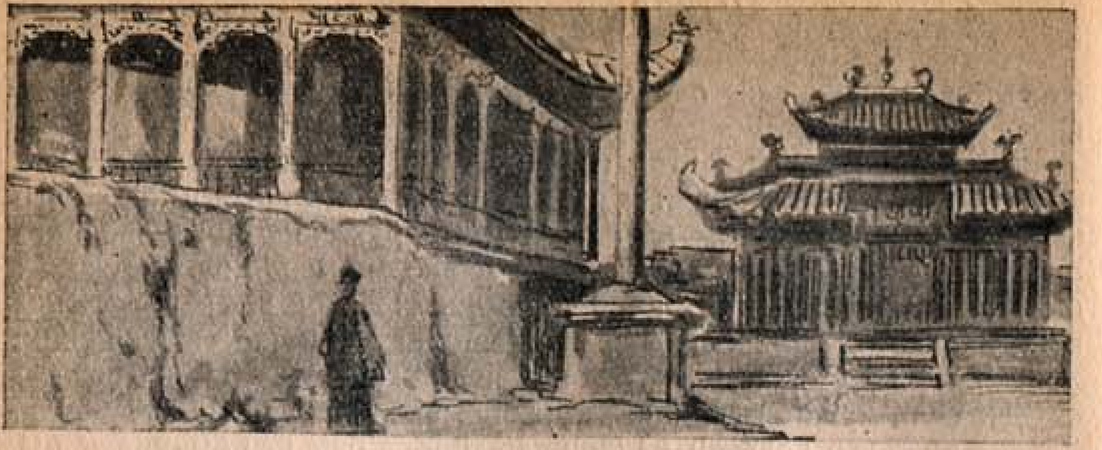
Возвращаясь к театру, я ничего не могу добавить к словам

Коростовца, который очень живо описывает игру китайских актеров[106].

Выходя на сцену, актер говорит свое имя, докладывает, кто он такой, что он совершил и намеревается совершить и какие его отношения к остальным играющим. Воображению зрителей приходится дополнять очень многое, только намечаемое в словах актера или указанное в либретто; о сценической же иллюзии нет и помину. Так, если по пьесе происходит убийство, убивающий указывает на убиваемого мечом или копьем, и тот убегает со сцены; если нужно отправить курьера, актер, играющий эту роль, делает вид, что садится на лошадь, берет бич и, помахивая им, скачет по сцене.

Вообще актеры очень часто прибегают к выразительной, хоть и не особенно изящной мимике. Особенно хороша мимика артистов, исполняющих роли женщин. Для большей реальности они втискивают ноги в миниатюрные женские башмаки и ходят вприпрыжку. Мимика театральной поступи требует также большого искусства и оставляет далеко позади знаменитый шаг трагиков старой школы на Западе. Артист, играющий важное лицо, ступает, отчеканивая и соразмеряя каждый шаг; он высоко приподнимает ноги, ухарски вывертывает ступни и ударяет пяткой одной ноги по коленке другой — это называется «тигровою поступью». По мере увлечения игрою шаги его становятся быстрее; он начинает прыгать и кружиться на одной ноге, делая необычайные ужимки и принимая странные позы, означающие трагизм положения.

Актеры произносят роль нараспев, непременно в минорном тоне и под аккомпанемент музыки. В патетических или трагических местах речитатив повышается и переходит в пронзительный визг в ускоренном темпе. Хорошим актером почитается тот, кто умеет взять верный тон, т. е. издать и продлить с известными модуляциями звук, ласкающий китайский слух. Музыканты, сидящие в глубине сцены за столом, вторят при помощи гонгов, бубнов, колотушек и балалаек голосам играющих, не щадя барабанных перепонок слушателей. Сколько бы ни изощрялся китайский музыкант, но для европейца, звуки, им издаваемые, всегда покажутся какофонией.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПО ЗЕМЛЯМ ОСЕДЛЫХ ТАНГУТОВ

Су-чжоу под современным названием стал известен со времен Тоба-Дао; до половины же V в. он назывался Цью-цюань-гюнь, под каковым наименованием и был основан в 121 г. до нашей эры.

Краткая история его была следующей.

Со времени своего основания до начала IV в. этот город находился неизменно во власти китайцев. В начале IV в. Китайская империя распалась на шестнадцать владений (эпоха «ши-люго»), и г. Су-чжоу стал столицей одного из них. В качестве стольного города княжества Си-лян (Западного Ляна) Су-чжоу оставался до 421 г. В этом году Цзюй-цюй Мэн-сунь овладел Западным Ляном и, объединив под своею властью земли древней Хэ-си, провозгласил себя ваном Хэ-си. Его преемник Мугянь Цзюй-цюй потерял это княжество в 440 г. Войдя в состав владений дома Тоба, г. Су-чжоу, с падением этого царства, преемственно перешел во власть императоров династий Суй (581—618 гг.) и Тан (618—907 гг.) до 764 г., когда всею страною к северу от Нань-шаня овладели тибетцы. В 850 г., во время междоусобий, возникших в Тибете, г. Су-чжоу был разграблен узурпатором Кунжо, а в следующем году он был в числе прочих городов Хэси передан тибетским главарем Чжан-и-чао китайцам[107]. В это же время выступили на сцену уйгуры, которые заняли долину р. Эцзин-гола и утвердились в г. Гань-чжоу[108]. Вероятно, вскоре затем они овладели и г. Су-чжоу.

В 1028 г. Уйгурское царство присоединили к своим владениям тангуты. Они владели Су-чжоу до 1226 г., когда город этот взял приступом и разрушил до основания Чингис-хан. Раздраженный

упорной защитой, он предал смерти всех его жителей, пощадив всего лишь 150 семейств. Марко Поло нашел его, однако, уже вновь восстановленным, а его окрестности заселенными. В эпоху Минов Су-чжоу был уже большим городом и крупным торговым центром; таким, по крайней мере, описывают его послы Шах-Рока (1419 г.)[109], купец Хаджи Мохаммед (1550 г.)[110] и иезуит Гоэс (1606 г.)[111], который нашел здесь даже два города: один — китайский, другой — магометанский, я же думаю — дунганский, что явствует из следующих слов иезуита: «Многие из сарацинов (т. е. магометан) обзавелись женами и детьми, так что считаются почти за туземцев, подобно тем португальцам, которые поселились в Макао. Но разница между ними та, что португальцы живут по своим обычаям и под управлением собственных своих чиновников, тогда как сарацины состоят под начальством у китайских, которые и запирают их на ночь в отведенной им части города (надо думать — в отдельном городе), обведенной стеной. Во всем прочем (?) сарацины эти ничем не отличаются от туземцев (т. е. китайцев), начальством которых наравне с ними и ведаются». В эту же эпоху Су-чжоу неоднократно подвергался нападениям со стороны турфанцев, ойратов и монголов, но взят ими ни разу не был.

Затем в течение последующих 250 лет мы не имеем об этом городе никаких известий.

Дунгане, овладев им во второй половине шестидесятых годов, благодаря измене гарнизона, властвовали в нем, однако, недолго; уже в 1872 г. город был осажден Цзо-цзун-таном, который, взяв его после упорного сопротивления, не оставил в нем, по словам Пясецкого, камня на камне. И до сих пор еще «дунганский» город представляет груду развалин. Указывая на его глинобитные стены, Сплингард как-то заметил:

— Посмотрите на эти выемки в стенном карнизе. Это следы веревок, на которых втаскивали корзины с провиантом.

— Но, позвольте, значит в рядах осаждавших были тайные союзники дунган?

— Ничуть не бывало. Вы забываете, что у дунган было серебро. Им продавали, потому что они хорошо платили...

— Но кто же были эти изменники?

— Уж и изменники! Конечно, они поплатились бы, если бы их поймали; однако на них посмотрели бы здесь иными глазами, чем у нас в Европе. Может быть, это были маркитанты, но столь же вероятно, что это были солдаты и даже офицеры. И знаете что: последнее я охотнее всего допускаю. В Китае мандарины, военные и гражданские — это безразлично — зачастую до такой степени привыкают красть, что перестают видеть в подобного рода проступках нечто несовместимое с человеческим достоинством.

Но нам этот рассказ показался неправдоподобным. Сарымсак, однако, подтвердил слова Сплингарда.

— При осаде Манаса, — говорил он, — я был свидетелем подобных же фактов. Торг происходил по ночам. Дунгане спускали корзины, в которых лежало сговоренное количество серебра, взамен же втаскивали в них жизненные припасы — рис, мясо, муку. Все это было тем легче производить, что временный базар был расположен между городской стеной и бивуаком китайского осадного корпуса.

— А продавцы были китайцы?

— Были и китайцы, но были и таранчи...

Современный Су-чжоу имеет 7$^3/_4$ ли в окружности. Стены его облицованы кирпичом, имеют трое ворот: северные, южные и восточные и приблизительную высоту в семь метров. Население его составляют три тысячи семейств китайцев и до ста семейств дунган и окитаившихся тангутов. Значительных и красивых сооружений в городе нет. Ямынь даотая — обширная, но неопрятная постройка, имеющая четыре двора. Нас сановник Чан встретил на третьем и с обычными церемониями проводил в приемную комнату — неприветливой внешности полутемное помещение, вполне шаблонно обставленное и скорее заслуживающее название сарая, чем парадной комнаты. Несмотря на то, что я несколько раз побывал в городе, я не успел освоиться с распланированием его улиц. Их там много; они узки, неправильны и очень грязны. Главнейшие из них, на пространстве между северными и восточными воротами, обстроены магазинами, лавками и ларями. Это — базар, который, как и все китайские базары, оживлен, интересен с бытовой точки зрения, но крайне непривлекателен, весной в особенности. Земля оттаивает, и черное, жидкое, вонючее, переполненное всевозможными отбросами, месиво, разливающееся в это время по улицам, в соединении с грязной толпой, одетой во все синее, серое и черное, и чадом трактиров, придает ему самую отталкивающую внешность.

Богатых лавок в Су-чжоу немного. Посетив некоторые, мы в одной из них приобрели замечательную картину — кроки художника Чао-шуа, уроженца Тянь-шуй (ныне Цзин-чжоу, в Ганьсу), жившего в XVI в. Эта большая акварель интересна как образец живописи одной из старых китайских школ, последователи которой предпочитали смелый и грубый штрих тонкому письму и полный жизни эскиз изящно, но ненатурально вырисованной картине. Акварель изображает старика, согнувшегося под тяжестью лет, но еще полного жизни, которая светит в его глазах, написанных так искусно, что кажется будто они именно на вас только и смотрят. Если принять во внимание, что акварель исполнена на весьма тонкой, непроклеенной бумаге (немного лишь плотнее папиросной), то нельзя не согласиться с китайцами, что Чао-шуа-чжэн обладал недюжинным художественным талантом и смелою кистью; тем не менее картину эту все же нельзя считать верхом искусства, даже китайского, и прежде всего потому, что художнику не удалась мысль, положенная в ее основу — изобра-

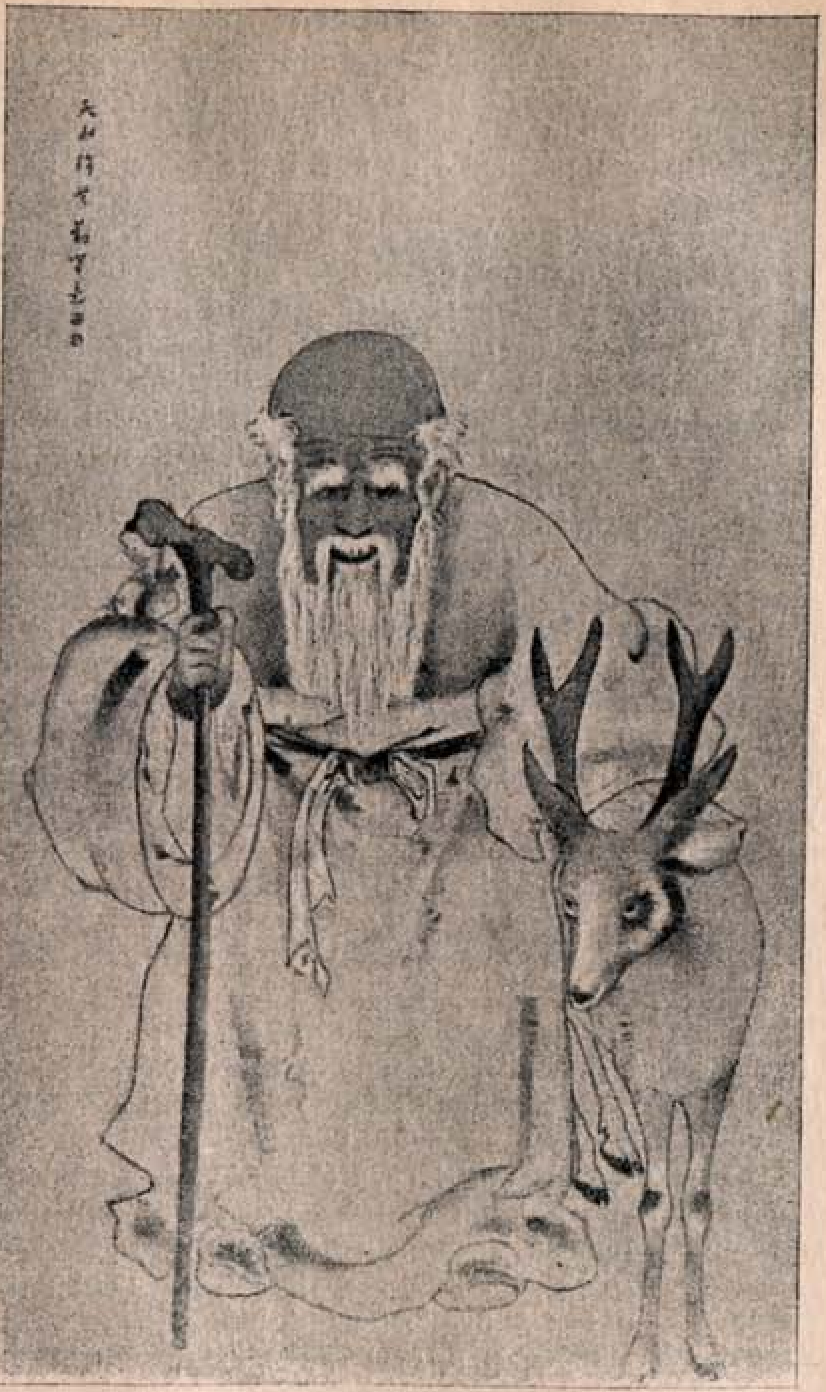


Рисунок художника Чао-шуй, жившего в XVI веке.

зить счастливую старость. Под рисунком стоят иероглифы «шоу-шэн», что значит, по объяснению Сплингарда, «старая звезда». Китайцы, видевшие впоследствии у нас эту картину, отзывались о ней восторженно; при этом они с сожалением замечали, что ныне в Китае таких мастеров уже нет. Если это и так, то все же нельзя не заметить, что школа, к которой принадлежал Чао-шуа-чжэн, исчезла в Китае сравнительно недавно (в XVIII столетии), как об этом свидетельствует, например, де Лотюр.

В Су-чжоу мы простояли 12 дней. За это время охота, как и следовало, впрочем, ожидать, дала нам немного; самой интересной находкой была Anas zonorhyncha Swinh., подстреленная братом в камышах небольшого пруда, находящегося в километре к северо-востоку от города. 23 марта в окрестностях Су-чжоу появились во множестве плиски — Motacilla alba var. baicalensis Swinh.; 28-го они столь же неожиданно исчезли, как перед тем появились.

С первого же дня прибытия нашего в Су-чжоу погода резко изменилась к теплу. Небо хотя все еще продолжало оставаться временами пасмурным, но ветер перестал уже дуть с прежним постоянством и силой; только 20 марта он заметно усилился и к 6 часам вечера перешел в бурю; эта буря понизила температуру следующего дня на 9°, но затем мы снова имели следующие максимумы температур в тени: 23 марта 18°, 24-го — 18°, 25-го — 24°, 26-го — 23° при минимумах: 23 марта —9°, 24-го — 6°, 25-го — 7° и 26-го — 0°; 21-го была поймана первая бабочка Pieris bellidice O., 26-го — другая — Pieris rapae L. Всюду начинала пробиваться трава, верхушки ив зеленели. Весна надвигалась. Пора было и в горы!

28 марта, в сопровождении Сплингарда, который взялся проводить нас до Гао-тая, мы, наконец, выступили в дальнейший путь. По его совету мы избрали проселок ближе к горам, который был короче и в эту пору суше большой колесной дороги.

Обогнув город с запада и юга, мы вступили в аллею высоких тополей и карагачей. К этой аллее с обеих сторон примыкали сады, фанзы, различные казенные здания. Это был красивый уголок, и вид его был для нас тем большею неожиданностью, что Су-чжоу, как центр дунганской крамолы, был, по словам некоторых путешественников, дотла будто бы разорен Цзо-цзун-таном.

На втором километре от города мы миновали бывший губернаторский ямынь, на пятом — казармы городского гарнизона, а затем перед нами развернулась равнина, перерезанная широким и сухим в эту пору саем р. Линь-шуй-хэ. Правый берег этого сая был окаймлен невысокими грядами песку, пройдя которые, мы вступили в оазис Цюн-цзы, орошавшийся в западной своей половине неизвестными мне речками, а в восточной — водами р. Вань-сао-хэ. В центре этого обширного оазиса находится небольшое укрепленное местечко с постоялым двором, харчевнями и небольшим базаром. Это укрепление служит исходным пунктом для дороги на золотые прииски и далее в Синин, доступной, впрочем, для вьючного движения лишь в летние месяцы (с половины июня до двадцатых чисел сентября). Отсюда мы километров десять шли среди хуторов, возделанных полей и древесных насаждений и, пройдя речку Хун-шуй, вступили в селение Ин-гэ-чжа, иначе называемое еще Хун-шуй-пу, где и остановились.

В Ин-гэ-чжа мы встретили первые семьи оседлых тангутов; дальше же вступили в район с сплошным тангутским населением. Еще Марко Поло заметил, что жители Су-чжоуского округа имеют темный цвет кожи. Он разумел, конечно, тангутов.

Тангуты очень смуглы; в среднем они выше и плечистее китайцев, имеют жесткие (иногда слегка волнистые) черные волосы, грубые черты лица, глубже, чем у монголов, сидящие глаза, высокий нос. Одеваются сходно с китайцами, но голову накрывают черной поярковой шляпой с широкими, загнутыми кверху полями. Знают по-китайски, но между собой говорят на родном языке. Дома их не отличаются от китайских, хотя именно здесь, между Ин-гэ-чжа и Гаотаем, мы встречали всего чаще двухэтажные постройки, а также хутора-остроги, так называемые «цай-цза».

Эти сооружения очень интересны. В горах стены цай-цзы невысоки и сложены из скрепленных глиняным цементом голышей. На равнинах же цай-цзы напоминают настоящие укрепления; их стены сбиты из глины, хорошо оштукатурены, имеют валганг и снабжены по углам башнями. Мы видели еще и такие, которые сверх того имели внутри не то цитадель, не то сторожевую башню, значительно возвышавшуюся над стенами, в свою очередь отличавшимися высотой, достигая иногда шести метров. Ворот цай-цзы не имеют; их заменяет дверь из толстых, обмазанных глиной досок. Внутри такая цай-цза представляет двор, обстроенный вдоль стен жилыми помещениями, сараями и кладовыми. Мне говорил Сплингард, что редко кто из собственников этих хуторов-острогов имеет огнестрельное оружие: в случае же нападения, как это, например, не раз случалось в эпоху последнего восстания дунган, жители защищаются камнями, которые в этих видах и сложены большими кучами на валгангах.

Селение Ин-гэ-чжа находится на краю равнины, затянутой песками и только местами поросшей жалкой, тусклой растительностью пустыни. Пески эти серого цвета, содержат много глинистых частей и очень вязки; кое-где они слагают барханы, но эти барханы невысоки и разделены большими интервалами; впрочем, к северу от дороги они несколько повышаются. Этими песками мы шли километров десять, после чего вновь вступили в культурную полосу — группу хуторов, имеющую своим центром селение Олого. Эта культурная полоса имеет в ширину километров шесть и заканчивается там, где лёсс сменяется галькой, нанесенной рекой Фын-лян-цюань-хэ, которая, повидимому, давно уже отклонилась к востоку и протекает теперь в семи километрах от своего первоначального русла.

Как кажется, именно эта река в своих верховьях называется Ма-су-хэ. По выходе из гор Фын-лян-цюань-хэ широко разливается по равнине, капризно направляя свои воды то в одну, то в другую из стариц. При помощи особого рода заграждений (чжа) китайцы, однако, регулируют теперь их течение, направляя по двум рукавам, между которыми и расположилась группа хуторов, имеющая своим центром укрепленное селение Шан-хо-чэн, в котором мы заметили несколько лавок и заезжих дворов. В середине селения находился пруд — неизбежное сооружение в этой части Принаньшанья, где почти все реки перестают течь в холодное время года. Оба русла Фын-лянь-цюань-хэ, которые мы пересекли на расстоянии шести километров одно от другого, были также сухими. За этой рекой местность не изменилась: та же галька, перемежающаяся с глинисто-песчаными пространствами, и те же сухие, то крутые, то плоскоберегие старицы. Наконец, однако, мы снова завидели древесные насаждения. Это был городок, правильнее было бы сказать — укрепленное местечко Цзин-шуй-чэн, близ которого мы и остановились.

Цзин-шуй-чэн, несмотря на свою жалкую внешность, служит административным центром тангутских поселений. В нем имеет местопребывание довольно значительный чиновник, нечто вроде комиссара, подчиненный непосредственно сучжоускому дао-таю. Несмотря на такое видное его положение, обстановка, в которой живет этот чиновник, крайне убога. Его ямынь невелик и невзрачен; улица, ведущая к последнему, представляет коридор, обстроенный лачугами, из коих две-три обращены в лавки, в которых можно достать жизненные припасы и кое-какую необходимую мелочь. Стены городка пришли в ветхость и едва ли ремонтировались за последние 25 лет.

Цзин-шуй-чэн расположен у подошвы плоской возвышенности, незначительно приподнятой над уровнем соседней речной долины и представляющей последний северный уступ Наньшаньского подгорья. Почву этой возвышенности составляет конгломерат, кое-где прикрытый песком или толщами лёссоподобной глины. Повидимому, воды здесь достаточно, так как арыки и поля встречаются часто, но ясно обозначенного русла реки или речки мы не встречали, и можно только догадываться, что последняя выбегает на плоскогорье из ущелья, устье которого находится километрах в двенадцати к югу от Цзин-шуй-чэна.

Все встреченные нами здесь хутора группируются около двух

селений — Шао-сай и Ма-ин; последнее расположено на правом крутом берегу речки Ма-ин-хэ, глубоко врезанное русло которой оказалось также сухим.

Отсюда местность стала заметно повышаться; одновременно чиевую формацию сменила полынная, причем из кустарников появились кой-кыльча (Ephedra sp.), Eurotia ceratoides и по окраинам росточей — карагана. Пройдя этой степью километров двадцать, мы прибыли в селение Хуа-ши-пу, в котором и остановились.

Выступив отсюда на следующий день далее, мы сразу же стали втягиваться в горы. Гряда, которую мы пересекли, имела почти меридиональное простирание и состояла из толщ конгломерата и глин, настилавших каменноугольный песчаник. В распадках холмов виднелся кое-какой кустарник; но в общем растительность в этих горах показалась нам еще более скудной, чем в пройденной степи. Горячие лучи солнца не успели вывести органическую жизнь из ее оцепенелого состояния, и открывавшиеся перед нами ландшафты все еще имели вполне зимний отпечаток, точно мы не находились в исходе марта и притом на 39-й параллели!

Спустившись с гор, мы снова очутились в каменистой пустыне, далее на север занесенной песками. Здесь, в стороне от дороги, виднелись развалины городка Ло-то-чэн, о котором предание гласит, что разрушен он был еще в монгольские времена. За песками, поросшими только местами кое-какою растительностью (солянками и Nitraria Schoberi), дорога вступила в прекрасно орошенную низменность, где, на пространстве десяти километров, и шла зигзагами вплоть до стен г. Гао-тая.

Гао-тай славится своими рисовыми плантациями; и хотя качеством гаотайский рис ниже ганьчжоуского, зато он урожайнее последнего. От самых окраин оазиса до его центра — г. Гао-тая рисовые поля не прерывались. Почва пропитана здесь до такой степени водой, что колеблется и даже разрывается под ногами животных, причем на поверхность выступает жидкая черная грязь. Замечательно, что даже в городе приходилось иногда испытывать ощущение, точно ходишь по сильно размягченному асфальту; на дворе заезжего дома, в котором мы остановились, вогнанный в землю кол показал, что почвенная кора имела всего лишь 4 вершка толщины!

Гао-тай — уездный город (сянь). В окружности он имеет более 5 ли; стены его средней высоты и обычной китайской конструкции, но содержатся в полной исправности; ворот двое; к каждому из них примыкает предместье, вытянувшееся широкой улицей вдоль большой дороги. Внутри город довольно опрятен, но, повидимому, не богат. Хороших лавок мы вовсе не видели. Цены на жизненные припасы стояли в нем, впрочем, невысокие:

за доу * риса мы платили 65 коп., за доу гороха 30 коп., за пуд люцерны около 27 коп., за пуд сена 13 коп., примерно столько же за просяную солому; за пуд дров 20 коп., за фунт хлеба менее 1 коп., за сотню яиц 50 коп., за небольшого барана — 2 руб.

Гао-тай не был взят инсургентами. Говорят, этому помешали болотистые окрестности города и заблаговременно затопленные поля. Но вода — этот недавний союзник гаотайцев и источник их богатства — в то же время является и злейшим их врагом; будучи спущена на поля, она порождает здесь изнурительные лихорадки и, вероятно, вызывает образование зобов и опухолей лица, которыми страдает так много народа в городе и его окрестностях.

К какому времени следует отнести основание Гао-тая — неизвестно, но он уже показан на карте д'Анвиля; о нем также упоминается в маршруте Хаджи Махоммеда, купца, ездившего около половины XVI в. в Су-чжоу и Гань-чжоу за ревенем [112].

В Гао-тае мы расстались с Сплингардом. Отсюда нам дали в провожатые солдат, вооруженных допотопным оружием: трезубцами, бердышами, ружьями с пистолетным ложем, конечно кремневыми, двуствольными кремневыми же пистолетами и пиками. Сменяясь на пути несколько раз, они довели нас до Гань-чжоу-фу.

Из Гао-тая мы шли большой дорогой вдоль р. Хэй-хэ, которая в эту пору несла уже высокую воду. Местами последняя вышла из берегов и широко разлилась по долине, образовав болота и соленые грязи; даже почва дороги местами до такой степени размякла, что лошади еле-еле выбирались из грязи. И с каждым километром дальше эти болотистые пространства попадались все чаще, отнимая огромные участки у культуры, и без того стесненной на севере горами правого берега Хэй-хэ, на юге — песками, широкой полосой тянущимися вдоль северной подошвы Наньшаньского нагорья. Эти пески впервые подошли к большой дороге у селения Шэн-чан-пу, затем снова отклонились на юг и, обойдя обширное болотистое пространство, перекинулись через нее между городком Фу-и и селением Ху-чжа-и-пу двумя языками, имеющими в общей сложности до двух километров ширины.

Не доходя этой полосы песков, мы остановились на дневку в Фу-и-чэне. Здесь нам отвели казенный тань — изящную деревянную, выкрашенную в красный цвет постройку, давно, впрочем, остающуюся без ремонта. Главной целью нашей остановки в Фу-и была охота в песках на ночных бабочек; однако, несмотря на теплое время (термометр в 9 часов вечера показывал 17°, в первом часу ночи 15° тепла), бабочек еще не было.

4 апреля мы двинулись дальше. Тотчас же за предместьем Фу-и мы вступили в вышеупомянутую полосу песков, которые представляли ряды коротких и высоких (до 45 м), более или менее неправильной формы барханов, с крутыми южными и пологими северными склонами. Пески эти почти совсем бесплодны и залегают на глинистой почве.

По выходе из песков, мы вновь вступили в культурную полосу. Это было селение Ху-чжа-и-пу, за которым хутора, сады и поля следовали почти без перерыва до городка Ша-хэ, когда-то имевшего размеры значительные, ныне же представляющего укрепленное поселение, свободно расположившееся со своими новыми стенами внутри старого городища. Ша-хэ — городок бедный; базар его состоит из небольшого ряда ларей и лавчонок, в которых можно достать далеко даже не все необходимое: так, например, мы не нашли в них свежего хлеба! Фураж продавался дороже, чем в Гао-тае, но разница эта уравновешивалась более здесь высокой ценой серебра.

В Ша-хэ ответвляется дорога через Наньшаньские горы в Синин. Ею прошла экспедиция Потанина в 1886 г. [113]. Река, на левом берегу которой стоит городок Ша-хэ, носит название Ли-юань-хэ. Мы перешли ее на следующий день, после чего вступили в оазис Ша-хо-тянь или Хо-тянь, который может считаться богатейшим в западной половине Хэ-си. Его древесные насаждения занимают огромное пространство, хутора и поля теснятся друг к другу.

Болотистая равнина, шириной не более километра, и узкая полоска песков отделяли Ша-хо-тянь от импаня и селения Ша-чин-цзы, не вполне еще отстроившегося после дунганского погрома. Развалины хуторов виднелись здесь всюду и сопровождали русло главного рукава речки Ху-хэй-хэ вплоть до селения Ба-мо, лежащего километрах в двух к северу от дороги. Пройдя последний из рукавов помянутой речки, мы очутились снова в песках. Эти пески затягивали обширную площадь, нигде, однако, не образуя барханов, сколько-нибудь заметных своей высотой. Из-под этих песков то там, то сям торчали обломки стен и груды обожженного кирпича. То были развалины старого Гань-чжоу, о котором местные жители передавали нам следующее предание.

Старый Гань-чжоу был огромный и богатый город. Жители его были горды и своевольны. Однажды они умертвили своего правителя и отказались впустить следователей по этому делу, посланных богдоханом. Тогда богдохан повелел собрать войска, взять город, вырезать всех его жителей и не оставить в нем камня на камне. И когда это повеление в точности было исполнено, и груды человеческих тел покрывали всю площадь, заваленную развалинами, то всевышний, ужаснувшись беспредельности человеческой жестокости, послал сюда песчаную бурю, которая и прикрыла общим песчаным саваном все следы людского зверства. Оттого-то, когда теперь кладоискатели роются в этих развали-

---

* Доу равен 10.35 литрам. [Прим. ред.]

нах, то ничего, кроме черепков разбитой посуды и костей, не находят.

Миновав эти пески и небольшое селение Ха-чай-цзы, существующее ради постоялых дворов, которых здесь несколько, мы вышли, наконец, на р. Хэй-хэ. Эта близость большой реки вполне объясняет одновременное существование в селении Ха-чай-цзы нескольких таней: когда вода в ней высока и переправа через нее становится затруднительной, здесь скопляются десятки, сотни проезжих.

Сай р. Хэй-хэ имеет около пяти километров в ширину. Но река, повидимому, давно уже отступила к востоку, и теперь все шесть ее рукавов текут с небольшими интервалами на пространстве последнего километра этого сая. Впрочем, это еще не вся вода Хэй-хэ: огромный ее рукав обходит город с востока и отделяет от себя бездну арыков, которые в это время были переполнены водой. Местами вода неслась даже по дорогам и притом иногда в таких массах, что переправа через эти потоки становилась затруднительной не только для баранов, но и для ишаков.

Из Гань-чжоу-фу мы совершили поездку на юг; в семи километрах от города мы видели разделение Хэй-хэ на два плёса, так что в настоящее время не может уже подлежать никакому сомнению, что Гань-чжоуский оазис представляет остров, омываемый двумя значительнейшими руслами Хэй-хэ, причем главным руслом этой реки следует все же считать левый, как прямое продолжение горного ущелья, из которого выбегает Хэй-хэ.

Пройдя последнюю протоку Хэй-хэ, мы вступили в пределы Гань-чжоуского оазиса, от западных окраин которого до города считается около десяти ли. Все это пространство представляет сплошной сад, в котором то там, то сям разбросаны хутора, окруженные вспаханными полями.

Близ одного из таких хуторов, в полукилометре от городских стен, нам и предложено было остановиться. Хотя указанная лужайка, на берегу протекавшего тут арыка, и показалась нам тесноватой, но так как рассчитывать на что-либо лучшее мы не могли, то и приняли это предложение с благодарностью. Не успели мы, однако, еще порядком устроиться, как к нашему бивуаку рысью подъехал китаец.

— Миссионер, патер Киссельс, просит к себе... Он ждет вас с обедом.

Новая встреча с европейцем в дебрях Китая! Конечно, мы не заставили себя долго ждать.

Киссельс (Kissels) жил в городе. Наш проводник из ворот свернул вправо и сперва вдоль стены, а потом узкими переулками привел к дому, который своей внешностью ничем не отличался от прочих жилых китайских построек; только на обширном его дворе возвышался осененный крестом божий храм — длинный, в китайском вкусе выстроенный корпус, с прорезанными в нем окнами, в которые были вставлены цветные стекла. В воротах нас встретил одетый в китайское платье высокий блондин. Мы догадались, что перед нами находился сам Киссельс. Действительно, мы тотчас же услышали:

— Добро пожаловать, господа!

И мы крепко пожали друг другу руки, точно давно не видавшиеся приятели.

* * *

В прошлом городу Гань-чжоу-фу суждено было играть видную роль; были даже моменты в истории Хэ-си, когда он возвышался до степени столичного города.

Гань-чжоуский округ — это древняя земля Юн-чжоу, бывшая будто бы известной китайцам за 2 200 лет до нашей эры! За пять веков до нашей эры в ней поселились юэчжи, а затем она перешла во владение хуннов. В 121 г. до нашей эры в ней впервые утвердились китайцы, которые десять лет спустя и построили здесь г. Чжан-е. Современное название последний получил в начале III в. нашей эры (при западных Вэях), но уже в конце того же столетия, при Цзинях, он стал вновь именоваться Чжан-е. Императоры Танской династии три раза меняли эти названия (последний раз в 758 г.); наконец, при тибетцах, в VIII в., современное название восторжествовало и окончательно утвердилось за этим городом. В эпоху «Ши-лю-го» Гань-чжоу был стольным городом сперва княжества Бэй Лян, затем княжества Хэ-си; позднее же, а именно между 850 и 1028 годами, он служил резиденцией уйгурским ханам. В 1028 г. он был завоеван тангутами, которые сделали его своим главным опорным пунктом на западе, дали ему наименование Чжэнь-и-цзюнь, округа Сюань-хуа[114]. В 1226 г. он был взят приступом Чингис-ханом, а при Хубилае не только восстановлен под своим прежним названием Гань-чжоу (1260 г.), но и получил наименование — «цун-гуань-фу», т. е. «департамента главного управления» (провинцией Гань-су); в 1281 г. он был даже сделан губернским городом. Марко Поло называет Гань-чжоу большим и великолепным городом, главным в провинции Тангут; и то же подтверждают и послы Шах-Рока, которые довольно подробно останавливаются на описании его достопримечательностей[115]. Из этих описаний видно, что еще в начале XV в. Гань-чжоу был очень богатым городом, но теперь от всех этих роскошных построек и следа не осталось. Его обеднение, кажется, можно поставить в связь с ростом города Лань-чжоу: в 1677 г. этот последний был сделан областным, а в 1738 г. туда перенесено было и главное управление провинцией Гань-су.

Наименование Чжан-е и поныне здесь сохранилось: так называется уезд, в котором расположен г. Гань-чжоу-фу.

Современный Гань-чжоу-фу обнесен стеной, облицованной сырцовым кирпичом и имеющей $9^1/_3$ ли в окружности. Ворота в этой стене построены по плану, ранее нам не встречавшемуся; оба дворика, а равно и ворота настолько лишь широки, чтобы пропустить китайский фургон.

Внутри город имеет много своеобразного благодаря обилию деревьев и пустырям; деревья, главным образом тополи, попадаются здесь даже и в переулках, до того узких, что проехать по ним можно только верхом. Главная масса красивых зданий (несколько кумирен) сгруппировалась в восточной части города; западная же имеет довольно невзрачный вид и даже носит печать какого-то запустения, несмотря на то, что именно тут сосредоточена вся городская торговля: уж очень обветшали глинобитные ограды и глинобитные же постройки, примыкающие отовсюду к базару.

Больших магазинов в Гань-чжоу много, но, по отзыву Киссельса, купцы давно уже жалуются на застой в торговых делах. Это, впрочем, общая болезнь всего западного Китая, а не одного только Гань-чжоу-фу.

Крейтнер вынес хорошее впечатление из своего посещения этого города: в «великолепных кумирнях» (?), в «прекрасных отстроенных казенных зданиях», в «больших магазинах» он усмотрел даже доказательство благосостояния его жителей, общую численность коих определил в 150 000 человек[116], т. е. цифрой, которая почти в пять раз превышает цифру Сосновского и в десять раз цифру Беля. Трудно с ним согласиться также и в том, что прекрасно отстроенные правительственные здания и кумирни (что одно и то же) могут служить доказательством благоденствия населения, на гроши и руками которого такие постройки возводятся, в Китае — в особенности. Что же касается магазинов, то, увы! подобно тому, как в Хами и Су-чжоу, они и здесь происхождения весьма недавнего. Выстроенные в начале семидесятых годов, в эпоху огромного прилива серебра в уцелевший от дунганского погрома город, они служат теперь местным купцам лишь досадным напоминанием о более счастливых днях, когда, по их же словам, «все было дорого, за исключением серебра».

Но серебро это не удержалось в Гань-чжоу-фу: оно ушло туда, откуда было сюда доставлено — в производительные округа страны, и ныне город этот поражает своей бедностью не менее, чем все остальные города западного Китая; так что я готов подтвердить слова Пясецкого, писавшего, между прочим, о Гань-чжоу, что хотя главные его улицы и удивили его пестротой (?) своих красок и степенью своего оживления[117], но что тут же бросился ему в глаза болезненный вид и бедность окружавших его китайцев: «по платью их всех без исключения можно назвать нищими... просто отдохнуть глазу не на ком!»[118].

Из Гань-чжоу-фу мы повернули на юг и надолго покинули южную окраину Гобийской пустыни; но прежде, чем окончательно с ней распроститься, не лишним будет познакомиться с ее климатическими особенностями за период времени с 13 февраля по 8 апреля.

Пройденный нами за это время путь равняется 799 км, из коих первые 320 км пролегали через бесплодный Бэй-шань, а остальные 479 км — по культурной полосе Приnаньшанья, едва ли в климатическом отношении существенно отличающейся от соседней пустыни. На всем указанном протяжении путь держался на средней абсолютной высоте 1 650 м, только однажды спустившись до абсолютной высоты 778 м (ст. Янь-дунь) и в немногих случаях поднимаясь за 1 830 м абс. выс., а именно в нижеследующих пунктах:

На перевале через хребет Да-бянь-мяо .	6 221 футов	(1 896 м)
» станции Син-син-ся	6 027 »	(1 837 »)
В селении Хой-хой-пу	6 168 »	(1 880 »)
» » Хуа-ши-пу	6 453 »	(1 967 »)

Общее число дней наблюдения равнялось 54; из них дней, когда небо было совершенно безоблачным или подернутым только перистыми (cirrus), перисто-слоистыми (cirro-stratus) и перисто-кучевыми (cirro-cumulus) облаками, было 19; облачных 18, пасных 2 и пасмурных, когда небо было сплошь затянуто дождевыми или слоистыми облаками, 15. Снег выпал обильно только однажды, а именно 25 февраля, близ Ань-си, когда он прикрыл все окрестности пеленой глубиной до 30 см и более; но, кроме того, он падал еще пять раз, причем каждый раз испарялся очень быстро, не дождавшись даже ярких лучей солнца; в окрестностях Янь-дуня выпавший в порядочном количестве снег (на глубину четырех сантиметров) пролежал, однако, часов двадцать, причем местами его успела даже занести тонкая красноватая пыль. Первый дождь (ситник) выпал 6 апреля, в окрестностях Гань-чжоу-фу. Как этому дождю, так и снегу каждый раз предшествовали бури или сильные ветры. В одном случае густого выпадения снега (25 февраля) буря шла с северо-востока, в двух — с востока и в трех — с северо-запада; в шестой раз снег выпал при сильном ветре с запада.

Ветреных дней было 33, что составит 75% общего числа дней наблюдения; из них сильный ветер наблюдался 11 раз. Ветер чаще усиливался после полудня, затем спадал; ночи, даже в том случае, если днем дул резкий ветер, обыкновенно были тихи; но бывали случаи и обратные, когда ветер возникал ночью и к утру переходил в бурю; такой, например, случай наблюдался 14 февраля в Янь-дуне. Сильный ветер переходил в бурю шесть раз;

один раз при северо-восточном, два при восточном и три при северо-западном ветре. Средней силы ветер наблюдался семнадцать раз, слабый десять; такой ветер дул обыкновенно с большими интервалами и нередко менял направления.

Периодических ветров с гор в нагретую днем пустыню я не подметил, хотя в некоторых случаях и можно было наблюдать ветры с юга, возникавшие около 11 часов дня и утихавшие около 3 часов пополудни.

В пройденной нами местности в феврале и марте преобладают восточные и северо-западные ветры; первые при этом исключительно влажные, вторые же преимущественно влажные. В течение зимы, проведенной нами на горных склонах Тянь-шаня, сколько-нибудь сильных восточных ветров вовсе не наблюдалось, и первый такой ветер, перешедший в бурю и принесший снег, пришелся на 14 февраля. Пржевальский также отмечает в марте 1873 г. на берегах озера Куку-нор частое возникновение восточных ветров; так, он насчитывает на общее число 66 ветровых наблюдений: 5 с NO, 17 с O и 3 с SO [119]; но при этом он, как кажется, допускает, что происхождение этих ветров местное. «На Куку-норе, — говорит он, — в месте нашей стоянки на западном берегу этого озера, в марте 1873 г., господствовали два направления — восточное и западное, смотря по тому, дул ли ветер с озера или со стороны, противоположной ему». Из собранных им здесь метеорологических наблюдений видно, однако, что единственная буря, наблюдавшаяся в это время на Куку-норе, налетела с востока, а из пяти случаев выпадения снега в трех, если только не в четырех, снег падал при восточном или северо-восточном ветре [120]. Снег, который выпадал при северо-восточных ветрах, был сух и крайне мелок.

Выше было замечено, что на Булунгире полыньи образовались уже в конце февраля. Пахло весной. 21—23 февраля при полном затишье или слабых ветрах с юга и запада, при ясном небе, термометр в тени подымался до 14°, на солнце же, среди каменистых высот, было настолько тепло, что мы ехали, облекшись совершенно по-летнему; как вдруг, в ночь на 25 февраля, погода разом и надолго изменилась: мы снова точно вернулись к зиме. Северо-восточный ветер утром перешел в бурю, а там повалил снег, который с небольшими интервалами шел в течение двадцати часов, причем его навалило где на 30 см, а где так и больше! На следующий день максимум температуры был —4,°5, а в ночь на 27 февраля грянул мороз в —23,°5. Прежнее тепло вернулось к нам лишь 3 марта, но со следующего же дня началось новое понижение температуры, и 7 марта ее максимум равнялся лишь 1° выше нуля; затем температура стала возрастать до новой бури со снегом, понизившей максимум (10 марта) до 1° ниже нуля.

Весеннее тепло установилось вполне только после 20 марта, хотя только 26 марта впервые термометр не опускался ниже нуля; затем к минусу мы возвращались еще раза три, причем термометр не опускался ниже—4° (в ночь на 30 марта); даже буря 6 апреля не понизила температуры ниже +6,°5.

В конце марта суточные амплитуды были еще велики, так:

	Минимум	Максимум	Амплитуда
23 марта . . .	в 4 ч. ночи —9°	в 1 ч. дня 18°	27°
24 » . . .	» 1 » » —6°	» 1 » » 18°	24°
25 » . . .	» 4 » » —7°	» 1 » » 24°	31°
26 » . . .	» 4 » » 0°	» 1 » » 23°	23°

Но уже в апреле они заметно сократились, и мы имели:

	Минимум	Максимум	Амплитуда
1 апреля	в 4 ч. ночи 3°	в 1 ч. дня 19°,5	16°,5
3 »	» 5 » » 11°	» » » 23°,5	12°,5
4 »	» 5 » » 11°	» » » 25°	14°
5 »	» 5 » » 10°	» » » 24°	14°
6 »	» 3 » » 11°	в полдень 16°	5°
7 »	» 3 » » 6°,5	» » 21°	14°,5

Так как март месяц мы провели в культурной полосе Принаньшанья, между городами Ань-си и Су-чжоу, к тому же почти на одной и той же абсолютной высоте, колебавшейся между 4 154 футами (1 266 м) и 6 168 футами (1 880 м), то все произведенные здесь наблюдения можно было бы приурочить к одному среднему пункту, расположенному примерно на высоте 5 200 футов (3 698 м) над уровнем океана. При таком допущении мои метеорологические наблюдения за март покажут:

Средняя температура месяца	2°,6
Наибольшая средняя температура дня (от 6 ч. утра до 6 ч. вечера)	18°,3 (25 марта)
Наименьшая средняя температура дня	6°,2 (10 марта)
Наибольшая средняя температура ночи (от 6 ч. вечера до 6 ч. утра)	7°,1 (на 27 марта)
Наименьшая средняя температура ночи	—15° (на 8 марта)
Наибольшая средняя температура суток	13°
Наименьшая » » »	—8°,5
Максимальная температура в течение месяца (в тени)	24° (в 1 ч. дня 25 марта)
Минимальная » » » »	— 19° (ночью на 8 марта)

Число дней, когда термометр не подымался выше 0°	1 (10 марта)
» » » » » опускался ниже 0°	3 (26, 27 и 31 марта)
» суток, средняя температура коих была ниже 0°	9
» » » равнялась 0°	1
» » » была выше 0°	21
Число дней, средняя температура коих была ниже 0°	9
» » » равнялась 0°	1
» « » была выше 0°	21
Число дней, средняя температура коих была ниже 0°	4
Число ночей, средняя температура коих была выше 0°	8
Наибольшая суточная амплитуда	31
Общее число ветровых дней	22
Число дней с преобладанием северного ветра	0
Число дней с преобладанием северо-западного ветра	8 (два раза этот ветер переходил в бурю; вообще же северо-западные ветры дули в марте с большой силой)
Число дней с преобладанием западного ветра	3
» » » юго-западного ветра . .	1
Число дней с преобладанием южного ветра	0
» » » юго-восточного ветра . .	1
» » » восточного » . .	5
» » » северо-восточного ветра .	4
Число дней, когда наблюдалось затишье в течение свыше 6 часов	16
Число ясных дней	12
» облачных дней	9
» пасмурных «	8
» пасных »	2
Снег выпадал два раза при северо-западном ветре	
Пыльный туман наблюдался дважды при западном ветре	

Какой момент следует принять за начало весны? Реки начали вскрываться еще в феврале, но наступившие затем морозы снова сковали их льдом. Однако уже к 8 марта все реки и речки очистились от ледяного покрова, который продолжал держаться еще только у берегов. На р. Тао-лае мы застали 16 марта уже последние льдины, несшиеся с верховьев реки. Примерно около этого же времени выразился и резкий перелом в погоде, точно с переходом за Великую стену мы оставили за собой и самое постылое, переходное от зимы к весне, время года. Земля стала оттаивать даже в теневых местах 17 марта; 18-го на солнечном припеке, по краям канав, я заметил первые былинки травы. Около этого же времени на верхушках ив появились первые листочки, а тополи стали раскрывать свои сережки; 20 марта почки карагачей стали заметно набухать; 25-го зацвел урюк, 4 апреля он уже стал отцветать, но на смену ему явились яблони. В это время тал уже окончательно распустился, карагачи же лишь начали зеленеть, наполовину приораскрыв листовые мутовки; 6 апреля расцвел первый цветок — Viola sylvestris var. rupestris.

Первые насекомые (мухи и сетчатокрылые) замечены были 15 марта; первая дневная бабочка (Pieris bellidice O.) поймана была 21 марта; первый жук (из семейства Tenebrionidae) 28 марта. Тогда же попалась нам и первая ящерица (Phrynocephalus sp.?). 23 марта прилетели плиски (Motacilla alba var. baicalensis Swinh.), 4 апреля стрижи (Cypselus sp.); 2 апреля гуси стали гнездиться.

Таким образом, к 1 апреля весна уже вполне установилась, и китайцы приступили к обычным работам на полях и огородах.

В Принаньшанье к полевым работам приступают в конце февраля, когда свозится на поля минеральное удобрение в виде почвы целин, глыб, выламываемых из старых глинобитных построек, и, в редких впрочем случаях, речного ила. Это удобрение складывается на полях кучками в количестве иногда до тысячи пудов на гектар. В таком виде оно остается здесь до середины марта, когда земля начинает оттаивать; тогда его разбрасывают ровным слоем по полю, тщательно при этом разбивая комья деревянными колотушками.

В начале апреля из горных ущелий показываются первые потоки мутной снеговой воды, которая тотчас же и разбирается арыками на поля. Под водой поля стоят день, после чего сохнут с неделю. Тогда впервые на сцену является соха. Но еще раньше на некоторые поля свозят перегной на удобрение, которое раскидывается в количестве от 40 до 50 возов на гектар рисового поля и от 20 до 40 возов на гектар всякого другого поля. Я видел обработку земли только под хлеб. Пашут не глубоко, на глубину самое большее 30 см. Землю бороздят во всех направлениях: и вдоль, и поперек, и по диагоналям. Независимо от сего, колотушками разбивают все комья земли, даже такие, которые не превосходят величиной кулака. Иногда, вместо того, чтобы разбивать комья колотушками, по полю с этой целью катают каменные валы с выдающимися ребрами.

Когда земля достаточно разрыхлена, что, между прочим, достигается также и при помощи бороны, приступают к посеву. Сеют из горсти, но сеют также и при помощи машин-сеялок, причем в обоих случаях получается рядовой посев.

Картина сеяния очень оригинальна. Это — целая процессия, которая медленно движется от одного края поля к другому. Впереди обыкновенно выступает подросток, который из всех своих сил тянет впряженного в соху (лэй, ли) осла, реже лошадь; эту соху ведет китаец, который проводит в рыхлой земле борозду глубиной в 10—15 см; за ним следуют еще два китайца: первый методически, привычным взмахом, рассыпает зерно по борозде, а второй эту борозду забрасывает землей из заранее для сего приготовленных куч; наконец, иногда шествие это замыкают грачи, которые безбоязненно, чуть ли не из-под ног китайцев, выхватывают свою добычу — червей и личинок. Когда сеют при помощи сеялки, то эта процессия сокращается всего лишь на одного члена, да и то не всегда, так как одному китайцу не легко управиться с забрасыванием землей трех борозд.

Виденные мною сеялки устроены были следующим образом. На распашке с тремя сошниками (в большинстве случаев роль последних играют заостренные колья), из коих средний посажен ниже и глубже других, утверждаются два ящика; больший из них, служащий магазином для зерна, располагается сзади и на половину своей высоты выше переднего; из него зерно пересыпается в маленький ящик, через небольшое круглое отверстие, перед которым на нити из стороны в сторону болтается шарик. Назначение этого шарика — распределять зерно поровну между тремя отверстиями, проделанными в дне маленького ящика; через эти-то отверстия, по трубочкам, и высыпается зерно в борозду тотчас позади сошника. Таким путем достигается правильный рядовой посев.

После посева не боронят, чтобы не смешать рядов, а только выравнивают землю при помощи катков. Затем пускают воду.

Все эти работы заканчиваются, примерно, к 15—18 апреля, смотря по абсолютной высоте места. В местностях, получающих воду круглый год, посев заканчивается гораздо раньше, и к половине апреля хлеба там уже зеленеют. Близ Гань-чжоу, где воды много, ее спускают на поля два раза, причем полют после каждого такого спуска, пользуясь мягкостью грунта.

В Принаньшанье возделывают: пшеницу озимую (сеют мало) и яровую, ячмень, обыкновенное просо (сяо-ми), итальянское просо (со), гаолян, рис, несколько сортов гороха (дао), бобы, картофель (только в окрестностях Гань-чжоу-фу и Лян-чжоу-фу), кунжут (Sesamum indicum, чжи-ма), люцерну (му-су), мак и, кажется, хлопчатник. Ячмень засевается почти исключительно двух сортов: остистый (да-ми) и голый (чэн-ко); пшеница, главным образом, яровая, безостая (хан-дами); она обладает способностью, преимущественно перед другими сортами, куститься, но требует сильного удобрения; поэтому, если она где-либо всходит густо, часть ее обязательно вырывают. Названные сорта пшеницы и ячменя не особенно чувствительны к холоду. Они высеваются на значительных высотах в горах и случается, что жать их приходится по снегу.

Это все, что я могу сообщить пока о сельском хозяйстве в Принаньшанье.

8 апреля мы покинули Гань-чжоу. Обогнув с юга город и пройдя здесь вброд правый рукав Хэй-хэ, мы вышли на колесную дорогу, ведущую к городку Нань-гу-чэн и монастырю Ма-ти-сы. Говорят, что из р. Хэй-хэ выведено в обе стороны 54 оросительные канавы. Очень возможно, так как арыков, переполненных мутной водой, мы встретили здесь действительно очень много; в некоторых из них вода выходила из берегов и грязными каскадами изливалась на дорогу, по которой и продолжала уже течь далее до встречи с первым поперечным арыком.

Окрестности Гань-чжоу в эту сторону густо заселены: хутора, поля и древесные насаждения тянутся почти без перерыва на протяжении целых двадцати километров, т. е. до селения Пин-фын-ча, расположенного на самом крайнем из арыков, выведенных из р. Хэй-хэ, и в то же время на рубеже лёссовой площади и каменистой степи с наметенными на нее горами сыпучих песков.

Лёсс Гань-чжоуского оазиса очень типичен, без следов какой-либо слоистости. Он не содержит также гальки и нередко образует совершенно вертикальные обрывы высотой в несколько метров; такие обрывы особенно многочисленны у укрепленного селения Сань-ши-ли-пу, и здесь, местами, дорога идет по глубоко врезанному в лёссовую почву тальвегу. Мощности лёссового пласта определить мне не удалось, но я думаю, что он даже у помянутого селения не превышает в глубину 45—60 м. Отсюда же толщина пласта убывает постепенно на север и быстрее на юг, где из-под него, за селением Пин-фын-ча, и выступает подстилающий его рыхлый конгломерат.

В Пин-фын-ча мы ночевали. Каменистая степь, которая расстилается к югу от этого селения, не вполне еще пробудилась от продолжительного зимнего сна, несмотря на то, что вот уже около месяца, как стояли очень теплые дни; но она уже стала пробуждаться, и признаков этого пробуждения было много, но только они еще не бросались в глаза: нужно было хорошо всмотреться, чтобы заметить фиалку (Viola sylvatica var. rupestris Rgl.), сиротливо приютившуюся под сенью прошлогодней полыни, или зеленый молодой побег в чиевой поросли; надо было поднять камень, чтобы найти под ним резвых жучков из рода Scleropatrum или Tentyria, и напряженно присматриваться к ярко освещенной полуденным солнцем поверхности какого-нибудь глинистого бугра, чтобы уловить быстрые движения красивой Cicindela tricolor, Adams (var.). Из птиц мы здесь встретили пустынных чекканов (Saxicola isabellina Cretzchm) и первые экземпляры Podoces humilis Hume. Об этой последней будет сказано несколько слов ниже.

Этой степью дорога шла около шести километров, потом, за безымянным саем, галька почти совсем исчезала, и перед нами развернулась песчано-глинистая равнина, поросшая лишь эфедрой и чием. Сперва почва имела красноватый оттенок, затем глина стала все более и более напоминать цветом лёсс и, наконец, километрах в пяти не доходя до селения Лян-чжо-чэна, перешла в этот последний. Отсюда до селения Лян-чу-чэна, на протяжении шести километров, местность получила волнистый характер; дорога шла в гору и, подымаясь с одной лёссовой террасы на другую, достигла, наконец, наивысшей своей точки, откуда открылся чудный вид на глубокую долину р. Су-юй-хэ.

Оставив селение позади, миновав затем и красиво расположенную на полусклоне кумирню, мы спустились к реке, которая здесь еле-еле струилась: почти вся вода ее была уже разобрана на арыки и неслась теперь высоко над ее ложем. Вода бежит в гору! — вот впечатление, которое производят на наблюдателя подобного рода сооружения. И хотя в горной Бухаре я видел и более замечательные постройки — канавы-корыта, прилепленные к отвесной скале, но и здесь я не мог не полюбоваться крайне простыми, но оттого ничуть не менее удивительными творениями китайского простолюдина — арыками, выносящими воду на площадь, лежащую метров на девяносто выше речного уровня.

Дорога пересекает долину р. Су-юй-хэ и, круто поднявшись на противоположный ее склон, бежит среди возделанных полей вплоть до г. Нань-гу-чэна, т. е. «южного старого города», о прошлом которого нам, однако, ничего неизвестно. Он стоит вправо от дороги и имеет высокие, но уже местами осыпавшиеся стены. Проехав по его предместью, состоящему из ряда убогих лачужек, тылом обращенных к городской стене, мы остановились в небольшой и уже довольно ветхой кумирне, расположенной на пригорке, отделяющемся от предместья широким, но неглубоким логом.

Эта кумирня по внешности не отличалась от подобного же рода построек, попадавшихся нам ранее в Китае, но на внутренних стенах ее главного корпуса мы нашли живопись, по поводу которой мне приходится дать читателю небольшое объяснение.

Картина изображает некоторые отделы ада, в которых грешников подвергают всевозможным истязаниям: их варят в кипятке, распинают на кресте головой вверх и головой вниз, им вылущивают глаза, вырывают язык, их четвертуют, режут на куски, обдирают с них кожу, сажают на кол, толкут в ступе, поджаривают на сковороде, скальпируют, распиливают пополам, у них вырезают внутренности, им разбивают череп и предают множеству других мучений. Все это делают «гуи» — демоны по приказанию князей — ванов, управляющих десятью отделами ада.

Художник хотел придать «шоу-гуям» отталкивающий, свирепый вид, князь же ада нарисован без всякой утрировки: это рыжеволосый, краснолицый и широкоскулый субъект с большим круглым носом и голубыми, глубоко сидящими глазами, густыми нависшими бровями, столь же густыми усами и бородой клином. Это не плод воображения художника, это — портрет. Но кто мог служить ему оригиналом? Уж, конечно, не современный европеец, так как китайцы только потому и величают европейцев «ян-гуй-цзы» — заморскими чертями, что своих гуев искони рисовали рыжеволосыми.

Сохранились указания, что уже во времена Чжоуской династии китайцы имели обыкновение рисовать портреты чужеземных послов и что тот же обычай удержался и в последующие времена; так, китайцы, например, пишут: «Министр Дэ-юй представил... так как хагясы открыли свободное сообщение с Серединным государством, то надобно написать портрет их государя для показа будущим векам» [121]. «Янь-ши-гу представил доклад, в котором просил дозволения по примеру чжоуских историографов, во времена Ву-вана составивших Ван-хой-бянь, составить Ван-хой-ту, где были бы нарисованы и описаны одежда и убранство инородцев (маней)...» [122] и т. д. Более систематическую работу в этом направлении предпринял император Цзянь-лун, по приказанию которого был составлен замечательный труд, озаглавленный Хуан-цзин-чжэ-гун-ту и представлявший иллюстрированное описание инородцев Китая. Такие альбомы могли, без сомнения, служить прекрасным источником для заимствования, и надо думать, что и наньгучэнский художник имел один из них под руками, когда писал Ян-вана и гуев.

Несравненно труднее определить, к какому из диких племен принадлежали оригиналы, с которых рисовали эти портреты.

Если сравнить одеяние гуев и какого-нибудь «мяо-лоло» прошлого столетия, то оно окажется почти тождественным. Но того же нельзя сказать про прическу, которая у гуев весьма своеобразна: волоса с висков зачесаны у них кверху, темя же сплющенное в гребень, выбрито.

Обычай придавать черепам особую форму среди дисцев, повидимому, не был распространен; он практиковался лишь в некоторых частях Восточного Туркестана, первоначально населенного также одними лишь племенами белой расы. Так, Сюань-цзан говорит, например, о жителях владения Цзе-ша: они имеют «наружность пошлую и неблагородную; зрачки у них зеленые; тело раскрашивают; новорожденным в обычае приплющивать голову» [123]. О Куче он пишет также, что там, «когда родится ребенок, ему сплющивают голову, придавливая дощечками», взрослые же стригут волосы вплотную [124]. Обычай брить голову распространен был и у уханьцев [125]. Но вообще этот обычай дисцы могли заимствовать и у того народа, с которым смешались, так как в шоу-гуях ясно заметна значительная примесь чуждой крови: отсутствие растительности на лице, широкий подбородок у одного из гуев, выдающиеся скулы — все это свидетельствует, что перед нами метисы, удержавшие весьма мало диских черт. В той же наньгучэнской кумирне я заметил черноволосого пигмея ио-чжэна, одетого точь-в-точь, как шоу-гуи, но представляющего карикатуру на человека: широкое, плоское, безволосое лицо, вместо носа — две дырки, выдающиеся надбровные дуги, огромный рот и необыкновенной ширины подбородок — все это такие черты, которые должны были изменить диский тип именно в том направлении, которое обнаруживается у наньгучэнских рыжеволосых шоу-гуев. Но что же это была за человеческая раса? Вероятнее всего, что это карикатурное изображение негритоса, подобно тому как шоу-гуи — карикатура на представителей какого-либо смешанного племени.

Тогда как шоу-гуи — портреты людей, выхваченных из народа, оригинал Ян-вана был, вероятно, действительно старшиной племени: вот почему он и удержал более диских черт: большой рост, рыжие густые усы и бороду, крупный нос и т. д. Выбритое темя он покрывал оригинальной шапочкой, украшенной ушами (не была ли эта шапочка из шкуры, снятой с головы какой-либо кошки?) и, вероятно, глазками павлиньих перьев; его верхнее платье — длинный халат с воротником, собранный на груди и подпоясанный кушаком с металлическими бляхами, — сделанное из шелковой материи, не носило никаких украшений; наконец, на рисунке видны штаны и высокие с узкими и загнутыми носками сапоги, какие были в употреблении только у горцев. Сходное одеяние, может быть, мы и теперь могли бы найти у туземцев южного Китая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ПОПЕРЕК НАНЬ-ШАНЯ

Выступив 10 апреля из Нань-гу-чэна и пройдя первые два-три километра среди возделанных полей, мы стали втягиваться в горы, которые, будучи сложены сначала из лёсса, затем из светлокрасных третичных (ханхайских) глинистых песчаников, имели волнистые очертания и были одеты почти сплошным покровом прошлогодних трав, главным же образом — кипцом. Здесь мы встретили в довольно большом числе редкую Podoces humilis Hume, которую наши казаки тотчас же окрестили названием птицы-кивача, вследствие ее обыкновения поминутно кивать головкой, т. е. клевать землю в поисках личинок; дело в том, что она не столько роет землю ногами, сколько долбит ее своим большим клювом.

Превосходный охотник-наблюдатель, покойный Пржевальский, также подметил эту привычку Podoces humilis долбить клювом землю: она делает это, говорит он, «во всякое время дня, при хождении, бегании и непременно после перелета с одного места на другое» [126]. Далее он пишет: «на лету эта птица пискливо кричит». Может быть, подлетыши, — да, но взрослая птица кричит громко, и Березовский вполне правильно называет этот крик «звучным свистом» [127]. На северных склонах Нань-шаня птица эта встречена нами впервые, и, таким образом, предел ее распространения передвинулся несколько далее к северу; но она нигде не переходит за пределы Кунь-луньской системы горных складок, в области же последних водится исключительно в степной зоне, даже там, где человек успел уже запахать значительные участки земли.

В горах дорога шла, придерживаясь дна ложбин, но иногда, в области распространения глинистого песчаника, переходила на их склоны, и вот тут-то, выше дороги, нам и стали попадаться как Podoces humilis, так и сифаньские куропатки (Perdix sifanica Przew.), разбившиеся уже в это время на парочки.

Пройдя этими горами 6 км, мы достигли наивысшей точки дороги, с которой открылся чудный вид на передовую цепь Нань-шаня. Его огромные гольцы замыкали вплотную красивую падь, на которой, прямо против нас, расположился своими 20—25 беленькими домами тангутский монастырь Ма-ти-сы.

Ма-ти-сы известен с прошлого века. О нем китайцы писали, что он окружен каменной стеной, снабженной двадцатью воротами. Если это описание в свое время было точным, то приходится думать, что под одинаковым названием китайцами описывался другой какой-либо монастырь, а не тот, что был у нас теперь перед глазами, так как частью вытянутый в длинную улицу, частью разбросавшийся по левому откосу пади, а не собранный, как многие другие тангутские монастыри, в городок, он не мог быть и опоясан стеной; да к тому же от последней, если бы она когда-либо существовала, должны же были бы сохраниться хотя какие-нибудь следы!

Спустившись в падь и пройдя тополевую рощицу, мы остановились на лужайке, с которой спугнули пасшееся там стадо домашних яков. Место нам понравилось, и мы решили простоять у Ма-ти-сы несколько дней.

Исполинские скалы палеозойского песчаника, подымавшиеся прямо на юге, были еще частью занесены снегом, но примыкавшие к ним и слагавшие волнистое, степное подгорье Нань-шаня каменно-угольные продуктивные песчаники, а затем буро-красные песчанистые глины и серовато-желтые третичные песчаники давно уже, повидимому, освободились от него и, одетые прошлогодней травой, среди которой, однако, уже кое-где виднелись распустившиеся цветы лютиков и фиалок, представляли такое пастбище, какого давно не имели наши сильно отощавшие лошади. Лес, частью состоявший только из сибирской ели (Picea obovata), частью же смешанный (из Juniperus, осины, березы, черемухи, рябины с красными ягодами, облепихи и других древесных пород), виднелся во всех падях, спускавшихся с Нань-шаня, и вместе с значительными здесь кустарниковыми порослями давал пристанище многочисленному птичьему населению, которое обогатило нашу орнитологическую коллекцию многими интересными и редкими видами; так, нами были здесь добыты: Carpodacus rubicilloides Przew., C. dubius Przew., C. pulcherrimus Hodgs., Emberiza leucocephala Gmel., Urocynchramus pylzowi Przew., Motacilla lugens Kittl., Parus superciliosus Przew., Poecile affinis Przew., Leptopoecile sophiae Sew., Lophobasileus elegans Przew., Regulus cristatus var. japonicus Bp., Pratincola maura var. przewalskii Plsk., Chaemorrhornis leucocephala Vig., Ruticilla frontalis Vig., R. atrata Gmel., R. alaschanica Przew., R. shisticeps Hodgs., Merula kessleri Przew., M. ruficollis Pall., Tharraleus fulvescens Sew., Th. rubeculoides Hodgs., Th. strophiatus Hodgs., Trochalopterum elliotti Verr., Pterorhinus davidi Verr. и Jynx torquilla L.; сверх того, мы неоднократно видели подлетающими к недоступной части скалы, возвышавшейся по соседству с нашим бивуаком, парочку крупных соколов с белоснежною грудью, может быть, Falco hendersoni Hume, но, несмотря на все наши старания, подстрелить их не могли; мы не добыли также черноухого коршуна, бородача, Falco regulus Pall., Pica sp., Pyrrhocorax alpinus и уллара (Tetraogallus sp.?), за которым брат тщетно лазил на осыпи; наконец, мы не могли также разыскать Crossoptilon auritum Pall., хвостовые перья которого находили во многих местах.

Мы охотились, впрочем, не только на птиц, но и на крупных млекопитающих. Здесь во множестве держались куку-яманы (Pseudois nahoor Hodgs.), но ехать за ними приходилось далеко, а затем с огромным трудом и опасностями карабкаться по обледенелым скалам. Только однажды я застал их врасплох внизу, километрах в двух от нашей стоянки.

Дело было так. Ранним утром выехал я в горы для того, чтобы осмотреть каменноугольные копи и лежащую еще дальше на восток, километрах в двенадцати от Ма-ти-сы, долину р. Су-юй-хэ, о которой брат, посетивший ее накануне, рассказывал мне как о живописнейшем уголке вселенной. Оно так и оказалось в действительности. Речка Су-юй-хэ текла то среди мягкой муравы, то среди диких скал, которые выше сменялись сбегавшими в долину луговыми покатостями, по которым то там, то сям, островками, росли еловые рощицы. Ель по падям спускалась к самой реке, к вершинам же водораздельных гребней собиралась в сплошные леса, которые местами взбегали и на укрытые снегом гольцы главного кряжа. Эти мрачные гольцы и составляли фон контрастной картине, которой лучи солнца, игравшие в прозрачных струйках воды и вечно зеленой хвое, придавали особую яркость, заставляя забывать, что находишься не в разгаре лета, а в начале весны.

Возвращаясь отсюда на бивуак, я принял одну тропу за другую и заблудился. Я вскоре понял, что попал в незнакомые мне места, и хотел вернуться обратно; но, как в подобных случаях всегда бывает, задумав выиграть время и взяв, как мне казалось, верное, но более короткое направление, еще более запутался в лабиринте троп, возвышений и падей. Я взобрался на высокую гору, но с нее увидел на севере лишь бесконечный горизонт, а справа и слева ряды глубоких логов и ущелий, в одном из которых я признал ущелье Ма-ти. Но, увы, с громадным трудом добравшись до него и, в буквальном смысле слова, заглянув в него, до того его стены были отвесны, я убедился, что ошибся — беленьких домиков монастыря там не было видно... Я посмотрел на часы: был пятый час дня. С раннего утра я ничего не ел и не пил. Вдобавок вечерело, становилось прохладно, а на мне кроме шведской куртки ничего не было. Стоило обдумать свое положение, тем более, что с гор спустились тучи, подул ветер и в воздухе закрутились снежинки. Я решился итти назад, прямо на восток, до тропинки, по которой доставляется каменный уголь в Гань-чжоу, по ней добраться до копей и, если уж будет поздно возвращаться домой, то заночевать там в одной из землянок... Я сошел с лошади и, взяв ее в повод, чтобы согреться, пустился бежать. То взбираясь, то сбегая с холмов, я вскоре добрался до какой-то речки; по берегу ее шла тропа, усыпанная углем... Это радостное открытие придало мне сил и энергии. Моя надежда добраться до ночи до своих передалась, вероятно, и лошади, потому что она уже без всяких понуканий с моей стороны крупной рысью побежала вперед. Я не заметил, как мы добрались до копей, а отсюда дорога была уж хорошо мне знакома! И вот, когда я взбирался, не торопясь, на небольшой перевальчик, по другую его сторону, неожиданно для себя я вдруг очутился среди мирно пасшегося стада куку-яманов! Единственное оружие, которое находилось при мне, был револьвер. Я успел выхватить его из кабуры и сделать два выстрела по ближайшему зверю, находившемуся уже шагах в двадцати от меня. Но, конечно, в сумерках, да, вдобавок, стреляя с беспокойно стоявшей лошади, я промахнулся... Куку-яманы шарахнулись в сторону и исчезли, а в ответ на мои выстрелы, точно эхо, я услышал настоящую канонаду. То были казаки и мой любимый джигит Ташбалта, которые, по приказанию брата, меня разыскивали по соседним ущельям.

Несмотря на затруднительность охоты, куку-яманов мы все-таки добыли; иначе было с маралами (вероятно, Cervus albirostris Przew.): мы должны были лишь удовольствоваться констатированием факта, что они действительно водятся в лесах по р. Су-юй-хэ, так как видели несомненный их след — свежий помет.

Из мелких млекопитающих мы добыли здесь сурков (Arctomys robustus M-Edw.) и пищух (Lagomys roylei Ogilby).

Настоятель монастыря (хамба-лама), с которым мы свели короткое знакомство, утверждал, что в горах, кроме того, водятся барсы, куницы, лисицы и медведи, но никаких следов этих зверей даже по свежему снегу мы не видали. Что же касается насекомых, то их почти вовсе не было видно: летали только какие-то обрывки перезимовавших Vanessa antiopa и Grapta album; впрочем, здесь мне попался и новый вид ночной бабочки Dasypolia gerbillus. Из Reptilia мы встретили только Eremias multiocellata Günth.

Каменноугольные копи лежат на высоте 2 740 м над уровнем океана. Мощность круто падающих пластов угля в посещенных мною шахтах не превосходила 60 см. Шахт много, но они не глубоки; уголь вырабатывается только с поверхности, почему и не отличается хорошими качествами; действительно, в Гань-чжоу им пренебрегают, и он расходится, главным образом, только в Нань-гу-чэнском округе. Копи эти принадлежат казне, и доход с них пересылается в Гань-чжоу-фу.

18 апреля мы покинули нашу стоянку у монастыря Ма-ти-сы. Не доходя Нань-гу-чэна, мы свернули на колесную дорогу, идущую вдоль наньшанского подгорья, и вскоре вышли к р. Да-тун-ма-хэ, которая в эту пору несла мало воды. Пройдя реку, мы вступили в культурный район, и весь остальной путь до селения Чжан-мань-цзэ, в котором остановились, сделали среди пашен и хуторов, группировавшихся у селений Шинь-гуань и Чуй-цзэ-гань-цзы. Все эти селения были невелики и почти не имели древесных насаждений; последние стали вновь встречаться лишь к востоку от Чжан-мань-цзэ.

Здесь брату удалось подстрелить самку Grandala coelicolor Hodgs., что доказывает, что эта великолепная высокоальпийская птица не улетает осенью на юг, на южные склоны Гималаев, но частью остается на зимовку в Гань-су, где и живет в более низких зонах.

На следующий день мы продолжали итти культурным районом. Селения виднелись и вправо и влево от нашей дороги, причем нам последовательно называли: Хэ-чжоу-пу, Хун-ха-хо, Чжу-пу-цзы и Фын-ха-пу. Самое крупное из них было Хун-ха-хо, расположенное на полдороге между долинами речек Шо-тун-ма-хэ и Хун-гоу, русла коих оказались глубоко врезанными в рыхлую почву равнины и совершенно сухими: вода в них показывается обыкновенно не ранее конца апреля, перестает же течь в конце сентября. Вода встречена была нами лишь в следующей реке Да-хэ, протекавшей в широкой и глубокой долине, вымытой в толщах красных песчанистых глин.

Пройдя Да-хэ, разбросавшую свои воды на пространстве 213 м, мы очутились в виду городка Хун-фэй-чэн, окруженного средней высоты и порядочно уже обветшалыми стенами, в трещинах коих гнездились Carine bactriana Hutt. и Cotile rupestris Scop. Не заходя в него, мы остановились в его предместье, рядом с большой, но запущенной кумирней. Здесь мы дневали ради закупки провианта на дальнейший путь через горы в долину Сининской реки.

Дорога от Хун-фэй-чэна пошла в гору. Здесь только что принялись за пахоту, так как земля успела оттаять еще только с поверхности; местами лежал даже снег; но он заметно шел на убыль и развел глубокую грязь на глинистой почве ложбин. Километров десять мы шли вдоль правого берега Да-хэ, обойдя здесь селения Ю-фын-чэ-цзы и Юн-гу-чун; затем уклонились к юго-востоку и, пройдя водораздел, вышли в долину речки

Та-хо-чу, вытекающей из ущелья Чжан-чжа-коу. Водой этой речки пользовались два селения — Хый-нан и Гуан-цзы, такие же грязные, невзрачные и бедные, как и все остальные селения округа Хун-фэй-чэна. Население их смешанное: всего больше тангутов, затем следуют китайцы и, наконец, уйгуры (маджа); по имени их даже следующее селение, лежащее при устье ущелья Пянь-дао-коу, называется Маджа-гуан-цзы.

Мы остановились выше селения Маджа-гуан-цзы, близ разрушенного сторожевого поста Ши-хоу, в ущелье Ши-хо-коу, имеющем с ущельем Пянь-дао-коу общее устье. Стены последнего слагают желтые и серо-желтые песчаники с прослойками каменного угля, который когда-то здесь разрабатывался; дальше же в ущелье виднеются скалы глинисто-слюдяных сланцев, прорезанных жилами кварца. Впрочем, подробности горного строения были здесь скрыты — в верхней зоне снегами, ниже же сплошным травянистым покровом и густейшею кустарною порослью, в которой ютилось множество мелкой птицы. Несмотря на непогоду (ветер и снег), в течение двух дней, посвященных экскурсиям, мы обогатили здесь нашу орнитологическую коллекцию следующими видами: Acanthis brevirostris Bp., Montifringilla mandellii Hume, Carpodacus pulcherrimus Hodgs., Urocynchramus pylzowi Przew., Anthus rosaceus Hodgs., Pratincola maura var. przewalskii Plsk., Calliope tschebaiewi Przew., Cinclus kashmiriensis Gould., Tharraleus fulvescens Sew., Th. rubeculoides Hodgs. и Perdix sifanica Przew. Стреляли также немало по суркам (Arctomys robustus), но добыли немногих. Под камнями же мы нашли во множестве Carabus modestus Sem., C. przewalskii A. Moraw., несколько видов рода Agonum и другие, менее характерные виды жесткокрылых.

Наконец мы дождались давно желанного момента: 23 апреля мы перевалили на южные склоны Нань-шаня!

Уже при устье ущелья Пянь-дао-коу встают огромные скалы, одетые мхом и поросшие Caragana jubata, Prunus, Spiraea, Salix, Potentilla и другими видами низкорослых кустарников; дальше же ущелье получило еще более величественный вид, то суживаясь в едва проходимую глубокую щель, то развертываясь в чудную панораму диких гольцов и луговых покатостей, далеко не везде еще вышедших из-под снега.

В этом ущелье впервые весьма резко выступила огромная разница в растительности южных и северных склонов как главного хребта, так и отрогов; а именно, тогда как южные склоны представляли поверхность, поросшую исключительно степными травами, не образующими сплошного покрова, северные почти всегда одеты были густою растительностью — самыми разнообразными луговыми травами и кустарниками, а подчас даже мхом и папоротниками. Впоследствии, в еще более широком масштабе, мы то же явление наблюдали в долинах верхнего Эцзин-гола, Да-туна, Сининской и других рек, где обращенные к северу склоны были покрыты лесом, обращенные же к югу представляли кипцовую степь*.

Дорога в ущелье Пянь-дао-коу была довольно сносно разработана в конце шестидесятых годов солдатами Цзо-цзун-тана. Говорят даже, что в то время китайцы не раз проезжали здесь в легких экипажах; но время это уже давно миновало, и ныне дорога эта во многих местах и на многие километры размыта дождевыми потоками. Всего лучше сохранились участки, потребовавшие значительных скальных работ. Такие именно участки находятся у пикетов Пянь-дао и Эр-дао, где ущелье образует теснины.

Дикий характер дорога имеет на протяжении первых 15 км. Здесь кончается южное заложение скалистого хребта — передовой цепи Нань-шаня и начинается подъем на второй хребет, сложенный исключительно из красных песчаных глин и красных песчаников — факт, оставленный, вероятно, без внимания В. А. Обручевым, отрицавшим правильность моей характеристики долины верховий Эцзин-гола — денудационной, а не тектонической[128]. Этот второй хребет служит водоразделом бассейнов: на север сбегают речки, орошающие Шаньданский округ, на юг — речки, слагающие одно из верховий Эцзин-гола — реку Бабо-хэ. Что касается до передовой цепи Нань-шаня, сложенной, главным образом, из глинисто-слюдяных сланцев, то в месте ее пересечения ущельем Пянь-дао-коу, она представляет значительное понижение, смыкающее два вздутия, в которых сталкиваются кряжи гор: на востоке — образующие долину Чагрын-гола, на западе — представляющие слитную массу двурядового хребта, имеющего широкое заложение на севере и крупное падение к югу, где его склоны скрываются под мощными толщами красных глин и песчаников нарушенного напластования; последние образуют сплошную холмистую массу, с одной стороны примыкающую к скалистому Нань-шаню, с другой поднимающуюся до высоты, не меньшей 3960—4260 м над уровнем моря, образуя хребет, отмытые части которого составляют на противоположной, южной, стороне долины Бабо-хэ так называемые горы Вэн-ли-коу Нань-шань. Таким образом, продольная долина Бабо-хэ, с которой мы ниже ближе познакомимся, хотя, до некоторой степени, и совпадает с древней тектонической долиной, простиравшейся от меридиана Лян-чжоу по крайней мере до меридиана Су-чжоу, но произошла совершенно самостоятельно и должна быть характеризована как долина размыва.

---

* А. Н. Краснов в своей книге «Опыт истории развития флоры южной части восточного Тянь-шаня» прекрасно оттенил разницу в характере растительного покрова, одевающего северные и южные склоны Тянь-шаня; но, мне кажется, что он дал этому факту слишком одностороннее объяснение, всецело приписав его разнице в количестве выпадающих на обоих склонах осадков. «Таким образом, — говорит он, — в то время как южные нагретые склоны, даже будучи защищены от СВ, лишены влаги в силу их температуры, высшей, чем у перенесшегося через холодный хребет ветра, северные склоны везде могут быть орошены более или менее сильно» (стр. 68).

Краснов сам указывает в IV главе, что даже среди еловых лесов ему попадались оазисами кусочки земли, покрытые степною растительностью. Все такие оазисы лежат на южных склонах боковых падей. Скажем даже общее: в Тянь-шане, равно как и в Нань-шане, все склоны, обращенные к югу, независимо от величины их площади, одеты степною растительностью. Очевидно, что здесь не может быть и речи о какой-либо разнице в количествах осадков, выпадающих в области степи и леса, а потому и объяснение наблюдаемого явления должно быть иное. Оно заключается в том, что на склонах, обращенных к югу, т. е. к солнцу, влага расходуется несравненно быстрее, чем на северных, обогреваемых лишь косыми лучами последнего.

В рощах нашего севера (но в особенности резко явление это было подмечено мною в хвойных лесах Миасского округа, на Урале) стороны стволов, обращенные к северу, всегда одеты лишайниками и мхом, тогда как южные стоят обыкновенно чистыми. Это явление того же порядка: во влажных лесах Урала северные стороны стволов, плохо обогреваемые, никогда вполне не просыхают и дают почву для развития ягелей и мхов.

Горизонт стал особенно широк у пикета Ян-шунь-цзы, где я догнал хвост нашего каравана, отстав от него у пикета Эр-дао ради ловли первой в этом году интересной бабочки — Pieris butleri var. potanini Alph., взятой мною здесь в количестве сорока экземпляров. Это было настоящее «джайлау», т. е. превосходное пастбище — высокая, холмистая, кипцовая степь, пересеченная оврагами, по которым теперь, ранней весной, сбегали небольшие мутные ручейки. Молодой зеленой травы нигде не было видно, но прошлогодняя одевала почву густо, не показывая и признаков каких-либо потрав. Действительно, факт интересный и который не мог не обратить на себя нашего внимания: все это нагорье, а затем, как мы в этом убедились впоследствии, и вся область верховий Эцзин-гола, оставались без жителей-кочевников и были бы почти абсолютно пустынны, если бы не редкие путники, не китайские пикеты, да не золотопромышленники.

Разъяснение этого факта мы получили только в Юн-ань-чэне, где нам сказали, что эти земли пустуют по распоряжению из Пекина, впредь до разрешения спорного вопроса о том, которому из двух народов — монголам или тангутам, должны они отойти во владение.

От пикета Ян-шунь-цзы дорога пошла круче в гору. О колесной колее здесь не было и помину. Мы шли одной из нескольких узеньких троп, бежавших по склону оврага, в котором струились воды Пянь-дао-хэ, то и дело увязая в размякшей глинистой почве или перебираясь через ручьи. Наконец, мы завидели впереди совершенно оголенные, обдутые ветром, красные глыбы песчаника — это и был гребень хребта и перевал У-бо-линь-цзы (11 850 футов, или 3 612 м) в долину реки Бабо-хэ. Спуск с него

был очень полог и шел по волнистой степи, сплошь изрытой пищухами (Lagomys melanostomus Büchner).

Вскоре мы завидели впереди стены импаня У-бо, откуда нам навстречу высыпало до десятка солдат.

— Где бы тут остановиться?

— А вот, пожалуйте...

И нас отвели к речке Убочар, где указали на как будто когда-то искусственно выравненную площадку, по окраинам которой еще сохранились следы канавы. Но если здесь когда-либо и существовало укрепление, то, вероятно, очень давно, так как земля, поросшая кипцом, оказалась минированной множеством нор пищух. В этот день мы добыли для коллекции Montifringilla mandellii Hume и Prantincola maura var. przewalskii Plsk., и уже на южных склонах перевала У-бо-линь-цзы — Podoces humilis Hume; сверх того в ущелье мы видели какую-то желтую плиску и обыкновенного кулика.

Ночью речка покрылась у берегов льдом — мороза было —3°.

Первая половина пути следующего дня пришлась на высоко приподнятую долину р. Бабо-хэ, между 11 000 футов (3 350 м) и 12 700 футов (3 871 м) абсолютного поднятия, в которой местами лежал еще снег. Дорогу то и дело пересекали ручейки и ручьи мутной воды, которая стояла и на дороге. Талая земля сдавала под ногами животных, которые шагали с трудом и то и дело останавливались для того, чтобы вздохнуть полнее и глубже. Пожалеешь свою лошадь и слезешь, но итти по пропитанному водой косогору пешком очень трудно; к тому же нога то и дело скользит и проваливается в норки пищух. Молодой травки вовсе еще не было видно, и блеклые, серовато-желтые тоны преобладали повсюду в раскрывавшейся перед нами далекой панораме гор и долин. Но весной и здесь уже пахло. В воздухе было как-то особенно светло и радостно. Журчанье воды в ручейках, издалека несшийся грохот реки, свист пищух, встревоженных нашим приближением, прелестное пение здешнего жаворонка и масса звуков, происхождение коих трудно себе объяснить, все это настоятельно говорило теперь об идущей нам навстречу весне.

Караван наш в этот день представлял внушительное и оригинальное зрелище: человек пятнадцать китайских пеших солдат, фитильные ружья, алебарды и пики, штук десять развернутых громадных красных и желто-синих знамен, пятьдесят завьюченных лошадей и кое-где для всей этой обстановки странные фигуры не цветисто-одетых, зато хорошо вооруженных русских людей; и все это шумело, галдело и то расползалось чуть не на два километра, то вновь собиралось перед каким-нибудь трудным подъемом в одну пеструю толпу, от которой далеко сторонились встречные тангуты и китайцы-золотопромышленники. Впрочем, так поступали не все. Многие, более храбрые и любопытные, к нам немедленно приставали и провожали километра два или три.

Что значат эти знамена? Почему сегодня сопровождают нас эти солдаты? Вот вопросы, которые мы себе задавали, но на которые у нас не находилось ответа. Мы решительно не знали, почему сегодня, когда мы проходили мимо импаня, нас приветствовал весь гарнизон, что-то человек с тридцать солдат, выстроившись шеренгой со знаменами и имея офицеров на фланге; почему затем часть этого гарнизона отделилась и провожала нас до следующего пикета Унихо, где повторилась та же процедура и смена конвоя, причем возвращавшиеся китайские солдаты почли нужным опуститься перед нами на колена; почему, наконец, столь же почетная встреча и проводы подготовлены были и на всех следующих пикетах. Мы были, как в чаду, от этих неожиданных почестей и ждали почему-то скандальной развязки всей этой затеи, в которой мы играли совершенно несовместимую с званием мирного русского путешественника, а потому для нас очень странную роль.

Только на ночлеге нам, наконец, объявили, что все это делается по распоряжению начальника Юн-ань-чэнского лагеря (ина), сановника Чжу-цзу-гуя, готовящегося нас встретить с еще большим почетом.

Подъем на перевал Чжи-нань-линь, имеющий 12 700 футов (3 870 м) абс. выс., довольно полог и все время идет по красной глинистой почве. Только уже к самому перевалу цвет последней изменяется в желто-серый, причем на откосах появляются выходы бледножелтого песчаника. Этот же песчаник слагает и перевал, служащий водоразделом бассейнов рек: Да-тун-хэ, системы Желтой реки, и Бабо-хэ, одного из двух истоков Эцзин-гола. По южную сторону перевала этот песчаник тянется километров на десять и там сменяется более древними, палеозойскими песчаниками темносерого и серовато-фиолетового цветов. Хотя массы этих последних и тесно примыкают к скалам желтого песчаника, но связь эта лишь кажущаяся: палеозойские песчаники составляют лишь пониженное в этом месте продолжение Северо-тэтунгского хребта Пржевальского, далее к западу сложенного из тех же плотных песчаников, налегающих на слюдистые песчаники. На линии перевала Черик, лежащего к западу от Чжи-нань-линя и подымающегося до абсолютной высоты, равной 14 000 футов (4 265 м), эта раздельность горных масс выступает еще более рельефно, так как там долина небольшого ручья отделяет массивные скалы темнобурого слюдистого песчаника Северо-тэтунгских гор от светлокрасных песчаников, принадлежащих уже Вэнь-ли-коу Нань-шаню. Да и китайцы различают оба хребта, называя скалистый гребень Северо-тэтунгских гор — Да-бабо-шанем. Таким образом, водораздел Да-туна и Эцзин-гола должен считаться, на некотором протяжении, двурядовым хребтом, причем наивысшие точки северного совпадают с наибольшим понижением в южном, и наоборот.

Здесь будет кстати заметить, что светлые песчаники (третичные) на всем протяжении от Чжи-нань-линя до Лао-ху-ши (14 200 футов, или 4 878 м), в верховьях Хый-хэ, золотоносны. Главная добыча золота ведется на западе, но и здесь моют его почти в каждом ущелье. Мы натолкнулись на работу золотопромышленников в ущелье речки Ши-хэ, сбегающей с перевала Чжи-нань-линь, где работали всего до 30 станков; но почва ущелья оказалась тут настолько изрытой, что следует допустить одно из двух: или что разработка песков ведется в нем издавна, или что некогда она велась в более широком масштабе.

Золотопромывательные станки китайцев устроены очень просто. На качелях устанавливается ивовая плетушка в форме чаши, снабженная мелкими отверстиями и могущая вместить около пуда песка. Ее раскачивают, поминутно встряхивая, причем песок и гравий сыплются на лестницу, пологие ступени коей с несколько выступающими краями сделаны из тонких дощечек; по этой лестнице пускается широкой, но слабой струей вода, которая и отмучивает гравий и, если оно только есть, золото, задерживающееся на ступенях. Когда в корзине остается только галька, ее выбрасывают на полотно и тщательно исследуют; затем останавливают воду и то же проделывают с гравием на каждой ступени. Добываемое таким путем золото получается в виде чешуек (листоватое) и угловатых небольших зерен матового бурого цвета.

Мы говорили, что и при такой примитивной промывке старых речных отложений один рабочий вырабатывает здесь золота в среднем ежедневно около 10—12 долей, т. е. на 40—50 копеек; за всю же операцию, от начала апреля до конца сентября, примерно на 70 рублей; бывают, однако, партии, которые уносят с собою, за вычетом пошлин и всех расходов по своему содержанию, по ямбе и больше на человека.

Разработка золота разрешается всем и каждому при непременном, однако, условии — вносить в казну двадцать процентов со всей добычи натурой. Зная китайские порядки, нетрудно сообразить, что вышеприведенные цифры должны быть много ниже действительных, так как и золотопромышленники и сборщики одинаково заинтересованы в преуменьшении добычи драгоценного металла. Но в таком случае, как же должны быть богаты золотом речные наносы Ши-хэ и других местных рек!

Спуск с перевала Чжи-нань-линь круче подъема и почти с первых же шагов вводит в ущелье, которое суживается довольно быстро, имеет скалистые высокие стены и по дну поросло разнообразными кустарниками, среди коих я мог отличить шиповник, барбарис, лозняк, Caragana jubata и Potentilla. Несмотря на сумрачность этого ущелья, птиц в нем ютилось немало, и мы добыли для коллекции: Motacilla citreoloides Hodgs., Phylloscopus superciliosus var. mandellii Brooks. и Calliope tschebaiewi Przew. Уже подходя к пикету Ша-чжи, расположенному при впадине в Ши-хэ ее левого притока Шэн-сун-ло, я заметил на сухом стебле Potentilla ночную бабочку, оказавшуюся новым видом Ulochlaena — Ul. superba Alph.

В Ша-чжи, где мы должны были переночевать, мы встретили такой же радушный прием, как и в У-бо: весь гарнизон предоставлен был в наше распоряжение. Но когда я выразил желание остаться в ущелье на дневку, то встретил протест: «Как можно! Ин-гуань готовится встретить вас завтра и уже сделал распоряжение, чтобы весь гарнизон был в сборе. Не делайте же нам неприятностей».

Эти доводы повторялись с такой настойчивостью, что пришлось покориться необходимости и оставить ущелье необследованным. Впрочем, с вечера же погода стала портиться, и пошел дождь, сменившийся вскоре снегом.

Всю ночь сеял дождь. Утро тоже было серое. Стеснявшие нас в узком ущелье скалы и стоявшие за ними горы курились. Черные глыбы камней, потемневшая ледяная накипь речки Ши-хэ, проносившей свои воды по местности, совершенно изрытой золотоискателями, отовсюду торчавший безлистый кустарник и оголенная почва под ногами, все это было мокро и смотрело неприветливо, грязно. Сырость в воздухе была чрезвычайная и пронизывавшая. Туман то сгущался до того, что на десять шагов кругом ничего не было видно, то проносился вперед и кверху и тогда на время открывал горизонты.

Мы кутались, страшно зябли и с неудовольствием помышляли о торжественном приеме, который ожидал нас в городе Юн-ань-чэне.

Сюда мы прибыли около полудня. По выходе из ущелья, довольно однообразного на всем своем протяжении, перед нами раскинулась широкая поляна, со всех сторон окруженная грядами довольно высоких холмов. Сквозь белесоватую пелену сеявшего дождя в одном из уголков этой долины виднелось что-то темное, но пока совсем неопределенное. Однако, это и был город, к которому мы из всех сил спешили теперь.

А там все пришло уже в движение... Махальщики и ускакавшие вперед офицер и два солдата конвоя давно уже известили население города и китайских властей, что русские едут. Готовилось необычайное зрелище...

Несмотря на непогоду, вероятно, все наличное мужское население Юн-ань-чэна вышло из города и расположилось у восточных ворот; здесь же шпалерами выстроились знаменосцы и вооруженные допотопным оружием солдаты местного гарнизона; в заранее разбитой палатке разместились, наконец, и ожидавшие нас, в своих парадных костюмах, старшие офицеры юн-ань-чэнского лагеря, а затем все затихло в ожидании нашего прибытия, и только крупные капли дождя мерно барабанили трель по сплошной крыше из красных зонтиков толпы, под аккомпанемент глухого говора этой последней.

Но вот и мы появились... Салют из вестовых пушек уведомил об этом толпу, которая зашумела и заволновалась. Точно только того и ждавший почетный эскорт вдруг окружил нас волной знамен и людей в каких-то фантастических костюмах, среди которых особенно выделялись своей оригинальностью костюмы полицейских и так называемых мао-цзё — людей в высоких красных и черных колпаках, вооруженных огромными сплетенными из ремешков и окрашенными в черный цвет бичами, и, имея впереди громадных размеров красный зонт (хун-тун-сань) и служителей, бивших в гонг, при громе выстрелов и совершенно неописуемом гаме толпы, повлек нас вперед между преклонявшими знамена, а затем, при нашем проезде, становившимися прямо в грязь на колени шпалерами войск.

Отроду ничего подобного не видавшие, лошади наши горячились, фыркали и делали попытку унестись обратно к горам, но, видя кругом себя сомкнувшуюся теперь людскую толпу, покорились, наконец, своей участи и, вздрагивая поминутно всем телом, благополучно донесли нас к палатке чиновников, перед которой эти последние встретили нас обычными приседаниями.

Обменявшись обычными же приветствиями и просидев в палатке минуты две, мы раскланялись с сановником Чжу-цзу-гуем и его свитой и, сопутствуемые выстрелами, эскортом и толпой, направились к тому месту, где казаки уже ставили наши юрты.

На следующий день мы проснулись при пробивавшихся к нам в юрту во все щели и дыры косых лучах только что вставшего солнца. Тучи бесследно прошли, и громадные горные цепи, снизу доверху одетые снегом, блестели теперь ослепительно и резко выделялись на голубом фоне неба. Кое-где здесь, в долине, уже пробивалась молодая трава и изумрудными пятнами пестрила блеклую поверхность лугов. Река Ши-хэ шумно неслась у нас под ногами, а всюду порхавшие птички, за которыми мы тотчас же отправили наших казаков-охотников, вероятно, радуясь солнцу, пели свои веселые весенние песни...

В Китае рано встают. В девять, самое позднее — десять уж едут с визитом. К этому именно времени в наш бивуак прибыли офицер, гражданский чиновник и почетный эскорт, долженствовавшие сопровождать нас в ямынь сановника Чжу-цзу-гуя. Они застали нас уже совершенно готовыми, а лошадей наших оседланными.

Когда мы садились верхом, раздались три сигнальных выстрела. Чиновники выехали вперед, знаменосцы и солдаты эскорта с исписанными досками нас окружили, и красный зонт, при криках мао-цзё и звуках гонгов сначала три раза приподнятый кверху, открыл наше движение.

Шествие это, сопровождавшееся большой толпой собравшихся сюда окрестных тангутов, весьма медленное и претендовавшее на торжественность, было, в сущности говоря, весьма безалаберным. Лошади наши горячились и напирали на процессию, которая вскоре потеряла порядок и сбилась в кучу, смешавшись с толпой; перед нами выступал теперь уже не красный зонт, который прокладывал себе дорогу где-то сбоку, а какой-то высокий тангут, обнаженный чуть не до половины; пушечные выстрелы гремели без правильных интервалов; окриков мао-цзё уже не было слышно в шуме толпы, который наполовину заглушал даже военный оркестр, встретивший нас гимном перед ямынем на одной из городских площадей.

Вся эта площадь, весь этот странный город оставлял грустное по себе впечатление чего-то забытого, по всем швам уже развалившегося. Много китайских городов мы посетили дорогой, но ничего более убогого мы еще не встречали. Стены, сложенные кое-как из дикого камня, местами совсем развалились; штукатурка в главных воротах давно уж облезла; узкие улицы, грязные, с набросанными повсюду камнями для пешеходов, были обстроены какими-то до такой степени жалкими лачугами, что надо было иметь много мужества для того, чтобы оставаться в них жить; впрочем, многие из них теперь пустовали и развалинами своими еще более увеличивали неприглядность картины.

«Наш город — очень бедный город, — говорил нам Чжу-цзу-гу, когда мы сидели у него в приемной. — в нем вы не встретите ни хороших зданий, ни хороших лавок. Кругом живет «голь», «варвары», довольствующиеся самой грубой пищей: молоком, дзамбой, творогом и, в редких случаях, мясом. Город, как видите, окружен горами; дождь здесь идет очень часто, холодно даже и летом, а потому хлебов здесь не сеют; даже ячмень здесь не родится, и за ним си-фани (тангуты) ездят в Да-тун. Вот почему и мне приходится униженно просить вас остаться здесь еще на день или два. Я заказал обед за 150 ли от нашего города, а потому он доставлен быть скоро не может; без обеда же выпустить вас отсюда я не хотел бы...» И когда мы согласились, то словоохотливый китаец продолжал: «Впрочем, если вы нуждаетесь в каких-либо простейших припасах, то скажите мне... Может быть, и отыщется что-нибудь в наших лавках». Тронутые такой необычайною любезностью, мы, тем не менее, торопились распрощаться с хозяином: день был такой ясный и так нас манил на экскурсию.

Вернувшись на свой бивуак с обычным для нас теперь шумом и гамом, мы немедленно и быстро переоделись, но... сегодня так и не было нам суждено побродить по этим заманчивым черным ущельям, где животная жизнь, должно быть, кипела ключом. Во-первых, нам нужно было произвести ревизию наших подарков. Из них мы отобрали: хороший револьвер в футляре, массивный серебряный браслет, коралловое ожерелье и перочинный ножичек о шести лезвиях; все это мы завернули в красную бумагу и при карточках отослали к начальнику лагеря; во-вторых же, мы должны были принять его посланцев, которые привезли двух тощих кур, переднюю лопатку баранины, два десятка китайских свечей, пять шинов * гороху для лошадей и при этом кучу извинений все на ту же, излюбленную китайцами, тему: «Наш город беден, в нем ничего нет...» Вместе с тем они сообщили, что ин-гуань сегодня же собирается отдать нам визит.

Итак, вместо желанной экскурсии пришлось готовиться к встрече.

Еще раз сегодня пальба, крики, зонт и знамена. Это уж едет Чжу-цзу-гу к нам с визитом...

Визиты китайцев обыкновенно непродолжительны. Но ин-гуань просидел у нас почти до заката, очевидно, решившись вознаградить себя за невыразимо-скучную зиму, проведенную им в Юн-ань-чэне, куда он был переведен прошлым летом. Он расспрашивал нас обо всем: о железных дорогах и воздушных шарах, об оружии вообще и о дальнобойных орудиях в частности, о стали и прекрасной ее выделке в России, о сукне, о винах и водке, наконец, и о том, как велика численность русских войск. Затем мы ходили смотреть на стрельбу из револьверов и берданок, причем действительно необыкновенно удачный выстрел моего брата, перебившего револьверной пулей тонкий шест, воткнутый в землю, привел всех в полный восторг. Брата дергали, что-то кричали и показывали большой палец при возгласе «хо!», что значит хорошо, прекрасно, или даже просто тыкали в него пальцем — дескать, вот молодец. Вернувшись же снова в юрту, китайцы пили чай, восторгались сахаром, причем некоторые из свиты просили даже разрешения взять по кусочку, дабы показать своим, и английским печением, после чего, пересмотрев у нас все, что стоило смотреть и чего вовсе не стоило, китайцы, наконец, поднялись... Слава богу, пора.

Отправляясь на экскурсию, мы обыкновенно переходили Ши-хэ, протекавшую здесь в глубоко врезанном ложе, и шли к горам, скалистые массы которых были окаймлены холмистым подгорьем, одетым кипцом. Здесь мы наловили в десятках экземпляров Pyrgus bieti Oberth. и новый вид Ala — Ala pretiosa

---

* По пекинскому произношению — шэн; он почти равен 1,3 гарнца.

Alph., а также набрали немало жуков, из коих могут быть названы: Pseudotaphoxenus nov. spec., Aristochroa nov. spec., описанная Чичериным под именем Ar. perelegans, Carabus diruptus Moraw., Agonum spec., Lorocera ovipennis Sem., Broscus przewalskii Sem., Zabrus przewalskii Sem., Blaps spec. и др. Из птиц под Юн-ань-чэном были добыты: Bubo ignavus Forst., Montifringilla haematopygia Gould., нигде более в горах Гань-су не встреченная, M. ruficollis Blanf., Motacilla citreola Pall., Ruticilla hodgsoni Moore и Tharrhaleus rubeculoides Hodgs. Наконец, из млекопитающих нашими казаками была здесь убита первая антилопа — Gazella przewalskii Büchner.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

НА ЮЖНЫХ СКЛОНАХ НАНЬ-ШАНЯ

Главный элемент населения Юн-ань-чэна составляли дунгане; дунгане же преобладали как в городке Да-туне, так и во всех деревнях между этим последним и щеками Да-тун-хэ. По типу, в главной своей массе, они не особенно резко отличались от китайцев; но между ними попадались как рослые индивидуумы с широким румяным лицом и рыжими волосами, так и индивидуумы, вполне еще удержавшие особенности иранского типа. Таким образом, смешение типов здесь было полное и выступало даже в более резкой форме, чем, например, в Притяньшанье — факт, нелегко объяснимый, если принять во внимание, что условия жизни местных дунган в уединенной долине должны были скорее выработать среди них более однородный тип.

Из Юн-ань-чэна мы выступили 28 апреля. Ин-гуань устроил нам торжественные проводы, но, увы, бедным офицерам, солдатам и народу пришлось вновь мокнуть под проливным дождем, который собирался с утра, но, как нарочно, полил в то время, когда мы завьючивали последнюю лошадь.

От Юн-ань-чэна дорога стала подыматься в гору и первые 6 км шла холмистой местностью вдоль долины небольшой речки — левого притока Ши-хэ. Эти холмы, поросшие кипцом и имевшие мягкие очертания, слагались из красноватых песчанистых глин, которые составляли почву всей долины от Ши-хэ до щек Да-тун-хэ. К концу шестого километра мы достигли высшей точки дороги, с которой открывался чудный вид на нижележащую котловинообразную долину помянутой речки, бравшей свои воды частью в небольшом кочковатом болоте, частью же в ущелье горы Хэ-гу-шань. От последней мы видели только подошву; вершина же скрывалась в тумане, который сползал по всем ее падям и полосами протягивался над котловиной, издали казавшейся совершенно зеленой: старая трава здесь была выжжена, а молодая успела подняться уже на 4—8 см. Здесь впервые мы увидели черные палатки тангутов и огромные стада яков.

Так как дождь шел, не переставая, то мы решились спуститься в котловину и в ней остановиться, но сопровождавший нас офицер отсоветовал это сделать.

— Почва котловины, — говорил он, — пропитана водой и сверх того поросла травой, на которую, без сомнения, и набросятся ваши лошади; но с непривычки она может раздуть им животы и вызвать заболевания.

Замечание было вполне справедливое, и мы потащились дальше. Котловина оказалась действительно болотистой; по крайней мере, даже тропинка, по которой мы шли, была залита водой на десятки метров. Пройдя речку, мы вскоре заметили, что вновь подымаемся в гору; но это был лишь небольшой холм, по другую сторону коего расстилалась широкая долина левого притока р. Да-тун-хэ — речки Пин-фу-хур. Здесь, у полуразвалившегося пикета Бо-шу-хо-цзы, мы и остановились.

Речка Пин-фу-хур, протекавшая у подошвы крутого обрыва волнистого плато, отделяющего Юн-ань-чэн от долины реки Да-тун-хэ, образовала близ пикета довольно обширное кочковатое болото, кишевшее водяной птицей, среди коей мы тотчас же заметили одиноко разгуливавшего журавля — Grus nigricollis Przew. Брат бросился к нему, но ружье дало сначала осечку, а затем он, повидимому, только ранил могучую птицу, которая тяжело взлетела и опустилась в расстоянии полкилометра от пикета. Ее преследовал лучший наш стрелок, казак Колотовкин, но потерял из вида после нескольких неудачных выстрелов из берданки на расстоянии 400—500 шагов.

После обеда, когда несколько разъяснело, мы здесь добыли для коллекции Montifringilla ruficollis Blanf., Motacilla (Budytes) citreola Pall., Aegialitis mongolicus Pall. и Tringa temminckii Leisl. Сверх того, в одной из трещин стены пикета Бо-шу-хо-цзы мы нашли гнездо Fregillus graculus L. с порядочно уже насиженными яйцами.

Мы покинули Бо-шу-хо-цзы на следующий день очень рано. Утро было ясное, и оба хребта, окаймлявшие долину Да-тун-хэ, были видны великолепно, притом с некоторых придорожных холмов на огромном протяжении; едва ли мы даже не видели на западе снеговые пики, подымающиеся близ вершины реки Харге-чу.

До импаня Пин-фу-хур, где нам была устроена почетная встреча, дорога шла вниз по речке того же имени; за этим же

импанем — левым берегом Да-тун-хэ, большой реки, разбросавшейся несколькими многоводными рукавами по саю, местами прижатому к скалам Южно-тетунгского хребта, местами же имеющему в ширину метров 850, если не целый километр. Эта река в древности носила название Хао-мынь или Хао-вэй-шуй.

Близ импаня Пин-фу-хур мы натолкнулись на несколько юрт хошоутов. Это были единственные монголы, которых мы видели в Гань-су и в области Куку-нора.

От устья реки Пин-фу-хур до устья реки Ло-ху-лу — следующего левого притока Да-тун-хэ, на протяжении 11 км, долина широка, но сохраняет тот же волнистый характер, как и под Юн-ань-чэном; только здесь одевающая ее растительность получила еще более степной характер: всюду господствовал кипец (Festuca sp.), прошлогодние серо-желтые пучки которого, не вполне одевая почву, делали ее похожей на щетку. Только по южным склонам логов и на дне этих последних виднелись кое-где площадки луговых трав, которые почему-то зазеленели раньше и теперь яркими пятнами выделялись на блеклом фоне прошлогодней растительности. В таких логах, под валунами и крупной галькой, мы находили во множестве жучков из рода Agonum, а также Lorocera ovipennis Sem., Pseudotaphoxenus sp., Zabrus sp. и др.; и тут же Meloë n. sp. Среди многочисленных стад яков, коз и баранов и табунов малорослых, но красивых тангутских лошадок нам иногда попадались антилопы (Gazella przewalskii Büchn.), которые были, однако, настолько пугливы, что не подпустили к себе наших охотников ни разу ближе как на 500 шагов.

За речкой Ло-ху-лу стали попадаться пашни. Мы видели всходы ячменя (сорт «я-ми») и овса; но нам говорили, что в окрестностях Да-туна возделываются также горох и пшеница, которые, впрочем, не всегда дозревают. Здесь тангутов и монголов сменили дунгане. Стали попадаться ослы. Виднелись кое-где арыки, глинобитные заборы, следы каких-то построек. Ясно, что мы подходили к городу. А вот, наконец, и он показался...

Да-тун больше Юн-ань-чэна, но он имеет столь же безотрадный вид, как и этот последний. Его невысокие глинобитные стены представляют развалину, которую едва ли есть какая-нибудь возможность привести в приличный вид. Внутри господствует запустение: лачуги и размытые водою стены оград образуют узкие кривые улицы, невзрачность коих еще более оттеняется высокими пай-лоу, впрочем также уже достаточно обветшалыми. На единственной городской площади находится кумирня на вид также убогая. Офицеры, за исключением одного только ин-гуаня, высокого и дородного маньчжура, устроившего нам прекрасную встречу, расквартированы в скверных помещениях; например, его ближайший помощник, которому мы сделали также визит, положительно не знал, на чем и где нас усадить; его приемная комната не имела и двух метров в квадрате и притом по высоте была настолько низка, что на кане, занимавшем в ней три четверти всего пространства, и было возможно только сидеть. И подумаешь, в таких квартирах старшие офицеры коротают девять холодных месяцев в году. Безотрадное существование! Замечу кстати, что у этого офицера из домашней обстановки я заметил только красный лакированный столик, на котором нам и подан был чай, и крошечную лакированную же шкатулку, одиноко стоявшую в нише стены.

Окружной город Да-тун был основан маньчжурами[129]. Но место это издавна служило административным центром; так, известно, например, что в начале VIII в. здесь находилось тибетское укрепление Да-тун-цзюнь[130]. Вероятно, этому укреплению принадлежали и те прекрасно еще сохранившиеся ров и крепостной вал, которые находятся к югу от современного города, имеют форму правильного четыреугольника и поражают своими размерами.

В Да-туне мы простояли два дня, которые прошли в визитах; урваться на экскурсию удалось только однажды, причем из бабочек мы здесь наловили: Ala pretiosa Alph. (n. sp.), Pyrgus bieti Oberth. и Triphysa dohrnii — вид, которого не существовало в европейских коллекциях, так как экземпляр, по которому в 1850 г. было сделано Зеллером (Zeller) его описание, был вскоре утрачен. Родиной зеллеровского экземпляра, надо думать, была Северная Монголия, где недавно вид этот снова был найден; привез его также и Вагнер с верхнего Енисея. Из птиц в коллекцию поступили: Acanthis brevirostris Bp., Urocynchramus pylzowi Przew., Motacilla lugens Kittl. Herbivocula affinis Tick., Phasianus strauchi Przew.*, Sterna hirundo var. tibetana Saund., державшаяся здесь во множестве, и Podiceps nigricollis Brehm.; сверх того были замечены, но не добыты: Cyanopica cyanea Pall., Cinclus kashmiriensis Gould., Tetraogallus himalayensis Gray и Anser indicus Lath.

День, избранный нами для выступления из Да-туна, был неудачный. С утра шел густой ситник, который, очевидно, наладился на целый день. Через реку мы переправились вброд с порожними лошадьми и ишаками, багаж же свой и баранов перевезли частью на каюке, частью на плоту, который был связан из еловых жердей, укрепленных на турсуках. На перекатах, гребнем коих нас и повели конвойные солдаты, воды было свыше метра, так что некоторых ишаков, без всяких, впрочем, дурных для них последствий, сбило с ног и отнесло метров на сорок книзу. Нам говорили при этом, что Да-тун-хэ вздувается в огромную реку, имеющую в плёсе метров до сорока двух, несколько позднее, а именно в конце мая, но что затем река постепенно спадает и в августе вновь достигает апрельских размеров.

Я уже имел случай заметить, что северные склоны Южно-тэтунгских гор круто спускаются в долину реки Да-тун-хэ, которая, прижимаясь к ним почти вплотную, только местами оставляет площадки, пригодные для поселений. Таких поселений на нашем пути встретилось несколько: Гао-лай-ху у переправы, Инсань-чжа в 9 км далее и Да-хо-ту, Сайнь-там и Каса-хо по ту сторону высокого, сложенного из песчаников и красных песчанистых глин отрога, который тянется поперек всей долины и в средней своей части прорывается рекой. Это, так сказать, преддверье щек Да-тун-хэ, которые видны с него весьма отчетливо и вперед на многие километры.

Помянутый отрог встретился нам на десятом километре. Мы круто отклонились от реки и по скользкой, глинистой, сильно размытой тропе с трудом взобрались на перевал, с которого открылся чудный вид на всю долину Да-тун. Противоположный берег реки был усыпан селениями, которые располагались по трем левым притокам Да-тун-хэ: Е-ге-фэй, Са-го-хэ и Лин-гу-хэ. Самым крупным из этих селений был городок Сань-ши-мяо; нам говорили даже, что в нем жителей (дунган) было не меньше, чем в Да-туне. При устье Е-ге-фэй было расположено селение Ма-бе-чжи, а затем следовали с запада на восток Са-го, Лин-гу-вань и Ка-лин-ху. Между этими селениями тянулись поля, которые изумрудно-зелеными полосами резко выделялись на выцветшем фоне степи, где только в логах прошлогодняя трава стала уступать место молодой зелени, узкими змейками восходившей к горам, казавшимся сквозь окутывавший их туман огромным снеговым, недосягаемым по своей высоте кряжем.

Спуск с перевала шел по узкой долине реки Да-хо-ту, где мы впервые увидали расцветший экземпляр Iris Bungea Maxim. Минов в небольшое селение, мы снова вышли к Да-тун-хэ и, следуя окраиной его сая, не доходя до щек, которые проходимы разве только в зимнее время, достигли устья речки Каса-хэ, вверх по которой идет, через перевал Са-дабан, дорога в г. Синин. На этой речке мы и остановились выше селения Каса-хо, на болотистом островке, поросшем сочной молодой травкой, Rhododendron thymifolium Maxim., бывшем уже в полном цвету, Potentilla sp. и лозняком, который только что начинал распускать свои листочки на верхушках ветвей.

Здесь, в деревне, у мельницы, мы встретили целое общество красивых голубых сорок (Cyanopica cyanea Pall.), из коих два-три экземпляра тотчас же попали в руки нашего препаратора. Факт нахождения голубых сорок на ивах, росших у мельницы, несколько противоречит наблюдениям Пржевальского, который заметил, что птица эта тщательно избегает человека[131]. Впрочем, уже Березовский писал, что находил ее, главным образом, в культурном поясе гор, в пекинской же равнине даже в садах[132].

---

* Фазан Штрауха держался здесь среди кустарных порослей, но нередко заходил и в ельник, восходя до высоты, равной, вероятно, 10 500 фут. (3 063 м) абс. поднятия. Столь высоко в горах мы нигде более не встречали фазанов.

Едва мы уставили свои юрты, как нас вызвал на объяснение наш проводник-тангут, заявивший, что он нас покидает.

Этот тангут был подряжен нами в Су-чжоу в качестве проводника и отличного охотника на маралов и больших хищников; но ни в том, ни в другом отношении он нам не был полезен: восточнее Ма-ти-сы он сам никогда не бывал, а на зверей мог охотиться лишь в знакомых условиях. Но зато он несомненно пригодился бы нам на возвратном пути, служа в остальное время посредником в наших сношениях с тангутами. К тому же он был хорошим товарищем, хотя и держался особняком. Но, как мы его ни уговаривали, упрямый тангут настоял на своем и ушел в тот же вечер. Куда? Обратно в свое родное селение, с тем чтобы затем в сообществе нескольких односельчан промышлять маралов в горах. Наша же жизнь пришлась ему не понутру. Он жаловался на скуку, на стеснение свободы, на вечное передвижение... Особенно же вознегодовал он, когда узнал, что мы идем в город Синин и далее на юг: «Как, вы покидаете горы в самое маралье время? Нет, слуга покорный, более я вам не товарищ».

На следующий день мы должны были перевалить через Южно-тэтунгский хребет, который, как нам казалось, был до половины завален снегами. В действительности оказалось, однако, иначе. Тем не менее, переход был очень тяжелый, так как нам приходилось карабкаться по глинистой тропинке, крайне скользкой, местами же представлявшей грязное месиво, в котором утопали наши лошади и ослы. Но верблюд вел себя молодцом и хотя с видимым усилием, но бодро шагал вперед; впрочем, если он без особых неприятных приключений и добрался до вершины перевала, то единственно благодаря Сарымсаку, который присматривал за ним как заботливая мать за своим ребенком.

На наше счастье день был солнечный, безветренный, теплый.

Подъем начался сейчас же за селением Каса-хо. Мы оставили вправо болотистую долину и стали взбираться на горный отрог, в нижнем горизонте сложенный из красных и желто-серых глин, а выше из бледных песчаников, прикрытых на 45 см черной растительной почвой и поверх последней — дерном луговых трав и мха, среди коих сплошными насаждениями росли Rhododendron thymifolium Maxim. и Prunus stipulacea Maxim. Еще выше, в полугоре, за пикетом Сайн-дин-там, стал попадаться великолепный душистый Rhododendron Przewalskii Maxim., росший здесь отдельными деревцами сантиметров в 60—90 высотой и резко выделявшийся яркой зеленью своих больших кожистых листьев на общем блеклом фоне прошлогодних трав, среди коих только кое-где мелькали одинокие цветы: у пикета — Iris glacilis Maxim. и выше — Meconopsis integrifolia Maxim., Isopyrum grandiflorum и Primula stenocalyx Maxim.

За пикетом дорога стала особенно трудной. Нам пришлось пройти несколько падей и три раза взбираться на третьестепенные отроги, пока, наконец, мы не выбрались на восточный склон главного отрога и не очутились над речкой Са-шуй, еле теперь видневшейся на значительной глубине. Здесь тропинка обратилась в грязную речку, обойти которую не было возможности, так как и выше и ниже наши животные уходили в размякшую почву, точно в кисель. Особенно же дал себя знать грязевой оползень, шириной в 6—8 м. Но, выбившись из него, мы уже без особых приключений добрались до нижней границы снегового поля. Здесь мы встретили несколько пеших дунган, которые с двумя лошадьми только что спустились с перевала.

— Ну, как дорога?

— Пройдете благополучно.

Мы действительно прошли снега благополучно, но не без труда, так как местами пришлось карабкаться по тропинке, затянутой льдом, или итти скользкими косогорами, которые для того, чтобы сделать их проходимыми для нашего каравана, посыпались землей.

Здесь порхала Montifrigilla nemoricola Hodgs., которая и попала в нашу коллекцию.

Наконец, мы взобрались на перевал, который нам называли каждый раз различно — Ха-, Ша- и Са-дабан и который имел 12 500 футов (3 810 м) абсолютного поднятия; таким образом, сегодня мы поднялись свыше, чем на 915 м по вертикалу, что составит около 90 м на километр. Спуск с Са-дабана оказался круче. Снега здесь не было, и дорога, местами искусственно выбитая в скале, многочисленными зигзагами сползла в узкую теснину, по которой и вышла на речку Лу-шуй.

Живописное ущелье, по которому протекала эта последняя, обставленное высокими скалами темносерого и бурого палеозойского песчаника, поросло лиственными деревьями и кустарниками, которые едва зеленели. О прошлогодней траве здесь, однако, уже не было и помину, и цветы (главным образом — Ranunculaceae, но также Iris gracilis Maxim., Primula farinosa var. algida Trautv., Pr. stenocalyx Maxim., Coelonema draboides Maxim. и по галечнику — Gentiana Grummi Kusnez. (n. sp.), пестревшие на изумрудно-зеленом луге, представляли дивный, яркий, весенний ковер, среди которого, то разливаясь узкими ручейками, то собираясь в один бурливый поток, несла свои воды речка Лу-шуй. Здесь мы встретили нижеследующие виды птиц: Carpodacus rubicilloides Przew., Anthus rosaceus Hodgs., Herbivocula affinis Tick., Chaemorrhornis leucocephala Vig., Calliope tschebaiewi Przew. и Merula ruficollis Pall.

Ущелье Лу-шуй-коу имеет в длину шесть километров. Оно довольно неожиданно кончается и выходит в широкую, котловинообразной формы и с волнистою поверхностью долину речки Алтын (у китайцев Са-мын-хэ), вверх по которой в 1873 г. прошел наш знаменитый предшественник в этих местах — Н. М. Пржевальский. Два километра дальше, ниже слияния Са-мын-хэ, Лу-шуй и Дун-ша-фэй (Дун-ша-фи), мы завидели первые полосы хлебных полей и домики дунганского селения Сань-чжу-чун, близ которого и остановились.

В Сань-чжу-чуне нас встретили высланные сюда из Шин-чэна китайские солдаты и толпа окрестных дунган, отнесшихся к нам с необыкновенным радушием. Едва подходили эшелоны вьюков, как лошади мигом расхватывались, вещи тщательно снимались и складывались в кучу. На первых порах мы боялись пропажи или какой-либо неосторожности со стороны наших неожиданных помощников, но затем успокоились: так ловко и умело справлялись они с хитрой обвязкой наших сундуков, мешков и свертков, выработавшейся практикой многих дней, проведенных в дороге.

После обеда они явились к нам с музыкальными инструментами и сыграли несколько довольно мелодичных пьес, мотивом своим напоминавших туркестанскую музыку, факт, говорящий опять-таки в пользу палладиевой гипотезы происхождения дунган; что же касается инструментов, на которых они играли, то часть их может считаться китайским изобретением.

Я уже имел случай говорить о некоторых из этих инструментов. Янчин у дунган называется «ган-шань» и «чжан-ко-ганшань», у китайцев — «янь-чин». Гырджак или, как пишет Пантусов, гиджек называется у дунган «ху-ху-цзы», у китайцев — «хунчин»; дунганский «ху-ху-цзы» проще по устройству хамийского гырджака и имеет только четыре струны; впрочем, по словам Пантусова, подобные гырджаки встречаются и у таранчей, может быть, также и в Самарканде, хотя там этого инструмента мне и не довелось самому видеть. Раваб называется у дунган, как и у таранчей — «пипа»; на нем играют щипком. Наконец, сетар (трехструнный дутар) у дунган носит название «шана», у китайцев — «сань-шэнь-цзы», у илийских таранчей — китайского ревоба; сетаром же или сетером последние называют смычковый инструмент типа гырджака *; на сетаре дунгане играют, одевши костяные кольца на пальцы.

В Сань-чжу-чуне мы простояли два дня, экскурсируя в его окрестностях, которые представляют пересеченную местность,

---

* В Хотане сетаром (citar, согласно Dutreuil de Rhins) называется девятиструнный инструмент, на котором также играют смычком (камальчи).

с почвой из красных песчанистых глин и грубых конгломератов, из-под которых лишь в немногих местах обнажается коренная порода — скалы кварцевого песчаника. Здесь особенно резко бросалось в глаза упомянутое различие в растительном покрове северных и южных горных склонов: * тогда как северные, одетые густым мхом и поросшие кустарником, влажные и серовато-черные, едва вступали в первый период весны (мы нашли только одно цветущее растение — голубую Corydalis curviflora Maxim.), южные давно уже перешли к лету — желтые лютики отцветали, но зато среди кипцовых пучков, довольно густо одевавших красноватую почву, виднелись во множестве: Primula farinosa var. algida Trautv., Pr. stenocalyx Maxim., также Corydalis curviflora Maxim., Incarvillea compacta Maxim., Androsace sempervivoides var. tibetica Maxim., Fragaria sp. и др. Здесь мне удалось наловить во множестве новый вид Nisoniades, описанный мною под

---

* Это различие настолько здесь резко, что не могло не броситься в глаза и другим исследователям края. (См. Н. М. Пржевальский — «Монголия и страна тангутов», I, стр. 238, и Лочи, цит. соч., стр. 590). А. И. Воейков («Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии», отдел метеорологический, стр. 248) по тому же предмету говорит следующее:

«Растительность в горах Ганьсу вообще очень роскошна, но однако, обширные леса встречаются лишь в южном хребте (это положительно не так; самые обширные леса находятся в области верхнего Эцзин-гола), и то на его северном склоне. Это, повидимому, странное явление объясняется тем, что зимой в горах Ганьсу выпадает немного снега и на южных склонах он рано тает, и следовательно, там деревья остаются без защиты от очень сильных морозов (?), случающихся нередко весной. На северном склоне снег держится долее и под его защитой деревья не страдают от весенних морозов.

С этим мнением я не могу согласиться. Сильные морозы, достигающие при отсутствии снега — 25° и более, не мешают в Турфанском округе расти даже таким деревьям, как Fraxinus sogdiana, Zizyphus vulgaris, Alantus (glandulosa?) и т. д.; то же можно сказать и о подгорье Нань-шаня. На северных склонах восточного Тянь-шаня (к востоку от перевала Буйлук), лишенных снежного покрова даже зимой, прекрасно растут некоторые кустарники (Cotoneaster, Rosa, Caragana и др.), а между тем известно, что именно там морозы достигают иногда чрезвычайной силы. Таким образом, не морозы мешают росту леса, а другая причина, на которую я уже и указывал выше. Я говорю о сравнительной сухости южных склонов Нань-шаня.

Леса растут лишь там, где есть подпочвенное орошение. Северные склоны, нагреваемые очень слабо, испаряют очень мало воды, благодаря чему получаются условия для образования дернового покрова, в свою очередь задерживающего влагу, которая через посредство этого покрова и переходит в подпочву; этого и достаточно для того, чтобы дать возможность жить кустарнику и лесу. Совсем иные условия для растительной жизни представляют южные склоны Ганьсуйских гор. Они нагреваются очень сильно, вследствие чего испаряют очень много воды; остающееся же в почве этих склонов количество ее, очевидно, недостаточно для образования сплошного дерна. Благодаря же отсутствию этого последнего, вода не задерживается на склонах, не проникает в почву, а быстро с них скатывается, оставляя, как след своего пребывания, глинистую, растрескавшуюся кору на поверхности земли.

именем Nis. erebus, в нескольких экземплярах Carterocephalus argyrostigma Ev. и, наконец, Colias montium Oberth., только что тогда описанную Обертюром по одному экземпляру, полученному из Да-цзянь-лу. Из птиц нам здесь попались; Cyanopica cyanea Pall., Carpodacus pulcherrimus Hodgs., Motacilla citreoloides Hodgs., Lophobasileus elegans Przew., Phylloscopus superciliosus var. mandelii Brooks., Calliope tschebaiewi Przew. и Phasianus strauchi Przew. Из других отделов животного царства, собранных нами здесь, заслуживает упоминания чрезвычайно ярко окрашенная травяная лягушка — Rana temporaria L. Сверх того, в Сань-чжу-чуне же, мне попалась на глаза змея, в длину имевшая не более 60 см, но при этом несоразмерно толстая; цвет ее был матово-черный, с слабо выраженным белым рисунком, как мне показалось, состоявшим из белых поперечных полосок; в общем она напоминала мне черную разность Pelias berus, довольно обыкновенную в окрестностях Сарепты.

Бивуак экспедиции у монастыря Гу-мань-сы.

5 мая мы перенесли свой бивуак в окрестности тангутского монастыря Алтын, известного у китайцев под именем Гу-мань-сы. Путь сюда шел вниз по речке Алтын-голу, холмистой местностью, изрезанной неглубокими сухими балками, в боках коих обнажались красноватые и лёссоподобные глины с значительной примесью голышей; кое-где голыши эти попадались в таких скоплениях, что глина получала характер лишь слабого цемента в грубом конгломерате. Поверхность холмов была покрыта степною растительностью, главным образом — кипцом, из-под которого почти всюду просвечивалась земля. Теперь, однако, на заре лета, кроме кипца бросались в глаза и другие травы, которые на покатостях, обращенных к северу, группировались даже в сплошные ковры яркой зелени, испещренной желтыми, белыми, розовыми и голубыми цветами. Особенно красиво выглядели сплошные насаждения то более голубых, то более фиолетовых (попадались и белые разности) ирисов (Iris ensata Thunb.), среди которых росли Viola biflora L., Corydalis straminea Maxim., Androsace sempervivoides var. tibetica Maxim., Gentiana Grummi Kusnez. Отдельными островками попадались также — сильно пахучая Stellera chamaejasme L., которая едва распускала свои розовые бутоны, и Euphorbia altaica Mey. Ельник, лиственные деревья и кустарные поросли встретились нам вновь только уже близ монастыря Гу-мань-сы. Береза здесь едва зеленела, тополи только что начинали распускать свои сережки; то же можно было бы сказать и о большинстве кустарных пород, которые поэтому и остались неопределенными. Они были, однако, здесь довольно разнообразны; так я могу отметить: Prunus stipulacea, Prunus chamaecerasus (?), Rosa sp. (?), по крайней мере два вида Berberis, Lonicera syringantha var. minor (?), Cotoneaster sp. (?), Hippophaë rhamnoides, Salix sp. (?), Caragana jubata, Rhododendron thymifolium, Potentilla sp. и другие виды.

Всходы хлебов подвинулись здесь уже значительно вперед, были густы и сулили хороший урожай населению попутных деревень — Ма-ла-ло, Линь-гань-чжо, Ши-хо-чжо и Ирма, на речке того же имени, состоявшему почти исключительно из дунган. Первые тангутские хозяйства встретились нам лишь у монастыря Гу-мань-сы, да и то, вероятно, они принадлежали этому последнему, имевшему вид настоящего городка, окруженного стеной с одними лишь воротами на реку.

Настоятель этого монастыря встретил нас очень враждебно. Он приказал затворить перед нами ворота и объявить нам, что не только не разрешает нам охотиться и собирать валежник в окрестностях Гу-мань-сы, но и не допустит нас к себе в монастырь. Мы обратились с вопросом к сопровождавшему нас китайскому офицеру: что это значит? На что получили следующий любопытный ответ: «Тангуты подчиняются не сининским властям, а кукунорскому чин-сэю, который ненавидит иностранцев. Желая, очевидно, ему угодить, старый гыгэн и делает нам теперь затруднения. Но вы не обращайте внимания на слова старика: его угрозы бессмысленны. Что он может сделать, если мы с вами?».

Кажется, гыгэн действительно скоро одумался. Он прислал нам новых послов, которые пытались объяснить происшедшее недоразумением и даже приглашали нас от его имени посетить его в монастыре, но мы не воспользовались этим приглашением, чем, кажется, очень огорчили монахов. Впрочем, за все время пребывания нашего близ их монастыря, они не переставали посещать нас и даже помогали нам ловить Siphneus fontanieri M.-Edw., — китайского слепыша, расплодившегося в окрестностях Гу-мань-сы в невероятном количестве.

Мы простояли здесь до 10 мая, экскурсируя в окрестностях ежедневно. Из птиц мы добыли здесь: Cerchneis tinnunculus L., Cyanopica cyanea Pall., Poliopsar cineraceus Temm., Chloris sinica L., Carpodacus pulcherrimus Hodgs., Motacilla citreoloides Hodgs., M. melanope Pall., Herbivocula affinis Tick., Phylloscopus superciliosus var. mandelli Brooks., Ruticilla shisticeps Hodgs., Merula kessleri Przew., Trochalopterum elliotti Verr., Pterorhinus davidi Verr. и Phasianus strauchi Przew. Последние были здесь очень обыкновенны, и не проходило дня, чтобы брат не доставлял их нам на кухню.

Но главную нашу добычу составляли бабочки. Кроме значительного количества пойманных здесь Colias montium Oberth., мы наловили здесь красивых Lycaena lanty Oberth., Triphysa dohrnii Z., Pyrgus maculatus Brem et Grey, Carterocephalus argyrostigma Ev., Nisoniades erebus Gr.-Gr., Hypoplectis adspersaria Hb. (var.), Gnophos difficilis Alph. (var. nov.), Scodiona belgaria Hb., Eucosmia certata Hb. и др.

⁂

От монастыря Гу-мань-сы мы шли вниз по речке Са-мын-хэ (Алтын-голу), а затем через городки Шин-чэн и Дань-гэр вышли в долину Сининской реки, где застали лето в полном разгаре; здесь поэтому будет вполне уместно сказать несколько слов о климатических особенностях весеннего месяца в Нань-шанских горах.

Город Гань-чжоу-фу мы покинули 8 апреля, монастырь Гу-мань-сы 10 мая; таким образом, общее число дней, проведенных в Нань-шане, равняется 32; из них 15 дней приходятся на северные его склоны и 17 на южные. Общая длина пройденного нами за это время пути равняется 292 км. На этом протяжении мы пересекли три хребта по перевалам, абсолютная высота коих равнялась:

У-бо-линь-цзы через хребет	Ци-лянь-шань	11 850 футов	(3 612 м)
Чжи-нань-линь » »	Северно-тэтунгский . . .	12 700 »	(3 870 м)
Са-дабан » »	Южно-тэтунгский	12 500 »	(3 810 м)

Если исключить эти наивысшие точки маршрута, а также первую станцию от Гань-чжоу-фу — селение Пин-фын-ча, расположенное на абсолютной высоте, равной 5 512 футам (1 680 м), то в общем наш маршрут колебался в пределах абсолютных высот 7 650 футов, или 2 330 м (селение Чжань-мань-цзэ) и 10 900 футов, или 3 320 м (Юн-ань-чэн). К средней из этих двух цифр 9 275 футов (2 825 м) очень близко подходят абсолютные высоты главных мест наблюдения:

Монастырь Ма-ти-сы	8 720 футов	(2 657 м)
Урочище Ши-хоу	9 290 »	(2 832 м)
Город Да-тун	9 865 »	(3 007 м)
Монастырь Гу-мань-сы	9 400 »	(2 863 м)

При этом следует заметить, что разница между абсолютными высотами: с одной стороны — Ма-ти-сы и Ши-хоу, с другой — Да-туна и Гу-мань-сы, вполне компенсируется тем обстоятельством, что первые два пункта наблюдений расположены на северных, а вторые два на южных склонах Нань-шаня.

Из 32 дней наблюдения ясных было всего только два дня: оба приходились на апрель (8 и 10 апреля) и притом на ту часть нашего пути, которая пролегала по равнине между Гань-чжоу-фу и Ма-ти-сы. Затем неоднократно случалось так, что с утра ясное небо, подернутое лишь перистыми (cirrus) или слоисто-перистыми (cirro-stratus) облаками, к полудню заволакивалось тучами или, наоборот, с утра пасмурное небо к вечеру становилось вполне ясным. Совершенно чистый небосклон ночью был довольно обыкновенным явлением, но в моем дневнике на этот счет не велось записей; таких же дней, когда небо хотя бы на несколько часов было ясным, показано девять. То, что сказано здесь относительно ясных дней, в еще большей степени должно быть отнесено к облачным: из 15 таких дней только в четырех случаях небо оставалось постоянным в течение более 12 часов кряду; в остальных же 11 случаях облака или проходили и сменялись перисто-кучевыми (cirro-cumulus) или сгущались в дождевые тучи. Пасмурных дней в течение свыше 12 часов наблюдалось 13, пасмурных наполовину шесть. Из них в шести случаях выпадал снег, в восьми дождь, в трех дождь и снег одновременно, в одном случае град со снегом и в одном же град с дождем (гроза 26 апреля). Хотя, таким образом, из всего числа дней наблюдения дней с осадками было 19, или 59%, но в общем весеннее время в Наньшанских горах не может быть названо обильным водными осадками: снег только однажды, а именно 16 апреля, выпал на глубину девяти сантиметров; в остальное же время он только крутился в воздухе, на земле же не оставлял почти никакого следа; равным образом под крупный дождь (ливень) мы не попадали ни разу, моросило же часто, иногда подряд несколько часов, иногда же (впрочем, только в двух случаях) чуть не целые сутки.

Эти наблюдения вполне подтверждают слова Н. М. Пржевальского, который писал [133]:

«В Гань-су, вообще обильной водяными осадками, климат весны суровее, чем в Монголии, так что в течение всего апреля здесь ни разу не падал дождь, хотя снежных дней считалось 17 [весной 1890 г., наоборот, преобладали дожди даже на высотах свыше 3 350 метров абсолютного поднятия]. Затем в мае начались дожди, обыкновенно непродолжительные, так что, хотя в этом месяце считалось 20 дождливых дней и два снежных, но местные жители жаловались на засуху, да и травянистая растительность, в особенности на открытых склонах [конечно, обращенных на юг] или в степных местах, видимо, блекла от недостатка влаги» *.

Обилие степных пространств в области гор Гань-су доказывает, однако, что весны 1873 и 1890 гг. вовсе не принадлежат к числу исключительных.

Правильно и другое замечание Пржевальского, что в Ганьсуйских горах чаще, чем где-либо в Центральной Азии, весной наблюдается затишье [134].

Действительно, абсолютно безветреных дней мною было зарегистрировано семь, или 22%; в остальные же дни ветер большею частью дул слабо, с большими интервалами и нередко при этом меняя румбы; случалось также, что ветер, наблюдавшийся нами, дул со стороны, противоположной движению облаков. Сильный ветер наблюдался дважды — с запада и юго-запада, буря однажды, а именно 30 апреля, в Да-туне, с юго-востока. Но господствующими ветрами были северо-восточные, что видно из следующей таблицы.

		Ясно	Облачно	Пасмурно
Тихо 7,	из них	2	1	4
N 4,	»	—	2	2
NW 4,	»	—	2	2
W 1,	»	—	1	—
SW 3,	»	—	1	2
S 4,	»	1	2	1
SO 4,	»	1	1	2
O 5,	»	—	2	3
ON 7,	»	1	3	3

При этом следует, однако, заметить, что северные ветры наблюдались, главным образом, на северных склонах Нань-шаня; на южных же они сменились восточными и юго-восточными ветрами, может быть первыми волнами летнего китайского муссона, который дул обыкновенно довольно сильно, хотя непродолжительно. На северных склонах Нань-шаня южный ветер дул очень редко, к тому же начинался около полудня и кончался около четырех. Я принимал его за периодическое стекание с гор холодных масс воздуха (за бризы), почему и не отмечал в дневнике.

---

* Слова в квадратных скобках принадлежат мне (Г. Е. Грумм-Гржимайло).

Осадки выпадали на северных склонах Нань-шаня при затишье или при ветрах, дувших с севера и северо-востока, крайне притом слабых; так что здесь, очевидно, мы наталкиваемся на тот же факт, который разъяснил А. И. Воейков для северных склонов Кэрийских гор, получающих обильные летние осадки из местного источника — орошенных полей Хотанского округа, испаряющих огромное количество воды [135]. При этом нелишне будет заметить, что хотя осадки выпадали здесь, главным образом, в виде снега, но снег этот был обыкновенно влажным и тотчас же таял; только однажды он пролежал более суток.

На южных склонах Нань-шаня дождь два раза выпадал при затишье, раз при северо-восточном ветре и шесть раз при восточном и юго-восточном ветрах. Гроза с градом принесена была также юго-восточным ветром.

За весь рассматриваемый период времени термометр ни разу не опускался ниже 6° мороза. Такое понижение температуры мы испытывали всего однажды, а именно в ущелье Ма-ти, 14 апреля, в 4 часа утра, после того, как накануне дул NON, сразу же и значительно понизивший дневную температуру. Впрочем, до 4—5° мороза ртуть опускалась неоднократно, что видно из следующего:

Ст. близ Гань-чжоу-фу (1 512 м)	8 апреля	3 ч. 30 м утра	—5°	ясно	тихо
Монастырь Ма-ти-сы (2 657 м)	15 »	7 час. вечера	—5°	пасмурно	NO
» »	16 »	9 час. вечера	—5°	»	NO
» »	17 »	1 час ночи	—5°	»	NO
» »	18 »	3 часа ночи	—4°	ясно	тихо
Город Юн-ань-чэн (3 320 м)	26 »	4 часа ночи	—4°	»	NW
Пикет Бо-шу-хо-цзи (около 3 048 м)	29 »	4 часа ночи	—4°	облачно	после NW
Селение Сан-чжу-чун (около 3 048 м)	4 мая	4 часа ночи	—5°	ясно	тихо

За тот же период наивысшая температура достигала 25°, да и то столь высокая температура наблюдалась всего однажды и притом в селении Пин-фын-ча, т. е. в Ганьчжоуской равнине, а не в горах. В горах же максимум температуры не превышал 19° в апреле и 24°,5 в мае. Более подробные сведения о наивысших температурах за обозреваемое время видны из следующего:

Монастырь Ма-ти-сы (2 657 м)	10 апреля	12 час.	—19°	ясно	тихо
Город Юн-ань-чэн (3 320 м)	26 »	12 час.	—16°,5	облачно	O
» »	27 »	1 час дня	—16°	пасмурно	O
Город Да-тун (3 007 м)	1 мая	2 часа дня	—20°	облачно	SO
Селение Сань-чжу-чун (около 3 048 м)	4 »	1 час дня	—18°	»	SO
Монастырь Гу-мань-сы (2 863 м)	5 »	12 час. дня	—23°	пасмурно	тихо
» »	6 »	12 час. дня	—24°,5	облачно	»
» »	7 »	1 час дня	—23°	»	SO
» »	8 »	1 час дня	—17°	пасмурно	тихо
» »	9 »	11 час. утра	—16°,5	облачно	»

Сводя метеорологические данные Н. М. Пржевальского, А. И. Воейков замечает, что в горах Гань-су в конце апреля и в мае встречаются резкие противоположности: ясные солнечные дни и очень сухой воздух и затем несколько дней сряду снег и метели, а в мае, в нижнем поясе гор, и дожди[136].

Вероятно, весна 1890 г. была в Гань-су особенно благоприятной или, может быть, наоборот, наблюдения Пржевальского производились в исключительно суровую весну, но только этот вывод не вполне совпадает с тем, что мы встретили в это время года в Нань-шане. Я уже говорил, что буря, и то непродолжительная, наблюдалась всего однажды, сильные же ветры дважды; в остальное время господствовало полное затишье или дул такой слабый ветер, что он еле ощущался. Метелей нам наблюдать вовсе не доводилось. Последний снег выпал 22 апреля; затем 24-го, 25-го и 28-го снег выпадал с дождем; в мае же, даже в селении Сань-чжу-чун, выпадал только дождь.

Выпадение осадков если и понижало температуру воздуха, то незначительно; вообще же никаких резких переходов от тепла к холоду и обратно не замечалось, что, впрочем, видно и из амплитуды за месяц, которая равнялась:

—6° (в 4 часа утра, 14 апреля, в ущелье Ма-ти)
+24°,5 (в полдень, 6 мая, у монастыря Гу-мань-сы)
30°,5

Я должен заметить, что дующие в Нань-шане уже с конца апреля юго-восточные ветры приносят вместе с влагой и тепло; вот почему даже на перевале Чжи-нань-линь, абсолютная высота которого равна 12 700 футам (3 870 м), нас мочил дождь, пока ветер дул с востока, но когда он изменил свое направление на северное, то повалил снег, однако не надолго. Во время наступившего затем затишья все небо заволоклось однообразной серой пеленой, и пошел ситник, не прекратившийся и на следующий день. Вот почему, как это, впрочем, видно и из вышеприведенных данных, весною, на южных склонах Нань-шаня, наивысшая температура почти всегда совпадает с облачным или пасмурным небом и ветрами с востока или юго-востока.

Суточные амплитуды, даже судя по месячной (с 10 апреля по 10 мая), не могут быть особенно значительными. Так оно и оказывается на деле:

Наибольшая суточная амплитуда, которую нам приходилось наблюдать, составляла 23° (4 мая).
Наименьшая суточная амплитуда, которую нам приходилось наблюдать, составляла 3°,5 (2 мая).

Суток, когда ртуть термометра не опускалась ниже 0°, насчитывалось 12; суток же, когда ртуть не поднималась выше 0°, не было вовсе. Самый холодный день выпал на 16 апреля, когда суточная средняя (из 14 наблюдений) составляла —1°,15; самый теплый день — на 5 мая, когда та же средняя (из 11 наблюдений) составляла +12°, причем амплитуда равнялась всего лишь 17°.

Наконец, еще несколько цифр:

Наибольшая средняя температура дня составляла 17°,6 (5 мая) (с 6 час. утра, до 6 час. вечера).
Наименьшая средняя температура дня составляла — 0°,45 (16 апреля)
Наибольшая » » ночи » — 6° (на 5 мая) (с 6 час. вечера до 6 час. утра).
Наименьшая средняя температура ночи составляла — 3°,7 (на 16 апреля)
Число суток, средняя температура коих была ниже 0° 3 (14, 15, 16 апреля)
» » » » » » равна 0° 0
» » » » » » выше 0° 29
» дней » » » » ниже 0° 1
» ночей » » » » » 0° 8

Весна в Наньшанских горах наступала постепенно и шла вперед равномерно, без каких-либо заметных скачков вперед или назад, от тепла к холоду, так что, судя по 1890 г., про нее нельзя сказать, чтобы она отличалась резкими противоположностями: то ясно, тепло и сухо, то опять на несколько дней холод, снег и метели.

Кстати о влажности воздуха.

Психрометром экспедиция снабжена не была. Поэтому, насколько велика была влажность воздуха весной в Наньшанских горах, я сказать не могу. Однако мною подмечен был целый ряд фактов, пригодных для грубого вывода. Так, в самые даже жаркие дни северные склоны гор оставались до такой степени влажными, что, при ходьбе по ним, сапоги намокали очень быстро;

росы выпадали ежедневно; бабочки на расправилках долго не просыхали; смоченная бумага оставалась влажной в юрте в течение целых суток и высыхала окончательно только будучи выставленной на солнце; растения упорно не сохли, чернели, покрывались плесенью, и т. д.; все это, конечно, доказывает, что воздух в долинах Нань-шаня весной в достаточной степени насыщен водяными парами, — вывод, к которому, как кажется, можно было бы притти и a priori, если поставить в связь с орографическими особенностями страны (узкие, глубокие долины юго-восточного простирания) преобладающие весной воздушные течения с юго-востока (китайский муссон), при резкости и слабости ветров с других сторон горизонта.

* * *

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В ГОРАХ БАССЕЙНА СИНИНСКОЙ РЕКИ

10 мая мы покинули нашу стоянку у монастыря Гу-мань-сы. Наш путь пролегал по долине р. Са-мын-хэ, которая отсюда получила название Лама-гоу у китайцев и Лу-ша-гоу у дунган. Селения попадались часто, поля и отдельные хутора виднелись повсюду. Первым, и в то же время крупнейшим, было селение Я-нин-ду, нечто вроде местечка, расположенное тотчас же за Гу-мань-сы. Посреди его ширилась площадь — средоточие местной торговли, которая в момент нашего прохода была запружена народом, созерцавшим игру актеров на открытых подмостках. Далее же следовали Ла-ху-чу и Янь-дунь-цзы, против которых, на левом берегу Лама-гоу, виднелось селение Я-и-чжа.

Здесь р. Лама-гоу слилась с крупнейшим из своих притоков — речкой Га-ла-ху, а дорога перебросилась на ее левый берег ради обхода холма, сложенного из красноватой глины с примесью крупной гальки. У селения Хой-хой-цзы мы еще раз перешли через речку и тут впервые увидали пару красивых ибисов — Ibidorhyncha struthersi Vigors, которые с громким криком носились над речкой. Оба были убиты. Но когда брат отправился за добычей к небольшому островку из груды навороченной гальки и валунов, из-под его ног вдруг выскочили птенцы — маленькие серенькие птички в пуховом наряде, которые точно прыснули во все стороны и тотчас же залегли меж камней. Брат уверяет, что их было семь; но нам с трудом удалось разыскать четырех, до такой степени серенькие тельца их были неотличимы от серого галечника. Это были хорошие номера для коллекции, так как Ibidorhyncha struthersi в пуховом наряде до сих пор оставалась еще неизвестной.

Ниже селения Хой-хой-цзы пашни стали попадаться реже. Речка протекала здесь по широкому галечному ложу, окаймленному высокими берегами, в обрывах коих ясно видно было строение местной почвы — глинистого песка с обильной галькой и валунами, которые чуть не сплошь устилали и поверхность земли. Только в двух местах, да и то на левом берегу р. Лама-гоу, была еще возможность устроить поселения, и действительно, мы здесь увидали группы фанз, которые носили названия деревень Я-чжа-чжо и Да-тун-чжан.

Да-тун-чжан расположена была почти у подошвы высокой скалистой гряды Юн-шоу-шань, которая преграждала долину р. Лама-гоу с юга. Когда-то тут, вероятно, было озеро. Еще и теперь воды Лама-гоу широко разливаются по плоской циркообразной долине, не образуя строго выраженного русла. В одном месте мы должны были пройти метров двести по воде, нигде не стоявшей глубже, чем на 30 см и казавшейся неподвижной. Но у самой горы воды собрались снова в один рукав и бесшумно потекли по сквозному ущелью, сложенному из исполинских скал доломитового известняка и кварцита.

Это необыкновенной красоты место!

Кажется, точно гора расступилась здесь для того только, чтобы пропустить речку, так как ум отказывается приписать эту огромную работу сквозного промыва высокой горы в самой недоступной, самой скалистой ее части слабым струям Лама-гоу; между тем, это несомненно было так, и теперь мы застаем уже только финал грандиозной работы воды, которая еще бурлит и пенится в середине ущелья. Щеки в длину имеют всего лишь полтора километра, но подымаются над речкой на высоту 610, может быть, даже 760 м; таким образом, ущелье имеет характер исполинских ворот, через которые мы и вступили в красивую долину шинченской реки, которую нам назвали Да-хэ — большою рекой; монгольское же ее название, по словам Пржевальского, Бугун-гол.

Мы остановились, не доходя моста через эту реку, у субургана, т. е. миниатюрной древнеиндийской ступы, превосходно сложенной из сырцового кирпича. У этого субургана, утвержденного на фундаменте из дикого камня, отштукатурен был только фуст, украшенный медальонами, и шпиц, уже надломленный сверху; в общем, однако, состояние памятника показывало, что выстроен он недавно, но по какому случаю — этого узнать мы не могли. Нам сказали только, что гора Юн-шоу-шань, через которую прорывались обе реки — Лама-гоу и Да-хэ, и которая возвышалась теперь над нами, почиталась у буддистов священной, а также что она находится в ведении монастыря Чу-жо-сы и что на ней живут в кельях отшельники.

До этих келий я не подымался, но с полугоры был очарован красивым ландшафтом, раскинувшимся у меня под ногами. Долина Да-хэ была видна на огромном протяжении. Скрываясь у синих гор, увенчанных ярко блестевшими белыми пиками, она точно выплывала из-под них, ширилась, принимала более ясные

формы, а вместе с тем и более реальную окраску, переходившую от полупрозрачных фиолетовых тонов в светлокрасные. Таков был действительный цвет почвы всех окрестных высот, и на них яркая зелень полей выделялась резко очерченными прямоугольниками. Река становилась видной от места слияния своего с правым притоком Ло-сан. Отсюда она текла широким плёсом, часто разбрасываясь на рукава и занимая своим каменистым ложем всю середину долины. Правый берег последней образовывали террасообразно поднимавшиеся высоты мягких очертаний, левый — скалы Юн-шоу-шаня. У меня под ногами река шумела и пенилась. Она проходила здесь пороги, прежде чем скрыться в ущелье, за скалистой грядой, пересекавшей долину Да-хэ и скрывавшейся затем под толщами лёсса *. Эта гряда — пониженное продолжение Юн-шоу-шаня, который образует в месте своего прорыва рекой довольно крутой залом к западу. Но не только эта гряда преграждает здесь долину Да-хэ. Китайцы воспользовались естественной преградой и усилили ее искусственным сооружением — стеной, которая, вероятно, когда-то служила северной гранью китайских земель, теперь же имела значение лишь исторического памятника. За нею скрывался г. Шин-чэн. В эту же сторону горы понижались, расходились и, наконец, терялись в голубоватой дымке дали.

В долине Да-хэ мы застали уже настоящее лето. На полях шло первое полотье сорных трав. Все горные склоны усыпаны были цветами Iris ensata Thunb., Iris glacilis Maxim., Stellera chamaejasme L., Viola biflora L., Androsace sempervivoides var. tibetica Maxim., Oxytropis humifusa Kar. et Kir., Pedicularis Artselaeri Maxim., Myricaria germanica var. squamosa Maxim., Corydalis curviflora Maxim., Primula sibirica var. genuina Trautv., Anemone obtusiloba Don. и другими. Кустарники также распустились. По саям росла облепиха (Hippophaë rhamnoides); выше же, по скалам, виднелись: Berberis diaphana Maxim., Prunus stipulacea Maxim., Potentilla fruticosa L., Caragana jubata Poir. Кусты барбариса местами были сплошь затянуты паутиной и покрыты гнездами, в которых десятками копошились уже взрослые гусеницы Aporia hippia var. thibetana Gr.-Gr.; они вскоре окуклились, бабочки же вышли из них в июне. Сверх того мы наловили здесь Lycaena argus var. sifanica Gr.-Gr., Lyc. eros var. lama Gr.-Gr., Lyc. lanty Oberth. и уже прежде встреченных Colias montium Oberth., Triphysa dohrnii Z. и Carterocephalus argyrostigma Ev. Из птиц нам здесь попались: Emberiza spodocephala Pall., Lanius tephronotus Vig. и Ruticilla shisticeps Hodgs. Но вообще экскурсия, предпринятая 11 мая в окрестные горы, дала нам скудные

---

* Лёсс этот (если только, вообще, это лёсс) не типичен; в нем попадается галька и цвет его искрасна-желтоватый.

результаты. Мы остались более довольны рыбной ловлей, так как бреднем были здесь пойманы в большом числе Schizopygopsis kozlowi Herz., Gymnodiptychus pachycheilus Herz. (n. sp.), Nemachilus dorsonotatus Kessl. и Nem. robustus Kessl. Нам попались здесь также Buffo raddei Strauch и Rana temporaria L.

12 мая мы выступили в дальнейший путь. За воротами стены, о которой говорилось выше, не заходя в Шин-чэн, мы свернули к западу и вскоре втянулись в горы, которые были почти сплошь распаханы. Дорога шла сперва ключевым логом, затем поднялась на седловину и, следуя по глинисто-песчаным * откосам, вышла на речку Нянь-нань-сянь, выбегавшую из узкого и сырого ущелья, поросшего разнообразным кустарником и луговыми травами. Так как ущелье нам показалось заманчивым, то мы и остановились в нем выше селения Са-чжа-пу, несмотря на то, что отошли от Шин-чэна всего лишь на одиннадцать километров. Наши ожидания оправдались, впрочем, только отчасти, так как мы встретили здесь мало нового; попались однако: Anthocharis bieti Oberth. и новый вид Carterocephalus, описанный мною впоследствии под именем Cart. ops.

13 мая мы перебрались в соседнее ущелье Ча-чжи. Дорога шла сюда холмистою местностью, почти сплошь распаханною. Селения попадались часто, но главная их масса сосредоточена была по обеим сторонам речки Шо-ха-шуй, довольно многоводной и быстрой. Здесь нам назвали деревни: Чун-фа, Ши-фын-чуа и Гань-чун на правом ее берегу и Ха-ми-са на левом. Все они населены были дунганами.

Ущелье Ча-чжи очень дико. И как странно при этом: дорога бежала среди деревень и полей, а стоило нам свернуть с нее в боковое ущелье, и сразу же мы попали в иную обстановку — дикие скалы, густые кустарниковые поросли, и полное отсутствие каких-либо признаков близкого присутствия человека. И почти все ущелья здесь таковы. Для полной их характеристики следует еще сказать, что все они коротки, заканчиваются глухо и заключены в стенах, сложенных из массивных пород, главным образом красного гранита и красного же мелкозернистого гнейса. Горы, к которым принадлежат эти ущелья, носят у китайцев общее название Да-тун-шань.

В. А. Обручев представляет себе орографию горного участка между реками Да-тун-хэ и Сининской очень простой; а именно, ему кажется, что из одного центра, лежащего в Южно-тэтунгском хребте (Цин-ши-лин), веерообразно расходятся три хребта: Ло-е-шань, Донкырский и Потанина, из коих последний составляет слившееся с Южно-тэтунгским хребтом продолжение Ама-

---

* Я не могу признать в этих отложениях лёсс.

сургу, а два первых заканчиваются, не доходя до сининской реки [137].

Такая картина требует, однако, некоторых дополнений и исправлений, которые, впрочем, легко усматриваются уже при внимательном изучении карты, приложенной к «Третьему путешествию в Центральной Азии» Пржевальского, а также съемок Скасси и моего брата.

Рельеф этого участка Нань-шаня очень сложен, что объясняется, как мне кажется, тем обстоятельством, что первобытное, вероятно широтное, простирание гнейсо-гранитового остова этой страны было изменено последующими стяжаниями земной коры, обусловившими современное направление Наньшанских гор.

Первобытное широтное простирание гор бассейна Сининской реки доказывается как направлением долины этой реки (и соответственной части долины Желтой реки), так и сохранившимся еще во многих местах широтным простиранием кристаллических масс; так, например, их можно проследить от долины Да-хэ у Шин-чэна вплоть до Чуй-ти-хэ, которая на многие километры течет в гранитных щеках; южнее проходит вторая, довольно хорошо выраженная и параллельная первой, гряда, которая прорвана Чуй-ти-хэ, но не доходит до шинчэнской реки; она [гряда] сложена на северных склонах из гранита, на южных из гнейса и кристаллических (слюдяных и тальковых) сланцев и, согласно Обручеву, составляет юго-восточный конец Донкырского хребта. Эти две гряды, из коих северная представляет ряд разорванных звеньев, сомкнуты между собою перемычками из новейших отложений, а именно — рыхлого конгломерата, красных глинистых песчаников и лёсса, которые во многих местах совершенно маскируют первоначальный горный остов страны.

О хребте Потанина, который, как сказано выше, по мнению Обручева, составляет западную оконечность хребта Ама-сургу, изогнувшуюся в NNW направлении и, повидимому, слившуюся с Южно-тэтунгским хребтом, я говорить здесь не буду, хотя тут же замечу, что в этих словах заключается неточность; что же касается до хребта Донкырского и Ло-е-шань, то у нас нет данных для признания за ними характера самостоятельных горных складок. Правда, реки Да-хэ, Чуй-ти-хэ и верхняя часть Синин-хэ текут в юго-юго-восточном направлении, в сторону глубокой долины этой последней реки, но это отнюдь не должно служить доказательством, что водоразделы их заслуживают наименования хребтов.

Помянутые реки собирают свои воды главным
южных склонах Южно-тэтунгского хребта, сбе
ущельям и затем вступают в чрезвычайно расчле
область, где и прокладывают свои русла вдоль
новейших, так и древнейших складок, так что в

речек отнюдь не представляют чего-либо цельного; это также разорванные массы каменных гор, разобщенные глубокими седловинами, заполненными рыхлыми отложениями: конгломератом, глиной, лёссом. Переходя из бассейна в бассейн, нам незачем было подыматься на перевалы: мы шли поперек этих водоразделов, не покидая культурной области. Такой же характер описываемая страна имеет и к северу от нашей дороги, что видно из следующих слов Пржевальского[138].

«Бассейн Куку-нора отделялся по нашему пути от притоков Сининской реки лишь невысокою седловиною, которая в то же время служит связью между окраинным хребтом восточного берега Куку-нора и мощными горами на северной стороне того же озера». «Вслед за указанным невысоким перевалом от Куку-нора в бассейн Сининской реки вновь раскидывается довольно обширное луговое плато, ограниченное с юга горами, лежащими севернее г. Донкыра, с запада — окрайним к Куку-нору хребтом, а с севера и востока — отрогами Южно-тэтунгских гор. Это плато имеет абсолютную высоту, равную с Куку-нором. Земледелия здесь нет; только кочуют тангуты с небольшим числом монголов и киргизов». «Там (т. е. на востоке и юге), вслед за горами, окаймляющими описываемое плато, раскидывается обширная холмистая и частью гористая местность, прилежащая к Синину; она орошается речками, текущими с Южно-тэтунгских гор и впадающими в Сининскую реку. Вся эта площадь занята густым оседлым населением из китайцев, дунган, тангутов и халдов».

Ущелье Ча-чжи имеет километров пятнадцать в длину. Им пользуются для прохода в долину р. Ло-сан, системы Да-хэ, но, вероятно, очень редко, так как дорога плохо наезжена, да к тому же и ведет через высокий перевал Ву-и-ли-хан-дабан, который приходится на седловину среди горных масс, в мае месяце бывших еще покрытыми снегом. Судя по тому, что к югу от Южно-тэтунгских гор снег лежал еще только в вершинах Ло-сана и Ча-чжи, я думаю, что именно здесь мы имеем наивысшие точки гранито-гнейсового скелета страны. Спуск с перевала Ву-и-ли-зах в долину Ло-сана, как нам говорили, очень крут.

Правый склон ущелья Ча-чжи покрыт молодым лесом, который рос до такой степени густо, что через него лишь с трудом можно было выбраться на гребень отрога, где мне снова попалась Carterocephalus ops. Преобладавшей здесь древесной породой была береза; затем, в качестве подлеска, могут быть упомянуты: барбарис, жимолость, шиповник, таволга и Cotoneaster (multiflora?). Левый склон ущелья был луговой, хотя и тут кое-где рос кустарник; мы встретили здесь также в обилии Rhododendron thymifolium Maxim., Rhod. Przewalskii Maxim. и Daphne tangutica Maxim., которая была в полном цвету и распространяла необыкновенно сильный аромат, напоминавший запах сирени. Из

цветущих трав в этом ущелье были собраны: Primula Maximoviczi var. tangutica Maxim., Adonis coerulea Maxim., Gentiana spathulaefolia Kusnez., Plecostigma pauciflorum Tucrz., Cardamine macrophylla W., Thermopsis lanceolata R. Br. и Podophyllum Emodi Wall.; в тенистых влажных местах росла Clematis alpina var. macropelata Maxim.; дно ущелья было выстлано сплошным ковром ирисов (Iris ensata Thunb.). Из бабочек, кроме вышеупомянутой Ceratocephalus ops., мы здесь встретили: Pieris callidice var. orientalis Alph., Anthocharis bieti Oberth., Lycaena lanty Oberth., Carterocephalus argyrostigma Ev., Cart. gemmatus Leech., Nisoniades erebus Gr.-Gr., Nis. popovianus Nordm., Pyrgus maculatus Brem., Leucanitis scolopax Alph. (n. sp.), Cidaria quadrifasciaria var. stupida Alph. и других; из жесткокрылых собрано было здесь также немало; упомяну о Diacanthus przewalskii Kön., Geotrypes semicuprens Reitter, Poecilus fortipes Chaud., Trichocellus grumi Tschitsch. (n. sp.), Anisodactylus signatus Panz., Harpalus cervicis Motsch., Harp. corporosus Motsch., Harp. rubripes Duft., Carabus vladimirskyi Dej., Broscus przewalskii Sem., Lorocera ovipennis Sem. и Lytta caraganae Pall., наконец, в этом же ущелье нам попались некоторые виды шмелей (Bombus sp.)песчаных ос (Sphex sp.), маленьких ос (Odynerus sp.), мух (Nemestrina sp.) и слепней (Tabanus sp.). Увлекшись сбором насекомых, мы менее охотились на птиц; тем не менее и тут орнитологическая коллекция наша получила некоторое приращение; в нее поступили: Parus superciliosus Przew., Lanius tephronotus Vig., Pratincola maura var. przewalskii Plsk., Trochalopterum elliotti Verr., Jynx torquilla L. и Phasianus strauchii Przew.

Для того, чтобы покончить с ущельем Ча-чжи, я замечу, что при устье его, на плоской отвесной скале, мы нашли большое изображение будды, исполненное красками; оно несомненно древнее, но сохранилось довольно отчетливо.

16 мая мы покинули Ча-чжи. При его устье дорога разделилась: одна тропинка направилась на селение Бамба (путь Пржевальского), другая на селение Та-цзы-ин, расположенное на той же речке Чуй-ти-хэ, но ниже Бамба. Мы избрали второй путь и с первых же шагов вступили в культурный район. Первое встреченное нами селение носило название Ча-чжи-пу, второе, на девятом километре от устья ущелья, — Лан-лоу; в промежутке поля следовали непрерывной чередой: они занимали лога, склоны логов, взбирались даже на высокие горы. Лан-лоу раскинулось на восточном склоне водораздела речек Ча-чжи и Чуй-ти-хэ; несколько его домиков проникло даже в самые горы и, вытянувшись в линию, сопровождало здесь дорогу, которая проходила водораздел по глубокой и широкой седловине, очень слабо приподнятой над долиной Чуй-ти-хэ.

Чуй-ти-хэ — это дунганское название речки, которая текла здесь в весьма узкой долине, стесненной, с одной стороны, гранитными скалами, с другой — довольно высоким валом, сложенным из красного глинистого песчаника. Ее ложе завалено крупными голышами, течение быстро, даже, если можно так выразиться, порывисто: точно бежит большая волна, а затем до новой такой же волны уровень речки спадает и спадает значительно. Несмотря на такую быстроту течения, воды в ней много.

Между Чуй-ти-хэ и левобережной горой расположилось довольно крупное селение Та-цзы-ин. Оно вытянулось вдоль последней и со своими пашнями ушло далеко и вниз и вверх по реке. Главный элемент его населения составляли дунгане.

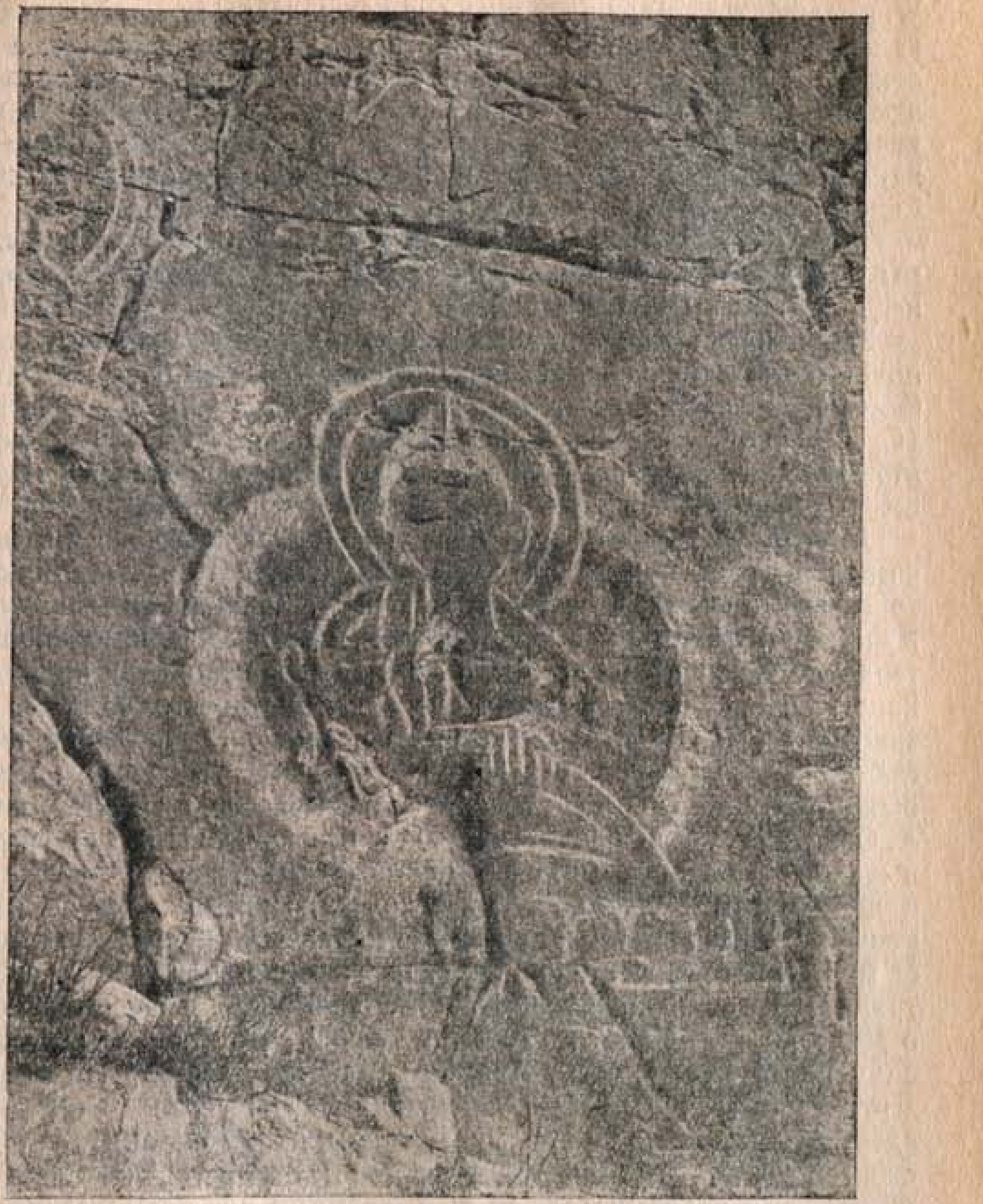
Пройдя речку Чуй-ти-хэ, мы втянулись в ущелье, по которому струился небольшой ручей Лоу-са-ша. Это ущелье — родной брат ущелья Ча-чжи. Его стены состоят из гранита, пересеченного жилами кварца. Впрочем, может быть, в сложении их принимают участие и другие породы, например — мелкозернистый гнейс, тальковый и слюдяной сланцы, выступающие огромными скалами на южных склонах той же гряды; но здесь подробности геогностического строения гор, прикрытых сплошным дерном, остались для меня скрытыми.

Вся разница между ущельями Ча-чжи и Лоу-са-ша заключается в том, что последнее более посещаемо. В нем мы нашли даже развалины поперечной стены и пикет, свидетельствующие, что по ущелью проходит большая дорога. Не будь этого, о существовании последней нельзя было бы даже догадаться, так как проложенная здесь тропинка еле заметна и притом, будучи усыпана крупной галькой и щебнем, скорее напоминает звериную тропу, чем большую дорогу, соединяющую огромный земледельческий район с таким хорошим рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов, каким является Донгар-чэн.

Пройдя ущельем двенадцать километров, мы остановились на ночлег, так как до перевала оставалось еще несколько километров, а между тем пошел дождь, который к ночи перешел в снег.

Утро 17 мая было очень сырое, туманное и холодное, но к 9 часам утра прояснело; выглянуло солнце, и снег стал быстро таять. Мы выступили к перевалу Чжу-са.

На протяжении первых шести километров ущелье сохраняло прежний характер — узкой щели, заключенной среди скалистых, но в то же время отлогих высот; но тут оно раздвинулось, раздвоилось. Мы свернули прямо на юг и стали подыматься на перевал, который был довольно полог, имел твердую, хрящеватую почву и был покрыт до самой вершины растительностью — луговыми травами и еще нераспустившимися кустарниками. Благодаря незначительной примеси глины к песку вчерашний снег развел грязь только там, где дорога переходила на склоны, покрытые



Скала в ущелье Ча-чжи с изображением Будды, исполненным красками.

растительным слоем, в метр мощностью; впрочем, местами и песок был здесь до такой степени пропитан водою, которая струилась отовсюду, что нога лошади уходила в него до бабок.

Спуск с перевала был круче и суше. Снега здесь не было. Кустарники отсутствовали, травы же только в падях срастались в дерно; между прочим, только тут и рос Podophyllum Emodi

Wan., любящий влажную почву и чаще всего ютящийся в тени какого-нибудь кустарника, например, Caragana jubata; а на открытых склонах и далее книзу сосредоточивались уже представители степной флоры, росшие особняком, в виде отдельных пучков, на оголенной поверхности почвы; впрочем, и здесь еще мы нашли: Anemone obtusiloba Don., Primula stenocalyx Maxim., Lagotis brachystachya Maxim. и Incarvillea compacta Maxim.

Так как ближайшие окрестности Донгар-чэна распаханы, то мы остановились, не доходя до города пяти километров, тотчас под перевалом Чжу-са-дабан.

Здесь нам попался первый экземпляр Astrapephora romanovi — замечательной бабочки, составившей новый род в отделе Geometrae; сверх того, мы наловили во множестве Carabus (Cychrostomus) anchocephalus Reitter (n. sp.), Carabus diruptus Moraw., Car. przewalskii Moraw., Car. vladimirskyi Dej. и других жестококрылых, а также виды Mesembrina, Anthrax и Bombus.

Донгар-чэн основан был близ монастыря того же имени в четвертом году правления Юн-чжэна, т. е. в 1727 г., и сделан торговым пунктом для всех монголов, живших к западу от Хуан-хэ [139]. Мне не удалось, впрочем, разыскать в китайской литературе указаний на то, было ли уже тогда Донгару присвоено наименование города с рангом «тина» и выстроены его стены или таковое распоряжение последовало позднее. В донесении шэньганского генерал-губернатора На-янь-чэна, которое послано было в Пекин в 1822 г.[140], говорится о местности, а не о г. Донгар: «...Особенно много бродит монголов без занятий и без средств к жизни по области Си-нин, в местности Даньгар и уезде Да-тун и по округам Гань-чжоу, Лян-чжоу и Су-чжоу, прося милостыню» [141]. Католический миссионер Francesco Orazio della Penna di Billi, тридцать лет проживший в Тибете и прибывший туда в тридцатых годах прошлого века [142], упоминает в своих записках о Донгаре (Tongkor), но говорит только, что Донгар составлял одну из 14 провинций Амдоского царства (regnum Amdoa)[143]. Другой католический миссионер, знаменитый Гюк, нашел уже здесь город, который и описывает таким, каким он является в действительности — небольшим, но бойким торговым, наполненным постоялыми дворами (се-цзя, т. е. «домами для отдыха») и населенным представителями всевозможных национальностей: китайцами, дунганами, монголами, тангутами, тибетцами [144].

Стены города невысоки и плохо содержатся. Улицы очень узки; некоторые из них грубо замощены в беспорядке накиданными голышами и в грязную погоду представляют непроезжие коридоры. Когда нас повели через них, я ежеминутно опасался за лошадь, которая на каждом шагу могла сломать себе ноги. Виденные нами улицы представляли непрерывный ряд лавок, очень маленьких, очень убогих на вид. Ямынь, в который нас привели, был также очень мал. В приемной мы еле даже разместились: сидеть могли только три чиновника, остальные стояли. Прием, оказанный нам в г. Донгаре, был самый торжественный: все власти были в сборе, войска со знаменами были выстроены как в воротах, ведущих на дорогу к перевалу Чжу-са-дабан, так и в восточных воротах, через которые мы выехали из города.

В последнем мы были только проездом. Караван наш 18 мая направился прямой дорогой к Гумбуму, мы же с братом почли своим долгом по пути заехать в ямынь для отдачи визита китайскому приставу (тину), седому, сморщенному китайцу, имевшему матовый синий шарик на шляпе, а кстати и познакомиться с городом, ведущим весьма значительную меновую торговлю с кочевниками Амдо и Куку-нора.

Место нашей остановки под перевалом Чжу-са находилось уже в области распространения красных глинистых песчаников горизонтального напластования, к северу от Донгара налегавших на граниты и мелкозернистый гнейс, к востоку же от него прислонявшихся к серым скалам слюдяного сланца, прорезанного во всех направлениях прожилками кварца. В свою очередь, на этих песчаниках покоились толщи лёсса, незначительной, впрочем, мощности.

Спустившись с гор, мы очутились в циркообразной долине, образованной слиянием с широкой в этом месте долиной р. Синин-хэ меридиональных долин двух притоков последней: левого Чжу-са и правого Донгар-хэ (Донгур-хэ). Город Донгар-чэн стоял почти в центре этой долины, на речке Чжу-са.

У китайских географов мы находим весьма обстоятельные сведения о Сининской реке, и хотя почти все течение последней нанесено уже на карты европейскими путешественниками, тем не менее я считаю нелишним привести и эти сведения, как доказательство, что, при некотором желании, мы могли бы легко разобраться в китайских географических описаниях и, таким образом, избежать необходимости пестрить карты Тибетского нагорья придуманными названиями.

Река Боро-чунхук, древняя Хуан-шуй, в ханьские времена называвшаяся еще Ло-ду-шуй, берет начало из гор Гарцзан, бывших известными у китайцев времен Юаньской династии под именем Ци-лянь-шань, тремя истоками: Ихэ-Улагуртай, Тургэнь-Улагуртай и Чаха-Улагуртай. На западе от нее, из гор Бу-гу-ту, вытекают два ручья, образующие р. Хундулэн, которая, пройдя на юго-восток более 30 ли и соединившись здесь с речкой Бахату (не Бугуту ли?), протекает еще 60 ли и впадает в р. Боро-чунхук. Эта последняя, продолжая течь в юго-восточном направлении на протяжении семидесяти ли, подходит к южной стороне Даньгэра, где в нее впадает р. Тургэнь-цаган. Только после этого Боро-чунхук становится многоводною, поворачивает на восток и, протекши в этом направлении сорок ли, вступает в пределы Сининского округа у г. Чжэнь-хай-ина; «это и есть Сининская река, впадающая через 300 ли течения в восточном направлении в р. Да-тун-хэ»[145].

Более точного описания верховий Сининской реки не найдется и у европейских географов. Мне остается к этому добавить, что в настоящее время китайские географы, называя р. Боро-чунхук рекой Кунь-лунь, за нижним ее течением сохранили древнее ее название Хуань-шуй.

Караван наш обошел город с востока и, пройдя около двух километров среди полей, засеянных яровыми, вышел на Сининскую реку. На четвертом километре от города долина ее сузилась, а не доходя до ручья Мо-гоу, дорога стала уже обходить серые скалы слюдяного сланца, переслаивающегося местами с тальковым сланцем; еще дальше появился серовато-красный мелкозернистый гнейс, на котором местами покоились толщи кристаллического известняка.

На всем виденном нами участке Синин-хэ течет в чрезвычайно живописных берегах. То бурля в порогах, то перебрасывая свои волны через огромные валуны, река эта несется бурливым потоком, шириной до двадцати метров. Местами она еще шире разбрасывается, и тогда между ее рукавами вырастают красивые острова, поросшие ивой, тополем и березой. Такой же лес одевает и правый ее берег там, где дикие скалы хребта Ама-сургу упираются в ее русло. Наоборот, левый ее берег бесплоден. Дикий камень, то наступая крутыми стенами на реку, то отступая от нее, образует здесь в ином роде, но столь же живописную рамку долины. Бесплодие этих гор маскируется, впрочем, пашнями, которые расположены там, где представляется к тому хотя бы какая-нибудь возможность. Эти зеленые пятна на желтовато-красном фоне почвы долины местами дополняются зарослями чия (Lasiagrostis splendens) и кустарников (Berberis sinensis var. angustifolia Rgl., Rosa sericea Lindl. и Hippophaë rhamnoides L.). Селения расположены на обоих берегах реки.

Миновав Ю-фэй-хо (при устье речки Мо-гоу) и Чунь-чжи на левом ее берегу и Цза-цза-хо, Сэ-та-хо (при устье р. Хоу-га-ху), Ши-хо и Хэй-нин на правом и пройдя ее долиной 18 км, мы остановились против последнего селения, на берегу небольшого безыменного ручья, берущего начало в ключах. Здесь мы дневали.

Ручей течет на протяжении четырех километров, но ущелье тянется дальше и постепенно выводит на гребень горы Да-туньшань, имеющей здесь мягкие склоны и одетой преимущественно кипцом. Ниже появляются скалы, и растительность становится более разнообразной. В теневых местах на северных склонах боковых падей растут даже в обилии папоротники — Pteris aquilina L. и Polypodium vulgare L. и такие травы, как Primula sibirica var. genuina Trautv., Draba incana L., Pedicularis kansuensis Maxim., Viola biflora L., Corydalis curviflora Maxim. Stellaria dichotoma var. Stephaniana Rgl. и Adonis coerulea Maxim. В вершинах этих боковых падей попадаются Rhododendron capitatum Maxim., Rhod. thymifolium Maxim., Potentilla fruticosa L., душистая Daphne tangutica и другие полукустарники. Ближе к устью они сменяются кустарниками: Prunus stipulacea Maxim., Lonicera syringantha Maxim., которая в эту пору усыпана была розовыми цветами, Berberis sinensis var. angustifolia Rgl., бывшей также в цвету, Rosa sericea Lindl., Spiraea mongolica Maxim. и другими. Травы здесь очень разнообразны, но преобладает Stellera chamaejasme L., которая в мае одевает сплошным ковром розовых душистых цветов многие склоны; среди них мелькают фиолетовые цветы — Cardamine macrophylla Wild. и Iris gracilis Maxim., белые — Anemone obtusiloba Don., розовато-белые — Sisymbrium mollipilum Maxim., желтые — Corydalis linarioides Maxim. и темножелтые, почти оранжевые — Trollius pumilus Don., который в обилии рос также и вдоль ручья, где, впрочем, главную массу цветов давали ирисы.

В этом ущелье мы встретили множество самых интересных чешуекрылых; среди них два новых вида — Erebia herse Gr.-Gr. и Oeneis vacuna Gr.-Gr. и несколько новых разновидностей — Pieris napi var. sifanica Gr.-Gr., Lycaena orion var. orithyia Gr.-Gr., Lyc. venus var. sinica Gr.-Gr. и Pyrgus carthami var. sifanicus Gr.-Gr.; сверх того несколько видов, ранее не встреченных или добытых в ограниченном количестве экземпляров, а именно: Aporia kreitneri Friv., Lycaena minima Fuessl., Carterocephalus gemmatus Leech. и Nisoniades popovianus Nordm.

20 мая мы выступили дальше и первые четыре километра шли вниз по р. Синин-хэ, которая хранила здесь прежний характер бурной реки, местами стесненной надвинувшимися на нее скалами. У пикета Ша-коу-цзы река вошла в щеки; дорога здесь сузилась, прижалась к скале красного гнейса и окончательно потеряла вид колесной дороги; между тем мы сами встретили за пикетом китайского чиновника, который тащился шагом в извозчичьей арбе: беднягу, вероятно, порядком-таки растрясло, так как он имел самый несчастный вид.

У городка Па-ша-гоу мы перешли на правый берег реки по узенькому деревянному пешеходному мостику весьма жидкой постройки. Отроги хребта Ама-сургу отошли здесь далеко в глубь страны, раздвинулись и выслали вперед только невысокие гривки, сложенные из горизонтально напластованных красных глин. Эта широкая поперечная долина, орошаемая речкой Пэнь-сан, вся распахана и покрыта отдельными хуторами.

Пройдя деревню Гу-сы-ин, мы увидели впереди стены городка Чжэнь-хай-ина (Чжан-хай-пу), повидимому, только недавно восстановленные; здесь нам была устроена обычная встреча, но мы заявили желание следовать дальше и, распрощавшись с офицерами гарнизона, круто свернули к горам.

Путь наш шел вверх по речке Пэнь-сан, почти полностью разобранной на арыки. Китайцы копошились здесь всюду, занимаясь полотьем сорных трав на полях. Только немногие глинистые бугры, поросшие Stellera chamaejasme L., были необработанными. На седьмом километре от Чжэнь-хай-ина, миновав селение Хан-ду-лу, мы свернули к юго-востоку и стали подыматься на невысокую грядку гор, служащую водоразделом речке Пэнь-сан и другой, название которой осталось нам неизвестным. Дело в том, что караван наш в это время растянулся километра на полтора. Наши конвоиры, торопясь добраться скорее до станции, ушли вперед, окрестности же были безлюдны, так как упавший на землю туман и дождь разогнали всех поселян по домам, разбросанным по нагорью далеко в стороне от дороги. Эта безыменная речка текла в тесной долине, ограниченной невысокими глинистыми горами и также распаханной. В том месте, где мы на нее вышли, она составлялась из двух рукавов. Мы направились по восточному логу и, миновав при его устье селение, стали вновь подыматься на гору. Здесь мы прошли деревни Цзы-ё-цза и Ши-чу-цза, окруженные высокими тополями, после чего, наконец, поднялись на весьма пологий увал, с которого, повидимому, открывался далекий вид на окрестности; нам говорили даже, что с него монастырь Гумбум виден как на ладони; но, к сожалению, за туманом мы не могли рассмотреть в указанном направлении ничего, кроме общего направления горных масс.

За увалом мы очутились на большой караванной дороге, ведущей из Гуй-дэ-тина в Гумбум; при этом нам показалось, точно мы спустились в яму. На нас сразу пахнуло здесь холодом и сыростью, и туман окончательно заволок все окрестности. Тем не менее мы разглядели, что к югу от нас высились скалы из темной массивной породы; очевидно, мы добрались здесь до подошвы каменных гор.

В яме расположен был пикет Да-тэн, и текла какая-то речка, которая далее скрывалась в узких щеках. Нам предложили на ее берегу раскинуть свой бивуак. Хотя место было сырое и показалось нам неприветливым, но мы согласились на предложение, так как было уже поздно (мы прошли свыше тридцати двух километров) и дождь заметно усилился. На следующий день, также под дождем, мы перевалили через гору, сложенную из красных глин, песчаника и конгломерата, и вышли на тракт Мын-дань-ша, ведущий из г. Синина в Гуй-дэ. Он пролегал вдоль речки Нань-чуань, которая протекала в широкой долине, поросшей травами и кустарником. Место было привольное, и мы решились простоять здесь с неделю, но... судьба судила иначе.

Нас посетило ужасное несчастье, стоившее жизни одному из наших спутников — казаку Колотовкину — и совсем изменившее наши планы на будущее. Вместо того, чтобы итти дальше на юг, к водоразделу бассейнов Ян-цзы-цзяна и Хуан-хэ, мы целых пять недель простояли на северных склонах Сининских альп и, совершив лишь небольшой разъезд за Хуан-хэ, тихо побрели с больным Колотовкиным в обратный путь, на далекую родину. Но... бедняге не суждено уже было снова увидеть последнюю. Он скончался 19 июля, в долине р. Ара-гола, мужественно, как настоящий солдат. Мир праху твоему, добрый товарищ!

К этому грустному событию я должен буду не раз еще возвращаться в последующем изложении хода нашей экспедиции, теперь же скажу, что Колотовкин умер от гангрены, вызванной образованием пролежней, от которых мы не могли уберечь его, несмотря на самый тщательный уход. Началом же его болезни была тяжелая огнестрельная рана в колено — последствие неосторожного обращения с оружием. Я намеренно не называю здесь по имени того из товарищей покойного, который вздумал чистить ружье, не разрядивши его. Колотовкин за несколько часов до смерти обнял его и... простил. И он заслужил это прощение, как нянька ухаживая вместе с братом за больным товарищем в течение почти двух месяцев. За свою неосторожность он достаточно был наказан.

До печального происшествия с Колотовкиным брат ездил в г. Синин, чтобы просить у чин-сэя поддержки экспедиции в ее дальнейшем движении на юг, за Хуан-хэ. Его путь лежал вниз по речке Нань-чуань, которую он оставил лишь под самым Синином. Широкая уже у слободы Чжун-фань-сы, долина этой речки далее еще более расширялась. Ограничивающие ее с обеих сторон мягкие склоны гор, сложенных из рыхлых конгломератов и красной песчанистой глины, заключающей гипс, до городка Чжа-я-чэна были одеты пышной растительностью, далее же сплошной травяной покров исчезал, луговые травы сменились сначала Stellera chamaejasme L. Oxytropis trichophysa Bge., Veronica ciliata Fisch., Carex atrata L., Antennaria Steetziana Turcz. и тому подобными растениями, а затем полынью, чием, Crepis sp. и другими; наконец, и такая растительность стала попадаться не часто, притом редкими насаждениями, так что всюду стала выступать обнаженная почва.

У городка Чжа-я-чэна сошлись две дороги — Мынь-дань-ша и Гуй-дэ-ша (или Гуй-дуй-ша), обе ведущие из долины Сининской реки в долину Хуан-хэ, где они вновь сходятся на левом берегу против Гуй-дэ-тина. Чжа-я-чэн — небольшой город, служащий главной квартирой ин-гуаню, и в общем напоминает Да-тун.

Он также тесен и убог, как и этот последний. Впоследствии мы в нем бывали не раз, сдружившись с ин-гуанем, который то и дело звал нас к себе запросто отобедать.

За Чжа-я-чэном дорога вступает уже окончательно в культурный район, хотя поля, засеянные ячменем и пшеницей, имеются кое-где и выше по р. Нань-чуаню. Селения попадаются здесь часто; на девятом километре от г. Чжа-я-чэна пришлось проехать даже городок Сю-чжэ-дэ, за которым дорога приобрела еще более оживленный вид. За деревней Шу-моу стала особенно заметной близость большого города; его, однако, еще заслоняли лёссовые, в подпочве глинистые, возвышенности.

В Си-нин-фу брата ожидал полный неуспех. Враждебно настроенный против иностранцев, чин-сэй отказался принять брата, причем, однако, прислал к нему для переговоров чиновника. Из этих переговоров выяснилось, что чин-сэй действовал так за неимением каких-либо инструкций относительно нас, а также потому, что наш «открытый лист», на который мы так уповали, не только не давал нам права перехода за Хуан-хэ, но и права посещения Синина. Брат спорил энергично, но потом махнул рукой и отдал распоряжение выступать в обратный путь.

Дорогой он заехал к чжа-я-чэнскому ин-гуаню.

— Ну, что?

Брат с полною откровенностью изложил ему положение дела.

— Я так и знал, что чин-сэй наделает вам хлопот. Но так как его распоряжения меня касаться не могут, то я дам вам конвой до Гуй-дэ-тина. Там вы задержите двух-трех солдат (они сами вам предложат остаться) и с их помощью авось доберетесь до нужного вам пункта. Вместе с тем я буду писать в Гуй-дэ-тин.

Он сдержал свое слово, и один из его солдат покинул нас только на берегу Куку-нора. Факт этот, однако, весьма характерен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ЧЕРЕЗ СИНИНСКИЕ АЛЬПЫ В ДОЛИНУ ЖЕЛТОЙ РЕКИ

Между долинами Желтой реки и Синин-хэ подымаются горы, западная часть коих со времени третьего путешествия Пржевальского в Центральную Азию стала известна под именем Амасургу.

Примыкая на востоке к высотам Сюкей, они тянутся отсюда на запад непрерывным высоким валом, слегка пониженным лишь на меридиане Ба-ян-жуна[146]. На западе они заканчиваются у Донгар-чэна, сливаясь здесь с горами Нара-сари или Жи-юэ-шань. У китайских географов мы находим следующие указания, относящиеся к этим горам.

Хребет, отделяющий Куку-нор от китайских земель, в древности назывался Гань-сун-лин, впоследствии же Чи-лин, т. е. красным, по цвету слагающих его горных пород. Ныне и это название забыто и заменилось другими. Восточная часть этих гор до встречи с горами Сяо-цзи-ши (Хара-ула), через которые прорывается Хуан-хэ, называется Цаган-толо-гой-урту, а западная, идущая к северу, — Жи-юэ-шань; наконец, самый северный участок гор Чи-лин, служащий связью между Жи-юэ-шанем и Да-шанем (т. е. Нань-шанем), носит название Цаган-обо. К юго-западу от Цаган-толо-гой-урту, говорят далее те же географы, раскидываются обширные и богатые долины Чжу-лэ-гай и Гунортай, а к северо-западу от него и к востоку от хребтов Цагань-обо и Жи-юэ-шань расстилаются не менее тучные пастбищные места, называемые Цюнь-кэ-тань. Последнее название распространяется впрочем и на западные склоны Жи-юэ-шаня[147]. Об этом последнем у китайцев еще сказано: р. Хор (Ара-гол) берет начало с хребта Жи-юэ-шань[148].

Указания эти очень точны и не оставляют сомнения в том, что под именем Цаган-толо-гой-урту в прошлом веке известен был хребет, с юга окаймляющий долину Сининской реки; под именем Жи-юэ-шаня или Нара-сари — хребет, названный Обручевым в честь Потанина; под именем пастбищ Цюнь-кэ-тань, по крайней мере в их северной части — луга Боро-чун-хук, и, наконец, под именем долин Чжу-лэ-гай и Гунортай — высокая степь между Жи-юэ-шанем и Цаган-толо-гой-урту.

Названия Ама-сургу мы не слыхали; взамен же того местные китайцы называли нам горы, лежащие к югу от Синина, Ши-ню-шанем. В своем дневнике я называл эти горы Сининскими альпами и думаю, что временно, до выяснения их китайского названия, это наименование могло бы за ними остаться.

Эти горы имеют массивные формы, высоки, скалисты и сложены, главным образом, из осадочных пород, вероятно, палеозойского периода: плотных серых известняков, глинистых сланцев, кварцитов и весьма плотных красных аркозовых песчаников.

Наоборот, хребет Жи-юэ-шань сложен, главным образом, из гранитов, гранититов, гнейсо-гранитов и гнейсов, на которых, и то лишь в редких местах, покоятся толщи глинистых и кремнистых сланцев. Общее его направление с северо-запада на юго-восток. Вероятно, он пересекает долину Желтой реки и под именем хребта Дун-сянь идет до встречи с хребтом Хара-ула. Еще китайцы писали, что Чи-лин, служащий оплотом Китаю со стороны Куку-нора, связывает Да-шань, т. е. Нань-шань, с Сяо-цзи-ши, ныне Хара-ула; то же в новейшее время подтвердил и геолог Лочи. Впрочем, возможно, что хребет этот, орографически цельный, в действительности представляет лишь случайное соединение отдельных звеньев древнего горного остова страны, частью, вследствие последующих стяжений земной коры, изменивших свое первоначальное широтное простирание и теперь слитых воедино огромными толщами рыхлых третичных пород. По крайней мере в верховьях Ара-гола никаких иных пород в этом хребте, кроме красных глинистых песчаников, прикрытых лёссом, я не видел; то же можно сказать и о седловине, через которую прорывается Хуан-хэ, о верховьях Карына и т. д. Эти третичные отложения, относимые Обручевым к ханхаю, заполняют до высоты 13 000 футов (3 962 м) и всю промежуточную долину между описываемым хребтом и передовой цепью Сининских гор. Благодаря этому южное заложение этих последних и северо-восточное хребта Жи-юэ-шань очень коротки. Коротко заложение Жи-юэ-шаня и в противоположную сторону, где в толщах глины и лёсса, выстилающих долину Ара-гола, почти исчезают и горы противоположного ее края, а именно — юго-восточный участок Южно-Кукунорского хребта. Между седловиной Кодёрго (к югу от укрепления Шала-хото) и седловиной, через которую прорывается р. Хуан-хэ, хребет Жи-юэ-шань подымается на значительную высоту, хотя отдельные вершины его и не достигают вечно снеговой линии; перевал, через который прошла австрийская экспедиция, имел абсолютную высоту, равную 12 900 футам (3 932 м). На той же линии Мын-дань-ша, по которой шла эта экспедиция, передовая цепь Сининских гор является несколько пониженной, но к востоку отсюда эта же цепь развивается в грандиозные формы и на линии Гуй-дэ-ша достигает абсолютной высоты, равной 15 000 футам (4 572 м).

Северные склоны Сининских альп падают очень круто в долину Сининской реки. Мягкие очертания они получают только с высоты 10 500 футов (3 200 м), где к темным каменным массам прислоняются красные глины, светлые глинистые песчаники и конгломераты, образующие отроги, покрытые пышной растительностью. В общем горы эти могут быть разделены на пять растительных зон: осыпи, альпийский луг и высокую степь, скалистый пояс, пояс кустарников и субальпийских лугов и, наконец, степь.

Пояс осыпей и верхних скал очень беден растениями; только кое-где между камнями виднеются широкие листья Rheum sp.?, странная Crepis glomerata Hook. и цветы Saxifraga Przewalskii Engl., Lagotis brevituba Maxim. и Draba alpina var. algida Rgl., к которым, на границе осыпей и луга, присоединяются темно-фиолетовые цветы Corydalis trachycarpa Maxim., лиловые Meconopsis racemosa Maxim. и желтые Corydalis melanochlora Maxim. Интереснейшими представителями животного царства являются здесь два вида птиц: Pyrrhospira longirostris Przew. и Grandala coelicolor Hodgs., образ жизни которой хорошо описан Пржевальским[149]. Я могу только заметить, что в Сининских альпах в июне мы встречали эту красивую птицу лишь в одиночку и притом крайне редко. Иногда в эту негостеприимную область гор залетают и другие пернатые; так, нам случалось здесь видеть Accentor erythropygius Swinh. и Ruticilla atrata Gmel., весьма обыкновенную в нижележащей луговой зоне. Из бабочек в камнях держались две новые формы парнассиусов: Parnassius delphius var. acdestis Gr.-Gr. и весьма интересный P. cephalus Gr.-Gr.

Формация альпийского луга занимает в Сининских горах ничтожное пространство; характерной особенностью ее является ее частая перемежаемость с формацией высокой степи, среди которой она и вкраплена большею частью в виде небольших островов, причем, однако, резкой границы между обеими провести не представляется возможным; в особенности же часто растения формации альпийского луга, как, например, желтый Papaver alpinum var. croceum Ledb., Draba repens M. B., Trollius pumilus Don., различные Primula, Pedicularis, Corydalis и Saxifraga, заходят на высокую степь, где среди Festuca и Avena в обилии растут Astragalus brevidentatus Palib. (n. sp.), Aster alpinus L., выбрасывающий довольно пышные розовые колосья Polygonum Bistorta var. angustifolia Meisn., Antennaria Steetziana Turcz. с белыми цветами, Sedum algidum var. tanguticum Maxim. и другие травы. Луговые оазисы расположены, главным образом, в падях; здесь, среди мягкого изумрудно-зеленого газона, виднеются оранжевые, желтые, голубые, фиолетовые и белые цветы Trollius pumilus Don., Saxifraga Przewalskii Engl., S. tangutica Engl., помянутой выше Crepis glomerata Hook., Corydalis melanochlora Maxim., Cor. curviflora Maxim., Cor. trachycarpa Maxim., Meconopsis racemosa Maxim., Cardamine macrophylla W., Primula nivalis var. farinosa Schrenk., Anemone obtusiloba Don. и многих других. Самой характерной птицей этой зоны, кроме вышеупомянутых Accentor erythropygius и Ruticilla atrata, должна считаться Montifrigilla nemoricola Hodgs. Что касается чешуекрылых, то большинство найденных нами здесь видов оказалось новым. В особенности многочислен был великолепный Parnassius szechenyii Friv.; обыкновенны были также и два другие вида Parnassius: занимающий в этом роде совершенно обособленное место красивый P. orleans var. groumi Oberth. и более скромно окрашенный P. mercurius Gr.-Gr.; затем мы здесь встретили: Pieris butleri var. potanini Alph., Argynnis eugenia var. rhea Gr.-Gr., Arg. clara Blanch., Oeneis buddha Gr.-Gr., Lycaena dis Gr.-Gr., Arctia romanovi Gr.-Gr., A. sieversi Gr.-Gr., Dasychira semenovi Gr.-Gr., Das. alpherakii Gr.-Gr., Eicomorpha argillacea Alph., Dianthoecia deliciosa Alph., Trigonophora grummi Alph., Grummia flora Alph. и многие другие виды.

Пояс скал, занимающий по вертикалу 1 500—2 000 футов (450—600 м), почти совсем бесплоден: даже ручьи бегут здесь среди пустынных берегов, образованных грудами ими же наворочено щебня; тропинки вьются по узким ущельям; путь по ним труден и скрашивается лишь дикой красотой высоких темных утесов, игрой в солнечные дни света и тени, да пышными светло-лиловыми цветами высоких Megacarpaea Delavayi var. sinica Batal., которые, точно искусной рукой садовника, рассажены здесь по всем выступам и расселинам в скалах. Кроме этой Megacarpaea, я могу назвать лишь одно растение, характерное для этих мест, — это Rhododendron Przewalskii Maxim., который по некоторым каменистым падям спускается сюда из заоблачных сфер. Следует, однако, заметить, что хотя этот кустарник и растет среди щебня, но все же требует для себя уже рыхлого грунта. Иногда сюда же заходят с ним вместе другие рододендроны и Caragana jubata Poir. Птиц здесь нет. Только при устье ущелий вьют себе гнезда Columba rupestris и C. leuconota, да разве изредка спустится к речке краснобрюхая Pyrrhospiza longirostris

Przew. Бабочек также не видно, и только назойливые мухи и слепни находят здесь все данные для существования.

На высокие утесы этого пояса налегают рыхлые глинистые песчаники и конгломераты, расчлененные множеством падей с мягкими склонами. В верхнем горизонте это подгорье, восходящее местами до абсолютной высоты в 11 000 футов (3 350 м), одето кустарниками. Среди последних уже не видно Rhododendron Przewalskii, но зато сплошными насаждениями встречаются два других рододендрона — Rh. capitatum Maxim. и Rh. thymifolium Maxim., которые и занимают вместе с Potentilla fruticosa var. tenuifolia и Caragana jubata Poir. высший предел пояса. Их обыкновенно сопровождает Meconopsis quintuplinervia Rgl., выбрасывающая из-под темной листвы этих кустарников свои нежные фиолетовые цветы. Здесь также виднеются: Podophyllum Emodi Wall., Primula sibirica var. genuina Trautv., голубая Corydalis curviflora Maxim., низкорослая Lancea tibetica Hook. с мелкими фиолетовыми цветами, яркооранжевый Trollius pumilus Don., желтые Saxifraga, яркосиняя Omphalodes trichocarpa Maxim. и красивый голубой Adonis coerulea Maxim. Ниже, примерно на высоте 9 500—10 000 футов (2 890—3 050 м), вышеупомянутые кустарные формы сменяются другими: Potentilla daurica Nestl., усыпанной с конца мая белыми цветами, Pot. nivea var. vulgaris Lehm., Prunus stipulacea Maxim., Ribes petraeum var. typicum Maxim., Rubus idaeus var. strigosus Maxim. и Salix sp., и еще ниже: Cotoneaster acutifolia Turcz., Lonicera syringantha var. minor Maxim., Lon. hispida var. minor Maxim., низкостелющейся Rosa macrophylla Lindl. и Berberis diaphana Maxim., достигающей местами двухметровой высоты; наконец, уже в пределах степной зоны, попадаются кое-где вдоль оврагов: высокая Rosa sericea Lindl. с белыми цветами, Caragana pygmaea var. arenaria Fisch. и Spiraea mongolica Maxim. Деревьев на северных склонах Сининских альп встречается мало, да и то лишь на крайнем западе; у Гумбума они давно уж истреблены, но здесь все еще можно встретить молодые деревца, почти кустики, обыкновенной рябины. На саях встречаются две породы кустарников: облепиха и низкорослая Sibiraea laevigata Maxim., к которым лишь изредка присоединяется Potentilla nivea.

Кустарники нижних ярусов только на северных склонах боковых падей срастаются в чащу, разбросанно же они растут всюду. Это совершенно местное обстоятельство объясняется короткостью заложения скалистой части альп и их относительной высотой, что, в совокупности, обращает их в ограду, в тени которой и ютятся кустарные заросли: для многих мест Мын-дань-ша солнце восходит лишь в 7—8 часов утра, а заходит уже в 5—6 часов вечера; роса же держится нередко до 10 и даже 11 часов утра. В подобных условиях в этом поясе гор развивается крайне разнообразная луговая растительность. На общем зеленом фоне Poa pratensis, Carex atrata и Avena pratensis мелькают самые разнообразные цветы: темносиние Omphalodes trichocarpa Maxim., голубые Adonis coerulea Maxim., отливающие в лиловое Veronica ciliata Fisch., Pedicularis verticillata L. и Oxytropis strobilacea var. chinensis Bge., фиолетовые Cardamine macrophylla W., светлорозовые Sisymbrium mollipilum Maxim., белые Anemone obtusiloba Don., желтые различных Saxifraga, Ranunculus, Corydalis linarioides Maxim и Thermopsis alpina Ledb., наконец, оранжевые Trollius pumilus Don. и Lilium tenuifolium Fisch. В июне все эти травы, а также ютящиеся в тени кустов Scopolia tangutica Maxim. и Clematis orientalis var. tangutica Maxim., мешающая свои буро-красные цветы с белыми цветами жимолости, а затем Euphorbia altaica, высокий Rumex, Polygonatum kansuense Maxim., Draba eriopoda Turcz., Fritillaria Przewalskii, Senecio virgaurea Maxim., Vincetoxicum mongolicum Maxim. и бесконечное множество других были в полном цвету и составляли живой персидский ковер, по поверхности которого, подобно огонькам, мелькали красные бабочки Colias lada Gr.-Gr., C. felderi Gr.-Gr., C. diva Gr.-Gr., Argynnis eva Gr.-Gr., Arg. rhea Gr.-Gr. и Arg. pales var. sifanica Gr.-Gr. — все новые виды, которые мы ловили с полным увлечением.

Вообще эта дивно-богатая растениями зона богата и насекомыми. Кроме упомянутых выше, мы поймали здесь, между прочим, нижеследующие новые или крайне редкие виды бабочек: Mesapia peloria Hew., Pieris davidis (var.?), Colias sifanica Gr.-Gr., Polyommatus standfussi Gr.-Gr., Lycaena ida Gr.-Gr., L. themis Gr.-Gr., L. myrrha var. helena Gr.-Gr., Erebia herse Gr.-Gr., Coenonympha semenovi Alph., Carterocephalus christophi Gr.-Gr., Macroglossa ganssuensis Gr.-Gr., Hepialus luteus Gr.-Gr., Cossus lucifer Gr.-Gr., Spica parallelangula Alph., Spinipalpa maculata Alph., Mamestra satanella Alph., M. texturata Alph., Isochlora albivitta Alph., Is. grumi Alph., Trigonophora grumi Alph., Raddea digna Alph., Dasypolia pagodae Alph., Pellonia grumaria Alph., Macaria normata Alph., Panagra fixseni Alph., Astrapephora romanovi Alph., Trichopleura leechi Alph., Kuldscha oberthüri Aplh., Cidaria semenovi Alph., и многие другие.

Для того, чтобы не утомлять внимания читателя длинными списками, я приведу только важнейшие находки по другим отделам животного царства. Из жесткокрылых нам здесь попался Captolabrus grumorum Sem. и целый ряд других жужелиц: Calosoma grumi Sem., Carabus diruptus Moraw., C. przewalskii Moraw., C. cateniger Moraw., C. sinensis Sem. и C. kukunorensis Sem. Птиц в этой области держится также немало. Самыми интересными были: Carpodacus erythrinus Pall., Ruticilla frontalis Vig., Calliope kamtschatkensis Gmel., Merula kessleri Przew. и Dumeticola thoracica Blyth., которая досталась нашим охотникам не без труда, благодаря своему уменью необыкновенно быстро прятаться среди кустов. Конец мая и начало июня — время кладки яиц; вместе с гнездами мы добыли их от следующих видов: Chloris sinica L., Acanthis brevirostris Bp., Carpodacus pulcherrimus Hodgs., Alauda arvensis var. liopus Hodgs., Anthus rosaceus Hodgs., Tichodroma muraria L., Parus superciliosus Przew., Lanius tephronotus Vig., Herbivocula affinis Tick., Pratincola maura var. przewalskii Plsk. и Calliope kamtschatkensis. Даже среди млекопитающих нам посчастливилось найти здесь вид, не бывший еще известным науке. Бихнер описал его под именем Sminthus concolor.

Ложа речек, стекающих с северных склонов Сининских гор, в верхнем и среднем их течении представляют обыкновенно сай, который имеет свою особую растительность. Я уже упоминал выше, что галечнику свойственны здесь три вида кустарников: облепиха, Sibiraea laevigata и Potentilla nivea vulgaris; среди этих кустарников и на речных отмелях развивается весьма интересная флора, представителями коей являются: Juncus Thomsoni F. Buchen и Hippuris valguris L., на зеленом фоне коих цветут Ranunculus aquatilis L., Thermopsis alpina Ledb., необыкновенно красивая темнопурпуровая Primula Maximoviczi var. tangutica Maxim., Polygonatum viviparum L., Sedum algidum Ledb., Fritillaria przewalskii Maxlm., Oxytropis trichophysa Bge, Anemone rivularis Ham. и Thalictrum petaloideum L.

Степная флора на границе с луговой характеризуется преобладанием Papilionaceae над всеми другими видами травянистых растений. Сперва это любящие влагу голубые или лиловые Oxytropis humifusa Kar. et Kir., O. campestris D. C., O. coerulea D. C., O. strobilacea var. chinensis Bge. и Astragalus tanguticus Batal., затем Oxytropis trichophysa Bge., который то окаймляет овраги, то разрастается по дну последних, то, наконец, забирается в тень шиповника или барбариса. Здесь еще всюду можно видеть пахучую Stellera chamaejasme L., служащую лучшим украшением лишенных сплошного травянистого покрова холмов, Veronica ciliata Fisch., Antennaria Steetziana Turcz., Thalictrum petaloideum L., Thlaspi arvense L. и высокую Lasiagrostis splendens, но дальше идет уже полынь и злаки (тот же чий, а также Poa, Bromus и Festuca) вперемежку с так называемыми сорными травами изредка ирисами, Statice sp., Convolvulus sp., солодкой. Это область орошенных полей, на которых высеваются, главным образом, пшеница и горох и реже ячмень, бобы, мак, кунжут, сорго, люцерна и другие сельскохозяйственные растения.

Снег держится на северных склонах Сининских альп до конца июля, но лишь в самых глухих, недоступных солнцу, ущельях. Отсутствие же вечного снега, а также короткость обоих заложений хребта объясняет и отсутствие крупных речек, которые сбегали бы с этих гор. Самый обширный бассейн имеет упомянутая выше речка Донгур-хэ, которая собирает свои воды в высокоприподнятой долине между хребтами Сининским и Жи-юэшань; она же и самая многоводная. Нань-чуань занимает второе после нее место. Но как ни ничтожна сама по себе эта последняя, в ней все-таки водится рыба; впрочем, мы добыли в ней один только вид — Nemachilus dorsonotatus Kessl.

Поместив больного Колотовкина на носилки, в которые впрягались две лошади, мы 18 июня покинули, наконец, нашу продолжительную стоянку в долине Мын-дань-ша и, обойдя отрог, у пикета Тун-намын, вышли на Гуй-дэ-ша.

Долина Гуй-дэ-ша уже долины Мын-дань-ша; склоны ее круче, кустарная растительность богаче, фауна насекомых разнообразнее. Правда, мы не встретили уже здесь красивой Colias lada, зато разом нашли три других вида — Colias sifanica, C. felderi и C. diva и, кроме того, Polycaena lua, Carterocephalus flavomaculatus и другие новые или интересные виды.

Миновав Тун-намын, мы прошли дорогой Гуй-дэ-ша километра четыре и разбили свой лагерь у подошвы каменных гор. Здесь мы вновь простояли одиннадцать дней в надежде, что Колотовкин, который, как нам казалось, стал поправляться, наберется сил, чтобы двигаться далее, по направлению к Хуан-хэ и Куку-нору.

В конце июня наступили жары. В тени термометр не переходил за 20°, но солнце пекло сильно. Эта жара, а также слепни и мухи до такой степени донимали Колотовкина, что он умолял нас подняться выше в горы. Так как наша система лечения усвоена была всеми казаками и была донельзя проста, то было решено: перекочевать к перевалу Лянжа-сань и, оставив здесь больного на попечение двух товарищей, с остальными людьми налегке предпринять поездку за Хуан-хэ.

Подъем на перевал Лянжа-сань короток, но идет узким ущельем по дороге, усыпанной валунами и щебнем. На таком грунте тропа еле заметна, хотя по ущелью взад и вперед снуют бесконечные вереницы китайских возчиков, которые на ослах и мулах, реже на лошадях, доставляют в Синин с южных склонов водораздела строевой лес, хворост и всевозможные деревянные изделия: лопаты, оконные рамы, ободья, доски и прочее *.

Стены ущелья при устье сложены из плотного темносерого известняка, имеющего очень крутое падение на юго-восток; далее

---

* При этом нелишним считаю объяснить, что на южных склонах водораздела лес одевает лишь те склоны боковых отрогов, которые смотрят на север. В том, что лес, истребленный к северу от Лянжа-сань, сохранился к югу от него нет ничего удивительного, так как за этим перевалом расстилаются земли, принадлежащие тангутам, которые тщательно оберегают свои лесные богатства.

к вершине известняк этот переслаивается с глинистым сланцем. В том же месте, где ущелье развертывается в котловинообразное расширение, служащее ему вершиной, горы на юг образует аркозовый песчаник, на севере же бурые кварциты и глинистые сланцы, прорезанные жилами плотного диабаза. Перевал лежит на спине аркозового массива. Существует, однако, и другая дорога, которая из котловины сворачивает на восток, обходит этот массив и соединяется с первой недалеко от укрепления Чан-ху.

Тогда как в ущелье дорога обнаруживает слабое поднятие, здесь, в котловине, она образует несколько крутых закруглений и, наконец, выбегает на луг.

Этот луг правильнее было бы назвать высокою степью, так как преобладающею тут растительностью является кипец; однако, благодаря обилию влаги в почве, обусловленному высоким положением места, среди пучков этого злака попадаются в изобилии травы луговой формации и даже такие растения, как помянутая выше Crepis glomerata и Daphne tangutica. На этом лугу, господствуя над дорогой, расположен китайский пикет, на тесном дворике которого мы и поставили юрту для Колотовкина.

На следующий день мы перешли в бассейн Желтой реки. Подъем на перевал Лянжа-сань от пикета довольно постепенен, спуск же с него очень крутой и идет бесчисленными зигзагами по краю скалистого оврага, поросшего довольно разнообразным кустарником и широколистными травами. Спустившись в долину речки Чан-ху (у тангутов — Карын), мы остановились, не доходя укрепления Чан-ху, на площадке, густо поросшей Potentilla (Comarum) Salessowi Steph.

Впоследствии я буду иметь случай подробнее говорить о речке Карын; здесь же замечу, что она стекает с водораздела Хун-ё-цзы и в верхнем своем течении орошает превосходные пастбищные места, лежащие между Сининским хребтом и горами, обрывающимися в долину Желтой реки. Близ укрепления Чан-ху она принимает в себя ручей, сбегающий с перевала Лянжа-сань, и, остановленная в своем течении на восток-юго-восток высокими гранитными скалами, поворачивает на юг, в каком направлении и добегает до Хуан-хэ.

В окрестностях Чун-ху можно встретить скалы и осыпи, луг, зону кустарников, наконец, даже полынную степь. Вообще южные склоны водораздела Хуан-хэ и Сининской реки в отношении растительности мало в чем отличаются от северных. Однако здесь растет еще в обилии лес, в котором преобладающей породой является тяньшанская ель (Abies Schrenkiana). В ближайших окрестностях Чан-ху никаких деревьев, кроме ивы и тополя, мы, впрочем, не видели; зато кустарник рос повсюду в обилии. Им здесь одеты не только все северные склоны утесов, но и западные их склоны, а также ложбины, защищенные от солнца высокими гранитными скалами. Полынная степь занимает в этих горах их южные склоны и характеризуется преобладанием Papilionaceae. Луг, испещренный множеством цветов, среди коих теперь преобладала Gentiana aristata Fisch., одевает главным образом пади; кое-где он сливается с кипцовою степью вышеописанного типа. Главная масса бабочек принадлежала здесь роду Argynnis (pales sifanica Gr.-Gr., eugenia rhea Gr.-Gr., clara Blanch., gong eva Gr.-Gr., adippe xipe Gr.-Gr. и aglaja L.); многочисленна была также Oeneis pumilus var. lama Alph.; попадались Colias sifanica Gr.-Gr. и Satyrus bianor Gr.-Gr., но самым интересным видом этих мест был, без сомнения, Parnassius imperator var. musageta Gr.-Gr. — огромная бабочка, державшаяся исключительно на каменных осыпях. Из птиц довольно обыкновенна, как нам говорили, в лесах, южнее Чан-ху, Crossoptilon auritum Pall.; брат ездил за ними, но, к сожалению, безуспешно. А затем мы здесь встретили: Carine bactriana Hutt., Bucanetes mongolicus Swinh., Carpodacus erytbrinus Pall., C. pulcherrimus Hodgs., Urocynchramus pylzowi Przew., Parus superciliosus Przew., Pratincola maura var. przewalskii Plsk., Ruticilla frontalis Vig., Cuculus canorus L. и Phasianus strauchi Przew. Из млекопитающих мы нашли здесь только полевку — Microtus mandarinus M. Edw.

1 июля мы выступили в Гуй-дэ-тин. Дорога сюда идет вниз по р. Карыну, которая протекает первые километры в довольно узкой долине, обставленной с востока гранитными утесами значительной высоты; там, где долина расширяется, выступает кремнистый сланец, а затем его сменяют пестрые (голубые, темнобурые и красные) кремнистые глины, имеющие слабое падение на северо-запад, и, наконец, огромные конгломератные толщи, которые и упираются в Желтую реку крутыми откосами.

Долина Карына довольно густо населена — частью китайцами, частью оседлыми тангутами. Китайцев мы нашли в деревне Таму, лежащей в четырех километрах ниже Чан-ху, на абсолютной высоте, равной примерно 9 500 футам (2 895 м); тангутов же, или, по-местному, туфаней, — во всех последующих селениях, а именно — в Карыне (Ганроня), Гачжа и Нгачжа. Близ селения Карына долина расширяется, и скалы сменяются рыхлыми породами, преимущественно красными песчанистыми глинами, изрезанными оврагами и суходолами, нередко совсем бесплодными. Здесь, против пикета Аями, ответвляется от карунской дороги торная тропа на восток, которая и выводит в долину речки Чун-чжа.

От Чан-ху до Гуй-дэ-тина считается сто ли, до селения Ашгун, на р. Хуан-хэ, около семидесяти, но вот уже шесть часов мы в дороге, а желанной реки все еще нет. Красивая долина Чан-ху с ее поселками и полями давно уже осталась у нас позади, и теперь мы бредем ущельем среди то красноватых, то бурых, то голубовато-серых кремнистых глин, образующих здесь почти вертикальные стены. Июльское солнце накалило и почву и воздух, и восходящие струи последнего до боли успели уже обжечь нам руки и шею. Щуришься, чтобы избавить глаза от массы отраженного света, и открываешь их только ради того, чтобы взглянуть вперед на дорогу. Но нет... Попрежнему впереди расстилается все та же, местами потрескавшаяся, местами плотно слежавшаяся, сероватая или красноватая глина с разбросанными на ней кое-где зелеными кустиками стелющихся на земле Peganum harmala и колючей Nitraria Schoberi. Тоскливо... Длинная вереница всадников и завьюченных лошадей медленно и почти беззвучно ползет по тропинке, и так и кажется — вот-вот она остановится с тем, чтобы тут же заснуть.

— Ну, эй, кто там впереди? Глаголев — ходу!

Встрепенется Глаголев; услышав человеческий голос, бодрее зашагают и лошади, но затем шаг последних мало-помалу замедляется снова, и вся вереница опять тащится медленно, долго...

— Да где же китайцы?

— Вперед ушли. Говорят, сегодня до переправы нам никак не дойти, так станцию хотят приискать...

Но вот и поворот, за которым, по нашим расчетам, должна была находиться долина р. Хуан-хэ и за которым уже скрылась голова нашей колонны. И совершенно неожиданно вдруг раздался там выстрел, необычайно гулко пронесшийся по ущелью; за ним другой и третий... Странно, что за причина этой резкости звука, да и в кого тут стрелять... Не зная, как разрешить эти вопросы, я уже торопливо обгонял вереницу вьюков. Занятый, однако, тропинкой, которая, как нарочно, была здесь узка, я только тогда поднял голову, когда очутился в густой тени надо мною нависших утесов. Действительно, здесь как бы столкнулись две совершенно отвесные, сложенные из довольно плотных конгломератов скалы, вершины которых казались выше других; они как будто даже накренились вперед и образовали гигантский свод над речкой Карыном, которая в половодье должна разливаться во всю ширь этих оригинальных ворот. У речки стоял брат и тщательно завертывал в бумагу двух птичек: «еще один новый вид для коллекции». И совершенно неожиданно слова эти с таким же гулом ударились в стены, точно они произнесены были в огромном пустом помещении.

А за природой созданными воротами все, как по волшебству, вдруг изменилось... Селение Арку, раскидистый вяз, абрикосовая роща, масса зелени и та прохлада, которой мы так давно искали. Но, увы! Остановка еще, очевидно, не здесь. Дорога еще раз повернула направо и зигзагом поднялась на соседний увал. Там уже стояли китайцы, к которым поспешили и мы. И вот, наконец, перед нами она — Хуан-хэ, кормилица стольких миллионов — река, к которой уже давно стремились все наши мечты.

И что за очаровательная картина расстилается у нас теперь под ногами, и что за необъятная пустыня ее окружает. Прежде всего, без сомнения, нашим вниманием овладевает река, это беззвучно на восток несущееся море мутной воды, где оно быстро сужается с тем, чтобы, собравшись с силами, с ревом и пеною броситься на темные скалы, которые здесь круто с обеих сторон упираются в дно Хуан-хэ. Отзвук этой многовековой, неустанной борьбы двух стихий сюда еле доносится, зато в бинокль хорошо видна пена, которая взлетает фонтаном над скалами. Песчаных отмелей и покрытых растительностью островов на Хуан-хэ очень много, и они как-то незаметно переходят в береговые нагорья, местами круто обрывающиеся в реку и сложенные почти повсеместно из глины и конгломератов какого-то тусклого желтовато-серого цвета. Последние лишены почти вовсе растительности, даже той жалкой растительности, которая отсюда виднеется на обоих берегах Хуан-хэ. Да, пустыня! И пустыня, несмотря на массу воды, на снеговые горы на юге и на очаровательные деревушки, разбросанные по всему видимому течению р. Хуан-хэ.

Спустимся же к этой реке и заночуем там, где найдется хоть какой-нибудь корм для наших усталых животных. Пора... Солнце успело уже совершить свой дневной переход и, расставаясь с землей, бросает теперь на нее свои прощальные, еще полные блеска и силы лучи, золотом обдающие и водную поверхность реки, и безобразные глыбы торчащих справа утесов.

Под горой, на которой мы находились, раскидывалась деревня Ашгун, населенная наполовину дунганами, наполовину тангутами. За этой деревней мы вступили в лес тамарисков, которые разрослись здесь в деревья метров до двенадцати высотой и до 30 см в диаметре отруба. Этот лес с почвой, лишенной растительности, с Nitraria Schoberi вместо подлеска, произвел на нас впечатление чего-то такого, что никак не согласуется с понятием о лесе, как о среде, полной жизни, прохлады и тени. После густых садов Ашгуна, в которых весело чирикали птички, этот седой лес, растущий прямо из песка, показался нам мертвым, и мы поспешили выбраться из него к воде, туда, где виднелось широкое поле зелени. Но, увы! Это были лишь заросли Glycyrrhiza uralensis Fisch., между которой то там, то сям виднелись тонкие стебли жесткой осоки. Тем не менее, так как дальше ничего лучшего не предвиделось, то мы и раскинули здесь свой бивуак.

На следующий день мы встали чуть свет, но долго провозились на месте: сперва лошадей приходилось сбирать, а потом куда-то сбежали бараны. И когда, наконец, мы выступили, солнце успело уже сделать целую четверть дуги. Шли долго, утомительно долго. На противоположном берегу уже давно показался оазис

Гуй-дэ; мы даже его миновали, а до переправы все еще, говорят, далеко... Дорожка бежит здесь берегом русла и то взбирается на крутые уступы, то снова спускается с них в глубокие рытвины. Жарко! жарче даже, чем было вчера, особенно в тех случаях, когда мы втягивались в узкие коридоры, стены коих отделяли от нас Хуан-хэ. На небе только с запада цепью тянутся облака и, точно испуганные необъятностью горизонта, теснятся с края его, поближе к горам, по которым и скользят своей тенью; в воздухе — совершенная тишина. Караван опять растянулся, и бог знает, как далеко отстали теперь от нас наши слуги-китайцы, гнавшие новокупленных тибетских баранов. Но вот впереди показалась вновь засаженная ивами отмель реки — это верный признак, что селение близко. И действительно, перевалив только за песчаный отрог, мы уже очутились в тенистой аллее, которой и проехали в богатый лесом оазис Ян-чжу-ван-цзы.

Река Хуан-хэ у Гуй-дэ.

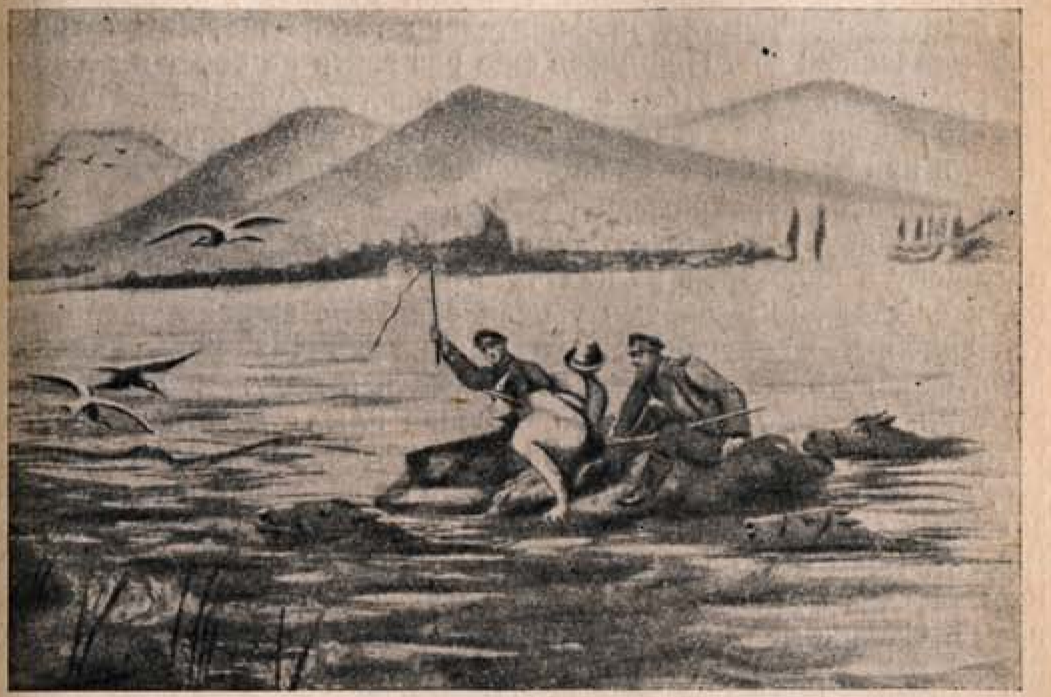
Тангутские власти, очевидно, давно уж здесь готовились к встрече и теперь, согласно китайскому этикету, приветствовали нас, преклонивши колена. Затем, пока готовился паром и развьючивались вьюки, нам пришлось принять приглашение старшины селения и выпить по чашке горячего чая, заправленного, по тангутскому обычаю, молоком, маслом и солью. Обычная беседа, ведущаяся в этих торжественных случаях, приняла на этот раз, и совершенно неожиданно, интересный для нас оборот. Оказалось, что тангуты не забыли Пржевальского. Они сделали вид, а может быть, и искренно опечалились, когда узнали, что маститого путешественника уже нет более в живых. «Богатый, видно, был человек... и суровый. Денег не жалел, и мы с охотой взялись бы вновь ему послужить...».

Но вот чай кончен. Мы вновь вскочили на лошадей и минут через десять были уже на берегу Хуан-хэ, с глухим шумом и стремительно несшей здесь свои мутные воды. Несмотря на безветрие, вода шла, как говорится, валом и пенилась под крутой вымоиной соседнего мыса. Мелькавшие то и дело каряги плавно вертелись, поочередно приподымая то один, то другой из своих обломанных сучьев, и, быстро проскользнув перед нами, скрывались из вида. Еще быстрее мимо нас проносились полуголые, а иногда и совершенно голые дровосеки-тангуты на своих в высшей степени оригинальных плотах, состоявших из двух турсуков, т. е. снятых мешком и надутых воздухом козьих, свиных, а иногда и телячьих шкур, скрепленных настилкой из деревянной рамы и нескольких поперечных жердей. На этих плотах тангуты развозят дрова, пожитки, пассажиров и даже пассажирок. К громадной реке здесь сызмала привыкли, и из местных жителей ее, очевидно, уж никто не боится, если решается доверить и себя и пожитки свои такой хрупкой посудине. Впрочем, в обратный путь на подобном же турсучном плоту, только несколько бóльших размеров, пришлось и моему брату совершить переезд через реку, и ничего — перебрался без приключений, хотя в водоворотах его и не раз обдавало холодной струей. Вёсел здесь не полагается вовсе; плот заводят, затем спускают вниз по реке и к противоположному берегу направляют рулем. Если же пассажиры едут вниз по реке, то и заводить его вовсе не нужно. Обратно же тангуты, преимущественно лесопромышленники, перетаскивают плоты на себе; но это вовсе не трудно. Деревянная рама продается или сжигается на дрова, из мехов выпускается воздух, и в таком уже виде плот составляет небольшую и по объему и по весу поклажу. При всей своей практичности плоты эти имеют, однако, одно неудобство: они требуют неослабного внимания и точного соблюдения равновесия. Раз только от чего-нибудь покачнулся седок — и он уже непременно в воде. Вследствие падения тела, как мяч отскакивает от седока его крошечный плот и быстро уносится далее, и тогда — навсегда прощай турсуки, прощай и все то, что было на них... Вот именно такой случай мы наблюдали сейчас.

Совершенно нагой тангут, невзирая на многочисленную публику, собравшуюся здесь, вероятно, ради того, чтобы на нас поглазеть, и состоявшую главным образом из женщин и девушек, с воплем несся вдоль берега, а плот его, нагруженный, по-видимому, его пожитками, еще скорее скользил вниз по реке...

Вот кто-то из публики сунул ему пузыри... Тангут схватил их, сразмаху бросился в воду, видимо, поплыл изо всех сил и вскоре скрылся за мысом... «Догонит ли?..». «Может быть, и догонит; все зависит от того, куда понесет его плот...».

К нашим услугам имелась барка с килевой палубой и с обширным помостом посередине. Снявши вьюки, мы должны были сначала перенести их на лодки, а затем сюда же ввести своих лошадей.



Переправа на турсуках через Хуан-хэ (*рис. Г. Е. Грумм-Гржимайло*)

Берег реки здесь пологий, и лодка держалась на канатах шагах в десяти от него. С пристанями и подвижными мостами здесь совсем незнакомы, и нашим бедным животным приходилось теперь из воды прямо вскакивать в лодку — подвиг немалый, если принять в расчет метровую высоту ее борта. И как здесь намаялись мы, как намаялись наши несчастные лошади!

Некоторые из них упрямились, ложились в воду и, как мне казалось, жалобно, с каким-то даже детским укором смотрели на расходившихся перевозчиков, без всякого милосердия бивших их по чему попало и чем попало. Моя защита и мое вмешательство были бы делом по меньшей мере бесполезным. В общей сутолоке, в толпе лошадей и людей, среди шума реки, ишачьего рева, хлестких ударов по воде и по мокрым спинам животных, наконец, среди всепокрывающего людского крика и брани на четырех различных наречиях я чувствовал себя совсем бессильным распоряжаться. Да все и делалось как-то само собой: одни с шумом и гамом затаскивали в лодку животных и притом иных без возни, а других через борт на арканах и не то боком, не то почти на спине, прочие же все еще сносили туда сундуки, ружья и всякую мелочь.

Но вот, наконец, кажется все уже готово. Нет, не все: на лодке не видно собак. Наш лучший сторож и друг, громадный Койсер, два раза уж спрыгивал с барки, вероятно, пугаясь возни на ней лошадей, и теперь решительно уж не шел, несмотря на наш усиленный зов. Пришлось еще раз сойти на берег и до лодки на руках дотащить этого нам всем дорогого упрямца. Наконец, мы его водворили на старое место, потом еще раз кругом осмотрелись, и при этом, без сомнения, каждый подумал: «ну, дай-то бог счастливо нам перебраться!».

Лодку качнуло. Стиснутые, сбитые вместе, кони шарахнулись в сторону и некоторые из них чуть при этом не попадали в воду, но, к счастью, их во-время успели схватить. Однако толчок был так силен, что испугал нашего смирно до тех пор сидевшего пойнтера, который безрассудно бросился в воду. Я первый это заметил, но было уже поздно. Собака плыла к тому берегу, от которого мы только что отошли. Разумеется, вскоре она достигла его, но, осмотревшись и увидя нас уже на середине реки, жалобно завыла и снова бросилась в воду. Для нас всех это был тяжелый момент. Всем было ясно, что собаке не справиться с стремительным течением Желтой реки, что ее унесет... Томительно бежит время. Собака все еще высоко несет голову и смело плывет поперек. Но вдруг она скрылась...

— Попала в струю... замотало...

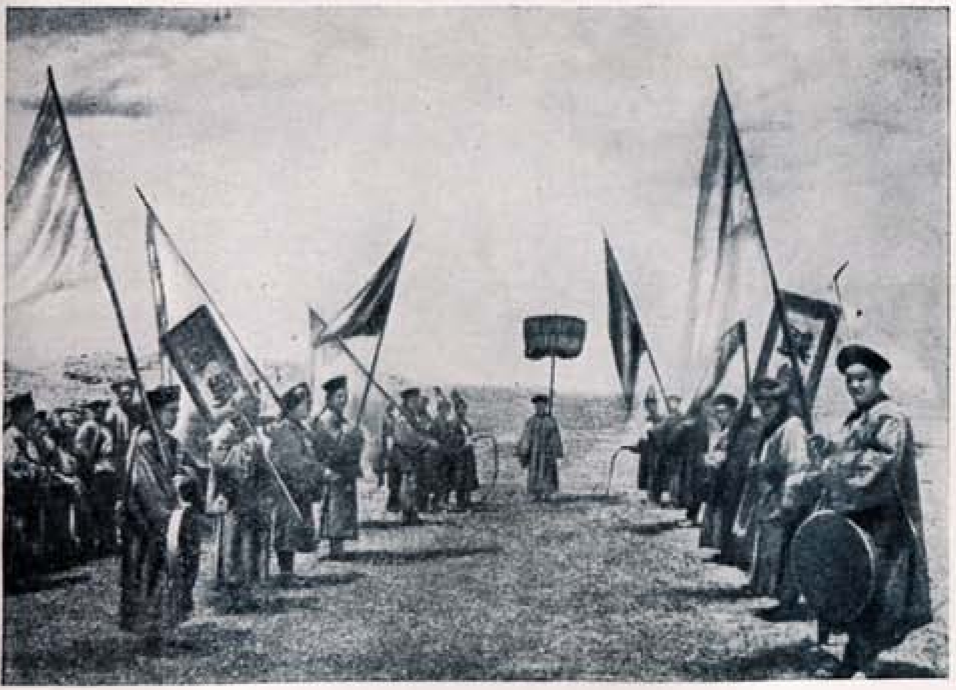
— Да и как было ей справиться с этакой силой! Уж как поплыла — значит, пропала.

Но, нет, не пропала. Вон она уж на желтой отмели, как раз между каряг... Выбежала, отряхнулась, посмотрела на нас и снова бросилась в реку...

— Ну, и молодец! Ну, и здоровенный же пес!..

И все уже радостным взором продолжали следить за пойнтером, который попрежнему смело и сильно плыл к берегу. Опасность его потерять миновала, тем не менее не успела еще лодка пристать к гуйдуйскому берегу, как некоторые из нас уж бежали вниз по реке... Да и было время... Собака, видимо, изнемогала и из последних сил добиралась теперь до береговой кручи, из-под которой, при громких, сочувственных возгласах тангутской толпы, мы, наконец, и вытащили ее за ошейник.

Когда мы разбили свой лагерь в километре от реки, в тени огромных тополей, окружавших тангутское поселение, было уже поздно.



Вверху: долина реки Да-тун
Внизу: почетный эскорт

Нам не довелось, однако, провести этот вечер в покое. Явились с визитом китайские власти и тут же нам заявили, что получено приказание от чин-сэя не пускать нас дальше, в горы Джахар.

Тем не менее мы пошли дальше, и если не достигли, как хотели, верховий р. Да-ся-хэ, то по другой причине, о которой сказано будет ниже.

Всего с караваном вверх по р. Муджику мы прошли, и притом в два приема, двадцать шесть километров, т. е. едва вышли за пределы культурного района; дальше же на юг мы успели предпринять лишь несколько поездок, причем брат достиг нижнего предела елового леса, я же южного предела каменных гор. Таким образом, мы не смогли исследовать здесь даже того района, который за десять лет перед нами обследовал Н. М. Пржевальский; тем не менее я думаю, что сообщаемые ниже сведения будут не бесполезным прибавлением к тому, что мы уже знаем об этой части Амдо.

Гор скалистых и крутых мы не видели. Даже там, где Муджик вступает в щеки и дорога бежит по саю, стоит только подняться по любой боковой пади, чтобы выйти на высокую степь, которая одевает все горы, подымающиеся одна за другой все выше и выше, и так до снеговой группы, видневшейся нам в восхитительной рамке изумрудно-зеленых холмов.

Под этим сплошным покровом зелени подробности геогностического состава гор были для меня не совсем ясны. Окрайние скалы ущелья слагал глинистый сланец, но в посещенных мною боковых падях его не доставало, и тут выступал гнейс.

Какие породы обнажались выше по р. Си-хэ, я не знаю, но в гальке ее русла чаще всего попадались плотный серый глинистый сланец, какая-то темнозеленая порода (филлит?) и красный гранит.

К этим горам примыкали горы красного, кое-где даже кирпично-красного песчаника, нередко круто обрывавшегося в долину речки Си-хэ. Их сменяли к западу от последней горы более светлого песчаника, который, может быть, служит ложем для красных, и, наконец, возвышения, образованные конгломератами и мощными толщами тускложелтых глин, имеющих сходство с лёссом и в верхнем горизонте, действительно, в него переходящих. Эти отложения особенно развиты в правом, т. е. восточном, боку долины, где лёссоподобные глины образуют высокие горы, в верхнем горизонте поросшие кипцом, в низшем почти совсем бесплодные и именно здесь весьма мало доступные благодаря обилию крутых и глубоких падей. Карабкаясь по спекшимся в кору, крутым и очень опасным их склонам за Parnassius imperator var. musageta, который только в этих местах и держался, я не раз имел случай убеждаться в том, что глины эти содержат в обилии гравий, гальку и даже валуны, которые и скоплялись в кучи на дне суходолов — обстоятельство, указывающее на видное участие воды в образовании этих толщ.

Эти тускложелтые возвышения образуют последний горный уступ в сторону Хуан-хэ, где при устье речек Си-хэ (Муджик) и Дун-хэ расстилается циркообразная долина Гуй-дэ с разбросанными по ней рощами тополей, селениями и полями пшеницы и ячменя. Эта долина в большей своей части, однако, бесплодна. Вся местность между подножием гор и садами Гуй-дэ-тина одета лишь скудной растительностью, и только близ воды, да в тени рощ виднеется яркая зелень травы.

Домики тангутов, то собранные в селения, то стоящие отдельными хуторами, вытянуты вдоль обеих вышеупомянутых речек и по Муджику проникают километров на двадцать шесть в горы. Здесь, действительно, жизнь бьет ключом, зелени много, поля чередуются почти непрерывно. Китайских поселенцев в этой долине нет; ее населяют одни только тангуты, всем своим существом столь отличные от китайцев. К сожалению, мы пробыли среди них очень недолго и многого, в дополнение к тому, что уже известно в литературе об амдоских оседлых тангутах, сообщить не можем. Я замечу лишь здесь мимоходом, что, как земледельцы, они положительно ни в чем не уступают китайцам, что их селения обыкновенно утопают в зелени садов и что из рабочего скота они главным образом держат так называемых «цзо» — помесь яка с коровой, великолепных крупных животных большой силы, но, сколько заметил, очень упрямых. Лошадей эти тангуты держат мало и, как кажется, еще меньше ослов.

В культурном районе по Муджику мы встретили мало насекомых. Из бабочек летали лишь во множестве Apatura ilia var. serarum Oberth., заменяющие здесь всюду нашу обыкновенную Colias hyale — Col. poliographus и Pieris chloridice Hb.; из жуков были обыкновенны хрущи (Polyphylla n. sp.) и Cicindela sp.

Горы при устье Муджика, как уже было выше замечено, пустынны, изрезаны глубокими суходолами, круты и вообще мало доступны. Только в высших своих точках они одеты степною растительностью смешанного полынно-кипцового типа, на общем серовато-зеленом фоне которой еще мелькали в июле фиолетовые цветы Solanum dulcamara L., Astragalus adsurgens Pall., Aster sp., белые Allium odorum L. Ниже же, на совсем оголенной почве, среди редких и низеньких кустиков полыни и каких-то Oxytropis, попадались только полуотцветшие Crepis tenuifolia L. да высокие Carduus sp. Несмотря, однако, на такую жалкую растительность, фауна насекомых оказалась здесь очень богатой. Я упоминал уже о Parnassius imperator, который летал здесь по самым недоступным откосам; но вместе с ним, к своему удивлению, я встретил также и другого Parnassius, а именно дивно-

красивого P. nomion var. nomius Gr.-Gr., а также весьма оригинальную новую Melitaea romanovi Gr.-Gr. и новую же Epinephele sifanica Gr.-Gr. Сверх того на кипцовой степи в этой области мне попались Lycaena orbitulus var. orbona Gr.-Gr., Lyc. themis Gr.-Gr., Lyc. tengstroemi var. tangutica Gr.-Gr., Melanargia epimede var. ganymedes Gr.-Gr., Satyrus cordula var. ganssuensis Gr.-Gr., Mamestra satanella Alph., Dianthoecia lurida Alph. и Cucullia umbristriga Alph. Из жесткокрылых самым интересным номером был здесь Dorcadion (n. sp.).

Среди таких же глинистых гор, но в падях, выходящих на речку несколько выше, начинают уже попадаться кое-какие кустарники: Berberis sp., Cotoneaster multiflora var. tupica, Spiraea mongolica, Rosa sericea, Myricaria sp., в тени коих развивается и более богатая видами травянистая растительность. Наконец, в области распространения красного песчаника все горы уже покрыты роскошными лугами, нередко, впрочем, и тут переходящими в кипцовую степь.

Самым обыкновенным цветком на этих лугах был красно-оранжевый Lilium tenuifolium; сверх того, мы застали здесь в полном цвету: Myosotis sp., Iris dichotoma Pall., Gentiana straminea Maxim., Delphinium grandiflorum L., Allium polyrhizum var. typica Maxim. и Galium verum var. leiocarpum Ledb., и на более сухих местах Astragalus adsurgens Pall. Реже в этой области гор попадается кустарник (таловый ерник, Potentilla fruticosa, P. filipendula, Spiraea mongolica), притом растущий редкими насаждениями и исключительно на северных склонах. Из деревьев встречается здесь только Juniperus pseudosabina. В глубоких логах и в долине речки Муджик кустарниковые растения чувствуют себя очень хорошо и достигают крупных размеров; Berberis diaphana, Lonicera syringantha, Cotoneaster multiflora и Rosa срастаются здесь в высокие темнозеленые и усыпанные цветами чащи, которые становятся местами совсем непроницаемыми благодаря увивающим их Clematis и высоким, разросшимся в кустарник, астрагалам.

Эта область была необыкновенно богата насекомыми; особенно же многочисленна была красивая, сильно варьирующая и для систематики рода крайне важная Colias diva Gr.-Gr., составляющая среднюю форму между кавказской Aurorina и южносибирской Aurora. Вместе с ней летала другая бабочка — Parnassius nomion var. nomius, и менее обращающие на себя внимание: вышеупомянутая Melitaea romanovi, M. agar Oberth., M. didyma var. latonia Gr.-Gr., Erebia alcmene Gr.-Gr., Satyrus dryas var. tibetana Oberth., Sat. autonoe var. extrema Alph., Sat. cordula var. ganssuensis Gr.-Gr., Pamphila comma var. lato Gr.-Gr., P. sylvanus Esp., Pyrgus gigas var. kuenlunus Gr.-Gr., Emydia striata L., Em. funerea Ev., Orgyia confinis Gr.-Gr. и множество ночных бабочек, а именно: Simyra splendida Stgr., Agrotis alpestris B., A. tritici var. varia Alph., A. corticea var. amurensis Stgr., Mamestra advena Schiff., Hadena lateritia Hufn., Miana literosa Haw., M. bicoloria var. semicretacea Alph., Hydroecia osseola Stgr., H. nictitans Bkh., Tapinostola elymi var. saturatior Stgr., Leucania pallens var. melania Stgr., Caradrina lenta Tr., C. gluteosa Tr., Plusia dives Ev., Heliothis ononis F., H. scutosus Schiff., Thalpochares arcuinna var. blandula Rbr., Eccrita ludicra Hb., Phorodesma smaragdaria F., Ph. jankowskiaria Oberth., etc.

Я привожу столь длинный список, интересный только для специалистов, с намерением указать на необыкновенное родство лепидоптерологических фаун южносибирских гор и гор правого берега Хуан-хэ. В этой же зоне, но в более сухих логах мы ловили: Polycaena princeps Oberth., Melanargia ganymedes Gr.-Gr., Pararge deidamia Ev., Ino budensis var. mollis Gr.-Gr., Spilosoma roseiventris Snell., Porthesia nyctea Gr.-Gr. и других. Из жесткокрылых, найденных тут же, можно отметить: Hoplia potanini Heyd., два вида Zonabris, Epcauta sp., Dorcadion sp., Nebria (sp. nova) etc. Затем заслуживает упоминания огромное количество водящихся здесь слепней и оводов. Брат как-то справедливо заметил: если бы нас не вынудил покинуть долину Муджика (нашу стоянку выше тангутских поселений) долг по отношению к больному товарищу, то вынудили бы сделать это слепни. Что касается птиц, то их нами добыто не особенно много; я могу назвать лишь следующие виды: Poliopsar cineraceus Temm., Chloris sinica L., Emberiza godlewskii Tacz., Motacilla lugens Kittl., Anthus striolatus Blyth., Dendrocopus cabanisi Malh., Jynx torquilla L. и Phasianus strauchi Przew. Некоторые фазаны успели уже вывести цыплят, другие же сидели на яйцах. Последнее выражение, впрочем, не совсем точно. Самки фазанов кладут яйца в ничем не выстланных или же вырытых в песке ямках, на самом солнцепеке, и на день их покидают, предварительно забросав, однако, песком. Обыкновенно в таком гнезде находится от 15 до 20 яиц, но брату попался выводок, в котором было не более десятка птенцов в пуховом наряде; ту же цифру приводит и Пржевальский [151], что, может быть, следует объяснить тем, что далеко не из всех яиц вылупливаются цыплята.

8 июля вечером брат вернулся на бивуак из своей поездки вверх по р. Муджику. Почти одновременно мы получили письмо, в котором нам сообщали, что в здоровье Колотовкина вдруг наступил значительный поворот к худшему. Тревожное известие это заставило нас покинуть подгорье Джахара. Брат выехал с казаком Комаровым немедленно, я же тронулся ему вслед с караваном 10 июля.

* *
*

Из укрепления Чан-ху мы выступили в дальнейший путь на Куку-нор 16 июля. В этот день мы не только переступили политическую границу, но и границу климатическую; поэтому здесь будет совершенно уместно дать краткую характеристику климата пройденной нами части Гань-су за 67 летних дней, с 10 мая по 16 июля.

За этот период времени маршрут наш был следующий: из окрестностей монастыря Гу-мань-сы, следуя вниз по течению речки Лама-гоу, мы вышли в долину Да-хэ и Син-чэна, после чего пересекли культурный район между этим городком и Донгар-чэном, откуда долиной Сининской реки спустились до меридиана Гумбума и надолго основались к юго-востоку от него, в горах, на абсолютной высоте, равнявшейся 9 750 футам (2 970 м); затем, 30 июня, мы перевалили через водораздел в долину Хуан-хэ, пересекли ее и, пробыв несколько дней, с 3 по 11 июля, в подгорье Джахара, вернулись обратно на южные склоны помянутого водораздела. Наивысшие из пройденных нами при этом пунктов лежали на абсолютной высоте:

Перевал Чжу-са	11 100 футов	(3380 м)
Перевал Лянжа-сань	12 350 »	(3764 »)
Укрепление Чан-ху	10 250 »	(3124 »)
Наинизшие на абсолютной высоте:		
Стоянка близ г. Шин-чэна	8 625 »	(2628 »)
Стоянка близ г. Гуй-дэ	7 500 »	(2286 »)

Средняя между этими пунктами как раз соответствует высоте наших стоянок в долинах Мын-дань-ша, Гуй-дэ-ша и Муджика (9 750—10 000 футов, или 2 970—3 050 м).

Из 67 дней наблюдения вполне ясных дней или дней, когда небо было подернуто перистыми облаками (cirrus), было 12, ясных ночей 20, облачных, т. е. таких, когда небо было покрыто слоистыми (stratus) или кучевыми (cumulus) облаками в течение всего дня, 10; пасмурных в течение всего дня 15; в остальные же тридцать дней наблюдалось переменное состояние неба; из них 18 дней были наполовину облачными, наполовину ясными, 11 наполовину облачными, наполовину пасмурными и один день, с утра ясный, к вечеру стал пасмурным. Из этих данных усматривается, что в летнее время ясное состояние небосклона даже в горах является для этой части Гань-су преобладающим.

Снег, и то наполовину с дождем, выпал только однажды, а именно — 16 мая, под перевалом Чжу-са, при полном затишье;

дождь же выпадал 22 раза. Следует, однако, заметить, что в это число вошли и такие случаи, наблюдавшиеся в долине Муджика, когда среди ясного дня вдруг набежит облако и обдаст дождем, точно пылью; через минуту от этого дождя не остается, конечно, даже следа: вода испаряется моментально. Исключив эти случаи, получим, что дни с осадками составляли всего лишь 26 с небольшим процентов общего числа дней наблюдения. Вообще период с половины мая до половины июля не может считаться обильным водяными осадками. Только однажды на нас спустилось облако, причем моросило при полном затишье 40 часов кряду. Обыкновенно дождь шел час, два, много если уж три, притом мелкий, хотя и частый; проливень случался в Сининских горах редко, с переходом же на южные их склоны не наблюдался ни разу. Грозы были довольно редки, притом же не сильны: в мае их было четыре, в июне две, в первой половине июля одна. Град с дождем выпадал пять раз; в последний раз, 9 июля, из небольшой тучи при совершенно ясном небе и ярком солнце. Град обыкновенно не залеживался и тотчас же таял. Несмотря на столь небольшое количество водяных осадков, роса, и притом нередко сильная, выпадала на северных склонах Сининских альп довольно часто. Был даже случай выпадения в горах, в зоне свыше 10 000 футов (3 050 м) абсолютного поднятия, инея; этот случай наблюдался 26 мая. Когда мы проснулись, все кругом было бело; иней стал отступать кверху лишь в 8 часов утра.

Характерной особенностью летнего климата западной Гань-су должно считаться безветрие. Бурь мы не испытали ни разу; сильный ветер наблюдался дважды, 22 мая с S и 11 июля с O, в остальное же время господствовало затишье, нарушавшееся бризами или слабыми ветрами, дувшими притом с значительными интервалами. В общем преобладали западные и юго-западные ветры, что видно из следующей таблицы.

			Ясно	Облачно	Переменно	Пасмурно
Тихо	45	из них	8	3	18	16
N	2	»	1	—	—	—
NW	2	»	—	1	—	1
W	12	»	2	4	3	3
SW	8	»	2	2	2	2
S	1	»	1	—	—	—
SO	2	»	—	1	—	1
O	3	»	—	1	—	2
NO	6	»	1	3	—	2

Так как тучи приносились воздушными течениями со всех сторон горизонта, то для меня осталось невыяснившимся, каким

ветрам западная Гань-су обязана своей влагой в летнее время. Ясно выразившийся в апреле китайский муссон на северных склонах Сининских альп почему-то не давал себя чувствовать; только уже с переходом в долину Хуан-хэ он стал наблюдаться снова, причем 11 июля, в течение почти целого дня, дул с значительной силой, порывами.

За весь рассматриваемый период термометр ни разу не опускался ниже 2° мороза (22 мая, в 5 часов утра, при сильном ветре с гор, т. е. с юга); затем ниже нуля температура наблюдалась два раза, а именно 18 и 23 мая, и на нуле три раза — 16, 17 и 24 мая.

В июне установилась вполне теплая погода; термометр не опускался ниже +2°, но зато не подымался в тени и выше 21°; в июле же, с переходом в долину Хуан-хэ, максимум и минимум температур поднялись еще более значительно и достигли 9 и 31°. Были даже ночи, когда термометр не опускался ниже 18°. Впрочем, теплые ночи случались и в июне; так, например, с 7 на 8 июня термометр только между 3 и 4 часами утра показывал 9°, но зато и днем ртуть не поднялась в нем выше 11°.

За весь рассматриваемый период самый холодный день выпал на 16 мая, когда суточная средняя (из 7 наблюдений) составляла 4°,5; самый теплый день на 10 июля, когда та же средняя (из 14 наблюдений) составляла 23°, причем амплитуда равнялась 17°,5.

Наконец, еще несколько цифр:

Наибольшая средняя температура дня составляла (с 6 ч. утра до 6 ч. вечера)	27° (10 июля)
Наименьшая средняя температура дня составляла	6° (16 мая)
Наибольшая средняя температура ночи составляла (с 6 ч. вечера до 6 ч. утра)	21° (с 1 на 2 июля)
Наименьшая средняя температура ночи составляла	0° (с 21 на 22 мая)
Число ночей » » коих равнялась 0°	одна
» » » » » была ниже 0°	не было

Вообще климат лета в исследованной части Гань-су отличался такою ровностью, какую нельзя было ожидать в центре Азиатского материка. Конечно, это следует приписать влиянию китайского муссона.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Вокруг Куку-нора,
через Нань-шань,
Бэй-шань
и вдоль Восточного
Тянь-шаня
обратно на родину

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ИЗ ДОЛИНЫ ЖЕЛТОЙ РЕКИ К ОЗЕРУ КУКУ-НОР И ВДОЛЬ ЕГО ЮЖНОГО БЕРЕГА

В укрепление Чан-ху мы вернулись тою же дорогой, которой шли в передний путь. Переправившись через Желтую реку на этот раз без всяких приключений, мы в тот же день достигли устья речки Карын, на берегу которой и заночевали. На следующий день, т. е. 12 июля, мы снялись с бивуака до восхода солнца с тем расчетом, чтобы пройти бесплодное ущелье р. Карына, сложенное из кремнистых пестрых глин, ранним утром, и в этом успели вполне, так как солнце только что выкатилось из-за гор, когда мы поровнялись с первыми, принадлежащими неачжаским туфаням, полями уже наполовину сжатой пшеницы.

В Чан-ху мы прибыли всего за четверть часа до приезда туда же с перевала Лянжа-сань брата, подтвердившего, что состояние здоровья казака Колотовкина заметно ухудшилось: появились пролежни, больной потерял аппетит и часто впадал в забытье. Когда я увидел его на следующий день, то я понял, что настало начало конца.

В Чан-ху, ради Колотовкина, которого мы осторожно снесли на носилках с вершины помянутого перевала, мы простояли три дня; но за это время, несмотря на самый тщательный уход, он ослабел еще больше; начался бред. Мало-помалу у всех членов экспедиции сложилось убеждение, что далее мы повезем с собой лишь живой труп.

Наконец, 16 июля, в серое ненастное утро, с большой тяжестью на сердце и больным на носилках мы покинули Чан-ху и выступили по направлению к озеру Куку-нор.

Некоторое время мы шли вверх по речке Карыну, которая текла здесь в крутых глинистых берегах, затем уклонились в сторону и пологим логом взобрались на плоский увал, с которого вновь спустились к Карыну. Этот увал сложен был из красных песчанистых глин, мало отличавшихся по цвету от скал Сининских альп; последние представляли, однако, обнажения уже другой породы, а именно — красного аркозового песчаника. Слева, на правом берегу Карына, также высились красновато-сизые горы — юго-восточный конец Жи-юэ-шаня, образованный главным образом кристаллическими породами.

Дальнейший наш путь пролегал вдоль р. Карына по местности, изрытой оврагами. По дну некоторых из них струились небольшие ключи, стекавшие в Карын; таких ключевых оврагов мы насчитали три. Растительность здесь, как и на покатостях гор, была однообразной и скудной. Преобладал кипец (Festuca sp.), из-под которого всюду просвечивала красная почва, и только в углублениях почвы, на фоне мелкой сизо-зеленой травы, виднелись Saxifraga atrata, Primula gemmifera и какой-то Allium с желтыми цветами.

На 15-м километре от Чан-ху-пу мы пересекли дорогу, которой прошла в г. Гуйдуй экспедиция графа Сечени. Это — обычный караванный путь из-за Хуан-хэ в Гумбум и Синин-фу. Здесь мы встретились именно с одним из таких караванов, везшим на яках шерсть из Гуй-дэ в Лань-чжоу-фу.

Он растянулся чуть не на целый километр и состоял по крайней мере из сотни животных.

В караване яки идут совершенно свободно, притом или разбредаются по сторонам дороги, часто останавливаясь для кормежки, или толпятся кучами, которые в больших караванах следуют обыкновенно одна за другой с значительными интервалами. От такого беспорядочного движения страдает, конечно, прежде всего амбалаж вьюков, в особенности, если эти вьюки состоят из громоздких твердых предметов, а затем и содержимое их; поэтому як, как караванное животное, служит главным образом для перевозки лишь громоздких малоценных товаров, не могущих пострадать от беспрестанных ударов одного вьюка о другой. У Рокхиля, впрочем, имеется указание, что в бассейне верхнего Ян-цзы-цзяна на яках перевозятся огромные партии кирпичного чая, тщательно упакованного в плетенки[152]. Легко себе представить, в каком виде чай этот должен доходить до мест своего назначения, если только яковый караван распускается там так же, как и к северу от Желтой реки.

От помянутой караванной дороги из Синина в Гуй-дэ начался постепенный подъем на водораздел Хун-ё-цзы, под которым, на краю болотистой лужайки, дающей начало Карыну, мы и остановились.

Спустившись на следующий день с водораздела, абсолютная высота коего превышает 12 500 футов (3 673 м), мы вышли в долину небольшой речки Ашхань-фи, стекавшей с хребта Жи-юэ-шань, который казался отсюда и выше и массивнее отступившего к северу Си-нин-шаня; некоторые вершины его были даже покрыты снегом, может быть, впрочем, выпавшим лишь накануне.

Перевал Хун-ё-цзы сложен из красных песчанистых глин, содержащих крупную гальку; ниже же по р. Ашхань-фи почва получила более темную окраску, а вместе с тем в ней стало попадаться все более и более валунов, которые, скатившись на дно многочисленных рытвин и логов, пересекавших дорогу, служили не малой помехой для ишаков, несших носилки с больным Колотовкиным. Чтобы не задерживать движения, я остался при этих носилках и прибыл на бивуак часа на полтора позднее главного каравана.

Долина речки Ашхань-фи вскоре получила характер ущелья, а вместе с этим появился кое-где и кустарник: Spiraea, Salix, Potentilla и другие виды. Здесь же попался нам первый полуэкзотический вид бабочки — Papillo paris L.

Речка Ашхань-фи первые 19 км до пикета Шала-хото течет прямо на запад, но здесь круто поворачивает на север, затем на северо-восток и, пробежав в этих направлениях около пяти километров, впадает в р. Донгар-хэ. Пикет Шала-хото расположен в самом широком месте долины среди циркообразного ее расширения, изборожденного многочисленными рытвинами — руслами весенних потоков.

В Шала-хото стоит небольшой гарнизон — человек около 50 местных войск (луинов) под командой ю-цзи — офицера, имевшего белый хрустальный шарик на форменной шляпе. Он оказался человеком несообщительного характера и весьма скоро дал нам понять, что рассчитывать на его помощь по приисканию проводников и переводчика с китайского или монгольского языков на тибетский мы не должны. Он ограничился лишь советом ехать в Донгар, где, как он доподлинно знает, проживает не мало людей, хорошо знакомых с областью Куку-нор.

В этом мы были и сами уверены, а потому решено было, что брат, проводив нас до Ара-гола, на следующий же день отправится в Донгар-чэн.

Ранним утром 18 июля мы тронулись в дальнейший путь тем же порядком, как и накануне — брат при вьюках, я же в арьергарде с больным Колотовкиным. Близ пикета мы вышли на торную дорогу, ведущую из Донгар-чэна на южный берег озера Куку-нор и известную под именем Нань-коу — «южного прохода» через хребет Жи-юэ-шань.

Подъем на этот хребет оказался очень пологим, а водораздел, при абсолютной высоте 11 650 футов (3 550 м), относительно весьма невысоким. Почва его — песчанистая глина красного цвета — сменилась далее грунтом, весьма напоминающим лёсс, но с ясно кое-где выраженною слоистостью.

С перевала перед нами открылась широкая, уходившая на север за край горизонта степная долина, залегающая между сравнительно невысокими и пологими горами на западе и более круто приподнятым, на втором плане даже скалистым массивом хребта Жи-юэ-шань на востоке.

Речка Дао-тан-хэ, орошающая эту долину, имеет два истока; правый, более значительный, берет начало в восточных горах, из коих вырывается километрах в девяти к северу от перевала потоком, имеющим, при глубине в 30 см, 3,5 м ширины; левый собирает воды в горах к западу от перевала. Ниже речка быстро мелеет и местами еле прокладывает себе русло среди ею же затопленных берегов.

Когда-то долина речки Дао-тан-хэ была довольно густо заселена; по крайней мере, здесь мы встретили остатки стен нескольких не то импаней, не то туземных байнаков или хансаров.

В китайской летописи мы находим следующее указание, имеющее, может быть, отношение к означенным развалинам: «(В 1822 г.) в лагере Чжень-хай-ин, как недалеко лежащем от кумирни Дангар, места торгового и сборного, поставлено 900 солдат; в Кара-кутэре, как находящемся на большой дороге, — 240 человек, и, наконец, в Чаган-толо-гой, лежащем в 70 ли к юго-западу от Кара-кутэра, поставлено 1000 человек»[153]. К сожалению, окрестности Донгара не настолько в настоящее время изучены, чтобы можно было безошибочно определить местоположение названных пунктов. Что, однако, китайские войска действительно не так давно стояли гарнизоном в долине Дао-тан-хэ, это видно из следующего места китайского дорожника: «От Синина до лагеря Хара-куто (Шала-хото?) 150 ли. По пути монастырь Донгар служит станцией. От Хара-куто 20 ли до р. Хашина, называемой также Ашихань-шуй (это несомненно Дао-тан-хэ). На этой реке стоит гарнизон в 800 человек»[154]. Современные названия этих развалин, лежащих у подножия хребта Жи-юэ-шань, следующие: Цаган-чэн, Цзянь-цзюнь-тэ и Ху-тин-цзы. Каких-либо оседлых пунктов в долине Дао-тан-хэ в настоящее время не имеется; но стойбищ кочевников-тибетцев, хотя и небольших (в три-пять домов), мы встретили здесь несколько.

В ожидании возвращения брата из Донгар-чэна мы простояли на р. Дао-тан-хэ трое суток. Впрочем, и помимо этой причины нас приковал к месту Колотовкин, который тихо угасал на наших глазах; его не стало в 9 часов утра 19 июля.

Я не буду останавливаться на последующих минутах. Читателю и так должно быть понятно, что мы испытывали, роя на чужбине могилу своему дорогому товарищу. Высокий крест высился уже над могильным бугром, когда брат вернулся из своей поездки в Донгар. Он креста не заметил, но догадался о событии по отсутствию на бивуаке палатки, выставлявшейся обыкновенно для Колотовкина.

— Итак, все кончено?

— Да, друг мой, кончено!..

Поездку брата в г. Донгар нельзя было назвать особенно удачной. Городские власти, так радушно встречавшие экспедицию два месяца тому назад, на этот раз, может быть, вследствие внушений из Синина, отнеслись к ней не только сдержанно, но и враждебно. Впрочем, все, что требовалось, закуплено было братом без особой помехи, переводчика же он подрядил на обратном пути в Шала-хото. Это был средних лет весьма невзрачный дунганин, всю свою молодость проведший среди тибетцев. Впоследствии он оказался, однако, человеком неуживчивого характера, и мы почувствовали большое облегчение, когда нам можно было, наконец, с ним рассчитаться.

22 июля мы покинули нашу стоянку на реке Дао-тан-хэ, оставив за собой свежую могилу и белеющий крест.

Наш путь лежал вниз по названной речке, однако, в стороне от нее, ближе к предгорьям Жи-юэ-шаня, бедно поросшим степными злаками, среди коих особенно выделялся чий (Lasiagrostis splendens). Чиевые поросли одевали и почву долины Дао-тан-хэ, притом особенно густо на рубеже обычного речного разлива. В пределах последнего растительность носила уже иной характер и состояла почти исключительно из поемных трав. К речке мы вновь подошли на 17-м километре; здесь дорога ее пересекла и шла уже вдоль левого ее берега по топкому зеленому лугу.

Мы остановились при устье Дао-тан-хэ, которая, не добегая до озера Куку-нор, образует небольшое, заросшее водорослями пресное озеро. Здесь мы добыли для орнитологической коллекции Bubo ignavus Forst., Otocorys elwesi Brandt., Melanocorypha maxima Gould, Alauda arvensis var. liopus Hodgs., Cotile riparia L. и Podiceps cristatus L.

На следующий день мы вышли к озеру Куку-нор.

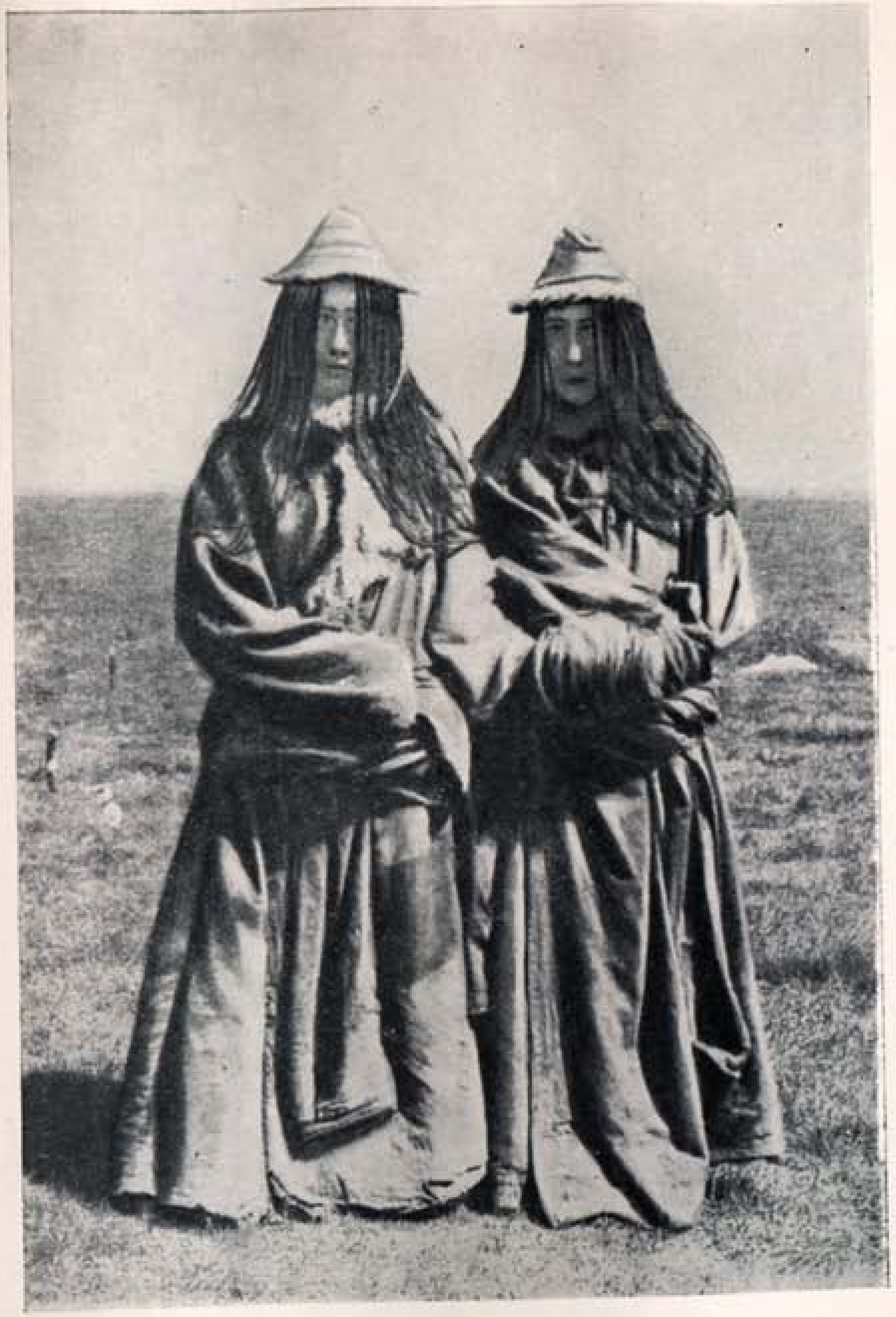
Озеро это в древности известно было китайцам под именем Сянь-хай и Си-хай — Западного озера. При Бэй-Вэйской династии (с 386 по 532 гг.) наименование это было утрачено и заменилось точным переводом с монгольского — Пин-хай, что значит «голубое озеро» — Куку-нор. В Вэйской истории имеется описание этого озера, причем приводимые ею для двух скалистых островов Куку-нора названия—Хой-сун-толо-гой и Чагань-хада (Цаган-хада)— монгольские, а не китайские, — обстоятельство, вполне подтверждающее вышесказанное предположение. Хой-сун-толо-гой известен у китайцев под именем «Лун-цзюй-дао», т. е. острова драконовых жеребят. Название это связано с легендой, повествующей, что тугухуньцы разводили на нем особую породу лошадей, отличающуюся необыкновенно быстрым бегом. Весьма вероятно, что это и в действительности было так, и что тугухуньцы пользовались этим уединенным островом в целях сохранения чистоты породы. У тибетцев остров этот известен под именем Цорнин; остров же Чагань-хада — под именем Церварер.

Озеро Куку-нор во всем его объеме я увидел лишь на следующий день, поднявшись на высокий отрог Южно-кукунорских гор, известных у тибетцев под именем Тангегма. Огромная площадь темносиней воды резко выделялась на золотисто-зеленом фоне степи, которая на северо-востоке круто, на северо-западе отложе взбегала на горы, служащие естественной гранью обширной озерной котловине. Горы на севере рисовались весьма отчетливо и на переднем плане казались массивным и высоким золотисто-зеленым валом, на втором — темной грядой, над которой одиноким конусом высилась белая вершина Баин-ула. За этой грядой виднелись еще горы, но они уже едва выделялись из общего сизо-голубоватого тона дали, да и то благодаря лишь яркобелой полоске венчавшего их вечного снега. В общем величественная картина, которая много выигрывала от необыкновенно прозрачного воздуха и совершенно ясного неба, с которого потоками лился свет даже в самые отдаленные уголки горизонта.

Широкая, хорошо наезженная дорога, идущая вдоль южного берега озера Куку-нор, следует почти параллельно гребню Южно-кукунорского хребта, в зависимости же от береговых извилин то приближается к урезу воды, то отклоняется от него, никогда, однако, настолько, чтобы урез этот исчезал совершенно из виду; этому способствует, впрочем, то обстоятельство, что в таких местах дорога проходит на высоте 15—30 м над поверхностью озера.

Уровень Куку-нора, определенный нами при устье речки Хара-мори, несколько десятков шагов не доходя до уровня воды, выразился цифрой 11 207 футов (3416 м) над уровнем океана. Тот же уровень определен был экспедицией графа Сечени в 10 981 фут (3347 м) [155], Рокхилем в 10 900 футов (3322 м), Футтерером в 10 680 футов (3255 м) [156], но при условиях, близких к нашим, в 10 925 футов (3330 м), Пржевальским в 10 800 футов (3291 м), 10 700 футов (3261 м) и 10 600 футов (3230 м) и Потаниным в 10 522 фута (3206 м). Такая значительная разница в определениях абсолютной высоты уровня Куку-нора должна быть отнесена к ошибкам наблюдения и несовершенству инструментов; однако не без некоторого значения для результатов таких определений остается и то обстоятельство, что Пржевальский и Потанин производили их ранней весной, на льду озера, т. е. во время самого низкого уровня его вод, Крейтнер в начале июля, мы же в конце этого месяца, когда все реки и речки бассейна озера Куку-нор несли в него наибольшее количество воды.

Северное заложение Южно-кукунорского хребта против восточного конца озера Куку-нор не превосходит пяти километров, далее же к западу оно постепенно увеличивается, достигая между речками Чедир (у Пржевальского Цайцза-гол) и Хара-мори 15 км; здесь хребет получает весьма массивные формы, хотя относительная высота его над уровнем озера и остается прежней — от 915 до 1 220 м. Снеговых вершин в нем нет вовсе, но гольцы виднеются на всем его протяжении; издали они имеют лиловато-



Кукунорские тангутки (панака)

серый цвет и, как кажется, сложены целиком из известняков. Ниже гольцов очень редко можно видеть типичный альпийский луг; в большинстве же случаев подошва их упирается в луговые покатости, поросшие довольно разнообразным кустарником, среди коего преобладают сперва Salix и Potentilla, а затем ниже Spiraea и Caragana. Степные травы появляются еще ниже; их пояс узкий и притом далеко не сплошной. Среди растений этой полосы более значительное распространение имеют полынь и Acrocome janthina Maxim., растущая большими колониями преимущественно на тучных почвах; затем в предгорьях Южно-кукунорского хребта мы застали еще в цвету Aconitum gymnandrum Maxim., Gentiana straminea Maxim., Senecio campestris DC., Oxytropis kansuensis Bge., Tanacetum tenuifolium var. microcephala Winkl., Sisymbrium humila C. A. May., Allium tanguticum Reg (?) и некоторые другие травы. В порослях A. janthina держались во множестве Hypsophila grummi Alph.; из других встреченных нами здесь видов чешуекрылых заслуживают упоминания: Parnassius nomion var. nia nominus Gr.-Gr., Colias arida var. wanda Gr.-Gr., Argynnis euge var. rhea Gr.-Gr., Agrotis dulcis Alph., A. islandica var. rossica Stgr., Heliophobus grummi Alph., H. anachoretoides Alph., Trigonophora grummi Alph., Monostola pectinata Alph. и Cidaria phasma Butl.

Первые палатки тибетцев-панака встретили мы лишь на третьем переходе вдоль берега озера Куку-нор, за речкой Харамори. У них мы рассчитывали купить баранов, а при удаче найти среди них и проводника в область верховий р. Бухаин-гола; но надежде этой не суждено было осуществиться, так как панака, пообещав доставить нам баранов на следующий день, до света откочевали неизвестно куда.

На ручье Хора-мори мы дневали. Воспользовавшись этим, я совершил экскурсию в горы и долиной помянутого ручья поднялся до гольцов Танегма. Все пастбища по пути оказались нетронутыми, да и с высокой горы, на которую я взобрался и откуда открылась необъятная панорама гор и долин, я нигде не обнаружил человеческого жилья. Тогда, помню, обстоятельство это несказанно меня удивило, впоследствии же нам довелось в области Нань-шаня и Куку-нора весьма часто пересекать обширные районы пустующих пастбищ, причем нам каждый раз говорили, что эти места остаются незаселенными вследствие приказа из Пекина, где, будто бы, вот уже несколько лет разбирается о них спор между панака и монголами.

27 июля мы достигли западной оконечности озера Куку-нор, где и остановились на ключах в урочище Лянцы-карла. Огибая северный отрог хребта Танегма, который отклоняет дорогу почти под прямым углом к озеру, мы совершенно неожиданно столкнулись с шедшим нам навстречу косяком диких ослов-киангов (Equus kiang Moorcr.), которые, завидев нас, на мгновение оста-

новились, как вкопанные, а затем, круто повернув обратно, бросились наутек. Но было уже поздно. Казаки успели спешиться и дать залп; в результате — убитый жеребец, великолепная шкура которого и поступила в нашу маммологическую коллекцию.

В урочище Лянцы-карла мы не нашли тибетцев-панака; их стойбище, как оказалось впоследствии, находилось несколько дальше, в урочище Карла-нангу, куда мы и перекочевали на следующий день, пройдя всего лишь 15 км.

Местность между этими двумя урочищами изобилует ключами и, за исключением двух глинисто-песчаных гривок, пересекавших дорогу одна в четырех километрах от урочища Лянцы-карла, другая в одиннадцати, поросла густыми, сочными луговыми травами; грунт кое-где был топкий, кое-где виднелся даже обросший осокой кочкарник среди луж стоячей воды, но настоящих болот мы здесь не встретили. Этот великолепный луг уходил к северу и западу за край горизонта, на восток же сбегал к озеру Куку-нор, и на всем этом огромном пространстве не было видно даже признаков присутствия человека. Впрочем, поднявшись на вторую грядку холмов, протянувшихся к озеру от Южно-кукунорского хребта, мы заметили впереди, километрах в четырех, дымок, а вскоре затем и три черные палатки тибетцев. К ним-то мы и направились, решив остановиться по соседству с этим стойбищем. Урочище, в котором мы остановились, как упомянуто уже выше, называлось Карла-нангу.

Здесь мы узнали, что палатки тибетских старшин (хонбу) Анярэ и Гулы остались у нас позади, к западу от дороги, и что без их разрешения никто не отважится итти к нам в проводники или войти с нами в какую-либо торговую сделку. Мы стали уже раздумывать, как нам быть, когда заметили, что к нашему бивуаку едет несколько человек тибетцев. Это и был старшина Анярэ с своей свитой.

Он оказался сговорчивым малым и обещал доставить все необходимые нам припасы, а равно баранов и лошадь взамен павшей у нас на р. Хара-мори. Убедить его дать нам проводника было, однако, делом более трудным, но и тут он в конце концов не только согласился на это, но и сам вызвался вывести нас долиной Бухаин-гола на торную дорогу в г. Су-чжоу. Вечером к нам явился посланный хонбу Гулы, передавший нам приглашение последнего почтить его своим посещением. Мы обещали; но поехал лишь брат, я же, по нездоровью, принужден был остаться. Хонбу Гулы оказался радушным хозяином и отпустил брата лишь в сумерки; а на следующий день он посетил нас, и таким путем между членами экспедиции и тибетцами-панака установились отношения, не оставлявшие желать ничего лучшего.

Рокхиль считает панака — тибетцами, наиболее полно сохранившими свои первобытные типические особенности [157]. Здесь уместно будет остановиться на некоторых сторонах их характера, быта и обстановки.

Жилищем панака, как и прочим тибетцам, ведущим кочевой образ жизни, служит четыреугольная, с почти плоской крышей, палатка, вид которой издали миссионер Гюк очень удачно сравнил с громадным черным пауком, который прижался к земле своим телом, выставив по сторонам длинные и тонкие ноги. Эти ноги — толстые волосяные веревки, перекинутые через жерди и привязанные затем на некотором от них расстоянии к кольям; они служат для натяжения плоской крыши, которая изнутри поддерживается тремя брусьями, по высоте лишь немногим превосходящими наружные жерди. Веревок этих восемь: они протянуты от четырех верхних углов палатки и от середины каждой из четырех ее сторон. В центре такой палатки сбивается из глины и камней очаг, над которым в крыше имеется четыреугольное отверстие, затягиваемое полостью на ночь и в непогоду. Очаг этот, длинный и узкий, состоит из топки и длинного дымохода, дающего тягу, вполне достаточную для того, чтобы без помощи меха разжечь даже сыроватый аргал. Вокруг очага пол обыкновенно устлан шкурами и тюфячками из китайской дабы и овечьей шерсти. Предметы обихода и оружие сложены вдоль стен; здесь же хранится и сухой аргал, обыкновенно прикрытый куском шерстяной ткани. Я не видел больших запасов аргала в палатках, но Пржевальский свидетельствует, что в холодное время года, в виду защиты от ветра и снега (нижние полы палатки хотя и притягиваются плотно к земле, но не на столько, чтобы оградить ее внутренность от непогоды), из него складывается вдоль стен внутренний вал. Такой же вал делается и снаружи, причем на плоскогорье Тибета материалом для наружной защитной стены служат камень и глина [158]. Большие палатки иногда перегораживаются вплотную пологом, но за этот полог мы не проникали и не знаем, что он за собой скрывает.

Утварь у тибетцев-панака, за немногими исключениями, почти такая же, как у других кочевников; только котлы в Монголии и у киргизов обыкновенно чугунные, здесь чаще бывают медные; сверх того, во всякой палатке найдется ручная мельница для размола поджаренного ячменя и меха, которые представляют поддувальный снаряд, сделанный из снятой дудкой шкуры барана или козла; ноги у такой шкуры почти вплотную отрезаются, в отрезы задних вставляются деревянные рукоятки, в отрез одной из передних закрепляется коническая трубка, затем все остальные отверстия плотно зашиваются и поддувало готово; раздвигая рукоятки, в мех вгоняют воздух, сводя их и одновременно прижимая мех к земле — гонят воздух в сопло, притом настолько сильной струей, что с ее помощью возможно разжечь даже сыроватый аргал.

Главной пищей тибетцев плоскогория, пишет Пржевальский [159], служат бараны, или, реже, яковое мясо, которое они довольно часто едят сырым.

Такой отталкивающей картины нам не довелось видеть; наоборот, у тибетцев-панака нам всегда подавали превосходно сваренное мясо и крепкий бульон. Равным образом я не могу подтвердить замечания Пржевальского об отвратительной нечистоте, с какой изготовляется у них пища [160]. Конечно, посуда у тибетцев, как и у других кочевников, не блестит особой чистотой, руки стряпающих также могли бы быть много чище, однако особой неряшливости именно при изготовлении пищи я у них не заметил. Скажу даже более. Мне довелось однажды присутствовать при варке обеда, и из того факта, что и посуда предварительно ополаскивалась и руки мыл тот, на чью долю приходилось разрезать мясо барана, я вывел заключение, что панака присуще стремление к чистоте, которому при кочевом образе жизни, конечно, далеко не всегда можно удовлетворить.

Я не скажу также, чтобы их можно было упрекнуть в «жадности». За обедом они держали себя с достоинством; да и вообще в обращении с нами проявили столько такта, что наше предвзятое представление о них, как о дикарях с весьма неуравновешенным характером, очень скоро должно было рассеяться.

Панака едят часто, но понемногу. Обыкновенная их пища состоит из кирпичного чая, приправленного солью и маслом, ячменной поджаренной муки (дзамбы), кислого молока (чжо) и сушеного творога (чуры). Последний растирают в порошок и едят с маслом и дзамбой. Чай кипятят недолго. Когда он готов, в него подмешивают соли, масло же кладется каждым в свою чашку особо; когда оно достаточно распустится, его отгоняют к борту чашки, всыпают сюда же соответствующее количество дзамбы и, сделав месиво из муки, масла и чая, посылают комок последнего в рот и запивают его чаем. Мясо тибетцы-панака, как, впрочем, и другие кочевники, едят редко, да и то лишь наиболее состоятельные из них; они, однако, повидимому, очень гостеприимны и гостю, если он не заурядный посетитель, даже бедные подводят барана, которого тут же, на его глазах, и закалывают.

Дать сколько-нибудь верную характеристику нравственного облика какой-либо народности на основании мимолетного с ней знакомства, конечно, невозможно; тем не менее я считаю не лишним поделиться с читателем тем впечатлением, которое произвели на меня панака.

Они показались мне грубыми в обращении, резкими в движениях, но сдержанными в выражении своих мыслей; их готовность служить никогда не переходила в искательство, и ни одного из них я не могу обвинить в лести, в попрошайничестве или назойливости; радушие, с каким они нас принимали, было, повидимому, вполне искренним, а не подсказывалось желанием таким путем вызвать нас на подарки. За все время нашего пребывания среди них у нас не было случая какой-либо пропажи, из чего я вывожу заключение, что за панака утвердилась несправедливо репутация воровского народа; правда, они охотно предпринимают грабительские набеги на соседние монгольские стойбища, но в организации таких экспедиций едва ли не главную роль играет стремление молодежи проявить свою удаль; по крайней мере, как нам говорили, пожилые панака никогда не принимают участия в баранте *. Пржевальский называет хара-тангутов верховий Хуан-хэ угрюмыми. Столь строгое определение, пожалуй, и не подходит к панака Куку-нора; однако они, действительно, малообщительны и не отличаются особой живостью характера; я также ни разу не слышал панака что-либо напевающим или громко чему-либо смеющимся. Насколько они храбры, энергичны в преодолении препятствий и решительны — судить не берусь, так как случаев проявления ими означенных качеств видеть мне не пришлось; общее, оставленное ими у меня впечатление, однако, за то, что всем этим они наделены в достаточной мере.

Хотя женщина у панака не занимает такого приниженного положения, как у монголов, все же оно незавидно; так, ее, например, не допускают к трапезе с мужчинами при приеме гостя и в других торжественных случаях; решающий голос во всех вопросах, касающихся семьи и дома, принадлежит мужу и т. д. Последнему не возбраняется также обычаем ввести в свой дом наложницу — обстоятельство, яснее всяких слов рисующее подчиненное положение женщины у панака. Полиандрии, насколько мне известно, у панака не существует.

Об одежде панака писали Пржевальский, Рокхиль, Потанин, Футтерер и другие путешественники, и к тому, что уже сказано ими по этому предмету, мне нечего добавить. Я упомяну лишь об обычае женщин панака закрывать в присутствии посторонних лицо волосами, заплетенными во множество мелких косичек — обычае, известном со времен глубокой древности, но ныне как будто уже исчезающем.

---

* Баранта — установившийся на Кавказе и в Средней Азии термин для обозначения набега с целью угона скота, преимущественно баранов.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ИЗ БАССЕЙНА ОЗЕРА КУКУ-НОР В БАССЕЙН ЭЦЗИН-ГОЛА

Обязанности наших проводников приняли на себя оба хонбу — Анярэ и Гулы. Они выговорили себе в виде посуточной платы по 3 м синей и оранжевой бязи — вознаграждение, по местным ценам, очень высокое, но мы не особенно спорили об его размере, лишь бы добраться с их помощью до высочайшей горной группы Нань-шаня — хребта Ноху, по словам туземцев дающего начало значительнейшим рекам этой части Центральной Азии — Бухаин-голу, Су-лай-хэ, Тао-лай-хэ, Эцзин-голу и Да-тун-хэ.

30 июля, по указанию присланного старшинами подростка, мы двинулись с места нашей стоянки в урочище Карла-нангу прямо на северо-восток и, пройдя в этом направлении 6 км, достигли речки Чедир (Цай-цза-гола), которую и перешли близ развалин байнака. Ширина в этом месте Чедира, при глубине около 30 см, не превосходила 6,4 м.

За Чедиром мы продолжали держаться раз принятого северо-восточного направления и вскоре, оставив за собою луг, вышли на степь, одевающую плоский водораздел между Чедиром и Бухаин-голом. Здесь мы встретили одновременно косяк киангов (Equus kiang Moorcr.) и стадо антилоп (Gazella picticaudata Hodgs.), которые отнеслись весьма доверчиво к каравану и обнаружили заметное беспокойство лишь после того, как от него отделились спешившиеся охотники.

Следить за ходом этой охоты, однако, мне не пришлось, так как догонявшие отряд старшины уже издали махали руками, указывая, повидимому, на то, что мы взяли ложное направление. Когда же они подъехали наконец, то прошла еще добрая четверть

часа, прежде чем выяснилось окончательно, что вести условленной дорогой они нас не берутся.

— Да почему же?

Но по опыту зная, что ответ на этот вопрос должен будет надолго задержать движение каравана, я решил отложить расспросы до более благоприятной минуты, теперь же приказал отряду следовать в том направлении, которое будет указано старшинами. Они тотчас же круто свернули на восток и вскоре вывели нас к Бухаин-голу. Здесь мы остановились. А пока люди устанавливали юрты и разбирались в багаже, мы с братом отошли в сторону и, пригласив старшин и переводчиков, занялись переговорами, из коих, наконец, удалось установить следующее.

Десять месяцев в году долина Бухаин-гола остается без жителей. Панака прикочевывают сюда не ранее половины июня, уходят же в августе; но в нынешнем году они почему-то покинули свои становища ранее обычного времени и, по только что полученному старшинами известию, всей массой перешли в горы к востоку; при таких же условиях, без помощи местных жителей, нечего было и думать о переходе встающих на пути огромных гор Ноху.

Решение старшин было твердое, и никакие наши посулы и просьбы не поколебали его. В конце концов мы должны были сдаться и итти туда, куда соглашались вести нас хонбу. Впрочем, предложенный нам маршрут нельзя было назвать малоинтересным. Они хотели вывести нас на Да-тун выше Юн-ань-чэна, а отсюда мы могли добраться до того же Су-чжоу, следуя неисследованной еще долиной верховий Эцзин-гола; мы ведь еще не знали тогда, что на этом пути нам придется местами повторить дорогу Потанина.

Пока же велись эти переговоры, казаки, насмотрев в Бухаин-голе изрядное количество рыбы, занесли и повели против течения бредень; заносили они его несколько раз и в результате добыли не менее двух пудов рыбы, оказавшейся трех видов — одного уже известного — Nemachilus dorsonotatus Kessl., и двух новых — Gymnocypris leptocephalus Herz. и G. przewalskii Herz.

Ночью разразилась гроза. Молнии сверкали ежеминутно. Дождь лил с такой силой, что пробивал слабые места наших юрт; пришлось даже на скорую руку окопаться, так как вода, сбегая с соседней возвышенности, подтекала под войлоки, служившие нам постелью. На утро Бухаин вздулся. Накануне главный его приток имел 32 м ширины при наибольшей глубине 1,2 м; теперь же, даже на перекатах, вода достигала 1 м, что делало переправу через проток весьма затруднительной; к тому же вода шла быстро на прибыль.

Времени терять было нечего. Чай был брошен, вьюки быстро собраны, и, спешно завьюченный, первый эшелон лошадей спустился с береговой кручи на перекат. Вода оказалась здесь уже выше брюха и сильным напором грозила сбить с ног наиболее слабосильных. Пришлось их поддерживать, обходя справа, причем забираться на такие глубины, где вода была выше седельного потника. Первую протоку, тем не менее, мы прошли благополучно. Зато вторую и следующую, по коим почему-то вдруг пошла большая вода, мы одолели с большим трудом и риском, подмочив большую часть багажа.

Обратный путь верховых за следующим эшелоном вьючных животных показал, что вода и в первой протоке в какие-нибудь двадцать минут прибыла по крайней мере сантиметров на восемь. Тогда старшины, которые, сидя на корточках на берегу, молча наблюдали эту картину, вдруг поднялись и заявили, что дальнейшая переправа представляется очень опасной, так как по прибыли воды в реке можно думать, что не пройдет и получаса, как остров между протоками будет залит водой, а тогда легко будет сбиться с брода и погубить багаж и животных.

Но пока наши переводчики справлялись со своей задачей передать нам столь сложную мысль, дело шло своим порядком. Хассан успел прогнать вплавь через первый рукав своих ишаков, а казаки и Сарымсак, решив использовать высокий рост и силу нашего верблюда для перевозки наиболее громоздких вещей, уже сводили его в реку.

— Раза в три он нам все и перетащит, а что останется — разберем по седлам, — доложил нам Комаров в ответ на переданное ему предостережение старшин.

Особых хлопот мы ожидали с баранами, но и тут нас выручил наш славный джаркентец, смело бросившийся в воду и тем увлекший за собой всех остальных. Их помотало немного в стремнинах, а затем они благополучно выбрались на отмель, после чего также легко переплыли и через следующие протоки.

Когда последние люди вышли на левый берег Бухаин-гола, я поспешил взобраться на соседний бугор, с которого вся долина реки была как на ладони.

Предсказание старшин сбылось; отмели, в обычное время разбивающие в этом месте русло Бухаин-гола на три главных рукава, исчезли под водой, и вся река представляла теперь огромный поток, по ширине, пожалуй, нисколько не уступавший Желтой реке у Гуй-дэ. Шоколадного цвета вода неслась в нем довольно плавно, пенясь только у берегов, кое-где в водоворотах, да среди кустов Myricaria, растущих по отмелям — картина величественная и несколько неожиданная после всего того, что писалось Пржевальским об этой реке[161].

Вода прибывала в реке до вечера, когда стала постепенно спадать, однако и на следующее утро отмели обнажились едва лишь на половину. Максимум подъема воды отмечен был мною

в 6 часов вечера и составлял почти метр выше уровня, бывшего в реке накануне. Старшины нам передавали, что хотя Бухаин-гол и очень капризная река, но что столь большой подъем воды им приходилось наблюдать не часто.

После беспокойно проведенной ночи и трудной переправы мы дальше не пошли и стали бивуаком у самого брода. К тому же небо вновь заволокли тучи, и около 2 часов пополудни полил дождь, который с интервалами шел до поздней ночи.

Утром 1 августа сырость в воздухе была пронизывающей, небо оставалось хмурым, а термометр показывал не более 10° С.

Поднявшись с бивуака, мы в течение часа шли долиной Бухаин-гола, густо поросшей злаками, среди коих виднелись кое-где кусты Myricaria, и на этом участке пути пересекли три не то протока, не то ручья, впадающие в Бухаин-гол — Джюрмит, Джюрнэ и Чунуцзэ. На седьмом километре мы поднялись на невысокий увал, который к югу от дороги развивался в невысокий кряж Джюрмит, километров на десять вдающийся в озеро.

Куку-нор мы вновь увидали с увала, и к нему же по слегка всхолмленной степи повела нас тропа, избранная хонбу. Впрочем, на этот раз мы уже не следовали вдоль его берега, а, едва коснувшись последнего, вновь отклонились к северо-востоку, к горам. Но на первый ночлег на ключе Асса-хан, в 26 км от Бухаин-гола, мы все еще расположились вне этих гор, в котловине озера Куку-нор. Вверх по этому ключу шла торная дорога к озеру Курлык-нор.

День 2 августа был довольно теплый, но такой же облачный, как и предыдущие два; временами накрапывал даже дождь.

С места нашей стоянки мы поднялись на плоский водораздел, пройдя который, вышли в долину речки Бага-улан-гол, протекавшей среди невысоких холмов, лишь изредка обнажавших основную породу — красный песчаник.

Растительность утратила здесь свой преимущественно степной характер, и хотя горные склоны описываемой долины все еще сплошь одевал кипец (Festuca sp.) и другие злаки (Poa sp., Triticum sp.), но на этом фоне стали попадаться уже и луговые травы: Ranunculus tricuspis Maxim., Acrocome jantina Maxim., Gentiana straminea Maxim., Saussurea hieracioides var. spathulata Winkl., Allium polyphyllum Kar. et Kir., A. herderianum Rgl., Pedicularis cheilanthifolia var. isochila Maxim., Anaphalis nubigena var. intermedia Hook. (f.), Tanacetum tenuifolium var. microcephala Winkl., Senecio campestris DC., Oxytropis kansuensis Bge., Aconitum gymnandrum Maxim., Galium sp. и другие.

Пройдя вверх по речке Бага-улан-голу 5 км, мы перешли эту небольшую речку и, следуя далее глубокой падью в горах ее левого берега, взобрались на водораздел, с которого и спустились в узкую долину р. Дегэ-чу в том месте, которое, судя по многочисленным отбросам и одевающей почву сорной растительности (Chenopodium sp., Urtica sp.), служит зимовьем кочевникам.

Хотя мы прошли всего лишь 22 км, но зачастивший дождь заставил нас сделать остановку на р. Дегэ-чу. Однако непогода продолжалась недолго; вскоре уже снова выглянуло солнце, и тучи стали быстро сбегать с небосклона. Жаркое солнце выманило меня даже на экскурсию, но последняя не дала ни одного нового вида насекомых.

На следующий день мы выступили под дождем. Пройдя километра четыре вверх по р. Дегэ-чу, протекавшей местами в узких щеках, где обнажался плотный красный песчаник, мы свернули на восток и неглубоким, но крутым логом взобрались на водораздел, восточную подошву которого омывала речка Ертер, системы Ихэ-улан-гола. Пройдя ее и следуя все в том же северо-восточном направлении, мы вновь поднялись на гору, затем спустились с нее и вышли в долину речки Дзамар, по ту сторону которой подымалась высокая скалистая гряда гор, сложенная из темных плотных песчаников. Дальнейший путь наш шел вдоль этой гряды, вниз по течению помянутой речки, пять километров дальше впадающей в Ихэ-улан-гол.

Ихэ-улан-гол, после Бухаин-гола, первый по величине приток озера Куку-нор. Он берет начало с горного массива Баин-ула, быстро обогащается водой из ключевых падей у подошвы последнего и в том месте, где мы на него вышли, т. е. несколько выше устья речки Дзамар, протекает уже мощным потоком в двух рукавах, шириной до 15 м каждый, при глубине брода около 60 см. Пройдя западный рукав, мы разбили свой бивуак на островке, густо поросшем кустами Potentilla fruticosa var. tenuifolia Lehm., так как только здесь нашли достаточно сухую площадку.

На сегодня мы прошли лишь 16 км; такая короткая станция сделана была в угоду старшинам, которые под всякими предлогами настаивали на остановке на берегу Ихэ-улан-гола, в урочище Шала. Впоследствии причина их упорства объяснилась: отсюда они рассчитывали вернуться обратно, сдав нас другому старшине, кочевавшему по соседству.

Этот старшина, высокий и сухой старик, явился к нам перед сумерками. Он соглашался вести нас в долину Да-тун-хэ, но просил отложить выступление туда на день: ему хотелось почтить нас обедом. Конечно, пришлось ему уступить и принять его радушное приглашение.

День 4 августа не обещал ничего хорошего. Как и накануне, дождь зарядил с утра. Облака низко повисли хлопьями над долиной, и только в редкие промежутки видно было, что они скрывают за собой темные массы гор. Около полудня последние стали, однако, обрисовываться яснее, а вскоре затем облака поползли наверх, где и растаяли. С неба брызнули снопы лучей и, сверкнув бесчисленными огнями в каплях дождя на листьях кустарников, мгновение спустя уже залили светом всю долину. Разведрило. Этим моментом я и решил воспользоваться для поездки в стойбище старшины. Брат не поехал — у него нашлась какая-то работа, по его словам, неотложная.

Старшина стоял в том же урочище Шала, километрах в двух выше. Он меня встретил у своей палатки, которая поразила меня своей высотой и значительными размерами. Взявши мою лошадь под узцы, он подвел ее к порогу, помог мне сойти с нее и, отступив на шаг, жестом пригласил итти вперед. В палатке я застал несколько женщин. Они столпились у очага позади старухи, которая тотчас же раскинула с правой стороны последнего стеганое новое одеяло, на которое и пригласила меня садиться. Справа от меня на втором коврике поместилась моя свита, слева — старшина и старший из двух его сыновей. Женщины отошли в сторону и уселись у входа в палатку, старуха же осталась у очага, уставленного всевозможной посудой.

После первых приветствий передо мною был поставлен невысокий красный лакированный столик, на котором тотчас же появились в фаянсовых китайских чашках масло, дзамба, чай и кислое молоко; сюда же попытались было поставить и деревянный лоток с жареными в масле кусками пшеничного теста, но он не поместился, и его поставили рядом, на коврике; засим тут же поместили и жбан с молоком, а равно мой столовый прибор, по просьбе старшины предусмотрительно захваченный Николаем. Когда я съел чашку тюри из дзамбы, масла и основательно посоленного и забеленного молоком чая (кирпичного), на сцену появились новые блюда — большая фаянсовая миска с бараньим супом и большой деревянный лоток с горой наваленным мясом. Все это подано было вполне опрятно, и хотя в супе плавало порядочное количество волос и сору, но без этого в степном быту обойтись ведь нельзя.

За едой разговаривали мало, но когда остатки мяса были переданы сидевшим в стороне женщинам, то началась утомительная беседа через двух переводчиков. Собственно говоря, толковали между собой только эти два переводчика, очевидно, не вполне понимая друг друга, мы же с старшиной хлопали глазами и довольно-таки глупо улыбались друг другу. Наконец, испытание наше кончилось. Поблагодарив радушного хозяина, я поднялся. Старшина проводил нас до нашего бивуака. Здесь он был приглашен в юрту и выпил с нами чашку чая с сахаром и печеньем. На прощанье я дал ему несколько безделушек для передачи жене и невесткам, чем он, повидимому, остался очень доволен.

На следующий день мы тронулись далее. Утро было ясное и горы в верховьях р. Ихэ-улан были явственно видны. Они были покрыты свежим снегом и посылали высоко в небо свои островерхие вершины. Одна из них, выше и массивнее других, носила монгольское название Баин-ула; ее-то мы и видели с южного берега Куку-нора.

Пройдя вброд второй рукав Ихэ-улан-гола, мы направились вверх по левому его притоку Шала-голу. В своем низовье долина этой речки носила тот же характер, как и оставшаяся у нас позади долина Ихэ-улан-гола; это был луг, переходивший лишь местами в кочкарник; но выше мочажины стали попадаться чаще, и здесь дорога, обходя их, должна была то и дело взбегать на поросшие кипцом горные склоны. На 15-м километре мы обошли большое болото, в котором собирает свои воды один из двух истоков р. Шала-гола, и последующие 18 км шли суходолами, орошенными лишь двумя или тремя ключиками. Последний из этих суходолов вывел нас на седловину, с которой открылся вид на небольшой участок долины р. Харгэ-чу и на противолежащий хребет Нам-ин-сурва, ответвляющийся от Южно-тэтунгских гор к югу от перевала Мали-мори.

Реку Харгэ-чу (у Потанина Харьги, или Харгын-гол), на которой мы остановились для ночлега, Пржевальский, а за ним и Рокхиль[162] называют Болема-голом. Это — крупная речка бассейна озера Куку-нор, уступающая по величине лишь Бухаин-голу и Ихэ-улану. Ее широкою долиной от устья вверх прошел в 1868 г. Потанин[163]; что же касается Пржевальского, то, повидимому, он свернул с р. Харгэ-чу в том месте, где мы на нее вышли.

На следующий день мы выступили вверх по р. Харгэ-чу; дорога идет здесь левым берегом речки, по местности, поросшей кипцом и другими злаками; в ущельях левобережных гор кое-где выступают скалы пестрых песчаников, но среди щебня, составляющего вынос из этих ущелий, попадается также кварц и зеленоватый сланец. Долина, местами же ущелье, Харгэ оказалась пустынной — ни человеческого жилья, ни диких животных нигде не было видно. Впрочем, на 14-м километре мы поровнялись с глинобитной оградой байнака Давату, но и эта обширная монгольская постройка стояла, повидимому, давно уже необитаемой, так как весь двор ее густо зарос сорными травами.

Против Давату оказалось устье ущелья, выводящего на перевал Мали-мори.

Потанин замечает, что из долины Харгэ-чу имеется три перевала в долину Да-тун-хэ; через восточный из них — Цэртэн (Цетер) — вышел на Куку-нор Пржевальский, западный — Берэхада — был пройден им, средний же остался ему неизвестным даже по имени. Этим-то средним перевалом и вышла на Да-тун-хэ наша экспедиция.

Перевал Мали-мори двойной: путь, ведущий через главную седловину, более короткий и удобный; но наш проводник почему-то избрал круговую дорогу и повел нас по крутизнам, едва доступным для верблюда. Высота перевала оказалась равной 13 790 футам (4 203 м) над уровнем моря. Порода, слагающая окрестные скалы, была желтым песчаником. Горизонт с гребня перевала был довольно ограничен, но, поднявшись на одну из ближайших скал, можно было легче разобраться в горных массах, слагающих водораздел бассейна Куку-нора и Желтой реки. Кажется, я видел даже отсюда пик Баин-ула.

С перевала мы спускались суходолом, пока не выбрались в ущелье, ведущее с главной седловины. Здесь бежал ручей, росли луговые травы, Potentilla fruticosa, Caragana jubata. Несколько ниже горы, сжимавшие русло ручья, раздвинулись, стали пологими; наконец, на десятом километре от спуска с Мали-мори перед нами развернулась широкая долина р. Да-тун-хэ, окаймленная на севере высокой стеной скалистых гор, а час спустя мы уже стояли на правом берегу могучей реки, против кочующего монастыря Арик-гомба.

Здесь к нам возвратился уехавший было вперед старшина. Побывав в монастыре, он теперь был не в духе. Видимо, он поджидал лишь несколько поотставшего Николая, чтобы заявить нам свое требование немедленного расчета. Хотя старшина и ранее производил на нас впечатление порядочного нелюдима и резкого в обращении человека, но такое требование все же несказанно нас удивило. Был ли он обижен нашим замечанием по поводу избранного им тяжелого пути в обход перевала Мали-мори или на его решение нас покинуть повлияло его свидание с ламами... Как бы то ни было, он твердо стоял на своем и на нашу просьбу помочь нам в приискании проводника в бассейн Эцзин-гола ответил решительным отказом.

Мы переправились через р. Да-тун-хэ, по-местному Мори-чу, на следующий день. После выпавших за последнее время дождей река эта несла высокую воду. Пробный рейс показал, что в главном русле, шириной около 12 м, даже на перекатах вода была выше брюха лошади, что, в связи с необыкновенной стремительностью ее течения и крупными валунами, устилавшими дно реки, делало переправу обычным порядком завьюченных лошадей невозможной. Пришлось, как и на Бухаин-голе, переформировать вьюки, боящиеся подмочки предметы перевезти на верблюде, лошадей перевести с высоко завьюченным половинным грузом, ишаков же и вовсе пустыми. Такая хлопотливая переправа отняла у нас не менее двух часов времени, так что в тот день нечего было и думать двигаться дальше. К тому же мы должны были озаботиться приисканием проводника хотя бы до р. Бабо-хэ.

В этих видах в монастырь отправлен был Николай, но монахи встретили его очень сурово. На первых порах хамба-лама (настоятель) не захотел его даже принять, но затем, узнав, что мы имеем паспорт из Пекина, смягчился и, после минутного совещания со своими приближенными, высказал готовность дать нам проводника до пикета Убо. Его любезность простерлась при этом до того, что он прислал к нам монастырского эконома (нербаламу) приветствовать нас с благополучным прибытием в долину Да-тун. Почтенный лама оказался хорошим дипломатом и, покидая нас после часовой беседы, удалился несомненным победителем, так как, отвечая с полной готовностью на все наши вопросы, он мог похвалиться тем, что решительно ничего нам не сказал, на нашу же просьбу — облегчить нам проход горами до Су-чжоу, любезно ответил: «Служить вам — наш приятный долг; но так как забота о ваших удобствах должна всецело лежать на чинах местной китайской администрации, а не на частных лицах, коими в сущности являемся мы, монахи, то хамба-лама и приказал довести вас до пикета Убо, где вы встретите китайского офицера, очевидно, уже предупрежденного о вашем прибытии, а потому и сделавшего все необходимые распоряжения для беспрепятственного вашего следования в желаемом вами направлении».

О монастыре Арик-гомба мы узнали немногое. В нем насчитывалось не более 60 монахов, из коих добрую половину составляли монголы; большинство же административных лиц принадлежало к уроженцам Амдо. Проживавший при монастыре гыген был также родом тангут; он местился в большой белой с желтой каймой палатке, резко выделявшейся среди темных и грязных юрт и палаток прочих монахов и монастырских слуг. Таких переносных жилищ в монастыре насчитывалось не более пятидесяти. Когда-то монастырь был богаче, но с обеднением монголов и он обеднел. Палаток-капищ при монастыре было три; они отличались своими размерами и расположены были покоем в центре стойбища. Монастырь в течение лета раза два меняет последнее, на зиму же перекочевывает к Юн-ань-чэну.

Ширина долины Да-тун у монастыря Арик-гомба не превосходит трех километров. Поверхность ее довольно неровная; местами она представляет кочкарник, местами изрыта старицами и руслами периодических стоков. Где кочкарник — там преобладает осока; в прочих местах виднеются исключительно почти луговые травы, среди коих мы застали цветущими: Allium cyaneum var. macrostemon Rgl., Gentiana straminea Maxim., G. tenella var. imberbia Herd., Anaphalis cuneifolia Hook. (f.), Leontopodium alpinum L., Tanacetum tenuifolium var. microcephala Winkl. и др. Птиц видели здесь мало; в коллекцию же взят был всего лишь один экземпляр гуся (Anser indicus Lath.). Зато рыбная ловля оказалась более удачной, причем добыто было три вида: Nemachilus stoliczkae Steind., N. dorsonotatus Kessl. и Schizopygopsis kozlowi Herz.

8 августа с места нашей стоянки мы выступили поздно, задержанные проводником. Сначала мы прошли около километра вверх

р. Лото, берущей начало в Северо-тэтунгском хребте, с высокого скалистого массива Лото. Долина Лото оказалась узкой, ложе реки глубоко врезанным. Горы на протяжении первых пяти километров имели мягкие очертания и были одеты кипцом, но далее их сменили скалы сначала плотного песчаника, а затем серого слюдистого песчаника. В этом последнем скалистом участке дорога получила значительную крутизну и несколькими смелыми зигзагами вывела нас на гребень перевала Черик. Абсолютная высота этого последнего оказалась равной 13 931 футу (4 245 м), относительная — 2 300 футам (700 м). На эту высоту уже не доходит растительность; на северном склоне хребта она начинает попадаться метров на 90 ниже, в нижнем поясе осыпей, где мною были собраны следующие формы: Werneria nana Benth., Saxifraga atrata Engl., S. hirculus var. vestita Engl., Coluria longifolia Maxim., Trollius pumilus Don., Meconopsis racemosa Maxim., Pleurospermum stellatum Benth., Taraxacum officinale var. parvula Hook. (f.), Gentiana falcata Turcz., Trisetum subspicatum P. B., Pleurogyne carinthiaca Griseb., Allium chrysantum Rgl., Avena subspicata Clairv., Saussurea tangutica Maxim. и несколько ниже других: Delphinium grandiflorum var. Gmelini Rchb., Gentiana siphonantha Maxim., G. algida var. Przewalskii Maxim., Adenophora Gmelini Fisch., Allium kanssuense Rgl., Oxytropis pilosa DC. и Pleurogyne rotata Griseb.

С перевала открылся величественный вид на горную страну к северу. Эта наименее высокая часть Нань-шаня казалась отсюда, с перевала, благодаря особому атмосферному явлению, приподнятой на недосягаемую высоту. На голубом фоне неба отчетливо рисовались только вершины цепи с блестевшими на них кое-где пятнами снега, горные же склоны точно расплывались в мгле тумана, поглотившего и широкую долину р. Бабо-хэ. Зато тем рельефнее из его волн выступали красные сопки Вэнь-ли-коу Нань-шаня, подымавшиеся непосредственно впереди нас. И вот эта-то полоса тумана точно отодвигала далеко к северу передовую цепь Нань-шаня и в то же время подымала ее гребень на огромную высоту.

Спуск с перевала Черик был круче подъема, однако, лишь в пределах пояса крупных отторженцев, широкими потоками сползавших с соседних гольцов; с выходом же на речку Черик и дорога пошла под значительно меньшим уклоном.

Пройдя с полкилометра вдоль помянутой речки, мы вышли к устью глубокой щели, по дну которой струился кирпично-красный ручей. Щель эта отделяла темносерые скалы горы Лото от яркокрасных глинистых песчаников Вэнь-ли-коу Нань-шаня и, насколько я мог проследить ее вверх, представляла узкий и мрачный коридор, почти лишенный растительности. Ниже этой щели речка Черик вступала в узкую долину с отлогими склонами, густо поросшими кипцом. Здесь, в распадках холмов, мы всюду видели черные палатки панака и следы золотоисковых работ; кое-где работы эти носили еще недавний характер, а на восьмом километре мы поровнялись и с шалашами золотоискателей дунган и китайцев, мывших золото способом, уже описанным выше.

В надежде отыскать среди них людей, знакомых с горами в верховьях Эцзин-гола и Тао-лай-хэ, мы приказали разбить бивуак по соседству; но надежде этой не суждено было осуществиться, так как все золотоискатели оказались выходцами из селений Сининской долины и дальше пикета Убо не ходили; они знали, однако, что к низовью р. Бабо-хэ ведет хорошо наезженный путь. С нас пока и этого было достаточно. Мы позвали проводника, присланного нам из монастыря Арик-гомба, и предложили ему вести нас вниз по р. Бабо-хэ; когда же он отказался, то объявили ему, что в дальнейших услугах его не нуждаемся. Мы рассудили итти без проводника, так как разочли, что торный, местами даже колесный путь не может же итти по местности совсем безлюдной и что, таким образом, дорогой мы не особенно рискуем остаться без нужных нам указаний.

С места нашей стоянки на речке Черик мы очень скоро вышли в широкую долину р. Бабо-хэ, а километра два дальше добрались и до помянутой выше колесной дороги, долженствовавшей служить нам в дальнейшем путеводителем.

Долину Бабо Потанин называет Е-ма-чуань, т. е. долиной диких лошадей, точнее — киангов. Это китайское название сообщил путешественнику тангут Тарно. Не оспаривая его правильности, я должен, однако, заметить, что оно мало подходяще к этой долине, так как в ней, насколько знаю, киангов не водится. Да и условия для существования их там мало пригодны: во-первых, долина невелика — всего около 60 км в длину от устья р. Багатонсук до пикета Чжи-нань-лин при наибольшей ширине в 5—6 км; во-вторых, восточная ее половина, где, как мы уже знаем, проходит большая дорога из Синина в Гань-чжоу, служит ареной большого людского движения. Столь же мало подходит к р. Бабо-хэ и другое, приводимое также Потаниным, китайское ее название Е-ню (ню)-хэ, что значит «река диких быков». Скасси на своей съемке обозначает ее именем Хэй-хэ; у Потанина, однако, читаем, что это последнее название китайцы приурочивают к реке Бардуну, западному истоку р. Эцзин-гола [164]. В действительности, однако, и эта поправка не вполне верна, так как Бардун китайцы называют Хый-хэ — «грязной рекой», наименование же Хэй-хэ — «черной реки» — дают Эцзин-голу ниже слияния обоих его истоков.

Из двух рек — Хый-хэ и Бабо-хэ — первая по всей справедливости должна считаться вершиной р. Хэй-хэ, или Эцзин-гола: она

длиннее, многоводнее, ее бассейн обширнее и ограничен горами, на значительном протяжении переходящими своими вершинами за линию вечного снега.

Но и Бабо-хэ речка не малая.

Зарождаясь на перевале Чжи-нань-лин, она очень быстро обогащается водой ключей и многочисленных ручейков, сбегающих с водораздела рек Чагрын-гола и Хэй-хэ, и уже против пикета Убо вырастает до размеров крупного горного потока. В дальнейшем своем течении она принимает воду многих ручьев, из коих наиболее значительным является стремительный Ихэ-тонсук, впадающий в нее километрах в четырех выше устья.

Долина реки Бабо-хэ.

Длина ее, не считая излучин, 106 км. Общее падение около 106 м на километр (0,01), но распределено оно неравномерно. В своем верховье, в области степных гор, река течет довольно спокойно, но, вступив в лесную теснину, ниже устья р. Багатонсук она приобретает такую стремительность, которая делает переправу через нее в этом районе небезопасной. Да и бродов через нее здесь немного. Самый известный, становящийся, однако, в разгар половодья непроходимым, находится ниже устья Ихэ-тонсука, где Бабо-хэ, при сравнительно большей ширине, имеет твердый грунт дна. Вода в ней очень грязная, того же буро-красного цвета, как и те песчаники, среди коих она нарождается и течет.

Колесная дорога, по которой мы направились на запад, пролегала в одном-двух километрах от русла реки. Проложена она была через перевал Убо в лесные дачи по р. Бабо-хэ, как нам говорили, в два приема: по ущелью Пянь-дао-коу в шестидесятых годах, по долине р. Бабо-хэ в середине восьмидесятых, когда китайским правительством решено было строить телеграфную линию в Кашгар, и попытка ганьчжоуских властей заготовить для нее лес путем сплава его по р. Хэй-хэ потерпела полную неудачу.

В наше время дорога эта была, однако, вновь, повидимому, оставлена; по крайней мере, на всем ее протяжении нам не удалось заметить свежих следов китайской телеги.

Пройдя этой дорогой 32 км, мы остановились у подошвы обросшего лесом холма. Здесь проходила граница лиственного леса, а вместе с тем менялся и самый характер долины Бабо: она заметно сужалась, падала круче, становилась живописнее; луговая растительность на левом берегу реки и степная на правом уступала далее место лесу, весьма разнообразному по составу и с таким густым подлеском, что продраться через него далеко не везде было возможно; кусты Myricaria и Hippophaë rhamnoides, попадавшиеся и ранее по руслу реки, сливались здесь также в густые заросли, из коих одна, близ нашей стоянки, особенно поразила меня своим странным видом: у кустов облепихи, по толщине стволов почти деревьев (до 15 см в диаметре), широкие и густые кроны были срезаны точно по одной мерке на высоте 1—2 м. Русло реки отсюда также сужалось, становилось более извилистым и глубоким, и река уже не разбивалась в нем более, как прежде, на рукава, а неслась одним стремительным, мощным потоком.

Ради охоты в ельниках и лиственном лесу (Populus, Salix, Sorbus, Betula) мы остались на помянутом бивуаке дневать. Охота в общем была удачна, и наша орнитологическая коллекция обогатилась нижеследующими видами: Bucanetes mongolicus Swinh., Carpodacus rubicilloides Przew., Loxia curvirostra var. himalayana Hodgs., Emberiza godlevskii Tacz., Certhia familiaris L., Poecile affinis Przew., Crossoptilon auritum Pall., Ithaginis sinensis var. michaëlis Bianchi, Perdix sifanica Przew. и Tetrastes sewerzowi Przew. Из них особый интерес имеют: новая разновидность франколина (Ithaginis sinensis var. michaëlis), новый для фауны Центральной Азии гималайский клест (Loxia curvirostra var. himalayana) и ушастый фазан (Crossoptilon auritum), столь далекое распространение коего на север и запад установлено было нами впервые *.

О своей встрече с выводком ушастых фазанов брат рассказывает следующее.

О фазаньем выводке я узнал от Жиляева, который указал мне и направление, в котором скрылись эти красивые птицы. Не прошел я вверх по ручью и двадцати метров, как собака, находившаяся со мной, действительно потянула вперед, на гору. Пришлось карабкаться вслед за нею по скалам и густому кустарнику. Фазаны, очевидно, были недалеко; я даже явственно слышал их глухое клохтанье, а временами до меня доносился и шум, производившийся ими при перебежках. За всем этим из-за высокой поросли я все еще их не видел. Между тем я терял уже силы, почти задыхался. Огромная абсолютная высота давала-таки тут себя чувствовать. Следуя за собакой, я пять раз то спускался, то вновь подымался по одному и тому же откосу, напрягая все усилия к тому, чтобы прижать птиц к оврагу и тем побудить их взлететь, но это не удавалось. Наконец, на выручку явился Жиляев. Вдвоем дело пошло успешнее, и, наконец, собака сделала стойку метрах в десяти от обрыва. Но покрытые мхом каменные

Франколин.

---

* Впрочем, нам удалось открыть местопребывание этой птицы и на северном склоне Нань-шаня.

глыбы и росший среди них кустарник представляли здесь такую чащу, что я просто не знал, как приняться за дело. Стоять за собакой не стоило, так как при взлете фазанов я с своего места едва ли бы их увидал, и вот, сообразив наконец, что птица тяжелая и что молодые экземпляры не должны еще летать особенно хорошо, я решил стать в нескольких метрах ниже собаки. Жиляеву же приказал при окрике: «пиль» произвести возможно больший шум наверху. Эта стратагема вполне удалась. Едва собака ринулась вперед, как послышалось хлопанье крыльев, и два молодых фазана вынырнули из-за груды камней почти у моих ног. Раз за разом два выстрела прокатились эхом по горам, и оба, взлетевшие было, фазана кувыркнулись в воздухе и тяжело опустились на землю в каких-нибудь 200 шагах ниже.

Отыскать их оказалось, однако, далеко не легко. Хотя я хорошо заприметил место, но, сбежав с горы, уже не нашел на нем никаких следов подбитых птиц: очевидно, они успели удрать или так плотно завалиться среди камней, что отыскать их можно было только собакой. Последняя, впрочем, уже делала свое дело, но, повидимому, обе птицы разбежались и перепутали следы, а может быть, сюда же спустились и остальные из выводка, так как собака бросалась из стороны в сторону и никак не могла напасть на раненых птиц. Я стал было уже приходить в уныние, когда пойнтер вдруг сделал стойку. Через мгновение птица — молодой самец — уже была у него в зубах, но, к сожалению, в таком виде, что не годилась в коллекцию, так как правое крыло у нее было сильно повреждено, а в хвосте не хватало средних перьев.

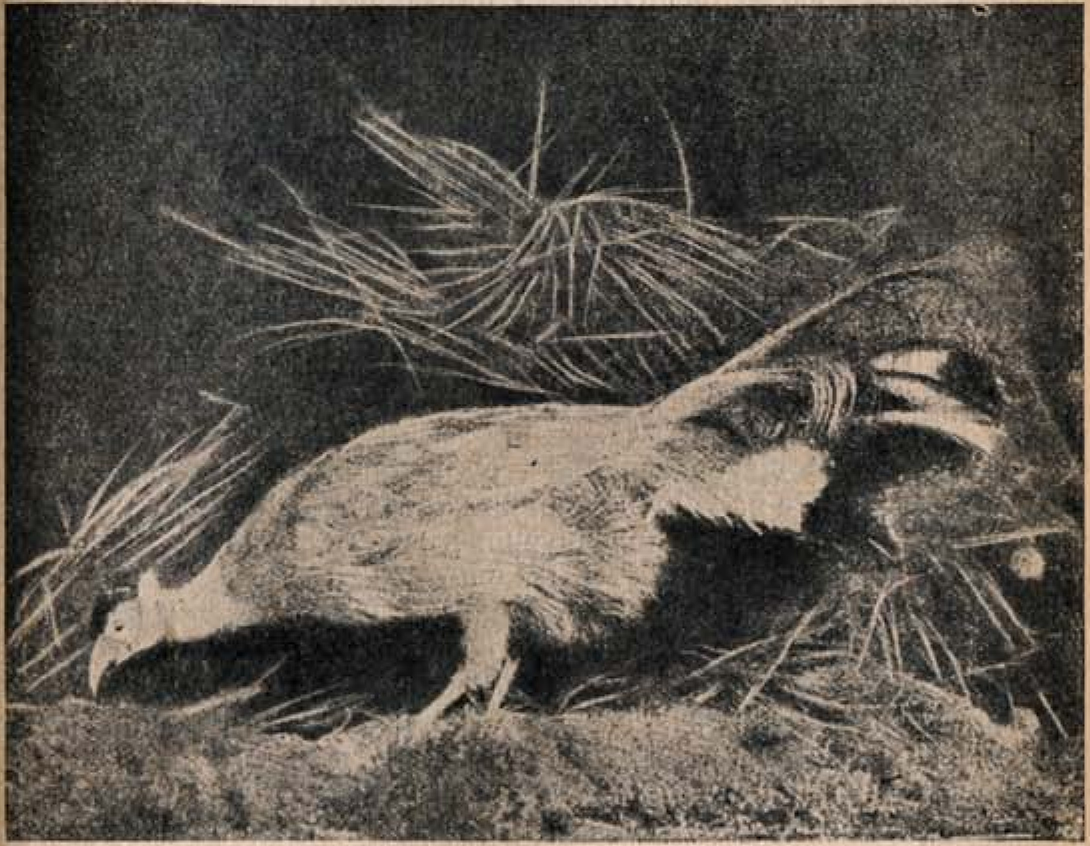
Все-таки охотничье тщеславие было удовлетворено. Оставалось лишь найти вторую птицу, несомненно также тяжело раненую. И вот мы снова стали ходить за собакой, но, к счастью, на сей раз не долго. Она была найдена далеко от того места, куда опустилась, но уже без признаков жизни.

Далее из своих охотничьих воспоминаний, относящихся к тому же времени, брат рассказывает следующий случай. Проходя опушкой елового леса, я вдруг увидел, что собака сделала стойку перед вывороченным с корнем деревом. Отойдя несколько в сторону, я послал собаку вперед. Она ринулась прямо под корни, но без результата; тогда она обежала дерево с другой стороны, но, ткнувшись в кучу торчавших ветвей, опять вернулась ко мне. «Что за притча, — подумалось мне, — уж не балует ли пес, наведя на ежа вместо фазана?» Но в то время как я наклонился, чтобы заглянуть под корни, справа, почти из-под моих ног, с шумом сорвался ушастый фазан и со всех ног бросился улепетывать в гору. Он был убит наповал и оказался взрослой самкой.

А вот и еще один эпизод из охоты на ту же птицу.

Солнце стало склоняться к горизонту... «Ка-ррр... ка-ррр...», — донеслось ко мне вдруг откуда-то издалека и заставило быстро

вскочить на ноги, так как в этом крике я узнал голос ушастого фазана. Схватив ружье и кликнув собаку, я почти бегом бросился на него вниз по ущелью, но вскоре попал в такую густую кустарную поросль, продраться через которую решительно не было никакой возможности. Между тем собака, очевидно, почуяв дичь, уже потянула вперед и скрылась в чаще, обойти которую оказалось не так-то легко. Когда же, наконец, я выбрался на простор, то собаки, как говорится, и след простыл. Позвать ее я побоялся и решил итти вперед на-авось. Но не сделал я в избранном направлении, под сводом леса, и ста шагов, как чуть не опрокинулся, инстинктивно отстраняясь от налетевшей на меня огромной птицы. В первое мгновение я растерялся; когда же, наконец, вспомнил о ружье, то было уж поздно, так как фазан успел отлететь на ружейный выстрел, и хотя, я и послал ему вдогонку заряд, но выстрел этот посбил с него лишь несколько перьев, существенно же повредить ему, конечно, не мог.


Ушастый фазан.

Я заметил, что ушастый фазан, даже будучи спугнут, никогда не отлетает особенно далеко, а потому и решил преследовать птицу, несмотря на наступавшие уже сумерки. Собака сперва побежала рысцой, затем пошла тише, принюхиваясь. Молодой лес, в который мы должны были вступить, вскоре сгустился настолько, что пришлось согнуться, чтобы итти под его сводами, и я стал было уже подумывать, что при таких условиях, пожалуй, снова упустишь птицу, как вдруг собака остановилась и как-то странно вытянулась в левую сторону. Я присел на колено и стал напряженно всматриваться в густой сумрак, который царил теперь под деревьями, но решительно ничего подозрительного рассмотреть в нем не мог. Тогда я стал медленно подаваться вперед, понукая к тому же собаку. И вдруг позади раздался столь мне знакомый шум крыльев. Я резко обернулся назад, но было уже поздно: фазан исчез, и только ветка, качавшаяся метрах в двух надо мною, показала мне, как близко подпустила нас к себе птица.

Воспользовавшись дневкой, я лично предпринял экскурсию к далеким гольцам, но сколько-нибудь интересных форм насекомых я здесь не встретил.

11 августа мы сделали небольшой переход по густо поросшей лесом долине р. Бабо-хэ и остановились на ночлег в бесподобной по красоте тополевой роще, немного не доходя до места слияния обоих истоков р. Эцзин-гола.

С первых же шагов тропинка, сменившая отсюда колесную дорогу, повела нас на гору, которая оказалась роковой для одного из наших ишаков; поскользнувшись на влажном глинистом грунте, он сломал себе ногу и был по необходимости нами брошен. Сказанная гора вдавалась низким и узким мысом в долину р. Бабо-хэ и отбрасывала русло этой последней далеко к северу. Километра четыре дальше, при устье речки Бага-тонсук, мы, однако, вновь поровнялись с рекой, которая, таким образом, лишь обошла гору, сделав порядочную излучину.

При устье речки Бага-тонсук мы вышли на дорогу, до нас пройденную Потаниным. Впрочем, проходя долиной Бабо в начале мая, когда вода в реке стояла еще на низком уровне, он несколько раз переходил ее вброд и бóльшую часть станции сделал, следуя правым ее берегом; мы же должны были итти по тропинке, часто прижимавшейся вплотную к невысокому обрыву ее левого берега, с трудом при этом пробираясь сквозь чащу лиственного леса. Впрочем, с нашим караваном, сформированным из лошадей, все такого рода трудности проходились без особых помех.

Уже из сказанного видно, что долина Бабо в этом участке значительно изменила свой первоначальный характер. Действительно, она значительно сузилась, местами свелась почти на-нет, — до ширины в несколько десятков метров, так что река в таких местах должна была жаться к горам, подмывая подошву последних. Степь и луг сменили теперь лес и густая кустарная

поросль, добегавшая по долине местами до уреза воды. Последняя неслась уже не столь плавно, как прежде, а с бурной стремительностью, то и дело перебрасываясь через стволы ею же снесенных деревьев и пенясь у берегов. Такой характер лесного ущелья удерживался, однако, не на всем протяжении нижнего течения р. Бабо-хэ; кое-где лес расступался и давал место лужайкам удивительной красоты. Проходя их, казалось странным видеть всю эту местность совсем безлюдной, а между тем это было так, и каждый шаг вперед подрывал в нас уверенность в встрече с людьми, которые могли бы взяться вывести нас в Су-чжоуский культурный район.

Тополевая роща в долине реки Бабо-хэ.

Впрочем, ниже устья речки Бага-тонсук мы разминовались с несколькими монголами, которые, очевидно, торопились, так как задержались лишь настолько, чтобы расспросить Николая — кто мы, откуда идем и куда направляемся. Но и Николаю, в свою очередь, удалось узнать, что вопрошавший был кукунорский ван с своей свитой и что возвращался он из своей поездки в долину Бардуна, куда он намеревался с будущего года переселить часть своих подданных. Монголы его ведомства и раньше владели этой долиной, но в шестидесятых годах были вытеснены оттуда кукунорскими тибетцами. Не рискнув вернуться в бассейн Эцзин-гола силой, они завели с тибетцами тяжбу, которая тянулась лет двадцать и закончилась в их пользу лишь в 1889 г. А пока тянулся суд, вся эта местность по распоряжению китайских властей пустовала, и единственными посетителями ее в это время были охотники на маралов да артели золотоискателей. «Так что, — заключил свой доклад Николай, — и нам нечего рассчитывать найти там проводников».

Заключение, конечно, неутешительное; но ведь и выбора у нас не было никакого: не возвращаться же нам в самом деле в Су-чжоу пройденной уже дорогой через ущелье Пянь-дао-коу.

На восьмом километре от устья речки Бага-тонсука долина Бабо вдруг раздалась. Река отошла к подошве северных гор, оставив на левом берегу хорошо выровненную площадку, длиной около пяти километров, шириной около 640 м, поросшую огромными тополями (Populus Przewalskii Maxim.?). Эта тополевая роща в рамке гор, увенчанных высокими, покрытыми снегом гольцами и одетых изумрудными лугами и синевато-зелеными ельниками, представляла столь поразительную по красоте картину, так манила под свою сень, что я не в силах был отказать себе в удовольствии расположиться в тени ее бивуаком. А на следующий день мы уже с сожалением снимались с этой бесподобной стоянки для того, чтобы углубиться в неприветливые, бесплодные горы, сопровождающие справа низовье Хый-хэ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕРХ ПО ДОЛИНЕ Р. ХЫЙ-ХЭ

Ранним утром 12 августа чувствовалась еще некоторая свежесть, но едва солнце выкатилось из-за гор, как уже повеяло теплом, и термометр стал быстро подниматься к 20°. В воздухе было тихо, на небе ни облачка, предугадывался особенно жаркий день.

Первые семь километров, до речки Ихэ-тонсук, мы шли частью опушкой тополевой рощи, частью лугом, вдоль подошвы горы, одетой еловым лесом; но за помянутой речкой, которая бурно несла свои прозрачные воды среди больших валунов, тропинка повела нас на высокую гору, сложенную из конгломератов и грубых песчаников. Подъем был крут и в зигзагах имел не менее трех километров протяжения; зато, когда, наконец, мы взобрались на ее гребень, то перед нами открылся обширный горизонт и совершенно неожиданная картина: мы впервые увидели отсюда Хый-хэ, место слияния его с Бабо-хэ, глубокую теснину, в которую устремлялись их соединенные воды, и какие-то здания на берегу. Как оказалось впоследствии, это и был монастырь Да-ба-бо-сы, о котором мы кое-что слышали еще в передний путь через Нань-шань.

Ущелье Хэй-хэ (Эцзин-гола) хорошо было видно лишь километра на три на север; далее же его замыкала гора, у подошвы которой помянутая река, повидимому, уже сворачивает на запад; оно казалось узким, сжатым скалами красного цвета, с бедной растительностью, которая успела местами заметно поблекнуть. Лес виднелся только по берегу р. Хый-хэ да из-за гребней обрывающихся в ущелье горных откосов.

Горы правого берега р. Бабо-хэ видны были на далекое расстояние. Передовая их цепь, сложенная, повидимому, исключительно из красных глинистых песчаников и конгломератов, нигде не переступала своими вершинами за снеговую линию, но далее к северу снег виднелся во многих местах. Вероятно, он венчал пики хребта, общее направление коего выяснили засечки, произведенные братом еще в передний путь вдоль северных склонов Нань-шаня. Только одна гора с пятнами снега возвышалась ближе к долине Бабо и несомненно вне помянутого хребта; мы видели ее уже с места нашей стоянки в тополевой роще, а впоследствии и из долины Хый-хэ, благодаря чему явилась возможность с достаточной точностью определить ее местоположение в том хаосе гор, который представляет из себя северная цепь Нань-шаня: она подымается в 12 км к северо-востоку от места слияния рек Бабо-хэ и Хый-хэ и имеет два пика, оба почти одинаковой высоты. Горы к западу не имели снега; впрочем, в эту сторону горизонт заслонен был тучами, которые на безоблачном до того небе появились как-то вдруг и теперь медленно сползали в долину Хый-хэ. Зато в тылу ясное небо позволяло проследить цепь белков в необъятную даль, где снеговые поля были уже неотличимы от облаков.

Спуск с горы, круто обрывавшейся в русло Хый-хэ, был несколько положе подъема и вывел нас на высокую береговую террасу, скудно поросшую злаками и полынью. Пройдя ею километра три, мы вновь очутились перед горой, которая, как и первая, высоким валом перегораживала долину Хый-хэ. На ее вершине караван вдруг остановился и был свидетелем редкой по удаче охоты на ушастых фазанов.

Экспедиционные собаки, Кальта и Койсер, до того понуро шагавшие впереди, вдруг встрепенулись и с громким лаем бросились вниз по крутому разлогу, к одиноко росшему на голом глинисто-песчаном откосе кусту караганы, из-под которого в тот же момент выскочил целый выводок ушастых фазанов. Нечего и говорить, какой это вызвало переполох в нашем отряде! Схватились, конечно, прежде всего за ружья, но, увы! имевшие при себе дробовики, как нарочно, на этот раз поотстали. Когда же, наконец, брат подскакал к разлогу, то застал в нем следующую картину: все три наши собаки с неистовым лаем носились за птицами, которые, очевидно, позабыв о своих крыльях, как безумные кружились на одном месте; сюда же сбежались и оставшиеся без надзора бараны и своими отчаянными прыжками довершали невероятную сутолоку, царившую в овраге на пространстве каких-нибудь 45 кв. м.

Боясь поранить собак, брат долгое время не мог улучить минуты, но вот он спустил курок, и один из фазанов кубарем слетел вниз. Это обстоятельство послужило точно сигналом остальным. Распустив хвосты и крылья, они ринулись книзу и в один миг исчезли за уступом скалы; все же, однако, брату удалось сделать вдогонку несколько выстрелов и уложить еще трех птенцов, которые и дополнили прекрасную коллекцию этих птиц, собранную нами в центральном Нань-шане.

По спуске с горы дальнейший наш путь до места ночлега, т. е. на протяжении еще девяти километров, пролегал по местности, носившей тот же, что и раньше, характер: мы шли или по очень круто обрывавшейся в реку береговой террасе или вновь взбирались на почти лишенные растительности горные отроги, сложенные из грубых конгломератов с заметно нарушенным напластованием. На ночлег мы расположились у самой реки, в роще ив, тополей и облепих (Hippophaë rhamnoides), достигавших здесь размеров порядочного деревца.

В этом месте река имела в ширину около 25 м и несла свои мутные, серые воды с глухим шумом и чрезвычайной стремительностью. В начале мая Потанин, хотя и с трудом, несколько раз переходил ее вброд; но в июле и августе вода в реке стоит выше, и тогда уже переправа через нее становится невозможной, притом на всем ее протяжении от устья Ихура. Последний — не только важнейший из притоков Хый-хэ, но и главнейший ее загрязнитель, так как только отсюда дотоле совершенно чистые воды Хый-хэ получают ту грязно-серую окраску, которая вполне оправдывает китайское наименование этой реки. Потанин приводит также и туземное ее название — Бардун, но нам не довелось его слышать.

Едва мы уставили юрты, как к нам на-рысях подъехали два китайских солдата, возвращавшихся с верховьев Бардуна на пикет У-бо. Они были из числа тех, которые в последних числах апреля провожали нас на перевал Чжи-нань-линь, и теперь немало удивились, встретив нас без конвоя и проводников. Они пробыли у нас около часу и дали нам немало полезных указаний относительно предстоявшего нам пути. Они также уверили нас, что среди золотоискателей, работающих повсеместно выше И-ху-лу-гола, мы без затруднений найдем проводника через горы в г. Су-чжоу.

Местность, по которой мы шли на следующий день, принадлежала к числу живописнейших в Нань-шане.

Горные отроги, встававшие на нашем пути, уже не представляли, как прежде, голых утесов, но были одеты лесом, который местами спускался даже в побочные луговые долины и пади, по дну коих с грохотом и пеной низвергались потоки прозрачной воды. Эти отроги казались здесь короче и круче, а гольцы, которым они служили подножием, массивнее и выше поднимавшихся в области бассейна р. Бабо-хэ. Снега на них было также больше, и лежал он уже на всем гребне, а не только на сопках.

Первые три километра мы шли террасой, которая была последней на правом берегу Хый-хэ, так как далее горы еще более стеснили реку, и пади уже спускались непосредственно к ее руслу. Террасу на западе обрывал овраг с бегущей по дну его речкой, а далее нам пришлось в полугоре огибать поросший еловым лесом горный отрог, круто сбегавший к Хый-хэ. На одном из поворотов дороги джигит Ташбалта, ехавший впереди каравана, вдруг осадил лошадь, затем соскочил с нее, бросил мне поводья и скрылся в лесной чаще, откуда тотчас же раздались выстрелы.

— Ну, зачастил!..

И казаки стали уже было перекидываться между собой обычными в таких случаях замечаниями по адресу незадачливого охотника, когда вновь раздались выстрелы, но на этот раз уже далеко позади и, как нам казалось, у самой реки.

— А ведь это, поди, уж Комаров палит..., а не то — его благородие...

И все как-то сразу прониклись убеждением, что наши стрелки увязались за крупным, ценным зверем.

Так оно и оказалось в действительности.

Ташбалта заметил в лесной чаще крупных зверей, в которых не замедлил признать маралов, но, погнавшись за ними, погорячился и смазал. Маралы бросились наутек, но, перебегая просветом в лесу, были вновь усмотрены братом и Комаровым. Последний погнался за ними, и вот его-то выстрелы мы и слышали раздававшимися как будто с реки. Он догнал нас часа через два и на предложенные ему вопросы рассказал, что ранил крупного самца, но тут же и потерял его из виду. «Не успел перенять на поляне, а в лесу в эту пору где же его сыщешь... К тому же и дебрь пошла там такая, что не выберешься».

Так ли было в действительности или же раненый зверь существовал лишь в разгоряченном воображении Комарова, но только одно не подлежало уже никакому сомнению, это — встреча с маралами, очевидно, принадлежавшими к виду, сравнительно лишь недавно описанному Пржевальским (Cervus albirostris)[165]. И заполучение хотя бы одного экземпляра такого марала представлялось нам делом настолько важным и в то же время заманчивым, что мы без колебаний решили посвятить охоте на него весь следующий день, хотя к дневкам мы могли прибегать теперь уже только в исключительных случаях, так как взятые в Дангаре запасы муки и соли приходили к концу, а рассчитывать на возобновление их где-либо по пути в г. Су-чжоу, конечно, не было основания. Так как и впереди виднелись поросшие лесом горы и так как не было никаких оснований считать их менее подходящими для решенной охоты, то я дал приказание каравану итти вперед до тех пор, пока долина Хый-хэ будет хранить лесистый характер.

Обогнув помянутую выше гору, мы вышли в долину довольно крупной речки и по широкой и живописной долине ее левого притока стали подниматься на гору, поросшую смешанным лесом.

Почву этого леса местами устилал мох (Hypnum sp.), в котором во множестве росли рыжики (Agaricus deliciosus var.?) невиданных мною дотоле размеров. Далее дорога пошла сплошным ельником, с горы на гору, пока не вывела нас, наконец, к речке Го-дабан, служащей резкой гранью между лесистой и степной частями долины Хый-хэ. Здесь мы остановились на дневку.

Я затрудняюсь отождествить речку Го-дабан с одним из перечисленных Потаниным притоков Хый-хэ. Такое же затруднение испытываю я и по отношению к речке Ихур, как замечено выше, самому многоводному из ее притоков. Если, однако, отождествить Ихур с значительной, по словам Потанина[166], речкой Югрук, то пришлось бы допустить, что Го-дабан есть речка Моломо; между тем о последней в цитированном сочинении говорится, что она течет среди сухих и безлесных поперечных грив[167], что противоречит сказанному выше о речке Го-дабан. Может быть, однако, это несоответствие только кажущееся и вполне объясняется тем обстоятельством, что Потанин шел нижней дорогой, я же верхней, местами в двух, местами даже в четырех километрах от русла Хый-хэ, да и речку Го-дабан перешел не ближе 1 400 м от устья.

Не могу также подтвердить наблюдения этого путешественника, относящегося к периодической окраске в красный цвет речек, впадающих справа в Хый-хэ. В августе такой периодичности уже не наблюдалось; весной же, как мне кажется, ее мог вызвать процесс схода снега в области залегания красных глинисто-песчаных отложений, таявшего днем и вновь смерзавшегося к ночи.

Дневка обманула наши ожидания. В течение всего почти дня моросило, и охотники вернулись на бивуак измокшими и усталыми; они даже не видели маралов, и только брату на обратном уже пути удалось подстрелить парочку франколинов (Ithaginis sinensis var. michaëlis) и несколько экземпляров Carpodacus dubius Przew.

Гора, возвышавшаяся на левом берегу речки Го-дабан, поросла превосходными луговыми травами, среди которых особенно обильно рос Allium chrysanthum Rgl.; он, вероятно, пришелся по вкусу нашим баранам и лошадям, так как от них еще и на следующий день разило чесноком. Перевалив 15 августа через эту гору, мы вновь приблизились к р. Хый-хэ, которая протекала уже здесь несколькими рукавами в широком галечном ложе, два же километра дальше мы вышли на р. Ихур.

Река эта выносила свои грязные воды в долину Хый-хэ из мрачного ущелья, при устье которого возвышались два увенчанных снегом гольца — Ду-ню-шань и Да-бо-шань; за ними же, на заднем плане ущелья, виднелись еще более высокие горы — хребет Ихур, — И-ху-лу-сянь в местном китайском произношении, в снегах и льдах которого и берет начало двумя истоками р. Ихур.

Западный из этих истоков длиннее восточного, и до вершины его целый день ходу; он, по словам местных золотоискателей, вытекает из-под ледника, первые 70 ли пробегает в щеках, ниже же вступает в широкое, каменистое ущелье, где и течет по галечному ложу, разбиваясь то и дело на рукава.

Ущелье р. Ихур посещается только охотниками и золотоискателями, моющими драгоценный металл главным образом лишь в низовьях этой реки. Из долины Ихура имеется очень высокий и трудно переходимый перевал в долину Да-тун-хэ.

Река Ихур, при глубине около 75 см, имела до 17 м ширины и несла свои воды бурно и стремительно в ложе, заваленном крупными голышами кварца, кремнистого сланца и плотного песчаника. Переправа через нее задержала нас не надолго, так что мы в тот же день успели пройти еще километров 17 вверх по Хый-хэ.

На этом участке пути как долина, так и р. Хый-хэ, имевшая теперь совершенно прозрачную воду, уже существенно изменили свой прежний характер. Вследствие более длинного заложения хребтов, сопровождающих реку с юга и севера, и мягкого очертания их отрогов, долина казалась более широкой и плоской; ее падение было меньшим, русло реки менее сдавленным горами и едва врезанным в почву, течение же реки более плавным. Вместе с тем исчезла последняя кустарная поросль, и горы и долы всецело заполнила кипцовая степь, сохранявшая еще, несмотря на позднюю пору, свой яркозеленый колорит.

Мы остановились на ночлег на правом берегу Хый-хэ, несколько выше устья небольшого его притока, пятого по счету от р. Ихур.

Вечером термометр показывал при ясном небе —2°. Это был первый мороз в долине верховий Эцзин-гола. Удивительного в этом, впрочем, ничего не было, так как мы поднялись уже до абсолютной высоты, превышавшей 10 500 футов (3 200 м).

16 августа мы прошли около 24 км. Долина продолжала хранить вышеописанный характер, и так как горы местами все еще теснили ее, то дорога, уклоняясь от подъемов на них, держалась русла реки, слепо следуя за всеми извилинами последней. На 23-м километре мы прошли вброд Эрчжюс-гол — первый по величине после Ихура приток Хый-хэ. Потанин называет эту реку Шунчжа[168]. При глубине около 60 см она имела ширины около 13 м, спокойное, хотя и быстрое, течение. Ущелье, из которого она вытекает, кажется с дороги очень глубоким, но как далеко вдается оно в горы, имеется ли в нем дорога и если да, то куда выходит, осталось нам неизвестным.

Несколько выше устья Эрчжюс-гола дорога привела нас к броду через р. Хый-хэ.

Переправа через нее не представляла здесь никаких затруднений, так как при плавном течении и твердом грунте (мелкая галька) глубина реки не превосходила 75 см.

Мы раскинули свой бивуак на левом ее берегу сейчас за бродом, в том месте долины, где последняя начинает развертываться в широкую степь.

Ландшафт продолжает и далее изменяться и получает все более черт, сближающих долину верховий Хый-хэ с нагорными долинами области Куку-нора. Действительно, хребты, хотя и приподнятые на огромную абсолютную высоту (18 000—20 000 футов, или 5 480—6 090 м), уже не подавляют здесь зрителя своей массой, так как, далеко разойдясь в обе стороны и выслав вперед малорасчлененные предгорья, они выглядывают из-за них лишь своими сплошь заваленными снегом вершинами; предгорья получают еще более мягкие очертания и, спускаясь постепенно, большею частью совсем неприметно переходят в долину; ручьи и речки текут плавно в едва обозначенных руслах; среди кипцовой степи начинают попадаться обширные плешины с редко разбросанными на них насаждениями полыни, Aster altaicus Willd., микроскопических Sedum algidum var. altaicum Maxim. и Tanacetum tenuifolium var. microcephala Winkl.; даже животный мир здесь иной, и из крупных млекопитающих вновь начинают встречаться: антилопы, яки, кианги и медведи (Ursus pruinosus Blyth.). Несколько антилоп (Gazella picticaudata Hodgs.) убили мы уже на следующий день, едва покинули свой бивуак; медведь был застрелен 18 августа; табуны же киангов и стада диких яков попадались нам неоднократно на пространстве последних трех переходов по долине Хый-хэ.

Утром 17 августа мы проснулись от донимавшего нас холода. Справились с термометром и удивились: он показывал 10° ниже нуля. С восходом солнца мороз пошел, конечно, на убыль; однако в момент выступления каравана, т. е. примерно в 6 часов утра, термометр все еще стоял на —6° С. День, впрочем, был тихий и ясный, и мы смело могли рассчитывать на тепло. Действительно, в полдень ртуть в термометре поднялась в тени до 15°, а на солнце даже до 24°.

В этот день мы прошли 27 км. Дорога в этом участке долины бежит степью, придерживаясь русла реки, которая почти не делает здесь изгибов. Грунт дороги мягкий; валуны встречаются редко, выходов же коренных пород не замечается вовсе; только несколько выше Эрчжюс-гола в левом борту русла Хый-хэ обнажился однажды гранит.

Первая Gazella picticaudata попалась нам, как сказано выше, едва мы выступили с места нашей стоянки; дальше же антилопа эта небольшими стадами стала встречаться часто, подпуская нередко охотников чуть не на меру прямого выстрела. Конечно, казаки не замедлили этим воспользоваться, и вечером я отметил поступление пяти шкур и черепов этого красивого животного в нашу маммологическую коллекцию. Из бабочек здесь еще в обилии летали: Vanessa urticae, V. ladakensis, Pyrameis cardui и Pieris callidice var. orientalis; что же касается птиц, то на этом переходе брату удалось подстрелить лишь пару куропаток (Perdix sifanica Przew.) и самца Cerchneis tinnunculus L.

С 18 августа погода испортилась. Наступили холода, дожди со снегом и такие густые туманы, что уже в двух шагах ничего не было видно. Столь резкое изменение погоды последовало вслед за разразившейся в этот день бурей со снегом и градом. Температура при этом сразу упала градусов на пятнадцать и в последующие два дня не поднималась выше 3°, держась бóльшую часть дня на нуле, ночью же опускаясь до —7°. Такая низкая температура в соединении с пронизывающей сыростью и ветрами, с непривычки, переносилась нами с большим трудом; в особенности же нас донимал густой туман, из которого мы не выходили часами и который вызвал два инцидента, о коих будет рассказано ниже.

Против места нашего ночлега с 17 на 18 августа долина Хый-хэ имела не менее 15 км ширины, а далее на запад она еще более расширялась. Сгустившиеся после полудня облака скрыли горы, а река перестала служить нам путеводной нитью, так как дорога в самом начале станции отошла от нее вправо на расстояние от двух до трех километров. Таким образом, чтобы не сбиться с пути, нам оставалось строго держаться тропинки. Однако вскоре мы заметили и вправо и влево от себя другие тропинки, которые сходились, расходились и пересекали нашу. Пока не разыгрался буран, это обстоятельство нас мало смущало; но когда выпал снег, положение наше изменилось, и при дальнейшем следовании вперед мы должны были уже руководствоваться исключительно показаниями буссоли и ранее сделанными засечками.

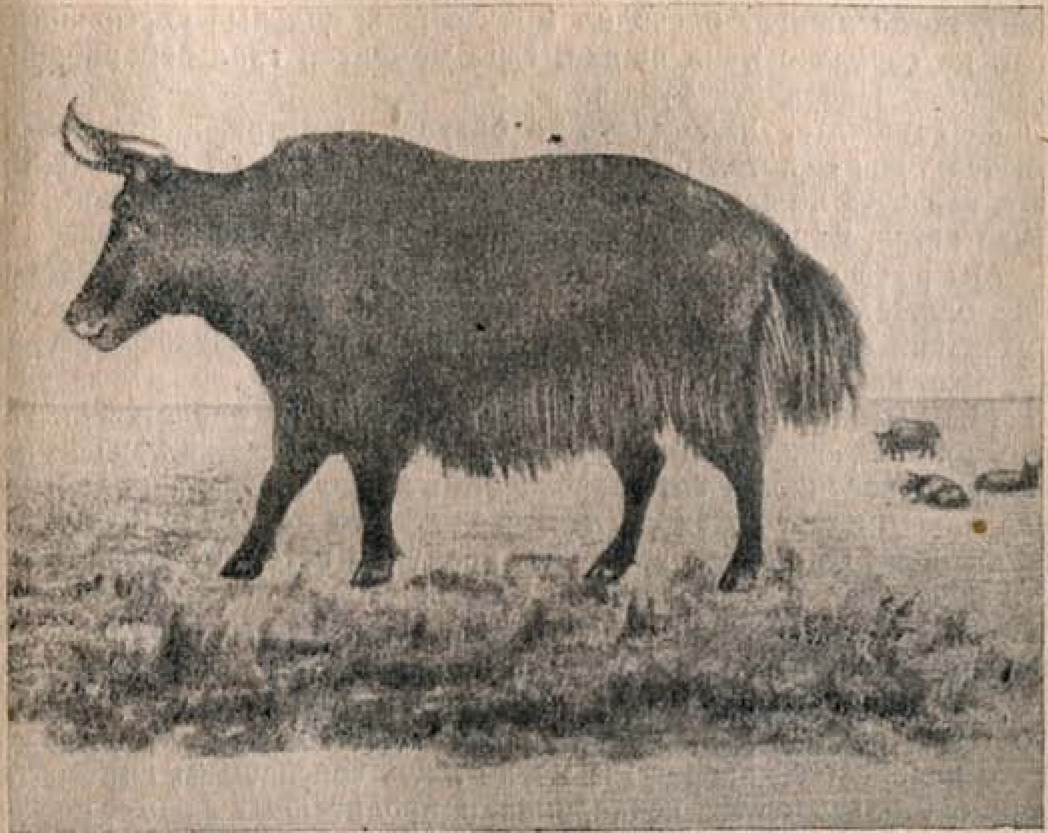
Так прошли мы километров восемь, а всего от последней стоянки 25, когда ехавший впереди Ташбалта вдруг остановил караван и молча указал на какие-то темные массы, медленно передвигавшиеся на север.

«Уж не яки ли?»

И брат, заметив время и условившись со мной стать бивуаком у ближайшей воды, с казаком Фатеевым и Ташбалтой рысью двинулся к загадочным зверям, мы же продолжали свой путь и километра через четыре, обогнув невысокий бугор, остановились на берегу извилистого ручья, причем лишь с большим трудом отыскали место посуше.

Наши охотники добрались до бивуака, когда совсем уже стемнело.

Беспокоясь их долгим отсутствием и подозревая, что, ввиду все усиливавшегося тумана и продолжавшейся непогоды, с ними могло случиться что-либо недоброе, мы несколько раз давали залпы. В ответ на один из них послышались было голоса, но затем все опять стихло. Тогда я велел Глаголеву и Комарову оседлать лошадей и ехать на розыски. Этот-то разъезд и столкнулся с охотниками.



Дикий як.

О своих блужданиях брат рассказал лишь за ужином следующее.

Убедившись что перед нами действительно дикие яки, я послал Фатеева ближе к горам, сам же с Ташбалтой стал обходить их с равнины. Когда расстояние между нами сократилось до 400 шагов, я передал лошадь джигиту и пешком увязался за стадом, которое в числе семи штук лениво взбиралось на невысокий пригорок. Пока я шел ложбиной, каждый шаг приближал меня к стаду, но ложбина вскоре кончилась, я должен был выбраться на открытое место, и вот тут-то, вероятно, меня увидели яки. Так или иначе, но они бросились наутек. Бежали они однако вяло и вскоре вновь перешли на шаг. Это дало мне возможность к ним снова приблизиться. Далее же я пошел в одном с ними направлении, стараясь лишь постепенно к ним подойти. Но через полчаса я уже отказался от этой задачи: яки, очевидно, следили за мной и ближе как на 400 шагов не подпускали. Улучив минуту, я еще сократил это расстояние и раз за разом пустил четыре пули в ближайшего зверя. Я думаю, что я его ранил, но расчет мой этим путем заставить его остановиться не удался: як рысью побежал в горы. Я хотел было уж преследовать его верхом, но в тот момент, когда джигит подводил мне лошадь, сильный порыв ветра чуть не сорвал с меня шапки. Еще момент и град забарабанил по земле. Начинался буран...

— Ташбалта, надо ехать на бивуак... Смотри, какие надвигаются тучи! — хотел было я крикнуть джигиту, но едва открыл рот, как чуть не захлебнулся от налетевшего на меня нового порыва ветра. Впрочем, мое намерение и так было ясно.

Мы рысью двинулись по тому направлению, которое казалось мне ближайшим, но и после получасовой езды не обнаружили признаков бивуака. А между тем непогода усиливалась, и град крутило, как в веялке.

Мы пытливо осматривались по сторонам: не найдется ли где свежих следов... Но какие уж тут следы, когда даже наши заметались мгновенно. И вот уверенность в верно взятом направлении нас как-то вдруг оставила. Мы стали часто менять румбы и так пробродили еще около часа. Тем временем ветер стих, град сменился снегом, снег моросью и густейшим туманом. Мы окончательно смокли и стали коченеть. Не зная, на что решиться, мы несколько раз стреляли залпами, но звуки этих залпов замирали точно в подушке; пробовали кричать — тот же эффект. Чтобы согреться, сошли с лошадей. Но хотя пешком итти было и теплее, зато подвигаться вперед мы могли лишь черепашьим шагом, так как очутились среди кочкарника и пропитанных водою песков, в которых нога вязла по щиколотку. Между тем, хотя положение наше было и не из отчаянных, но перспектива провести морозную ночь в мокрой одежде и без пищи казалась нам настолько ужасной, что мы решили напрячь все силы к тому, чтобы, исколесив площадь побольше, хотя бы этим путем приобрести лишний шанс к встрече со своими.

И вот, наконец, нам послышались выстрелы... Это — свои... нас ищут... наконец-то!

Но это был только окоченевший Фатеев, который из боязни замерзнуть тратил последние патроны на то, чтобы дать знать о себе если не нам, то товарищам, которые и по его соображениям не могли быть от нас особенно далеко. Как странно, однако, что мы не хватились Фатеева раньше. А, казалось бы, именно о нем нам прежде всего следовало подумать. Как бы то ни было, теперь мы были искренне рады, что судьбе угодно было нас снова свести.

Что же делать однако? Куда итти?

В этот момент я вдруг вспомнил, что при мне в кобуре имелась буссоль. Я ухватился было за эту соломинку, но тут же сообразил, что, даже определив направление, в каком шел караван, я не получу еще разрешения вопроса — где, впереди или позади, искать нам экспедиционный отряд; да, наконец, допустив даже, что нам и удалось бы взять верное направление, в чем же порука, что мы не разминуемся с бивуаком, пройдя от него всего в каких-нибудь двадцати метрах?

Но тут меня точно осенила мысль, которую я и поспешил сообщить своим спутникам: ведь караван должен был стать на первой воде, а какую-то воду мы прошли около часа назад; стало быть там, позади, и должны мы искать теперь бивуак.

И ободренные этой надеждой, мы повернули на юго-восток и рысью погнали вперед лошадей. Но едва мы сделали в этом направлении метров шестьдесят, как перед нами вырос призрак: нечто огромное, темное, быстро надвигавшееся на нас. Только шагах в шестидесяти различили мы наконец, что это был дикий як, который тут же круто повернул в сторону и через мгновение скрылся в мгле сумерек и тумана.

После этой встречи мы проехали еще добрых полчаса, которые показались нам вечностью, так велико было нетерпение наше добраться поскорей до своих. Мы жадно всматривались в серую мглу, рассчитывая каждую минуту добраться до бивуака, но увы! его нигде не было видно. Наконец, я не выдержал...

— Ребята, давай еще залп!

Залп был дан, но снова прозвучал удивительно глухо, точно шлепок по подушке. С досады я только выбранился, и в моем воображении уже вновь стала вырисовываться ужасная перспектива заночевать среди неприглядной мокреди, когда вдруг я как-то невольно осадил коня: передо мною вновь вырос призрак, но на этот раз это был уже не дикий як, а человек верхом на лошади... Это был случайно на нас наткнувшийся Андрей Глаголев, который тотчас же и вывел нас к бивуаку.

Злая шутка, которую сыграл с братом туман, к сожалению, была не единственной. На следующий же день его жертвой сделался кашгарец Хассан со всем своим караваном на ишаках.

Утром 19 августа при градусе тепла снег стал быстро сходить, и хотя небо все еще оставалось пасмурным, но горизонт казался много обширнее, чем накануне. Долина продолжала еще, повидимому, удерживать свою прежнюю ширину, но теперь мы должны были следовать уже не серединой ее, а северной ее окраиной, причем тропа, уклонившись от реки километров на семь, сразу же приблизила нас к горам и повела по местности, всхолмленной последними уступами южного склона Ци-лянь-шаня.

Пологие увалы, которые мы пересекали, одеты были кипцом, среди коего виднелись цветущие травы: полевая астра (Aster altaicus Willd.), Saussurea tangutica Maxim. и Delphinium tanguticum Huth. Впрочем, мне было не до сбора растений, так как на моем попечении оказался эшелон завьюченных лошадей. Случилось же это по милости диких яков, которые стали попадаться нам тут чуть не на каждом километре. Соблазн был очень велик, и все наши охотники один за другим отделились от каравана, передав свои эшелоны менее искусным стрелкам. В числе последних оказался, конечно, и я.

Между тем к восьми часам небо стало заволакиваться свинцовыми тучами, а вскоре затем в долину спустился и вчерашний туман, затянувший густой завесой соседние горы. Счастье еще, что брат успел засечь километрах в 15 впереди выдающийся своей формой гребень увала; на него-то мы и шли по буссоли в течение трех последующих часов, причем то и дело меняли тропинки, которые, повидимому, протянулись здесь широким поясом вдоль долины. Подойдя к помянутому увалу, мы обогнули его и стали бивуаком в широком логу, на берегу небольшого ручья.

Дорогой мы слышали учащенную пальбу, вскоре, впрочем, стихшую; затем прошло добрых два часа, и мы стали уже подумывать, не случилась ли с нашими охотниками история, подобная вчерашней, когда вдруг на гребне холма стали вырисовываться конные фигуры казаков. Они привезли с собою трофей — шкуру медведя (Urbus pruinosus Blyth.), которого в тумане они приняли было за дикого яка и расстреливали затем, очевидно, уже мертвого в течение чуть не десяти минут.

— Должно, первая же пуля угодила ему в сердце, и как был он на кочке, так и сел на нее. С кочкой-то вместе в тумане он и казался нам невесть какой махиной. Стреляем в него, как в мишень, шагов с пятидесяти, а он хоть бы что — не двигается. Что за оказия?! Подошли еще ближе и тут только разобрали, что не як это, а мишка: сидит, а голова уже свесилась на-бок. Ну, тут мы уже понабрались храбрости, да всей гурьбой к нему. Смотрим, а он уже мертвый, и из пасти у него кровь сочится...

Как-то само собой сделалось, что, несмотря на туман и снежный буран, охотники разом выбрались к бивуаку; но не столь счастлив был Хассан с ишаками. Благодаря размякшей почве, ишаки с самого утра пошли плохо. Хассан отстал от каравана, во время снежной метели потерял след и пошел вперед на-авось. Сперва все же дело у него спорилось, но когда буран усилился, он не смог заставить ишаков итти против ветра и решил переждать непогоду. Потом он тронулся было вперед, но, дойдя под густым снегом до какой-то балки, не решился продолжать путь дальше и, сняв вьюки, расположился в ней на ночлег. Между тем, проискав его безуспешно до сумерек, мы провели тревожную ночь, и чуть только забрезжилось, уже снова послали казаков на розыски. К счастью, на этот раз последние не были особенно продолжительными. Хассан отыскался, и мы получили возможность в тот же день двинуться дальше. Но станция эта оказалась еще более трудной, чем предшедшие две. Уже с раннего утра небо было хмурым, перепадал снег, дул порывистый ветер; к десяти же часам этот ветер перешел в бурю с юга, притом настолько сильную, что временами казалось, что задыхаешься, и это сидя на лошади. Буря росла в силе около получаса, затем стала постепенно стихать и, наконец, через новые полчаса перешла в средней напряженности ветер, в котором продолжала еще некоторое время крутиться крупа вместо снега.

Местность, по которой мы в этот день шли, изменила свой прежний характер слегка волнистой степи: увалы стали круче, пади глубже, кипец уже не одевал сплошным ковром горные склоны. И чем дальше мы шли, тем пустыннее становились горы, тем чаще попадались пространства, лишенные вовсе растительности или прикрытые лишь спорадически порослью из мелких красных Sedum. Для каравана эти оголенные площади представляли истинное мучение, так как в их напоенной водой низкой глинисто-песчаной почве животные вязли буквально на каждом шагу. Будь станция длиннее, наши лошади выбились бы, конечно, из сил, но на их и наше счастье на седьмом километре от ночлега у правого борта оврага, на дне которого струился ручей, мы обнаружили первые признаки поисковых работ — небольшой арык, ямы, штольни, кучи отвала. Мы догадались, что достигли, наконец, того золотопромышленного района, который охватывает речки, слагающие Хый-хэ и Тао-лай-хэ, и теперь нам оставалось отыскать золотоискателей, дабы склонить их вывести нас на северный склон Ци-лянь-шаня; в крайнем же случае мы решились обратиться за помощью к китайскому надсмотрщику, который, как нам говорили, жил в центре этого района и имел в своем распоряжении человек тридцать китайских солдат.

Мы отправились вверх по помянутому оврагу, так как сюда вела тропа со свежими следами лошади и человека.

Мы угадали направление и, действительно, менее чем в полчаса достигли убогой закоптелой мазанки, в которой и застали всю артель золотоискателей — человек десять дунган и китайцев.

Оказалось, что они были уже предупреждены о нашем предстоявшем прибытии в их район, кем и когда — осталось нам неизвестным, и с первых же слов согласились дать нам проводника до Су-чжоу.

На ночлег мы остановились километрах в четырех к западу от прииска, в речной долине, обильно поросшей кипцом. Вечером на фонарь прилетели две бабочки — Agrotis xanthographa F. и

Dasypolia sp.? — факт тем более удивительный, что при ветре термометр показывал 3° ниже нуля *.

На следующий день нам обещан был переход на северный склон Ци-лянь-шаня. Непогода в долине верховьев Хый-хэ до такой степени нас измучила, что обещание это было принято в отряде с особенной радостью. И этому радостному настроению вполне отвечало утро 21 августа — морозное, но ясное.

Проводник повел нас ломаной линией прямо на север. Он уверял при этом, что ведет нас кратчайшей дорогой на перевал Лао-ху-ши, чему приходилось поверить, так как мы действительно шли без тропинки то поперек горных увалов, то вверх по их гребню. Подъем на перевал оказался пологим, но тем не менее животные одолевали его с трудом, благодаря напитанному водой, рыхлому, глинисто-песчаному грунту дороги. Только там, где густо рос Sedum, почва оказывалась немного плотнее. Но этот Sedum рос спорадически, подушками, промежутки же между ними заполняла потянутая тонкой ледяной коркой липкая буро-красная грязь, в которой и вязли то и дело вьючные лошади.

Сплошных насаждений кипца здесь уже не встречалось; он сопровождал лишь узкой лентой сбегавшие к югу ручьи, да виднелся кое-где по ложбинкам; зато всюду, куда хватал глаз, на буро-красном фоне голой земли торчали красными кочками густые насаждения Sedum algidum var. altaicum Maxim. Sedum, впрочем, не единственное растение, встретившееся нам в этой местности; я видел здесь также синие Tanacetum, Delphinium, Gentiana, Aster, но, попадаясь отдельными экземплярами, не эти травы дают главный тон растительности горных покатостей под перевалом Лао-ху-ши, а именно помянутые колонии Sedum algidum.

Перевал Лао-ху-ши, абсолютная высота коего определилась в 14 183 фута (4 323 м), представляет неглубокую, плоскую седловину среди буро-красных глинисто-песчаных холмов, которые далее к западу быстро крупнеют, уходят под вечный снег и образуют водораздел между бассейнами Хый-хэ, Ма-суй(шуй)-хэ и Линь-шуй-хэ.

Таким образом, в области обоих истоков Эцзин-гола водораздел слагают сходные породы — золотоносные красные конгломераты и красные же и желтые глинистые песчаники, относимые, однако, Обручевым к разным возрастам: на востоке к надкаменноугольному [169], на западе же к гобийскому (третичному) [170]. Нельзя при этом не иметь в виду, что между теми и другими существует непрерывная связь в виде образованных тождественным материалом гор, особенно развитых, как это и указывалось в своем месте, вдоль правого берега Бабо-хэ и в низовьях Хый-хэ.

---

* Впрочем, при столь же низкой температуре попадались нам бабочки и раньше; так, не далее, как накануне, нам попались ночницы: Pseudohadena oexa Stgr. и Dyschorista suspecta Hb.

Орографические и геогностические особенности местности, лежащей в верховьях р. Бабо-хэ, названный исследователь описывает следующим образом.

Ши-шань, т. е. Северо-тэтунгский хребет, представляется ему тройным: южная гряда этого хребта, сложенная из осадочных пород каменноугольной формации, выше; северная же, образованая надкаменноугольными песчаниками, главным же образом желтой и белой, обильно содержащей гальку песчанистой глиной, площе других. На этой-то последней находится высшая точка перевала и с нее-то стекает на запад-северо-запад речка У-ни-хэ (Бабо-хэ), широкая долина которой отделяет хребет Рихтгофена от части хребта Ши-шань, находящейся к западу от перевала Ма-лин (Чжи-нань-лин) и носящей название Ма-лин-шань (Вэнь-ли-коу Нань-шань); последняя представляет цепь высоких мелкорасчлененных вершин, не достигающих вечно снеговой линии, но обилующих пестрыми (красными и белыми) осыпями, прямо указывающими, что они состоят из той же свиты рыхлых надкаменноугольных песчаников и глин, которая встречается и при подъеме с юга на перевал. Ма-лин-шань на западе понижается и постепенно сливается со второй грядой Ши-шаня, а на востоке его пересекают две речки, Лун-ту-хэ и Эр-ду-хэ, берущие начало с хребта Рихтгофена и текущие к югу, в Да-тун-хэ. От верховий долины У-ни-хэ эти речки отделены плоскими, невысокими увалами, которые замыкают долину У-ни-хэ на востоке, образуя связь между хребтом Рихтгофена на севере и хребтом Ма-лин-шань на юге. С перевала дорога спускается в широкую и плоскую долину одной из вершин У-ни-хэ и по ней выходит в продольную долину этой речки, образуемой несколькими ручьями, стекающими как с северного склона хребта Ма-лин-шань, так и с южного склона хребта Рихтгофена, который также сложен из пестрых и рыхлых надкаменноугольных песчаников и представляет гряду, отделенную долиной от высокой скалистой цепи, составляющей главную массу названного хребта.

Из вышеизложенного явствует, что южная гряда хребта Ци-лянь-шань (Рихтгофена) и северная Северо-тэтунгского хребта (Ши-шаня) сложены из одного и того же материала — надкаменноугольных песчаников, среди коих и вырыла свое ложе р. Бабо-хэ (Уни-хэ), и что та и другая гряда служат водоразделами, причем абсолютная высота их, несмотря на мягкость слагающих их пород, лишь немногим ниже абсолютной высоты главной массы обоих хребтов. Эти данные вполне совпадают с материалами нашей экспедиции, сообщенными выше, но из них я делаю вывод, правильность коего оспаривается В. А. Обручевым.

Как бы то ни было, из этих данных следует, как кажется, заключить, что третичное море не покрывало долины Бабо; но оно покрывало долину Хый-хэ и притом столь продолжительное время, что успело отложить приподнятые ныне до абсолютной высоты 5 400—5 800 м наносные толщи мощностью свыше 1 820 м.

Где же в продольной долине верховий Эцзин-гола искать берег этого моря и как объяснить значительное сходство петрографического состава в отложениях обеих эпох и аналогичную гидро- и орографическую роль, которую сложенные из них высоты играют в пластике среднего Нань-шаня?

В самом деле, красные отложения, по данным В. А. Обручева, покрывают северные склоны Толай-шаня и южные хребта Рихтгофена до абсолютной высоты 4 500—4 570 м; если однако принять во внимание, что из тех же мягких отложений сложены и горы в верховьях Хый-хэ, достигающие 5 400—5 800 м, т. е. такой высоты, до которой едва ли даже поднимаются пики помянутых выше хребтов, то становится очевидным, что водораздел рек Линь-шуй-хэ и Хый-хэ выдвинут был до современной высоты процессом, сблизившим оба Наньшанских хребта, и что здесь мы должны видеть явление аналогичное, а может быть и современное тому, которое подняло красные же отложения в верховьях Бабо-хэ, так как не подлежит сомнению, что Вэнь-ли-коу Нань-шань и южная гряда Ци-лянь-шаня, топографически принадлежащие теперь различным хребтам, составляли некогда части одного горного массива, который расчленила р. Бабо-хэ, иными словами, что долина верховий Эцзин-гола обязана своим происхождением размыву горной складки, от которой сохранились теперь лишь жалкие остатки.

Я заключаю настоящую главу пояснением, почему я принял для северной цепи Нань-шаня наименование Ци-лянь-шань.

В «Сан-чжоу-цзи-лё» говорится: на восток от Ша-чжоу (Са-чжоу) за Цзя-юй-гуаном горы вдруг выдвигаются и идут на восток под именем Ци-лянь-шань; это так называемый южный Тянь-шань, который доходит до горы Па-бао-шань, а затем и хребта Цзин-ян-лин.

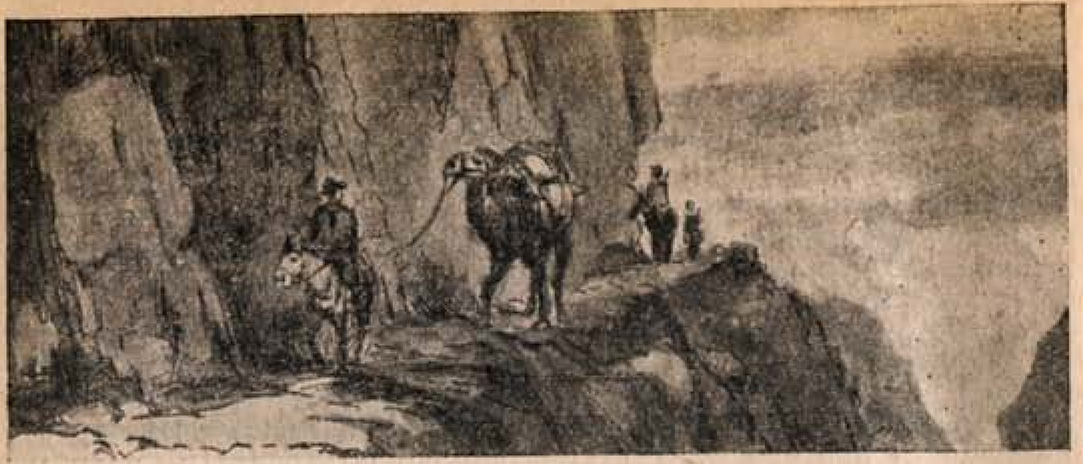
В «Географическом указателе», приложенном к третьему тому «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии», о. Иакинфа, мы находим следующие, заимствованные из китайских источников данные о хребте Ци-лянь-шань: горы эти лежат в Гань-су в 100 ли от г. Гань-чжоу-фу на юго-запад; изобилуют хвойным и разным другим лесом и травами; хунны после потери их пели в песнях: «отняли у нас Ци-лянь-шань, отняли средства к размножению скота». В другом указателе, приложенном ко второму тому «Истории Тибета и Хухунора», тот же автор пишет: Нань-шань под именем Ци-лянь-шань уходит через Гань-чжоу за границу (т. е. на запад); он покрыт здесь вечными снегами.

По объяснению «Мин-и-тун-чжи», р. Чжан-е (Хэй-хэ) прорывается через горы Ци-лянь-шаня, от тающих снегов которых становится более полноводною[171].

Мне кажется, что эти выдержки устанавливают тот факт, что под именем Ци-лянь-шаня китайские географы разумели северную цепь Нань-шаня и что у нас нет причин игнорировать это название. Клапрот так и поступает; его примеру следует и Потье, помещая монастырь Ма-ти-сы у северной подошвы хребта Ци-лянь-шань[172]. Менее положительно высказывается в этом вопросе Рихтгофен[173], которого, видимо, смущает тот факт, что в китайском сочинении «Цзинь-дин-синь-цзян-чжи-лё», изданном при императоре Цянь-луне, говорится, что наименование Ци-лянь-шань в древности приурочивалось к Хамийским горам. Но это кажущееся противоречие станет вполне объяснимым, если мы припомним, что в представлении китайцев Тянь-шань и Нань-шань составляют звенья одной и той же горной цепи. «Северо-Тяньшанские горы, — пишет автор Сань-чжоу-цзи-лё, — скрываясь в земле на протяжении более 1 000 ли, вдруг выдвигаются за Ша-чжоу и Цзя-юй-гуанем и идут на восток под именем Ци-лянь-шань; это так называемый Южный Тянь-шань»[174].

В. А. Обручеву наименование Ци-лянь-шань было известно, но, ссылаясь на китайские карты, он приурочил его ко второй цепи Нань-шаня — хребту Северо-тэтунгскому.

Я не знаю, на какие китайские карты ссылается В. А. Обручев, но должен заметить, что карты, изданные в Китае в XVIII столетии, крайне несовершенно передавая оро-гидрографические особенности области верховий Эцзин-гола, действительно дают повод думать, что под именем Ци-лянь-шаня китайцам известен был хребет, ограничивающий с севера долину Да-тун-хэ. Я имел однако уже случай заметить, что в китайской географической литературе не содержится других сведений о долине рек Бабо-хэ и Хый-хэ, кроме попавшего в нее не прежде начала XIX столетия довольно смутного указания на существование где-то в пределах Нань-шаня обширной долины Е-ма-чуань; в эпоху же составления помянутых карт долина эта, повидимому, даже по слухам не была еще известна китайским географам, которые поэтому и сливали оба хребта в одну горную цепь Ци-лянь-шань, водораздельную между Да-тун-хэ и Эцзин-голом. Рихтгофен утверждает, что наименование Ци-лянь-шань сохранено за Нань-шанем и ныне.



ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПОПЕРЕК ЦИ-ЛЯНЬ-ШАНЯ

Спуск с перевала Лао-ху-ши оказался лишь немногим круче подъема. Изборожденная рытвинами, по которым из-под грязного снега едва сочилась вода, красная глинисто-песчаная почва была здесь плотнее, суше и содержала в большем количестве гальку, чем на южном склоне гряды, вместе же с тем она была здесь и бесплоднее, так как даже непритязательные Aster altaicus и невзрачные Sedum виднелись далеко не везде.

Два километра ниже из-под красной почвы выступили серые скалы глинистого сланца, в которых стекающий с седловины Ляо-ху-ши правый исток р. Ма-шуй-хэ вырыл себе узкое ложе. Сланцевые скалы образовали здесь точно ворота, через которые мы и вступили в сквозное скалистое ущелье, выводящее воды Ма-шуй-хэ на северные склоны Ци-лянь-шаня, к селению Шан-хо-чэн.

На первых порах ущелье это было узко и мелко, но полтора километра дальше оно вывело нас к горам, гребень коих засыпан был снегом. Здесь мы вышли из бокового ущелья в главное, более широкое, но вместе с тем и более величественное. Особенно высоки были горы, сопровождающие ущелье р. Май-шуй-хэ с севера. Относительная их высота едва ли была менее 5 000 футов (1524 м), и эта огромная масса голого камня крутыми темно-серыми уступами уходила под облака. Горы с юга были ниже, скалисты только местами, местами же густо одеты травой. Дно ущелья усыпано было галькой, из-под которой лишь в немногих местах выступала темносерая песчаная почва, поросшая жесткими пучками кипца. Речка, шириной уже около четырех метров, текла по этому дну в капризных извилинах, но заметно прижималась к левому борту ущелья, подмывая здесь террасу из рыхлого конгломерата, сцементированного желто-серой глиной.

Выйдя в главное ущелье, по которому проходила торная дорога к золотым приискам Кака-булан, мы круто повернули сначала на север, затем на восток-северо-восток и, пройдя в этом направлении одиннадцать километров, остановились на ночлег на небольшой лужайке, при новом повороте ущелья к северо-востоку. На всем этом протяжении горы в северном борту ущелья продолжали хранить скалистый и совсем бесплодный характер, слагаясь преимущественно из серых и темносерых глинистых сланцев и тех же цветов известняков и плотных песчаников, лишь казавшихся местами светлобурыми от покрывавшей их глинистой корки; справа же непрерывная стена каменных утесов появилась лишь в конце перехода; на пространстве же первых четырех километров, как замечено было выше, скалы сменялись осыпями и луговыми покатостями с очень темной глинистой почвой.

На этих покатостях мы застали диких яков. Они нас, конечно, заметили раньше, едва мы показались в главном ущелье, но не трогались с места до тех пор, пока не отделились в их сторону наши охотники; а затем они рысью побежали вверх, к гребню, и вскоре скрылись за ним. Казаки их не преследовали. Брат же увлекся другой охотой. Он заметил здесь летающих стайками горихвосток (Ruticilla erythrogastra var. sewerzowi Lor. et Menzb.) и дубоносов (Carpodacus rubicilloides Przew.) и дал по ним несколько выстрелов. К сожалению, разыскать в щебне можно было лишь очень немногих.

Несмотря на солнечный день, термометр не поднялся выше 6° С (в тени), ночью же упал до —4°, причем на Ма-шуй-хэ образовались забереги во всех тех местах, где речка текла не особенно бурно.

Едва забрезжилось утро, как на соседнем утесе появилось стадо куку-яманов (Ovis nahura Hodgs.) голов в двести, медленно спускавшееся в ущелье. Казаки поскакали в чем были, и под защитой яра террасы попытались приблизиться к ним на меру прямого выстрела. Но это не удалось из-за преждевременного выстрела Ивана Комарова, который, опередив товарищей и прикрываясь рытвиной, успел подняться горой в уровень со стадом. Куку-яманы бросились наутек, провожаемые беспорядочной стрельбой наших охотников, и вскоре скрылись в камнях, где, после долгих поисков, и было подобрано нами два экземпляра этих животных. Несомненно, что, стреляя по столпившемуся на скале стаду, казаки должны были ранить многих, но преследовать их далеко по крутогорью не представлялось на сей раз возможным, так как солнце успело выкатиться из-за гор, становилось поздно, а путь на сегодня, по словам проводника, предстоял нам тяжелый и долгий.

Пять километров шли мы еще вниз по ущелью реки Ма-шуй-хэ, и с каждым шагом вперед оно становилось уже, скалистее и мрачнее, причем на протяжении первого километра слева выступали утесы бурого песчаника, а справа более мягкая порода — круто падающая, плотная, почти черная сланцеватая глина, перемежавшаяся с темносерым известняком, но далее ее также сменили песчаники; сначала, как и на левом берегу реки, бурые, а затем темносерые и серо-фиолетовые. На четвертом километре песчаники уступили место сланцам, сначала темносерым кремнистым, а далее более светлым глинистым с прожилками кварца. В этом месте ущелье переходит в теснину, и речка Ма-шуй-хэ, дотоле бежавшая хотя и быстро, но спокойно, получает бурное, стремительное течение. Проследить ее в теснине мы могли не более как на один километр. Дороги тут уже нет, и путнику волей-неволей приходится пробираться вдоль Ма-шуй-хэ по навороченному речкой крупному острореброму щебню с ежеминутным риском свалиться вместе с лошадью и сломать себе при этом падении шею.

Не доходя до теснины, дорога свернула влево, в узкое боковое ущелье, по дну которого струился ничтожный ручей.

Ущелье было узко, пока мы обходили скалы бурого глинистого сланца, но далее оно заметно раздвинулось, причем тропа, оставив ручей, круто взвилась на осыпи правого откоса, образованного песчаниками (частью слюдистыми) и сланцами преимущественно серых и зеленых тонов. И те и другие имеют тонкослоистое сложение и торчат щетками поперек дороги, что делает ее особенно опасной для верблюдов, которые и без того еле умещают свою ступню на узком полотне тропинки. Я, впрочем, не знаю, ходят ли здесь с верблюдами, мы же, хотя и благополучно, но с превеликим трудом провели своего по этому опасному месту. Зато лошади и ишаки прошли его, не задерживаясь ни на минуту.

На шестом километре от устья описываемого ущелья мы вновь спустились на его дно, после чего начался подъем зигзагами на перевал Сюэ-дабан, что значит «снежный». Снега на южном его склоне, впрочем, не оказалось, на северном же, хотя он и лежал пятнами, но не слежавшимися и не большими; к тому же и абсолютная высота перевала 13 553 фута (4 140 м) ниже вечноснеговой линии.

В. А. Обручев пишет, что перевал этот находится выше пояса альпийского луга и что единственную его растительность составляет мох[175]. Отсутствие травяной растительности на Сюэ-дабане отнюдь, однако, не может служить доказательством, что верхний предел ее не достигает в этой части Нань-шаня 3 069 м. Несомненно, что она переходит за эту высоту там, где условия для развития цветковых растений достаточно для того благоприятны, и, чтобы не ходить за примером далеко, вспомним, что кипцовый

луг подымался вдоль ложбин чуть не на самую седловину Ляо-ху-ши (14 183 фута, или 4 323 м), и там только сменялся редкими, но густыми насаждениями Sedum и другими растениями, притом не только на южном, но и на северном ее склоне. Что же касается данного случая, то ведь не только перевал, но и все остальное ущелье в сторону речки Ма-шуй-хэ было бесплодным.

Перевал Сюэ-дабан представляет глубокую, врезанную не менее как на 2 000 футов (609 м) седловину в главном хребте Ци-лянь-шаня. Особенно высок этот хребет к западу от перевала. Его зубчатый гребень тут сразу уходит под вечный снег, из-под которого широкими потоками сползают во все стороны осыпи мелкого серого сланцевого щебня. Местами и на этих осыпях лежал также снег, но это был уже свежий снег, очевидно, выпавший лишь накануне.

Спускаться по перевалу приходится также по осыпи, притом довольно крутыми зигзагами; но их немного, так как сажен 150 (320 м) ниже дорога выходит на речку, вдоль которой уклон дороги уже не столь велик.

Эта речка вывела нас в небольшую котловину, обставленную высокими горами: с юга — хребтом Ци-лянь-шань, с севера — его высоким отрогом, на который теперь нам и предстояло взбираться.

На наш вопрос, имеется ли дорога вниз по помянутой речке, которая, как мы видели, соединившись с другой, вступала ниже в теснину, проводник сказал сначала, что нет, но затем, когда мы уже перевалили через гору Шань-цзао, он сознался, что сказал раньше неправду: дорога там есть, но настолько плохая, что ею редко кто пользуется, а нам с нашим громоздким караваном и совсем было бы не пройти.

Перевал Шань-цзао оказался крутым и высоким, но подъем на него по тропинке с мягким грунтом, по лугу и кустарниковым зарослям совершен был нами без особенного труда. Подобно Сюэ-дабану, он представляет глубоко врезанную седловину в хребте, который, однако, менее высок на западе, чем на востоке, где поднимается изжелта-серый с сильно зазубренной вершиной огромный голец, сложенный, судя по осыпям, главным образом из известняков.

Этот голец изборожден глубокими рытвинами и ущельями на своей юго-западной стороне и с самой вершины до высоты, равной, примерно, 13 000 футам (3 960 м), покрыт осыпями, сползающими, впрочем, местами и ниже, до полотна дороги, которая пробирается здесь над падями на абсолютной высоте едва ли где меньшей 11 000 футов (3 350 м). Путь по описываемому склону гольца оказался нелегким; особенно же тяжелы и даже опасны были места, где еле намечавшаяся тропа, обходя рытвины, шла по круто падающим, покрытым глинистою коркою, горным покатостям. Затем не мало также измучили наших караванных животных и беспрестанные крутые подъемы и спуски, которые привели нас сначала к перевалу Лю-бэн-дабану, а затем и к перевалу Чун-шуй-шань. На последний мы едва поднялись и тут же решили, что далее не пойдем, так как караванные наши животные выбились совсем из сил. Действительно, последний раз мы дневали на р. Го-дабан дней восемь назад, пройдя за это время километров 225, и этот значительный переход без отдыха по горам не мог, конечно, не отозваться крайней усталостью на их силах. Следовало поэтому не только остановиться, но и дневать. К сожалению, на том крутогорье, по которому шли, мы не могли отыскать под бивуак подходящего места и должны были удовольствоваться небольшим выступом скалы над глубокой падью.

День 23 августа был ясный, но свежий, что-то не более 8° тепла в среднем. Это, впрочем, было и кстати, так как, в видах пополнения наших коллекций, мы решили возможно полнее использовать последнюю дневку в Наньшанских горах, а бродить по крутоярам в жаркий день, конечно, дело не легкое. К нашему величайшему прискорбию, добыча этого дня не оправдала наших надежд. Правда, казакам удалось убить трех кукуяманов (Ovis nahura), но это и все, чем в этот день могли мы похвастать. Брату попались одни лишь куропатки (Perdix sifanica Przew.), моя же экскурсия не дала ни одного интересного вида насекомых.

24 августа мы выступили далее. Первые шесть километров мы спускались с гольца по отрогу его между двумя глубокими падями, по которым стекали ручьи, впадающие далее в речку На-дао-гоу, причем тропинка продолжала хранить тот же характер, что и накануне, лепясь узкой, едва протоpенной лентой по крутоярам. Впрочем, наши привычные лошади шли здесь легко и бодро, и только боязнь за верблюда заставляла меня иногда оборачиваться назад на Сарымсака, заботливо спускавшего неуклюжее животное по затвердевшей поверхности глинистых откосов.

Ущелье речки На-дао-гоу, куда мы, наконец, вышли, выглядело очень мрачно. Его замыкали на юге исполинские темносерые скалы магистрального Ци-лянь-шаня, ярко блестевшего на солнце своими снеговыми полями, а справа и слева теснили высокие, местами чуть не отвесные стены такого же дикого серого камня, на которых не было заметно ни клочка зелени. Бесспорно — оно живописно; но красота эта какая-то дикая и жуткая. На зрителя оно производит настолько подавляющее впечатление массой громоздящегося кругом камня, что он забывает любоваться причудливыми линиями подымающихся отовсюду скал и, отдаваясь какому-то безотчетному чувству, стремится вон из него, туда, где неба больше, где как будто дышится легче. Стены его кажутся на первый взгляд недоступными, но мы уже знали, вступая в него, что путь наш лежит именно через них, а не вниз по ущелью речки На-дао-гоу, которое чуть не на наших глазах превращалось в недоступную даже для пеших теснину.

Перейдя через речку На-дао-гоу, берущую начало в снегах магистрального Ци-лянь-шаня и текущую в этом месте потоком шириной около шести метров и глубиной до 60 см, мы тут же вступили в горы ее левого берега по узкой, хорошо замаскированной со стороны ущелья теснине, вымытой небольшим ручьем в сланцевой толще.

Пока мы шли вдоль ручья, тропинка, забросанная щебнем, не отличалась особенной крутизной, но выше начался тяжелый подъем на перевал Шу-ба-чо, замыкавший теснину высокой, почти отвесной стеной, сложенной из пестрых мелкозернистых слюдистых песчаников. Мы одолели эту стену с большим трудом, причем потребовалось не менее получаса времени для того, чтобы собрать на седле перевала, имевшего 12 285 футов (3745 м) абсолютного и не менее 2 000 футов (609 м) относительного поднятия, только лошадей каравана, расползшегося чуть не по всем девятнадцати коленам подъема.

С перевала открылся величественный вид на обширную котловину длиной до шести километров, шириной до полутора километров, обставленную с трех сторон — востока, юга и запада — скалистыми горами, местами переходящими своим зубчатым гребнем за линию вечного снега. Только спустившись в эту котловину, я убедился, что перед нами дно не так давно высохшего моренного озера, которое и у китайцев носит соответствующее название — Хай-цзи, что, повидимому, значит озерное место, урочище.

Спуск с перевала Шу-ба-чо был и положе и короче подъема. Вершина его была лишена растительности, но далее стали попадаться площадки, поросшие кипцом и, как мне теперь помнится, Potentilla fruticosa. Сойдя к грубо, в виде пирамиды, сложенному памятнику на дне бывшего озера, мы круто повернули на северо-северо-восток и, пройдя в этом направлении пять километров, достигли высокого вала из огромных валунов — последней из ряда морен, оставленных ледником при его постепенном отступлении к югу. Абсолютная высота этой морены выразилась цифрой 11 650 футов (3 550 м).

На всем пройденном пространстве дно озера представляло совершенно выровненную поверхность мелкого желтовато-серого песка, местами влажного и поросшего мелкой осокой, местами же сухого и бесплодного, из-под которого кое-где торчали огромные валуны плотного серого известняка. По середине лениво струила свои воды, широко разлившись на рукава, небольшая речка, которая сбегает сюда с снеговой горы на юге по ущелью, повидимому, некогда также служившему ложем для ледника. Часть ее вод поглощается песком котловины, часть уходит под камни первой морены, после чего вновь вырывается наружу из-под широкого вала последующей морены, образуя правую вершину речки Вань-сао-хэ.

Подъем на первую, а по времени образования — последнюю морену, сложенную из огромных валунов известняка, серого сланца и плотного зеленовато-серого песчаника, находится в ее западном краю, в том месте, где с нею сходится вал из камней, принятый мною за остатки боковой морены. Здесь, т. е. на абсолютной высоте 11 650 футов (3 550 м), появляется первая древесная и кустарная растительность, сопровождающая затем речку Вань-сао-хэ на всем ее протяжении до входа в гранитные щеки. Поверхность морены крайне неровная, так как рыхлые отложения не успели еще заполнить промежутков между каменными глыбами, которые и торчат здесь отовсюду своими выветрившимися фиолетовыми боками, резко выделяющимися на яркозеленом фоне сочной травы. Спуск с нее крут, но короток, после чего дорога идет по забросанному щебнем и валунами лугу вдоль берега небольшого, но глубокого резервуара, отличающегося необыкновенно красивым темноголубым цветом воды. Северным берегом этому озерку служит вторая морена, столь же значительная, как и первая; затем следует еще две морены, из коих третья возвышается над четвертой, т. е. северной, самой древней, по крайней мере метров на 90, и наконец тропинка уже сбегает в ущелье помянутой речки Вань-сао-хэ, откуда пройденный ряд каменных барьеров, послуживших некогда плотиной для озера Хай-цзи, выглядит глубокой седловиной высокого хребта широтного простирания.

Ущелье Вань-сао-хэ, вымытое в зеленоватых и серовато-лиловых песчаниках и сланцах, остается весьма узким на протяжении первых четырех километров, где речка бурливо несется среди крупного щебня и валунов, которыми, впрочем, усыпано также и все дно ущелья, притом до того густо, что местами тропинка совсем исчезает под камнем. Травы оказались здесь дочиста вытравленными, равно пострадал и кустарник (Rosa, Rhododendron, Cotoneaster, Lonicera, Salix, Rubus, Potentilla), от которого остались кое-где одни лишь голые прутья. Мы догадались, кто здесь хозяйничал, когда вышли в циркообразное расширение ущелья, в котором застали до сорока яков, пасшихся под присмотром тангута. В этом пункте проводник предложил нам остановиться, но луг был тут до такой уже степени загажен скотом, что мы решили искать лучшего места для бивуака.

Впереди нам предстояло вновь втянуться в ущелье, на этот раз в горах, сложенных исключительно из гранитов.

Эти горы представляют до такой степени резкий контраст с только что пройденной частью Нань-шаня, что невольно напрашивается мысль, что они являются вполне чуждым ему элементом.

Простирание этой гряды, отделенной от весьма здесь пониженной части Ци-лянь-шаня глубоким логом, в котором струится небольшой приток Вань-сао-хэ, — NW—SO; как далеко тянется она на запад — мне неизвестно, но думаю, что видел крутой конец ее к востоку от речки Линь-шуй; к западу же от этой последней, хотя и отступя несколько к северу, вновь поднимается гора Вань-сы-шань (у Лочи — Uon-szu-schan), устанавливающая, может быть, орографическую связь между описываемой гранитной грядой и горами Хэй-шань, относимыми мною, как уже известно читателю, к горам Бэйшанской системы.

При этом здесь обнаружилось бы явление, аналогичное тому, которое наблюдается и на крайнем восточном конце Су-чжоу — Гань-чжоуской мульды, где к передовой цепи Нань-шаня (т. е. к хребту Ци-лянь-шаню) примыкают разрозненные, в сильной степени разрушенные и расчлененные хребты Бэй-шаня, сложенные преимущественно из разнообразных гранитов и гнейсов и в меньшей степени из древних, в большинстве случаев метаморфических, сланцев и песчаников.

Правда, эти хребты, как и горы Хэй-шань, В. А. Обручев относит к Нань-шаню, а не к Бэй-шаню; однако, в своем последующем труде «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань» он не отрицает топографической связи между горами обеих систем [176].

Прежде чем вступить в гранитное ущелье, мы с правого берега речки должны были перейти на левый и, пройдя им под нависшими скалами желтовато-розового крупнозернистого гранита несколько десятков метров, вновь перешли на правый ее берег против того места, где розовый гранит сменился сероватым, мелкозернистым; но далее он вновь стал красновато-розовым и крупнозернистым.

На всем этом протяжении (около трех километров) дорога оказалась каменистой, тесное ущелье и русло речки засыпанным щебнем и крупными отторженцами, растительность очень скудной, степной, частью уже выгоревшей и поблекшей, в особенности на лишенных тени террасах, где, сверх кипца и Avena sp., я заметил полынь, Statice, Zygophyllum, Aster, Oxytropis и Caragana; еще ниже стали встречаться чий (Lasiagrostis splendens) и Eurotia ceratoides.

Для остановки мы выбрали площадку, поросшую еще достаточно свежей травой, близ небольшой постройки, служившей когда-то пикетом. Здесь мы впервые почувствовали, что выходим из гор: было не только тепло, но и жарко; в воздухе тишь, на небе ни облачка, тени — нигде. Но мы ее и не искали. Мы радовались теплу и с особым наслаждением подставляли свои спины под горячие лучи нестерпимо блестевшего солнца. Наконец, холод и другие невзгоды пути — достояние уже прошлого, впереди же — по крайней мере дней десять отдыха и жизни хотя и в китайском, но все же городе... И мы принялись энергично готовиться к вступлению в этот город, ради чего затеяли и бритье, и стрижку, и даже стирку белья.

На следующий день мы продолжали наш путь по ущелью, которое до самого устья оставалось узким, скалистым, бесплодным. Дорога раз двадцать перебегала здесь с одного берега на другой и то шла руслом реки, то взбиралась на скалы и усыпанные щебнем террасы. Везде она была одинаково скверна, так как и там и тут приходилось итти по крупному щебню с той лишь разницей, что в одном месте он был закреплен в грунте, а в другом свободно ходил под ногами.

На 12-м километре от ночлега ущелье, сложенное здесь из розового крупнозернистого гранита, вдруг раздвинулось, и мы вновь перед собой увидели давно уже как будто забытую картину: уходящую в волшебную синь дали, плоскую, усыпанную черной галькой, серую, неприветливую пустыню, по которой изумрудно-зелеными пятнами разбросаны были крошечные оазисы.

И душно в ней и жарко; после недавно испытанных холодов даже чересчур жарко. В воздухе тишина; только далеко-далеко впереди пробежит пыльный вихрь и упадет так же вдруг неожиданно, как поднялся. Солнце блещет ярко и своим отраженным светом режет глаза. На небе тихо плывут редкие облака, за которыми начинаешь уже следить жадным взором: не набежит ли которое-нибудь из них на солнце хоть на минуту, хоть на мгновение, так как только летом в каменистой пустыне человек научается познавать, каким врагом всего живущего могут стать подчас интенсивные солнечные лучи. Не даром же бог солнца Ваал-Шамаим (Мелькарт, Молох) у хананейских племен был богом жестоким, карающим, требующим заживо сжигаемых человеческих жертв; в их представлении он даже сам сжигал себя в течение знойного лета, возрождаясь вновь только весной — вот до чего выродился поэтический солнечный миф в распаленной зноем каменистой пустыне. В ней все мертво... все высохло... нет жизни. Впрочем, впечатление это обманчиво. Она тут, эта жизнь, но притаилась, замерла под жгучими лучами солнца и на мгновение ее будит шумное движение каравана: прыскают в стороны кузнечики, срывается быстрая ящерица и важно и медленно уходит с дороги черный неповоротливый жук.

Караван, стой!..

Мигом все лишнее из одежды снимается, свертывается, приторачивается к седлу, и мы остаемся в одних летних рубашках.

Сперва как будто и облегчение, но вскоре и эта одежда становится в тягость... А солнце жжет все сильнее и сильнее. Лошади

идут уже в мыле, собаки бегут, высуня языки, тщетно ища защиты от зноя в короткой тени, бросаемой лошадьми... И вот наступает, наконец, тот период в движении каравана, который можно назвать томлением по станции, ибо иных уже вопросов, кроме — «скоро ли станция?», из каравана не раздается. А где же скоро, когда мы, оставив вправо от себя речку Вань-сао-хэ с расположенными вдоль нее мельницами и редкими фанзами, свернули прямо в пустыню и бредем в направлении, где решительно ничего на горизонте не видно. На первых порах еще попадались нам сухие арыки, развалины фанз, но и эти остатки культуры остались у нас теперь позади, и перед нами раскинулась ровная, как ладонь, безотрадная, серая степь, где глаз отдыхает лишь на изредка кое-где растущих сизо-зеленых кустах бӧр-текена (Nitraria Schoberi L.).

Наконец, перед нами как-то вдруг развернулся оазис Цюнь-цзы. Мы вышли здесь на дорогу в Су-чжоу и стали бивуаком на поле, близ гумна порядочной на вид фанзы. Ее хозяин встретил нас с распростертыми объятиями. Еще бы! Хлеб был уже убран, потравы быть не могло, а между тем после нас ему должен был остаться помет шестидесяти караванных животных, что при весьма ограниченном количестве содержимого в местных китайских хозяйствах скота представляло ценность не малую.

На следующий день мы поднялись с рассветом и, живо собравшись, тронулись к Су-чжоу, до которого нам оставалось еще без малого километров шестнадцать.

Первые семь километров дорога шла по оазису, затем пересекла небольшой участок глинисто-песчаной пустыни, поросшей кустами Reaumuria soongorica, гребенщика и бӧр-текена, и, наконец, вышли на широкий сай речки Линь-шуй, среди коего, на отмели, виднелись какие-то постройки. По ту сторону этого сая мы уже вступили в пределы Су-чжоуского оазиса и, пройдя им около четырех километров, свернули вправо, обогнули развалины дунганского города и вышли на болотистый луг, на котором, в виду городских стен, и остановились.

Увидел ли нас сам Сплингард, дал ли ему кто-нибудь знать о нашем прибытии — теперь не помню, но только не прошло и десяти минут, как его посланный явился звать нас на завтрак.

И вот мы снова среди его милой семьи, которая встретила нас горячими рукопожатиями и приветливыми улыбками.

Какой это был для нас радостный день! Да и для нас ли одних? Я искренно убежден, что радость встречи была обоюдной. Однако и в доме Сплингарда нашелся человек, на которого наши оживленные лица, видимо, произвели неприятное впечатление. При нашем появлении он неохотно приподнялся и, обменявшись поклоном, немедленно покинул двор, в котором мы все столпились.

— Кто это?

— Французский путешественник Жозеф Мартин (Joseph Martin).

Тот Жозеф Мартин, который месяцев пятнадцать спустя так печально окончил дни свои в военном госпитале г. Нового Маргелана.

Он заболел еще в Лян-чжоу-фу, больным приехал в Су-чжоу и теперь переживал здесь настолько мучительные для своего самолюбия дни, что намеренно искал полного одиночества. Вот что рассказал он нам впоследствии, когда мы ближе сошлись, о своих злоключениях.

Вернувшись во Францию из своего путешествия по Восточной Сибири, где он посетил малоисследованный район Якутской области (северо-западные склоны Станового хребта), он задумал совершить новое путешествие, на этот раз по Китаю. Убаюканный обещанием, что средства, достаточные для осуществления этого предприятия, будут ему впоследствии высланы, он приехал в Россию, где в судьбе его принял горячее участие генерал-лейтенант Стебницкий, не замедливший снабдить его инструментами и рекомендательными письмами; сверх того, он же выхлопотал ему и небольшое денежное пособие. С этими ничтожными средствами и надеждой, что обещанная сумма будет ему своевременно выслана, он и начал свое путешествие. Затем в Парижское Географическое общество он писал неоднократно и теперь в Су-чжоу выжидал результатов этих напоминаний.

— Вы знаете, — говорил он нам, — что подчас я впадаю в отчаяние. Мне кажется, что я и болен потому только, что меня мучает сознание, что я поступил как мальчишка, бросившись в авантюру с таким легковесным багажом, как обещание... Я исчерпал все ресурсы, обращался ко всем тем, кто мог мне помочь, и теперь у меня осталась одна лишь надежда на помощь герцога Шартрского.

Накануне нашего отъезда из Су-чжоу он отдал нам визит. На этот раз, против обыкновения, он был разговорчив и сообщил нам много интересного о пройденном им пути по Китаю, через города Пекин, Юй-чжоу, Ин-чжоу, Шань-ин-сянь, Со-чжоу, Шэнь-чи-сянь, Кэ-лань-чжоу, Син-сянь, Юй-линь-фу, Ми-чжи-сянь, Суй-дэ-чжоу, Ань-дин-сянь, Ань-сай-сянь, Бао-ань-сянь и далее вдоль предгорий Лу-гуань-лина до г. Бин-ян-сяня и через города Янь-ча-тин и Лань-чжоу-фу в Лян-чжоу-фу.

— Ну, а теперь куда же вы намереваетесь итти?

— Будь у меня достаточные для сего средства, я попытался бы через Куку-нор, Цайдам и Кам проникнуть в восточную часть Сы-чуани, ну, а теперь приходится выбираться кратчайшим путем из Китая.

— В таком случае вам представляется прекрасный случай добраться до границы, присоединившись к нашему каравану.

— Нет, друзья мои, с вами я не пойду, так как это значило бы свести на-нет все мое путешествие. У меня иной план: итти через Са-чжоу и Лоб-нор на Хотан, дабы повторить путь Марко Поло.

И он, действительно, тронулся в этот путь и, как известно, благополучно прибыл в Хотан, где в июне 1891 г. встретился с другим французским путешественником Гренаром. Его организм не выдержал, однако, всех трудностей исполненного лишений пути. Совсем больным добрался он до г. Нового Маргелана, где и скончался в военном госпитале в начале зимы 1891 г.* О судьбе его дневников и коллекций, кроме ботанической, мне ничего неизвестно.

Я привел свои воспоминания о Жозефе Мартине в видах пополнения того немногого, что известно о последних днях этого отважного путешественника.

В Су-чжоу мы застали письма с родины и 600 руб. (270 лянов на китайское серебро по тогдашнему курсу), переведенных нам Зоологическим музеем Академии Наук через кульджинского дао-тая. Эти деньги значительно облегчили нам нашу задачу довести экспедиционный отряд до Джаркента без особых лишений; тем не менее мы все же не избегли необходимости продать в Су-чжоу запасные ружья и револьверы, некоторые инструменты и утварь, без которой мы так или иначе могли обойтись. Все это в совокупности дало нам еще около 50 лян серебра. Затем было решено переформировать караван и продать одну из наших лошадей, силы которой были подорваны предшедшей тяжелой работой.

Как уже известно читателю, в г. Хами мы оставили часть наших коллекций, а в Су-чжоу, сверх коллекций, и некоторые предметы экспедиционного снаряжения. Собранное вместе, все это должно было составить с амбалажем не менее 98 кг, или груз по крайней мере 12 лошадей. Завести этих последних было решительно не на что. И вот по совету Сплингарда, мы подрядили две китайские арбы, сложили на них все громоздкое, все ненужное и под присмотром старика Николая и джигита Ташбалты отправили большой дорогой в Хами, а сами двинулись туда же налегке верблюжьей тропой; но о подробностях нашего выступления из г. Су-чжоу — до следующей главы, а теперь я перехожу к краткой характеристике климата пройденной нами горной страны за вторую половину лета, с 16 июля по 26 августа.

Общая длина пути от укрепления Чан-ху до устья ущелья Вань-сао-хэ равняется 767 км, из коих первые 250 км пролегали вдоль южных склонов Сининских альп и озера Куку-нора, а остальные 517 км среди параллельных цепей Нань-шаня. На всем этом пространстве путь держался на средней абсолютной высоте 3 350 м, причем только однажды, в устье ущелья Вань-сао-хэ, спустился до абсолютной высоты 1 860 м и также всего лишь однажды поднялся выше 4 270 м (на перевале Лао-ху-ши). Всего больше дней наблюдения пришлось на котловину озера Куку-нор (16 дней) и продольную долину между хребтами Ци-лянь-шань и Северо-тэтунгским (14 дней). Средняя абсолютная высота первой совпадает с вышеприведенной общей средней 3 350 м, средняя же абсолютная высота второй превосходит ее на 130 м, что видно из следующих данных:

---

* Дата смерти Жозефа Мартина 23 мая 1892 г. Статьи о нем были напечатаны в «Compte nendu». Soc. Géogr., Paris, за 1892 [*Прим. ред.*]

Перевал Черик	13 930 футов (4 246 м)	средняя 11 400 футов (3 479 м)
Место слияния рек Хый-хэ и Бабо-хэ	8 900 футов (2 712 м)	
Перевал Лао-ху-ши	14 183 фута (4 270 м)	средняя 11 500 футов (3 505 м)

Общее число дней наблюдения равнялось 41: из них дней ясных (совершенно безоблачных вовсе не наблюдалось), т. е. таких, когда небо было подернуто перистыми (cirrus), перисто-слоистыми (cirro-stratus) и перисто-кучевыми (cirro-cumulus) облаками, было двенадцать; облачных, т. е. таких, когда небосклон был частью покрыт слоистыми (stratus) или кучевыми (cumulus) облаками в течение всего дня, семь; пасмурных, когда небо было сплошь или большею частью затянуто дождевыми или слоистыми облаками, пять; в остальные же семнадцать дней наблюдалось переменное состояние неба, из них пять дней были наполовину ясными, наполовину облачными, десять дней наполовину облачными, наполовину пасмурными, и два дня, с утра ясные, к вечеру стали пасмурными. Этими данными подтверждается произведенное мною и ранее наблюдение, что ясное состояние небосклона даже в горах является для пройденной экспедицией части Гань-су преобладающим.

Дождь перепадал всего шестнадцать раз; в том числе четыре раза сопровождался градом, всякий раз при западных ветрах (два раза при юго-западном и два раза при западном). Сильный дождь выпадал всего лишь дважды, а именно: 30 июля на р. Бухаин-гол и 13 августа в долине Хый-хэ; ситник же шел три раза в июле и два раза в первых числах августа. Густой, при очень низкой температуре, туман окутывал нас в течение двух дней — 18 и 19 августа, в долине р. Хый-хэ (3 658 м). Тогда же выпал и первый снег с крупой, шедший с большими интервалами в течение трех последующих дней при сильных ветрах с запада и юго-запада; снег этот, выпавший, например, в ночь с 20 на 21 августа, на глубину около 30 см, держался однако недолго и уже к 10 часам утра следующего дня оставался лишь кое-где по логам. Этому снегу предшествовало, при ясном небе и полном затишье, весьма значительное для этого времени года понижение температуры (до —10°). Гроза наблюдалась четыре раза с W, SW, SO и NO, все четыре в июле. Таким образом, дней с осадками, большею частью ничтожными, за весь рассматриваемый период времени оказалось девятнадцать, в процентах — 46% с небольшим, т. е. на 20% более, чем в первую половину лета. Вообще, однако, лето 1890 г. оказалось далеко не столь обильным осадками, как это следовало ожидать, судя по данным Н. М. Пржевальского, характеризовавшего климат этого времени года в западной части Гань-су чрезвычайно дождливым. Росы и инеи были уже не столь часты, как в первую половину лета.

Ветреных дней было девятнадцать, что составит менее 50% общего числа дней наблюдения. Сильный ветер наблюдался всего лишь три раза, каждый раз с юго-запада или запада; он поднимался после полудня, к двум часам достигал наибольшего напряжения и затем стихал, переходя очень быстро от более сильных порывов к слабейшим. В общем, однако, в котловине озера Куку-нор и в Наньшанских горах господствовало затишье, и все остальные зарегистрированные мною случаи относятся к ветрам умеренным или слабым, в возникновении и прекращении коих нельзя было наблюсти никакой правильности; впрочем, следует отметить, как общее правило, что по ночам наблюдалось обыкновенно полное безветрие. Что касается преобладающего направления ветров, то оно попрежнему оставалось западным, как это показывает нижеследующая таблица.

Число дней		Ясно	Облачно	Переменно	Пасмурно
C	21, из них	3	4	9	5
N	3 »	1	—	1	1
NW	2 »	—	1	1	—
W	6 »	—	1	2	3
SW	3 »	—	1	2	—
S	1 »	1	—	—	—
SO	1 »	—	—	1	—
O	2 »	1	—	1	—
NO	3 »	—	1	1	1

Особенно сильные дожди выпадали, как сказано выше, два раза: в ночь с 30 на 31 июля при ветре с N и 13 августа при полном затишье; глубокий снег 20 августа при ветре с SW; затем в остальных случаях выпадения осадков затишье наблюдалось девять раз, северный ветер один раз, западный четыре раза, юго-западный один раз и юго-восточный один раз.

Эти данные, в связи с данными за первую половину лета, находятся в некотором противоречии с наблюдениями Н. М. Пржевальского, давшими возможность А. И. Воейкову ввести западную часть провинции Гань-су в сферу сильного влияния китайского муссона, что я заключаю из следующих его слов: «Господство летнего южного муссона начинается уже с мая, и в этом месяце выпадает чрезвычайно много дождя и снега, но нередки и ясные, сухие дни. От июня до половины октября почти каждый день идет дождь или снег, осадки несравненно обильнее, чем в Монголии, господствующий ветер SO, вообще однако слабый» [177].

Если данные Н. М. Пржевальского признать нормальными для западной Гань-су, то проведенное нами там лето 1890 г. следует считать аномалией, объясняемой слабо проявившимся там в этом году южным и летним муссоном. Отсюда сравнительная бедность в осадках, редкость юго-восточных ветров, меньшая облачность и т. д. Однако с таким выводом трудно согласовать следующие факты. Прежде всего уровень местных рек, который, повидимому, был не ниже обычного. Затем, как объяснить, при обилии в западной Гань-су летних осадков, повсеместное преобладание степи над лугом, притом не только в широких горных долинах, но и в ущельях, и необходимость для местного земледельца искусственного орошения полей даже в таких глубоких, открытых на юго-восток, долинах, как Да-тунская? Наконец, как могла, при наличности постоянных дождей, возникнуть в Гань-су та безотрадная, совсем почти бесплодная пустыня, которую мы встретили на левом берегу Хуан-хэ выше и ниже Гуй-дэ?

Но это не все. Я укажу еще на один факт, а именно на распределение лесов в горах Наньшанской системы, которое еще менее поддается объяснению с вышеуказанной точки зрения.

«Растительность в горах Гань-су вообще очень роскошна, — пишет А. И. Воейков, — но однако обширные леса встречаются лишь в южном хребте и то на северном его склоне», иными словами, в защищенной от влияния северо-восточных холодных ветров двумя цепями гор, обращенной на юго-восток, глубокой и влажной Да-тунской долине, притом на наиболее влажном из ее склонов. Между тем еще более значительные леса встречены были нами, как уже известно читателю, на северных склонах хребтов Северо-тэтунгского и Ци-лянь-шаня, притом в той их части, которая обращена прямо на север, в сторону Гобийской пустыни, и заслонена от юго-восточных ветров высокими массами гор. Если допустить, что влага доставляется Наньшанским горам одним лишь китайским муссоном, то как объяснить себе этот факт? И вот как-то невольно начинаешь подумывать о влажных северо-западных ветрах, которые достигают же Карлык-тага. Что же препятствует им достигать и передовых цепей Нань-шаня, которым и отдавать весь запас своей влаги, неизрасходованной в жгучей Джунгарской пустыне и в знойном Бэй-шане?

Как бы то ни было, все вышеописанное возбуждает некоторое сомнение в непреложности выводов А. И. Воейкова и самого Н. М. Пржевальского относительно климата Нань-шаня и заставляет склониться к мнению, что не 1890 г. был аномалией, а, наоборот, необыкновенно дождливый 1872 г., на данных коего главным образом и построены выводы обоих помянутых авторов.

Первый раз в рассматриваемый период термометр опустился ниже 0° в 3 часа утра 5 августа на р. Ихэ-улан при едва ощущавшемся северном ветре; затем мороз наблюдался впервые в долине Хый-хэ, выше устья р. Ихур, причем термометр последовательно показывал: вечером 15 августа (на абсолютной высоте 3 236 м) —2°, утром 16-го —4° и в 4 часа утра 17-го, при совершенно ясном небе и едва ощутимом западном ветре, —10° — предельную цифру, до которой спускалась ртуть в августе месяце. Во все последующие дни термометр хотя и показывал по ночам ниже 0°, но морозы уже не переходили за —4° и лишь в одном случае ртуть стояла на —5°,5 (23 августа); всего же дней с показаниями термометра ниже нуля было в августе десять.

Максимум температуры (26°) выпал на 10 августа; в этот день мы спустились в зону лиственного леса р. Бабо-хэ и находились на примерной высоте 2 855 м. В июле ртуть термометра не опускалась ниже 3°, но и не подымалась в тени выше 25°; в августе же колебания температуры были более значительны, и предельные цифры составляли +26° и —10°, одна после другой на пространстве недели и при разности абсолютных высот в 396 м. Вследствие прозрачности и сухости атмосферы в ясную погоду падение температуры после захода солнца ощущалось всегда очень заметно; в действительности, однако, суточные амплитуды не отличались большей величиной и лишь в единичных случаях достигали 22° в июле (на р. Дао-тан-хэ 20 июля) и 25° в августе (на р. Бабо-хэ 10 августа); случались также и очень теплые ночи, когда термометр не опускался ниже 10° (на р. Бухаин-гола с 31 июля на 1 августа, при затишье и пасмурном небе).

Некоторые особенности температур за вторую половину июля и август видны из таблицы на стр. 538.

Таким образом, за весь рассматриваемый период самый холодный день выпал на 22 августа, когда суточная средняя из одиннадцати наблюдений выразилась —1°,25, самый теплый день в июле — на 30-е число, когда та же средняя из одиннадцати наблюдений составила 16,7°, и в августе — на 11-е число, когда та же величина определилась в 17°.

Место и дата наблюдений	Минимум температуры		Максимум температуры		Суточная средняя температура	Число наблюдений	Состояние небосклона	Характер и преобладающее направление ветров
	часы наблюдений	показатели t°	часы наблюдений	показатели t°				
Июль								
Река Дао-тан-хэ 19	4 ч. утра	7°	12 ч. дня	25°	15°,5	15	Ясно	слабый О
» 20	»	3°	»	25°	14°,7	19	Облачно	W. В 1 ч. пополудни гроза
Озеро Куку-нор 23	»	7°	»	18°	13°	13	Облачно	С.
» 26	»	6°	»	22°	15°	17	Ясно	С.
» 28	»	8°	»	24°	16°	12	Ясно	С.
» 30	3 ч. утра	6°	»	24°	16°,7	11	Ясно	С. Перед грозой
» 31	»	8°	11 ч. утра	22°	14°	12	Облачно	С. Перед дождем
Август								
» 1	4 ч. утра	10°	12 ч. дня	16°	12°,5	14	Переменно, временами мелкий дождь	С.
» 2	3 ч. утра	9°	»	22°	14°,7	13	Облачно	С.
Река Ихэ-улан 5	3 ч. утра	— 1°	»	13°	5°,3	9	Переменно	Слабый N.
Река Да-тун-хэ 6	4 ч. утра	1°	»	12°	7°	10	»	С.
Река Бабо-хэ 9	3 ч. утра	3°	1 ч. дня	21°	12°,7	12	Ясно	С.
» 10	4 »	1°	12 ч. дня	26°	13°,3	12	»	После полудня NO, быстро понизивший температуру
» 11	4 »	9°	1 »	25°	17°		Ясно	С.
» 12	5 »	8	1 »	24°,5	14°,8	10	Переменно	С.
Река Хый-хэ 16	1 » 4 »	— 4° — 1°	12 »	14°	2°,5	12	Облачно	W. После полудня снег
» 17	4 »	—10°	1 »	15°	1°,3	12	Ясно	W.
» 19	12 » 4 »	— 1° — 0°	1 »	2°	0°,5	11	Пасмурно, туман	SW и NO порывами, с большими интервалами.
» 20	1 » 4 »	— 3° — 0°	1 »	3°	—1°	9	Пасмурно	Сильный SW, снег
Голец Чун-шуй-цань 22	4 »	— 4°	2 »	4°	—1°,25	11	Облачно	С.
» 23	4 »	— 5°,5	12 » 3 »	9° 13°	2°,25	12	Облачно	С.
Ущелье Вань-сао-хэ 25	4 »	8°	12 »	26°	15°,8	10	Ясно	С.

Наконец, еще несколько данных:

Наибольшая средняя температура дня составляла (с 6 ч. утра до 6 ч. вечера) 21°,75 (11 августа).

Наименьшая средняя температура составляла (с 6 ч. утра до 6 ч. вечера) 0°,5 (20 августа).

Наибольшая средняя температура ночи составляла (с 6 ч. вечера до 6 ч. утра) 11° (с 31 июля на 1 августа).

Наименьшая средняя температура ночи составляла (с 6 ч. вечера до 6 ч. утра) — 7° (с 16 на 17 августа).

Вообще следует заметить, что, в противоположность июлю, в особенности же июню, август отличался более резкими скачками температуры, что, впрочем, видно и из сравнения их амплитуд, равнявшихся в июне 19°, в июле 29° и в августе 36°.

Средние за три летних месяца составляли: для июня 12°, июля 16°,6 и августа 7°,6. Значение этих средних должно быть однако учтено в соответствии с частой переменой пунктов наблюдения. Средние месячные, полученные Н. М. Пржевальским для гор Гань-су, выражались цифрами: июльская +14°,1, августовская +10°,1 [178].

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ПО ОАЗИСАМ ПРИНАНЬШАНЬЯ

В г. Су-чжоу мы оставались девять дней, посвященных переформированию вьючного каравана, закупке провианта на долгий путь через Бэй-шань и приисканию проводника. Последний нашелся не скоро. Это был довольно мрачного вида китаец, который, как впоследствии оказалось, несколько раз ходил из Су-чжоу в Хами во главе верблюжьего каравана и в общем знал дорогу удовлетворительно; но вместе с тем уже с первых шагов по пустыне выяснилось, что он решительно ничего не знает об окрестной стране. Эти сведения мы почерпнули из бесед с встречными монголами, сопутствовавшими нам по Бэй-шаню до бывшего пикета Мын-шуй.

Мы выступили 5 сентября, в теплый солнечный день. Река Тао-лай (Бэй-хэ) пройдена была на этот раз без всяких затруднений даже нашими осликами, которые, отдохнув в Су-чжоу, бодро бежали теперь под своим громоздким вьюком. А мы сомневались еще в их выносливости и думали, что выпавшая на их долю задача — нести 655 кг фуража кроме всяких неудобозавьючиваемых предметов — будет им не по силам.

За р. Тао-лай вновь развернулся перед нами участок каменистой пустыни, клином вдавшийся среди зеленых полос недалеких оазисов, но в веселой болтовне с Сплингардом, который захотел проводить нас до Цзя-юй-гуаня, мы прошли ее незаметно. Да к тому же уже с полдороги крепость стала видна как на ладони — вот-вот и мы очутимся под ее стенами.

Кажущаяся близость предмета — явление, в Средней Азии довольно обычное. В данном же случае оно объяснялось не только сухостью и прозрачностью воздуха, но и удачным расположением Цзя-юй-гуаня над окрестной пустыней.

Действительно, уже от русла Тао-лай-хэ дорога пошла в гору, подымаясь едва ли где меньше 15 м на километр, а затем и самая крепость оказалась выстроенной точно на пьедестале на краю

плоского холма, точнее — обрыва каменистой пустыни, залегающей между Хэй-шанем и передовой цепью Нань-шаня.

За километр от крепости нас встретил китайский чиновник со свитой из четырех человек. Сплингард поспешил надеть свою форменную шляпу, после чего все сошли с лошадей. При этом тотчас же обнаружилось, что Сплингард выше чином и положением выехавшего ему навстречу китайца, так как на его обычное приветствие «гун-чао», заключающееся в прижатии к груди сложенных вместе рук, тот ответил на две степени более почтительным «да-цзянем», при котором приседающий делает вид, что намерен пасть на колени.

На заявленное нами желание стать бивуаком в степи, при воде, чиновник одобрительно кивнул головой и, перемолвившись со Сплингардом, повел нас к южному углу крепости, где в логу мы нашли и воду и вполне удовлетворительный корм.

На следующий день Сплингард проводил нас за великую стену. Здесь мы еще раз горячо обнялись и разъехались в разные стороны. Перед нами лежала теперь почти не исследованная часть Гобийской пустыни, о которой путем-дорогой нам рассказывали немало чудесного. Между прочим, нам передавали, и притом неоднократно, что по пути мы встретим горных козлов; так как козлы — обитатели очень высоких скалистых хребтов, то вполне естествен был и тот интерес, с каким мы внимали каждому такому рассказу; но по мере того, как мы подвигались на север, туда же отодвигались и места возможной их встречи, пока от халхасцев-охотников мы, наконец, не узнали, что горные козы в Бэй-шане едва ли не миф. Зато с полной уверенностью те же охотники говорили нам о маралах (бугу) и аркарах (аргали) в горах Ихэ-Ма-цзун-шань. Аркаров, как уже известно читателю, мы встретили и в других пунктах Бэй-шаня, маралы же остались у нас под сомнением. Впрочем, нет ничего невероятного в том, что в высоком хребте Ихэ-Ма-цзун-шань и до сих пор еще удержались олени, как удержались они в Алашанском хребте [179], в тугаях Аму-дарьи и в тограковых лесах по Тариму. Как бы то ни было, все эти рассказы, не исключая и явных сказок, например, о волосатых немых дикарях, лишь способствовали возбуждению в нас интереса к Бэй-шаню, казавшемуся нам и так страной обетованной для всяких открытий.

От Цзя-юй-гуаня почти до селения Хой-хой-пу мы шли большой дорогой по местности, которая представлялась теперь в сентябре столь же безотрадной, как и ранней весной, когда на сером фоне песка и гальки, иногда на протяжении десятков метров, не попадалось ни кустика, ни былинки. За укреплением Хун-шань-цзя ландшафт стал несколько веселее: то там, то сям стали мелькать пучки чия (Lasiagrostis splendens Kunth.), кустики терескена (Eurotia ceratoides G. A. M.), некоторые солянки (Horaninovia sp.?, Salsola sp.?), Hedysarum multijugum Maxim. и Halogeton arachnoideum Mog.-Tand.; присматриваясь же ближе, можно было, сверх того, заметить среди гальки и более мелкие травы: Tanacetum multijugum Maxim., приземистую Artemisia fragrans var. subglabra Winkl., и остатки давно уже засохшего ковыля (Stipa sp.?).

Километра четыре не доходя до селения Хой-хой-пу, мы оставили большую дорогу и, свернув с нее вправо, без тропинки направились к ясно видневшемуся в горах устью ущелья. На этом участке пути среди галечника стали часто попадаться глинистые площадки, поросшие чахлым гребенщиком (Tamarix laxa Willd.?); в то же время поверхность степи приняла неровный характер и казалась изборожденной множеством узких и неглубоких русел, которые, образуя сеть, имели общее направление к северо-востоку. В том же направлении уходило и настоящее речное русло, пройденное нами на пятом километре от сворота с большой дороги, плоское и безводное, хотя и с ясными следами бежавшей в нем недавно воды. Я думаю, что это русло речки Чан-шуй, текущей к западу от селения Хой-хой-пу; В. А. Обручев, который пересек гряду Хэй-шань (Цзя-юй-гуань-шань), следуя вдоль ее русла, называет ее по имени помянутого селения.

В километре отсюда крутым уступом начинались горы. В них мы вступили неглубоким ущельем, проложенным среди пестрых песчанистых глин и глинистых песчаников и конгломератов, относимых В. А. Обручевым к надкаменноугольным отложениям.

Подходя к горам, я не видел следов какого-либо русла, но в глубине ущелья оно вдруг обозначилось; а далее я нашел даже кое-где и влажный песок. Что это за русло? Дождевой ли сток или продолжение неусмотренного мною ранее ложа временного ручья, берущего начало где-нибудь в предгориях Нань-шаня южнее дороги — вопрос этот так и остался невыясненным.

По руслу, со второй половины ущелья, стал попадаться камыш, выше же росли гребенщик (Tamarix laxa Willd.), терескен (Eurotia ceratoides C. A. M.), Atraphaxis lanceolata var. divaricata Ledb., Apocynum venetum L., Peganum harmala L. и травы: Statice aurea L., St. otolepis Schrenk, Zygophyllum Potanini Maxim., Artemisia dracunculus L., Astragalus sp.? и некоторые другие.

Ущелье — длиной около шести километров — вывело нас к селению Ша-гоу, раскинувшемуся вдоль р. Ма-гэ-чэн, которая, при глубине свыше 30 см и быстром течении, имела не менее четырех метров ширины. После Чи-ю-хэ это самая значительная из речек, сбегающих с Нань-шаня в участке между Су-лай-хэ и Тао-лай-хэ, и мне кажется, что это ее истоки, а не ничтожной Чан-шуй (Хой-хой-пу), находятся на перевале Те-дабан через Тао-лай-шань. Впрочем, в дневнике у меня отмечено, что речка эта берет начало в ключах и болотах Чи-цзинь-ху.

Группа фанз селения Ша-гоу, приютившаяся в тени высоких тополей и развесистых ив, выглядит очень нарядно. Запашки велики и, судя по ним, можно думать, что местное население благоденствует. В действительности, однако, тощая и сухая песчанистая почва вдоль речки Ма-гэ-чэн родит плохо. Удобрить ее как следует нечем, напоить досыта невозможно. А что почва Ша-гоу действительно очень суха, видно хотя бы из того, что пустыня начинается сейчас же за порогом фанзы; где нет тени, там нет иной растительности, кроме хвойника (Ephedra sp.?), гребенщика или чия; даже по межам и по краям оросительных канав ютится поросль, характеризующая пустыню: джантак (Alhagi kirghisorum Schrenk), ак-тегене (Lycium sp.?), Zygophyllum Potanini Maxim., полынь и нигде при этом ни кусочка настоящего луга.

Несмотря на усиленные хлопоты проводника, мы с трудом могли собрать здесь достаточное количество фуража, да и то по цене, значительно превышающей сучжоускую.

В селении Ша-гоу мы только ночевали и ранним утром тронулись дальше.

Долиной Ма-гэ-чэна мы шли километров пять, имея вправо отроги Хэй-шаня, а влево гору То-хо-тай-цзы, представляющую одну из самых высоких точек Чи-цзинь-шаня, иначе Чао-цзянь-шаня. Но уже к концу этого участка дороги горы заметно раздвинулись, и река выбежала в обширную котловину, которую нам и предстояло теперь перейти. Река Ма-гэ-чэн уходила здесь вправо, но русло ее, зарывшееся в песчано-глинистую почву котловины, мы могли проследить самое большее что на километр; несомненно, однако, что оно протягивается далеко к северо-востоку, может быть достигая населенного монголами урочища, в центре которого, как нам говорили, имеется небольшой водоем. Крейтнер называет его Па-лин-хай[180]. Таково ли действительно современное его название, я не знаю, так как, к сожалению, утратил относящуюся до него запись; древнее же название урочища, как кажется, было Хоу-лю-вань.

Котловину мы пересекли в северо-северо-западном направлении и, только подойдя уже к бугристым пескам, с юга окаймляющим оазис Инь-пань-фу-цзы, иначе Хо-хой-цзы, свернули на север. В общем от устья Ма-гэ-чэнского ущелья до оазиса мы насчитали тридцать два километра, из коих на долю песков пришлось не более четырех километров; все же остальное пространство занимала глинисто-песчано-галечная пустыня, ровная, да и голая, как ладонь.

На первых порах нам еще попадались сухие русла временных потоков, выносящих воду с массива То-хо-тай-цзы на северо-восток, к котловине Па-лин-хай, но далее даже и эти вымоины перестали разнообразить монотонный характер пустыни, широкой, ровной скатертью уходившей на север.

Туда, палимые солнцем, погоняли мы своих лошадей, но прошло добрых четыре часа времени, прежде чем мы завидели впереди узкую полосу зелени. Наконец-то!

Но нет, это был еще не оазис, а заросли Lycium и Nitraria на песчаных буграх, опоясывающих с юга оазис. Сперва мы встретили летучие пески, редкими холмиками набросанные на глинистой почве пустыни, а затем дорога вступила в бугристые пески, уже закрепленные густой растительностью. Подвижные пески имели в высоту не более полутора метров, закрепленные и того меньше. Простирание их весьма коротких гребней (наибольший из песчаных валов не имел и 10 м в длину) было северо-северо-восточным, заветренный их склон, т. е. более крутой, обращен был на запад. О тех же песках, хотя и лежавших дальше к востоку, В. А. Обручев пишет следующее: «Простирание гребней барханов и барханных валов NO 30°, крутые склоны обращены к OSO; но формы сглажены вчерашним дождем и последними SO ветрами, насыпавшими пологие откосы у крутых склонов и срезавшими острые гребни» [181]. Сопоставление этих наблюдений указывает на весьма интересную климатическую особенность котловины Инь-пань-фу-цзы, а именно, что господствующие в ней летом северо-западные ветры к осени сменяются юго-восточными.

Оазис Инь-пань-фу-цзы занимает площадь, равную приблизительно 34 кв. км. В его центре выстроен обнесенный глинобитной стеной городок, который собственно и носит приведенное выше название Инь-пань-фу. В прежнее, однако, время он, повидимому, носил иное название: в китайской географической литературе мы находим указание, что на северо-запад от крепости Хой-хой-пу, за горой Ку-ань-тай, находится городок Шань-ма, через который проходит большая дорога на Хунду-лэн. Это, надо думать, и есть наш городок.

Добиться, при помощи Сарымсака, ясного указания на источник снабжения оазиса водой я не мог; но у меня составилось убеждение, что Инь-пань-фу-цзы живет главным образом водою ключей и в меньшей степени водой р. Чи-ю-хэ. Во всяком случае воды должно потребляться здесь больше, чем может дать одна Чи-ю-хэ, и бежит она по оазису с такой стремительностью, которая ясно указывает на крутой уклон котловины к востоку. Русла р. Чи-ю-хэ я не встретил; имея, однако, в виду, что В. А. Обручев говорит о русле, даже о нескольких руслах на южной окраине песков [182], вполне допускаю, что я его проглядел или, что также возможно, что на моем пути его затянуло песком. Как бы то ни было, большое число колодцев в Инь-пань-фу-цзы с затхлой, солоноватой водой свидетельствует о временами случающемся здесь недостатке в проточной воде. Этот недостаток, в свою очередь, вполне объясняет и незначительность местных полей и очень малую их урожайность.

Бивуаком мы встали близ городских стен, у арыка, осененного огромными тополями. Вечером нас посетили здесь два субъекта, национальность коих мы, конечно, не отгадали бы, не назовись они монголами с северных склонов Нань-шаня. Монгольского в них, однако, ничего не было ни в костюме, полукитайском, полу-тангутском, ни в типе лица, овального, с скрытыми скуловыми дугами, прямым носом и выдающимся подбородком; говорили они, впрочем, по-монгольски настолько хорошо, что Сарымсак понимал их без затруднения. В Инь-пань-фу их завел случай: потеря одним из них трубки; ехали же они в Ном, стало быть по одному пути с нами. Сарымсак объяснил нам, что они были бы рады примкнуть к нашему каравану. Это и нам было на-руку, так как мы убедились, что имеем дело с людьми, хорошо знающими пустыню. Итак, с этого же вечера они поступили на наше иждивенье, а взамен должны были посвящать нас в тайны окрестной страны.

С места же они рассказали нам следующее о дороге, пересекающей оазис и соединяющей Мо-чэн с Юй-мынем. От Инь-пань-фу до Мо-чэна (Мо-мыня) считается 310 ли. Первый раз ночуют на ключах у монголов, второй — близ пикета Тулан-ортэн, от которого уже не более 30 ли до города. До монголов путь идет сначала песками, а затем гоби, т. е. каменистой пустыней; отсюда же некоторое время пригорками, потом опять песками и, наконец, глинисто-песчаною степью, поросшею хармыком (Nitraria), сухаем (Tamarix), бурульчжином (Calligonum) и ближе к Эцзин-голу тора (Populus euphratica).

Западная часть оазиса Инь-пань-фу-цзы, которой мы следовали 8 сентября, выглядела не менее уныло, чем восточная; фанзы попадались редко, и их наружное убожество не скрашивалось даже деревьями, которые росли в одиночку и притом чаще всего вдоль арыков; желтая глинисто-песчаная почва, только местами прикрытая порослями джантака и лебеды (Chenopodium album L.) или затянутая песком, смотрела также мертво, как и в пустыне; плоские ямы с остатками застоявшейся в них воды и потрескавшейся по краям глиной тоже не представляли ничего привлекательного, и только любопытным взором провожавшие караван верблюды вносили некоторое оживление в эту картину.

Оазисом мы шли четыре километра, а затем вновь вступили в полосу бугристых песков, густо поросших гребенщиком, Nitraria Schoberi, Lycium ruthenicum, Calligonum sp. и Cynanchum sp., к которым на солонцах, составляющих почву впадин между буграми, примешивался джантак, Salsola sp., Karelinia caspia Less. и полынь (Artemisia inodora?). Северная граница этих песков намечена была не столь резко, как южная, к югу от Инь-пань-фу, так как хотя бугры исчезли уже на восьмом километре от последнего, но песок еще на протяжении двух километров устилал более или менее тонким слоем почву каменистой пустыни; он подернут был рябью и казался совсем бесплодным; его оживляли только ящерицы (Eremias multiocellata Gnthr. и Phrynocephalus versicolor var. doriai Bedr.), вообще очень многочисленные в окрестностях Инь-пань-фу.

Вскоре по выходе из этих песков мы увидели впереди какую-то постройку; это были развалины сторожевой башни — «янь-дая»; другой такой же янь-дай, и тоже в разрушенном состоянии, попался нам в одном километре далее; оба были выстроены на плоских возвышенных участках каменистой пустыни, которая далеко не на всем своем протяжении заслуживала это название. Именно, чем дальше мы подвигались к западу, тем мельче становилась галька, тем чаще обнажалась глинистая поверхность степи, изборожденная плоскими руслообразными впадинами. Наконец, на двадцатом километре от ночлега мы и в действительности пересекли руслообразный лог, шириной около 213 м и глубиной около четырех. Далеко не везде, однако, он имеет такие размеры, от Булунгира же ответвляется узким каналом, который развивается в неглубокий, но широкий овраг только там, где конгломератные толщи сменяет рыхлая глинисто-песчаная почва. Некогда, в монгольские, а может быть еще и в уйгурские времена, каналом этим выпускалась вода Булунгира в восточную часть котловины Инь-пань-фу-цзы, но теперь он заброшен и постепенно выработался в сухой лог — солонец, местами занесенный песками, местами густо поросший камышом, осокой и другими солонцовыми травами и кустами.

Пройдя лог, мы очутились в виду невысоких, вытянутых в гривки холмов, сложенных из черного глинистого сланца и темно-серого роговика и составляющих южные отпрыски хребта Бо-сянь-цзы. Под одним из таких холмов, в четырех километрах от лога, у колодца Сы-дунь, мы и раскинули свой бивуак.

Холм представлял хороший обсервационный пункт, чем я и воспользовался для того, чтобы окинуть взором окрестности.

Отсюда они выглядели еще более безжизненными, чем были в действительности, и даже небольшое зеленое пятно оазиса Инь-пань-фу-цзы, окруженное поясом сыпучих песков, не нарушало тоскливого впечатления, производимого этой мертвой страной. Я искал на востоке такое же второе пятно — пастбище чигинцев, но его там не оказалось: его скрыл за собой один из отрогов хребта Бо-сянь-цзы, из-за которого далеко-далеко позади в неясных очертаниях выступали невысокие, плоские горы: они сливались со скалистым Хэй-шанем и служили, без сомнения, восточной гранью пройденной котловины. На юге Хэй-шань, То-хо-тай-цзы и Чи-цзинь-шань рисовались отчетливо, но на западе, против лучей заходящего солнца, неровности почвы выступали без должной рельефности, и я не мог себе выяснить, что

находится передо мной — размытое ли плато или гряда низких плоских холмов. Как бы то ни было, тут ясно намечалась западная граница расстилавшейся у моих ног котловины.

Описывая высоты, ограничивающие с востока котловину Инь-пань-фу-цзы, В. А. Обручев говорит, что они значительно ниже не только Хэй-шаня (Цзя-юй-гуань-шаня), но и Бэй-шаня, которые соединяют[183]. Что Хэй-шань выше перемычки, это так; но я решительно не мог уловить, где кончается эта последняя и где начинается Бэй-шань, из чего явствует, что какой-либо значительной разницы в их относительной высоте не существует. Да и как было бы разглядеть такую перемычку с расстояния в 50—60 км, в каком мы от нее находились, когда даже более высокий («значительно более высокий»), по словам Обручева, Бэй-шань в своих окраинных холмах подымается едва ли где больше, чем на 400—500 футов (85—105 м) над уровнем котловины. Наконец, как я уже имел случай высказаться, в вопросе о связи двух горных массивов относительная высота перемычки не может играть существенной роли. И что это именно так, лучше всего доказывается тем, что мы сейчас видим на западе, где котловина Инь-пань-фу-цзы ограничена плоскими высотами, почти смытыми третичным морем, но тем не менее указывающими на непосредственную внутреннюю связь, существующую между Чи-цзинь-шанем и передовыми холмами Бэй-шаня.

Колодец Сы-дунь находится на краю обширного солонца, местами переходящего в каменистую степь, местами в баптак, т. е. в соленые грязи, обязанные своим происхождением не столько атмосферным осадкам, сколько влаге, проникающей в лёссовидную почву снизу, из запасов, скопляющихся на водонепроницаемом слое подпочвы. Последний должен залегать здесь действительно не далеко от поверхности, если судить по уровню воды в колодцах, солоноватой, но очень обильной.

Кое-где на этом солонце видны были следы пашен, указывающих на то, что содержание растворимых солей в его почве не велико и местами не превосходит 2,5%[184]. Впрочем, не будь пашен, то же подсказала бы и одевающая его растительность, среди коей, кроме обычных Salsola, Salicornia, Karelinia, Sophora, Nitraria, Lycium, Alhagi, даже, пожалуй, камыша, выдерживающих довольно значительный процент (до 4%) содержания в почве растворимых солей (главным образом сульфатов), я нашел и такие виды, как осока (Carex songorica Kar. et Kir.?), Mulgedium tataricum DC., Statice otolepis Schrenk, St. aurea L., Hedysarum scoparium Fisch. et Mey, Glaux maritima L., Artemisia fragrans var. subglabra Winkl. и Tanacetum fruticulosum Led., которые могут существовать лишь при пониженном количестве помянутых солей в почве и доказывают, что при непродолжительном выщелачивании можно довести Сы-дуньский солонец до высокой урожайности, что, впрочем, уже и имеет место на его западном конце, в окрестностях селения Ши-дунь.

Солонец этот не далее, как в шестидесятых годах прошлого столетия, служил зимним пастбищем казенным табунам. Сюда напускалась выщелачивавшая его вода, почва удобрялась пасшимися лошадьми и скотом и, как говорят, обильно порастала травой (осокой?). Теперь конных лянз в сучжоуском военном округе более не содержат, монголы покинули эти места, и, предоставленный самому себе, солонец этот глохнет, с каждым годом все более и более насыщаясь солями, проникающими в него вместе с водой из-под почвы.

Несомненно, что китайцы утилизировали Сы-дуньский солонец, следуя примеру монголов; от времени последних здесь сохранились следы байнаков; китайцы же оставили после себя казармы и многочисленные янь-даи.

В урочище Сы-дунь мы обогатили свой орнитологический сбор экземпляром новой для Центральной Азии птицы — Accipiter virgatus Temm.; сверх же сего в наши коллекции поступили: из птиц — Passer stoliczkae Hume, Sylvia minuscula Hume и Merula ruficollis Pall.; из млекопитающих — Gerbillus meridianus Pall. и Mus wagneri Eversm.; из пресмыкающихся — Eremias multiocellata Gnthr., E. przewalskii Strauch, Phrynocephalus axillaris Blanf и Phr. versicolor var. doriai Bedr.

9 сентября мы шли Сы-дуньским солончаком.

На третьем километре от колодца мы пересекли заброшенный колесный путь, ведущий из Юй-мынь-сяня в Бэй-шань, к каменноугольным копям у подошвы горы Нурусунь-ола, на восьмом поровнялись с развалинами китайской казармы. Начиная отсюда, среди рыхлого кочковатого «сора» ровные глинистые площадки стали попадаться чаще, камыш получил решительное преобладание, появился чий, появились следы пашен, участки, поросшие лебедой (Chenopodium album L.), ведшие куда-то арыки... Нам казалось, что мы уже вступили в культурный район и подходим к поселку Ши-дунь. И вдруг, вместо того, дорога снова выбросила нас на участок каменистой пустыни, тупым и плоским мысом вдавшийся в солончак. Какое разочарование! К счастью, оно продолжалось не долго. Мыс был не широк, и, пройдя его, мы увидели впереди, километрах в трех, группу деревьев, — очевидно, конечную цель сегодняшнего пути.

Мы разбили свой бивуак в тени тополей и джигды (Eleagnus hortensis) и, рассчитав, что караван наш прошел, по выходе из Су-чжоу, никак не менее 160 км и нуждался в хорошем отдыхе, решили сделать здесь дневку; к тому же едва ли в другом месте мы могли встретить столь же благоприятные условия для остановки, как в Ши-дуньском поселке, где мы нашли все, в чем нуждались: тень, проточную воду, хороший подножный корм,

фураж, свежий хлеб и, что в особенности важно, обилие фазанов (Phasianus satscheuensis Pleske), давшее нам возможность пополнить нашу орнитологическую коллекцию птенцами этой породы в переходном наряде.

10 и 11 сентября мы наблюдали валовой пролет гусей (Anser cinereus Meyer), уток (Dafila acuta L.) и журавлей, которые, не останавливаясь на Ши-дуньском тростниковом займище, неслись дальше на юг.

Наш дальнейший путь от поселка Ши-дунь шел вдоль северной окраины солонца, который тут часто перемежался с вдававшимися в него участками щебневой пустыни. Почва последней была рыхлой, темножелтой; прикрывавший ее щебень мелкий, часто на значительном протяжении однородный по составу (кварц, гранит), поверхность волнистая, а к северу от дороги даже холмистая.

С одного из этих холмов мы ясно увидели густой лес на левом берегу Булунгира; мы даже направились было прямо к нему, но, километра два не доходя до поселка Хун-хуа-энь-цзи, дорога вдруг свернула к северу и стала обходить обширное камышовое займище. В этом новом направлении мы шли четыре километра до поселка Мо-гу-тун-цзи Адык, за которым поднимались уже предгорья хребта Бо-сянь-цзы, сложенные из бледносерых гранитов и кристаллических сланцев с многочисленными выходами цветного и белого кварца.

Пересекая сказанные предгорья в том месте, где они переходят в плоский и очень низкий увал, тупым мысом кончающийся в долине р. Булунгира, дорога делает крутой поворот на запад и, следуя в этом направлении на протяжении $9^1/_2$ км частью среди низких холмов, частью по солонцу, постепенно подходит к руслу реки. Уже в виду этой последней она еще раз сворачивает на северо-запад и, наконец, через следующие $4^1/_2$ км достигает брода, над которым высятся развалины какой-то постройки. Здесь мы остановились, спустившись к воде с крутого обрыва, под которым в этом месте струится река — северный из двух протоков р. Булунгира, ответвляющийся от главного русла на высоте Юй-мынь-сяня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В БЭЙШАНЬСКИХ ГОРАХ

В солнечное, но прохладное утро 12 сентября мы, наконец, выступили прямо на север, к горам, сероватый силуэт которых неясно рисовался на краю горизонта. Первые семь километров мы шли по глинисто-песчаной степи, местами густо поросшей камышом, местами представлявшей голый солонец с буграми серожелтого песка, закрепленного Lycium, Nitraria и чахлым гребенщиком. Границей этой степи на север служит глубокая канава, выведенная сюда с юго-востока. Мы пересекли ее у одинокой, развалившейся фанзы, после чего вступили в бесплодную щебневую пустыню, полого подымавшуюся к горам и кое-где представлявшую картину самого удивительного раздувания: поверхность ее в этих участках была разбита на множество отдельностей — столообразных площадей, неодинаковых по размеру и самых прихотливых по очертанию. В стенах ровиков обнажался глинистый красно-желтый песок, который цементировал мелкий серый щебень — осколки сланцев, гранита и кварца. Такой пустыней мы шли 10 км, после чего вступили в бесплодные предгория хребта Бо-сянь-цзы.

Они начинались невысокими буграми, скрывавшими под слоем щебня коренную породу в настолько разрушенном состоянии, что глыбы ее рассыпались в песок при самом легком ударе; большею частью эти бесплодные бугры представляли выходы кремня, кварца и гранита, всего чаще последнего. Пояс таких бугров был, однако, не широк, и уже несколько десятков метров дальше на дневную поверхность выступили отдельными горками бледнорозовый гранит и серовато-зеленый мелкозернистый диорит[185]; последний имел здесь особенно большое распространение и

пересекал дорогу неоднократно на протяжении целого километра. Эта первая серия холмов заканчивалась гривой широтного простирания, сложенной из серого сиенита.

К северу от этой гривы дорога вступила в узкую продольную долину, в которой только вдоль южной ее окраины я нашел коекакую растительность — низкую полынь и Halogeton arachnoideus Moq.-Tand. Почву ее составлял слежавшийся гравий, из-под которого местами выступала сглаженная поверхность кремнистого сланца.

Здесь я принужден был отстать от каравана и все последующие 11 км до колодца Улун-чуань сделать пешком: горные породы стали сменяться так часто, сбор их, при трудности правильно ориентироваться среди пестрых холмов, представлявших лишь жалкие остатки прежних горных цепей, требовал такого напряженного внимания, такой подробной записи их взаимного положения, что исполнить все это, сидя на лошади, положительно не представлялось возможным. Да и в дальнейшем я бо́льшую часть станций принужден был делать пешком, причем чаще всего моим спутником становился кашгарец Хассан, который, оставаясь теперь один со своими двенадцатью ослами, редко когда мог угнаться за лошадьми.

Северную окраину помянутой долины составляла невысокая гривка, сложенная целиком из розовых и зеленоватых гранитов, а далее дорога вступила в плоскую, почти бесплодную котловину (цирк), обставленную холмами, повидимому, из тех же гранитов. В почве ее опять выступал столь распространенный в Бэй-шане темносерый кремнистый сланец, затем красно-бурый фельзит и еще раз кремнистый сланец, прожилкованный кварцем. Этот же сланец вползал и на следующий гранитный массив, пройдя который, я вновь очутился в циркообразной котловине, пересеченной от запада к востоку невысокой гривкой плотного песчаника; тот же, меняющийся в окраске, песчаник выступал кое-где и изпод дресвяной почвы котловины и сплошной массой обнажался в ее северном крыле, где я заметил пересечение его жилой темнозеленого кварцевого диорита. Еще далее я вступил в новую, третью по счету, котловину, замыкающуюся на севере крупнозернистым, с темнозеленой слюдой, белым гранитом, образующим невысокий массив широтного простирания.

С него открывался вид на главную цепь хребта Бо-сянь-цзы, подымавшуюся метров на 240 над уровнем разделявшей нас теперь поперечной долины. И печален был этот вид, бедна пустыня органической жизнью; но эти горы казались еще беднее, еще мертвеннее ее. Что-то безнадежно-унылое сказывалось в этом огромном массиве, и даже местами кричащие краски камней, красные, зеленые, черные, не веселили глаз, напоминая свежие заплаты на давно выцветшем рубище...

Далеко-далеко на юго-запад, за край горизонта, уходил этот массив, то быстро понижаясь, то снова восстановляя свою прежнюю высоту, но иначе выглядел он на востоке: постепенно утрачивая здесь свои размеры, он точно расплывался в окружающем его мелкосопочнике и только уже километрах в двадцати от дороги в направлении его вероятного простирания вновь вставали значительные вершины.

Почва долины, в которую я спустился с гранитной гряды, была глинисто-хрящеватой, местами сильно песчаной, местами солонцеватой, поросшей мелкой осокой, полынью, Inula ammophyla Bge., Halogeton arachnoideus Mog.-Tand., Arnebia fimbriata Maxim., Statice aurea L. и другими травами; но все они росли невероятно редко, и нужен был именно глаз коллектора для того, чтобы заметить их среди неровностей почвы, местами значительных и обязанных выходам коренных пород — сперва светлосерых гнейсов, а затем кремнистых сланцев с кварцем, почти черных филлитов и зеленоватых песчаников, образующих мощную свиту пород с общим им всем крутым, почти отвесным падением на юго-запад.

То, что казалось мне издали сплошной массой хребта Босянь-цзы, представляло в действительности такую же картину расщепленного, распавшегося на части массива, какую мы наблюдали и раньше; только здесь цепи холмов были выше, разделяющие их продольные лога уже, а поперечное ущелье, которым пользуется дорога, не столь глубоко въевшимся в основную массу хребта.

Хребет начинался грядой, сложенной из серого мелкозернистого гнейса; далее следовала вторая гряда из того же гнейса и кварцевого сланца, служащая высшей точкой дороги, а затем я вступил в довольно узкую долину — русло, по сторонам которой громоздились центральные массы хребта, в строении коих принимают преимущественное участие покрытый буровато-желтой коркой серый кристаллический известняк и серовато-зеленый глинисто-слюдяной сланец.

Долина эта километра через четыре вывела меня к роднику Улун-чуань, где я застал уже весь наш караван в сборе, юрты поставленными, а брата за съемкой.

— А что же чай?

— Какой тут чай, когда на дне ямы мы нашли одну только вонючую грязную жижу! Ступай, полюбуйся!

Я пошел к колодцу, который теперь чистили наши казаки, и застал там такую омерзительную картину.

Среди взбитого, с торчащими кое-где комлями неведомых трав, загаженного скотом солонца ширилось очень плоское воронкообразное углубление, еще более загаженное скотом. В правом его борту виднелась яма, из которой Чуркин выгребал теперь вонючую черную грязь — наследие, оставшееся нам после большого верблюжьего каравана, покидавшего Улун-чуань в тот момент, когда мы к нему подходили.

И это — колодец!

Тем не менее часа через три перед нами стоял уже чайник с «духовитой», как аттестовал ее Жиляев, но почти прозрачной водой.

Абсолютная высота родника Улун-чуань — 5 666 футов (1 727 м), по определению же В. А. Обручева — 5 264 фута (1 605 м) [186].

На следующий день мы встали раньше обыкновенного и покинули бивуак еще в то время, когда долина погружена была в утренний сумрак.

Проехав солонец рысью, я сразу же осадил коня, когда вступил на более твердую, песчаную почву ясно здесь обозначившегося русла временного потока. В правом борту последнего я заметил выход серовато-зеленого глинисто-слюдяного сланца, круто падающие слои которого виднелись и в горах левого склона долины. Далее горные породы обнажались уже непрерывной чередой на всем протяжении последней, причем за сланцами следовал сначала богатый слюдой кварц, затем разные граниты и гнейсы, в особенности последние, белого, серого и зеленоватого цветов и, наконец, сиенит.

В области обнажений гранитов и гнейсов долина расширилась, горы потеряли свой прежний скалистый характер и снова разбились на отдельные гряды холмов. На восьмом километре от колодца Улун-чуань мы вышли, наконец, за пределы хребта Босянь-цзы, и перед нами открылась огромная поперечная долина, замкнутая на севере хребтом Лу-чжа-цзин.

Эта долина — одна из самых обширных в Бэй-шане — в центральной своей части, в урочище Долон-модон, очень напоминает описанную мною выше местность к северу и к югу от хребта Ло-я-гу; как там, так и здесь, подымаются гривы холмов, сложенных из горизонтально-напластованной, бурой, очень песчанистой глины, содержащей в обилии неокатанный щебень, и как там, так и здесь площадь этих отложений заключена в рамки, будучи отовсюду окружена горными высотами иного образования. Подтверждением сказанному служит тот факт, что Футтерер, который пересек Бэй-шань как раз между обоими моими маршрутами, уже не встретил на своем пути буро-красных глинистых отложений [187], из чего явствует, что песчанистые глины урочища Долон-модон столь же мало простираются на запад, сколь глины Ло-я-гу на восток.

В. А. Обручев считает эти отложения гобийскими [188]. Но на каком основании? И как могло третичное море проникнуть так далеко в глубь Бэйшаньского материка, не оставив никаких следов на периферии последнего? Этот вопрос помянутый исследователь осветит нам, вероятно, уже в недалеком будущем, а пока я все же не вижу оснований к отказу от ранее высказанного мною предположения, что здесь мы имеем дело с отложениями внутренних бассейнов, а не морскими *.

От устья долины Улун-чуань до первых глин дорога на протяжении 5 км шла по местности, изобилующей выходами коренных пород то в виде невысоких гривок, то в виде холмов. В особенности часто обнажались белые граниты и сероватые гнейсы, но затем попадались также возвышенности и из других горных пород — кварца и яшм.

Растительность на этом участке была поистине жалкая. Футтерер на своем пути через Бэй-шань встречал очень часто долины, густо поросшие кустарниками и сочными травами [189]. Но он шел в мае; осенью же таких трав нигде уж не было видно. От ковыля, например, который, без сомнения, обильно покрывал весною дресвовую и щебневую почву долин, теперь сохранились лишь одни жалкие, еле приметные, желтые комли: кипец (Festuca sp.) уныло желтел по северным склонам глубоких горных падей, а одевающие солончак камыши, чий и осока только издали ласкали глаз, уподобляясь вызревшей ниве.

---

* На вопрос, когда могли существовать в Бэй-шане столь обширные водоемы, я отвечу: в постплиоценовый период, когда это нагорье должно было представлять совсем иную, чем ныне, картину.

Еще в 1857 году П. П. Семенов, а затем в 1875 году И. В. Мушкетов указывали на тот интересный факт, что все продольные долины Тянь-шаня в среднем течении больших рек наполнены осадками чисто озерного характера. Валунные конгломераты, заполняющие эти долины, по мере приближения к поверхности сменяются суглинками, напоминающими лёсс. Они лежат совершенно горизонтально; окружающие их горы круто спускаются на такие плато — и стоит только их поверхность мысленно покрыть водой, чтобы получить озеро чисто альпийского характера. В то время, как сырты были одеты льдами, стекающие с Тянь-шаня реки: Чу, Или, Кеген, Чарын, Чилик, Копа, Чалкодю-сю, подобно Рейну, Тичино, Адде, Роне и другим альпийским рекам, протекали через большие окаймленные лесами озера, из которых низвергались, надо думать, в виде бурных потоков или водопадов в лежащую ниже долину Или или Балхашскую котловину (А. Н. Краснов, «Опыт развития флоры южной части Восточного Тянь-шаня», стр. 44).

Такова была картина Тянь-шаня в постплиоценовый период. Но что же препятствует нам допустить, что нечто подобное существовало одновременно и в Бэйшаньском нагорье?

Такое допущение тем возможнее, что и в Нань-шане нами встречены были древние морены на абсолютной высоте 11150—11650 футов (3400—3550 м) и относительной около 6000 футов или 1830 м (см. выше, стр. 528; Обручев, цит. соч., II, стр. 154).

У К. И. Богдановича («Труды тибетской экспедиции 1889—1900 гг.», II) мы находим некоторые указания на особенности климата Кашгарии в постплиоценовый период и на одновременное существование там обширных пресноводных бассейнов.

Мы уже знаем, какие глубокие снега выпадают иногда весной и зимой в Бэй-шане [190], о значительности образуемых ими и летними дождями потоков свидетельствуют многочисленные русла и пригнутые к земле, придавленные камнями и глиной кусты терескена и караганы. Вода эта скатывается в низины, но попутно наполняет и горные склоны, где прежде всего весной начинают зеленеть ковыль и кипцы. За ними пробуждаются к новой жизни и солонцы, где покрасневшая за зиму осока как-то вдруг заменяется свежей зеленью; молодой мягкий камыш подымается быстро и окончательно сменяет блеклую их окраску на ярко-зеленую; дольше других держится чий (Lasiagrostis splendens), но и он, наконец, оживает под влиянием теплых лучей апрельского солнца. Весна идет, и с каждым днем появляются все новые и новые типы растений: начинает подыматься, цепляясь за камыш, Cynanchum acutum L., и, точно подражая ему, обвивают кусты и лезут вверх или же стелются по земле ломонос (Clematis) и повилика (Convolvulus), выползают трубочки ревеня (Rheum leucorhysum Pall.) и касатиков (Iris ensata Thunb.), вылистывает свои ветви Zygophyllum Potanini Maxim., распускаются одуванчики; а дальше под прикрытием камней и кустов, и по краям рытвин и оврагов, на миниатюрных лужайках, приютившихся кое-где в расселинах гор, разрастается целый мир других трав и нежных цветов: Viola sylvatica var., rupestris Rgl., горечавки (Gentiana sp.), лютики (Ranunculus sp.), камнеломки (Saxifraga sp.), Sisymbrium, Cistanche salsa C. A. Mey, различные астрагалы, полыни, злаки (Triticum sp.), Allium, Arnebia, Malcolmia, Sedum и, вероятно, не малое число иных форм, быстро уступающих засухе. Уже в апреле начинает цвести Atraphaxis (A. lanceolata var. divaricata Ledb.) и выпускать свои оригинальные, мелкие и сухие, как у иммортели, цветки Calligonum, а за ними в некоторой постепенности следуют и другие кустарные породы Бэй-шаня; в середине мая зацветает карагана (Caragana pygmaea var. arenaria Fisch.), в конце этого месяца чингиль (Halimodendron argenteum Fisch.); вообще в мае, несмотря даже на частые утренники [191], флора Бэй-шаня должна представляться во всей красе своего полного развития.

Вероятно, уже в середине лета засуха кладет предел производительной силе многих растений. Одно за другим отцветают они, желтеют и превращаются в трупы. В конце августа все уже желто, и ветер ломает и сносит остатки растений. В сентябре жизненные соки сохраняют только немногие экземпляры, да и те ютятся в теневых, хорошо защищенных местах. Из них могли быть определены нижеследующие виды: Zygophyllum Potanini Maxim., Tribulus terrestris L., Peganum harmala (var.?), Libanotis eriocarpa Schrenk, Inula ammophyla Bge, Aster alyssoides Turcz., Gypsophila acutifolia var. Gmelini Rgl., Astragalus sp., Anaphalis nubigena var. intermedia Hook. (f?), Sophora alopecuroides L., Artemisia fasciculata M. B., A. dracunculus L., A. commutata Bess., A. fragrans var. subglabra Winkl., Saussurea japonica var. intermedia Maxim., Scorzonera mongolica Maxim., Pleurogyne carinthiaca Gris., Arnebia tibetana Kurz., A. fimbriata Maxim., A. cornuta var. grandiflora Trautv., Statice aurea L., Anabasis brevifolia C. A. M., A. aphylla L., Halogeton arachnoideum Mog.-Tand., H. glomeratum C. A. M., Sympegma Regeli Bge., Kochia mollis Bge. и Rheum leucorrhysum Pall.

После этой небольшой экскурсии в область флоры Бэй-шаня возвращаюсь к прерванному описанию пути 13 сентября.

За яшмовой грядой потянулись песчанистые глины урочища Долон-модон. Последнее характеризуется семью тограками (Populus euphratica D. C.), коим и обязано своим монгольским названием — «семь деревьев», у китайцев же оно известно под именем Гин-ван-ча.

Отсюда хребет Лу-чжа-цзин уже ясно виден. Он кажется темнозеленым, каким в действительности и оказывается, будучи сложен на своих южных склонах исключительно из яркозеленых пород — порфиров и кварцевого и глинисто-кремнистого сланцев, покрытых от времени темной, местами буро-фиолетовой коркой. По яркости красок и богатству оттенков это, несомненно, самый красивый из хребтов Бэй-шаня.

Добираясь, однако, до этого зеленого массива, составляющего, как мне кажется, лишь отрог более высокого темнофиолетового Кукэ-сана-ола (о котором ниже), я встретил целый ряд обнажений, начавшихся гранитом и закончившихся кварцитом, непосредственно предшествующим хребту.

Вступив в последний широким логом, мы вскоре достигли циркообразного его расширения, а затем полезли на замыкавший его с севера утес, который обращает на себя внимание своими глубокими впадинами выдувания. Порода, слагающая утес, — крупнозернистый, роговообманково-хлоритовый гранит, почти зеленый в сторону цирка и красный в ущелье, в которое мы спустились с невысокого перевала. Это ущелье очень узко и, рассекая главную массу хребта, выводит в новое циркообразное расширение, в центре которого вырыт колодец Лу-чжа-дунь.

В ущелье, очень живописном, вправо от дороги переходящем в лощину, я нашел очень богатую, для Бэй-шаня, конечно, флору. Господствовал кипец, но среди него я собрал в экземплярах, годившихся для гербария, следующие виды растений: Aster alyssoides, Anaphalis nubigena var. intermedia, Saussurea japonica var. intermedia, Libanotis eriocarpa, Inula ammophyla, Pleurogyne carinthinaca, Gypsophila acutifolia var. Gmelini, Arnebia tibetana, Artemisia fasciculata, A. commutata и множество других, как Allium, Astragalus, Sedum, Sisymbrium, не считая мелких злаков

(Triticum). По песчаному дну ущелья, вдоль плоского русла с еще влажным песком, а затем у колодца попадались, кроме караганы (Caragana pygmaea var. arenaria), солянок и чия, Artemisia dracunculus, Kochia mollis, Halogeton glomeratus, H. asrachnoideum, Scorzonera mongolica и Sympegma Regeli.

Колодец вырыт среди помянутого русла, имеет около 2 м глубины и содержит пресную, как кристалл, чистую воду. Почва кругом песчаная и обилует щебнем и крупными отторженцами красного и зеленовато-красного гранита, зеленых порфиров и диорита. Абсолютная его высота 6 660 футов (2 030 м), по определению же Обручева — 6 298 футов (1 919 м) [192]. Исходя из этой цифры, думаю, что гребень центральной массы хребта Лу-чжа-цзин имеет не менее 7 500 футов (2 286 м) абс. выс.

Здесь в ночь с 13 на 14 сентября мы испытали первый мороз; в дальнейшем же, пока мы оставались в Бэй-шане, не проходило дня без утренних заморозков.

Утро 14 сентября было пасмурное; дул порывистый ветер с юго-запада, заставивший нас вспомнить о полушубках. Впрочем, непогода продолжалась недолго, и уже к полудню ветер стих и небо очистилось.

От колодца Лу-чжа-дуня к северу дорога пошла широкой долиной среди пониженной части хребта, разбившегося здесь на отдельные холмы и гряды; последние состояли целиком из роговообманковых красных и зеленых гранитов, прорезанных жилами зеленокаменных пород. На четвертом километре хребет кончился, и впереди обозначился новый хребет Кукэ-сана-ола, невысокий в том месте, где его переступает дорога, но грандиозный на западе, где к нему примыкает массив Лу-чжа-цзин.

В его предгориях прежде всего обнажился серый глинисто-кварцевый сланец, прорванный во многих местах жилами диорита, а затем бледнокрасный гранит. Того же цвета гранит (роговообманковый) слагает как неглубокую седловину хребта, так и всю массу его северных склонов.

На всем этом протяжении растительность была довольно обильная. Преобладал чий, но попадалось немало и кустарных форм — Ephedra, Caragana, Reaumuria, Calligonum, Kalidium, Eurotia ceratoides; местами выдавались глинистые площадки, поросшие полынью, среди коей виднелись Aster, Arnebia, Kochia; кое-где мелькали своими метлами Calamagrostis, по щебню стлал свои пурпуровые, уже ветхие и истрепанные листья Rheum leucorrhysum и по водостокам, служа им бордюром, взбирался на крутобокие скалы кипец.

Такой же характер растительности встретил нас и на северном склоне хребта Кукэ-сана-ола, где мы прошли мимо двух колодцев — в одном (Шибэн-гоу; у Обручева — Ши-пын-коу) и шести (Я-мынь-шоу) километрах от перевала. Зато животный мир как здесь, так и во всей пройденной части Бэй-шаня, поражал своей бедностью. Необыкновенно мало попадалось нам птиц как по числу видов, так и особей, так что, кроме обычных жителей пустыни — Corvus corax L., Podoces hendersoni Hume, Saxicola isabellina Gretzschm., Passer montanus L., P. stoliczkae Hume и Syrrhaptes paradoxus Pall., — почти что и назвать нечего. Мы видели однажды Gypaëtus barbatus L., неоднократно — соколов, стрижей и горлиц; был случай, что я натолкнулся на стайку вьюрков (Montifringilla sp.), но это, кажется, и все. Затем, уже позднее, мы добыли для коллекции: Pyrrhulorhyncha pyrrhuloides Pall., Otocorys elwesi Brandt. и Columba fusca Pall. Из млекопитающих были обыкновенно только зайцы. Видели мы также, и притом неоднократно, джейранов (Gazella subgutturosa) и куланов, но ни те, ни другие не подпускали нас близко. В горах Бага-Мацзун-шань мы стреляли по аркарам (Ovis sp.) и дикой кошке (Felis manul), но неудачно, и только у колодца Лу-цо-гу дежурному казаку удалось убить волка, подбиравшегося к баранам. Из ящериц чаще других попадались виды: Phrynocephalus var. versicolor Strauch и Eremias multiocellata Günth.

За хребтом Кукэ-сана-ола потянулась местность, сильно всхолмленная выходами зеленых и прожилкованных кварцем темносерых сланцеватых песчаников, сменяющихся далее к северу высокими грядами серо-фиолетового фельзита и фельзитового порфира. Дорога идет здесь в гору и вскоре, после крутого поворота, взбирается на гряду, образованную кремнистым сланцем, еще далее она вступает в поросшую чием долину Я-мынь-шоу, где многочисленные обнажения в виде щеток и грив состоят почти исключительно из сланцев — черных и глинистых и зеленовато-серых слюдисто-глинистых; среди последних обильно выступает кварц, попадавшийся часто и раньше в виде жил, гнезд и россыпей. Эта обширная свита сланцев, только в четырех километрах к северу от колодца Я-мынь-шоу нарушенная выходом хлоритового гранита, заканчивалась мощным обнажением зеленовато-серого гнейса, за которым уже ширилась обширная долина Лу-цо-гу, где мы должны были остановиться.

Гребень гнейсовой гряды, составляющей один из восточных отрогов хребта Ба-бо-шань, был увенчан десятком небольших пирамид, сложенных из камней. Мои монголы поторопились с своей стороны положить каждый по камню и на мой вопрос, к чему они это делают, ответили:

— Таков уж обычай. Лу-цо-гу — зимой опасное место: снега много, бураны сильные... И путники складывают тут камни в знак благодарности за благополучный проезд [193].

— Да, но ведь теперь не зима, и Лу-цо-гу у нас еще впереди?

— Это не меняет дела, таков уж обычай!

Серьезнее других отнесся к этому обычаю Сарымсак. Сотворив перед заходом солнца обычный намаз, он вернулся на гору и провозился там с полчаса, складывая отдельную пирамиду. Зато Хассан ограничился тем, что подкинул к ближайшей пирамиде первый попавшийся камень.

— Что так скупо, Хассан?

— Будет... потому не к чему. Ведь если в степи застигнет буран, то хоть гору из камней складывай — толку не выйдет!

Впрочем, Хассан был уже известен нам своим скептицизмом.

Колодец Лу-цо-гу оказался в полукилометре к северу от перевала. Его абсолютная высота, определенная гипсотермометром и анероидом, выразилась цифрой 6 775 футов (2 065 м).

Здесь решили дневать. Я хотел предпринять боковую экскурсию к горам Ихэ-Ма-цзун-шань, брат же надеялся хоть что-нибудь добыть для наших коллекций, давно уже не получавших существенных приращений.

Перед нами, ограничивая долину Лу-цо-гу с севера, высился хребет Бага-Ма-цзун-шань, а так как дальнейший наш путь будет лежать вдоль этого хребта, то я считаю уместным сказать о нем тут же несколько слов.

Общее его простирание — широтное, переходящее лишь в западной части в северо-западное, общая длина между крутым восточным концом и седловиной на западе, отделяющей его от хребта Борю-булак, около 42 км, относительная высота восточной, наиболее высокой его части, около 1 500 футов (457 м), западной около 1 000 футов (304 м), а абсолютная всего гребня 7 700 — 8 200 футов (2 345—2 500 м). Глухим, очень глубоким и узким ущельем юго-восточного простирания он делится на две неравные части: западную — короткую, значительно пониженную и очень расчлененную, и восточную — вытянутую в один высокий, совершенно недоступный кряж. Эту последнюю В. А. Обручев называет Да-Ма-цзун-шань, а западную — Хун-шань [194]. Из дальнейшего будет, однако, вполне очевидно, что хребта Ихэ-Ма-цзун-шань или Да-Ма-цзун-шань, подымающегося километрах в 42—47 к востоко-северо-востоку от колодца Лу-цо-гу и заслоненного от него высокой частью Бага-Ма-цзун-шаня, В. А. Обручев видеть не мог; он несомненно ошибся названием, поэтому и все то, что мы читаем у него о хребте Да-Ма-цзун-шань, следует отнести к хребту Бага-Ма-цзун-шань.

Совершенно верно, что на южном склоне этого последнего имеется заброшенный серебряно-свинцовый рудник, а на его северном склоне, точнее — к северу от него, каменноугольная копь, что гребень его мелкозубчатый, падение южного склона (а также и северного, добавлю я от себя) очень крутое, цвет основной породы желтый. Обручев полагает, что это — гранит; я же вполне убежден, что это метаморфический кремнистый известняк, потянутый желтой коркой, но в свежем изломе имеющий все оттенки от чисто белого до темносерого и серо-фиолетового. Темные полосы в этом хребте — вероятно, жилы темносерого мелкозернистого гранита; к ним я добраться не мог, но среди щебня, вынесенного дождевыми потоками, я нашел из изверженных пород только эту. Среди того же щебня попадался мне еще и черный глинистый сланец, но коренных его обнажений я нигде не видел.

Чтобы не забегать слишком вперед, я ограничусь пока сказанным о хребте Бага-Ма-цзун-шань и перехожу к изложению как обстоятельств, сопровождавших мою боковую экскурсию, так и главнейших ее результатов.

Мне предложено было ехать двумя путями: вдоль северной или вдоль южной подошвы хребта Бага-Ма-цзун-шаня; а так как по расчету монголов, впоследствии оказавшемуся, впрочем, ошибочным, оба пути разнились мало в длине, то решено было использовать тот и другой, начав с северного, пролегавшего мимо каменноугольных копей, как более интересного.

Меня сопровождали в эту экскурсию, которая должна была продолжиться самое большее двое суток, Глаголев, монгол Хомбо и Сарымсак. Вьючной лошади мы не брали — спать предполагалось без палатки, а теплое платье, фураж, съестные припасы и чайник мы могли разобрать и на верховых лошадей.

Я выехал в приподнятом настроении духа: давно уже нам говорили, что Ихэ-Ма-цзун-шань богат всем тем, чего так недостает остальному Бэй-шаню: дикими животными, проточной водой, лесом и пастбищами. И вот теперь мне предстояло, наконец, убедиться, сколько правды во всех этих рассказах. К сожалению, радость моя оказалась преждевременной — мне не удалось достичь этих гор.

Но к делу.

Долина Лу-цо-гу, уходя на восток за край горизонта, к западу от колодца круто изменяет свое широтное простирание на северозападное, суживается здесь холмистой страной, надвигающейся с запада, и замыкается невысоким увалом, служащим связью между хребтами Бага-Ма-цзун-шань и Бюрю-булак. Она поросла чием, Calamagrostis, осокой, полынью и другими травами и кустарниками и служит одним из любимых пристанищ хуланов и кара-куйрюков (Gazella subgutturosa).

С первых же шагов по этой долине нам стали попадаться выходы бледножелтых крупнозернистых гранитов и почти черных диоритов, после чего, у поворота дороги к северо-западу, обнажились желтовато-серые глинисто-слюдяные сланцы, сопровождавшие дорогу справа километров на семь. Впрочем, мы ехали здесь уже срединой долины, и съемка, которую я вел, мешала мне делать подробные наблюдения над сменой горных пород в ее крыльях; по пути же, кроме зеленокаменных пород, я встретил выходы бледнокрасного гранита, бледножелтого роговообманкового гранита, кремнистого сланца, в области залегания коего я подобрал несколько кусков сердолика, слюдяного сланца, мрамора, черного глинистого сланца, розового турмалинового гранита и, наконец, метаморфического кремнистого известняка, слагающего главную массу хребта Бага-Ма-цзун-шань. Выяснить взаимные отношения всех этих пород, выступающих на дневную поверхность в большинстве случаев в виде сглаженных проточной водой плоскостей или сильно разрушенных куполов, горбов и щеток, я, конечно, не мог.

Относительная высота глубокого седла через хребет Бага-Ма-цзун-шань, которым пользуется дорога для того, чтобы обогнуть его с запада, ничтожна, абсолютная же равна 6 890 футов (2100 м).

По спуске с седла дорога раздваивается: левая ветка отходит прямо на север, пересекает широкую в этом месте Нюр-голскую долину и скрывается в складках следующей за ней невысокой гряды Нюр; это дорога в г. Улясутай; наша же дорога уклоняется сначала на северо-северо-восток, потом на северо-восток и, немного не дойдя до помянутой гряды Нюр, делает крутой поворот на востоко-юго-восток.

На всем этом протяжении Нюр-голская долина не имеет ни одного обнажения; ее почва почти бесплодна и покрыта мелким щебнем, среди коего преобладает кристаллический известняк, розовый и серый гранит и кремнистый сланец. В общем это типичный уголок щебневой пустыни, самой безотрадной из существующих в мире пустынь.

Едва мы спустились с седловины, как увидали впереди верблюда и на нем фигуру монгола. Его тотчас же остановили. Он оказался торгоутским ламой, возвращающимся к себе, в урочище Нюр, из аула халхасцев в горах Ба-бо-шань. Узнав, что мы направляемся внутрь Ма-цзун-шаньских гор, к еловому лесу, он пригласил нас заехать к нему ночевать.

— Это будет вам почти по пути...

— Спасибо, но мы рассчитываем сегодня же добраться до гор.

— О, нет! Если вы поедете так, как теперь едете, то доберетесь к закату только до колодца Да-чан, а там до елового леса останется еще по меньшей мере столько же, сколько от Нюр-шаня до Лу-цо-гу.

— Как так?

Своим замечанием торгоут произвел, конечно, сенсацию. Хомбо стал что-то объяснять Сарымсаку, на что тот горячо возражал. Оба повысили голос и, вероятно, долго бы еще пререкались, если бы я не потребовал прекращения этой сцены. Тогда разъяснилось, что наш проводник-доброволец ехал в первый раз той дорогой, которой взялся нас проводить. В горах Ихэ-Ма-цзун-шань он бывал неоднократно, но каждый раз попадал туда с юга, из города Мо-чэня. Теперь он винился: «Что делать, ошибся... не угадал расстояния».

— Ну, а к каменноугольной копи ты знаешь дорогу?

— Найду.

И, видя мое недоумение, он вдруг рассмеялся.

— Ты, господин, сейчас сам убедишься, что я ничего худого не сделал, взявшись вести тебя дорогой, по которой сам никогда не ездил. Ма-цзунь-шань высок, и теперь с любой горы его можно видеть. Что же касается каменноугольной копи, то и ее разыскать вовсе нетрудно, раз знаешь, что она находится на пути и в близком расстоянии от вершины Нюр-гола.

И он опять засмеялся.

Но мне было совсем не до смеха. Я взглянул на наших истощенных лошадей, вспомнил, что им предстоит еще далекий путь до Кульджи, что заменить их свежими не из чего и скрепя сердце решил отказаться от заманчивой поездки к далеким горам.

— А что, Глаголев, ведь не обернуться нам и в три дня, если ехать как было хотели?

— А кто его знает! На орду полагаться тоже не следует. А вот доберемся до горбов, с которых, сказывают, эту гору видать, ну, там и прикинем.

На том и порешили. А пока велись эти разговоры, долина была пройдена, и мы очутились в виду невысокой гряды Нюр-шань. Здесь торгоут с нами простился и поехал своей дорогой, мы же круто свернули на восток и вскоре достигли каменноугольной копи.

Каменный уголь, блестящий, плотный, с раковистым изломом, обнажается среди свиты простирающихся на юго-восток (115°), отвесно падающих желтоватых и серых (от примеси частиц каменного угля), очень мелкозернистых песчаников, которые подымаются высокой щеткой над поверхностью почвы и тянутся метров на двести пятнадцать вдоль южной подошвы Нюр-шанской гряды, образованной темнобурым кремнистым сланцем. Колодцев я насчитал пять, самый глубокий из них имел едва ли более 6 м, тем не менее спуститься хотя бы в один из них я не рискнул, так как деревянные крепления были уже частью расхищены, частью пришли в ветхость, а кое-где даже обрушились вниз вместе с грязью, нанесенной дождевой водой. Каких-либо следов жилых построек я здесь не нашел.

Километрах в двух далее к востоку мы увидели небольшую водную поверхность, занимавшую центр плоской впадины с глинистым дном. Я подумал, что имею перед собой то, что киргизы называют «как», т. е. лужу застоявшейся на такыре дождевой воды, но Хомбо разубедил меня в этом. Эта лужа, обязанная своим происхождением ключам, и есть та вершина Нюр-гола, о которой выше упоминалось. Действительно, обогнув впадину, я нашел и русло, уходившее в даль, в тот широкий просвет, который отделял Бага-Ма-цзун-шаньский массив от Ихэ-Ма-цзун-шаня.

Наконец-то я увидел этот хребет!

Я приказал Сарымсаку остановиться у лужи и заняться приготовлением чая, а сам с казаком Глаголевым и монголом Хомбо полез на ближайшие утесы Нюр-шаня.

С одного из них Ма-цзун-шань действительно предстал перед нами как на ладони.

Монгол присел здесь на корточки, а мы с Глаголевым с минуту молча созерцали его, мысленно измеряя разделявшее нас расстояние.

— Сколько по-твоему?

— Далеко, ваше благородие... И взаправду сегодня на наших одрах не доедешь...

— Километров сорок, а?

— Да, пожалуй, что будет.

Делать нечего, приходилось возвращаться к своим, не сделавши главного. Все же, однако, моя поездка не оказалась вовсе безрезультатной и прежде всего потому, что я видел и нанес на карту хребет, имя коего, сохранившееся без изменения на протяжении двух тысячелетий, служит опорным пунктом для восстановления тех путей, по коим совершались главнейшие передвижения народных масс в древнейшие времена. Так, под утесами этого хребта мы застаем знаменитого китайского полководца Ли-лина, увековечившего свои подвиги надписью на скале в ущелье Ван-сянь-лин, и тут же разыгралась одна из самых замечательных битв, какие знавала история, когда в 628 г. старшина уйгурский Пуса, во главе пятитысячного отряда, наголову разбил стотысячную армию тукиэского (туркского) хана Цзели (Хели), преследовал ее до Небесных гор (Тянь-шаня) и «великое множество людей полонил».

Высоким ровным валом рисовался перед нами этот хребет, и тогда как его западный конец падал круто и выделялся совершенно отчетливо, восточный сходил на нет, расплываясь в мглистой дали горизонта. Долго искал я на его гребне вторую точку для требующейся засечки, но и отыскав, потерял, когда взобрался затем на вершину одного из бага-ма-цзуншаньских отрогов. Таким образом, северо-восточное простирание хребту Ихэ-Ма-цзун-шань пришлось придать, руководствуясь одним впечатлением.

Над долиной он подымается по меньшей мере метров на девятьсот, так что абсолютная высота его гребня, вероятно, значительно превосходит 9 000 футов (2 940 м). На такую высоту указывает и одевающая его древесная и кустарная растительность, среди коей ель, береза, рябина и крушина (яшель-агач, Rhamnus erytroxylon?) занимают высший горизонт самых глухих ущелий, а ива, тополь и целая свита кустарников: Cotoneaster (ргай), шиповник, таволга, карагана и лоза — долину верхнего течения Ма-цзун-шань-гола.

По словам монголов Ма-цзун-шань, что значит «хребет конской гривы»[195], двурядовый хребет. Северная цепь выше южной, зато последняя шире первой: обе же смыкаются на востоке, где одиноко подымается высокий голец (его я не видел). Тут горы очень круты, ущелья узки и поросли еловым лесом, воды много; она собирается в одно русло и течет на протяжении нескольких километров, после чего вдруг исчезает в камнях; но русло, занимая все дно межгорной долины, тянется и дальше. Это очень трудный участок дороги, и так как горы здесь круты, покрыты крупной осыпью и не имеют лугов, то сюда заходят разве только охотники на маралов. Межгорная падь кончается барьером из огромных каменных глыб (мореной?), из-под которых выбивается высоким водопадом ручей, образующий ниже болото, поросшее высоким камышом. Урочище это носит название Кун-ухусен-булак, что будто бы значит «ручей убившегося человека»; названо же оно так потому, что в давно прошедшие времена какой-то человек захотел взобраться по каменному барьеру до того места, откуда выбивается водяная струя, но сорвался и разбился. В это урочище собираются русла Нюр-гол, Лу-цо-гу и другие, а далее из него вытекает Ма-цзун-шань-гол, вдоль русла которого идет дорога на Мо-чэн (Мо-мин). Несомненно, что именно эту речку называли Потанину Шулюстен-булак, что значит «открыто протекающая вода»[196]. Она не добегает до реки Эцзин-гола, но ее русло обильно поросло тополем (Populus euphratica).

В урочище Кун-ухусен-булак живут ныне халхасцы; но до дунганского восстания здесь стояли солдаты и пасся императорский табун; развалины импаня и до сих пор еще уцелели. Свое содержание стража получала через начальника мо-чэнского гарнизона.

До г. Мо-чэна от урочища Комен-уксюм-булак считается 450 ли, причем дорога очень часто отходит от русла Ма-цзун-шань-гола и идет по колодцам Хун-лю-цзин (100 ли), Нань-чэн (80 ли), Да-хун-шань (100 ли), Чжинтай (90 ли), Мо-чэн (80 ли). От колодца Чжинтай отходит дорога к каменноугольным копям, лежащим к югу от Нурусунь-ола — довольно высокой горной гряды, отделенной лишь узкой долиной от Ихэ-Ма-цзун-шаня; сюда же, как мы уже знаем, проложен и колесный путь, пересекающий Сы-дуньский солонец.

Продолжением Ма-цзун-шань-голского пути служит Нюр-голский через колодец Да-чан (50 ли), родники Нюр-гол (80 ли) и Ло-ба-чэн (120 ли), где он и сливается с тем, которым мы будем следовать в Хами. Вариантом этой дороги служит тропа, обходящая гряду Нюр-шань с севера и ответвляющаяся от главного пути у колодца Да-чан. Она проходит через урочище Нюр и колодец Хоримту (90 ли), который приметен издали по огромной пирамиде, подымающейся среди солонца. Хомбо утверждал, что это только груда камней, сложенная по приказанию Цзо-гумбоу (Цзо-цзун-тана), пожелавшего таким наглядным путем показать громадную численность своей армии, но, во-первых, издали она мне вовсе не казалась грудой камней, а довольно стройным монументом, во-вторых, насколько известно, Цзо-цзун-тан, отправив этим путем главную массу своих войск, сам предпочел остаться в Гань-су; в-третьих, трудно допустить, чтобы кто-либо из китайских полководцев мог остановиться на такой детской затее, как складывание холмов из камней в дикой пустыне. Кстати замечу, что в Хамийском оазисе аналогичные действия приписывались дунганскому вождю Баян-ху, причем мне указывали даже такие груды камней, давнее происхождение коих не подлежало сомнению.

Поперек хребта Ма-цзун-шань имеется одна, да и то в настоящее время почти заброшенная, тропа. Она выводит в долину Е-ма-чуань и ведет к бывшему пикету Мын-шуй через колодцы — Хун-лу-чэн (от урочища Кун-ухусен-булак — 90 ли), Цаган-чулу (120 ли) и Е-ма-чуань (100 ли).

Сказанным исчерпываются мои сведения о хребте Ихэ-Ма-цзун-шань.

Когда я спустился с горы Нюр-шань, чай уже закипал. Отдохнув с полчаса, я велел подать себе лошадь и направился к высившемуся на юге хребту Бага-Ма-цзун-шань. Глаголев с лошадьми остался внизу, я же полез на ближайший утес, откуда передо мной развернулся тот же ландшафт — голая каменистая пустыня, а за ней точно флером затянутая темная масса хребта, мелкозубчатый гребень которого не давал возможности отличить засеченную мною вершину. Досадуя на неудачу, я стал было уже спускаться обратно, когда вдруг увидал впереди тропинку, ведшую вверх по ущелью, глубоко врезывавшемуся в массу хребта.

— Куда ведет эта тропинка?

Хомбо, которому я задал этот вопрос по возвращении на бивуак, не замедлил ответом:

— В Лу-цо-гу.

— Но разве ты ездил этой дорогой?

— Нет. Да итти-то ей больше некуда.

С этим нельзя было не согласиться, и мы порешили на следующий день пересечь Бага-Ма-цзун-шань по этой тропе.

Ночь я провел очень скверно, и не столько виной тому был мороз, достигший к утру 5°, сколько моя непривычка к твердому изголовью. Как бы то ни было, я поднял всех до света, и лучи восходящего солнца застали нас уже въезжающими в ущелье Бага-Ма-цзун-шаня.

Впереди ехал монгол.

Вдруг он круто осадил лошадь и на что-то указал казаку. В один миг Глаголев был уже на земле и, добежав до камня, припал за последним. Не видя ничего, я выхватил было бинокль, но в это время грянул уже выстрел.

— По ком ты, Глаголев?

— Не знаю, что и за зверь... Будто лисица, да хвост не похож...

Мануль! Мануль! — бросил мне по пути Сарымсак и, как сумасшедший, понесся вслед за Хомбо.

Но, увы, несомненно раненная, дикая кошка (Felis manul) успела все же куда-то укрыться.

Не прошло после того и пяти минут, как мы увидели в шагах в восьмистах впереди с десяток аркаров, которые легко взбегали на крутейший откос. Очевидно, они шли к воде, но выстрел Глаголева их испугал и обратил в бегство. Опять неудача!

В это время мы проезжали по участку ущелья, местами густо поросшему полынью, Arnebia и другими травами, среди коих нашелся вполне свежий экземпляр Zygophyllum Potanini Maxim., который и поступил в наш гербарий на смену имевшихся там сухих и отживших.

Еще несколько шагов далее, и тропинка, круто свернув влево, повела нас зигзагами на высокий отрог, но там на его гребне вдруг бросила.

Что за притча? А дальше куда же?

Пока Хомбо верхом, Сарымсак пеший отправились на розыски пропавшей тропы, я приостановился для записи наблюдений, причем оказалось, что мы стоим на абсолютной высоте, равной 7 553 футам (2 302 м), и поднялись над Нор-голской долиной свыше, чем на 150 м, над Лу-цо-гу же на 235 м. Но подножие наше — не более, как гребень отрога, ответвляющегося от главной массы хребта; гребень последнего много выше; еще выше венчающие его скалистые пики. Один из таких гольцов, километрах в двух впереди, первый в ряду других, следующих за ним непрерывной чередой на юго-восток, обрывается круто в глубокую падь, и мне кажется, что и падь эта спускается туда же, на юго-восток. Ихэ-Ма-цзун-шань не виден; его заслоняет скала, из-за которой выступают только желтые массы северного склона хребта Бага-Ма-цзун-шань. Зато на севере горизонт открыт и обширен. Я ясно различаю параллельные гряды Нюр-шань, Е-ма-шань, Ци-гэ-цзин-цзы. На западе вижу высокую горную группу Баин-ула, пониженную северо-западную часть Ба-бо-шаня и невысокую, узкую гряду Борю-булак. За ними встают еще другие высоты; они сливаются между собой и неясными силуэтами отходят в волшебную синь дали.

В то время, когда я кончал свой набросок взаимного расположения горных масс к северу и западу от Бага-Ма-цзун-шаня, я вдруг услыхал приближающиеся голоса Хомбо и Сарымсака.

Они исследовали порядочный горный район, но не нашли ни малейших следов тропинки; подходили они и к краю ущелья, но горы обрывались в него так круто, что нечего было и думать сойти туда с лошадьми. Таким образом, нам оставалось только вернуться обратно; мы, однако, сделали еще одну попытку выйти иной дорогой из гор.

Прямо перед нами на западе последние несколько расступались. Сюда-то мы и направили своих лошадей, и действительно, вскоре добрались до места, представлявшего полную возможность спуститься в долину. Правда, на первых порах откос был крут и каменист и требовал и от седока и от лошади большого внимания, но затем мы выбрались на осыпь, где лошади пошли уже уверенным шагом. Всего горами Бага-Ма-цзун-шань мы проехали 6 км, и на всем этом протяжении иной породы, кроме метаморфического кремнистого известняка, я не встретил.

Из Нюр-голской долины в долину Лу-цо-гу мы возвратились прежней дорогой и на бивуак прибыли без дальнейших приключений, если не считать за таковое неудачную стрельбу по хуланам, подпустившим нас на шестьсот шагов.

Похождения брата были тоже не из удачливых; он наткнулся только на куропаток (Perdix barbata Verr. des Murs.), из коих и убил двух.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

В БЭЙШАНЬСКИХ ГОРАХ

(продолжение)

Колодец Лу-цо-гу мы покинули 17 сентября. На протяжении первых 14 км мы шли уже описанным выше путем и, только подойдя к возвышенностям, смыкающим хребет Бага-Ма-цзун-шань с грядой Борю-булак, уклонились несколько к западу. Здесь дорога стала обходить невысокие бугры сильно разрушенного с поверхности серого мелкозернистого биотитового гранита, а затем мы вступили в область залегания мрамора и кремнистого известняка, непрерывность коего нарушалась выходами черного глинистого сланца и серого плотного песчаника.

Кристаллические известняки слагали всю центральную массу седла, далее же к северу, влево от дороги, стали попадаться исключительно плотные мелкозернистые песчаники серого и зеленого цветов.

Пройдя обнажения песчаников, дорога вступила в западную часть Нюр-голской долины, которая, сузившись здесь до двух километров, под именем Борю-булакской уходит на юго-запад, отделяя гряду Борю-булак от невысокого, но широкого хребта Хулан-шань. Ее серединой сбегает на запад очень плоское, едва заметное русло, в котором вырыт колодец Борю-булак, или Хулан-чан.

Оставив этот колодец вправо, дорога огибает восточный конец хребта Хулан-шань, сложенный из кристаллического известняка, и вступает в узкую долину, где на дневную поверхность, в виде грив и бугров, вновь выступают сильно разрушенные кристаллические сланцы (среди них глинистый) и зеленоватые хлоритовые и красные биотитовые граниты.

Растительность всюду здесь скудная, и такой остается она на всем переходе. Впрочем, я не собирал на этом участке растений. С утра хмурая, ветреная погода к полудню окончательно испортилась. Пошел дождь — холодный, мелкий, совершенно осенний. Как-то сразу все смокло, и я с большой неохотой оставлял седло

для сбора коллекций. К моему живейшему удовольствию, в этом вскоре миновала и надобность, так как мы вступили в почти бесплодную котловину северо-западного простирания, замкнутую на севере и востоке хребтом Лю-цзин-шань и заполненную рыхлыми отложениями, среди коих выходы коренных пород — темносерых и черных глинистых сланцев и зеленоватых песчаников, встречались в очень немногих местах. Отложения эти, которые Обручев считает гобийскими[197], напоминают отложения в урочищах Ло-я-гу и Долон-модон и, подобно последним, занимают лишь небольшую площадь с выходом на юго-восток, в Нюр-гольскую долину.

Котловиной, среди буро-красных песчанистых глин, которые то выступали наружу в виде коротких грив и бугров, то скрывались под толщу щебня, осадившегося из тех же глин, благодаря выдуванию мелкозема, мы шли километров семь до густо поросшего камышом и осокой ключевого болота, где круто свернули на юго-запад и остановились у родника Лю-цзин-цза на абсолютной высоте, равной 6 791 футу, или 2 075 м. В окрестностях этого родника, а именно к югу от него, среди темносерых слюдяных и серых глинистых сланцев попалось мне небольшое обнажение тешенита — кристаллической породы, до сих пор, как кажется, еще не найденной в Центральной Азии.

Дождь еще шел, когда мы прибыли к роднику; но к четырем часам усилившийся северо-западный ветер разогнал тучи, выглянуло солнце и в воздухе потеплело; не надолго однако, так как уже к 9 часам вечера термометр показывал градус мороза.

18 сентября погода не улучшилась; дождя, правда, не было, но зато холодный северо-западный ветер дул с большой напряженностью, переходя часто в бурю, подымавшую в воздухе не только песок, но и гравий.

Выступили рано, часов в 6 утра, при температуре —3°. Дорога повела нас в обход болота, окруженного широким поясом соляных выцветов, к горам Лю-цзин-шань, подымавшимся метров на 90—120 над уровнем котловины. Первые встреченные нами здесь обнажения состояли из хлоритовых сланцев, испещренных прожилками кварца; далее следовали зеленовато-серые гранит-порфиры и зеленоватые глинисто-кварцевые сланцы, налегавшие на бледнокрасный гранит, пересеченный во многих местах жилами кварца и в одном месте, у подошвы хребта, темнозеленым протеробазом. В области простирания этого гранита, образующего главную массу хребта, на пятом километре от родника находится и перевал через Лю-цзин-шань, поднимающийся на 70 м над уровнем котловины.

На северном склоне вновь обнажаются зеленые сланцы — слюдяно-хлоритовые и кварцевые, которые образуют здесь, так же как и на юге, отдельные гривы и холмы. Хребет Лю-цзин-шань не делает исключения среди остальных гор Бэй-шаня, представляя лишь жалкие остатки былого величия, разрозненные массы, далеко не всегда дающие даже возможность установить взаимное соотношение слагающих их пород; впрочем, как кажется, в данном случае, судя по характеру падения сланцевых толщ, мы имеем дело с наклонною к югу антиклинальной складкой.

По спуске с хребта наблюдается некоторый перерыв в обнажениях: дорога идет по крупному, плотно слежавшемуся гравию со скудной растительностью и слабо намеченными руслами дождевых потоков. Горизонт здесь свободен, в особенности к востоку, где разбросанные там и сям холмы и гривы имеют ничтожную высоту. Оставшаяся у нас теперь позади гряда Лю-цзин-шань выклинивающаяся на юго-востоке в Нюр-голскую долину, при взгляде на нее с севера производит впечатление низкого барьера, переходящего на западе в обширное вздутие с весьма неровной поверхностью, выделяющее в стороны невысокие отпрыски, сложенные преимущественно из роговообманкового гнейса.

На 12-м километре мы миновали колодец Ван-хулан, или По-шуй, вырытый в плоской котловине, скудно поросшей осокой, чием, полынью, Sympegma Regeli и другими травами. Мы бы его не заметили, если бы не монголы, которые попрежнему не упускали случая делиться с нами своими знаниями пустыни.

К северу от колодца мы шли дресвой без обнажений еще около двух километров, имея вправо и влево небольшие возвышенности, сложенные из гранитов и кристаллических сланцев. Эти же породы, серый роговообманковый гнейс и беловатый крупнозернистый гранит, слагали и невысокий горный отрог, замыкавший с севера впадину Ван-хулан. С гребня этого отрога местность впереди казалась столь же плоской, как и на юге; дорога шла по неясно выраженной меридиональной долине, а вправо и влево от этой последней отходил мелкосопочник, который можно было проследить очень далеко в обе стороны.

В долине обнажений я не заметил, но километра через два, уже в виду новой горной гряды, перегораживавшей дорогу, влево от последней стали попадаться зеленые гнейсы. Те же гнейсы слагали и помянутую выше гряду, подымавшуюся барьером метров на тридцать высоты. С него был хорошо виден плоский конец Е-ма-шаня и широкая долина, ведущая к колодцу Хо-римту и подножию Ихэ-Ма-цзун-шаня, другие же стороны горизонта не представляли ничего интересного: тут расстилался все тот же, успевший уже намозолить глаза мелкосопочник, не дававший возможности восстановить былого простирания исчезнувших ныне горных массивов.

Спуск с барьера очень полог и длинен и выводит в продольную долину с пробегающим по ней на восток, вероятно в долину Е-ма-чуань, сухим руслом. Хрящеватая почва этой долины почти бесплодна, но вдоль русла виднеются заросли чия и каких-то кустарников. Проехав ее, мы вступили в область распространения кремнисто-глинистых сланцев и фельзитов, образующих к востоку от дороги разорванную гряду черного цвета. Фельзиты обнажаются кое-где и у дороги, а затем попадаются к западу от нее среди гнейсов, слагающих главную массу хребта Ло-ба-чэн и выступающих здесь в целом ряде разновидностей, начиная с палевого мусковитового и кончая яркозеленым хлоритовым. Кроме гнейсов, в строении помянутого хребта видное участие принимают гнейсо-граниты, кварц, сланцы хлоритовые и хлоритово-слюдистые и темнозеленый мелкозернистый диабаз, пересекающий многими жилами как гнейсы, так и граниты. Последние, будучи белого цвета, очень контрастно выступают на темном фоне зеленых кристаллических сланцев.

Следуя поперек этого хребта по расчленившей его широкой долине, мы на пятом километре свернули влево, в боковое ущелье, где и остановились у родника Ло-ба-чэн, на лужайке, густо поросшей осокой, среди которой были замечены, кроме некоторых злаков и полыни, следующие виды растений: Anabasis aphylla L., Arnebia cornuta var. grandiflora Trautv., Inula ammophylla Bge, Aster alyssoides DC., Sympegma Regeli Maxim., Atraphaxis lanceolata var. divaricata Ledb. и Reaumuria soongorica Maxim.; склоны окрестных высот покрывал редкими пучками кипец (Festuca sp.).

Абсолютная высота лужайки у родника оказалась равной 6 900 футов (2 103 м), согласно же определению В. А. Обручева— 6 626 футов (2 020 м) [198].

К вечеру ветер стих, и небо стали затягивать низкие облака; ночью термометр стоял на нуле и только перед восходом солнца спустился до —0,5°, но держался на этом делении весьма недолго, так как уже полчаса спустя я отметил в дневнике 2° тепла. Солнце стало просвечивать около 9 часов утра; поднявшийся ветер еще более разрядил облака, но все же день оставался до конца пасмурным и холодным: термометр только на мгновение поднялся до 11° тепла и вечером упал до 2° мороза.

Едва мы проснулись, как в дверь нашей юрты заглянул Сарымсак и объявил неприятную новость: верблюд, который так хорошо служил нам в течение 13 месяцев и еще вчера шел так бодро, вдруг заболел: у него распухли лапы передних ног. Эта болезнь зовется у монголов «хаса»; она не представляет чего-либо опасного для жизни животного и проходит сама собой, но требует абсолютного покоя по крайней мере в течение двух недель; для нас же она была равносильна потере животного. Мы было уже и решили покинуть его у родника, когда Хомбо объявил, что дает за него в обмен свою лошадь, маленькую, но крепкую, с хорошим шагом и удивительно шуструю.

— Ну, а сам-то ты как?

— Тут поблизости, в горах Ши-фын-ша-хо-цзы, кочует мой приятель; он и лошадью меня снабдит и за верблюдом присмотрит, пока не вернусь.

Верблюд вез нашу кухню и прочий громоздкий скарб; теперь все это пришлось переложить на ишаков. Переформирование вьюков дело в общем довольно копотное, а потому нет ничего удивительного в том, что мы выступили 19 сентября позднее обыкновенного.

Первые полтора километра мы шли, придерживаясь не лишенного растительности западного края поперечной долины, где в обнажениях встречались почти исключительно зеленые кристаллические сланцы и диабазы, затем горы отошли в сторону, и мы вышли в циркообразное расширение той же долины, замкнутое на севере цепью невысоких холмов, сложенных из зеленых песчаников и с поверхности сильно разрушенных хлоритовых сланцев. На этом зеленом фоне валялся в изобилии фиолетовый щебень мелафирового туфа, но коренного выхода этой породы я не нашел.

За этой цепью холмов следовало обширное вздутие, сложенное из гнейсов; последние, очевидно, составляли тот фундамент, на котором некогда покоились серые мелкозернистые кварциты, ныне уцелевшие лишь в немногих местах. Других обнажений я здесь не видел, хотя попадавшийся на пути щебень и был довольно разнообразен, а вся местность пестрела красновато-желтыми, серо-зелеными, в особенности же белыми бугорками.

Из этого мелкосопочника дорога вывела нас сначала к уходившему на восток сухому руслу, а затем и к обильному водою ключу Е-ма-чуань, окруженному болотцем и зарослью чия, камыша и осоки.

Впереди перед нами вставали здесь горы, вправо же виднелась долина, уходившая за край горизонта. Она расширялась там до семи километров, за пределами же восточного звена Ло-ба-чэн-шаня, судя по данным съемки, даже до 12 км. Ограничивающие ее с севера и юга хребты — Ци-гэ-цзин-цзы и Е-ма-шань казались разделенными на несколько параллельных гряд, в общем же плоскими и широкими, с весьма немногими выдающимися вершинами; несомненно, что оба они принадлежали к числу горных массивов, наиболее пострадавших от времени и атмосферных влияний; да и самая долина, теперь широкая, некогда имела другие размеры, судя по выступающим в боках ее щеткам и мелкосопочнику. Почва ее, плотная, хрящеватая, у гор же щебневая или глинисто-солонцовая, очень скудно поросла травами; тем не менее, благодаря множеству укромных бухточек в обеих горных цепях, она служит любимым пристанищем для джейранов (Gazella subgutturosa) и диких ослов, откуда и ее китайское название Е-ма-чуань — «долина диких лошадей». Много ли водных

источников в этой долине, я не знаю. Монголы назвали мне лишь два родника: Цаган-чулу в 100 ли от колодца Е-ма-чуань и Хун-лу-чэн в 120 ли от Цаган-чулу; сверх того, между обоими имеется, по их словам, еще один колодец, на котором караваны обыкновенно не останавливаются, и несколько луж, подобных Нюр-голской. Последние несомненно и служат водопойнями для диких животных.

К северу от колодца Е-ма-чуань на протяжении 4 км дорога пролегает по местности, представляющей перемежающиеся участки щебневой пустыни и солонцов, одетых соответствующей растительностью, среди которой преобладают чий, осока, Kochia mollis Bge, Sympegma Regeli Bge, Sophora alopecuroides L., Anabasis brevifolia C. A. M., Pleurogyne carinthiaca Gris., Halogeton glomeratus C. A. M., и из кустарников Atraphaxis lanceolata var. divaricata Ledb. и Reaumuria soongorica Maxim.; затем она втягивается в горы.

Эти последние относительно невысоки и состоят из двух кряжей, представляющих лишь расходящиеся между собой отроги обширного вздутия, смыкающего хребты Фо-чэн-цзы и Ло-ба-чэн-шань. Северный из этих кряжей, более высокий, носит название Ши-фын-ша-хо-цзы, южный — то же название, что и хребет, ограничивающий с северо-востока долину Е-ма-чуань, т. е. Ци-гэ-цзин-цзы. Взаимное отношение обоих Ци-гэ-цзин-цзы осталось для меня не вполне ясным, топографически же оба хребта различаются между собой и внешним своим габитусом и простиранием, из коих одно широтное с тенденцией отклоняться на север, другое же — юго-восточное. Барьер, образуемый грядой Ци-гэ-цзин-цзы, как я уже выше заметил, относительно невысок и в седле подымается всего лишь метров на девяносто над уровнем долины Е-ма-чуань. Он сложен из серых гнейсов, содержащих гнезда кварца и пересеченных жилами порфирита.

Дорога пересекает наискось узкую долину между грядами Ци-гэ-цзин-цзы и, делая здесь крутой поворот к западу, на протяжении трех километров бежит местами по щебню, местами по хрящу, поросшему лишь кое-где, и притом очень скудно, злаками и мелким кустарником; к востоку от дороги виднеются, однако, довольно значительные заросли чия, сопровождающие овраг, теперь сухой, но в котором после обильных дождей обыкновенно надолго задерживается вода. Овраг тянется очень далеко на восток и там, как кажется, проходит по местности, обильной пастбищами и ключевой водой.

Хребет Ши-фын-ша-хо-цзы шире, выше и массивнее хребта Ци-гэ-цзин-цзы. В сложении его главное участие принимает кристаллический известняк, мощные серовато-белые толщи которого чередуются с серым кварцитом и сланцами — слюдяно-хлоритовым и черным кремнистым. Эта свита горных пород заканчивается высокой грядой зеленого мелкозернистого песчаника, достигающей в седле 7 418 футов (2 261 м) абс. выс. и образующей высшую точку всей дороги через Бэй-шань и ту грань, за которой все водостоки устремляются уже на север, к Янь-дуньскому протоку, тогда как до сих пор они направлялись либо в сторону Су-лай-хэ, либо к Эцзин-голу. Над этим седлом отдельные скалы подымаются метров на 150 или даже 180, так что гребень хребта Ши-фын-ша-хо-цзы должен достигать, а может быть и превосходить в отдельных точках 8 000 футов (2 440 м) абсолютного поднятия.

Открывающийся с перевала вид не обширен: впереди, за невысокой грядой, синеется котловина Чжи-чжэ-гу, замкнутая высоким, ровным валом хребта Фо-чэн-цзы, по сторонам высятся холмистые вздутия, уходящие за край горизонта. Общий тон далеких гор красновато-сизый, на переднем же плане преобладают серые и зеленые тона по цвету выступающих здесь на дневную поверхность песчаников, гранитов и гнейсов.

Среди обнажений этих пород дорога бежит на протяжении 8 км, после чего вступает на мягкую лёссовидную почву котловины Чжи-чжэ-гу, представляющую на значительную глубину очень тонкий илистый желто-серый субстрат, вероятно отложившийся на дне бывшего здесь некогда озера. Горизонтальные наслоения этого ила, перемежающегося то с мелким песком, то с гравием, заключающего местами даже гальку, хорошо видны в обрывах оврага, который сопровождает здесь справа дорогу. В овраге мы нашли значительные скопления совершенно пресной, прозрачной воды, и на краю одной из таких ям, длиной в двадцать, шириной в четыре метра, мы и остановились, спугнув парочку чирков (Anas querquedula), которые тут же были убиты.

Вечером нас посетили монголы-халхасцы, приехавшие из долины Ци-гэ-цзин-цзы вместе с Хомбо и Дарба. Последние некоторое время рассчитывали прогостить у халхасцев, а затем от пикета Мын-шуй предполагали направиться прямой дорогой через Е-шуй (90 ли), Ма-дунь (70 ли), Тола (75 ли), Джигда (85 ли), Сань-коу-чжэнь (60 ли), Казган (70 ли), Могай (60 ли), Бай или Шаманэ (70 ли) и Адак (120 ли) в селение Ном (90 ли).

Об этом пути они рассказали нам следующее.

Дорога сворачивает вправо в десятке ли от колодца Мын-шуй и до колодца Е-шуй бежит среди гор прямо на север. Сперва ущелье довольно узко, но затем горы отходят в обе стороны, и тропинка пересекает долину, по которой можно выйти к ключу Отун-да-цзу-чан. За долиной подымаются опять горы, которые не высоки, но скалисты. Колодец лежит по северную их сторону, вблизи сухого русла Е-шуй, которое, сойдясь с Мын-шуйским руслом, впадает к западу от ключей Я-цзу-чан в Янь-дуньский проток. От колодца Е-шуй дорога идет мелкосопочником около

30 ли, после чего вступает в горы Ма-дунь-шань, с северного склона коих сбегает главное русло Янь-дуньского протока. Ма-дунь-шань — очень длинный, скалистый хребет и к востоку от дороги достигает значительной относительной высоты. Колодец находится по северную его сторону, близ протока, которым дорога и следует, направляясь к урочищу Тола. Как это урочище, так и следующее — Джигда — находятся в каменистой пустыне, у подошвы черной скалистой гряды, составляющей один из южных отрогов хребта Карлык-таг. Ее проходят по сквозному ущелью; а далее местность получает уже вполне горный характер. Урочище Сань-коу-чжень лежит в горах и в переводе значит «место схода трех ущелий».

Наше прощанье с монголами носило очень сердечный характер; мы даже наделили их небольшими подарками. Да и было за что. Оба, в особенности же Хомбо, из всех сил старались быть нам полезными, и, как уже знает читатель, значительно обогатили наши сведения о Бэй-шане. Беседы велись нами, при посредстве Сарымсака и Чуркина, обыкновенно по вечерам, причем часто описание местности сопровождалось демонстрацией ее особенностей с помощью камней и песка; иногда же Хомбо брался за карандаш, и надо было видеть его радость, когда его неумелым рукам удавалось начертить нечто, долженствовавшее, по его мнению, с полной наглядностью изобразить рельеф описываемой страны. Несмотря на их примитивность, чертежи эти, за неимением более достоверного материала, были нами использованы при составлении карты участка Бэй-шаня вдоль Е-шуйской дороги.

Хребет Фо-чэн-цзы очень богат как рассыпным, так и коренным золотом. Последнее добывалось только с поверхности, где порода, его заключающая, подверглась уже в значительной степени разрушению. Породу эту дробили и просевали сквозь грохот, после чего подвергали дальнейшей обработке путем провеивания, подбрасывая дресву на значительную высоту над разостланной тканью до тех пор, пока ветром не относило в сторону наиболее мелких частиц породы. Оставшееся на ткани затем по частям выравнивалось и продувалось струей воздуха из ручного меха. В конце концов золото, конечно, лишь в крупных зернах или чешуйками, отбиралось пальцами. Такой же сухой обработке, за отсутствием проточной воды, подвергалось и рассыпное золото.

Несмотря на столь несовершенный способ добычи золота, в окрестностях Чжи-чжэ-гу работало до магометанского восстания не менее двух тысяч дунган и китайцев под присмотром китайского чиновника, жившего в Мын-шуйском укреплении. Развалины последнего, а равно постоялых дворов и других построек и до сих пор еще виднеются у южной подошвы хребта

Фо-чэн-цзы и в продольной долине Мын-шуй. Жизненные припасы доставлялись сюда из Хами, Ань-си и Юй-мыня. Из Хами ездили или через Куфи и Ша-цзюнь-цзы (Са-чанза) или через Отун-го-цзы, из Ань-си же через Бай-дунь-дцы и Бай-тан-цзы, где ветвь на Мын-шуй, ныне, по словам монголов, совсем заброшенная, уклонялась вправо и шла на урочище Чжи-чжэ-гу мимо гольца Баин-ола.

Ночью, при совершенно ясном небе, мороз достиг 11°; с восходом, однако, солнца температура стала быстро подниматься и к полудню остановилась на 12°. Дул сильный северный ветер.

В урочище Чжи-чжэ-гу мы дневали, так как прежде, чем итти дальше, необходимо было привести в порядок съемку и дневники и астрономически определить такой важный пункт Бэй-шаня как Мын-шуй. Сверх того на очереди была и генеральная ковка лошадей, которая вот уже два дня как откладывалась за недосугом.

Хребет Фо-чэн-цзы, замыкающий с севера котловину Чжи-чжэ-гу, принадлежит к числу значительнейших в Бэй-шане. Мы проследили его на запад километра на сорок два и, судя по юго-западному его простиранию, я не сомневаюсь в том, что он составляет одно целое с ранее описанным хребтом Да-бэнь-мяо; на востоке он также уходит за край горизонта и едва ли не сходится там с горами, образующими восточный конец Карлык-тага. Его длине соответствует и его высота. В месте прорыва его Мын-шуйским руслом он представляет невысокий барьер, но в обе стороны от этого понижения быстро крупнеет, приобретает массивность и выбрасывает пики, переходящие за 760 м относительной высоты. Исходя из последней цифры, можно установить, что средняя абсолютная высота его мелкозубчатого гребня составляет величину, очень близкую к 8 500 футам (2 600 м).

На нашем пути всю массу этого хребта слагал бледнокрасный крупнозернистый гнейсо-гранит, переслаивающийся с серым, серо-зеленым и темнозеленым (хлоритовым) мелкозернистыми гнейсами и пересеченный во многих местах, главным же образом в осевой части и на северном склоне, розовым мелкозернистым жильным гранитом (аплитом); там же обнаружена была и жила зеленого ортоклазо-эпидотового гранит-порфира незначительной мощности.

Для прохода через Фо-чэн-цзы дорога воспользовалась широкою брешью, промытой в нем некогда Мын-шуйской рекой, далее же вступила в узкую, вытянутую в западо-северо-западном направлении котловину, которой и следовала на протяжении 10 километров.

Почва этой котловины состояла из гравия с значительной примесью щебня и отличалась крайним бесплодием; кое-какая растительность виднелась только вдоль росточей, да к северу от дороги, в направлении свернувшего туда Мын-шуйского русла. Выходы из-под дресвы и щебня коренных горных пород встречались не часто; сперва обнажались преимущественно гнейсо-граниты и серые гнейсы, далее же серовато-зеленые слюдистые сланцы, хлоритовые гнейсы и ортоклазо-эпидотовые гранит-порфиры. Эти же горные породы слагали и невысокий кряж Йо-шуй-дабан, ответвляющийся от хребта Фо-чэн-цзы и замыкающий с запада и северо-запада Мын-шуйскую котловину.

Дорога переваливает через него в месте наибольшего его понижения, имеющего 7 070 футов (2 155 м) абсолютного поднятия, после чего пересекает небольшую котловину — бухту, открывающуюся на север, куда уходит и бегущее вдоль нее сухое русло Йо-шуй. Галька в этом русле состоит преимущественно из кристаллических пород: много кварца, эпидота, разнообразных гранитов; но попадаются и сланцы — слюдяной, глинистый и известково-глинистый. Последний из поименованных сланцев слагает отрог, составляющий западное крыло котловины, а может быть и главную массу высокого Гинь-ва-шаня, имеющего северо-западное простирание и представляющего также лишь отрог Фо-чэн-цзы.

Обойдя это обнажение, мы вступили в обширную долину Да-цзы-чан, названную так по колодцу, находящемуся несколько в стороне от дороги, у подошвы гранитных утесов южных гор. Хотя проводник и утверждал, что до него рукой подать, тем не менее его осмотр занял порядочно времени, так что, когда я вновь выехал на большую дорогу, то уже и хвоста каравана не было видно: он успел уйти километров на пять вперед. Пришлось догонять его чуть не рысью, придерживаясь оставленных им следов, которые отчетливо выделялись на дресвяной почве долины. Среди этой дресвы яркими пятнами, белыми, красными, серыми и зелеными, залегал более или менее крупный щебень различных горных пород, но я не имел времени убедиться, представляют ли эти однородные осколки остатки распавшихся на мелкие куски отторженцев или разрушенные выходы коренных пород; впрочем, я не сомневаюсь, что в двух-трех местах я имел дело с последними, причем взятые тут образцы оказались принадлежащими красному роговообманковому граниту и кристаллическим серым известнякам.

Проехав большой дорогой четыре километра, я поровнялся с протоком, в котором, благодаря рассказам монголов, я тотчас же признал Мын-шуйское русло, обошедшее с востока Йо-шуй-дабанский отрог; его сопровождала поросль низкорослого саксаула.

Следуя вдоль этого русла, я вскоре выехал на плоский отрог южных гор, сложенных из серого кристаллического известняка. С него я увидел километрах в трех впереди обширное желтое поле солонца Отун-да-цзы-чан и быстро приближавшийся к нему караван. Переход был окончен.

Из урочища Отун-да-цзы-чан Карлык-таг был уже ясно виден. Между ним и нами расстилалась широкая волнистая степь, по сторонам и позади вставали горы. И вот, для того, чтобы лучше ориентироваться среди этих последних, решено было после обеда взобраться на ближайший утес Е-шуй-шаня. Восхождение это заняло с добрый час времени, так как для того, чтобы найти подходящий обсервационный пункт, нам пришлось переменить несколько сопок. С последней, представлявшей скалу краснобурого фельзитового порфира, открылся, наконец, вид, который мог удовлетворить большинству наших требований.

Вдали, на северо-западном краю горизонта, в неясных очертаниях вставал Карлык-таг с своими четырьмя седыми вершинами, которые с поразительной ясностью выделялись на сверкающей синеве центральноазиатского неба. От этих вершин в обе стороны тянулась воздушная, нежнофиолетовая зубчатая полоса гор, которая на востоке служила лишь фоном для целого ряда гребней более близких гор, составляющих юго-восточную окраину необъятного нагорья Тянь-шаня. Из массы этих, точно затянутых флером, высот ответвлялась гряда, которая, следуя к юго-западу, постепенно вырисовывалась в скалистый, очень расчлененный хребет. Это — Ма-дунь-шань, самый северный из бэйшаньских хребтов, с которого стекали некогда воды, образовавшие Янь-дуньский проток. Западный конец его нам был ясно виден, мы могли даже различить его темносерые и бурые скалы, чередовавшиеся с широкими седловинами. Между ним и Е-шуй-шанем расстилалась глубокая долина, переходившая на востоке в волнистое плато, замыкавшееся на краю горизонта горами. Существует ли какая-либо связь между этими горами и хребтом Фо-чэн-цзы, уловить за дальностью расстояния я не мог; однако, думаю, что, подобно Е-шуй-шаню, они представляют лишь северный отрог помянутого хребта, прислонившийся к Ма-дунь-шаню. На западе высокие скалистые массивы кряжей Гинь-ва-шань и Лу-гань-чан совершенно скрывали расположение находящихся позади горных масс. Такой характер горного ландшафта в верховьях Янь-дуньского протока дает повод думать о существовании прочной топографической связи между горами бэшанской и тяньшанской систем, если только Карлык-таг относится к этой последней системе.

Солончак Отун-да-цзы-чан один из самых обширных в Бэйшане. Он густо порос солонцовыми травами, преимущественно — камышом и осокой; из других же видов бросались в глаза Anabasis aphylla L., A. brevifolia C. A. Mey., Artemisia fragrans var. subglabra Winkl., Inula ammophyla Bge, Arnebia fimbriata Maxim. и Astragalus sp.

Его абсолютная высота определена была нами в 6109 футов (1862 м), Футтерером — в 5 904 фута (1799 м) [199] и Обручевым — в 4 855 футов (1280 м) [200].

22 сентября, при совершенно ясном небе и полном затишье в морозном воздухе, мы, наконец, вышли из Бэйшаньских гор в каменистую пустыню, которая заливом шириной до 15 и глубиной до 26 км вдавалась в горные массы хребтов Е-шуй-шань и Ма-дунь-шань [201]. Впрочем, в эту равнину мы вышли не вдруг, так как с одной стороны высокий, скалистый, буро-зеленовато-серый Лу-гань-чан, с другой — последние отпрыски хребта Е-шуй-шаня сопровождали дорогу еще на протяжении 13 км. Местность здесь даже как будто приподнялась, и среди плоских холмов, перегораживавших долину, стали попадаться выходы коренной породы — серых и серовато-желтых кристаллических известняков, прорванных жилами буро-красных и зеленовато-серых порфиров. Очевидно, что именно это массивное поднятие послужило некогда непреодолимым препятствием для вод Мын-шуйской реки, которая и проложила себе русло в более податливых породах, свернув от ключа Отун-да-цзы-чан прямо на север, поперек холмов Е-шуй-шаня.

По выходе из гор мы шли каменистой пустыней 20 км до урочища Я-цзы-чан, где и остановились.

Это урочище представляет глубокую впадину на краю сухого русла Е-шуй, точнее — глубокую бухту этого последнего, которая развертывается перед глазами путника только тогда, когда он почти вплотную подойдет к обрывистым ее берегам. Ее дно — солончак, густо поросший осокой и спорадически — камышом, солянками и гребенщиком. Ключей в урочище два: один — близ спуска, с слегка солоноватой водой, другой — в двух километрах к северу — почти пресный. Абсолютная его высота по нашему определению оказалась равной 4 908 футов (1 496 м), по определению Футтерера — 4 691 фут (1430 м) [202] и Обручева — 4 428 футов (1350 м)[203].

Подходя к впадине, мы пересекли колесный путь, шедший с востока на запад. В. А. Обручев полагает, что это один из вариантов колесной дороги из Ань-си-чжоу (?) в Хами [204]; в действительности же это местная дорога, не идущая на восток далее урочища Да-чжо-цзы, где некогда велось в значительных размерах пережигание саксаула на уголь.

23 сентября мы продолжали наш путь по местности, представляющей место схода многочисленных сухих русел в один могучий проток, названный мною Янь-дуньским.

Проток этот слагается из двух рукавов, из коих северный производит впечатление более значительного. С высот, окружающих урочище Отун-го-цзы, я проследил его довольно далеко на восток, причем выяснилось, что его образуют несколько коротких русел, из коих по крайней мере два сбегают с севера; если верить, однако, монголам, главный сток прежних вод находился все же не здесь, а на северном склоне хребта Ма-дунь-шань, в том месте, где этот последний, повышаясь, сливается с нагорьем Карлык-тага. С того же хребта и, вероятно, с южных склонов тех же гольцов, выносила свои воды и бывшая речка Е-шуй, которая, сливаясь с Мын-шуйским руслом, слагала далее южный рукав того огромного желоба, который проходит мимо Янь-дуня.

Хребет Ма-дунь-шань служит, таким образом, водоразделом между обоими рукавами, и его западный конец, изрезанный многочисленными стоками, и пересекает дорога в участке между Я-цзы-чаном и Отун-го-цзы.

Поднявшись из Я-цзы-чанской ямы снова на каменистую степь, мы шли ею километров пять, имея вправо крутой обрыв Е-шуйского русла, затем пересекли последнее и вышли на его правый берег, представляющий узкий отрезок той же каменистой пустыни, выклинивающейся на запад в новое расширение названного русла. Топографически этот мыс составляет как бы отпрыск хребта Ма-дунь-шань. Да таким он, повидимому, и был когда-то, так как и теперь еще из-под гальки выступает здесь кое-где коренная порода — серый глинисто-кремнистый сланец.

Усыпанные серой галькой рыхлые красные отложения (конгломераты и песчанистые глины с редкими включениями кристаллических агрегатов гипса и поваренной соли) вообще не отличаются здесь значительной мощностью, вследствие чего служащие им постелью коренные породы выступают из-под них повсеместно и часто; так, еще накануне, не доходя Я-цзы-чана, мы обошли обнажение буро-красного порфира, сегодня же, едва поднялись из ямы, как натолкнулись на щетки темнозеленого филлита, которые и тянулись вдоль дороги на протяжении 700 сажен (1493 м).

Севернее Е-шуйского сухого русла выходы коренных пород стали попадаться еще чаще. Да оно и понятно: мы обходили здесь западный конец хребта Ма-дунь-шань, размытый прибоем вод когда-то бывшего здесь залива и частью занесенный его отложениями. Конец этот, судя по остаткам, слагали богатые выделениями кварца серые глинисто-кремнистые сланцы, прорванные жилами фельзитового порфира и диорита; выходы последнего оказались сильно разрушенными с поверхности.

Порфировая гряда составляла водораздел между южным и северным рукавами Янь-дуньского протока. Пройдя последний, мы поднялись на его высокий правый берег и вскоре достигли глубокого оврага Отун-го-цзы, где и остановились на лугу, у обильного водою ключа, выбивающегося из-под круто обрывающейся здесь толщи детритуса близлежащих гор; вероятно, там,

в этих горах, следует искать и вершину ушедшего затем под землю источника.

Абсолютная высота урочища оказалась равной 3 940 футам (1201 м).

После чая я поднялся на край балки для обозрения окрестной страны, но успел окинуть взором и зарисовать только южную часть горизонта, где круто падающие горы Бэй-шаня кулисообразно заходили одна за другую, причем их краевой контур представлял непрерывный ряд выпуклых линий, т. е. смену неглубоких бухт и острых высоких мысов. У их подошвы расстилалась щебневая пустыня, опускавшаяся на север уступами — широкими и низкими, но все же уступами. Еще ближе к протоку почва приобретала красный оттенок и странный запутанный рельеф, напоминающий ходы большого короеда (Myelophilus piniperda) в сосновой коре; их наметила вода, а докончил ветер, которому и Янь-дуньский проток обязан в значительной мере своими размерами.

Весь восток был занят горами... Но было уже не до них. В воздухе вдруг потемнело... Зловещая свинцовая туча выкатилась из-за Карлык-тага и как-то сразу заняла полгоризонта. Рванул ветер, и полил дождь... Но какой дождь! Ни ветра, ни грома, а между тем в воздухе стоял глухой гул от низвергавшейся с неба воды. Еще минута и к нему присоединились новые звуки, возвестившие нам об образовании силевого потока. Счастье еще, что наши юрты стояли на возвышении, а то бы быть нам на дне Янь-дуньского русла. Впрочем, и так беда приключилась немалая. Юртовый войлок не выдержал нового испытания и дал течь во многих местах, и я не знаю, что бы удалось нам спасти из коллекций, если бы дождь лил не четверть часа, а несколько долее. Но он вдруг перестал, и вода так же быстро скатилась, как набежала...

Такие ливни хотя не часты, но обычное явление в странах с континентальным климатом, и я думаю, что только силевыми явлениями[*] и можно объяснить ту сохранность древних русел, какая наблюдается ныне повсеместно в Бэй-шане.

В логу Отун-го-цзы силь оставил после себя значительные следы в виде навороченной гальки, конгломератных глыб и стволов гребенщика, которые, будучи полузатянуты песком и глиной, занесли большую часть лужайки.

После дождя небо оставалось до позднего вечера затянутым облаками, которые очень низко неслись над землей; они скрыли даже ближайшие горы; а на следующий день нам уже не довелось нанести их на карту, так как ввиду значительности предстоящего перехода, что-то около 58 км, мы выступили в Мор-гол до рассвета.

---

[*] «Силь» — местное (тюркское) название внезапно устремляющихся с гор бурных потоков дождевой воды.

В сумерках мы прошли около 8 км. При первых же лучах солнца я увидел такую картину: кругом — каменистую степь: серовато-желтый глинисто-песчаный грунт, устилающую его черную блестящую гальку, редкие кусты хвойника и низкорослого саксаула, и перед собой — уходящую в даль грязножелтую ленту дороги.

Этой дорогой, среди все той же монотонной пустыни, мы должны будем пройти сегодня еще многие километры, а потому самое лучшее, что мы теперь можем сделать, — это запастись терпением и пореже справляться с часами.

Убить время в пустыне осенью положительно не на чем: неорганическая природа, донельзя однообразная, не представляет объектов для наблюдения, органическая же жизнь, и весной бедная и убогая, в сентябре вконец замирает. Остается лишь созерцать дальние горизонты, да переваривать в думах вчера виденное.

На сей раз я задался вопросом: почему галька пустыни в одном месте покрывается темнокоричневой коркой, в другом — нет, хотя и там и тут она состоит из одних и тех же горных пород? Играет ли тут какую-нибудь роль различная давность их залегания на поверхности почвы? Не думаю. В Бэй-шане можно видеть целые горы, покрытые темной коркой и кажущиеся вылитыми из чугуна, и рядом хребты без всяких следов подобной коры; равным образом в Бэй-шане же приходилось зачастую проезжать по долинам, усыпанным пестрым щебнем, а несколько далее щебнем, уже покрывавшимся темной коркой, причем в общих условиях их залегания и в составе нельзя было подметить существенной разницы. Иногда даже в осыпях обломки такой прочной породы, как кварц, успевали покрываться бурой коркой, а иногда монолиты без всяких следов поверхностного разрушения сохраняли во всей неприкосновенности свою первобытную, слегка только потускневшую окраску. В чем же разгадка этого любопытного явления?

Припомнив, что темнобурая корка одевает скалы или на значительной высоте или на сторонах, защищенных от господствующих северо-восточных и северо-западных ветров, я остановился на мысли, что образованию коры мешает переносный песок и что, стало быть, цветная галька устилает лишь такие участки каменистой пустыни, которые наиболее подвержены действию постоянных ветров; действительно, в долинах, носящих явные следы раздувания, я никогда не видел черной гальки. Впрочем, гипотеза эта еще требует строгой проверки.

С дороги видна была только окрайняя гряда Карлык-тага, все же, что находилось позади ее ровного низкого гребня, затянул

туман — испарение вчера пролившегося дождя; такой же туман, хотя более редкий, позволявший временами видеть отвесные красные стены Янь-дуньского русла и сопровождающие его столовые возвышения, стлался и на юге, но так низко, что поверх его явственно были видны отдельные сопки Бэй-шаня. В этих картинах не было ничего интересного, и нам оставалось лишь терпеливо ждать, чем подарит нас западная часть горизонта, где мы с нетерпением ожидали появления силуэта Мор-голской гряды. Наконец, на сорок втором километре от ночлега мы ее увидали.

— Ну, теперь уже близко!

Но мы шли еще добрых три часа времени, и эти три часа показались нам длиннее восьми уже проведенных в дороге. Мазар-таг не давался нам, точно клад!

Но вот он вдруг вырос и вытянулся по направлению к Карлык-тагу, откуда также стали подходить горы. Это был, без сомнения, восточный из таш-булакских кряжей. Мало-помалу мы стали признавать местность. Кому-то даже показалось, что он видит гробницу султана-улеми-Рахмета на гребне Мазар-тага. Но я и в бинокль ничего рассмотреть там не мог. Прошло еще полчаса в бесплодном выжидании каких-либо признаков близости человеческого жилья, как вдруг, когда всего менее этого ждали, впереди раздался окрик:

— Река!

Это была красавица Хо-или, или Мор-гол, одна из немногих речек, добегающих и поныне до Янь-дуньского русла, где ее воды образуют обширное тростниковое займище Торэ-аркын, известное множеством водящихся там кабанов. В том месте, где ее переходит дорога, она течет в русле, проложенном в речнике, выше же ее теснят гранитные скалы, которые и препятствуют местному населению утилизировать ее воду для поливки полей; впрочем, попытки в этом отношении делались, да и сейчас еще вниз по ее течению виднеются пашни, но только в кусках, не превосходящих 20 м.

Прозрачная и стремительная, в яркозеленой рамке из камышей и кустарников, Хо-или произвела на нас чарующее впечатление. Явилась даже мысль стать на ней бивуаком.

— А хлеб? А соль?

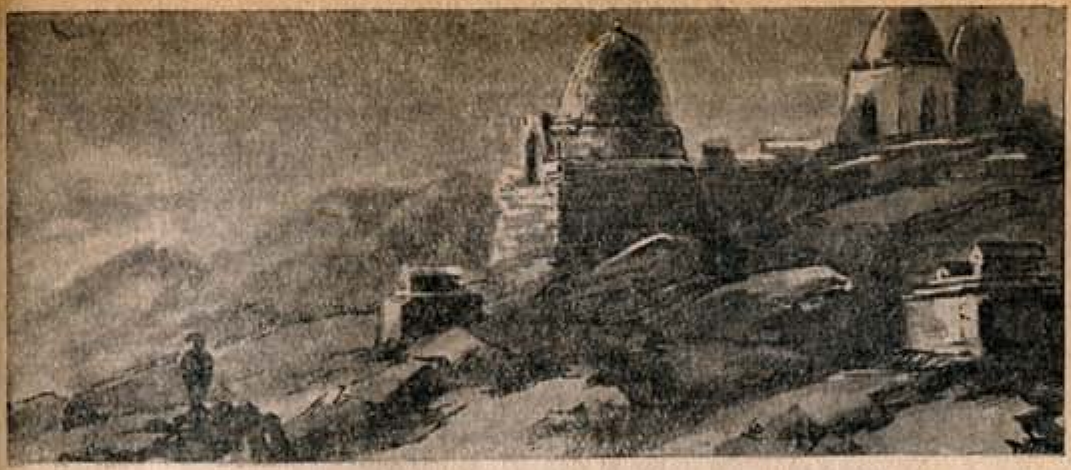
К свежему хлебу, действительно, давно уже стремились все наши помыслы, а тут, как на грех, вчерашний ливень испортил все, что еще оставалось у нас из запасенной муки, напитав ее соляным сиропом из мешка с солью, попавшего в суматохе в самое неблагополучное место; с лепешками же мы прикончили еще в урочище Лу-цо-гу.

Итак, снова в путь!

Еще не доходя до речки, влево от дороги, я заметил незначительный выход серого кремнистого сланца, далее же к западу коренные породы (преимущественно граниты) стали попадаться чаще. Впрочем, первое время мы ехали все тою же каменистою степью и только уже на третьем километре вступили в холмы, образующие южный конец восточной Таш-булакской гряды. Первую цепь холмов слагал темносерый кремнистый сланец, вторую — бледнокрасный биотитовый гранит, к которому примыкали сильно разрушенные с поверхности желтовато-зеленые горки эпидотового сланца. С этих холмов был уже хорошо виден китайский Мор-гол, прислонившийся к почти черному Мазар-тагу, а там было уже рукой подать и до Ходжам-булака, где нас встретили с распростертыми объятиями, как старых знакомых.

В Мор-голе мы дневали, чтобы дать отдых нашим отощавшим животным и сделать вторичное астрономическое определение пункта.

Здесь мы расстались с проводником-китайцем, который горячо, но безуспешно, настаивал на необходимости избрать южную дорогу для перехода в Хами. Пролегая по открытой степи, последняя едва ли, однако, могла дать нам материал, в чем-либо существенном дополняющий имевшиеся уже о ней сведения, между тем как даже самая небольшая экскурсия в Карлык-таг несомненно должна была внести новое в орографию этого мало исследованного хребта. Видя неуспех своего домогательства, китаец, видимо, рассердился и потребовал немедленного расчета, мы же, порядив проводником одного из местных обывателей, 26 сентября выступили прямой дорогой в Хотун-там.



ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЮЖНОЙ ДОРОГОЙ

Первые 7 км мы шли котловиной, залегающей между Мазартагом и таш-булакскими гранитными грядами, по местности, скудно поросшей чием и хвойником, после чего вступили в холмы самой западной из помянутых гряд, распавшейся в том месте, где ее переходит дорога, на три рукава невысоких пригорков, сложенных из различных более или менее красных гранитов, выступавших в следующей последовательности с юга на север: светлокрасный крупнозернистый роговообманковый гранит, более темный, очень мелкозернистый гранит (микрогранит), прорезанный фельзитом гранит и, наконец, хлоритовый среднезернистый гранит.

Перевалив через эту гряду, мы вышли на равнину, изрезанную сухими руслами и арыками, уходившими большею частью на юг, где виднелись одиноко росшие тополя; три километра дальше на глинисто-песчаной почве этой равнины появились выцветы соли, травянистая растительность (камыш, джантак, чий и Calamagrostis) стала гуще, и дорога на протяжении 4 км пошла типичным солончаком. За границей этого последнего травы вновь стали скудны, черными площадями появилась мелкая галька, и мало-помалу мы втянулись в пустыню, которой и шли до первых хотунтамских полей.

В Хотун-таме нас встретил дорга, который был извещен о нашем возвращении в Мор-гол накануне. После обмена приветствиями, он проводил нас в уже знакомое нам помещение, где тотчас же сервирован был дастархан: чай, изюм, пшеничные лепешки и... дыни. Впоследствии такие дыни мы забраковали бы, теперь же они показались нам бесподобными, и на радостях, что мы опять в культурном районе, мы одарили доргу больше, чем позволял наш почти истощившийся запас безделушек.

На следующий день мы встали до света, так как мне предстоял далекий путь: дорогой на Баркюль добраться до Багдашской усадьбы и отсюда свернуть на Ортам, куда брат должен был следовать с караваном прежней дорогой, вдоль южной подошвы хребта Карлык-таг.

До ущелья речки Аглик я ехал уже знакомым путем частью вдоль, частью поперек низких черных холмов, сложенных из темнозеленого, очень мелкозернистого, хлоритового диабаза. Холмы эти отделялись узкой долиной от южных уступов Карлык-тага, который в том месте, где к нему подходит дорога, образован серым хлоритовым среднезернистым гранитом. Среди скал этого гранита я вступил в ущелье речки Аглик и 200 м дальше стал взбираться на гребень отрога, образующего его западный склон.

Этот первый подъем оказался настолько крутым, что его пришлось сделать пешком. Перевал носит название Тёшик-таг и при абс. выс. 7 179 футов (2 188 м) возвышается над речкой метров на 2 130. В основании этой толщи лежит серо-зеленый хлоритовый гнейсо-гранит, выше же обнажается гнейс, переслаивающийся как с хлоритовым сланцем, так и с более зеленым эпидотовым гнейсом. Пока мы спускались среди скал этих сланцев, растительность попадалась лишь кое-где и состояла из кипца и кустов шиповника (Rosa pimpinellifolia) и караганы (Caragana tragacanthoides); но ниже характер ландшафта вдруг изменился: скала ушла под почву, а последнюю густым покровом одели полынь и кипец, среди коих виднелась зелень и других растительных типов. Мы вышли здесь в межгорную падь, которая, несмотря на свою близость к Хотун-таму, оставалась почему-то нетронутою скотом. Это показалось мне тем более странным, что обилием пастбищ хотунтамцы вообще похвалиться не могут. Недоумение мое, однако, кончилось, когда дотоле упорно молчавший проводник, обведя рукой долину, вдруг объявил: «Ханское угодье».

Противоположный скат этой пади был пологий и выводил на перевал Тагнё-дабан, сложенный из среднезернистого амфиболитового гранита, прорезанного жилами фельзита. Его абсолютная высота оказалась равной 7 608 футам (2 319 м).

С перевала открылся вид на мрачное, скалистое ущелье речки Кырчумак (или Карчумак?), которая с оглушительным шумом, вся в пене и брызгах, неслась среди огромных камней. Вдоль ее русла виднелся редкий лес тополей, которые подымали свои стройные стволы прямо из груд навороченной в бортах гальки и валунов.

Эту речку мы перешли по мосту, а затем километра два ниже стали подыматься боковым ущельем ручья Шото-гол на перевал Шото-дабан.

Ущелье это столь же дико, как и главное: исполинские стены, голый камень и почти полное отсутствие зелени характеризуют его суровую красоту, которая, вероятно, импонирующим образом действовала на душу прежнего обитателя этой горной пустыни. Иначе трудно понять, почему именно это ущелье избрал он для подвигов благочестия, выразившихся в выбитии на скалах тибетским и монгольским алфавитом известной буддийской формулы: «ом-мани-падме-хум» *.

Эти надписи украшают гранитные глыбы несколько выше того места, где порода эта сменяет глинисто-слюдяной сланец, сопровождающий дорогу от устья ущелья. Шото-дабан, находящийся, как нам кажется, ближе других перевалов к главной массе хребта, слагает бледнокрасный крупнозернистый гранит, пересеченный более темным мелкозернистым аплитом. Подъем на него идет третьестепенным ущельем, крут, но короток; спуск столь же крут и выводит в широкую, но значительно всхолмленную падь, густо поросшую травами высокой степи, показавшимися мне также не тронутыми скотом, хотя дальше нам и попалось навстречу огромное стадо баранов, перегонявшееся вверх по долине. Кстати замечу, что еще во времена Ван Янь-дэ (в 982 г.) в Хамийском княжестве разводились обе породы курдючной овцы: монгольская с малым и киргизская с большим курдюком [205], ныне же последняя здесь совсем вывелась.

Обходя холмы, в коих основная порода (сперва темнобурый кремнистый сланец, а затем черный глинистый) обнажалась лишь по гребню или в редких обрывах, мы постепенно поднялись на побочный отрог Чакыр-дабан, за которым невдалеке следовали еще два перевала — Еки (двойной) и Ак-таш-котёль, разделенные узкими травянистыми долинами, мало в чем отличающимися от только что пройденной. Впрочем, восточный склон перевала Ак-таш-котёль, как и самый перевал, был почти совсем бесплоден.

С Ак-таш-котёля открылся величественный вид на мрачный Карлыг-таг, неприступной стеной уходивший под облака, которые клубами спускались в долину по его диким ущельям. Влево вставали также исполинские скалы; они неожиданно вырастали на продолжении Еки-котёльского гребня, но очевидно, состояли из другого материала, чем этот последний. Впоследствии я обогнул их с запада и убедился, что они действительно сложены не из осадочных, а из массивных кристаллических пород—гранита и сиенита. Впереди пологий спуск выводил нас в Багдашскую котловину.

На третьем километре от перевала мы встретили первые пашни и первых тагчей, от которых узнали, что застанем в Багдаше таджи Садык-бека, присланного из Хами для ревизии хан-

---

* Подробный перевод этой мистической формулы дает Габэ (Gabet «Notice sur la prière bouddhique Om mani padmé houm» в «Journ. Asiat.», 4 sér., IX. 1847, p. 462).

ской усадьбы. Я очень обрадовался этому известию. С Садык-беком мы познакомились еще в прошлом году; он был свидетелем того расположения, которое старался показывать нам при всяком удобном случае Шаа-Махсут, и этого было вполне достаточно, чтобы обеспечить нам теперь радушный прием. Впрочем, многого нам и не требовалось: чашка горячего чая, да, пожалуй, два-три указания, которые затруднился дать нам наш молчаливый вожатый. Всю дорогу он понуро тащился в хвосте, то и дело подгоняя свою лошаденку, которой оказался не под силу быстрый, почти 47-километровый перегон по крутогорью; а так как до ночлега в Ортаме должно было остаться еще по крайней мере 25 км по таким же горам, то я, глядя на его жалкую фигуру, давно уж решил с ним развязаться в Багдаше, благо оттуда дорога шла ущельем Гаиб, где сбиться с пути, как я думал, было нельзя.

Багдашская усадьба славится своим фруктовым садом, но едва ли заслуженно; по крайней мере поданные нам яблоки — сладкие, но мелкие и червивые — оказались много хуже турфанских. Она известна так же как центр ханского коневодства.

Говорят, что некогда богдашские лошади считались лучшими во всем Притяньшанье, теперь же от этой былой славы осталось немного. Ураган инсуррекционного движения шестидесятых годов, так жестоко обрушившийся на Хамийский оазис, разметал и хамийские табуны, так что, когда Шаа-Махсут принял, наконец, бразды правления над разоренным краем, то не нашел в княжеских конюшнях ни одной доброй лошади. Их пришлось собирать поодиночке, скупая что и где только возможно, лишь бы принадлежность к прежним ханским табунам не подвергалась сомнению. Так было сведено десятка два порядочных маток и несколько плохих жеребцов, которые и положили начало теперешнему заводу.

Из расспросов я убедился, что приемы коневодства в Хами те же, что и в наших степных хозяйствах: матки разбиваются на косяки, к которым подпускается по одному жеребцу, причем никакого сознательного подбора не производится. Лошади круглый год находятся на подножном корму и подкармливаются заготовленным сеном лишь в самых исключительных случаях. Молодые, плохо развитые жеребцы холостятся и выводятся из табуна, кобылы же вовсе не сортируются.

В Багдаше мы пробыли не более получаса. Убедившись, что мы не останемся у него ночевать, Садык-бек дал понять, что в таком случае нам следует торопиться, дабы успеть еще засветло перевалить через Ортамский отрог, крутой и каменистый. Под впечатлением этих слов мы даже отказались от чая и, наскоро

покончив с дыней и сухими закусками, рысью выехали из усадьбы по направлению к видневшемуся на юге ущелью Гаиб.

Речка Гаиб выбегает в Багдашскую котловину с запада и, соединившись здесь с Багдашским ручьем и приняв его направление, устремляется шумным потоком на юг, в глубокую щель между крутыми сиенитовыми утесами.

В этом ущелье царил уже полусумрак. Солнце успело закатиться за высокий гребень правобережных скал и бросало из-за них прощальные лучи на вершины противоположных гор. Мы жадно следили за тем, как одна за одной потухали эти вершины, и все шибче и шибче погоняли вперед лошадей. Но, увы, у меня на руках была съемка пути, связанная с остановками, которые приходилось делать чуть не на каждом километре. Они нас задержали настолько, что к перевалу мы подъехали уже в глубокие сумерки.

— Ну что ж! Выберемся на гребень, так опять будет светло!

И с этой мыслью я стал взбираться на гребень отрога. Но дорога, до этого места хорошо наезженная, с прочными новыми мостами, вдруг превратилась в узкую тропу и, вильнув в сторону, пошла под гору.

— Глаголев, а ведь, пожалуй, мы не туда едем...

— Должно быть, что так...

И, точно по уговору, мы повернули обратно; но и выбравшись на торный путь, мы тщетно искали сворота к горам: его нигде не было. Так доехали мы снова до спуска.

— Стало быть, верно ехали!

Но нет, тропинка привела нас к реке и уткнулась в нее в том месте, где воды ее с пеной перебрасывались через огромные валуны. Осмотрелись: вдоль реки ни справа, ни слева дороги не было видно.

— Что же теперь?

Решили еще раз попытать счастье и снова вернулись обратно. Обшарили гранитные осыпи в предположении, что, может быть, ими пошла дорога на перевал, но... безуспешно. Между тем, совершенно стемнело, и так как у нас не было иного выбора, как итти вдоль Гаиба, то я и спустился к реке. Не возвращаться же в самом деле обратно в Багдаш!

И вот начались наши мытарства!

Описывать их я не буду, но они станут ясны, если мы представим себе те условия, в каких мы шли последние 5—6 км по ущелью.

Ночь. Небо вызвездилось, но его слабое мерцание не достигает дна ущелья, где все черно: и с шумом несущаяся вода, и стеснившие реку скалы, и разросшийся вдоль нее лес и кустарник, и, наконец, бурелом и камни, торчащие отовсюду. Все это сплелось и перемешалось в дикий черный хаос, из которого, казалось, не было выхода: отведешь рукой лезущие в лицо ветви — наткнешься на камень, станешь его обходить — сорвешься в воду потока...

У Глаголева нашлось штук двадцать серничек. В критические моменты мы ими пользовались; но этих моментов оказалось так много, что запас их был на первых же порах израсходован, и дальше мы уже двигались совсем вслепую.

В Ортамский сад мы прибыли как раз в полночь, когда нас перестали уже ждать, порешив, что непредвиденная случайность заставила нас задержаться в Багдаше. Всего нами пройдено было в этот день 75 км, съемкой же 65.

На следующий день мы выступили в Хами, куда и прибыли вскоре после полудня. На этот раз мы обошли туземный город с востока и остановились на лугу, близ его южной стены. Николай и Ташбалта, которым кто-то дал знать, что мы едем, явились тотчас же. Они опередили нас на двое суток и остановились в Синчэне, в том же тане, в котором когда-то стояли и мы.

В Хами мы рассчитывали отдохнуть по крайней мере дней пять, но наши возчики этому воспротивились и объявили, что ни за что не выедут в несчастный день.

— Но какой же день вы считаете благоприятным для выезда?

— Десятое число десятой луны.

Это число соответствовало 2 октября.

Делать нечего, пришлось покориться и выехать в назначенный нам китайцами день, но случай этот весьма кстати познакомил меня с весьма распространенным в Китае предрассудком, не только подразделяющим все дни в году на счастливые и несчастные, но и отличающим среди этих последних такие, которые неблагоприятны для выезда в одном каком-нибудь направлении, от таких, которые неблагоприятны для всякого выезда, в каком бы направлении этот последний не предпринимался. И суеверие это настолько прочно вкоренилось в души китайских извозчиков, что было бы совершенно напрасным трудом убеждать их от него отказаться.

В Хами мы простились с нашим верным Хассаном.

В лохмотьях явился он к нам в Урумчи. Начал с того, что за кусок хлеба стал собирать казакам топливо, пасти баранов и лошадей. Его допустили в отряд, как перед тем допустили собаку Кальту. У нас нашлась лишняя лошадь, и он поехал за нами, подгоняя баранов. В Гу-чэне мы его одели; в Хами ему поручен был караван ишаков, и тут-то он показал себя настоящим мастером своего дела. Всегда ровный, скромный, услужливый и работящий, он завоевал общую нашу симпатию, и теперь мы расставались с ним, пожалуй, даже труднее, чем впоследствии со стариком Сарымсаком. Но сам Хассан был на седьмом небе, не потому, конечно, что покидал нас, а потому, что один год службы превратил его из нищего в богача; мы оставляли ему весь наш ишачий караван — 12 молодых, превосходных животных, все полагающееся сюда снаряжение, верховую лошадь и ланов двадцать денег. С этим он не только мог начать извозное дело, но и становился в ряды наиболее состоятельных ишакчей; недаром же последние тотчас же стали величать его баем!

Но если нами остался доволен Хассан, то того же нельзя сказать о хамийском князе, который, очевидно, ждал от нас лучших подарков, чем те, которые мы могли ему предложить. Особенно же раздосадовал его наш решительный отказ подарить ему штуцер Haedge'а. Он долго не хотел с ним помириться и несколько раз подсылал к Сарымсаку адъютантов с вопросом, не изменили ли мы своего решения.

В Хами мы увеличили свой арбяной обоз еще одной телегой, в которую сложили ящики, оставшиеся на хранении у вана, и рухлядь, шедшую на ишаках.

2 октября, несмотря на то, что мы выступили поздно, никто не явился нас проводить. Хассан-бай еще накануне ушел в Су-чжоу, получив подходящий подряд, среди же местного населения у нас как-то сразу не оказалось приятелей: нам давали почувствовать, что ван на нас сердится.

Сейчас за городом дорога вышла на солонец. Блеклая растительность, грязножелтая почва и желтоватая пыль, висевшая в воздухе, придавали всему ландшафту донельзя тоскливый характер. Он не изменился, когда местность стала более пересеченной и дорога пошла среди плоских высот, сложенных из глины, песка и мелкой гальки. Эти высоты перемежались с впадинами, поросшими очень густо камышом и осокой; но и здесь глазу не на чем было остановиться — так все выглядело тускло, пыльно и однообразно в своей серо-желтой окраске. Пыль образовала и ту полупрозрачную завесу, за которой скрылась подошва Тянь-шаня, тогда как его зубчатый гребень, увенчанный пятнами снега, рисовался довольно явственно на горизонте.

Мы выступили из Хами после полудня и лишь под вечер добрались до Сумкаго, по-китайски — Тоу-пу-ли, где и остановились в небольшом, но опрятном дунганском тане. Селение это расположилось в ключевой впадине, находящейся, повидимому, в связи с руслом речки Ху-лу-гоу и развивающейся в плоский овраг южнее дороги.

На следующий день выступили с рассветом.

Ехали знакомыми местами, которые выглядели еще печальнее, чем зимой. Тогда как-то мирился с царствовавшим тут запустением — мертвая природа вполне гармонировала, а местами лежавший снег частью скрывал следы разрушения, — теперь же картина погрома выступала во всем своем страшном объеме: запущенные поля, заросшие джантаком арыки, развалившиеся дома, остатки стен и группы деревьев за ними — все это напоминало о кипевшей здесь некогда жизни и рисовало воображению кровавые сцены беспощадного избиения сотен людей.

Со времени замирения края прошло свыше пятнадцати лет, и, тем не менее, беглецы все еще продолжали возвращаться на родные свои пепелища. Не всегда добровольно однако. Нам передавали, что Шаа-Махсуту удалось исходатайствовать в Пекине приказ о насильственном возвращении в Хами тех из его подданных, которые не пожелали бы добровольно вернуться на родину, и что приказ этот стал приводиться в исполнение так ретиво, что вскоре большая дорога в Хами запестрела переселенцами.

Одна такая группа попалась и нам на пути.

Вереница арб, переполненная скарбом, женщинами и детворой, мужчины в рубище, подростки, то и дело подгонявшие из сил выбившихся лошадей, старцы на ишаках, весь этот караван, подымая невероятную пыль, медленно двигался нам навстречу и когда поравнялся, то от него повеяло такой усталостью, нищетой и горем, что как-то не хотелось верить, что это были люди, возвращавшиеся на родину после долголетнего пребывания на чужбине.

От них-то мы и узнали о существовании помянутого приказа.

— Там, в Курле, — жаловались они, — мы были свободны, сюда же возвращаемся крепостными; там мы обжились, поженились, нажили дома и земли, а здесь нас ожидает жизнь впроголодь, если только не полная нищета. Нам не дали возможности постепенно ликвидировать наши дела, нас разорили... и вот мы возвращаемся на родину беднее, чем были даже тогда, когда бежали отсюда.

Жалобам этим положил конец сопровождавший караван китайский солдат. При появлении его хамийцы рассыпались, и возы их, тяжело тронувшись с места, медленно покатились к Хами.

Эта встреча случилась в солонцах, к западу от селения Астына. Солонцами, перемежавшимися с песчано-щебневыми участками пустыни, мы проехали еще несколько километров, а затем поднялись на песчано-известково-глинистое, частью распаханное плато, с которого открылся вид на богатую ключами долину Ябешэ, сливающуюся на юге с оазисами Лапчук и Каратюбе. Многоводный ручей Ябешэ, как нам говорили, образован ключами, которые выбиваются на дневную поверхность километрах в пяти к северу от дороги. Находятся ли эти последние в связи с исчезающими в рыхлом конгломерате водами речки Саир-кира, установить я не мог, но в направлении глубокого русла Ябешэ находится и ущелье, по которому сбегает с Тянь-шаня в низину помянутая речка. Вдоль Ябешэ виднелись пашни, группы деревьев и хутора.

Два километра дальше мы вступили в Токучи или Сань-пу-ли, где и остановились в единственном на все селение тане. Токучи, разбросавшееся вдоль небольшой ключевой речки, состоит из десятка домов, ютящихся в тени тополей. Его абсолютная высота оказалась равной 2358 футам (719 м).

На следующий день нам предстоял путь по местности, не пройденной минувшей зимой, но о ней многого сказать не приходится: это почти бесплодная пустыня, частью глинисто-песчаная, частью каменистая, сохранившая лишь в немногих местах остатки прежней культуры. Повидимому, она бедна даже грунтовой водой, а о проточной и говорить нечего: ключевые ручьи, которые мы пересекли зимой по дороге из Джигды в Токучи, сюда не доходят, очевидно, без остатка просачиваясь в ее песчанистую рыхлую почву. Только на третьем километре от Токучи мы прошли, повидимому, ключевой лог, густо поросший травами и кустарником, среди которого я заметил и розу пустыни — Rosa elasmacantha Trautv.

Здесь сходились дороги: магистраль вела в Турачи, вправо отходила дорога на селения Деваджин (Де-ва-цзин) и Джигду, влево на селения Чокагу и Чиктым.

Селение Чокагу находится в преддверии к пустыне, которую китайцы в древности называли Бо-лун-дуй, позднее же Фан-гоби (Fong-gobi) или Ветреной гоби[206]. Это — «долина бесов» Ван Янь-дэ, о которой я имел уже случай говорить выше. С тех пор завеса, скрывавшая ее от взоров европейцев, была сорвана экспедицией В. И. Роборовского, который и дал нам довольно подробное ее описание[207].

Пройдя описанной степью километров двадцать, мы вышли к селению Турачи, также Сы-пу-ли, или Сань-дао-лин, лежащему почти на границе хамийских владений; далее на запад уже залегает пустыня, благодаря которой пункт этот и превратился в обычное место остановки обозов и караванов, следующих из Хами в Джунгарию или Турфан. Движение здесь большое, и, как говорят, содержатели местных таней делают недурные дела. Мы выбрали тань, в котором было меньше народу, но и тут еле добились отдельного помещения. Впрочем, такое стечение проезжающих явление обычное только осенью, в другие же месяцы, а особенно летом, тани пустуют нередко по суткам и более.

Абсолютная высота Турачи оказалась равной 3386 футам (1032 м) — цифре несколько неожиданной, так как подъем равнины не казался нам вовсе крутым. Согласно Футтереру, высота этого селения даже больше, а именно равняется 3608 футам (1106 м)[208].

Следующий участок пустыни до местечка Ляо-дунь, длиной около 40 км, мы пробежали менее, нежели в шесть часов; дорога была здесь не только знакомой, но и настолько однообразной и скучной, что как-то невольно хотелось отбыть ее поскорее. К тому же на этот раз мы не были связаны съемкой.

К Ляо-дуню дорога стала ровнее, но в середине пути мы то и дело пересекали лога, заваленные крупной галькой и валунами. Такая же галька устилала и почву равнины, притом местами столь густо, что казалось, будто идешь не степью, а саем. Это обилие голышей в почве делает последнюю почти непригодной для обработки, и действительно, несмотря на близость подпочвенной воды, местами выбивающейся на поверхность, человек здесь делал только попытки селиться и то отдельными хуторами. От последних сохранились теперь лишь следы карысей, одинокие деревья, да развалины зданий. Отсылая читателя за подробностями об этом участке пути к XVIII главе настоящего труда, я здесь лишь замечу, что намечавшийся уже раньше крутой подъем Притяньшанской равнины, достигавший 38 м на километр, выразился к северу от Турачи особенно резко, составив более 58 м на тот же километр.

В Ляо-дунь мы прибыли задолго до своего обоза и в ожидании последнего навестили нашего старого знакомого, а вместе с тем и высшую местную власть — ба-цзуна (старшего унтер-офицера), который, конечно, принял нас с подобающими почестями, а затем не замедлил и отдать визит. При этом нельзя не упомянуть об одной подробности: в его горнице, среди двух «дуйцзи» — свитков с мудрыми и поучительными изречениями, мы нашли свои прошлогодние визитные карточки наклеенными на стену. Очевидно, это были единственные карточки, которые он когда-либо получал.

В Ляо-дуне мы застали двух турфанлыков, которые немного спустя выехали прямой дорогой в Пичан. Они не раз ездили этой дорогой, но, к сожалению, за недосугом, не могли нам сообщить о ней многого; все же мы узнали, что она много хуже той, по которой мы ехали, но опасна, главным образом, только весной и зимой.

За Ляо-дунем мы очутились в пустыне, переход через которую зимой казался нам столь тяжелым. Но тогда нас донимал ветер, морозы и длинные переходы; теперь же мы встретили здесь умеренное тепло, ясное небо, прозрачный воздух и полное в нем затишье. Пустыня представлялась нам, очевидно, с наилучшей своей стороны и в такой обстановке показалась нам, действительно, не более дикой, чем любая из каменистых пустынь Центральной Азии. Мы нашли в ней даже более жизни, чем, например, местами в Бэй-шане или в уже известной читателю «харюзе».

Ляо-дунь расположен по краю оврага, дно которого заросло ниже дороги камышом, чием и разнообразным кустарником, среди которого не последнее место занимают белый шиповник (Rosa elasmacantha), гребенщик (Tamarix laxa) и золотарник (Caragana

pygmaea). Зимой тут держались джейраны (Gazella subgutturosa), но сегодня их не оказалось не только в этой балке, но и в соседних. По словам местных жителей, они появляются в них только в суровые зимы, а такой, конечно, и была зима 1889 г.

За ляодуньским оврагом мы переехали ряд неглубоких, но широких руслоподобных балок, напоминающих обыкновенные саи, от которых они отличаются тем, что выстилающая их галька в главной своей массе местного происхождения, освободившаяся из слагающего здесь почву рыхлого конгломерата, а не приносная издалека; далее же вступили в широкую долину северо-западного простирания с изборожденной росточами каменистой почвой. Обнажения желтых песчано-известково-глинистых почв здесь исчезли, сменившись серым песком, из-под которого, на двадцатом километре от Ляо-дуня, выступила, наконец, и коренная порода — фельзитовый порфир серо-фиолетового и красно-фиолетового цветов. Прежде я думал, что и холмы к югу от дороги слагает тот же порфир, но В. А. Обручев нашел[209], что они образованы гобийскими породами, чего нельзя было бы сказать, судя по их внешнему габитусу.

Станция И-вань-цюань-цзы, или Тао-лай-тай, выстроена на юру у небольшого ключа и состоит из одного казенного таня, находящегося в ведомстве баркюльского пристава. Абсолютная высота долины, среди которой она расположена, достигает 4900 футов (1494 м), являясь наибольшей для всего пути между Хами и Чиктымом.

На следующий день мы выступили до солнечного восхода; когда же солнце взошло, то мы увидали себя среди зеленых холмов, образованных конгломератами, сланцеватыми глинами и глинистыми песчаниками. С одного из этих холмов я увидал картину, которая поразила меня не столько неожиданно обширной панорамой гор и долин, сколько странным атмосферическим явлением, которому я и сейчас затрудняюсь дать объяснение.

Небо бледноголубого цвета, совершенно чистое, безоблачное; под ним наредкость прозрачный воздух, позволявший видеть гребни гор на необыкновенно далекое расстояние, а еще ниже — густой туман, укрывавший все пади и горные склоны. Получалось впечатление, точно находишься не в самой сухой части Центральной Азии, а во влажных и знойных ганьсуйских горах, где такие картины обычное явление по утрам, после обильно накануне выпавшего дождя. Горы же рисовались отсюда в таком виде. Подымающаяся вправо высокая Чоглу-чайская гряда уходила далеко на западо-юго-запад и своими же отрогами почти прикрывала свой южный конец, а прямо передо мною вставала другая гряда — низкая, но скалистая, служившая северной гранью того океана тумана, который устилал далее все низины и над которым высились гребни двух параллельных гряд: ближней — зубчатый, и дальней — более высокий и ровный, тесно сходящиеся на меридиане И-вань-цюань-цзы. Последний из этих гребней я принял за Чоль-таг, а за ним я увидел расплывшуюся в синей мгле массу гор, над которой одиноко подымалась вершина грязножелтого цвета.

Под впечатлением этой картины я писал с дороги о наблюдаемой здесь тесной топографической связи между горами бэйшаньской и тяньшанской систем, но только теперь, когда маршруты В. И. Роборовского и П. К. Козлова опубликованы, я могу вполне взвесить то, что я видел: первая полоса тумана выстилала долину между Чоглучайскими грядами и высотами, ограничивающими с севера прямой путь между Хами и Пичаном, вторая — эти последние от Чоль-тага. Последний выглядел ближе, а падь, отделяющая его от Тяньшанских гряд, уже, чем это оказалось в действительности, но такая ошибочность впечатления легко объясняется миражем и дальностью расстояния. Затем вздутие, смыкающее Чольт-таг с горными грядами тяньшанской системы, оказалось не прорванным, как я подозревал это, Янь-дуньским протоком, а водораздельным между бассейнами Шона-нора и Боджинтэ-куля. К сожалению, о природе этого вздутия нам ничего неизвестно. Правда, в книге Козлова говорится о том, что к западу и востоку от него простираются плоские холмы, гряды и столовые возвышения, сложенные по большей части из красных гобийских отложений [210], но из этого указания еще нельзя вывести заключения, что и самое вздутие сложено из тех же красных пород. К тому же, хотя ныне и принято все центрально-азиатские отложения с более или менее красной окраской относить к гобийским, но такое определение далеко не всегда может оказаться удачным, в особенности же на пространстве между Хами и Турфаном, т. е. в области частых и обширных выходов юрских пестрых, и в том числе красных и желтых песчаников; а что они распространены и в «долине бесов», явствует из того, что на пути к урочищу Сары-камыш экспедиция Роборовского встретила каменноугольные копи [211].

Спустившись с холма, я догнал караван, когда он вступил уже в Чоглучайские гряды, сложенные из осадочных и изверженных горных пород, выступающих в такой последовательности вдоль дороги: серо-зеленые песчаники и конгломераты, серо-фиолетовые мелафировые порфириты и такого же цвета кварцевые порфиры, красные кварцевые порфиры, красные конгломераты (пудинги), темнозеленые и темнобурые конгломераты и, наконец, яркозеленые глинистые песчаники и сланцы, обрывающиеся уже в сторону котловины Отун-го-цзы, или Отун-во.

На станции Чоглу-чай, или Тао-лай-цзин-тай, мы застали большой съезд китайских фургонов, множество лошадей и китайских солдат, конвоировавших какую-то важную особу, возвращавшуюся из Илийского края на родину. К счастью, рассчитывая сегодня же добраться до станции Ци-ге-цзин-цзы, мы не предполагали здесь останавливаться.

Чоглучайское ущелье вывело нас на каменистое, изборожденное росточами плато, которым мы и шли 10 км, — постепенно спускаясь по его террасовидным уступам; еще дальше мы пересекли широкое русло реки, уходившей на юго-запад, в узкий просвет между Яньчинской и Чоглучайской грядой, и, наконец, вступили на солонцовую почву котловины Отун-во.

Когда-то на этом солонце рос тограковый (Populus euphratica) лес, теперь же от него остались одни только пни да отдельные жалкие дуплистые экземпляры.

Пройдя солонцами километров пять, мы, наконец, увидали из-за кустов гребенщика приземистые здания помянутой станции, где и остановились, очень довольные, что наконец-то мы прибыли к тому пункту дороги, откуда должен был пойти никем еще не пройденный путь. Абсолютная высота этой станции оказалась в круглой цифре на 457 м меньше, чем высота станции Чоглу-чай, и на 548 м меньше, чем высота станции И-вань-цюань-цзы; расстояние же от первой 26, а от второй 46 км.

В Ци-гэ-цзин-цзы мы оставили турфанскую дорогу и, повернув на север, перевалили Тянь-шань и вышли в Джунгарию, где нас встретили снег и непогода. Как ни низок в этом месте Тянь-шань, все же он составляет заметную климатическую границу между Бэй-лу и Нань-лу, почему именно здесь всего уместнее сказать несколько слов о климатических особенностях оставшейся у нас теперь позади Гобийской пустыни.

Период наблюдений обнимает 43 дня, с 26 августа по 7 октября, в течение коих нами пройдено было 885 км, в том числе: в пределах Бэй-шаня — 288 км (12 дней), по дороге вдоль северного склона Нань-шаня — 237 км (17 дней) и по южной тяньшанской дороге—360 км (14 дней).

Абсолютная высота местности на этом пути колебалась между 716 м (селение Токучи) и 2261 м (перевал Ши-фын-ша-хо-цзы в Бэй-шане), оставаясь на значительном протяжении в пределах между 1 220 и 1 830 м, что имеет тем большее значение, что мы находились почти в беспрерывном передвижении, дневали редко и на несколько дней останавливались только в двух пунктах: в г. Су-чжоу на девять и в г. Хами на три дня. Таким образом наши наблюдения приходятся на местность с средней абсолютной высотой в 1525 м.

Из общего числа дней наблюдения безоблачных оказалось 5, ясных, т. е. таких, когда небо было подернуто перистыми (cirrus), перисто-кучевыми (cirro-cumulus) и перисто-слоистыми (cirro-stratus) облаками в течение полных суток — 18, облачных, т. е. таких, когда небосклон был частью покрыт слоистыми (alto-stratus) и кучевыми (alto-cumulus) облаками в течение всего дня — 3, и, наконец, пасмурных, когда небо было сплошь или большею частью затянуто дождевыми (nimbus) или слоистыми (strato-cumulus) облаками — 3, в остальные же 14 дней наблюдалось переменное состояние неба: в двух случаях небосклон был наполовину безоблачным, наполовину ясным, в трех наполовину ясным, наполовину облачным, в следующих трех слоисто-кучевые облака заволакивали на значительные промежутки времени весь небосклон и в пяти случаях формы облаков в течение суток отличались чрезвычайным непостоянством; именно один из таких дней (23 сентября) ознаменовался ливнем и градом. Из этих данных усматривается, что ясное состояние небосклона в осеннее время является преобладающей особенностью климата Гобийской пустыни и прилегающих к ней местностей.

Дождь перепадал три раза, однажды же шел в течение более продолжительного времени, напоминая осенний дождь средней полосы России; затем, 23 сентября, как сказано выше, ливень сопровождался градом, причем в то время, как тучи шли с северо-запада, низовой ветер дул с северо-востока. В двух случаях дождю предшествовал сильный порывистый ветер с запада, несший тучи песку; в третьем случае ветер дул с северо-запада. Росы я вовсе не наблюдал, но иней — неоднократно.

Ветреных дней оказалось 18, что составит несколько менее 40 процентов общего числа дней наблюдения. Сильный ветер зарегистрирован пять раз; в двух случаях он шел с запада, в двух с северо-запада и в одном с севера. Особой правильности в возникновении этих ветров не наблюдалось; они не отличались также и большой продолжительностью — замечание, которое должно быть в равной мере отнесено и к более слабым ветрам. Вообще частое затишье в воздухе — такая же характерная черта осеннего центрально-азиатского климата, как и ясность погоды. В зависимости от этого и пыльных туманов наблюдать нам вовсе не приходилось [212], зато прозрачность воздуха иной раз была настолько велика, что позволяла видеть особенности рельефа страны на десятки километров во все стороны. Что касается преобладающего направления ветров, то оно осталось невыясненным; все же, как видно из нижеприводимых данных, численный перевес остался за ветрами, дувшими с западной стороны горизонта.

Анализируя вышеприведенные данные, невольно поражаешься значительным преобладанием затишья даже в таких местностях, которые непосредственно прилегают к знаменитой своими ветрами Фан-гоби; так, в Хами мы еще чувствовали слабый северо-восточный ветер, но при дальнейшем движении нашем на запад в воздухе стояла необычайная тишина; даже бризов, столь, казалось бы, естественных в местности между Тяньшанским хребтом и Шона-норской котловиной, не ощущалось. Предоставляя объяснение этого факта лицам, более меня сведущим в метеорологии, я все же считаю нелишним указать на то обстоятельство, что декабрьские наблюдения Роборовского [213] в помянутой пустыне также свидетельствуют о значительном преобладании затишья над ветреной погодой.

Число наблюдений	Безоблачно	Ясно	Облачно	Переменно	Пасмурно
C 25 (полн. суток)	5	16	—	4	—
N 2	—	2	—	—	—
NW 6	—	1	2	2	1
W 6	—	2	—	3	1
SW 4	—	2	—	1	1
S 0	—	—	—	—	—
SO 0	—	—	—	—	—
O 1	—	—	—	1	—
NO 6	—	2	1	3	—

Впервые в рассматриваемый период термометр опустился ниже 0° (до —2°) в 4 часа утра 14 сентября, в местности Лу-чжадунь (6660 футов, или 2030 м), при пасмурном небе и юго-западном ветре, дувшем порывами; в дальнейшем же, пока мы не вышли из Бэйшаньских гор, утренники были явлением постоянным, причем перед восходом солнца мороз достигал обыкновенно 4—6°, и только в двух случаях термометр опускался ниже, до 9°,5 и 11° (в 4 часа утра 20 сентября, в урочище Чжи-чжэ-гу, при ясном небе и умеренной силы северном ветре); обе эти цифры для сентября явились предельными. В селении Мор-гол мы отметили последний мороз (в 4 часа утра —3°), а затем термометр стоял на 0° три раза:

3 октября в селении То-пу-ли . . . с 3 ч. ночи до 5 ч. утра,
6 » на станции Ляо-дунь . . . с 5 ч. до 6 ч. утра,
7 » » И-вань-цюань-цзы с 3 ч. ночи до 5 ч. утра

Всего же дней, когда термометр стоял на нуле и ниже, в сентябре было одиннадцать, в октябре же из семи — три.

Максимум температуры (28°) выпал на 8 сентября в 12 часов дня (колодезь Сы-дунь) и 11 сентября в 1 час пополудни (долина р. Су-лай-хэ). В последних числах августа ртуть не опускалась ниже 5°, но и не подымалась выше 26°, причем суточная амплитуда колебалась между 21 и 10°; сентябрьская амплитуда превзошла августовскую на 3°, выразившись цифрой 39° (максимум температуры 28°, минимум — 11°), предельные же суточные амплитуды в том же месяце равнялись: 9° (г. Су-чжоу) и 27° (река Су-лай-хэ); в первых числах октября суточные амплитуды были весьма невелики, не превосходя 16°,5. Самая теплая ночь в октябре пришлась на 2 число, когда ртуть опустилась всего лишь до 5°,5 (в 5 часов утра).

* * *

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

СНОВА В ДЖУНГАРИИ

У станции Ци-гэ-цзин-цзы мы свернули на колесный путь, не показанный ни в одном из китайских дорожников, а, между тем, это не только кратчайший путь между Урумчи и Хами, но и лучший из существующих. О времени его приспособления к колесному движению я не мог собрать никаких данных, но не думаю, чтобы оно могло иметь место ранее начала семидесятых годов прошлого века.

Из Ци-гэ-цзин-цзы мы выступили на рассвете. Первые же лучи солнца прогнали утренний холодок. Мы скинули полушубки и готовились к жаркому дню; но Тянь-шань встретил нас очень угрюмо — ветром и непогодой.

Его южные склоны явственно были видны с турфанской дороги: они голы, скалисты и кажутся недоступным, хотя сравнительно и невысоким ровным валом, без выдающихся вершин и глубоких ущелий.

Такой их характер как бы исключал возможность перевала через хребет на колесах, но туда повела нас глубокая колея, да и возчики подтвердили, что перед нами лучшая из дорог, ведущих в Джунгарию.

От станции до гор мы шли два часа, сперва, на протяжении первых 5 км, по солнцу, а затем по изборожденной росточами каменистой степи. Одна из таких росточей и привела нас к устью ущелья, хорошо замаскированному надвинувшейся с востока скалой.

Итак, перед нами снова Тянь-шань, та его часть, которая, как кажется, не носит у туземцев особенного названия, да не носила его, судя по дошедшим до нас китайским источникам, и в прежние времена.

Действительно, оба наименования — Ши-хань-шань и Сун-шань, приурочивавшиеся в древности к восточному Тянь-шаню, могут быть с уверенностью отнесены только к той его части, которая лежит к западу от перевала Улан-су.

Сун-шань значит «хребет, поросший елью»[214], ель же в пониженной части Тянь-шаня, которую мы имели теперь перед собой, не растет. Согласно «Гинь-дин-синь-цзян-чжи-лё», Сун-шань подымается к югу от Гу-чэна[215], о Ши-хань-шане же сказано, что он служит северной гранью Гаочана, ныне Турфана[216]. Затем к высокой, а не пониженной части восточного Тянь-шаня следует отнести и вошедшее в употребление в XIII в. название Инь-шань (серебряный хребет). Но, повидимому, оно за ним удержалось недолго и в позднейших историко-географических сочинениях, как и в более ранних, уже не встречается. Тем страннее, что В. В. Бартольд остановился для восточного Тянь-шаня именно на этом названии — ошибка, которая привела его к выводу, что в IX в. татары жили бок-о-бок с тюрками-шато в Тяньшанских горах[217], тогда как в действительности оба народа населяли в это время степи южной Монголии на восток от Ордоса[218].

Передовые скалы Тянь-шаня образует серый тонкослоистый глинистый сланец, показывающий интенсивную складчатость; они совсем бесплодны, да столь же бесплодно и то ущелье, к устью которого привела нас дорога.

Это ущелье носит печать оригинальности и местами напоминает знаменитый проход Железных ворот (Бусгала). Оно, однако, далеко не столь мрачно, как этот последний, склоны его положе, хотя и подымаются выше, дно шире и совершенно свободно от валунов и щебня, чего нельзя сказать про Бусгала, в котором часто бушует горный поток. Его длина около 17 км, подъем мало заметен, не превосходя в среднем 18 м на километр. Серый глинистый сланец составляет единственную породу, слагающую его стены на протяжении почти 6 км, далее же сланец становится более темным, нередко с прожилками кварца, а затем появляется и серо-зеленый среднезернистый диабаз то в виде жил в глинистых и сменяющих их слюдисто-глинистых сланцах, то в виде исполинских скал-куполов. Последние поднимаются, впрочем, уже на восточной окраине котловины Ту-фэй-гоу, в которую выводит ущелье.

В этой котловине расположена убогая постройка, носящая название станции Ту-фэй-гоу. В ней мы ночевали, а на следующий день продолжали подъем.

Котловина вскоре сменилась долиной с мягкими горными склонами, поросшими довольно густо кипцом, а далее мы вышли на Восточно-Джунгарское плоскогорье, где и оказалась наивысшая точка пути, определившаяся в 5 561 фут (1 695 м) над уровнем океана.

Интересный участок дороги остался у нас позади.

Подымаясь ущельем, вымытым когда-то рекой, мы за каждым поворотом его ожидали встретить водораздел, но его не оказалось, так как река собирала свои воды на плоскогорье и отсюда

уже сильным потоком устремлялась на юг, поперек гор, которые с северной стороны представляли далеко не такую внушительную картину, как с южной, местами же едва подымались из-за уровня грив и холмов, встававших на плоскогорье. Такое однобокое развитие хребта, в связи с мощными выходами диорита, заставляет меня думать, что мы имеем здесь дело со сбросом в сторону котловины Отун-го-цзы.

Уже подымаясь на плоскогорье, я встретил холмы зеленого цвета, столько же зависевшего от одевавшего их кипца (Festuca ovina L.?), сколько и от слагающей их породы — яблочно-зеленого эпидотового сланца; та же порода преобладала и на плоскогорье.

Поросшее кипцом и изборожденное пригорками и гривами широтного простирания, Восточно-Джунгарское плоскогорье на севере упиралось в невысокую, вытянутую на северо-запад гряду, на западе же уходило в необъятную даль. В этом направлении оно спадало довольно быстро, да туда же вели и лога, которые то и дело пересекала дорога.

На 14-м километре от подъема на плоскогорье мы вышли на Бэй-лу, а 3 км дальше завидели обширное казенное здание станции Да-ши-ту, прислонившееся к черной скале глинистого сланца.

Едва мы в ней расположились, как подул свежий ветер с запада, принесший тучи, холод и снег. К ночи он спал, но ранним утром возобновился, притом с такой силой, которой не могли противостоять наши ветхие полушубки.

В самом мрачном настроении духа мы покинули Да-ши-ту, не предвидя, что день этот ознаменуется встречей с аркарами. Да и как можно было это предвидеть, когда мы знали, что находимся на большой дороге в Баркюль. Случай, действительно странный. Тем не менее, он имел место, и вот при каких обстоятельствах.

Ветер дул встречный и своими порывами резал лицо. Падал сухой, редкий снег, образовавший точно завесу перед окрестными холмами, которые неясными силуэтами выступали по обе стороны от дороги; зато черная лента этой последней, резко выделяясь на белом поле степи, виднелась километра на два вперед, и тут-то мы вдруг заметили какое-то подозрительное движение. Глаголев, отличавшийся удивительной остротой зрения, тотчас же признал в бежавших вдоль дороги животных — аркаров, но это было так маловероятно, что ему никто не поверил; однако минуту спустя, когда животные свернули на снег и рысцой направились к ближайшей горе, даже я перестал сомневаться в том, что перед нами были аркары. Их успели окружить на холме, и в результате — две убитые взрослые самки; более крупный самец ускользнул, хотя все видели, как он пал.

Северцов рассказывает следующий случай, свидетельствующий о феноменальной крепости на рану аркаров *.

---

* «Аркары» в сборнике «Природа», I, 1873, стр. 165.

«Качкар * пасся один на холмистой степи у Босадыра, между речками Кыны и Межерюм; вдали, впрочем, видно было стадо, которое казаки не преследовали, а лощинами против ветра подкрались к старому самцу, издали поразившему их своими рогами. Первая пуля повредила ему мошонку и заднюю ногу; бежать было трудно и больно, и раненный зверь должен был часто останавливаться, что и дало возможность его добить. Еще пуля в кишки не остановила его; затем две пули попали в рога, и от каждой он падал, как мертвый; удар пули в рога оглушает его, повидимому, производя сотрясение мозга, но он вставал и бежал далее. Замечательна при этом крепость и упругость роговой ткани: одна пуля сплющилась на роге и отскочила, оставивши широкое свинцовое пятно — свидетельство силы удара, другая, тоже несколько сплющенная, весьма неглубоко вдавилась, но при дальнейшей перевозке черепа с рогами вывалилась, и от сделанного ею вдавления не осталось и следа; сжатая пулей роговая ткань выправилась. Не убила зверя и пятая пуля, пробившая легкие, — все бежал; положила его, наконец, шестая пуля в сердце. Таким образом, качкар бежит и с смертельными поражениями внутренностей, и только пуля в сердце или мозг может его остановить. По расчету казаков, они гоняли свою добычу более десяти верст, из них последние три с двумя смертельными ранами».

Неудивительно, что наших охотников так часто преследовала неудача в охоте на горных баранов.

Оживление, которое внес в отряд описанный охотничий эпизод, помогло нам почти незаметно одолеть 42-километровый переход до небольшого селения Сань-гоу-чуань-цзы. По пути стрельба, впрочем, не прекращалась, так как из придорожной травы то и дело срывались карабауры (Pterocles arenarius Pall.) и бульдрюки (Syrrhaptes paradoxus Pall.). Здесь же попался нам и Uragus sibiricus Pall.

Селение Сань-гоу-чуань-цзы расположено при сходе двух колесных путей: пичанского через перевал Улан-усу и «северного», т. е. так называемого Бэй-лу. В нем, кроме казенного, весьма обширного, таня, имеются и частные постоялые дворы, которые, как кажется, никогда не пустуют — так велико здесь арбяное движение.

На следующий день мы прибыли в селение Му-лэй.

Уже накануне, на шестом километре от станции Да-ши-ту, горный ландшафт сменился равнинным; равнина ширилась и к западу от Сань-гоу-чуань-цзы; но тогда как к востоку от этой станции господствовала травянистая степь, здесь она спряталась в многочисленные лога, между которыми дорога пролегала уже по типичной пустыне, частью глинистой, частью каменистой.

---

* Киргизское название самца горного барана.

Проточную воду мы встретили в двух только местах. Это были еле сочившийся ручей Ачик-су и более сильный Бай-ян-хэ. Последний километров пять выше распадается на два протока, из коих теперь доходит до Бэй-лу только западный; но когда-то и в восточном была вода, о чем свидетельствуют сохранившиеся на его берегу развалины значительного селения. Другие развалины, занимающие не меньшую площадь, замечены были нами далее к западу, а затем на протяжении последующих 7 км до обширного селения Му-лэй никаких следов человеческого жилья уже не имеется. Здесь расстилается участок почти девственной степи, редко где тронутый пахарем и покрытый зарослями чия. Тем с большим удивлением прочел я у Пясецкого строки, относящиеся к былой населенности этой округи, определяемой им в двести тысяч душ [219]. Я не думаю, чтобы даже одна десятая этой цифры была близка к истине, так как в окрестностях Му-лэй нет главного для сколько-нибудь обширной земледельческой колонии — достаточного количества проточной воды.

Когда мы подходили к селению Му-лэй, то встретили толпу китайцев, занимавшихся пусканием бумажных змеев.

Редко кто из нас в детстве не забавлялся пусканием так называемой «ладьи» или «бумажного змея», но, конечно, немногие знают, что забава эта заимствована Европой из Азии и притом не далее как в XVII столетии; но тогда как у нас пускание змея — занятие подростков, которые подчас с шумным восторгом приветствуют поднятие и полет хвостатого бумажного ромба, снабженного незамысловатой трещоткой, на дальнем востоке Азии и на островах Тихого океана это дело взрослых, дело серьезное, потому что там змей имеет символическое значение.

В Китае существует предание, что обычай пускать змеи установился по нижеследующему поводу.

Некогда, тысячи за две лет, неприятели вторглись в Китай и осадили важный пограничный город, в котором укрылся со своим войском генерал Хань-синь. Будучи в крайности и желая дать знать императору о тяжелом положении гарнизона, он придумал пускать в воздух бумажные змеи различных размеров и формы. Змеи были усмотрены, враг разбит и город освобожден. В ознаменование столь радостного события и было будто бы указано ежегодно, в девятый день девятой луны, праздновать этот день пусканием бумажного змея.

В восточных провинциях Китая легенда другая.

Однажды какой-то мудрец предсказал какому-то китайцу, что в девятый день девятой луны его дом посетит большое несчастье. В стремлении предотвратить его китаец накануне рокового дня бежал со всей своей семьей в горы. Он остался цел и невредим, но когда вернулся домой, то увидел, что весь его домашний скот пал от неизвестной причины. С тех пор в этот роковой день китайцы этих провинций уходят со своими семьями из дому и проводят его вдали от последнего, пуская змеи, которым приписывается чудесная способность уносить с собой в воздух все горести и несчастья людей. Если после того, как бечевка отрезана, змей исчезнет из глаз в поднебесье, то это означает, что семья обеспечена на год от всяких напастей, если же упадет на землю, то и это тоже неплохо, ибо полагается, что вместе со змеем разбиваются о землю и все грозившие дому несчастья. Beata simplicitas!

Обе эти легенды доказывают то, что в Китае смысл и значение культа бумажного змея давно уже позабыты, как позабыты они в Корее, Японии, Сиаме, Индии и в других странах Востока. Замечательно, что в Гонконге змеи пускаются раньше, чем в остальном Китае, причем событие это приурочивается не к известному дню в году, а ко времени окончания жатвы.

Делаются эти змеи китайцами в совершенстве. Остовом для них обыкновенно служит, благодаря присущей ему гибкости и легкости, бамбук, с помощью которого и удается придать змею самую причудливую форму, чаще всего форму дракона — хищной птицы, причем в изображении последней китайцы дошли до поразительного искусства. Основа из бамбука обтягивается бумагой или легкой, но плотной шелковой цветной материей. Иногда к змеям приделывается приспособление, при помощи которого ветер при полете производит звук, напоминающий жужжанье мух или звон колокольчика.

В Корее пускают змей один раз в году, а именно 14-го числа первой луны, и тот, кто вздумал бы пустить его раньше, заслужил бы общее порицание. Перед пусканием змея на нем пишут пожелания, а к шнуру, на котором его пускают, прикрепляется фосфорная бумажка, назначение коей — воспламениться во время полета и пережечь шнур. Корейцы радуются, если оторвавшийся змей унесется ввысь и скроется из глаз; они убеждены, что в таком случае все их пожелания будут исполнены. Корейский бумажный змей четвероугольной формы с птичьей головой из бумаги и бумажными же подобиями птичьих ног, которые называются «вороньими ножками».

В Японии бумажный змей называется «бумажным соколом» или «бумажной совой». Не во всех частях этой империи сроки пускания таких «соколов» и «сов» одинаковы. Так, в Токио, например, их пускают лишь в первый день первого месяца, т. е. в японский новый год, в Нагасаки же три раза в году, а именно — 3, 10 и 20-го числа первого месяца, причем первый из этих дней носит название «праздника птенцов». Это — праздник мальчиков, когда все подрастающее мужское поколение взапуски пускает своих «соколов», имеющих две главные формы — знамен и карпов; карпов потому, что рыба эта считается в Японии символом энергии и мощи, ибо легко плывет против стремительного течения и преодолевает будто бы даже такие препятствия, как водопады. Каждый мальчик непременно имеет своего бумажного сокола и потеря его — признак несчастья; девочки их не имеют. При пускании «соколов» взрослыми главный интерес сосредоточивается на том, как бы пилящим движением шнурка своего «сокола» перерезать шнурки других «соколов». Этот оживленный спорт известен кое-где и в Китае. Но и там, и в Японии первоначальный, символический характер этого обычая утрачен, и забытый культ мало-помалу переходит в забаву.

Но он не утратил еще своего значение в Сиаме, где и в наши дни каждый чиновник имеет своего постоянного бумажного змея; в особенности же великолепен громадный королевский змей, который в известные дни пускается после солнечного заката, причем все высшие чины государства в парадных одеяниях держат его в течение всей ночи поочередно. Обычай пускать в известные дни бумажные змеи сохранился также в Камбодже, Лаосе, Бирме и кое-где в Британской Индии. У меланезийцев пускание змея в настоящее время — не более как забава, хотя на Ново-Гебридских островах время его пускания и приурочено ко дню обсеменения полей и посадки овощей в огородах. На Соломоновых островах и на острове Санта-Крус (Ндени) бумажные змеи имеют полезное назначение: к их концу прикрепляется паутина, которая волочится по водной поверхности и служит силком для мелкой породы рыбок с острой нижней челюстью. У полинезийцев бумажный змей, носящий, как и в Японии, название «сокола», играет роль забавы; ему придают форму птицы.

Вообще, на островах Тихого океана обычай пускать бумажные змеи очень распространен; форма, которая им придается, очень разнообразна, но в общем она может быть сведена к трем типам: крестообразному, яйцевидному и птицеобразному. Нередко змей снабжается пучками перьев, причем четыре пучка на змее яйцевидной формы приравниваются к созвездию Близнецов, шесть — Плеяды и три — Ориона. При пускании змея кое-где в Австралии сохранился еще обычай петь гимны, имеющие религиозный характер, но в общем полагают (да так утверждают это и сами островитяне), что обычай этот занесен сюда с запада, с островов Малайского архипелага. Всего вероятнее, что именно отсюда бумажный змей проник и на север, в Китай, Японию и Корею.

После этого краткого отступления, возвращаюсь к прерванному рассказу.

В селении Му-лэй нас обступили турфанлыки. От них мы узнали новость большого значения для местного края, а именно, что с будущего 1891 г. Тянь-шань к западу и востоку от города Урумчи должен будет перейти к киргизским киреям. В Урумчи слуху этому не придали никакого значения, полагая, что он вырос на почве воспоследовавшего запрета сдавать в аренду русским купцам пастбища в горах Богдо-ола, но он оказался верным, в чем я убедился в 1903 г., посетив киреевские кочевья в Алтае.

Разрешением селиться в Тянь-шане до настоящего времени воспользовались: 800 юрт рода джадык, 150 юрт рода каракас и до 200 юрт рода сар-бас.

Всего в ведомстве гуна Джимсы Хасым-хана насчитывается 12 000 юрт, разделенных на 15 волостей, управляемых окурдаями.

Дорога между селением Му-лэй и заштатным уездным городом Ци-тай бежит вначале среди высот Дунчинской гряды, а затем по сухой и бесплодной равнине, в которой только за речкой Ши-ма-гу стали попадаться поля и жилые строения. Но это уже начало Ци-тайского оазиса — одного и древнейших центров оседлости всего восточного Притяньшанья.

Существует прямое указание, что Ци-тай построен на месте столицы Северного Чеши — городка Цзинь-мань и что вся страна в пределах между Му-лэй и Тэнэгэром (Фоу-каном) носила то же название — Цзинь-мань; не противоречит, как мне кажется, этому известию и утверждение «Си-юй-тун-вэнь-чжи», что чешиская столица расположена была в эпоху Старших Ханей в местности Муруй (Му-лэй)[220], так как первое известие относится к позднейшему времени, когда в Северном Чеши стало замечаться нечто вроде двоевластия: так, в «Хэу-хань-шу» говорится, что когда в 153 г. чешиский князь Алодо напал на китайское военное поселение Цзюй-гу-чэн, то другой князь Хочжелин «отложился» и со многими приверженцами передался китайцам[221]. Раз было в Чеши два князя, должны были существовать и две резиденции, два правительственных центра, значение коих могло быть переменчиво и в зависимости от силы их правителей.

Современный Ци-тай построен был вскоре после занятия маньчжурами южной Джунгарии. В 1776 г. он сделан был уездным[222], позднее же, с перенесением управления в Гу-чэн, оставлен за штатом. Другое его название Цзин-юань-чэн.

В Ци-тае у нас случилась крупная неприятность. Из таня, в котором мы ночевали, выкрадено было мое седло с находившимися в кабурах анероидом Готтингера, записной книжкой и другими предметами. Усиленные поиски не привели ни к чему, а следствие, вызванное моей формальной жалобой на бездействие местных китайских властей, установило даже, что и самый вопрос о пропаже седла возбужден был мною лишь с тою целью, чтобы иметь благовидный предлог уклониться от платежа денег хозяину таня за постой и фураж. Беда, как известно, не ходит одна, и у нас произошло то же: исчез Койсер. Сарымсак был безутешен, и мы только тут поняли, как дорога была ему эта собака.

Бесплодные поиски и бесконечные переговоры с каким-то мелким китайским чиновником задержали нас часа на два в Ци-тае, так что когда мы, наконец, вышли из города в долину

речки Ган-гу или Юрт-арегэ, то солнце стояло уже высоко над горизонтом и грело не по сезону. Иллюзию лета дополняли и порхавшие кое-где бабочки (Colias erate Esp., C. poliographus Motsch.), юркие ящерицы (Phrynocephalus grumm-grschimailoi Bedr. и Eremias multiocellata Gnthr.) и лемминги. Последние не замедлили обогатить нашу коллекцию, причем оказалось, что они принадлежат к двум видам, из коих один (Eremiomys luteus Eversm.) еще вовсе не был найден в Тянь-шане, да, пожалуй, и во всей остальной Центральной Азии, а другой (Er. lagurus Pall.) видом крайне для нее редким. Эти зверьки вносили некоторое оживление в природу пустыни, которая широким заливом вдалась между Гучэнским и Цитайским оазисами, но в общем она все же подавляет путника своим крайним бесплодием.

Проходя ею, я впервые обратил внимание на резкий контраст, наблюдаемый, впрочем, повсюду в Центральной Азии, между светом и тенью, что, может быть, объясняется чрезвычайной сухостью воздуха. В средней России переход от теневой стороны предмета к освещенной постепеннее; там всегда имеется какая-то полутень, между тем как здесь граница обозначена твердо: в тени — мрак, поглощающий все детали, на солнце же нетерпимый блеск от обилия отраженного света, при котором все краски получают иной, более яркий оттенок.

В Гу-чэне, куда караван прибыл поздно, решено было дневать, от Хами мы прошли в общей сложности 394 км, и лошади наши до такой степени подобрались, что на них жалко было смотреть.

Сарымсак явился сюда лишь на следующий день поутру, да и то для того только, чтобы сменить уставшую лошадь на свежую. С тех пор мы более его уже не видали. Так странно расстались мы с человеком, которому столь многим обязана экспедиция.

Сарымсак характером нисколько не напоминал своих сородичей таранчей. Он никогда не был женат; он не стремился ни к богатству, ни к власти, хотя и то, и другое мог бы иметь; он был даже врагом всякой собственности, видя в ней цепь, могущую приковать его к месту. Вся его жизнь сложилась странным образом, но, бросая его с севера на юг, с востока на запад и навязывая ему самые разнообразные амплуа: барантача, солдата, мелкого чиновника, купца, прасола, караван-баша, пастуха и джигита, она не могла натолкнуть его на такое, которое пришлось бы ему по душе. Сарымсак родился бродягой, человеком, не способным к прочной привязанности, и тем трогательнее показалась нам теперь его любовь к Койсеру. Впрочем, понять ее было нетрудно: Койсер в течение шести лет жил при нем неотлучно и своей могучей фигурой, кротким нравом и умной мордой не мог не привлечь его сердца, которое отдалось ему тем полнее, что Сарымсак был в мире, несмотря на множество друзей, в сущности вполне одиноким.

При новых условиях путешествия, при том стремлении к русской границе, которое нас всех обуяло, утрата такого человека, как Сарымсак, чувствовалась слабее, и, однако, все-таки чувствовалась: долгие переходы по монотонной местности при нем менее замечались, в нем было что-то, бодрившее остальных; он часто пел, еще чаще дорогой рассказывал.

Всего охотнее слушались те из его рассказов, которые относились к смутному времени конца шестидесятых и начала семидесятых годов.

И скольких ужасов он был тут свидетелем! Он стоял в толпе, когда линчевали, т. е. разрывали на куски (лин-чи) Си-ан-шая, он видел массовые казни, беспощадное избиение женщин и детей, публичное изнасилование подростков, взятие и разгром Манаса, богатых людей, сделавшихся в один миг нищими, многосемейных, оставшихся одинокими, бездну горя и слез...

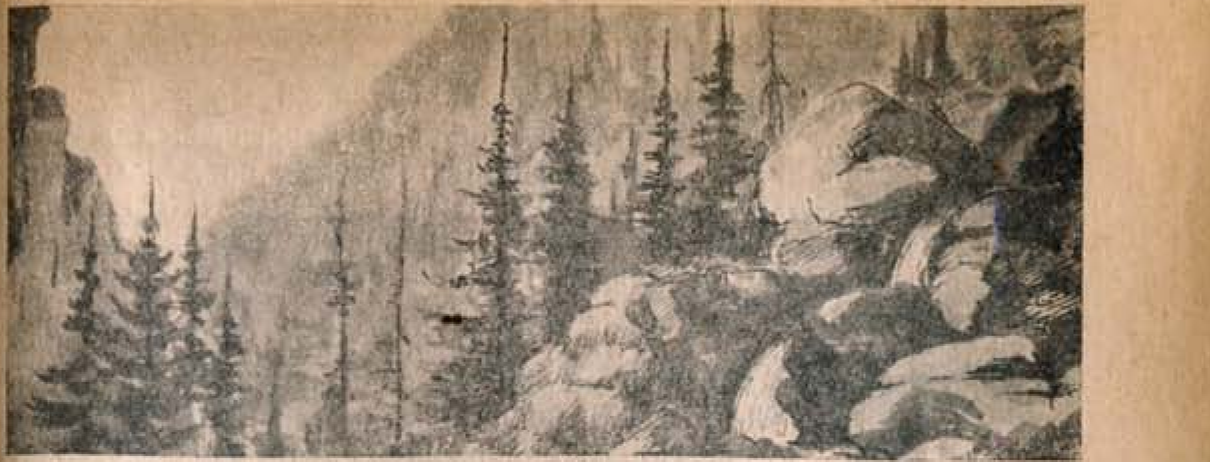
— Ну, а тебя как же судьба миловала?

— Как видите... Впрочем, в битвах я не участвовал.

— Ну, а барантавал?

— Да кто же в то время не барантавал! Все охотились друг за другом, за чужим добром. Одному жить было жутко, да, почитай, что и совсем невозможно. Мужчины собирались в банды, в воровские артели, ну, а женщины и дети, те гибли, конечно... Всего лучше жилось тогда у киреев. Грабить-то и они грабили, но до убийства дела не доводили. Раз только у торгоутов ихнего ламу прикончили. Дело было вот как. Цзюн-ван был в отлучке, бежал на Или, хотя и там было несладко; остальные же власти до того растерялись, что не могли организовать какой-либо защиты. Мы брали все, что хотели, не исключая девчонок, и много добра успели уже обернуть на Кабу, когда вдруг услыхали, что какой-то лама собирает людей отбить баранту. Его мы накрыли в куре, в урочище Амун. Курю, как водилось тогда, разорили, а ламу зарезали. В другой раз мне довелось ограбить курю под перевалом Мунгаты: но тут обошлось без человеческих жертв; даже прихваченных было девок побросали дорогой. Да и куда с ними? Потом были бы только уликой.

И много наслышались мы подобных рассказов. В совокупности же они составили такую мрачную картину пережитой краем эпохи, что как-то не верилось, что одним из ее деятелей, хотя и второстепенным, был Сарымсак — этот честный, кроткий и самоотверженный человек.



ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ВДОЛЬ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ ТЯНЬ-ШАНЯ ОТ ГУ-ЧЭНА ДО УРУМЧИ

К западу от Гу-чэна потянулась травянистая степь, местами переходившая в ключевой саз; но уже за речкой Шо-тун-хэ степь стала суше, сазы исчезли, и луговые травы сменились чием, среди которого то там, то здесь стали появляться группы карагачей (Ulmus campestris?). Между речками Гань-гу и Да-лан-гу лесная поросль стала гуще, и тут же появились и первые следы былой оседлости — развалины хуторов и арыки.

Задержавшись в Гу-чэне, мы прибыли в городок Джымысар уже в сумерках, но это нисколько не помешало местному китайскому чиновнику явиться к нам с требованием уплатить бадж.

— Какой бадж? За что?

— А вы зарезали барана, так по здешнему положению...

— Да ведь баран-то был наш, да и куплен не здесь, а в Хами!

— Это дела не изменяет.

Обратились за разъяснениями к сбежавшим таранчам.

— Да какие тут разъяснения. Гоните его вон, вот и вся недолгая... С нас-то он берет за всякую малость, ну, а вам-то чего ж опасаться?

Так мы и поступили, а в Урумчи мы получили официальное разъяснение, что такого сбора законом не установлено и что требование джымысарского чиновника, как произвольное, не подлежало удовлетворению.

16 октября мы продолжали наш путь и, обойдя обширные развалины старого Джымысара, вступили в лёссовую пустыню со следами арыков, былых пашен и фанз. Здесь нами были подняты карабауры (Pterocles arenarius), а несколько километров далее,

когда за речкой Со-ца-хэ, служащей границей Фоуканского и Цитайского уездов, мы вновь вступили в карагачевый лес и густые поросли чия и различных кустарников, на долю брата выпало удовольствие славно поохотиться на фазанов (Phasianus mongolicus var. semitorquatus Sew.); наконец, уже подъезжая к селению Сань-тай, он встретил Lanius leucopterus Sew., которого и убил для коллекции.

Селение Сань-тай (в местном произношении Сан-тэй) невелико, но расположено в центре обширного оазиса, отличавшегося некогда, если судить по числу покинутых хуторов, удивительным многолюдством. Речка Нарат, орошающая этот оазис, стекает с восточного из трех пиков Богдо-ола и, повидимому, несет довольно много воды, но последняя расходится почти целиком по арыкам и пересекает дорогу уже ничтожной струей.

В Сань-тае нам довелось впервые увидеть в работе китайскую «писчебумажную фабрику». Помещалась она на окраине селения, близ арыка, вдоль которого вырыты были ямы, исполнявшие роль квасильных чанов. В них перегнивал материал для бумаги — метелки чия и камыша, который перетирался на обыкновенной домашней мельнице в бурую массу и в таком уже виде поступал в дальнейшую обработку, состоявшую в следующем: массу распускали в чистой воде, затем выбирали на квадратное мелкое сито и, наконец, осевший в нем в виде тонкого ровного листа растительный войлок прилепляли для окончательной просушки к стене фанзы. Получающаяся таким путем бумага очень груба, ломка, буро-желтого цвета и пригодна лишь как оберточная.

За селением Сань-тай, которое мы покинули на следующий день до рассвета, оазис тянулся еще около 5 км, до речки Ло-тай, а там мы вновь вступили в пустыню — плоское продолжение далеко выдавшегося на север песчано-глинистого отрога Тянь-шаня. Этот плоский водораздел имел в ширину около 32 км и отличался крайним бесплодием; даже кизылча (Ephedra vulgaris var.) росла тут неохотно, а чий попался всего лишь однажды, вблизи развалин постоялого двора, стоявшего на колодцах. Столь же бесплодными казались нам и передовые уступы Тянь-шаня. Зато дальше, за ними, горы темнели от леса, который местами взбегал и на снега величественного Богдо. Очевидно, зима успела там сделать уже большие завоевания, здесь же внизу солнце еще порядочно грело, и лист хотя пожелтел, но держался на дереве.

За развалинами постоялого двора пустыня от примешавшейся к ее почве черной гальки получила еще более унылый характер; впрочем, мы уже знали, что конец ее недалек, и действительно, вскоре на горизонте ясно обозначился темный силуэт леса. Мы подходили к оазису Эр-дао-хо-цзы, названному так по речке, орошающей его восточную половину.

Центром оазиса служит базарное местечко Чжан-чин-цза, на официальном языке Цы-ни-цюань. Оно невелико, но тесно застроено убогими лачужками, среди коих оба постоялых двора кажутся царскими помещениями.

Мы свернули в ближайший из них, оказавшийся менее переполненным, но и в нем было тесно; впрочем, затруднение скоро уладилось, так как какой-то именитый дунганин, занимавший рядом две горницы, любезно предоставил одну из них в наше распоряжение.

Дунганин оказался ахуном. Он направлялся в сопровождении пяти лиц в Рум, т. е. Турцию. Невысокого роста, но довольно полный, он поражал матовой бледностью своего лица, монгольские черты которого как-то не гармонировали с большими, глубоко сидящими и необыкновенно выразительными глазами. Костюм его ни в чем не отличался от китайского; только на голове он имел вместо черной атласной белую шапочку. От беседы с нами и от предложенного ему ужина он уклонился под предлогом крайней усталости, а на утро мы только издали приветствовали друг друга.

18 октября было днем триумфа моего брата. Он выехал из Цы-ни-цюаня несколько ранее каравана и догнал его, обвешанный утками и фазанами; но, увлекаясь охотой на дичь, он не забыл и коллекции, в которую в этот день поступили Asio otus L. и Uragus sibiricus Pall.

Местность между Цы-ни-цюанем и Фоу-каном представляла желтую волнующуюся степь, среди которой то там, то сям подымались рослые карагачи; они исчезли, когда рыхлый солонец сменился песчано-глинистым грунтом, но вскоре вновь показались, охватив темной полосой весь западный край горизонта. Это был фоуканский лес — густейшая поросль исполинских вязов и тополей. В степи мы не встретили иной воды, кроме солоноватой в колодцах, здесь же она струилась по всем направлениям, очевидно, выбиваясь из-под земли, так как местные речки — Хай-да-чжан и Ду-хан-чжан — невелики.

На опушке этого леса нас обогнал китайский почтарь, везший какое-то экстренное донесение в Урумчи. Николай, по обыкновению попытался было вступить с ним в беседу, но неудачно: китаец не удостоил его даже ответом и вскоре скрылся за поворотом дороги.

Государственной почты, которая обслуживала бы нужды частных лиц, в Китае не существует; но для надобностей казенных учреждений правительство содержит курьеров, перевозящих между станциями как письменную, так и посылочную корреспонденцию. Роль таких курьеров в Ганьсуйской провинции, да кое-где и в застенном Китае, исполняют солдаты, расквартированные ради этой цели по станциям важнейших путей, в местностях же с инородческим населением — лица, несущие очередную службу на караулах (цзюнь-тай). Обыкновенно уже издали слышно такого почтаря по бубенцам, обвешивающим шею и голову его лошади. Едет он переменным аллюром, большею частью трополом или ходой, если конь ходистый, или рысцой, если тот не имеет хорошей побежки. Так везется, однако, только ординарная казенная почта, при доставке же срочной корреспонденции, для которой установлен суточный перегон в 600 ли, рысца заменяется рысью; но, конечно, быстрота доставки пакета в этом последнем случае лежит всецело на совести почтарей, так как контроль за ними не установлен, да едва ли и был бы возможен.

Такое допотопное устройство государственной почты уже обратило на себя внимание пекинского правительства, которое еще в 1897 г. поручило англичанину Роберту Харту организовать почтовое дело в Китае на основаниях, выработанных в Европе; и, как кажется, эта реформа действительно удалась на главнейших трактах Внутреннего Китая, но в Монголии еще и в 1903 г. действовал прежний порядок перевозки казенной корреспонденции.

Фоуканский лес произвел на нас впечатление порядочной глуши; ехали мы им километров пятнадцать, встречая лишь изредка следы давно заброшенного человеческого жилья. К концу пути он стал, однако, заметно редеть, появились прогалины, и, наконец, перед нами развернулась поляна, посреди которой возвышались старые, источенные временем стены Фоу-кана.

Фоу-кан одно из древнейших поселений Бэй-лу. Во времена старших Ханей (с 206 г. до нашей эры до 22 г. нашей эры) оно носило название У-тань-цы-ли, позднее (но когда?) Тэнэгэр. Впрочем, в истории Джунгарии оно не играло почти никакой роли.

Составители «Мэн-гу-ю-му-цзи» говорят, что Фоуканский уезд «в прежнее время служил кочевьем для торгоутов», но я не нахожу данных, которые бы подтверждали это известие. В конце XVI в. и в начале XVII Уйгуристан, как известно, еще не составлял территории, подвластной ойратам, в 1635 же году мы застаем торгоутов в семипалатинских и акмолинских степях[223], и по возвращении с берегов Волги в Джунгарию они были расселены в Тяньшанских горах к западу, а не к востоку от Урумчи.

Китайский Фоу-кан, основанный первоначально (в 1773 г.) как крепость, в 1776 г. был преобразован в уездный город, каковым остается и до настоящего времени.

Он невелик и к тому же в развалинах; базар состоит из двух-трех десятков китайских лавок и занимает главную улицу, ведущую через предместье и восточные ворота к перекрестку, у которого высится триумфальная арка (пай-лу). В воздаяние чьих подвигов добродетели она была здесь воздвигнута, осталось нам неизвестным, но запущенный ее вид ясно указывал на то, что забыты они основательно. Впрочем, не только арка, но и все остальные, сколько-нибудь выдающиеся постройки этого города производили впечатление такой же запущенности. После тяжкой годины, пережитой Фоу-каном в период мусульманского восстания, он еще не оправился и требовал обширного ремонта во всех статьях казенного хозяйства; да к нему, повидимому, и было уже приступлено, так как мы застали в ходу кое-какие работы: приводилась в порядок колесная дорога, подымалось кое-где ее полотно, расчищались сточные канавы, свозился лес для мостов и хворост для проектированной новой стены. Всеми этими работами распоряжался чжи-сянь (уездный начальник) самолично; по крайней мере мы застали его за городской стеной в ранний час нашего выступления в дальнейший путь, в Урумчи.

За Фоу-каном лес кончился, и перед нами раскинулась снова степь, на этот раз, однако, безтравная, с редкими лишь пучками невысокого чия, на далеко уходившем в стороны грязножелтом фоне которого лишь изредка рисовались темные силуэты карагачей. Вскоре, однако, этот ландшафт сменился еще более безжизненным, более тусклым: мы вступили в пустыню с характеризующим ее животным миром и порослью. Но когда-то жил здесь и человек, довольствуясь водою колодцев; бесформенные остатки каких-то строений мы встретили сначала на одиннадцатом километре от Фоу-кана, а затем еще дальше, на двадцатом километре. Среди этих последних, носивших название Гань-цюань-пу, копошились даже теперь какие-то люди, исправляя дувалы и приспособляя под жилье развалины фанз.

За Гань-цюань-пу дорога вступила в горы, составляющие очень пониженный северный отпрыск Дуньшанских высот, разделенный долиной речки Хэй-гоу на два рукава, из коих южный и круче и массивнее северного, распавшегося на группу пологих холмов. Их слагают песчанистые глины серо-желтого и светло-бурого цвета, переходящие местами в серые и красновато-бурые, мелкозернистые, глинистые песчаники и серые мергели; несомненно, что в образовании их должны принимать участие также и конгломераты, так как иначе неоткуда было бы взяться гальке, в обилии устилающей здесь как полотно дороги, так и дно и склоны оврагов, но их обнажений мне видеть не довелось.

Склоны этих гор совершенно обнажены, и только в распадках холмов я видел кое-какую растительность: пожелтевшие уже пучки битегэ (Festuca sp.), джусан (мелкую полынь), тарло (Elymus sp.?), изан (Echinopsilon sp.?), адраспан (Peganum harmala), терескен (Eurotia ceratoides) и тюйе джапрак (Rheum sp.); но, несмотря на такое бесплодие гор, в них держалось множество кара-куйрюков (Gazella subgutturosa), повидимому, настолько уже свыкшихся с беспрерывным грузовым движением большой дороги, что и наше появление не вызвало в их среде сколько-нибудь заметной тревоги; зато и поплатились же они за свое излишнее доверие к человеку потерей двух товарищей убитыми и по крайней мере трех ранеными.

Река Хэй-гоу служит границей двух уездов — Фоуканского и Урумчиского. Русло ее — русло большой реки, разметавшейся по широкой долине, заключенной в крутые, высокие, бурые стены; но течет она в них столь мало заметной струей, что как-то не хочется верить, что такое грандиозное ложе могло быть вымыто ею. Впрочем, октябрьская вода далеко не соответствовала той, какую мы застали в ее верховьях в июле.

Пройдя эту речку и подымающуюся за нею плоскую гряду гор, мы вышли к лежавшему в развалинах городку Гумуди, в котором с трудом нашли подходящее помещение для остановки. О прошлом его не имеется сведений, но в семидесятых годах имя его вдруг выдвинулось и получило известность, благодаря геройскому сопротивлению, оказанному его населением (дунганами) сперва Якуб-беку, а затем, в 1876 г., китайским войскам. Последние и довершили его разрушение.

От Гумуди до Урумчи оставалось уже не более 21 км, которые на следующий день мы пробежали рысцой, далеко опередив караван.

Когда-то район этот, орошаемый рекой Архоту и ее правыми притоками — Са-хэ и Лоу-са-гу, был густо заселен, теперь же мы встретили здесь одни пустыри, среди коих лишь кое-где виднелись жилые постройки и нарождавшиеся хозяйства. Движение по дороге было однако значительное, и мы то и дело обгоняли обозы, пеших и конных.

За крепостцой Чи-та-вань мы поднялись на пригорок и, следуя отсюда то холмами, то краем оазиса, выбрались, наконец, на гребень более высокой гряды, с которой открылся обширный вид на долину р. Архоту.

Урумчи, с его предместьем и двумя импанями по краям, лежал у нас теперь под ногами, но город этот отсюда, с горы, не представлял ничего красивого или оригинального. В Китае все города устроены по одному образцу, и путешественник, раз познакомившись с одним из них, может дальше ехать в полной уверенности, что и во всех последующих он найдет то же самое с весьма малыми отступлениями. Урумчи не составлял в этом отношении исключения, и его стены и массивные ворота с венчающими их трехъярусными башнями повторяли лишь то, что мы привыкли встречать в каждом попутном городе-крепости. То же, что вмещали эти стены, представляло лишь постройки одинаковой высоты, крайне однообразные, грязносерые здания, среди коих своими размерами выделялись кумирня с выстроенной перед ней открытой сценой театра, мань-чэн — казарма губернаторского конвоя и два ямыня — губернаторский и председателя казенной палаты (фань-дая, в местном произношении — фань-тэя). Но что особенно портило впечатление, — это обилие пустырей, которые до своей застройки служат, повидимому, свалочным местом для городских нечистот; они занимали значительные участки вдоль восточной части стены, примыкая к базару, губернаторскому ямыню и мань-чэну. Улицы казались распланированными очень неправильно, виднелось множество тупиков и переулков, отходивших под самыми разнообразными углами от магистралей, ведших к городским воротам; в общем же получалось впечатление сети с весьма неправильными ячейками. Эти улицы кишели народом только в частях, примыкавших к базару, весь же район от ямыня фань-дая до мань-чэна, с одной стороны, и кумирни, с другой, выглядел совсем безлюдным.

Хотя я имел уже случай говорить о прошлом этого города, но я считаю нелишним еще раз к нему вернуться, дабы полнее осветить вопрос о былом местоположении Бишбалыка, или Бэй-тина.

Ссылаясь на изыскания Клапрота [224], Риттер замечает, что доказанное этим ученым ориенталистом тождество Урумчи и Бэй-тина послужило важным шагом к познанию прошлого внутренней Азии [225].

Вполне разделяя мнение Риттера о значении, какое имеет для истории Притяньшанья точное определение местонахождения столицы Уйгурского царства, я с тем большей настойчивостью обращаю внимание читателя на ошибочность гипотезы Клапрота.

Я не буду повторять уже сказанного мною по поводу комментариев Клапрота на описание пути войск хана Гулагу через Джунгарию и прямо перехожу к разбору тех данных, которые ввели его в заблуждение.

Клапрот цитирует четыре китайских сочинения: «Су-хун-цзянь-лоу», «Мин-ши» («Ming-szu»), «Дай-цин-и-тун-чжи» и «Си-юй-тун-вэнь-чжи». В первом из них, принадлежащем перу Чжао-юань-пина, изложен лишь маршрут хана Гулагу, проливающий весьма мало света на занимающий нас вопрос, во втором говорится о стране, а не о городе Бишбалык (т. е. о Могулистане), в «Дай-цин-и-тун-чжи» указывается на тождество Бэй-тина и резиденции заднего (северного) чешиского владетеля и, наконец, только в «Си-юй-тун-вэнь-чжи» мы читаем: «При Сунской династии эта местность (Урумчи) была Бэй-тином или северной столицей Гао-чана или уйгуров; при Юаньской или монгольской ее называли У-чэном хой-хэ или уйгуров».

То же говорят, основываясь, повидимому, на том же источнике, и китайские ученые Чжан-му и Хэ-цю-тао, составители «Мэн-гу-ю-му-цзи»: «При Сунах здесь (в местности Ди-хуа) был Бэй-тин владения Гао-чан» [226]. Но Иакинф переводит это место «Си-юй-тун-вэнь-чжи» следующим образом: «Полагают, что правление (Бэй-тин) находилось на месте нынешнего города Ди-хуа-чжоу» [227].

Таким образом, с приурочиванием Бишбалыка к современному Урумчи встречаемся мы впервые в «Си-юй-тун-вэнь-чжи», которая в остальном повторяет лишь данные «Общей географии Китая» («Дай-цин-и-тун-чжи»), изданной в 1734 г. Насколько, однако, такое отождествление соответствует действительности, видно из следующих фактов, сообщаемых теми же источниками.

Вот что там говорится.

Округ Ди-хуа при династии Хань составлял владение Пу-лэй-цянь-го [228], в период троецарствия оно переименовано было в Пулу; при династии Тан здесь был учрежден уезд Пу-лэй, переименованный в 762 г. в Хоу-тин [229].

Между тем, если верить «Дай-цин-и-тун-чжи», Бэй-тин-ду-хо-фу основан был в 702 г. на месте главного стойбища князя северного Чеши, которое «Си-юй-тун-вэнь-чжи» приурочивает к Му-лэй-ю (Мурую) [230], а другие источники к Ци-тай-ю [231].

Из сопоставления же этих данных нельзя не вывести заключения, что Бэй-тин танских времен не мог находиться на р. Архоту, а так как, согласно той же «Си-юй-тун-вэнь-чжи» [232], У-чэн (Бишбалык) уйгуров носил в танскую эпоху имя Бэй-тина, то ясно, что и в сунское время он не мог переместиться в долину р. Архоту.

Затем мы имеем и прямое указание на то, что Бэй-тин находился в окрестностях Гу-чэна; я говорю о свидетельстве Цзи-юань-хуайя, сообщающего в «Си-цзи-чжи» следующие сведения о развалинах этого города [233]: в урочище Цзи-муса находился старинный город Танского воеводства — Бэй-тин, построенный Ли-вэй-гуном; он имел в окружности 40 ли; стены его сложены были из сырцового кирпича; каждый кирпич имел в толщину 1 чи, в ширину 1 чи 5—6 цунь и длину 2 чи 7—8 цунь; старые черепицы достигали в ширину более одного чи, а в длину 1 чи 5—6 цунь. В городе имелась кумирня, совсем теперь развалившаяся, а в ней каменное изображение будды, по пояс вошедшее в землю и все еще имеющее в вышину 7—8 чи.

«Железный колокол выше человеческого роста, покрытый со всех сторон надписями, но до такой степени съеденными ржавчиной, что нельзя разобрать ни одной буквы. В городе повсюду (разбросан?) каменный уголь. Элюты рассказывали, что город этот в древности взят был огненным боем и что находившиеся с четырех сторон батареи были возведены во время осады. Но к какому времени относится город и каким народом он был построен, они не могли сказать этого». Из «Си-юй-ту-чжи» мы узнаем, что на запад от Гу-чэна есть источник Ню-цзюань-цюань, у которого военный начальник края, Соном-цэрэн, в 1775 г. нашел два обломка памятника времен танской династии, из сохранившихся на котором слов «Цзинь-маньский уездный начальник» и др. мы узнаем, что Гу-чэн лежит на земле танского уезда Цзинь-мань, танский же город Цзинь-мань должен соответствовать городу того же имени у задних Чеши.

«Тан-шу» приводит следующий маршрут из Цзяо-хэ (Яр-хото) в г. Бэй-тин [234]:

«Выступив из Цзяо-хэ, идут в северном направлении 80 ли до гостиницы Лун-цюань, далее же к северу вступают в ущелье длиной в 130 ли, пройдя которое, выходят в долину Лю-гу. За нею переваливают через гору Гинь-ша-лин. Еще через 160 ли достигают китайского пограничного поста Шэ-хой и, наконец, вступают в Бэй-тин».

К этому Сюй-сун (Siu-song), автор «Си-юй-шуай-дао-цзи» («Si-yu-choci-tao-ki»), добавляет [235]:

«Эта дорога выходила из гор Гу-чэн-тау близ города Бао-хой (Цзи-му-са), находящегося в 20 ли к югу от древнего города Ху-бао-цзэ — Бэй-тина танских времен. Об этом свидетельствует столб с несколько поврежденной надписью, из которой усматривается, что это место в древности называлось Цзинь-мань. То же место у тукиэ известно было под именем Кэ-хань-фоу-ту (Каган-будда)».

Более подробное извлечение из «Си-юй-шуай-дао-цзи» сделано было для меня профессором P. Pelliot, которому я и считаю приятным долгом выразить здесь глубочайшую благодарность.

Вот это место:

«Пройдя шестьдесят ли от города Гун-нин, близ Урумчи, в северном направлении, достигают Хэй-гоу-тана (Hei-keou-tang); отсюда поворачивают к востоку и, следуя вдоль подножия Богдо-ола, выходят к Фоу-кану. Еще далее к востоку, в 190 ли от последнего города, минуют Ша-бо, военный лагерь танской эпохи, от него до Шуан-ча-хо-бу (Chouang-tch'a-ho-pou) считается пятьдесят ли. Ша-бо — это городок Мо-хо, служивший резиденцией Ашина Хо-лоу. Об этом городке читаем в «Цзы-чжэ-тун-цзян» следующее: в шестидесяти ли к западу от города Си-янь (Si-yen), ведомства Тин-чжоу, находится военный пост Ша-бо; на его месте стоял прежде город Мо-хо. Согласно же «Юань-хо-цзюнь-сянь-чжо», военный пост Ша-бо находился в пятидесяти ли к западу от Тин-чжоу. Это последнее указание более достоверно.

Продолжая итти на восток, в пятидесяти ли от сказанной местности достигают города Цзи-му-са, который у западных тюрков (ту-киэ) носил название Gaghan stupa (Каган будда? см. выше). При Танах здесь основан был уездный город Цзинь-мань округа Тин-чжоу, впоследствии переименованный в Хоу-тин. Именно здесь имел свою резиденцию ду-ху Бэй-тина. При Юанях в Бишбалыке имел свою резиденцию бэй-тинский ду-юаньшуай-фу; здесь же был и главный административный центр по управлению краем.

Древний город находится в двадцати ли к северу от современного города Бао-хой (Цзи-му-са). Эта местность носит теперь название «городища Ху-бу-цзы» (Houpou-tseu; Chavannes, l. c., переводит — Hou-pao-tse). Там сохранился несколько испорченный столб (памятник) танской эпохи, сооруженный, как говорит надпись, в области Цзинь-мань; цоколь статуи той же эпохи с надписью и цоколь барельефа (?) юаньского времени; на последнем имеется изображение буддийского жреца и тибетская надпись.

Когда я прибыл в Бао-хой, солнце склонялось к западу. Я поспешил в Ху-бу, чтобы осмотреть покинутые алтари разрушенного города. Я нашел там храм в развалинах; в нем еще висел колокол из железа в дюйм толщиной, без всяких надписей, покрытый ржавчиной; его форма напоминала опрокинутый котел. У местных жителей существует поверье, что звон в этот колокол вызывает бурю (le vent noir). В почве этого города находят очень часто статуэтки будд из бронзы, отлитые в танское время. Я приобрел две — обе величиной более четырех дюймов и с продольными отверстиями на спине.

В пятнадцати ли к югу от города Бао-хой, на склоне горы, близ устья ущелья, имеется богато разрисованная внутри пещера Тысячи будд. Пройдя гору, попадают в Турфан. Вероятно, это та дорога, о которой упоминается в реляции посла Ван Янь-дэ, который, следуя из Цянь-тина в Хоу-тин, прошел через долину дракона (Salle du dragon) и снеговую гору».

Наконец, приведу следующее указание «Мэн-гу-ю-му-цзи»: река Урунгу течет против Бе-ши-ба-ли (Бишбалыка) на ближайшем от него расстоянии с севера на юг 500 ли [236]. Такое расстояние указывает не на Урумчи, а на окрестности Гу-чэна, как былое местоположение Бишбалыка. Действительно, по сравнительным данным «Синь-цзян-чжи-лё» [237], «Синь-цзян-дао-ли-бяо» [238] и Певцова [239] расстояние от Гу-чэна до реки Урунгу составляет:

«Синь-цзян-чжи-лё»	«Синь-цзян-дао-ли-бяо»	Певцов
Гу-чэн . . . . . 0 ли	Гу-чэн . . . . . 0 ли	Гу-чэн . . . . . 0 верст
Бэй-дао-цао . . 50 »	Бэй-дао-цао . . 40 »	Битун-цо-джи (Бэй-дао-цао) 20 »
Гашунь . . . . 120 »	Хуань-цао-ху . 120 »	Гашунь . . . . 53 »
Су-чжи . . . . 160 »	Юань-ху (Су-цзи) 240 »	кл. Чюйчже . . 72 »
Олон-булак . . 90 »	Олунь-булак . . 90 »	р. Улун-булак 45 »
От Олон-булака дорога сворачивает на Кобдо, по соображению же с данными Певцова, следует считать от этого урочища до Урунгу		кл. Джансын 30 верст
		кл. Кайче . 25 »
		р. Урунгу . 30 »
225 ли	225 ли	275 »
Всего 645 ли	715 ли	

т. е. несколько превышает цифру «Мэн-гу-ю-му-цзи». Приведенный маршрут, однако, кратчайший между Урунгу и Бэй-лу.

Китайская географическая литература дает нам также расстояние Бишбалыка и от некоторых других пунктов Западного Китая. К сожалению, этими данными в наших целях невозможно воспользоваться, так как, с одной стороны, они заключают очевидные ошибки, с другой же, ни пути, по которым исчислялись эти расстояния, ни время, к которому вычисления относились, не могут быть с точностью установлены; между тем, последнее условие имеет существенное значение, так как китайская ли подвергалась большим колебаниям, изменяясь в ту или другую сторону чуть ли не с воцарением каждой новой династии. Так, например, современная ли равняется 271 сажени (578 м) с небольшим, ли танских времен 154 саженям (328 м), а ли, на которую велся расчет в большинстве дорожников, — $187^{1}/_{2}$ саженям (400 м).

Тем не менее приводимые ниже данные не лишены известного интереса.

«Мин-ши» насчитывает от Бишбалыка до Цзя-юй-гуаня 3 700 ли [240]. Ту же цифру находим мы и в «Лай-цин-и-тун-чжи», где в то же время расстояние от Бэй-тина до Хами исчислено в 970 ли [241]. Сопоставляя эти данные, мы получим для участка Хами — Цзя-юй-гуань 2 730 ли, между тем как современные дорожники определяют его в 1 470 ли [242], или в 551 версту, что в точности соответствует полученному Пржевальским (от Хами до Янь-дуня — 75 верст) и нами (от Янь-дуня до Цзя-юй-гуаня — 477 верст) расстоянию (552 версты).

От Хами до Урумчи считается ныне по одному дорожнику 1 640 ли [243], по другому 1 730 ли, из чего следует, что Бэй-тин ни в каком случае не мог находиться на месте современного Урумчи; до Гу-чэна, через Баркюль, считается также не менее 1 150 ли, но, если допустить, что древняя дорога из Хами в Бэй-тин сворачивала от пикета Утун-во (Отун-го-цзы) на северо-запад и выходила в урочище Джан-булак, то последнее расстояние сократится до 970 ли по следующему расчету (см. таблицу на стр. 622).

Это отвечало бы вполне указанному в «Дай-цин-и-тун-чжи» расстоянию между Хами и Бэй-тином.

Расстояние от Бэй-тина до Турфана тот же источник определяет в 500 ли. Эта цифра соответствует той, которая исчислена в помянутых выше дорожниках между Турфаном и Урумчи.

Дорожник 1-й		Дорожник 2-й	
Хами	0 ли	Хами	0 ли
Тэу-пу	60 »	Тоу-пу	70 »
Сань-пу	60 »	Сань-пу	70 »
Я-цзы-цюань	70 »	Сань-дао-линь	70 »
Ляо-дунь	80 »	Ляо-дунь	100 »
Лэ-ба-цюань	40 »	И-вань-цюань	90 »
Толай-цюань	60 »	Чэ-гу-ли (Толай-цзин-тай)	90 »
У-тун-во	140 »	У-тун-во	110 »
Всего	510 ли	Всего	600 ли
отсюда через ур. Джан-булак до Му-лэй-хэ (108 верст)	280 ли	Му-лэй-хэ	280 ли
Гу-чэн	180 ли	Гу-чэн	180 »
Итого	970 ли	Итого	1060 ли

Дело, однако, в том, что столицей уйгуров был не Турфан, а Кара-ходжа, Хара-хото, или Хо-чжоу (Идикот-шари), до которого от Турфана считалось еще около 100 ли [244], итого не 500, а 600 ли. Расстояние до Гу-чэна кружной дорогой, через перевал Улан-усу, равняется 805 ли по следующему расчету:

От Кора-ходжа, через Туёк, до Пичана	160 ли
» Пичана до Чиктыма	90 »
» Чиктыма до Му-лэй-хэ	375 »
» Му-лэй-хэ до Гу-чэна	180 »
Всего	805 ли

Но прямой дорогой через Тянь-шань, т. е. по пути Ван Янь-дэ, еще никем из европейцев не пройденному, расстояние от Хо-чжоу до Гу-чэна и Джимысара не могло превышать 500 ли танских и сунских времен.

«Дай-цин-и-тун-чжи» дает также расстояние между Бэй-тином Карашаром, исчисляя его в 1 100 ли [245], такой же цифрой определяется ныне расстояние и между Урумчи и Карашаром, что, конечно, говорило бы против защищаемой мною гипотезы, если бы не существовало прямой дороги через Тянь-шань, выводящей с верховьев р. Ша-лан-гу к Токсуну. Об этом пути ближайших сведений я не имею, но едва ли он на много длиннее участка Токсун — Урумчи. Кстати, замечу, что от ставки заднечешиского владетеля до Янь-ци (Карашара) считалось в ханьское время 837 ли, а от Пулэя (Урумчи) 987 ли. Данные, извлеченные о. Иакинфом из Цянь-хань-шу, однако, едва ли верны, в чем легко убедиться из сопоставления хотя бы следующих цифр:

От Цзяо-хэ-чэна (Турфана) на запад до Улэя	1807 ли
» » » » » Янь-ци	835 »
От Улэя (резиденция наместника) на восток до Янь-ци	400 »

Последняя цифра подтверждается и данными о Ху-ху, от которого на запад до Улэя считалось 1 147 ли, а до Янь-ци 770 ли.

Затем показание «Дай-цин-и-тун-чжи» о расстоянии в 2 200 ли между Бэй-тином и Суй-е [246] следует признать безусловно ошибочным, так как, откуда бы мы ни стали отсчитывать их — от Урумчи или от Гу-чэна, число их и в том, и в другом случае должно значительно превзойти вышеприведенную цифру, если, конечно, считать ли равной $187^{1}/_{2}$ саженям.

В заключение еще один довод.

Ван Янь-дэ упоминает о трех буддийских монастырях — Гао-дай-сы, Ин-юнь-сы и Тай-нин-сы — в ближайших окрестностях Бэй-тина [247]. В долине р. Архоту каких-либо буддийских древностей до настоящего времени найдено не было, между тем нам рассказывали о существовании древних кумирен в долине р. Да-лан-гу к югу от города Джымысара.

Может быть, об одной из этих кумирен в «Сань-чжоу-цзи-лё», опубликованном в конце минувшего века, рассказывается следующее:

Ее открытие относится к 1770—1771 годам и о нем повествуют так:

«В Цзи-му-са жил продавец зелени, болевший глазами. Когда болезнь его усилилась и предвещала потерю зрения, он решился повеситься. Он удалился в горы и тут услыхал голос: «У подошвы горы найдешь воду; помочи ею глаза и излечишься». Спустившись с горы, он действительно увидел ручей. Он поступил как ему было приказано и прозрел. Когда же вновь поднялся на гору, то заметил расселину, открывавшую часть оштукатуренной стены. Заинтересовавшись открытием, он стал рыться в горе и вскоре убедился, что напал на вход в пещеру. Тогда он позвал людей и с их помощью освободил вход от завала. Пещера оказалась настолько темной, что только при свете факелов удалось ее разглядеть. При этом обнаружилось, что она имела полукруглую форму и заключала статую будды в лежачем положении длиной около шестнадцати футов, с позолоченным лицом, оголенными ногами и в одеждах, цвет коих нисколько не выцвел. Кругом виднелось множество бронзовых статуэток будд от фута до 3 дюймов величиной.

Увидев это, купец обрился (стал жрецом) и поселился при пещере. Ду-тун Со-но-му-цо-лын (tou-t'ong So-no-mou-ts'ö-leng) взял отсюда девять статуэток будд для отсылки в Пекин».

Переводом этого отрывка (не текстуальным) я также обязан профессору Пеллио.

Вышеизложенное в связи с уже разобранными данными маршрутов Ван Янь-дэ и Чань-чуня с несомненностью, как мне кажется, устанавливает ошибочность выводов «Си-юй-тун-вэнь-чжи» и ориенталистов Клапрота, Ремюза и Жюльена о тождестве современного Урумчи с Бэй-тином и Бишбалыком. К этому же заключению 7 лет позднее, но совершенно самостоятельно, пришел и французский синолог Шаванн.

После этой небольшой экскурсии в область исторической географии Притяньшанья возвращаюсь к описанию путевых впечатлений 20 октября.

Спустившись с гряды, мы некоторое время шли вдоль северной части стены, затем свернули в улицу между городом и северо-западным импанем и вышли в западное предместье. Здесь мы остановились, избрав попросторнее тань.

Весть о нашем прибытии быстро разнеслась по базару, и не успели мы осмотреться в нашем новом помещении, как были уже вызваны к собравшимся на дворе представителям русских торговых фирм со своим старшиной во главе. Нас забросали приветствиями, а затем подвели лошадей и увлекли в город, где мы и провели время до вечера, беседуя, главным образом, о положении в крае русской торговли. Особенно жаловались купцы на воспрещение вывоза чая в Россию, причем рассказали о случае конфискации китайцами, в августе месяце, близ русской границы, партии до пятисот пудов кирпичного чая. На вопрос старшины, могу ли я помочь в этом деле, я обещал переговорить с консулом. И я исполнил свое обещание, но исход переговоров был неудачный. Оказалось, что воспрещение вывоза любого товара есть автономное право китайского правительства и что, в частности, воспрещение вывоза чая, последовавшее несколько лет назад и своевременно не опротестованное русскими властями, должно считаться вошедшим в законную силу.

Хозяин таня, в котором мы остановились, узнав от извозчиков, что я собираю, между прочим, и камни, предложил мне купить у него несколько кусков нефрита, найденных в одной из речек, стекающих с Тянь-шаня к западу от Манаса. Камни я приобрел, но к указанию на местонахождение их отнесся с недоверием, да и профессор И. В. Мушкетов признал в них полное тождество с образцами, привезенными из Хотанской области.

Между тем мы оба ошиблись, так как, если верить «Мэн-гу-ю-му-цзи» [248], в горах к югу от города Манаса, в долине Цин-шуй-цюань, в ста слишком ли на запад от этой долины, в урочище Хоу-чоу, и на том же расстоянии на запад от этого последнего урочища действительно выступают коренные месторождения (залежи) зеленого нефрита, разработка коих была почему-то воспрещена в 1789 г.

В Урумчи мы простояли три дня. Помня недружелюбное отношение к нам местных китайских властей, мы решили на этот раз их игнорировать. Может быть, только поэтому фань-тэй и надумал поразить нас своей любезностью; он даже простер ее до того, что приказал полицеймейстеру и секретарю осведомиться о всех наших нуждах. К сожалению, такая предупредительность запоздала. Она значительно облегчила бы нашу задачу пятнадцать месяцев тому назад, но теперь, накануне нашего возвращения в родные пределы, она уже утрачивала значение. И об этом мы дали понять депутации. В дальнейшем же наша беседа велась в таком тоне:

— Фань-тэй надеется, что в пределах Синь-цзяна вы всюду встречали со стороны китайских властей одно лишь предупредительное к себе отношение.

— К сожалению, такое именно отношение мы встретили только в Гань-су, где сношениями с иностранцами заведует столь просвещенный сановник, как даотай Чан.

— Мы делали, однако, все, что могли, и, поверьте, фань-тэй будет очень сожалеть, что ему не удалось предотвратить всего, что могло вызвать ваше неудовольствие; однако вы не должны забывать, что населяющие этот край туземцы — народ необразованный и невоспитанный, почти дикари.

— Вы нас не поняли: со стороны туземцев мы видели всегда одно лишь радушие; жалуемся же мы на китайских солдат и чиновников, которые иногда действительно вели себя дикарями. Достаточно, например, вспомнить хотя бы ту встречу, которую нам устроили в прошлом году в воротах Ди-хуа-чжоу...

Намек этот не понравился депутации, и полицеймейстер поспешил переменить разговор.

В ночь с 21 на 22 октября выпал снег; он начал было таять поутру, но к полудню 22-го температура вдруг снова понизилась до нуля, а затем термометр продолжал опускаться до 9 часов вечера, когда показал —7°. Снег снова пошел и на этот раз уже с тенденцией удержаться надолго. Стало ясно, что зима сменила осень, особенности которой видны из следующего. На Бэй-лу мы вышли 8 октября; здесь мы застали, стало быть, уже конец осени, к которому и относятся все последующие наблюдения, могущие быть приуроченными к средней абсолютной высоте 3800 футов (1158 м).

Период наблюдений обнимает 14 дней, из коих ясных, частью же безоблачных, насчитывалось 10, т. е. свыше семидесяти процентов, облачных же и пасмурных по два. Таким образом, не только к югу, но и к северу от Восточного Тянь-шаня ясная атмосфера составляет в осеннее время преобладающее явление; того же отнюдь нельзя сказать про верхний горизонт гор, который оставался затянутым облаками в то время, когда над Бэй-лу сиял яркоголубой купол неба.

Снег перепадал два раза; ему предшествовал и частью сопровождал сильный западный ветер, переходивший по временам в бурю. В Урумчи он выпал в необыкновенно теплую для октября пасмурную ночь, но и в этом случае ему предшествовал сильный ветер с запада.

Ветреных дней оказалось четыре; во всех случаях дул сильный западный ветер.

Ниже нуля термометр опускался по утрам лишь 10, 11 и 18 октября на станциях Да-ши-ту (в 6 часов утра —1°), Сань-гоу-чуань-цзы (в 6 часов утра —6°) и Фоу-кан (в 6 часов утра —2°,5), всего же дней, когда термометр стоял на 0° и ниже нуля, насчитывалось семь. Максимум температуры (19° в тени) выпал на 4 часа пополудни 15 октября (в Джымысаре). Суточная амплитуда колебалась в пределах 19° (15 октября, Гу-чэн — Джымысар) и 1° (10 октября, Да-ши-гу — Сань-гоу-чуань-цзы).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ВДОЛЬ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ ТЯНЬ-ШАНЯ ОТ УРУМЧИ ДО КУР-КАРА-УСУ

Сероватая мгла холодного сумрачного утра еще висела над долиной р. Архоту, когда мы стали выбираться из города. Он успел, однако, проснуться, и на его улицах мы застали обычную сутолоку, которая очень скоро привела в полное расстройство наш караван; впрочем, винить в этом приходится разве только самих себя, так как с нашей стороны было действительно верхом неосмотрительности распустить в таком многолюдстве заводных лошадей. Они-то и наделали нам хлопот.

Но вот и мост, а за ним снова степь и простор.

На границе ее, в «Воротах красных гор» (Хун-шань-цзуй-цзы), мы распростились с провожавшими нас и рысцой направились по знакомой дороге в Чан-цзи. За поселком Та-бяо-пу мы вышли из гор; вперед уходила равнина, на которой не видно было никакого движения, точно мы находились не близ крупнейшего из городов Притяньшанья, а в центре обширной пустыни. И туман довершил эту иллюзию, поглотив ее грани — оставшиеся позади бледнокрасные холмы и темную полосу леса вдоль р. Архоту.

В полном одиночестве добрались мы до селения Да-ди-во-пу, но здесь застали большое скопление китайских телег и солдат. Это был обоз и часть конвоя вновь назначенного в Чугучак хэбэй-амбанем маньчжура Эркинэ, который должен был покинуть Урумчи после полудня. Когда мы прибыли в Чан-цзи, там деятельно готовились к его встрече: у ворот мы застали толпу горожан, палатку, чиновников и солдат с флагами и бутафорским оружием: пиками, бердышами (подами) и трезубцами; здесь же расхаживали статисты, подряженные за пять фынь на роли мао-цзе (палачей), носильщиков гонгов, досок, объясняющих официальное положение эскортируемого лица (цин-мин), флагов с надписью: «Прочь с дороги!» (цин-дао), красных зонтов (хун-тун-сань) и других атрибутов мандаринского звания, несомых перед высоким сановником при его торжественном вступлении в город.

За селением Да-ди-во-пу мы очутились снова в пустыне, монотонность которой нарушалась лишь часто попадавшимися развалинами сторожевых будок (янь-дай). Первых людей мы встретили, лишь подходя к таранчинскому селению Тау. Это были ишакчи, гнавшие в Урумчи порожних животных. Они уже знали о приготовлениях к встрече сановника Эркинэ и с видимой тревогой в голосе кинули нам вопрос: «Уж не едет ли?» Бедные! Они боялись попасться ему на глаза, по опыту зная, как много позволяет себе челядь такого важного господина.

В Тау мимо нас на рысях прошел кавалерийский отряд, спешивший к границе уезда, где он должен был сменить урумчийский конвой. Люди в сине-фиолетовых халатах и оранжевых безрукавках с черными полосами «под шкуру тигра» выглядели франтами и прекрасно держались на своих, хотя и разномастных, но выхоленных конях. Все вооружение их состояло из прямых сабель, прикрепленных слева к передней луке. Во главе этого отряда ехало два офицера в обычных парадных курмах и шляпах. По справкам в Чан-цзи оказалось, что он не принадлежал к числу местных войсковых частей, а прибыл туда накануне из-под Ши-хо[249].

С переходом глубоковрезанного русла реки Катун-хэ или Тунь-ду-хэ мы вступили в пределы оазиса Чан-цзи.

Согласно «Си-юй-тун-вэнь-чжи», Чан-цзи соответствует Пу-лэй-хэу-го ханьских времен[250]. При младших Ханях здесь было владение И-чжи, в эпоху Сань-го — Пу-лу. Затем об этом оазисе история не упоминает вплоть до 640 г., когда он вошел в состав земель Хэу-тинского округа[251]. В IX в. в южной Джунгарии утвердились уйгуры, и сведения об этой стране становятся скудными; возможно, однако, что о Чан-цзи под именем Чан-бали упоминает старец Чань-чунь. Уэйли пишет, что на китайской карте 1863 г. (вероятно, «Дай-цин-и-тун-юй-ту») город Чан-цзи назван Нин-бэнь (Ning-peen)[252], Успенский — что официальное его название — Фоу-кан[253]. Но нет ли тут какой-нибудь ошибки?

Современный Чан-цзи невелик и окружен ветхой стеной. Говорят, что общая численность его населения не превосходит трех тысяч душ, из коих китайцы составляют к тому же значительное меньшинство. Если это так, то совершенно понятно, почему так сравнительно велико его предместье, застроенное танями, лавками и мелкими промышленными заведениями; здесь сосредоточивается вся деловая жизнь оазиса.

На следующий день первые лучи восходящего солнца застали нас на плёсе реки Локлон, которая, судя по карте военно-топографического отдела главного штаба, носит в верховьях своих названия Гюрюн и Санджи. Какие данные послужили материалом для составления этой карты, мне неизвестно, но капитан Галкин, вышедший на р. Санджи в 1887 г., считает ее не верховьем Локлона, а значительнейшим из правых притоков Хосутая (Хусты, т. е. Манаса)[254]. Если так, то это может быть только р. Сань-дао-хэ, в местном произношении Сан-до-хо. Китайские известия о р. Локлоне ограничиваются сообщением, что ее образуют два истока, соединяющиеся восточнее пикета Локлон и севернее города Чан-цзи; один стекает с перевала Монгуту, другой с пика Гэшаньту; в дальнейшем же своем течении она соединяется с р. Хутуби и впадает в озеро Аяр-нор[255].

От плёса р. Локлон мы шли оазисом еще около 5 км, после чего вышли на пустошь, представляющую слегка приподнятый над долинами Хутуби и Локлона участок каменистой пустыни. На восточной ее окраине стояли развалины укрепления Ян-чан-цза, постройку которого Успенский относит «ко временам императора Цянь-луна и походу полководца Чжао-хойя в Или против Амурсаны» и приписывает китайцам[256]. К сожалению, он не подкрепляет этого известия ссылкой на какой-либо источник, а без такой ссылки и самое известие утрачивает значительную долю в своей достоверности; к тому же оно не согласуется с тем, что нам известно о действиях Чжао-хойя против калмыков и, в частности, против Амурсаны. Певцов, основываясь, повидимому, лишь на словах туземцев, приписывает постройку Ян-чан-цза джунгарам[257]. Действительно, туземцы называют это городище Калмак-шари, но ведь так называют они развалины и всех остальных более или менее древних городов Притяньшанья, разумея под именем калмаков [калмыков] и ойратов, и уйгуров. Что же касается джунгаров, то можно с уверенностью сказать, что их хун-тайши и зайсаны в укрепленных городах не жили. Унковский, долго остававшийся при урге Цэван-Рабтана, говорит лишь о «коше», сплетенной из тальника и камыша, которая окружала «контайшину войлошную избу»[258]. Но если сами калмыки и не жили в городах, то это еще не значит, что их вовсе не сооружалось в Джунгарии в XVII и XVIII столетиях. Калмыки, нуждаясь в хлебе, из уведенных в плен восточно-туркестанцев образовывали земледельческие колонии, так называемые «тарану», среди которых обыкновенно и возникал оседлый центр, базар, быть может и городок. Указаний на это немного, но все же имеются. Так, например, посол Байков показывает: «От камени (Саура) до Контайшина городка ходу три дня. А городок, сказывают, глиняный, а в нем две палаты каменные, бурханные; а живут в том городке ламы (лобы), да пашенные бухарцы»[259]. В рапорте полковника Лестока от 29 марта 1760 г. говорится: «Полоненны бухарские крестьяне пашенные жили в помянутом городке (в калмыцкой земле, в урочище Ирень-Хабарга), который сделан был из сушеного, а не обожженного кирпича».

«У речки же Эмиль имеется такой же городок с бухарскими хлебопашенными крестьянами под властью ноена Дебачи» [260]. О том же городке в урочище Ирень-Хабарга говорится и в показании бухаретина Бай Назара Шахназарова, хранящегося в 51-м томе архива правления области сибирских киргизов в Омске [261].

Возможно, что Ян-чан-цза один из таких городков, но не менее данных за то, чтобы отнести его постройку к более раннему времени; особенно же заслуживает внимания массивность его постройки: такими толстыми стенами едва ли обносились слободы таранчей.

Пустошью, носившею, однако, местами следы культуры, мы шли около 12 км до небольшого дунганского селения, группировавшегося около разрушенного импаня Юн-фу-гоу. Здесь мы вступили уже в область, орошенную водами р. Хутуби.

Однообразное начертание названия этой реки никак не может установиться. Не говоря уже о явно неправильных транскрипциях, каковы Гутаба и Хутайяй, это наименование в настоящее время пишут: Кутукбай [262], Хутукбай [263], Хутук-би, Хутубей [264], Хутук-бай [265], Хотуби [266] и Хутуби [267]. Успенский пишет, что Хутуби есть только местное (китайское?) произношение слов Худунь-бай, означающих «место, богатое источниками»; но St. Julien говорит, что Хутукбай (Khoutoukbaï) — слово джунгарское, передающееся словами «счастливое предзнаменование». В «Мэн-гу-ю-му-цзи» мы встречаемся со словом Хутуби [268], и также передает название это и «Синь-цзян-дао-ли-бяо» [269], но в «Синь-цзян-чжи-лё» говорится о реке Хотуби [270]. Полагаясь на привычное ухо нашего известного синолога Успенского, я остановился на Хутуби, хотя не могу не заметить, что нам называли эту реку — Хотуби, Хотук-бай и Хотук-бий, каждый раз с сильным ударением на хо.

От селения Юн-фу-гоу местность получила более оживленный характер; гравий и галечник сменились глинистым грунтом, Ephedra, Tamarix и Eurotia ceratoides — чием и камышом. Кое-где виднелись поля, сухие арыки с провалившимися мостами, обвалившиеся стены и хутора. На десятом километре мы прошли полуразрушенное селение Лао-цао-гоу, на тринадцатом — развалины другого селения и, наконец, на пятнадцатом вступили в густой лес, которым и шли до городка Хутуби на протяжении 6 км. Таких могучих карагачей, как в оазисе Чан-цзи, здесь не было, но зато лес был ровнее и разнообразнее по составу: карагач (Ulmus campestris), конечно, преобладал, но наряду с ним довольно часто попадался и тополь, а по саям — джигда (Eleagnus hortensis), ива и облепиха (Hippophaë rhamnoides).

Городок Хутуби имел полуразрушенные стены и отличался таким же сравнительно обширным предместьем, как и Чан-цзи; здесь, однако, уже преобладали китайцы; таранчей же насчитывалось не более трехсот человек. Жизненные припасы расценивались в нем дешевле, чем в Урумчи.

Ночью при слабом западном ветре повалил снег; ему предшествовало затишье при 1° тепла. Снег с небольшими интервалами шел в течение одиннадцати часов, причем мороз, постепенно усиливаясь, достиг к вечеру 26 октября 10°.

В этот день мы прибыли в городок Тугурик.

Замешкавшись в Хутуби, мы выступили из него позднее обыкновенного; впрочем, и торопиться особенно было некуда, так как станция предвиделась небольшая — всего каких-нибудь 27 км.

Тотчас за городом протекает довольно сильный рукав Хутуби, корытообразное русло которого, может быть, образовалось на месте арыка; на сай же реки мы вышли позднее, пройдя лесом $2^{1}/_{2}$ км. Он представлял широкое поле крупной гальки, по которому лишь кое-где струилась вода. Лес на левом его берегу кончился, и впереди вновь развернулся участок глинисто-песчаной степи, опоясывающей с севера передовые уступы Тянь-шаня. Впрочем, бесплодная пустошь тянулась недолго; уже на седьмом километре от реки мы вновь подошли к развалинам былой оседлости — поселку Лао-шань-цзы, а затем и к опушке карагачевого леса, вдоль которой курились десятки костров: то обжигался лес на уголь.

Два километра дальше мы перешли через плёс р. Лао-шань-хэ, составляющей лишь восточный рукав реки Тугурик. Между обеими, по линии большой дороги, не менее 15 км, из коих по крайней мере десять приходятся на пустыню, которую выдали нам торчавшие из-под снега корявые кусты саксаула (Haloxylon ammodendron). Впрочем, когда-то и в этой пустыне жил человек, о чем свидетельствуют встреченные нами развалины не то харчевни, не то одинокого хутора.

Городок Тугурик выглядел родным братом городку Хутуби: сравнительно большое предместье с смешанным населением, обветшалые стены, скрывавшие убогую его внутренность, и смешанный лес кругом — все это было здесь такое же, как в Хутуби; только цены на жизненные продукты оказались в нем выше хутубийских, но это не было для нас неожиданностью, так как уже накануне извозчики советовали нам запастись хлебом и фуражом. Местные китайцы называют этот городок То-ху-лу.

К утру, при ясном небе и полном безветрии, мороз достиг 19°; выпавший накануне снег блестел ослепительно и, одевая однообразным белым покровом равнины и горы, лишал нас возможности сделать правильную оценку сравнительной высоты этих последних; к тому же вдоль гребня Тянь-шаня столпились яркобелые облака, которые укрыли наиболее высокие из его пиков и в их числе исполинский массив Дос-мёген.

Пройдя магистральный арык, орошающий оазис Тугурик, мы вскоре вышли на пустошь, которая только с юга опоясана была лесом, на севере же уходила в безбрежную даль. Судя по обнажавшимся из-под снега участкам голой земли, это была снова дресвяная степь. Тянулась она, впрочем, недолго, так как уже на девятом километре мы поровнялись с селением Ло-то-и, а затем вышли и к лесу, за которым широко разбросалось когда-то большое село Та-си-хэ. Оба селения стоят на арыках, выведенных, очевидно, из реки Сань-дао-хэ, которая протекает как раз между ними тремя еле сочащимися ручьями. Эта значительная в верховьях река здесь обмелела, отдав почти всю свою воду подгорным хуторам и селениям; впрочем, там мы видели ее в разгар лета, и тогдашнее стояние ее вод не может служить показателем ее зимнего уровня.

К западу от селения Та-си-хэ дорога вновь вышла на открытое место, среди которого лишь изредка попадались следы былого жилья. Им мы шли около 8 км до селения Боу-цзянь-дань, стоящего на арыках, выведенных из реки Син-ча-хэ. Здесь мы вступили уже в пределы Манасского оазиса, которым и шли до города Суй-лай на протяжении 12 км.

Со слов киргизов Валиханов говорит нам [271], что город Манас и урочище того же имени на верхнем Иртыше получили свое название от имени богатыря Манаса. Но предание это уже потому лишено фактической основы, что с наименованием «Манас» мы встречаемся на всем пространстве Азиатского материка от Бутана на востоке до Кавказа на западе.

Манасский оазис переполнен развалинами. Жилые усадьбы вкраплены в это море развалин лишь ничтожными островками и своей нищенской обстановкой свидетельствуют о недавнем его заселении. Крайне странно при этом дисгармонировали с окружавшим их запустением одиноко возвышавшиеся среди бесформенных масс глины пестрые «таны», неизвестно почему пощаженные дунганами, китайцами и туркестанцами. Один такой «тан», уже на въезде в предместье, особенно поразил меня своей величиной и превосходной работой: он был искусно составлен из цветных изразцов, чего я раньше нигде не встречал.

Манас, официальное название которого Суй-лай, состоит из трех примыкающих друг к другу и вытянутых вдоль реки с юга на север небольших городов.

Южный, административный и военный, занимает почти квадратную площадь и в стороне имеет не более полукилометра; его стены массивны и достигают 7 м высоты; ворот четверо, по одному на каждую сторону; они построены по общему типу и увенчаны обычными крылатыми деревянными башнями; южные всегда закрыты, а северные выходят в мусульманский город, занимающий еще меньшую площадь, чем военный; он сливается с третьим городом, представляющим в настоящем своем виде не более, как стену, опоясывающую груды развалин. В этом третьем городе никто не живет, и совсем непонятно, почему китайцам вздумалось обводить стеной такой мертвый участок. Эта стена, как и старая, ветхая стена мусульманского города, подведена под высоту стены военного, но много ее тоньше и не снабжена башнями; ворота в ней без внутренних двориков и, за исключением южных, заделаны наглухо. Издали все три города сливаются воедино и представляют прямоугольник, имеющий в длинной стороне около 1 490 м. С востока он отчасти заслонен предместьем, которое примыкает к стене среднего, мусульманского, города и представляет непосредственно продолжение его главной улицы, пересекающей город с запада на восток.

В этом предместье, застроенном танями, лавками с съестными припасами, кузницами и тому подобными заведениями, мы и остановились, посвятив остаток дня осмотру достопримечательностей города. Таких, впрочем, не оказалось. Манас выглядел таким же шаблонным городом, как и все виденные нами доселе в Китае. Население его нам определили в 8—10 тысяч, из коих большинство составляли китайцы; дунгане занимали большую часть пригорода, но жили и в мусульманском городе, в общем же число их не превышало 3—4 тысяч душ; таранчей же насчитывалось и того меньше, что-то около тысячи душ. Но если в городе китайцы и преобладали, то того же нельзя сказать об окрестных селениях, где первенство, без сомнения, принадлежало дунганам.

О Манасском оазисе китайцы пишут, что «его заливные поля славятся рисом» [272]. Действительно, рис составляет главную статью дохода местных жителей, которые посылают его не только в северные и восточные округа Джунгарии, но даже и за Тянь-шань, в Хами и Турфан, где он с успехом конкурирует с лучшими сортами гаотайского и аксуйского риса. Другие же хлеба Манаса не находят себе спроса за пределами оазиса, если не считать случайных отправок пшеничной муки на урумчийский рынок и в горы, к калмыкам. Хорошо родятся в Манасе также кунжут (Sesamum indicum) и хлопчатник, но последнего почему-то разводят мало. Продукты этих растений, а также опиум и табак горных селений, имеют всегда обеспеченный сбыт на рынках Бэй-лу и, в частности, в Урумчи. Люцерны в Манасе не сеют, предпочитая кормить лошадей и мулов пересыпанным отрубями рубленым молодым камышом пополам с просяной соломой. Дыни и арбузы здесь второстепенного качества, винограда же не имеется вовсе. Говорят, он весь повымерз во время смут начала семидесятых годов. Тута (Morus alba) в окрестностях Манаса я также не видел, из чего приходится заключить, что даже в периоды своего процветания город этот не знал шелководства. Равным образом местные жители не были знакомы с культурой марены (Rubia tinctorum), разведение которой, встречая конкуренцию со стороны искусственного ализарина, заметно, впрочем, падает и в оазисах Восточного Туркестана.

Основание описываемому городу положено было в 1763 г. постройкой крепостцы на правом берегу реки Манас. Тринадцать лет спустя крепостца была упразднена, а на ее месте выстроен был уездный город Суй-лай[273]. Границами уезда служили на западе — р. Куйтун, на востоке — Лао-шань-хэ. В период мусульманского восстания Манас прославился своей геройской защитой; он пал, не исчерпав всех средств к защите, благодаря измене дунганина Мади, предавшего юань-шуайя Си китайцам.

Мы выступили в дальнейший путь 28 октября при морозе в 20°. Реку Манас мы встретили в 213 м от городской стены. Она бежала стремительно, порывисто даже, одной волной набегая на другую и производя странный шум, отзвук которого поразил нас, едва мы выехали за городские ворота; он происходил от крошившихся льдин, разбивавшихся друг о друга, об устои моста и берега. Этот первый, самый глубокий и сильный, рукав Манаса не имеет брода под городом. Он течет здесь в крутых берегах и при ширине в 14—17 м достигает в фарватере глубины почти 3 м в половодье и полутора метров в холодное время года. Выстроенный через него мост имеет длину 21 м и покоится на крепких устоях, защищенных ледорезами.

До следующего многоводного протока Манаса оказалось около 5 км, которые мы шли большею частью галечником, поросшим местами мирикариями и облепихой. Но сай тянулся и дальше, причем самый крупный булыжник оказался именно в западном его борту, где протекал один из незначительнейших манасских рукавов.

На одиннадцатом километре от Суй-лая мы вступили в большое селение Ши-хэ-цзи со смешанным населением. Им закончился Манасский оазис, а дальше дорога выходила на солонцовую степь, поросшую камышом. В более сухих местах к этим камышам примешивался чий (Lasiagrostis splendens) и кустарник, иногда кое-где виднелись даже группы деревьев, тем не менее, благодаря отсутствию проточной воды, местность эта оказалась непригодной для оседлого человека; по крайней мере, проходя ею, мы нигде не заметили следов старой культуры.

Камышами мы шли километров пятнадцать до карагачевого леса, орошаемого восточным рукавом р. Улан-усу. Летом буйная, многоводная, она теперь совсем пересохла, и о ее недавнем существовании свидетельствовали теперь лишь до дна промерзшие лужи. Говорят, что такое пересыхание — явление обычное для этой реки и что жители раскинувшегося тут небольшого селения пользуются в холодное время года почти исключительно водою близ лежащих солоноватых ключей.

В этом селении мы остановились, чем брат и воспользовался, чтобы поохотиться на водившихся тут фазанов; дорогой же мы то и дело вспугивали чилей (Perdix barbata Verr. et des Murs), немалое число коих и легло под меткими выстрелами наших ретивых охотников. Зато других оседлых птиц почти не встречалось, так что в этот день, например, наша орнитологическая коллекция обогатилась всего одним экземпляром красивой хохлатки — свиристеля (Ampelis garrulus L.).

В течение всего дня мороз был сильный, обещавший очень холодную ночь; но после 3 часов пополудни небо подернулось облаками, слабый западный ветер стих, и вечером температура опустилась едва на один градус против дневного максимума —12°. Утро 29 октября настало также тихое, ясное, хотя и морозное. К сожалению, горы все еще оставались в облаках, что мешало брату засечь знакомые вершины и тем выверить свою съемку.

Так как на сегодня нам предстоял большой переход, что-то свыше 42 км, то мы выступили со станции едва забрезжилось утро. За лесом мы вышли на поляну с редким кустарником, пройдя же ее, вновь углубились в лес, который сопровождал дорогу на протяжении последующих 15 км. На этом участке пути мы прошли дунганское селение У-ко-шу и два китайских — Сань-дао-хо и У-дао-хо, не считая многих отдельно расположенных хуторов. Все эти поселения пользуются водой ключей и только отчасти водою западного рукава реки Улан-усу, что делает непонятными нижеследующие строки дневника Успенского от 1 сентября: вступив в карагачевые заросли, «мы уже не ехали, а, можно сказать, плыли. За р. Тоу-дао-хэ следовала сряду речка Эрл-дао-хэ со множеством рукавов, протоков и арыков, которые пересекали дорогу на каждых 50—100 саженях (106—213 м), и так пришлось пробираться вплоть до полустанка Сань-дао-хэ (третья речка). Около У-ко-шу было, при бездождии во все лето, столько воды, что образовались прямо непролазные топи, и нам долго пришлось пробиваться и колесить в розысках твердого грунта. На ночлег мы остановились в селении Улан-усу»[274].

Откуда эта вода? Читатель, конечно, помнит, что в передний путь мы шли подгорьем Ирень-Хабирга и что там, между Хоргосом и Улан-усу, мы не встретили иной проточной воды, кроме двух ничтожных ручьев, стекавших в последнюю из названных рек. Что же касается этой последней, то по количеству воды она едва заслуживает название реки, и только стремительность ее течения и обилие крупных валунов делают переправу через нее в половодье делом опасным. Впрочем, если верить записке капитана Тихменева, она должна временами действительно нести много воды[275].

У селения У-дао-хо лес кончается, и дорога выходит на совсем бесплодную каменистую степь, представляющую последний уступ плоской возвышенности, отделяющей долину Улан-усу от Аньцзыхайской. Этой степью мы шли восемнадцать километров до оазиса Ань-цзы-хай, орошенного водами Хоргоса.

Успенский задается вопросом, откуда взялось это название для реки Ань-цзы-хай, неизвестное, будто бы, ни китайской географии, ни местным жителям, и высказывает догадку, что так как «Хоргос — то же, что Урга, а Урга или Орго значит дворец или княжеская ставка, и так как путешественник XII в. Чань-чунь нашел в этих местах ставки монголо-тюркских князей, и даже большой город (Чон-балык), то не мудрено, что за реками, на которых стояли эти ставки, сохранились названия Хоргосов»[276].

На это я возражу, что, во-первых, путешественник Чань-чунь, сказать кстати, XIII, а не XII в., встретил город Чан-бали, или Чжан-балык (а не Чон-балык) много восточнее, во-вторых, никаких ставок монголо-тюркских князей в этих местах он не только не нашел, но и найти не мог, так как в его время южной Джунгарией еще всецело владели уйгуры, добровольно признавшие над собой власть Чингис-хана, в третьих наименование Хоргос для реки Ань-цзы-хай было небезызвестно в прежнее время китайцам и, в частности, составителям «Синь-цзян-чжи-лё», и, наконец, в-четвертых, это название мы сами слышали от калмыков и китайцев подгорных селений.

В Ань-цзы-хайе мы остановились. Это — значительное придорожное местечко с небольшим базаром вдоль главной улицы. Позади него возвышаются стены полуразрушенного импаня, в котором ютится до десятка солдат, несущих исключительно почтовую службу. От одного из них мы узнали, что к западу от Лао-чэна хозяйничает шайка грабителей, успевшая уже терроризовать окрестное население. На наше замечание, что мы их не боимся, рассказывавший недоверчиво покачал головой: «Не говорите! Вы полагаетесь на свои ружья, но при нападении из засады они будут не более пригодны, чем обыкновенные палки».

Едва мы на следующий день выступили из селения, как столкнулись с табуном диких коз (Cervus capreolus), но животные успели скрыться в чаще леса скорее, чем наши охотники приготовиться к выстрелам. В Ань-цзы-хайе нам жаловались на волков, но этих хищников мы, конечно, не встретили. Зато настреляли фазанов и птиц для коллекции: Uragus sibiricus Pall., Emberiza buchanani Blyth., Turdus atrigularis Temm.

Лес кончился на четвертом километре от селения, не переходя на левый берег Хоргоса. Последний широко раскинулся тут своими в это время сухими протоками, да и почва леса — галечник и серый илистый песок ясно свидетельствовали, что некогда вся местность до Ань-цзы-хайя была саем реки.

За Хоргосом дорога пошла дресвяной степью, весьма скудно поросшей саксаулом, а кое-где и мелкой полынью и ковылем, о котором свидетельствовали теперь лишь остатки желтых комлей; но вскоре и такая растительность исчезла. Дорога вышла здесь на плоский водораздел между Итхана-анчха и Хоргосом, который слагал тот же материал, что и почву степи: мелкая галька, гравий и глинистый желтый песок; впрочем, далее к западу из-под снега стал обнажаться и лёсс.

Русло Итхана-анчха оказалось сухим, и хотя на правом его берегу и расположилась станция Сань-ши-ли-цюань-цзы, но существование ее обеспечивал колодец, а не река.

Реку Итхана-анчха и два ее притока — Уласта и Пичкана-анчха мы имели случай видеть летом минувшего года. Все три были многоводны и при слиянии должны были составить поток, много больший Улан-усу или Хоргоса; между тем, Успенский уже в конце августа нашел его русло совсем сухим; не упоминает о воде и капитан Галкин. А так как селений, которые могли бы использовать эту воду, к югу от дороги не видно, то остается предположить, что она целиком уходит под конгломератную почву подгорья Тянь-шаня, подобно Саир-кира, Керичину, Кокяру, Ламбаху (Утын-аузе) и другим рекам Хами и Турфана.

Пройдя лог Итхана-анчха, мы вновь поднялись на плоский глинисто-песчаный увал, с вершины которого уже были видны километрах в пяти впереди куйтунские камыши. Селение Куйтун, в котором мы остановились, расположено на их восточной окраине и состоит из обширного импаня, кумирни и вытянувшихся улицей вдоль дороги двух десятков домов. Когда-то это поселение было обширнее, но, повидимому, благосостояние его жителей и тогда больше покоилось на заработках, связанных с выгодным положением при большой дороге, чем на земледелии, так как в проточной воде здесь всегда испытывался недостаток. Цены на жизненные припасы в Куйтуне были сравнительно высоки.

На следующий день мы прибыли в город Кур-кара-усу, до которого оказалось не более 23 км.

К западу от Куйтуна километров на пять шли сазистые, ключевые места, поросшие камышом; дальше же грунт стал тверже, и из-под снега стали все чаще и чаще показываться галька и лёссовидная глина, а вместе с ними чий и полынь. На восьмом километре мы прошли мимо пикета, на тринадцатом же спустились на загроможденный крупной галькой широкий плёс реки Куйтун (Кийтын или Кур-хэ). В ней мы нашли еще много воды, покрытой льдом только у берегов.

Река Куйтун служит восточной границей оазиса Ши-хо, который, благодаря частью сазистой, частью солонцовой почве, не отличается, как говорят, особенным плодородием; впрочем, здесь культивируют те же растения, что и в Манасском оазисе.

В «Мэн-гу-ю-му-цзи» говорится, что река Куйтун, по выходе из гор, выделяет на запад арык, известный под именем Шу-во-цза-шан-ху [277]. Арыка этого я не видел, но к западу от города Кур-кара-усу протекает ручей в широком логу, который обходит город с юго-запада и направляется затем к юго-востоку. Лог местами напоминает старицу, и возможно, что о нем-то и говорит нам китайский источник.

Крупный арык пересекли мы также на втором километре от р. Куйтуна, но других оросительных сооружений вдоль дороги вовсе не было видно, из чего приходится заключить, что если население Шихоского оазиса и пользуется в больших размерах водою Куйтуна, то разве только где-нибудь к северу от дороги. Действительно, тот же китайский источник называет нам два арыка, выведенных там из этой реки — Минь-ху и Хэ-янь-цза-шан-ху. Имеются ли в Шихоском оазисе, сверх вод Куйтуна, также и другие источники орошения, я не знаю, но о существовании болот и сазов к северу от города мне говорили, да и самое название оазиса — Ши-хо, в пекинском произношении Си-ху, что значит «западное болото», указывает на то же. Город пользуется водою ключей, слишком слабых, чтобы сложиться в ручей.

Первые километры за рекой Куйтуном дорога бежит по лёссовидной почве, скудно поросшей чием, Alhagi camelorum, Glycyrrhiza Peganum harmala, Sophora alopecuroides и Chenopodium sp., затем среди пашен и, наконец, выходит на эспланаду города Кур-кара-усу, представляющего почти правильный квадрат, сторона которого имеет не более 427 м в длину. Только что выведенные стены его не имели башен и казались не столь высокими и массивными, как манасские. Мы познакомились с ним ближе впоследствии, но я теперь же замечу, что внутри он выглядел еще совершенно пустыней; зато в обширном предместье, примыкающем к его северной стене и заселенном таранчами, дунганами, калмыками и китайцами, жизнь била ключом.

Под стенами Кур-кара-усу, близ импаня конной лянзы, выстроенного против северо-восточного угла города, мы были встречены представителями местного русского купечества, которые хотели было вести нас на один из занимаемых ими дворов, но мы предпочли платное помещение и выбрали чистенький тань, где и устроились с возможным для нас комфортом: в Кур-кара-усу мы должны были дневать ради лошадей, которые вновь прошли без отдыха свыше 267 км (700 ли).

Китайцы обосновались в Кур-кара-усу еще в VII в., когда из земель, лежавших к западу от Манаса, образовано было особое наместничество, носившее название Шуан-хэ-ду-ду-фу [278]. Время его упразднения в точности неизвестно, но, вероятно, оно предшествовало падению Бэй-тина (в 720 г.). Затем в течение последующего тысячелетия китайцы уже не проникали так далеко в глубь Джунгарии, и берега Куйтуна не переставали быть достоянием кочевников. Сомнительно даже, распространяли ли сюда когда-либо свою власть идикоты Уйгурии. Правда, китайский посол Ван Янь-дэ доносил, что владения уйгуров простирались на запад до земли асов, т. е. аланов, но в действительности этого, конечно, не могло быть, так как аланы в конце X в. жили на северном склоне Кавказского хребта, причем владения их к востоку едва ли распространялись за Волгу. Ван Янь-дэ, очевидно, впал здесь в ошибку.

История Уйгурии нам вообще мало известна, не подлежит, однако, сомнению, что большой политической силы государство это никогда не имело. В начале XII в. идикот Билик-баг почел себя даже настолько слабым, что не решился оказать сопротивления Елюй-даши и купил свою независимость, предоставив в распоряжение предприимчивого киданьца необходимое количество вьючного скота и жизненных припасов; затем он проводил его за пределы своих владений. Как далеко простирались они на запад, это видно из следующих слов Джувейни: Гурхан (Елюй-даши) «прибыл сначала к пределам земли киргизов, но, видя, что они стараются противостоять ему, повернул к земле Имильской, где и основал город» [279]. Всего допустимее, что, следуя южной Джунгарией, он дошел до Куйтуна, где и свернул к Тарбагатаю, на реку Эмиль, так как, перейди он хотя бы за Джунгарский Ала-тау, такой своротуже был бы мало понятен.

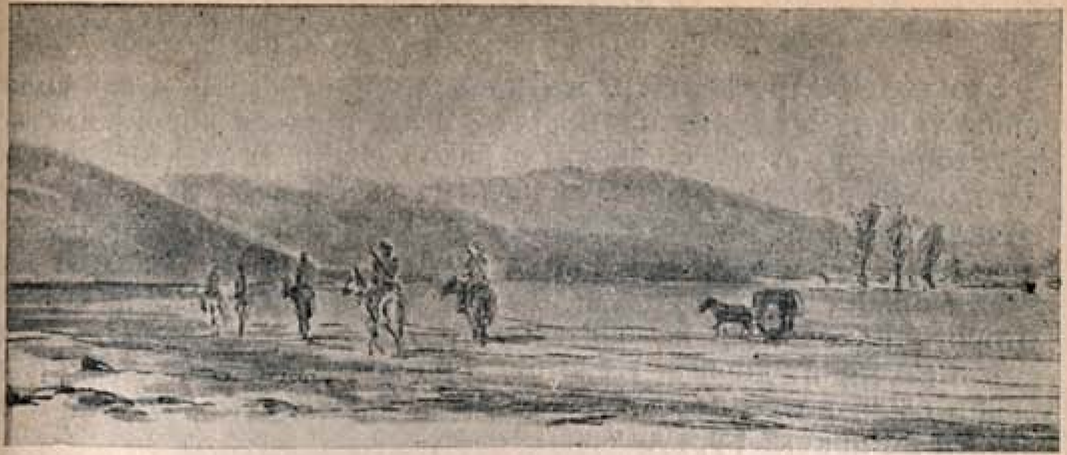
В ставшей мне доступной китайской исторической литературе я нашел только одно указание, относящееся к западной границе Уйгурии; оно касается Манаса, при Сунской (960—1280) и Юаньской (1206—1368) династиях входившего в состав земель этой последней [280].

Под именем Цин-суй-чэна Кур-кара-усу основан был в 1781 г. [281]. Во время дунганского восстания он был разрушен, но китайский его гарнизон успел не только укрепиться в ближайшем импане Ши-хо (Си-ху), но и продержаться тут до прихода войск Цзо-цзун-тана. Современный город, известный у простонародья под именем Лао-чэна, т. е. старого города, а в официальных сферах под именем Кан-суй-чэна, закончен был постройкой вчерне лишь в 1888 г., когда сюда и перенесено было управление округом.

Кур-кара-усу, расположенный в узле дорог, ведущих в Тарбагатай, Кульджу и Урумчи, имеет большое стратегическое значение, вполне оцененное и китайцами.

Предместье Кур-кара-усу по площади невелико, но очень тесно застроено. Богатых лавок в нем много, и все они, как говорят, недурно торгуют. Особенно ходко идет китайский товар: шелковая и бумажная мануфактура, готовое платье и сапоги, чай, табак, трубки, флаконы для нюхательного табака, фаянсовая посуда и проч. Не жаловались на дела и местные русские торговцы, имевшие здесь в 1890 г. двадцать лавок с общим оборотом в полтораста тысяч рублей.

Абсолютная высота города равняется 1847 футам (563 м).



ГЛАВА СОРОКОВАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ПРЕДЕЛАХ КИТАЯ

В тихое, пасмурное утро 2 ноября мы покинули наш последний этап.

У кумирни, которая возвышается при выезде из предместья, мы простились с явившимися проводить нас купцами, затем проехали лог с замерзшим ручьем и вышли на степь, заметно приподнятую над долиной Куйтуна. Сперва пустынная, она вскоре оживилась группами карагачей, которые сливались далее в сплошной лес. Это был небольшой оазис Гань-хэ, обязанный своим происхождением речке Тосту-гол, или Гань-хэ, от которой остались теперь в глубоком логу одни лишь промерзшие лужи.

К западу от нее мы вновь вышли в степь, которая на этот раз тянулась километров на шесть, до одинокого постоялого двора, стоявшего на краю обширного тростникового займища. Здесь, среди низкорослого карагача, собака навела нас на фазанов, стрельба по которым затем уже не прекращалась вплоть до вступления каравана в большое селение Пуртаджи (Бургацзи), где мы и остановились. Кроме фазанов на этом перегоне нашим охотникам посчастливилось убить одну антилопу (Gazella subgutturosa) и с десяток чилей (Perdix barbata).

В Пуртаджи слухи об участившихся разбойничьих нападениях на караваны получили большую определенность. К нам явились даже наши извозчики с предложением выждать попутчиков: на большой-де караван киргизы напасть призадумаются!

Излишне, конечно, говорить, что предложение это не было принято и что на следующий день мы покинули Пуртаджи в обычное время.

Это селение расположилось на правом берегу р. Баин-гола, пашни тянулись еще на протяжении 3 км, а затем дорога вышла на солонцовую степь, орошенную рекой Джиргалты. Последнюю мы прошли по льду и, выбравшись на ее высокий левый берег, очутились в виду богатого лесом оазиса Сы-ко-шу, или Сыкошур.

Сы-ко-шу населен китайцами, но в деревне мы застали немало и пришлых торгоутов ведомства цзюнь-вана, зимняя ставка которого находилась на берегу реки Джиргалты, километрах в семи к северу от дороги. Некоторые из них нас опознали, но нам теперь было не до бесед, так как мы торопились засветло добраться до пикета Гурту.

К западу от селения лес измельчал и мало-помалу перешел в кустарную поросль, где рядом с лозой, караганой, пустынным шиповником (Rosa elasmacantha Trautv.) и облепихой подымался тограк, саксаул, кургун (Halostachys caspica Pall.) и Tamarix. Одновременно почва получила бугристый характер и из суглинистой стала супесчаной. Серо-желтого цвета, тонко измельченная, сильно марающая, с частыми выцветами соли, она в значительной степени напоминала ил, да таково, вероятно, и действительное ее происхождение, так как вся местность к западу от Джиргалты и к северу от дороги должна была некогда служить дном озера Эби-нора. Китайцы называют ее Да-бэй-ху — великим северным болотом, и каждый наш шаг вперед оправдывал это название. Кустарная поросль поредела, чий сменился камышом, почва сделалась ноздреватее, напоминая все более и более солонец, а наконец, появились и такыры.

На 29-м километре от Пуртаджи мы проехали мимо постоялого двора Дуршак, на 36-м выехали на сай восточного протока реки Оботу, четыре же километра дальше вступили в селение Гурту. Но едва мы расположились на постоялом дворе, как к нам из импаня явилась какая-то личность.

— Господа приезжие, потрудитесь показать паспорта!

— Это зачем? В таких крошечных пунктах, как Гурту, визирование паспортов не вменено нам вовсе в обязанность...

— Вы правы. Но это делается для вас же самих. Передний путь очень опасен, и если мы будем знать, что вы — наши гости, то дадим вам сильный конвой.

— Поблагодарите вашего командира... Мы нисколько не сомневаемся в доблестных качествах ваших солдат, но рассчитываем также вполне и на наших людей...

— Вы отказываетесь? Вы правы... Ваши люди во сто раз храбрее наших солдат.

Несмотря на такое признание, Сан-гуань-ван отписал по начальству, что мы «самовольно» уехали из Гурту.

Мы покинули это селение ночью. Такое раннее выступление объяснилось необходимостью прибыть раньше в Ту-ду, дабы дать лошадям продолжительный роздых перед дальнейшей трудной дорогой через пески в город Цзин-хэ.

Река Оботу, широко разбросавшаяся по каменистому саю своими протоками, в эту позднюю пору несла очень мало воды; только в одном из ее русел глубина потока превышала 45 см, остальные же были или сухими или затянутыми по дну ледяной коркой.

Пройдя сай, который ширился километра на четыре, мы углубились в пески. На нашем пути пески эти были неглубоки и часто сменялись серым суглинком, но к северу от дороги они вырастали в барханы, прочно, повидимому, закрепленные саксаулом. На шестом километре мы вступили в тограковый лес, который и сопровождал дорогу более или менее густыми насаждениями вплоть до пикета Ту-ду, или, как его называет Успенский, Тодок[282]. На этом участке пути мы перешли два речных русла: одно у заброшенного селения Да-цяо-цзы, принадлежащее речке Юдна-гол (Удуйн-гол? Уда-гол?), другое у пикета Хуа-шу-лин-цзы, принадлежащее речке Алак-текэ. Пикет Ту-ду, состоявший из двух плохоньких таней, харчевни и обширного, полуразрушенного импаня, в котором квартировало около десятка конных солдат, расположился у ключей, на краю плоской котловины, поросшей различными Gramineae и Cyperoceae. В нем мы застали с десяток телег, задержавшихся ввиду распространившихся сведений о появлении на дальнейшем отрезке пути значительной партии киргизских барантачей, грабивших караваны. Китайцы надеялись, что из Цзин-хэ им будет выслан конвой достаточно сильный, чтобы оградить их от всяких случайностей, и действительно, на следующий день у пикета Ша-цюань-цзы мы повстречались с полулянзой, спешившей в Ту-ду.

От этого пикета до города Цзин-хэ оставалось свыше 53 км, которые наши извозчики решили пройти в один день.

Мы спали, не раздеваясь, и уже в 2 часа ночи были снова в дороге.

Первые 17 км до пикета Лун-ван-мяо мы шли тограковым лесом, среди которого лишь изредка попадались площадки, как мне казалось, совсем бесплодного солонца, далее же мы вступили в полосу летучих песков, описывая которые, монах Чань-чунь, между прочим, писал: «При каждом дуновении ветра они пересыпаются подобно взбудораженным волнам, то собираясь, то рассеиваясь; среди них не видно было ни былинки; телеги в них вязнут, а кони тонут»[283]. Он думал, что это участок бóльших Богудяньских песков. Какие, однако, пески в его время (в XIII в.) так назывались — нам неизвестно.

Пески эти тянулись на протяжении 17 км, причем первые 5 км до полустанка Ша-ва-тоу оказались и самыми трудными для переезда. Дорога пролегала здесь между высокими барханами, часто пересекая песчаные седловины, которые брались с неимоверным трудом нашими телегами. Летом переход через них еще труднее, так как пески тогда суше и глубже, теперь же их в значительной степени связывала смоченная снеговой водой и затем смерзшаяся глина, которой, повидимому, очень богаты эти пески. За пикетом Ша-ва-тоу дорога стала легче, барханы измельчали, появилась растительность, вместе с тем только здесь я получил возможность различить другие их особенности — различие в склонах и главнейшее их простирание. Солнце взошло и осветило покрытое рябью бесконечное песчаное море, точно застывшее в тот момент, когда северо-западный ветер погнал его высокой зыбью на темные скалы Кара-дабана — передовой горной складки Боро-хоро.

Летучие пески кончились у пикета Ша-цюань-цзы, или Гашунь, выстроенного на правом берегу ручья Ша-цюань, у киргизов — Кум-булак.

От Ша-цюань-цзы отходит торный путь к соляным промыслам на южном берегу озера Эби-нора.

Соль в Китае с древнейших времен служит предметом правительственной монополии, почему ввоз ее в империю и воспрещен всеми существующими договорами с иностранными государствами.

Эбинорская поваренная соль отличается превосходными качествами: она белая, чистая, крупнозернистая и, повидимому, содержит лишь ничтожную примесь посторонних солей. Она мощными пластами устилает почву, из которой выбивается множество теплых соленых ключей. По руслам этих-то ключей и добывается лучшая по своим качествам соль. Главнейшие ломки ее находятся километрах в пяти к северо-западу от пикета Ша-цюань-цзы, лишь немного не доходя до уреза озерной воды.

Успенский оценивает ежегодную добычу ее в 400 тысяч пудов, что преувеличено по меньшей мере раз в десять, ибо если даже принять за норму для западного Китая годовое потребление ее в России, составляющее менее 30 фунтов на человека, то и тогда такого запаса соли хватило бы на население численностью свыше 525 тысяч душ, между тем, в Кульджинском районе, куда главным образом только и вывозится эбинорская соль, живет едва ли более 50 тысяч душ.

За ручьем Ша-цюань-цзы дорога вышла на солонцовую степь с разбросанными по ней буграми песку, поросшими преимущественно бёртекеном (Nitraria Schoberi). На пятом километре пески эти стали сплошными с явными следами недавнего переноса, но лошади прошли их легко, точно предчувствуя, что за ними их ожидает более легкий участок пути. Действительно, мы вскоре вступили на твердую почву каменистой пустыни, узким поясом окружающей здесь северный отрог Кара-дабана.

Этот отрог совсем бесплоден и состоит из почерневших от времени скал мелкозернистого песчаника и глинистого сланца, которые в свежем изломе имеют все оттенки от светлосерого до черного и зеленого. Дорога пересекает его по седловине, возвышающейся метров на 120 над уровнем окрестной пустыни, и для телег, следующих с востока, благодаря постепенности подъема, не представляет особенных затруднений; но спуск с перевала крут и усеян крупным щебнем, среди которого я видел немало обломков желтого гранито-порфира.

С перевала город Цзин-хэ был уже виден; до него оставалось едва ли более 5 км, пролегавших частью по каменистой, частью по глинисто-песчаной степи с тощей кустарной растительностью.

В «Мэн-гу-ю-му-цзи» говорится: «Река Цзин-хэ проходит в $^1/_2$ ли расстояния от западной стороны старого города Цзин-хэ» и далее: «Ань-фу — это название нового города Цзин-хэ» [284], но авторы этого сочинения не поясняют, к какому времени относится постройка обоих городов. Равным образом и в других китайских источниках, трактующих об истории и географии этого края, не содержится соответственных указаний. Известно лишь, что Ань-фу существовало раньше 1775 г., когда норма подлежавшей обработке земли установлена была здесь для хлебопашенных солдат в 3360 му.

Современный Цзин-хэ не велик, занимает почти квадратную площадь и имеет четверо ворот, из коих только юго-восточные, выводящие в предместье, и юго-западные, обращенные к реке, постоянно открыты. С городом мы познакомиться не успели, предместье же представляет ряды невзрачных лавок и торговых помещений, вытянувшихся в улицу вдоль дороги. Его средняя абсолютная высота, выведенная из четырех определений, равняется 1069 футам (362 м).

В Цзин-хэ решено было разделиться: телеги должны были следовать в Илийскую долину через перевал Талки и селение Ляо-цао-гоу, откуда имелся уже прямой путь в город Джаркент, нам же предстояло заехать в Кульджу, для чего мы и избрали кратчайший туда путь через перевал Цытерты.

Этот путь, длиной в 197 км, через рыхлые снега, которыми завалены были горы, мы хотели пройти в трое суток; но при этом возник вопрос: а как же быть нам с баранами, из коих два следовали за нами — один из Джаркента, другой из урочища Цаган-усу, и на последнем показали себя необыкновенными ходоками, пройдя в два месяца свыше 1652 км? Особенно жаль было джаркентца! Но в конце концов нам все равно пришлось бы расстаться с ними, а потому, призвав хозяина таня, который показался нам человеком порядочным, мы предложили ему принять от нас всех баранов, с тем чтобы обоим нашим любимцам сохранена была жизнь. Китаец очень удивился предложению, но обещал свято исполнить просимое:

— Завтра же они будут отправлены в стадо знакомого мне торгоута!

Город Цзин-хэ мы покинули ночью. Проводника с нами не было, но нам казалось, что мы и без него найдем дорогу на перевал. Однако уже за рекой Цзин, благодаря темноте, мы сбились с пути. Пришлось ехать пашнями, пока случайно мы не набрели на человеческое жилье. На наши окрики в фанзе поднялся переполох, но когда китайцы сообразили, в чем дело, то один из них вызвался даже вывести нас на большую дорогу.

К восходу солнца мы добрались до урочища Юн-цзы-ху, перешли здесь по мосту через последний арык, выведенный из реки Цзин, и, держась затем северной окраины высоких наметов песку, вышли к глубокому руслу временного потока, в котором еще, повидимому, недавно струилась вода. Русло это мы перешли несколько выше, чем в минувшем году, и, оставив вправо урочище Толи, вышли на каменистую степь, поросшую хвойником и чахлым саксаулом, которой и следовали до ущелья реки Боростая, или Тагур-су. В ней мы нашли довольно высокую воду, которая объяснялась быстрым сходом (при температуре в тени 10°) накануне выпавшего снега.

Ущельем Боростая мы прошли километров шестнадцать и остановились на ночлег несколько выше устья речки Нилхи[285] (иначе Чакыр-су), на площадке, мысом упиравшейся в реку и обросшей по краям тополем и караганой. Подножного корма тут не было, и наши лошади получили лишь усиленную дачу гороха, который мы захватили с собой в качестве фуража.

Спали, не раздеваясь, имея изголовьем седельные подушки, и проснулись задолго до рассвета. Солнце застало нас уже в урочище Ачал, откуда колесная Пиличинская дорога сворачивала на запад, наша же, на перевал Цитерты, шла прямо на север.

Абсолютная высота этого урочища 5460 футов (1664 м)[286]. Метров же на 150 выше начался сплошной снег, из-под которого тропинка обнажалась только местами. Хорошо еще, что перед нами здесь кто-то проехал; иначе нелегко было бы нам взобраться на перевал по падям, все неровности коих были скрыты под рыхлой пеленой свежего снега.

Под самым перевалом его было с метр; он плохо слежался, и мы только с большим трудом его одолели; но, наконец, добрались и до каменистого спуска, оставшегося нам столь памятным по прошлому году. Скоро затем мы миновали урочище Уч-табан и, перевалив через горный отрог, вышли в долину Чон-кола. Здесь мы обогнали стадо баранов — арьергард перебравшегося на зимнюю квартиру кызаевского аула.

В долине Чон-кола было уже мало снега, а ниже устья р. Джаргалы, откуда река эта получает монгольское название Боро-бор-гасу, он даже перестал вовсе встречаться. Но зато

появилась грязь — яркокрасная, ослизлая глина, которая донельзя затрудняла бег лошадей.

Когда мы поравнялись с устьем речки Талды, солнце закатилось за горы, и в ущелье вдруг стало сыро, холодно и неприветливо. Пришлось пустить в дело нагайки и рысью пройти последний участок пути, который показался нам бесконечным. Но когда он был пройден, с каким наслаждением окинули мы взором раскинувшуюся перед нами долину, которая сказала нам, что путешествие наше окончилось... Да, оно должно было окончиться завтра, со вступлением в город Кульджу!

Мы ночевали в выселке Ураз-бай, где нас встретили, как старых знакомых. По случаю нашего возвращения приютившие нас таранчи хотели было созвать музыкантов, но мы после скверно проведенной ночи и пятнадцатичасового пребывания в седле валились с ног от усталости и после чая тотчас же улеглись спать.

Сон был, однако, беспокоен, а желание скорее добраться до Кульджи, где мы рассчитывали найти письма с родины и деньги из Географического общества, подняло нас задолго до рассвета. И вот мы снова в седле и рысью бежим по знакомой дороге. Мы считаем часы, минуты... пока в дали не показались, наконец, городские сады...

В Кульджу мы прибыли после полудня 8 ноября 1890 г.

На этом дне обрывается мой дневник. Прежде, однако, чем окончательно проститься с читателем, мне остается сделать обзор климатических данных южной Джунгарии и Илийской долины, относящихся к переходному времени между осенью и зимой.

* * *

Сосланный китайский чиновник, оставивший нам свои любопытные заметки об южной Джунгарии, говорит следующее о климате этой последней. Дожди выпадают в Урумчи очень редко, не более одного, двух раз за лето; случается, что и вовсе их не бывает; зато снега обильны до такой степени, что из-за них иногда прекращается сообщение между отдельными пунктами. Вследствие господствующих здесь зимой сильных холодов, от которых почва глубоко промерзает, озимые не высеиваются и Джунгария производит одни лишь яровые хлеба[287].

В общем краткая характеристика эта подтверждается и нашими метеорологическими здесь записями: почти постоянно ясное небо летом сменилось облачным и пасмурным поздней осенью и зимой, нестерпимый летний зной — морозом, доходившим уже в конце октября до 20°. Припомним кстати, что Пржевальскому в декабре 1877 г. пришлось испытать здесь в течение пяти суток кряду мороз, переходивший за 40° Цельсия[288] и что нам доставлены были в Хами туши горных баранов с отмороженными ушами!

Переходя от этих общих замечаний к частностям метеорологического дневника, приходится отметить следующее.

Все наши наблюдения с 22 октября по 8 ноября, если исключить момент перехода через хребет Боро-хоро, могут быть приурочены к средней абсолютной высоте 1665 футов (508 м). Они обнимают период в 18 дней, из числа коих ясных в течение всего дня насчитывалось в южной Джунгарии — 3, в Илийской долине — 1, облачных — 3, пасмурных — 5, переменных — 6; из числа последних на долю частью ясных, частью пасмурных дней приходилось 4. Таким образом, общее число дней, когда небо было более или менее затянуто дождевыми (nimbus) или слоистыми (strato-cumulus) облаками, равняется 9, или 50 процентам общего числа дней наблюдения.

Снег выпадал дважды, притом оба раза шел по нескольку часов кряду, сопутствуемый западным ветром.

Ветреных дней было 6; по румбам ветры распределялись следующим образом; с запада — 3, с востока — 3, с юго-востока — 1. Западный ветер приносил тучи, восточный — ясную погоду.

Дней, когда термометр в течение суток не опускался ниже нуля, было всего лишь два; оба приходились на ноябрь, когда мы спустились в Илийскую долину; дней же, когда максимум температуры стоял выше нуля, оказалось 9. Максимум температуры (13°) выпал на 3 часа пополудни 8 ноября (в Кульдже), минимум (—20°) на 7 часов утра 28 октября (в Манасе). Суточная амплитуда колебалась в пределах между 4° (1 ноября, Кур-карасу) и 14°,5 (4 ноября, Гурту — Ту-ду).

УКАЗАТЕЛЬ

латинских названий растений и животных, упоминаемых
Г. Е. Грумм-Гржимайло в тексте книги

Слева указаны названия, данные Грумм-Гржимайло,
справа—современные.

РАСТЕНИЯ

Abies Schrenkiana	Abies Schrenkiana Fisch. et Mey.
Achillaea sp.	Achillaea sp.
Aconitum gymnandrum Maxim.	Aconitum gymnandrum Maxim.
Acrocome jantina Maxim.	Acronome jantina Maxim.
Adenophora Gmelini Fisch.	Adenophora Gmelini Fisch.
Adonis coerulea Maxim.	Adonis coerulea Maxim.
Alhagi camelorum Fisch.	Alhagi pseudalhagi (M. B.) Desv.
Alhagi kirghisorum Schrenk.	Alhagi kirghisorum Schrenk.
Allium chrysanthum Rgl.	Allium chrysanthum Rgl.
Allium cyaneum var.macrostemon Rgl.	Allium cyaneum Rgl. var. macrastemon Rgl.
Allium herderianum Rgl.	Allium Herderianum Rgl.
Allium kanssuense Rgl.	Allium kanssuense Rgl.
Allium odorum L.	Allium odorum L.
Allium polyphyllum Kar. et Kir.	Allium polyphyllum Kar. et Kir.
Allium polyrhizum var. typica Maxim.	Allium polyrrhizum Turcz. var. typica Max.
Allium tanguticum Rgl.	Allium tanguticum Rgl.
Allium sp.	Allium sp.
Anabasis aphylla L.	Anabasis aphylla L.
Anabasis brevifolia C. A. M.	Anabasis brevifolia C. A. M.
Anaphalis cuneifolia Hook.	Anaphalis cneifolia Hook.
Anaphalis nubigena var. intermedia Hook.	Anaphalis nubigena D. C. var. intermedia Hook.
Androsace sempervivoides var. tiberica Maxim[1]	Androsace sempervivoides Jacq. var. tiberica Maxim.
Anemone obtusiloba Don.	Anemone obtusiloba Don.

---

[1] Кроме этого вида экспедицией была собрана в горах близ монастыря Го-мань-сы (провинция Гань-су) на абсолютной высоте 3300 м на кипцовом лугу Androsace sempervivoides Jacq. var. tangutica Maxim.

Anemone rivularis Hamilt[1].	Anemone rivularis Hamilt.
Antennaria Steetziana Turcz.	Antennaria Steetziana Turcz.
Apocynum venetum L.	Aposynum venetum L.
Apocynum sp.	Apocynum sp.
Arnebia cornuta var. grandiflora Trautv.	Arnebia cornuta Fisch. et Mey. var. grandiflora Trautv.
Arnebia fimbriata Maxim.	Arnebia fimbriata Maxim.
Arnebia tiebatana Kurz.	Arnebia tibetana Kurz.
Arnebia sp.	Arnebia sp.
Artemisia commutata Bess.	Artemisia campestris L.
Artemisia dracunculus L.	Artemisia dracunculus L.
Artemisia fasciculata M. B.	Artemisia fasciculata M. B.
Artemisia fragrans Willd.	Artemisia maritima L. s. l.
Artemisia fragrans var. subglabra Winkl.	Artemisia maritima L. var. subglabra Winkl.
Artemisia inodora Hook.	Artemisia campestris L.
Artemisia sp.	Artemisia sp.
Artemisia vulgaris L.	Artemisia vulgaris L.
Aster alyssoides Turcz.	Aster alyssoides Turcz.
Aster sp.	Aster sp.
Aster alpinus L.	Aster alpinus L.
Aster altaicus Willd.	Aster altaicus Willd.
Astragalus adsurgens Pall.	Astragalus adsurgens Pall.
Astragalus brevidentatus Palib.	Astragalus brevidentatus Palib.
Astragalus tanguticus Batal.	Astragalus tanguticus Batal.
Astragalus sp.[2]	Astragalus sp.
Atraphaxis lanceolata var. divaricata Ledb.	Atraphaxis lanceolata Bga var. divaricata Ledb.
Atraphaxis sp.[3]	Atraphaxis sp.
Avena pratensis L.	Helicotrichon pratense (L.) Bess.
Avena subspicata Clairv.	Trisetum spicatum (L.) Richt.
Avena sp.	Avena sp.
Berberis diaphana Maxim.	Berberis diaphana Maxim.
Berberis sinensis var. angustifolia Rgl.	Berberis sinensis Desf. var. angustifolia Rgl.
Berberis sp.[4]	Berderis sp.
Blitum virgatum L.	Chenopodium foliosum (Moench) Aschers.
Brachanthemum fruticulosum DC.	Chtysanthemum fruticulosum (Led.) B. Fedtsch.
Bromus sp.	Bromus sp.
Calligonum mongolicum Turcz.	Calligonum mongolicum Turcz.
Calligonum sp.	Calligonum sp.

---

[1] Этот вид в Сининских горах (провинция Гань-су) на абсолютной высоте 3 000—3 300 м был представлен разновидностью var. flore minore Maxim.

[2] Из этого рода, кроме перечисленных видов, экспедицией были собраны: в Сининских горах в кипцовой степи с примесью луговых трав — Astragalus brachytropis (Stev.) C. A. M.; в Бэй-шане на солончаке у ключа Отун-да-цзэ-чан (1 860 м) — Astragalus tribuloides Delil; в Восточном Тянь-шане, в долине речки Кичи Улан-усу в кипцовой степи — Astragalus alpinus L.

[3] Повидимому, относится к виду A. lanceolata Bge.

[4] В долине р. Хуан-хэ ниже г. Гуй-дэ экспедицией был собран еще Berberis vulgaris var. normalis Hook.

Caragana sp.	Caragana sp. (L.) DC.
Caragana arenaria	Caragana pygmaea (L.) QC.
Caragana pygmaea var. arenaria Fisch.	Caragana pygmaea (L.) DC.
Caragana tragacanthoides Poir[1].	Caragana tragacanthoides (Pall.) Poir.
Caragana jubata Poir[2].	Caragana tragacanthoides (Pall.) Poir.
Cardamine macrophylla Wild	Cardamine macrophylla Wild.
Carduus sp.	Carduus sp.
Carex atrata L.	Carex atrara L.
Carex physodes	Carex physodes M. B.
Carex soongorica Kar. et Kir.	Carex songorica Kar. et Kir.
Capparis spinosa	Capparis spinosa L.
Chenopodium album L.	Chenopodium album L.
Chenopodium sp.	Chenopodium sp.
Cistanche salsa C. A. M.	Cistanche salsa C. A. M.
Clematis alpina var. macropelata Maxim.	Clematis macropelata Ldb.
Clematis orientalis var. tangutica Maxim.	Clematis tangutica (Maxim) Korsh.
Clematis sp.[3]	Clematis sp.
Coelonema draboides Maxim.	Coelonema draboides Maxim.
Colurnia longifolia Maxim.	Coluria longofolia Maxim.
Convolvulus sp.	Convolvulus sp.
Corydalis curviflora Maxim.	Corydalis curviflora Maxim.
Corydalis linarioides Maxim.	Corydalis linarioides Maxim.
Corydalis melanochlora Maxim.	Corydalis melanochlora Maxim.
Corydalis straminea Maxim.	Corydalis straminea Maxim.
Corydalis trachycarpa Maxim.	Corydalis trachycarpa Maxim.
Cotoneaster acutifolia Turcz.	Cotoneaster acutifolia Turcz.
Cotoneaster multiflora var. typica Rgl.	Cotoneaster multiflora Bge var. typica Rgl.
Cotoneaster sp.	Cotoneaster sp.
Cotyledon thyrsiflora Maxim.	Orostachys thyrsiflora Fisch.
Crepis glomerata Hook	Crepis glomerata Benth. et Hook.
Crepis tenuifolia W.	Crepis tenuifolia Willd.
Crepis sp.	Crepis sp.
Cynanchum acutum L.[4]	Cynanchum acutum L.
Cynanchum sp.	Cynanchum sp.
Daphne tangutica Maxim.	Daphne tanfutica Maxim.
Delphinium grandiflorum L.	Delphinium grandiflorum L.
Delphinium grandiflorum var. Gmelini Rchb.	Delphinium grandiflorum L. var Gmelini Rchb.
Delphinium tanguticum Huth.	Delphinium tanguticum Huth.
Draba alpina var. algida Rgl.	Draba alpina L. var. algida Rgl.

---

[1] Из этого вида экспедицией была собрана в долине Хуан-хэ var. Pallasiana F. et M.

[2] Повидимому, C. tragacanthoides Poir. Среди собранных Г. Е. Грумм-Гржимайло гербарных образцов C. jubata Poir. отсутствует.

[3] В Джунгарии экспедицией были собраны в долине р. Цзин-хэ Clematis orientalis L. var. obtusifolia Trautv., а на Бэй-лу в районе между г. Фоуканом и сел. Сань-тай другая разновидность этого вида — C. orientalis L. var. vulgaris Trautv.

[4] В Джунгарии, в урочище Гашун, Г. Е. Грумм-Гржимайло была загербаризирована разновидность этого вида G. acutum longifolium Ledb.

Draba eriopoda Turcz.	Draba eriopoda Turcz.
Draba incana L.	Draba incana L.
Draba repens M. B.	Draba sibirica Thell.
Echinopsilon sp.	Echinopsilon sp.
Eleagnus angustifolia	Eleagnus angustifolia L.
Eleagnus hortensis	Eleagnus hortensis Bieb.
Elymus sp.	Elymus sp.
Ephedra sp.	Ephedra sp.
Euphorbia altaica C. A. M.	Euphorbia altaica C. A. M.
Euphorbia sp.	Euphorbia sp.
Eurotia ceratoides C. A. M.	Eurotia ceratoides C. A. Mey.
Festuca sp.	Festuca sp.
Fragaria collina Ehrh.	Fragaria viridis Duch.
Fragaria vesca	Fragaria vesca L.
Fragaria sp.	Fragaria sp.
Fraxinus sogdiana Bge.	Fraxinus sogdiana Bge.
Fritillaria Przewalskii Maxim.	Fritillaria Przewalskii Maxim.
Galium verum var. leiocarpum Ledb.	Galium verum L. var. leiocarpum Ledb.
Galium sp.	Galium sp.
Gentiana algida var. Przewalskii Maxim.	Gentiana algida Pall. var. Przewalskii Maxim.
Gentiana aristata Fisch.	Gentiana aristata Fisch.
Gentiana falcata Turcz.	Gentiana falcata Turcz.
Gentiana Grummi Kusnez.	Gentiana Grummi Kusnez.
Gentiana siphonantha Maxim.	Gentiana spathulaefolia Kusnez.
Gentiana spathulaefolia Kusnez[1].	Gentiana spathulaefolia Kusnez.
Gentiana straminea Maxim.	Gentiana straminea Maxim.
Gentiana tenella var. imberbia Herd.	Gentiana tenella Rottb. var. imberbia Herd.
Geranium[2]	Geranium
Glaux maritima L.	Glaux maritima L.
Glycyrrhiza uralensis Fisch.	Glycyrrhiza uralensis Fisch.
Gypsophila acutifolia var. Gmelini Rgl.	Gypsophila acutifolia Fisch. var. Gmelini Rgl.
Halimodendron argenteum.	Halimodenbron halodendron (Pall) Voss.
Halogeton arachnoideum Mog.—Tand.	Halogeton arachnoideus Moq.
Halogeton glomeratum C. A. M.	Halogeton glomeratus C. A. M.
Halostachys caspica Pall.	Halostachys caspia (Pall.) C. A. M.
Hedysarum multijugum Maxim.	Hedysarum mutijugum Maxim.
Hedysarum scoparium Fisch. et Mey.	Hedysarum scoparium Fisch. et Mey.
Hedysarum sp.	Hedysarum sp.
Hippophaë rhamnoides L.	Hippophaë rhamnoides L.
Hippuris vulgaris L.	Hippuris vulgaris L.
Horaninowia ulicina C. A. M.	Horaninovia ulicina Fisch. et Mey.
Horaninovia sp.	Horaninovia sp.
Hypnum sp.	Hypnum sp.

---

[1] В горах у монастыря Го-мань-сы в тех же условиях (среди гальки вдоль русла реки) был собран экспедицией еще вид Gentiana pseudoarctica Kusnez.

[2] В горах Богдо-ола экспедицией собрана Geranium collinum grandulosum Ledb.

Incarvillea compacta Maxim	Incarvillea compacta Maxim.
Inula ammophyla Bge.	Inula ammophyla Bge.
Iris dichotoma Pall.	Iris dichotoma Pall.
Iris ensata Thunb.	Iris ensata Thunb.
Iris glacilis Maxim.	Iris glacilis Maxim.
Isopyrum grandiflorum Maxim.	Paraquilegia grandiflora (Fisch.) Drum. et Hutch.
Juncus Thomsoni F. Buchen	Juncus Thomsoni Buch.
Juniperus pseudosabina	Juniperus pseudosabina Fisch. et Mey.
Juniperus sp.	Juniperus sp.
Kalidium sp.[1]	Kalidium sp.
Karelinia caspia Less.	Pluchea caspia (Less.) Q. Hoffm.
Karelinia sp.	Karelinia sp.
Kochia mollis	Echinopsilon divaricatum Kar. et Kir.
Lagotis brachystachya Maxim.	Ladotis brachystachya Maxim.
Lagotis brevituba Maxim.	Lagotis brevituba Maxim.
Lancea tibetica Hook.	Lancea tibetica Hook. f. et Thoms.
Lasiagrostis splendens	Lasiagrostis splendens (Trin.) Kunth.
Leontopodium alpinum L.	Leontopodium alpinum Cass.
Libanotis eriocarpa Schrenk	Libanotis eriocarpa Schrenk
Lilium tenuifolium Fisch.	Lilium tenuifolium Fisch.
Lonicera hispida var. minor Maxim.	Lonicera hispida Pall. var. minor Maxim.
Lonicera syringantha.	Lonicera syringantha.
Lonicera sr.	Lonicera sp.
Lycium ruthenicum Murr.	Lycium ruthenicum Murr.
Lycium turcomanicum Fisch. ei Mey.	Lycium truncatum Wang. (?)
Malcolmia sp.	Malcolmia sp.
Meconopsis integrifolia Maxim.	Meconopsis integrifolia Maxim.
Meconopsis quintuplinervia Rgl.	Meconopsis quintuplinervia Rgl.
Meconopsis racemosa Maxim.	Meconopsis racemosa Maxim.
Megacarpaea Delavayi var. sinica Batal.	Megacarpaea Delavayi Fr. var. sinica Batal.
Morus alba L.	Morus alba L.
Mulgedium tataricum DC.	Mulgedium tataricum DC.
Myosotis sp.	Myosotis sp.
Myricaria germanica var. squamosa Maxim.	Myricaria germanica Desv. var. squamosa Maxim.
Myricaria sp.	Myricaria sp.
Nanophytum erinaceum Pall.	Nanophyton erinaceum (Pall.) Bge.
Nitraria Schoberi L.	Nitraria Schoberi L.
Omphalodes trichocarpa Maxim.	Omphalodes trichocarpa Maxim
Oxytropis campestris DC.	Oxytropis campestris DC.
Oxytropis coerulea DC.	Oxytropis coerulea (Pall.) DC.
Oxytropis humifusa Kar. et Kir.	Oxytropis humifusa Kar. et Kir.
Oxytropis kansuensis Bge.	Oxytropis kansuensis Bge
Oxytropis strobilacea var. chinensis Bge.	Oxytropis strobilacea Bge var. chinensis Bge.

---

[1] В Люкчуне экспедицией собрана разновидность Kalidium foliatum Moq. var. longifolium Fenzl.

Oxytropis pilosa DC.	Oxytropis pilosa (L.) DC.
Oxytropis trichophysa Bge.	Oxytropis trichophysa Bge.
Papaver alpinum var. croceum Ledb.	Papaver croceum Ldb.
Papilionaceae	Papilionaceae
Pedicularis Artselaeri Maxim.	Pedicularis Artselaeri Maxim.
Pedicularis cheilanthifolia var. isochila Maxim.	Pedicularis cheilathifolia Schrenk. var. isochila Maxim.
Pedicularis kansuensis Maxim.	Pedicularis kansuensis Maxim.
Pedicularis verticillata L.	Pedicularis verticillata L.
Peganum harmala L.	Peganum harmala L.
Peganum harmala var. multisecta Maxim.	Peganum harmala L. var. multisecta Maxim.
Picea obovata	Picea obovata Ldb.
Picea Schrenkeana Fisch.	Picea Schrenkiana Fisch. et Mey.
Plecostigma pauciflorum Turcz.	Gagea pauciflora Turcz.
Pleurogyne carinthaca Griseb.	Pleurogyne carinthiaca Griseb.
Pleurogyne rotata Griseb.	Pleurogyne rotata Bge.
Pleurospermum stellatum Benth.	Pleurospermum stellatum Benth.
Poa pratensis L.	Poa pratensis L.
Poa sp.	Poa sp.
Podophyllum Emodi Wall.	Podophyllum Emodi Wall.
Polygonatum karsuense Maxim	Polygonatum kansuense Maxim.
Polygonatum viviparum L.	Polygonum viviparum L.
Polygonum Bistorta var. angustifolia Meisn.	Polygonum bistorta L. var. angustifolia Meisn.
Polypodium vulgare L.	Polypodium vulgare L.
Populus diversifolia.	Populus diversifolia Schrenk.
Populus euphratica DC.	Populus euphratica Oliv.
Populus nigra.	Populus nigra L.
Potentilla daurica Nestl.	Potentilla daurica (Nestl.) Kom. et Klob.—Alis.
Potentilla filipendula W.	Potentilla filipendula Willd.
Potentilla fruticosa L.	Potentilla fruticosa (L.) Rydb.
Potentilla fruticosa var. tenuifolia.	Potentilla fruticosa (L.) Rydb.
Potentilla nivea var. vulgaris.	Potentilla nivea L.
Potentilla Salessowi Steph.	Comarum Salessowianum (Steph.) Aschers. et Gr.
Potentilla sp.	Potentilla sp.
Primula farinosa var. algida Trautv.	Primula farinosa L. var. algida Trautv.
Primula gemmifera Batal.	Primula gemmifera Batal.
Primula Maximoviczi var. tangutica Maxim.	Primula Maximoviczi Rgl. var. tangutica Maxim.
Primula nivalis var. farinosa Schrenk.	Primula nivalis Turcz. var. farinosa Schrenk.
Primula sibirica var. genuina Trautv.	Primula sibirica Jacq. var. genuina Trautv.
Primula stenocalyx Maxim.	Primula stenocalyx Maxim.
Primula sp.	Primula sp.
Prunus chamaecerasus.	Cerasus fruticosa (Pall.) G. Woron.
Prunus stipulacea Maxim.	Prunus stipulacea Maxim.
Pteris aquilina L.	Pteridium aquilinum Kühn.
Ranunculaceae.	Ranunculaceae.
Ranunculus aquatilis L.	Ranunculus aquatilis L.
Ranunculus tricuspis Maxim.	Ranunculus tricuspis Maxim.
Reaumuria soongorica Maxim.	Reaumuria soongorica Maxim.

Rhamnus erytroxylon.	Rhamnus erytroxylon Pall.
Rheum leucorhysum Pall.	Rheum leucorhysum Pall.
Rheum sp. [1]	Rheum sp.
Rhododendron capitatum Maxim.	Rhododendron capitatum Maxim.
Rhododendron Przewalskii Maxim.	Rhododendron Przewalskii Maxim.
Rhododendron thymifolium Maxim.	Rhododendron thymofolium Maxim.
Ribes petraeum var. typicum Maxim.	Ribes pallidiflorum A. Pojark.
Rosa elasmacantha Trautv.	Rosa elasmacantha Trautv.
Rosa macrophylla Lindl.	Rosa macrophylla Lindl.
Rosa sericea Lindl.	Rosa sericea Lindl.
Ruba tinctorum.	Rubia tinctorum L.
Rubus idaeus var. strigosus Maxim.	Rubus sachalinensis Léveillè
Rumex sp.	Rumex sp.
Salicornia sp.	Salicornia sp.
Salix sp.	Salix sp.
Salsola arbuscula.	Salsola arbuscula Pall.
Salsola carinata C. A. M.	Salsola carinata C. A. M.
Salsola kali L.	Salsola Kali L.
Salsola sclerantha C. A. M.	Salsola sclerantha C. A. M.
Salsola spissa M. B.	Salsola nitraria Pall.
Salsola sp.	Salsola sp.
Saussurea hieracioides var. spathulata Winkl.	Saussurea hieracioides Hook. var. spathulata Winkl.
Saussurea involucrata Maxim.	Saussurea involucrata Maxim.
Saussurea japonica var. intermedia Maxim.	Saussurea japonica DC. var. intermedia Maxim.
Saussurea tangutica Maxim.	Saussurea tangutica Maxim.
Saxifraga atrata Engl.	Saxifraga atrata Engl.
Saxifraga hirculus var. vestite Engl.	Saxifraga hirculus L. var. vestita Engl.
Saxifraga Przewalskii Engl.	Saxifraga Przewalskii Engl.
Saxifraga tangutica Engl.	Saxifraga tangutica Engl.
Scopolia tangutica Maxim.	Scopolia tangutica Maxim.
Scorzonera mongolica Maxim.	Scorzonera mongolica Maxim.
Sedum algidum var. altaicum Maxim.	Rhodiola algida (Ledb.) Fisch. et Mey.
Sedumalgidum var. tanguticum Maxim	Rhodiola algida (Ledb.) Fisch. et Mey.
Sedum Kirilowi Rgl.	Rhodiola Kirilowii Rgl. et Maxim.
Sedum sp.	Rhodiola sp.
Senecio campestris DC.	Senecio campestris DC.
Senecio virgaurea Maxim.	Senecio virgaurea Maxim.
Sesamum indicum	Sesamum indicum DC.
Sesamum indicum var. indivisum	Sesamum indicum DC.
Setaria italica var. erythrospermum	Sataria italica Beauv. var. erythrospermum Hornm.
Sibiraea laevigata Maxim.	Sibiraea altaiensis (Laxm.) C. K. Schn.
Sisymbrium humile C. A. M.	Sisymbrium humile C. A. M.
Sisymbrium mollipilum Maxim.	Sisymbrium mollipilum Maxim.
Sisymbrium sp.	Sisymbrium sp.
Solanum dulcamara L.	Solanum dulcamara L.
Sophora alopecuroidas L.	Sophora alopecuroides L.
Sophora sp.	Sophora sp.

---

[1] В Сининских горах на абсолютной высоте 3 300 м экспедицией был найден Rheum pumilium Maxim, произраставший среди щебня на дне ущелья;

Sorghum cernuum	Sorghum cernuum Host.
Spiraea mongolica Maxim.	Spiraea crenata L.
Spiraea sp.	Spiraea sp.
Statice aurea L.	Statice aurea L.
Statice chrysocephale Rgl.	Statice chrysocephale Rgl.
Statice otolepis Schrenk	Statice otolepis Schrenk.
Statice speciosa L.	Statice speciosa L.
Statice sp.	Statice sp.
Stellaria dichotoma var. Stephaniana Rgl.	Stellaria dichotoma L. var. Stephaniana Rgl.
Stellera chamaejasme L.	Stellera chamaejasme L.
Stipa sp.[1]	Stipa sp.
Sueda setigera var. piligera Fenzl.	Suaeda acuminata (C. A. M.) Moq. var. piligeda Fisch.
Sympegma Regeli Bge.	Sympegma Regelii Bge.
Tamarix Palasii	Tamarix Pallassii Desv.
Tamarix laxa Willd.	Tamarix laxa Willd.
Tamarix sp.	Tamarix sp.
Tanacetum fruticulosum Led.	Tanacetum fruticulosum Led.
Tanacetum multijugum Maxim.	Tanacetum multijugum Maxim.
Tanacetum tenuifolium var. microcephala Winkl.	Tanacetum tenuifolium Jacq. var. microcephala Winkl.
Taraxacum officinale var. parvula Hook.	Taraxacum officinale Wigg. var. parvula Hook.
Thalictrum petaloideum L.	Thalictrum petaloideum L.
Thermopsis alpina Ledb.	Thermopsis alpina Ledb.
Thermopsis lanceolata R. Br.	Thermopsis lanceolata R. Br.
Thlaspi arvense L.	Thlaspi arvense L.
Tragopyrum sp.	Atraphaxis L.
Tribulus terrestris L.	Tribulus terrestris L.
Trisetum subspicatum P. B.	Trisetum spicatum (L.) Richt.
Triticum sp.	Triticum sp.
Trollius pumilus Don.	Trollius pumilus Don.
Typha sp.	Typha sp.
Ulmus campestris	Ulmus propinqua Koidz.
Urtica sp.	Urtica sp.
Veronica ciliata Fisch.	Veronica ciliata Fisch.
Vincetoxicum mongolicum Maxim.	Vincetoxicum mongolicum Maxim.
Viola biflora L.	Viola biflora L.
Viola sylvatica var. rupestris Rgl.	Viola silvestris Lam. var. rupestris Rgl.
Werneria nana Benth.	Werneria nana Benth.
Ziziphora clinopodioides var. canescens Benth.	Ziziphora clinopodioides Lam. var. canescens Benth.
Ziziphora clinopodioides var. media Benth.	Ziziphora clinopodioides Lam. var. media Benth.

---

[1] В Сининских горах Грумм-Гржимайло на одном лугу, на глинисто-песчаной почве, собрал образцы Stipa inebrians Hance.

Zollikoferia acanthoides Boiss.	Zollikoferia acanthoides Boiss.
Zygophyllum brachypterum Kar. et Kir.	Zygophyllum brachypterum Kar. et Kir.
Zygophyllum Potanini Maxim.	Zygophyllum Potanini Maxim.

ГРИБЫ

Agaricus deliciosus	Agaricus deliciosus L.

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Asinus hemionus Pall.	Equus hemionus Pall.
Asinus onager	Equus hemionus Pall.
Asinus sp.	Equus (Asinus) sp.
Arctomys dichrous Anders.	Marmota dichroa Anders.
Arctomys robustus Milne-Edw.	Marmota robusta Milne-Edw.
Bos grunniens L.	Bos grunniens L.
Canis alpinus Pall.	Cyon alpinus Pall.
Cervus albirostris Przew.	Cervus (Przewalskium) albirostris Przew.
Cervus capreolus	Capreolus pygargus Pall.
Cervus maral Ogilby	Cervus elaphus L.
Colus saiga Pall.	Saiga tatarica L.
Equus kiang Moorcr.	Equus hemionus Pall.
Equus przewalskii Pol.	Equus przewalskii Polj.
Eremiomys lagurus Pall.	Lagurus lagurus Pall.
Eremiomys luteus Eversm.	Lagurus luteus Eversm.
Felis manul	Otocolobus manul Pall.
Gazella picticaudata Hodgs.	Gazella picticaudata Hodgs.
Gazella przewalskii Büchn.	Gazella przewalskii Büchn.
Gazella subgutturosa Güld.	Gazella subgutturosa Güld.
Gerbillus collium Sew.	Meriones erythrourus Cray.
Gerbillus meridianus Pall.	Meriones meridianus Pall.
Gerbillus opimus Licht.	Rhombomys opimus Licht.
Lagomys roylei Ogilby	Ochotona roylei Ogilby
Lepus tolai Pall.	Lepus tolai Pall.
Microtus mandarinus Milne-Edw.	Mircotus mandarinus Milne-Edw.
Musarianus Blanf.	Apohemus sylvaticus L.
Mus wagneri Everm.	Mus musculus subsp.
Mustela erminea L.	Mustela erminea L.
Ovis nahura Hodgs.	Pseudois nahoor Hodgs.
Ovis poli Blyth.	Ovis ammon L.
Ovis sp.	Ovis sp.
Plecotus auritus L.	Plecotus auritus L.
Pseudois nahoor Hodgs.	Pseudois nahoor Hodgs.
Sminthus concolor Büchn.	Sicista concolor Büchn.
Spermophilus eversmanni Brandt.	Citellus undulatus Pall.
Urbus pruinosus Blyth.	Urbus arctos pruinosus Blyth.

ПТИЦЫ

Acanthis brevirostris Bp.	Acanthis flavirostris (L.)
Acanthis cannabina var. fringillirostris Bp.	Cannabina cannabina (L.)
Accentor altaicus Brdt.	Prunella himalayana (Blyth.)
Accentor erythropygius Swinh.	Laiscopus collaris erythropygius (Swinh.)
Accipiter nisus L.	Accipiter nisus (L.)
Accipiter virgatus Temm.	Accipiter gularis (Temm. et Schleg.)
Aegialitis mongolicus Pall.	Charadrius mongolus Pall.
Alauda arvensis var. liopus Hodgs.	Alauda arvensis L.
Alaudula pispoletta var. seebohmi Sharpe	Calandrella rufescens kukunorensis Przew.
Ampelis garrulus L.	Bombycilla garrula (L).
Anas boschas L.	Anas platyrhyncha L.
Anas querquedula	Querquedula querquedula (L).
Anorthura pallida Hume	Troglodytes troglodytes pallidus Hume
Anser cinereus Meyer	Anser anser (L.)
Anser indicus Lath.	Eulabeia indica (Lath.)
Anthus rosaceus Hodgs.	Anthus roseatus Blyth.
Anthus striolatus Blyth.	Anthus campestris godlewskii Tacz.
Asio otus L.	Asio otus (L.)
Bubo ignavus Forst.	Bubo bubo (L.)
Bucanetes mongolicus Swinh.	Erythrospiza mongolica Swinh.
Buteo ferox Gmel.	Buteo rufinus Cretzschm.
Caccabis huckar Gray	Aleetoris gracea (Meisn.)
Calamophilus biarmicus var. sibiricus Bp.	Panurus biarmicus (L.)
Calliope kamtschatkensis Gmel.	Calliope calliope Pall.
Calliope tschebaiewi Przew.	Calliope pectoralis tschebaiewi Przew.
Carduelis caniceps Vig.	Carduelis caniceps Vig.
Carduelis carduelis var. major Tacz.	Carduelis carduelis (L.)
Carine bactriana Hutt.	Athene mectua bactriana Hutt.
Carpodacus dubius Przew.	Erythrina thura dubius Przew.
Carpodacus erythrinus Pall.	Erythrina erythrina Pall.
Carpodacus pulcherrimus Hodgs.	Erythrina pulcherrima Hodgs.
Carpodacus rhodochlamys Brdt.	Erythrina rhodochlamys Brdt.
Carpodacus rubicilloides Przew.	Erythrina rubicilloides Przew.
Cerchneis tinnunculus L.	Cerchneis tinnunculus L.
Certhia familiaris L.	Certhia familiaris L.
Chaemorrhornis leucocephala Vig.	Chaimarrornis leucocephala (Vig.)
Chloris sinica L.	Chloris sinica (L.)
Chrysomitris spinus L.	Chrysomitris spinus (L.)
Cinclus leucogaster Bp.	Cinclus cinclus leucogaster Bp.
Cinclus kashmiriensis Gould.	Cinclus cinclus cashmeriensis Gould.
Circus cyaneus L.	Circus cyaneus L.
Coloeus dauricus Pall.	Coloeus dauricus (Pall.)
Coloeus monedula var. collaris Drumm.	Coloeus monedula collaris (Drum.)
Coloeus neglectus Schleg.	Coloeus neglectus (Schleg.)
Columba fusca Pall.	Columba fusca Pall.
Columba leuconota Vig.	Columba leuconota Vig.
Columba rupestris Bp.	Columbia rupestris Bp.
Corone corone L.	Corvus corone L.
Corvus corax L.	Corvus corax L.

Crossoptilon auritum Pall.	Crossoptilon auritum (Pall.)
Cuculus canorus L.	Cuculus canorus L.
Cyanopica cyanea Pall.	Cyanopica cyanea Pall.
Cypselus sp.	Cypselus sp.
Dafila acuta L.	Anas acuta L.
Dendrocopus cabanisi Malh.	Dryobates cabanisi Malh.
Dumeticola thoracica Blyth.	Dumeticola thoracica Blyth.
Emberiza buchanani Blyth.	Emberiza buchanani Blyth.
Emberiza godlewskii Tacz.	Emberiza godlewskii Tacz.
Emberiza leucocephala Gmel.	Emberiza leucocephale Gmel.
Emberiza schoeniclus L.	Emberiza schoeniclus L.
Falco babylonicus Gurn.	Falco peregrinus babylonicus Gurn.
Falco hendersoni Hume.	Falco cherrug Gray.
Falco regulus Pall.	Falco columbarius regulus Pall.
Falco subbuteo L.	Falco subbuteo L.
Fregillus graculus L.	Pyrrhocotax pyrrhocotax (L.)
Fringilla montifringilla L.	Fringilla montifringilla L.
Grandala coelicor Hodgs.	Grandala coelicolor Hodgs.
Gypaëtus barbatus L.	Gypaëtus barbatus L.
Herbivocula affinis Tick.	Phylloscopus affinis (Tick.)
Ibidorhyncha struthersi Vig.	Ibidorhyncha struthersii Vig.
Ithaginis sinensis David var. michaëlis Bianchi	Ithaginis sinensis David.
Jynx torquilla L.	Jynx torquilla L.
Lanius borealis var. sibiricus Bogd.	Lanius excubitor mollis Eversm.
Lanius homeyeri Cab.	Lanius excubitor homeyeri Cab.
Lanius leucopterus Sew.	Lanius excubitor przewalskii Bogb.
Lanius sphenocereus Cab.	Lanius sphenocereus Cab.
Lanius tephronotus Vig.	Lanius shach tephronotus Vig.
Leptopoecile sophiae Sew.	Leptopoecile sophiae Sew.
Lophobasileus elegans Przew.	Lophobasileus elegans Przew.
Loxia curvirostra var. hymalayana Hodgs.	Loxia curvitostra himalayensis Blyth.
Melanocorypha maxima Gould.	Melanocorypha maxima Gould.
Merula atrigularis Temm.	Turdus ruficollis atrogularis Temm.
Merula kessleri Przew.	Turdus kessleri Przew.
Merula maxima Seeb.	Turdus merula maxima (Seeb.)
Merula ruficollis Pall.	Turdus ruficollis ruficollis Pall.
Montifrigilla alpicola Pall.	Montifrigilla alpicola Pall.
Montifrigilla haematopygia Gould.	Leucosticte brandti haematopygia Gould.
Montifrigilla mandellii Hume	Montifrigilla taczanowskii Przew.
Montifrigilla nemoricola Hodgs.	Fringillanda nemoricola Hodgs.
Montifrigilla ruficollis Blanf.	Montifringilla ruficollis Blanf.
Montifringilla sordida Stol.	Fringillanda nemoricola altaica (Eversm.)
Motacilla alba var. baicalensis Swinh.	Motacilla alba baicalensis Swinh.
Motacilla citreola Pall.	Motacilla citreola Pall.

Motacilla citreoloides Hodgs.	Motacilla citreola citreoloides (Gould.)
Motacilla lugens Kittl.	Motacilla alba lugens Kittl.
Motacilla melanope Pall.	Motacilla cinerea melanope Pall.
Motacilla personata Could.	Motacilla alba personata Gould.
Nucifraga caryocatactes L.	Nucifraga caryocatactes L.
Nyroca ferruginea Gmel.	Nyroca nyroca (Güld.)
Otocorys elwesi Brdt.	Eremophila alpestris elwesi Brandt.
Parus cyanus var. tianschanicus Menzb.	Parus cyanus tianshanicus Menzb.
Parus superciliosus Przew.	Parus superciliosus Przew.
Passer montanus L.	Passer montanus L.
Passer stoliczkae Hume	Passer ammodendri stoliczkae Hume
Perdix barbata Verr. et des Murs.	Perdix barbata Verr. et des Murs.
Perdix sifanica Przew.	Perdix sifanica Przew.
Petronia petronia L.	Petronia petronia L.
Phasianus mongolicus var. semitorquatus Sew.	Phasianus colchicus semitorquatus Sew.
Phasianus satscheuensis	Phasianus colchicus satscheuensis Pleske
Phasianus strauchi Przew.	Phasianus colchicus strauchi Przew.
Phylloscopus humei Brooks	Phylloscopus inornatus humei (Brooks).
Phylloscopus superciliosus var. mandelli Brooks.	Phylloscopus inormatus mandelli (Brooks).
Pica caudata Ray	Pica pica (L.)
Picoides tridactylus L.	Picoides tridactylus (L.)
Podiceps cristatus L.	Podiceps cristatus L.
Podiceps nigricollis Brehm.	Podiceps nigricollis Brehm.
Podoces hendersoni Hume	Podoces hendersoni Hume
Poecile affinis Przew.	Parus songarus affinis Przew.
Poliopsar cineraceus Temm.	Spodiopsar cineraceus Temm,
Pratincola maura var. przewalskii Plsk.	Tratincola torquata przewalskii Pleske
Pterocles arenarius Pall.	Pterocles orientalis (L.)
Pterorhinus davidi Verr.	Ianthocinela davidi (Swinh.)
Pyrrhocorax alpinus	Pyrrhocorax graculus
Pyrrhospiza longirostris Przew.	Pyrrhospiza punicea longirostris Przew.
Pyrrhulorhyncha pyrrhuloides Pall.	Emberiza schoeniclus pyrrhuloides Pall.
Querquedula circia L.	Querquedula querquedula (L.)
Rallus aquaticus L.	Rallus aquaticus L.
Regulus cristatus var. japonicus Bp.	Regulus regulus japonensis Blakist.
Ruticilla alaschanica Przew.	Phoenicurus alaschanica Przew.
Ruticilla atrata Gmel.	Phoenicurus ochruros (Gm.)
Ruticilla erythrogastra var. sewerzowi Lor. et Menzb.	Phoenicurus erythrogastra grandis (Could.)
Ruticilla erythronota Ev.	Phoenicurus erythronotus (Ev.)
Ruticilla frontalis Vig.	Phoenicurus frontalis Vig.
Ruticilla hodgsoni Moore	Phoenicurus hodgsoni Moore
Ruticilla rufiventris Vieill.	Phoenicurus ochruros rufiventris (Vieill.)
Ruticilla shisticeps Hodgs.	Phoenicurus schisticers (Gray)

Saxicola deserti Temm.	Oenanthe deserti
Saxicola isabellina Cretzchm.	Oenanthe isabellina Cretzchm.
Saxicola montana Gould.	Oenanthe deserti atrogularis Blyth.
Serinus pusillus Pall.	Serinus pusillus Pall.
Sterna hirundo var. tibetana Saund.	Sterna hirundo tibetana Saund.
Sturnus menzbieri Sharpe	Sturnus vulgaris menzbieri Sharpe.
Sylvia minuscula Hume	Sylvia curruca minula Hume
Syrrhaptes paradoxus Pall.	Syrrhaptes paradoxus Pall.
Tetraogallus himalayensis Gray	Tetraogallus himalayensis Grau
Tetraogallus sp.	Tetraogallus sp.
Tetrastes sewerzowi Przew.	Tetrastes sewertzowi Przew.
Tichodroma muraria L.	Tichodroma muraria L.
Tharraleus atrigularis Brdt.	Prunella atrogularis (Brandt)
Tharraleus fulvescens Sew.	Prunella fulvescens (Sew.)
Tharraleus rubeculoides Hodgs.	Prunella rubeculoides Hodgs.
Tharraleus strophiatus Hodgs.	Prunella strophiata (Blyth.)
Tringa temminckii Leisl.	Tringa temminckii Leisl.
Tringoides hypoleucus L,	Tringa hypoleucos L.
Trochalopterum elliotti Verr.	Iathocincla elliottii (Verr.)
Turdus atrigularis Temm.	Turdus ruficollis atrogularis Temm.
Turdus pilaris L.	Turdus pilaris L.
Turdus viscivorus var. hodgsoni Jerd.	Turdus viscivorus L.
Uragus sibiricus Pall.	Uragus sibiricus Pall.
Urocynchramus pylsowi Przew.	Urocynchramus pylsowy Przew.
Vanellus cristatus Meyer.	Vanellus vanellus (L.)

ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

Eremias multiocellata Gnthr.	Eremias multiocellata Gnthr.
Eremias przewalskii Str.	Eremias przewalskii Str.
Eremias sp.	Eremias sp.
Pelias berus	Vipera berus (L.)
Phrynocephalus sp.	Phrynocephalus sp.
Phrynocephalus axillaris Blanf.	Phrynocephalus axillaris Blanf.
Phrynocephalus grumm-grschimailoi Bedr.	Phrynocephalus grumm-grschimailoi Bedr.
Phrynocephalus versicolor Str. var. doriai Bedr.	Phrynocephalus versicolor Str. var. doriai Bedr.

ЗЕМНОВОДНЫЕ

Buffo raddei Str.	Buffo raddei Str.
Rana temporaria L.	Rana temporaria L.

РЫБЫ

Gymnocypris leptocephalus Herz.	Schizopygopsis leptocephalus (Herz.)
Gymnocypris przewalskii Herz.	Schizopygopsis przewalskii (Herz.)
Gymnodiptychus pachycheilus Herz.	Diptychus dybowskii Kessl.
Nemachilus dorsonotatus Kessl.	Nemathilus stoliczkai (Steind.)

Nemachilus robustus Kessl.	Nemachilus robustus Kessl.
Nemachilus stoliczkae (Steind.)	Nemachilus stoliczkai (Steind.)
Schizopygopsis kozlowi Herz.	Schizopygopsis kozlowi (Herz.)

НАСЕКОМЫЕ

Жесткокрылые

Adesmia sp.	Adesmia sp.
Agonum sp.	Agonum sp.
Anisodactylus signatus Panz.	Anisodactylus signatus Panz.
Aphodius sp.	Aphoius sp.
Aristochroa perelegans Tschitsch.	Aristochroa pereledans Tschitsch.
Aristochroa sp.	Aristochroa sp.
Blaps sp.	Blaps sp.
Broscus przewalskii Sem.	Broscus przewalskii Sem.
Calosoma grumi Sem.	Calosoma grumi Sem.
Calosoma kurunorensis	Carabus kukunorensis Sem.
Calosoma sericeum F.	Calosoma maderae subsp. dsungaricum Gebl.
Calosoma sinensis Sem.	вид невыясненный
Captolabrus grumorum Sem.	Caradus grumorum Sem.
Carabus anchocephalus Reitter.	Carabus antchocephalus Reitter.
Carabus diruptus Moraw.	Carabus crassesculptus subsp. diruptus A. Moraw.
Carabus modestus Sem.	Carabus modestulus Sem.
Carabus przewalskii Moraw.	Carabus przewalskii Moraw.
Carabus vladimirskyi Dej.	Carabus vladimirskyi Dej.
Chrysochus aeneus Pall.	Chrysochares asiaticus Pall.
Chrysochus asiaticus Pall.	Chrysochares asiaticus Pall.
Cymindis picta Pall.	Cymindis picta Pall.
Deracanthus sp.	Deracanthus sp.
Diacanthus przewalskii Kön.	Selatosomus przewalskii Koen.
Dorcadion sp.	Dorcadion sp.
Epicauta sp.	Epicauta sp.
Geotrypes semicuprens Reitter.	Geotrupes corinthius Fairm.
Harpalus cervicis Motsch.	Acupalpus lumbaris Mannh.
Harpalus carporosus Motsch.	Harpalus corporosus Motsch.
Harpalus rubripes Duft.	Harpalus rubripes Duft.
Hoplia potanini Heyd.	Hoplia potanini Heyd.
Lorocera ovipennis Sem.	Lorocera ovipennis Sem.
Lytta caraganae Pall.	Lytta caraganae Pall.
Meloë sp.	Meloë sp.
Nebria sp.	Nebria sp.
Neodorcadion sp.	Neodorcadion sp.

Poecilus forticeps Chaud.	Platysma (Poccilus) fortipes Chaud
Pseudotaphoxenus sp.	Pseudotaphoxenus sp.
Scarites salinus Dej.	Scarites salinus Dej.
Tenebrionidae.	Tenebrionidae.
Trichocellus grumi Tschitsch.	Trichocellus grumi Tschitsch.
Zabrus sp.	Zabrus sp.
Zabrus przewalskii Sem.	Zabrus przewalskii Sem.
Zonabris sp.	Mylabris sp.

Полужесткокрылые

Nepa cinerea L.	Nepa cinerea L.

Двукрылые

Anthrax sp.	Anthrax sp.
Mesembrina sp.	Mesembrina sp.
Nemestrina sp.	Nemestrina sp.
Tabanus sp.	Tabanus sp.

Перепончатокрылые

Bombus	Bombus
Odynerus sp.	Odynerus sp.
Sphex sp.	Sphex sp.

Чешуекрылые

Agrotis alpestris Bd.	Rhyacia alpestris Bd.
Agrotis corticea var. amurensis Stgr.	Euxoa corticea Schiff. var. amurensis Stgr.
Agrotis dulcis Alp.	Rhyacia dulcis Alph.
Agrotis islandica var. rossica Stgr.	Euxon islandica var. rossica Stgr.
Agrotis tritici var. varia Alph.	Euxon varia Alph.
Agrotis xanthographa F.	Rhyacia xanthographa F.
Ala pretiosa Alph.	Ala pretiosa Alph.
Anthocharis bieti Oberth.	Anthocharis bieti Oberth.
Apatura ilia var. serarum Oberth.	Apatura ilia var. serarum Oberth.
Aporia hippia var. thibetana Gr.-Gr.	Aporia hippia var. tibetana Gr.-Gr.
Aporia kreitneri Friv.	Aporia martineti var. kreitneri Friv.
Arctia romanovi Gr.-Gr.	Preparctia romanovi Gr.-Gr.
Arctia sieversi Gr.-Gr.	Micrarctia sieversi Gr.-Gr.
Argynnis adippe var. xipe Gr.-Gr.	Argynnis adippe var. xipe Gr.-Gr.
Argynnis aglaja L.	Argynnis aglaja L.
Argynnis clara Blanch.	Argynnis clara Blanch.
Argynnis eugenia var. rhea Gr.-Gr.	Argynnis eugenia var. rhea Gr.-Gr.
Argynnis eva. Gr.-Gr.	Argynnis gong var. eva Gr.-Gr.
Argynnis gong var. eva Gr.-Gr.	Argynnis gong var. eva Gr.-Gr.
Argynnis pales var. sifanica Gr.-Gr.	Argynnis pales var. sifanica Gr.-Gr.
Argynnis rhea Gr.-Gr.	Argynnis eugenia var. rhea Gr.-Gr.

Caradrina gluteosa Tr.	Athetis gluteosa Tr.
Caradrina lenta Tr.	Athetis furvula Hb.
Carterocephalus argyrostigma Ev.	Pamphilia argyrostigma Ev.
Carterocephalus christophi Gr.-Gr.	Pamphilia christophi Gr.-Cr.
Carterocephalus flavomaculatus Oberth.	Pamphilia flavomaculatus Oberth.
Carterocephalus gemmatus Leech.	Pamphilia dickmanni Graes.
Carterocephalus ops Gr.-Gr.	Pamphilia pulchra Leech.
Cidaria phasma Butl.	Discoloxia phasma Btl.
Cidaria quadrifasciaria var. stupida Alph.	Cidaria ferrugata stupida Alph.
Cidaria semenovi Alph.	Cidaria semenovi Alph.
Coenonympha mongolica Alph.	Coenonympha mongolica Alph.
Coenonympha semenovi Alph.	Coenonympha semenovi Alph.
Colias arida var. wanda Gr.-Gr.	{Colias eugene var. arida Alph. {Colias eugene var. wanda Gr.-Gr.
Colias aurora Esp.	Colias aurora Esp.
Colias aurorina H. S.	Colias aurorina H. S.
Colias diva Cr.-Gr.	Colias diva Cr.-Gr.
Colias erate Esp.	Colias erate Esp.
Colias felderi Gr.-Gr.	Colias felderi Gr.-Gr.
Colias hyale L.	Colias hyale L.
Colias lada Gr.-Gr.	Colias lada Gr.-Gr.
Colias montium Oberth.	Colias montium Oberth.
Colias poliographus Motsch.	Colias poliographus Motsch.
Colias sifanica Gr.-Gr.	Colias sifanica Gr.-Gr.
Cossus licifer Gr.-Gr.	Holcocerus lucifer Gr.-Gr.
Cucullia umbristrigata Alph.	Cucullia umbristrigata Alph.
Dasychira alpherakii Gr.-Gr.	Dasorgyia alpherakii Gr.-Gr.
Dasychira semenovi Gr.-Gr.	Dasorgyia alpherakii semenovi Gr.-Gr.
Dasypolia gerbillus Alph.	Dasypolia gerbillus Alph.
Dasypolia pagodae Alph.	Copitype pagodae Alph.
Dasypolia sp.	Dasypolia sp.
Dianthoecia deliciosa Alph.	Lasiestra deliciosa Alph.
Dianthoecia lurida Alph.	Lasionycta lurida Alph.
Eccrita ludicra Hb.	Eccrita ludicra Hb.
Eicomorpha argillacea Alph.	Perissandria argillacea Alph.
Emydia funerea Ev.	Coxinia striata var. funerea Ev.
Emydia striata L.	Coxinia striata L.
Epinephele sifanica Gr.-Gr.	Epinephele sifanica Gr.-Gr.
Erebia alcmene Gr.-Gr.	Erebia alcmene Gr.-Gr.
Erebia herse Gr.-Gr.	Erebia herse Gr.-Gr.
Eucosmia certata Hb.	Calocalpe cervinalis Scop.
Gnophos difficilis Alph.	Gnophos difficilis Alph.
Grummia flora Alph.	Grumia flora Alph.
Hadena laterita Hufn.	Paratichtis lateritia Hufn.
Heliophobus anachoretoides Alph.	Blepharidia anachoretoides Alph.
Heliophobus grummi Alph.	Blepharidia grumi Alph.
Heliothis ononis F.	Chloridea ononis F.
Heliothis scutosus Schiff.	Melicleptria scutosa Schiff.
Hepialus luteus Gr.-Gr.	Hepialus nebulosus Alph.
Hydroecia nictitans Bkh.	Apauna nictitans Bkh.
Hydroecia osseola Stgr.	Hydroecia burkhara Alph.
Hypoplectis adspersaria Hb.	Hypoplectes pluviaria F.

Hypsophila grumi Alph.	Hypsophila grimi Alph.
Ino budensis var. mollis Gr.-Gr.	Proctis budensis mollis Gr.-Gr.
Isochlora albivitta Alph.	Isochlora albivitta Alph.
Isochlora arctomys Alph.	Chamyla arctomys Alph.
Isochlora grumi Alph.	Isochlora grumi Alph.
Kuldscha oberthüri Alph.	Syfania oberthüri Alph.
Leucania pallens var. melania Stgr.	Sideridis melania Stgr.
Leucanitis scolopax Alph.	Aleucanitis scolopax Alph.
Lycaena argus var. sifanica Gr.-Gr.	Lycaena argyrognomon sifanica Gr.-Gr.
Lycaena christophi Stgr.	Lycaena christophi Stgr.
Lycaena dis Gr.-Gr.	Lycaena dis Gr.-Gr.
Lycaena eros var. lama Gr.-Gr.	Lycaena venus lama Gr.-Gr.
Lycaena ida Gr.-Gr.	Lycaena ida Gr.-Gr.
Lycaena lanty Oberth.	Lycaena lanty Oberth.
Lycaena minima Fuessl.	Zizera minima Fuessl.
Lycaena myrrha var. helena Gr.-Gr.	Lycaena eros helena Gr.-Gr.
Lycaena orbitulus var. orbona Gr.-Gr.	Lycaena orbitulus var. orbona Gr.-Gr.
Lycaena orion var. orithyia Gr.-Gr.	Lycaena orion var. orithyia Gr.-Gr.
Lycaena tengstroemi	Lycaena tengstroemi var. iliensis Gr.-Gr.
Lycaena tengstroemi var. tangutica Gr.-Gr.	Thecla tengstroemi var. tangutica Gr.-Gr.
Lycaena themis Gr.-Gr.	Lycaena themis Gr.-Gr.
Lycaena venus var. sinica Gr.Gr.	Lycaena venus sinina Gr.-Gr.
Macaria normata Alph.	Macaria normata Alph.
Macroglossa ganssuensis Gr.-Gr.	Haemorrhagia fuciformis ganssuensis Gr.-Gr.
Mamestra advena Schiff.	Alpecta advena Schiff.
Mamestra satanella Alph.	Polia satanaella Alph.
Mamestra texturata Alph.	Hadena texturata Alph.
Melanargia epimede var. ganymedes Gr.-Gr.	Melanargia halimede ganymedes Rühl-Heyne (non Gr.-Gr.)
Melanargia ganymedes Gr.-Gr.	Melanargia epimede var. ganymedes Gr.-Gr.
Melitaea agar Oberth.	Melitaea agar Oberth.
Melitaea didyma var. latonia Gr.-Gr.	Melitaea didyma var. latonia Gr.-Gr.
Melitaea romanovi Gr.-Gr.	Melitaea romanovi Gr.-Gr.
Mesapia peloria Hew.	Mesapia peloria Hew.
Miana bicoloria var. semicretacea Alph.	Oligia bicoloria semicretacea Alph.
Miana literosa.	Oligia literosa.
Monostola pectinata Alph.	Monostola infana Alph.
Nisoniades erebus Gr.-Gr.	Erebia erebeus Gr.-Gr. (in litt.)
Nisoniades popovianus Nordm.	Thanoas tages popoviana Nordm.
Oeneis buddha Gr.-Gr.	Oeneis buddha Gr.-Gr.
Oeneis pumilus var. lama Alph.	Satyrus palaearcticus Stgr. (-lama Alph.)
Oeneis vacuna Gr.-Gr.	Oeneis tarpeja Pall. (-vacuna Gr.-Gr.)
Orgyia confinis Gr.-Gr.	Orgyia confinis Gr.-Gr.
Pamphila comma var. lato Gr.-Cr.	Erynnis comma L. var. lata Gr.-Gr.
Pamphila sylvanus Esp.	Augiades sylvanus Esp.
Panagra fixseni Alph.	Loxospilates fixeni Alph.

Pararge deidamia Ev.	Pararge deidamia Ev.
Parnassius cephalus Gr.-Gr.	Parnassius cephalus Gr.-Gr.
Parnassius delphius var. acdestis Gr.-Gr.	Parnassius delphius var. acdestis Gr.-Gr.
Parnassius imperator var. musageta Gr.-Gr.	Parnassium imperator var. musageta Gr.-Gr.
Parnassius mercurius Gr.-Gr.	Parnassius mercurius Gr.-Gr.
Parnassius nomion var. nomius Gr.-Gr.	Parnassius nomion var. nomius Gr.-Gr.
Parnassius orleans var. groumi Oberth.	Parnassius orleans var. groumi Oberth.
Parnassius szechenyii Friv.	Parnassius szechenyii Friv.
Pellonia grumaria Alph.	Rhodostrophia grumaria Alph.
Phorodesma jankowskiaria Oberth.	Euchloris jankowskiaria Mill.
Phorodesma smaragdaria F.	Euchloris smaragdaria F.
Pieris bellidice Oberth.	Pieris bellidice Oberth.
Pieris butleri var. potanini Alph.	Baltia butleri potanini Alph.
Pieris callidice var. orientalis Alph.	Synchloë callidica var. orientalis Alph.
Pieris chloridice Hb.	Euchloe chloridice Hb.
Pieris davidis Oberth.	Aporia davidis Oberth.
Pieris napi var. sifanica Gr.-Gr.	Pieris napi var. sifanica Gr.-Gr.
Plusia dives Ev.	Phytometra dives Ev.
Polycaena lua Gr.-Gr.	Hyporion lama Leech.. f. lua Gr.-Gr.
Polycaena princeps Oberth.	Hyporion princeps Oberth.
Polyommatus standfussi Gr.-Gr.	Chrysophanus standfussi Gr.-Gr.
Porthesia nyctea Gr.-Gr.	Porthesia nyctea Gr.-Gr.
Pyrameis cardui L.	Pyrameis cardui L.
Pyrgus bieti Oberth.	Hesperia bieti Oberth.
Pyrgus carthami var. sifanicus Gr.-Gr.	Hesperia alveus sifanicus Gr.-Gr.
Pyrgus gigas var. kuenlunus Gr.-Gr.	Hesperia gigus kuenlunus Gr.-Gr.
Pyrgus maculatus Brem. et Grey.	Hesperia masulatus Brem. et Grey.
Raddea digna Alph.	Rhyacia digna Alph.
Satyrus autonoe var. extrema Alph.	Satyrus autonoe var. extrema Alph.
Satyrus bianor Gr.-Gr.	Satyrus sybillina var. bianor Gr.-Gr.
Satyrus cordula war, ganssuensis Gr.-Gr.	Satyrus actaea gansouensis Gr.-Gr.
Satyrus dryas var tibetana Gr.-Gr.	Satyrus dryas tibetanus Rühl-Heine (non Gr.-Gr.)
Scodiona belgaria Hb.	Dyscia fragaria Thubg.
Simyra splendida Stgr.	Simyra splendida Stgr.
Spica parallelangula Alph.	Spica parallelangula Alph.
Spilosoma roseiventris Snell.	Spilosoma mentastri punctarium Gr.
Spinipalpa maculata Alph.	Spinipalpa maculata Alph.
Tapinostola elymi var. saturatior Stgr.	Arenostala elymi var. saturatior Stgr.
Thalpochares arcuinno var. bladula Rbr.	Eublemma arcuinna blandula Rbr.
Trichopleura leechi Alph.	Photoscotosia leechi Alph.
Trigonophora grummi Alph.	Blepharidia grumi Alph.
Triphysa dohrnii Z.	Triphysa dohrnii Z.
Ulochlaena superba Alph.	Ulochlaena superba Alph.
Yanessa ladakensis Moore	Yanessa urticae ladakensis Noore.
Yanessa urticae L.	Yanessa urticae L.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Записки С.-Петерб. Минералог. Общ.» 1877, XII, стр. 170.

2. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», 1888, вып. XXXV.

3. Помещено в «Известиях Русского Географического общества», т. XXVI (1890), стр. 272.

4. Там же, стр. 53 и 55.

5. Галкин, цит. соч., стр. 54.

6. Цит. соч., стр. 51.

7. Записки Минералогического общества, 1877, XII, стр. 212.

8. И. В. Мушкетов, цит. соч., стр. 140.

9. Цит. соч., стр. 140.

10. Бретшнейдер. «Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources», т. II, стр. 32.

11. Карта эта приложена к упомянутому выше труду доктора Бретшнейдера и к IV тому «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине». [Прим. ред.].

12. «Очерк состояния вооруженных сил Китая в сопредельных с Россиею областях Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. 54—55.

13. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», IV, стр. 302.

14. Ср. Риттер. «Землеведение Азии», т. II, стр. 74—75.

15. Бретшнейдер. цит. соч., т. II, стр. 28, прим. 800.

16. По Галкину (цит. соч., стр. 66) в 1883 году.

17. Иакинф. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», 1829, стр. 101.

18. Скачков. «Китайская кухня» («Вестник Европы», 1883. VII, стр. 70).

19. «Землеведение Азии», т. II, 1859, стр. 73.

20. Иакинф, цит. соч., стр. 92.

21. Иакинф. «Собрание сведений о народах Средней Азии», III (Гаочан); В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан, 1873, стр. 100—101, 345.

22. «Записки Русск. Географ. общ.», XI, 1888. Лес этот называется Carangoi. Что означает это слово — угадать трудно; но я склонен в нем видеть испорченное карагач. По монгольски вязхаласу.

23. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», IV, стр. 285.

24. Цит. соч., стр. 398.

25. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», IV, стр. 301. Бретшнейдер (Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. стр. 66).

26. Бретшнейдер, цит. соч., I, стр. 66, прим. 159.

27. Иакинф. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. 98.

28. «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки», стр. 41.

29. «Дикая лошадь». «Нива», 1892, № 17.

30. «Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ.», 1879, кн. I, стр. 44—45.
31. Потанин. «Очерки Северо-Западной Монголии», I, стр. 114 и след.
32. Цит. соч., стр. 42. Эти отложения (угленосные), кажется, относятся к юрской формации.
33. Известия Русск. Геогр. общ., 1881, вып. I.
34. «Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885—1886 г.», стр. 397 и след.
35. Цит. соч., стр. 411.
36. Цит. соч., стр. 372.
37. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», IV, стр. 300.
38. Klaproth «Mémoires relatifs a l'Asie II, стр. 361.
39. «Землеведение Азии», т. II, стр. 75.
40. Риттер, там же; Klaproth, цит. соч., стр. 336.
41. Цит., соч., прибавл. V, стр. 4.
42. Цит. соч., стр. 32.
43. Цит. соч., прибавл. V, стр. 5.
44. Ср. описание перехода через Джунгарию у Певцова (там же) (стр. 36—43).
45. Бретшнейдер, цит., соч., I, стр. 16.
46. Petermann's. Geograph. Mitteilungen, 1880, стр. 207.
47. Цит. соч., стр. 42.
48. Цит. соч., приложение III, стр. 11. По нашим определениям (гипсотермометр) — 2710 футов (826 м). Цифру Певцова, как выведенную из пяти наблюдений барометром Паротта, надо, однако, считать более точной.
49. Черский, цит. соч., стр. 264.
50. Грумм-Гржимайло. «Описание Амурской области», стр. 322. Заимствовано у Миддендорфа. «Путешествие на север и восток Сибири».
51. Цит. соч., приложение IV, стр. 6.
52. Д. Покотилов. «История восточных монголов в период династии Мин», стр. 97.
53. Григорьев. «Восточный или Китайский Туркестан», стр. 353.
54. Petermann's. Geograph. Mitteilungen, 1880, XXVI, стр. 205.
55. Риттер, цит. соч., стр. 7.
56. Григорьев. «Восточный или Китайский Туркестан», 1873, стр. 266.
57. Иакинф. «История первых четырех ханов из дома Чингисов», 1829, стр. 282—301.
58. Иакинф. «Собрание сведений о народах Средней Азии», I, стр. 208.
59. Риттер. «Землеведение», II, 1859, стр. 31.
60. Риттер. «Восточный или Китайский Туркестан», стр. 157. «Здесь солнечные лучи палят нестерпимо, почему сии горы называют «Огненными». Иакинф. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. 113.
61. Риттер «Землеведение», II, стр. 43.
62. «Туркестан», т. I, стр. 133.
63. Григорьев. «Восточный или Китайский Туркестан», стр. 343.
64. Иакинф. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», 1829, стр. 92.
65. Григорьев. «Восточный или Китайский Туркестан», 1873, стр. 267.
66. «К вопросу об уйгурах» (приложение к LXXII тому записок Академии наук, № 2, стр. 126).
67. Petermann's. Geograph Mitteilungen, 1880, XXVI, стр. 207.
68. Риттер. «Землеведение», II, стр. 36—37.
69. Иакинф. «Собрание сведений о народах Средней Азии», III, стр. 209.
70. Григорьев. «Восточный или Китайский Туркестан», 1873, стр. 267.
71. Иакинф, цит. соч., стр. 150.
72. Иакинф, цит. соч., стр. 149.

73. Petermann's. Geograph. Mitteilungen, 1880, XXVI, стр. 205.
74. «Очерки Ферганской долины», 1882, стр. 363.
75. И. Орлов. «Историко-географическое описание Китайской империи», ч. I, 1820, стр. 190—191.
76. Иакинф. «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», 1840, стр. 382.
77. Григорьев. «Восточный или Китайский Туркестан», 1873, стр. 434.
78. Н. М. Пржевальский. «Третье путешествие в Центральную Азию», 1883, стр. 72.
79. Риттер. «Землеведение Азии», т. II, 1859, стр. 47.
80. См. Успенский, «Несколько слов об округе Хами», «Изв. Русск. Геогр. общ.», 1875, № 9; Bretschneider, цит. соч., II, стр. 178.
81. Bretschneider, цит. соч., II, стр. 178. В. Григорьев, цит. соч., стр. 343.
82. «Третье путешествие в Центральной Азии», стр. 86 и след.
83. Иакинф. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. XXXVII.
84. Иакинф, там же, стр. 91.
85. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 455.
86. «Несколько слов об округе Хами» в «Изв. Русск. Геогр. общ.», 1873, № 1, стр. 6.
87. «Краткий топографический очерк пути, пройденного русской экспедицией по Китаю в 1875 г. от г. Хань-коу до Зайсанского поста» в «Записках Русск. Географ. общ.» (по общей географии), 1879, VIII, 2, стр. 270.
88. «Третье путешествие в Центральной Азии», стр. 85, 89 и 90.
89. «Известия. Русск. Географ. общ.», 1887, вып. IV.
90. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», XXX, 1888, стр. 122—123. Опубликованием этого маршрута мы обязаны капитану Евтюгину.
91. «Русский инвалид». 1895, № 37 и 184; «Изв. Русск. Географ. общ.», 1897, вып. 2.
92. «Путешествие по Китаю», II, стр. 204.
93. «История Тибета и Хуху-нора», II, стр. 188. То же наименование носил в IV—VI веках и город Дунь-хуан, только в начале VII века.
94. Пясецкий, цит. соч. II, стр. 900.
95. «Geologie» в «Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Szèchenyi in Ostasien 1877—1880», I, стр 521.
96. Пясецкий, цит. соч., II, стр. 904.
97. «Известия. Русск. Географ. общ.», 1895, XXXI, 5, стр. 439.
98. «Труды тибетской экспедиции», II, стр. 81—82.
99. См. мое письмо из Кульджи в «Известиях Русск. Геогр. общ.», XXVII, стр. 56; В. А. Обручев, «Изв. Русск. Геогр. общ.», XXX, стр. 279.
100. В. А. Обручев — «Известия Русск. Геогр. общ.», XXX, стр. 245.
101. Ср. Н. М. Пржевальский. «Третье путешествие в Центральной Азии», стр. 65 и Г. Н. Потанин. «Очерки Северо-Западной Монголии», II, стр. 157.
102. «Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Thibet», 1737.
103. «Atlas von Asien», zu C. Ritter's allgemeiner Endkunde, II Abtheil, I, Liefer entworfen und bearbeitet vor Grimm, 1833, Herausgeg. durch C. Ritter u T. O'Ftzel.
104. Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Bela Széchenyi in Ostasien 1877—1880, I, стр. 557—598.
105. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. XLIV.
106. «Китайцы и их цивилизация», стр. 421—422.
107. «История Тибета и Хуху-нора», стр. 232.
108. «Собрание сведений о народах Средней Азии», I, 2, стр. 424.
109. Quatremère «Notices et extraits», ets., XIV, стр. 394;

Yule «Cathai and the way thither», note XVII; Bürck u. Neumann, «Die Reisen des Venezianer's Marco Polo im dreizenten Jahrhundert», стр. 183; Pauthier «Le livre de Marco Polo», I, стр. 164.

110. «Jajje Mahomed's accoumt of Cathay, as de livered to messer Giov Battista Ramuso» в H. Yule «Cathai and the way thither», I, стр. CCXV.

111. Григорьев. «Восточный или Китайский Туркестан», стр. 339; Yule «Cathai and the way thither», II, стр. 581—582.

112. Yule «Cachai and the way thither», I, стр. CCXVII.

113. «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», I, стр. 445.

114. Pauthier «Le livre de Marco Polo», т. I, стр. 166.

115. Quatremère «Note et extraits», ets., XIV, стр. 396.

116. «Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien», I, стр. 203.

117. Цит. соч., стр. 859.

118. Цит. соч., стр. 862.

119. «Монголия и страна тангутов», т. II, стр. 8.

120. А. И. Воейков. «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел метеорологический», стр. 52. На стр. 9 второго тома «Монголия и страна тангутов» Пржевальский пишет однако: «На Куку-норе мы наблюдали в течение марта шесть бурных дней».

121. Иакинф. «Собрание сведений о народах Средней Азии», I, 2, стр. 451.

122. Ивановский. «Материалы для истории инородцев юго-западного Китая», I, стр. 59.

123. «Mémoires sur les contrés occidentales par» Hiouen-Thsang, trad. du chinois par St. Julien II, стр. 219—220; Григорьев. «Китайский или Восточный Туркестан», стр. 144.

124. Цит. соч., I, стр. 3—4.

125. Иакинф, цит. соч., I, стр. 153.

126. «Монголия и страна тангутов», II, стр. 73.

127. Березовский и Бианки. «Птицы ганьсуйского путешествия Г. Н. Потанина 1884—1887», стр. 124.

128. «Орография Центральной Азии и ее юго-восточной окраины» в «Изв. Русск. Геогр. общ.», XXXI, стр. 322.

129. Biot. «Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes et arrondissements de l'empire Chinois», стр. 194.

130. Иакинф — «История Тибета и Хуху-нора», I, стр. 165.

131. «Монголия и страна тангутов», II, стр. 74.

132. Цит. соч., стр. 122.

133. «Монголия и страна тангутов», II, стр. 10.

134. Там же, стр. 8.

135. «Научные результаты путешествия Н. М. Пржевальского», отд. метеор., стр. 275—276.

Впрочем, не следует упускать из виду, что осадки приносились к горам Нань-шаня северо-восточными ветрами и в то время, когда ни о каком орошении полей не могло быть и речи, причем снег был сух и иглист.

136. Цит. соч., стр. 248.

137. «Орография Центральной Азии и ее юго-восточной окраины» в «Изв. Рус. Географ. общ.», 1885, XXXI, стр. 327 и карта.

138. «Третье путешествие в Центральной Азии», стр. 402.

139. Успенский — «Страна Кукэ-нор, или Цин-хай», стр. 100.

140. Успенский, цит. соч., стр. 85.

141. Успенский, там же.

142. Clements Markham «Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa». Second edition, 1879, стр. 309.

143. Ritter. «Die Erdkunde von Asien», III, стр. 217; Cl. Markham, цит. соч., стр. 313.

144. «Путешествие через Монголию в Тибет, к столице Тале-ламы». стр. 165—166.

145. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 435.

146. Г. Н. Потанин, там же.

147. Успенский. «Страна Кукэ-нор, или Цин-хай», стр. 77—79; «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 132.

148. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 422.

149. «Монголия и страна тангутов», II, стр. 46.

150. Ср. Г. Н. Потанин, цит. соч., стр. 213.

151. «Монголия и страна тангутов», II, стр. 121.

152. «В страну лам». Перев. с англ. под ред. В. К. Агафонова, с предисл. и примеч. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Прилож. к журн. «Мир божий» за 1901 г., стр. 149.

153. Успенский, цит. соч., стр. 195.

154. Успенский, цит. соч., стр. 100.

155 «Die wissenschaftilichen Ergebnisse der Reise des Grafen Bela Széchenyi in Ostasien», I, стр. 70.

156. Futterer. «Durch Asien», III, стр. 156 и 110.

157. «The Land of the Lamas»; «Notes on the Enthnology of Tibet» в «Report of the U. S. National Museum», 1895.

158. «В страну лам», стр. 55.

159. «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки», стр. 255.

160. «Монголия и страна тангутов», I, стр. 266.

161. «Монголия и страна тангутов», I, стр. 290—291.

162. Цит. соч., стр. 84.

163. «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», I, стр. 407—409.

164. Цит. соч., стр. 414.

165. «Третье путешествие в Центральную Азию», стр. 124. Маралов мы встречали и в долине реки Бабо-хэ. Таких случаев было два, но оба показались мне сомнительными.

166. Цит. соч., стр. 426.

167. Цит. соч., стр. 424.

168. Цит. соч., стр. 427.

169. «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань», II, стр. 139—141.

170. Цит. соч., стр. 169—170.

171. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 476.

172. «Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise», I, стр. 168.

173. «China», I, стр. 447.

174. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 455.

«Орография Центральной Азии и ее юго-восточной окраины», стр. 325. Автор неправильно транскрипирует это название с немецкого — Ки-лиен-шань.

175. Цит. соч., II, стр. 163.

176. Т. I, стр. 596. Ср. «Орография Центральной Азии», стр. 281, 278 и 323.

177. «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел метеорологический», стр. 248.

178. «Монголия и страна тангутов», II, стр. 14.

179. «Монголия и страна тангутов», С, стр. 174.

180. Цит. соч., стр. 190.

181. Цит. соч., стр. 593.

182. Цит. соч., I, стр. 593 и 595.

183. Цит. соч., I, стр. 596.
184. См. Миддендорф — «Очерки Ферганской долины», стр. 138.
185. Ерзовский (см. Потанин — «Расспросные сведения о стране между Нань-шанем, Хангаем, Хами и Утай-шанем» в Изв. Русск. Геогр. Общ., XXIII, 1887, стр. 524).
186. Цит. соч., II, стр. 486.
187. «Dürch Asien» стр. 179—192.
188. Цит. соч., II, стр. 489.
189. Цит. соч., см., например, стр. 187 и 188.
190. См. В. И. Роборовский «Труды экспедиции Русск. Геогр. общ. по Центральной Азии», I, стр. 141—146, 150, 159; П. К. Козлов, там же, т. II, стр. 108—110.
191. Футтерер, цит. соч., стр. 183—184.
192. Цит. соч., т. II, стр. 492.
193. Ср. Риттер. «Землеведение Азии», II, стр. 69
194. Цит. соч., II, стр. 497—499.
195. Бретшнейдер, цит. соч., 178.
196. «Известия Русск. Геогр. общ.», 1887, стр. 527.
197. Там же, стр. 502.
198. Цит. соч., стр. 508.
199. «Dürch Asien», III, стр. 88, station VII.
200. Цит. соч., стр. 524.
201. Ср. Обручев, цит. соч., стр. 526.
202. Цит. соч., стр. 88, station VI.
203. Цит. соч., стр. 529.
204. Цит. соч., стр. 528.
205. St. Julien. «Relation d'un voyage dans le pays des Oigours» в «Journal Asiatique», 4 sèrie, IX, 1847, стр. 55.
206. St. Julien. «Notices sur les pays et les peuples e'trangers» в «Journal Asiatique», quatrième sèrie, VIII, 1846, стр. 241; Chavannes «Les pays b'Occident d'apres le Wei-lio» в «T'uong-pao», sèrie 2, V, 1905, стр. 529—530.
207. «Труды экспедиции Русск. Геогр. общ. по Центральной Азии», I, стр. 116—122, 492—493; Козлов, цит. соч., II, стр. 256—258.
208. Цит. соч., III, стр. 84.
209. Обручев, цит. соч., II, стр. 563.
210. «Труды экспедиции Русск. Геогр. общ. по Центральной Азии», т. II (П. К. Козлов), стр. 257.
211. «Труды экспедиции Русск. Геогр. общ. по Центральной Азии», т. I (В. И. Роборовский), стр. 118.
212. Ср. В. И. Роборовский. «Труды экспедиции Русск. Геогр. общ. по Центральной Азии», III, метеорол. наблюдения, стр. 8—9. — Пыль наблюдалась однажды, да и то в пределах Пичанского оазиса.
213. «Труды экспедиции Русск. Геогр. общ. по Центральной Азии», I, стр. 116—122, 492—493.
214. St. Julien. «Notices sur les pays et les peuples e'trangers» в «Journal Asiatique», 4 série, 1846, стр. 252.
215. St. Joulien, там же.
216. Иакинф. «Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии», III, стр. 150.
217. «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью» в «Записках Академии наук», VIII, серия, I, 4, 1897, стр. 33—34.
218. Иакинф, цит. соч., I, стр. 455, 457 и 497; Klaproth — «Sur les Tatars» в «Mémoires relatifs à l'Asie», I.
219. Пясецкий, цит. соч., II, стр. 999.
220. Wylie. «Notes on the Western Regions», стр. 106.
221. Иакинф. «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», III, стр. 135.

222. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 485.
223. Иакинф. «Историческое обозрение ойратов», стр. 46.
224. «Determination de l'emplacement de Bichbalik» в «Mémoires relatifs a l'Asie, II, стр. 355—363.
225 «Землеведение Азии», II, стр. 74.
226. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 465.
227. «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», III геогр. указ., стр. 11.
228. Wylie «Notes on the Western Regions», стр. 103; Иакинф, там же, стр. 56.
229. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 465; Иакинф, там же, стр. 56.
230. Wylie, цит. соч., стр. 106.
231. Иакинф. «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», геогр. указ., стр. 11; его же — «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. XXVII.
232. Klaproth, цит. соч., стр. 362.
233. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 483—484.
234. Шаванн, там же.
235. Шаванн, там же.
236. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 439.
237. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 484.
238. «Сборник геогр., топогр. и статистич. материалов по Азии», вып. LVIII, стр. 133.
239. «Путевые очерки Чжунгарии» в «Записках Зап. Сиб. отд. Рус. Геогр. общ.», 1879, I, прилож. V, стр. 5.
240. Klaproth, цит. соч., стр. 357.
241. Klaproth, цит. соч., стр. 360.
242. Иакинф. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. 236.
243. Иакинф, цит. соч., стр. 238—239.
244. Klaproth. «Abhandlung über die Uiguren», стр. 46.
245. Klaproth. «Mémoires relatifs à l'Asie II, стр. 360.
246. Klaproth, там же.
247. St. Julien. «Relation d'un voyage dans le pays des oigours» в «Journal Asiatique», 4 sèrie, 1847, IX, стр. 62—63.
248. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 367.
249. Певцов. «Труды тибетской экспедиции», I, стр. 364.
250. Wylie — «Notes on the Western Regions», стр. 103.
251. Иакинф, там же.
252. Wylie, там же.
253. «От Судина до Урумци» в «Известиях Русск. Геогр. общ.», 1898, XXXIV, стр. 202.
254. «Сборник геогр., топограф. и статистич. материалов по Азии», XXXV, стр. 63.
255. St. Julien. «Hudrographie de la nouvelle frontiére» в «Nouvelles annales des voyages et des seiences geographiques», nouv. série, 1846, III, p. 45.
256. Там же.
257. М. В. Певцов, цит. соч., стр. 363.
258. «Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Работану», стр. 35.
259. Цитировано из очерка Струве и Потанина — «Поездка по восточному Тарбагатаю» («Записки Русск. Геогр. общ., 1867, I, стр. 505). См. также Риттер — «Землеведение Азии», т. IV (дополн. к III т., составленное Семеновым и Потаниным), стр. 219, где цитата, однако, неполна.
260. «Записки Русск. Геогр. общ.», 1867, I, стр. 519.
261. «Записки Русск. Геогр. общ.,», 1867, I, стр. 518—519.

262. **Иакинф.** Карта, прил. к т. III «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».
263. **Матусовский.** Карта, приложения к «Географическому обозрению Китайской империи».
264. **М. В. Певцов**, цит. соч.; **В. И. Роборовский**, цит. соч.
265. Карта Главного штаба; В. А. Обручев — «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань», II, стр. 652.
266. **Регель.** («Путешествие в Турфан», стр. 209; Peterm. Geogr. Mtth., 1880, стр. 209).
267. **Успенский**, цит. соч.
268. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 467—468.
269. «Сборник геогр., топогр. и статистич. материалов по Азии», VIII, стр. 129.
270. St. **Julien.** «Hydrographie de la nouvelle frontiere» в «Nouvelles, annales voyages et des sc. géogr., nouv. sèrie, 1846, III, стр. 45.
271. «Очерки Джунгарии» («Записки Русск. Геогр. общ.», 1861 II, стр. 53).
272. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 467.
273. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 467.
274. Цит. соч., стр. 200.
275. **Костенко**, цит. соч., стр. 178.
276. Цит. соч., стр. 199.
277. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 467.
278. **Иакинф.** «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», III, геогр. указ., стр. 83 и 105.
279. **Григорьев**, цит. соч., стр. 289.
280. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 467.
281. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 466.
282. **Успенский**, цит. соч., стр. 194. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 471.
283. Арх. **Палладий** — «Си-ю-цзи» («Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», IV, стр. 303); «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 470.
284. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 409.
285. St. **Julien.** («Hydrographie de la nouvelle frontière», p. 52) переводит — Nilkha.
286. **Ларионов.** «Изв. Русск. Геогр. общ.», XVI, 1880.
287. «Известия Русск. Геогр. общ.», 1872, VIII, стр. 205.
288. «Третье путешествие в Центральной Азии», стр. 31.

10987

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3
Предисловие автора 10
ГЛАВА I.— **От границы до города Кульджи.** Из Верного в Джаркент.— Выступление к границе.— Река Хоргос.— Путь до города Суйдуна.— Суйдунский оазис.— Путь до Кульджи.— Общее впечатление, произведенное городом 15
ГЛАВА II.— **В горах Боро-хоро.** Выступление из Кульджи.— Илийская долина между урочищем Таш-купрюк и рекой Мазар.— Путь вверх по Боро-бургасу.— Перевал Ачал.— Вниз по ущелью реки Боростая.— Выход в пустыню, окаймляющую озеро Эби-нор.— Становище торгоутов.— Путь до Цзин-хе.— Оазис и город.— Каменистая пустыня, лежащая от него к югу.— Урочище Дзюс-агач.— Опять в горах.— Урочище Богус-зуслун.— Встреча с торгоутами.— Перевал Шалуар.— Остановка в урочище Улекан-гол.— Затруднения с проводниками.— Окраиной каменистой пустыни.— Переправа через реку Оботу.— Урочище Муткымбах 24
ГЛАВА III.— **По торгоутским кочевьям.** Местность к востоку от реки Оботу.— Стоянка на реке Джиргалты.— У торгоутского вана.— Несколько замечаний по поводу песен и музыкальных инструментов, употребляемых торгоутами.— Посещение каменноугольных копей.— Переправа через реку Джиргалты.— Местность на восток от Джиргалты.— Прибытие в ставку Наинбэйсе.— Общий характер северных склонов хребта Боро-хоро.— Долина реки Куйтун.— Урочище Бай-ян-гоу.— Характер местности в районе урочища Лу-чжан.— Долиной речки Алтын-гол . 43
ГЛАВА IV.— **В поисках перевала через Тянь-шань.** Селение Бортунгэ.— Селение Ню-цзюань-цзы.— На ложном пути.— Встреча с торгоутами.— Переправа через реку Улан-усу.— Подъем к перевалу.— Неудачные попытки перевалить через Боро-хоро на его южные склоны.— Долиной речки Фсу-хе.— Селение Шицюань-цзы. Открытие величайшей горной вершины Дос-Мёгенора.— К реке Манас.— Долиной Хусты.— Характеристика хребта Боро-хоро 56
ГЛАВА V.— **От реки Манас до Урумчи.** Ночлег в теснине Манаса. — Характеристика этой горной реки. — Урочище Лаоцао-гоу.— Встреча с сергиопольскими татарами.— Вниз по течению реки Сяо-бянь-гоу.— Долиной речки Син-га-хэ до поселка

Гуан-гао.— Путь по долине реки Сань-дао-хэ.— Выход в каменистую степь.— Прибытие в селение Ту-ху-лу.— Пустынной местностью к речке Хотук-бий.— Общая ее характеристика.— Северная дорога (Бэй-лу).— Развалины Ян-чан-цзэ.— Путь до города Урумчи 75

ГЛАВА VI.— **Урумчи.** Центральная Азия отличается бедностью в архитектурных памятниках и причины тому.— Попытки ориенталистов отожествить город Урумчи с древним Бишбалыком.— Ошибочность такой гипотезы.— Прошлое Урумчи.— Современное Урумчи и его жизнь. Торговое и политическое значение этого города 87

ГЛАВА VII.— **Богдо-ола.** Получение экспедицией разрешения посетить священную у туземцев гору Богдо.— Выступление.— Выжженная солнцем долина.— Жрецы Лун-вана.— Нагорье Дунсан.— Кош зайсанских киргизов.— Дальнейший путь.— Спуск к открытому экспедицией моренному озеру.— Работа экспедиции в окрестностях озера.— К границе вечного снега.— Экспедиция достигла площадки на высоте 3683 м над уровнем моря.— Наступившая непогода явилась причиной прекращения подъема в горы.— Описание моренного озера.— Замечания о геологическом строении гор Богдо-ола 101

ГЛАВА VIII.— **Опять на Бэй-лу.** Река Хэйдаджан.— Экспедиция выходит из гор.— Оазис Эр-дао-хо-цзы.— Карагачевый лес.— Местность Ло-тай.— Развалины древнего Лунь-тая.— Сань-тай.— Джымысар.— Поездка к городу Ху-бао-цзе.— Травянистой степью в город Гучен.— Город Гучен и его окрестности.— Характеристика джунгарского лета 116

ГЛАВА IX.— **В Центральную Джунгарию за дикими лошадьми.** Несколько предварительных замечаний.— Выступление.— Селение Бой-дао-цзо.— Пески Гурбун-тунгут.— Вопрос об их происхождении.— Пески утром.— Прибытие в урочище Гашун.— Окрестная местность.— Первая и вторая охоты на диких лошадей.— Неудачный исход ночных охот.— Дневная охота.— Поведение жеребца при преследовании табуна.— Непогода.— Переход охотников на новое место к востоку, на следующие ключи.— Новая встреча с табуном.— Охота 1 сентября.— Четыре дикие лошади стали добычей охотников.— Возвращение в Гучен.— Описание повадок дикой лошади 129

ГЛАВА X.— **Город Ци-тай и связанное с ним прошлое Джунгарии.** Путь из Гучена в Ци-тай.— Развалины, окружающие этот город.— Вопрос о былом местоположении Бей-тина или Бишбалыка 149

ГЛАВА XI.— **Последние дни на северных склонах Тянь-шаня.** Местность между Ци-таем и Му-лэй.— По восточно-джунгарскому плоскогорию.— Стоянка на реке Бай-ян-хэ.— Первый снег.— Длинный переход в урочище Джан-булак.— Охота в Джан-булаке.— Заброшенный колесный путь через Тянь-шань.— Описание местности, по которой он пролегал.— Охота на аркаров.— Описание джунгарской осени 157

ГЛАВА XII.— **Из Джунгарии в Турфан.** Разделение экспедиционного отряда.— Путь до реки Бай-ян-хэ. Ночлег в становище дорбетов.— Ночью по лесному ущелью реки Бай-ян-хэ— Сарымсак.— Каменные бабы.— Восхождение на Буйлук.— Бесплодным ущельем к реке Керичин.— Река Керичин.— Подъем в горы.— Поселок Кок-яр-аягэ.— Мираж.— Карыси.— Прибытие в оазис Ханду.— Его описание.— Горы Туз-тау.— Оазисы, лежащие вдоль северных склонов этой гряды.— Поперечное ущелье.— Уйгурские древности.— На южной стороне горы Туз-тау. Ночлег в селении Адат.— Подвижные пески и их происхождение.— Развалины уйгурского укрепления.— Город Турфан и его прошлое 173

ГЛАВА XIII.— **По Турфанской области.** Выступление из Турфана.— Цепь селений между Турфаном и Люкчуном.— Ночлег в селении Астына.— Развалины Хо-чжоу.— Селение Ян-хэ-шар.— Прибытие в Люкчун.— Люкчунский оазис.— Каменистая пустыня, клином вдающаяся между Кум и Туз-тау.— Пески Кум-тау.— Сквозное ущелье в горах Туз-тау.— Город Пичан.— Обратный путь в Люкчун.— Описание гор Туз-тау.— Лемджинское ущелье.— Путь М. Е. Грумм-Гржимайло из урочища Джан-булак в Лемджин.— Переход в Ян-булак.— Интересные сведения о нагорье Чоль-таг.— Решение ехать в эти горы.— Экспедиция перебирается в Люкчун-кыр.— Поездка Г. Е. Грумм-Гржимайло в Дга.— Выступление М. Е. Грумм-Гржимайло в горы Чоль-таг.— Посещение Г. Е. Грумм-Гржимайло развалин Асса-шар.— Их описание.— Фауна позвоночных Турфанской области.— Климат октября и ноября 193

ГЛАВА XIV.— **Турфан.** Прежние сведения о Турфанской области, их отрывочность и неверность.— Горы, отграничивающие с севера Турфанскую область.— Ворота из Джунгарии в Турфан. Мертвая полоса вдоль южных склонов Тянь-шаня.— «Огненный округ».— «Хан-хай» следует переводить не как «сухое море», а как «высохшее озеро».— Русло Ян-дунского протока.— Первые жители Турфана были земледельцы и притом, вероятно, иранцы.— Чешисцы были народом смешанного происхождения.— Позднейшие народности, заселившие Турфан, были тюрки.— Особенности языка современных турфанцев.— Турфанские древности.— Регресс Турфана.— Причины тому 210

ГЛАВА XV.— **Турфан** (продолжение). Плодородие турфанских почв.— Бедность в проточной воде.— Карыси.— Оазис Ханду.— Мысли о прошлом Восточного Туркестана.— Уроженцы Турфана.— Внешний их облик, образ жизни, одежда, характер.— Турфанские женщины.— Дети.— Внешний облик женщин Турфана.— Сватовство, брак и сопровождающие его празднества.— Развод.— Рождение ребенка.— Отсутствие женской половины в домах турфанцев.— Главные части, на которые делится дом в Турфане.— Хлебная печь 226

ГЛАВА XVI.— **Турфан** (продолжение). Условия жизни и хозяйства у турфанцев.— Налоги.— Валовой доход земледельца.— Сумма, остающаяся в распоряжении турфанца после уплаты всех налогов.— Поборы китайских чиновников.— Побочные и экстренные налоги.— Натуральная повинность.— Закрепощенное селение.— Почва оазисов и ее обработка.— Культурные растения, возделываемые в Турфане.— Сушка винограда.— Скотоводство, ремесла и торговля 244

ГЛАВА XVII.— **Три недели в горах Чоль-таг.** Прибытие в селение Дга.— На свадьбе.— Знакомство с будущим проводником Рахметом.— В гостях у Рахмета.— Выступление.— Ущелье Ильтерган-аузе.— Урочище Ходжа-юлгун.— Урочище Шальдран.— Первые

следы диких верблюдов.— Выровненная местность. — Картина,
открывшаяся с одного из холмов.— Спуск к сухому руслу Иль-
тырганской реки.— Сквозное ущелье.— Урочище Ильтырган.—
Охотничий клад.— Дневка.— Бегство верблюда.— Урочище Истын-
булак.— Дикая кошка.— Овраг Мыль-токсун.— Пески.— Узкая
щель.— Горный ручей.— Тополевой лес.— Лагерь охотников.—
Дневка в урочище Торак-булак.— Охота на аркаров.— Встреча
с кабаном.— Поездка к горам Тюге-тау.— Возвращение ущель-
ем.— Ключ Урус-кииқ-урды-булак.— Дневка.— Охота на джей-
ранов.— Безрезультатные поиски диких верблюдов.— Дальней-
ший путь.— Выход в обширную продольную долину.— Урочище
Бурпуту.— По следу верблюда.— Вдоль долины на восток.—
Безымянный хребет.— Переход через него.— Урочище Курук-та-
урак.— Еще одна попытка отыскать верблюдов.— Прибытие на
бивуак.— Обратный путь.— Прибытие в Ильтырган.— Возвраще-
ние в Дга.— Обзор исследованной части Чоль-тага.— Сведения
о повадках дикого верблюда.— Возвращение в Локчун-кыр . . . 256

ГЛАВА XVIII. — **Переход через пустыню в Хами.** Выступле-
ние. — Прибытие в город Пичан. — Дневка. — Путь восточной
окраиной харюзы. — Ночевка в селении Буре-булак. — Сильный
мороз. — Чиктымское солончаковое болото. — Двухдневная
стоянка в Чиктыме. — Дальнейший путь. — Станция Кырк-ор-
тун. — Рассказы о «долине бесов». Переход до станции Янь-чи. —
Окрестные горы. — Буря. — Описание станции Янь-чи. — Буря
не утихает. — Тяжелый переход. — Небывалый мороз. — Переход
котловиной Отун-го-цзы. — Прибытие в Чоглу-чай. — Дальнейшее
движение. — Прибытие в Ляо-дунь. — Две дневки. — Дальнейший
путь. — Следы культуры в пустыне. — Селение Джигда. — Поездка
на турачинские каменноугольные копи. — В пределах Хамий-
ского приставства. — Развалины города Токучи. — Дневка в
Астыне. — Прибытие в Хами 286

ГЛАВА XIX. — **Хами.** Замечания о торговом и стратегическом
значении Хами. — Древнейшие о нем сведения (до 874 г.). —
Уйгурские древности. — Хами как торговый пункт. — Описание
современного города. — Княжеский дворец. — Китайская ку-
мирня. — Новый год в Хами 304

ГЛАВА XX. **По восточной части Хамийского княжества.** Каме-
нистой пустыней до селения Та-шар. — Радушие местных жите-
лей. — Гаибские валуны. — Речка Гаиб. — Княжеская усадьба
Ортам. — Развалины буддийского монастыря уйгуров. — Даль-
нейший путь. — Селение Хотум-там. — Охота в ущелье речки
Аглик. — Пересечение глубокой долины реки Улота. — Город
Чин-шэнь. — Прибытие в Мор-гол. — Климат зимних месяцев на
южных склонах Хамийских гор 315

ГЛАВА XXI. — **Поперек Бэй-шаня.** Первые пути по пустыне. —
Станция Янь-дунь. — Станция Куфи. — Китайские известия о Бэй-
шане. — Известия об этой горной стране европейских путеше-
ственников. — Недостаточность этих сведений. — Что в действи-
тельности представляет собой Бэй-шань. — Северная окраина
этой горной страны. — Характер гор между станциями Ша-цюань-
цзы и Син-син-ся. — Происхождение бурых песчанистых глин в
области хребта Ло-я-гу. — Горы между Син-син-ся и Ло-я-гу. —
Горы Ма-лянь-цзин-цзы, Ю-хан-лу и Ша-цюань. — Станция Бай-
дунь-цзы. — Южная горная окраина Бэй-шаня 329

ГЛАВА XXII. — **Долиной реки Су-лай-хэ.** Пустыня, залегающая
между южным уступом Бэй-шаня и рекой Су-лай-хэ. — Долина
этой реки. — Прибытие в город Ань-си. — Его прошлое и настоя-
щее. — Местность к востоку от Ань-си. — Китайские переселен-
цы. — Местность у крепостцы Сяо-вань. — Горная гряда Сань-
сянь-цзы. — Ее орографическое значение. — Принаньшанская
впадина. — Отношение Бэй-шаня к соседним горным системам.—
Геологическое прошлое Центральной Азии, в частности — Бэй-
шаня. — Ань-си — Дуньхуанская мульда. — Мульды Чицзиньская,
Су-чжоу — Ганьчжоуская. — Описание гряды Сань-сянь-цзы—
Прибытие в Шуан-та-пу. — Местность к востоку от этого селе-
ния. — Булунгир. — Его прошлое. — Местность к востоку от Бу-
лунгира. — Обширные древесные насаждения. — Оазис Сань-дао.—
Буря. — Столообразные возвышения. — Юй-мынь. — Примыкаю-
щие к нему с севера развалины старого города. — Прошлое Юй-
мыня. 344

ГЛАВА XXIII. — **Большой дорогой из Юй-мыня в Су-чжоу.** На-
ружный облик жителей города Юй-мыня. — Впечатление, произво-
димое городом. — Река Су-лай-хэ. — Каменистая пустыня к во-
стоку от нее. — Горы Чи-цзинь-шань. — Долина Чи-ю-хэ. — Кот-
ловина Чи-цзинь. — Озерная котловина Чи-цзинь-ху. — Гористая
местность к востоку от нее. — Селение Хуй-хуй-пу. — Дальней-
ший путь к Су-чжоу. — Город Цзя-юй-гуань. — Великая стена.—
Появление первых насекомых.—Река Тао-лай. — Китайские из-
вестия об этой реке. — Путь долиной этой реки. — Прибытие в
город Су-чжоу. — Встреча с Сплингардом. — Описание китайского
я-мыня. — Обед, данный нам даотаем. — Китайский театр. — Игра
актеров. — Китайская музыка. 360

ГЛАВА XXIV. — **По землям оседлых тангутов.** Историческое
прошлое города Су-чжоу. — Современный город. — Китайская
живопись. — Начало весны. — Выступление каравана экспедиции
из города Су-чжоу. — Ближайшие его окрестности. — Первые жу-
ки и ящерицы. — Оседлые тангуты. — Деревни-крепости. — Не-
обходимость устройства водохранилищ. — Городок Цзин-шуй-чэн
и его административное значение. — Характер местности к вос-
току от этого городка. — Прибытие экспедиции в Гао-тай. —
Особенность почвы его ближайших окрестностей. — Местные ли-
хорадки. — Дальнейший путь по долине реки Хэй-хэ. — Полоса
песков. — Городок Ша-хэ. — Местность отсюда к востоку. — Раз-
валины старого Гань-чжоу и связанное с ними предание. — Река
Хой-хэ. — Противоречивые известия европейцев об этой реке. —
Ганьчжоуский оазис. — Встреча с католическим миссионером
Киссельсом. — Прошлое Гань-чжоу-фу. — Современный город. —
Характеристика климата исследованной области с 13 февраля по
8 апреля. — Начало полевых работ в Принаньшанье. — Картина
сеяния. — Культурные растения, возделываемые в Принань-
шанье. — Выступление в дальнейший путь. — Лёсс. — Каменистая
степь к югу от селения Пин-фын-ча. — Культурный район. —
Кумирня и интересная в ней живопись. 376

ГЛАВА XXV. — **Поперек Нань-шаня.** Выступление каравана эк-
спедиции из Нань-гу-чэна. — Podoces humilis. — Подгорье Нань-
шаня. — Монастырь Ма-ти-сы. — Стоянка экспедиции близ этого
монастыря. — Растительный и животный мир окрестных гор. —
Дальнейший путь вдоль северной подошвы Нань-шаня. — Gran-
dala coelicolor. — Культурный район. — Ущелье Пянь-дао-коу. —

Экспедиция перевалила на южные склоны Нань-шаня. — Долина реки Бабо-хэ. — Перевал Убо-линь-цзы. — Описание долины Бабо-хэ.—Перевал Чжи-нань-линь. — Северо-Тэтунгский хребет. — Золотоносность этих гор. — Добыча золота в ущелье речки Ши-хэ. — Почетная встреча экспедиции в городке Юнь-ань-чэн. — Окружающая его местность. — Результаты экскурсий в окрестностях Юнь-ань-чэна. 399

ГЛАВА XXVI. — **На южных склонах Нань-шаня.** Ганьсуйские дунгане. — Выступление каравана экспедиции из Юнь-ань-чэна. — Путь долиной реки Датун-хэ. — Хошоуты. — Городок Да-тун. — Река Да-тун-хэ. — Ее долина ниже города. — Остановка в селении Каса-хо. — Переход через Южно-Тэтунгский хребет. — Южный склон этих гор. — Стоянка в селении Сань-чжу-чун. — Музыкальные инструменты дунган. — Флора и фауна долины Алтын-гола. — Переход к монастырю Гу-мань-сы. — Фауна его окрестностей. — Климатические особенности весеннего месяца в Наньшанских горах. 415

ГЛАВА XXVII. — **В горах бассейна Сининской реки.** Движение каравана экспедиции вниз по речке Лама-гоу. — Горная гряда Юн-шоу-шань. — Прибытие к городку Шин-чэн. — Субурган. — Долина реки Да-хэ. — Флора и фауна этой долины. — Дальнейший путь. — Ущелье Нянь-нянь-сянь. —Ущелье Ча-чжи. — Особенности горного рельефа страны между Шин-чэном и Дань-чэном. — Флора и фауна ущелья Ча-чжи. — Речка Чуй-ти-хэ. — Ущелье Лоу-са-ша. — Перевал Чжуса. — Город Донгар-чэн. — Река Синин-хэ. — Китайские о ней известия. — Долина этой реки ниже города Донгара. — Дневка против селения Хэй-нин. — Флора и фауна Да-тун-шаня. — Переход на правый берег Синин-хэ. — Долина речки Пэнь-сан. — Монастырь Гумбум. — Стоянка в долине Мын-дань-ша. — Поездка в город Синин. 433

ГЛАВА XXVIII. — **Через Сининские альпы в долину Желтой реки.** Горы, служащие водоразделом между Синин-хэ и Желтой рекой. — Китайские сведения об этих горах. — Их геологическое строение. — Сининские альпы. — Их флора и фауна. — Переход экспедиций в долину Гуй-де-ша. — Подъем на перевал Ланжа-сань ущельем. — Спуск в долину речки Чан-ху. — Флора и фауна южных склонов Сининских альп. — Долина Карына. — Переход в долину Хуан-хэ. — Долина этой реки в районе селения Ян-чжу-ван-цзы. — Тангуты о Пржевальском. — Переправа через Хуан-хэ. — Экскурсия вверх по реке Муджику. — Геологическое строение окаймляющих ее гор, их флора и фауна. — Родство лепидоптерологических фаун южно-сибирских гор и гор правого берега Хуан-хэ. — Возвращение к перевалу Лянжа-сана. — Климатические особенности летних месяцев в исследованной части Гань-су. 449

ГЛАВА XXIX. — **Из долины Желтой реки к озеру Куку-нор и вдоль его южного берега.** Переправа через Хуан-хэ. — Возвращение в Чан-ху. — Выступление к озеру Куку-нор. — Местность вдоль реки Карына. — Перевал Хун-е-цзы. — Долина речки Ашхань-фи. — Укрепление Шала-хото. — Перевал Нань-коу. — Хребет Жи-юе-шань. — Долина речки Дао-тан-хэ. — Смерть казака Колотовкина. — Поездка М. Е. Грумм-Гржимайло в город Донгар и возвращение. — Путь вдоль реки Дао-тан-хэ. — Озеро Куку-нор. — Общий вид Кукунорской котловины. Следование вдоль южного побережья озера. — Южно-Кукунорский хребет. — Встреча с тибетцами-панака. — Некоторые особенности быта и характера панака. 475

ГЛАВА XXX. — **Из бассейна озера Куку-нор в бассейн Эцзин-гола.** Путь до Бухаин-гола. — Рыба в Бухаин-голе. — Переправа через эту реку. — Подъем воды в этой реке после грозы. — Дальнейший путь вдоль северо-западного берега озера Куку-нор. — Остановка на берегу реки Дегэчу. — Следование к реке Ихэ-улан-гол. — Остановка в урочище Шала. — Посещение стойбища тибетского старшины. — Горы в верховьях реки Ихэ-улан. — Река Харгэ-чу. — Перевал Мали-мори. — Спуск к реке Датун-хэ. — Переправа. — Долина река Датун-хэ у монастыря Арик-гомба. — Перевалом Черик в долину реки Бабо-хэ. — Растительность гор Лото. — Золотопоисковые работы в долине речки Черик. — Выход к реке Бабо-хэ и следование по ее долине вниз по течению. — Охота на ушастых фазанов. — Долина реки Бабо-хэ ниже устья речки Бага-токсук. — Местность при устье Бабо-хэ. 486

ГЛАВА XXXI. — **Вверх по долине реки Хый-хэ.** Выход каравана экспедиции к месту слияния рек Бабо-хэ и Хый-хэ. — Подъем в гору при устье Хый-хэ. — Открывшийся вид на окрестности. — Гора «восьми драгоценностей». — Следование вверх по реке Хый-хэ. — Удачная охота на ушастых фазанов. — Первый ночлег на берегу Хый-хэ. — Переход по участку долины, принадлежащему к числу живописнейших уголков Нань-шаня. — Встреча с маралами. — Дневка. — Выход к речке Го-дабан, служащей резкой гранью лесистой и степной зон в долине Хый-хэ. — Река Ихур. — Первый мороз. — Река Эрчжюс-гол. — Переправа через реку Хый-хэ. — Характер долин ее верховий. — Усиление мороза. — Обилие антилоп. — Буран. — Встреча с дикими яками. — Охота на них. — Дальнейший путь. — Новая встреча с яками. — Удачная охота на медведя. — Последний ночлег в долине реки Хый-хэ. — Подъем на перевал Лао-ху-ши. — Водораздел четырех рек. — Орографические и геологические особенности местности в верховьях реки Бабо-хэ. — Аналогичная орографическая и гидрографическая роль рыхлых отложений в верховьях реки Хый-хэ. — Северной цепи Нань-шаня следует присвоить ее древнее китайское название «Ци-лянь-шань». . . . 505

ГЛАВА XXXII. — **Поперек Ци-лянь-шаня.** Спуск с перевала Лао-ху-ши. — Выход в ущелье Ма-шуй-хэ. — Его описание. — Дикие яки. — Охота на куку-яманов. — Горные породы, слагающие ущелье Ма-шуй-хэ. — Подъем на перевал Сюэ-дабан.— Спуск в ущелье и подъем на гору. — Перевал Шань-цзао. — Голец того же имени. — Перевалы Лю-бэн-дабан и Чун-шуй-шань .— Дневка на северном склоне последнего. — Результаты предпринятой охоты. — Спуск в ущелье На-дао-гоу. — Его описание. — Подъем на перевал Шу-ба-чо. — Котловина высохшего моренного озера. — Древние морены.— Ущелье Вань-сао-хэ.— Гранитная гряда.— Выход из гор. — Дальнейший путь пролегал через пустыню. — Зной. — Ночлег в оазисе Цюн-цзы. — Прибытие экспедиции в город Су-чжоу. — Свидание со Сплингардом. — Французский путешественник Жозеф Мартэн. — Его судьба. — Известия с родины. — Переформирование каравана. — Характеристика климата пройденной горной страны за вторую половину лета, с 16 июля по 26 августа. 522

ГЛАВА XXXIII. — **По оазисам Принаньшанья.** Приготовления к переходу пустыни. — Выступление. — Путь до укрепления Цзяюй-гуаня и дальше до селения Хуй-хуй-пу. — Местность к западу от Великой стены. — Горы Хэй-шань. — Загадочное русло. — Речка Ма-гэ-чэн. — Селение Ша-гу. — Переход котловины Инь-пань-фу-цзы. — Пески. — Оазис. — Городок Инь-пань-фу. — Новые спутники. — Западная часть оазиса. — Бугристые пески. — Пустыня. — Руслообразный лог. — Колодец Сы-дунь. — Окрестная местность с вершины ближайшего холма. — Сыдуньский солонец. — Заброшенный колесный путь к каменноугольным копям. — Следы прежней культуры. — Селение Ши-дунь. — Дневка. — Обилие фазанов. — Камышевое займище. — Путь до северного рукава Булунгира. 540

ГЛАВА XXXIV. — **В Бэйшаньских горах.** Оригинальный характер поверхности щебневой пустыни. — Южное подгорье хребта Бо-сянь-цзы. — Его пустынный характер и геологический состав. — Общий вид на главный хребет. — Следы разрушения основной его массы. — Сквозное ущелье. — Родник Улун-чуань. — Выход из северных предгорий хребта Бо-сянь-цзы. — Долина Долон-модон. — Буро-красные песчано-глинистые отложения ее озерного (а не морского) происхождения и относятся к новейшему времени (постплиоцену). Флора этой долины. — Осадки в Бэй-шане. — Растительный покров этой горной страны. — Хребет Лу-чжа-цзин. — Слагающие его горные породы. — Впадины выдувания. — Богатая флора. — Колодец Лу-чжа-дунь. — Первый мороз. — Хребет Кукэ-сана-ола. — Слагающие его горные породы. — Встреченная здесь растительность. — Животный мир Бэй-шаня. — Холмы, примыкающие к горному массиву Бабо-шань. — Долина Лу-цо-гу. — Хребет Бага-ма-цзунь-шань. — Экскурсия к хребту Ихэ-ма-цзун-шань. — Путь по долине Лу-цо-гу. — Долина Нюр. — Вершина Нюр-гола. — Хребет Ихэ-ма-цзун-шань. — Собранные о нем сведения. — В горах Бага-лю-цзун-шаня. — Возвращение на бивуак в урочище Лу-цо-гу. 550

ГЛАВА XXXV. **В Бэйшаньских горах** (продолжение). Вверх по долине Лу-цо-гу. — Гряда Борю-булак. — Переход долины Нюр. — Горные породы, слагающие окрестные высоты. — Затяжной дождь. — Рыхлые отложения озерного происхождения. — Болота. — Ключ Лю-цзин-цза. — Обнажение тешенита. — Горные породы, слагающие хребет Лю-цзин-шань. — Открытая местность. — Котловина Ван-ху-лан. — Путь среди мелкосопочника. — Гнейсовая гряда Ло-ба-чэн. — Дальнейший путь поперек хребта Лобачэн. — Ключ Е-ма-чуань. — Долина того же имени. — Окрестные горы. — Высшая точка всей дороги через Бэй-шань. — Водораздел. — Картина, открывшаяся на севере. — Котловина Чжи-чжэ-гу. — Расспросные сведения о путях через Бэй-шань. — Прощание со спутниками-монголами. — Мыншуйские золотые прииски. — Сухой способ добычи золота. — Мыншуйское укрепление. — Хребет Фо-чэн-цзы. — Путь до солонца Отун-да-цзы-чан. — Вид на хребет Карлык-таг и окрестную страну с одной из вершин Е-шуй-шаня. — Выход из гор. — Урочище Я-цзы-чан. — Яньдуньский проток. — Урочище Отун-го-цзы. — Ливень, породивший силевой поток. — Пустыня к западу от урочища Отун-го-цзы. — Гипотеза о влиянии ветра на окраску скал и гальки в пустыне. — Речка Хо-или. — Таш-булакская гряда. — Прибытие в Мор-гол. — Решение итти подгорной дорогой в Хами. . . . 568

ГЛАВА XXXVI. — **Южной дорогой.** Путь к Хотун-таму. — Породы, слагающие западный рукав Ташбулакских высот. — Прибытие в селение Хотунтам. — Экскурсия Г. Е. Грумм-Гржимайло в глубь Карлыктагских гор. — Ущелье речки Аглик. — Перевалы Тёшик-таг и Тагнё-дабан. — Ущелье речки Кыр-чумак. — Ущелье Шото-гол. — Памятник буддизма. — Перевал Шото-дабан. — Отрог Чатыр-дабан. — Перевалы Еки-котёль и Ак-таш-котёль. — Вид с последнего перевала на Карлык-таг и Багдашскую котловину. — Остановка в ханской усадьбе. — Ханские табуны. — Выступление в Ортам. — Ущелье речки Гаиб. — Прибытие в селение Ортам, а затем и в город Хами. — Прощание с Хасаном. — Выступление в дальнейший путь. — Селение Тоу-пу-ли. — Встреча с хамийскими эмигрантами. — Долина Ябешэ. — Селение Токучи. — Селение Турачи. — Характер местности между Турачи и Ляодунем и между этим последним и И-вань-цюань-цзи. — Чоглучайские гряды. — Топографическая связь между Тянь-шанем и Бэй-шанем. — Горные породы, слагающие Чоглучайский кряж. — Котловина Отун-во. — Станция Ци-гэ-цзин-цзы. — Тянь-шань — климатическая граница между Нань-лу и Бэй-лу. — Характеристика осеннего климата Гобийской пустыни. . . 585

ГЛАВА XXXVII — **Снова в Джунгарии.** Неизвестным европейцам клесным путем через Тянь-шань. — Отсутствие у туземцев названия для пониженной части восточного Тянь-шаня. — Одностороннее развитие этого хребта. — Слагающие его горные породы. — Котловина Ту-фэй-гоу. — Водораздел. — Восточно-Джунгарское плоскогорье. — Станция Да-ши-ту. — Встреча с аркарами. — Селение Сань-гоу-чуань-цзы. — Местность между этим последним и селением Му-лэй. — Бумажный змей и обычай пускать его в Китае, Японии, Корее и других странах Востока. — Переселение абак-киреев из Алтая в Тянь-шань. — Путь до Ци-той-сяна. — Его прошлое. — Прощание с Сарымсаком. — Прибытие в Гу-чэн. 601

ГЛАВА XXXVIII — **Вдоль северных предгорий Тянь-шаня от Гу-чэна до Урумчи.** Местность между Гучэном и Джимысаром. — Охота на фазанов. — Селение Сань-тай. — «Китайская писчебумажная фабрика». — Участок между Сань-таем и Эр-дао-хо. — Селение Ци-ни-цюань. — Фоуканский лес. — Китайская почта. — Город Фоу-кан. — Его прошлое и настоящее. — Местность к западу от Фоу-кана. — Городок Гумуди. — Долина Архоту. — Общий вид города Урумчи с вершины ближайшего холма. — Еще о местоположении Бишбалыка. — Прибытие в Урумчи. — Характеристика осеннего климата южной Джунгарии. . . 611

ГЛАВА XXXIX. — **Вдоль северных предгорий Тянь-шаня от Урумчи до Кур-кара-усу.** Выступление из Урумчи. — Пустыня к северу от него. — Город Чан-цзи и его прошлое. — Где искать развалины города Лун-тай? — Река Локлон. — Развалины укрепления Ян-чан-цзы. — Долина реки Хутуби. — Городок того же имени. — Местность между ним и городком Тугурик. — Манасский оазис. — Легенда о происхождении этого названия. — Городок Манас. — Производительность Манасского оазиса. Исторические данные о Манасе. — Первый рукав реки Манас. — Ее сай. — Из долины Манасской реки в долину Улан-усу. — Обилие воды в местности, лежащей к западу от селения Улан-усу. — Водораздел между Улан-усу и Хоргосом. — О происхождении названия Хоргос. — Селение Ань-цзы-хай. — Местность к западу от Хоргоса. — Река Куйтур. — Город Кур-кара-усу. — Его прошлое и настоящее. 627

ГЛАВА XL. — **Последние дни в пределах Китая.** Местность к западу от Кур-кара-усу. — Илистый характер почвы за рекой Джиргалты. — Прежние размеры озера Эби-нор. — Прибытие в селение Гурту. — Путь от реки Оботу до станции Ту-ду. — От этого пикета до города Цзин-хэ. — Город Цзин-хэ, его прошлое и настоящее. — Путь к речке Боростай. — Подъем на перевал Цитерты. — Глубокий снег. — Спуск в долину реки Чон-кол. — Выход в Илийскую долину. — Прибытие в город Кульджу. — Конец путешествия. — Обзор климатических данных для южной Джунгарии, относящихся к переходному времени между осенью и зимой. 641

Указатель латинских названий растений и животных 649

Литература 667

Редактор Я. А. Марголин
Редактор карт А. А. Ульянов
Худож. редактор В. В. Щукина
Технич. редактор С. М. Кошелева
Обложка художника Костылева
Рисунки А. Г. Петрова

Сдано в пр-во 21/II—48 г. Подписано к печати 12/VI — 1948 г. Формат 60 × 92/$^1/_{16}$. Тираж 20 000. Печатных листов 43 л.+2$^1/_8$ л. вкл. Учетно-издательских л. 48,25. Зак. 760
А 05851 Цена 19 р. 30 к. Переплет 1 р.

3-я тип. «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

ОГИЗ

ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Государственное издательство географической литературы

Вышли из печати:

1. Сборник «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке», под редакцией и со вступительной статьей А. И. Андреева, 1948, цена 10 р. 50 к.
2. О. Е. Коцебу. — «Путешествия вокруг света», в обработке, под редакцией и с комментариями Г. В. Яникова, 1948, цена 12 руб.
3. Ф. П. Литке. — «Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», второе, сокращенное издание, под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Н. Н. Зубова и А. Д. Добровольского, 1948, цена 11 руб.
4. Ф. П. Литке. — «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 гг.», второе, сокращенное издание, под редакцией и с комментариями Я. А. Марголина, вступительная статья Б. П. Орлова, 1948, цена 12 р. 80 к.
5. Н. М. Пржевальский. — «Из Зайсана через Хами и на верховья Желтой реки», второе, сокращенное издание, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Э. М. Мурзаева, 1948, цена 15 р. 50 к.
6. Р. Пири. — «Северный полюс», второе, сокращенное издание, перевод с английского В. Л. Луговской, предисловие и комментарии В. Ю. Визе, цена 6 руб.
7. В. Стефанссон. — «Гостеприимная Арктика», издание второе, перевод с английского А. Л. Кардашинского и Р. А. Брауде, предисловие В. Ю. Визе, 1948, цена 11 руб.

ОГИЗ

ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Государственное издательство географической литературы

Выходят из печати:

1. Н. М. Пржевальский. — «От Кяхты на истоки Желтой реки», второе, сокращенное издание, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Э. М. Мурзаева, 1948, цена 14 р. 85 к.
2. Г. Н. Потанин. — «Путешествия по Монголии», второе, сокращенное издание, под редакцией с комментариями В. В. Обручева, вступительная статья В. А. Обручева, 1948, цена 15 руб.
3. Степан Крашенинников. — «Описание земли Камчатки», в изложении по подлиннику и под редакцией Н. В. Думитрашко и Л. Г. Каманина, 1948, цена 9 руб.
4. Джемс Кук. — «Путешествие к южному полюсу и вокруг света», перевод с английского и комментарии Я. М. Света, под редакцией и со вступительной статьей И. П. Магидовича, 1948, цена 13 руб.
5. Давид и Чарльз Ливингстон. — «Путешествие по Замбези», сокращенное издание перевода с английского П. М. Добровицкой, под редакцией, со вступительной статьей и комментариями И. И. Потехина, 1948, цена 13 р. 30 к.